This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

2382 n/68

Vasil'chikov, A.A.
923
В 193 с 2

СЕМЕЙСТВО
РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. Васильчикова

929

Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Пушкинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.
1880

DK38.8
R3V3
v.2

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

ГЛАВА I.

стр.

Воспитаніе 1

ГЛАВА II.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. 23

ГЛАВА III.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. (Продолженіе). 54

ГЛАВА IV.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. (Окончаніе). 78

ГЛАВА V.

Потомство графа Алексѣя Кириловича. 114

ГЛАВА VI.

Графы Петръ и Левъ Кириловичи 147

ГЛАВА VII.

Графы Григорій и Иванъ Кириловичи. 169

ПРИЛОЖЕНІЯ.

стр.

Высочайшіе рескрипты Государя Императора Александра Павловича къ гр. Алексѣю Кириловичу Разумовскому 222

Письмо Аракчеева къ гр. Алексѣю Кириловичу 225

Собственноручныя письма Императрицы Маріи Оеодоровны гр. Алексѣю Кириловичу 226

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны (королевы Виртембергской) къ гр. Алексѣю Кириловичу 228

Письмо министра народнаго просвѣщенія гр. П. В. Заводовскаго къ гр. А. К. Разумовскому 229

Бумаги, относящіяся до времени попечительства Московскимъ округомъ. 237

Пять писемъ графа Іосифа де-Местра о народномъ образованіи къ гр. Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія 248

Письма П. И. Голенищева-Кутузова къ гр. А. К. Разумовскому 288

Донесеніе профессора Римскаго права доктора правъ Христіана-Юлія-Людвига Штёльцера—графу А. К. Разумовскому 443

Письма О. А. Поздѣева къ графу А. К. Разумовскому. 448

Письма отъ разныхъ лицъ къ графу А. К. Разумовскому 518

Записка о состояніи харьковскаго университета, составленная вѣроятно Каразинымъ 530

Записка, внесенная 1 Ноября 1811 г. т. сов. кн. А. Н. Голицынымъ въ комитетъ министровъ. 532

Учрежденіе комитета министровъ на случай Высочайшаго Е. И. В. отсутствія изъ столицы 534

Рядная запись графини Варвары Петровны Разумовской, рожденной графини Шереметевой. 537

Духовное завѣщаніе графини Софіи Степановны Разумовской, рожденной Ушаковой, жены графа Петра Кириловича. 551

Письма графа Петра Кириловича и жены его графини Софіи Степановны, къ графу Кирилу Григорьевичу 556

ГЛАВА I.

Воспитаніе.

У графа Кирилы Григорьевича было одиннадцать человѣкъ дѣтей, шесть сыновей: Алексѣй, Петръ, Андрей, Левъ, Григорій и Иванъ, и 5 дочерей: Наталья, Елизавета, Дарья, родившаяся въ Октябрѣ 1753 г. и скончавшаяся въ Москвѣ, 9-ти лѣтъ отъ роду, 25-го Іюля 1762 г., Анна и Прасковья. „Въ тѣ времена", говоритъ Шлецеръ, „богатые русскіе вельможи всячески старались дать дѣтямъ своимъ, недоставшееся имъ самимъ въ удѣлъ, высшее образованіе. Щедрою рукою тратили они на это деньги и платили съ великодушіемъ, которое въ другихъ странахъ едвали можно было встрѣтить даже у владѣтельныхъ особъ" [1]). Къ числу такихъ вельможъ принадлежалъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Старшіе сыновья его стали подростать. „Казацкій гетманъ, графъ Разумовскій", продолжаетъ Шлёцеръ, „имѣлъ много дѣтей, между прочимъ сыновей тринадцати, одиннадцати и восьми лѣтъ". Знаменитый историкъ тутъ нѣсколько ошибается; графу Алексѣю Кириловичу было въ то время (1761) точно 13 лѣтъ, но графу Петру Кириловичу было 10, а графу Андрею Кириловичу 9. „Онъ хотѣлъ дать сыновьямъ хорошее воспитаніе, потому что былъ самъ хорошій человѣкъ и желалъ, чтобы дѣти получили образованіе, какъ можно ранѣе. Средствъ у него на то хватало, ежегодный доходъ его оцѣнивали въ 600,000 рублей. Но маменька, какъ было слышно, затрудняла дѣло воспитанія подростающихъ сыновей. Тогда Таубертъ присовѣтовалъ графу удалить дѣтей отъ матери, не высылая ихъ однакожъ изъ Петербурга. Нанятъ былъ на Васильевскомъ островѣ, въ 10-й линіи, прилично меблированный, большой новый домъ, походившій на дворецъ (palast-müssiges Haus)" [2]). Сюда переселились юноши, а вмѣстѣ съ ними восьми-лѣтній Тепловъ, сынъ Григорія

---

[1]) August Ludwig Schlözer's Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst geschrieben, 1 Fragment. Göttingen, 1802 ст. 140.

[2]) Ibidem.

Николаевича, маленькій геній (ein Genie), игравшій уже тогда весьма порядочно на скрипкѣ, маленькій Олсуфьевъ, сынъ Екатерининскаго статсъ-секретаря Адама Васильевича [1]), ровесникъ Теплову, а позднѣе, 14-ти-лѣтній Козловъ, сынъ Ивана Ивановича, рекетмейстера. Главнымъ гувернеромъ при дѣтяхъ былъ нѣкто m-r Bourbier, французъ, эксъ-лакей, но лакей образованный, начитанный, умѣвшій орѳографически и грамматически правильно писать по-французски. Онъ получалъ 600 рублей въ годъ. При немъ помощниками состояло трое учителей: полуученый іезуитскій воспитанникъ изъ Вѣны и двое настоящихъ ученыхъ: математикъ Румовскій, адъюнктъ академіи, и Шлёцеръ. Бурбье сначала вздумалъ обращаться съ помощниками своими, какъ съ подчиненными, но, увидавъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, вскорѣ присмирѣлъ.

Другіе учителя наѣзжали и давали уроки по билетамъ. Иностранцы преподавали по-французски, такъ какъ воспитанники еще не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ. За хозяйствомъ наблюдалъ дворецкій, разбитной нѣмецъ, котораго, впрочемъ, скоро прогнали за воровство. Столъ былъ по истинѣ графскій. Во время постовъ готовились два обѣда, постный и скоромный. „Изъ шалости и по страсти къ опытамъ“, говоритъ Шлёцеръ, „я присоединился къ православнымъ и рѣшился выдержать всѣ русскіе посты. Не могу сказать, чтобы это было для меня лишеніемъ: вкуснѣйшія рыбы съ самыми разнообразными приправами, печенія на прованскомъ или даже на луккскомъ маслѣ, миндальное молоко, вмѣсто сливокъ, могли удовлетворить самаго изысканнаго лакомку, но на пятый же день я схватилъ лихорадку и принужденъ былъ отказаться отъ постнаго яства“ [2]). Два экипажа были всегда на-готовѣ, парадная карета для молодыхъ графовъ и другая для учителей, которые должны были однако, для пользованія ею, обращаться съ просьбою къ гувернеру. Весь институтъ стоилъ графу Кирилѣ Григорьевичу около 10,000 рублей въ годъ, такъ по крайней мѣрѣ говорили Шлецеру, не понимавшему какъ суммы этой могло хватить на всѣ расходы. „И за всѣ наслажденія, коими пользовался я въ этомъ домѣ“, продолжаетъ Шлецеръ, „долженъ я былъ работать всего какихъ нибудь 6 часовъ въ недѣлю! Славное было житье! все было дружно, единодушно и юношески весело! Во всемъ домѣ не было ни одной дамы, никто не стѣснялъ насъ въ исполненіи обязанностей, а со всѣмъ тѣмъ строго соблюдалось во всемъ приличіе и достоинство“ [3]).

---

[1]) Вѣроятно Дмитрій Адамовичъ.

[2]) Aug. Lud. Schlözer's Oeffentliches und Privatleben, 119.

[3]) Ibidem.

Несмотря на это приволье, Шлёцеръ немало ломался передъ тѣмъ, чтобы переѣхать на жительство въ пансіонъ Разумовскаго. „Мнѣ даютъ только одну комнату“, писалъ онъ къ Мюллеру, „тѣ двѣ, которыя сначала были мнѣ назначены, занялъ Румовскій. Одной мнѣ совершенно недостаточно. Моя комната, если бы она была такъ набита, имѣла бы видъ дворницкой. Хотя г. Таубертъ говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ получить комнаты двѣ, но управляющій говоритъ только объ одной; и третьяго дня Бурбье говорилъ о предположеніи, что *со временемъ* можно было бы раздѣлить и безъ того уже тѣсныя комнаты. Мнѣ не даютъ мебели. Объ этомъ говорено уже такъ много, что мнѣ надоѣло. Сначала г. Таубертъ обѣщалъ все, потомъ онъ исключилъ только постель; но я долженъ былъ получить кровать, столъ, стулья и проч. Теперь ничего не хотятъ мнѣ дать. Мнѣ предлагаютъ чередоваться съ Бурбье въ надзорѣ за дѣтьми. Что я на это не могу согласиться, не требуетъ доказательствъ... Въ началѣ условія были: 1) Учить дѣтей по-нѣмецки и по-латини въ назначенные часы; 2) за столомъ составлять имъ полезное общество. Итакъ, я буду давать имъ уроки, вмѣстѣ обѣдать и жить внѣ дома. Получу ли что-либо взамѣнъ ужина, чая и проч., и другихъ условій дароваго помѣщенія, это предоставляю гг. Тауберту и Теплову. Неужели мнѣ остаться ни съ чѣмъ? хорошо, пусть такъ. Этимъ способомъ я теряю сто рублей; но для своего спокойствія я пожертвовалъ бы еще большимъ... Если бы вышеприведенный 3-й пунктъ понимали такъ, какъ въ началѣ объяснилъ г. Таубертъ, т.-е. что я иногда буду имѣть надзоръ только въ видѣ услужливости, а не по обязанности, то для меня это еще было бы ничего. Идея субординаціи слишкомъ глубоко засѣла въ душу Бурбье; ежедневно мнѣ пришлось бы бороться съ нею и это бы сдѣлалось источникомъ вѣчныхъ жалобъ и хлопотъ. Слишкомъ очевидное различіе, которое дѣлаютъ между мною и Румовскимъ, для меня также несносно. Г. Таубертъ говоритъ: я дѣлаю слишкомъ много затрудненій; но меня къ тому принуждаютъ и не лучше ли представить ихъ передъ переѣздомъ. Сколько было бы шуму, еслибъ я, что̀ навѣрное предвижу, спустя малое время съ досады долженъ былъ выѣхать“ [1]).

Объ этихъ затрудненіяхъ Шлёцеръ не упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Какъ видно, онѣ были устранены. Ему отвели въ нижнемъ этажѣ двѣ просторныя горницы, напротивъ его помѣстился Румовскій [2]). Изъ шести учениковъ двое были нѣсколько необузданны, но

---

[1]) Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. Т. XIII 339—340, Приложенія, Письма Шлёцера къ Мюллеру, письмо 6.

[2]) Schlözer's Oeff. u. Privatleben, 120—121.

учителя умѣли содержать ихъ въ послушаніи и рѣдко приходилось обращаться съ жалобами въ высшую инстанцію, т.-е. къ Тауберту.

Одинъ изъ юношей сталъ черезъ-чуръ часто повторять о разныхъ лицахъ вопросы и замѣчанія: „est-il noble?“, „mais il n'est pas noble“. Учителя придумали, съ дозволенія Тауберта, учтивое, но продолжительное наказаніе, вполнѣ вылечившее потомка весьма не имянитыхъ предковъ. Какъ всегда водится въ большихъ обществахъ, одно лицо является предметомъ шутокъ для остальныхъ, такъ было и здѣсь, но насмѣшки никогда не переходили извѣстныхъ границъ и только умножали общую веселость. Словомъ „славное было житье и я буду всегда съ чувствомъ искренней благодарности считать два съ половиною года, проведенные мною въ этомъ институтѣ, самымъ пріятнымъ временемъ долгой моей жизни“ [1]).

Домъ былъ набитъ слугами, большею частію крѣпостными, но въ числѣ ихъ было и два нѣмца, что̀ въ тѣ времена считалось высшимъ тономъ. Одинъ изъ этихъ слугъ, нѣкто Іоганъ, красивый молодой человѣкъ, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ приключеній, былъ занесенъ изъ Венгріи въ Россію. Онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, говорилъ бѣгло по-русски, понималъ по-латини, имѣлъ отличный почеркъ, и наконецъ, прибирая, послѣ уроковъ, за молодыми людьми всѣ принадлежности рисованія, самъ выучился писать пастелью и написалъ весьма схожій портретъ Шлёцера. „Такой геній не могъ долѣе стоять за нашими каретами. Уже давно отличали его мы съ Румовскимъ. Я показалъ однажды Тауберту кое-что написанное Іогановъ, и онъ былъ на слѣдующій же годъ принятъ переписчикомъ въ академію, съ жалованьемъ въ 200 рублей. Онъ пошелъ въ гору и въ 1797 году былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе знанія многихъ языковъ, онъ предался всякимъ этимологическимъ бреднямъ и сталъ производить нѣмецкія и греческія техническія выраженія отъ арабскаго, турецкаго и Богъ вѣсть какихъ другихъ языковъ“ [2])... Крѣпостные не имѣли отдѣльныхъ помѣщеній и спали просто на полу на цыновкахъ или шерстяныхъ одѣялахъ, а зимою на лежанкахъ. У Шлёцера камердинеромъ былъ полупьяный и полуграмотный крѣпостной Николашка. Дѣла у него почти не было и Шлёцеръ заставлялъ его переписывать русскія рукописи. Напрасно старался нѣмецкій ученый поощрить его къ дальнѣйшему ученію и возбудить въ немъ честолюбіе. „Къ чему мнѣ это, я крѣпостной человѣкъ“ было его постояннымъ отвѣтомъ. Слова эти глубоко засѣли въ умѣ ученаго историка и породили въ

---

[1]) Schlözer's Oeff. u. Privatleben, 121.

[2]) Тамъ же, 124.

головѣ его много нерадостныхъ думъ [1]). Сперва нѣмецкій языкъ входилъ въ число предметовъ, преподаваемыхъ Шлёцеромъ, но вскорѣ онъ помѣнялся съ вѣнскимъ іезуитомъ и принялъ на себя преподаваніе латини. „Я имѣлъ полную свободу преподавать какъ хотѣлъ и, на ряду съ переводами, которые шли своимъ чередомъ и при которыхъ грамматика приводилась только какъ-бы случайно въ таблицахъ, сталъ я говорить съ учениками по-латинѣ... для этого я раскрылъ карту Россіи и сталъ пояснять ученикамъ своимъ: Russia divisa est in partes viginta; haec pars (ставя на нее палецъ) versus orientem sita, colore viridi tincta, quomodo vocatur? Легко себѣ вообразить, что юношамъ, хорошо говорившимъ по-французски, не трудно было понять и затвердить слова эти; divisé, partie, vingt, orient, verd и проч. были имъ давно знакомы. Дѣло пошло великолѣпно, Тауберъ, нашъ главный инспекторъ, еженедѣльно посѣщавшій насъ, не могъ нарадоваться моему искуству. Я обратился къ комедіямъ Плавта и Теренція, составилъ изъ нихъ сборникъ фразъ, относившихся до предметовъ общежитія и убѣдился въ томъ, что древне-римскій разговорный языкъ, какъ простонародный, такъ и болѣе возвышенный, для насъ не утраченъ". Григорій Николаевичъ Тепловъ, по свидѣтельству Шлёцера, былъ человѣкъ вполнѣ ученый и поэтому онъ настаивалъ на томъ, чтобы сынъ его основательно изучилъ латинскій языкъ. Для него Шлёцеръ выбралъ изъ Марціала и Овена 172 стихотворенія, которыя Таубертомъ были напечатаны подъ заглавіемъ: „*Epigrammata, in quibus tirocinium ponere latinae linguae queant*". (84 стр. большой in 12-mo). Книга начиналась маленькими стихотвореніями въ 2, 3 и 4 строки, за которыми слѣдовали другія, болѣе пространныя. Въ заключеніе помѣщены были Овидіевы: Pyramus et Thisbe и Ariadne Teseo. Просвѣщенному отцу, который, хотя и былъ заваленъ государственными дѣлами, однако ни на минуту не терялъ изъ виду своего сына и зорко слѣдилъ за его успѣхами, крайне понравилась такая легкая и со всѣмъ тѣмъ далеко не шутливая метода преподаванія" [2]).

При составленіи плана ученія Шлёцеръ не участвовалъ, но онъ замѣтилъ Тауберту, что въ планѣ этомъ вовсе не упоминалась географія и „необходимая для учениковъ новая наука—познаніе отечества". „Подъ этимъ именемъ разумѣлъ я статистику, но не осмѣливался произнести дикаго названія этого, дотолѣ вовсе незнакомаго Русскимъ. Тауберъ одобрилъ мое предложеніе и поручилъ мнѣ начать уроки въ видѣ опыта. Первый урокъ начался вопросомъ: „какъ велика Россія срав-

---

[1]) Тамъ же, 127.

[2]) Тамъ же, 128—129.

нительно съ Германіею и Голландіею?“ За нѣсколько дней передъ этимъ, Румовскій въ классѣ математики объяснялъ ученикамъ, что̀ такое квадратная миля. Вотъ какъ единодушно шло наше преподаваніе! Потомъ пошли вопросы: „что́ такое юстицъ-коллегія? что̀ покупаетъ и что̀ продаетъ Русскій народъ? откуда получаетъ онъ золото и серебро?“ Никогда не забуду, съ какимъ восхищеніемъ слѣдилъ Таубертъ за уроками. Онъ взялся сообщать мнѣ необходимыя свѣдѣнія. Дѣло кончилось тѣмъ, что кромѣ прежнихъ занятій, я долженъ былъ еще пять часовъ въ недѣлю преподавать статистику—новое это слово стало принимать право гражданства въ Россіи,—и за труды получилъ 100 рублей въ годъ добавочнаго жалованья. Статистики, —да, буквально и безъ преувеличенія, — самое первое ея начало!“ [1]). Оказывается, что говорить о статистическихъ данныхъ считалось у насъ, въ тѣ времена, чуть ли не государственною измѣною. Самъ Шлёцеръ только теперь принялся за нее, такъ какъ Миллеръ упросилъ его не заниматься такимъ щекотливымъ предметомъ. Какой-то англичанинъ-путешественникъ, посѣтившій Петербургъ, зашелъ въ академическую книжную лавку, единственную въ то время во всей Имперіи, и спросилъ, нѣтъ ли какой книги о юстиціи, финансахъ, торговлѣ и проч. „Господи помилуй“, отвѣчалъ, крестясь, приказчикъ, „можно ли такія вещи печатать?“ Въ 1763 г., сидя у одного купца, Шлёцеръ заговорилъ о томъ, сколько вывезено было пеньки въ этотъ годъ; одинъ изъ гостей отвелъ историка въ сторону и умолялъ его не говорить о такихъ предметахъ, такъ какъ это могло навлечь страшную бѣду и на Шлёцера, и на того, кто-бы ему открылъ подобную государственную тайну [2]). Шлёцеръ сначала могъ пользоваться данными, извлеченными изъ иностранныхъ сочиненій, но Таубертъ вскорѣ „возгорѣлъ патріотическою ненавистью къ тому, что̀ иностранцы писали о Россіи“. Данныя ихъ въ самомъ дѣлѣ были бо́льшею частью ложныя, и благодаря связямъ своимъ съ президентами разныхъ коллегій и секретарями академіи, Таубертъ сталъ доставлять Шлёцеру кучу драгоцѣнныхъ свѣдѣній. „По каждому изъ главныхъ предметовъ статистики, я составилъ карманную книжечку“, продолжаетъ Шлёцеръ, „въ золотомъ переплетѣ; въ нихъ вписалъ извлеченія изъ данныхъ, сообщенныхъ мнѣ Таубертомъ. Извѣстную надпись: ad usum delphini—я замѣнилъ другою: „à l'usage de l'académie de la X-me ligne“. Ученики получили каждый по книжкѣ въ золотомъ переплетѣ, содержаніе ея было приспособлено къ тому роду службы, къ которой они готовились; такъ графъ Алексѣй Кириловичъ, пожалованный въ

---

[1]) Тамъ же, 130.
[2]) Тамъ же, 131.

ротмистры, въ день восшествія на престолъ Петра III, получилъ книжку sur le militaire, графъ Петръ Кириловичъ—sur le commerce, графъ Андрей Кириловичъ, бывшій уже мичманомъ—sur la marine и т. д. Дѣти писали сочиненія каждый о своемъ предметѣ, сочиненія эти были представлены высшему начальству, и самъ monseigneur гетманъ, иногда, хотя впрочемъ рѣдко, обѣдавшій у сыновей своихъ, удостоилъ ихъ неоднократнымъ fort bien.

Статистика пошла въ моду; всѣ знакомые Шлёцера спѣшили доставлять ему свѣдѣнія, чтобы попасть, какъ они шутя говорили, въ члены академіи 10-й линіи. Шлёцеръ еще сочинилъ русскую географію, которая хотя и была написана для дѣтей, однако содержала весьма много дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ. Иностранные учителя, жившіе по разнымъ петербургскимъ домамъ, списывали Шлёцерову географію для своихъ воспитанниковъ [1]).

Гувернеръ Бурбье долженъ былъ, кромѣ французскаго языка, преподавать еще всеобщую исторію. Но вскорѣ онъ почувствовалъ свою несостоятельность, тѣмъ болѣе, что ученики стали надъ нимъ подтрунивать. Онъ упросилъ Шлёцера взять на себя преподаваніе исторіи, обѣщая ему за то 100 рублей въ годъ изъ получаемаго имъ жалованья. Шлёцеръ согласился, и снова принялся за заготовленіе отдѣльныхъ книжечекъ à l'usage de l'académie de la X-me ligne. Хотя исторія была болѣе знакома русскимъ, чѣмъ статистика, однако хорошихъ руководствъ, для изученія ея въ то время, еще не существовало. Старшій Разумовскій получилъ книжечку съ исторіею Римлянъ, Тепловъ съ исторіею Евреевъ и т. д. „Особенно любилъ мои уроки графъ Андрей, которому было тогда 9 лѣтъ. Весьма часто вечеромъ, послѣ 6 часовъ, когда наступало время общаго отдыха, забирался онъ ко мнѣ въ комнату, и цѣлые часы говорилъ со мною, не по лѣтамъ умно, про статистику и исторію“ [2]). Такая бездна премудрости стала сильно тревожить бѣднаго Бурбье. Мальчики нерѣдко сами отъ себя заводили за столомъ ученые разговоры, отъ которыхъ въ потъ бросало бѣднаго француза, и, подмѣтивъ несостоятельность своего ментора, мальчики стали ему въ глаза смѣяться. Бурбье впалъ въ меланхолію. Кто-то разъ за столомъ разсказалъ, что французъ, жившій учителемъ въ одномъ знатномъ домѣ, оказался лакеемъ; несчастный залился слезами. Меланхолія его усилилась. Ему все грезилась Сибирь, куда непремѣнно ушлетъ его monseigneur гетманъ, коль скоро узнаетъ о его прошломъ. Горе свое онъ сталъ заливать виномъ. Припадки меланхоліи до того усилились, что его принуждены были от-

---

[1]) Тамъ же, 133—134.

[2]) Тамъ же, 137.

править обратно во Францію. На кораблѣ, въ виду береговъ отчизны, несчастный зарѣзался [1]). „Щедрые русскіе баре", говоритъ Шлёцеръ, „часто ошибались въ тѣхъ людяхъ, которые были имъ необходимы для достиженія благородной ихъ цѣли. Искали они этихъ людей почти постоянно между французами; того требовала тогдашняя мода. Ихъ принимали по наружности, коль скоро она была прилична, не разбирая, чѣмъ они были на родинѣ, лакеями-ли, мастеровыми или бѣглыми офицерами, непремѣнно оставившими свою родину вслѣдствіе d'une affaire d'honneur. Приличная наружность, надо правду сказать", добавляетъ Шлецеръ, „не далась нашимъ нѣмцамъ, какъ бы способны и учены они ни были" [2]). Еще при Елизаветѣ изданъ былъ указъ объ экзаминованіи при академіи всѣхъ иностранныхъ учителей. У одного изъ подобныхъ экзаминандусовъ спросили, что̀ такое article, adjectif, conjonctif, и пр.; тотъ, помолчавъ немного, отвѣчалъ, что болѣе года, какъ выѣхалъ изъ Парижа и что слова эти вѣроятно весьма недавно сочинены французскою академіею, которая, впрочемъ, ничѣмъ инымъ не занимается, какъ сочиненіемъ всякихъ ненужныхъ педантизмовъ". „У насъ часто бывали гости", повѣствуетъ далѣе Шлёцеръ, „и такъ какъ гувернеры наши были все французы, то и гости тоже бо́льшею частью принадлежали къ этой націи. Всѣ они были совершенные невѣжды. Можно было еще имъ простить ихъ національную гордость, хотя она выражалась часто весьма обиднымъ для русскихъ и нѣмцевъ образомъ. Но какъ они гордились своимъ языкомъ, не имѣя притомъ ни малѣйшаго понятія о своей литературѣ! „Il parle très bien le français" говорили они, какъ другіе говорятъ: онъ такой же великій математикъ, какъ Эйлеръ или химикъ какъ Леманъ. Напротивъ того, все хорошее, что̀ можно было сказать о достойномъ ученомъ, уничтожалось словами: „mais il parle très mal le français!" Взорванный такими понятіями, я разъ сказалъ, что ничего нѣтъ легче изученія языковъ и что я берусь въ четыре недѣли довести любаго изъ нашихъ учениковъ до того, что онъ будетъ въ состояніи по-еврейски прочесть и перевести цѣлую главу изъ книгъ Моисея. Всѣ засмѣялись. Я предложилъ графу Алексѣю сдѣлать опытъ; онъ сейчасъ же согласился, и послѣ 24-хъ часовъ ученія, раздѣленныхъ на четыре недѣли, онъ легко и правильно могъ читать и переводить X-ую главу изъ книги Бытія. Разумѣется, на томъ дѣло и остановилось и графъ-ротмистръ не продолжалъ болѣе своихъ еврейскихъ уроковъ" [3]).

---

[1]) Тамъ же, 138.

[2]) Тамъ же, 140.

[3]) Тамъ же, 141—142.

Въ свободное отъ ученія время, дѣти, кромѣ графа Алексѣя Кириловича, хаживали играть къ Великому Князю Павлу Петровичу, принимали участіе въ придворныхъ маскарадахъ, домашнихъ спектакляхъ и пр. Они вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Спиридовымъ, Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ, Неплюевымъ, Вадковскимъ и другими, составляли обыкновенное общество Наслѣдника престола. Académie de la X-me ligne, какъ видно, сильно занимала въ то время и дворъ, и петербургскую знать. Великій Князь разспрашивалъ своихъ лакеевъ, посылаемыхъ къ Разумовскимъ, о томъ, что они дѣлали, когда кончали учиться и пр. [1]). Изъ всѣхъ товарищей Павелъ Петровичъ болѣе всѣхъ полюбилъ графа Андрея Кириловича [2]).

Между тѣмъ преемникомъ Бурбье назначенъ былъ нѣкто de l'Isle, разумѣется французъ, человѣкъ лѣтъ 50, имѣвшій польскій дипломъ на чинъ полковника и наружность, вселявшую уваженіе [3]). Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго научнаго образованія, а жена его, часто обѣдавшая съ членами академіи X-ой линіи, принадлежала къ низшему сословію. Тѣмъ не менѣе Делиль пускался въ ученые споры со Шлёцеромъ, и когда перевѣсъ оставался на сторонѣ ученаго историка, отдѣлывался аргументомъ, что съ иностранцемъ (un étranger) нечего говорить. Делиль съумѣлъ возбудить противъ себя весь институтъ. Учителя подали, черезъ Тауберта, коллективную жалобу графу Кирилѣ Григорьевичу и Делиль былъ смѣненъ. На его мѣсто поступилъ г. de Marignan, тоже французъ. „Онъ нарицался", говоритъ Шлёцеръ, „лейтенантомъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ ученаго, сочинилъ даже диссертацію объ officia palatina Меровинговъ, которую онъ мнѣ показывалъ. Онъ дѣйствовалъ столь же деспотически, какъ и предшественникъ его, но былъ скрытнѣе и хитрѣе. Вѣроятно скоро начались бы между нами враждебныя отношенія, но послѣ 1 Января 1765 г. нашъ институтъ былъ распущенъ. Г-нъ лейтенантъ удержался въ домѣ гетмана и вѣроятно со временемъ пріобрѣлъ себѣ на русскіе рубли „une terre" во Франціи, что, какъ извѣстно, pium desiderium всѣхъ его соотечественниковъ" [4]).

Несмотря на ироническій отзывъ Шлёцера о Мариньянѣ, несомнѣнно, что послѣдній не только съумѣлъ удержаться въ домѣ гетмана, но и еще снискать любовь воспитанниковъ. Онъ до конца жизни

---

[1]) Записки Поромина, 48.

[2]) Ibidem, 52.

[3]) Этотъ Делиль не имѣлъ ничего общаго съ извѣстнымъ астрономомъ Николаемъ-Іосифомъ Делилемъ, бывшимъ членомъ Спб. академіи при Аннѣ Ивановнѣ.

[4]) Schlözer's Leben, 139.

остался въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Разумовскихъ и велъ дѣятельную переписку съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ. Академія была распущена въ виду отъѣзда молодыхъ Разумовскихъ за границу. Графъ Кирила Григорьевичъ хотѣлъ довершить воспитаніе сыновей своихъ въ одномъ изъ извѣстныхъ заграничныхъ университетовъ. Выборъ его палъ на Страсбургъ, гдѣ воспитывались русскіе студенты, посланные академіею, и гдѣ, по преданію, учился во времена оны самъ старикъ Разумовскій. Страсбургскій университетъ славился въ то время своими профессорами: Яковъ-Рейнгольдъ Шпильманъ (р. 1722, † 1783) читалъ химію; Іоганнъ-Фридрихъ Ерленъ, († 1775)—общенародное право; Іосифъ-Адамъ Лоренцъ (р. 1734, † 1801)—исторію; извѣстный въ то время нѣмецкій поэтъ, Людовикъ-Генрихъ Николаи (р. 1737, † 1820)—логику; Трейтлингеръ—германское право. Но главнымъ украшеніемъ страсбургскаго университета былъ Іоганнъ-Даніилъ Шёпфлинъ (Schoepflin р. 1694, † 1771), историческіе труды котораго пользовались въ то время громкою славою въ Европѣ. Кромѣ глубокой и разнообразной учености, Шёпфлинъ отличался еще самою высокою нравственностію. Начались сборы въ путь. Молодымъ Разумовскимъ сопутствовали: г. де-Мариньянъ и студентъ академіи Дмитрій Легкій. 14-го Мая Разумовскіе прибыли въ Страсбургъ. „Мы не имѣемъ ничего новаго теперь сказать“, писалъ къ Протасову одинъ изъ учившихся въ страсбургскомъ университетѣ питомцевъ академіи А. Я. Полѣновъ [1]), отъ 23 Мая н. ст. 1765 г., „какъ только что его сіятельства господина президента дѣти прибыли въ Страсбургъ, Мая 14 дня по новому стилю, вмѣстѣ съ г. Легкимъ, и мы имѣли честь ихъ видѣть неоднократно, а самъ г. президентъ неизвѣстно когда будетъ. Намъ очень странно показалось, какъ мы увидѣли сихъ господъ противъ нашего гаданія, ибо мы точно такъ думали, что они не прежде осени сюда пріѣдутъ“ [2]).

Разумовскіе были поручены попеченію профессора Шёпфлина, который числился почетнымъ членомъ петербургской академіи и подъ надзоромъ котораго состояли, со времени отъѣзда адъюнкта Протасова, учившіеся въ то время въ Страсбургѣ студенты, Полѣновъ и Лепехинъ [3]).

„Сей почтенный мужъ (т.-е. Шёпфлинъ)“, писалъ Полѣновъ, „великое стараніе прилагаетъ о дѣтяхъ его сіятельства г. президента и часто ихъ самихъ экзаминуетъ [4])“. Впрочемъ, преподаваніе въ страс-

---

[1]) Другой студентъ былъ Лепехинъ.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1865, стр. 465.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 469.

бургскомъ университетѣ было, особенно за нѣсколько времени до пріѣзда молодыхъ Разумовскихъ, не вполнѣ удовлетворительно. „Я тѣмъ несчастливъ“, писалъ Полѣновъ къ Тауберту, „что не могу здѣсь надлежащимъ образомъ успѣвать въ ученіи и удовольствовать моей къ наукамъ охотѣ. Профессоръ философіи, единственно любя свой покой, не читаетъ никакихъ лекцій, безъ чего, какъ вы сами изволите знать, приняться мнѣ за юриспруденцію никоимъ образомъ не можно; да и юридическій факультетъ въ немаломъ безпорядкѣ. Слушать у троихъ или четверыхъ профессоровъ лекціи никоимъ образомъ не можно, потому что они не вдругъ зачинаютъ и не вдругъ оканчиваютъ. Честь здѣшняго университета, г. Шпильманъ“ [1]). Впрочемъ, въ ученіи вскорѣ произошла перемѣна, и тотъ же Полѣновъ, въ письмѣ къ Протасову, писанномъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Разумовскихъ и изъ котораго мы уже привели выше выписку, говоритъ: „Наше ученіе идетъ весьма порядочно, особливо въ юристическомъ факультетѣ, гдѣ каждый изъ господъ профессоровъ долженъ въ полгода окончить свою коллегію. Кажется, что многократныя жалобы, дошедшія, какъ можно догадываться, и до французскаго канцлера, принудили ихъ взяться за сіе мнѣніе“ [2]).

Въ 1766 году, проѣздомъ въ Парижъ, графъ Кирила Григорьевичъ посѣтилъ дѣтей своихъ. Подробности его пребыванія въ Страсбургѣ уже нами разсказаны. Возвращаясь изъ Парижа, онъ снова заѣхалъ въ Страсбургъ. Онъ университетомъ, а особенно городомъ остался недоволенъ. Присутствіе французской военной молодежи, пирушки, буйство офицеровъ не пришлись ему по̀ сердцу, и онъ рѣшилъ для младшихъ сыновей подыскать болѣе тихое и скромное мѣстопребываніе за границею.

Во время своего второго пребыванія, графъ нанялъ гувернерами къ старшему сыну страсбурскаго профессора поэта Николаи и нѣкоего француза Кронье, и взялъ Алексѣя Кириловича съ собою въ Италію. Другіе сыновья оставались въ Страсбургѣ подъ присмотромъ Шёпфлина и Мариньяна. Въ Италіи эксъ-гетманъ встрѣтился въ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и на его попеченіи оставилъ своего первенца вмѣстѣ съ его менторами. Какъ видно, Шуваловъ остался очень доволенъ педагогическими трудами Николаи [3]). „Изволили писать“, пи-

[1]) Тамъ же, 451.

[2]) Тамъ же, 465—466.

[3]) Николаи въ 1769 г. прибылъ съ Разумовскими въ Россію. Онъ поступилъ библіотекаремъ къ В. К. Павлу Петровичу и сталъ называться *барономъ* Андреемъ Львовичемъ. Потомъ онъ былъ секретаремъ В. Князя и тайнымъ совѣтникомъ. Онъ купилъ у генерала Ступина, близъ Выборга, извѣстную дачу Монгеров, которую отдѣлалъ и которая до сихъ поръ осталась въ его родѣ. Сынъ его, Павелъ Андреевичъ, получилъ баронское достоинство отъ Императора Николая Павловича.

салъ къ Шувалову Разумовскій-отецъ изъ С.-Петербурга отъ 26 Февраля 1768 года, „что вы намѣрены господину Николаю за его труды, которые онъ принималъ въ ученіи сына моего, сдѣлать награжденіе, которое вы опредѣлили было французу Кронье, я не только что въ семъ случаѣ вашего мнѣнія и прошу то дѣломъ исполнить, дабы сей достойный мужичокъ не былъ оставленъ... Во второмъ письмѣ отъ Января 9-го подъ № 1 изволите описывать пространный разговоръ, который вы имѣли или, паче сказать, отеческое наставленіе дѣлали сыну моему. Я бы желалъ отъ сердца, чтобъ онъ по сему поступалъ, но думаю, что проклятая, съ ребячества вкравшаяся и возрастающая, лѣность воспретитъ ему пользоваться вашими здравыми совѣтами, сколько онъ ни обѣщаетъ послѣдовать онымъ. Съ моей стороны васъ, любезнаго моего друга, достойно возблагодарить не могу за участіе, которое вы принимаете въ благополучіи сего молодого человѣка; совѣты ваши столь полезны, что никакой другъ и свойственникъ, ниже я самъ, лучшихъ дать не могу. Если онъ не будетъ стараться преодолѣть сію страсть, то для него же хуже; я же буду сожалѣть только о томъ, что, прилагая стараніе дѣлать его себѣ и отечеству полезнымъ, а больше ему самому хотѣлъ доставить въ жизни благополучіе, въ надеждѣ своей обманутъ; онъ бы не долженъ забывать и того, что у меня ихъ шесть, и я изъ нихъ ни одного слѣпо не люблю, а ожидаю, чтобъ они того достойны были; итакъ, если въ немъ утѣшенія чаемаго имѣть не буду, то уповаю отъ другихъ быть награжденъ за мое неусыпное объ нихъ попеченіе; но будетъ ли то полезно для него, въ томъ ему разсуждать оставляю. Васъ же, любезнаго моего друга, прошу не унывать, постараться его всѣми мѣрами отвращать отъ сей ему пагубной страсти, пока онъ еще съ вами пребываетъ. Пишете вы, что онъ имѣетъ близкое знакомство съ одной дамою; я сего не порочу, если она такъ добра, какъ вы пишете; любовь иногда хорошею школою бываетъ для молодыхъ людей; но опасаться надобно и того, что итальянцы бываютъ иногда гораздо ревнивы и весьма мстительны, дабы иногда съ досады мужъ стилетомъ въ бокъ не ткнулъ, когда вздумаетъ, что дружба его рогами платится“. „Я не болѣе хочу оставить сына“, пишетъ въ другомъ письмѣ отецъ къ тому же Шувалову, „какъ до Октября мѣсяца (1768)... и мнѣ необходимо хочется, чтобы онъ въ Англіи, прежде нежели въ отечество возвратится, побывалъ... И такъ, прошу васъ, любезнаго моего друга, постараться пріискать ему достойнаго спутника и отпустить изъ Италіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ... Я бы думалъ, чтобы лучше ѣхать въ Геную и въ Марсель и видѣть меридіальныя французскія провинціи, нежели повторять дорогу черезъ Альпы, которую уже онъ со мною дѣлалъ... Изъ частыхъ, получаемыхъ отъ сына писемъ„ пишетъ еще Разумовскій отъ 1-го Апрѣ-

ля 1768 г., „а также изъ вашихъ дружескихъ увѣреній вижу, что онъ гораздо поприлежнѣе сталъ предъ прежнимъ и весьма будучи какъ его прилежаніемъ доволенъ, такъ и вижу, что вы, любезный мой другъ, его пребываніемъ съ вами не скучаете и не обезпокоены, почитая притомъ, что онъ лучше не можетъ времени употребить, какъ находясь съ вами и пользуясь вашими дружескими совѣтами, которые къ немалому моему удовольствію вижу изъ писемъ его ко мнѣ, что онъ чувствуетъ сходными съ его пользою и принимаетъ такъ, какъ должно принимать отъ честнаго человѣка, нелестнаго друга и милостивца и проситъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ ему сроку прибавить. И хотя мое намѣреніе было непреложное, чтобы онъ въ будущемъ Сентябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ, но, видя, что пребываніе ваше и расположеніе не сходно съ моимъ, по причинѣ предпріятаго вами употребленія теплицъ въ Пизѣ, то, желая, чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ изъ Италіи выѣхалъ, сроку ему до будущей весны прибавляю, желая, чтобъ онъ будущую зиму въ Англіи вмѣстѣ съ братьями препроводилъ, которые туда вскорѣ отправляются. Васъ же прошу, милостиваго моего друга, не оставлять его вашими дружескими совѣтами, дабы онъ, сколько возможно, время свое не праздно препроводилъ, въ чемъ имѣю на васъ теплую надежду“ [1]).

Петръ и Андрей Кириловичи отправились съ Мариньяномъ изъ Страсбурга въ Англію въ 1768 году. Андрей Кириловичъ поступилъ на службу въ англійскій флотъ [2]). Въ 1769 году, весною, Алексѣй Кириловичъ съѣхался съ братьями и поживъ нѣсколько въ Лондонѣ, предпринялъ съ ними вмѣстѣ, подъ руководствомъ Мариньяна и Николаи, путешествіе по Англіи. Путешествіе не удалось, молодые Разумовскіе принуждены были вернуться въ Лондонъ ранѣе, чѣмъ предполагали. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ въ письмѣ къ отцу Алексѣй Кириловичъ:

„Вчерашняго дня ввечеру противъ упованія нашего несчастное приключеніе возвратило насъ въ Лондонъ изъ Манчестера, не видавъ ни Іорку, ни прочей части по другую сторону въ Англіи.

Пріѣхавъ сюда, первое наше стараніе увѣдомить васъ о всемъ; и для того имѣю честь донести, что г. Мариньянъ, взявъ съ собою изъ Лондона кредитное письмо отъ здѣшняго купца Дю-Велуза на разныя мѣста въ Англіи, на двѣсти ливровъ стерлинговъ, былъ исправно на оное уплаченъ до Манчестера; но, пріѣхавъ въ сей городъ и расположившись ѣхать къ Іорку, услышали отъ купца тамошняго, коему

---

[1]) Изъ архива князя А. М. Голицына.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Т. I. стр. 1.

были рекомендованы, что Дю-Велузъ ему пишетъ, чтобы болѣе на кредитное письмо денегъ не выдавать и не вѣрить бы, имѣя извѣстіе изъ Амстердама, что тамошній купецъ, на котораго отъ Клемана и Гитара деньги были ассигнованы, обанкрутился; и такъ мы принуждены были съ крайнимъ нашимъ неудовольствіемъ, и болѣе не теряя времени, возвратиться прямо въ Лондонъ, пользуясь нѣсколькими гинеями, которыя, по счастію, у г. Николая нашлись, и теперь мы здѣсь совсѣмъ безъ денегъ находимся. Сегодняшняго утра, будучи у г. Ивана Григорьевича [1]), онъ намъ оферировалъ нѣсколько дать для отъѣзда нашего; и ежели оное возможно будетъ, мы, пользуясь сей оказіей, отъѣдемъ въ Голландію, гдѣ дождемся, пока соизволите переслать намъ денегъ. Здѣсь я нашелъ у посла нашего милостивое ваше письмо подъ № 4-мъ отъ Апрѣля 11-го, за которое нижайше благодарствую и изъ котораго съ удовольствіемъ вижу, что въ добромъ здравіи находиться изволите.

„Что изволите приказывать о поварѣ, то ежели возможно, конечно, буду стараться достать хорошаго. Передъ окончаніемъ моего письма, почитаю за должность сдѣлать вамъ, милостивый государь, краткое описаніе нашего несчастливаго вояжу.

„Отправясь изъ Лондона, первый городъ, который мы видѣли, Салисбюри, въ которомъ, кромѣ соборной церкви, ничего достойнаго примѣчанія нѣтъ; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ онаго три дома находятся, которые почесть можно изъ первыхъ въ Англіи, а именно: домъ лорда Раднора, графа Пемброка и господина Гора, какъ для внутренности оныхъ домовъ, такъ и для садовъ, къ онымъ принадлежащихъ. Изъ Салисбюри мы переѣхали въ Басъ, славный городъ въ Англіи для минеральныхъ бань, откуда продолжали путь нашъ къ Бристолю, городъ весьма нехорошій, но достойный примѣчанія для коммерціи. Изъ Бристоля мы отправились въ Вудстокъ, малое мѣстечко, въ коемъ разными стальными товарами торгуютъ и возлѣ коего находится Бленемъ, славный домъ Дюка де Мальборугъ. Потомъ въ Оксфордъ, достойный примѣчанія для славнаго университета, гдѣ побывавъ, поѣхали смотрѣть Сто, домъ лорда Темпль, который конечно удовольствуетъ всякаго любопытнаго путешественника. Изъ Сто, чрезъ Ковентри, въ Бирмингемъ, въ коемъ множество мануфактуръ разныхъ, а особливо дѣлаютъ много вещей рѣзныхъ изъ жести писанной и лакированной. Послѣ того въ Дерби, отъ коего города не далеко стоитъ хорошій домъ, принадлежащій лорду Скарсдель. Изъ Дерби мы проѣхали въ Шеффильдъ, славный городъ для желѣзныхъ фабрикъ, гдѣ лучшіе ножи, бритвы и проч. дѣлаются; въ нѣкоторомъ

---

[1]) Чернышева, бывшаго въ то время посломъ въ Лондонѣ.

разстояніи отъ онаго домъ маркиза Рокингама, а далѣе въ мѣстечкѣ, называемомъ Кестльтонъ, видно весьма курьозную въ горахъ каверну, которую, увидѣвъ, продолжали путь нашъ въ Букстонъ, мѣстечко, въ коемъ минеральныя бани находятся; а изъ Букстона въ Манчестеръ, гдѣ пробывъ два дня и видѣвъ достойное примѣчанія, опять чрезъ Дерби, и потомъ Лейстеръ и Нортамптонъ возвратились въ Лондонъ; и такъ не успѣли видѣть славной провинціи Іоркъ и прочихъ мѣстъ по другую сторону. Впрочемъ, милостивый государь, мы всѣ, слава Богу, въ добромъ здравіи находимся“ [1]).

Этою поѣздкою по Англіи старшіе сыновья графа Кирилы Григорьевича закончили свое воспитаніе. Осенью 1769 года они вернулись въ Россію и поступили на службу.

Казалось, лучшаго воспитанія нельзя было придумать. Тутъ была и общественная школа, учрежденная на царскую ногу, и лучшіе профессора, и даже самъ знаменитый Шлёцеръ. Сочинена была для учениковъ первая русская статистика, о которой до тѣхъ поръ никто не вѣдалъ на Руси. Отлично, по свидѣтельству Шлёцера, подготовленные на родинѣ, молодые люди отправлены были для окончанія образованія въ одинъ изъ первыхъ въ то время университетовъ Европы. Ученый Шёпфлинъ слѣдитъ за ихъ занятіями, извѣстный поэтъ и профессоръ Николаи путешествуетъ съ юношами по Италіи и Англіи. Однимъ словомъ, лучшаго нельзя было придумать, и, несмотря на все это, цѣль воспитанія далеко не была достигнута. Изъ трехъ Разумовскихъ, старшій Алексѣй и меньшой Андрей несомнѣнно обладали блестящими способностями, а все-таки изъ нихъ не вышло того, чего такъ желалъ отецъ, именно полезныхъ сыновъ отечества. Молодыхъ Разумовскихъ винить нельзя; они въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. Всѣ ихъ сверстники и всѣ поколѣнія, воспитывавшіяся на Руси въ послѣднія 130 лѣтъ, представляютъ то же безотрадное явленіе.

Было время, когда, желая похвалить представителей стариннаго рода, праотцы наши говаривали: „истые то баре“, и не мало похвалы слышалось въ словахъ этихъ. Прошли какія-нибудь сто лѣтъ, стали говорить: „что̀ за баричъ, что̀ за барство“ и крайне обиднымъ кажется въ наши дни подобное выраженіе. Откуда такая перемѣна? Неужели же тому причиною совершенно чуждая народу нашему знаменитая революція 1789 года? Едва ли. Во времена о̀ны, бары наши были живымъ воплощеніемъ нашей народной жизни. Народъ ихъ понималъ и любилъ. Прошло полстолѣтіе, и отчужденные отъ народа космополиты высшаго полета стали для него ба-

[1]) Изъ архива автора.

ричами. Вельможамъ Елизаветы и Екатерины захотѣлось блеснуть воспитаніемъ дѣтей своихъ. Они чувствовали, что далеко отстали отъ прочей Европы, что имъ самимъ многаго недоставало и недостатокъ этотъ хотѣли они пополнить въ дѣтяхъ своихъ. Русскихъ воспитателей не было и волею-неволею пришлось обратиться къ иностранцамъ. Въ царствованіе вполнѣ русской, православной Елизаветы, воцарившейся во имя народности и для спасенія людей русскихъ отъ ига иностранцевъ, эти люди русскіе, сами того не сознавая, стали систематически отрывать отъ родной почвы дѣтей своихъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, приходится помянуть недобрымъ словомъ честнаго и благороднаго И. И. Шувалова, много способствовавшаго къ распространенію у насъ и французскаго языка, и французскихъ обычаевъ, и французскаго полуобразованія. Появились всякіе Бурбье, Делили, Мариньяны, русскіе дворяне изъ колыбели перешли на руки иностранцамъ. Всѣ дѣятели Екатерининскаго времени, а ими могла бы похвастаться любая страна, всѣ до единаго, за исключеніемъ развѣ самаго незамѣчательнаго изъ нихъ И. И. Бецкаго, возросли и возмужали на родной почвѣ, подъ вліяніемъ народнаго духа. Это было несомнѣнно одною изъ главныхъ причинъ славы этой единственной въ лѣтописяхъ нашихъ эпохи. Люди иностраннаго закала не находили себѣ мѣста въ совѣтахъ великой Монархини. Замѣчательно, что въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины, за исключеніемъ одного почтеннаго графа Якова Сиверса, не только ни одинъ иностранецъ, но даже ни одинъ изъ нашихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ не выдвинулся впередъ. Ихъ было много и въ войскахъ, и въ коллегіяхъ, но нигдѣ и никогда не тѣснили они русскихъ и скромно служили, невольно подчиняясь вліянію сильно со всѣхъ сторонъ вѣявшаго народнаго духа. Царствованіе Екатерины было лебединою пѣснью чисто-русскихъ государственныхъ дѣятелей. Не даромъ на похоронахъ великой Царицы англійскій министръ при дворѣ нашемъ сказалъ: „on enterre la Russie“ [1]). Къ концу XVIII вѣка иностранное воспитаніе стало приносить плоды свои.

Наплывъ иностранцевъ въ это время дошелъ до своего максимума. Эмигранты всѣхъ видовъ и категорій, отъ аристократической принцессы де-Тарантъ до братьевъ Робеспера и Марата, отъ вольтерьянца Ланжерона до іезуитовъ Грубера и Розавена—нагрянули на Россію. Ихъ принимали съ открытыми объятіями. Уже офранцуженное, общество жадно прислушивалось къ ихъ рѣчамъ: крайне лестнымъ показалось милостивое обращеніе бѣглецовъ съ сѣверными варварами. Вошло въ моду у насъ вольтерьянство, а затѣмъ іезуиты стали разставлять свои сѣти, которыми охотно опутались уже вполнѣ отрѣшив-

[1]) XIX Вѣкъ, сборникъ, издаваемый Бартеневымъ, II, 219.

шіяся отъ своей родины россіянки. Нигдѣ такъ сильно не выказывалось и не выказывается до нашихъ дней, порождаемое воспитаніемъ полнѣйшее отреченіе отъ національности, какъ въ дѣлѣ отступничества. Англичанинъ или нѣмецъ, совращенный въ папизмъ, все-таки остается англичаниномъ или нѣмцемъ. Не такъ съ русскимъ. Какъ скоро онъ отрекается отъ вѣры отцевъ, о которой, сказано будь мимоходомъ, онъ имѣетъ самое смутное понятіе, разомъ прерывается послѣдняя нить, соединявшая его съ родиною и онъ вполнѣ и всецѣло дѣлается французомъ. Примѣровъ тому не мало у насъ на глазахъ.

Знатные русскіе юноши, уже дома вполнѣ очистившіеся отъ народной проказы, стремились окончить переобразованіе свое за границею. Иностранцы отцы не могли уже воспитать русскихъ дѣтей, русское именитое дворянство все болѣе и болѣе входило въ колею, изъ которой не могло уже выдти. Екатерининскіе орлы стали сходить въ могилу и на мѣсто ихъ явилась толпа дряблыхъ космополитовъ, русскихъ развѣ только по имени. Почти одновременно съ началомъ XIX вѣка бразды правленія перешли въ руки любимаго внука Екатерины.

Александръ I наглядным образомъ представляетъ намъ переломъ, произведенный въ Россіи иностраннымъ воспитаніемъ. Екатерина, нѣмка, пріѣхавшая въ Россію, не зная по-русски ни слова, среди враждебнаго ей двора, переработываетъ свою природу и, чтобы достичь верховной власти и удержать ее за собою, дѣлается вполнѣ и всецѣло русскою; внукъ ея, русскій Великій Князь, рожденный и воспитанный въ Россіи, не знаетъ и до конца жизни не понимаетъ своего народа, своей родины! Ученики аббата Николя и Пестalоцци, наполнявшіе дворецъ и столицы, люди часто вполнѣ достойные и образованные, оказывались гораздо несостоятельнѣе необразованныхъ отцовъ, особенно если сравнить ихъ съ птенцами Петра и орлами Екатерины.

Время быстро шло впередъ, а съ нимъ вмѣстѣ и воспитаніе, но только въ обратной пропорціи. Было время, когда Пушкинъ могъ сказать:

„Мы всѣ учились по-немногу
„Чему-нибудь и какъ-нибудь.“

Настало другое время и положительно можно было сказать, что мы уже ничему и никакъ не учимся. Во времена оны англизированные или офранцуженные потомки „тѣхъ родовъ боярскихъ“, съ грѣхомъ пополамъ, высиживали четыре года на скамьяхъ нашихъ университетовъ, сыны же ихъ, взлелѣянные англійскими nursery-rimes и проведшіе отрочество за границею, возвращались на родину, чтобы вполнѣ съ грѣхомъ сдать офицерскій или дипломатическій экзаменъ. Воль-

теріанство стараго времени, требовавшее нѣкоторыхъ, хотя далеко не обширныхъ познаній, стало выходить изъ моды, его съ лихвой замѣнило полнѣйшее политическое безвѣріе и презрительный скептицизмъ къ самымъ кореннымъ, заповѣднымъ вѣрованіямъ Русскаго народа.

Черезъ сто лѣтъ стали ощущаться горькія послѣдствія насильственной реформы. Расшатанные народные идеалы хранились въ непереобразованныхъ еще слояхъ общества. Но потребность воспитанія стала ощущаться въ среднихъ классахъ, особенно въ то время, когда вѣра въ необходимость эту оскудѣвала вверху. Своей школы всё еще не было, по неволѣ приходилось снова обратиться къ Западу. Началось новое отчужденіе отъ народной почвы, хотя въ другой менѣе осязательной формѣ. Вслѣдствіе тысячи разнородныхъ причинъ особенно много развилось у насъ людей недоучившихся. Они съ жадностью подхватили вольтеріанство вельможъ-стариковъ и гражданское безвѣріе болѣе современныхъ сановниковъ. Съ страшною быстротою распространилось навѣянное сверху безвѣріе по необъятнымъ степямъ нашей родины. Какъ ни различны съ виду послѣдствія этого господствующаго настроенія, въ сущности своей оно тождественно и только видоизмѣняется въ проявленіяхъ своихъ. Какъ вверху, такъ и внизу то же безотрадное и тлетворное безвѣріе, вся разница въ обстановкѣ. Источники этому всеобладающему злу одни и тѣ же, это иностранныя основы, на которыхъ зиждется до сихъ поръ наше quasi-воспитаніе. Вотъ отъ чего такъ враждебно относятся эти двѣ тождественныя по внутреннему своему характеру струи безвѣрія ко всякому истинно русскому стремленію, вотъ отчего такъ противно и тому и другому всякое проявленіе истиннаго народнаго духа. Снизу кричитъ: татарщина, сверху: шовинизмъ. Только у насъ можетъ существовать такой non-sense, какъ русская партія! Что бы сказали нѣмцы или англичане, если бы кто заявилъ имъ о существованіи среди нихъ нѣмецкой или англійской партіи, да еще находящейся подъ присмотромъ князя фонъ-Бисмарка или лорда Биконсфильда? Одна мысль объ этомъ навела бы гомерическій смѣхъ на любого британца или нѣмца, какъ бы флегматиченъ онъ ни былъ!... Но мы отдалились отъ нашего предмета.

Четвертый сынъ графа Кирилы Григорьевича, Левъ Кириловичъ, отправился за границу въ концѣ 60-хъ годовъ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ двѣнадцати-лѣтній братъ его, Григорій Кириловичъ, болѣзненный и нелюдимый, менѣе всѣхъ братьевъ любимый отцомъ. Съ молодыми Разумовскими отправился, въ качествѣ ментора, Михаилъ Ивановичъ Ковалинскій, мистикъ, ученикъ и другъ Сковроды, о которомъ мы упоминали въ первомъ томѣ труда нашего. Впослѣдствіи Ковалинскій пошелъ въ гору, какъ многіе изъ гувернёровъ Разумовскихъ.

Онъ былъ правителемъ канцеляріи Потемкина, потомъ управлялъ Рязанскимъ намѣстничествомъ, а наконецъ назначенъ былъ куратором въ московскій университетъ. Кромѣ Ковалинскаго, при Разумовскихъ состоялъ еще нѣкто Петрищевъ. За границею встрѣтилъ ихъ уже знакомый намъ де-Мариньянъ, которому отъ графа Кирилы Григорьевича порученъ былъ главный присмотръ за сыновьями. Первою стоянкою Разумовскихъ былъ Гёттингенъ, гдѣ Левъ Кириловичъ слушалъ лекціи. Изъ Гёттингена графъ Григорій Кириловичъ переѣхалъ въ Ліонъ, вмѣстѣ съ Ковалинскимъ, а Левъ Кириловичъ съ Петрищевымъ поселился въ Женевѣ. Мѣсто Мариньяна занялъ при нихъ полковникъ французской службы, де-Феронсъ (de Feronce), но первый, какъ видно изъ приложенныхъ ниже писемъ, продолжалъ навѣщать бывшихъ своихъ воспитанниковъ и даже по-долгу у нихъ гащивалъ. Въ архивѣ графа А. С. Уварова сохранились письма де-Феронса къ М. И. Ковалинскому изъ Женевы въ Ліонъ.

I.

Genêve le 22 Fevrier 1772.

Je suis très sensible, Monsieur, du témoignage obligeant de votre souvenir par la lettre que vous m'avez fait l'amitié de m'écrire. Je vois avec plaisir que vous êtes satisfait de m. le comte Grégoire. Je l'exhorte fortement à continuer de même et à profiter de vos sages instructions. Je vous prie, monsieur, de vouloir bien le prier de travailler assiduement à ses extraits d'histoire et à prendre exactement ses leçons; j'espère de le retrouver un vrai savant et même en état de me donner des leçons à moi-même sur différents objets de ses études. J'attends aujourd'hui des lettres de m. de Marignan qui décideront tout de suite mon départ. Je me flatte, monsieur, de vous rejoindre au plutôt. Il me tarde infiniment d'être à Lyon; nos amusements ici ne sont pas trop vifs; il fait un temps affreux et un grand froid, ce qui nous empêche de profiter de bien des agréments et surtout de celui de la promenade. Je vous prie, monsieur, de dire à Iwan, supposé qu'il manque d'argent pour les frais du ménage, d'en demander à m. David, associé de m. Gaulis et c-ie, qui lui en donnera. Je pense qu'on travaille actuellement à meubler la chambre de m. Petrisheff et que je trouverai tout cela prêt à mon arrivée. Je suis bien surpris que vous n'ayez pas encore reçu ses lettres. J'écris à m. le comte Grégoire de ne pas oublier de faire quelques visites à m. le marquis de Bellescie et à m-me la marquise de Rochebaron. Je vous prie, monsieur, de vouloir avoir la bonté de l'en faire ressouvenir.

II.

Genêve, le 1 Mai 1772.

Je n'ai pu répondre, monsieur, à votre dernière lettre plutôt parceque je ne l'ai reçue qu'au moment de mon depart pour Lausanne. Je suis très content de ce que vous avez la bonté de me marquer au sujet de m. le comte Grégoire et que vous soyez satisfait de son application. J'ai été joindre m. et m-me de Marignan à Lausanne, j'ai trouvé m. Petricheff avec eux; nous sommes tous arrivés ici hier au soir, nous repartons Dimanche de grand matin et m. Petricheff Samedi au soir. M. Petricheff sera Dimanche de bonne heure à Lyon, et nous y arriverons Lundi à midi. Je vous prie, au moment de la reception de ma lettre d'envoyer Maconnais chez notre tapissier, afin qu'il mette un nouveau lit tout de suite dans la chambre de m. le comte Léon; ce lit servira pour m. le comte Grégoire, m-me de Marignan occupera ma chambre, m. de Marignan celle du comte Grégoire et moi celle de m. Petricheff. M. Petricheff logera chez m-me Fureau jusqu'au départ de m. et de m-me de Marignan qui ne doivent s'arrêter que 12 jours à Lyon. Je vous prie de faire faire ces arrangements tout de suite. Je désirerais que m. le comte Grégoire ne sortit point Dimanche et qu'il attende m. Petricheff à la maison. Ayez la bonté d'envoyer Maconnais tout de suite chez le tapissier, il se nomme Jaquet et loge je crois dans la rue Pizé. Je vous prie également de l'envoyer aussi chez m me Fureau pour qu'on trouve pour Dimanche une chambre pour m. de Petricheff. Je vous prie de recommander à Iwan et Maconnais que les chambres soyent bien nettoyées.

III.

D'Aix. Mai 1773.

J'apprends avec plaisir votre arrivée à Lausanne. J'aurais désiré que les circonstances vous eussent permis de prolonger votre séjour parmis nous puisque le ton de la campagne vous plait, mais tel est le triste sort de la condition humaine d'être souvent contrariée dans ses voeux. Il faut s'y soumettre et dire avec le docteur Pangloss: tout est au meiux dans ce meilleur des mondes possibles. Ma santé est toujours chancellante, mes maux de tête continuent quoique avec moins de force et l'on m'accable de remêdes. J'espère cependant d'être en état de me rendre Lundi prochain à Lausanne. Je vous prie de faire agréer mes compliments à m. Petricheff et à m. le professeur Salchli.

Разумовскіе на всю зиму поселились въ Лозаннѣ. Часто посѣщали они Женеву, гдѣ въ то время проживало много русскихъ, между прочими Демидовы, Собакинъ и племянникъ И. И. Шувалова, князь Ѳ. Н. Голицынъ. Послѣдній близко сошелся съ графомъ Львомъ Кириловичемъ и ментором его Ковалинскимъ.

„Что хорошаго", писалъ Голицынъ къ Ковалинскому изъ Женевы отъ Февраля 1773 года, „друзей обманывать? Я васъ всякій день ожидаю по пустому... Скажите, устоите-ли вы въ своемъ словѣ и обѣщаніи и когда васъ ожидать? Успокойте меня въ томъ. Новости политическія, кажется, къ миру склонны. Дай Богъ, чтобы тишина скорѣе воспослѣдовала. О себѣ подлиннаго ничего не знаю. Главное мое желаніе скорѣе васъ здѣсь увидѣть. Землянки наши здоровы, хороши и любезны, какъ обыкновенно. Что любезный графъ дѣлаетъ? Нашелъ ли онъ какую отраду? Я бы къ вамъ пріѣхалъ, но уроки не дозволяютъ отлучиться".

„Извѣстіе о вашемъ пріѣздѣ", писалъ къ нему же Голицынъ отъ 2 Августа 1773, „меня тѣмъ болѣе тронуло, что я, живши столь долго въ сосѣдствѣ, не пользовался вашимъ пріятнымъ сосѣдствомъ. Судьба наша испытала въ семъ случаѣ наше терпѣніе. Что-жъ дѣлать, когда сіе не возвратимо. Г. Петрищевъ по отъѣздѣ своемъ отсюда обѣщалъ, если будетъ можно, по полученіи графской воли, сюда на нѣсколько времени пріѣхать со всѣми. Если сіе можетъ онъ еще исполнить, безпримѣрное мнѣ удовольствіе сдѣлаетъ. А вамъ, думаю, нехудо еще остаться, ибо въ дорогѣ будете въ самое дурное время. Я помню, что мы изъ Россіи выѣхали въ самое сіе время и до самой почти Вѣны плыли, а вы еще позже поѣдете. Подумайте объ этомъ, можетъ быть мои совѣты дождаться зимы апробуютъ, а сіе тѣмъ болѣе вамъ пристойно, что вы прежде мѣсяца или пяти недѣль не подыметесь. Путешествіе весьма долгое. Если же ничто не можетъ перемѣнить ваше намѣреніе, такъ, собравшись совсѣмъ, жертвуйте мнѣ хоть мѣсяцемъ. Уговорите г. Петрищева пріѣхать, стать въ Вашеронѣ. Разницы вамъ право мало сдѣлаетъ. Если я васъ не истинно любилъ, требовать бы сего не осмѣлился. Я васъ тогда-бы могъ проводить хоть до Берны. Скажите г. Петрищеву, что сей знакъ дружбы вѣчно буду помнить. Если всё сіе невозможно, пріѣзжайте ко мнѣ, когда хотите, и когда заблагоразсудите прямо въ нашу хижину, но граціевъ ради докажите мнѣ, скорѣйшимъ исполненіемъ моей просьбы, вашу дружбу" [1]).

Осенью 1773 г. Разумовскіе пустились въ обратный путь и остановились по дорогѣ въ Женевѣ. Голицынъ былъ съ ними неразлученъ.

---

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

Они захотѣли повидаться съ Вольтеромъ, у котораго не разъ бывалъ князь Ѳедоръ Николаевичъ, снабженный отъ дяди рекомендательными письмами. Но старый философъ былъ боленъ и на извѣщеніе о намѣреніи Разумовскихъ навѣстить его, отвѣчалъ слѣдующею запискою:

„M-r de Voltaire est très malade. Il demande bien pardon à messieurs les comtes de Rasmousky (sic). Il est très affligé de ne pouvoir recevoir aujourd'hui l'honneur de leur visite. S'il peut recouvrir un peu de santé, il se fera un devoir et un grand plaisir de leur présenter ses respects.

25 7-bre 1773 à Ferney“ [1]).

Не знаемъ, удалось-ли Разумовскимъ побывать въ Фернѣ. Въ началѣ 1774 года они уже были въ Петербургѣ, куда вызывалъ ихъ отецъ и куда графу Льву Кириловичу писалъ, отъ 29 Апрѣля 1774 г., изъ Парижа, женевскій его пріятель князь Ѳ. Н. Голицынъ.

„Прости, любезный мой философъ“, гласитъ письмо это, „если я къ тебѣ не писалъ ни однажды отсюда. Я чрезъ князь Ивана Сергѣевича [2]) имѣлъ объ васъ извѣстія; зналъ, что дороги дурны были, что вы такъ долго тащились. А я въ началѣ Декабря сюда пріѣхалъ, оставивъ Женеву съ великимъ сожалѣніемъ. Опричь любви, привычка къ простой и къ трудолюбивой жизни, дружба многихъ, пріятность мѣстъ и спокойствіе, коимъ наслаждался, все сіе участвовало умножать мое сожалѣніе. Можетъ быть, нѣтъ въ Европѣ мѣста, которое толь сходствовало съ моими философическими мыслями. Представь-же, сколь горько такое покинуть, можетъ быть и навсегда. По счастію, разсужденіе во мнѣ довольно обладаетъ страстьми; также и должность имѣетъ нѣкоторое могущество. Сожалѣю токмо, что мало пожилъ, недовольно набрался науки, чтобы можно было льститься сею выйдти въ люди, а особливо нынѣ; у насъ множество достойныхъ молодыхъ людей. Помнишь, какъ мы разсуждали *au petit Sacconet* или *au bastion?* Объ (чемъ) мы съ тобою не переговорили? Никто у насъ не увернулся. Я жилъ до дядинаго [3]) пріѣзда въ *Chatelaine*, которое ты такъ хорошо описалъ. Парижъ дѣйствительно городъ удивительный, нигдѣ столь нѣтъ разныхъ забавъ, нигдѣ столь нѣтъ способовъ всему научиться, нигдѣ столько много прожить не можно денегъ, нигдѣ съ самымъ малымъ доходомъ столь пріятно нельзя жить; нигдѣ столько нѣтъ упражненныхъ людей, нигдѣ столько нѣтъ бездѣльныхъ, но всего пріятнѣе, что живи какъ хочешь: ни до кого тебѣ нужды нѣтъ. Однимъ словомъ, Парижъ представляетъ обѣ

[1]) Тамъ же.

[2]) Барятинскаго, посланника нашего въ Парижѣ.

[3]) И. И. Шувалова.

крайности во всякомъ состояніи. Я слушаю здѣсь множество публичныхъ курсовъ, чѣмъ немного пріумножилъ свое знаніе. Могу сказать, что веселіе не ослѣпило меня и не убавило прилежности къ наукамъ. Я считаю быть въ Петербургѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ съѣзжу въ Англію, которую весьма любопытенъ видѣть. Прости, любезный философъ, будь увѣренъ о непрерывной моей къ тебѣ дружбѣ".

Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Россію, графъ Левъ Кириловичъ отправился въ свитѣ князя Репнина въ Константинополь. Что же касается до графа Григорія, то онъ оставался нѣсколько лѣтъ въ Россіи и въ концѣ 70-хъ годовъ, какъ мы увидимъ ниже, поѣхалъ доканчивать свое образованіе въ Лейденскомъ университетѣ. Графъ Иванъ Кириловичъ, меньшой изъ братьевъ Разумовскихъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Когда онъ началъ подростать, отецъ его уже былъ подъ полнымъ вліяніемъ графини Апраксиной, не любившей вообще лишнихъ расходовъ и прихотей. На воспитаніе меньшаго Разумовскаго смотрѣли сквозь пальцы: у него не было ни выписныхъ изъ-за границы гувернеровъ, ни академическихъ профессоровъ. Онъ учился кое-какъ и кое-чему, на подобіе бо̀льшей части своихъ сверстниковъ. Позднѣе отецъ думалъ путешествіемъ вознаградить потерянное время. Двадцати съ лишнимъ лѣтъ отправилъ онъ сына за границу. Но ничто не могло уже вознаградить потеряннаго. Иванъ Кириловичъ на родинѣ успѣлъ привыкнуть къ разгульной жизни и за границею думалъ не о скучныхъ лекціяхъ, а о томъ, какъ-бы до сыта насладиться тѣми развлеченіями, которыя могла ему представить Европа.

ГЛАВА II.

Графъ Алексѣй Кириловичъ.

Графъ Алексѣй Кириловичъ родился 12-го Сентября 1748 года; со дня рожденія записанъ онъ былъ въ военную службу и по восшествіи на престолъ Петра III, тринадцати лѣтъ произведенъ былъ изъ секундъ-ротмистровъ въ ротмистры [1]). На дѣйствительную военную службу молодой Разумовскій однако не поступалъ. Вернувшись изъ-за границы онъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ и, несмотря на то, что отецъ

---

[1]) „Отечественныя Записки", 1867 г., Августъ, кн. 2, статья Семевскаго, „Шесть мѣсяцевъ изъ Русской Исторіи".

желалъ для него болѣе полезной дѣятельности, несмотря на то, что самъ не любилъ придворной жизни, сталъ служить при дворѣ. Служба эта мало занимала Разумовскаго и онъ жаловался отцу на бездѣйствіе. Графъ Кирила Григорьевичъ, которому Екатерина не дозволяла посѣщать, въ первые годы послѣ уничтоженія гетманства, малороссійскихъ имѣній, чтобы дать сыну занятіе, передалъ ему полное надъ ними управленіе. Въ то же самое время отецъ сосваталъ ему графиню Варвару Петровну Шереметеву, дочь богача-вельможи графа Петра Борисовича и жены его Варвары Алексѣевны, единственной наслѣдницы несмѣтнаго состоянія государственнаго канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго. Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, покоритель Риги и Лифляндіи, по указу Петра Великаго, избралъ наслѣдникомъ всего своего достоянія, „аки достойнѣйшаго“, второго сына, графа Петра Борисовича. У послѣдняго, болѣе чѣмъ удвоившаго женитьбою свое уже и такъ громадное богатство, родились сынъ и двѣ дочери. Старшая дочь, графиня Анна Петровна (р. 1744 г.), умерла двадцати четырехъ лѣтъ 17 Мая 1768 г., невѣстою престарѣлаго графа Никиты Ивановича Панина, который былъ почти ровесникомъ отца ея. Послѣ смерти сестры, вторая дочь графа Петра Борисовича, графиня Варвара Петровна, родившаяся 2 Января 1750 г., по богатству стала первою невѣстою въ Россіи. Сватовство продолжалось довольно долго. Женихъ, какъ кажется, не рѣшался сдѣлать форменнаго предложенія. Судя по портретамъ, сохранившимся въ древней отчинѣ Шереметевыхъ, селѣ Кусковѣ, невѣста была недурна собою, но она была застѣнчива, робка до крайности и не блистала умомъ. О сватьбѣ не мало толковали по Москвѣ и Петербургу. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, забывъ вѣроятно, что родной братъ его такъ недавно былъ женихомъ 26-ю годами его младшей, графини Шереметевой, родной сестры невѣсты и не припоминая о „тѣхъ врожденныхъ добродѣтельныхъ качествахъ“ графа Кирилы Григорьевича, которыя десять лѣтъ позднѣе „наполняли его, Панина, почтеніемъ и привергли къ старшему Разумовскому усердіемъ“ [1]), съ негодованіемъ писалъ отъ первыхъ чиселъ Января 1773 г. къ племяннику своему князю Александру Борисовичу Куракину, мечтавшему также о выгодной партіи: „Вы, любезный другъ, позволяете себѣ брать примѣръ изъ графа Алексѣя Кириловича, затмѣвались, что онъ къ подражанію своему ничего другаго въ предкахъ своихъ не имѣетъ, какъ въ отцѣ припадками счастія обогащеннаго-празднеца; а въ дѣдѣ уже пастуха“ [2]). 23 Февраля 1774 году Алексѣй Кириловичъ женился.

---

[1]) См. I-й томъ.

[2]) „Русская Старина“.

Сватьбу съ большимъ торжествомъ и пышностью отпраздновали въ Москвѣ, гдѣ молодые и поселились, пріѣзжая въ Петербургъ только изрѣдка, когда того требовало дежурство графа при дворѣ. Лѣтомъ Алексѣй Кириловичъ посѣщалъ малороссійскія имѣнія отца. Управленіе ими шло неудовлетворительно. Графъ Алексѣй не имѣлъ рѣшительно никакихъ способностей къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ самъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, постоянно увлекался изъ одной крайности въ другую, недовѣрялъ людямъ и при этомъ вѣчно находился подъ вліяніемъ какого-нибудь пройдохи. Дѣла отцовскія представлялись ему въ самомъ черномъ цвѣтѣ и онъ пророчилъ отцу окончательное раззореніе. Онъ всячески старался отклонить его отъ всегдашней и любимой мысли, пожить въ Малороссіи. Въ концѣ длиннаго, писаннаго по этому случаю и помѣщеннаго въ первомъ томѣ труда нашего, письма. Алексѣй Кириловичъ между прочимъ выпрашивалъ себѣ у отца серебряный столовый сервизъ. „Сервизъ, который къ сватьбѣ изволили прислать, я не отправилъ теперь обратно, потому что, во-первыхъ, опасался переслать его по такимъ худымъ дорогамъ, въ чемъ и оправдала меня опасность, въ которой Антуанъ находился, ибо рисковалъ онъ дорогой утонуть, а къ тому я хотѣлъ сперва представить вамъ мое положеніе. Отправивъ теперь оный въ Петербургъ, я ничего у себя въ домѣ не имѣю своего собственнаго, что можетъ быть и странно покажется всякому, будучи всѣмъ извѣстно состояніе ваше; сверхъ того, какъ почти весь городъ перебывалъ у меня во время сватьбы моей и всѣ видѣли сервизъ, который не инако считаютъ какъ вами на сей случай пожалованный, то какъ судить будутъ, когда увидятъ, что я оный отправляю обратно? И притомъ, хотя я и получилъ въ приданое за Варварою Петровною сервизъ кувертовъ на 30, но оный не комплектный и надлежитъ много придѣлывать къ оному, какъ-то крышки на блюда, подсвѣчники десертные приборы и проч. Но какъ самъ я, состояніе мое и благоденствіе зависятъ отъ васъ, то и въ семъ случаѣ, такъ какъ и всегда, препоручаю себя въ ваше родительское благоволеніе и ожидать буду повелѣнія вашего, которому и слѣдовать имѣю“ [1]).

Отецъ однако не внялъ представленіямъ сына и, получивъ наконецъ разрѣшеніе Государыни, поспѣшилъ переѣхать на нѣсколько лѣтъ въ Батуринъ и снова сталъ управлять своими имѣніями. Между тѣмъ, по случаю празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ Іюлѣ 1775 года, графъ Алексѣй Кириловичъ изъ камеръ-юнкеровъ назначенъ былъ въ дѣйствительные камергеры.

„Новаго донести ничего не имѣю“, писалъ онъ годъ послѣ на-

---

[1]) Изъ архива автора. Письмо отъ 5 Апрѣля 1774 г.

значенія своего, къ отцу въ Батуринъ изъ Москвы, отъ 6 Марта 1776 года, „кромѣ того, что̀ можетъ быть вамъ уже извѣстно, что насъ всѣхъ придворныхъ изъ Москвы гонятъ въ Петербургъ къ пріѣзду принца Генриха [1]), къ чему теперь всѣ готовятся. Обстоятельства и расположенія мои, будучи весьма не согласны съ такимъ путешествіемъ, я писалъ къ Андрею Кириловичу, чтобы объяснилъ оныя Григорію Александровичу [2]) и жду отвѣта. Я меньше всѣхъ конечно ожидалъ сдѣлаться нужнымъ въ Петербургѣ, будучи выключенъ изъ комплекта и записанъ въ сверхъ-комплектные. Но видно, что и въ тѣхъ нужда случилась. Если того необходимо, то принужденъ буду перемѣнить весь свой планъ и лишиться удовольствія быть у васъ нынѣшнею весною“.

„Что касается до меня“, писалъ онъ далѣе изъ Петербурга, отъ 1 Января 1777 г., „то донесу, что по сіе время живу здѣсь въ ожиданіи отпуска. Григорій Николаевичъ [3]) сказывалъ мнѣ, что онъ послалъ къ вамъ копію съ письма, которое я подалъ, на оное до сихъ поръ никакого отвѣта не имѣю и не понимаю тому причины“. Послѣ долгаго ожиданія Разумовскому было, наконецъ, позволено вернуться въ Москву. Передъ отъѣздомъ онъ пріискивалъ себѣ постоянную квартиру въ Петербургѣ, куда, какъ предвидѣлъ, часто должны были призывать его дежурства при дворѣ.

„Плану Цесаревинскаго дома я при Ламотѣ никогда не видалъ и не зналъ, что вы приказывали его дѣлать, а изъ Москвы я давалъ коммиссію Маріонелли, чтобы, съ Ламотомъ посовѣтуясь, сдѣлали бы планъ, который и сдѣланъ за нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе краи. Что касается до дома покойной канцлерши, я оный осматривалъ, но въ цѣнѣ мы согласиться не могли и такъ я думаю, что принужденъ буду со временемъ искать нанять домъ, что̀ весьма не легко найти и дорого здѣсь“ [4]).

Такое затрудненіе на счетъ квартиры по малой мѣрѣ кажется страннымъ, когда подумаешь о хоромахъ эксъ-гетмана на Мойкѣ и близъ Царицына луга. Аничковскій домъ въ описываемое нами время былъ уже проданъ въ казну.

Изъ Москвы Алексѣй Кириловичъ писалъ отцу о своихъ видахъ и намѣреніяхъ касательно службы. Выписываемъ здѣсь вполнѣ его письма.

---

[1]) Прусскаго.
[2]) Потемкину.
[3]) Тепловъ.
[4]) Изъ архива автора.

I.

Москва, 9 Августа 1777.

..... Во первыхъ доложу вамъ, что я по долговременной болѣзни въ Петербургѣ наконецъ, воспользуясь послѣдними минутами пребыванія тамъ г. Завадовскаго, получилъ отпускъ, столь долго мною ожидаемый. Сіе было столь наскоро заключено и такъ близко съ отпускомъ самого Завадовскаго и съ пріѣздомъ короля Шведскаго, что я не могъ уже добиться толку о срокѣ моего отпуска, и съ тѣмъ выѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ меня многіе однакоже увѣряли, что какъ Государыня изволила положить никогда болѣе не отпущать кавалеровъ, какъ на четыре мѣсяца; то и мнѣ не болѣе того можно быть отсутственнымъ. Наканунѣ моего отъѣзда былъ я у графа Петра Александровича [1]), который послѣ многочисленныхъ комплиментовъ и увѣреній о дружбѣ его къ вамъ, далъ мнѣ письмо для васъ, которое я персонально, какъ и ему сказывалъ, надѣялся вамъ вручить; но, пріѣхавъ сюда, обстоятельства мои домашнія и великій безпорядокъ во всей моей экономіи здѣсь не дозволили мнѣ отлучиться, для чего и письмо прилагаю при семъ. Извините, милостивый государь батюшка, что я оное позадержалъ здѣсь; тому причиною, что я все былъ въ надеждѣ успѣть съѣздить въ Малороссію, а притомъ по разговорамъ г. Румянцева заключилъ, что оное ничего важнаго не содержитъ, а единственно есть повтореніе словесно мнѣ имъ сказанныхъ комплиментовъ.

Теперь приступлю я къ матеріи, для меня наиважнѣйшей, въ разсужденіи которой и курьера намѣренъ я былъ послать: обстоятельства мои заставляютъ меня прибѣгнуть къ вамъ, какъ къ чадолюбивому отцу, коего всегда почиталъ источникомъ своего благоденствія и отъ коего единственно и теперь помощи ожидать могу. Неоднократно вы, милостивый государь батюшка, по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ, пріемля родительское участіе въ состояніи моемъ, изволили мнѣ объявлять желаніе свое, чтобы я опредѣлился въ какую ни есть отечеству полезную службу и избралъ бы себѣ мѣсто по склонности моей, которое бы и доставили мнѣ вашимъ милостивымъ стараніемъ. Молодость, неосновательныя мысли, съ оною соединенныя, а къ тому и худое мое тогда свѣдѣніе о нашей службѣ не допустили меня воспользоваться милостивымъ вашимъ обо мнѣ попеченіемъ, какъ ни мало склонности я чувствовалъ уже въ то время ко двору; нынѣ же всѣ мои обстоятельства не тѣ. Съ одной стороны и дѣйствіе нѣко-

[1]) Румянцева-Задунайскаго.

тораго самолюбія открываетъ глазамъ моимъ всю картину теперешней моей жизни, весьма для меня нелестной; ибо не инако разсуждаю о придворной моей должности, какъ о такой, которая единственно неспособному ни къ какому дѣлу и почти лишнему члену въ обществѣ прилична. Мнѣ кажется, что всякій капралъ нужнѣе меня отечеству и несравненно болѣе имѣетъ случая оному дѣлать заслуги. Сіи мысли, весьма нерѣдко мнѣ воображающіяся, можетъ быть отчасти причиною тому, что я не только ни малой по сіе время склонности не чувствую ко двору; но, напротивъ, чрезмѣрное во мнѣ къ оному отвращеніе повседневно прибавляется. Здѣсь я самую истину чувствъ души моей вамъ открываю. Будьте увѣрены, милостивый государь батюшка, что силъ моихъ болѣе недостаетъ продолжать столь противную мыслямъ моимъ службу; слѣдствія же сего принужденнаго моего состоянія тѣ, что нравъ мой часъ отъ часу перемѣняется и здоровье мое совсѣмъ отъ того истребляется. Съ другой же стороны, вступилъ я, женившись, въ хозяйство, коего по разнымъ случаямъ и отлучкамъ въ Петербургъ по сіе время не имѣлъ еще удобности разсмотрѣть и въ порядокъ привести; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оно разстроивается, что особливо теперь испыталъ послѣ девяти-мѣсячнаго отдаленія моего отсюда, не имѣя никакого надежнаго человѣка, который бы въ отсутствіе мое могъ бы здѣсь замѣнить нѣсколько сей недостатокъ. Видя сіе и чувствуя, сколь нужно хотя нѣкоторое основаніе порядка сдѣлать, всѣ способы употреблялъ, будучи въ Петербургѣ, какъ и вамъ небезъизвѣстно, дабы получить дозволеніе хотя на годъ отлучиться, ибо меньше того времени почти невозможно опредѣлить на разсмотрѣніе и поправленіе моего хозяйства. Но законныя и необходимыя нужды партикулярнаго человѣка столь маловажны показались, что не удостоился я не только получить милостивой резолюціи на мое прошеніе, но ниже отвѣта на оное не дано; а вообще объявлено всѣмъ намъ, что Ея Величество впредь опредѣлила никого изъ придворныхъ болѣе не отпускать, какъ на 4 мѣсяца; симъ опредѣленіемъ вдругъ и предпріятія мои всѣ уничтожились. Одинъ способъ остается мнѣ, коимъ достигнуть могу до двоякаго сего предмета, отечеству быть полезну и свой собственный интересъ соблюсти: способъ тотъ, чтобы быть опредѣлену къ мѣсту здѣсь, въ Москвѣ. Всѣ обстоятельства, кажется, удобнѣйшія къ полученію мною желаемаго: Григорій Александровичъ [1]), который всегда считается пріятелемъ вашего дома, во всей силѣ и славѣ опять находится. Два мѣста президентскія очищаются здѣсь въ Москвѣ, а именно: камеръ-коллегіи президентъ Мельгуновъ сдѣланъ намѣстникомъ и коллегію свою, слѣдовательно,

[1]) Потемкинъ.

оставить долженъ; мануфактуръ.-коллегіи президентъ Волковъ такимъ же образомъ, и, если не упуская времени воспользоваться симъ случаемъ, то не сомнѣваюсь, что все желаемое получить легко можно будетъ, если вы, милостивый государь батюшка, о семъ напишете къ Григорію Александровичу, а притомъ хотя и къ самой Государынѣ включится тутъ же письмо, кое можно оставить, если изволится, на разсмотрѣніе Григорія Александровича, я увѣренъ, что все для васъ, конечно, исполнено будетъ. Только сіи точно два мѣста назвать надлежитъ, въ разсужденіи того, что какъ оба президента въ другія опредѣлены мѣста, то не странно покажется, что вы просите, если на оныя еще Ея Величество назначить не соизволила никого, чтобы на одно изъ двухъ соблаговолила опредѣлить сына, который желаетъ какъ Ея Величеству, такъ и отечеству сдѣлаться полезнымъ и посвятить труды свои. А притомъ Григорью Александровичу, если милость сдѣлаете написать, что ежелибъ возможно меня по склонности моей опредѣлить, то предпочелъ бы мѣсто въ мануфактуръ-коллегіи, къ коему нахожу себя способнѣе и гдѣ найду упражненіе для меня пріятнѣйшее и съ знаніемъ моимъ нѣсколько сходственнѣе; если же не назначить сихъ точно мѣстъ, то хотя и опредѣлятъ меня, но можетъ быть въ Петербургѣ, что меня еще далѣе отведетъ отъ моего намѣренія.

Присовокупите, милостивый государь батюшка, къ безчисленнымъ вашимъ родительскимъ благодѣяніямъ и сіе, коимъ навсегда установите основаніе благополучія сына вашего. Если я буду счастливъ столь, что труды мои заслужатъ мнѣ похвалу въ отечествѣ; если я не потеряю плодовъ воспитанія своего, но употреблю оные въ пользу общества, все сіе отнесется къ вамъ; ибо отъ васъ единственно имѣю все то, что̀ можетъ открыть мнѣ къ тому путь.

II.

Москва, 3 Октября 1777.

Письмо ваше съ Петромъ Терентьевымъ имѣлъ честь получить и съ приложенною копіею письма къ князю Потемкину. За милостивое ваше обо мнѣ попеченіе отъ искренняго сердца приношу мою нижайшую благодарность. Не сомнѣваюсь, что еслибъ зависѣло единственно отъ вашего согласія установить судьбу мою въ разсужденіи службы, не оставалось бы мнѣ ничего желать; но по несчастію отъ толь многочисленныхъ и разновидныхъ обстоятельствъ зависитъ наше благоденствіе, что еслибъ не надежда, которая насъ почти ни въ какомъ случаѣ не оставляетъ, никто бы не имѣлъ сердца о своемъ благополучіи стараніе имѣть. Возвратясь сюда, чрезъ два дня опять отпра-

вился въ путь Петръ Терентьевъ, съ коимъ и письма ваши я послалъ, а при томъ Натальѣ Кириловнѣ [1]) поручилъ свои интересы и подалъ ей случай испытать искренность къ ней дружбы князя Потемкина; но вмѣсто желаемаго успѣха, странное и совсѣмъ для меня непонятное приключеніе сдѣлалось. Пишетъ ко мнѣ Наталья Кириловна, что по полученіи письма моего былъ у нея князь, съ коимъ она долго говорила о намѣреніи моемъ, и наконецъ съ удивленіемъ видя изъ рѣчей его, что онъ, не отказываясь въ доставленіи мнѣ мѣста, ожидаетъ только вашего согласія, дабы приступить къ тому; спрашивала, не получалъ ли онъ отъ васъ письма о семъ дѣлѣ; но онъ божился, что не имѣлъ; а получилъ письмо, въ коемъ единственно пишете по дѣламъ вашимъ; но о сей матеріи ни слова. Въ разсужденіи чего не медля опять писалъ къ ней, чтобъ она призвала Петра Терентьева и разспросила бы, куда онъ дѣвалъ врученныя ему письма; а притомъ бы постаралась чрезъ Ковалинскаго, или какъ лучше заблагоразсудитъ, узнать всю истину сей энигмы. Чѣмъ сіе кончится, ожидаю нетерпѣливо извѣстія; ибо и срокъ пришелъ моему отпуску. . . .

. . . . . Будучи въ Петербургѣ, я все ласкалъ себя нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть честь быть у васъ и слѣдовать за вами, сколькобъ время дозволило въ вашихъ вояжахъ по Малороссіи; но болѣзнь моя, а потомъ короткій срокъ моего отпуска и безпорядокъ, въ домѣ вкоренившійся отъ долгаго отсутствія моего, не допустили исполнить желаемаго намѣренія. Видя такія препятствія и въѣхавъ въ Москву въ самое скучное время, удалился я отъ свѣта и переѣхалъ со всѣмъ домомъ въ Горенки, гдѣ живу и понынѣ, хотя уже зима настаетъ. Здѣсь я ни минуты въ праздности не былъ: изъ разныхъ старыхъ лоскутьевъ собралъ новый домъ, въ коемъ я со всей своей семьею спокойно помѣстился и еще для пріѣзжихъ, когда случатся, покоевъ довольно оставилъ. Садъ Числовскій расчистилъ, засадилъ плодовитыми деревьями и цвѣтами и окопалъ рвомъ; рябчиковъ и тетеревовъ перестрѣлялъ и наконецъ съ сожалѣніемъ собираюсь опять въ городъ переѣхать.

Здѣсь все благополучно, но въ Петербургѣ не таково: уповаю, что уже изволите имѣть извѣстіе о великомъ и безпримѣрномъ еще наводненіи, бывшемъ тамъ, отъ коего почти всѣ жители много претерпѣли, въ томъ числѣ и я, ибо погребъ, гдѣ сохраняемы были всѣ привозныя кожи изъ Малороссіи, наполнился водою, отчего и товаръ весь помокъ. Другая новость та, что Иванъ Ивановичъ Шува-

---

[1]) Загряжской.

ловъ возвратился, наконецъ, изъ чужихъ краевъ и находится теперь въ Петербургѣ, о чемъ также можетъ быть уже знать изволите.

Петръ Борисовичъ [1]) теперь въ Марковѣ и я чрезъ письмо къ нему исполнилъ вашу коммиссію; Варвара Петровна свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

III.

Москва, 31 Декабря 1777.

Хотя Александръ покупками и пріуготовленіемъ приданаго [2]) еще нѣсколько времени здѣсь задержанъ будетъ; но какъ въ Петербургѣ лишенъ буду столь удобнаго случая обстоятельно къ вамъ о себѣ писать, то положилъ передъ отъѣздомъ моимъ оное исполнить и оставить у него въ рукахъ сіе письмо.

Разсужденія ваши, милостивый государь батюшка, о положеніи моемъ конечно весьма справедливы, ибо основаны на истинѣ и здравомъ разсудкѣ; но у Двора въ нынѣшнее время ни того, ни другаго уже не содержится. Всѣ пути къ достиженію чести и похвалы молодому человѣку закрыты, кромѣ одного: худыя или хорошія свойства души въ людяхъ не уважаются, а поставляютъ въ достоинство одни преимущества тѣлесныя. Вы представить себѣ не можете теперь, въ какомъ развратномъ состояніи найдете дворъ по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ. Три фаворита вдругъ сильны и велики; одинъ другого давить и старается болѣе возвыситься униженіемъ своихъ соперниковъ. Каждый изъ нихъ, чувствуя себя не въ состояніи болѣе продолжать персонально услугъ своихъ, ищетъ ввести въ кредитъ намѣстника, а намѣстники наконецъ становятся съ тѣми же фаворитами на ряду. Однимъ словомъ, такой кагосъ, что наилукавѣйшіе и престарѣлые у двора тутъ, какъ въ лабиринтѣ. На сихъ дняхъ пріѣхалъ оттуда Ковалинскій, отъ коего узналъ, что Зоричъ, который весьма недавно былъ всемогущъ, уже теперь наканунѣ своей смѣны. Тьма претендентовъ отвсюду подъѣзжаютъ и все въ смятеніи отъ неизвѣстности, на кого жребій падетъ. Уже извѣстно, что свидѣтелемъ будучи сихъ перемѣнъ, невозможно успѣхъ имѣть у одного фаворита, не обратя на себя злобы всѣхъ прочихъ; а тому, кто не имѣетъ ни одного на свою сторону, въ комъ изъ нихъ искать, видя столь частыя и неожиданныя смѣны?

Вы изволите говорить, что въ моихъ обстоятельствахъ почитаете за нужное, прежде чѣмъ оставить службу, доказать, что я не лѣнивъ,

---

[1]) Шереметевъ.

[2]) Для графини Прасковьи Кириловны, выходившей за Гудовича.

способенъ, но недоволенъ. Есть ли способъ мнѣ то исполнить? По должности моей столь мало можно судить и заключать о способности моей, какъ и о томъ, что я ни къ какимъ дѣламъ не гожусь. Недовольнымъ какимъ образомъ могу себя оказать инако, какъ оставя службу тогда, когда отказаны мнѣ всѣ способы употребить труды мои въ пользу отечества? Проситься же въ отпускъ на годъ, мнѣ кажется, болѣе подастъ причину называть меня лѣнивымъ и, конечно, тогда ничему иному не припишутъ, какъ лѣни частыя мои просьбы объ отпускахъ; а сверхъ того и увѣренъ могу быть напередъ, что въ томъ мнѣ откажутъ; ибо Государыня формально объявила, что никто изъ кавалеровъ ни подъ какимъ видомъ болѣе, какъ на четыре мѣсяца, никогда отпущенъ не будетъ, что со мною и воспослѣдовало прошедшею зимою. Въ четыре мѣсяца чрезъ безпрестанныя домогательства получилъ я отказъ, и тогда, не видя инаго средства, подалъ письмо чрезъ секретаря, прописывая законныя причины, побуждающія меня просить увольненія. Безъ наималѣйшаго уваженія держали меня еще шесть мѣсяцевъ безъ резолюціи и наконецъ, при абшидѣ Завадовскаго, дозволили и мнѣ отлучиться на четыре мѣсяца. Итакъ, милостивый государь батюшка, теперь уже и приступить къ тому не смѣю. До сихъ поръ не только, что въ мысли мои никогда не входило идти въ отставку; но истинно почти за безчестное дѣло почиталъ молодому человѣку не служить. Теперь же столь тяжело и несносно мнѣ мое состояніе, что не вижу иного средства къ избавленію меня отъ такого ада. Почти цѣлый годъ я оттерпливался и старался найти способъ, не оставляя службы, переждать до перемѣны въ моихъ обстоятельствахъ; но силъ моихъ на то болѣе не стало и тогда уже сталъ о томъ къ вамъ писать. Теперь описать не въ состояніи вамъ, съ какими чувствами ѣду я въ Петербургъ. Дай Богъ, чтобъ сей вояжъ былъ для меня счастливѣе прошлогодняго, что кажется невозможнымъ. Но если состояніе мое не перемѣнится, тогда уже дозвольте мнѣ явиться у васъ, но не въ отпускъ, а въ совершенной отставкѣ.

Друковцовъ присылалъ ко мнѣ письмо, коимъ изволите приказывать ему потребовать моего мнѣнія въ разсужденіи просьбы къ вамъ сосѣдей моихъ о перестройкѣ церкви. Потомъ присылали и они ко мнѣ депутатомъ попа здѣшняго, для истребованія какъ резолюціи о церкви, такъ и дозволенія перевести сюда отъ стараго строенія, бывшаго въ Перовѣ, имѣющійся тамъ матеріалъ. Друковцову я отвѣчалъ, что прежде, какъ дозволить имъ здѣсь строиться, за нужное почитаю о томъ обстоятельно вамъ доложить и ожидать точнаго повелѣнія, а тѣмъ господамъ объявилъ, что, будучи почти наканунѣ моего отъѣзда, времени не имѣю теперь съ ними трактовать и какъ время еще къ строенію до весны много, то буду къ вамъ о томъ писать и если

отъ васъ дозволеніе о томъ точное будетъ, то они успѣютъ къ тому приступить. Чтожъ касается до матеріаловъ, то вовсе имъ отказалъ, ибо какъ старое все строеніе найдено мною въ упадкѣ въ Перовѣ и ни къ чему тамъ неспособное, то перенесъ я все оное въ Горенки и часть нынѣшняго лѣта въ нихъ и прожилъ.

Теперь донесу вамъ, милостивый государь батюшка, что церковь здѣшная до сихъ поръ, хотя почти на основаніи приходскихъ, но всегда въ волѣ вашей состоитъ оную сдѣлать опять единственно домашнею. Согласясь на представленіе г. Мартынова, того сдѣлать уже невозможно будетъ, ибо формально сдѣлана она будетъ навсегда приходскою; часть немалая земли вашей отойдетъ и будетъ на-вѣки церковною и вы будете на своемъ дворѣ не господиномъ. Сіе есть первое и главное неудобство. Другое то, что если пожелаете мѣсто сіе на Гороховомъ полѣ продавать, какъ ваше и было намѣреніе, то уступивъ часть къ приходу, уже не найдете купца на остатки или по крайней мѣрѣ отдать надобно будетъ оное за безцѣнокъ. Теперь же сосѣдъ мой Демидовъ, который болѣе всѣхъ тутъ интересуется, столь устремился въ сіе дѣло, что если на предложеніе ихъ склониться не изволите, онъ, я думаю, наконецъ, станетъ искать хотя купить все мѣсто, только чтобъ удовольствоваться въ семъ случаѣ. Главный же его предметъ, который побуждаетъ о сей церкви хлопотать, предметъ достойный великаго его ума, есть тотъ, что онъ надѣется тогда выходить дозволеніе послѣ смерти тушу свою здѣсь похоронить. А первый затѣйщикъ сему дѣлу и тотъ, который всѣхъ сихъ господъ ввелъ въ такія затѣи, есть Друковцевъ, который всегда почитаетъ за грѣхъ упустить случай пакости какія-нибудь сдѣлать [1]).

За долгъ почелъ объяснить вамъ всю сію интригу, что исполнивъ, остается теперь только вашей о томъ резолюціи ожидать.

Лошади мои уже впряжены и я сейчасъ ѣду.

P. S. Забылъ донести, что Ковалинскій, между прочимъ, сказывалъ мнѣ, что онъ оставилъ Ивана Перфильевича (Елагина) между двумя огнями, ибо и Потемкинъ и Зоричъ войну ему объявили. Уже доходило до того, что онъ и въ отставку просился.

IV.

С.-пб., 16 Января, 1778.

Тому около десяти дней, какъ я въ Петербургѣ, изъ коихъ половину, пріѣхавъ, просидѣлъ дома, будучи очень нездоровъ, а остальные

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о церкви Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ. Въ 1793 году на мѣстѣ старинаго храма, существовавшаго со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, выстроена новая церковь, она считалась домовою графа Разумовскаго.

ные на безсмѣнномъ дежурствѣ проводилъ, по недостатку камергеровъ. Впрочемъ, о себѣ новаго донести ничего не имѣю, все по старому, и мнѣ теперь кажется, что я изъ Петербурга никогда не выѣзжалъ, а въ заключеніе сдѣланнаго мнѣ отказа на просьбы мои пожалованы въ президенты въ камеръ-коллегію князь Щербатовъ, герольдмейстеръ, а въ мануфактуръ-коллегію Бриль, бывшій губернаторъ иркутскій. Ничего не могло въ семъ случаѣ мнѣ помочь. Несчастливая моя судьба все преодолѣла и стараніе князя Потемкина было безполезно мнѣ, въ то самое время, когда ему ни въ чемъ не отказывали. Вотъ, милостивый государь батюшка, въ какомъ нелестномъ положеніи я нахожусь. Что-жъ касается до будущаго времени, то картина онаго несравненно хуже настоящаго представляется.

На сихъ дняхъ былъ я у Григорія Николаевича, съ которымъ много говорилъ о пребываніи вашемъ въ Малороссіи и о безпокойствахъ, причиняемыхъ тамошними ябедниками. Причемъ съ немалымъ удовольствіемъ слышалъ отъ него, что вы перемѣнили намѣреніе жить въ такомъ хлопотливомъ краю. Я всегда былъ тѣхъ мыслей, что жизнь тамошняя болѣе вредна вашему здоровію, какъ полезна, ибо, выключая нѣкоторые авантажи въ климатѣ, во всемъ прочемъ Малороссія уступить должна Петербургу и Москвѣ, а особливо послѣдней. Спокойствіе же души и общество честныхъ людей, хотя и въ холодномъ климатѣ, несравненно лучше противнаго тому въ самомъ лучшемъ.

Прилагаю при семъ письмо отъ Ивана Ивановича Шувалова. Вы найдете, что оное было распечатано, что́ произошло отъ того, что пріѣхавъ на сихъ дняхъ ввечеру поздно домой, подалъ мнѣ его человѣкъ отъ Ивана Ивановича, не сказавъ ничего, а я, не разсмотрѣвъ адресса, счелъ, что онъ мнѣ о чемъ пишетъ и распечаталъ, но въ первыхъ строкахъ узналъ свою ошибку и тотчасъ оное опять въ пакетъ вложилъ. Ивану Ивановичу же того не смѣлъ сказать, дабы онъ на первыхъ порахъ не принялъ меня за вѣтреннаго, а за долгъ почелъ въ томъ, милостивый государь батюшка, вамъ признаться чистосердечно.

V.

С.-пб., 19 Марта 1778.

Письмо ваше отъ Февраля 20-го съ курьеромъ имѣлъ я честь получить и пользуюсь обратнымъ онаго отправленіемъ для засвидѣтельствованія вамъ нижайшаго моего поздравленія съ днемъ вашего ангела; отъ искреннѣйшаго сердца желаю оной съ многими еще будущими препроводить въ здравіи и удовольствіи.

О себѣ донесу вамъ, что сколь не чувствительны были мнѣ худое обо мнѣ мнѣніе, нелестный отказъ въ моемъ исканіи и вседневныя у двора огорченія, однако, пріѣхавъ сюда, вооружился терпѣніемъ и бодростію, надѣясь найти, наконецъ, какую-нибудь перемѣну въ обстоятельствахъ моихъ и тогда перемѣнить намѣреніе идти въ отставку на другое гораздо сходственнѣе съ мыслями и желаніемъ моимъ. Но все то понапрасну; ни доброе мое намѣреніе, ни огорченія нимало здѣсь никого не трогаютъ, а между тѣмъ живу я понапрасну, ни себѣ и никому не въ пользу, а болѣе во вредъ, ибо не только что здѣшнее мое пребываніе съ безпрестаннымъ неудовольствіемъ сопряжено, но, сверхъ того, кажется, что изъ онаго заключить можно только одно то, что я весьма мало чувствую тяжесть такого состоянія, въ коемъ болѣе всего честь моя страждетъ, что весьма уничижительно для меня. Итакъ, я взялъ было намѣреніе прежде всего съ княземъ Потемкинымъ объясниться и сказать, что я прошу увольненія отъ службы по причинамъ, которыя уже отчасти и ему довольно извѣстны; мнѣ кажется, что сей есть лучшій способъ дать восчувствовать мои неудовольствія; но въ самое то время, когда хотѣлъ я къ тому приступить, онъ занемогъ, и потому должно мнѣ было отложить еще на нѣкоторое время, а вчера онъ выѣхалъ и надѣюсь теперь свободнѣе можно будетъ то исполнить. О семъ намѣреніи моемъ я съ Григорьемъ Николаевичемъ нѣсколько разъ говорилъ: онъ въ томъ со мною согласенъ и сказалъ, что въ моемъ положеніи онъ давно бы оставилъ службу.

Съ новымъ зятемъ [1]) имѣю честь васъ поздравить. Уповаю притомъ, что и его уже по сіе время можно поздравить съ женою, если онъ не потерялъ куражу послѣ столь страннаго и неожидаемаго пріему, каковъ ему былъ.

Старичокъ Дицель [2]) просилъ меня написать вамъ о садовникѣ, недавно сюда пріѣхавшемъ, коего онъ весьма рекомендуетъ, какъ человѣка не только въ своемъ ремеслѣ знанія много имѣющаго, но, сверхъ того, архитектора изряднаго и весьма искуснаго во всякой земляной работѣ; онъ имѣетъ хорошіе аттестаты и показывалъ мнѣ планы разные своего сочиненія, хорошо рисованные, и если онъ столько знающъ въ практикѣ, какъ въ теоріи, то, кажется, можно считать его въ числѣ такихъ садовниковъ, кои не часто попадаются. Онъ теперь безъ мѣста, и если изволите имѣть хорошаго человѣка въ Петровскомъ или въ другомъ гдѣ мѣстѣ, можно его, уповаю, не за весьма высокую цѣну достать. Господинъ Зоричъ, который очень ласково со всѣми

---

[1]) Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ и графомъ.

[2]) См. о немъ, томъ I.

обходится, на сихъ дняхъ далъ мнѣ коммиссію засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе и просить, чтобъ, если чрезъ Польшу сюда ѣхать вознамѣритесь, заѣхали-бъ къ нему въ Шкловъ, гдѣ домъ его и все, что́ имѣетъ, къ услугамъ вашимъ. Михайло Власьевичъ [1]) тутъ ѣхалъ и сказывалъ намъ, что весьма хорошій городокъ, регулярно выстроенный и въ которомъ все можно найти.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ того, что Романъ Ларіоновичъ [2]) нѣсколько дней послѣ того, какъ объявленъ былъ намѣстникомъ Володимірскимъ, занемогъ опасною горячкою и нѣсколько дней почти безнадеженъ былъ, но сегодня говорятъ, что легче гораздо ему стало.

VI.

Москва, 15 Мая 1778.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, не преминулъ бы я писать къ вамъ съ Едугинымъ, который за нѣсколько дней до выѣзда моего отправился; но онъ ничего о томъ мнѣ не сказавъ и я ни отъ кого не слышавъ объ отъѣздѣ его, упустилъ противъ желанія моего столь удобную оказію. Пріѣхавъ же сюда, тому двѣ недѣли, сначала нездоровъ былъ, а потомъ, свѣдавъ за нѣсколько часовъ, что отправляется курьеръ изъ дома вашего въ Батуринъ, не успѣлъ и съ нимъ писать, для чего принужденъ былъ отложить до сего числа и писать съ почтою.

Письмо ваше отъ Марта 27-го имѣлъ я честь получить съ копіею ордера къ Жураховскому, коему оригинальный мною врученъ. Къ князю Куракину письма вашего я не видалъ; однако по повелѣнію вашему благодарилъ за добрыя и справедливыя его намѣренія; но не нашелъ я въ немъ такой охоты къ дѣламъ, какую онъ имѣлъ при вступленіи своемъ въ прокурорскую должность; мнѣ казалось, что сей жаръ въ немъ уменьшился; можетъ быть, сіе уменьшеніе временное и происходило отъ того, что онъ весьма былъ занятъ Датскою бѣлою лентою, которая уже нѣсколько тому времени, какъ у него лежала безъ употребленія, за неполученіемъ дозволенія надѣть оную; однако, наконецъ и дозволено ему ею украситься. Что-жъ касается до Жураховскаго, признаюсь, милостивый государь батюшка, что не могу представить себѣ, чтобъ онъ столь злодѣйскія мысли имѣлъ, каковыя ему приписываютъ. Онъ клялся мнѣ, что совсѣмъ не зналъ и не видывалъ того человѣка, которому, говорятъ, сочинялъ челобитныя

---

[1]) Будлянскій.

[2]) Графъ Воронцовъ.

противъ васъ и что онъ толико обязанъ вашею милостію и довѣренностію, что считаетъ, что онъ долженъ бы отъ всѣхъ быть признанъ совершеннымъ бездѣльникомъ и негоднѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ онъ хотя помыслить когда былъ въ состояніи что-нибудь противъ интересовъ вашихъ. Онъ во всемъ мнѣ оправдался; говорилъ, что у князя Куракина не былъ долго, пріѣхавъ въ Петербургъ, по причинѣ болѣзни, не отдавалъ письма для того, что почитая оное единственно рекомендательнымъ для него, хотѣлъ оное самъ вручить; а послѣ того былъ у князя нѣсколько разъ въ разныя времена, но не могъ его видѣть. Григорій Николаевичъ къ себѣ его не допускаетъ, видѣть не хочетъ и объявилъ, что ни о чемъ съ нимъ трактовать не намѣренъ и для того говоритъ онъ, что и не знаетъ, что въ такихъ обстоятельствахъ ему дѣлать. Провѣдывалъ я, сколько возможно, о поведеніи его и не нашелъ, чѣмъ бы его укорить можно: Андрей Осиповичъ [1]), который живетъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ и Жураховскій, и который его часто видитъ, подтвердилъ мнѣ все то, что онъ и самъ мнѣ сказывалъ: согласить же Григорья Николаевича съ нимъ никакой возможности нѣтъ, въ чемъ и Михайло Власьевичъ свидѣтельствовать можетъ, и есть-ли какія еще причины скрытыя, для которыхъ Григорій Николаевичъ его не терпитъ и какого оныя рода, то мнѣ неизвѣстно.

Чрезъ Михайлу Власьевича изволили уже быть увѣдомлены о моей отставкѣ. Григорій Николаевичъ, съ коимъ я нѣсколько разъ о томъ трактовалъ и коего просилъ о написаніи письма о томъ, заблагоразсудилъ написать оное, такъ какъ усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ онаго копіи. Въ семъ случаѣ Зоричъ, по обыкновенію своему, оказалъ мнѣ свою честность и добрую душу; въ самый тотъ день, въ который подалъ я письмо, зашелъ къ нему и онъ, отозвавъ меня, сталъ распрашивать причины, побуждающія меня оставлять службу. Воспользуясь симъ случаемъ, разсказалъ я ему подробно всѣ свои обстоятельства у обоихъ дворовъ, желаніе, которое я имѣлъ быть опредѣлену, отказъ мнѣ сдѣланный и проч. Все, что имѣлъ на душѣ, открылъ и не представлялъ себѣ инако его любопытства, какъ единственно слѣдствіемъ обыкновенной его ко мнѣ ласки и доброжелательства ко всѣмъ вообще. Подобнымъ образомъ изъяснялъ я свое дѣло всѣмъ тѣмъ у двора, кои нѣкоторую роль играютъ, какъ-то: г. Никита Ивановичъ [2]), г. Иванъ Григорьевичъ [3]), Елагинъ и проч.; но онъ въ самый тотъ вечеръ, бывъ у Государыни съ Прасковьей

---

[1]) Закревскій.
[2]) Панинъ.
[3]) Чернышевъ.

Александровной [1]), зачалъ говорить обо мнѣ и все то, что́ мною ему сказано, пересказалъ. Прасковья Александровна въ томъ ему помогала и наконецъ договорили до того, что Государыня замолчала, не имѣя ничего, чѣмъ бы опровергнуть все то, что они въ мой авантажъ говорили, какъ онъ самъ мнѣ то пересказывалъ на другой день, причемъ прибавилъ, что Государыню въ такомъ положеніи они оставили, что еслибъ всемогущій Потемкинъ хотѣлъ прямо показать дружбу свою нашей фамиліи, то могъ бы онъ на все то, что я желалъ, согласить Государыню, хотя уже и письмо подано. „Что же касается до меня“, говорилъ онъ, „сожалѣю, что не могу болѣе для васъ сдѣлать, какъ только говорить, но сего никто мнѣ не воспретитъ и говорить я не перестану“. Такимъ образомъ Государынѣ вся моя исторія извѣстна, а вы изволили мнѣ и прежде писать, что, прося увольненія отъ службы, показать надобно, что я имѣю неудовольствія, дабы не сочли, что я того требую отъ лѣни или другой какой причины. Инако не могъ бы я никакимъ образомъ изъявить своего неудовольствія, ежелибъ въ семъ случаѣ счастіе не помогло и Зоричъ бы не такъ поступилъ. Когда прощался съ нимъ, то опять подтвердилъ мнѣ, сколько онъ сожалѣетъ, что я отъѣзжаю и просилъ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе и сожалѣніе, что онъ не могъ вамъ въ чемъ служить. Что-жъ касается до Потемкина, который никому добра не желаетъ, кромѣ себя, казалось, что я подарилъ его, когда подалъ письмо; ибо никогда столь учтиво и ласково меня не принималъ. Сію минуту пріѣхалъ сюда курьеръ, который сей же часъ отправляется къ вамъ и я пользуюсь симъ случаемъ и посылаю съ нимъ мое письмо. Наталья Кириловна мнѣ пишетъ, что получила отъ васъ повелѣніе выѣхать изъ дома, что ее весьма огорчаетъ по причинѣ той, что какъ она очень нездорова стала, то рѣдко выѣзжать можетъ и, слѣдовательно, не такъ часто будетъ имѣть удовольствіе васъ видѣть, какъ живучи въ домѣ; я самъ оставилъ ее въ докторскихъ рукахъ. Притомъ же квартиры, будучи весьма дороги въ Петербургѣ, а кошелекъ ихъ въ худомъ состояніи; она надѣялась поправить нѣсколько экономію свою и расплатиться съ долгами, не имѣя нужды издерживать столько, живучи у васъ. Я почелъ за долгъ о томъ донести вамъ, потому что я, живучи съ ними въ Петербургѣ, былъ самъ свидѣтелемъ и частымъ ея припадкамъ и худымъ обстоятельствамъ ихъ казны“ [2]).

Прошеніе объ отставкѣ поданное Разумовскимъ, на Высочайшее имя, было слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Брюсъ.

[2]) Изъ архива автора.

„Всемилостивѣйшая Государыня. Никогда бы я не осмѣлился принять сего дерзновенія, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, чтобъ утруждать Ваше Императорское Величество симъ всеподданнѣйшимъ моимъ прошеніемъ, ежели-бы только могъ согласить настоящую мою службу у двора Вашего Величества съ обстоятельствами естественными, которыми я обязанъ отцу моему по всегдашней его болѣзни, упражняющемуся попеченіемъ родительскимъ о многочисленной нашей фамиліи разныхъ лѣтъ и разнаго возраста и ежели бы я самъ, собственно начиная жизнь мою, имѣлъ уже въ благоустройствѣ домъ мой. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, долгъ мой меня заставилъ все мое прилагать о томъ попеченіе, чтобъ отцу моему, обремененному фамиліею, въ благоустройствѣ его дома дѣлать, пока собственное мое здоровье къ тому допуститъ, хотя нѣкоторое вспоможеніе и свой собственный домъ учредить потребнымъ для жизни моей хозяйствомъ; то дерзаю пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Величества и единственно для домашнихъ отца моего и моихъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше прошу уволить меня отъ службы.

„Всемилостивѣйшая Государыня Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ“ [1]).

Получивъ чистую отставку, Алексѣй Кириловичъ поспѣшилъ въ Москву, гдѣ и поселился. „Mon frère Alexis“, писала къ брату Андрею Наталія Кириловна Загряжская, отъ 30 августа 1778 года, „est parti il y a huit jour et après sa demission, par ce qu'on ne lui avait pas accordé une place qu'il avait demandée. A quelques petites choses près, je trouve qu'il a très bien fait et ceux, qui pensent bien, ne peuvent que l'estimer pour la façon dont il s'est conduit. Le Comte Iwan [2]) l'a beaucoup blâmé, mais je crois que cela ne prouve rien [3]). Потемкинъ ничего не захотѣлъ сдѣлать для сына своего друга, даже напротивъ, по словамъ Натальи Кириловны, онъ все дѣло испортилъ. Въ Москвѣ Разумовскій сталъ заниматься отдѣлкою, выдѣленнаго ему отцомъ, вмѣстѣ съ Перовымъ и Пензенскими маетностями графини Екатерины Ивановны, села Горенокъ. Не знаемъ, какъ долго былъ Разумовскій въ отставкѣ, но 27 Іюня 1786 года, въ день восшествія на престолъ Государыни онъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ [4]). О служебной дѣятельности Алексѣя Кириловича при Екатеринѣ дошло до насъ мало свѣдѣній;

---

[1]) Изъ архива автора.

[2]) Чернышевъ.

[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[4]) Письмо гр. Штакельберга, къ гр. Андрею Кириловичу, отъ Іюля 1786 года и Сочиненія Державина, V, 499.

извѣстно только, что въ 1793 году, по сдѣланному графомъ Безбородкою объявленію, чтобы совѣтъ представилъ кандидатовъ на вакантное мѣсто президента комерцъ-коллегіи, совѣтъ имѣлъ „во исполненіе сей воли Монаршей разсужденіе“ и представилъ, что къ управленію онымъ мѣстомъ могли бы быть способными генералъ-поручикъ Соймоновъ и тайные совѣтники графъ Алексѣй Разумовскій и князь Юсуповъ [1]). Выборъ Екатерины палъ однако не на Разумовскаго, уже давно домогавшагося подобнаго мѣста. Очевидно, что Государыня была противъ него предубѣждена. Быть можетъ, недовольство ея происходило отъ того, что Разумовскій принадлежалъ уже тогда къ масонскимъ ложамъ. Въ 1795 году онъ значился еще сенаторомъ, уволеннымъ на два года [2]). Сохранилось преданіе, что Разумовскій не одобрилъ одного закона, который Екатерина дала на обсужденіе въ сенатъ. Нѣсколько разъ по дѣлу этому собирали голоса, но одного все не доставало. Узнавъ, что пренія затягиваются по винѣ графа Алексѣя Кириловича, который не хотѣлъ при голосованіи подать голоса, Екатерина потребовала его къ себѣ и взяла съ него обѣщаніе согласиться, причемъ онъ однако заявилъ, что нехотя повинуется волѣ Государыни. Законъ состоялся, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ [3]).

Около 1784 года, графъ Алексѣй Кириловичъ разошелся съ женою. Выраженіе это не совсѣмъ вѣрно. Простая, безхарактерная, коекакъ воспитанная, графиня Варвара Петровна давно уже надоѣла вспыльчивому вольтеріанцу мужу своею набожностію, суевѣріями и совершенною безпомощностію. „Alexis“, писала въ 1779 году къ Андрею Кириловичу Наталья Кириловна, „se plaint beaucoup à moi de sa chère moitié“. Вскорѣ послѣ рожденія младшаго сына своего, графа Кирилы Алексѣевича, по приказанію мужа, котораго дотолѣ была самою вѣрною и покорною рабою, графиня Варвара Петровна должна была покинуть дѣтей и выѣхать изъ дома Разумовскаго. Она не смѣла противиться безапелляціонному приговору мужа, котораго боялась, какъ огня, и съ разбитымъ сердцемъ оставила дѣтей, которыхъ страстно любила. Графиня купила себѣ мѣсто въ Москвѣ, на углу Моросейки и Лубянской площади и выстроила тамъ домъ, по образцу флигеля, существовавшаго при домѣ свекра. Послѣ изгнанія жены, графъ удалился отъ свѣта, къ которому всегда былъ мало расположенъ, и сталъ

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, II, 4.

[2]) Списки гражданск. чиновъ за 1795 г.

[3]) Преданіе это мы слышали отъ дочери гр. Алексѣя Кириловича, княгини Варвары Алексѣевны Репниной. То же повѣствуетъ Фази, часовщикъ Екатерины, близко знакомый съ семействомъ Разумовскихъ, (см. „Русская Старина“, томъ XIV, стр. 590.

рѣдко видѣться не только съ знакомыми, но даже съ самыми близкими родственниками. Даже дѣтей и воспитанниковъ своихъ видалъ онъ не ежедневно, а съ гувернанткою дочерей, швейцаркою m-lle Calame, жившей въ нѣсколькихъ отъ него комнатахъ, сносился не иначе, какъ письменно.

Все царствованіе Павла I-го, если не ошибаемся, графъ Алексѣй Кириловичъ провелъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ, скрываясь въ роскошныхъ палатахъ своихъ и великолѣпныхъ теплицахъ. Лѣтомъ онъ ѣздилъ почти постоянно въ Малороссію. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ уговорилъ отца продать обширный домъ на Знаменкѣ. Это Нарышкинское наслѣдіе графъ Кирила Григорьевичъ назначалъ издавна въ наслѣдство старшему сыну. Алексѣй Кириловичъ представлялъ отцу, что домъ слишкомъ обширенъ и что содержаніе его стоитъ крайне дорого. Домъ торговалъ сперва князь Безбородко, подарившій свои палаты подлѣ Лефортовскаго дворца Императору Павлу [1]). Съ Безбородки за домъ безъ мебели требовали 450,000 руб., и дѣло разошлось. Въ 1799 году явился новый покупщикъ, шуринъ Алексѣя Кириловича, богачъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. „Покойный князь Безбородко", писалъ къ нему Алексѣй Кириловичъ изъ Москвы отъ 5 Сентября 1799, „за годъ до смерти своей весьма желалъ домъ сей купить, и, по отношенію его о томъ къ батюшкѣ моему, былъ я уполномоченъ къ совершенію продажи за 450,000 безъ всѣхъ мебелей. Но князь, желая домъ получить съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ просимой цѣны, на отзывъ нашъ рѣшительно не отвѣчалъ, а потомъ, когда, въ послѣднюю его здѣсь бытность, онъ паки захотѣлъ приступить къ торгу, предпочитая имѣть готовый домъ постройкѣ новаго, батюшка уже не захотѣлъ ни за какую сумму онаго продавать и тѣмъ разошлись. Но какъ сей домъ опредѣленъ на мою часть и, по образу жизни моей, слишкомъ для меня великъ, я опять старался склонить батюшку къ продажѣ его, если случай встрѣтится, на что онъ, наконецъ, согласился, на тѣхъ же кондиціяхъ, предоставляя, однакожъ, въ волю мою сдѣлать нѣкоторую въ нихъ отмѣну въ пользу покупщика. Чистосердечно признаюсь вамъ, что я желалъ бы, чтобъ сей домъ, выходя изъ владѣнія нашего, никому другому, кромѣ васъ, не достался".

Шереметевъ купилъ домъ за 400,000 рублей съ частью мебели; такъ, парадная гостиная осталась въ полномъ своемъ убранствѣ, изъ комнатъ же графа Кирилы Григорьевича вынесена была только подвижная мебель. Люстры, зеркала и даже въ церкви утварь, ризы и проч. остались за Шереметевымъ. Не мало времени потребовалось для вывоза

---

[1]) Слободской дворецъ, теперь ремесленное заведеніе.

серебра, библіотекъ, картинъ, оружейныхъ и проч., такъ какъ рядомъ со скарбомъ старшаго Разумовскаго, тутъ же хранилось все имущество сына его [1]). Продавъ домъ, графъ съ семействомъ поселился на наемной квартирѣ и предался унаслѣдованной имъ отъ отца и дяди страсти къ постройкамъ. Онъ сталъ воздвигать на мѣстѣ пожалованнаго Елизаветою дядѣ его, графу Алексѣю Григорьевичу, Гороховаго двора богатѣйшія палаты изъ дубовыхъ брусьевъ, почитая каменные дома нездоровыми для житья. На этотъ домъ, какъ самъ позднѣе сознавался, онъ простроилъ болѣе милліона рублей. Продать старинныя великолѣпныя палаты съ мебелью за 400,000, чтобы немедленно послѣ этого истратить на сооруженіе деревяннаго дома милліонъ, это была аффера вполнѣ подходившая подъ уровень обыкновенныхъ хозяйственныхъ соображеній графа Алексѣя Кириловича. За то домъ вышелъ на славу. О немъ не мало говорили не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Залы блистали зеркалами и бронзою, многія гостиныя обиты были богатѣйшими гобеленями. Картины лучшихъ мастеровъ старинныхъ и новыхъ вмѣстѣ съ весьма интересными портретами, между прочимъ Нарышкинскими, украшали стѣны. Богатство палатъ Разумовскаго съ ихъ ботаническими и минералогическими собраніями обратили на себя вниманіе знаменитой баронессы де-Стааль [2]) и другихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Москву.

„Домъ этотъ со всѣмъ, что онъ содержитъ", повѣствуетъ де-Местръ, „стоитъ по малой мѣрѣ четыре милліона; оранжереи превосходятъ все то, что можно видѣть въ этомъ родѣ въ Европѣ; въ главной гостиной подоконники сдѣланы изъ лапись-лазули. Каталогъ однихъ изданій XV вѣка составляетъ довольно толстый томъ" [3]). Библіотеки этой составлено было два каталога профессоромъ Геймомъ: 1) каталогъ библіотеки графа А. К. Разумовскаго, 2 ч., и 2) изданіе, о которомъ упоминаетъ де-Местръ: „Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothêque du Comte A. Razoumovsky. Moscou 1810, 8-vo". Домъ занималъ почти цѣлый кварталъ. Садъ, наполненный цвѣтниками и рѣдкими деревьями, имѣлъ болѣе $3^1/_2$ верстъ въ окружности и занималъ 43 десятины. Въ немъ было 4 пруда, наполненные рыбою. Яуза извивалась среди сада и черезъ нее перекинутъ былъ каменный мостъ [4]). Въ домѣ этомъ нынѣ помѣщается

---

[1]) Всѣ эти подробности, равно и письмо Разумовскаго, мы почерпнули изъ архива С. Д. Шереметева. Переписка графа Н. П. Шереметева съ гр. А. К. Разумовскимъ.

[2]) M-me de Stael. Dix années d'éxil. Oeuvres Complètes, XV, 212.

[3]) Correspondance diplomatique de J. de Maistre, I, 231.

[4]) Москва или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ и пр., Москва, 1831, 4 т. 8⁰, IV, 31 и слѣд. и изъ разсказовъ Г. В. Грудева.

малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго дома. Около дома стояла церковь Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ, считавшаяся въ то время домовою.

Но любимымъ мѣстопребываніемъ графа А. К. Разумовскаго было подмосковное село его Горенки. Для разведенія тамъ ботаническаго сада, онъ вызвалъ изъ-за границы профессора Стефани. Преемникомъ его былъ ученый докторъ Редовскій, отправившійся въ 1805 году въ Китай вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ и умершій на дорогѣ. Помощникомъ Редовскаго былъ извѣстный ботаникъ, Ѳедоръ Богдановичъ Фишеръ, рекомендованный Разумовскому профессоромъ Шпренгелемъ. Фишеръ занялъ мѣсто Редовскаго, а впослѣдствіи переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ развелъ ботаническій садъ. Садъ Горенскій, въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, считался однимъ изъ чудесъ Москвы. Въ немъ собрано было около 2000 родовъ растеній, особенно богато было собраніе сибирской флоры.

Извѣстные ботаники Лангсдорфъ, Таушеръ, Гельмъ и Лондесъ изъѣздили Сибирь, Уралъ и Кавказъ для пополненія богатѣйшихъ горенскихъ коллекцій. Теплицы горенскія, гдѣ соединены были рѣдчайшія растенія со всего свѣта, состояли изъ семи корпусовъ. Въ оранжереяхъ насчитывали до 500 огромныхъ померанцевъ, грунтовые сараи тянулись на цѣлую версту. Садъ былъ расположенъ на двухъ квадратныхъ верстахъ и былъ замѣчателенъ необыкновеннымъ разнообразіемъ древесныхъ породъ. Среди сада возвышался огромный трехъэтажный домъ. Библіотека въ Горенкахъ, отдѣльная отъ городской, считалась одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи, особенно по естественнымъ наукамъ; въ ней находились рѣдчайшіе гербаріи; между прочимъ, часть коллекцій Палласа [1]). "Горенки имѣніе графа Алексѣя Разумовскаго", писалъ въ 1812 г. женѣ своей изъ Москвы знаменитый баронъ Штейнъ, „примѣчательно своимъ огромнымъ ботаническимъ садомъ и оранжереями, которыя цѣнятъ въ 500,000 рублей" [2]). Въ этихъ теплицахъ выращены были растенія, дотолѣ неизвѣстныя, такова особенная порода вискусовъ, получившая въ честь графа названіе *Razoumovskia* и новый видъ Personatae rhinantheae, названныя *Razoumovia;* этихъ послѣднихъ два рода: Razoumovia tranqueburcia и Razoumovia juniculata. При богатой ботанической сокровищницѣ Горенской ученымъ садовникомъ Ѳ. Б. Фишеромъ учреждено было отдѣльное ботаническое общество. Впослѣдствіи оно слилось съ обществомъ испытателей природы, основаннымъ въ Москвѣ Г. И. Фишеромъ фонъ-Вальдгеймъ. Соединеніе это много способствовало успѣхамъ общества

---

[1]) „Отечественныя Записки", Свиньина, т. IX, (1822 г.), 13—23.

[2]) G. U. Pertz, das Leben des Ministers Freiherrn von Stein, III, 106.

испытателей природы [1]). „Въ подмосковномъ великолѣпномъ имѣніи своемъ Горенкахъ", повѣствуетъ Вигель, „среди царской роскоши, графъ Алексѣй Кириловичъ заперся одинъ съ своими растеніями.... Изъ познаній своихъ онъ дѣлалъ то же употребленіе, что изъ богатства: онъ наслаждался имъ безъ всякой пользы для другихъ... Всѣ сыновья гетмана", — говоритъ онъ далѣе, „воспитаны были за-границею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворѣ и несносные внѣ его аристократы" [2]).

Сужденіе Вигеля нѣсколько рѣзко и едва-ли оно вполнѣ приложимо ко всѣмъ сыновьямъ послѣдняго гетмана Малороссіи. Но надо признаться, что Алексѣй Кириловичъ былъ гордыни непомѣрной. Впрочемъ, гордость эту сохранялъ онъ и при дворѣ. Благодушные москвичи невольно его сравнивали съ любезнымъ и равно ко всѣмъ учтивымъ фельдмаршаломъ, и сравненіе это было далеко не въ пользу меньшаго поколѣнія. Высокомѣріе Алексѣя Кириловича породило даже въ Москвѣ слухъ, будто онъ считалъ себя сыномъ Елизаветы Петровны. „Графъ Алексѣй", повѣствуетъ графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, „даетъ чувствовать, будто онъ есть плодъ тайнаго брака Елизаветы, освященнаго церковью и, слѣдовательно, будто онъ происходитъ отъ царской крови. Говорятъ, что онъ любитъ показывать кровать дяди своего графа Алексѣя Григорьевича, сыномъ котораго ему хочется прослыть... Слухъ о бракѣ", замѣчаетъ далѣе Мамоновъ, „распространился благодаря тщеславію нынѣшнихъ Разумовскихъ" [3]). Разумѣется, разсказъ Мамонова не болѣе, какъ городская сплетня, но онъ не лишенъ интереса, какъ отголосокъ мнѣнія, которое составило себѣ московское общество о графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ. Гордый въ отношеніи къ постороннимъ, Разумовскій былъ суровъ въ кругу своего семейства. Правда, что подроставшіе сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ, а главное долгами. Деньги—это было самое больное его мѣсто. Дѣла по хозяйству шли крайне плохо, на расходы по постройкамъ и роскошныя затѣи часто не хватало средствъ. Съ сосѣдями по имѣніямъ заводились безпрестанныя тяжбы. Графъ хандрилъ, подозрительно относился къ самымъ близкимъ людямъ, вѣчно жаловался, вѣчно былъ недоволенъ. „Старшій братъ вашъ", писалъ старикъ Кирила Григорьевичъ сыну своему Андрею, „б... какъ рощею окружился, недвижимъ съ мѣста, все видится ему вчернѣ и сердится на всѣхъ тѣхъ, кои около меня остаются". И этотъ-то гордый и не-

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета, II, 523—524.
[2]) Воспоминанія Вигеля, III, 87—88.
[3]) „Русскій Архивъ", 1877 г., III, 390.

уживчивый вельможа, ни во что, какъ казалось, не вѣровавшій, съ высоты своего величія смотрѣвшій на человѣчество, сталъ въ ряды ревностныхъ масоновъ. Мы упомянули выше, что предубѣжденіе Екатерины противъ графа Алексѣя Кириловича можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ былъ членомъ масонскихъ ложъ. Дѣйствительно, имя его встрѣчается въ числѣ членовъ Capitulum Petropolitanum, существовавшаго въ первой половинѣ царствованія Екатерины и имѣвшаго великимъ мастеромъ своимъ Людера [1]). Съ тѣхъ поръ, однако, о Разумовскомъ въ масонскихъ лѣтописяхъ не упоминается. Въ обществѣ Новикова онъ не принималъ участія и въ бумагахъ по Новиковскому дѣлу на него нѣтъ даже намёка.

Изъ многочисленнаго и нѣкогда столь дѣятельнаго Новиковскаго кружка въ началѣ нынѣшняго столѣтія оставалось въ живыхъ человѣкъ 9 или 10 старыхъ адептовъ. То были Трубецкіе, Гагаринъ, Лопухинъ, О. А. Поздѣевъ и другіе. Старые мартинисты эти, несмотря на гоненія 1792 года и арестъ Новикова, втайнѣ держались преданій своей юности и, по собственному выраженію, „сохраняли и поддерживали въ тиши священный огонь“. Но огонь этотъ съ годами переродился, пламя потеряло свою живительную согрѣвающую силу и обратилось въ какое-то холодное мерцаніе. Отъ всего прежняго ученія осталась одна наружная формальность. Съ воцареніемъ Павла I, тайные мартинисты вздохнули свободнѣе, не рѣшаясь однако возобновлять своихъ собраній. Освобожденный Новиковъ поселился въ уединенной своей подмосковной, почти не посѣщая Москву и вполнѣ отрекшись отъ дальнѣйшей дѣятельности по части масонства. Послѣ восшествія на престолъ Александра Павловича масонство пробудилось съ новою силою. Къ старымъ послѣдователямъ Новикова примкнули новые прозелиты, которые взяли дѣло въ свои руки; то были, между прочими, П. И. Кутузовъ, Данауровъ, князь Козловскій и много другихъ [2]). Глубокая таинственность продолжала облекать лишенные уже всякаго внутренняго значенія обряды. „Услышалъ я“, писалъ Невзоровъ, „что въ Москвѣ заводятся опять ложи масонскія; наконецъ, начали и меня приглашать вступить въ оныя. Но люди, представлявшіе себя правителями ихъ здѣсь, по репутаціи своей не могли для меня быть приманкою для вступленія съ ними въ масонскій союзъ, это были не Иванъ Владиміровичъ“ [3]). Къ этому союзу примкнулъ теперь надменный, неуживчивый, крутой съ подчиненными, графъ Алексѣй Кириловичъ, семейная жизнь котораго представляла не мало соблазна тогдаш-

---

[1]) Пыпинъ, Русское масонство до Новикова, „Вѣстникъ Европы“, № VI, 567.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., III, 80.

[3]) Лопухинъ. Библіографическія записки, I, 656—657.

нему московскому обществу и убѣжденія котораго отзывались сильною закваскою волтерьянства. Объяснить такую аномалію трудно, хотя у насъ встрѣчается она нерѣдко. Масоны „отлично пьютъ и ѣдятъ“, писалъ о нихъ графъ Ростопчинъ, „они преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ“ [1]). Верховнымъ жрецомъ этихъ возродившихся или, вѣрнѣе, выродившихся масоновъ сталъ Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, отставной морякъ, служившій нѣкогда начальникомъ канцеляріи президента морской коллегіи, фельдмаршала по флоту графа И. Г. Чернышева. Онъ принадлежалъ во времена оны къ числу замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Новикова [2]); былъ однимъ изъ русскихъ розенкрейцеровъ, великимъ мастеромъ ложи Орфея [3]) и обрядоначальникомъ провинціальной ложи [4]). Разгромъ 1792 года и арестованіе Новикова сильно, должно быть, на него подѣйствовали, по крайней мѣрѣ, судя по письмамъ его къ ближайшимъ друзьямъ, писаннымъ въ двѣнадцатомъ году, очевидно, что филантропизмъ его сильно поблекъ. Среди славной эпохи, имъ проживаемой, среди потрясающаго зрѣлища страданій и разоренія, во время разгрома Москвы и послѣдовавшихъ за нимъ побѣдныхъ кликахъ, Поздѣевъ исключительно занятъ былъ слухами о томъ, что Государь намѣренъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и молва объ этомъ приводила его въ совершенное отчаяніе [5]). Даже умъ его съ годами очевидно выдохся. Тѣмъ не менѣе, а быть можетъ именно вслѣдствіе этого страннаго смѣшенія мистическаго настроенія съ ультра-консерватизмомъ, Поздѣевъ пользовался сильнымъ авторитетомъ въ извѣстномъ кружкѣ масоновъ. Къ нему прибѣгали, какъ къ совѣтнику, утѣшителю и наставнику самыя разнохарактерныя личности, по преимуществу, впрочемъ, изъ высшаго круга. Нескончаемыя посланія Поздѣева представляютъ пеструю смѣсь натянутаго и туманнаго мистицизма, лести, заискиванія и самаго положительнаго обскурантизма. Къ Поздѣеву любилъ обращаться за совѣтами и Алексѣй Кириловичъ. Гордый графъ смиренно выслушивалъ долгія и скучныя рацеи человѣка, гораздо ниже его стоявшаго по уму и образованію. Съ своей стороны, Поздѣевъ, весьма снисходительно относившійся ко всему тому, что̀ было неправильно въ семейныхъ отношеніяхъ графа Алексѣя Кириловича, руководилъ его духовною жизнію и даже при случаѣ давалъ ему совѣты касательно его служебной дѣятельности. Основываясь

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., III, 80.

[2]) Новиковъ и московскіе мартинисты, М. Н. Лонгинова, М. 1867, стр. 165.

[3]) Тамъ же, 177.

[4]) Тамъ же, 232.

[5]) „Русскій Архивъ“, 1869, стр. 1853.

на текстахъ св. писанія о томъ, что земля въ потѣ лица должна быть обработываема человѣкомъ, онъ крѣпостному праву подыскивалъ чуть ли не божественное происхожденіе. Онъ умѣлъ постоять за людей ему преданныхъ, непрестанно рекомендовалъ Разумовскому то того, то другого изъ своихъ адептовъ, а въ иныхъ случаяхъ не прочь былъ, гдѣ надобно, и пошпіонить. Довольно объемистая переписка Поздѣева съ Разумовскимъ, печатаемая нами въ приложеніяхъ, представляетъ не безъинтересный матеріалъ для полной характеристики нашего общества въ первую четверть настоящаго столѣтія. Преданные Поздѣеву люди, за малыми исключеніями, принадлежали къ поколѣнію отживающему. Не то, чтобы масонство отживало свой вѣкъ, напротивъ, никогда не было оно въ такомъ цвѣтущемъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ открывались новыя ложи съ самыми оригинальными и разнообразными названіями: Александръ къ коронованному пеликану, Елизавета къ добродѣтели, Петръ къ истинѣ, les amis réunis, Дубовая долина, Нептунъ къ надеждѣ, Изида и пр. и пр. Но молодое поколѣніе не довольствовалось пустымъ паѳосомъ Поздѣевской школы; оно жаждало новаго ученія, оно требовало живого слова. Весь авторитетъ старыхъ учителей, непонимавшихъ новыхъ потребностей времени, погибъ безвозвратно. Изъ-за границы явились новые учителя: Шредеръ и Феслеръ. Новое поколѣніе масоновъ приняло ихъ съ распростертыми объятіями, а старые масоны со злобою и проклятіями. Послѣдніе все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ младшихъ своихъ собратій. Среди огромной сѣти масонскихъ ложъ, которыя съ необыкновенною быстротою распространились въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ, Одессѣ, Вологдѣ и даже Томскѣ, Поздѣевцы стали одиноко и съ завистью слѣдили за успѣхами бывшихъ друзей своихъ. „Дайте разумѣть“, писалъ Поздѣевъ Разумовскому, „что тѣхъ масоновъ, которыхъ вы знаете, нечего опасаться, а коли дадутъ имъ инспекцію надъ ложами, то можно быть и Государю и государству покойными, что не только сами неудобны къ безпокойству, но еще и остерегутъ и узнаютъ и не допустятъ что-нибудь мыслить противъ Государя и государства“.

Занимаясь ботаникою и масонствомъ, графъ Алексѣй Кириловичъ жилъ въ отставкѣ до 1807 года. Послѣ воцаренія Александра Павловича, когда юный Императоръ прибылъ въ Москву для вѣнчанія своего на царство, онъ милостиво принялъ Разумовскаго и уговаривалъ его снова поступить на службу, но Алексѣй Кириловичъ не согласился. Тѣмъ не менѣе Государь отличалъ его во все время своего пребыванія въ Москвѣ и передъ отъѣздомъ пожаловалъ старшую дочь его, графиню Варвару Алексѣевну, только-что представленную ко двору, во фрейлины. Пожалованіе это было, однако, опубликовано только послѣ возвращенія

двора въ Петербургъ [1]). Въ тѣ времена подобное отличіе было рѣдкостью и считалось немалою Монаршею милостью. Въ 1807 году Алексѣй Кириловичъ сдѣлался сговорчивѣе и рѣшился, наконецъ, уступить усиленнымъ просьбамъ Государя. Указомъ правительствующему сенату, даннымъ 2-го Ноября 1807 года, Разумовскій пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ попечителемъ московскаго университета и его округа [2]). Какъ видно изъ рескрипта на имя Разумовскаго, отъ 14 Апрѣля 1808 года, Алексѣй Кириловичъ принялъ мѣсто попечителя только изъ угожденія къ волѣ Государя. Разумовскій замѣнилъ при московскомъ университетѣ умнаго и дѣятельнаго М. Н. Муравьева, „незабвеннаго питомца-попечителя“, какъ называетъ его Шевыревъ [3]), скончавшагося 1807 г. 28 Іюля. Въ преемники Муравьеву Александръ Павловичъ прочилъ сперва И. И. Дмитріева. „Какъ ни лестно было бы для моего самолюбія заступить мѣсто почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Муравьева, похищеннаго смертію еще въ мужествѣ лѣтъ его“, повѣствуетъ Дмитріевъ, „но я не захотѣлъ, чтобы завистники или эпиграммисты назвали меня вороной въ павлиныхъ перьяхъ. Въ отвѣтѣ моемъ графу Завадовскому изъявлены были чувства душевной благодарности къ Августѣйшему моему покровителю, сознаніе моихъ недостатковъ въ классическомъ образованіи и искреннее желаніе остаться при отправленіи только службы по званію сенатора, въ которой я уже пріобрѣлъ навыкъ. Отказъ послужилъ къ пользѣ отставного камергера и сенатора А. К. Разумовскаго. Онъ заступилъ мѣсто Муравьева и, въ задатокъ за будущую службу, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника“ [4]). Дмитріевъ нѣсколько ошибается: Александровская звѣзда пожалована была Разумовскому позднѣе.

Вскорѣ послѣ назначенія своего Разумовскій отправился въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ туда нехотя; но его настоятельно звалъ князь Н. М. Козловскій, его factotum, пользовавшійся въ то время безграничнымъ довѣріемъ своего патрона. „Увѣренъ, что сіе (т.-е. пріѣздъ Разумовскаго)“, писалъ онъ 19 Ноября 1807 года изъ С.-Петербурга „послужитъ къ лучшему устроенію домашнихъ дѣлъ... Отъ васъ зависѣть будетъ принять знаки милостиваго мнѣнія, которое Государь Императоръ принялъ въ разсужденіе дарованій вашихъ и весьма доволенъ, что вы сіе охотно принять изволили. Искренно говорю, по чести, не для васъ, а для сердечныхъ обязанностей полезны быть могутъ (sic); по приказанію

---

[1]) Архивъ гр. С. Д. Шереметева, письма гр. А. К. Разумовскаго.

[2]) Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, 386—387.

[3]) Тамъ же, 383.

[4]) И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 155—156.

вашему изъявлялъ признательность вашу, онъ (т.-е. Государь) желаетъ вамъ добра и много о семъ говорилъ и много дѣйствіевъ (sic) подтверждающихъ оное..." [1]). „На счетъ продажи имѣнія", писалъ далѣе Козловскій отъ 2-го Декабря 1807, „Алексѣя Григорьевича (Теплова?) давно знаю, но въ этомъ случаѣ вотъ его виды: Марья Антоновна (Нарышкина), съ которой, мнѣ вѣрно извѣстно, по дѣламъ экономическимъ весьма связанъ и нѣкотораго рода управленіе и устройство обстоятельствъ ему ввѣрено, намѣренъ, чтобъ она попросила, но не Гурьева [2]) уже. Дѣла сего рода идутъ здѣсь такъ: сей толстый и недоброжелательный человѣкъ (Гурьевъ) отказываетъ; подаютъ самому Государю письма, и ежели кто подкрѣпленъ, то безъ церемоніи выходитъ именное повелѣніе купить, что́ и было въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Милорадовича [3]) и у Чернышева купили, т.-е. Григорія Ивановича [4]). Итакъ, сіе обстоятельство повременить мало, особенно до пріѣзда вашего надобно. Въ заключеніе о пріѣздѣ в. с. сюда. Вамъ, конечно, отвыкнувъ отъ двора и по роду жизни вашей, трудно рѣшиться, но о семъ представляетъ Василій Степановичъ [5]), который усердно кланяется и приказалъ мнѣ написать, что вамъ не только нужно, но необходимо должно пріѣхать; князь Петръ Васильевичъ [6]), съ которымъ открыто говорилъ, тоже; графъ Петръ Васильевичъ [7]) своимъ манеромъ говоритъ: „онъ будетъ, я знаю, да и надобно побывать". Причины же побуждающія суть слѣдующія: Государь Императоръ съ извѣстнымъ добрымъ сердцемъ своимъ не можетъ избѣжать, чтобъ внушенія злонамѣренныхъ людей не имѣли надъ нимъ тѣхъ же дѣйствій, какія въ прошлое правленіе на счетъ Москвы дѣланы были: что въ Москвѣ гнѣздо вольномыслящихъ, что въ Москвѣ мартинисты много значутъ. Нынѣ, къ усугубленію вредныхъ сихъ идей, хотятъ перемѣнить названіе мартиниста, а пожаловать въ иллюминаты. Сію мысль поддерживаетъ вашъ градодержатель [8]), подкрѣпляетъ ее суевѣрный графъ Николай Ивановичъ [9]) и въ добавокъ бывшій внедавнѣ у васъ Хитрово (по личности на васъ) между знакомыхъ своихъ говорилъ: „что въ Москвѣ вралей много, но хитрость иллюминатовъ велика; сидятъ въ уголкахъ межъ собою; изъ главныхъ у нихъ Алексѣй Кириловичъ". Остановится ли сей человѣкъ го-

[1]) Архивъ князя Репнина.

[2]) Графъ Дмитрій Александровичъ, министръ финансовъ и удѣловъ.

[3]) Знаменитый генералъ, графъ Михаилъ Андреевичъ.

[4]) Графъ Григорій Ивановичъ, сынъ фельдмаршала по флоту, графа Ивана Григорьевича Чернышева.

[5]) Тамара.

[6]) Лопухинъ.

[7]) Заводовскій.

[8]) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

[9]) Салтыковъ.

ворить только между своими? Не знаю, но люди, коихъ я выше сего назвалъ, говорятъ, что вамъ пріѣхать надобно для того, чтобы импозировать собою и уронить вздоръ сей, тѣмъ болѣе, что высокое мнѣніе получили объ васъ у двора, какъ и прежде писалъ“ [1]).

Разумовскій былъ принятъ Государемъ весьма благосклонно. Видимымъ знакомъ благоволенія былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ при весьма лестномъ рескриптѣ, съ небольшимъ 6 мѣсяцевъ послѣ назначенія попечителемъ. „Орденъ жаловался“, какъ сказано въ рескриптѣ, „отъ удостовѣренія, что ревностныя попеченія графа совершатъ устройство учебной части какъ въ университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ“.

Попеченія Разумовскаго оказались, однако, на дѣлѣ не столь ревностными, какъ, напримѣръ, попеченія любимаго всѣмъ округомъ его предмѣстника. Привыкшій къ уединенной жизни и не любившій ни въ чемъ стѣснять себя, новый попечитель былъ мало кому доступенъ. Въ числѣ многочисленнаго домашняго штата графа Алексѣя Кириловича находился библіотекаремъ молодой харьковскій грекъ, Михаилъ Качони. Несмотря на 25-ти-лѣтній возрастъ, Качони уже испробовалъ счастія на разныхъ поприщахъ: служилъ урядникомъ въ Екатеринославскомъ ополченіи, былъ канцеляристомъ, ротмистромъ, сержантомъ въ таврическомъ гренадерскомъ полку. Наконецъ, онъ пристроился въ домѣ Разумовскаго и тамъ преобразился въ извѣстнаго литератора, профессора и историческаго критика Михаила Трофимовича Каченовскаго. Получивъ въ 1805 году званіе магистра, а въ 1806 году степень доктора, уже не Качони, а Каченовскій, послѣ назначенія Разумовскаго попечителемъ, сдѣлался его письмоводителемъ и вскорѣ ему поручено было управленіе всѣми дѣлами попечительской канцеляріи, вмѣстѣ съ званіемъ старшаго письмоводителя при попечителѣ [2]). Каченовскій сталъ важнымъ лицомъ въ округѣ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла и представляемыя имъ отъ имени Разумовскаго предложенія производили иногда непріятное впечатлѣніе на профессоровъ [3]).

Первымъ дѣломъ Разумовскаго, послѣ своего назначенія, было выхлопотать Московскому обществу испытателей природы, коего давно уже состоялъ президентомъ и о которомъ имѣлъ особое попеченіе, именованіе Императорскаго. Государь изъявилъ особымъ рескриптомъ благоволеніе свое за поднесенный ему первый томъ трудовъ общества. Обществомъ тогда же составленъ былъ планъ систематическаго описанія Московской губерніи, на что́ отъ казны выдано было единовременно 5000 рубл.

---

[1]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, I, 383—384.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1866, 752. Воспоминанія И. М. Снигирева.

Астрономическія наблюденія и тригонометрическія измѣренія поручены были ординарному профессору астрономіи Гольдбаху; Императорское депо картъ присоединило къ нему съ своей стороны Паснера, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ. Въ концѣ лѣта 1808 года, оба изслѣдователя ѣздили въ Звенигородъ, Рузу, Можайскъ, Воскресенскъ, Волоколамскъ и Верею. Въ слѣдующемъ году Гольдбахъ продолжалъ свои разъѣзды съ молодымъ курляндцемъ Вильдеманомъ. Наблюденіе времени и широты производилось сектантомъ; углы треугольниковъ были измѣряемы повторительнымъ кругомъ Борда. Трудъ остался, впрочемъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, недоконченнымъ, хотя, какъ видно изъ писемъ Гольдбаха къ Боде, первый пользовался расположеніемъ графа Алексѣя Кириловича и находилъ въ немъ участіе къ своимъ занятіямъ [1]). Кромѣ того, по распоряженію Разумовскаго, ординарный профессоръ опытной физики П. И. Страховъ съ 1808 года постоянно замѣчалъ по три раза въ день измѣненія метеорологическихъ явленій и наблюденія свои печаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Это продолжалось безостановочно до занятія Москвы французами [2]).

Въ 1809 году, вслѣдствіе доклада Разумовскаго, повелѣно было отнести пенсіи, выдаваемыя чиновникамъ, ихъ выслужившимъ до преобразованія университетовъ, а также вдовамъ и сиротамъ профессоровъ, на общій училищный капиталъ. По мнѣнію новаго попечителя, ежегодная перемѣна ректоровъ въ университетѣ сопряжена была со многими неудобствами, и онъ требовалъ отъ министра безсмѣнности ректоровъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Несмотря на большія затрудненія, ходатайство Разумовскаго было окончательно уважено и высочайшимъ указомъ отъ 16 Сентября 1809 года предписано производить избраніе ректора черезъ каждые три года. Одной изъ главныхъ заботъ Разумовскаго было переведеніе университета въ болѣе пространное и удобное помѣщеніе. Старымъ университетскимъ строеніемъ [3]), купленнымъ Екатериною въ 1785 году у князя Барятинскаго, попечитель былъ недоволенъ, несмотря на многія, сдѣланныя къ нему въ послѣднія 25 лѣтъ пристройки. Онъ хотѣлъ перевести университетъ въ Екатерининскій или Головинскій дворецъ въ Лефортовѣ. Деревянный дворецъ этотъ, принадлежавшій при Петрѣ графу Голо-

[1]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, I, 239—240.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, II, 453.

[3]) Старое зданіе Университета. Новое зданіе куплено было у Пашковыхъ въ 1833 году. У Пашковыхъ въ Москвѣ было 4 великолѣпныхъ дома: 1) нынѣшній музей, еще до сихъ поръ называемый Пашковскимъ домомъ; 2) новое зданіе Университета; 3) домъ придворнаго вѣдомства, у Каменнаго моста, и 4) Запасная аптека у Чистыхъ Прудовъ.

вину [1]) и сгорѣвшій въ 1753 году, былъ Елизаветою кое-какъ перестроенъ и указомъ Императрицы перевезены были изъ Перова тамошнія „большія хоромы“ для поспѣшенія въ Москвѣ дворца“ [2]).

Екатерина повелѣла разобрать кое-какъ возведенное теткою ея зданіе, и подъ руководствомъ Гваренги и Камерози сталъ воздвигаться громадный дворецъ, на мѣсто стараго Головинскаго, который ко времени кончины Екатерины готовъ былъ только вчернѣ. Павелъ I, сейчасъ же послѣ восшествія своего на престолъ, повелѣлъ неоконченный дворецъ обратить въ казармы. О пріобрѣтеніи дворца этого усердно, но безуспѣшно старался Разумовскій и безпрестанно въ письмахъ своихъ напоминалъ о томъ министру народнаго просвѣщенія Завадовскому. Вообще попечитель былъ раздражителенъ, нетерпѣливъ и обидчивъ. Добродушный Завадовскій, находившійся въ самыхъ дружественныхъ и даже, по женѣ, родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Разумовскихъ, всячески старался успокоить новаго попечителя, не безъ легкаго иногда оттѣнка иронiи и, по выраженію самого Алексѣя Кириловича, обходился съ нимъ, какъ съ „капризною любовницею“. „Флегма, свойственная старости, погасила во мнѣ жаръ“, писалъ къ Разумовскому министръ, совѣтуя ему не такъ горячо принимать все къ сердцу и брать съ него примѣръ.

Въ началѣ Декабря 1809 года, впервые послѣ своего вѣнчанія на царство, Александръ Павловичъ посѣтилъ Москву. Государь пріѣхалъ изъ Твери вмѣстѣ съ жившею въ этомъ городѣ любимою сестрою своею, Екатериною Павловною. 11 Декабря Александръ съ Великою Княгинею подробно осмотрѣлъ университетъ. Никогда еще пятидесятилѣтній университетъ не удостоивался подобной чести. Впервые входилъ въ alma mater русской науки вѣнценосецъ Россіи. Разумовскій былъ отъ Государева посѣщенія въ восторгѣ. Возвращаясь въ этотъ день изъ университета, онъ даже заѣхалъ къ отличаемому имъ профессору Страхову и весьма былъ удивленъ обширностью его библіотеки и множествомъ рѣдкихъ дорогихъ книгъ, чертежей и рукописей, которыя нашелъ у профессора [3]). Такой визитъ, сдѣланный профессору гордымъ Разумовскимъ, рѣдко кого посѣщавшимъ, не мало всѣхъ удивилъ. „Съ моимъ сердечнымъ удовольствіемъ“, писалъ къ Разумовскому министръ просвѣщенія, „поздравляю в. с. стяжаніемъ всякой хвалы, которую я слышалъ отъ Государя Императора, посѣщавшаго Московскій университетъ. Онъ отозвался добрымъ словомъ о профессорахъ, коихъ удостоилъ своего разговора, о порядкѣ управленія, а наипаче о личныхъ вашихъ каче-

[1]) Есть гравюра Генриха де-Вита, изображающая московскія хоромы Головина въ первые годы прошлаго столѣтія. Древніе оттиски гравюры этой крайне рѣдки.

[2]) Изъ Госуд. архива.

[3]) Біогр. словарь проф. Моск. Университета, II, 461.

ствахъ, способствующихъ лучшему образованію сей полезнѣйшей части, и при семъ случаѣ изволилъ сказать, что Екатериненскій дворецъ положилъ отдать подъ университетъ, только ему еще надобно переговорить съ военнымъ министромъ".

Отдача дворца, однако, не состоялась. Дряхлый физически, хотя еще бодрый умомъ, графъ Завадовскій сталъ помышлять объ отставкѣ. Государь колебался, кого назначить ему въ преемники. Великая Княгиня Екатерина Павловна въ Москвѣ представила Карамзина Императору. Живя постоянно въ Твери, сестра Государева, воспріимчивая и любезная, старалась окружить себя людьми умными. Она поочередно вызывала къ себѣ то того, то другого изъ москвичей, выходящихъ изъ ряда общаго уровня по познаніямъ или дарованіямъ; сближалась съ ними, вела съ ними дѣятельную переписку и старалась сдѣлать ихъ извѣстными Государю. Ростопчинъ, Разумовскій, Нелединскій, Карамзинъ и многіе другіе по нѣскольку разъ въ году гащивали въ гостепріимномъ Тверскомъ дворцѣ. Изъ всей плеяды тогдашнихъ московскихъ умниковъ никто не пришелся такъ по́ сердцу Великой Княгинѣ, какъ Карамзинъ. Онъ только-что прочелъ ей первые томы своей исторіи. Она не замедлила о томъ увѣдомить Государя. Это подало Александру Павловичу мысль поставить Карамзина во главѣ народнаго образованія. По малому чину историографа, предполагалось назначить его не министромъ, а директоромъ; Сперанскій, однако, бывшій тогда на высшей степени могущества, отклонилъ эту мысль, совѣтуя сдѣлать Карамзина сперва куратором [1]); но отъ этого предложенія, какъ видно, самъ Карамзинъ отказался. „Какъ жаль, что не имѣю права похвастаться передъ тобою своею философическою умѣренностію", писалъ онъ къ Дмитріеву отъ 19 Февраля 1811 года, „немногіе отказываются, отъ чего я отказался" [2]). Посѣщеніе Императоромъ университета, а равно и выгодное впечатлѣніе, произведенное на Государя Разумовскимъ, обратили на него высочайшее вниманіе. Угрюмый и гордый, раздражительный и желчный въ уединеніи кабинета, который онъ рѣдко покидалъ, графъ Алексѣй Кириловичъ умѣлъ при случаѣ блеснуть въ обществѣ. Его несомнѣнныя познанія, колкость ума, утонченная свѣтскость иногда, хотя и не часто, брали верхъ надъ обычною хандрою и брюзгливостью. Такимъ предсталъ онъ въ Москвѣ передъ Государемъ и показался ему достойнымъ преемникомъ Завадовскаго. „Можетъ быть Линней", повѣствуетъ Вигель, „и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ и

---

[1]) „Русская Старина", XI, 244. Воспоминанія Сербиновича. Сербиновичъ говоритъ: „но и тутъ предпочтенъ былъ Разумовскій", тутъ явная ошибка.

[2]) Н. М. Карамзинъ, М. Погодина, II, 60.

только-что любителемъ науки—великая разница..... Тогда все почиталось великою ученостью. Отъ любезныхъ Разумовскому теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи при Екатеринѣ и послѣ нея, на французскій манеръ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ“ [1]).

ГЛАВА III.

Графъ Алексѣй Кириловичъ.

(Продолженіе.)

Начало царствованія Александра Павловича было эпохою вольнолюбивыхъ мечтаній, политическихъ утопій и административнаго дилетантизма. Вѣнчанный воспитанникъ гражданина Лагарпа съ раннихъ лѣтъ не возлюбилъ среду, его окружавшую. Александра выняньчила нѣмка, княгиня Ливенъ, онъ возросъ подъ руководствомъ Лагарпа. Другіе воспитатели, князь Н. И. Салтыковъ и М. Н. Муравьевъ, никогда не имѣли на царственнаго отрока того вліянія, которымъ пользовался умный и симпатичный швейцарецъ. При всемъ благородствѣ, при всей искренности убѣжденій, Лагарпъ былъ плохимъ руководителемъ для русскаго, а тѣмъ паче для Великаго Князя. Все въ Россіи шло въ разрѣзъ со взглядами, понятіями и привычками либерала-швейцарца. Онъ не могъ понять совершенно чуждой ему Россіи, а потому не могъ и любить ея. Невольно и незамѣтно для самого себя, Лагарпъ вселялъ въ сердцѣ царственнаго воспитанника недовѣріе къ русскому народу и къ самымъ заповѣднымъ вѣрованіямъ его. Ребенкомъ сблизился Александръ съ Адамомъ Чарторижскимъ, и хитрый полякъ, несмотря на вполнѣ русское свое происхожденіе [2]), сознательно довершилъ дѣло Лагарпа. Едва достигнувъ юношества, Александръ мечталъ не о малознакомой ему Россіи, а объ аркадійской жизни на берегахъ Рейна подъ благорастворенным небомъ Запада [3]). Въ откровенныхъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, III, 88.

[2]) См. письма гр. А. И. Маркова, къ кн. Андрею Кириловичу Разумовскому.

[3]) Графъ Корфъ, Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 5.

письмахъ къ друзьямъ своего дѣтства, будущій наслѣдникъ Русскаго престола не скрывалъ, до какой степени ему были не по́ сердцу тѣ люди, среди которыхъ протекала жизнь его. „Je me fais du mauvais sang“, писалъ онъ къ В. П. Кочубею отъ 10 Мая 1796 года, „en voyant les bassesses qu'on fait à chaque instant pour acquérir une distinction pour laquelle je n'aurois pas donné trois sols. Je me sens malheureux d'être en société avec des gens que je ne voudrais pas avoir pour domestiques et qui jouissent ici des premières places, tels que le P. S..., M. P..., le P. B..., les deux C. S...., M... et un tas d'autres qui ne méritent pas même d'être nommés, qui, hautains avec leurs inférieurs, rampent devant celui qu'ils craignent“ [1]). Таковы были впечатлѣнія Александра Павловича въ послѣдніе мѣсяцы Екатерининской славы. Понятно, что правленіе Павла I-го развило еще болѣе недовольства въ наслѣдникѣ престола. По малой мѣрѣ странные любимцы новаго Императора, могли бы раздражить всякаго, но корень недовольства Александра лежалъ глубже. Весь складъ русской жизни былъ ему непонятенъ и шелъ въ разрѣзъ съ тѣми идеями, тѣми убѣжденіями, въ которыхъ воспиталъ его Лагарпъ и выняньчила княгиня Ливенъ. Александръ Павловичъ несомнѣнно любилъ свою родину, по-своему онъ желалъ ей добра, но добра этого Россія не понимала и не могла понять. Отсюда весь драматизмъ положенія Александра I, то глубокое разочарованіе, та безотрадная грусть второй половины его царствованія, которую не могли разсѣять блескъ 13-го и 14-го годовъ и отъ которой онъ искалъ убѣжища въ мистицизмѣ. Россія представлялась ему въ отвлеченномъ видѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ дѣйствительностію. Оттого всѣ отвлеченные планы оказывались на дѣлѣ непригодными; отъ этого такъ часто и такъ безсознательно благо Россіи приносилось въ жертву Европѣ, среди умиротворенія которой забывались духовные интересы, будущность, призваніе отечества. Этимъ лучше всего, какъ намъ кажется, объяснить двойственность въ характерѣ Александра Павловича, которую подмѣтили всѣ его историки: самыя благія намѣренія — и самые ничтожные плоды, самые благородные порывы—и постоянная борьба, постоянное колебаніе и переходы отъ одной крайности въ другую. Невозможное правленіе Павла Петровича возбудило реакцію, во главѣ которой невольно, самою силою обстоятельствъ, поставленъ былъ 24-хъ-лѣтній Александръ Павловичъ. 12 Марта 1801 года Александръ I сталъ Самодержцемъ почти неизвѣстной ему Россіи и память о трагическомъ днѣ этомъ глубоко врѣзалась въ впечатлительномъ сердцѣ юнаго Монарха.

Подъ вліяніемъ всеобщаго недовольства, возбужденнаго необъясни-

[1]) Тамъ же 4.

мыми мѣропріятіями покойнаго Императора, и въ силу иностраннаго своего воспитанія, Александру Павловичу казалось, что необходимы немедленныя и радикальныя реформы во всемъ государственномъ строѣ. Съ дѣтства, подъ вліяніемъ республиканскихъ воззрѣній, навѣянныхъ Лагарпомъ, и вслѣдствіе привычекъ безграничнаго самовластія, порожденныхъ его положеніемъ и всѣмъ строемъ тогдашней жизни, Александру грезилась какая-то фантастическая смѣсь самыхъ противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ жилъ воображеніемъ и стремился за несбыточными идеалами. Разумѣется, со стороны государственныхъ мужей Екатерининскаго времени и царедворцевъ отца, онъ не могъ разсчитывать на сочувствіе къ своимъ утопіямъ. Къ тому же, какъ мы видѣли, онъ къ нимъ питалъ глубокое презрѣніе. Но среди многочисленнаго Петербургскаго двора, было нѣсколько юношей, съ которыми протекло дѣтство Александра. То была золотая молодежь, цвѣтъ петербургскаго общества—и цвѣтъ вполнѣ благородный. Друзья молодого Императора были люди образованные, они не искали ни почестей, ни знаковъ отличія, они несомнѣнно искренно желали добра Россіи и совершенно безкорыстно взялись помогать совѣтами своими Александру Павловичу, когда послѣдній обратился къ нимъ за содѣйствіемъ въ трудномъ дѣлѣ всеобщаго преобразованія. Но благородные юноши эти были воспитаны иностранцами и заграницею, такъ что полякъ Чарторижскій вполнѣ подошелъ подъ уровень ихъ иностранныхъ воззрѣній, иностранныхъ понятій и иностраннаго нарѣчія. Графъ В. П. Кочубей, графъ П. А. Строгановъ, Н. Н. Новосильцовъ и князь Чарторижскій, составили тайный, неоффиціальный, но тѣмъ не менѣе, верховный совѣтъ Государя. Мысли свои о Россіи царскіе совѣтники могли облекать только во французскія фразы. Положено было создать на новыхъ основаніяхъ новый государственный строй, составлена была программа занятій и молодые новаторы дружно принялись за „constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation; но въ чемъ состоялъ этотъ истинный духъ, о томъ члены совѣта сами не имѣли понятія. Безъ всякой системы, никогда, по свидѣтельству графа Строганова, не придерживаясь составленной напередъ программы, перебрасывались совѣтники царскіе, отъ одного предмета къ другому, все затрогивая и ничего не исчерпывая. Незнакомые съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, они по-неволѣ принуждены были обращаться, коль скоро нуженъ былъ вполнѣ дѣловой, усидчивый трудъ, къ старымъ сподвижникамъ Екатерины—къ графу А. Р. Воронцову, къ Г. Р. Державину, къ графу П. В. Завадовскому или къ Д. П. Трощинскому. Добросовѣстно записанные графомъ Строгановымъ, протоколы совѣщаній этого комитета общественной безопасности, какъ его въ шутку тогда называли, представляютъ рядъ оживленныхъ разговоровъ между остроум-

ными, хотя и нѣсколько поверхностными иностранцами, мало знакомыми съ Россіею. Только въ одномъ засѣданіи промелькнуло смутное сознаніе истиннаго народнаго духа. „Народъ", сказалъ какъ-то графъ Строгановъ, „вѣритъ, что Государь постоянно готовъ защищать его... Если бы кто вздумалъ сдѣлать малѣйшее покушеніе противъ правъ верховной власти, онъ первый станетъ въ защиту ея" [1]). Но въ этотъ, ненарокомъ высказанный, афоризмъ никто изъ царскихъ совѣтниковъ не вѣрилъ. Всѣ мысли, всѣ стремленія тайнаго совѣта направлены были именно къ ограниченію правъ верховной власти, и самъ Государь, не сознавая всего могущества Богомъ дарованной и излюбленной народомъ власти, совершенно искренно готовъ былъ ради общаго блага отъ нея отказаться. Среди утопій о правахъ сената, о новоучреждаемыхъ министерствахъ и объ отвѣтственности министровъ, главныя язвы Россіи оставались на заднемъ планѣ и даже о крѣпостномъ правѣ вольнолюбивые мечтатели говорили вскользь и какъ-бы нехотя. Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ породилась внѣ комитета: ее подалъ князь П. А. Зубовъ, послѣдній изъ любимцевъ Екатерины и представитель самой темной эпохи ея царствованія. Проектъ князя Зубова въ совѣтѣ отстаивалъ собственно одинъ только графъ Строгановъ. Сами того не сознавая, члены совѣта стремились къ олигархіи. Такого рода тенденціи не разъ проявлялись на Руси, стóитъ только вспомнить восшествіе на престолъ Анны Ивановны. Въ настоящемъ случаѣ реформаторы совершенно невольно наталкивались на олигархію, которая сама собою истекала изъ всѣхъ ихъ плановъ. Мысль объ ограниченіи верховной власти руководила, какъ мы уже сказали, всѣми преніями совѣта. Но кому же слѣдовало передать права, отторгаемыя отъ Самодержца, или, вѣрнѣе, добровольно имъ жертвуемыя? О низшемъ сословіи не могло быть и рѣчи, объ освобожденіи крестьянъ говорили только мелькомъ и не вполнѣ сочувственно. Оставалось дворянство — но къ собратьямъ своимъ царскіе совѣтники питали самое глубокое презрѣніе. „Сословіе это (т.-е. дворянское), сказалъ графъ Строгановъ въ засѣданіи 18-го Ноября, „самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу— наиболѣе тупое; вотъ картина большей части нашего сельскаго дворянства. Тѣ же, которые получили нѣсколько тщательное образованіе,— немногочисленны... Бóльшая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе

---

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. I. Приложенія, стр. 53.

мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія“ [1]). Поневолѣ приходилось новыя права дѣлить между весьма немногими и образовывать вокругъ престола олигархію, но до этого, слава Богу, не дошло. Самъ Лагарпъ испугался радикальныхъ мѣръ, предлагаемыхъ комитетомъ. Государь также сталъ опасаться огульнаго порицанія всего существовавшаго на Руси и слишкомъ рабскаго подражанія иностранному. На одномъ изъ засѣданій совѣта онъ прямо заявилъ, „что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣняемы у насъ и что мы имѣемъ старыя учрежденія, къ которымъ надо прививать новыя“ [2]). Къ тому же, частыя собранія совѣта не приносили на практикѣ существенной пользы, въ Петербургѣ же стали сильно критиковать дѣйствія комитета, безъ особеннаго однако озлобленія, хотя въ столичныхъ гостиныхъ иногда ѣдко подсмѣивались надъ реформаторами Россійскаго государства. Сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное толками о предполагаемыхъ реформахъ, на Москву. „Мнѣ кажется“, писалъ въ частномъ письмѣ оттуда современникъ, „что я вижу преддверіе строющееся съ необыкновенною роскошью и смѣлостью. Оно должно украсить зданіе, которое величиною и правильностію вѣроятно будетъ поражать потомковъ; но строится одинъ лишь фронтонъ, а о самомъ зданіи нѣтъ еще рѣчи. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ немногіе, которые у меня, бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній... по-моему, не стоило изъ-за столь малаго подымать столько шуму... Петръ I-й сказалъ какъ то: на что законы, есть-ли по нимъ не исполняютъ?—У насъ есть законы, но ихъ безпрерывное противорѣчіе, наглость, съ которою имъ не повинуются, открытое и нахальное лихоимство, безграничная роскошь, которая есть первая причина всѣхъ золъ, невнимательность и даже презрѣніе, съ которыми относятся къ должностямъ, если онѣ не доставляютъ денегъ, этого единственнаго божества, передъ которымъ все преклоняется, пороки, свойственные нашей формѣ правленія и нашему строю, которыхъ однако исправить безъ неминуемой опасности невозможно—вотъ тѣ затрудненія, которыя я предвижу для преуспѣянія желаемаго... Пусть суды наши по закону осуждаютъ и оправдываютъ, но да будутъ они, сколь возможно, составлены изъ людей безукоризненной честности; Государь да не наказуетъ никого, а нелицемѣрный законъ да не слабѣетъ во вѣки;

[1]) Тамъ же, стр. 52.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

да будетъ наказаніе тѣмъ сильнѣе и тѣмъ примѣрнѣе, чѣмъ выше стоитъ преступникъ. Пороки правительства никогда не восходятъ снизу вверхъ. Для всего этого необходимо нравственное воспитаніе, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія. Коль скоро дѣти наши становятся немного попугаями и начинаютъ лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, коль скоро въ нихъ проявляется какой-нибудь легкій талантъ, все кончено, бо́льшаго не требуютъ. . . . Изучая исторію и много размышляя, доходишь до того убѣжденія, что для государствъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, бываютъ несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаешь своей цѣли, и даже наоборотъ, доходишь до совершенно противоположнаго.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel..

„Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ—вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю такъ ли вы судите, но, по-моему, скудость эта наводитъ невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякаго дарованія соединено съ неимовѣрною самоувѣренностію. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы нажиться, а какимъ грязнымъ путемъ—это все равно. И все это съ цѣлью вдоволь насладиться роскошью и изнѣженностію, насытить самыя низкія и животныя страсти. Картина не привлекательна, но клянусь, такова она на мои глаза. Пріѣзжайте сюда и, быть можетъ, вдали изъ тлетворнаго воздуха, васъ окружающаго, вы сами все увидите въ томъ же свѣтѣ“ [1]).

Таковы были впечатлѣнія, записанныя мудрецомъ, незнакомымъ съ честолюбіемъ, по собственному вкусу жившему вдали отъ правительственныхъ сферъ, къ которымъ, однако, по происхожденію и положенію своему въ свѣтѣ, казалось, былъ призванъ отъ рожденія. И этотъ недостатокъ въ людяхъ ощущался уже въ то время, когда было въ живыхъ еще столько Екатерининскихъ орловъ. Всѣ эти толки, все это недовольство дошло и до Государя. Онъ сталъ терять вѣру въ своихъ совѣтниковъ. Комитетъ сталъ рѣже собираться, потомъ мало по-малу совѣщанія прекратились вовсе. Новосильцовъ уѣхалъ за границу; графъ Строгановъ перешелъ въ военную службу; Будбергъ замѣнилъ Чарторижскаго, Куракинъ Кочубея. Первый періодъ реформъ приходилъ къ концу.

Въ то время, какъ Александръ недовѣрчиво сталъ смотрѣть на реформы, предложенныя друзьями его дѣтства, взоры его остановились на молодомъ труженикѣ, вышедшемъ изъ народной толпы. Труженикъ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 392—393, 431, 436—437. Письма князя Андрея Ивановича Вяземскаго къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову.

этотъ пробилъ себѣ путь сквозь тѣсные ряды мелкаго чиновничества, и въ то время, когда на него обратилось вниманіе Императора, онъ занималъ уже довольно видное мѣсто въ администраціи. Въ 1806 году начались личныя сношенія Александра Павловича съ графомъ, тогда еще просто, М. М. Сперанскимъ. Со времени эрфуртскаго свиданія Сперанскій сдѣлался первымъ совѣтникомъ Царя. Все еще вольнолюбивый, Александръ былъ пораженъ блестящимъ умомъ своего статсъ-секретаря, быстротою его работы, яснымъ изложеніемъ дѣла, красивымъ слогомъ. Въ немъ онъ находилъ тѣ же наклонности, какъ и въ членахъ неоффиціальнаго совѣта, но на этотъ разъ, какъ казалось, представителемъ новыхъ идей являлся не дилеттантъ, а человѣкъ прошедшій черезъ горнило опыта, съ трудомъ поднявшійся по всѣмъ ступенямъ государственной службы и съ ранней молодости пріобыкшій къ усидчивому труду. Съ рвеніемъ взялся Сперанскій за рѣшеніе данной ему Государемъ задачи. Задача эта была громадна,—предполагалось, по выраженію самого Сперанскаго, дать Россіи „новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразовать".

Этотъ невозможный, нечеловѣческій трудъ былъ набросанъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Баснословная скорость отразилась, разумѣется, на самомъ трудѣ. Охватывая разомъ все, Сперанскій не замѣчалъ, какъ общее ускользало изъ рукъ его. Подробности затемнили взглядъ его. Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно талантливый, но далеко не геніальный, а трудъ ему заданный требовалъ по малой мѣрѣ генія. Самъ того не сознавая, Сперанскій сталъ вѣрить во всемогущество уставовъ и всесиліе формы [1]). Воспитанный на народной почвѣ, онъ подпалъ однако въ Петербургѣ подъ вліяніе иностраннаго духа, безгранично властвовавшаго тогда въ высшихъ слояхъ общества. Онъ отрѣшился, подъ сильнымъ напоромъ этого духа, отъ народнаго элемента, несовмѣстимаго, по тогдашнимъ убѣжденіямъ, съ понятіемъ объ образованномъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого, Сперанскій не искалъ въ лѣтописяхъ, въ древнихъ актахъ, въ уложеніи, въ старинныхъ нашихъ соборахъ, боярскихъ и земскихъ думахъ, въ обычаяхъ и нравахъ народа матеріаловъ и основанія для новаго государственнаго строя. Его трудъ былъ вполнѣ отвлеченный, чисто теоретическій; его вдохновляли не отечественные источники, а уставы императорской Франціи. Дѣйствительность отъ него ускользала; подъ вліяніемъ слѣпого поклоненія Наполеону, Сперанскій забывалъ нѣкогда столь близкій ему народъ, со всѣми его насущными потребностями, съ его самобытнымъ складомъ ума и исторіею. Хотя въ манифестѣ объ открытіи государственнаго совѣта упоминалось „о примѣрахъ древняго отечественнаго законодательства",

[1]) Tourgueneff, La Russie et les Russes, I, 574.

хотя въ преобразовательномъ проектѣ Сперанскаго—учрежденіе, долженствовавшее играть весьма важную роль, названо „государственною думою“, однако это были одни только старыя слова, лишенныя стариннаго ихъ смысла. Все придуманное было совершенно ново для Россіи, вполнѣ чуждо ея духу и всѣ реформы навязывались народу безъ яснаго сознанія, во сколько онѣ ему нужны и полезны. Проектъ Сперанскаго исчерпывалъ всѣ государственные вопросы, объ одномъ только не было помину, а это одно должно было быть краеугольнымъ камнемъ всякой раціональной реформы. Мы разумѣемъ уничтоженіе крѣпостного права. Сперанскій не рѣшался затронуть этотъ жгучій вопросъ, и вся огромная, не имѣвшая историческаго основанія, работа уподобилась зданію, сооруженному на пескѣ. Противъ новаго любимца, какъ одинъ человѣкъ, поднялось все петербургское общество. „Вся, такъ-называемая аристократія“, повѣствуетъ графъ Корфъ, „вздрогнула... и цѣлыми родами возстала противъ нововводителя“, который, какъ говорили, „стремился къ уравненію всѣхъ сословій, къ демократіи, а оттуда къ ниспроверженію всѣхъ основъ Имперіи“ [1]). Крикъ этотъ былъ поднятъ противъ человѣка, требовавшаго учрежденія маіоратовъ, защищавшаго права дворянства и готовившаго ему громадное значеніе въ изобрѣтенныхъ имъ государственныхъ учрежденіяхъ, тѣми же самыми „такъ называемыми“, по выраженію графа Корфа, „аристократами“, которые съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отзывались о поносившемъ все сословіе ихъ во ушію царево, сочленѣ своемъ графѣ Строгановѣ. Во имя общаго блага и консерватизма пошли по Петербургу самые обидные, самые лживые слухи, посыпались доносы. „Всѣ толки, вселяющіе въ публикѣ недовольство“, замѣтилъ, на одномъ изъ засѣданій тайнаго совѣта, графъ Строгановъ, „исходятъ изъ петербургскихъ кружковъ (les côteries de la ville de Pétersbourg), въ подобныхъ толкахъ принимаютъ участіе ближайшіе къ Государю лица, старающіяся все выказать въ мрачномъ видѣ и даже убѣдить Государя, будто въ Россіи господствуетъ недовольство“ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что планы Сперанскаго были непрактичны, что они для Россіи не годились, но нельзя здѣсь однако не замѣтить, что странная вообще участь постигаетъ нашихъ реформаторовъ. Какъ бы ихъ ни называли: якобинцами, карбонаріями или красными, всѣ они, подобно Сперанскому, падаютъ подъ ударами слѣпой и разнузданной злобы. Планы Сперанскаго, мечтавшаго создать полноправную аристократію, были, положимъ, непрактичны, но едва ли онъ заслуживалъ гоненіе со стороны высшаго общества. Были и другіе реформаторы, которыхъ планы и

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, I, 174.

[2]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. I. Приложеніе, стр. 91.

реформы оказались болѣе пригодными, но и они, не довершивъ своихъ благихъ начинаній, принуждены бывали удалиться съ политической арены вслѣдствіе непрестанныхъ нападеній тѣхъ петербургскихъ кружковъ, на которыхъ еще въ началѣ столѣтія указывалъ графъ Строгановъ. Реформаторы удалялись, а преемники ихъ, излюбленные представители тѣхъ же самыхъ кружковъ, поневолѣ принуждены были продолжать начатое, стараясь только по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ тормазить не ими задуманное и крайне имъ несочувственное начинаніе.

Но на этотъ разъ не одни только петербургскіе кружки возстали противъ реформъ Сперанскаго. Наступилъ 1812 годъ. Темныя тучи поднимались на Западѣ. Въ воздухѣ чуялось приближеніе страшной грозы. Всѣ нервы были натянуты. Огромное большинство Россіи дрогнуло при мысли о всеобщей ломкѣ, именно въ такое время. Представителемъ этого большинства явился, передъ Государемъ, Карамзинъ въ знаменитой запискѣ своей о старой и новой Россіи.

Всеобщее недовольство сильно подѣйствовало на Александра Павловича. Разочарованный, оскорбленный постояннымъ непониманіемъ самыхъ благихъ, но, въ то же время, самыхъ непрактичныхъ намѣреній, Императоръ, ради общественнаго мнѣнія, пожертвовалъ своимъ любимцемъ. Глубокій мизантропизмъ, вскорѣ перешедшій въ туманное мистическое настроеніе, замѣнилъ прежнія вольнолюбивыя мечты. Время новаторовъ прошло безвозвратно, мѣсто ихъ въ совѣтахъ Государя занялъ графъ Аракчеевъ. Мысли о внутреннихъ реформахъ были отброшены. Либерализмъ Государя обратился на Польшу; внѣшняя политика поглотила все его вниманіе. Начался третій періодъ царствованія—эпоха конгрессовъ и злополучной солидарности съ Европою.

Въ то время, когда въ тайнѣ Царскаго кабинета придумывались преобразованія, большею частію мертворожденныя, въ новоучрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія кипѣла работа. Во главѣ министерства этого стоялъ бывшій любимецъ Екатерины. Но то не былъ одинъ изъ тѣхъ временщиковъ, которымъ, послѣ недолгаго значенія, давались отставки съ Александровскою звѣздою и бѣлорусскими душами. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій имѣлъ государственное значеніе до своего придворнаго случая, значеніе это онъ удержалъ за собою и по выходѣ изъ фаворитскихъ покоевъ зимняго дворца. Онъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ орлиный взглядъ Екатерины умѣлъ отыскивать въ толпѣ, которыхъ великая Царица цѣнила и направляла именно на то дѣло, къ которому каждый былъ пригоденъ. Образованный, умный, дѣятельный Завадовскій принялъ участіе во всѣхъ важныхъ реформахъ второй половины царствованія Екатерины. Имъ составлено было знаменитое учрежденіе

о губерніяхъ, уставы заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ и пр., онъ же съ 1782 года, поставленъ былъ во главѣ народнаго образованія. Удаленный отъ службы въ концѣ царствованія Павла I, онъ Александромъ Павловичемъ снова призванъ былъ къ дѣятельности и, несмотря на противодѣйствіе Лагарпа, ему поручено было только-что учрежденное министерство народнаго просвѣщенія. Помощниками Завадовскаго были члены „главнаго училищъ правленія“: графъ Северинъ Потоцкій, Клингеръ, Фуссъ, Озерецковскій, Мартыновъ, Муравьевъ и старинный сотрудникъ Екатерининскаго времени: Янковичъ де-Миріево. Къ послѣднимъ примкнули тайные совѣтники Государя: Строгановъ, Новосильцовъ и Чарторижскій, но первые два, какъ видно изъ писемъ Строганова къ Новосильцову, съ гордою презрительностію относились къ дѣятельности Завадовскаго [1]). Что же касается до послѣдняго, онъ исключительно хлопоталъ объ окончательной полонизаціи западнаго края, гдѣ успѣли уже заглохнуть брошенныя геніальною рукою Екатерины первыя сѣмена обрусѣнія. Несмотря на опасенія Лагарпа [2]) и жалобы Строганова о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія шесть дней ничего не дѣлаетъ, а въ седьмой отдыхаетъ [3]), въ какія нибудь восемь лѣтъ сдѣлано было по части народнаго образованія гораздо болѣе, чѣмъ во все предшествовавшее столѣтіе [4]). Написанъ былъ новый уставъ университетовъ [5]), учреждены учебные округи, открыты университеты въ Казани, въ Харьковѣ и педагогическій институтъ въ Петербургѣ, послужившій основаніемъ позднѣйшему университету, преобразованы уже существовавшіе университеты въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, данъ новый уставъ академіи наукъ, а также духовнымъ академіямъ и училищамъ, открыто нѣсколько лицеевъ, организована цѣлая система училищъ, отъ университета до приходской школы. „Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей“, говоритъ г. Сухомлиновъ въ трудѣ своемъ объ образованіи въ Россіи во времена Александра I, „ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, какъ

---

[1]) Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 117.

[2]) Сборникъ историческаго общества, V, 39.

[3]) Пыпинъ, 117.

[4]) Богдановичъ, Исторія Александра I, I, 140.

[5]) Въ 1808 году, по порученію графа А. К. Разумовскаго, профессоръ греческой и латинской словесности при Московскомъ университетѣ Хр. Фр. Маттеи, перевелъ на латинскій языкъ уставъ этотъ, заключавшій въ себѣ правила и постановленія трехъ университетовъ: Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго подъ именемъ: Alexandri I, Imperatoris ac Autocratoris Rossorum omnium Constitutiones et Confirmationes trium Universitatum Rossicarum: Mosquensis, Casanensis et Charcowiensis, Ex mandato Curatoris Universitatis Mosquensis, A. C. Rasumowsky, lingua latina redditœ et editae, Mosquœ, 1808. Къ изданію этому присоединено было: Index rerum singularium et notabilium.

управленіе коммиссіею училищъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго, въ дѣлѣ народнаго образованія, служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной коммиссіи и главнаго правленія училищъ. Время управленія Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи" [1]). Такіе тяжкіе труды не могли не ослабить 72-хъ-лѣтняго и притомъ хвораго Завадовскаго. Онъ сталъ думать о покоѣ, но просьбы объ отставкѣ однакоже не подавалъ. Въ концѣ 1809 года, въ то время, какъ Александръ Павловичъ занятъ былъ задуманными Сперанскимъ реформами и рѣшено было ввести проектъ его о новомъ образованіи государственнаго совѣта, внезапно назначены были четыре новыхъ министра. Никто не ожидалъ перемѣнъ—и сами смѣщаемые министры узнали о томъ лишь наканунѣ новаго 1810 года, въ который послѣдовало ихъ увольненіе [2]). Барклай-де-Толли назначенъ былъ военнымъ министромъ на мѣсто Аракчеева, Гурьевъ—министромъ финансовъ на мѣсто Голубцова; И. И. Дмитріевъ—министромъ юстиціи на мѣсто князя Лопухина—и наконецъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій—министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто графа Завадовскаго.

Указъ о назначеніи Разумовскаго подписанъ былъ однако только 11-го Апрѣля 1810 года [3]). Вслѣдъ затѣмъ, въ Маѣ того же года попечителемъ Московскаго округа назначенъ былъ сенаторъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій отъ 1800 по 1803 годъ куратором университета, вмѣстѣ съ М. М. Херасковымъ и княземъ Ѳ. Н. Голицынымъ. За него сильно ходатайствовалъ зять Разумовскаго, фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, бывшій въ то время главнокомандующимъ въ Москвѣ [4]). Но главною поддержкою Кутузова были масоны [5]). Хуже выборъ сдѣлать было трудно. Ограниченный, мелочный, завистливый и придирчивый, Кутузовъ, при безчисленныхъ цитатахъ изъ Священнаго Писанія и запутанныхъ мистическихъ фразахъ, зорко слѣдилъ за злобою дня и постоянно мечталъ о наградахъ и денежныхъ пособіяхъ. „Кутузовъ", говоритъ о немъ графъ Ростопчинъ, „самый пошлый человѣкъ... обремененный долгами, доносчикъ по вкусу къ шпіонству... бывшій полицейскимъ шпіономъ

---

[1]) Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Имп. Александра I, „Журналъ мин. народ. просвѣщенія", Октябрь, 1865 г.

[2]) Богдановичъ, Исторія Александра I, II, 489.

[3]) Шевыревъ, Исторія Им. Московскаго Университета, 400.

[4]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Бумаги графа Разумовскаго: благодарственное письмо Гудовича, отъ 22-го Мая 1810 г., по случаю назначенія Кутузова.

[5]) Н. М. Карамзинъ, М. Погодина, II, 60.

въ царствованіе Павла, глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя было не подивиться подобному выбору, но что еще болѣе изумительно—это то, что умный и проницательный графъ Ростопчинъ въ этомъ ничтожномъ обскурантѣ, поставленномъ во главѣ учебнаго дѣла, видѣлъ какого-то опаснаго революціонера, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, и мечтавшаго о низверженіи трона. Усердный доносчикъ на Карамзина и врагъ всякой либеральной идеи представлялся лицамъ высшей администраціи какимъ-то опаснымъ иллюминатомъ. Надо замѣтить, что въ описываемое нами время прозвище иллюминатъ замѣнило прежнее выраженіе якобинецъ. Около двадцатыхъ годовъ иллюминатство въ свою очередь уступило права гражданства карбонаризму, потомъ пошли красные, за ними соціалисты и т. д. Но, несмотря на эти перемѣны наименованій позднѣйшіе блюстители порядка, подобно Ростопчину, также не впопадъ ими злоупотребляли, почти постоянно клеймя ими людей, ничего общаго съ карбонаризмомъ или соціализмомъ не имѣвшими. Назначеніе Кутузова породило въ Москвѣ много толковъ, носили по городу эпиграммы [2]). Огромная переписка Кутузова съ Разумовскимъ, помѣщаемая нами въ приложеніяхъ, составляетъ, несмотря на тяжелый слогъ, на напускной фанатизмъ и постоянное выпрашиваніе денегъ и чиновъ, интересный матеріалъ для будущей подробной исторіи московскаго университета. Безтактныя выходки Кутузова не разъ раздражали Разумовскаго. Навряд-ли пришлось бы первому усидѣть на мѣстѣ безъ помощи масоновъ. „Во многомъ я знаю, что онъ (т.-е. Кутузовъ), какъ безпокойный и назойливый

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 80 и 184.

[2]) Вотъ двѣ эпиграммы:

1.

О сколь религія священная страдаетъ!
Вольтеръ ее бранилъ, Кутузовъ защищаетъ.

2.

Кутузовъ сенаторъ,
Кутузовъ кураторъ,
Кутузовъ ораторъ,
Кутузовъ поэтъ,
Во всемъ равно славенъ,
Во всемъ себѣ равенъ,
Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ.
Плохой онъ сенаторъ,
Плохой онъ кураторъ,
Плохой онъ ораторъ,
Плохой онъ поэтъ.

Послѣдняя эпиграмма князя П. А. Вяземскаго.

дитя", писалъ въ защиту московскаго попечителя къ графу Алексѣю Кириловичу Поздѣевъ,... „что-жъ дѣлать, не вдругъ человѣкъ изъ окружности поворотитъ на прямой радіусъ къ центру... Онъ съ ошибками большими, но у него нѣтъ скрытаго и онъ человѣкъ, облагодѣтельствованный вами, не оставьте его; онъ требуетъ наставленія... Другой бы былъ на мѣстѣ съ злобою и хитростію и скрытностію, то это бы было хуже".

Новый министръ не спѣшилъ на мѣсто служенія. Пошли долгіе сборы, пріискиваніе дома въ Петербургѣ, который, изъ гигіеническихъ предосторожностей, непремѣнно долженъ былъ быть деревянный, съ большимъ садомъ и просторнымъ дворомъ. Потомъ пошла отдѣлка его, меблировка. Изъ Москвы потянулись огромные обозы. Наконецъ поднялся самъ графъ съ младшею дочерью, старшая была уже замужемъ, съ воспитанниками и воспитанницами, приживальщиками и приживалками, всѣмъ домомъ, и поселился на Фонтанкѣ, въ новокупленныхъ палатахъ, между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, ближе къ первому, стоявшихъ въ глубинѣ обширнаго обросшаго деревьями двора. Позади дома находился огромный садъ [1]).

Въ министерствѣ съ нѣкоторымъ трепетомъ ожидали прибытія новаго начальника. Графъ Алексѣй Кириловичъ, несмотря на иностранное свое воспитаніе, вполнѣ обладалъ чисто отечественнымъ мастерствомъ, все осуждать и все критиковать. Родственныя и дружескія отношенія къ Завадовскому не мѣшали ему подчасъ весьма ѣдко порицать дѣйствія своего предшественника и далеко не одобрительно отзываться почти о всѣхъ его сотрудникахъ. Въ Петербургѣ, куда разумѣется слухи объ этихъ сужденіяхъ доходили въ преувеличенномъ видѣ, ожидали всеобщей ломки и смѣщенія главныхъ чиновниковъ министерства. Особенно, какъ повѣствуетъ одинъ современникъ, не жаловалъ Разумовскій ученаго директора министерской канцеляріи, Ивана Ивановича Мартынова. Мартыновъ былъ неусыпный труженикъ. Онъ пользовался полною довѣренностію Завадовскаго и былъ его ревностнымъ сотрудникомъ. Самое названіе свое министерство получило отъ Мартынова. Когда рѣчь зашла о томъ, какое имя дать новому учрежденію, Мартыновъ первый подалъ мнѣніе о томъ, чтобы назвать его министерствомъ *народнаго* просвѣщенія, „такъ какъ цѣлью его заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ. Мнѣніе это было высочайше утверждено. Въ образованіи министерства сотрудникъ Завадовскаго принималъ живѣйшее участіе. Онъ писалъ инструкціи, набиралъ чиновниковъ, составлялъ штаты. Онъ же ревностно трудился надъ уста-

---

[1]) Домъ этотъ, по выходѣ изъ министерства, графъ А. К. продалъ князю А. Б. Куракину.

вами университетовъ и вообще всѣхъ учрежденныхъ при Завадовскомъ учебныхъ заведеній“ [1]). Несмотря на эти заслуги, Мартыновъ почему-то навлекъ на себя нерасположеніе Разумовскаго, и послѣдній говаривалъ, что желаетъ быть министромъ единственно для того, чтобы выгнать такого негоднаго человѣка. На дѣлѣ оказалось, что опасенія были напрасны, всѣ остались при своихъ мѣстахъ, а между прочими и директоръ канцеляріи. Такое странное противорѣчіе всѣхъ поразило. Приближенные къ Разумовскому люди выразили ему свое недоумѣніе. „Вы не повѣрите“, отвѣчалъ имъ графъ, „какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“ [2]). Не знаемъ во сколько справедливъ разсказъ этотъ, несомнѣнно только, что Мартыновъ сталъ сильнѣе прежняго и столь же дѣятельно трудился по дѣлу народнаго образованія.

Въ эпоху переселенія Разумовскаго изъ Москвы въ Петербургъ, тамошнее общество стало проявлять сильныя католическія тенденціи. Не разъ, въ продолженіи нынѣшняго столѣтія, подпадало высшее общество наше подъ навѣянныя извнѣ религіозныя вліянія. Воспитанное невѣрующими родителями въ незнаніи родного вѣроисповѣданія, общество это предалось религіозному индифферентизму. Въ данныя минуты, среди общей струи равнодушія, переходящей обыкновенно въ чистый матеріализмъ, порождалось и порождается донынѣ какое-то безпокойство, недовольство собою, инстинктивная потребность вѣры, нѣчто въ родѣ того, что въ Америкѣ называется *возрожденіями—„revivals“*. Къ несчастію, обыкновенный исходъ такихъ благихъ побужденій всегда одинъ и тотъ-же, а именно стремленіе насытить духовную жажду у какого-нибудь, чуждаго нашей народности, источника. Такъ, въ началѣ столѣтія общество искало нравственныхъ утѣшеній у іезуитовъ; позднѣе, подъ вліяніемъ извѣстной баронессы Крюднеръ, оно заразилось ея болѣзненнымъ мистицизмомъ, переродившимся впослѣдствіи въ хлыстовщину госпожи Татариновой; наконецъ, въ наши дни оно жадно пьетъ ту жидкую водицу, которую благодушно ей подноситъ незамысловатый лордъ Радстокъ. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, запросъ на духовную пищу былъ гораздо серьёзнѣе. Послѣ французской революціи наплывъ эмигрантовъ въ Россію достигъ громадныхъ размѣровъ. Самыя громкія французскія фамиліи: Принцесса де-Тарантъ, герцоги Грамонъ, Ришелье, Полиньякъ, Брольe, графы Блакасъ, Дама, Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и пр. вдругъ

---

[1]) „Современникъ“, 1856 г., III. И. И. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, статья Е. Колбасина, стр. 31 и слѣд.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1871 г., Записки Греча, 0,257—0,258.

появились среди общества, привыкшаго боготворить имена эти чуть не съ колыбели. Въ то же самое время стали выказывать когти свои изъ полоцкаго убѣжища, принятые въ Россію Екатериною, іезуиты. Понятно, что именно въ эти когти должно было попасть заалкавшее внезапно вѣры петербургское общество. Эмигранты усердно стали заниматься прозелитизмомъ, стараясь, по выраженію графа де-Фаллу, этимъ отплатить русскому обществу за оказываемое имъ гостепріимство. Къ эмигрантамъ на подмогу переѣхалъ въ Петербургъ генералъ іезуитовъ Груберъ. Въ гостинныхъ петербургскихъ появились всякіе аббаты, Николи, Розавены, Гривели, Журданы. Пропаганда живо загорѣлась и вскорѣ прозелиты стали считаться десятками: Голицыны, Протасовы, Ростопчина, Головины, Куракина, Свѣчина и много другихъ, имена которыхъ не припомнимъ, перешли въ латинство. Среди великосвѣтскихъ праздниковъ заканчивалось отпаденіе отъ православной вѣры, уже заранѣе отчужденныхъ отъ родины, отступницъ. На балахъ и раутахъ, какъ свидѣтельствуетъ Свѣчина, прошептывали свои отреченія и лепетали первую свою латинскую исповѣдь новопросвѣщенныя овцы іезуитскаго стада. Это было ново, заманчиво, романтично и рѣзко отличалось отъ безхитростныхъ пріемовъ родной вѣры. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ апостоловъ этой латинской пропаганды въ Петербургѣ былъ графъ Іосифъ де-Местръ. Воспитанный іезуитами и рьяный ихъ защитникъ, де-Местръ явился въ совершенно незнакомый ему Петербургъ, безъ рекомендательныхъ писемъ, почти нищимъ, въ качествѣ представителя изгнаннаго изъ своихъ владѣній короля, игравшаго даже во время своего величія второстепенную роль въ Европѣ. Къ тому же, изгнанный король сардинскій съ крайнимъ недовѣріемъ относился къ вѣрному слугѣ своему, рѣшившемуся, на собственныя скудныя средства, защищать права своего государя въ отдаленномъ Петербургѣ. Несмотря однако на неблагопріятныя условія, графъ де-Местръ, своимъ умомъ и тонкимъ тактомъ, въ короткое время съумѣлъ занять весьма видное мѣсто въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Въ то время умомъ дорожили и въ петербургскихъ гостинныхъ разговаривали, правда по-французски, но умно и пріятно. Любезный собесѣдникъ, то, что́ французы называютъ „un causeur“, былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ высокопоставленномъ домѣ. Одаренный замѣчательнымъ, хотя и парадоксальнымъ умомъ, начитанный, любезный и веселый графъ де-Местръ вскорѣ сдѣлался ежедневнымъ и любимымъ посѣтителемъ первыхъ петербургскихъ гостинныхъ. Остроумная рѣчь его была увлекательна и теплилась искренностію, крайнія ультрамонтанскія убѣжденія были сильны. Кто-то, если не ошибаемся, Балланшъ, прозвалъ весьма мѣтко де-Местра: „пророкомъ прошедшаго“. Мысли свои,

вполнѣ чуждыя и вѣку и странѣ, въ которой онъ жилъ, излагалъ онъ крайне оригинально. Самая чужеземность этихъ мыслей была по вкусу нашему обществу, а стойкость убѣжденій сильно дѣйствовала на кичливыхъ слушателей, которыхъ де-Местръ съ своей стороны полюбилъ за гостепріимство и благодушіе. Успѣхи и вліяніе де-Местра, понятные въ гостинныхъ, ими однако не ограничились. Его стали зазывать въ свои кабинеты люди государственные и съ свойственнымъ русскимъ администраторамъ чистосердечіемъ, не стѣсняясь, открывали ему государственныя тайны, повѣряли ему всю неурядицу внутренняго строя и съ благодарностію принимали его совѣты.

Съ де-Местромъ графъ Алексѣй Кириловичъ познакомился, вѣроятно, во время поѣздокъ своихъ въ Петербургъ, въ первые годы столѣтія, по крайней мѣрѣ сейчасъ же по прибытіи новаго министра въ столицу ученый и остроумный сардинскій дипломатъ дѣлается его довѣреннымъ собесѣдникомъ. Сношенія ихъ становятся съ перваго же раза самыми близкими и дружественными. Въ тиши графскаго кабинета они ведутъ частыя и длинныя бесѣды. Они разсуждаютъ о томъ, нужна ли на самомъ дѣлѣ наука для Россіи; полагаютъ, что ей, какъ военной державѣ, не по плечу классическое образованіе; они скорбятъ о томъ, что духовенство у насъ необразовано, сравниваютъ его съ блестящимъ сонмомъ латинскихъ кардиналовъ; много говорятъ объ іезуитахъ. Все это было жгучими вопросами дня. Именно въ это время вниманіе Государя занято было основаніемъ новаго высшаго учебнаго заведенія и положеніемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ.

Почти одновременно съ назначеніемъ графа Разумовскаго въ министры, Государь положилъ осуществить, безъ дальняго отлагательства, мысль, начало которой относилось къ первымъ годамъ его царствованія. Не мало, какъ мы уже видѣли, задумано было реформъ, но ввести ихъ было некому, это сознавали сами реформаторы. Изъ московскаго университета студентовъ выходило немного, а новые собратья его не успѣли еще образовать питомцевъ. Рѣшено было наскоро создать теплицу, въ которой можно бы было усиленными парами образовать тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалась насущная потребность. Къ этой мысли о лицеѣ, какъ о разсадникѣ будущихъ государственныхъ дѣятелей, присоединялась еще новая цѣль, о которой дотолѣ никто на Руси не помышлялъ. Императрица Марія Ѳеодоровна, такъ ревностно и благотворно трудившаяся всю жизнь свою надъ дѣломъ воспитанія, пожелала на сынахъ своихъ показать глубокое свое уваженіе къ наукѣ. Она рѣшилась даровать царственнымъ отрокамъ своимъ серьёзное, классическое и притомъ общественное воспитаніе, будучи вполнѣ убѣждена, что образованіе необходимо для тѣхъ, кто стоитъ во главѣ страны, что чѣмъ выше положеніе въ свѣтѣ извѣстной лич-

ности, тѣмъ болѣе отъ нея требуется, а поэтому тѣмъ болѣе слѣдуетъ заботиться о научномъ ея воспитаніи. Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи должны были служить примѣрами высшему обществу, воспитаніе котораго, по мнѣнію Государыни, было далеко не удовлетворительно. Въ благихъ намѣреніяхъ этихъ сильно поддерживалъ Императрицу-мать зять ея, герцогъ Петръ-Фридрихъ-Георгъ Ольденбургскій или, какъ его называли въ то время въ Россіи, Голштинскій. Рѣшено было молодымъ Великимъ Князьямъ дать общественное воспитаніе и закончить его въ университетѣ. Съ этою цѣлью положено было задуманное новое учебное заведеніе или лицей учреждать не въ Петербургѣ, а въ окрестностяхъ его, именно въ одной изъ пристроекъ великолѣпнаго Елизаветинскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, такъ что Государыня постоянно могла бы находиться вблизи отъ сыновей своихъ. „Помѣщенію здѣсь (т.-е. въ Царскомъ Селѣ), сказалъ Императоръ Николай Павловичъ директору лицея Броневскому въ 1842 году, „лицей обязанъ его отцу (указывая на Принца П. Г. Ольденбургскаго), онъ подалъ Государю мысль дать намъ образованіе въ университетѣ, а чтобы подготовить къ этому—воспитать насъ общественно. Лицей и былъ учрежденъ для того въ нашемъ помѣщеніи. Разрывъ съ Наполеономъ помѣшалъ этому“ [1]). Такая сугубая цѣль придавала новому учрежденію совершенно исключительное значеніе. Составленъ былъ проектъ, который въ программу лицейскаго ученія помѣщалъ чуть ли не весь кругъ человѣческихъ познаній. Есть преданіе, что первый планъ лицея составлялъ Лагарпъ. Другіе приписывали его Сперанскому. Какъ бы то ни было, но Разумовскій, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, получилъ отъ Государя на обсужденіе проектъ учрежденія лицея, который положено было основать съ цѣлью „образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій“. Получивъ отъ Государя проектъ, Разумовскій, разумѣется, обратился за совѣтомъ къ обычному своему собесѣднику. Какъ свидѣтельствуетъ самъ де-Местръ, разговоры его о воспитаніи съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ были часты и продолжительны. Памятникомъ этихъ сношеній сардинскаго дипломата съ русскимъ министромъ остались извѣстныя пять писемъ перваго къ послѣднему о народномъ воспитаніи въ Россіи. Письма эти впервые появляются въ русской печати въ полномъ ихъ составѣ [2]).

---

[1]) Селезневъ, Историческій очеркъ Имп. бывшаго Царскосельскаго Александровскаго лицея, состав. къ 50-ти-лѣтнему его юбилею, Спб. 1861, б. 8°, ст. 16. Для избѣжанія лишнихъ сносокъ, мы здѣсь заявляемъ, что почти всѣ подробности объ основаніи лицея почерпнуты нами изъ того же источника.

[2]) См. Приложеніе.

Собственно два изъ этихъ писемъ относятся до воспитанія, послѣднее же имѣетъ предметомъ защиту іезуитовъ и ихъ непомѣрныхъ требованій. Третье письмо служитъ какъ-бы переходомъ отъ вопроса о воспитаніи къ вопросу объ іезуитахъ. Всѣ письма были выводомъ того, что̀ изустно объяснялъ де-Местръ министру. Они пропитаны дидактизмомъ и среди софизмовъ, которыми они пересыпаны, слышится голосъ благосклоннаго учителя, обращающагося ex cathedra къ малоопытному ученику. „И это все", говоритъ Самаринъ въ изслѣдованіи своемъ объ іезуитахъ, „принималъ къ свѣдѣнію, по крайней мѣрѣ выслушивалъ, русскій министръ народнаго просвѣщенія! Мы не знаемъ, что̀ онъ отвѣчалъ, не знаемъ даже отвѣчалъ ли онъ что-нибудь; но доказательствомъ его безпримѣрнаго долготерпѣнія служитъ одно уже то обстоятельство, что переписка длилась довольно долго все въ одномъ тонѣ. Тонъ этотъ, какъ одно изъ знаменій того времени, самъ по себѣ назидателенъ. Повѣренный иностранной державы, притомъ еще иновѣрецъ, впутывается въ вопросъ внутренняго управленія, тѣсно связанный съ интересами чуждой ему церкви; при этомъ онъ берется за дѣло не какъ ходатай, а какъ власть имущій, не проситъ, а обличаетъ и тянетъ къ отвѣту. Онъ подступаетъ къ русскому министру народнаго просвѣщенія, уставивъ въ него строгій начальническій взглядъ, хватаетъ его за воротъ, трясетъ, поднимаетъ съ министерскихъ креселъ, садится на его мѣсто и, поставивъ его предъ собою какъ школьника, читаетъ ему нотацію о томъ, что̀ для Россіи нужно и что̀ не нужно, какъ управлять русскими и чему ихъ учить, или, точнѣе, чему ихъ не учить" [1]). Разумовскій отвѣчать не могъ, развѣ только благодарностію; сами письма были отвѣтами на многочисленные запросы министра. „Разговаривая нѣсколько времени тому назадъ съ членомъ государственнаго совѣта, который часто бываетъ у Его Величества" [2]), доносилъ де-Местръ своему королю, „я между прочимъ сказалъ ему кое-что о Россіи, его поразившее. Онъ упросилъ меня записать все мною сказанное и передать ему мои замѣтки. Я написалъ длинный трактатъ, въ которомъ я разбираю Россію съ точки зрѣнія вѣры, науки и свободы... Я обратился къ вышепомянутому лицу и сказалъ ему: „хотите, я извлеку кое-какія мысли, относящіяся до настоящаго вопроса изъ большого сочиненія, которымъ теперь занимаюсь?" Тотъ принялъ предложеніе мое съ большою охотою; вскорѣ я сообщилъ ему мои замѣтки. Онъ попросилъ у меня дозволеніе представить ихъ Императору. Я замѣтилъ ему, что мнѣ неприлично вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія и проч. Мнѣ отвѣчали, что это берутъ подъ личную отвѣтственность. Дѣло

---

[1]) Самаринъ, Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, стр. 323—324.

[2]) Де-Местръ несомнѣнно здѣсь подразумѣваетъ Разумовскаго.

было доложено Его Величеству, и онъ пожелалъ прочесть мои замѣтки. Тогда министръ возразилъ: „Государь, онъ писалъ только для меня и по личной моей просьбѣ, онъ бы не желалъ, чтобы думали, что онъ вмутывается въ дѣла, до него не касающіяся". „Ему нечего опасаться", отвѣчалъ Императоръ, „я знаю, что онъ здраво мыслитъ и что онъ намъ преданъ". Такимъ образомъ, государь, я буду имѣть голосъ въ комитетѣ министровъ. Если-бы у меня были здѣсь секретари, я бы не преминулъ переслать къ Вашему Величеству копіи съ разныхъ записокъ, которыя пришлось мнѣ здѣсь составлять; но двойная работа эта свыше силъ моихъ. Благодаря обязанностямъ свѣта и здѣшнимъ дѣламъ, едва приходится мнѣ поспать четыре часа въ сутки. . . . Для меня здѣсь бываютъ сладкія минуты, ибо ничего нѣтъ пріятнѣе всеобщаго благорасположенія. . . . Когда я вспомню, въ какомъ ужасномъ положеніи я сюда пріѣхалъ, безъ навыка къ жизни въ большихъ городахъ, безъ малѣйшаго понятія о народномъ духѣ, безъ рекомендательныхъ писемъ, въ крайней нуждѣ. . . . я содрогаюсь, даже послѣ десятилѣтняго здѣсь пребыванія. Но когда я вспомню, что я выбрался изъ этой бездны затрудненій и униженія, не унизивъ себя и сохранивъ достоинство Вашего Величества, мнѣ кажется, что въ судьбѣ моей есть что-то сверхъестественное. Даже теперь не могу понять, какъ все это случилось; иду впередъ самъ не знаю какъ, не могу довольно всѣми нахвалиться и надѣюсь съ своей стороны, что никто не можетъ на меня пожаловаться" [1]). Вліяніе совѣтовъ де-Местра отразилось на всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ министромъ Государю. Въ докладѣ этомъ Разумовскій излагалъ свои возраженія противъ проекта объ учрежденіи лицея, и возраженія эти онъ прямо черпалъ изъ писемъ сардинскаго посланника. „Средства", говоритъ графъ, „изложенныя въ семъ проектѣ къ достиженію цѣли, не совсѣмъ соображены съ оною. . . . Понятіе о важныхъ частяхъ службы и о тѣхъ, кто къ онымъ приготовляется, долженствовало бы опредѣлить выборъ въ наукахъ и языкахъ, для нихъ потребныхъ. Знанія, всякому благовоспитанному приличныя, надлежитъ отличить отъ тѣхъ наукъ, въ особенности нужныхъ только для нѣкотораго состоянія людямъ. Но въ начертаніи лицея на сіе вниманіе не обращено. Предписывается въ немъ обучать, напримѣръ, химіи, астрономіи и другимъ отвлеченнѣйшимъ частямъ математики. Нужны ли сіи науки министру, судьѣ, дипломату и другимъ состояніямъ обыкновенной государственной службы? Нѣтъ сомнѣнія, что и между воспитанниками лицея будутъ рѣдкіе таланты, кои, по особенной склонности, могутъ углубиться въ сіи

---

[1]) Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811—1817, recueillie et publiée par Albert-Blanc, I, 42—45.

науки; но таковымъ открытъ путь въ университеты, гдѣ преподаются науки во всей обширности. Исторія мнѣній философскихъ о душѣ, идеяхъ о мірѣ, большею частью нелѣпыхъ и противорѣчащихъ между собою, не озаряетъ ума полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и недоумѣніями. Естественную исторію нарочитымъ образомъ и въ обширности преподавать такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣетъ другое, а не ученое назначеніе, излишне. Греческій языкъ также нуженъ состоянію ученому, а въ государственной службѣ, по многимъ отношеніямъ, несравненно нужнѣе языкъ нѣмецкій, который въ лицеѣ вовсе не полагается.... Множество и важность предметовъ, которымъ воспитанники лицея должны учиться, также не соображены ни съ возрастомъ, ни со временемъ, которое они пробыть должны въ семъ учрежденіи. Они принимаются отъ 10 до 12 лѣтъ и должны пробыть въ лицеѣ только 6 лѣтъ. Возможно ли успѣть въ столь короткое время въ толь многихъ и важныхъ предметахъ, каковые предписаны въ семъ училищѣ? Если же кто и успѣетъ, то получитъ обо всемъ понятія смѣшанныя, скороспѣлыя, кои такого многовѣда сдѣлаютъ скорѣе несноснымъ педантомъ, нежели основательнымъ знатокомъ.... Таковыя несообразности", говоритъ въ заключеніи Разумовскій, „и другіе недостатки въ планѣ лицея убѣждаютъ меня составить новый проектъ, который не замедлю представить на высочайшее усмотрѣніе". Еще нагляднѣе выказывается вліяніе де-Местра во второй запискѣ, представленной Государю Разумовскимъ. Для составленія новаго проекта ему необходимо было знать положительную волю Императора, касательно основъ новаго учрежденія. Съ этою цѣлью онъ составилъ записку подъ именемъ: „Вопросы лицея", въ которой въ формѣ вопросовъ испрашиваетъ нужныя ему изъясненія. Между прочимъ, 7-й вопросъ гласитъ слѣдующее: „Въ нѣкоторыхъ учебныхъ институтахъ во Франціи и другихъ государствахъ, было въ обычаѣ отличать ношеніемъ крестиковъ тѣхъ изъ учащихся, кои болѣе прочихъ успѣвали въ ученіи и отличались добронравіемъ своимъ. Сіе средство весьма удобно было къ поощренію молодыхъ людей въ наукахъ и нравственности; подобное сему постановленіе полезно ввести въ лицей. Въ такомъ случаѣ можно бы учредить сію награду слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, два или три таковыхъ крестика было бы сдѣлано, коими, по истеченіи каждаго мѣсяца, украшаемы были трое изъ учащихся, болѣе всѣхъ въ продолженіи того мѣсяца отличавшіеся какъ поведеніемъ, такъ и прилежаніемъ въ ученіи, и какимъ либо достойнымъ похвалы и одобренія сочиненіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое отличіе произвело бы между молодыми людьми сильное желаніе его заслужить. По прошествіи мѣсяца кресты сіи положены были бы паки въ залѣ собранія, гдѣ опять заслужившіе ихъ были бы ими

украшены. Молодой человѣкъ такой знакъ отличія носилъ бы не только во внутренности лицея, но и внѣ онаго; напримѣръ, при какомъ либо торжествѣ, зрѣлищѣ и проч., при которыхъ бы воспитанникамъ лицея быть случалось". Въ составленіи отвѣтовъ на вопросные пункты Разумовскаго принималъ участіе самъ Государь. На приведенный выше 7-й вопросъ, цѣликомъ взятый изъ третьяго письма де-Местра, было отвѣчено: „Неудобно рано пріучать къ крестамъ. Награды книгами, порядкомъ замѣщенія, медалями и проч. удобнѣе".

Получивъ нужныя объясненія, Разумовскій, разумѣется не безъ дальнѣйшихъ совѣтовъ де-Местра, принялся за составленіе новаго плана для лицея. Планъ этотъ былъ писанъ рукою И. И. Мартынова, получившаго, какъ мы уже замѣтили, при новомъ министрѣ еще бо́льшее значеніе. „Благоволеніе Государя и довѣренность ко мнѣ *дѣятельнаго* и просвѣщеннаго министра графа А. К. Разумовскаго", говоритъ самъ Мартыновъ, „давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ порученіяхъ. Е. В. изволили начертать главнѣйшія статьи постановленій лицея и возложить на графа разсмотрѣть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія для начертанія постановленія лицею. Графъ А. К. это дѣло поручилъ мнѣ" [1]). Новое заведеніе уравнивалось правами съ университетами и получало особое, независимое отъ министерства народнаго просвѣщенія, управленіе. Въ угоду де-Местру, греческій языкъ, естественная исторія, археологія, астрономія и химія были отмѣнены, но эстетику отстоялъ Мартыновъ, читавшій ее когда-то въ педагогическомъ институтѣ по желанію Н. Н. Новосильцова. Въ Августѣ 1810 г. постановленіе о лицеѣ было высочайше утверждено, причемъ заведеніе и члены его принимались „подъ особенное Е. И. В. покровительство". Лицей поступалъ въ непосредственное вѣдѣніе графа Разумовскаго, который назначался главноначальствующимъ. Кругъ власти его постановленіемъ не былъ обозначенъ, но такъ какъ лицей не былъ введенъ въ число учрежденій министерства и составлялъ отдѣльное отъ него воспитательно-учебное заведеніе, то Разумовскій долженъ былъ управлять лицеемъ въ качествѣ особо-назначеннаго попечителя, не смѣшивая дѣлъ лицея съ дѣлами министерства. Составлены были штаты служащихъ. Назначены были директоръ и преподаватели. Выборы были счастливые. Директоромъ былъ избранъ, по предложенію Мартынова, образованный и дѣятельный Малиновскій; изъ московскаго университетскаго пансіона, на каѳедру русской словесности вызванъ былъ

[1]) „Современникъ", 1856, III. И. И. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, ст. Е. Колбасина, стр. 41.

извѣстный въ то время преподаватель Кошанскій. Профессорами исторіи, математики и нравственныхъ наукъ назначены были, только что возвратившіеся изъ-за границы, студенты педагогическаго института— Кайдановъ, Карцевъ и Куницынъ. Послѣднее назначеніе было особенно удачно. Куницынъ съумѣлъ привязать къ себѣ учениковъ и имѣлъ на нихъ самое благотворное вліяніе. Питомцы лицея долго помнили любимаго учителя.

„Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена!“ ....

Просьбы о принятіи дѣтей въ новоучрежденное заведеніе стали приходить со всѣхъ сторонъ. Распоряженіе Разумовскаго о переведеніи въ лицей отличнѣйшихъ учениковъ изъ московскаго благороднаго пансіона оказалось ненужнымъ и не было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ министръ обратился къ Государю съ слѣдующимъ представленіемъ: „В. В., въ залогъ непремѣннаго благоволенія вашего, всемилостивѣйше пожаловать соизволили грамоты академіямъ: наукъ и медико-хирургической, университетамъ и нѣкоторымъ другимъ высшимъ училищамъ. Примѣры сіи убѣждаютъ меня испрашивать Императорской грамоты В. В. и учреждаемому лицею, яко уравненному въ правахъ и преимуществахъ съ россійскими университетами“. При этомъ Разумовскій представилъ проектъ грамоты, который удостоился высочайшаго утвержденія. Самая грамота, нѣсколько напыщенная, писана была на 12 пергаментныхъ листахъ; она представляла образецъ каллиграфическаго искусства, украшена была аллегорическими фигурами и виньетами и переплетена была въ золотой глазетъ съ шитыми вензелями и гербами. Государь подписалъ ее 22 Сентября 1811 года. „Между тѣмъ какъ приготовлялась грамота“, говоритъ Мартыновъ, „и отдѣлываемо было строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостью испытываемы въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ лицей, въ присутствіи министра, Малиновскаго и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ“ [1]). Безъ малаго черезъ мѣсяцъ послѣ поднесенія грамоты, 19 Октября, въ присутствіи Государя и всей Императорской Фамиліи, съ особенною торжественностію совершено было открытіе лицея. Дѣтищемъ своимъ графъ Разумовскій занялся съ заботливостью и дѣятельностію, къ которой не привыкли его окружавшіе. Онъ строго отдѣлялъ свои обязанности по управленію лицеемъ, отъ занятій своихъ по министерству. „Графъ Разумовскій“,

[1]) Тамъ же, 41.

говоритъ историкъ лицея, „принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе содѣйствовали основанію и развитію лицея. Его ходатайству заведеніе обязано многими правами и преимуществами: онъ далъ ему организацію, непосредственно дѣйствовалъ при открытіи и лично участвовалъ въ первыхъ начинаніяхъ лицея. Онъ дѣятельно помогалъ Малиновскому во всѣхъ приготовленіяхъ къ открытію лицея: въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, въ совѣщаніяхъ конференціи, въ пріисканіи должностныхъ лицъ. Бумаги, сохранившіяся въ лицейскомъ архивѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени Разумовскій занятъ былъ новымъ учрежденіемъ, и содержатъ въ себѣ слѣды особой его дѣятельности въ отношеніи къ лицею. Такъ, напримѣръ, когда опредѣлено было открытіе лицея, онъ самъ составилъ церемоніалъ оному, написалъ планъ рѣчи, которую долженъ былъ произнести Малиновскій, пересмотрѣлъ рѣчи Куницына и Кошанскаго, послѣдній прочелъ у него въ залѣ ту лекцію, которою предполагалось открыть курсъ ученія въ присутствіи Государя; онъ распредѣлилъ вмѣстѣ съ конференціею предметы занятій и время между преподающими; собственноручно писалъ правила относительно наблюденія за комнатною температурою лицея, приказывая по крайней мѣрѣ два раза въ день возобновлять воздухъ въ комнатахъ; присутствовалъ при экзаменахъ, требовалъ отъ лицейскаго начальства самыхъ подробныхъ донесеній о состояніи дѣлъ и внимательно слѣдилъ за распоряженіями по всѣмъ отраслямъ управленія“ [1]). Въ бумагахъ графа Алексѣя Кириловича, сохранившихся въ архивѣ правнука его князя Н. В. Репнина, находятся цѣлыя тетради съ отчетами преподавателей лицея объ успѣхахъ учениковъ и подробною характеристикою каждаго изъ нихъ [2]). Попеченія Разумовскаго о лицеѣ доходили иногда до крайности. Такъ, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ учрежденія его поразила плохая подготовка поступавшихъ въ лицей учениковъ. Какъ ни странно покажется, однако министру народнаго просвѣщенія, подъ начальствомъ котораго находились всѣ подготовительныя школы Россіи, единственнымъ средствомъ для устраненія неравенства въ развитіи и кругѣ познаній вступавшихъ въ лицей юношей представилось основаніе новаго воспитательнаго учрежденія, спеціально для лицея устраиваемаго и имѣющаго цѣлью подготовить для него отличныхъ учениковъ. Такъ возникъ лицейскій благородный пансіонъ, и такимъ образомъ самъ Царскосельскій лицей укрѣплялся среди министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ status in statu. Проектъ Разумовскаго объ открытіи новаго

[1]) Селезневъ, Истор. очеркъ Лицея, 30.

[2]) Отчеты эти относительно самыхъ примѣчательныхъ учениковъ: Пушкина, Дельвига и кн. А. М. Горчакова, напечатаны у Селезнева, Приложеніе, стр. 13—14.

пансіона былъ высочайше утвержденъ въ 1813 году. Въ проектѣ этомъ не даровалось никакихъ правъ ни служащимъ при пансіонѣ, ни учащимся въ немъ. Пансіонъ носилъ вполнѣ характеръ частнаго учрежденія. Впослѣдствіи однако составленъ былъ штатъ служащимъ и дарованы права воспитанникамъ.

Такимъ образомъ основателемъ Царскосельскаго лицея, игравшаго, въ началѣ своего существованія, такую важную роль въ исторіи нашего образованія, былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій. Онъ учредилъ и съ любовью опекалъ то заведеніе, которое даровало Россіи Пушкина, изъ котораго вышли: князь А. М. Горчаковъ, графъ М. А. Корфъ, Дельвигъ и другіе. На знаменитомъ въ лѣтописяхъ нашей культуры экзаменѣ, на которомъ впервые раздались публично стихи Пушкина, на которомъ юный поэтъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, прочелъ передъ Державинымъ свои воспоминанія о Царскомъ Селѣ:

И славный старецъ намъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня, дрожащею рукою,
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мною.

На этомъ экзаменѣ, говоримъ мы, присутствовалъ и Разумовскій, справедливо гордясь успѣхами своихъ питомцевъ. Послѣ экзамена былъ у графа Алексѣя Кириловича торжественный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ именитыхъ гостей, приглашенъ былъ и отецъ молодого поэта. Обращаясь за обѣдомъ къ С. Л. Пушкину, Разумовскій сказалъ ему между прочимъ: „Я бы желалъ однакоже образовать сына вашего въ прозѣ“. „Оставьте его поэтомъ“, пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ [1]).

Учрежденіе лицея несомнѣнно составляетъ самую выдающуюся и притомъ лучшую сторону служебной дѣятельности Разумовскаго. Занявъ должность министра, онъ сбросилъ съ себя свою обычную лѣнь, забылъ про хандру, сталъ доступенъ всякому. Къ сожалѣнію, такое настроеніе продолжалось не долго и остальная часть оффиціальной его карьеры далеко не соотвѣтствовала такому благому началу. Даже попеченіе его о лицеѣ со временемъ охладѣло.

---

[1]) Анненковъ, А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи, стр. 22.

ГЛАВА IV.

Графъ Алексѣй Кириловичъ.

(Окончаніе).

Изгнанные изъ всѣхъ государствъ Европы, уничтоженные знаменитымъ бреве папы Климента XIV, отъ 21 Іюля 1773 года, іезуиты нашли себѣ убѣжище въ только-что присоединенной къ Россіи Бѣлоруссіи. Екатерина объявила, что, по чувству вѣротерпимости, она желаетъ оставить іезуитовъ въ мирно-завоеванныхъ ею областяхъ. Россія не признала папскаго бреве, и послѣдователи Игнатія Лойолы остались при своихъ коллегіяхъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Могилевѣ и Динабургѣ, а также при миссіяхъ и резиденціяхъ, разсыпанныхъ по западному краю. Въ Полоцкъ стали мало-помалу съѣзжаться іезуиты всѣхъ странъ свѣта. Сильные опорою всемогущаго Потемкина и Бѣлорусскаго намѣстника графа Захара Григорьевича Чернышева, братья Іисусова общества не обращали вниманія на громы, сыпавшіеся на нихъ изъ Ватикана, и дерзко относились къ враждебному имъ могилевскому епископу, Сестренцевичу-Богушу, котораго Екатерина, съ свойственнымъ ей одной талантомъ выбирать людей, такъ удачно поставила во главѣ новоприсоединенной къ Россіи латинской паствы. Всякими правдами и неправдами, добились іезуиты разрѣшенія открыть при своемъ полоцкомъ коллегіумѣ новиціатъ и воспользовались путешествіемъ Екатерины въ Могилевъ, а также всемогущимъ покровительствомъ князя Таврическаго, чтобы въ 1782 году получить высочайшій указъ, разрѣшающій имъ избраніе между себя генеральнаго викарія, и de facto ставившій ихъ внѣ юрисдикціи могилевскаго епископа. Самъ Потемкинъ на собственныя деньги выстроилъ для іезуитскаго генерала и профессовъ домъ въ Полоцкѣ. При Павлѣ I іезуиты стали перебираться въ С.-Петербургъ. Самый вліятельный членъ общества и будущій генералъ его, отецъ Груберъ, отправился въ сѣверную столицу; тамъ онъ былъ снисканъ милостями при дворѣ. Царскій гнѣвъ палъ на Сестренцевича, а іезуиты тѣмъ временемъ ловко забрали въ свои руки латинскую церковь св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, и добились возвращенія ихъ ордену имѣній, отобранныхъ у нихъ во времена польскаго владычества. Напротивъ православнаго Казанскаго собора, стали совершаться съ необыкновенною пышностью невиданныя дотолѣ въ Петербургѣ латинскія функціи, загремѣла великолѣпная музыка, раздалась краснорѣчивая, увлекательная проповѣдь. Снисходя усиленнымъ просьбамъ русскаго православнаго Императора, папа Пій VII, наконецъ,

рѣшился снять запрещеніе съ осужденнаго Ватиканомъ ордена и бреве своимъ отъ 7-го Марта 1801 г. формально призналъ существованіе его въ Россіи. Уже съ нѣкоторыхъ поръ славился въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, французскій пансіонъ, содержимый іезуитомъ Николемъ, извѣстнымъ подъ именемъ аббата Николя. Іезуиты рѣшились завести теперь свою собственную школу, при самой церкви и выпросили себѣ у Государя участокъ земли, находившійся на углу Итальянской улицы и Екатерининскаго канала. Здѣсь возвели они великолѣпное строеніе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ іезуитскаго дома, здѣсь, уже послѣ воцаренія Александра Павловича, они открыли училище, куда толпами стали поступать знатные русскіе юноши: Голицыны, Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгановы, Вяземскіе, Одоевскіе и пр., и пр. Здѣсь юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латынѣ, по-латынѣ-же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катихизису и во время латинской миссы аколитами (enfants de choeur) прислуживали священнодѣйствующимъ патерамъ [1]). Наконецъ, въ 1802 г., въ Полоцкѣ, отецъ Груберъ избранъ былъ уже не викаріемъ, а полнымъ генераломъ ордена и поспѣшилъ окончательно перевести резиденцію свою въ Петербургъ. Сами братья ордена Іисусова не вѣрили своему счастію. „Іезуиты", говоритъ де-Местръ, „великолѣпно ведутъ дѣла свои (mènent supérieurement leur barque); мы часто удивляемся съ отцомъ-генераломъ ихъ здѣсь существованію, это по истинѣ неразрѣшимая задача (un véritable problème)" [2]). Нежданная удача во всемъ, что бы они ни предпринимали, вскружила голову іезуитамъ; они стали отвергать всякій надъ собою контроль, даже со стороны лицъ, связанныхъ съ ними по вѣрѣ и народности, такъ какъ въ то время огромное большинство іезуитовъ состояло изъ природныхъ поляковъ.

Въ самомъ началѣ министерства графа Разумовскаго, западная окраина государства нашего отъ Двины до Буга представляла странное явленіе. Всѣ начала обрусѣнія, о которомъ такъ заботилась Екатерина, давно заглохли. Князь Адамъ Чарторижскій неутомимо и безпрепятственно трудился надъ окончательною полонизаціею края. „Цѣлью всей его жизни", говоритъ составитель предисловія къ письмамъ Чарторижскаго, „было обрѣсти отчизну и снова вызвать ее къ жизни... Сами русскіе сдѣлали князю честь говорить и даже заявлять печатно, что онъ на полвѣка отстранилъ окончательное обрусѣніе польскихъ обла-

---

[1]) Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, II, стр. 129. Разсказъ покойнаго графа А. Н. Толстаго.

[2]) A. Blanc, Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, стр. 137.

стей имперіи“ [1]). Какъ ни силенъ былъ космополитическій или, вѣрнѣе, польскій оттѣнокъ русской администраціи въ западномъ краю, все же Чарторижскій оставался недоволенъ. „Защитите, Государь“, писалъ онъ къ Императору Александру Павловичу, отъ 12 Января 1810 года, „несчастный край отъ собственнаго вашего управленія; никто въ здѣшней странѣ не принимаетъ участія, наоборотъ, многіе только и думаютъ о томъ какъ бы повредить ей, стараются угнетать ее, а однако съ какой точки зрѣнія ни посмотришь на дѣло и что бы ни пророчили въ будущемъ, не думаю, чтобы были вѣрными слугами В. И. В. люди, подающіе совѣты, осуществленіе которыхъ неминуемо повлечетъ за собою разореніе значительной части вашихъ владѣній и отстранитъ отъ васъ сердца жителей“ [2]). Малѣйшее вмѣшательство министерства въ дѣло народнаго образованія глубоко оскорбляло зазнавшагося Чарторижскаго „Изъ всего этого“, писалъ онъ отъ 15 Ноября того же года, по поводу коммиссіи, учрежденной, по представленію Разумовскаго, для ревизіи кременецкой гимназіи, „слѣдуетъ заключить, что виленскій попечитель не пользуется болѣе довѣріемъ правительства и что это даже дано ему почувствовать“ [3]). Почти неограниченная властъ Чарторижскаго въ польскомъ краѣ стала досаждать іезуитамъ. Упоенные успѣхами, патеры отказались отъ повиновенія учебному начальству и требовали для своихъ школъ и коллегій полной независимости отъ попечителя виленскаго округа. Загорѣлась открытая междоусобная война. Своя своихъ не познаша. Этою рознею тогдашнее правительство не съумѣло воспользоваться, полонизація края шла своимъ чередомъ, а іезуиты, благодаря вліянію де-Местра на графа Разумовскаго, вскорѣ достигли своей цѣли.

Вольтеріанецъ и масонъ, Разумовскій сталъ теперь покровителемъ Іисусова общества. Послѣ смерти патера Грубера, несмотря на избраніе ему въ преемники поляка Тадеуша Бржозовскаго, настоящимъ генераломъ ордена сдѣлался графъ де-Местръ; онъ входилъ во всѣ мелочи управленія, безъ его вмѣшательства не рѣшался ни одинъ вопросъ, не принималась ни одна мѣра. Іезуиты давно съ завистью смотрѣли на бывшее свое достояніе—виленскій университетъ. Завладѣть имъ снова не было возможности; попечитель слишкомъ силенъ былъ при дворѣ. По новому университетскому уставу, всѣ учебныя заведенія были подчинены тому учебному округу, къ которому они были приписаны. Въ силу этого постановленія, всѣ іезуитскія школы зависѣли отъ Чарторижскаго. Убѣдившись въ томъ, что университетъ на-

[1]) Alexandre I et le Prince Czartoryski, correspondance particulière и пр., avec une introduction, par Ch. de Mazade.

[2]) Тамъ же, стр. 108.

[3]) Тамъ же, стр. 116.

всегда ускользнулъ изъ рукъ ихъ, іезуиты рѣшились освободиться изъ-подъ контроля свѣтской власти, создавъ свой отдѣльный независимый учебный округъ, съ собственнымъ новымъ университетомъ. Съ этою цѣлью, они перестали обращать вниманіе на распоряженія попечителя и письма посыпались изъ іезуитскаго коллегіума ко всѣмъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ: къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, къ герцогамъ: Виртембергскому и Ольденбургскому, къ князьямъ: Голицыну и Куракину, къ Сперанскому и проч. и проч. и проч. Представлена была даже докладная записка самому Государю. Разумѣется, всего чаще и настойчивѣе обращались патеры къ министру народнаго просвѣщенія. Новый генералъ, Тадеушъ Бржозовскій, сначала просилъ смиренно только о томъ, чтобы за іезуитскими учебными заведеніями оставили ихъ старинный методъ преподаванія; просьба была, какъ казалось, самая невинная, но рядомъ съ нею ловко и незамѣтно распускалась клевета противъ университетовъ и зависящихъ отъ нихъ заведеній. По мѣрѣ того какъ письма умножались, увеличивались и требованія. Въ концѣ-концовъ доказывалось, что необходимо даровать университетскія права полоцкой іезуитской школѣ. „Это безпримѣрное явленіе въ исторіи“, писалъ между прочимъ Бржозовскій къ Разумовскому, „что вздумали іезуитовъ подчинить университетскимъ законамъ, перемѣнять ихъ методъ преподаванія и стѣснять свободу начальниковъ въ выборѣ профессоровъ... Мы просимъ не новой какой милости, а о сохраненіи права, современнаго учрежденію нашего ордена, права, которымъ мы никогда не злоупотребляли и которымъ мы, пусть не безпокоятся, никогда злоупотреблять не будемъ, потому что наша собственная польза требуетъ, чтобы мы оправдывали довѣріе правительства и были достойны его покровительства, готовностію нашею служить видамъ государственнымъ“. Въ заключеніе генералъ іезуитовъ говорилъ, что министръ народнаго просвѣщенія причинитъ вредъ государству, если не станетъ поддерживать іезуитовъ, готовыхъ взвалить себѣ на плечи часть правительственнаго бремени; „интересы наши совершенно тождественны съ интересами имперіи“, такъ заканчивалъ одно изъ писемъ своихъ къ Разумовскому Бржозовскій [1]). Несмотря на такіе убѣдительные доводы, министръ плохо поддавался; тогда выступилъ впередъ графъ де-Местръ. Къ письмамъ своимъ о проектѣ лицея онъ присоединилъ два огромныхъ посланія, заключавшихъ въ себѣ полный панегирикъ обществу Іисусову. Де-Местръ защищалъ орденъ краснорѣчиво, остроумно и оригинально. Софизмы такъ и заискрились изъ-подъ борзаго пера его. Секта злыхъ революціонеровъ окружаетъ или, вѣрнѣе, врывается въ Россію со всѣхъ

[1]) Морошкинъ, Іезуиты, II, 481—489.

сторонъ и подтачиваетъ самые глубокіе ея корни. Секта дѣйствуетъ безъ шума, тайно, шумъ сберегается про конецъ. Россіи необходимы сторожевые псы, готовые грызть воровъ и лаемъ будить дремлющее правительство; она не можетъ обойтись безъ громадныхъ альпійскихъ сосенъ, сдерживающихъ лавину и не дозволяющихъ снѣгу въ одно мгновеніе занести мелколѣсье. „Будемъ надѣяться", говоритъ въ концѣ послѣдняго письма де-Местръ, „что отличному министру, передъ которымъ я высказываю свои мысли, суждено вполнѣ разсѣять мракъ, затмѣвающій самыя яркія и самыя основныя истины! Какое зрѣлище, графъ, съ одной стороны: степенные ученые монахи въ продолженіи 40 лѣтъ и въ виду цѣлой Россіи словомъ и примѣромъ поучающіе людей добру, постоянно помнящіе о своихъ обязанностяхъ относительно государства, не забывающіе никогда данной ими Россіи присяги, ставящіе русскій языкъ выше всего другого и почитающіе его, наравнѣ съ латинскимъ, основаніемъ своего преподаванія. А съ другой—польская академія, въ упоеніи отъ своего роднаго языка и нападающая на іезуитовъ! И русское правительство колеблется въ выборѣ между обоими этими учрежденіями и даже склоняется на сторону польской академіи! Что же это за колдовство? Какой непостижимый фатализмъ заставляетъ всѣ правительства предпочитать именно то, въ чемъ заключается ихъ погибель, и ненавидѣть то, что̀ можетъ спасти ихъ?"

Такого рода намеки дѣлались въ то время, когда по всему Петербургу ходили толки о реформахъ Сперанскаго, когда въ высшихъ кругахъ общества его прямо называли якобинцемъ и иллюминатомъ, когда многіе изъ высшихъ администраторовъ пророчили общую революцію, если задуманныя любимцемъ Государевымъ реформы будутъ введены въ имперіи. Разумовскому, какъ и многимъ изъ его сотоварищей, доводы де-Местра показались весьма вѣскими, особенно же въ данную минуту. Къ тому же, де-Местръ весьма ловко закончилъ свой панегирикъ инсинуаціею относительно польскихъ тенденцій Чарторижскаго. Защищать іезуитовъ, по словамъ его, значило поддерживать русское дѣло въ западномъ краѣ. Дальновидность высшихъ чиновниковъ нашихъ, благодаря иностранному воспитанію, рѣдко отличалась особенною прозорливостью. Разумовскій окончательно убѣдился въ пользѣ предлагаемой мѣры и вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о возведеніи полоцкой іезуитской коллегіи на степень академіи, т.-е. высшаго учебнаго заведенія, со всѣми правами и преимуществами университетовъ, и непосредственнымъ подчиненіемъ этой новой академіи всѣхъ вообще іезуитскихъ училищъ. Представленіе Разумовскаго было высочайше утверждено 12 Января 1812 г., и та-

кимъ образомъ возникъ новый учебный округъ, іезуитскій, обнимавшій всю Россію.

Хотя Разумовскій и ошибался однако въ началѣ министерства своего, онъ несомнѣнно съ охотою и любовью занялся ввѣреннымъ ему дѣломъ. Мы уже видѣли выше, что Мартыновъ называлъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ министромъ. Дѣятельность графа Алексѣя Кириловича была продолженіемъ того, что̀ начато было при Завадовскомъ. Кругъ министерскихъ обязанностей даже расширился: медико-хирургическая академія, а за нею и вся медицинская часть въ имперіи, подчинена была министру народнаго просвѣщенія [1]). Вниманіе новаго министра особенно обращено было на народныя школы. Въ первые два года управленія Разумовскаго открыто было по Россіи 72 приходскихъ школы, 24 уѣздныхъ училища, одно городское и сиротское училище въ Москвѣ. Изъ среднихъ заведеній открыты были гимназіи въ Кіевѣ, Симферополѣ и Бѣлостокѣ, греческое Александровское училище въ Нѣжинѣ и повивальный институтъ въ Бѣлостокѣ [2]). Въ виду крайне недостаточнаго числа школъ и исключительнаго положенія московской губерніи, министръ исходатайствовалъ разрѣшеніе, чтобы вся сумма, опредѣленная казною на училища московской губерніи, выдавалась сполна, съ тѣмъ чтобы употреблять ее, въ случаѣ надобности, совокупно съ деньгами, отпускаемыми изъ московскаго приказа общественнаго призрѣнія, на содержаніе частныхъ училищъ въ Москвѣ, съ правомъ замѣнять одну сумму другою [3]).

Разумовскій обращалъ вниманіе не только на открытіе новыхъ училищъ, но и на самый методъ преподаванія и требовалъ отъ попечителей, чтобы они зорко слѣдили за учебнымъ дѣломъ въ ввѣренныхъ имъ округахъ. „Усмотрѣно мною“, писалъ онъ циркулярно отъ 8-го Іюля 1810 года, „что во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, что учители стараются болѣе обременять, нежели изощрять память ихъ и, вмѣсто развиванія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный, заставляя выучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя бы несвязанными, но не книжными выраженіями. Таковой способъ ученія, сколько легокъ для учителей, столько вреденъ для истиннаго образованія юношества, и на сіе тѣмъ мнѣе можно взирать съ равнодушіемъ, что сверхъ потраты дѣтьми наилучшаго въ жизни времени обманывается надежда правительства, и употребляе-

---

[1]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, I.

[2]) Кепенъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, 71—79.

[3]) Сборникъ распоряженій по мин. народнаго просвѣщенія, I, 600—601.

мыя имъ на воспитаніе издержки остаются маловознагражденными". Вслѣдствіе этихъ соображеній Разумовскій предлагалъ черезъ попечителей университетовъ: 1) назначать въ учителя людей знакомыхъ съ раціональнымъ методомъ преподаванія; 2) предписать директорамъ и смотрителямъ училищъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы учителя не затрудняли учениковъ вытверживаніемъ наизусть уроковъ, но приводили бы ихъ легкимъ, простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго; 3) чтобы визитаторы обращали особое вниманіе на методъ преподаванія и представляли объ учителяхъ незнающихъ добраго метода, или нежелающихъ ему слѣдовать; 4) не обременять юношество перепискою курсовъ, составленныхъ учителями, а преподавать по книгамъ, указаннымъ начальствомъ, и наконецъ 5) не дозволять на экзаменахъ самимъ учителямъ экзаминовать, а приглашать на то посторонних лицъ, свѣдущихъ въ наукѣ, а гдѣ такихъ нѣтъ, чтобы экзаминовали не тѣ учители, которые преподавали ту науку, изъ которой производится испытаніе [1]).

Циркуляромъ отъ 18 Марта 1811 г., Разумовскій припоминалъ, что „училищными постановленіями всякія тѣлесныя наказанія запрещены, между тѣмъ стало извѣстно, что нѣкоторые директоры, смотрители, учители, гувернеры и содержатели пансіоновъ дѣлаютъ оныя и даже съ ожесточеніемъ, безъ вѣдома высшаго начальства и безъ согласія родителей или родственниковъ. А какъ сіе противно доброму воспитанію, то я предлагаю вникнуть въ сіе обстоятельство и, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должностей, подтвердить означеннымъ лицамъ, а содержателямъ пансіоновъ подъ опасеніемъ закрытія пансіоновъ, дабы не дерзали нарушать высочайшее повелѣніе о наказаніяхъ и исправляли бы дѣтей мѣрами кротчайшими... Желательно было бы, чтобы жестокіе наставники, учители, начальники училищъ и содержатели пансіоновъ немедленно были узнаны, и по усмотрѣнію, или перемѣнены или предостережены, какъ для пользы ихъ собственной, такъ болѣе для юношей имъ ввѣренныхъ" [2]). По предложенію Разумовскаго, учреждено въ 1811 году званіе почетныхъ смотрителей при училищахъ, въ которые избираемы должны были быть тѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, кои наиболѣе благорасположены къ наукамъ. Строжайшимъ образомъ было воспрещено допущеніе частныхъ учебныхъ заведеній для дѣтей обоего пола [3]); обращалось вниманіе попечителей на то, что иные учители плохо исполняютъ свои обязанности, поздно приходятъ въ классы и распускаютъ учениковъ до вре-

[1]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 175—177.

[2]) Тамъ же, I, 182. Распоряженіе это подтверждено новымъ циркуляромъ Разумовскаго, отъ Февраля 1814 года. Тамъ же, I, 235.

[3]) Циркуляръ отъ 4 Сентября, 1811 года. Тамъ же, 196—197.

мени [1]). Вслѣдствіе представленія казанскаго попечителя Михаила Александровича Салтыкова о томъ, что въ гимназіяхъ его округа, да и вообще во всѣхъ тогда существовавшихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, не положено было обязательное обученіе закону Божію: „коренным и неизмѣннымъ правиломъ, постановлено было во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ того и состоящія подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, какъ обучать юношество закону Божію, такъ и, при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ, всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. Притомъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзаменъ, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а гдѣ существуетъ архіерейская каѳедра, то и самыхъ мѣстныхъ архіереевъ“ [2]). Наконецъ, Разумовскій представилъ на высочайшее усмотрѣніе, что грековосточная церковь издревле особенно чествуетъ нѣкоторые великіе дни въ году, числомъ семь, а именно: праздникъ св. Николая, день сошествія св. Духа, день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, день Покрова и день празднованія Казанской иконы Пресвятой Богородицы; дни эти въ 1805 году, вслѣдствіе представленія министра юстиціи, обращены были въ присутственные, въ надеждѣ симъ способомъ ускорить теченіе дѣлъ. Нынѣ министръ предлагалъ ихъ снова причислить къ тѣмъ, въ которые не бываетъ ни ученія, ни присутствія по вѣдомству свѣтскаго правительства. Это представленіе Разумовскаго было высочайше утверждено 21 Октября 1812 года [3]). Занимаясь съ любовью дѣломъ народнаго образованія, Разумовскій какъ-бы отрѣшался на время отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Этотъ завзятый космополитъ, вѣчно порицавшій все родное, въ двухъ докладахъ къ Государю, отъ Мая 1811 года и отъ 12 Мая 1812 года, является намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ, онъ представляется чуть ли не славянофиломъ, или, вѣрнѣе, такъ какъ эти два понятія часто у насъ смѣшиваютъ, чисто русскимъ человѣкомъ.

„Въ отечествѣ нашемъ“, писалъ въ первомъ докладѣ Разумовскій, „далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную

[1]) Циркуляръ отъ 28 Апрѣля 1812 года. Тамъ же, I, 214.
[2]) Циркуляръ отъ 6 Іюня 1812 года. Тамъ же, I, 217.
[3]) Сборникъ постановленій по мин. народ. просвѣщенія, I, 689—690.
[4]) Тамъ же, I.

пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ, но, подъ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего не довольно, и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ-же, что̀ усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ. Къ прекращенію сего представляю слѣдующія мѣры: 1) дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности; 2) дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знанія русскаго языка; 3) за правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ; начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ попеченіе; 4) вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ; 5) впрочемъ во всемъ слѣдовать правиламъ для пансіоновъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ; 6) и наконецъ сбирать ежегодно съ содержателей пансіоновъ по 5% съ платы, ими получаемой съ пансіонеровъ, каковыя деньги обратить, по накопленіи, на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ безъ отягощенія государственной казны будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя услуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти неимущихъ дворянъ“ [1]).

Во второмъ докладѣ своемъ Разумовскій предлагалъ энергическія мѣры къ обрусѣнію западнаго края. Иниціатива этого дѣла принад-

[1]) Тамъ же, I, 632—634.

лежала собственно министру полиціи, который сообщилъ графу, что по отчету виленскаго гражданскаго губернатора за 1809 годъ, оказывалось, что въ его губерніи русскій языкъ не вошелъ еще въ употребленіе. Вслѣдствіе этого заявленія, министръ народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что не въ одной виленской, но и во всѣхъ бывшихъ польскихъ, а также и остзейскихъ губерніяхъ неохотно занимаются русскимъ языкомъ, предложилъ: 1) принимать уроженцевъ вышеименованныхъ губерній въ военную и гражданскую службу, а равно и духовное званіе, черезъ пять лѣтъ по утвержденіи сего положенія, не иначе какъ знающихъ русскій языкъ; 2) изъ приходскихъ школъ переводить въ уѣздныя училища только такихъ учениковъ, кои знаютъ порядочно по-русски читать и писать; 3) изъ уѣздныхъ училищъ, переводить въ гимназіи только тѣхъ, кои знаютъ русскій языкъ основательно и по-русски говорятъ правильно; 4) гимназисты, коимъ остается до окончанія курса не менѣе двухъ лѣтъ и кои не знаютъ русскаго языка, должны въ теченіи этого времени научиться по-русски: читать, писать и разумѣть достаточно; въ противномъ-же случаѣ, не принимать ихъ на службу; 5) студентовъ университетскихъ, незнающихъ достаточно русскаго языка, нынѣ и черезъ годъ по утвержденіи сего положенія, принимать на службу, но не въ чинѣ 14 класса; 6) при производствѣ въ слѣдующіе чины, незнающіе русскаго языка и имѣющіе отъ роду не болѣе 40 лѣтъ, обязаны прослужить годомъ болѣе узаконенныхъ сроковъ; 7) въ послужныхъ спискахъ чиновниковъ остзейскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній означать, знаютъ-ли они русскій языкъ или нѣтъ. Департаментъ государственной экономіи, признавая пользу сихъ мѣръ, но уваживъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ надлежало съ пограничными губерніями обращаться со всевозможною осторожностію, положилъ: отложить предположенныя мѣры до удобнѣйшаго времени. Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, 3 Іюня 1812 года, утвердилъ это мнѣніе [1]).

Если проектъ Разумовскаго касательно мѣръ къ обрусѣнію нашихъ западныхъ окраинъ былъ отклоненъ, то первый докладъ его удостоился высочайшаго утвержденія. Въ силу изложенныхъ въ немъ соображеній, министръ обратилъ теперь вниманіе правительства на домашнихъ иностранныхъ учителей, число которыхъ въ послѣднее время крайне умножилось. Министръ требовалъ, на основаніи стараго Елизаветинскаго указа, отъ 5 Мая 1757 г., чтобы всѣ иностранные учители имѣли отъ русскихъ училищныхъ начальствъ письменныя свидѣтельства о своихъ способностяхъ и познаніяхъ. Оказалось, что

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, V, 203—204.

благотворная мѣра эта давно уже не была соблюдаема. За содѣйствіемъ Разумовскій обратился къ министру полиціи. Министръ доложилъ о томъ Государю и, по высочайшему повелѣнію, отношеніе графа Алексѣя Кириловича было внесено въ комитетъ министровъ на обсужденіе. Комитетъ въ своемъ заключеніи положилъ, что мѣра, предлагаемая министромъ народнаго просвѣщенія, стѣснительна и неудобна какъ для учителей, которые могутъ находиться въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ университетовъ и гимназій, такъ и для родителей, которые выписываютъ изъ-за границы учителей и ввѣряютъ имъ для воспитанія дѣтей своихъ, предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ. Чтобы достичь цѣли, предлагаемой Разумовскимъ, комитетъ призналъ удобнѣйшимъ внушить родителямъ черезъ дворянскихъ предводителей, чтобы они для пользы дѣтей своихъ старались избирать въ наставники людей, которые бы съ правилами строгой нравственности соединяли и познанія, званію ихъ свойственныя. Государь передалъ Разумовскому заключеніе комитета, съ тѣмъ, чтобы, прочитавъ и изучивъ его, онъ представилъ свое письменное мнѣніе. Вслѣдствіе этого министръ составилъ пространный докладъ. „Почему“, говоритъ онъ въ докладѣ этомъ, „мѣра, которая признавалась удобною въ то время, когда повелѣно было со всей имперіи являться на экзамены въ С.-Петербургскую академію и Московскій университетъ, считается стѣснительною теперь, когда у насъ существуютъ пять университетовъ, и въ каждомъ губернскомъ городѣ — гимназія, уѣздное, приходское, а въ иныхъ городахъ и другія училища? Правительство наблюдаетъ мѣры относительно учителей отечественныхъ... для чего же долженъ быть изъятъ изъ сего иностранецъ, пріѣзжающій въ страну, его незнающую или вовсе, или по одной славѣ? Если онъ съ должными познаніями, то нимало не страшенъ для него экзаменъ; если онъ безъ познаній, то безжалостно долженъ быть отринутъ, какъ пожелавшій обманъ поставить въ замѣнъ свѣдѣніямъ“... „Къ сожалѣнію“, докладывалъ въ заключеніе Разумовскій, „я долженъ почти согласиться въ томъ, что родители ввѣряютъ иностранцамъ дѣтей своихъ болѣе для нравственнаго образованія, нежели ученія языкамъ и наукамъ: ибо родители ввѣряютъ имъ воспитаніе дѣтей и ученіе. Но кому неизвѣстно, что бо́льшая часть родителей не понимаетъ, что̀ такое есть нравственное образованіе. Что ученіемъ языковъ и наукъ они всегда почти замѣняютъ понятіе совершеннаго воспитанія, и отыскать образца для нашей нравственности въ чужихъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или по крайней мѣрѣ порицаемое. Всѣ мои разсужденія заключаю тѣмъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ комитета: ибо отъ послабленія иностранцамъ образовать насъ въ нрав-

ственности и познаніяхъ неминуемо произойдутъ вредныя слѣдствія. Если всѣ вышеприведенныя мѣры были и притѣснительны, то и тогда бы онѣ долженствовали быть наблюдаемы. Лучше поставить преграду злу, чѣмъ равнодушно взирать на пагубное его вліяніе". Государь утвердилъ мнѣніе министра и мѣра, предложенная Разумовскимъ, была принята [1]). Изъ остальной дѣятельности Разумовскаго за первый періодъ его министерства упомянемъ еще объ уравненіи московскаго, харьковскаго и казанскаго университетовъ съ виленскимъ и дерптскимъ, касательно пенсій и единовременныхъ выдачъ [2]), объ установленіи порядка для производства въ чины лицъ, получившихъ ученыя степени [3]), о строгомъ постановленіи, дававшемъ министру право казенныхъ воспитанниковъ и даже студентовъ педагогическаго института, университетовъ и другихъ высшихъ училищъ, изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ отсылать въ военную службу, по сношеніи съ военнымъ министерствомъ. О казенно-коштныхъ студентахъ изъ дворянъ министръ долженъ былъ представлять Государю [4]). Наконецъ, въ 1811 году учреждена была Разумовскимъ при московскомъ университетѣ — первая каѳедра славянской словесности. Она открывалась съ цѣлью „ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго". Первымъ ординарнымъ профессоромъ славянской словесности назначенъ М. Г. Гавриловъ, читавшій уже въ московскомъ университетѣ русскую литературу и изящныя науки [5]).

Въ общихъ государственныхъ вопросахъ, въ которые, впрочемъ, Разумовскій входилъ мало, онъ былъ однимъ изъ самыхъ открытыхъ противниковъ Сперанскаго и взиралъ на паденіе его какъ на спасеніе Россіи. „Вотъ теперь слышу", писалъ къ нему по этому случаю Поздѣевъ, „одинъ изъ большихъ враговъ вашихъ въ какомъ-то дѣлѣ попался... что я думаю будетъ имѣть великое вліяніе на ходъ дѣлъ. Не наше дѣло, а Богъ вотъ какъ выводитъ наружу плутни и несчастное искушеніе сребролюбіемъ или властолюбіемъ".

1812 годъ грустно начался для Разумовскаго. Его factotum, князь Н. М. Козловскій, пользовавшійся полнымъ его довѣріемъ и имѣвшій на него большое вліяніе, запутался въ какихъ-то дѣлахъ по откупамъ. Съ горя о денежныхъ потеряхъ, Козловскій умеръ, но передъ смертью

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. народ. просвѣщенія, I, 696—703.
[2]) Тамъ же, I, 617.
[3]) Тамъ же, I, 603.
[4]) Тамъ же.
[5]) Біогр. словарь профессоровъ Моск. Университета, I, 171.

завлекъ въ откупы и своего довѣрителя. Пришлось платить огромную неустойку. Разумовскій, неумѣвшій считать денегъ, но въ то же время не любившій расходовъ не по вкусу, былъ всѣмъ дѣломъ крайне разстроенъ. „Не жалѣйте свои имѣнія“, успокоивалъ его Поздѣевъ, „сбросьте лишнюю, слишкомъ лишнюю часть, продайте, успокойте себя въ долгахъ вашихъ, продайте за безцѣнокъ, то вы останетесь еще крайне богаты и покойны. Вы сами рады будете, ибо духъ вашъ успокоится“.

Труды Разумовскаго по учрежденію лицея награждены были, 23 Октября 1811 года, Владимірскою лентою. Въ серединѣ 1812 года онъ заболѣлъ. Онъ страдалъ глазами и жаловался на боль въ ногахъ. Служебныя занятія послѣ двухгодовой дѣятельности стали его утомлять. Суетная петербургская жизнь была ему не по вкусу; онъ вздыхалъ по Москвѣ и по Горенкамъ. „Gorenki“, писалъ отъ 21 Февраля 1811 г., Разумовскій къ С. С. Уварову, недавно женившемуся на младшей дочери графа, „est une création qui m'occupe bien agréablement et où j'ai toujours retrouvé les charmes d'une délicieuse retraite bien plus analogue à mes gouts, que le cercle bruyant dans lequel je me trouve placé maintenant“ [1]). Разумовскій сталъ поговаривать объ отставкѣ. Противъ мысли этой возставалъ Поздѣевъ, которому, послѣ паденія Сперанскаго, присутствіе Разумовскаго въ Петербургѣ казалось болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ. „Вы писали, что Богъ-де въ одинъ мигъ можетъ все исправить и перемѣнить. Не такъ ли все и дѣлается?.. Кажется, время вамъ теперь Государя не оставлять и изъ С.-Петербурга не отъѣзжать“, писалъ Поздѣевъ. Хотя Разумовскій не просилъ еще отставки, однако онъ настойчиво требовалъ отпускъ, который и былъ ему дарованъ рескриптомъ изъ Вильны, отъ 26 Мая 1812 года. Время для этого было крайне неудачно выбрано. Грозныя тучи собирались на Западѣ, Государь спѣшилъ къ арміи, оставя комитету министровъ управленіе государствомъ. Государю, какъ кажется, просьба Разумовскаго пришлась не по́ сердцу, по крайней мѣрѣ съ этихъ поръ къ графу Алексѣю Кириловичу, со стороны Императора Александра Павловича, стало примѣтно явное охлажденіе. Дѣла министерства по высочайшему повелѣнію переданы были князю А. Н. Голицыну. Но долго не пришлось Разумовскому пожить въ Москвѣ. Отечественная война была въ полномъ разгарѣ.

Непріятель быстро подвигался къ сердцу Россіи. Университетъ приходилось переводить въ Нижній-Новгородъ, и даже было предположеніе переселить его далѣе—въ Симбирскъ, но Разумовскій, вернувшійся въ Петербургъ, вслѣдствіе представленій попечителя Кутузова,

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

просилъ у Государя разрѣшенія замѣнить Симбирскъ Ярославлемъ, гдѣ нашлись болѣе удобныя помѣщенія. „J'ai passé deux postes sans vous écrire", писалъ графъ Алексѣй Кириловичъ къ зятю своему Уварову, отъ 13 Августа 1812 г., „parceque depuis quelque temps je ne me sers que d'une oeil pour cette opération et que je suis obligé de le ménager pour ne pas priver mon ministère du peu de lumières qui lui reste... Ma santé dépérit à vue d'oeil, je suis presque privé de l'usage de mes jambes, de ma vue, de mon ouïe et les formes extérieures qui me restent, ne sont plus que des monuments de mon existance passée, mais il n'y a pas à reculer il faut bien en venir là... Vous savez que je suis rentré dans les fonctions de mon ministère. Je n'ai pas pu le refuser aux solicitations du prince Galitzine, mais il m'est encore tout à fait impossible de les remplir complètement, vû que je ne puis faire toilette et grimper les escaliers" [1]). Отъ нашествія непріятеля Разумовскій лично не пострадалъ. Доходныя его имѣнія далеко отстояли отъ театра военныхъ дѣйствій, московскій же домъ былъ спасенъ благодаря находчивости воспитанника его, Василія Алексѣевича (впослѣдствіи графа) Перовскаго. Перовскій въ это время только-что вышелъ изъ московскаго университета и поступилъ въ военную службу. Находясь въ арріергардѣ отступавшихъ войскъ нашихъ, онъ, въ первый же день занятія Москвы французами, взятъ былъ въ плѣнъ. Генералъ (впослѣдствіи маршалъ Себастіани) далъ ему нѣсколько гусаръ для охраненія графскаго дома, а потомъ Перовскій указалъ на домъ этотъ Мюрату, когда пламя охватило занятыя послѣднимъ богатыя и пространныя Баташевскія палаты (нынѣ домъ Шепелева) на Швивой горкѣ. Такъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ графу Андрею — графъ Левъ Кириловичъ [2]). Самъ же Перовскій въ запискахъ своихъ, повѣствуя объ оригинальномъ своемъ пребываніи въ Москвѣ и взятіи въ плѣнъ французами, говоритъ только о гусарахъ Себастіани; о томъ же, что указалъ Мюрату домъ Алексѣя Кириловича, не упоминаетъ вовсе, хотя подробно разсказываетъ о разговорѣ своемъ съ королемъ Неаполитанскимъ [3]). Въ Горенкахъ, и то немного, пострадалъ домъ, оранжереи и теплицы были спасены, благодаря присутствію духа графскаго главнаго садовника Фишера [4]). „Поздравляю васъ", писалъ въ Декабрѣ 1812 году Разумовскому Поздѣевъ, „что труды ваши въ московскомъ домѣ и въ Горенкахъ не раззорены".

Вернувшись изъ отпуска, Разумовскому пришлось не мало хлопотать сперва о спасеніи, а потомъ о возстановленіи московскаго уни-

[1]) Изъ архива А. С. Уварова.
[2]) См. ниже, письма гр. Льва Кириловича.
[3]) „Русскій Архивъ", 1865, 257—286.
[4]) Тоже, письмо гр. Л. К.

верситета. Кромѣ того, весь западъ Россіи представлялъ самое горькое зрѣлище разоренія. Вездѣ все приходилось заводить заново. Музей московскаго университета, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ того времени, библіотека его, имѣвшая болѣе 20,000 томовъ, физическіе, астрономическіе и хирургическіе инструменты,—погибли въ московскомъ пожарѣ. Графъ Разумовскій предписалъ Кутузову, вернувшемуся въ концѣ Ноября въ Москву, объявить всѣмъ учителямъ и смотрителямъ училищъ ввѣреннаго ему округа, потерпѣвшимъ отъ нашествія, чтобы они являлись къ директорамъ своимъ для полученія заслуженнаго ими жалованья и всѣхъ возможныхъ пособій. Мысль о переводѣ университета въ Ярославль была оставлена, и въ Январѣ 1813 года учреждена временная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ попечителя Кутузова, для управленія дѣлами учебнаго округа и приведенія въ порядокъ разстроенныхъ нашествіемъ непріятеля университетскихъ заведеній. Коммиссія, открывшая засѣданія свои 7 Января 1813 года, помѣстилась въ домѣ попечителя близъ Покровскихъ воротъ. Слѣдствіемъ войны были заразительныя болѣзни. Разумовскій предложилъ врачебному отдѣленію издать для народа наставленія, какъ предохранять себя отъ эпидемій простыми средствами. Кромѣ того, по предложенію министра составленъ былъ при университетѣ врачебный институтъ изъ 50-ти воспитанниковъ, на 8 или на 9 лѣтъ, для умноженія числа врачей на службу. Музей и библіотека стали вновь учреждаться. Въ одинъ годъ собрано было болѣе 5000 книгъ и, наконецъ, 17 Августа 1813 года открыты были лекціи въ нанятомъ близъ университета домѣ купца Заикина [1]).

Циркуляромъ отъ 12 Марта 1813 года Разумовскій завелъ размѣщеніе учениковъ въ классахъ по прилежанію и успѣхамъ, то, что̀ въ школахъ нашихъ называется пересадкою. „Извѣстно“, писалъ по этому предмету Разумовскій, „что соревнованіе къ успѣхамъ въ наукахъ и благонравіи ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ приличными поощреніями, и дѣйствительнѣйшими дознаны тѣ, которыя въ молодыхъ людяхъ питаютъ честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло полезныя слѣдствія, ибо посредствомъ сего размѣщенія учениковъ прилежаніе самаго посредственнаго изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую цѣль и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть“. Вслѣдствіе этихъ соображеній предписывалось ввести во всѣхъ училищахъ имперіи „частное распредѣленіе въ классахъ мѣстъ такъ, чтобы отличившіеся ученики занимали въ училищахъ высшія мѣста предъ своими

[1]) Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, 421—423.

сверстниками, а желающіе оспорить у нихъ мѣста по какому либо ученому предмету всегда бы имѣли на то право“ [1]). Министръ продолжалъ обращать вниманіе на народныя училища, состояніе ихъ, несмотря на всѣ предварительные циркуляры Разумовскаго, оказывалось неудовлетворительнымъ. „Изъ доходящихъ до меня свѣдѣній“, писалъ онъ циркулярно отъ 31 Января 1814 г., „усматриваю я, что учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпишите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнуснымъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковый не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но, сверхъ того, еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ“ [2]). Отъ 1812 по 1816 годъ открыто было 65 новыхъ уѣздныхъ, приходскихъ и повѣтовыхъ школъ, 12 уѣздныхъ училищъ, гимназія въ Херсонѣ и воспитательное заведеніе при московской губернской гимназіи [3]). На возобновленіе благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ отпущено было заимообразно 50,000 рублей [4]). 2-го Января 1814 года съ большою торжественностію открыта была Императорская публичная библіотека, только-что возвращенная изъ Олонецкой губерніи, куда ее наскоро отправили въ 1812 году изъ страха непріятеля. Она состояла въ то время изъ 241,717 томовъ и 12,000 рукописей [5]). Наконецъ, въ 1814 же году произошло полное открытіе казанскаго университета [6]). Около того же времени возникла у Разумовскаго мысль объ основаніи новаго университета на Волыни. Онъ думалъ образовать его изъ волынской гимназіи и объ этомъ совѣщался съ княземъ Яблоновскимъ, членомъ коммиссіи о волынскихъ училищныхъ фундушахъ, пріѣзжавшимъ по дѣламъ службы въ Петербургъ. Узнавъ о томъ, визитаторъ училищъ по волынской губерніи—графъ Платеръ, находившійся въ довольно дѣятельной перепискѣ съ Разумовскимъ, обратился къ послѣднему *по-русски* съ самою восторженною благодарностію: „Имя твое“, писалъ онъ, „пребудетъ неизгладимо въ исторіи временъ, ты жить будешь въ благодарныхъ сердцахъ отдаленнѣйшихъ нашихъ потомковъ.

---

[1]) Сборникъ распоряженій по мин. народ. просвѣщенія, I, 221.

[2]) Тамъ же, I, 232.

[3]) Кешенъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, 71—79 и Сборникъ распоряженій по мин. нар. просв., I, 100.

[4]) Сборникъ распоряженій, I, 229.

[5]) Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, V, 207—208.

[6]) Сухомлиновъ, Матеріалы, I, 60.

Учрежденіе университета или главной школы для Русскихъ провинцій [1]) многократно было предметомъ разсужденія бывшихъ сеймовъ. Казаки, заключая трактаты съ Поляками, предостерегали (sic) изгнаніе іезуитовъ изъ Подоли и желали учредить главное училище по симъ провинціямъ (sic)..... Мы въ благоговѣніи прославляемъ Монарха, основавшаго счастіе своихъ подданныхъ на просвѣщеніи.... Слабое правительство республики рѣдко могло привести въ дѣйствіе хорошіе проекты. Всевышнее Провидѣніе предназначило кажется в. с. къ приведенію въ исполненіе проекта, существовавшаго отъ двухъ столѣтій (sic), дабы имя ваше помѣстить на ряду тѣхъ именъ, которыя и по злосчастнѣйшихъ перемѣнахъ народовъ не могутъ быть поминаемы безъ чувствительнѣйшей благодарности" [2]).

Въ архивѣ князя Репнина сохранилось нѣсколько писемъ этого графа Платера. Какъ видно изъ нихъ, по благому польскому обычаю, открытый антагонизмъ царствовалъ между сѣверомъ и югомъ западныхъ нашихъ окраинъ и жители Волыни не безъ ѣдкой ненависти отзывались о виленскомъ университетѣ и его попечителѣ. „Университетъ (виленскій)", писалъ Платеръ къ Разумовскому, „видя что волынскій визитаторъ (т.-е. Платеръ) не ограничивается правилами препорученной ему власти, безпрерывно старается лишить его всякой власти и отнять всякое вліяніе въ училищѣ.... Изъясняя сіе предъ в. с. я прибѣгаю къ просвѣщеннѣйшей добродѣтели в. с., дабы в. с. какъ достойнѣйшій начальникъ сообразить изволили, болѣе ли пользы для всеобщаго произошло изъ моей неограниченности (sic) и изъ неограниченности Чацкаго [3]), или-же было бы полезнѣе, когда бы мы соблюдали во всей точности правила, предписывающія одну недѣятельность..... Правительство не имѣетъ расхода по округу и сіе есть слава Государю и честь его подданнымъ... Всѣ фундуши не что иное какъ только пожертвованія нашихъ предковъ; слѣдовательно нельзя намъ отказать въ правѣ наблюдать за тѣмъ какъ воля ихъ исполняется" [4]).

Проектъ объ учрежденіи волынскаго университета такъ и остался проектомъ. Энергіи хватило ненадолго; служебныя обязанности видимо стали утомлять графа Разумовскаго. Онъ снова впалъ въ мизантропію, заперся въ своемъ кабинетѣ и зажилъ московскою жизнію, рѣдко кого къ себѣ допуская. „Мнѣ удивительно", писалъ къ нему Поздѣевъ въ 1814 году, „что, отдѣлавши домъ и садъ, не хотите ласки

---

[1]) Такъ назывались волынское, кіевское и львовское воеводства.

[2]) Архивъ князя Н. В. Репнина. Письмо Платера отъ Октября 1814 г.

[3]) Основатель кременецкаго лицея.

[4]) Архивъ кн. Н. В. Репнина, письмо Платера, отъ 14 Мая 1815 г. Мы привели здѣсь одинъ только смыслъ. Самое письмо, писанное по-русски, преисполнено всякихъ ошибокъ и полонизмовъ.

и пріятности сдѣлать тѣмъ, съ коими совѣтуетесь о дѣлахъ почти первыхъ въ государствѣ. Что бы стоило вамъ принять на себя трудъ сдѣлать атенцію, обласкать, пріятствовать словами и привѣтствіями и рѣшиться взять на себя трудъ хоть одинъ день въ году позвать къ себѣ. А вѣдь этакая атенція не только мирскому духу, но и Богу была не противна". Главное правленіе училищъ, игравшее такую важную роль во время министерства Завадовскаго и еще дѣятельное въ первые годы правленія Разумовскаго, стало собираться все рѣже и рѣже. Предметы совѣщаній стали касаться болѣе хозяйственной, чѣмъ научной и педагогической части. Въ составъ главнаго училищъ правленія не вступало уже новыхъ дѣятелей и протоколы подписывались только двумя присяжными членами—академиками, для которыхъ посѣщеніе засѣданій было оффиціальною обязанностію.

Паденіе Сперанскаго и переломъ въ убѣжденіяхъ Государя отразились на всемъ административномъ строѣ. Реакція вездѣ вступала въ свои права. Цензурный уставъ, изданный въ 1804 году и въ началѣ своего существованія отличавшійся снисходительностію, въ описываемое нами время сталъ примѣняться съ крайнею строгостью. Надзоръ за типографіями, книгопродавцами, книгами, журналами и газетами ввѣренъ былъ министру полиціи. Ему же дано было право и даже вмѣнено въ обязанность, указывать, въ пропущенныхъ цензурою книгахъ, мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и опасныя для общественнаго порядка и спокойствія. Не особенно блестящій, а главное не удрученный бездною премудрости, министръ полиціи Вязмитиновъ, человѣкъ честный, но мало что въ теченіи жизни своей прочитавшій, сталъ широко пользоваться дарованными ему правами. Въ своихъ наивныхъ, иногда до комизма, нападкахъ на печатное слово, министръ полиціи нерѣдко находилъ себѣ пособника въ несомнѣнно умномъ и образованномъ Разумовскомъ. Вліяніе де-Местра отразилось и здѣсь. Съ его легкой руки графъ Алексѣй Кириловичъ сталъ вѣрить во всякіе якобинскіе и иллюминатскіе призраки. Между строкъ невинныхъ литтературныхъ произведеній того времени, министру народнаго просвѣщенія стали представляться мысли, никогда не приходившія на умъ писателямъ. Ослѣпленіе это доходило до того, что Разумовскій поддерживалъ, даже въ государственномъ совѣтѣ, нелѣпыя иногда требованія Вязмитинова. Такъ, напримѣръ, когда министръ полиціи нашелъ неприличными сужденія журналовъ о театрахъ и актерахъ, такъ какъ первые Императорскіе, а вторые находятся на службѣ Его Величества, Разумовскій не только согласился съ его мнѣніемъ, но еще предписалъ с.-петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ не дозволять печатать въ журналахъ ничего, касающагося до Императорскаго театра и актеровъ. Противъ такой мѣры

возсталъ московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ: онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи московскимъ журналамъ помѣщать критическія статьи объ игрѣ актеровъ и даже о самихъ пьесахъ. Дѣло дошло до государственнаго совѣта, но, несмотря на заступничество Канкрина и Мордвинова въ пользу театральныхъ рецензій, большинство членовъ совѣта подало голосъ за мѣру, поддерживаемую Разумовскимъ и запрещеніе осталось въ прежней силѣ. Романъ подъ именемъ „Похожденія Русскаго Жиль-Блаза", посредственное произведеніе малоизвѣстнаго автора Нарѣжнаго, запрещенный по требованію Вязмитинова, подалъ поводъ Разумовскому высказать взглядъ свой на беллетристику. „Между издаваемыми вновь романами", писалъ онъ, „выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностію, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе не упоминать. Каково бы ни было литтературное достоинство романовъ, они только могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль" [1]).

Но такая поддержка со стороны Разумовскаго не удовлетворяла Вязмитинова. Требованія его съ каждымъ днемъ увеличивались, онъ сталъ домогаться верховнаго управленія цензурою и даже заявилъ въ государственномъ совѣтѣ, что цензура, находившаяся дотолѣ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, должна быть всецѣло предоставлена ему, Вязмитинову, какъ министру полиціи. Въ совѣтѣ возникли по этому случаю пренія. Адмиралъ Шишковъ воспользовался этимъ, чтобы представить пространный проектъ о возведеніи цензуры на степень „государственнаго постановленія", имѣющаго состоять изъ двухъ комитетовъ—верхняго и нижняго. По своему обыкновенію, Разумовскій, вообще рѣдко посѣщавшій совѣтъ, при преніяхъ этихъ не присутствовалъ; въ его же отсутствіе читался докладъ Шишкова. Вѣсти однако дошли до него, и онъ поспѣшилъ войти въ совѣтъ съ бумагою, въ которой утверждалъ, что цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени учрежденія своего ничего противнаго нравственности не пропустила и что поэтому она должна оставаться на прежнемъ основаніи и состоять подъ единственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія [2]). Этимъ все дѣло и кончилось.

---

[1]) Сухомлиновъ, ст. III, 27—29.

[2]) Записки адмирала Шишкова, II, 43—52.

Между тѣмъ Разумовскій все болѣе и болѣе предавался мрачному настроенію. Онъ чувствовалъ, что Государь къ нему охладѣлъ, и снова обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя. Дѣла Разумовскаго по обыкновенію были въ плачевномъ состояніи; для поправки ихъ онъ просилъ Государя купить въ казну московскій домъ его, не разъ обращавшій на себя вниманіе Александра Павловича. Но Государь выѣхалъ за границу вслѣдъ за побѣдоносною арміею нашею. Онъ покинулъ свою столицу въ Декабрѣ 1812 года, вернулся только 12 Іюля 1814 года и то всего на семь недѣль, такъ какъ 2 Сентября уже спѣшилъ въ Вѣну на конгрессъ. Во время отсутствія Государя внутреннее управленіе сосредоточено было въ комитетѣ министровъ. На просьбу Разумовскаго не обращено было вниманія. Во время краткаго пребыванія Государя, Разумовскій тщетно домогался личнаго доклада. Онъ рѣшился обратиться письменно къ Александру Павловичу: „Всемилостивѣйшій Государь", писалъ онъ, „никогда не дерзнулъ бы я утруждать В. И. В. повтореніемъ представленій моихъ, если-бы, при столь близкомъ отъѣздѣ вашемъ, нѣкоторыя статьи, оставаясь безъ разрѣшенія, не угрожали послѣдствіемъ, за собою влекущимъ разстройство въ частяхъ, надзору моему высочайше ввѣренныхъ и сверхъ того, еслибъ тѣ, кои, чрезъ ходатайство мое, надѣются участвовать въ изливаемыхъ щедротою Монаршею милостяхъ, видя тщету упованія своего, не имѣли причины относить оную къ лишенію начальника ихъ той высочайшей довѣренности, безъ которой ввѣренная ему часть никакой пользы приносить не можетъ, поставляетъ меня въ необходимость, всемилостивѣйшій Государь, испросить дозволенія вашего о представленіи вамъ, хотя письменно, о дѣлахъ, ожидающихъ разрѣшенія вашего. При наступающемъ торжествѣ тезоименитства В. В., при общей радости, въ сердцахъ вѣрноподданныхъ вашихъ разливающейся, и при милостяхъ, даруемыхъ многимъ, дерзаю и для подчиненныхъ министерству моему испрашивать высочайшаго вниманія Вашего. Затѣмъ остается, всемилостивѣйшій Государь, повергнуть предъ вами испрошеніе для меня собственно высочайшей милости: о дарованіи мнѣ увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, въ уваженіе преклонности лѣтъ моихъ и слабости здоровія, не позволяющихъ мнѣ продолжать служенія моего съ тѣмъ неусыпнымъ рвеніемъ, съ каковымъ до нынѣ его продолжалъ. Не престану я никогда молить Всевышняго о ниспосланіи В. В., при сохраненіи драгоцѣннаго для насъ здравія вашего, увѣнчанія успѣхами всѣхъ ко благу Россіи предпріятій вашихъ" [1]).

Понятно, что Государю въ эту минуту было не до докладовъ и представленій Разумовскаго. Побѣдоносныя знамена наши развѣвались

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина.

прямо въ разрѣзъ со всѣмъ прежнимъ строемъ внутренней политики Александра I-го. Вліяніе Аракчеева достигло своего зенита. Слѣпая реакція захватывала въ тиски все общество, еще недавно призванное Государемъ къ новому бытію. Вездѣ проявлялось недовольство, тѣмъ болѣе чувствительное, что Россія не успѣла еще вздохнуть послѣ кровавой, тяжелой, хотя и славной войны, для веденія которой всѣ, отъ мала до велика, жертвовали и кровью и достояніемъ. Въ эту эпоху представители самыхъ противоположныхъ убѣжденій доходили въ недовольствѣ своемъ до тождественныхъ умозаключеній. Такъ одинъ изъ осколковъ прежняго поколѣнія, врагъ Сперанскаго и всякой новизны въ государственномъ строѣ, другъ де-Местра, страшившійся призраковъ иллюминатства и якобинизма, графъ Алексѣй Кириловичъ додумался, въ уединеніи своего кабинета, до тѣхъ же безотрадныхъ убѣжденій, до которыхъ въ то же самое время дошелъ блестящій, образованный и либеральный зять его С. С. Уваровъ, вращавшійся въ высшихъ кругахъ петербургскихъ, тѣсно связанный съ цвѣтомъ тогдашней интеллигенціи и считавшійся, разумѣется, у большинства представителей нашей администраціи за человѣка крайне опаснаго и вреднаго для общества. Разногласіе въ убѣжденіяхъ не мѣшало однако добрымъ личнымъ отношеніямъ между тестемъ и зятемъ. Уваровъ уже нѣсколько лѣтъ служилъ подъ начальствомъ графа Разумовскаго и былъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа. Внезапный поворотъ въ духѣ правленія, странная запутанность въ понятіяхъ, которой особенно были подвержены люди, занимавшіе верхнія ступени іерархической лѣстницы, отсутствіе всякой общей мысли въ различныхъ правительственныхъ органахъ, произвели на сравнительно еще молодого Уварова удручающее впечатлѣніе. Онъ излилъ свои чувства въ длинномъ письмѣ къ знаменитому барону фомъ-Штейну, съ которымъ сблизился за границею и котораго еще недавно (въ Іюлѣ 1812 г.) принималъ и угощалъ въ Горенкахъ, во время пребыванія прусскаго министра въ Москвѣ. Письмо помѣчено 18 Ноябремъ 1813 года [1]).

„Путешествіе за границу“, писалъ Уваровъ—„тайная цѣль, которую давно уже лелѣю въ сердцѣ. Все здѣсь, особенно же неразрывныя съ мѣстомъ мною занимаемымъ, и вполнѣ вѣскія непріятности побуждаютъ меня дорожить надеждою удалиться отсюда. Я не знаю занятій болѣе неблагодарныхъ или, вѣрнѣе, невозможныхъ. Вы знаете, что я не легко поддаюсь химерамъ, я люблю заниматься дѣломъ, я къ дѣлу пріобыкъ почти съ дѣтства. Вамъ, вѣроятно, извѣстны мои правила и

---

[1]) Въ „Общественномъ движеніи при Александрѣ I“. А. Н. Пыпина, 313—314 письмо Уварова помѣщено только въ извлеченіи, мы здѣсь его приводимъ почти in extenso.

ной образъ мыслей. Несмотря на все это, я часто отчаиваюсь въ томъ, что смогу, не говорю уже быть полезнымъ, а просто идти по той стезѣ, которую себѣ начертилъ и отъ которой никогда не уклонюсь, не пожертвовавъ тѣмъ, что для меня дороже всего на свѣтѣ, т.-е. честью, здоровьемъ, убѣжденіями, достояніемъ. Не думайте, чтобы я преувеличивалъ. Я съ виду спокоенъ; я этимъ удивляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ сердцѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій дошло до послѣднихъ предѣловъ. Одни требуютъ просвѣщенія безъ опасности, т.-е. желаютъ огня, который бы не жегъ. Другіе, и это большинство, сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія войска и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш. (?) и открытія Лейбница. Это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ другъ противъ друга партій, крайнихъ убѣжденій, что невозможно долго выдерживать подобное зрѣлище. Другъ въ друга кидаютъ выраженіями: религія въ опасности, нравственность потрясена, распространитель новыхъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и проч. Словомъ—совершенное безуміе. На каждомъ шагу угрожаетъ опасность или повредить себѣ или же стать органомъ всѣхъ этихъ нелѣпостей и сдѣлаться, пожалуй, заплечнымъ мастеромъ на службѣ у самыхъ разнузданныхъ страстей. Среди этой-то путаницы и этого грубаго невѣжества, приходится трудиться *надъ зданіемъ, основанія котораго подкопаны и которое со всѣхъ сторонъ грозитъ разрушеніемъ.* Признаніе горестное и трудное, но, увы, вполнѣ правдивое. Я чувствую потребность облегчить сердце, я бы могъ исписать цѣлый томъ... Всего сказать невозможно. Animus meminisse horret. Не могу однако сказать, чтобы легко терялъ мужество. И у меня было много надеждъ и свѣтлыхъ мечтаній, три года опыта все разрушили“ [1]).

Почти одновременно графъ Алексѣй Кириловичъ писалъ къ брату своему графу Льву: „rien de bon ne s'adapte à notre gouvernement, parce qu'il n'a pas de base et que tout édifice sans base s'écroule quand on le remue“ [2]). Къ счастію, и Уваровъ и Разумовскій ошибались.

Между тѣмъ новая непріятность ожидала графа. Іезуиты становились крайне нахальными. Они безпрепятственно разставляли сѣти свои среди петербургской молодежи. Число совращеній въ католицизмъ ежедневно увеличивалось. Проповѣдники ихъ громогласно провозглашали съ каѳедры, что латинство единственный путь къ спасенію. Въ обществѣ стали ходить неблагопріятные іезуитамъ слухи.

---

1) G. H. Pertz, Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, III, 697—698.
2) Архивъ гр. А. С. Уварова.

Отступничества обратили вниманіе публики, нѣсколько поздно стали замѣчать, что весь строй преподаванія въ іезуитскихъ школахъ клонится къ окончательному совращенію въ латинство юношей, ввѣренныхъ попеченію патеровъ. Въ то же самое время высшее общество вошло въ новую, столь же чуждую родной вѣрѣ колею. На этотъ разъ струя, оживлявшая алчущихъ космополитовъ, текла со стороны протестантизма. Секты съ мистическимъ оттѣнкомъ стали входить въ моду. Масонство видимо распространялось. Юнгъ-Штилингъ, г-жа Гюонъ и всякіе другіе мистики оказались любимыми авторами многихъ кружковъ. Образовалось библейское общество, по духу своему прямо враждебное католицизму. Изъ католиковъ люди высшаго круга дѣлались протестантами. Слухи о пріемѣ Государемъ квакеровъ въ Лондонѣ и о сношеніяхъ его съ извѣстною г-жею Крюднеръ дали новый толчокъ анти-католическому настроенію. Стали требовать строгихъ мѣръ противъ іезуитовъ. Шумъ день ото дня усиливался. Обвиненія посыпались и на любимца петербургскихъ гостинныхъ, графа де-Местра. Всемогущій Аракчеевъ видимо склонялся на сторону недовольныхъ. „Возбужденіе умовъ и сумасбродство подозрѣній по поводу обращеній въ католицизмъ дошло здѣсь до того, что даже и меня стали подозрѣвать въ томъ, что я занимаюсь прозелитизмомъ въ высшемъ обществѣ. Эта безподобная выдумка доказала мнѣ, какъ должно вообще относиться къ сужденіямъ, которымъ подвергаются отцы-іезуиты“ [1]), наивно доносилъ въ Туринъ графъ де-Местръ. Общее недовольство дошло и до слуха Государева. Въ сущности онъ іезуитамъ никогда не сочувствовалъ, а теперь, подъ вліяніемъ мистицизма и г-жи Крюднеръ, менѣе чѣмъ когда-нибудь. 20 Декабря 1815 года, Разумовскій неожиданно получилъ слѣдующій высочайшій указъ.

„Графъ Алексѣй Кириловичъ, по полученіи сего, имѣете вы, сообразно съ даннымъ правительствующему сенату указомъ, немедленно приступить къ исполненію слѣдующаго: 1) взять содержимое іезуитами училище подъ непосредственное ваше управленіе и какъ за содержаніемъ, такъ и за порядкомъ онаго имѣть попеченіе; 2) тотъ же часъ назначить и послать въ оное благонадежнаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы онъ, явясь къ управляющему министерствомъ полиціи, который введетъ его въ должность, принялъ бы въ свое вѣдѣніе денежную, изъ платы отъ родственниковъ на содержаніе учениковъ, составленную кассу и, вступя по хозяйственной части въ распоряженіе сего училища, имѣлъ попеченіе о благосостояніи и продовольствіи дѣтей; 3) вы, между тѣмъ, имѣете немедленно снестись съ находящимися здѣсь родственниками учениковъ, дабы они взяли ихъ къ себѣ, поелику учи-

[1]) De Maistre, Correspondance diplomatique, II, 155—156.

лище не будетъ болѣе существовать; съ иногородными же отписаться, хотятъ ли они ихъ взять къ себѣ или отдать въ другія здѣшнія заведенія; 4) доколѣ дѣти будутъ оставаться въ училищѣ, на то время снабдить оное учителями изъ другихъ мѣстъ“ [1]).

Мы уже видѣли, что Разумовскій, подъ вліяніемъ де-Местра и ложныхъ понятій о консерватизмѣ, поддерживалъ іезуитовъ; онъ считалъ вліяніе ихъ полезнымъ и не могъ безъ огорченія, а главное безъ чувства оскорбленнаго самолюбія, снести карательную мѣру, противъ нихъ направленную, тѣмъ болѣе, что мѣра была принята помимо его, и даже безъ его вѣдома. „Нашъ старшій братъ (notre doyen)“, писалъ изъ Петербурга къ брату Андрею графъ Левъ Кириловичъ, отъ 15 Марта 1816 года, „съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, почти не выходитъ изъ своей комнаты. Причиною заточенія его вначалѣ точно была простуда. Я думаю, что онъ скоро вовсе оставитъ свое мѣсто. Для меня лично гораздо понятнѣе выходъ его въ отставку, чѣмъ поступленіе на службу. Онъ на мои глаза ужасно постарѣлъ, у него выпали всѣ зубы изъ верхней челюсти“ [2]).

Разумовскій не выдержалъ этой новой, по мнѣнію его, обиды, онъ обратился къ Государю и на этотъ разъ получилъ отставку. Весьма краткимъ и холоднымъ рескриптомъ, отъ 10 Августа 1816 года, изъ Царскаго Села, Государь уволилъ его отъ службы, „въ уваженіе принесенной имъ просьбы и разстроеннаго здоровья, назначая пенсіонъ по десяти тысячи рублей въ годъ“.

Послѣдніе два года Разумовскій почти не занимался дѣлами, однако нельзя не упомянуть о постановленіи 11-го Мая 1815 года, въ силу котораго предписывалось экзамены на высшія медицинскія степени производить не на латинскомъ языкѣ, какъ бывало прежде, а на русскомъ, нѣмецкомъ или другомъ употребительномъ языкѣ [3]). Одно изъ представленій Разумовскаго въ эту эпоху касалось до поощренія благотворителей къ будущимъ денежнымъ пожертвованіямъ на народное просвѣщеніе; Разумовскій не разъ дѣлалъ въ продолженіе своего управленія подобныя представленія. Причиною тому была крайняя скудость средствъ министерства. По неволѣ приходилось прибѣгать къ частнымъ пожертвованіямъ и всячески поощрять ихъ, когда казенныхъ денегъ не хватало. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, во время управленія графа Разумовскаго, колебался между 2.782,277 рублями $36^1/_4$ копѣйками и 2.351,788 рублями $21^1/_2$

---

[1]) Архивъ князя Репнина и Сборникъ постановленій.

[2]) Архивъ князя А. К. Разумовскаго.

[3]) Сборникъ постановленій, I, 770—771.

копѣйками [1]). При этомъ надо замѣтить, что бюджетъ этотъ съ 1812 года до 1815 г. ежегодно уменьшался. Изъ этихъ денегъ 1.588,729 р. $3^1/_4$ коп. шли на университеты (московскій 134,000, дерптскій 126,000, харьковскій 95,000), гимназіи и уѣздныя училища, 112,263 рубля $55^3/_4$ копѣйки на академію наукъ, 46,100 р. на публичную библіотеку, 378,230 рублей 10 копѣекъ на медико-хирургическую академію, 20,960 на содержаніе министра, и т. д. Предложеніе свое Разумовскій изложилъ въ пространной запискѣ, которую внесъ въ Январѣ 1816 года въ комитетъ министровъ. Онъ предлагалъ, во-первыхъ, пропечатывать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ имена благотворителей съ обозначеніемъ ихъ пожертвованій; во-вторыхъ, имѣть въ училищной залѣ большую, подъ черный мраморъ сдѣланную, въ хорошихъ вызолоченныхъ рамахъ, доску, на коей золотыми буквами изображать чинъ, имя, отчество и фамилію благотворителя; въ-третьихъ, сверхъ вышеозначенныхъ почестей, для болѣе крупныхъ жертвователей имѣть портреты ихъ въ училищахъ, ходатайствовать у престола объ изъявленіи таковому благотворителю благоволенія въ рескриптѣ за императорскимъ подписаніемъ, представлять къ знакамъ отличія, и наконецъ, „усопшимъ благотворителямъ оказывать почести для незабвенной ихъ памяти, назначая, по благоразсмотрѣнію начальства, ставить въ училищномъ залѣ приличный какой-либо памятникъ на пьедесталѣ, какъ-то: урну или тому подобное, съ краткимъ изображеніемъ пожертвованія на памятникѣ или съ приличною эпитафіею. Памятники имѣютъ быть въ училище представляемы отъ наслѣдниковъ умершихъ благотворителей“ [2]). Наконецъ, постановленіемъ отъ 9 Мая 1816 года, по представленію Разумовскаго, чуть ли не послѣднему, положено было, что еврей, доколѣ останется при своемъ исповѣданіи, не можетъ быть допущенъ къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи [3]).

Во время министерства Разумовскаго открылось нѣсколько ученыхъ и литературныхъ обществъ. Онъ самъ числился однимъ изъ вице-президентовъ библейскаго общества и состоялъ почетнымъ попечителемъ одного изъ отдѣловъ русской бесѣды, враждебной, какъ извѣстно, Карамзину и его школѣ. Впрочемъ, графъ Алексѣй Кирило-

---

[1]) Богдановичъ, Исторія Александра I, V. Приложенія 16—36. Въ архивѣ кн. Н. В. Репнина сохранился бюджетъ за 1812 годъ, изъ котораго мы почерпнули нѣкоторыя подробности о статьяхъ расхода. Въ бюджетѣ этомъ вся сумма на министерство показана въ размѣрѣ 3.031,743 р. $32^1/_2$ к. Изъ общей вѣдомости, приводимой Богдановичемъ, видно, что Разумовскій на 1812 г. требовалъ 3.331,431 р. $40^3/_4$ к., но выдано было всего 2.782,277 р. съ копѣйками.

[2]) Тамъ же, I, 781—785.

[3]) Тамъ же, I, 802—803.

вичъ не принималъ живого участія ни въ томъ, ни въ другомъ обществѣ. На него, какъ видно, не дѣйствовали антагонизмъ бесѣды и злобные доносы Кутузова; онъ дружески принималъ Карамзина въ Петербургѣ. „Вчера“, писалъ Карамзинъ къ женѣ отъ 10 Марта 1816 года, „долженъ я былъ обѣдать у привѣтливаго и любезнаго (для меня) графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, но вдругъ въ 2 часа зовутъ къ Императрицѣ“.

Ученыя общества учреждались при университетахъ для усиленія и распространенія учено-литературной дѣятельности. Первымъ по времени и назначенію было Московское общество исторіи и древностей русскихъ, получившее съ самаго учрежденія характеръ не мѣстный, а общерусскій. Главная цѣль общества первоначально состояла въ критическомъ изданіи и объясненіи русскихъ лѣтописей [1]). Общество существовало уже съ 1804 года, но, по представленію Кутузова, „оказалось неимѣвшимъ надлежащей дѣятельности и приносившимъ малые плоды“. Вслѣдствіе этого составленъ былъ новый уставъ и общество въ 1810 году открыло свою дѣятельность подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго археолога Бекетова. Въ Казани студенты перваго выпуска и нѣсколько учителей составили литературное общество, получившее 1 Мая 1814 года высочайше утвержденный уставъ, подъ именемъ: общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ. Въ 1811 году, по зачину Кутузова, учреждено общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ. Въ 1812 году (въ Ноябрѣ) получило уставъ свой общество наукъ при харьковскомъ университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ. 3 Іюля 1814 утверждено было общество Академической муссы (Akademische Musse) при дерптскомъ университетѣ. Внѣ университетовъ, но съ тою же научною цѣлью, основано было въ Апрѣлѣ 1811 г. общество математиковъ, долженствовавшее, какъ сказано въ его уставѣ, „всемѣрно стараться о распространеніи математическихъ наукъ чрезъ преподаваніе, сочиненія и переводы“.

Такова была дѣятельность Разумовскаго, какъ министра народнаго просвѣщенія. О выходѣ его въ отставку ходили разные слухи, всѣ болѣе или менѣе ложные. Отставку свою онъ просилъ самъ и ожидалъ, какъ мы видѣли, болѣе двухъ лѣтъ. „Въ то время министерство народнаго просвѣщенія“, повѣствуетъ Вигель, „наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о московскомъ дворцѣ своемъ и подмосковномъ замкѣ, и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряться

[1]) Сухомлиновъ, Матеріалы, ст. I, 109.

другою. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ Государя, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, который влѣзъ тогда по-уши въ мистицизмъ“ [1]).

Объ отставкѣ графа Разумовскаго и назначеніи ему въ преемники князя А. Н. Голицына, по Петербургу ходилъ слухъ, записанный Гречемъ въ его запискахъ. „Въ 1816 году“, говоритъ онъ, „Разумовскій былъ смѣненъ кн. Голицынымъ. Ему подсидѣлъ директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ. Онъ пользовался милостью Александра. Въ 1816 году, по прибытіи Государя въ Царское Село, Энгельгардтъ, будто невзначай, попался ему на встрѣчу въ саду и на вопросъ Государя, что́ онъ дѣлаетъ, каково идетъ лицей? отвѣчалъ, что былъ огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ узнать за что̀. Энгельгардтъ отвѣчалъ: въ Декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ, и не получилъ никакого отвѣта. Въ Январѣ я повторилъ представленіе, и тутъ отвѣта не было. Въ Мартѣ третье представленіе, и новый отказъ. Наступалъ Май, я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ Октябрѣ, наконецъ, получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе передъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній. Черезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ, но и Энгельгардтъ просидѣлъ не долго, его заѣли святоши“ [2]). Хотя лицейскіе панталоны и не были причиною отставки графа Алексѣя Кириловича, однако вѣроятно, что въ лицеѣ было не мало безпорядковъ. Несомнѣнно, что въ послѣднее время министерства Разумовскаго дѣла непростительно запускались. Подтвержденіе этому находимъ мы въ разсказѣ другого очевидца. „Академія художествъ“, повѣствуетъ въ запискахъ своихъ извѣстный нашъ художникъ Солнцевъ (1815—1817 г.), „находилась подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, при управленіи вице-президента Чекалевскаго. Когда вице-президентъ, бывало, желалъ обозрѣть академію, то заранѣе извѣщалъ, въ какой день и часъ придетъ. Поэтому нисколько не удивительно, что для начальства въ академіи какъ-то все обстояло благополучно. А между тѣмъ воспитанники были постоянно голодными, ходили чуть-ли не въ лохмотьяхъ, самое заведеніе представляло очень непривлекательный видъ... Повидимому, столь печальныя явленія зависѣли отъ скудости суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе академіи. Но сколько припоминаю ходившіе въ то время

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, V, 66—67.

[2]) Записки Н. И. Греча. „Русскій Архивъ“, 1871, 0,257—0,258.

слухи, это утверждать было бы несправедливо. Напримѣръ, положительно говорили, что на поправку одной академической церкви выдано было Чекалевскому 50,000 рублей; особыя суммы отпускались на поправку коридоровъ, лѣстницъ и проч. Но проходили годы, и церковь не исправлялась, лѣстницы не починивались и вообще не предпринималось никакихъ построекъ или починокъ по академіи. Казалось бы поэтому, что значительныя суммы должны бы были сохраниться въ кассѣ академіи; но когда президентомъ назначенъ былъ, въ Апрѣлѣ 1817 года, А. Н. Оленинъ, который пожелалъ тотчасъ же узнать количество наличныхъ денегъ, то въ академическомъ сундукѣ нашли всего 17 рублей. Какъ только Чекалевскій услышалъ о назначеніи Оленина, онъ на пятый день умеръ“ [1]).

Получивъ отставку, графъ Алексѣй Кириловичъ сталъ собираться въ Малороссію. Сборы были по обыкновенію долгіе. „Здѣсь говорятъ о назначеніи Репнина [2]) украинскимъ губернаторомъ“, писалъ къ князю Андрею графъ Левъ Кириловичъ изъ Петербурга отъ 15 Марта 1816 года, „братъ Алексѣй, казалось, рѣшился было также отправиться въ Малороссію на довольно продолжительное время. Лѣнь и дурное настроеніе духа ставятъ огромный промежутокъ между предположеніемъ и его осуществленіемъ. Теперь однако, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку, предположеніе это можетъ на самомъ дѣлѣ осуществиться. Такимъ образомъ, истративъ страшныя деньги на устройство здѣсь недоконченнаго еще дома, онъ покинетъ его по всей вѣроятности съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не вернуться“ [3]). Къ тому же князю Андрею отъ 6 Ноября 1818 года писалъ графъ Петръ Кириловичъ: „Старшій братъ нашъ, послѣ безконечныхъ колебаній и отсрочекъ, наконецъ тронулся съ мѣста и именно въ ту пору, когда бы ему слѣдовало пообождать, такъ какъ одновременно въ Москву отправились Государь съ Государынею и часть гвардіи. Онъ дорогою очутился среди всей этой кутерьмы. Онъ предполагалъ вернуться сюда зимою, но, судя по письму, только-что мною отъ него полученному, предполагаю, что онъ долго не тронется съ мѣста“ [4]). Уѣзжая, Алексѣй Кириловичъ навсегда простился съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ оставался довольно долго, по крайней мѣрѣ, судя по письму княгини Репниной къ дядѣ, князю Андрею, въ Іюлѣ 1818 года онъ еще былъ въ Москвѣ. Онъ изъ Горенокъ посылалъ цвѣты, гостившей въ то время въ Москвѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ,

---

[1]) „Русская Старина“, XV, 117.

[2]) Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, зять графа Алексѣя Кириловича.

[3]) Архивъ кн. Разумовскаго.

[4]) Тамъ же.

страстной охотницѣ до садоводства. Весь дворъ посѣтилъ старика графа въ роскошныхъ его хоромахъ на Гороховомъ-полѣ и осматривалъ его ботаническія сокровища.

И съ Москвою приходилось прощаться на вѣки. Пошли опять долгіе сборы. Тѣмъ временемъ петербургскіе слухи осуществились, и князь Репнинъ назначенъ былъ украинскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ переѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Полтаву, а за ними поднялся и графъ Алексѣй Кириловичъ. Онъ поселился въ большомъ имѣніи своемъ Почепѣ, на берегу Судогости, Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи. Настроеніе его было самое мрачное, денегъ не было, дѣла были въ разстройствѣ. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, что московскія палаты его снова обратили на себя высочайшее вниманіе, онъ рѣшился опять просить у Государя о покупкѣ дома въ казну.

„Я принялъ смѣлость“, писалъ онъ, „всеподданнѣйше просить В. И. В. въ теченіе 1814 года о повелѣніи купить въ казну московскій домъ мой [1]). Сей домъ, по выгодному и, смѣю сказать, единственному въ столицѣ мѣстоположенію, обратилъ на себя вниманіе В. И. В. и сіе обстоятельство рѣшаетъ меня возобновить нынѣ прежнюю мою просьбу. Къ сему побуждаюсь я, сверхъ того, желаніемъ освободить часть моего имѣнія отъ долговъ, обременяющихъ оное. Домъ мой стоилъ мнѣ болѣе милліона рублей, тогда, когда все было втрое дешевле. Вы окажете мнѣ, всемилостивѣйшій Государь, особенную милость повелѣніемъ принять оный въ казну за 850,000 рублей, изъ коихъ только 50,000 желаю получить наличными деньгами, а остальныя 800,000 рублей прошу замѣнить уничтоженіемъ, по мѣрѣ сей суммы, долговъ моихъ, въ разныхъ казенныхъ мѣстахъ состоящихъ. Я уповаю, что В. И. В. узнаете въ сей всеподданнѣйшей просьбѣ моей и въ весьма умѣренной оцѣнкѣ дома не побужденіе корыстолюбія, а справедливое стремленіе отца семейства, пекущагося о благосостояніи дѣтей своихъ и наслѣдниковъ и приносящаго на жертву часть своего имущества для обезпеченія другихъ“ [2]).

Одновременно графъ писалъ и къ министру финансовъ Гурьеву.

„Удостовѣренный въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, препровождаю вамъ копію съ просьбы моей Государю Императору и покорнѣйше прошу васъ о благосклонномъ содѣйствіи въ исходатайствованіи монаршей милости. Она облегчитъ бремя долговъ, отяготяющее меня, и несказанно пріятно будетъ мнѣ быть одолженнымъ въ томъ благосклонной помощи вашей. Вы сами легко усмотрѣть можете, что въ назна-

---

[1]) Въ другой черновой, тоже писанной рукою графа, вставлена тутъ слѣдующая фраза: „Рѣшеніе столь маловажной просьбы не могло привлечь вниманія вашего тогда, какъ вы заняты были рѣшеніемъ судьбы Европы“.

[2]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

ченіи цѣны руководствовался я не корыстолюбіемъ, но необходимостью, тѣмъ паче, что никто изъ частныхъ людей не въ состояніи обременить себя столь значительною покупкою" [1]).

Одинъ изъ наслѣдниковъ, о благосостояніи которыхъ такъ пекся графъ Разумовскій, меньшой сынъ его, Кирила, уже 15 лѣтъ томился въ казематахъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря; съ другимъ— старшимъ сыномъ Петромъ, графъ уже нѣсколько лѣтъ какъ прервалъ сношенія. Нравъ графа въ послѣдніе годы его жизни сталъ почти невыносимымъ. Всѣ его боялись, весь домъ дрожалъ при сильныхъ порывахъ его гнѣва. Съ крестьянами своими онъ былъ суровъ, безпрестанно смѣнялъ управляющихъ, находя ихъ не довольно взыскательными. Каждую прихоть его приходилось исполнять немедленно, во что́ бы то ни стало. Иногда прихоти эти тяжелымъ бременемъ ложились на крестьянахъ. Такъ, весною графъ изъ Почепа вдругъ всѣмъ домомъ поднимался въ Бакланъ, чтобы тамъ слушать соловьевъ. Это бывало во время разлива рѣкъ. Особенно бушевала текущая около Почепа рѣка Судогость. Сгоняли нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ и они строили дамбы и насыпи для графскаго проѣзда [2]). Дѣла между тѣмъ шли плохо, въ Малороссіи былъ голодъ; несмотря на неоднократныя просьбы графа, московскій домъ въ казну не покупали. Разумовскій въ 1821 году снова обратился къ Государю за пособіемъ.

„Неисповѣдимыми судьбами Всевышняго", сказано было въ его прошеніи, „въ прошломъ году ниспосланный на Черниговскую губернію неурожай, не только разстроилъ благосостояніе поселянъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ, но повергнулъ въ тягостное состояніе людей самыхъ достаточныхъ. Бывъ принужденъ для прокормленія 40,000 человѣкъ издержать болѣе 1.500,000 рублей, тогда какъ доходы мои отъ имѣнія прекратились, я нынѣ лишенъ средствъ къ вспомоществованію крестьянамъ въ бѣдствіяхъ, коими они вновь угрожаются. Въ таковомъ положеніи я рѣшился жертвовать значительною частію своего достоянія для поддержанія крестьянъ и для спасенія остального имѣнія моего отъ совершеннаго разстройства. Но превратить въ денежную сумму назначенное мною въ продажу имѣніе обыкновенными средствами невозможно, а между тѣмъ состояніе крестьянъ настоятельно требуетъ мѣръ отлагательства не терпящихъ. Потому дерзаю искать помощи у престола В. И. В. и всеподданнѣйше прошу повелѣть купить у меня въ казну 2500 душъ въ Черниговской губерніи, или выдать мнѣ заимообразную сумму, соотвѣтственную цѣнѣ онаго имѣнія. Всемилостивѣйшій Государь, обращаюсь къ вамъ, яко къ отцу

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Изъ разсказовъ Г. В. Грудева.

подданныхъ, промысломъ Божіимъ милосердому попеченію вашему ввѣренныхъ, и не сомнѣваюсь въ благоснисхожденіи вашемъ къ вѣрному слугѣ, на закатѣ жизни ожидающему спокойствія отъ милостиваго на него воззрѣнія В. И. В. Добродѣтельному сердцу вашему утѣшительно будетъ озарить послѣдніе дни старца, съ довѣріемъ къ вамъ прибѣгающаго. Счастіемъ дѣтей и мирнымъ теченіемъ преклонныхъ лѣтъ моихъ, я обязанъ буду благосклонному принятію прошенія моего и не престану возносить пламенныя молитвы къ Всевышнему о сохраненіи на долгое время драгоцѣнной жизни вашей и о увѣнчаніи успѣхами всѣхъ предпріятій вашихъ“ [1]).

„Почепъ. Декабрь 1821 года“.

Не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ на это прошеніе; несомнѣнно только то, что Разумовскій не ошибался: точно наступилъ закатъ его жизни и дни его были сочтены. Въ Почепъ часто пріѣзжали дочери его, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина и Екатерина Алексѣевна Уварова, съ мужьями и дѣтьми, особенно первая, постоянно жившая въ это время въ Полтавѣ. На лѣто графъ переѣзжалъ въ Яготинъ, гдѣ его особенно занималъ великолѣпный, обсаженный рѣдчайшими деревьями, садъ. Въ немъ росли великолѣпные каштаны, тюльпановыя и шелковичныя деревья, даже одно оливковое деревцо. Въ Яготинъ на лѣто переѣзжало также изъ Полтавы все семейство Репниныхъ.

Воспитанники графа—Перовскіе, быстро подымавшіеся по іерархическимъ ступенямъ, часто являлись на поклонъ къ старику. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Алексѣевичъ извѣстный въ литературѣ нашей подъ именемъ Погорѣльскаго, почти постоянно жилъ въ Почепѣ. Иногда графъ какъ-бы покидалъ мрачныя свои мысли, принималъ гостей, бывалъ любезенъ. Такимъ видалъ его, между прочимъ, при посѣщеніи Почепа сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ, тогда еще молодой жандармскій офицеръ. Слѣдствіемъ посѣщеній этихъ была женитьба его на графской воспитанницѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ Мартѣ 1822-го года графъ Алексѣй Кириловичъ внезапно и весьма серьёзно заболѣлъ. Немедля отправлена была эстафета въ Полтаву. Несмотря на полную ростепель, княгиня Репнина сейчасъ-же пустилась въ путь. Она застала отца еще живымъ; около изголовья умирающаго находилась близкая къ нему особа. Княгиня впервые встрѣчала ее лицомъ къ лицу. Она взяла ее за руку и повела въ другую комнату. „Я васъ ненавидѣла до сихъ поръ“, сказала ей княгиня, „потому что вы были причиною несчастія моей матери, но я вамъ все прощаю, если вы уговорите отца дозволить мнѣ вмѣстѣ съ вами за нимъ ухаживать“. Больной едва могъ говорить и только

[1]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

знаками выказывалъ дочери свою благодарность. Княгиня теплою молитвою старалась успокоить страданія умирающаго. Передъ самою смертью старый вольтеріанецъ устами прильнулъ къ подаваемому ему дочерью распятію [1]). Графъ Алексѣй Кириловичъ скончался 5 Апрѣля 1822 года, на Святой. Тѣло его было похоронено въ Почепѣ. По наслѣдству Почепъ достался княгинѣ Репниной. Когда въ тридцатыхъ годахъ Почепъ былъ проданъ графу П. А. Клейнмихелю, съ высочайшаго разрѣшенія, по просьбѣ Уваровыхъ и Репниныхъ, тѣло графа было перевезено въ Новгородъ-Сѣверскій. Перенесеніе это совершилось въ 1838 году по особому, присланному изъ министерства народнаго просвѣщенія и высочайше утвержденному, церемоніалу. Тѣло было снова предано землѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ тамошнемъ Спасопреображенскомъ монастырѣ [2]) въ соборной церкви, при входѣ съ лѣвой стороны, въ сѣверномъ придѣлѣ. Гробница изъ краснаго мрамора имѣетъ видъ параллелограма, она украшена бронзовыми: распятіемъ, нерукотвореннымъ образомъ, и гербомъ Разумовскихъ. На памятникѣ надпись: „Христе Боже Ты еси воскресенье наше и животъ, спаси убо душу раба твоего Алексѣя. Графъ Разумовскій, сынъ послѣдняго гетмана Малороссіи, генералъ-фельдмаршала графа Кирилы Григорьевича и графини Екатерины Іоанновны урожденной Нарышкиной. Родился 12 Сентября 1748, служилъ отечеству дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ государственнаго совѣта, сенаторомъ и министромъ просвѣ-

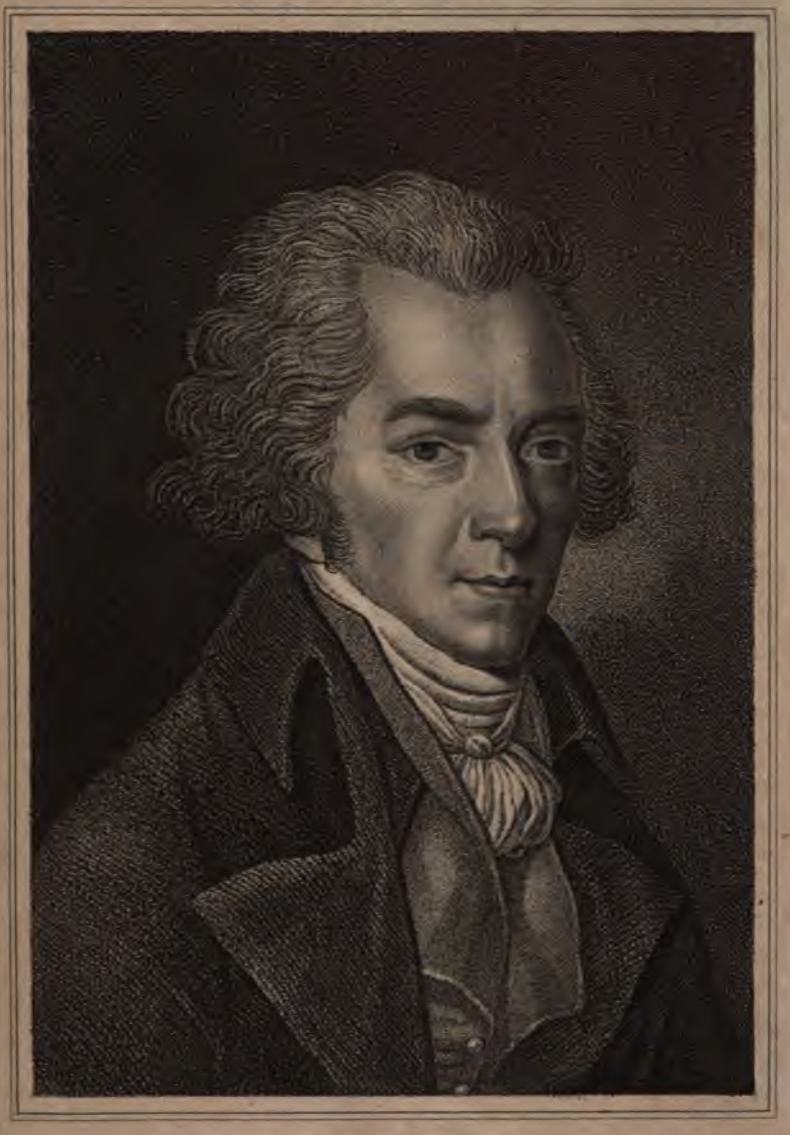
---

[1]) Изъ разсказовъ княжны Варвары Николаевны Репниной.

[2]) О времени основанія Спасопреображенскаго монастыря сохранились разнорѣчивыя преданія. Преданія эти относятъ это событіе къ 1033 или 1036 годамъ. При постройкѣ новаго собора, при Екатеринѣ II, разобрана была древняя каменная церковь и въ основаніи найденъ былъ овальный камень (нынѣ уже исчезнувшій), на которомъ значилось, что строителями были князья Владиміръ и Вячеславъ Давидовичи первые князья Сѣверскіе, внуки Святослава Ярославича Черниговскаго, княжившіе отъ 1127 по 1136 годъ. Обитель была нѣсколько разъ разоряема удѣльными князьями, татарами и поляками. Монастырь сталъ особенно извѣстенъ при Борисѣ Годуновѣ, отсюда въ 1603 году бѣжалъ Отрепьевъ въ Литву. По Деулинскому договору, Преображенскій монастырь вмѣстѣ съ Новгородомъ-Сѣверскимъ перешелъ въ руки поляковъ, и въ немъ учреждена была іезуитская коллегія. По Виленскому договору Новгородъ-Сѣверскій возвращенъ былъ Россіи, а монастырь православію. Въ 1657 г. епископъ Лазарь Барановичъ основалъ при немъ свою каѳедру, перенесенную впослѣдствіи въ Черниговъ. Позднѣе, до 1785 года, монастырь былъ подчиненъ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ это время всѣ сокровища монастыря, драгоцѣнныя иконы, утварь, древнія рукописи и проч., на двухъ баркахъ, по требованію одного изъ настоятелей лавры, перевезены были въ Кіевъ. Въ 1699 году настоятелемъ монастыря былъ Св. Димитрій Ростовскій. Въ 1664 году, при Лазарѣ Барановичѣ, монастырь посѣтилъ Польскій Король Янъ-Казиміръ, возвращаясь съ неудачнаго похода на Малороссію; въ 1787 Екатерина II, во время Крымскаго похода, и наконецъ въ 1824 г. Александръ I проѣздомъ въ Таганрогъ.

щенія. Бѣднымъ помощникъ, наукамъ покровитель. Переселился въ вѣчность въ лѣто 1822 Апрѣля 5-го дня. Въ седмицу святыя Пасхи".

У графа Алексѣя Кириловича было пять воспитанниковъ и пять воспитанницъ: 1) Николай Ивановичъ Перовскій, бывшій губернаторомъ въ Крыму; 2) Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій р. 1787. Д. с. с. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1807, докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Партизаномъ участвовалъ онъ въ отечественной войнѣ, отличился подъ Морунгеномъ (26 Окт. 1812), Лосецами (28 Окт.), Дрезденомъ и Кульмомъ. Былъ адъютантомъ князя Репнина въ Саксоніи, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Назначенъ былъ попечителемъ харьковскаго университета въ 1825 г. Въ 1830 вышелъ въ отставку и скончался въ 1836 г. Онъ въ литературѣ нашей былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Романъ его, „Монастырка" въ свое время имѣлъ громадный успѣхъ. 3) Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, род. 1793 г. Воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1811 г. кандидатомъ и поступилъ въ колоновожатые. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ походахъ 1812-14 годовъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Малымъ-Ярославцемъ, Вязьмою, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Аренсомъ, Фершанпенуазомъ и Парижемъ, и вернулся на родину штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Въ 1823 д. с. с. и камергеромъ перешелъ онъ въ статскую службу, съ причисленіемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1828 назначенъ вице-президентомъ департамента удѣловъ, въ 1831 сенаторомъ, въ 1840 товарищемъ министра удѣловъ, а въ 1841 министромъ внутреннихъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта. Въ 1843 пожалованъ онъ былъ д. т. с., въ 1846 кав. орд. Св. Владиміра I ст., а въ 1849 г. въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ 1852 назначенъ онъ былъ министромъ удѣловъ, управляющимъ кабинетомъ Е. И. В., академіею художествъ, и всѣми археологическими въ Россіи изысканіями. Въ 1852 пожалованъ онъ былъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а въ 1855 г. переименованъ въ генералы отъ инфантеріи. Скончался въ 1856. Женатъ былъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Уваровой, рожденной княжнѣ Горчаковой. Потомства не оставилъ. 4) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, род. 1795 г. Воспитывался въ московскомъ университетѣ. Вышелъ въ 1811 кандидатомъ и поступилъ на службу колоновожатымъ. Отличился во время отечественной войны подъ Лядами, Краснымъ, Смоленскомъ, Заболотью, Дорогобужемъ и Бородинымъ. Во время занятія Москвы захваченъ былъ въ плѣнъ французами и въ плѣну оставался до взятія Парижа. Въ 1816 переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, и назначенъ адъютантомъ къ ген.-адъютанту (впослѣдствіи графу)



ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КИРИЛОВИЧЬ

РАЗУМОВСКІЙ

Д. Т. С. МИНИСТРЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Гелиотип. въ Экспедиціи Заготовл. Гос. Бумагъ.

П. В. Голенищеву-Кутузову. 1818 г. переведенъ въ Измайловскій полкъ съ назначеніемъ въ адъютанты къ В. К. Николаю Павловичу. 1825 назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1828 свиты ген.-маіоромъ. Онъ отличился во время турецкой кампаніи, исправляя должность начальника штаба при отрядѣ войскъ, облегавшихъ Варну. Пожалованъ былъ въ 1829 въ ген.-адъютанты, а въ 1833 г. генералъ-лейтенантомъ и исправляющимъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Въ 1835 онъ предпринялъ Хивинскій походъ, оказавшійся несчастнымъ, несмотря на всю энергію Перовскаго. Государь вознаградилъ труды В. А. орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1842, В. А. Перовскій по болѣзни уволенъ былъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1843 г. произведенъ онъ былъ въ генералы отъ кавалеріи, а въ 1846 назначенъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ Владиміра I-й степени и временно управлялъ морскимъ министерствомъ. Въ 1851 году онъ снова назначенъ былъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Въ 1852 г. получилъ онъ знаки св. Андрея, а въ 1853 взялъ приступомъ Коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, наименованную по высочайшему повелѣнію фортомъ Перовскимъ. 17 Апрѣля 1855 возведенъ онъ былъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а въ 1856 получилъ алмазные знаки св. Андрея. Въ 1857 г. уволенъ по болѣзни отъ должности Оренбургскаго генералъ-губернатора, и получилъ портретъ Государя, украшенный брилліантами. Въ томъ же году онъ скончался. 5) Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій былъ возведенъ 20 Ноября 1856 года въ графское Россійской имперіи достоинство; генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, ордена св. Александра Невскаго кавалеръ и государственнаго совѣта членъ; женатъ на Софьѣ Константиновнѣ Булгаковой; имѣетъ сына: графа Алексѣя Борисовича, кол. асс. и камеръ-юнкера и 3-хъ дочерей: графиню Марію Борисовну за Петрово-Солово, графиню Ольгу Борисовну и графиню Вѣру Борисовну.

Воспитанницы графа Алексѣя Кириловича были: 1) Прасковья Алексѣевна, бывшая замужемъ за Петромъ Александровичемъ Курбатовымъ; 2) Марія Алексѣевна, за комендантомъ С.-Петербургской крѣпости генералъ-лейтенантомъ Максимомъ Константиновичемъ Крыжановскимъ [†1839 г.]; 3) Елизавета Алексѣевна, за сенаторомъ д. т. сов. Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ; 4) Анна Алексѣевна, за графомъ Константиномъ Петровичемъ Толстымъ, мать извѣстнаго поэта нашего графа Алексѣя Константиновича; 5) Софія Алексѣевна, за княземъ Владиміромъ Владиміровичемъ Львовымъ.

ГЛАВА V.

Потомство графа Алексѣя Кириловича.

Отъ брака своего съ графинею Варварою Петровною Шереметевою, графъ Алексѣй Кириловичъ имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Послѣ изгнанія своего изъ дома мужа, графиня, какъ мы видѣли выше, поселилась въ Москвѣ, въ приходѣ Спаса-Преображенія, что́ въ Глинищахъ, на углу Моросейки. Безпомощная, нерѣшительная, робкая и притомъ крайне простая, Варвара Петровна нашла себѣ опору въ братѣ своемъ, графѣ Николаѣ Петровичѣ Шереметевѣ; ему она совершенно ввѣрила судьбу свою и безъ его совѣта или, вѣрнѣе, приказанія ничего не предпринимала, ни на что не рѣшалась. Даже выдавать деньги дѣтямъ не смѣла она безъ его дозволенія. „Безъ вашего совѣта“, писала она неоднократно къ Шереметеву, „и согласія ничего не предпринимала и не предприму“. Малѣйшее желаніе любимаго брата было для нея закономъ. У графини былъ въ Сущевѣ загородный домъ, на Сущевской улицѣ, 2 квартала, въ приходѣ Казанскія Богоматери. Она въ немъ живала весною. Какъ-то Шереметевъ замѣтилъ, что помѣщеніе ему не нравится, съ тѣхъ поръ Сущевскій домъ былъ заброшенъ. Графиня лѣто проводила въ подмосковномъ своемъ селѣ Окуловѣ, по Можайской дорогѣ, Звенигородскаго уѣзда. Отъ нѣкогда богатой усадьбы не осталось въ Окуловѣ даже слѣдовъ. Видя полную безпомощность сестры, Шереметевъ къ ней приставилъ опекуномъ нѣкоего Палибина, который сталъ управлять всѣми ея дѣлами. Подъ многочисленными письмами къ брату, сохранившимися въ архивѣ графа Шереметева, графиня только подписывала свое имя; конторщики не только писали ихъ, но, какъ видно по слогу, часто сами сочиняли посланія. Оставшись совершенно одинокою, отдаленная противъ воли отъ нѣжнолюбимыхъ дѣтей, эта бѣдная, несмотря на свои 16,000 душъ, женщина, окружила себя фаворитками, воспитанницами, калмыками, калмычками, вольноотпущенными обоего пола, барскими-барынями, бѣдными дворянками и всякаго рода и названія приживалками и приживателями. „Не безызвѣстно вамъ, братецъ“, писала она къ Шереметеву, „что, по разлученіи моемъ съ мужемъ и дѣтьми, имѣла я у себя фаворитку, ту маленькую Марѳушу, которую и вы знали, любили и очень нерѣдко ласкали. Она во время моего одиночества и скуки меня утѣшала и раздѣляла со мною всѣ пріятные и непріятные дни“. Такихъ Марѳушъ было нѣсколько. Отъ общества графиня совершенно отказалась, и, кромѣ дѣтей, брата, и самыхъ близкихъ родственниковъ, почти никого не принимала. По совѣту Шереметева она вошла въ письменныя сно-

шенія съ мужемъ. Поводомъ къ этому сближенію послужило назначеніе денежнаго положенія младшему сыну. „Хотя не имѣете вы", писалъ къ сестрѣ графъ Н. П. Шереметевъ отъ 25 Апрѣля 1799 г., „никакихъ сношеній съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, но по участію, каковое долженъ онъ къ нему (т.-е. сыну) раздѣлять, совѣтовалъ бы я вамъ чрезъ кого нибудь отнестись о семъ къ нему и испросить его мнѣнія" [1]). Графиня, какъ кажется, прямо написала мужу, и съ тѣхъ поръ между ними изрѣдка происходила чисто дѣловая переписка. Замѣчательно, что графиня Варвара Петровна должна была мужу выплачивать ежегодно по 10,000 рублей на воспитаніе дѣтей [2]). Это однако не мѣшало графу Алексѣю Кириловичу нерѣдко требовать отъ жены разныхъ единовременныхъ вспоможеній для дочерей. Такъ бѣдная старушка очень встревожена была цѣною фортепіанъ, вытребованныхъ отъ нея графомъ для дочери. „О купленныхъ фортепіанахъ", писалъ ей въ успокоеніе братъ, отъ 25 Апрѣля 1799 г., „хотя онѣ кажутся и очень цѣнны, но если хороши и выбраны кѣмъ изъ знатоковъ, а также если любезная племянница моя поступила (sic) въ искуствѣ виртуозовъ, то должно деньги заплатить, тѣмъ болѣе, что и вещь сія служить можетъ почти на вѣкъ" [3]). Такъ, тоже увѣдомляла она брата отъ 2 Іюня 1802 года, что дочери послѣ отъѣзда изъ Москвы остались разнымъ лицамъ должны 4872 рубля, которые она, по неотступнымъ просьбамъ кредиторовъ, принужденною нашлась заплатить [4]). Когда въ томъ же году старшая дочь ея, Варвара Алексѣевна, помолвлена была за князя Репнина, графиня препроводила къ брату вѣдомость о всѣхъ своихъ деревняхъ, испрашивая у него, какое онъ назначитъ дочери число душъ и сколько положитъ деньгами на приданое. Шереметевъ отказался отъ такого порученія, но графиня снова обратилась къ нему съ слѣдующимъ отчаяннымъ письмомъ:

„М. Г. мой братецъ графъ Николай Петровичъ,

Изъ полученнаго вашего письма, отъ 15 Сентября, увѣрилась и сердечно обрадована, что вы здоровы. Но, съ другой стороны, крайне огорчена, видѣвъ изъ онаго, что вы отъ дружескаго посредничества въ назначеніи деревень въ приданство дочери моей отрекаетесь. А какъ я, по особенной къ вамъ дружеской приверженности, а болѣе и потому, что я въ несчастную жизнь мою, во всѣхъ случаяхъ опытами вами доказанныхъ, правиломъ постановила почитать васъ искренно любящимъ отцомъ, братомъ, другомъ и безпристрастнымъ судьею, то

[1]) Архивъ гр. С. Д. Шереметева.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

къ кому другому прибѣгну и отъ кого искать, кромѣ васъ помощи, не знаю! Я дама, а при томъ обремененная несчастіями и почти удалившаяся отъ публики; страшусь, дабы по неопытности моей въ таковомъ случаѣ, не сдѣлать ошибки и тѣмъ не навлечь новой моей роднѣ неудовольствія. Батюшка братецъ! покорнѣйше прошу васъ въ семъ критическомъ моемъ положеніи не оставить. Вы опытны, все видѣли и все знаете. И все, что только сдѣлаете, мнѣ будетъ пріятно и свято. Будьте основателемъ въ назначеніи деревень, вещей и прочаго. О семъ, кромѣ одной персоны моей да васъ, (никто) знать не будетъ. А я по назначенію вашему буду дѣйствовать и все то съ удовольствіемъ выполню въ самой скорости. Сдѣланное же вами положеніе служить образцомъ мнѣ будетъ на предбудущія времена, какъ для сыновей, такъ и для меньшой дочери. Съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ совѣтоваться за нужное не поставлю. Болѣе потому, что онъ изъ своего имѣнія о положеніяхъ дѣтямъ нашимъ совѣта моего никогда не требовалъ, да и нынѣ не требуетъ, въ чемъ надѣюсь вы меня оправдаете“ [1]).

Еще при жизни Шереметева домашняя челядь возымѣла на графиню громадное вліяніе и братъ въ письмахъ своихъ ей строго наказывалъ никому ихъ не показывать. „А при семъ хочу замѣтить вамъ, что ежели хотите вы, чтобъ совѣты мои были вамъ полезны и выходили по желанію, то совѣтую вамъ не показывать никому моихъ писемъ, ибо изъ того не выйдетъ того намѣренія и пользы, съ какою я къ вамъ отношусь. И еще подтверждаю, отнюдь никому, ни мужскому, ни женскому полу какъ бы кто вамъ близокъ не былъ“ [2]). Даже дочери, нѣжно любившія мать свою, поневолѣ обращались къ дядѣ, прося его уговорить графиню то на то, то на другое. Домашняя челядь, вполнѣ овладѣвшая госпожою своею, возбуждала ее противъ дѣтей, но въ то же время не на шутку побаивалась графа Шереметева. Со смертью послѣдняго, въ 1809 году, графиня окончательно и всецѣло подпала подъ власть своей прислуги. Разсказываютъ, что въ послѣдніе годы ея жизни ей никогда не приходилось покататься; какъ она ни прикажетъ заложить карету, облѣнившіеся кучера отвѣчали, что карета сломана. Кто-то изъ близкихъ родственниковъ графини спросилъ ее, отчего она никогда не выѣзжаетъ въ экипажѣ. „Все ломаются“, добродушно отвѣчала старушка. Управленіе огромнымъ графининымъ достояніемъ взялъ въ руки крѣпостной лакей ея, Иванъ Ивановъ Сыровъ, котораго она отпустила на волю и записала куда-то на службу. Онъ обиралъ госпожу свою какъ липку и,

---

[1]) Тамъ же, письмо отъ 25 Сентября 1802 г.

[2]) Тамъ же, письмо гр. Н. П. Шереметева, отъ 30 Ноября 1803 г.

опасаясь отвѣтственности заставлялъ графиню подписываться въ конторскихъ книгахъ подъ каждою статьею расхода отдѣльно. Огромный домъ Варвары Петровны, содержавшійся въ крайнемъ безпорядкѣ, грязный, душный, натопленный какъ баня и никогда не провѣтриваемый, набитъ былъ великолѣпнымъ Шереметевскимъ серебромъ и всякими драгоцѣнностями, доставшимися графинѣ отъ отца и свёкра. За годъ до кончины своей, графиня Варвара Петровна показывала старшей дочери, княгинѣ Репниной, великолѣпные свои брилліанты, говоря, кому изъ дѣтей что послѣ смерти своей назначаетъ. Варвара Петровна двумя годами пережила мужа и не только, по добротѣ сердечной, все ему простила, но даже горько оплакивала кончину его. Когда она заболѣла къ смерти, никого изъ дѣтей въ Москвѣ не случилось: кто былъ въ Петербургѣ, кто на югѣ Россіи, кто за границею. Объ опасности челядь никого не извѣстила. Кромѣ домашнихъ, къ больной никого не допускали. Сыровымъ было составлено завѣщаніе, которое, по его приказанію, полуживая и уже безсознательная графиня подписала. Приходскій священникъ, бывшій духовникомъ умирающей и докторъ Мухинъ, получавшіе по завѣщанію, первый—каменный домъ, а второй—капиталъ въ 50,000 рублей, скрѣпили подпись. Домъ на Моросейкѣ, наличныя деньги, всѣ драгоцѣнности и вообще все благопріобрѣтенное имущество досталось, по завѣщанію, Сырову. Безчисленные приживатели и приживалки тоже не были забыты. До какой степени нажились при этомъ всѣ обитатели Разумовскаго дома, видимъ мы изъ довольно курьёзныхъ записокъ Угрѣшскаго архимандрита Пимена. Онъ, между прочимъ, разсказываетъ, что настоятель Угрѣшской обители въ 1825 году былъ нѣкто о. Израиль, сынъ просвирни при домовой церкви графини Варвары Петровны. При отрѣшеніи этого Израиля въ 1825 году отъ должности настоятеля, у него отобранъ былъ билетъ въ 16,000 рублей ассигнаціями и, кромѣ того, значительная сумма денегъ. При допросѣ онъ показалъ, что деньги эти получилъ отъ графини Варвары Петровны Разумовской, которая ему благодѣтельствовала. Такъ какъ графиня уже въ то время скончалась, то допросили бывшаго ея управляющаго Сырова. Послѣдній заявилъ, что точно, по приказанію покойной графини, много разъ выдавалъ Израилю значительныя суммы денегъ, но впрочемъ не знаетъ, кому деньги эти были назначаемы графинею: лично ли Израилю, или же на монастырь [1]). Если такія деньги достались сыну просвирни, то легко себѣ представить, какова была нажива лицъ непосредственно окружавшихъ покойную. Когда хоронили графиню, въ домѣ не оказалось ни одной серебряной ложки, а такъ какъ,

---

[1]) Чтенія общества исторіи и древностей при Московс. Университетѣ, 1876, кн. IV. Изслѣдованія, стр. 75.

по старому обычаю, справлены были послѣ погребенія поминки, то серебро пришлось брать на прокатъ, что̀ разумѣется Сыровымъ поставлено было на счетъ дѣтей покойной [1]).

Графиня Варвара Петровна скончалась въ 1824 году. Она похоронена въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ графовъ Шереметевыхъ, рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, великимъ канцлеромъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Надъ могилою ея поставленъ богатый мраморный памятникъ.

Старшій сынъ Алексѣя Кириловича, графъ Петръ Алексѣевичъ, воспитывался дома подъ надзоромъ французовъ гувернеровъ. Юношей онъ былъ отправленъ за границу, подъ присмотромъ нѣкоего Шеля, который въ воспитанникѣ своемъ развилъ пристрастіе ко всему французскому. Въ 1793 году молодой Разумовскій учился въ Гёттингинѣ и имѣлъ при себѣ наставникомъ малоросса Базилевича. Въ то время въ Гёттингенѣ слушали лекціи многіе русскіе: между прочимъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, Фитингофы и другіе. Въ Гёттингенѣ учрежденъ былъ даже русскій клубъ, члены котораго, впрочемъ, были большею частью прибалтійскіе бароны. Молодой Разумовскій слушалъ лекціи права (droit national et droit des gens), русской исторіи, которую читалъ знаменитый Шлёцеръ, политики, риторики, латинскаго языка; кромѣ того, онъ учился русскому и итальянскому языкамъ, рисованію, музыкѣ и верховой ѣздѣ. Графъ Алексѣй Кириловичъ особенно рекомендовалъ своему старому наставнику Шлёцеру—сына своего. Молодой Разумовскій часто видался съ ученымъ профессоромъ, который руководилъ его занятіями. Въ 1795 г. Разумовскій вернулся изъ чужихъ краевъ. Еще въ 1783 году онъ былъ записанъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ. 1793 года онъ произведенъ былъ въ прапорщики. При возвращеніи изъ-за границы онъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ къ дѣду своему, графу Кирилѣ Григорьевичу и состоялъ въ его штабѣ. Дѣдъ, какъ мы уже видѣли, въ немъ души не чаялъ.

Указъ Императора Павла I-го, раскасировавшій военные штаты фельдмаршаловъ, не находившихся на дѣйствительной службѣ, заставилъ графа Петра Алексѣевича въ 1797 г. поступить во фронтъ. Онъ переименованъ былъ въ подполковники и зачисленъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ. 25 Мая 1798 года онъ произведенъ былъ въ полковники, съ оставленіемъ командиромъ своднаго гренадерскаго баталіона и состоялъ въ арміи дяди своего генералъ-отъ инфантеріи (впослѣдствіи графа) И. В. Гудовича, въ корпусѣ генералъ-лейтенанта барона Шюца. При началѣ знаменитой Суворовской кампаніи, армія Гудовича находилась между Владиміромъ-Волынскимъ и Каменецъ-Подольскомъ. Армія эта

---

[1]) Изъ разсказовъ Е. В. Шереметевой, Г. В. Грудова и другихъ современниковъ.

должна была подкрѣплять войска, выступившія въ походъ за границу; назначеніе же корпуса Шюца состояло въ томъ, чтобы оберегать предѣлы Россіи и, въ случаѣ надобности, идти на помощь Турціи. 1-го Августа 1799 г. Разумовскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ мушкетерскаго Староингерманландскаго, бывшаго Штейнгеля полка, а черезъ 6 мѣсяцевъ исключенъ изъ службы за откомандированіе, въ противность всѣхъ установленій, штабсъ-капитана Ланга къ провіантской коммиссіи. Черезъ 8 мѣсяцевъ онъ былъ принятъ по прежнему на службу съ опредѣленіемъ въ полкъ и баталіонъ Е. И. В. В. К. Николая Павловича (нынѣ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ). Графъ Петръ Алексѣевичъ получалъ отъ отца ежегодно 6000 рублей, отъ матери почти то же, дѣдъ также ссужалъ его значительными суммами. Несмотря на это, онъ всегда былъ въ долгу и вѣчно нуждался въ деньгахъ. При сдачѣ полка онъ имѣлъ много хлопотъ и остался долженъ 7000 рублей, хотя, какъ свидѣтельствуетъ отецъ въ письмахъ къ женѣ, касавшихся исключительно до денежныхъ обстоятельствъ дѣтей, онъ неоднократно получалъ отъ графа Алексѣя Кириловича деньги, чтобы вернуться безъ хлопотъ и затрудненій. 15-го Мая 1801 года Петръ Алексѣевичъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, съ исключеніемъ изъ полка и генеральскаго списка.

Сыновья Алексѣя Кириловича призваны были, какъ казалось, къ самой блистательной будущности. Дяди по отцу были бездѣтны; братъ ихъ матери, первый богачъ въ Россіи и быть можетъ самый значительный землевладѣлецъ въ Европѣ, былъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ и холостой. Въ рукахъ молодыхъ Разумовскихъ должны были соединиться два самыхъ значительныхъ состоянія въ Россіи. Поселившись въ Петербургѣ, графъ Петръ Алексѣевичъ сталъ жить вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Какъ видно, отецъ любилъ или, вѣрнѣе, былъ снисходительнѣе къ старшему сыну. „Увѣрить васъ могу“, писалъ графъ Алексѣй Кириловичъ къ женѣ о сынѣ Петрѣ, „что онъ не мотъ и никогда во зло не употребитъ благорасположенія вашего къ нему“. Однако, въ Петербургѣ графъ Петръ Алексѣевичъ снова надѣлалъ бездну долговъ, посѣщалъ и окружилъ себя самымъ невозможнымъ обществомъ, ни съ кѣмъ изъ родственниковъ, ни съ дядями, ни съ тётками не знался и, наконецъ, вмѣстѣ съ братомъ до того досадилъ дядѣ Шереметеву, что послѣдній рѣшился на бракъ, надѣлавшій столько шуму въ Петербургѣ и Москвѣ. Кромѣ того, старикъ Шереметевъ, послѣ рожденія сына, составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ именно обозначилъ, что если сынъ этотъ умретъ бездѣтнымъ, достояніе его должно было перейти не къ племянникамъ Разумовскимъ и ихъ потомству, а къ ближайшей отрасли рода

Шереметевыхъ. Такимъ образомъ все огромное Шереметевское достояніе прошло мимо молодыхъ Разумовскихъ. Поведеніе ихъ приводило въ сокрушеніе даже старика-дѣда. „Меня удивляетъ", писалъ онъ къ графу Андрею Кириловичу въ 1801 г., „что сыновья Алексѣя Кириловича къ вамъ не показываются и что вы ихъ не видите ни при дворѣ, ни въ домахъ, въ коихъ бываете. Сохраняя правила родства, вы можете, призвавъ ихъ къ себѣ, сдѣлать имъ примѣчаніе, что они упускаютъ родственный долгъ въ частомъ съ вами свиданіи и отецъ ихъ хотѣлъ къ вамъ писать и просить васъ, дабы по сему обстоятельству ихъ не оставили" [1]).

Въ 1806 г., въ то время, когда меньшой братъ графа Петра Алексѣевича содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, повѣренный отца его, князь Н. М. Козловскій, имѣлъ съ нимъ нѣсколько довольно рѣзкихъ объясненій. „Чувствительность растрогана", доносилъ отъ 11 Декабря 1806 г. Козловскій графу Алексѣю Кириловичу, „хочетъ совсѣмъ перемѣнить родъ жизни и знакомство паче съ родными возобновить и сколько-нибудь вину свою (у него оказалось 25,000 рублей долга) загладить, чѣмъ и надѣется потомъ пріобрѣсть милость и любовь вашу. Съ большимъ сердечнымъ жаромъ сказалъ при разговорѣ: „неужели батюшка не будетъ имѣть утѣшенія ни въ одномъ сынѣ" [2]). Отецъ рѣшился перевесть сына на службу въ Одессу, гдѣ былъ тогда генералъ-губернаторомъ герцогъ Эммануилъ де-Ришелье. Петру Алексѣевичу рѣшеніе это было не по сердцу „по привычкѣ, пріятности заведенія и другимъ причинамъ", какъ писалъ Козловскій, „но вижу, что угодно батюшкѣ и отдаюсь его волѣ", по поводу чего на сей почтѣ хотѣлъ самъ писать. Страшитъ болѣе всего скука въ отдаленномъ мѣстѣ, кое, полагаетъ необитаемое никѣмъ" [3]). Въ званіи камергера и чинѣ д. с. с., графъ Петръ Алексѣевичъ назначенъ былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ. Разумовскій никогда умомъ не отличался, однако, какъ видно, онъ не былъ вовсе чуждъ умственныхъ наслажденій. Въ Одессѣ онъ завелъ себѣ великолѣпную библіотеку, которая послѣ его смерти продана была съ аукціоннаго торга. Въ библіотекѣ этой, между прочимъ, какъ мы уже помянули въ предисловіи, находилась рукопись оды Державина—„Вельможа", съ отмѣткою на концѣ: *Ноября 12, 1794 г.*

Въ Одессѣ графъ Петръ Алексѣевичъ окончательно отшатнулся отъ семьи. Онъ окружилъ себя всякаго рода греками, евреями и другими темными личностями и проходимцами, безсовѣстно его обиравшими

---

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

[2]) Архивъ кн. Н. В. Репнина.

[3]) Тамъ же.

и пользовавшимися его безденежьемъ и недальновидностью, чтобы заставлять его подписывать самыя невозможныя обязательства. Писалъ онъ къ своимъ, только когда заимодавцы подступали съ ножомъ къ горлу. Обращался онъ болѣе къ матери, къ сестрамъ и зятьямъ. Къ отцу онъ пересталъ писать вовсе. Мать давала ему ежегодно по 10,000 рублей, а съ 1816 года удвоила эту сумму. Между тѣмъ противъ Петра Алексѣевича обращены были разные старые иски. Мать письменно просила Алексѣя Кириловича помочь старшему сыну; о томъ же писалъ и графъ С. С. Уваровъ. „Vous n'ignorez pas", отвѣчалъ послѣднему отецъ отъ 18 Февраля 1819 года изъ Почепа, „combien peu d'intérêt sa conduite m'inspire pour sa situation. Depuis au moins 6 ou 7 ans il ne s'est pas une fois rapellé à mon souvenir et c'est dans cette intervalle de temps qu'il a renouvelé plusieurs lettres de change... Me trouvant moi-même dans un cruel embarras comment voulez vous que je vienne à son secours" [1]).

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца, графъ Петръ Алексѣевичъ предалъ своимъ заимодавцамъ московскій домъ, который былъ положительно расхищенъ. Всѣ великолѣпныя мебели, картины, гобелены, портреты, бронза и фарфоръ распроданы были за безцѣнокъ и долгое время въ старинныхъ московскихъ мѣняльныхъ лавкахъ у Волкова, Лухманова, Бардина, Родіонова и др. продавались разрозненныя крохи древняго великолѣпія Разумовскихъ. Для себя графъ Петръ Алексѣевичъ, подъ Одессою, на хуторѣ, близъ Молдаванки, выстроилъ, съ безвкусными затѣями, дачу. Подъ дачею онъ велѣлъ вырыть лабиринтъ, многочисленныя извилины котораго одному ему были извѣстны. Туда забирался онъ, когда къ нему являлись нежеланные гости. Графъ Петръ Алексѣевичъ умеръ въ 1835 году. Онъ похороненъ на одесскомъ кладбищѣ. Съ нимъ пресѣкся въ Россіи родъ Разумовскихъ.

Младшій сынъ графа Алексѣя Кириловича, графъ Кирила Алексѣевичъ, былъ несравненно даровитѣе старшаго брата. Умный и живой, онъ въ дѣтствѣ всѣхъ удивлялъ своими необыкновенными способностями. Къ несчастію, онъ попалъ въ руки гувернера, который чрезмѣрно возбудилъ его уже и такъ пылкое воображеніе. Пятнадцати лѣтъ онъ вѣрилъ въ духовъ, въ привидѣнія и т. п. Почти отрокомъ, въ 1799-мъ году пожалованъ онъ былъ въ камергеры, по просьбѣ дяди Шереметева. „Дошло до меня", писалъ къ послѣднему графъ Алексѣй Кириловичъ отъ 2-го Ноября 1799 г., „ваше письмо отъ 18-го Октября, увѣдомляющее о пожалованіи сына моего камергеромъ и сіе отъ васъ пріятное извѣстіе принялъ я за искреннѣйшій знакъ благосклоннаго и дружественнаго вашего ко мнѣ расположенія, котораго всю цѣну

[1]) Архивъ графа А. С. Уварова.

чувствуя, преисполненнымъ къ вамъ чистосердечною преданностію сердцемъ, чувствительнѣйшую благодарность приношу. Послѣдуя совѣту в. с., не замедлю я отправленіемъ моего сына въ С.-Петербургъ, сколь ни тягостенъ нынѣшній путь и сколь ни нужно бы мнѣ его продержать здѣсь, для снабденія всѣмъ тѣмъ, что имѣть должно къ представленію его ко двору, ибо, не предвидя случившагося нынѣ, не могъ я ничего того исполнить, да и надобности не имѣлъ онъ ни въ чемъ, не обращаясь еще въ свѣтѣ. Однако, чего здѣсь сдѣлать не успѣю, то до Петербурга оставлю, гдѣ буду просить васъ помедлить нѣсколько представленіемъ его ко двору. Между тѣмъ, рекомендуя его въ вашу милость, всепокорно прошу не отказать ему въ вашемъ покровительствѣ и, по отдаленности моей, дозволить ему почитать васъ не какъ дядю роднаго, но какъ отца. По молодости лѣтъ его, по неопытности и по вѣтренности, съ тѣмъ сопряженной, имѣю я довольно причинъ опасаться худыхъ слѣдствій таковаго распоряженія, но одобряетъ меня притомъ мысль та, что, по дружескому вашему расположенію къ отцу, не оставите покровительствовать и сыну“ [1]). Опасенія отца оказались не лишенными основанія. Дома молодого Разумовскаго держали довольно строго, теперь онъ вдругъ, при пылкой, страстной, необузданной натурѣ, очутился на полной свободѣ, среди искушеній роскошной столицы. На него взирали какъ на наслѣдника несмѣтнаго богатства, онъ былъ очень хорошъ собою и, несмотря на юность свою, занималъ уже видное въ то время положеніе при дворѣ. Вокругъ него образовалась толпа льстецовъ и нахлѣбниковъ. Едва успѣлъ онъ поселиться въ Петербургѣ, какъ оказался уже недостатокъ въ деньгахъ; онъ обратился къ матери, та въ свою очередь списалась съ отцомъ. Графъ Алексѣй Кириловичъ отвѣчалъ, что, по молодости лѣтъ Кирилы Алексѣевича и по свойству сложенія его чрезмѣрно пылкаго, весьма осторожно поступать должно въ снабженіи его деньгами, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, пока не будетъ извѣстно, каково его поведеніе. Поведеніе это вскорѣ обнаружилось. „Съ крайнимъ прискорбіемъ сказать вамъ долженъ“, писалъ отецъ къ графинѣ Варварѣ Петровнѣ, „что сначала возвращенія меньшаго сына нашего въ Петербургъ и до нынѣ я безпрестанныя имѣлъ отъ него огорченія, развратные поступки всякаго рода, мотовство и т. п. Причиною конечно, что онъ отсталъ отъ всѣхъ тѣхъ, съ коими долженъ бы обращаться, и хотя неоднократно писалъ къ нему, то, чего никто изъ дѣтей отъ меня не слыхивалъ, но все ни малѣйшей пользы не произвело; нынѣ поручаю старшему сыну присматривать за нимъ“ [2]).

[1]) Архивъ гр. Шереметева.

[2]) Тамъ же.

Въ 1804 году графъ Кирила Алексѣевичъ находился при отцѣ. Въ это время произошло между отцомъ и сыномъ какое-то крупное столкновеніе, и въ то же время у графа Кирилы Алексѣевича проявились первые признаки умопомѣшательства. „Что дѣлаетъ Кирюша?“ писала къ отцу изъ С.-Петербурга, отъ 16 Мая 1804 года, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина: „вотъ уже мѣсяцъ, какъ его сюда жду. Къ счастію я узнала о его выздоровленіи отъ болѣзни, которую я приписываю главнымъ образомъ его страсти безпрестанно принимать лекарства безъ совѣта докторскаго. Надѣюсь, что онъ все еще намѣренъ поступить въ Вѣнское посольство, такъ какъ я очень для него побаиваюсь петербургской праздности и надѣюсь, что когда онъ будетъ болѣе занятъ, то оставитъ привычку безпрестанно принимать лекарства, отъ чего несомнѣнно сдѣлается здоровѣе“. „Я получила письмо ваше“, писала она же отъ 21 Іюня, „въ которомъ вы мнѣ говорите, что припадокъ Кирюшинъ миновался. Надѣюсь, что шевалье де-Бернъ застанетъ его уже вполнѣ здоровымъ и воспользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы уговорить его ѣхать за границу. Мы надняхъ разговаривали о Кирюшѣ съ тетушкою Загряжскою; она думаетъ, какъ и я, что лучше всего было бы отправить его прямо за границу. Здѣсь только смутно говорили о его болѣзни и тетушка каждый разъ, когда къ тому представлялся случай, опровергала ходившіе здѣсь слухи и увѣряла, что это было не болѣе какъ желчное разстройство. Но если припадки будутъ повторяться, какъ скрыть это? Кирюша еще такъ молодъ, что не слѣдуетъ въ его выздоровленіи сомнѣваться, а впечатлѣніе такого рода, разъ сдѣланное, нескоро сглаживается и стало бы ему помѣхою какъ для службы, такъ и для женитьбы; напротивъ, благодаря принятымъ нами стараніямъ опровергать городскіе слухи, если Кирюша поѣдетъ за границу, и чего ожидать слѣдуетъ, вернется совершенно здоровымъ, никто про все это не вспомнитъ. Можно бы было, попросивъ о томъ у Государя, выхлопотать для Вилье [1]) отпускъ, но страхъ, что дѣло это огласится и что это могло бы сдѣлать на Государя неблагопріятное для брата моего впечатлѣніе, побудилъ тетушку отклонить меня отъ всякой попытки относительно Вилье... Вполнѣ постигаю, каковы должны быть ваши страданія при зрѣлищѣ, которое имѣете передъ глазами“... Въ Іюлѣ графъ Кирила Алексѣевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ. „Вчера Кирюша провелъ у меня вечеръ... все въ немъ непостоянно. Вилье возвращается сегодня съ Государемъ, и я воспользуюсь его здѣсь пребываніемъ, чтобы принять мѣры къ скорѣйшему отъѣзду Кирюши. Да благословитъ васъ Господь, дорогой ба-

[1]) Сиръ Яковъ Вилье, лейбъ-медикъ Императора Александра Павловича.

тюшка, за тѣ жертвы, которыя вы приносите въ надеждѣ воротить Кирюшѣ разумъ и здоровье“ [1]).

Графъ Кирила Алексѣевичъ отправился съ шевалье де-Бернъ въ Шотландію. „Le jeune comte de Rasoumovsky, fils du comte Alexis et cousin de ma femme“, писалъ изъ С.-Петербурга, отъ 2 Сентября 1804 г., гр. В. П. Кочубей къ графу С. Р. Воронцову, „étant malade, vient sur l'avis des médecins de partir par mer pour l'Ecosse. Le batiment étant pressé de s'en aller, il n'a pas eu le temps de remplir toutes les formalités qui peuvent être nécessaires pour obtenir la permission d'entrer en Angleterre, qui, à ce que je crois, est demandée au ministre du département interieur, mais il a un passeport du prince Czartorisky. Il s'agit donc de lui faire avoir cette permission, ainsi qu'à l'assesseur Berne qui l'accompagne et leurs gens, et de leur envoyer les passeports nécessaires à Hull, et c'est moi qui a été requis par les parents du comte de Rasoumovsky de solliciter auprès de vous, mon très cher comte, cette grace. Veuillez donc bien avoir l'extrême bonté de vous occuper un peu de cet objet. Nous vous en aurons une obligation toute particulière et joignez y vos bontés pour le comte de Razoumovsky, si, sa santé s'améliorant, il était dans le cas de faire une tournée à Londres“ [2]).

Изъ-за границы графъ Кирила Алексѣевичъ вернулся вполнѣ сумасшедшимъ. Говорили, что во время этого путешествія, молодой Разумовскій вошелъ въ сношенія съ иллюминатами, которые, какъ извѣстно, въ тѣ времена были пугаломъ административнаго люда. Говорили также, что у него находились какія-то бумаги, прямо указывавшія на связь съ опасною сектою. Объ этихъ бумагахъ очень много толковали, но постоянно въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что явно онѣ существовали только въ воображеніи тѣхъ, кому хотѣлось окончательно погубить бѣднаго безумца. Вѣроятнѣе всего, что въ Англіи, гдѣ, особенно въ высшемъ обществѣ, страсть къ вину распространена даже и до сего дня, а тѣмъ болѣе была въ ходу 75 лѣтъ тому назадъ, молодой Разумовскій пристрастился къ крѣпкимъ напиткамъ и сталъ пить запоемъ. Пьянство окончательно расшатало его уже и безъ того страдавшія умственныя способности.

Въ 1806 году, скоро послѣ своего возвращенія, графъ Кирила Алексѣевичъ отправился изъ Москвы въ Пензенскія имѣнія отца. По дорогѣ, какъ гласитъ докладная записка, представленная Государю, графъ производилъ разныя безчинства, какъ бы нѣкоторое помѣша-

---

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина; изъ него же почерпнуты послѣдующія подробности о графѣ К. А.

[2]) Архивъ кн. Воронцова XIX, 189—190.

тельство ума показывающія, а именно: на станціяхъ, гдѣ проѣзжалъ, не только дѣлалъ станціоннымъ смотрителямъ, безъ всякой причины, угрозы, но даже хотѣлъ бить и колоть ихъ кинжаломъ; одному почталіону далъ нѣсколько ударовъ въ грудь; камердинера своего ранилъ ножомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проѣзжалъ съ крикомъ и пѣснями; въ городѣ Зарайскѣ разогналъ всѣхъ изъ дома, гдѣ остановился; одного полицейскаго офицера едва не закололъ, а другаго чуть не застрѣлилъ. О такихъ странныхъ дѣйствіяхъ станціонные смотрители поспѣшили донести въ Москву къ почтъ-директору Ключареву. Ключаревъ съ своей стороны донесъ по начальству. Дѣло быстро разгласилось и дошло до Государя. Императоръ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія здоровья графа Кирилы Алексѣевича, „которое побудило его до разныхъ неистовыхъ поступковъ и чтобы отвратить дальнѣйшія послѣдствія, во вредъ какъ другимъ, такъ и ему самому обратиться могущія“, повелѣть соизволилъ графа заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Мѣра эта принималась, какъ сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя графа Алексѣя Кириловича, отъ 21 Августа 1806 года, „по особенному уваженію къ фамиліи Разумовскихъ и въ виду удобности, которая можетъ доставить молодому человѣку пособіе врачей по близости къ столицѣ“. Пензенскому гражданскому губернатору Вигелю отправленъ былъ указъ о взятіи подъ присмотръ и отправленіе въ Шлиссельбургскую крѣпость гр. К. А. Разумовскаго. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ В. П. Кочубей, отношеніемъ сообщилъ Вигелю, что по всѣмъ слухамъ, доходящимъ въ Петербургъ, графъ Разумовскій всегда вооруженъ кинжалами, пистолетами и проч., и что нужно наблюдать крайнюю осторожность при арестѣ его. При этомъ министръ предписывалъ принять всѣ мѣры, дабы какъ при задержаніи, такъ и на пути не дѣлано было арестованному никакого принужденія или безпокойства. Въ секретномъ отношеніи отъ 29 Августа 1806 г. къ тому же Вигелю, министръ сообщалъ, что до свѣдѣнія Государя дошли разныя обстоятельства, къ положенію графа Разумовскаго относящіяся, а именно, что онъ имѣлъ несчастіе попасть, находясь въ Петербургѣ и въ Германіи, въ общество иллюминатовъ, вредныя правила которыхъ столь извѣстны. Иллюминаты сдѣлали изъ молодого графа самаго горячаго послѣдователя ихъ секты, и совершенно развратили его. Со времени возвращенія изъ чужихъ краевъ графъ имѣетъ при себѣ какія-то бумаги, которыя скрываетъ въ своей постелѣ, спитъ всегда за крѣпкимъ замкомъ и окружается заряженными пистолетами и, кромѣ того, всегда имѣетъ при себѣ ядъ. Губернатору предписывалось принять всѣ возможныя мѣры чтобы захватить бумаги Разумовскаго и совѣтовалось арестовать его, когда онъ будетъ внѣ дома. Хотя изъ докладной записки, представ-

ленной Кочубеемъ по этому дѣлу, видно, что Вигель доносилъ о развратномъ образѣ мыслей, являемымъ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и о жестокости его къ крестьянамъ, однако мы, кажется, не ошибемся, сказавъ, что указаніе на сношенія съ иллюминатами шло отъ графа Алексѣя Кириловича. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ Разумовскаго-отца въ то время былъ князь Н. М. Козловскій, который, какъ видно изъ писемъ его къ графу, считалъ безуміе Кирилы Алексѣевича напускнымъ. Вигель, получивъ указъ и отношеніе министра, принялъ секретно всѣ нужныя предосторожности. Онъ предписалъ чембарскому исправнику заарестовать молодого Разумовскаго, и самъ для бо́льшей вѣрности, подъ предлогомъ ревизіи, поскакалъ въ Чембаръ, отстоящій въ 15-ти верстахъ отъ села Ершова, гдѣ жилъ Кирила Алексѣевичъ. Губернаторъ пріѣхалъ кстати; исправникъ собралъ уже 50 человѣкъ понятыхъ и во главѣ этого отряда собирался захватить несчастнаго безумца. Вигель немедля распустилъ крестьянъ и послалъ впередъ исправника съ капитаномъ Пензенскаго гарнизона Францовымъ. Съ помощью управляющаго Бѣляева, графу объявлено было имянное повелѣніе Государя Императора. Въ то время Разумовскій находился внѣ дома и, какъ видно, спокойно принялъ это сообщеніе. Къ тому времени подоспѣлъ Вигель; онъ говорилъ съ арестованнымъ, успокоилъ его относительно путешествія и строжайше предписалъ капитану Францову, который долженъ былъ доставить графа Кирила Алексѣевича въ Шлиссельбургъ, обращаться съ нимъ дорогою кротко и почтительно [1]). Цѣль путешествія была, впрочемъ, тайною. Ни Разумовскій, ни Францовъ не знали, что ѣдутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Они думали, что отправляются въ Петербургъ. Никакихъ особенныхъ бумагъ, особенно же политическаго содержанія при арестованномъ не оказалось. Францову губернаторъ вручилъ запечатанный пакетъ, который онъ долженъ былъ открыть только въ Новгородѣ. Въ немъ сказано было, куда именно везти графа. Коменданту Шлиссельбургской крѣпости генералъ-маіору Плуталову предписано было отвести для жительства Разумовскаго приличные покои. Люди имѣющіе съ нимъ пріѣхать должны были тоже помѣститься въ крѣпости. По высочайшему приказанію воспрещено было безъ Е. И. В. разрѣшенія допускать кого-бы то ни было до заключеннаго. Приказано было снабжать его приличнымъ содержаніемъ, но безъ всякаго излишества, особенно въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Въ дополненіе ко

[1]) Въ письмѣ своемъ къ графу Л. К. Разумовскому (см. приложенія), Вигель ни слова не говоритъ о томъ, что гр. К. А. вышелъ къ нему на встрѣчу съ кинжаломъ въ рукахъ, о чемъ упоминается въ докладной запискѣ. Докладная записка, поданная Государю, письма Кочубея, Вигеля и проч. наход. въ архивѣ кн. Н. В. Репнина.

всему вышесказанному строжайше предписывалось имѣть наблюденіе, чтобы люди, которые будутъ находиться при заключенномъ, ограждены были отъ всякихъ со стороны его тѣлесныхъ наказаній или жестокостей. Въ Сентябрѣ 1806 года, Разумовскій былъ привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а книги, тѣ бумаги, которыя найдены были въ Ершовскомъ домѣ и аптека его доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Петербургъ отправленъ былъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ масонъ князь Николай Михайловичъ Козловскій, къ которому старшій Разумовскій питалъ, въ то время, безграничную довѣренность. Козловскій по нѣскольку разъ въ недѣлю доносилъ Алексѣю Кириловичу о томъ что происходило въ Шлиссельбургѣ. Себѣ въ помощники онъ избралъ доктора Цедергольма, вѣроятно шведа, который взялся за леченіе несчастнаго узника. Однако, какъ видно изъ оффиціальныхъ бумагъ, старанія довѣренныхъ графа Алексѣя Кириловича стремились не столько къ излеченію сына, сколько къ пріисканію мѣръ для исправленія его. Князь Козловскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ графу Кочубею и просилъ его показать доктору Цедергольму взятыя у графа Кирилы Алексѣевича бумаги, дабы докторъ могъ познакомиться съ образомъ его мыслей и намѣреніями. „Напрасно вы такъ занимаетесь этими бумагами“, отвѣчалъ Кочубей, „я самъ ихъ просматривалъ и вѣрно знаю, что онѣ ничего въ себѣ не заключаютъ“. „Я не оставилъ“, доносилъ Козловскій Разумовскому-отцу, „что могъ только на сіе отвѣчать, но пользы не было“. „Повѣрьте“, добавилъ Кочубей, „что по симъ бумагамъ онъ ни противъ отца, ниже въ связи съ какимъ обществомъ, напротивъ онъ предостерегаетъ входить“. „Видно ежели не нынѣ, то прежде былъ“, замѣтилъ на это Козловскій. „Буде бы и такъ было, доискиваться стараго нужды нѣтъ. Прощайте“. „Въ дополненіе писаннаго мною къ в. с. съ Андреевымъ, кажется, довольно ясно“ [1]).

Графа Кирила Алексѣевича защищалъ шевалье де-Бернъ, ѣздившій съ нимъ за границу и пользовавшійся, какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ архивѣ графа Шереметева, довѣренностью графа Н. П. Шереметева. „Шевалье“, доносилъ Козловскій отъ 11-го Декабря, „велерѣчіемъ своимъ того, кто имѣетъ документы въ рукахъ, не приведетъ къ другой мысли, а прочіе ежели кому будетъ говорить, какъ бы ни думали о его (т.-е. графа Кирилы Алексѣевича) страданіяхъ, кои онъ тамъ претерпѣлъ, но помочи сдѣлать не могутъ... Вчера графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ просилъ Н. Н. Ново-

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Письмо кн. Козловскаго, отъ 30 Октября 1806 г. Отношенія, посланнаго съ Андреевымъ, въ архивѣ не сохранилось.

ленной Кочубеемъ по этому дѣлу, видно, что Вигель доносилъ о развратномъ образѣ мыслей, являемымъ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и о жестокости его къ крестьянамъ, однако мы, кажется, не ошибемся, сказавъ, что указаніе на сношенія съ иллюминатами шло отъ графа Алексѣя Кириловича. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ Разумовскаго-отца въ то время былъ князь Н. М. Козловскій, который, какъ видно изъ писемъ его къ графу, считалъ безуміе Кирилы Алексѣевича напускнымъ. Вигель, получивъ указъ и отношеніе министра, принялъ секретно всѣ нужныя предосторожности. Онъ предписалъ чембарскому исправнику заарестовать молодого Разумовскаго, и самъ для бо́льшей вѣрности, подъ предлогомъ ревизіи, поскакалъ въ Чембаръ, отстоящій въ 15-ти верстахъ отъ села Ершова, гдѣ жилъ Кирила Алексѣевичъ. Губернаторъ пріѣхалъ кстати; исправникъ собралъ уже 50 человѣкъ понятыхъ и во главѣ этого отряда собирался захватить несчастнаго безумца. Вигель немедля распустилъ крестьянъ и послалъ впередъ исправника съ капитаномъ Пензенскаго гарнизона Францовымъ. Съ помощью управляющаго Бѣляева, графу объявлено было имянное повелѣніе Государя Императора. Въ то время Разумовскій находился внѣ дома и, какъ видно, спокойно принялъ это сообщеніе. Къ тому времени подоспѣлъ Вигель; онъ говорилъ съ арестованнымъ, успокоилъ его относительно путешествія и строжайше предписалъ капитану Францову, который долженъ былъ доставить графа Кирила Алексѣевича въ Шлиссельбургъ, обращаться съ нимъ дорогою кротко и почтительно [1]). Цѣль путешествія была, впрочемъ, тайною. Ни Разумовскій, ни Францовъ не знали, что ѣдутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Они думали, что отправляются въ Петербургъ. Никакихъ особенныхъ бумагъ, особенно же политическаго содержанія при арестованномъ не оказалось. Францову губернаторъ вручилъ запечатанный пакетъ, который онъ долженъ былъ открыть только въ Новгородѣ. Въ немъ сказано было, куда именно везти графа. Коменданту Шлиссельбургской крѣпости генералъ-маіору Плуталову предписано было отвести для жительства Разумовскаго приличные покои. Люди имѣющіе съ нимъ пріѣхать должны были тоже помѣститься въ крѣпости. По высочайшему приказанію воспрещено было безъ Е. И. В. разрѣшенія допускать кого-бы то ни было до заключеннаго. Приказано было снабжать его приличнымъ содержаніемъ, но безъ всякаго излишества, особенно въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Въ дополненіе ко

[1]) Въ письмѣ своемъ къ графу Л. К. Разумовскому (см. приложенія), Вигель ни слова не говоритъ о томъ, что гр. К. А. вышелъ къ нему на встрѣчу съ кинжаломъ въ рукахъ, о чемъ упоминается въ докладной запискѣ. Докладная записка, поданная Государю, письма Кочубея, Вигеля и проч. наход. въ архивѣ кн. Н. В. Репнина.

всему вышесказанному строжайше предписывалось имѣть наблюденіе, чтобы люди, которые будутъ находиться при заключенномъ, ограждены были отъ всякихъ со стороны его тѣлесныхъ наказаній или жестокостей. Въ Сентябрѣ 1806 года, Разумовскій былъ привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а книги, тѣ бумаги, которыя найдены были въ Ершовскомъ домѣ и аптека его доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Петербургъ отправленъ былъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ масонъ князь Николай Михайловичъ Козловскій, къ которому старшій Разумовскій питалъ, въ то время, безграничную довѣренность. Козловскій по нѣскольку разъ въ недѣлю доносилъ Алексѣю Кириловичу о томъ что происходило въ Шлиссельбургѣ. Себѣ въ помощники онъ избралъ доктора Цедергольма, вѣроятно шведа, который взялся за леченіе несчастнаго узника. Однако, какъ видно изъ оффиціальныхъ бумагъ, старанія довѣренныхъ графа Алексѣя Кириловича стремились не столько къ излеченію сына, сколько къ пріисканію мѣръ для исправленія его. Князь Козловскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ графу Кочубею и просилъ его показать доктору Цедергольму взятыя у графа Кирилы Алексѣевича бумаги, дабы докторъ могъ познакомиться съ образомъ его мыслей и намѣреніями. „Напрасно вы такъ занимаетесь этими бумагами", отвѣчалъ Кочубей, „я самъ ихъ просматривалъ и вѣрно знаю, что онѣ ничего въ себѣ не заключаютъ". „Я не оставилъ", доносилъ Козловскій Разумовскому-отцу, „что могъ только на сіе отвѣчать, но пользы не было". „Повѣрьте", добавилъ Кочубей, „что по симъ бумагамъ онъ ни противъ отца, ниже въ связи съ какимъ обществомъ, напротивъ онъ предостерегаетъ входить". „Видно ежели не нынѣ, то прежде былъ", замѣтилъ на это Козловскій. „Буде бы и такъ было, доискиваться стараго нужды нѣтъ. Прощайте". „Въ дополненіе писаннаго мною къ в. с. съ Андреевымъ, кажется, довольно ясно" [1]).

Графа Кирила Алексѣевича защищалъ шевалье де-Бернъ, ѣздившій съ нимъ за границу и пользовавшійся, какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ архивѣ графа Шереметева, довѣренностью графа Н. П. Шереметева. „Шевалье", доносилъ Козловскій отъ 11-го Декабря, „велерѣчіемъ своимъ того, кто имѣетъ документы въ рукахъ, не приведетъ къ другой мысли, а прочіе ежели кому будетъ говорить, какъ бы ни думали о его (т.-е. графа Кирилы Алексѣевича) страданіяхъ, кои онъ тамъ претерпѣлъ, но помочи сдѣлать не могутъ... Вчера графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ просилъ Н. Н. Ново-

---

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Письмо кн. Козловскаго, отъ 30 Октября 1806 г. Отношенія, посланнаго съ Андреевымъ, въ архивѣ не сохранилось.

ленной Кочубеемъ по этому дѣлу, видно, что Вигель доносилъ о развратномъ образѣ мыслей, являемымъ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и о жестокости его къ крестьянамъ, однако мы, кажется, не ошибемся, сказавъ, что указаніе на сношенія съ иллюминатами шло отъ графа Алексѣя Кириловича. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ Разумовскаго-отца въ то время былъ князь Н. М. Козловскій, который, какъ видно изъ писемъ его къ графу, считалъ безуміе Кирилы Алексѣевича напускнымъ. Вигель, получивъ указъ и отношеніе министра, принялъ секретно всѣ нужныя предосторожности. Онъ предписалъ чембарскому исправнику заарестовать молодого Разумовскаго, и самъ для бо́льшей вѣрности, подъ предлогомъ ревизіи, поскакалъ въ Чембаръ, отстоящій въ 15-ти верстахъ отъ села Ершова, гдѣ жилъ Кирила Алексѣевичъ. Губернаторъ пріѣхалъ кстати; исправникъ собралъ уже 50 человѣкъ понятыхъ и во главѣ этого отряда собирался захватить несчастнаго безумца. Вигель немедля распустилъ крестьянъ и послалъ впередъ исправника съ капитаномъ Пензенскаго гарнизона Францовымъ. Съ помощью управляющаго Бѣляева, графу объявлено было имянное повелѣніе Государя Императора. Въ то время Разумовскій находился внѣ дома и, какъ видно, спокойно принялъ это сообщеніе. Къ тому времени подоспѣлъ Вигель; онъ говорилъ съ арестованнымъ, успокоилъ его относительно путешествія и строжайше предписалъ капитану Францову, который долженъ былъ доставить графа Кирила Алексѣевича въ Шлиссельбургъ, обращаться съ нимъ дорогою кротко и почтительно [1]). Цѣль путешествія была, впрочемъ, тайною. Ни Разумовскій, ни Францовъ не знали, что ѣдутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Они думали, что отправляются въ Петербургъ. Никакихъ особенныхъ бумагъ, особенно же политическаго содержанія при арестованномъ не оказалось. Францову губернаторъ вручилъ запечатанный пакетъ, который онъ долженъ былъ открыть только въ Новгородѣ. Въ немъ сказано было, куда именно везти графа. Коменданту Шлиссельбургской крѣпости генералъ-маіору Плуталову предписано было отвести для жительства Разумовскаго приличные покои. Люди имѣющіе съ нимъ пріѣхать должны были тоже помѣститься въ крѣпости. По высочайшему приказанію воспрещено было безъ Е. И. В. разрѣшенія допускать кого-бы то ни было до заключеннаго. Приказано было снабжать его приличнымъ содержаніемъ, но безъ всякаго излишества, особенно въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Въ дополненіе ко

[1]) Въ письмѣ своемъ къ графу Л. К. Разумовскому (см. приложенія), Вигель ни слова не говоритъ о томъ, что гр. К. А. вышелъ къ нему на встрѣчу съ кинжаломъ въ рукахъ, о чемъ упоминается въ докладной запискѣ. Докладная записка, поданная Государю, письма Кочубея, Вигеля и проч. наход. въ архивѣ кн. Н. В. Репнина.

всему вышесказанному строжайше предписывалось имѣть наблюденіе, чтобы люди, которые будутъ находиться при заключенномъ, ограждены были отъ всякихъ со стороны его тѣлесныхъ наказаній или жестокостей. Въ Сентябрѣ 1806 года, Разумовскій былъ привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а книги, тѣ бумаги, которыя найдены были въ Ершовскомъ домѣ и аптека его доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Петербургъ отправленъ былъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ масонъ князь Николай Михайловичъ Козловскій, къ которому старшій Разумовскій питалъ, въ то время, безграничную довѣренность. Козловскій по нѣскольку разъ въ недѣлю доносилъ Алексѣю Кириловичу о томъ что происходило въ Шлиссельбургѣ. Себѣ въ помощники онъ избралъ доктора Цедергольма, вѣроятно шведа, который взялся за леченіе несчастнаго узника. Однако, какъ видно изъ оффиціальныхъ бумагъ, старанія довѣренныхъ графа Алексѣя Кириловича стремились не столько къ излеченію сына, сколько къ пріисканію мѣръ для исправленія его. Князь Козловскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ графу Кочубею и просилъ его показать доктору Цедергольму взятыя у графа Кирилы Алексѣевича бумаги, дабы докторъ могъ познакомиться съ образомъ его мыслей и намѣреніями. „Напрасно вы такъ занимаетесь этими бумагами", отвѣчалъ Кочубей, „я самъ ихъ просматривалъ и вѣрно знаю, что онѣ ничего въ себѣ не заключаютъ". „Я не оставилъ", доносилъ Козловскій Разумовскому-отцу, „что могъ только на сіе отвѣчать, но пользы не было". „Повѣрьте", добавилъ Кочубей, „что по симъ бумагамъ онъ ни противъ отца, ниже въ связи съ какимъ обществомъ, напротивъ онъ предостерегаетъ входить". „Видно ежели не нынѣ, то прежде былъ", замѣтилъ на это Козловскій. „Буде бы и такъ было, доискиваться стараго нужды нѣтъ. Прощайте". „Въ дополненіе писаннаго мною къ в. с. съ Андреевымъ, кажется, довольно ясно" [1]).

Графа Кирила Алексѣевича защищалъ шевалье де-Бернъ, ѣздившій съ нимъ за границу и пользовавшійся, какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ архивѣ графа Шереметева, довѣренностью графа Н. П. Шереметева. „Шевалье", доносилъ Козловскій отъ 11-го Декабря, „велерѣчіемъ своимъ того, кто имѣетъ документы въ рукахъ, не приведетъ къ другой мысли, а прочіе ежели кому будетъ говорить, какъ бы ни думали о его (т.-е. графа Кирилы Алексѣевича) страданіяхъ, кои онъ тамъ претерпѣлъ, но помочи сдѣлать не могутъ... Вчера графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ просилъ Н. Н. Ново-

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Письмо кн. Козловскаго, отъ 30 Октября 1806 г. Отношенія, посланнаго съ Андреевымъ, въ архивѣ не сохранилось.

сильцева и онъ обѣщалъ при первыхъ докладахъ и сіе (т.-е. дѣло Кирилы Алексѣевича) взять съ собою, но замѣшкалось по разнымъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. О комендантѣ (Плуталовѣ) сказать ничего не могу; говорятъ многіе, что онъ не только честный, но и добродѣтельный человѣкъ. Пріѣздъ откладываетъ, говоря, что онъ ѣдетъ просить столовыхъ денегъ, а обстоятельства не таковы, чтобъ онъ могъ ожидать успѣху. Такъ-ли или нѣтъ, Богъ вѣдаетъ. Мы съ докторомъ на сей недѣлѣ ѣдемъ, то посмотримъ сколько можно человѣчески смотрѣть. Надѣется докторъ, что человѣкъ вѣрный отчетъ давать можетъ, впрочемъ, графъ Кочубей весьма уже иначе думаетъ. В. с. вамъ моя привязанность извѣстна, понятіе о святости связей родственныхъ тоже, итакъ, могу-ли не желать, чтобъ отецъ утѣшался сыномъ и потому какъ могу исполнить приказаніе ваше, какъ избавленіе отъ столь тягостнаго креста могло быть безъ васъ? (sic). Не могу удержаться, чтобы не сказать, желало бы сердце мое видѣть всѣхъ живущихъ въ любви, а наиболѣе и предпочитательнѣе сіе желаніе простирается къ друзьямъ, къ кровнымъ и благодѣтелямъ моимъ. *Любовь* есть жизнь существъ разумныхъ, и кто болѣе сіе ощущаетъ, тотъ болѣе въ связи съ самою любовью".

Эти не вполнѣ грамотныя фразы изливались изъ-подъ пера человѣка, старавшагося возбудить и такъ уже раздраженнаго отца и окончательно погубить несчастнаго сына. „Докторъ Цедергольмъ нашелъ у графа Кирилы Алексѣевича", доносилъ Козловскій отъ 21 Декабря, „пульсъ между 60 и 70, а прежде свыше 100 былъ, глаза чище и видъ покойнѣе. Причиною полагаетъ уменьшеніе крѣпкихъ напитковъ и второе, родившаяся въ немъ надежда, что по теперешнимъ обстоятельствамъ выпустятъ и опредѣлятъ въ милицію, почему рѣшился черезъ графа Кочубея просить письмомъ у Государя Императора. Просить подкрѣпить сію просьбу Наталью Кириловну и графиню Марью Васильевну [1]), письмомъ же. Комендантъ при рапортѣ посылаетъ ихъ черезъ меня къ графу Кочубею, т.-е. къ нему и Государю, а Н. К. Цедергольму для отдачи ей и графинѣ. Письмо писано по французски: „L'ennemi est aux portes de l'état, Sire, je supplie de me faire sortir de Schlüsselbourg et permettre que je serve dans la milice". Къ графу Кочубею въ окончаніи письма: „je me recommande à Votre amitié et suis avec considération". ...Письма доказываютъ и подтверждаютъ крутость его нрава и непокорство. Такъ ли будутъ видѣть? А не послать ихъ комендантъ не смѣлъ. Впрочемъ, расположеніе его (т.-е. гр. Кирилы Алексѣевича) мыслей и разговоры почти тѣ же, кромѣ того что выслушиваетъ болѣе. Цедергольма ненавидитъ, равно и коменданта. Призна-

[1]) Кочубей, родомъ Васильчикову, жену графа Виктора Павловича.

нія въ дурныхъ дѣлахъ нѣтъ, а полагаетъ нападки. Поведеніе коменданта съ нимъ хорошо довольно, онъ поставлять себя началъ на ногѣ командира, сказавъ ему: „ежели вы ласкою моею недовольны, то я умѣю и приказывать", сказавъ свои права надъ такими, какъ онъ. Графъ Цедергольму говорилъ: „старикъ весьма добръ, я его люблю за доброту, но грубаго невѣжества и воспитанія"... Комендантъ мнѣ простымъ языкомъ планъ разсказывалъ, что онъ съ нимъ дѣлаетъ и дѣлать хочетъ. Я лично донесу. При семъ представилъ ему и лично просилъ его точно выполнять требованія доктора и смотрѣть за другими, чтобъ они слѣдовали его приказаніямъ... О Марьѣ Михайловнѣ теперь также ничего не скажу, а желаю и искренно стараюсь ее успокоить".

„Былъ вчера у князя П. В. Лопухина", писалъ Козловскій отъ 17 Января 1807 г." Послѣ партіи бостона остался тутъ графъ П. В. Завадовскій, одинъ изъ домашнихъ, и я. Графъ при князѣ спросилъ: зачѣмъ я здѣсь? по вашимъ дѣламъ? Отвѣтилъ, что навѣдаться о графѣ Кирилѣ Алексѣевичѣ. Онъ предложилъ взять мужика, который здѣсь сумасшедшихъ лечитъ. Князь утверждалъ, что онъ не сумасшедшій, а развращенный. Сіе доношу для того, что князь внялъ и вашему письму и моему объясненію".

Съ другой стороны въ лукавствѣ сына увѣрялъ также отца, приставленный къ узнику докторъ Цедергольмъ. „Трудность дѣла, мною предпринимаемаго", писалъ онъ по-французски отъ 25 Ноября 1806 года, „мнѣ извѣстна. Оно было бы невозможнымъ безъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя мнѣ дозволено употреблять. Я твердо увѣренъ, что необходимо было прибѣгнуть къ этой крайности относительно несчастнаго, который такъ часто растравлялъ ваше сердце, что непремѣнно нужно было сильное потрясеніе для того, чтобы онъ серьезно подумалъ о самомъ себѣ и о своемъ поведеніи... Я былъ второй разъ въ Шлиссельбургѣ. Гр. Кочубей далъ мнѣ письмо къ коменданту, въ которомъ въ общихъ выраженіяхъ предписывалось строго слѣдовать тому, что я почту необходимымъ для заключеннаго. Я оставался два дня въ Шлиссельбургѣ... Моя цѣль была познакомиться ближе не только съ графомъ, но и съ комендантомъ и особенно съ полковникомъ, которому исключительно порученъ надзоръ за заключеннымъ. Г. Плуталовъ, почтенный старикъ, любимый подчиненными... Онъ часто судитъ о заслугахъ другихъ по ихъ чинамъ, а тѣхъ, которые чиновъ не имѣютъ, по рекомендаціямъ великихъ міра сего, которыхъ онъ всѣхъ знаетъ и всѣхъ равно боится. Это обстоятельство меня бы озадачило, если бы князь Козловскій, г-жа Загряжская и г. Тамара, которымъ не могу довольно нахвалиться, не обѣщали мнѣ свою подмогу. Комендантъ, человѣкъ воздержанный, любитъ порядокъ и весьма просвѣщенъ въ дѣлахъ вѣры. Что же касается до полковника, по тому

тону, какъ принялъ его графъ, ясно мнѣ стало, какъ мало умѣлъ онъ вселить къ себѣ почтенія и какъ мало я могъ разсчитывать на его помощь. Между ними я замѣтилъ полную фамиліарность и разговоръ ихъ былъ таковъ, каковы разговоры въ низшихъ слояхъ общества. Я долженъ однако замѣтить, что изъ двухъ полковниковъ былъ воздержаннѣе въ рѣчахъ своихъ. Благодарю небо, что я подмѣтилъ это во время и что могу предупредить частыя между ними свиданія. Графъ, къ которому я пришелъ послѣ обѣда, былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ во время перваго моего посѣщенія. Не знаю, не былъ ли онъ предупрежденъ о моемъ приходѣ. Его одежда показалась мнѣ черезъ чуръ изысканною и почти театральная поза, въ которой, сидя за столомъ, онъ читалъ или представлялъ, что читаетъ Сенеку, показалась мнѣ подозрительною. Пульсъ его, менѣе обманчивый признакъ, былъ отъ 80 до 85. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что приходу моему были рады. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ словъ съ его стороны и лестныхъ упрековъ по поводу долгаго моего отсутствія, мы пустились въ разговоръ, продолжавшійся около 3-хъ часовъ. Разговоръ этотъ не только подтвердилъ все, что в. с. изволили мнѣ сообщить касательно графа, но еще открылъ мнѣ, что онъ считаетъ слабостью всякое нѣжное чувство и стыдомъ каждое его проявленіе, такъ что всячески старается подавлять подобные порывы. Вотъ примѣръ тому. Я замѣтилъ, при первомъ моемъ посѣщеніи, что изъ всѣхъ родственниковъ, онъ болѣе всего любитъ сестру свою, княгиню Репнину. Онъ сталъ про нее говорить и я упомянулъ о жалкомъ состояніи ея здоровья. „Недѣль шесть или семь тому назадъ“, сказалъ я, „вслѣдствіе перваго съ нею припадка, московскіе доктора въ продолженіе трехъ дней отчаявались спасти ее, теперь ей, слава Богу, лучше“. Я сказалъ это спокойнымъ голосомъ, какъ бы продолжая разговоръ и не обращая вниманіе на то, что при словахъ этихъ онъ отъ испуга уронилъ стаканъ. Послѣ этого онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Въ такомъ настроеніи духа онъ оставался до моего ухода. Нѣсколько минутъ спустя онъ послалъ къ коменданту, прося чернила и бумаги. Это было ему обѣщано и съ умысломъ не прислано. На второй спросъ ему отказали довольно рѣзко. Такимъ образомъ ему въ первый разъ, со времени его заключенія, дали почувствовать, что онъ находится подъ властью. На слѣдующій день онъ мнѣ прочелъ, то, что карандашомъ начертилъ на лоскуткѣ бумаги, между прочимъ вопросъ: „знаетъ ли сестра Репнина, что я въ Шлиссельбургѣ?“. Я на него пристально поглядѣлъ. Онъ сконфузился. „Да, любезный графъ“, отвѣтилъ я, „она это знаетъ и извѣстіе это“... тутъ я остановился. „Ну что же?“, воскликнулъ онъ съ нетерпѣніемъ. „И извѣстіе это до того ее поразило, что она упала безъ чувства и три дня боролась со смертью. Я бы

вамъ это сказалъ вчера", добавилъ я, „но вы были такъ взволнованы, сегодня однако... „Остановитесь", воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ: „вы ошибаетесь, я не взволнованъ; напротивъ, я былъ очень хладнокровенъ точно такъ же какъ и теперь и какъ буду даже если..." но остальное нельзя передать отцу. Я былъ очень встревоженъ и хотѣлъ уйти; онъ схватилъ мою руку, сильно сжалъ ее и прерывающимся глухимъ голосомъ просилъ меня скорѣе вернуться... Я воспользовался пребываніемъ въ Шлюссельбургѣ, чтобы пересмотрѣть платье графа, чтобы еще уменьшить ежедневную порцію вина и переговорить съ докторомъ крѣпости. Кромѣ того, я пріискалъ для графа камердинера шведа.

„Комендантъ ведетъ себя съ графомъ", доносилъ Цедергольмъ, отъ 22 Декабря, „съ осторожностію и твердостью, которыя дѣлаютъ ему честь. Онъ во всемъ строго держится моихъ совѣтовъ. Послѣдствія явны и удовлетворительны, самъ комендантъ сообщилъ объ этомъ съ радостью. Князь Козловскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы съ осторожностію объяснить коменданту, чего требуютъ настоящіе интересы семейства вашего, и чтобы успокоить безпокойство его относительно мнимаго недостатка вниманія къ сану и фамиліи заключеннаго. Онъ ему ясно доказалъ, что странные поступки требовали особыхъ мѣропріятій, что заключеніе было употреблено, какъ послѣднее средство для достиженія того, къ чему не могли привести всѣ уже испробованныя, менѣе строгія средства и что если тюрьма не исправитъ графа, то все же болѣе его развратить не можетъ. Вслѣдствіе этого, онъ уже не затруднился принять слѣдующія мѣры и обѣщался строго исполнять ихъ: 1) графъ будетъ перемѣщенъ въ болѣе здоровую и пространную комнату, съ стеклянною дверью, такъ чтобы за нимъ постоянно могъ бы слѣдить часовой, а это заставитъ и его самого по-строже слѣдить за собою. Кровать у него будетъ безъ занавѣсей, а передъ иконою ночью будетъ теплиться лампада. Устроенъ будетъ вентиляторъ для перемѣны воздуха и комнату будутъ натапливать гораздо менѣе; 2) у него отымутъ повара, такъ какъ онъ ѣстъ по 5 и 6 разъ въ день. На него будетъ стряпать въ установленные часы поваръ коменданта; 3) у него отымутъ лѣкарства, которыхъ при немъ еще нашли".

Такимъ образомъ старались привести несчастнаго безумца къ исправленію. Въ разговорахъ своихъ съ Цедергольмомъ, о которыхъ послѣдній подробно доносилъ графу Алексѣю Кириловичу, молодой Разумовскій признавался, что изъ родственниковъ болѣе всего любитъ сестру Репнину и двоюродную сестру графиню М. В. Кочубей. Онъ говорилъ, что выходившія въ то время газеты возбуждали въ немъ воинственный духъ, что онъ желаетъ поступить на военную службу,

надѣясь такимъ образомъ достигнуть славы и бѣжать отъ преслѣдованія враговъ. „Чтобы сдѣлаться великимъ", говорилъ графъ, „надо только двѣ вещи: первое—всѣмъ рисковать, а второе — не разбирать средствъ; а кромѣ того, всегда имѣть при себѣ немного порошка, чтобы закончить фарсу, когда смѣющіеся будутъ не на моей сторонѣ (pour mettre fin à la farce, si on n'a pas les rieurs de son côté). Вообще ядъ играетъ большую роль во всѣхъ его планахъ, добавляетъ Цедергольмъ.

Съ каждою недѣлею донесенія Цедергольма дѣлались сумрачнѣе. Разъ онъ увѣрялъ, что напалъ на слѣды страшнаго разврата. Другой разъ онъ пишетъ: „Я узналъ отъ него, что онъ посвященъ былъ въ иллюминаты... Впечатлѣнія, на него сдѣланныя членами этого отвратительнаго общества, ихъ ученіе и примѣры видимо дѣйствуютъ на его умъ и поведеніе. Ученіе это долго не допуститъ благой перемѣны въ его нравственности". Графъ Кирила Алексѣевичъ горько жаловался на свое заключеніе. Однажды, вслѣдствіе долгихъ разговоровъ о безпорядочности его поведенія, молодой Разумовскій воскликнулъ: „Оставимъ это, прошлое уже прошло, а будущее еще не наступало". Однажды докторъ читалъ громко больному „Времена года" англійскаго поэта Томсона. Въ той части поэмы, гдѣ описывается зима, попалъ онъ на изображеніе несчастнаго, умирающаго въ одиночествѣ; по этому поводу Цедергольмъ сталъ разсказывать съ потрясающими подробностями о послѣднихъ минутахъ Робеспьера. „Я старался разрушить, сколько могъ, философскую систему графа, она представляетъ комическую смѣсь деизма и атеизма, матеріализма и откровенія". Между тѣмъ съ заключеннымъ, вслѣдствіе совѣщаній Козловскаго съ Цедергольмомъ, стали обходиться все строже и строже; въ комнату его поставленъ былъ часовой, у него отобрали все то, чѣмъ бы онъ могъ себѣ повредить. Ему запрещено было сообщать о какихъ либо новостяхъ. На него старались безпрестанно дѣйствовать нравственными угрозами. Комната, гдѣ содержался графъ Кирила Алексѣевичъ, оказалась отвратительно грязною и сырою. Шведъ-камердинеръ, запуганный разсказами служившихъ въ крѣпости, бѣжалъ, объявивъ, что ни за какія деньги не вернется. Учреждена была коммиссія изъ петербургскихъ докторовъ, чтобы сдѣлать анализъ походной аптечки Кирилы Алексѣевича, питавшаго съ юности, какъ мы видѣли выше, пристрастіе къ лекарствамъ. „Мы нашли", писалъ къ Козловскому Цедергольмъ, „болѣе ядовъ, чѣмъ нужно для отравленія цѣлаго полка, и недовольно лекарствъ, чтобы вылечить одного человѣка отъ лихорадки". Вслѣдствіе всей этой системы исправленія, несчастный заболѣлъ физически. „Жаль, что больной окруженъ одними солдатами" писалъ тотъ же Цедергольмъ князю Козловскому. Кирила

Алексѣевича уговорили написать письмо къ отцу. „Я читалъ письмо", сообщалъ докторъ Козловскому, „оно мнѣ кажется скорѣе послѣдствіемъ моего съ нимъ разговора и увѣщаній коменданта, чѣмъ дѣломъ искренняго раскаянія" [1]).

Добродушный комендантъ Плуталовъ старался изобразить отцу несчастнаго сына въ лучшемъ свѣтѣ. „Осмѣливаюсь донести", писалъ онъ, 14 Апрѣля 1807 года, графу Алексѣю Кириловичу, „графъ Кирила Алексѣевичъ противъ прежняго, слава Богу, сдѣлался въ лучшемъ положеніи. Въ покоѣ его поставленъ образъ и горитъ лампада день и ночь. Говоритъ, что Богъ наказываетъ и онъ сноситъ терпѣливо. Страстную недѣлю употреблялъ кушаніе постное, напитковъ, по назначенію доктора, въ день ½ бутылки вина, а водки ничего; равно и книгъ никакихъ дано не будетъ, кромѣ какъ отъ доктора" [1]). Комендантъ извиняется въ письмѣ этомъ въ сдѣланныхъ относительно заключеннаго послабленіяхъ. Какъ видно, ему за это досталось изъ Москвы. Въ такихъ нравственныхъ мукахъ провелъ, уже страдавшій нравственно, графъ Кирила Алексѣевичъ болѣе года. Припадки изрѣдка повторялись. Это объясняли нераскаяніемъ. „Вчера было у В. С. Тамары графъ В. П. Кочубей и занимались они дѣлами Шлиссельбургскими, писалъ Козловскій. „Согласіе графское", говоритъ графъ Кочубей, „необходимо". Тайна его (т.-е. Кочубея) преемника продолжается, но поелику хранимая тайна вдругъ можетъ выйти, прошу сего у васъ чтобъ послѣ не имѣть труднѣйшаго пути къ достиженію нужнаго. Цедергольмъ поѣхалъ сегодня въ Шлиссельбургъ... съ нимъ мы видаемся и обращены кажется опять на мысль, что *мастеръ притворяться...*" Между тѣмъ, среди родни Разумовскихъ содержаніе несчастнаго Кирилы Алексѣевича въ Шлиссельбургской тюрьмѣ породило ропотъ. Н. К. Загряжская, графиня М. В. Кочубей, братъ ея А. В. Васильчиковъ и другіе близкіе родственники открыто выражали свое неодобреніе. Говорили даже въ городѣ, что подана была записка Государю объ освобожденіи заключеннаго. „Предварительно донесу", писалъ въ Москву Козловскій, „что оборотъ прилагаемой записки и повтореніе о родительской любви и попеченіи объяснялъ графъ Кочубей благоразумно и съ предосмотрительностію, что неизвѣстно, кто пойдетъ туда (т.-е. вѣроятно къ Государю) и будетъ говорить, какъ приметъ оправданіе, которое предлагать будетъ и не обратитъ ли въ его (т.-е. заключеннаго) пользу сожалѣніе? Чтобъ отвратить сіе, могущее быть, надобно прежде внушить противное и справедливое". Какъ кажется, Козловскій на этотъ

---

[1]) Всѣ эти подробности почерпнуты изъ писемъ Цедергольма, находящихся въ архивѣ князя Н. В. Репнина.

[2]) См. приложенія.

разъ не хорошо понялъ словъ графа Кочубея, старавшагося съ самаго начала облегчить участь узника. По крайней мѣрѣ уже въ слѣдующемъ донесеніи онъ изливаетъ желчь свою на Виктора Павловича. „О причинахъ для чего графъ (Кочубей) медлилъ, отвѣтъ коротокъ,... собираясь оставить свой постъ, много хлопоталъ не только, чтобъ въ лучшемъ видѣ оставить свои дѣла, но подготовлялъ, чтобъ не потерять выгодъ, сопряженныхъ съ его званіемъ. Говорятъ, что старается все сохранить получаемое, итакъ первое попеченіе обращено было на себя, сіе много требуетъ времени". Что же касается до коменданта „онъ все видѣлъ сіе дѣломъ фамильнымъ, по примѣру Кошелева(?) и даже разъ сказалъ Цедергольму: „знатныхъ остерегаться надобно, они всѣ глядятъ въ большіе люди". Къ тому же, со стороны министра (т.-е. Кочубея) онъ не видалъ пособія, а одни мягкія и незначущія дѣйствія, то, при натуральной его добротѣ и точности въ исполненіи приказаній начальства, онъ самъ по себѣ ни на что не пускался и велъ (дѣло), соображаясь, по заключенію своему, со мнѣніемъ министра. Пріѣздъ же чиновника изъ комитета перемѣнить можетъ всѣ его мнѣнія и дѣйствія".

Наконецъ положено было покончить несчастное дѣло. Подъ вліяніемъ Козловскихъ, Цедергольмовъ и К-о, графъ Алексѣй Кириловичъ требовалъ для сына примѣрнаго наказанія. Съ другой стороны, часть родственниковъ хлопотала о милости и въ этомъ смыслѣ дѣйствовала на Государя. Первоначально рѣшено было отправить больнаго въ какой нибудь губернскій городъ на житье. Противъ этого всѣми силами хлопоталъ князь Козловскій.

„Графъ Кочубей", доносилъ онъ графу Алексѣю Кириловичу отъ 10 Октября 1807 г., „по пріѣздѣ Государя, подастъ записку. Надѣемся, что слова: „въ губернскомъ городѣ" перемѣнитъ на общее: „быть въ случаѣ подъ надзоромъ правительства", оставляя симъ средство учредить тѣмъ, коимъ поручено сіе будетъ... Пріѣзжалъ сюда по нуждамъ своимъ человѣкъ, опредѣленный къ графу Кирилѣ Алексѣевичу. Изъ длинныхъ двухъ разговоровъ, которые съ нимъ имѣлъ, донесу экстрактомъ: 1) объ немъ что замѣтилъ: нѣмецъ, пожилыхъ лѣтъ, но не старъ, пунктуально желающій исполнять приказанія ему данныя, любящій порядокъ и чистоту, наблюдатель обрядовъ религіи... По вопросамъ разнымъ моимъ, онъ объяснялъ положеніе графа такимъ образомъ: что своенравіе спрятанное по временамъ открывается, даже до того, что покушался ударить его, за то, что онъ, видя нечистый стаканъ, хотѣлъ вымыть, но сей нѣмецъ, воздержавъ отъ угрозъ чинимыхъ, стаканъ взялъ и вымылъ, говоря ему: „мой долгъ есть наблюдать порядокъ и въ семъ васъ не слушаться". Большая часть разговоровъ въ томъ, что увѣряетъ въ скоромъ освобожденіи;

нельзя, чтобъ безъ вины такъ долго держали, а я вины за собою не знаю. Его ли обманываетъ или точно въ сихъ мысляхъ онъ находится?— но показываетъ, что раскаянія нѣтъ. Впрочемъ, довольно веселъ и здоровъ. Большое время проводитъ прохаживаясь по комнатѣ, на разныхъ языкахъ поетъ. Пища умѣренная, водки и рома не даютъ, кромѣ одной бутылки краснаго вина въ сутки, а болѣе въ жажду квасъ и воду. Передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, ложась спать, раза два перекрестится; человѣкъ замѣчаетъ, что не привычка и не по должности, а дѣлаетъ такъ потому, что комендантъ поставилъ образъ и того видно требуетъ. Ни на кого не жалуется, ни о комъ съ нимъ не говоритъ"... Наконецъ, какъ первый шагъ къ рѣшенію участи графа Кирилы Алексѣевича, положено былъ перевести его изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Петропавловскую для освидѣтельствованія. Князь Козловскій доносилъ отъ 19 Ноября 1807: „Изъ Шлюссельбурга привезли. Въ среду, т.-е. завтра, будетъ съ нимъ свиданіе въ полномъ присутствіи... Провожатый со мною говорилъ, изъ всего разговора видно, что пріѣзжій надѣется скораго разрѣшенія судьбы своей, но ни слова жалобы ни на васъ, ни на родственниковъ не было. Предварительно приказано ему написать исторію вояжа его по возвращеніи изъ чужихъ краевъ до пріѣзда въ Шлюссельбургъ. Тономъ важнымъ сіе дано повелѣніе: хотятъ видѣть, какъ онъ на проступки свои смотритъ? Есть ли признаніе и чтобы яснѣе потомъ съ нимъ дѣйствовать. Дѣло графа Кирилы Алексѣевича", пишетъ далѣе Козловскій отъ 2-го Декабря, „за рѣкою, конечно, остановилось и первое засѣданіе рѣшитъ, чего впредь ожидать должно. Но сіе касается одного графа Н. И. Салтыкова: онъ, какъ ни задирали его, молчитъ крѣпко, а именно графъ Алексѣй Владиміровичъ Салтыковъ и Арсеньевъ съ нимъ начинали по просьбѣ моей. Касательно до трехъ прочихъ (т.-е. членовъ коммиссіи), единообразно видятъ, что средство одно и то чудесное: возвратить вамъ сына, а обществу человѣка, выдержавъ большое время подъ строгимъ наблюденіемъ въ пристойномъ мѣстѣ, но гдѣ сіе мѣсто, оставляетъ каждый судить общественно. Теперь живетъ въ крѣпости (Петропавловской), комендантъ человѣкъ строгій, никто ни видѣть, ни говорить не можетъ. О журналѣ вояжа графскаго не слышно. Изъ рѣчей и увѣреній князя П. В. Лопухина могу только видѣть правое сужденіе и доброжелательство къ вамъ. Съ моей стороны, не упускалъ случая представить дѣло сіе въ надлежащемъ видѣ" [1]).

Долгія и усиленныя старанія довѣреннаго графа Алексѣя Кириловича однако не достигали цѣли. Пришлось въ Петербургъ выписывать патрона. Мы видѣли выше, что именно въ это время Разу-

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина.

мовскій-отецъ назначенъ былъ попечителемъ московскаго округа и что Козловскій настоятельно звалъ его въ Петербургъ. Присутствіе и личная просьба отца рѣшили дѣло. Труды Козловскаго и его партіи, наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Князь Лопухинъ, письмомъ отъ 13 Мая 1808 года, увѣдомилъ графа Алексѣя Кириловича, что, по высочайшей волѣ, сынъ его отправленъ за надлежащимъ присмотромъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, съ порученіемъ тамошнему архимандриту стараться объ исправленіи узника и о томъ, чтобы въ разсужденіи нравственности и поведенія его, а наипаче привычки къ употребленію крѣпкихъ напитковъ присмотръ за нимъ былъ самый рачительный. Особенно-жъ возложено на архимандрита имѣть попеченіе о внушеніи ему спасительныхъ правилъ религіи, дабы чрезъ сіе могъ быть исторгнутъ самый корень тѣхъ предразсудковъ и заблужденія, которые довели его до нынѣшняго положенія. „Дано знать архимандриту“, писалъ Лопухинъ, „что потребныя на содержаніе его (т.-е. заключеннаго) деньги доставляемы будутъ отъ в. с. и что на вашъ же счетъ, если нужда потребуетъ и вы благоразсудите, исправлены будутъ комнаты, назначенныя для его помѣщенія. Сверхъ того, извѣщенъ архимандритъ и о намѣреніи вашемъ пріискать человѣка, который бы, имѣя хорошую нравственность и при томъ будучи довольно просвѣщенъ, согласился раздѣлять время съ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и, внушая ему правила благоразумія и умѣренности, старался обратить его на путь разсудка и добродѣтели. Наконецъ предписано о поведеніи и поступкахъ его доставлять въ комитетъ по часту обстоятельныя увѣдомленія. О чемъ, кромѣ архимандрита, сообщено по высочайшей волѣ и владимірскому гражданскому губернатору. Я предварилъ архимандрита, что ежели что́ не воспрепятствуетъ в. с., то вы, какъ скоро изволите пріѣхать въ Москву, отправите къ нему для объясненія всѣхъ подробностей о присланномъ и для доставленія всего нужнаго князя Н. М. Козловскаго“ [1]).

При древней Спасо-Евфиміевской обители, основаніе которой относится къ XIV вѣку, въ половинѣ прошлаго столѣтія (1766 г.), въ старомъ больничномъ корпусѣ учреждено было арестантское отдѣленіе, куда изъ разныхъ монастырей московской губерніи свезены были колодники, сосланные въ оныя обители изъ тайной канцеляріи для исправленія въ умѣ. Для смотрѣнія за этими колодниками опредѣлена была воинская команда отъ суздальской провинціальной канцеляріи, а начальство надъ нею поручено было мѣстному архимандриту, какъ первенствующей въ монастырѣ власти. Одновременно было предписано архимандриту

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина.

употреблять всѣ старанія къ исправленію въ умѣ ввѣренныхъ его попеченію колодниковъ [1]). Съ тѣхъ поръ Спасо-Евфиміевскій архимандритъ сталъ не только духовнымъ начальникомъ монастыря, но еще комендантомъ крѣпости. Въ монастырь ссылались и ссылаются понынѣ разные ересіархи и фанатики. Такъ, около описываемаго нами времени заключенъ былъ въ монастырѣ Евфиміевомъ скопецъ камергеръ Еланскій, а позднѣе (въ 1820) и самъ начальникъ скопческой секты, Кондратій Селивановъ, здѣсь и умершій въ 1832 году. Сюда-то весною 1808 года заключили несчастнаго Разумовскаго. Съ небольшимъ годъ послѣ переселенія его въ эту новую тюрьму, Спасо-Евфиміевъ монастырь посѣтилъ извѣстный поэтъ нашъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, бывшій тогда юношею и состоявшій въ свитѣ сенатора Обрезкова. „Одинъ изъ сыновей графа Алексѣя Кириловича“, разсказываетъ онъ въ выпискахъ изъ старой своей записной книжки, изъ которой не разъ придется намъ черпать подробности о семействѣ Разумовскихъ, „былъ въ первыхъ годахъ столѣтія заключенъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Монастырь этотъ, не знаю съ котораго времени и по какому поводу, былъ и обителью благочестивыхъ иноковъ и какою-то русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ, или провинившихся, особаго разряда. Молодой графъ былъ, безъ сомнѣнія, не въ нормальномъ умственномъ положеніи. Говорили, что ученіе иллюминатовъ вскружило ему голову за границею, что вслѣдствіе этого онъ предавался иногда увлеченію дикихъ страстей и совершалъ поступки, нарушающіе законное и общественное благочиніе. Замѣчательно, что самъ отецъ былъ усерднымъ, высокопоставленнымъ членомъ въ іерархіи мартинистовъ. Примѣръ его, можетъ быть, пагубно подѣйствовалъ на сына. Разсказывали, что молодой графъ, ѣхавшій по большой дорогѣ въ Россіи, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ. Все это слухи, за достовѣрность коихъ не ручаемся; но дѣло въ томъ, что онъ сидѣлъ въ монастырѣ и вовсе не по благочестивому призванію и не по доброй волѣ. Въ 1809 году, или около того, сенаторъ П. А. Обрезковъ ревизовалъ Владимірскую губернію. Былъ онъ и въ Суздалѣ съ чиновниками своими, былъ и въ помянутомъ монастырѣ [въ числѣ этихъ чиновниковъ находился Алексѣй Перовскій [2]), будущій авторъ „Монастырки“]. Это было въ воскресный день. Архимандритъ послѣ обѣдни пригласилъ насъ всѣхъ на завтракъ, или на закуску. Въ кельѣ его нашли мы еще довольно молодого человѣка, прекрас-

---

[1]) Историческое описаніе Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря. Владиміръ, 1870. 3° стр. 57—58.

[2]) Воспитанникъ графа Алексѣя Кириловича, см. о немъ выше, глава IV.

ной, по нѣсколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волоса черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обшитый кажется мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою, вмѣсто кольцевъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ призванный и самъ занять въ обществѣ блистательное и почетное мѣсто. Когда приступили мы къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки, которую поднесли ему. Архимандритъ говорилъ, что затворникъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты, которая повторялась только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Не помню, по какому поводу, зашла рѣчь объ адѣ и о наказаніяхъ, которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять, что каждый грѣшникъ будетъ видѣть безпрерывно и на вѣки вѣковъ всѣ благопріятные случаи, въ которые могъ бы согрѣшить невидимо и безнаказанно, и которые пропустилъ онъ по оплошности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню есть-ли что подобное ей въ Божественной комедіи Данте; но эта кара могла бы занять не послѣднее мѣсто въ адовой уголовной статистикѣ великаго поэта“ [1]).

Присмотръ за узникомъ порученъ былъ нѣкоему Дмитревскому, директору училищъ въ Владимірѣ. Въ архивѣ князя Репнина сохранились нѣкоторыя изъ его донесеній къ графу Алексѣю Кириловичу. Такъ, въ 1811 году онъ сообщалъ, что графъ Кирила Алексѣевичъ просилъ книгъ. Дмитревскій ихъ ему доставилъ французскихъ и русскихъ, но заключенный ихъ не читалъ, жалуясь на слабость зрѣнія. „Сужденія его по бо́льшей части странны и непонятны. Онъ крѣпко держится своихъ мнѣній, которыхъ, впрочемъ, не можетъ объяснить, часто говоритъ, что для перемѣны образа его жизни еще время не пришло и что для него и теперешнее положеніе не скучно. Многіе заключаютъ“, добавлялъ Дмитревскій, „что пріятнѣйшее жилище и возможная свобода могли бы нѣсколько разогнать его меланхолію. Находящійся при немъ иностранецъ говоритъ, что графъ противъ прежняго гораздо тише и мягче“. Въ 1818 году графъ Кирила Алексѣевичъ былъ „въ положеніи непонятнаго ожесточенія къ себѣ самому и хладнокровія ко всему въ мірѣ, даже не оказываетъ желанія къ перемѣнѣ мѣста. Книгъ никакихъ не читаетъ. Страсть къ горячимъ напиткамъ не проходитъ и о. архимандритъ строго за этимъ наблюдаетъ. Физически здоровъ, но также неопрятенъ . . .

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 452—453.

Архимандритъ настоятельно совѣтуетъ сдѣлать опытъ—дать ему другое жилище, гдѣ бы онъ могъ прогуливаться и обращаться съ хорошими людьми". У несчастнаго бывали видѣнія, онъ внезапно приходилъ въ ярость, нападалъ на пустое пространство, говоря, что видитъ діаволовъ и осыпая ихъ страшными ругательствами. Въ 1820 году архимандритомъ назначенъ былъ о. Парѳеній. Онъ къ себѣ привязалъ несчастнаго узника, около 15 лѣтъ томившагося въ неволѣ. Разумовскій ему выказывалъ большую довѣренность и въ угоду ему ходилъ въ церковь, ѣлъ постное и даже пріобщался, хотя при этомъ продолжалъ острить надъ религіею. Каждое полумѣсячіе съ нимъ дѣлались припадки бѣшенства. Мѣстомъ жительства онъ скучалъ. Архимандритъ Парѳеній устроилъ ему садикъ, которымъ Разумовскій сталъ заниматься. Въ первый разъ, послѣ 12-ти лѣтъ, Дмитревскій увидалъ, что графъ Кирила Алексѣевичъ, послѣ какой-то имъ же самимъ сказанной фразы, ласково засмѣялся. Признаки сумасшествія все усилились. Въ свѣтлыя минуты онъ говорилъ мало, но здраво разсуждалъ. Архимандритъ Парѳеній совѣтовалъ выстроить для больного особый флигель, чтобы могъ онъ имѣть комнаты почище и посвѣтлѣе, да приставить къ нему старичка собесѣдника, съ которымъ онъ могъ бы иногда ѣздить кататься за городъ и который имѣлъ бы за больнымъ надзоръ и попеченіе. Объ иностранцахъ не было уже въ это время и помину. Вліяніе добраго о. Парѳенія на больнаго было самое благотворное: онъ не только продолжалъ ходить въ церковь и поститься, но даже потребовалъ катихизисъ. Онъ ежедневно по нѣскольку часовъ проводилъ у архимандрита, лѣтомъ бывалъ веселѣе, но зимою въ тѣсной комнатѣ снова дѣлался унылымъ.

Въ 1821 году родственники прислали больному табатерку съ музыкою и часы. Онъ ими такъ занялся, что черезъ три дня музыка перестала играть. Больной былъ тихъ и молчаливъ, но бѣшенство продолжало на него находить, и тогда онъ кричалъ: „вотъ я тебѣ задамъ". Съ большимъ трудомъ могли заставить его перемѣнять бѣлье. Какъ-то разъ онъ попросилъ у Дмитревскаго нѣмецкой книги, чтобы не забыть вовсе, говорилъ онъ, нѣмецкаго языка. Иногда узникъ игрывалъ на гитарѣ.

Такимъ томящимъ, унылымъ образомъ, вдали отъ всѣхъ близкихъ, тянулись долгіе годы. Изъ московской домовой конторы графа Алексѣя Кириловича на содержаніе „извѣстной особы" ежемѣсячно высылалось въ монастырь 200 рублей асс., кромѣ того чай и кофе. Наступалъ 16-й годъ заключенію графа Кирилы Алексѣевича и вдругъ высылка денегъ остановилась. Архимандритъ неоднократно обращался въ контору, контора отвѣчала, что денегъ не имѣетъ—графъ Алексѣй Кириловичъ скончался.

Родные вскорѣ послѣ кончины графа собрались въ Москвѣ. Репнины и Уваровы поспѣшили въ Владиміръ, куда изъ Суздаля перевели ихъ брата. Они свидѣлись послѣ долгой разлуки. Несчастный Разумовскій изъ монастыря вышелъ идіотомъ. На первое время его помѣстили въ домѣ владимірскаго губернатора, графа Петра Ивановича Апраксина. Графъ писалъ С. С. Уварову, что больной спокоенъ и тихъ. Къ нему приставленъ былъ докторъ Лангъ, добросовѣстный и попечительный нѣмецъ. Онъ доносилъ С. С. Уварову изъ Владиміра, что графъ Кирила Алексѣевичъ весьма тихъ и почти не предается пьянству. „Le Comte Cyrille n'a pas gouté la moindre jouissance, la moindre douceur de la vie", писалъ Ланге отъ 23 Мая 1823 года, „il n'a été qu'abreuvé de ses amertumes. On peut espérer tirer un heureux parti de son traitement tant physique que moral, en mettant à sa portée des jouissances permises et convenables à sa fortune. Tout ce qui l'entoure doit lui rappeler son nom, afin qu'il renonce à des gouts et à des habitudes indignes de lui. Le comte a apparu à Wladimir sous un jour si humiliant pour lui qu'on ne peut pas s'attendre que les effets en disparaissent chez lui et chez le public d'ici" [1]).

Надъ бѣднымъ страдальцемъ учреждена была опека, во главѣ которой находился двоюродный братъ графа Кирилы Алексѣевича, д. т. с. А. В. Васильчиковъ. Изъ Владиміра больного перевезли въ Харьковъ и тамъ поселили; кромѣ доктора и дядьки при немъ состоялъ еще надзиратель нѣмецъ. Сумасшествіе его перешло въ тихій идіотизмъ, онъ разсуждалъ какъ ребенокъ и писалъ огромнымъ почеркомъ между двумя строками. По нѣскольку разъ въ году гостилъ онъ въ Полтавѣ у сестры Репниной. Въ Харьковѣ графъ Кирила Алексѣевичъ скончался въ 1829 году въ то время, какъ все семейство Репниныхъ находилось въ Петербургѣ. Мы напрасно старались доискаться до слѣдовъ его могилы. Всѣ попытки въ Харьковѣ остались безуспѣшными.

Старшая дочь графа Алексѣя Кириловича, графиня Варвара Алексѣевна, родилась въ 1778 году. Ей минуло 6 лѣтъ, когда мать ея удалена была изъ отцовскаго дома. Событіе это глубоко врѣзалось въ ея памяти. Это было первымъ ея горемъ. Въ дѣтствѣ за нею ходила няня нѣмка. Когда ей минуло 13 лѣтъ, въ домѣ Разумовскихъ наставницею поступила швейцарка m-lle Calame (тётка извѣстнаго пейзажиста). Это была женщина высокихъ нравственныхъ правилъ, весьма умная, съ твердымъ характеромъ и отличнымъ сердцемъ. Положеніе ея въ домѣ графа Разумовскаго было иногда довольно щекотливое. Несмотря на это, благодаря врожденному такту Каламъ съумѣла поставить себя такъ, что самъ причудливый графъ оказывалъ ей почте-

[1]) Изъ архива графа Уварова.

ніе и, благодаря ея находчивости, неправильности семейныхъ отношеній оставались тайною для ея воспитанницъ. Молодыя графини очень ее любили и до конца ея жизни—она умерла въ Женевѣ, въ глубокой старости—питали къ ней чувства самой нѣжной признательности. Графъ Алексѣй Кириловичъ былъ очень друженъ съ фельдмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Лѣтомъ онъ часто навѣщалъ князя въ подмосковномъ селѣ его Воронцовѣ и иногда привозилъ туда съ собою старшую дочь, которая была любимицею стараго фельдмаршала. Старикъ охотно бесѣдовалъ съ умною и красивою графинею и рѣшилъ женить на ней своего старшаго внука. Съ этою цѣлью онъ выписалъ изъ Петербурга молодого и блестящаго князя Николая Григорьевича Волконскаго, въ то время флигель-адъютанта и любимца Павла I-го. Князь Волконскій былъ немного моложе графини. Молодые люди съ перваго взгляда полюбили другъ друга. На зло имъ, между фельдмаршаломъ и графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, въ то время какъ свадьба казалась окончательно рѣшенною, произошла размолвка и сношенія Разумовскихъ съ Репнинными прекратились. Разлука только усилила любовь. Тѣмъ временемъ загорѣлась война, и князь Волконскій отправился въ Голландію вмѣстѣ съ корпусомъ Германа. Вернувшись изъ несчастнаго похода, Волконскій произведенъ былъ въ полковники и получилъ эскадронъ лейбъ-гусарскаго полка. Въ 1801 году скончался престарѣлый фельдмаршалъ Репнинъ. Съ нимъ угасалъ именитый родъ его. Указомъ 12 іюля 1801 года, Александръ I повелѣлъ князю Николаю Григорьевичу Волконскому принять фамилію Репнинныхъ, „во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ", и „да родъ князей Репнинныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ навсегда съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства". Уже Репнинымъ и полковникомъ кавалергардскаго полка, въ 1802 году, князь Николай Григорьевичъ женился на графинѣ Разумовской. Свадьбу отпраздновали въ Батуринѣ у старика графа Кирилы Григорьевича. Молодая графиня отправилась туда съ тёткою своею фельдмаршальшею, графинею Прасковьею Кириловною Гудовичъ, замѣнявшею при ней мѣсто отсутствующей матери. Молодые купили себѣ домъ въ Москвѣ, рядомъ съ домомъ Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ. Сады обоихъ домовъ соединены были калиткою. Мать молодой княгини, графиня Варвара Петровна, благодаря нерѣшительности своей, а отчасти и вліянію ея челядинцевъ, долго не назначала невѣстѣ приданаго. Она поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы мужъ увѣдомилъ ее, что̀ памѣренъ изъ своего состоянія отдать за дочерью. Графъ Алексѣй

Кириловичъ неохотно отвѣчалъ, но наконецъ объявилъ, что, имѣя двухъ сыновей, о будущности которыхъ онъ долженъ думать и вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ своихъ, онъ дочери можетъ только выдать 50,000 рублей асс. и то принужденъ занять ихъ въ банкѣ. Благодаря вліянію брата, графа Н. П. Шереметева, графиня Варвара Петровна рѣшилась, наконецъ, выдать дочери 50,000 рублей асс. на приданое, 4,000 на туалетъ, серебряный сервизъ вѣсомъ 5 п. 37 ф. 46 зол., цѣною на 10,184 рубля, и 3,000 душъ изъ Нижегородскихъ своихъ имѣній, Лукояновскаго округа, Маресовой волости. Послѣ графининой кончины, княгиня Репнина должна была получить еще 1000 душъ [1]). Вскорѣ Репнины переселились въ Петербургъ. Здѣсь княгиня сблизилась съ Императрицею Елизаветою Алексѣевною и Великою Княгинею Маріею Павловною. Въ 1805 году снова раздались военные громы. Князь Репнинъ поскакалъ въ армію. Княгиня, страстно любившая мужа, рѣшилась съ нимъ не разлучаться. Она оставила дѣтей на попеченіи тёщи своей, княгини Александры Николаевны Волконской, дочери фельдмаршала Репнина, и шагъ за шагомъ слѣдовала за отрядомъ мужа. Вмѣстѣ съ нею вначалѣ ѣхали маркиза Елизавета Александровна де-Виллеро, родомъ графиня Апраксина, и Аглая Антоновна Давыдова, дочь французскаго герцога де-Грамонъ [2]). Такъ достигла княгиня Аустерлицкаго поля. Во время битвы князь, командуя четвертымъ эскадрономъ кавалергардовъ, остановилъ лѣвое крыло непріятеля, находившееся подъ командою генерала Раппа, но на помощь послѣднему подоспѣлъ маршалъ Бессьеръ, и изъ всего эскадрона уцѣлѣли только 18 человѣкъ, въ числѣ ихъ раненый князь Репнинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ самимъ генераломъ Раппомъ, и приведенъ къ Наполеону. Во французскій лагерь немедля явилась княгиня и не отходила отъ раненаго мужа. Съ плѣнными обходились благосклонно, имъ перевязали раны и перевезли въ богатое бенедиктинское аббатство Мёлкъ (Mölk) на Дунаѣ. Здѣсь Репниныхъ помѣстили въ удобныхъ комнатахъ и дали имъ ужинать; въ эту минуту въ аббатство пріѣхалъ грубый и недовольный генералъ Раппъ. Онъ сталъ выговаривать за мягкое обращеніе съ плѣнными и, несмотря на присутствіе княгини, крайне грубо обращался съ княземъ. Въ Брюннѣ князь Репнинъ снова свидѣлся съ Наполеономъ, который даровалъ ему свободу, поручивъ ему передать Императору Александру Павловичу мирныя предложенія. Въ 1806 году Репнинъ вышелъ въ отставку. Въ 1809 году

---

[1]) Архивъ графа Шереметева.

[2]) Онѣ тоже слѣдовали за мужьями: первая (р. 1775 † 1854), за маркизомъ Карломъ Карловичемъ де-Виллеро (Villereau), полковникомъ Преображенскаго полка, умершимъ во время кампаніи; вторая за Александромъ Львовичемъ Давыдовымъ. Послѣдняя овдовѣла въ 1833 году и вышла за французскаго маршала графа Себастіани.

онъ назначенъ былъ посланникомъ къ брату Наполеона, Вестфальскому королю Іерониму. Въ 1810 году князь получилъ новое назначеніе въ Испанію. Репнины стали собираться въ Мадридъ, закупили мебели, экипажи, посуду, серебро. Но испанская война остановила ихъ въ Парижѣ. Посольство не состоялось. Въ 1812 году князь Репнинъ былъ назначенъ командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, находившейся въ корпусѣ графа (впослѣдствіи князя) Витгенштейна. Храбрость его при Клястицахъ, Свольнѣ, Полоцкѣ и Чашникахъ награждена была орденомъ св. Георгія 3-й степени. Командуя въ 1813 г. авангардомъ Витгенштейна, Репнинъ занялъ Берлинъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Княгиня всюду слѣдовала за мужемъ; и въ то время какъ онъ отличался на поляхъ сраженій, она учреждала въ Прагѣ больницы и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ходила за ранеными воинами нашими. Въ томъ же году князь Репнинъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Саксоніи, на правахъ корпуснаго командира надъ русскими и союзными войсками, расположенными въ королевствѣ. Память объ управленіи князя и о милосердіи княгини къ неимущимъ и страждущимъ долгіе годы хранилась благодарными саксонцами. Въ 1814 году, послѣ передачи Саксоніи пруссакамъ, Репнины поѣхали въ Вѣну, гдѣ только-что собрался знаменитый конгрессъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; княгиня между прочимъ участвовала въ русской кадрили, которую устроила Великая Княгиня Екатерина Павловна, для бала, даннаго Государемъ въ домѣ перваго русскаго уполномоченнаго, графа (впослѣдствіи князя) Андрея Кириловича Разумовскаго. Во время такъ-называемыхъ 101 дня, князь Репнинъ послѣдовалъ за Государемъ въ армію, а княгиня вернулась въ Петербургъ, гдѣ подъ руководствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, всегда отмѣнно къ ней благоволившей, усердно занялась основаніемъ патріотическаго института и дома трудолюбія (нынѣшняго Елизаветинскаго института), учреждаемаго для сиротъ, оставшихся послѣ отечественной войны. Княгиня была первою предсѣдательницею петербургскаго патріотическаго общества. Въ 1816 году князь Репнинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Репнины поселились въ Полтавѣ. Здѣсь княгиня, съ увлеченіемъ, которое постоянно прилагала ко всякому благому начинанію, занялась дѣлами милосердія. Учреждены были больницы, пріюты, но главное попеченіе княгини сосредоточилось на созданномъ ею Полтавскомъ институтѣ. На заведеніе это Репнины потратили огромныя деньги, что́ впослѣдствіи горько отозвалось на ихъ финансовомъ положеніи. Во время голода, свирѣпствовавшаго въ Малороссіи, княгиня неустанно пеклась о голодающихъ, не щадя собственныхъ своихъ денегъ. Въ 1834 г. князь Репнинъ назначенъ

былъ членомъ государственнаго совѣта, вслѣдствіе чего семейство переѣхало въ Петербургъ. Малороссія со слезами проводила любимаго начальника. Во время пребыванія Репниныхъ въ Петербургѣ, на князя поданъ былъ Государю доносъ. Дѣло шло о пропажѣ какихъ-то суммъ, назначенныхъ на Полтавскій институтъ, т.-е. именно на то заведеніе, на которое Репнины положили значительную часть своего состоянія. Началось слѣдствіе. Оскорбленный князь вышелъ въ отставку и поѣхалъ со всѣмъ семействомъ за границу. Тамъ пробылъ онъ болѣе 4-хъ лѣтъ, преимущественно въ Римѣ и Швейцаріи. Въ 1842 году Репнины вернулись въ Россію и поселились въ имѣніи своемъ Яготинѣ. Слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Дворянство малороссійское готовило Репнину блестящій пріемъ, но онъ его отклонилъ; за то народъ встрѣчалъ его вездѣ по дорогѣ съ хлѣбомъ и солью. Доносъ тяжкимъ бременемъ лежалъ на сердцѣ престарѣлаго воина, напрасно ожидавшаго окончанія слѣдствія, которое все болѣе и болѣе затягивалось. 6 Января 1845 года не стало князя Репнина, онъ изнемогъ подъ гнетомъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Тѣло его перевезено было въ Густинскій Троицкій монастырь. Несмотря на страшную стужу и мятель, погребальная процессія походила на тріумфальное шествіе. Всѣ окрестные жители, отъ мала до велика, были на ногахъ и проводили до отдаленнаго отъ Яготина Густинскаго монастыря тѣло любимаго начальника. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти князя Репнина, слѣдствіе было окончено и полная невинность его въ возведенныхъ на него клеветахъ окончательно засвидѣтельствована. Послѣ кончины князя, княгиня Варвара Алексѣевна долгое время еще жила въ Яготинѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ она переселилась въ Одессу, а послѣ 1856 года окончательно водворилась въ Москвѣ. Восьмидесятилѣтнею старицею вернулась княгиня въ городъ, гдѣ протекли ея дѣтство и юность. Она была слаба и немощна, но въ дряхломъ тѣлѣ ея еще бодрствовалъ твердый и живительный духъ. Дѣла ея были крайне разстроены, отъ громаднаго нѣкогда богатства остались малыя крохи, но и эти крохи дѣлила она съ бѣдными и не было примѣра, чтобы убогій уходилъ отъ ея порога безъ помощи и утѣшенія. Княгиня поселилась на Садовой въ собственномъ домѣ, при которомъ устроена была домовая церковь. Здѣсь, ветхая деньми, мирно окончила она 9 Октября 1864 года, на 94-мъ году отъ рожденія, свое долгое земное поприще. Тѣло ея было перевезено въ Малороссію и положено возлѣ могилы супруга въ соборномъ храмѣ Троицкаго Густинскаго монастыря.

Младшая дочь графа Алексѣя Кириловича, графиня Екатерина Алексѣевна, была 5-ю годами моложе сестры. Ее воспитала та же швейцарка m-lle Calame. Въ 1811 году графиня Екатерина Але-

ксѣевна вышла за Сергѣя Семеновича Уварова, только-что начинавшаго свою служебную карьеру, но уже рѣзко отличавшагося умомъ, познаніями и строгимъ взглядомъ на жизнь отъ окружавшей его золотой петербургской молодежи. Вскорѣ послѣ свадьбы, Уваровъ назначенъ былъ попечителемъ с.-петербургскаго округа. Съ тѣхъ поръ началась служба его по дѣлу просвѣщенія, столь живительно отозвавшаяся на нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Призванный, въ 1833 году, управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ оказался вполнѣ достойнымъ этого мѣста и несомнѣнно сильно подвинулъ впередъ дѣло народнаго образованія. Подъ его руководствомъ образовалась цѣлая фаланга честныхъ и благородныхъ мыслителей, всецѣло русскихъ, къ несчастію слишкомъ рано сошедшихъ съ земного поприща. Во время министерства Уварова, при незабвенномъ попечительствѣ графа С. Г. Строганова, московскій университетъ представлялъ самое отрадное зрѣлище. Все было въ немъ юно, благородно, полно любви къ знанію и труду; то была, несомнѣнно, самая блестящая эпоха его существованія. Возведенный въ 1846 году въ графское россійской имперіи достоинство, будучи президентомъ академіи, членомъ государственнаго совѣта и кавалеромъ орденовъ св. Андрея и Владиміра I ст., графъ Сергѣй Семеновичъ въ 1848 г. оставилъ министерство. Въ этомъ же году, графиня Екатерина Алексѣевна скончалась и похоронена въ Александро-Невской Лаврѣ. Вскорѣ потомъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, графъ Сергѣй Семеновичъ переѣхалъ въ Москву. Послѣ кончины графа Льва Кириловича, графиня Екатерина Алексѣевна скупила у родственниковъ своихъ, доставшіяся на часть покойнаго и подаренныя Елизаветою Петровною первому Разумовскому, собственныя ея можайскія вотчины. Имѣнія эти она передала мужу, который увеличилъ и украсилъ уже и такъ обширный Порѣченскій домъ. Онъ собралъ здѣсь обширную библіотеку, рѣдкіе мраморы, прекрасныя картины. Сюда, между прочимъ, перевезъ графъ Уваровъ купленные имъ въ Римѣ извѣстные мраморные антики изъ дворца герцоговъ Альтемпсъ, между прочимъ саркофагъ, описанный Винкельманомъ. Въ Порѣчьѣ, въ кругу профессоровъ и ученыхъ, любилъ Уваровъ проводить otium cum dignitate. Послѣдніе годы своей жизни онъ окончательно водворился между Москвою и Порѣчьемъ. Въ Москвѣ, 5 Сентября 1855 года, незамѣтно потухъ этотъ блестящій и плодотворный умъ. Графъ С. С. Уваровъ погребенъ въ родовомъ селѣ Холмъ, Смоленской губерніи, недалеко отъ любимаго имъ Порѣчья.

Потомство княгини Варвары Алексѣевны Репниной.

Дѣти:

1) Князь Василій Николаевичъ Репнинъ, жен. на Елизаветѣ Петровнѣ Балабиной.

2) Княжна Александра Николаевна, † 8 Окт. 1836 г., за графомъ Александромъ Григорьевичемъ Кушелевымъ-Безбородкою.

3) Княжна Варвара Николаевна.

4) Княжна Елизавета Николаевна, р. 1817 † 1855 г., за д. с. с. Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ, † 1844 г.

Внуки:

5) Князь Николай Васильевичъ, жен. на свѣт. княжнѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Волконской р. 1842 † 1875 (имѣетъ сына и дочь) 1

6) Князь Петръ Васильевичъ, † въ Соденѣ 1856 г. . . . 1

7) Князь Василій Васильевичъ, † 1813 г. 1

8) Княжна Варвара Васильевна, р. 1841 г., за графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Кашнистомъ (имѣетъ сына и двухъ дочерей) 1

9) Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, † 1874 г., женатъ на вдовѣ Пенхаржевской, рожденной Кроль, разведенной со 2-мъ мужемъ Голубцовымъ 2

10) Графъ Николай Александровичъ К.-Б., † 1864, жен. на Елизаветѣ Ивановнѣ Базилевской, вдовѣ Шушинской; послѣ смерти 2-го мужа, вышла за свѣт. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. 2

11) Графиня Варвара Александровна К.-Б., за Петромъ Аркадьевичемъ Кочубеемъ (имѣетъ сына и дочь) 2

12) Графиня Любовь Александровна К.-Б., за гофмаршаломъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ † 1879 (имѣетъ двухъ сыновей и дочь). 2

13) Николай Павловичъ Кривцовъ, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка шт.-ротмистръ, р. 1840 † 1871 4

14) Ольга Павловна Кривцова, за Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ (имѣетъ сына и 2 дочерей) 4

Потомство графини Екатерины Алексѣевны Уваровой:

Дѣти:

1) Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, р. 28 Февраля 1824 г., жен. на княжнѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Щербатовой.

2) Елизавета Сергѣевна.

3) Александра Сергѣевна, р. 1814 † 1865, за генералъ-адъютантомъ княземъ Павломъ Александровичемъ Урусовымъ.

4) Наталья Сергѣевна, р. 1820 † 1843, за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ.

Внуки:

5) Графы: Алексѣй, р. 1860 г. 6) „ Сергѣй, р. 1863 г. 7) „ Ѳедоръ, р. 1866 г. 8) „ Игорь, р. 1869 г.	Алексѣевичи Уваровы. .	1
9) Графини: Прасковья 10) „ Екатерина	Алексѣевны Уваровы.	1

11) Князь Владиміръ Павловичъ Урусовъ, жен. на княжнѣ Юліи Львовнѣ Гагариной 3

12) Князь Левъ Павловичъ Урусовъ, д. с. с. въ д. гофмейстера, министръ-резидентъ въ Румыніи, жен. на Прасковьѣ Александровнѣ Абаза 3

13) Князь Александръ Павловичъ, женатъ на баронессѣ Фитингофъ 3

14) Князя Георгій 15) „ Николай	Павловичи Урусовы	3

16) Княжна Екатерина Павловна, за Сергѣемъ Евгеньевичемъ Головинымъ 3

ГЛАВА VI.

Графы Петръ и Левъ Кириловичи.

Графъ Петръ Кириловичъ, второй сынъ гетмана, родился 15 Января 1751 года. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ братьями своими Алексѣемъ и Андреемъ, которые были несравненно его способнѣе. Возвратившись изъ-за границы, онъ поступилъ въ военную службу, въ которую записанъ былъ съ 1762 г. Въ 1772 году онъ былъ уже полковникомъ, въ 1779 бригадиромъ, а 24 Ноября 1780 года произведенъ въ генералъ-маіоры. Онъ числился сперва въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку, потомъ съ 1780—83 годъ считался при С.-Петербургской, а съ 1784 по 1788 при 1-й дивизіи; за участіе въ Шведской войнѣ онъ въ 1789 пожалованъ былъ въ генералъ-поручики съ увольненіемъ къ статскимъ дѣламъ. Въ то время онъ уже былъ кавалеромъ польскихъ орденовъ Бѣ-

лаго Орла и св. Станислава. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Петръ Кириловичъ, какъ кажется, нѣсколько противъ желанія отца и семейства, женился на вдовѣ Софьѣ Степановнѣ Чарторижской, рожденной Ушаковой. Она родилась въ 1746 году и была дочерью Степана Ѳедоровича Ушакова, родившагося въ 1705 году. Этотъ Ушаковъ былъ предмѣстникомъ графа Я. Е. Сиверса въ Новгородѣ, потомъ Петербургскимъ губернаторомъ, съ 1762 года Анненскимъ кавалеромъ, а наконецъ сенаторомъ. Онъ занимался литературою и издалъ нѣсколько сочиненій о сельскомъ хозяйствѣ. Первый мужъ Софіи Степановны принадлежалъ къ фамиліи, существовавшей съ XVII вѣка въ Польшѣ и Малороссіи и происходившей отъ незаконной вѣтви князей Чарторижскихъ; онъ былъ флигель-адъютантомъ Петра III-го. Графиня Софья Степановна была женщина свѣтская, большая щеголиха, то, что въ прошломъ столѣтіи называлось une petite maitresse. Ума она была недальняго, здоровья очень плохаго, жила съ мужемъ почти постоянно заграницею—то въ Италіи, то въ Швейцаріи, то въ Голландіи, славившейся въ тѣ времена своими докторами, то въ Парижѣ, то, наконецъ, на югѣ Франціи, въ Монпелье, игравшемъ въ прошломъ столѣтіи роль Ниццы или Ментона. И мужъ и жена отличались своею нерѣшительностію, безпрестанно перемѣняли свои планы, и постоянно нуждались въ деньгахъ. Старикъ фельдмаршалъ не особенно благоволилъ къ невѣсткѣ, ворчалъ противъ частыхъ и продолжительныхъ поѣздокъ сына за границу и называлъ жену его картузною бабою. Изъ-за границы приходили безпрестанныя просьбы о пособіи, что не особенно способствовало къ возбужденію благосклонности въ сердцѣ разсчетливаго графа Кирилы Григорьевича. За границею графиня близко сошлась съ разведенною женою графа Якова Сиверса [1]). Въ Парижѣ часто бывалъ у Разумовскихъ графъ А. Г. Бобринскій, а также и графъ Комаровскій, ѣздившій въ 1787 году курьеромъ во Францію. „Графиня Софья Степановна Разумовская“, повѣствуетъ онъ въ запискахъ своихъ, „просила меня отвезть отъ нея изъ Парижа подарки къ фельдмаршалу графу К. Г. Разумовскому. По пріѣздѣ моемъ въ Москву я узналъ, что фельдмаршалъ живетъ въ своемъ загородномъ домѣ Петровскомъ.

---

[1]) Bei der Ausfahrt aus der Stadt (Опочня), писалъ къ дочери графъ Сиверсъ, по дорогѣ въ Бѣлоруссію, отъ 11 Мая 1796, „nahmen wir ein neues Haus in Augenshein, welches der Graf Peter Kiril. Razoumowsky daselbst baut. Dies ist der selbe, der so lange Zeit mit seiner Frau in fremden Länder war, der Freundin deiner Mutter und Tochter meines Vorgängers in Novgorod (Blum. Ein Russischer Staats Esman, IV, 217). Графиня Сиверсъ вышла впослѣдствіи за князя Путятина. Она долгое время была въ связи съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, который отъ нея имѣлъ дочь Е. А. Колывапову, родившуюся въ Ревелѣ (отсюда и фамилія); она была 2-ю женою Н. М. Карамзина.

Онъ меня очень обласкалъ и пригласилъ къ обѣду, что́ для меня (было) весьма лестнымъ, ибо онъ (былъ) и подполковникомъ Измайловскаго полка, въ которомъ я служилъ тогда сержантомъ. Къ обѣду фельдмаршалъ вышелъ, украшенный подарками мною привезенными, какъ-то косынкою на шеѣ и пуговицами на кафтанѣ. Графъ Разумовскій публично меня благодарилъ за доставленіе ему такихъ пріятныхъ для него подарковъ отъ любезной невѣстушки“ [1]).

Не всегда впрочемъ относился столь нѣжно къ невѣсткѣ графъ Кирила Григорьевичъ. „Совѣтую брату Петру“, писалъ онъ къ сыну Андрею, „возвратиться въ Москву, перестать вести жизнь цыганскую и поселиться въ своемъ отечествѣ, между своими фамиліею, соотчичами и имѣніями... а онъ пишетъ, что ему невозможно возвратиться въ отечество, ибо онъ долженъ еще Швейцарію разсмотрѣть. Вотъ чортъ въ полѣ домъ приказалъ! А притомъ думаетъ и бабу свою картузную повылечить, которая давно уже неизлечима, но дуракъ сего по сю пору не примѣтилъ“ [2]).

Послѣ восшествія на престолъ Павла I-го, графъ Петръ Кириловичъ назначенъ былъ присутствующимъ въ сенатѣ и вскорѣ послѣ этого произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Разумовскіе, вернувшись изъ-за границы, поселились въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, находившемся на углу Гагаринскихъ пристани и улицы [3]). Въ домѣ хранилось много цѣнныхъ предметовъ, купленныхъ ими за границею, особенно же во Франціи, при началѣ эмиграціи. Графиня Софья Степановна скончалась въ 1803, въ одинъ годъ со свекромъ своимъ. Она была пятью годами старѣе мужа; родилась въ 1746 году и умерла на 58-мъ году отъ рожденія. Погребена она въ Александро-Невской лаврѣ, на старомъ лазаревомъ кладбищѣ; надъ могилою ея поставленъ мраморный памятникъ съ вычурными надписями. Тотчасъ же послѣ смерти жены Петръ Кириловичъ продалъ доставшійся на его часть Крестовскій островъ князю А. М. Бѣлосельскому, и съ тѣхъ поръ лѣто постоянно проводилъ въ Гостилицахъ, которыя по первоначальному раздѣлу должны были отойти графу Григорію Кириловичу. Указомъ правительствующему сенату отъ 30-го Августа 1814 года графъ Петръ Кириловичъ назначенъ былъ оберъ-камергеромъ къ высочайшему двору. Назначеніе это приписывали въ то время близкой связи Разумовскаго съ семействомъ оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина, красавица-жена котораго, знаменитая Марія Антоновна, родомъ

---

[1]) „XVIII вѣкъ“, Ист. Сборникъ, I, 323.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[3]) Послѣ смерти графа П. К., домъ этотъ былъ купленъ у наслѣдниковъ графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородкою. Нынѣ принадлежитъ графу А. Д. Шереметеву.

княжна Четвертинская, продолжала играть при дворѣ первенствующую роль. Съ Нарышкинымъ Разумовскіе были въ родствѣ и по отцу и по матери, такъ какъ Дмитрій Львовичъ былъ сыномъ родной племянницы графа Кирилы Григорьевича—Марины Осиповны Закревской, которую воспѣлъ въ стихахъ своихъ Державинъ. „Братъ Петръ", писалъ къ князю Андрею Левъ Кириловичъ, „страшно растолстѣлъ, животъ у него точно гора; кажется, что до сихъ поръ служба при дворѣ ему не въ тягость, но не думаю, чтобы это долго продолжалось" [1]). Графъ Петръ Кириловичъ не былъ одаренъ блестящими способностями, наружность имѣлъ однако сановитую, въ обществѣ держалъ себя нѣсколько горделиво; но, несмотря на суровую внѣшность, былъ въ сущности благодушный человѣкъ, никому во всю жизнь свою зла не сдѣлавшій. Въ 1823 году онъ внезапно заболѣлъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ потребовалъ къ себѣ племянника своего, Алексѣя Васильевича Васильчикова, съ которымъ въ послѣднее время находился въ холодныхъ отношеніяхъ. Васильчиковъ, за которымъ послали ночью, думая, что графъ его вызываетъ изъ-за какой нибудь прихоти, не соглашался явиться на зовъ дяди, которымъ имѣлъ полное право быть недовольнымъ и о болѣзни котораго ничего не зналъ. Увѣдомясь однако, что графъ въ опасности, онъ къ нему отправился и къ крайнему удивленію узналъ, что Петръ Кириловичъ назначаетъ его однимъ изъ своихъ наслѣдниковъ. Оказалось, что больной часть имѣнія своего, а именно Гостилицы, псковскія вотчины, саратовское имѣніе Архадикъ, тульское Молоденки и домъ въ Петербургѣ оставлялъ своимъ прямымъ наслѣдникамъ—братьямъ князю Андрею и графу Григорію Кириловичамъ и племянникамъ графамъ Петру и Кирилѣ Алексѣевичамъ. Быковскую же свою волость въ Малороссіи (въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ), въ которой числилось 12,000 душъ, онъ отказывалъ дѣтямъ и потомкамъ сестеръ своихъ, графини Апраксиной и Васильчиковой, впрочемъ не всѣмъ, а только четверымъ изъ нихъ по своему выбору. Чувствуя большую слабость, больной, объяснивъ Васильчикову свою послѣднюю волю, просилъ, чтобы она безотлагательно облечена была въ законную форму. Зная, какъ сенаторъ, что завѣщаніе такого рода не могло имѣть законной силы, Васильчиковъ рѣшился посовѣтоваться съ людьми болѣе его свѣдущими и поѣхалъ къ зятю своему графу, впослѣдствіи князю, Виктору Павловичу Кочубею, бывшему въ то время вторично министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кочубей, не зная, что̀ придумать, вмѣстѣ съ зятемъ отправился къ графу, впослѣдствіи князю, И. В. Васильчикову, за братомъ котораго, была одна изъ наслѣдницъ Разумовскаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ,

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

членъ государственнаго совѣта [1]) и сенаторъ, послѣ долгаго совѣщанія, признали себя некомпетентными въ дѣлѣ этомъ и рѣшились обратиться къ живому источнику законовъ, М. М. Сперанскому. Сперанскій, узнавъ о всѣхъ подробностяхъ дѣла, набросалъ черновую акта и съ нею Васильчиковъ поспѣшилъ къ больному дядѣ. На счастіе Васильчикова и его сонаслѣдниковъ, при графѣ Петрѣ Кириловичѣ состоялъ молодой чиновникъ Крюковской, женатый на незаконной дочери графа. Пробѣжавъ продиктованную Сперанскимъ бумагу, которую ему поручено было списать, Крюковской прямо объявилъ Васильчикову, что никакое присутственное мѣсто не рѣшится признать ее, такъ какъ сначала до конца все въ ней противорѣчило буквѣ законовъ; при этомъ онъ предложилъ другое средство удовлетворить волѣ умирающаго, если не ошибаемся—купчую крѣпость. Слова Крюковского убѣдили Васильчикова, онъ положилъ въ карманъ составленную Сперанскимъ бумагу и послѣдовалъ данному совѣту. Новый актъ былъ составленъ и подписанъ, и облеченная въ законную форму воля умиравшаго графа не могла быть оспориваема. Такимъ образомъ, молодой, едва начинавшій службу свою чиновникъ оказался болѣе свѣдущимъ въ законахъ, чѣмъ высшіе представители законодательной власти и даже чѣмъ самъ составитель свода законовъ. Графъ Петръ Кириловичъ скончался 14 Декабря 1823 года. Онъ погребенъ подлѣ жены въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ оставилъ трехъ воспитанницъ, изъ которыхъ одна вышла за Оржицкаго, вторая за Пистоль корса, а третья за Крюковского.

Пятый сынъ графа Кирилы Григорьевича — Левъ, родился 8 Января 1757 года. Вернувшись въ концѣ 1774 года изъ-за границы, онъ зачисленъ былъ въ блестящее посольство князя Н. В. Репнина и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Константинополь, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. По возвращеніи съ Востока, молодой Разумовскій поступилъ на дѣйствительную службу въ Семеновскій полкъ, въ которомъ на 9-мъ еще году произведенъ былъ въ прапорщики. Онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ петербургскихъ щеголей и ловеласовъ. Но среди свѣтскихъ успѣховъ своихъ онъ съумѣлъ сохранить свѣжесть и чистоту сердца. „Il a des idées de perfection, писала о немъ въ 1778 году Наталья Кириловна къ брату Андрею, c'est une métaphysique dont rien n'approche; mais ce qui me fait plaisir, c'est que ce n'est pas étudié chez lui. Il est réelement tel, tandis que chez d'autres ce n'est quelquefois que manége". И. И. Дмитріевъ разсказываетъ, что во время дежурствъ на петербургскихъ гауптвахтахъ къ

---

[1]) Два первые другъ за другомъ были впослѣдствіи предсѣдателями Государственнаго Совѣта.

Льву Кириловичу то-и-дѣло приносили записочки на тонкой надушенной бумагѣ, видимо писанныя женскими руками. Онъ спѣшилъ отвѣчать на нихъ на заготовленной заранѣе, также красивой и щегольской бумагѣ. Такимъ образомъ упражнялся онъ и утѣшалъ себя въ душныхъ и скучныхъ стѣнахъ не всегда опрятной караульни. Графъ Левъ былъ очень друженъ съ старшею сестрою и ей повѣрялъ свои сердечныя тайны. Оказывалось, что тѣ красавицы, у ногъ которыхъ, года два тому назадъ, не напрасно вздыхалъ графъ Андрей Кириловичъ, обратили теперь благосклонность свою на младшаго его брата. Вскорѣ въ одну изъ нихъ Левъ Кириловичъ влюбился по уши. „Léon allant l'autre jour chez la princesse [1]), писала Наталья Кириловна, absorbé dans sa rêverie et courant à toute bride passa devant la voiture de l'Impératrice, qui allait diner chez m. Naryshkine. Cela lui valut une réprimande très forte de sa part et qui fit une sensation dans le public, qui n'était pas en sa faveur. Ajoutez que depuis ce nouvel engagement il ne voit personne de ceux qu'il devrait voir... Je voudrais bien l'éloigner, avant qu'il n'arrive quelque chose, mais c'est difficile, très difficile". „Après avoir bien cherché", писала она далѣе, „je vois qu'il faut commencer par renvoyer le jeune homme et comme la guerre est une des meilleures occasions qui puissent se présenter, je lui en ai parlé, lui ai représenté qu'il doit demander à y aller; il ne s'en déffend pas, mas il n'est pas tout à fait d'accord avec moi sur la demande. Si mon père l'envoie il ira, mais il ne trouve pas nécessaire de le demander. Cependant après bien des disputes il avait presque consenti, mais mon père lui-même a gâté les choses. Il a des projets, il veut solliciter pour son avancement et l'envoyer après. Ce serait excellent dans toute circonstance (quoique j'aimerais cependant mieux que l'on commence par acquérir le droit de demander), mais à présent cela ne vaut rien. Il se passera un temps infini avant de trouver un moment pour demander et bien plus peut-être pour accorder la demande... Peut être qu'à force de presser et faire sentir la honte qu'il y aurait de rester tandis que les autres s'en vont j'y réussirais. Jamais je n'ai vu quelqu'un d'aussi véritablement amoureux... La princesse lui fait le plus grand tort dans le monde.... C'est en vérité dommage qu'il perde un temps si précieux pour acquérir tout plein de connaissances qui lui manquent et qu'il est honteux de ne pas avoir" [2]) . . . Въ Семеновскомъ полку однако дослужился Левъ Кириловичъ до полковничьяго чина и только въ 1782 поступилъ генеральсъ-адъютантомъ къ князю Потемкину. Отецъ самъ спѣшилъ удалить сына изъ столицы. „Левъ

[1]) Кн. Б . . . . . я, рожд. кн. Х . . . . . я.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

первыя руки мотъ", писалъ онъ сыну Андрею, „и часто мнѣ своими безпутными и неумѣренными издержками не малую скуку наводилъ". Въ 1789 году Левъ Кириловичъ произведенъ былъ въ бригадиры, а въ 1790 году за отличіе въ генералъ-маіоры. За Дунаемъ онъ забылъ свое столичное сибаритство, храбро дрался противъ турокъ и не прочь былъ покутить съ товарищами, которые его всѣ безъ памяти любили. Сперва онъ командовалъ егерскими полками, подъ начальствомъ Суворова, а потомъ былъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Н. В. Репнинѣ. Въ 1787 и 1788 году онъ принялъ дѣятельное участіе въ кампаніяхъ противъ поляковъ и турокъ: онъ отличился въ битвѣ при Сакчѣ, 3 Сентября 1789, преслѣдовалъ враговъ до Измаила и бомбардировалъ эту крѣпость. 2-го Ноября того же года онъ находился при взятіи Бендеръ, а 28 Іюня 1791 при побѣдѣ подъ Мачиномъ. За эти военные подвиги, Разумовскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса. Въ 1796 году, числясь въ малороссійскомъ гренадерскомъ полку, Разумовскій подалъ по болѣзни въ отставку и отправился за-границу. Пропутешествовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ окончательно поселился въ Москвѣ. Отецъ отдѣлилъ ему, вмѣстѣ съ громаднымъ малороссійскимъ имѣніемъ Карловкою, можайскія свои вотчины и Петровское-Разумовское. Въ 1800 году Левъ Кириловичъ по дѣламъ и для свиданія съ родными отправился въ Петербургъ. Едва успѣлъ онъ туда пріѣхать, какъ получилъ высочайшее приказаніе немедля возвратиться въ Москву. „Ce que vous ignorez peut-être", писалъ по этому случаю князь А. И. Вяземскій къ графу А. Р. Воронцову, „c'est que le comte Léon Rasoumovsky, avec lequel je suis si lié, était parti depuis 15 jours pour Pétersbourg, et après deux fois 24 heures reçut l'ordre de quitter immédiatement la ville. Il est arrivé avant-hier et ne sait ni le comment ni le pourquoi" [1]).

„Графъ Левъ Кириловичъ", говоритъ князь П. А. Вяземскій, „былъ замѣчательная и особенно сочувственная личность. Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Отставной генералъ-маіоръ, онъ долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, какъ въ домѣ своемъ на Тверской [2]), такъ и въ прекрасномъ своемъ загородномъ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художество, музыку, картины, ваяніе. Едва ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искус-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 387.

[2]) Домъ этотъ, купленный графомъ Л. К. у Мятлевыхъ, принадлежитъ нынѣ г-ну Шаблыгину, въ немъ помѣщается Англійскій клубъ.

ствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его. Графъ Левъ Кириловичъ былъ истинный баринъ, въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова: добродушно и утонченно вѣжливый, любилъ онъ давать блестящіе праздники, чтобы угощать и веселить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожилъ онъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными: графомъ Ростопчинымъ, Карамзинымъ, княземъ А. И. Вяземскимъ и другими“ [1]). „Домъ нашъ“, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву въ 1811 г., „есть уже давно монастырь, куда изрѣдка заглядываютъ благочестивые люди, напр. гр. Ростопчинъ, Нелединскій, Обрѣзковъ, Сушковъ, гр. Пушкинъ, бригадиръ Кашкинъ, Разумовскій, Рябининъ, Оболенскіе. Вотъ наше общество“.

Къ графу Льву Кириловичу Карамзинъ былъ особенно привязанъ и не разъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ. Сверхъ того, Разумовскій былъ въ тѣсной связи съ масонами и въ перепискѣ съ Поздѣевымъ. Онъ самъ былъ масонъ по убѣжденію, что̀ не мѣшало ему, впрочемъ, быть глубоко вѣрующимъ и ревностнымъ христіаниномъ. Левъ Кириловичъ, или какъ обыкновенно звали его въ обществѣ, le Comte Léon былъ въ высшей степени характера благороднаго, чистѣйшей и рыцарской чести, прямодушенъ и простодушенъ вмѣстѣ. Владѣлецъ очень значительнаго имѣнія, онъ былъ, разумѣется, плохой хозяинъ, какъ подобаетъ или подобало русскому барству. Онъ былъ любезный говорунъ. При серьёзномъ выраженіи лица и вообще покойной осанкѣ (какъ иначе перевести выразительное слово tenue?), онъ часто отпускалъ живое, мѣткое, забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ. Даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенно привлекательный діапазонъ. Всей Москвѣ извѣстенъ былъ, обтянутый свѣтлой бѣлизны покрываломъ, передокъ саней его, заложенныхъ парою красивыхъ коней, за которыми стоялъ высокій гайдукъ. Всякому москвичу знакома была большая мѣховая муфта графа, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней, входя въ комнаты [2]). Вся Москва его любила, „онъ неоцѣненный собесѣдникъ“, пишетъ о немъ другой современникъ или, вѣрнѣе, современница, „вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ“ [3]).

Какъ мы уже сказали выше, у Разумовскаго было нѣжное сердце. Въ то время въ Москвѣ жилъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго полтавскаго фельдмаршала, князя Михаила Михаиловича старшаго и сынъ оберъ-гофмаршала, Екатерины князя Николая Михайловича. Этотъ князь Голицынъ отличался крайнимъ само-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 447.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 447—448.
[3]) Тамъ же, 1872, 2393.

дурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ оперы, бывшей въ то время въ большой модѣ „Cosa-гага“. Русскіе и англичане имѣютъ, какъ кажется, монополію самодурства. У насъ оно по преимуществу проявляется между людьми крайне богатыми, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Про Голицына разсказывали, что онъ отпускалъ ежедневно кучерамъ своимъ шампанское, что онъ крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей, что онъ горстями бросалъ на улицу извозчикамъ золото, чтобы они толпились у его подъѣзда и пр. и пр. Разумѣется, что все его громадное состояніе (у него считали 24,000 душъ) пошло прахомъ. Голицынъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Григорьевнѣ Вяземской, дочери статскаго совѣтника князя Григорія Ивановича, отъ второго брака съ Беклемишевою. Княгиня была милая, красивая женщина, почти ребенкомъ выданная за самодура, который былъ старше ея только тремя годами.

Сумасшедшая расточительность мужа приводила княгиню въ отчаяніе. Онъ, не читая, подписывалъ заемныя письма, въ которыхъ сумма прописана была не буквами, а цифрами, такъ что заимодавцы, по бо̀льшей части иностранные, на досугѣ, легко приписывали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два и по три [1]). Предчувствуя неминуемое разореніе, княгиня обратилась съ просьбою о помощи къ только-что вступившему на престолъ Императору Александру I. Въ отвѣтѣ своемъ княгинѣ, отъ 7 Августа 1801 года, Государь выражалъ сожалѣніе о положеніи Голицыныхъ. „Если увѣреніе сіе“, сказано далѣе въ высочайшемъ письмѣ, „можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знакомъ моего искренняго къ особѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Коль скоро я позволю себѣ нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ; вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною, что не только не возможно мнѣ остановить взысканіе долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобы подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію. Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ, признаются ясными и разбору не подлежащими вексель, крѣпость, запись, контрактъ и

[1]) Тамъ же, 1866, 901.

всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія; впрочемъ мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобы надѣяться, что при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его продажею нѣкоторой части онаго не только всѣ долги заплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вашъ жребій, доставитъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ быть болѣе отъ нечаянности происшедшіе, нежели отъ самаго существа родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ и вы меня найдете справедливымъ“ [1]).

Надежда, выраженная Государемъ, однако не осуществилась. Князь Голицынъ продолжалъ слѣпо стремиться къ окончательной погибели. Между Голицыными и Разумовскимъ было нѣкоторое свойство. Братъ княгини, князь Николай Григорьевичъ Вяземскій, въ то время гофмаршалъ, женатъ былъ на родной племянницѣ графа Льва Кириловича—Екатеринѣ Васильевнѣ Васильчиковой. Въ домѣ ихъ графъ часто встрѣчался съ княгинею Голицыною и нѣжное его сердце не устояло при видѣ ея миловидности и того несчастнаго положенія, въ которомъ она находилась, вслѣдствіе самодурства мужа. Объ этомъ романѣ вскорѣ заговорила вся Москва. „Братъ Левъ“, писалъ старикъ Разумовскій къ сыну Андрею, въ 1799 г., „роль Линдора играетъ“.

Съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія состоялся разводъ. Графъ Левъ Кириловичъ женился на княгинѣ Маріѣ Григорьевнѣ. Бракъ ихъ состоялся въ началѣ 1802 года [2]) и надѣлалъ много шума, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Родственники Голицына, люди очень богатые и занимавшіе видное мѣсто въ свѣтѣ, Голицыны, Меншиковы, Гагарины, а особенно пользовавшаяся громаднымъ значеніемъ въ обществѣ, княгиня Наталья Петровна Голицына, рожденная гр. Чернышева, извѣстная подъ именемъ princesse-moustache, громко возставали противъ совершившагося факта. Самъ же князь Александръ Николаевичъ продолжалъ вести дружбу съ графомъ Львомъ Кириловичемъ, часто обѣдывалъ у бывшей своей жены и нерѣдко даже съ нею показывался въ театрѣ.

Понятно, что бракъ Разумовскаго былъ прискорбенъ не одной Голицынской роднѣ, онъ пришелся весьма не по сердцу и близкимъ родственникамъ графа Льва Кириловича. Разводъ въ тѣ блаженныя времена считался чѣмъ-то необычайнымъ и почти чудовищнымъ. Однако молодая графиня съумѣла съ первыхъ же поръ привязать къ себѣ семью мужа. Скоро холодность, съ которою ее встрѣтили, замѣнилась самыми

[1]) „Русская Старина“, I, 447—448.

[2]) Какъ видно изъ поздравительныхъ писемъ къ графу Л. К., въ архивѣ графа А. С. Уварова.

родственными отношеніями. Даже старикъ, графъ Кирила Григорьевичъ, не устоялъ передъ прелестью веселой и красивой невѣстки. Сейчасъ же послѣ свадьбы молодые поспѣшили въ Батуринъ, гдѣ тихо угасалъ фельдмаршалъ. Они ѣхали туда со страхомъ и трепетомъ. Старикъ однако принялъ ихъ милостиво, и графиня Марія Григорьевна любила вспоминать какъ ласкалъ и баловалъ ее свекоръ. Вернувшись въ Москву Разумовскіе стали отдѣлывать домъ свой и подмосковную. Страсть къ постройкамъ и садоводству въ семействѣ Разумовскихъ была наслѣдственна, и Левъ Кириловичъ оказался въ этомъ отношеніи вполнѣ сыномъ отца своего и братомъ брата. Между тѣмъ бракъ не былъ еще оффиціально признанъ. Но такъ какъ семейство Разумовскихъ обласкало графиню, а сильные міра, каковыми были въ то время зять графа Льва Кириловича, московскій главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ и племянникъ его графъ В. П. Кочубей, явно стали на сторонѣ молодой графини, то московское общество охотно принимало щеголеватую и любезную Марію Григорьевну и толпилось на роскошныхъ пирахъ ея, зимою на Тверской, а лѣтомъ въ Петровскомъ. Знаменитые иностранцы, посѣщавшіе въ началѣ столѣтія Москву, г-жа де-Сталь, баронъ Штейнъ, Местръ и другіе, находили въ домѣ Разумовскихъ радушный пріемъ. Только изрѣдка, тайкомъ дѣлались намеки на несовсѣмъ правильный бракъ, но и этимъ толкамъ положенъ былъ конецъ во время посѣщенія Москвы Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1809 году. На балѣ у Гудовича, Государь подошелъ къ графинѣ и громко сказалъ: „Madame la Comtesse, voulez vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi“. Съ этой минуты Марія Григорьевна всецѣло вступила въ права законной жены и графскаго достоинства [1]).

Едва Разумовскіе успѣли отдѣлать великолѣпную свою подмосковную и приняться за перестройку московскаго дома, какъ нагрянулъ 1812-й годъ. Они мирно жили въ Петровскомъ; у нихъ гостила Наталья Кириловна Загряжская и никому на умъ не приходило, чтобы отдаленные военные громы могли раздаться въ самомъ сердцѣ Россіи. Извѣстія объ отступленіи войскъ нашихъ приводили, однако, московское общество въ недоумѣніе. Сраженіе подъ Смоленскомъ обратило недоумѣніе въ панику. „Votre lettre m'a fait grand plaisir, mon cher Ouvaroff,“ писалъ изъ Петровскаго графъ Левъ Кириловичъ, „dans ces temps de troubles et de calamités tout ce qui tient à l'amitié dilate et repose l'âme. Ma soeur Zagr. après une fièvre peu conséquente est partie il y a trois jours. Depuis quelques jours et surtout depuis l'affaire de Smolensk les 3/4 de Moscou, en femmes surtout, ont émigré,

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., III, 448.

on ne voit presque plus, dit-on, de voitures en ville. Ma soeur Elisab. [1]) est ici. Petrovsky est rempli de parents de ma femme qui en émigrent, s'arrêtant ici. Nous y sommes, grâce à Dieu, assez tranquilles. Si les choses allaient bien mal, notre plan est d'aller d'abord à Rostoff et de là dans quelque ville où serait la force armée, c. a. d. Jaroslaff, Nijni etc. Mais j'espère que le ciel nous préservera de ce malheur. Ce n'est qu'en faisant les choses les plus brillantes que nous nous retirons. Ce n'est par conséquent, que faiblesse ou ineptie de nos généraux.

Le nouveau chef [2]) inspire de la confiance à tout le monde, nos troupes réunies paraissent avoir une très bonne disposition et se renforcent tous les jours. Humainement parlant les probabilités sont pour nous—et pour ce qui est audessus de la prévoyance humaine espérons! [3])"

Несмотря на надежды, которыя старался вселить въ москвичей новый главнокомандующій, пришлось покинуть Петровское. Французы были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Разумовскіе бѣжали въ Тамбовъ оттуда, отъ 30 Ноября 1812 года, графъ Левъ Кириловичъ писалъ къ брату графу Андрею: Je conservais avec beaucoup d'autres une sorte de sécurité sur l'avenir, malgré les nuages obscurs qui nous le couvraient. Il ne m'a pas paru croyable que notre bonne ville de Moscou tombe entre les mains de l'ennemi. La nomination au commandement de l'armée du prince Koutousoff avait ranimé les espérances de tout le monde. Lorsque nos mouvements si rapidement rétrogrades les ont derechef et bientôt fait évanouir, il était trop tard pour sauver bien des choses. Je m'arrête un moment pour vous donner une idée plus précise de ma situation. Les charges auxquelles, vû cette malheureuse circonstance, nous avons été tous soumis avec le dérangement de mes affaires avaient épuisé mes moyens et mes ressources. Dans cet état de choses à l'arrivée de l'Empereur à Moscou [3]) le zêle peut-être pas assez calculé de quelques uns ont accablé le gouvernement de Moscou d'une nouvelle charge presqu'impossible à remplir. C'était le 10-me homme à fournir et à équiper. J'avais malheureusement dans le gouvernement plus de 4000 âmes, c'était donc plus de 400, c'était donc une trentaine de mille roubles. Presque point d'argent et dans ce moment là aucune ressource pour en trouver. Il a fallu sacrifier la moitié au moins de mon argenterie et au moment de partir j'ai fait venir le maréchal ferrant de la maison pour briser le reste, hors ce qui sert à l'usage journalier et habituel pour l'emporter comme seule ressource dans l'avenir si incertain qui s'ouvrait devant nous. Le 27 j'ai quitté Moscou non pas tant encore par la crainte de

[1]) Графиня Елизавета Кириловна Апраксина.
[2]) Князь Кутузовъ.
[3]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

l'ennemi qui était encore à une centaine de verstes, mais plus par celle d'une populace exaltée, de moment en moment plus licencieuse, dont on avait armé le bras pour la défense de la ville et vis à vis de laquelle on craignait de montrer de la rigueur et de la sévérité quand il s'agissait de réprimer ou d'arrêter ses excès. J'avais de plus une belle-soeur [1]), soeur chèrie de ma femme qui était grosse à pleine ceinture. Mes terres de Можайскъ [2]) étaient la proie de l'ennemi, les environs mêmes de ma maison de Petrovsky se remplissaient de подводы que le gouvernement rassemblait. Vous savez, mon cher ami, ce que c'est que la composition de nos maisons en Russie; une foule de gens qui demandaient de les sauver. C'était d'autant plus difficile que pour ne pas les alarmer, j'avais différé mes mesures jusqu'au dernier moment. Enfin, ayant ramassé ce que j'ai pû de chevaux, j'ai envoyé tout mon monde en Ukraine, j'ai abandonné mes effets et ma maison à la merci des événements et le 27, nous sommes partis, en vérité le coeur trop gros et trop pleins du spectacle de douleur que nous avions sans cesse sous les yeux, trop fatigués de soins, de soucis pour songer à ce que nous allions perdre. Je n'aspirais qu'après un coin et un peu de repos. De cette manière je me suis arrêté partout, espérant toujours, et surtout mes dames, que nous n'irons pas plus loin et je suis arrivé à Tamboff. Vous me demanderez pourquoi à Tamboff? D'abord en moi je ne trouve jamais aucune raison à opposer à ce que les autres ont quelque raison à desirer. Une fois que l'on a detruit mon nid que m'importe où je suis. Mon beau-frère [3]) et ma belle-soeur dont les moyens sont très bornés, dans cette circonstance avaient des raisons pour venir de ce côté-ci. La tendre amitié de Mascha pour sa soeur en etait une autre pour moi pour ménager les ressources et la consolation de sa société. Voilà l'histoire de notre émigration; en voici la suite et le supplément. Dès qu'il a été possible j'ai envoyé mon valet de chambre à Moscou. A Moscou même j'avais eu la malheureuse idée d'achever enfin ma maison. Tout y était sans dessus dessous: les escaliers qui devaient être changés étaient brisés; les salons devoient être exhaussées au dépens de l'étage d'en haut; toutes les fenêtres etaient cassées. L'ouvrage avançait beaucoup, mais pas moins tout cela n'offrait pour ainsi dire que la carcasse d'une maison. Cette carcasse a été épargnée par les français. Dans les offices et l'étage d'en haut il y a eu beaucoup de monde et tout a été brisé, cassé et pillé. Il y avait grâce aux décombres dont la maison était

---

[1]) Александра Григорьевна Щукина, рожд. кн. Вяземская, младшая сестра гр. М. Г. Разумовской.

[2]) Порѣчье, Карачарово и пр. дворцовыя вотчины Елизаветы, принадлежащія нынѣ графу Уварову.

[3]) Дмитрій Ѳедоровичъ Щукинъ.

entourée une câve et une кладовая, où on avait accumulé tout ce qu'il y avait de plus précieux comme meubles, tableaux, bronzes, porcelaines etc. En effet quoique la maison fût pleine, cela est resté ignoré, jusqu'à cinq jours avant l'évacuation des français, quand une malheureuse de la maison même à trahi le secret et en plusieurs heures tout a été pillé. A Petrovsky de même. Depuis quinze ans j'avais mis un capital énorme en livres et quatre jours avant mon départ un libraire de la ville, qui les soignait et m'avait fait le catalogue, les estimait au prix d'aujourdhui 400 mille roubles. Il ne m'en reste pas un volume. Enfin j'ai perdu tout ce qu'avec de l'argent même on ne pourrait pas retrouver. Mon jardinier à Petrovsky, qui est à mon service depuis 10 ans, ayant reproché à mes paysans le peu de zèle qu'ils ont mis après l'évacuation des français à réparer le mal que leur séjour avait fait, la même nuit ils ont mis le feu aux deux extrémités des grandes serres, qui, outre plusieurs choses rares, contenaient une cinquantaine de citronniers et d'orangers superbes, comme, hors l'Empereur, personne n'en a en Russie. Des bâtiments, des plantes il n'en est resté que la cendre. La maison, ou plutôt la carcasse est restée, mais les français n'ont pas laissé ni une porte, ni une fenêtre. Il en est de même d'une grande et charmante habitation dans mes terres de Можайскъ, qui était de notre création et que nous, et surtout ma femme, s'était plû depuis quelques années à embellir. En un mot quoique ces trois maisons n'aient pas été brûlées, elles ne contiennent plus toutes ensemble pour mille roubles d'effets et ne sont plus habitables. Une cave seule contenait sûrement pour une vigntaine de mille roubles d'effets. Actuellement il faut depuis le premier article jusqu'au dernier remonter ma maison à neuf avec la moitié moins de moyens, car quoique mon principal revenu soit d'Ukraine et par conséquent fort loin du théâtre de ces horreurs, il faut être russe et connaitre l'intérieur pour concevoir ce que c'est qu'un coup d'épée porté dans le coeur, dont tous les membres et toutes les extrémités se ressentent. Moscou présente un spectacle affreux. De maisons il n'en reste que 2400. C'est une plaine couverte de décombres, de cadavres d'hommes et de chevaux. Les puits en sont encombrés. La ville en est un peu déblayée, mais les environs en sont encore couverts. Les derniers jours surtout qui ont précédé l'entrée des français, les grandes routes ressemblaient à ces promenades où les voitures se suivent en file, quoique l'émigration eût commencée depuis longtemps.

Voilà, mon bon ami, une faible esquisse de nos maux et de nos pertes. Mais que votre tendre amitié que je sais si bien apprécier n'aille pas trop loin. J'ai satisfait au désir qu'elle vous a dicté de la connaitre. Voici maintenant pour vous tranquilliser sur notre compte le revers de la médaille. Je ne suis ni triste, ni malheureux, ni affligé du nombre

de mes peines et de mes pertes. Je ne veux pas me faire ni plus fort, ni plus excellent que je suis. Si je leur ai donné un moment de regret, j'en ai bientôt rougi et j'ai senti mieux que jamais que la paix, le contentement, le calme et par conséquent le bonheur ne sont pas hors, mais en dedans de nous; il n'appartient ni aux hommes, ni aux événements de nous l'ôter. Oui, mon cher ami, je suis et, ce qui est encore bien mieux, nous sommes dans notre petit coin de Tamboff aussi heureux que nous l'avons jamais été, peut-être plus, parceque c'est dans le calme et la retraite que sont les jouissances les plus douces et les plus pures de l'âme. Ce que la Providence nous a ôté sont les hochets de l'orgueuil, de la vanité et de l'amour-propre—que sont-ils au prix de ce qu'elle nous a accordé? Je remercie le ciel avec un coeur pénétré de reconnaissance, en voyant ma femme à cet égard dans les mêmes dispositions.

Passons aux autres questions que vous me faites et qui peuvent vous interesser. Ma soeur Zagriatsky a passé une bonne partie de l'été avec nous, elle a donc joui avec nous des derniers soupirs non de l'existance, mais de la splendeur de Petrovsky. J'ai assez souvent de ses nouvelles, elle se porte bien. Je vous avoue j'ai été peiné de voir combien son mari avait baissé; elle m'a mandé qu'il avait encore fait une maladie et je ne suis pas sans inquiétude à son égard. Kotshoubey [1]) me parait être dans l'inactivité et le désoeuvrement. J'en suis fâché pour lui, parceque je crois que cet état est une double peine pour lui. Notre pauvre soeur Elisabeth [2]) a perdu sa maison à Moscou et tout ce qu'elle contenait, ce qui m'afflige beaucoup, puisqu'elle a peu à perdre et que d'un autre côté son fils Alexandre qu'elle idolâtre lui coute beaucoup. Par des motifs relatifs en grande partie à lui, je n'ai jamais pu la determiner à me suivre. Elle est sortie de Moscou la veille de l'entrée des français, parceque son fils y était. Ici elle aurait été à portée de ses terres et des secours qu'elle eût pu en tirer. Elle est à l'heure qu'il est de retour à Moscou. Sa terre à Bos. (?) est restée intacte et je crois que c'est là qu'elle se retirera. Notre frère Pierre que nous avons attendu tout l'été à Petrovsky d'un moment à l'autre, ayant été surpris en Ukraine par les événements, se voyant pour ainsi dire coupé de Pétersbourg, par l'occupation de Moscou, y est resté jusqu'à présent. Il était décidé et en route même pour me joindre ici, mais il s'est laissé arrêter par quelques inquiétudes sur les embarras du voyage et du logement. Je lui ai expédié une estafette pour le décider, mais je crains de n'y pas réussir, surtout à présent que le chemin droit de là à Pétersbourg est

---

[1]) Графъ Викторъ Павловичъ.

[2]) Апраксина.

sans entraves. J'en suis bien fâché, j'aurais bien desiré le voir, et encore plus ici qu'ailleurs, parceque l'on s'y voit sans distraction et sans rivaux. Quant à mon frère Alexis j'ai fait ce que j'ai pû pour savoir ce qu'il avait souffert dans ces calamités. Personne ne m'a donné là-dessus des notices bien exactes. Je sais seulement que son troisième fils [1]) [sans compter Nicolas [2]) qui est d'une autre mère] était entré au service depuis peu et, se trouvant à Moscou lors de l'entrée des Français, s'est avisé de mener Murat dans la maison de mon frère. Il a atteint le bût qu'il se proposait. La maison a été épargnée et presque pas pillée, mais on ignore ce que lui même est devenu [3]), ils l'ont probablement emmené. Gorenky m'a-ton dit a été pillé. La majeure partie des serres conservée, grâce aux soins d'un certain Fisher, son botaniste, qui est un excellent homme. Voici ce qui regarde tous les notres" [4]).

Слова Льва Кириловича не были пустыми фразами. Онъ былъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ. Вслѣдствіе своего иностраннаго воспитанія однако, онъ не довольствовался простыми пріемами родной вѣры, хотя глубоко уважалъ ее, но искалъ еще пищи своему благочестію въ обрядахъ масонства, котораго, хотя и ошибочно, но на этотъ разъ послѣдовательно, сталъ адептомъ. Онъ велъ дружбу съ Поздѣевымъ и часто съ нимъ переписывался. Нѣсколько молодыхъ людей высшаго свѣта, отличавшихся отъ сверстниковъ своихъ болѣе серьёзнымъ направленіемъ, сгруппировались вокругъ графа и черезъ него вошли въ сношенія съ Поздѣевымъ. Въ ихъ числѣ были Ланскіе и столь памятный еще Петербургу любезный, гостепріимный и талантливый графъ Михаилъ Юрьевичъ Вielьгорскій. Послѣдній предпринялъ даже паломничество въ Вологду, гдѣ жилъ Поздѣевъ и писалъ оттуда отъ 28 Февраля 1815 года къ графу Льву Кириловичу:

„Grâce à Dieu me voilà installé chez le respectable vieillard.... J'y ai trouvé deux amis de St-Pétersbourg, qui ne contribuent pas peu à me rendre ce séjour encore plus agréable... Je crois qu'en allant voir un homme de la trempe de m-r Posdéeff, le voyage ne peut être que fort heureux. Осипъ Алексѣевичъ étant fort occupé cette poste, m'a chargé de vous dire bien des choses et, lui ayant parlé du pauvre Gontcharoff, il a fort approuvé mon idée de le faire communier tous les Dimanches et il le lui conseille. En même temps il a écrit a Семенъ Ивановичъ (?) que vous devez envoyer chez le malade lire les prières de Basile le grand pour la guérison des possédés" [5]).

---

[1]) Василій Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи графъ.

[2]) Николай Ивановичъ Перовскій.

[3]) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ взятъ въ плѣнъ французами.

[4]) Архивъ князя А. К. Разумовскаго.

[5]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

Бракъ Льва Кириловича былъ самый счастливый. Одно только иногда отравляло покой графа, это мысль, что онъ, вопреки Евангельскому слову, женился на „отпущеницѣ.“ Но самая мысль эта еще болѣе привязывала этого глубоко совѣстливаго и благороднаго человѣка къ любимой имъ женщинѣ,—16 лѣтъ протекли въ самой нѣжной любви и согласіи. Супруги почти не разставались и во время невольныхъ и недолгихъ разлукъ вели дѣятельную переписку. Приводимъ здѣсь два письма графини Маріи Григорьевны изъ Москвы къ мужу, уѣзжавшему въ 1818 году, по дѣламъ, въ Малороссію.

„Мы были“, писала графиня, „на балѣ, при дворѣ [1]), народа было не много, чѣмъ, кажется, Государь остался недоволенъ и почти исключительно танцовалъ съ статсъ и кавалерственными дамами. Король (Фридрихъ-Вильгельмъ III Прусскій) тоже. Танцовали аллемандъ. Государыня у меня про тебя спрашивала, она мнѣ снова много говорила про Петровское“. „Я была“, писала въ другомъ письмѣ графиня, „на балѣ у Тормасова [2]), я танцовала съ Королемъ и Государемъ. Послѣдній былъ крайне любезенъ. Онъ мнѣ говорилъ, что очень желаетъ побывать въ Петровскомъ и тамъ мнѣ откланяться (me faire sa cour), но не знаетъ какъ это уладить, такъ какъ всѣ дни уже заняты. Онъ однако увѣрилъ меня, что если будетъ малѣйшая возможность, то дастъ мнѣ знать и просилъ позволенія привезти съ собою Короля прусскаго. Онъ говорилъ, что очень желаетъ, чтобы это ему удалось и что ему особенно будетъ пріятно показать Королю такую прелестную дачу“.

„Сейчасъ вернулась я“, писала она далѣе, „отъ Юсупова. День былъ самый утомительный. Вообрази, мы отъ себя выѣхали въ 4 часа, а пріѣхали только въ 6 [3]). Вечеръ былъ превосходный, но праздникъ самый плачевный. Все разсказывать было бы слишкомъ долго, но вотъ тебѣ одна подробность, по которой можешь судить объ остальномъ. Вообрази, послѣ закуски поѣхали кататься по ужаснымъ дорогамъ и сырымъ, некрасивымъ мѣстамъ. Послѣ получасовой прогулки подъѣзжаемъ къ театру. Всѣ ожидаютъ сюрприза—и точно сюрпризъ былъ полный—перемѣнили три раза декораціи и весь спектакль готовъ. Всѣ закусили себѣ губы, начиная съ Государя. Въ продолженіе всего вечера была страшная неурядица. Бѣдныя Императрицы не знали рѣшительно, что имъ было дѣлать и куда дѣваться. Хорошее понятіе бу-

[1]) Графина вывозила въ то время племянницу свою, княжну Анну Николаевну Вяземскую, недавно лишившуюся матери (рожд. Васильчиковой, см. о ней выше. Княжна А. Н. вышла впослѣдствіи за князя М. Н. Голицына). Весь дворъ провелъ въ Москвѣ зиму 1817—1818 года. Здѣсь 17 Апрѣля 1818 г. родился нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ.

[2]) Графъ Тормасовъ, въ то время московскій главнокомандующій.

[3]) Праздникъ былъ въ Архангельскомъ, близъ Москвы.

детъ имѣть Король прусскій о московскихъ вельможахъ! Скаредность во всемъ была невообразимая“ [1]).

Государю не удалось побывать въ Петровскомъ. Графиню тамъ посѣтили только Король и принцъ прусскіе, вмѣстѣ съ принцемъ Мекленбургскимъ. Этимъ посѣщеніемъ заключились навсегда веселые пиры въ живописномъ и гостепріимномъ Петровскомъ. 21-го Ноября 1818 года не стало графа Льва Кириловича. Онъ похороненъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. На основаніи, дѣйствовавшихъ еще въ то время въ Малороссіи, литовскаго статута и магдебургскаго права, всѣ свои украинскія маетности графъ завѣщалъ женѣ въ полную собственность. Графъ Алексѣй Кириловичъ протестовалъ и начался процессъ. Графиня его выиграла, тѣмъ болѣе, что братья мужа князь Андрей и графъ Григорій не только отказались вести дѣло, но даже прямо заявили, что, если бы, паче чаянія, Алексѣй Кириловичъ выигралъ процессъ, то они заранѣе отказываются въ пользу невѣстки отъ причитающихся на ихъ долю частей изъ наслѣдства брата. „Есть имена“, говоритъ князь П. А. Вяземскій, „которыя, разъ попавшись подъ перо, невольно вовлекаютъ его въ дальнѣйшія подробности. Имя графини Разумовской принадлежитъ къ этому разряду. Она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ едва-ли имѣла много себѣ подобныхъ. Во-первыхъ, знавшіе ее съ молодыхъ лѣтъ говорили, что она хорошѣла съ годами, т.-е. разумѣется до извѣстнаго возраста. Въ лѣтахъ полной зрѣлости и даже въ лѣтахъ глубокой старости, она могла дать о себѣ понятіе, что была нѣкогда писаной красавицей, чего, говорятъ, никогда не было [2]). Во-вторыхъ, позднѣе, пережила она всѣхъ сверстниковъ и свое современное поколѣніе; пережила многихъ и изъ новаго, такъ что Маѳусаиловскіе года ея оставались головоломною задачею для охотниковъ до лѣтосчисленія. Долго по кончинѣ графа Льва Кириловича предавалась она искренней и глубокой скорби. Глаза ея были буквально двумя источниками непрерывныхъ и неистощимыхъ слезъ. Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, присовѣтовали ей съѣздить въ чужіе края. Тамъ міръ новыхъ явленій и впечатлѣній, новая природа, разнообразіе предметовъ, а вѣроятно болѣе всего счастливое сложеніе натуры и характера ея, взяли свое. Она въ глубинѣ души осталась вѣрна любви и воспоминаніямъ своимъ, но источникъ слезъ изсякъ: трауръ жизни и одѣяній перемѣнился въ болѣе свѣтлые оттѣнки. Она не забыла прежней жизни своей, но переродилась на новую. Парижъ, Вѣна приняли ее радушно: домъ ея сдѣлался

---

[1]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

[2]) Князь Вяземскій здѣсь ошибается: по семейнымъ преданіямъ, графиня въ молодости была красавицею.

опять гостепріимнымъ... Г-жа Эмиль де-Жирарденъ въ извѣстныхъ остроумныхъ Парижскихъ своихъ письмахъ, печатаемыхъ за подписью виконта де-Лоне, упоминаетъ о графинѣ Маріи Григорьевнѣ и о ея парижскомъ салонѣ. Благодарный Карлсбадъ посвятилъ ей памятникъ, она была на водахъ душою общества и хороводицею посѣтителей и посѣтительницъ этого цѣлительнаго уголка. Починъ прогулокъ, веселій, праздниковъ ей принадлежалъ. Такую власть иначе пріобрѣсти нельзя какъ образованностію, навыкомъ утонченнаго общежитія, вѣжливыми пріемами и привычками, которыя дѣлаются второю натурою.

„По возвращеніи своемъ въ Россію, она тотчасъ устроила положеніе свое въ Петербургѣ и заняла въ обществѣ подобающее ей мѣсто. Домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Обѣды, вечеринки, балы зимою въ городѣ [1]), лѣтомъ на дачѣ, въ Петергофѣ, слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Не одно городское общество, но и Царская фамилія были къ ней благопріятно расположены. Императоръ Николай и Государыня Александра Ѳеодоровна были къ ней особенно милостивы и удостоивали праздники ея присутствіемъ своимъ. И ее принимали они за-просто въ свои и немноголюдныя собранія. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который любилъ шутить и умѣлъ вести непринужденный и веселый разговоръ, охотно предавался ему съ графинею. Все это, разумѣется, утѣшало и услаждало ея свѣтскія наклонности. Но, при всей любви своей къ обществу, соблазнамъ и суетнымъ развлеченіямъ его, она хранила въ себѣ непочатый и, такъ сказать, освященный уголокъ, придѣлъ преданій и памяти минувшаго. Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго итальянскаго художника съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа. Кто знаетъ, какія думы, какія чувства сосредоточивались въ ней, когда входила она въ эту домашнюю святыню и пребывала въ ней въ молитвѣ и съ глазу на глазъ съ сердечною памятью своею? Она не любила рисоваться, не любила облекать себя въ назидательную наружность: въ ней не было и тѣни притворства; не было ни желанія, ни умѣнія прикрывать свои и невинныя слабости личиною умышленной и обдуманной внѣшности. Напротивъ, она скорѣе

---

[1]) Графиня долгое время жила въ домѣ своемъ на Большой Морской (нынѣ Сазикова), потомъ переселилась она на Литейную въ домъ Пашкова (нынѣ департаментъ Удѣловъ). Квартиру эту графиня нанимала съ мебелью. Когда домъ Пашкова купленъ былъ въ казну, Государь Императоръ 1-го Апрѣля, въ день именинъ графини, подарилъ ей всю находившуюся въ комнатахъ ея мебель. Послѣдніе годы графиня жила на Сергіевской, въ домѣ гр. Сумарокова (нынѣ Боткиной), здѣсь она и скончалась.

была склонна какъ бы хвалиться своими слабостями: не по лѣтамъ моложавостью нрава своего, нарядовъ, обычаевъ, жадностью (доходившей до слабодушія) свѣтскихъ развлеченій, веселій и вѣчно суетнаго движенія. Но, нѣтъ, она и тутъ не хвалилась: она ничѣмъ не хвалилась, а была таковою безсознательно, непримѣтно для себя самой, единственно потому, что натура таковою создала ее. Она была правдивая, чистосердечная личность. Общественное строгое сужденіе, насмѣшливое злорѣчіе обезоруживались и нѣмѣли предъ нею. То, что́ могло-бы казаться смѣшнымъ въ другой, находило вездѣ не только снисхожденіе, но и сочувствіе. Всѣ были довольны, что она была довольна; всѣ тому радовались, что ей было радостно и весело. Личности, одаренныя такими свойствами и способностями, бываютъ въ обществѣ столь рѣдкія исключенія, такъ много встрѣчаешь людей скучающихъ жизнью, не умѣющихъ ужиться съ нею, жалующихся на нее, что невольно отдохнешь, когда попадается на глаза свѣтлое изъятіе изъ этой почти поголовной неуживчивости и брезгливости.

„Говоря о слабостяхъ ея, нельзя не указать особенно на одну изъ нихъ, совершенно женскую, а именно на страсть ея къ нарядамъ. Когда, въ 1835 году, въ Вѣнѣ, собиралась она возвратиться въ Россію, просила она проѣзжавшаго черезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ея въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ. „Да что же намѣрены вы провезти съ собою?“ спросилъ онъ. „Бездѣлицу“, отвѣчала она: „триста платьевъ“ [1]). Добавимъ отъ себя характеристику эту. Графиня очень любила Парижъ, она простодушно признавалась, что любитъ его потому, что женщины немолодыя носятъ тамъ туалеты нѣжныхъ, свѣтлыхъ оттѣнковъ. „Ахъ, улица эта губитъ меня“, шутя говаривала она на другой день, послѣ пріѣзда своего, гуляя по rue de la Paix. Въ Парижъ ѣзжала она черезъ каждые 3, 4 года. Передъ коронаціею нынѣ царствующаго Государя, графиня рѣшилась туда съѣздить, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжествъ въ Москвѣ. Петербургъ не былъ еще связанъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ Европою. Путешествіе было долгое и утомительное. Графиня, нигдѣ не останавливаясь, однимъ духомъ доѣхала до Парижа, ей было уже тогда 84 года; пріѣхала она довольно поздно вечеромъ, а на другой день, утромъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, гуляла по любимой своей rue de la Paix. Въ то время въ Парижѣ находилась старая вѣнская пріятельница и ровесница графини, княгиня Грасальковичъ рожденная княжна Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на преклонныя лѣта.

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 449—452.

Узнавъ, что графиня Марія Григорьевна однимъ духомъ доскакала до Парижа, для заказа нарядовъ, княгиня съ завистью воскликнула: „Послѣ этого мнѣ остается только съѣздить на два дня въ Нью-Іоркъ". „Графиня была", продолжаетъ князь Вяземскій, „отмѣнно добра, не только пассивно, но и дѣятельно. Всѣ домашніе и близкіе любили ее преданною любовью. Много добра и милостей совершила она безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Она была примѣрная родственница и охотно дѣлила богатство свое съ родственниками и дальними, нуждающимися въ пособіи. Свойство, а можетъ быть и погрѣшность, аристократическаго круга есть ограниченіе, съуживаніе этого круга до самой тѣсной исключительности. Этого правила и обычая не держалась она: на балахъ и раутахъ ея въ Петербургѣ встрѣчались лица часто совершенно незнакомыя высшему петербургскому обществу. Въ присутствіи царскихъ особъ, въ наплывѣ всѣхъ блестящихъ личностей туземныхъ и дипломатическихъ, были ласково принимаемы ею и дальніе родственники, пріѣзжіе изъ провинцій. На это нужна была нѣкоторая независимость и смѣлость. Ей очень хотѣлось ѣхать въ Лондонъ на выставку 1861 года. Она, не слишкомъ бережливая на расходы, скопила и отдѣлила нужную сумму на совершеніе этой поѣздки... Срокъ поѣздки приближался, а она не ѣхала. Я спросилъ ее: „когда же она ѣдетъ?" Она отвѣчала неопредѣленно. Что же оказалось? Сбереженнымъ ею деньгамъ, для увеселительной прогулки, дала она другое назначеніе: узнавъ, что одинъ изъ молодыхъ родственниковъ ея много задолжалъ и находится въ нуждѣ, она, долго не думая, употребила эти деньги на уплату долговъ его. Такая черта была бы замѣчательна и прекрасна въ каждомъ; но, со стороны ея, которую обыкновенно почитали женщиною легкомысленною и безпредѣльно преданною развлеченіямъ и соблазнамъ свѣтскимъ и которая въ самомъ дѣлѣ была такова, этотъ поступокъ имѣетъ всѣ свойства жертвы благочестивой и почти героической.

„Вотъ чѣмъ довершу памятную записку свою о графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, которую всѣ любили, но не всѣ знали. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкою нарядовъ парижскихъ, нерѣдко таятся въ русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія. Надобно имѣть случай подмѣтить ихъ и сочувственное расположеніе, чтобы ихъ оцѣнить и воздать имъ должную признательность" [1]).

Мы рѣшились цѣликомъ выписать прелестный портретъ этотъ изъ старой записной книжки покойнаго князя Вяземскаго, послѣдняго представителя блестящей Пушкинской эпохи. Увѣрены, что благосклонный

---

[1]) Тамъ же.

читатель не поставитъ намъ этого въ упрекъ. Изображеніе это не только художественно, оно еще дышетъ правдою. Князь Вяземскій упомянулъ только объ одномъ случаѣ сердоболія графини. Но такіе случаи повторялись безпрестанно. Одни близкіе родственники графини въ состояніи свести громадную цифру ея милосердія и объяснить, какимъ образомъ столь богатая женщина такъ часто бывала въ затрудненіи. Мотовства въ ней не было вовсе, она умѣла считать для себя, но часто обсчитывалась, когда дѣло шло о другихъ. Громадное имѣніе свое Карловку продала она покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ за весьма значительную пожизненную ренту. Домъ свой въ Москвѣ подарила она брату, вѣчно, подобно многимъ и весьма многимъ изъ ея близкихъ родственниковъ, нуждавшемуся въ деньгахъ. Послѣдній годъ жизни своей графиня Марія Григорьевна стала видимо слабѣть, слухъ ея притупился, зрѣніе ослабло. Она чувствовала приближеніе кончины безбоязненно и спокойно. Она отказалась отъ столь долго любимаго ею свѣта, даже отъ дорогой ей табельки. Въ ея гостиной сооружена была походная церковь; въ молитвѣ провела она послѣдніе мѣсяцы своей жизни и мирно уснула на рукахъ вѣрной и любящей подруги, болѣе тридцати лѣтъ отъ нея не отходившей. Графиня Марія Григорьевна 47 годами пережила мужа. Она родилась 10 Апрѣля 1772 года и скончалась 9 Августа 1865 г., 93-хъ лѣтъ отъ роду. Мало знакомыхъ сошлось помолиться вокругъ этой поздней могилы. Въ это время года Петербургъ бываетъ пустъ; къ тому же многіе изъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ покойною, успѣли уже забыть про ея благодѣянія. Тѣло ея перевезено было въ Москву. Подняли красивый порфирный памятникъ, за полстолѣтіе передъ этимъ воздвигнутый графинею надъ прахомъ обожаемаго мужа. На немъ, на ряду съ старою, вырѣзана была новая надпись: „Блаженны милостивые яко тіи помилованы будутъ“.

Графъ Левъ Кириловичъ оставилъ послѣ себя воспитанника, почтеннаго и всѣми уважаемаго Ипполита Ивановича Подчаскаго (д. т. с. и сенатора), скончавшагося недавно въ Твери, въ глубокой старости, и двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одна была за Шотомъ, а другая за д'Андре. Мать Ипполита Ивановича, Прасковья Михайловна Соболевская, впослѣдствіи вышла замужъ за Ландера.

ГЛАВА VII.

Графы Григорій и Иванъ Кириловичи.

Пятый сынъ графа Кирилы Григорьевича—Григорій, родившійся 10 ноября 1759, съ ранняго дѣтства поражалъ окружающихъ страннымъ своимъ нравомъ. Это былъ слабый, болѣзненный ребенокъ, крайне нервный, всѣхъ чуждавшійся, сосредоточенный и упрямый. Съ юныхъ лѣтъ сталъ онъ выказывать охоту къ ученію, но въ то же время характеромъ своимъ приводилъ въ отчаяніе своихъ педагоговъ. Какъ мы видѣли выше, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ путешествовалъ за границею. Вскорѣ послѣ возвращенія отецъ вытребовалъ его въ Малороссію. „Mon petit frère Grégoire", писала къ брату Андрею Наталья Кириловна Загряжская, „est parti pour l'Ukraine. Mon père en a voulu je ne sais trop pourquoi. Il commençait à devenir un peu raisonnable, il se gâtera de nouveau". Въ Малороссіи произошли какія-то непріятности съ графинею Апраксиною и отецъ, уже и прежде любившій сына своего Григорія менѣе другихъ дѣтей, теперь окончательно отъ него отвернулся. „Ma cousine (т.-е. графиня С. О. Апраксина) me deteste plus que jamais", писала далѣе Наталья Кириловна, „depuis qu'elle sait que je suis instruite de tout ce qui s'est passé entre elle et mon frère. Mes frères (Левъ и Григорій) sont toujours chez moi, elle voit combien j'en suis aimée et l'on me rendrait responsable de tout ce qui arrive... Mon frère Gregori m'aime beaucoup depuis son retour d'Ukraine et ne me quitte presque plus. J'en suis enchantée, cela l'empêche de fréquenter la mauvaise compagnie. Il a beaucoup de bon, et s'il était entre de bonnes mains cela ferait un joli sujet. Je l'ai toujours dit, malgré qu'il ne m'aimait guère autrefois comme il me l'a avoué depuis. Grégoire, ma foi", писала она еще въ концѣ 1778 года, „joue la comédie aussi et veut faire la cour aux femmes, mais ne sait comment s'y prendre et avoue de bonne foi sa gaucherie. J'en suis très contente depuis quelque temps. Il ne voit point les filles comme autrefois; il a joué de malheur et manqué y perdre entièrement sa santé. Il est rangé, me témoigne beaucoup de confiance, a envie de s'appliquer et, à quelques ridicules près, il est en vérité bien sage et la bonne société à laquelle il parait prendre gout la corrigera de ses travers. Il me fait rire souvent en me contant de la meilleure foi du monde combien il se trouve sot quand il est avec les femmes". Въ 1779, отправленъ былъ зимою въ Стокгольмъ баронъ Строгановъ для поздравленія короля Густава III съ рожденіемъ сына. Графъ Григорій Кириловичъ упросилъ отца отпустить его съ барономъ и предпринялъ

долгое путешествіе, черезъ Лапландію въ столицу Швеціи. Вскорѣ послѣ этого онъ снова отправился за границу и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ жилъ въ Лейденѣ и слушалъ лекціи знаменитаго въ то время профессора Алламана, читавшаго философію и естественную исторію. Подъ его руководствомъ молодой Разумовскій сталъ изучать минералогію и геогнозію. Онъ все предпринималъ съ какимъ-то болѣзненнымъ увлеченіемъ и теперь совершенно забылъ не только про петербургское общество, но даже про семью свою. Изъ всѣхъ братьевъ онъ одинъ былъ некрасивъ лицомъ. Маленькій, неуклюжій и смуглый, какъ и всѣ, впрочемъ, братья, онъ къ тому же былъ страшно обезображенъ оспою. Отецъ во время пребыванія сына въ Голландіи былъ имъ очень недоволенъ, вѣроятно онъ надѣлалъ долговъ, и приказалъ ему ѣхать къ старому гувернёру братьевъ де-Мариніану, руководству котораго онъ его теперь поручалъ. „Mandez moi", писалъ къ Мариніану графъ Андрей Кириловичъ, „que vous a proposé mon père? Que vous dit-on de la famille? Vous pourriez bien en savoir plus que moi. J'ai reçu une lettre du frère Grégoire qui est encore dans les marais Bataves".

„Vous voilà donc", писалъ онъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, „sorti de votre retraite pour reparaitre sur le théâtre du monde, pour y guider une jeune cervelle, à qui je prends intérêt. Dans ce que vous me dites de mon frère il y a de bonnes qualités mélangées de défauts. C'est bien ainsi que je l'ai quitté et c'est ainsi qu'il serait peut-être resté toujours, si son bonheur ne le mettait à portée de s'en corriger auprès de vous. Il a des défauts, mais il n'a point de vices et peut-être même n'a-t-il que de mauvaises habitudes. Vous le connaitrez mieux que moi, dont la position en Russie n'a jamais permis de m'en occuper. Je le voyais rârement même, cependant je crois en avoir une idée assez juste, et, c'est avec bien de la satisfaction que je pense, que votre exemple et la confiance, que vous lui inspirerez, détruiront ses mauvais plis et supléeront aux obstacles, que les circonstances ont apportés au développement de son esprit et de son caractère. Quant au portrait que vous en a fait mon père, il ne faut pas le prendre à la lettre. Mon père a toujours été prévenu contre ce jeune homme par une raison que je n'ai peut-être pas besoin de vous dire ou que je ne vous ferais sentir au moins qu'avec chagrin, c'est qu'il connait peu ses enfants par lui-même et que sur l'extérieur peu prévenant, farouche même de celui-ci, il s'en est fait une idée trop défavorable. Mon frère a été élevé hors de Russie et n'a jamais pû se plier à de certaines choses qu'on ne rencontre que chez nous. A qui la faute? Je n'en sais rien, ou du moins je ne le dirai pas ici. Tout cela nous mènerait loin. Ce n'est point mon intention. Je ne voulais que vous dire deux mots sur votre nouvel élève, le recommander à vos soins et à votre amitié et adoucir un

peu la désagréable impression qu'on vous en a donnée. J'espère mon ami, que vous ne me laisserez point ignorer ses progrès auprès de vous. Vous êtes sans donte à Lausanne maintenant. Je désirerais savoir ce que vous y faites, s'il est question d'études, d'application ou seulement d'un homme qui ne demande qu'un jugement sain et l'habitude de réfléchir, ce qu'on acquérerait sans doute auprès de vous, quand même la nature l'aurait refusée. Combien de temps comptez vous y rester? Quel sera votre plan de voyage ensuite? Ma curiosité est intéressée depuis que vous m'avez flatté d'un voyage en Italie. Ma maison, mon coeur, vous y receveront et je serai bien satisfait, bien heureux de pouvoir me partagé entre le sentiment de la nature envers mon frère et celui d'une tendre reconnaissance envers vous"... „Je viens dans le moment d'écrire à votre farouche compagnon", писалъ еще къ Мариніану Андрей Разумовскій отъ 8 Февраля 1783 года, „je croyais réelement lui avoir répondu et je vous suis obligé de m'avoir fait appercevoir ma distraction. Je lui en demande excuse cordialement. J'espère que cela me réconciliéra et me vaudra quelque confiance de sa part, ce que je souhaite en vérité de bien bon coeur. Ce que vous me dites de lui ne me surprend nullement et j'avouerai ne me déplait pas. Je l'ai toujours connu un peu singulier. Dans la peinture que vous me faites je découvre un caractère sombre et farouche, mais droit, mais honnête et je confesse, mon ami, que j'aime mieux l'énergie que la souplesse et que je préfère la rudesse même à l'inconséquence de la plupart des jeunes gens que je vois dans le monde. Je vous expose ma façon de penser avec franchise. Qu'elle ne vous épouvante pas cependant. Ne me croyez pas l'apologiste outré des défauts que vous trouvez à mon frère. Je les sens, je les condamne comme vous, je n'en excuse que la source, qui me parait trouble comme à vous même. D'ailleurs mes conseils viennent bien à l'appui de vos plaintes. Par amour pour lui, par attachement pour mon père, par intérêt pour tous enfin, empêchez que cette jeune tête ne s'échauffe trop et mettez tout en usage pour le distraire d'une application excessive. C'est bien sagement pensé de faire un voyage dans les environs de votre résidence; il y a des choses bien interessantes à parcourir dans les Alpes et dans ces glaciers fameux, que je regrette si souvent de n'avoir pas vûs. Je lui recommande et à vous aussi de faire la connaissance de m. de Saussure [1]), à Genève. C'est de la part du chevalier Hamilton [2]), à qui j'ai parlé de mon frère et qui

[1]) Горацій-Бенедиктъ де-Соссюръ, знаменитый швейцарскій геологъ и физикъ, р. въ Женевѣ 1740 г., † тамъ же, въ 1799.

[2]) Сиръ Вилліамъ Гамильтонъ (р. 1740 † 1803), англійскій посолъ въ Неаполѣ, извѣстный археологъ. Онъ былъ мужемъ знаменитой лэди Гамильтонъ, игравшей важную роль въ Неаполѣ и при Нельсонѣ.

probablement passera à Lausanne au mois de Mai en grande partie pour voir M. de Saussure dont il fait grand cas. On vous a dit vrai que mon père se rapprochait de la capitale. Il y viendra cet été à ce qu'il me mande dernièrement. J'en suis bien aise; jugez de ce que ses lettres mettaient à venir à Naples. Quand donc est ce que vous y viendrez?"

„Mon frère me propose", писалъ онъ еще отъ 29 Марта 1783 года, „de venir demeurer avec moi. Il me le propose avec une franchise qui me fait plaisir. Mon père, me dit-il, le destine à la politique. Il se croit aussi peu fait pour les affaires que pour le monde et aussi *gauche* (c'est son expression) dans l'un que dans l'autre, cependant il ne veut point désobéir et, en croyant remplir les intentions paternelles, il voudrait venir faire auprès de moi son apprentissage parcequ'il trouverait en même temps à satisfaire dans ce pays-ci son goût pour l'histoire naturelle. C'est ce goût seul qu'il semble avoir consulté et il me flatte infiniment s'il croit pouvoir apprendre quelquechose des affaires auprès de moi. Mon poste n'en offre que très peu et mes talents sont fort médiocres, cependant j'accepte de grand coeur sa proposition. Je serai enchanté de le voir, de vivre avec lui, de faire tout ce qui dépendra de moi pour son agrément et son instruction. Il est donc le maitre de venir occuper un appartement dans ma maison, mais j'espère qu'il n'y viendra pas seul et la satisfaction de vous revoir entre beaucoup dans mes idées".

Добрыя отношенія между Григоріемъ Кириловичемъ и Маріаномъ продолжались, однако, не долго. Сумрачный мизантропизмъ Разумовскаго приводилъ бѣднаго француза въ отчаяніе. „Il m'en coute beaucoup, mon cher", писалъ къ нему Андрей Кириловичъ, отъ 7-го Іюня 1783 г., „de répondre à votre dernière lettre. Elle m'a profondément affligée, et si je ne désespère pas encore que la réponse de mon père ne répare tout, au moins ai-je perdu cette douce certitude avec laquelle je nourissais l'idée de vous revoir ici. Ce que vous me dites de mon frère, le ton même de sa lettre qui dénote un esprit sombre, et une âme malcontente, tout cela m'étonne et m'affecte. Je ne puis concevoir les motifs de cette tristesse; ils ne me paraissaient point dans son caractère, autant que j'ai pû le connaitre, et je ne démêle point quels peuvent avoir été les chagrins qui les ont fait naitre. J'y ai beacoup réfléchi d'après ce que vous m'écrivez, car je ne puis attribuer sa froideur vis à vis de vous qu'à cette humeur vague et singulière. Comment se peut-il que votre caractère aimant et sensible ne puisse pas vous obtenir sa confiance et son attachement? Je ne puis blâmer votre délicatesse et votre procédé envers mon père, quelques affligents qu'en puissent devenir les consequences pour moi. Mais j'aime à espérer que mon père insistera, qu'il combattra vos raisons,

que votre dévoûment pour lui, votre amitié pour moi, vous feront changer de résolution et que le retour même de mon frère vous y engagera. Je viens de lui écrire, je ne lui ai pas parlé de vous. Il n'est pas ce me semble d'un caractère à recevoir des remontrances ou des reproches, quoique la nature et l'intérêt que je prends à lui m'en puissent donner le droit. Je ne veux pas m'en prévaloir, je n'ose point compter sur sa confiance et ce n'est que par ce sentiment seul qu'on peut prétendre à obtenir quelquechose"...

Но рѣшеніе Мариніана было безвозвратно; несмотря на дружбу ко всему семейству Разумовскихъ, на просьбы Кирилы Григорьевича и краснорѣчивыя письма графа Андрея, долѣе жить съ Григоріемъ Кириловичемъ онъ не былъ въ состояніи и отправился изъ Швейцаріи въ Саксонію, покидая своего сумрачнаго и обидчиваго питомца, успѣвшаго поссориться и съ знаменитымъ де-Соссюромъ, съ которымъ, какъ мы видѣли выше, онъ познакомился черезъ посредство брата Андрея.

„Je vous remercie tristement", говоритъ графъ Андрей въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Мариніану, отъ 16 Января 1784 года, „des détails que contient votre lettre. Dans un mois vous partez... J'ai reçu la brochure de mon frère, je l'ai lûe avec avidité. Je l'ai trouvée trop savante pour moi; je n'ai pas la moindre prétention de la juger de ce côté, mais celui auquel je me suis attaché c'est le raisonnement, s'est la justesse des idées, la simplicité des expressions et j'en ai été satisfait. La petite querelle avec m. de Saussure m'a inquiété. Je l'exhorte à ne jamais se départir du ton de modération qu'il a pris et de conserver toujours la paix avec ses confrères en nature" [1]).

Брошюра, о которой упоминаетъ Андрей Кириловичъ, было вѣроятно сочиненіе о геологическихъ изысканіяхъ въ Швейцаріи, о которой мы упоминаемъ ниже. Это былъ однако не первый печатный трудъ графа Григорія Кириловича, еще въ Лейденѣ онъ напечаталъ статью о малороссійскихъ конскихъ заводахъ (von der Ukrainischen Stutereyen), помѣщенную имъ въ „J. C. Zeihers Lehrbegriff von den Krankeiten der Pferde und deren Heilung. 8-vo, Berlin [2]).

Уговаривая де-Мариніана не разставаться съ братомъ, графъ Андрей Кириловичъ въ то же время старался примирить отца съ чудакомъ-братомъ и въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говорилъ о его ученыхъ занятіяхъ.

„Читалъ я пространное твое письмо о философѣ нашемъ Григоріѣ",

---

[1]) Всѣ письма къ Мариніану изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) См. Fortsetzung und Ergäntzungen zu Chr. G. Jöchers allgemeinen gelehrten Lexicon. Bremen, 1819, VI, 1477. Здѣсь явно ошибочно книга Цейхера помѣчена 1771 годомъ.

отвѣчалъ ему отецъ. „При всей его странности хорошо, что онъ избралъ такое упражненіе, которое и похвально и можетъ быть полезно для молодого человѣка, а ему всегда пріятно. Я не только что на него за сіе не сердитъ, но самъ апробую его упражненіе, яко могущее со временемъ ему славу наносить. Правда, что оно противно военному званію, но что дѣлать когда ни сложеніе его здоровья, ни склонности его къ тому не влекутъ? Много охотниковъ есть, которые его мѣсто займутъ въ военномъ искусствѣ, но въ томъ, куда его судьба влечетъ—мало; а что не имѣетъ стремленія ни къ знатнымъ чинамъ, ни къ декораціямъ имъ свойственнымъ, то сіе рѣдкость неслыханная въ молодомъ человѣкѣ; но почитаю счастливымъ того, который на всѣ сіи суеты съ спокойнымъ духомъ смотритъ и не занимается желаніемъ оныхъ. Такой человѣкъ въ жизни всегда довольнѣе и спокойнѣе быть можетъ. Нашъ философъ, устремившій свои мысли на полезныя знанія и на испытаніе существа натуры, кажется мнѣ, благую часть избралъ, которая не отымется отъ него. Возложеннымъ на него военнымъ чиномъ онъ какъ заниматься, такъ и безпокоиться не долженъ; его черезъ годъ отставить можно будетъ, къ чему я сыщу способъ и писать къ нему о семъ буду. Что касается до его опредѣленныхъ 5,000, я постараюсь такъ учредить, чтобы впредь никакого безпокойства не имѣлъ. Онъ, я вижу, порядоченъ въ издержкахъ и разсчетахъ, чѣмъ ни одинъ изъ васъ похвалиться не можетъ и я бы желалъ, чтобы вы сей статьѣ у него поучились, что̀ самое для васъ и для меня спокойствіемъ бы служило, котораго по сіе время всѣ мы съ сей стороны лишены. За симъ всѣмъ, можешь его съ моей стороны увѣрить, что я крайне какъ его ученіемъ, такъ и поведеніемъ доволенъ. Богъ ему въ помощь, пусть изъ себя онъ дѣлаетъ ученаго человѣка, а я въ томъ ему препятствія дѣлать не буду. Оставляю для него дороги: военную, штатскую и придворную, яко ему несвойственныя, пусть онъ течетъ путемъ и дорогою, которую самъ избралъ. Авось сіе ему послужитъ, а можетъ и доведетъ его со временемъ къ пріятной и спокойной жизни, чего ему отъ сердца желаю“ [1]).

Вслѣдствіе этого отеческаго благословенія, Григорій Кириловичъ окончательно основался въ Лозаннѣ, купилъ себѣ тамъ домъ и учредилъ общество любителей физическихъ наукъ. Въ 1783 году онъ издалъ свое минералогическое путешествіе изъ Брюсселя въ Лозанну (in 8-vo, 218 стр.), а вслѣдъ за этимъ брошюру о геологическихъ изысканіяхъ въ Швейцаріи, о которой упомянули выше (8-vo, 183 стр.)

Оба эти сочиненія скоро разошлись и вторымъ изданіемъ напеча-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

таны были въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Oeuvres de Monsieur le Comte Grégoire de Razoumowsky, membre de la société des Sciences physiques de Lausanne, contenant: Tome 1-er: Voyage minéralogique et physique de Bruxelles à Lausanne par une partie du pays de Luxembourg, de la Lorraine, de la Champagne et de la Franche-Comté; Tome II: Voyages minéralogiques dans le gouvernement de l'Aigle et dans le Vallois, suivis de la relation d'un excursion sur le lac de Lucerne ou le lac des 4 cantons, съ рисунками. Lausanne, chez Maurer Cadet. 1784, 2 vol. 8-vo. Первый томъ сочиненій своихъ графъ Григорій Кириловичъ посвятилъ профессору Алламану: „C'est le tribut d'un homme pénétré de reconnaissance pour l'estime et l'amitié que vous eûtes la bonté de lui témoigner, tant pendant son séjour à Leyde que depuis son départ", говоритъ онъ въ посвященіи своемъ. Второй томъ посвящался графу Андрею Кириловичу въ благодарность за поощреніе его къ ученой дѣятельности. „C'est à l'amitié que je dédie mon livre", писалъ графъ Григорій. „Vous avez approuvé, mon cher frère, mes gouts et mes études. Vous avez pris part aux douces jouissances que m'ont procurées mes excursions dans les montagnes; vous avez désiré de me voir auprès de vous, d'être vous-même le témoin de mes courses et de mes travaux, dans ce climat fortuné, cette contrée heureuse, où vous êtes maintenant fixé... [1]). C'est donc à vous, qui marquez tant de confiance à mes faibles talents, à qui je dois l'hommage de mes observations dans un pays, à la vérité, moins riche de merveilles que l'Italie, mais qui n'en est pas moins un des plus charmants et des plus intéressants de l'Europe. Je suis né sensible et je me fais un devoir de vous témoigner ici combien votre amitié m'est chère, combien j'y suis reconnaissant"... Сочиненіе Разумовскаго было оцѣнено современными спеціалистами и удостоилось даже нѣмецкаго перевода. Его перевелъ и издалъ въ Дрезденѣ Чоппе [2]). Кромѣ этого, въ 1789 г., графъ Григорій напечаталъ еще другое сочиненіе: „Histoire naturelle du Jorat et de ses environs et celle des trois lacs de Neufchatel, Morat et Bienne, précédée d'un essai sur le climat, les productions, le commerce, les animaux de la partie du pays de Vaud ou de la Suisse Romande qui entre dans le plan de cet ouvrage, par le C-te G. de Razoumowsky. Lausanne chez Jean Maurer, 1789, 2 vols.

Состоя уже членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, графу Григорію Кириловичу захотѣлось быть избраннымъ и въ только-что учрежденную Россійскую академію. „Теперь стану тебѣ говорить", писалъ

[1]) Въ Неаполѣ.

[2]) Herrn Gregorius Graf von Rasumowsky u. пр. Mineralogische und physikalische Reisen a. d. Französischen übersetzt V. I. M. Tschoppe und mit Anmerkungen versehen. Dresden, 1788, 8°.

къ сыну Андрею фельдмаршалъ отъ 1 Апрѣля 1786 года изъ Петербурга, „объ упадшемъ въ ученую яму нашемъ философѣ Григоріи слѣпомъ. По поводу письма твоего говорилъ я на сихъ дняхъ о его желаніи съ княгинею Дашковою, чтобы его сдѣлать членомъ академіи, но чтобъ сіе сдѣлалось не для уваженія имени, ниже ко мнѣ, но суди по всей строгости ученой о его сочиненіяхъ, на которыхъ онъ садится и упирается яко на коня и уже въ нѣкоторыя академіи и ученыя общества уѣхалъ и одѣвается сими титулами яко кожею. Сія Минерва весьма такое стремленіе нашего мудреца похвалила и сказала мнѣ способъ, какъ сіе дѣлается въ нашей академіи, т.-е. кто ищетъ быть сочленомъ сего общества долженъ прислать 2 экземпляра всѣхъ его сочиненій отъ мала до велика, изъ которыхъ одинъ княгиня въ библіотекѣ своей оставляетъ, а другой отсылаетъ въ академію, который читаютъ, разсуждаютъ и представляютъ ей, достоенъ ли или нѣтъ приняту быть въ сочлены. Итакъ, отпиши къ нему, чтобы онъ, если сего желаетъ, сдѣлалъ-бы по сему писанному, яко по тесанному и прислалъ бы къ тебѣ сіи увражи. Я думаю и не лишнее бы было, если препроводилъ особливымъ письмомъ къ княгинѣ Дашковой, въ которомъ бы и далъ знать о его желаніи при сей посылкѣ-же. Ты же, получа все сіе, можешь адресовать ко мнѣ или прямо къ княгинѣ Дашковой, если бы меня здѣсь не было. Я думаю, сверхъ достоинства по сочиненіямъ, для рѣдкости такихъ членовъ, его оболванятъ“ [1]). Въ то время, какъ велись эти переговоры, Григорій Кириловичъ велъ тихую уединенную жизнь въ Лозаннѣ, занимаясь сочиненіемъ и изданіемъ разныхъ минералогическихъ изслѣдованій. Онъ усердно занимался учрежденнымъ имъ въ Лозаннѣ ученымъ обществомъ и часто помѣщалъ въ запискахъ его свои статьи. Такъ въ 1784 г. въ I томѣ Mémoires de la société des sciences physiques de Lausanne, in 4-to, появилось его: „Voyage aux environs de Vevay et une partie du Vallois“. Графъ Григорій былъ отъ природы очень застѣнчивъ, но въ то же время вспыльчивъ и отъ отца унаслѣдовалъ влюбчивое сердце. Нѣжное сердце при его невзрачности, неловкости и застѣнчивости дѣлало его смѣшнымъ въ обществѣ. Къ тому же, онъ былъ крайне близорукъ. Среди занятій по геогнозіи и минералогіи Разумовскаго захватилъ въ Лозаннѣ наплывъ французскихъ эмигрантовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ познакомился и мало по малу, по свойственному природѣ его противорѣчію, сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Между сотнями французовъ и француженокъ, выселившихся въ то время въ Лозанну, находилось эльзасское семейство Мальсенъ (Malsen—Barons de Tilborch). Мальсены эти были голландскаго происхожденія, но издавна поселились

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

въ Эльзасѣ, гдѣ въ 1680 году получили баронское достоинство [1]). Семья состояла изъ матери и дочери. Мать приходилась какъ-то роднею Страсбургскому князю-епископу, кардиналу принцу Рогану, игравшему столь плачевную роль въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XVI; дочь была умна и образована. Григорій Кириловичъ сталъ ухаживать за дочерью и даже, какъ кажется, за нее сватался. Слухи о сватовствѣ этомъ дошли до Петербурга, и Кирила Григорьевичъ рѣшился вызвать сына въ Россію

„Отъ 31 прошедшаго Октября мѣсяца письмо твое получилъ", писалъ, отъ конца Ноября 1788 года, отецъ изъ Петербурга, „которымъ я увѣдомленъ, что посланныя деньги исправно тобою получены. Что касается до разсчету, то оныя по здѣшнему курсу посылаются, и все равно Людерсъ ли или другой кто свой счетъ наблюдаетъ. О таковой конторѣ, каковую ты мнѣ въ письмѣ твоемъ наименовалъ, я здѣсь никогда не слыхалъ, однакожъ я прикажу справиться, но думаю, что впредь нужды не будетъ, потому что, я полагаю, тебѣ будущимъ лѣтомъ въ отечество возвратиться, гдѣ тебѣ ничто не будетъ мѣшать заниматься по склонности твоей тѣми же занятіями, которыми и въ Лозаннѣ занимаешься, но то будетъ съ лучшею для тебя пользою и благопріятностію; а при томъ, какъ ты ни склонности, ни здоровья, ниже зрѣнія пристойныхъ къ военной службѣ не имѣешь, то и надобно будетъ тебѣ взять отставку отъ оной, а потомъ можешь жить вездѣ, гдѣ пожелаешь въ Россіи или внѣ оной, будучи воленъ и никакою службою не обязанъ. Здѣсь странный слухъ о тебѣ носится или пронесся тому уже нѣсколько времени. Говорятъ, будто бы ты женился тамъ на какой-то купца или посадскаго дочери. Но я сему не вѣрю и не думаю, чтобы ты до такого пункта забылъ себя, чтобъ пріобрѣлъ мнѣ и фамиліи своей столь малозначущихъ и неважныхъ союзниковъ и жду о семъ отъ тебя объясненія"... [2])

На самомъ дѣлѣ графъ Григорій Кириловичъ все еще считался на военной службѣ, и даже въ 1783 г., по старшинству, произведенъ былъ въ капитаны. Ему приходилось волею-неволею вернуться въ Россію, къ тому же онъ былъ влюбленъ и надѣялся отъ отца получить согласіе на бракъ съ дѣвицею Мальсенъ. Передъ отъѣздомъ онъ издалъ новое сочиненіе: „Essai d'un système de transition de la nature dans le règne minéral. Lausanne, 1785. 184 стр. 8-vo". Сочиненія Разумовскаго пользовались уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и послѣдняя книга его была два раза переведена на нѣмецкій языкъ, сперва Грейцомъ (Greitz, въ 1786 г. 8. 126 стр., а потомъ и Шоппе (Tshoppe-Dresden.

---

[1]) Одна вѣтвь этого рода поселилась въ Баваріи.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

1787. 116 стр. 6. in 8-vo). Во время отсутствія графа, Лозанну посѣтилъ Карамзинъ, тогда еще молодой человѣкъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ философіи Руссо. „Здѣсь (т.-е. въ Лозаннѣ)“, говоритъ онъ въ Письмахъ Русскаго путешественника, „поселился нашъ соотечественникъ, графъ Г. К. Разумовскій, ученый натуралистъ. По любви къ наукамъ, отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право, удалился въ такую землю, гдѣ натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находитъ для себя болѣе пищи; живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ природы и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на французскомъ языкѣ. За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозанну“ [1]).

При пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ графъ Григорій Кириловичъ произведенъ былъ въ бригадиры. „Григорій нашъ“, писалъ отецъ отъ 13 Сентября 1789 года изъ Москвы въ Петербургъ къ сыну Андрею, „думаю, въ бригадирской арматурѣ смѣшенъ, какъ давно отвыкшій. Что касается до моихъ наставленій относительно впредь до его состоянія, то оное состоитъ въ томъ, чтобъ оставить военную службу, къ которой онъ ни здоровья, ни склонности не имѣетъ, а взять такое званіе, если то возможно, гдѣ онъ съ лучшею пользою употребиться можетъ; вотъ моя мысль и наставленіе ему, о чемъ, посовѣтавшись съ ближними и друзьями, поступать по словеси Евангельскому: ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ“ [2]). Графъ Григорій повиновался приказанію отца, подалъ въ отставку, и былъ уволенъ бригадиромъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ то же время исполнилось давнее его желаніе. По предложенію княгини Дашковой 7 Января 1790 г., онъ былъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ Россійской академіи. „Бригадиръ графъ Разумовскій“, сказано было въ протоколѣ засѣданія, „пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своею естественною исторіею Жора (du Jorat) и нѣсколькими замѣчательными изслѣдованіями, которыми онъ обогатилъ записки имъ же основаннаго Лозанскаго общества въ Швейцаріи“. Все собраніе одобрило такой выборъ“ [3]). Избраніе это надѣлало много шума въ Петербургѣ. Княгиня Дашкова, вслѣдъ за назначеніемъ графа Григорія Кириловича, отправила къ нему связку разныхъ академическихъ изданій, всего на сумму 500 или 600 рублей, требуя немедленной уплаты. Разумовскій, просившій только одной какой-то книги, остальныя изданія

[1]) Сочиненія Карамзина, изд. Смирдина, II, 301.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

[3]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, I, 371.

отослалъ обратно, не совсѣмъ вѣжливо объявляя, что въ библіотекѣ своей имѣетъ подлинники этихъ переводовъ [1]). Княгиня возвратила книги, и, какъ говорятъ, при этомъ дала почувствовать Разумовскому, что онъ избранъ въ члены академіи, съ обязанностію пріобрѣтать академическія изданія, и снова требовала за нихъ уплаты. Вспыльчивый Григорій Кириловичъ вмѣстѣ съ книгами вернулъ и дипломъ свой, причемъ написалъ не вполнѣ вѣжливыя письма княгинѣ и секретарю академіи Эйлеру. Въ засѣданіи академіи, состоявшемся 18 Февраля 1790, секретарь Эйлеръ заявилъ, что по порученію княгини Дашковой онъ имѣетъ прочесть и внести въ протоколъ слѣдующее: „Секретарь академіи получилъ обратно отъ графа Григорія Разумовскаго академическій дипломъ при двухъ письмахъ, изъ которыхъ одно адресовано было Княгинѣ, а другое ему, Эйлеру. Выраженія, употребляемыя графомъ въ письмахъ этихъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, слишкомъ явно доказываютъ, что возвращеніе диплома, котораго онъ такъ домогался, равно какъ и рѣшеніе окончательно выселиться за границу, происходятъ отъ горестнаго настроенія духа, причинившаго не мало уже скорби всей его семьѣ, поэтому ея сіятельство полагаетъ, что академія должна великодушно предать забвенію такой необдуманный поступокъ, могущій повредить только тому кто совершилъ его и кто, безъ сомнѣнія, будетъ болѣе сожалѣть о своемъ дипломѣ, чѣмъ почтенное собраніе о подобномъ сочленѣ“ [2]).

О протоколѣ этомъ Разумовскій узналъ, уже воротившись въ Швейцарію, и оттуда по этому случаю писалъ къ одному изъ академиковъ слѣдующее:

Лозанна, 12 Мая 1790.

Пріѣхавъ сюда, узналъ я, м. г., что письма мои къ княгинѣ Дашковой и къ г. непремѣнному секретарю академіи Эйлеру, равно какъ и возвращеніе диплома, доставленнаго мнѣ княгинею, породили много ложныхъ толковъ и что въ поступкѣ моемъ нѣкоторые видѣли предвзятое намѣреніе оскорбить академію. Вы, м. г., знаете чувства, которыя я питаю къ знаменитому собранію этому. Потрудитесь же, если вы это сочтете нужнымъ, не оправдывать меня, ибо я нахожу, что поведеніе мое не требуетъ оправданія, но очистить меня, простымъ изложеніемъ правды, передъ гг. академиками. Я думалъ, что веду переговоры лично съ княгинею, а никакъ не съ имѣющею счастіе считать васъ своимъ сочленомъ академіею, которой умѣю вполнѣ воздать должное почтеніе. Буду гордиться и теперь дипломомъ, выданнымъ мнѣ по всѣмъ законнымъ правиламъ самою академіею и приму его во всякое время съ чувствомъ глубочайшей признательности. Полученный

---

[1]) Masson, Mémoires secrets sur la Russie. Ed. Firmin Didot, 210—211.

[2]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, I, 371.

же мною дипломъ былъ выданъ мнѣ княгинею Дашковою на слишкомъ тягостныхъ для меня условіяхъ. Я думалъ поэтому, что могъ, никого не оскорбляя, возвратить ея сіятельству слишкомъ дорогой для меня подарокъ, платить за который не могъ и не желалъ. Я сохранилъ копіи съ обоихъ писемъ. Онѣ послужатъ подтвержденіемъ всего мною сказаннаго. Если академія того пожелаетъ, я всегда готовъ копіи эти ей представить [1]).

Петербургское общество стало на сторонѣ Разумовскаго, и самъ отецъ, не особенно благоволившій къ сыну, въ письмахъ къ графу Андрею Кириловичу говоритъ: „Если нашъ слѣпецъ досадилъ княгинѣ Дашковой, то должна больше пенять на себя, по причинѣ странныя контрибуціи, которую на него обложить захотѣла. Съ нашимъ философомъ видно, что странности случаются. По желанію его, попалъ въ члены академіи нашей и по возложенной контрибуціи княгинею Дашковою принужденъ лишиться сего для него столь лестнаго званія, коимъ онъ и предо мною хвалится. Я признательнымъ (sic) его талантовъ, но нахожу, что онъ хорошо сдѣлалъ, бросивъ сіе званіе въ глаза той, которая разсудила на его счетъ книжную лавку богатить. Я бы любопытенъ знать, что княгиня сдѣлала, получа его письмо и дипломъ обратно“ [2])?

Мы немного зашли впередъ съ разсказомъ нашимъ. Въ то время, какъ происходили пререкательства съ академіею, или, вѣрнѣе, съ ея президентомъ, графъ Григорій Кириловичъ только и думалъ о томъ, какъ бы вернуться въ любимую свою Швейцарію. Наврядъ ли имѣлъ онъ духу признаться отцу въ любви своей, но онъ о ней говорилъ братьямъ и сестрамъ, а черезъ нихъ, разумѣется, все узналъ и фельдмаршалъ, самъ, впрочемъ, догадавшійся, что любовь влекла сына въ Швейцарію.

„О Григоріи нашемъ писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Завадовскій съ неудовольствіемъ о его намѣреніи, чтобы его удержать отъ побѣга въ Швейцарію“, сообщалъ между прочимъ графъ Кирила Григорьевичъ сыну Андрею отъ 22 Ноября 1789 года. „Я думаю, что не Швейцарія его съ ума сводитъ, а какая нибудь швейцарка. Частыя адрессованныя письма, именно всякую почту, меня въ томъ увѣряютъ. Фигура его сколько кажется гнусна, столько и влюбчива, какъ то и вся ваша братія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ и самаго мягкаго нрава не гибки бываютъ, а съ такимъ упругимъ, какъ его, и чортъ не сладитъ. Однако старайтесь всѣ его убанть (sic), пригласите въ

[1]) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe. Paris, 1796, 8°, IV, 139—144.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго, письма гр. Кирилы Григорьевича, отъ 12 и 27 Февраля 1790 г.

способъ, который его пуще взорветъ и взбѣситъ какъ мину пороховую; итакъ, оставить его той судьбѣ, которую онъ избираетъ. Думаю, что братъ вашъ Левъ подоспѣетъ сюда къ тому времени, когда и швейцаръ, то не уговоритъ ли онъ его къ нашему намѣренію, ибо, по увѣренію И. В. Гудовича, онъ имѣетъ даръ имъ руководствовать паче васъ всѣхъ.... Отъ Швейцарскаго нашего философа (письмо отъ 27 Декабря) получилъ я письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что онъ подалъ Ея Величеству письмо объ его отставкѣ, назначенныхъ деревень ему не предъемлетъ, дабы не причинить мнѣ чрезъ то ни малѣйшаго ущерба и безпокойства, въ стѣсненіи моихъ для прожитія доходовъ и хочетъ быть доволенъ тѣмъ, что ему предъ симъ даваемо бывало. Хочетъ быть ко мнѣ въ Москву повидаться и проститься на малое время и хочетъ очень скоро выѣхать изъ Россіи. На все я ему вкратцѣ отвѣчаю, изъявляя ему мое желаніе здѣсь его видѣть, прежде его отъѣзда изъ Россіи. Письмо его здѣсь влагаю, которое ему доставить постарайся. Удержать его въ отечествѣ и трудно, кажется и не нужно, яко никакого намѣренія не имѣющаго на пользу своихъ, отечества и его собственную. Если онъ влюбленъ, останется онъ тамъ, пока отлюбится; если онъ женится, чего не уповаю, то сіе будетъ съ его жестокимъ нравомъ гробъ всѣмъ его тамъ помышленіямъ; все ему омерзѣетъ, все броситъ и самъ явится къ своимъ. Вотъ моя о немъ и его Швейцаріи мысль, которая, кажется, что онъ со временемъ непремѣнно исполнитъ. Правда твоя", сообщалъ еще старикъ Разумовскій [1]), „что нашъ философъ бѣжитъ изъ предѣловъ отечества какъ въ миѳологіи Орфей изъ Плутонова царства, съ тою разницею, что первый тащилъ свою Эвридицію за собою, а нашего Швейцарка къ себѣ тащитъ, буде она у него есть! Но какъ вездѣ и на всякомъ мѣстѣ ему комары слонами кажутся, которыхъ онъ пугается и бѣжитъ по его странному нраву, то сомнѣнія нѣтъ, что онъ и оттуда со временемъ возвратится, испугавшись, во-свояси и сдѣлается l'inconstant ramené. Послѣдняя мысль его о дѣлаемыхъ кабалахъ къ препятствію его отъѣзда всего смѣшнѣе и достойна его помѣшаннаго разсудка" [2]).

Вернувшись въ Лозанну, Григорій Кириловичъ сообщилъ отцу, что послѣ многотруднаго пути достигъ до края, которымъ восхищается, и гдѣ желаетъ остаться навсегда; что намѣренъ тамъ купить имѣніе въ 100 или 200 тысячъ франковъ швейцарскихъ, а поэтому желаетъ какъ можно скорѣе заложить свои русскія маетности. „Видно", писалъ отецъ, „что и въ этомъ, какъ и прочихъ его поведеніяхъ, вводится

---

[1]) Отъ 28 Января 1790.

[2]) *Изъ архива кн.* Разумовскаго.

легкомысліе, которое недопускаетъ сдѣлать разсчетъ сообразный обстоятельствамъ, въ которыхъ мы теперь находимся, по причинѣ войны. Денегъ нигдѣ нѣтъ, занять ихъ негдѣ, курсъ нашъ въ Европѣ въ превеликомъ упадкѣ. То-ль время настоитъ, чтобъ не только дѣлать, но и помышлять о такихъ предпріятіяхъ? О неизмѣримое невѣжество и легкомысліе" [1]). Одними требованіями денегъ на покупку имѣнія для окончательнаго водворенія въ Швейцаріи не ограничился Григорій Кириловичъ; въ томъ же 1790 году, онъ письменно сообщилъ отцу о намѣреніи жениться на дѣвицѣ Мальсенъ. Вѣроятно онъ указывалъ при этомъ на примѣръ старшаго брата, только-что женившагося съ разрѣшенія отца на графинѣ Тунъ. Фельдмаршалъ, разумѣется, еще болѣе разсердился на непользовавшагося уже и такъ благоволеніемъ его сына. „Григорій пишетъ ко мнѣ", извѣщалъ онъ Андрея Кириловича, отъ 2 Сентября 1790 г., „о намѣреніи жениться. Превозноситъ свою Дульцинею-швейцарку, фамиліи и предковъ ея, о которомъ имени можешь справиться у сестры твоей Загряжской. Я знаю, что Николай Александровичъ [2]) къ ней писалъ по велѣнію моему. Не можно-ли у швейцаровъ справиться въ Петербургѣ о семъ животномъ? Я думаю, что она или крайняя дура или превеликая плутовка, что въ такую петлю кидается. Союзъ сей, судя по мудрованію нашего чуда, не можетъ продолжаться, хотя бы она ангелъ или чортъ была. Я на сіе его письмо не отвѣчалъ еще ничего, да и спѣшить не намѣренъ, яко къ дѣлу неизвѣстному и приторному... Влюбленный швейцаръ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ на мое молчаніе и за недавнее переведеніе за его имѣніе денегъ. Виноватъ-ли я и мои правители, что его нелегкая занесла въ Швейцарію, что деньги наши въ упадкѣ, и что онъ не получаетъ опредѣленной ему суммы на половину? Павелъ апостолъ говоритъ: „хощеши-ли не боятися власти, твори благо", а я говорю: коли хочешь полный доходъ получать, живи въ отечествѣ своемъ, между своими ближними и кровными; коли хочешь жениться, избирай благородную жену въ отечествѣ своемъ, а не потаскушку въ Швейцаріи. Оставляющій бо человѣкъ родъ и отчизну по доброй волѣ—извергъ есть и такъ да не пеняетъ. Хорошо, что онъ поѣхалъ во Францію: при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей землѣ, можетъ или на фонарь попасть, или позабыть свою Дульцинею, въ томъ или другомъ случаѣ, выигрышъ на нашей сторонѣ". Мы снова приводимъ строгія слова эти, мѣтко изображающія образъ мыслей старика фельдмаршала и знакомящія насъ въ то же время съ судьбою графа Григорія Кириловича. На дѣлѣ однако оказалось, что

---

[1]) Тамъ же, см. I т.

[2]) Загряжскій, мужъ Натальи Кириловны.

относительно невѣсты сына Кирила Григорьевичъ ошибался. Ш
царская Марго или Дульцинея, какъ ее называлъ фельдмаршалъ
лѣе сильныя выраженія мы опускаемъ), была вовсе не дура и въ
товствѣ неповинна. Ее вѣроятно прельстилъ несомнѣнный умъ гр
Григорія, ученая его репутація, или же, можетъ быть, рѣшилась
по французскому обычаю, на приличный бракъ (mariage de co
nance). Положеніе эмигрантовъ было самое плачевное, имя же Р
мовскихъ извѣстно въ Европѣ, по которой ходили самые преув
ченные толки о несмѣтномъ ихъ богатствѣ. Какъ бы то ни было,
умная, образованная баронесса Генріетта Мальсенъ сочеталась
комъ съ графомъ Григоріемъ Кириловичемъ. Во Францію онъ ѣзд
для вѣнчанія, которое совершено было тамъ по обрядамъ латин
церкви [1]).

Но если фельдмаршалъ ошибался относительно нравственныхъ
чествъ своей невѣстки, онъ только слишкомъ вѣрно предугадалъ
вязку этого непріятнаго для него брака. Графъ Григорій нед
наслаждался семейнымъ счастіемъ. Въ 1793 г. онъ уже разош
съ женою и окончательно покинулъ Швейцарію. По дорогѣ изъ Г
куда ѣздилъ для свиданія съ братомъ Иваномъ, онъ писалъ
Франкфурта-на-Майнѣ къ брату Андрею:

„Quoique vous m'ayez un peu oublié, mon cher frère, depuis
certaine époque, que bien vous savez [2]) et où j'ai recu les derni
marques de votre amitié, je ne m'en réjouis pas moins, que les
structions de mon père, conformes à mes désirs, me mettent à m
de rentrer en Russie, de passer par Vienne et de vous embrasser
nouveau. Le malheur que j'ai eu de perdre presqu'entièrement l'u
de ma main droite, malheur qui me retiendra plus longtemps en r
que je ne l'espérais et qui m'ôte la faculté de me servir de la plu
m'empêchent d'entrer ici dans les détails sur les idées de mon
au sujet de mon voyage et autres objets y relatifs, sur lesquel
serais charmé d'avoir votre avis. Je vous envoie ci-jointe sa dern
lettre, qu'il m'a adressée à la Haye et que vous aurez la bonté de
rendre à Vienne. Vous m'obligerez infiniment en écrivant à mon
de lui mander les causes qui me mettent dans l'impossibilité de
donner de mes nouvelles de Vienne, ainsi que je comptais le faire
qui selon toute apparence m'ôteront le pouvoir de lui en donner en
de Kieff, comme il le désire. Mais dans ce cas je lui en ferai parv
par quelqu'un de nos parents, si j'en trouve dans cette ville, où
quelqu'un de ses gens, si je ne puis le faire autrement, à moins

---

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.

[2]) Эти слова относятся къ женитьбѣ графа Григорія.

d'ici à ce temps les eaux chaudes, que vous avez à quelques milles de Vienne et que mon médecin me conseille, ne me procurent quelque soulagement. Engagez aussi mon père à m'excuser auprès de mon frère Léon, qui par la même occasion m'a écrit une longue lettre à laquelle je suis d'autant plus mortifié de ne pouvoir répondre que c'est la seule marque de souvenir, qu'il m'ait donné depuis 8 à 9 ans. Faites bien je vous prie mes compliments à votre femme et rappelez moi, s'il se peut, à sa mémoire. Je me réjouis d'autant plus de la revoir qu'on m'avait fort alarmé, il y a quelque temps, sur sa santé. Malgré le plaisir que j'aurais à être auprès de vous, je ne me promets pas grand agrément du séjour de Vienne, mon état ne me permettant pas seulement de m'habiller. Les vêtements les plus larges, tels qu'une robe de chambre ou un surtout, étant les seuls que je puisse supporter"...[1]).

Въ Іюнѣ того же года Григорій Кириловичъ былъ уже въ Петровскомъ и, какъ видно, желалъ окончательно поселиться въ Россіи и поступить на службу. „Григорій", писалъ отецъ къ Андрею Кириловичу, „весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра! Не знаю о послѣднемъ жалѣть или радоваться?.. Чтобы Григорію въ службу поступить— то трудно, ибо испорченное не поправишь. Ты самъ свидѣтель, какъ онъ хорошо было себя съ начала пріѣзда въ столицу ознаменовалъ и каково подло подъ конецъ выглянулъ, а таковымъ поступкомъ истребилъ вовсе въ чужихъ и даже своихъ зародившееся доброе мнѣніе съ перваго взгляда" [2]).

Въ Россіи Григорій Кириловичъ скучалъ: „Григорій", писалъ отецъ, „со всѣми элеганціями ведетъ скуку въ Петербургѣ". Однако онъ на родинѣ остался на нѣсколько лѣтъ и только въ 1799 году снова сталъ „бить табалу по Европѣ", вслѣдствіе какого-то скандала. „Отъ шалуна нашего Григорія нечего другого было ожидать какъ такого поступка, которымъ онъ увѣнчалъ свои неистовства", говорилъ отецъ въ письмѣ къ Андрею Кириловичу отъ того же года. Прежнюю страсть къ женѣ замѣнила слѣпая къ ней ненависть. Съ семьею своею онъ прервалъ всякое сношеніе. Вообще всѣ Разумовскіе, начиная съ отца, смотрѣли, не безъ нѣкотораго основанія, на графа Григорія, если не совсѣмъ какъ на помѣшаннаго, то, по крайней мѣрѣ, какъ на человѣка съ сильнымъ толчкомъ. Не знаемъ гдѣ провелъ графъ Григорій первые годы нынѣшняго столѣтія. Въ 1804 году, уже послѣ смерти отца, Левъ Кириловичъ писалъ къ брату Андрею: „J'ai appris avec plaisir que vous avez réussi à vous rapprocher un peu de notre extravagant

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.
[2]) Тамъ же.

frère. C'est un soulagement pour le coeur et le votre surtout que de se disculper d'un tort envers quelqu'un avec qui on ne doit point en avoir, quelqu'il soit" [1]). Около этого же времени, Григорій Кириловичъ купилъ себѣ дачу въ Баденѣ, близъ Вѣны, а въ Тріестѣ сталъ строить великолѣпный дворецъ, который впослѣдствіи проданъ имъ былъ вдовѣ короля Мюрата, графинѣ Липона, долгое время въ немъ жившей, послѣ паденія Наполеона I. Вѣроятно въ Баденѣ, Разумовскій познакомился съ нѣмкою, баронессою Терезіею-Елизаветою Шенкъ-де-Кастель. Фамилія Шенкъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ швабскихъ родовъ. Баронство получила она въ XVII столѣтіи, а въ лѣтописяхъ упоминается уже въ XII. Какъ и гдѣ познакомился Григорій Кириловичъ съ Кастель, намъ неизвѣстно, но онъ на ней женился въ 1806 году въ Тріестѣ. Бракосочетаніе совершено было въ „*Фенескомъ Пароxѣ*", православнымъ греческимъ іеромонахомъ Викентіемъ Родичемъ. Вслѣдствіе этого графъ считалъ второй бракъ свой единственно-законнымъ, такъ какъ при первомъ православнаго вѣнчанія не было. Графъ Григорій на 30 лѣтъ былъ старѣе новой жены своей. Она родилась 1790 года и за него вышла совершеннымъ ребенкомъ. Слухи о второмъ бракѣ Григорія Кириловича дошли до Петербурга и Швейцаріи. Наталья Кириловна съ тѣхъ поръ стала брата своего называть: „mon frère l'épouseur"; графиня же Генріетта Разумовская, вмѣстѣ съ матерью, баронессою Мальсенъ, поспѣшила въ Петербургъ, чтобы отстоять права свои и доказать незаконность второго брака графа Григорія. Никто изъ родства Разумовскихъ не захотѣлъ ее принимать, но у графини Генріетты были письма, отъ швейцарскихъ и парижскихъ друзей, къ поселившимся въ Россіи эмигрантамъ, изъ которыхъ впрочемъ она многихъ знала лично, и къ дипломатамъ, аккредитованнымъ въ то время при петербургскомъ дворѣ. Особенно сблизился съ нею графъ Іосифъ де-Местръ и черезъ него графиня Генріетта и мать ея коротко познакомились съ тою частью высшаго петербургскаго общества, которое явно склонялось къ католицизму. Г-жа Свѣчина, княгиня Щербатова, графиня Головина и другія, охотно ее и мать принимали и вскорѣ подружились съ остроумными и любезными иностранками, положеніе которыхъ не лишено было романтизма. У Свѣчиной встрѣчали онѣ всѣхъ тогдашнихъ петербургскихъ умниковъ и передовыхъ людей, между прочими Н. Н. Новосильцева, братьевъ Тургеневыхъ, рѣзко отличавшихся отъ своихъ сверстниковъ серьёзнымъ направленіемъ, искренностію убѣжденій и глубокими познаніями. Графиня Разумовская была женщина вполнѣ способная оцѣнить такого рода собесѣдниковъ. Черезъ Тургеневыхъ сблизилась она и съ Жуковскимъ.

---

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.

между тѣмъ, благодаря связямъ своимъ въ высшемъ обществѣ, а главное—съ Новосильцевымъ, баронесса Мальсенъ съ дочерью успѣла, несмотря на противодѣйствіе семейства Разумовскихъ, добиться до представленія ко двору, чѣмъ явно признавалось законное положеніе въ свѣтѣ графини Генріетты.

„Je ne sais si je vous ai dit", писала Наталья Кириловна Зарѣчская къ брату своему Андрею, „que la femme de notre frère Grégoire a été présentée. On a eu le bon esprit de ne pas souffler le mot avant et je ne l'ai sû que quand la chose a été faite. Tout cela s'est fait par Novosiltzeff sur lequel elle a, dit-on, un grand ascendant et la preuve est que les protection ..... [1]) ont obtenu une somme très considérable de l'Empereur d'une manière qu'on ne prête pas ordinairement. L'Impératrice douairière n'a pas dit le mot quand ces dames lui ont été présentées, mais la jeune Impératrice s'est crue dans l'obligation de leur parler. Que dites vous de tout cela, mon bon ami? Et ce serait une question qu'on pourrait souvent répéter [2]).

Между тѣмъ, во время похода 1813 года, Григорій Кириловичъ со второю своею женою встрѣтили въ Тёплицѣ, куда они ѣздили на леченіе, Императора Александра Павловича. Государь, всегда рыцарски учтивый съ дамами, встрѣтилъ какъ-то жену Григорія Кириловича; она ему повѣрила свое щекотливое положеніе и просила о покровительствѣ для себя и для малолѣтнихъ дѣтей своихъ. Просьба красивой и несчастной молодой женщины подѣйствовала на Государя, онъ почтилъ ее своимъ визитомъ, велѣлъ выдать ей паспортъ, подъ именемъ графини Разумовской, для въѣзда въ Россію и обѣщалъ озаботиться о дѣтяхъ.

„Il y a longtemps, m-r le comte", писалъ, около этого времени Григорій Кириловичъ къ графу В. П. Кочубею, „que vous n'avez entendu parler de moi, et sans les devoirs du sang et ceux de l'honneur, qui me font reprendre la plume en ce jour, vous seriez sans doute resté dans une parfaite ignorance sur un malheureux trop longtemps persécuté par le sort et qui, à ce titre, n'a plus d'amis. Je n'ai peut-être, m-r le comte, que des droits fort usés pour compter sur votre bienveillance. Il fut un temps où vous n'étiez qu'un jeune homme et j'eus alors avec vous des relations de jeunesse, qui ne laissent pas toujours des racines profondes, même dans les âmes les mieux nées. Depuis vous devintes ministre et homme d'état et moi, continuant à être „rien, pas même académicien", comme disait Piron, je n'ai eu durant cette époque d'autre rapports avec vous que... *des rapports de commerce.* Vous

[1]) Не разобрано.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

m'achetâtes mes terres [1]) et j'eusse désiré pouvoir vous les vendre toutes, si le destin ne m'eut encore arraché cette bonne fortune, n'ayant eu qu'à me louer de votre loyauté à mon égard. Enfin, voici venue la 3-me époque de mes relations avec vous, qui peut devenir la plus précieuse pour moi, si vous souvenant que vous avez épousé une de mes nièces [2]), vous voulez bien faire retomber une partie de l'affection que vous avez vouée à mon sang, sur un objet qui me touche de plus près encore, sur une épouse chèrie, une mère de famille, qui se rend à Pétersbourg avec un passeport que notre Auguste Souverain, dont la religion avait été un temps surprise, a daigné lui remettre, après l'avoir accueilli, l'avoir entendu avec une bonté vraiment paternelle. Il a daigné s'attendrir sur notre triste position et promettre même de se charger du soin de nos enfants, qui, vu la manière dont j'ai été traité dans ma propre famille, ne peuvent fonder des espérances bien brillantes sur l'héritage de leur infortuné père. Je recommande bien fortement ce cher objet de mes affections les plus tendres et les plus légitimes à votre amitié, à votre bienveillance, dont elle est, assurément, très digne à tout égard [3]).

Графиня Генріетта тѣмъ временемъ, своимъ умомъ и тактомъ, успѣла плѣнить не только большую часть петербургскаго большаго свѣта, но еще и враждебную себѣ Наталью Кириловну, которую старикъ Разумовскій называлъ сиреною семьи. Когда Григорій Кириловичъ со второю женою прибылъ въ Петербургъ, онъ нашелъ, что все общество было противъ него возстановлено и что всемогущая Наталья Кириловна открыто покровительствовала графинѣ Генріеттѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сестру возненавидѣлъ и прервалъ съ нею всякія сношенія.

„Quant au frère Grégoire", писалъ отъ 8 Февраля 1815 года Петръ Кириловичъ, къ брату Андрею: „il est très vrai qu'il poursuit ici la cassation de son premier mariage. Les deux femmes portant notre nom sont ici l'une et l'autre. Mon frère Grégoire qui est venu chez moi quelquefois a voué la haine la mieux conditionnée à cette première, elle s'exhâle dans toute sorte d'anecdotes qu'il raconte et qu'il écrit sur son compte. Cette disposition retombe aussi sur ma soeur Zagriajsky qui est la seule de la famille, qui reçoive chez elle presque tous les jours cette première femme, je ne sais trop pourquoi, parceque il n'y a que la loi qui fixera notre opinion sur l'une ou l'autre [4]).

---

[1]) Князь В. П. Кочубей купилъ у гр. Гр. Кир. въ Саратовской губ. Волжскаго уѣзда большое имѣніе: Широкій Буеракъ.

[2]) Марія Васильевна Васильчикова.

[3]) Архивъ гр. Уварова.

[4]) Архивъ кн. Разумовскаго.

Разумовскіе помѣстились на Коломнѣ, въ бѣдномъ домикѣ г-жи Готовцевой. Графъ Григорій Кириловичъ объявилъ свой первый бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ не былъ совершенъ по обрядамъ православной церкви, тогда какъ во второй разъ онъ былъ благословленъ въ греческомъ храмѣ, греческимъ іеромонахомъ. Начался процессъ, надѣлавшій не мало шума въ свое время въ петербургскомъ обществѣ. Среди процесса заболѣла баронесса Мальсенъ и скончалась въ 1816 году.

„Je suis chargé, Madame", писалъ къ Свѣчиной графъ де-Местръ, отъ 17 Августа, „par votre bonne amie, m-me la comtesse Rasoumowsky, d'une triste commission auprès de vous, celle de vous faire part de la mort de sa bonne maman, la pauvre Baronne de Maltsen que nous avons accompagnée aujourd'hui à la demeure éternelle. Elle est morte Lundi 14, vers 5 heures du matin, entre les bras de sa fille et de la fidèle Carizé (?). M-me Viollier [1]), qui occupe en ce moment une petite maison de campagne sur la route de Peterhof, tout près de Catherinenhof, a très à propos enlevé cette pauvre comtesse et l'a emmenée avec elle. Je vais la voir, la princesse Scherbatoff fait merveille de son côté, enfin nous faisons ce que nous pouvons. Mais combien vous nous manquez et combien vous avez été regrettée dans cette triste occasion par la *malheureuse veuve*, car c'est son titre! M-me de Maltsen a pris des remêdes qui lui brûlaient le sang. En les prenant elle disait: vous me tuez. Après sa mort le médecin a décidé qu'elle avait un abcès dans la poitrine et qu'il n'en savait rien. Là dessus la pauvre comtesse s'arrache les cheveux et prétend qu'elle est coupable de n'avoir pas empêché l'usage de ces remêdes. Jugez comment elle pouvait se battre avec Stoffsin (?)! Oh médecine!.. Pour en revenir à votre triste amie, elle avait grande envie de revenir incessament en ville et de se loger près de l'église, mais il n'y a plus moyen. La maison comme vous savez, madame, est en l'air [1]), on ne sait à qui elle appartient. L'Empereur n'a rien décidé avant de partir. Les syndics disent qu'ils ne sont plus syndics, depuis qu'on leur a signifié l'oukase Impérial. Ils refusent d'accepter les loyers qui s'accumulent. On ne voit pas de raison pour que cela finisse. J'espère, avec la grâce de Dieu, que la maison sera détruite avant qu'on sâche à qui elle appartient. Hier avant de nous séparer le dernier mot de la pauvre femme fût: „N'est ce pas que vous lui écrirez?" Vous êtes bien persuadée, madame, que ma parole ne se fit pas presser. Dès que votre

---

[1]) Жена извѣстнаго художника-портретиста, долго жившаго въ Россіи.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ объ Іезуитскомъ домѣ на углу Б. Итальянской и Екатерининскаго канала. Іезуиты были только-что изгнаны изъ Петербурга (см. выше).

amie aura repris un peu de force et de sang-froid, vous verrez arriver une grande lettre d'elle? [1]).

Среди заботъ и безпокойствъ по процессу своему, Григорій Кириловичъ продолжалъ заниматься минералогіею. Онъ былъ избранъ въ члены коммиссіи, назначенной Императорскимъ петербургскимъ минералогическимъ обществомъ для разработки разныхъ вопросовъ по народному образованію, заданныхъ правительствомъ; кромѣ того онъ издалъ, въ 1816 году, новое сочиненіе: „Coup d'oeil géognostique sur le Nord de l'Europe en général et la Russie en particulier. St.-Pétersbourg, 1816, 8-vo.

Дѣло о двоеженствѣ Григорія Кириловича продолжалось долго. Графъ сначала говорилъ какъ власть имущій, прямо ссылаясь на милостивый пріемъ, сдѣланный женѣ его Государемъ. Дѣло поступило въ Святѣйшій Синодъ. Тамъ большинствомъ голосовъ рѣшено было, вслѣдствіе совершенія брака по одному только чину римской церкви, передать разсмотрѣніе законности его римско-католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Сестренцевичъ, на основаніи декрета бывшаго при дворѣ россійскомъ папскаго посла, Халкедонскаго архіепископа Маркграфа Іоанна Андрея Аркеттія, отъ 3 Февраля 1784 г., пригласилъ къ обсужденію этого дѣла кіевскаго наименованнаго епископа-суффрагана и двухъ канониковъ могилевской архіепархіи и рѣшилъ дѣло это суммаріономъ (sic) процессомъ или сокращеннымъ порядкомъ, не подлежащимъ никакой апелляціи. Рѣшеніемъ этимъ первый бракъ графа Григорія Разумовскаго признавался вполнѣ законнымъ по всѣмъ каноническимъ правиламъ римско-католической церкви. Вслѣдствіе такого отвѣта, Святѣйшій Синодъ призналъ второй бракъ Григорія Кириловича незаконнымъ; второй женѣ его запрещено было носить титулъ и фамилію Разумовскихъ, а на самого графа положено было наложить церковную эпитимью [2]). Извѣстіе это какъ громомъ поразило несчастную баронессу Шенкъ-де-Кастель. Она была достойная женщина, жизнь ея съ взбалмочнымъ и вспыльчивымъ Разумовскимъ была не красна, а теперь вдругъ оказалось, что она вовсе не замужемъ и что дѣти ея незаконны. Положеніе несчастной было вполнѣ драматическое. Съ ужасомъ думала она объ участи сына и дочери и въ горѣ родила второго сына. Она еще однако слѣпо надѣялась на покровительство Государя. Александръ Павловичъ, соболѣзнуя грустнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились молодая мать, удрученная недугомъ и малолѣтныя дѣти, готовъ былъ помочь несчастной, но права графини Генріетты были несомнѣнны; къ тому же, за нее

---

[1]) C-te de Falloux, Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres. Paris, Aug. Vatou, 1860, 8°, p. I, 237—239.

[2]) Изъ архива Свят. Синода.

moins pour le moment. Elle est enfin partie et si Thetys est d'accord avec les Euménides, elle retournera aussi heureusement qu'elle est arrivée. Quoiqu'il en soit mon arrangement, fort avancé, comme vous le savez, avec elle avant votre départ, a été complétement terminé avant le sien. Elle a reçu 90,000 rbles en bonne partie en lettres de change et m'a donné une renonciation formelle de toute autre prétention pécuniaire sur moi à l'avenir. Les actes ont été dressés par devant notaire public et sans me compromettre en aucune manière, puisque je n'ai pas transigé directement avec elle, mais par la voie de Loewenhagen, à qui j'ai donné un plein pouvoir pour racheter une fois pour toutes par le capital constitué par cette somme de 90,000 rbesl assignats de banque, la pension de 6,000 rbles que je faisais à *la personne qui les recevait.* On a voulu faire quelques difficultés sur ce que *je ne voulais pas entrer en relation directe*, mais enfin on a souscrit à ce que j'ai voulu. Quant à Loewenhagen je lui dois la justice, il s'est exécuté on ne peut plus galament. J'ai éprouvé *un nouveau désagrément* qui heureusement ne peut avoir aucune suite pour moi en comptant comme je le fais sur la justice de l'autorité suprême, c'est la signification faite par un prêtre *d'une condamnation à une épithémie de sept ans!* Je les recuse en vertu de pressants motifs qui *depuis longtemps* ont mis mon affaire hors de cette cathégorie, puisque depuis longtemps elle a été officiellement remise au ministre de la justice, marche dont j'attends l'issue, et en produisant la lettre également officielle du ministre, qui m'en donne communication comme pièce justificative. Ces deux documents produisirent une grande surprise, car on avait ignoré l'état des choses tel que je le faisais connaitre et la démarche, de manière que tout en restera là selon toute apparence... Ce qui m'affecte le plus c'est l'effet que notre triste position produit sur ma pauvre femme, dont la santé dépérit sensiblement, mais je compte sur la bonté de ma cause qui ne peut manquer de se montrer dans son jour aux hommes sensés et intègres, et sur l'équité et l'humanité de qui il appartient. Je compte qu'on ne laissera pas languir plus longtemps dans les angoisses et l'incertitude une malheureuse famille, dont on connait bien la situation.

II.

4 Juillet 1817.

Hélas, ma position est bien différente de la votre. Vous vivez dans le monde. Vous savez tout ce qui s'y passe et vous avez dans le fond de votre sac de quoi rire ou raisonner amplement de la gente orgueilleuse ou ridicule qu'on appelle espèce humaine. Moi, au contraire, je suis un solitaire qui ne connait que mon intérieur et ne puis parler

compétemment non seulement d'affaires qui me sont etrangères, mais même des miennes, assez semblable à une eau stagnante que des polissons s'amusent à remuer pour la rendre sâle et la couvrir de mauvaises herbes et d'ordures de toute espèce. La seule chose qui me console à un certain point, si les mauvais succès des méchants et des scélérâts peuvent consoler l'homme de bien, c'est que ceux qui se sont tant agités pour enfanter ce sâle bourbier, s'y sont plongés tous entiers et sont encore dégoutants de la boue du déshonneur et de la honte dont ils ont cherché à noircir d'autres mille fois mieux qu'eux. Puisse cette crasse pésant sur leur conscience la reveiller enfin et lui rendre le mouvement si jamais elle en fût douée. Quant à moi, n'ayant pas de reproches à me faire, n'ayant de ma vie fait de mal à personne qu'à moi, on peut me persécuter, les coups du sort peuvent m'accabler, mais mes féroces ennemis ne pourront se vanter de m'avoir abattu, ni m'empêcher au sein de la félicité domestique de m'écrier avec le heros grec:

Heureux qui satisfait de son humble fortune,
Libre du joug superbe où l'on est attaché
Vit dans l'état obscur, où les dieux l'ont caché.

III.

16 Août, 1817.

.... J'aurais préféré d'avoir vû aussi mes possessions en Allemagne devastées pas l'ennemi, j'y aurais aussi été rétablir l'ordre, mais retenu inhumainement pendant 3 ans loin d'elles sans autre cause que de m'avoir tenu le bec dans l'eau si longtemps à plusieurs centaines de lieues de distance, et comme si l'on avait eu l'intention de me ruiner de fond en comble, voilà ce qui est véritablement épouvantable et d'une barbarie digne du siècle où nous vivons, où l'on traite les hommes ses semblables en chair, en os et en facultés intellectuelles, comme des meubles de bois ou de pierre qu'on place et déplace à volonté, sans qu'ils aient le droit de sentir défaillir leur coeur, ni de dire tout haut qu'on les a horriblement lésés. Il me semble en vérité que depuis 28 ans qu'on travaille l'espèce humaine en tout sens, on est parvenu au XIX siècle à en faire une râce d'animaux plus animaux que jamais. Mais en voilà assez sur ce sujet, car mes lettres pourraient vous ennuyer à force de philosopher, d'autant que la mode de la raison et de la saine philosophie commence grandement à passer. Mais que voulez-vous? C'est un travers qu'il faut passer à mon âge et surtout depuis qu'appris par les évènements à bien juger les hommes et les choses, il m'est devenu impossible de voir sans cesse toucher et tendre des cordes trop sensibles sans qu'elles résonnent quelquefois.

Un des incovéniants de l'état d'indécision et de vague dans lequel on a plongé l'affaire qui m'a ammené dans ce pays-ci qui n'est pas des moindres, c'est d'encourager l'insolence de la partie adverse, qui vient de m'écrire de Paris, uniquement pour me faire des menaces. Cette femme fait vraiment honneur à ses protecteurs, car elle est une preuve vivante qu'ils savent animer un tas de boue et lui donner de la consistance. Peut-être enfin verrai-je terminer cette interminable affaire, puisque le destin qui dispose singulièrement de moi et des miens a voulu que la santé de ma femme se dérangea à un tel point que nous ne pourrons point encore partir avant l'été de l'année suivante, du moins je l'espère.

IV.

24 Septembre.

..... J'ai passé cet été à la campagne au bord de la Carpowka comme le précédent, et nous y avons eu un assez beau temps en général ce qui m'en eût rendu le séjour aussi agréable que possible, si ma femme se fût bien portée et eût pu en jouir comme moi. Mais le sort, qui se plait sans relâche à nous persécuter au physique, comme au moral, a voulu qu'elle fit une maladie très pénible qui l'empêche de se promener et de se donner le mouvement cependant nécessaire pour son état, maladie qui s'est terminée jusqu'à un certain point par un accident qui l'a mise aux portes de la mort pour un moment... C'est cette maladie qui nous a empêché de quitter ce pays où nous n'avons plus rien à faire que des voeux pour le prompt retour de l'accomplissement de ce projet, que je nourris toujours avec complaisance depuis que je m'apperçois avec une sorte de certitude que nous devons être victime de l'impudeur et de la férocité et qu'on voudrait nous faire mourir ici de chagrin ou de faim. Heureusement une force d'âme extraordinaire et un courage que j'admire moi-même, nous fait supporter avec la fierté qui doit caractériser l'homme digne de ce nom, pour faire rougir un jour des ennemis cruels ou lâches et non provoqués, de tous les excès de leur barbarie. En attendant j'emplois mes loisirs à ma science favorite. J'ai consacré l'été à l'étude des objets de la nature qui m'environnent. Je les rassemble, je les classe maintenant, je rédige mes nombreuses notes et je prépare au monde savant une flore et une faune Ingriennes, qui certainement me feront quelque honneur au sein des heureuses contrées favorisées du ciel et de toutes les jouissances que procure la culture et l'esprit auxquels je les destine. Vous comprenez déjà par ce qui précède qu'il nous reste peu d'espoir à moi et aux miens. Ceux que nous croyions pour nous ne le sont peut-être pas. Les infortunés n'ont jamais d'amis et de vils

trembleurs ne peuvent jamais en avoir le nom ni les sentiments et cela sera, cela doit être toujours ainsi, tant que la fortune, plus sotte encore que ceux qu'elle élève, placera au haut de sa roue ceux qui deveraient être en bas... Les sentiments tendres que je vous ai voués et tout ce qui s'y rattache sont désormais, avec ceux que je conserverai toujours pour mon excellente soeur la c-sse Elisabeth, presque les seuls liens qui me retiennent encore à une ingrate patrie...

V.

Ce 14 Décembre.

C'est avec chagrin, mon cher frère, que je vois notre correspondance plus languissante qu'elle ne devrait l'être entre deux personnes tenant l'une à l'autre par des liens plus forts encore que ceux du sang, souvent très faibles dans le siècle où nous sommes, par ceux de l'amitié la plus tendre et la plus sincère, fondée sur une similitude de sentiments, de principes et de manière de voir, que le sang assimile rarement. Mais votre main tremble et vous êtes obligé de vous livrer malgré vous aux distractions du monde et des cours, depuis que le souverain est dans le sein de la première capitale des Czars. Et moi je suis toujours accablé de soucis et d'occupations, qui se sont même accumulés, au moment où je voulais déjà prendre la plume pour vous écrire, par une commission, honorable assurément, mais en même temps pénible et délicate, que l'administration du gouvernement se rattachant à l'instruction publique à donné à la société Impériale minéralogique de cette ville, qui a nommé à la pluralité des voix une commission de six membres à cet effet, au nombre desquels je me suis trouvé contre mon attente et obligé en conséquence, par le devoir que ce choix m'imposait, d'émettre une opinion détaillée sur l'objet soumis à notre examen. J'ai enfin rempli ma tâche et suis maintenant libre sous ce rapport. Ayant fait baptiser mon fils dernier né pendant que vous étiez ici, je lui ai imposé un nom qui me sera toujours cher, celui de Léon que vous portez. Ma femme d'après tout ce qu'elle sait de vous par moi, pénétrée d'estime et de l'amitié d'une véritable soeur pour votre personne, s'est réunie à moi pour désirer avec empressement de le lui donner. Il me retracera toujours le souvenir précie ux des biens courts instants, où j'ai joui de votre présence et de votre société, surtout lorsque loin de ce pays, ce souvenir, au milieu de tant d'autres, qu'à mon âge, où tout s'appesantit sur le coeur et l'esprit, je ne pourrai jamais écarter de mes tristes pensées, viendra me consoler et m'apparaitre, comme ces jours purs et sereins, qui percent quelquefois à travers le ciel presque constamment nébuleux de ces climats glacés.

Puissiez vous, mon cher frère, n'être point incommodé par les froids qui se font sentir cet hiver, comme nous l'avons été moi et ma famille dans la maison mal construite et difficile à chauffer que nous habitons [1]).

Не напрасно опасался графъ Григорій Кириловичъ за исходъ своего процесса. Министру юстиціи, правда, предписано было снова разсмотрѣть все дѣло, но какъ митрополитъ Сестренцевичъ, такъ и святѣйшій синодъ, несмотря на вмѣшательство верховной власти, снова подтвердили свои прежнія рѣшенія. Графъ тогда обратился прямо къ Государю съ просьбою о заступничествѣ, о дозволеніи ѣхать за границу и о дарованіи женѣ его заграничнаго паспорта какъ графинѣ Разумовской. На это отъ имени Государя было отвѣчено: 1) что дѣло было по высочайшему повелѣнію передано министру юстиціи на новое разсмотрѣніе, такъ какъ предполагалось, что состоявшійся во Франціи первый бракъ не былъ совершенъ священникомъ; 2) что Его Величество не почелъ возможнымъ входить въ продолженіе дѣла этого, такъ какъ оно было рѣшено митрополитами: православнымъ и католическимъ и утверждено святѣйшимъ синодомъ; 3) что рѣшеніе синода должно быть приведено въ законное дѣйствіе, и 4) что для выѣзда графа за границу затрудненія не имѣется, но что баронессу Шенкъ де-Кастель въ паспортѣ должно прописать только подъ этимъ именемъ, такъ какъ она на имя графа Разумовскаго правъ не имѣетъ [2]).

Несчастная вторая жена Григорія Кириловича не выдержала удара,—она умерла отъ отчаянія.

..... „J'ai été courir", писала отъ 5 Сентября 1818 года, къ брату Льву, графиня Елизавета Кириловна Апраксина, „à la campagne de la princesse Schahovskoy, où on a fêté le jour de nom de ma soeur. Nous y sommes restées 3 jours. Le lendemain de ma rentrée en ville on m'annonce le maitre de police Gorgoli, qui vint me prier d'aller chez mon frère Grégoire, qui était dans un état de désespoir affreux, parceque sa femme venait d'expirer. J'ai vite monté en voiture et j'ai été chez lui. Il y a aujourd'hui huit jours que le triste évènement a eu lieu. Je ne l'ai presque pas quitté, excepté un jour où toutes les scènes lugubres m'avaient si fort bouleversée, que j'ai été malade et presque couchée toute la journée. La pauvre femme est morte de chagrin. Au dire de tous ceux qui la connaissaient, elle dépérissait à vue d'oeil depuis que leurs affaires avaient pris une tournure défavorable. Elle a eu une indisposition provenant d'un refroidissement. Cinq jours après, quoiqu'elle était assez malade, les médecins ne désespe-

[1]) Архивъ графа Уварова.

[2]) Изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ св. синодѣ.

raient pas, quand quelqu'un a eu l'imprudence de lui apprendre la sentance foudroyante pour elle que l'Empereur avait prononcé, à l'occasion d'un passeport qu'elle avait demandé pour aller à Vienne, où des affaires l'appelaient. A cette nouvelle elle a été au désespoir, l'inflammation en a été la suite et elle est morte le surlendemain matin. J'ai crû que mon frère devenait fou les premiers jours... Maintenant il est plus calme, mais il est au lit avec la fièvre. J'aurais bien voulu profiter des ces tristes moments pour le ramener dans la bonne voie, mais malheureusement nous avons à lutter contre des principes enracinés depuis bien longtemps... Je lui ai mené hier m-me Chvostoff [1]), qui vraiment s'y est prise très adroitement et c'est elle qui a fait le plus d'effet sur lui. Je prie notre bon Seigneur tous les jours d'avoir pitié de lui et de venir à notre secours. Les enfants sont bons. Il y a un fils qui a déjà 13 ans, la fille en a onze et le dernier qui est encore un garçon en a à peu près deux, il l'a appellé Léon en votre honneur et m'a dit vous l'avoir écrit. Je vous dirai franchement qu'il est très affligé de ce que vous ne lui écriviez jamais et que vous ne lui aviez pas répondu à cette lettre où il vous parlait de la naissance de ce fils... J'avoue que les pauvres enfants sont l'objet de ma solicitude. Vous connaissez mon frère. Si on ne parvient pas à le rammener de ses erreurs, que deviendront ces infortunés? Sa douleur calmée, il prendra certainement des maitresses. Il ne se gêne ni en paroles, ni en actions et ses enfants peuvent être témoins de toute la dépravation de leur père. J'ai appris ces jours-ci par les amies de la défunte [2]), qu'elle avait pour cette raison cherché à placer ses enfants dans des pensions. J'ai pris la petite chez moi en attendant, au risque de voir tomber sur moi la malédiction de toute la famille, mais mon bon Maître me voit et me juge, je n'ai que Lui en vue dans toutes mes actions. Pussais-je avoir le bonheur de Lui être agréable en quelque chose. Cependant je ne puis espérer la garder toujours. Ma santé est si faible et si je viens à lui manquer, que deviendra-t-elle? Son frère est en pension chez Chabot depuis un an, il y est parfaitement bien et, comme mon frère veut partir, ma première idée a été de laisser cet enfant dans cette pension jusqu'à la fin de son éducation. Vous savez que NN. est à présent à la tête de l'instruction. Il a fait venir Chabot et lui

---

[1]) Александра Петровна Хвостова, рожденная Хераскова. Женщина весьма умная, находившаяся въ сношеніяхъ со всѣми литераторами и образованными людьми того времени. Она окончила жизнь въ глубокомъ благочестіи.

[2]) Главная пріятельница несчастной баронессы была г-жа Языкова, рожд. графиня Мантейфель, отъ сына которой, генерала Языкова, бывшаго директоромъ училища Правовѣдѣнія, мы слышали много подробностей о семействѣ гр. Г. К. Разумовскаго.

a dit: „vous pouvez compter que je ne mettérai pas le pied dans votre pension tant que vous aurez un jeune homme que vous faites passer pour un comte Rasoumowsky". Le maudit intérêt voilà ce qu'il produit... Voilà le monde! Je crois pourtant que nulle part il n'y a eu amalgame malheureux comme dans ma famille... [1]).

С.-Петербургская консисторія, узнавъ, что графъ Григорій Кириловичъ поселился около Казанскаго собора, въ домѣ Штера, куда онъ переѣхалъ послѣ смерти жены, возложила исполненіе синодскаго указа на отца протоіерея Петра Мысловскаго, ключаря Казанскаго собора. Мысловскій предложилъ графу явиться въ консисторію для выслушанія рѣшенія и просилъ его указать кто его духовный отецъ. Графъ отвѣчалъ, что 25 Марта 1816 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе снова разсмотрѣть все дѣло. Мысловскій о такомъ отвѣтѣ донесъ митрополиту с.-петербургскому Михаилу Десницкому, который обратился съ отношеніемъ къ князю А. Н. Голицыну. Князь Голицынъ на запросъ преосвященнаго отвѣчалъ, что графъ Разумовскій проситъ паспорта за границу, для леченія на минеральныхъ водахъ, по разстроенному здоровью и спрашивалъ не встрѣтитъ-ли духовное начальство какого затрудненія къ выдачѣ паспорта. Высокопреосвященный отозвался, что если въ заграничномъ городѣ, гдѣ графъ Разумовскій намѣренъ поселиться, есть православный священникъ, подъ началомъ котораго графъ согласенъ будетъ пройти эпитимью, то съ своей стороны онъ выдачѣ паспорта не противится. На запросъ Голицына по этому поводу, Разумовскій отвѣчалъ что имѣетъ намѣреніе поселиться въ Вѣнѣ и на дачѣ своей въ Баденѣ, а что духовникомъ себѣ избираетъ состоящаго при вѣнскомъ посольствѣ священника, впрочемъ исполнять обязывается только то, что ему по дѣлу его высочайше повелѣно будетъ.

Несчастную свою супругу графъ Григорій Кириловичъ похоронилъ на Смоленскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ. Надъ могилою ея поставлена была, существующая и понынѣ пирамида изъ сѣраго мрамора, съ слѣдующими надписями: съ одной стороны: „La nudité de ce monument sans épitaphe et sans inscription dit aux âmes sensibles et honnêtes tout ce qu'il est possible de dire", съ другой: „Ce monument a été élevé le 28 Oct. 1818, V. S. par le Comte Grégoire de Razoumowsky". Лѣтъ десять тому назадъ тщаніемъ генерала Языкова, первая надпись была измѣнена, и на лицевой сторонѣ пирамиды теперь читаемъ: „Comtesse Elise Rasumowsky née en 1790 † en 1818.

Скоро послѣ кончины несчастной Елизы де-Кастель, такъ какъ по закону другого имени ей дать нельзя, скончался графъ Левъ Кири-

[1]) Тамъ же.

ловичъ. Судьба морганатической семьи брата его очень тревожила передъ смертью. Графиня Марія Григорьевна, для которой каждое желаніе мужа было закономъ, объявила что она беретъ на воспитаніе дочь Григорія Кириловича.

Устроивъ судьбу дочери, графъ Григорій съ сыновьями поѣхалъ въ Вѣну, навсегда покидая ненавистную ему родину. Онъ перешелъ съ дѣтьми въ протестантство, принялъ австрійское подданство и жилъ, то въ Вѣнѣ, то на дачѣ своей въ Баденѣ, то, наконецъ, въ Моравскомъ имѣніи своемъ Рудолецъ. Въ 1819 году вышло вторымъ изданіемъ въ Берлинѣ сочиненіе Разумовскаго: „Coup d'oeil géognostique" и пр. Въ предисловіи къ этому изданію графъ говоритъ, что горы, возвышенности и самыя равнины Россіи чрезвычайно любопытны въ геогностическомъ отношеніи, и что онъ подробнѣе бы ихъ изслѣдовалъ „еслибы les malheurs d'une épouse adorée, qu'une mort violente effectuée par un crime atroce m'a trop tôt enlevé dans ces funestes contrées et les persécutions affreuses et sans nombre que j'ai essuyé pendant près de cinq ans d'un séjour forcé à Pétersbourg, ne m'eussent cruellement détourné des objets de mes études et de mes travaux. Mais l'état d'arrestation dans lequel on m'avait mis durant ce temps, comme si j'eusse été un prisonnier de guerre ou un débiteur récalcitrant, sans aucun motif apparent ni légal d'une telle lésion du droit des gens, ne m'a presque pu permettre de faire un pas hors de chez moi sans être environné d'entraves toujours renaissantes. Qu'ils sachent au reste ceux qui ont creusé la tombe de l'intéressante Elise, qu'elle vit encore et vit malgré eux dans les coeurs de tous les honnêtes gens et de beaucoup de malheureux abandonnés ou poursuivis par l'aveugle fortune... Elle n'était venue mourir en Russie qu'attirée par les promesses flatteuses du chef de l'empire que justice lui serait rendue... Un jour plus heureux que celui qui jette maintenant des lueurs si sombres sur toute une famille qu'on a plongée dans un abime d'infortunes, verra paraître la défense de l'intéressante victime que pour l'honneur de l'humanité on n'eût pas du me mettre dans le cas de défendre.

Всѣ эти преслѣдованія и притѣсненія, разумѣется, существовали только въ головѣ графа Григорія, до конца послѣдовательно упрекавшаго всѣхъ и вся за тѣ грустныя послѣдствія, къ которымъ привело его собственное самодурство. Дѣти Григорія Кириловича были признаны въ Россіи дворянами и Разумовскими, но не графами. Вскорѣ послѣ смерти Петра Кириловича, графъ Григорій написалъ изъ Вѣны отъ 13 (25) Ноября 1824 года слѣдующее письмо къ брату, свѣтлѣйшему князю Андрею Кириловичу, путешествовавшему въ это время по Италіи.

Mes infirmités m'ont empêché de vous écrire jusqu'à présent, mon

cher frère. Je vous avoue aussi que la crainte de troubler vos moments heureux par les tristes détails de mes maux y a beaucoup contribué. Quoique les circonstances nous ont empêché de vivre ensemble dans une intimité fraternelle, je rends cependant assez de justice à la bonté de votre coeur, pour être persuadé que ma malheureuse existence vous aura touché peut-être quelquefois. A présent que mon coeur est ouvert à la joie et au bonheur par la présence de tous mes enfants et de mon excellente belle-soeur [1]), qui me témoigne le même intérêt et la même amitié dont mon bon frère Léon m'a toujours comblé, je prends la plume quoique d'une main tremblante pour m'entretenir avec vous d'une chose qui pèse sur mon coeur. A qui puis-je m'ouvrir, si ce n'est à celui qui par la noblesse de son âme et la générosité de son caractère n'a pas voulu plonger le dernier coup de poignard dans mon sein, en mettant obstacle à ce que mes pauvres et innocents enfants portassent le nom qui fait la base de leur existence et avec lequel ils sont parvenus à cet âge, où il faut bien du courage pour supporter l'espèce d'arrêt de mort qui pèse sur leurs têtes infortunées. Après mon frère Léon, vous êtes celui qui m'avait témoigné le plus d'intérêt. Il est vrai, je n'ai pas eu à me plaindre de mon frère Pierre. Je sais qu'il n'a jamais voulu voir celle qui a causé mon malheur; c'était une preuve évidente de l'intérêt qu'il me portait et de sa loyauté. Il n'a pas oublié non plus mes enfants, car quoiqu'il ait détourné une grande partie de sa fortune en faveur d'autres parents, il a légué un capital au nom de mes enfants, capital très modique à la vérité en comparaison de ce qui me revenait de droit, mais je ne lui en suis pas moins reconnaissant. Ni moi, ni mes enfants ne sommes accoutumés au luxe; j'ai toujours vécu de privations et ce n'est certainement pas l'idée de voir mes enfants réduits à la misère qui m'effraie le plus. Dieu n'a jamais abandonné les orphelins, mais c'est l'affligente et terrible perspective de leur avenir qui me force à vous exposer mes justes craintes. Peut-être sont-elles mal fondées, mais un père qui n'a d'autre consolation que ses enfants et qui ne sait combien encore à son âge il lui sera permis de vivre, ne peut envisager d'un oeil indifférent cet avenir, qui peut être troublé par quelque membre de la famille, qui n'aura aucune espèce de délicatesse. L'arrivée à Vienne de celle qui a fait le malheur de ma vie, me met dans un état d'anxiété difficile à exprimer. Elle vient chercher la ruine de mes enfants, je n'en puis douter. Je demande votre protection, mon cher frère, contre ses intrigues; faites tout ce que vous pourrez pour mettre à l'abri l'honneur de mes enfants. L'aîné est officier, il fait déjà plus d'honneur à son nom que les fils de mon frère Alexis.

---

[1]) Графиня Марія Григорьевна жила въ то время въ Вѣнѣ.

намѣреніе графини [1]). Григорій Кириловичъ ее не принялъ и мы видѣли выше впечатлѣніе, произведенное на него пріѣздомъ жены.

Нѣжныя попеченія о дѣтяхъ у Григорія Кириловича изливались болѣе на бумагѣ; собственно онъ никогда не переставалъ быть страшнымъ эгоистомъ, постоянно сваливая на чужую шею послѣдствія своихъ собственныхъ проступковъ. Въ то время, какъ онъ трогательно описывалъ свою заботливость о сыновьяхъ, гостившая у него графиня Марія Григорьевна писала къ графу Уварову:

„Il voudrait s'emparer de tout ce qui appartient aux enfants pour accumuler la collection de pierres qui encombre tellement sa maison, qu'il ne peut donner une chambre à son fils ainé, quand il vient en congé chez lui. Je ne comprends pas comment le plafond ne s'écroule pas“ [2]).

Графъ Григорій Кириловичъ скончался 3 Іюня н. ст. 1837 года въ имѣніи своемъ Рудолецъ, въ Моравіи. Онъ оставилъ послѣ себя много неизданныхъ сочиненій. Въ печати, со времени его окончательнаго переселенія за границу, кромѣ второго изданія Coup d'oeil géognostique, появилось еще: Observations minéralogiques sur les environs de Vienne. Vienne 1821, in 4. Кромѣ того, онъ открылъ въ Силезіи новый минералъ. Это былъ видъ Коземицкаго Примелита, лишеннаго части своихъ водянистыхъ частей. Минералъ этотъ названъ былъ въ честь графа Григорія Кириловича *Razoumowskin* и подъ этимъ именемъ до сихъ поръ извѣстенъ ученому міру.

Графъ Григорій Кириловичъ былъ членомъ королевскихъ академій: Стокгольмской, Туринской и Мюнхенской, минералогическихъ обществъ: С.-Петербургскаго и Іенскаго, Императорскаго московскаго общества естествоиспытателей, Цюрихскаго физическаго общества, Базельскаго физико-медицинскаго и Туринскаго аграрнаго.

Отъ второго непризнаннаго въ Россіи брака своего Григорій Кириловичъ имѣлъ двухъ сыновей: 1) Максимиліана (Макса), служившаго въ австрійскихъ войскахъ, и женатаго на графинѣ Мариспани (Marispany); онъ умеръ бездѣтнымъ въ Италіи, въ 1849 г., во время похода графа Радецкаго; 2) Льва Григорьевича, любимца отца. Онъ 14 лѣтъ состоялъ адъютантомъ при владѣтельномъ герцогѣ Саксенъ-Кобургскомъ, а потомъ былъ „сенешаломъ“ герцогства Кобургскаго. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Лёвенштейнъ, уроженкѣ береговъ Рейна, и отъ нея имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, между прочимъ сына Камилла. Левъ Григорьевичъ скончался въ Ниццѣ, въ 1868 году. Дочь Григорія Кириловича, Елизавета Григорьевна, воспитана была графинею Маріею Гри-

---

[1]) Разсказано княгинею В. А. Репниною.

[2]) Изъ архива гр. Уварова.

нія о близкой смерти, когда она казалась въ цвѣтущемъ здоровьѣ.. а теперь мы на самихъ себя сердимся за наше безвѣріе и начинаемъ вмѣстѣ съ докторами всего страшиться. Друзья и пріятели не отходятъ отъ нея, она пожелала видѣть приходскаго священника вчера, но не хотѣла исповѣдоваться, сколько онъ ни настаивалъ, а сегодня и не приняла его. Она говорила мнѣ, что онъ глупъ, а сама она trop vive была съ нимъ. Сохраняетъ всю свѣжесть ума; но уже не говоритъ. Всѣ дѣла свои устроила и все давно уже приготовила на случай смерти. Она видитъ мою за тебя благодарность и все повторяла, какъ спокойна за тебя и какъ увѣрена, что ты любишь ее и сохранишь къ ней память и дружбу“ [1]).

„Еще дышетъ наша благодѣтельница“, извѣщалъ тотъ же Тургеневъ Жуковскаго, „но сегодня рано утромъ при мнѣ и графинѣ Saint-Aulaire потребовала приходскаго священника не для исповѣди, а для успокоенія совѣсти; послѣ объясню тебѣ это обстоятельство. Онъ пришелъ. Я былъ въ другой комнатѣ. Она позвала графиню St.-Aulaire и желала, чтобы она была при немъ. Священникъ убѣждалъ; графиня St.-Aulaire на минуту вышла, но скоро она опять ее потребовала и священникъ оставилъ ее. St.-Aulaire уговорила ее опять позвать его. Онъ возвратился не надолго; она болѣе не увидитъ его,—и спокойна, исполнивъ то, что́ почитала для себя достаточнымъ. Она много и часто говорила о своихъ послѣднихъ минутахъ, о смерти, о религіи, о спокойствіи и преданности волѣ Божіей. Сегодня, рано поутру, какъ скоро я пришелъ къ ней, показала она мнѣ ящикъ, который хранилъ мои, братнины, твои письма къ ней и другія бумаги; велѣла все вынуть. И прежде она мнѣ его показывала, и все, что́ въ немъ, и сказала, чтобъ послѣ смерти ея я все взялъ изъ него; а теперь указала и другой, который велѣла открыть послѣ смерти. Я повиновался. Будь спокоенъ за свои, ихъ никто не увидитъ... Сію минуту получаю письмо отъ Жихарева, увѣдомляющее объ ея деньгахъ на Орловыхъ; подходилъ сказать ей объ этомъ, но она и живая объ этомъ мало безпокоилась, а теперь! Впрочемъ, есть завѣщаніе. Я замѣтилъ движеніе въ рукахъ, которое обыкновенно бываетъ въ послѣднія минуты. Дыханіе тяжелое и намъ тяжело дышать близъ умирающей благодѣтельницы“.

(Приписка) „Милый Жихаревъ. Жуковскій скажетъ тебѣ мое новое горе, которое ужаснѣе для насъ тѣмъ, какъ оно отразится на душѣ, на сердцѣ одинокаго Николая. Если она придетъ въ себя, скажу ей о твоемъ письмѣ, но не надѣюсь. Благодарить будутъ тебя ея бѣдные

---

[1]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, 300.

дственники, а она молиться за тебя въ небѣ, ея близкомъ жи-
щѣ“ [1]).

„И русскія пріятельницы возбужденныя мною“, доносилъ далѣе
ту Александръ Ивановичъ, „и графини Разумовская [2]) и Гудовичъ [3]),
дневно пріѣзжаютъ справляться и присылаютъ. Печальное зрѣлище
я возвышаетъ и какъ-то успокоиваетъ: я смотрю на нее какъ на
ведницу и отсутствіе страданій оставляетъ душу въ какомъ-то по-
и не разстроиваетъ мыслей высокихъ и надеждъ утѣшительныхъ
будущей жизни. И въ другихъ примѣчаю я не столько безутѣш-
горести, сколько чувства великаго, столь для меня теперь понят-
го. Гизо болѣе всѣхъ скорбитъ, и его скорбь не безъ упованія. У
ахъ одно къ ней чувство и всѣ одно о ней повторяютъ.

„Въ то время какъ я вчера писалъ къ тебѣ, милый другъ и братъ,
самую полночь графини нашей не стало. Я сидѣлъ у нея до 11 1/2;
на еще дышала и я хотя и страшился ночи, но надѣялся еще уви-
дѣть ее, и Гизо начиналъ уже засыпать. Минутъ 20 послѣ меня она
скончалась. Она не страдала. По крайней мѣрѣ какъ всѣмъ сама
говорила; да и не примѣтно было страданія, а только какая-то тоска
подъ конецъ; но видно, что была во все время въ памяти [4])“. Въ письмѣ
къ Жуковскому А. И. Тургеневъ добавляетъ нѣсколько подробностей:

„За полчаса узнавъ, что я провожу ночь въ другой комнатѣ, позвала
она меня и сказала, чтобъ я отправилъ письмо къ брату, не читая
его. Я обѣщалъ. „Это одно что̀ меня еще безпокоило“, сказала она.
„Je vous aime, je vous aime beaucoup; je suis bien aise de ce qui
arrive,“ повторила она два раза. „Qu'ai-je faire de la vie?“ Потомъ
говорила о вчерашнемъ свиданіи съ священникомъ, между тѣмъ руки
ея искали мою руку. Она держала ее нѣсколько минутъ; потомъ
опять метала ихъ вокругъ себя. Ажитаціи продолжаются. Передъ тѣмъ
сказала она Гизо: „C'est long!“ онъ не понялъ. Служанка повторила:
„Madame a dit, que c'est trop long“. „Je ne dis pas que c'est trop
long, mais c'est long“, отвѣчала графиня, разумѣя агонію [5]). Гизо
поручилъ мнѣ побывать у Лафероне [6]), ибо посольской его канцеляріи
вѣрена была ею копія съ завѣщанія, впрочемъ и здѣсь она есть съ
новымъ прибавленіемъ. Гизо и еще одинъ пріятель душеприкащиками.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 339.

[2]) Графиня Марія Григорьевна.

[3]) Графиня Екатерина Николаевна, рожд. Залѣсская, по первому мужу графиня Мантейфель, жена двоюроднаго брата Григорія Кириловича—графа Андрея Ивановича Гудовича.

[4]) Переписка Тургеневыхъ, стр. 300 и слѣд.

[5]) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 314 и слѣд.

[6]) Французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, вскорѣ назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Узнавъ отъ Лафероне, что за пріѣздомъ изъ Константинополя курьера нашъ курьеръ въ Петербургъ еще не отправился, я пошелъ къ послу [1]) и, объявивъ ему о кончинѣ ея, просилъ позволенія прислать ему пакетъ къ Жуковскому. Онъ совѣтовалъ надписать на имя Булгакова, говоря что такъ вѣрнѣе. Я исполнилъ, писалъ къ Жуковскому и приложилъ къ нему письмо графини, съ 28 Ноября на 29-е ночью писанное. Я увѣдомилъ Жуковскаго, что письма его никому здѣсь не читалъ и не прочту его и что полагаю, что онъ не въ правѣ скрывать содержаніе письма... Я описалъ все Жуковскому и все послалъ съ курьеромъ, который сегодня въ ночь поѣдетъ. Завтра въ 9 часовъ утра будетъ выносъ въ приходѣ St.-Thomas d'Aquin, оттуда на кладбище. Я буду вездѣ и исполню за себя и за тебя долгъ признательности и дружбы, почти неимовѣрной въ наше время, если бы еще не было Жуковскаго. Милый братъ! будь твердъ и смотри яснымъ взоромъ на этотъ мнимый мракъ вокругъ насъ: надъ нами свѣтло и тихо. Въ душѣ нашей невинность; а въ будущемъ Богъ и вѣчность, и, можетъ быть, прежде еще свиданіе... Мы отпѣли просто и похоронили сегодня нашу добрую, милую благодѣтельницу и друга" [2]).

„Тихо, безъ страданія", писалъ А. И. Тургеневъ къ Жуковскому, „отошла она туда, гдѣ умолять будетъ за насъ милосердіе Божіе и правду Его. Мнѣ тяжело и грустно здѣсь, но и отлучиться страшно... Въ Москвѣ похоронилъ я матушку, въ Петербургѣ Карамзина, въ Лондонѣ живаго брата, здѣсь Серёжу и графиню Разумовскую!.. Когда будетъ легче и въ головѣ свѣтлѣе, напишу еще. На меня возложили нѣкоторыя печальныя хлопоты. Пишу къ графу Ламберту о кончинѣ ея.

„Вчера въ 9 часовъ утра собрались мы въ домъ графини; но она уже стояла, сообразно здѣшнему обыкновенію, подъ воротами въ простомъ дубовомъ гробѣ; ибо она желала самаго непышнаго погребенія. Пришедъ въ 8 часовъ утра въ домъ, я встрѣтился съ тѣломъ ея на лѣстницѣ и она какъ бы сама уже не впустила меня къ себѣ. Мы отпѣли ее въ приходѣ ея St.-Thomas d'Aquin и отвезли въ сосѣдство Серёжи, не далеко отъ него, въ правую сторону, въ уголку у стѣны опустили гробъ ея и первый разъ былъ я на двѣ минуты у могилы моего милаго Серёжи. Нашелъ пять или шесть увядшихъ вѣнковъ, вѣроятно ею же тамъ положенныхъ и едва оторвался оттуда. За гробомъ шли Гизо́, R. Collard, Cousin, Deweny, Montebello, Bourgeois и еще нѣсколько друзей, вѣрныхъ до гроба" [3]).

„Сегодня m-lle Elisa Dillon ходила со мною на квартиру гра-

---

[1]) Поццо ди Борго.

[2]) Переписка Тургеневыхъ, стр. 300 и слѣд.

[3]) „Русскій Архивъ", 1875 г., III, 339—341.

quelque chose de plus qu'humain, mais ses cheveux ont blanchi dans ces 4 jours et son visage a pris 20 ans de plus. Il lui parlait de sa mort, de leur avenir, de Dieu avec l'autorité d'un apôtre et la tendresse du meilleur des maris. Les souffrances avaient cessé et dans ces 4 jours il n'était resté de vie que dans le coeur et la tête; tout était consumé en elle, mais l'âme demeurait la même et nous apparaissait plus sensiblement que jamais. Lundi matin pour distraire notre attention, elle voulût que m-r de Remusat, qui est revenu pour elle d'Angleterre, nous racontât son voyage. Il commença par parler de Nicolas à qui il avait porté des lettres de Laf... pour l'am... [1]). Il dit qu'il lui a paru avoir un esprit et un caractère remarquables, quoiqu'il l'eût trop peu vu. A ces mots Pauline jeta sur moi des regards affectueux et dit: „Il est bon aussi; ce sont de bons amis, dites à Alexandre [2]) et à m-r Joukovsky que j'aurais voulu les trouver ici, qu'ils ne sont pas des étrangers pour moi, je les ai entièrement adoptés, ce sont de nobles âmes. Dites à m-r Tourguéneff qu'il m'a encore rendu bien heureuse en arrangeant votre affaire d'argent. Pauvre amie. Vous n'auriez pas pu rester à Paris sans cela". La veille elle m'avait longtemps parlé de Nicolas, elle avait voulu savoir toutes les particularités de mon voyage, je les lui dis, je lui parlai de notre correspondance, ce qu'elle était devenue ce dernier temps. Elle m'écoutait avec un air sérieux et à la fin me dit: „Je crains que vous ne vous engagiez trop dans une relation qui n'aura peut-être pas d'avenir, il ne faut donner autant que si on peut donner toute la vie. Prenez garde, mon amie, vous vous préparez des chagrins. Votre amitié est beaucoup maintenant pour lui, que sera-t-elle lorsqu'il sera retourné en Russie, employé, marié, heureux? Vous aurez des mécomptes". Je lui démontrais que cela ne se pouvait pas que j'eusse des mécomptes, ne demandant rien qui ne fût facile dans les diverses situations, et je la rassurais. Lundi soir elle voulut prendre congé de sa famille, elle dit à chacun des paroles qui lui allaient. Quand elle eut fini avec tous, elle me fit signe de venir contre son visage et me prenant les mains elle me dit: „Je vous ai gardée la dernière, vous, ma plus chère amie, savez vous bien combien je vous ai toujours aimée? Je ne vous demande rien, je ne vous recommande rien, je connais votre coeur, je sais ce que j'en peux attendre; vous ne m'oublierez pas, vous l'aimerez (en désignant son mari). Je serai auprès de vous, si c'est possible. Mon amie, Dieu nous attend tous; nous nous

[1]) П. И. Бартеневъ предполагаетъ, что это значитъ, „отъ Лаферове къ послу, т.-е. къ князю Ливену". Наврядъ ли это такъ. Тогда не нужны бы были сокращенія. Слѣдуетъ понимать отъ Лафайета (дѣда Ремюза) къ адмиралу, т.-е. Павлу Васильевичу Чичагову.

[2]) А. И. Тургеневу.

pour Guizot; il n'a que le bonheur de moins; tout reste comme vous avez vu. Le bon *** (?) prend le ménage à ses frais et garde Guizot, sa mère et son fils avec leurs gens. Chacun me demande de vous parler d'eux; vos deux noms ont été prononcés dans tous les moments. Vous êtes établis là, comme si vous étiez pour eux un intérêt de toute la vie. Vous êtes transparent, bon Joukovsky: on vous aime vite et avec sécurité. Je donne bien plus de détails à Nicolas ou du moins ils ont plus de vie: car j'ai trouvé des moments pour lui écrire presque chaque jour et sous l'impression immédiate. Comment souffrir, voir souffrir et ne pas penser à lui! Je voulais l'attirer dans ma vie, dans mes pensées, le faire sortir ainsi des siennes, le fortifier [1]) en lui montrant la force de Guizot, qui est si tendre en même temps. Je le lui ai montré plus complétement que je n'ai le temps de le faire pour vous. Au milieu de ce qui vous occupe, je n'ai pas perdu de vue ce qui vous intéresse. J'ai fait parler, j'ai parlé à tout ce que j'ai pu découvrir de personnes qui ont été pour cause de santé dans le midi, ou qui sont de ce pays-là. Nice et Hyères sont à peu près la même chose. (C'est dans la ville d'Hyères et non dans les îles qu'on va). Si la maladie commence, les doux climats sont également salutaires; si elle est avancée, ils hâtent également. Il y a une vivacité dans l'air, qui donne un rapide développement à la plaie, mais dans ce cas la question est partout de vivre plus ou moins de semaines, la guérison partout impossible. Rémusat a une belle-soeur malade, la dernière des trois soeurs, dont l'une était aimée de Rémusat; elle mourût avant le mariage; la douleur commune le retint dans la famille; pour ne pas s'en séparer, il épousa une autre des soeurs, qui mourût un an après aussi de la poitrine. Enfin il en reste une qu'on ne fait vivre que par l'air du midi. Ses parents ont soigneusement observé ce qui valait mieux de Nice ou d'Hyères. Ils ont cru Nice préférable. Ce sont m-r et m-me Périer, le frère de Casimir Périer le député. Leur fils va épouser dans quelques semaines m-lle de Lafayette. Ce sont d'excellentes gens; la femme de même nature, que votre chère Alexandrine [2]); elles s'entendraient vite et je les mettrais en rapport. Quand à Hyères je sais que la vie y est facile, à très bon marché, mais pas autant de ressources qu'à Nice. La dame que vous avez vu monter en diligence le jour de mon départ pour Londres, y a passé l'hiver dernier, aussi pour la poitrine. J'irai lui demander des renseignements. Vous les aurez dans ma prochaine

---

[1]) Николай Ивановичъ Тургеневъ преданъ былъ суду за государственную измѣну въ 1826 г. Онъ въ то время находился за границею. По требованію Императора Николая Павловича, правительство Карла X-го изгнало его изъ Франціи.

[2]) Александра Александровна Воейкова, которую Жуковскій страстно любилъ. Она приходилась ему племянницею (съ лѣвой руки).

lettre et bien circonstanciés. Montpellier n'est plus de mode, je ne sais pourquoi. Nice et Hyères ne valent rien en été. J'ai pensé pour cette saison, l'année prochaine, aux Eaux Bonnes dans les Pyrénées; parlez en à la princesse Sophie [1]) qui y a été. Je n'ai qu'une chose à vous dire sur m-me Woyeïkoff: c'est que tout ce que votre amitié pour elle pourra désirer de moi, je le ferai, comme vous savez, que je fais ce que vous me demandez. Koreff me charge de vous dire qu'il voit des effets surprenant d'une nouvelle manière de traiter les maladies de poitrine, en appliquant le moxa à plusieurs reprises entre les côtes où l'on souffre le plus et ensuite un séton aussi de ce même côté; mais pour un tel remède il faut en parler à Huffland ou à Kresig avant de le proposer.

Dégérando, qui se rappelle à votre souvenir, a entre les mains tous les papiers de Montmorency. Je lui ai parlé des notes en question, il m'a dit (songez qu'il a été l'ami de Montmorency) qu'il n'y a rien dans ces notes qui vaille la peine d'être communiqué, que lui a été surpris de ce que ce caractère et cet esprit a pris à la fin de rétréci par le fait d'une dévotion mal entendue (vous savez que Dégérando est très pieux). Montmorency ne s'était aidé d'autre chose que de sa conscience et une conscience, remise sous la direction d'un confesseur, n'éclaire pas suffisamment. L'abbé Nicole est venu me faire des reproches amers de ne l'avoir pas fait rencontrer avec vous chez moi. En effet je n'y avais pas pensé. Il est inconsolable de ne vous avoir pas vu, ni Alexandre [2]). Il me charge de vous dire que tout ce qu'il pourra faire pour vous être agréable, il le fera et à-présent et dans l'avenir. Je lui ai demandé de me tenir au courant de ce qui pourrait se publier d'ouvrages qui puissent concerner votre grande oeuvre, et que je vous les enverrai [3]). Dégérando fera de même; cela vous convient-il? A-présent venons à Nicolas [4]). Je vous dirai que depuis votre départ, il m'écrit des lettres effrayantes. La seule bonne, que j'ai envoyée l'autre jour à Alexandre, vous l'aurez lue. Il y a en lui une douleur sombre, farouche, qui tient moins à l'événement qui les a frappés [5]) qu'à une disposition de son caractère, que cet événement a seulement portée au

---

[1]) Княгиня Софья Григорьевна Волконская, рожденная кн. Волконская, жена фельдмаршала кн. Петра Михайловича.

[2]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

[3]) Аббатъ Николь, извѣстный въ Петербургѣ педагогъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, потомъ директоръ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, наконецъ канонникъ и викарій Парижской эпархіи. Въ то время Жуковскій готовился къ воспитанію нынѣ царствующаго Государя Императора.

[4]) Н. И. Тургеневъ.

[5]) Кончина Сергѣя Ивановича Тургенева.

plus haut degré. Il y a quelque chose de délirant dans des passages de ses lettres, qui m'ont donné une crainte terrible, la crainte que le malheur de Serge ne se renouvelle en lui: cette douleur désordonnée y peut conduire. Quand cette idée m'est venue, il s'est joint aussitôt une idée, celle d'aller passer un mois avec lui. Je le lui proposai; je craignais qu'il n'acceptât pas. Avant d'avoir même achevé de lire ma lettre, il s'est mis à m'écrire de venir. Dans l'intervalle où ma lettre avait été écrite et avant qu'elle n'arrivât, il m'écrivait de son côté deux fois qu'il lui aurait répugné de me voir à Londres sans Alexandre, mais qu'à Lemigton c'est différent, qu'il me désire. Vous pouvez comprendre combien j'ai été aise d'avoir prévenu son désir: il ne pourra pas craindre d'avoir provoqué un acte de complaisance. Il trouve cependant encore un moyen de se tourmenter, il craint que je ne lui fasse un sacrifice; mais je sens qu'il est content; il croit que je peux partir le 8 et se hâte de m'indiquer mon itinéraire, ensuite il me dit qu'il ira où je voudrai. Je ne veux pas l'attirer dans aucuns des ports où je puis débarquer. J'ai remarqué que tout ce qui lui rappelle qu'il ne peut aller plus loin, lui fait mal. Je ne partirai que le 15. Ma santé est éprouvée de ce qui vient de se passer; il me faut quelques jours de soins pour me remettre. Je crois que sous tous les rapports ma présence lui sera meilleure que notre correspondance. Elle est trop active. Alexandre a eu tort de l'exciter autant. Je lui donnerai plus de repos que ne lui en donnent mes lettres et celles qu'il m'écrit. La réalité calmera cette ardente imagination qui crée un être fantastique auquel il applique son souvenir. Je sentais à Londres que je le calmais à mon gré; à plus forte raison lui ferai-je du bien maintenant, que nos lettres ont établi tant d'intimité entre nous: celles que vous avez vues ne sont rien en comparaison de celles que je reçois depuis. Depuis le 14 il m'écrit chaque jour. Il se consume dans cet isolement. Vous comprendrez ce que j'éprouve à l'idée de ce que sera ma présence pour Nicolas. N'y eût-il que le bien que je lui ferai, ce serait assez, mais il y a de plus une véritable sympathie entre nous et le revoir me donnera plus de contentement qu'à lui même. J'aurais passez ce temps à Broglie où va aller toute la famille Guizot et Devenie, ou aux bains de mer avec m-r et m-me Meulan. N'est-ce pas mille fois mieux employer mon temps, ce temps qui n'eût été utile à personne et qui sera donné à l'être le plus seul sur la terre? A tout moment l'idée de cette solitude me revient. Cela me prend au coeur.

N'ayez tous deux de soucis pour moi d'aucun genre; n'en ayez pas pour l'argent. Je peux sans de grands efforts vivre là, comme y vit Nicolas. Il me serait désagréable qu'Alexandre me parlât même de cela. J'ai fait mon calcul, pour pouvoir même un peu voyager; nous

serons là comme de bons frère et soeur. Que le coeur d'Alexandre soit tranquille; je ferai comme il ferait lui-même pour soigner les tristes dispositions d'âme de Nicolas. J'ai plus de responsabilité que la première fois, puisque je vais de ma volonté, d'une volonté pure, bonne, que Dieu bénira: j'en ai la confiance. Je ne dis pas mon voyage; dans ce moment chacun se disperse, court de côté et d'autre. On est habitué à me voir passer les étés dans bien des endroits différents; personne ne s'intéressera à savoir où je suis. Je ne le cacherai pas, mais je ne le dirai pas. Recommandez à Alexandre de ne pas le dire. Vous deux, vous me comprendrez; des indifférents se moqueront ou blâmeront. Pour éviter tout inconvénient j'éxige, que sans exception vous ne le disiez à personne. Alors avant mon départ je vous enverrai ma procuration et je vous parlerai de mes affaires. Tant de choses m'ont occupée, que je n'ai pas pensé à celle-là. Ai-je seulement dit à Alexandre ma satisfaction des bons soins de m-r Gichareff?. On devient avide dans la prospérité; maintenant je voudrais savoir si le c-te Orloff trouve juste de me garder huit mois mon argent sans intérêt quelconque? Il était remboursable le 28 Fevrier. Il lui serait plus facile de payer les intérêts de ce temps-là, qu'à moi de les perdre. Mais pourtant il ne faut pas que ce bon m-r Gichareff soit tourmenté pour cela; qu'Alexandre n'en parle que s'il n'y voit pas d'inconvénient. Je ferai, comme je l'ai souvent fait: je m'en passerai.

Ne croyez pas que vous serez souvent tourmenté de pareilles lettres. Sa longueur et sa négligence m'effrayent, quand je pense à qui elle s'adresse. Mais je vous écris du coeur, le votre m'acceptera. S'il était possible de m'écrire tout de suite, je serais bien contente de recevoir ici encore un mot de vous. Faites-le, car il pourrait se faire qu'une circonstance ou une autre retardera mon voyage. Mais hâtez vous et dites moi franchement si vous me blâmez. Cela me ferait quelque peine, mais je vous répondrai en vous montrant cet excellent être calmé, ranimé et n'ayant plus le déchirant sentiment d'un isolement absolu. Quand on peut faire ce bien-là, qu'on peut le faire sans rien blesser, on serait coupable de ne pas le faire.

Adieu, cher ami, laissez-moi vous donner ce titre, que je vous donne si volontiers et si sincèrement. Mille et mille tendresses à la mère et à la fille [1]); mais même silence qu'avec tout autre. Occupez vous beaucoup de ma chère Aline, vous lui ferez du bien. Mettez de votre poësie dans son âme, qui a été froissée de bonne heure et qui a besoin que le feu sacré la dilate. Elle en est susceptible. Tâchez

---

[1]) Княгиня С. Г. Волконская и дочь ея кн. Александра Петровна (Aline), вышедшая впослѣдствіи за П. Д. Дурново.

d'obtenir ma grâce d'une personne qui doit m'en vouloir beaucoup, qui est à Ems, m-me de Noiseville, si vous la voyez. Elle a été parfaitement bonne et aimable pour moi, et moi indigne, elle m'a écrit plusieurs fois, je ne lui ai pas répondu; cela n'a pas cessé de me bourreler la conscience. Vous ne vous doutez, que je déteste d'écrire. Vous trois vous m'avez tiré ma substance, je ne peux écrire que du coeur; quand je m'en tire bien, le reste ne fournit pas. Mais adieu! Vous devriez bien écrire à Guizot; il le mérite de vous, et Alexandre aussi. Il faut écrire à Paris, leur № est 37.

II.

Octobre 28 (1827) Paris. Rue du Bac, 27.

J'aurais voulu, cher ami, arriver à vous avec un coeur tranquille; c'est ce qui m'a fait retarder aussi longtemps de vous écrire; mais je ne peux pas attendre d'avantage, et quand mes voeux vous accompagnent sans cesse, il faut aussi enfin que les accents de ma sincère et vive amitié aillent jusqu'à vous. Vous voilà donc à Pétersbourg! Je ne pense qu'avec une profonde émotion aux soins qui vont remplir votre vie. Ce jeune enfant [1]) est l'objet de ma tendre sollicitude. Je l'aime, je prie pour lui, je vous vois en lui. Je sais comment la vérité pleine d'onction et de chaleur s'écoule de vos lêvres; je vois germer vos vertus dans ce jeune coeur. Les bénédictions qu'il méritera un jour seront votre couronne. Cher Joukowsky! Sous quel rapport que vous m'apparaissiez, vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. C'est bien fort à dire en face, mais quand on est destiné à ne se revoir jamais, n'a-t-on pas la liberté des mourants? J'ai reçu toutes vos lettres; une à Lemington et trois que j'ai trouvées ici, car je ne m'en étais pas fait envoyer là. Ces admirables lettres sont une nourriture pour mon âme; c'est comme si vous aviez déviné avec quelle tristesse je reviendrai et combien j'aurai besoin de ces paroles avec lesquelles vous élevez les âmes à votre hauteur. Je suis arrivée encore plus disposée à les recueillir après avoir quitté cet être auprès duquel il faut nécessairement se purifier, si on veut y respirer à l'aise. Je ne sais par quelles souffrances je dois acheter cette amitié, que la mort et la douleur ont commencée; mais je bénirai toujours Dieu de m'avoir rapprochée d'un être qui est la pureté même. Cette âme-là n'a pas une souillure; vous le connaissez bien, mais pas encore comme moi. Jamais il n'a été avec personne autant dans l'amitié qu'avec moi; après six semaines d'une

[1]) Нынѣ царствующій Государь Императоръ.

communication continuelle, je n'ai plus compris la possibilité d'en être privée. Il m'était aisé de tout arranger pour rester ou revenir, jusqu'à de meilleurs tems; j'ai la certitude que c'eût été beaucoup pour lui. Il ne l'a pas voulu; la crainte de me faire tort lui fait exiger impérieusement d'Alexandre que je ne revienne pas. Il menace de quitter l'Europe si j'arrive. Je ne veux pas m'appesantir sur la peine que cela me fait, mais vous concevez celle d'Alexandre. Il est ici dans un désespoir qui surpasse tout ce que vous en avez vû. Celui pour qui il vit est là, seul, et d'autant plus seul, qu'il s'était livré d'avantage à la douceur de notre intimité; car c'est lorsqu'il s'est aperçu que bientôt il ne pourrait plus s'en passer, qu'il a voulu mon départ. J'avais été frappée de son dépérissement. Vous savez que j'ai eu l'imprudence de l'écrire à Alexandre. Depuis mon départ, il écrit lui même des détails désolants sur sa santé. Je ne sais pas si l'hiver se passe ainsi, s'il ne sera pas trop tard. Je vous ménagerais plustôt que je ne vous alarmerais, mais il faut la vérité. Son sang ne circule pas et se porte continuellement au cerveau; ses entrailles vont en empirant. Ces malheureux médecins lui conseillent d'aller dans le Midi. Jugez ce que lui est un tel conseil? Encore si Alexandre pouvait y être! Ce frère-là adoucirait la douleur de son âme et cela pourrait donner quelqu'espoir de guérison: mais maintenant il ne pense qu'à être réuni à Serge; il pense qu'il n'est que pour le malheur d'Alexandre et que sa mort simplifierait les choses. Mais ce découragement sur lui-même n'influe sur aucun de ses sentiments. Avec quel feu il me parlait de vous! Il rappelait votre première jeunesse, vos soucis pour son père; ce temps-là, où il était le plus avec vous, a été le plus heureux de sa vie, et cependant il me disait que vous ne vous aperceviez même pas combien il vous aimait, qu'il n'avait jamais songé à vous le témoigner. Son regard devenait ce que vous savez qu'il peut être, quand il parlait de cette perfection en vous qui ne s'est jamais démentie; il disait chaque fait, chaque circonstance de votre vie; il disait que c'est déjà tout de vous aimer et de penser à vous, qu'il ne conçoit pas comment on se permetterait de désirer de vivre avec vous, que ce serait trop, que la vie serait trop belle. Il dit que vous seul le connaissez, que tous les mouvements de son âme vous sont révélés. En effet je ne sais par quelle magie on peut comprendre à ce point une autre âme, sans nulle communication qui puisse y aider. Que j'ai rougi des craintes qui m'avaient amenées, en voyant cette raison si forte et si élevée! Rien de ce que je redoutais n'est possible; mais ce qui est probable, c'est que nous le perdrons s'il reste là, ou au moins s'il y reste seul. La véhémence avec laquelle il s'oppose à mon retour fait peur à Alexandre, qui exige que je me conforme à cette volonté. Je m'y

soumets à regret; car je sens qu'en allant malgré ses paroles je réussirais à vaincre cette délicatesse exaltée, qui n'est jamais satisfaite que par le sacrifice de lui-même. Cher ami, votre attente ne sera trompée en aucune chose; je préserve fidèlement ce que l'amitié me confie. Je le dis pour toutes les choses qui vous intéressent et nommément pour m-me Woyeïkoff. Vos recommandations l'auraient placée dans mon coeur, quand même elle n'en aurait été déjà bien près: car elle est un des doux souvenirs, que j'ai remportés de Pétersbourg. Je lui ai écrit à Hyères, en lui envoyant deux lettres pour les maisons les plus considérables du pays: l'une de m-r Siméon, l'ancien ministre, l'autre de m-r Thierry, l'intéressant auteur du meilleur ouvrage d'histoire de notre époque (la conquête de l'Angleterre par les Normands). Je serai, je ferai ce que je pourrai imaginer, qui satisfasse le mieux votre sollicitude pour elle. Si vous avez quelque chose à lui envoyer, adressez le chez moi. Si je n'y étais plus, je laisserai des instructions. Rien n'est encore décidé à mon égard pour l'Italie. Mon dernier voyage m'a empêchée de recevoir à temps les lettres qu'on m'a écrites, pour me presser d'y venir; j'ai laissé dans l'indécision, tant que j'ai espéré d'être ailleurs; à-present que tout espoir est détruit, je serai volontiers avec vos compagnes d'Ems, et pourtant il m'en coûtera d'être plus loin encore du point où sont mes meilleures pensées. Je serai encore une quinzaine de jours dans l'incertitude. J'ai écrit pour dire comment les choses se passent en moi et laisser décider la princesse Sophie. Il me serait doux de les revoir; je sens que j'aime plus que jamais ma chère Aline; elle m'écrit de charmantes lettres où votre nom se trouve souvent. Guizot a lu deux fois les passages de vos lettres qui le concernent. Ces lettres ont mis vos âmes en contact. Votre souvenir dans cette maison est tout vivant, vous y êtes un ami à peine absent, et certainement le premier étranger adopté de coeur à ce point-là. La douleur de Guizot est la même que le premier jour, contenue, maitrisée; tout est de même qu'autrefois à l'extérieur; il appartient de même à toutes les choses intellectuelles, il n'y a que le bonheur de moins. Il vit en présence de sa femme, avec la volonté d'être et de faire tout ce qu'elle approuverait. Il est ici pour quelques jours, ensuite il retournera à Broglie jusqu'au mois de Janvier. Cette maison m'attire et me fait mal. La perte que j'ai faite donne à Paris tout entier un autre aspect pour moi. J'ai retrouvé dans cette nouvelle amitié dont vous êtes la première cause, quelques-unes des choses que me donnait l'amitié de Pauline et surtout cette vérité parfaite de caractère, qui met tant de sécurité dans tous les rapports; mais rien ne rend le passé. J'ai vu Capod'Istria. Sa position actuelle a ajouté je ne sais quoi d'accompli en lui, qui me fait peur.

Il semble prêt pour le Ciel... Son beau visage même a pris cette paix du tombeau, que vous et moi avons si bien vu sur le visage de Serge, c'est le même sourire paisible. On sent qu'il ne tient plus à la terre, que par le bien qu'il y peut encore faire; mais ce bien même il n'est pas pressé de l'accomplir; il en fera sa part sans rien anticiper sur d'autres temps. Il sent quelles sont les choses que le temps seul peut produire, et que les hommes gâtent ce qu'ils veulent précipiter. Il m'a raconté son voyage de Pétersbourg; il m'a parlé comme vous de cette famille qui a remis entre vos mains son plus cher intérêt. Vous savez si bien faire aimer ce que vous aimez, que je n'entendais pas sans émotion les épanchements de la reconnaissance. Il va en Suisse pour avoir des troupes, et de là en Grèce, par Ancone ou Marseille, il n'était pas décidé; je voudrais que ce fût par Marseille: il verrait votre amie. Il veut être en Grèce à la fin de Novembre.

Cher ami, j'ai une prière à vous faire, qui me tient fort à coeur. Tâchez de trouver un moment pour voir m-me Zagriatsky. Je ne sais pas ce que le temps a laissé d'elle, mais quoiqu'il en reste, ce reste m'est cher. Je retrouverai le tout dans une meilleure vie. Je voudrais que l'expression de ma tendre affection lui arrivât par votre bouche. Dites-lui tout ce que vous pourrez de plus tendre de ma part. Elle ne m'écrit plus, et pourtant je suis persuadée qu'elle ne pense à moi qu'avec amitié. Malgré la différence de nos âges il y a une véritable sympathie entre nous. C'est un sentiment doux et pénible à la fois d'aimer une personne âgée et d'en être éloignée. On ne sait plus où la chercher, si c'est sur la terre ou dans le ciel. Dites aussi bien des choses de ma part à ce qui l'entoure, et surtout à m-me Kotshoubey.

Je vous écrirai bientôt, dès que je saurai ce que je deviens. Sans Alexandre je serais allé passer le reste de l'année au Bois Milet chez les Meulan, mais il m'en coute trop de le quitter. Seulement pour chercher le repos, je voudrais trouver à remplir son temps de façon qu'il en ait moins à donner à son malheur. Je m'en occupe avec soin. Il faut que je vous parle de mes affaires; mais après tout ce qui a remué mon coeur dans cette lettre, comment finir par de l'argent? Cela n'est pas en mon pouvoir. Ce sera l'objet spécial d'une lettre. En attendant causez avec le c-te de Lambert, pour trouver moyen que mon chétif revenu ne soit pas diminué; tel qu'il est, j'ai toutes les peines du monde à vivre à Paris, comme vous savez que j'y vis; un peu moins, je serai obligée de m'en aller. Causez-en avec m-r de Lambert, qui a la bonté de soigner mes intérêts; il a ma procuration et s'il partait de Pétersbourg, comme je le craignais, c'est vous que j'en voudrais charger. Adieu! Tout s'apaise et se calme quand on cause avec vous, même à 800 lieues! Oh! quelle odieuse chose, que l'absence,

que la distance. J'espère qu'il n'y en a pas dans l'autre vie. Adieu, comptez sur moi, disposez de moi. Je serai heureuse de vous témoigner combien j'ai d'amitié pour vous

Henriette Rasoumowsky.

Младшій изъ сыновей графа Кирилы Григорьевича—Иванъ Кириловичъ, родился 6-го Августа 1761 года. Онъ воспитывался, какъ мы уже видѣли выше, въ Шляхетскомъ корпусѣ. Изъ корпуса выпущенъ онъ былъ въ Мартѣ 1782 года въ Сѣвскій мушкатерскій полкъ, поручикомъ и поступилъ въ штабъ къ отцу, къ которому 20 Мая того же года назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. Числясь въ этомъ званіи, онъ въ 1783 и 1784 годахъ принималъ участіе въ походахъ противъ поляковъ, а въ 1784 году назначенъ былъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ и генеральсъ-адъютантомъ при отцѣ. Какъ видно, въ корпусѣ научился Иванъ Кириловичъ немногому и отецъ рѣшился въ 1785 году отправить его за границу въ сопровожденіи нѣкоего Фюслена, вѣроятно швейцарца, съ цѣлью наверстать потерянное въ корпусѣ время. Но путешественниковъ наука не особенно утомляла. „Недавно получилъ я изъ Берлина", писалъ къ сыну Андрею графъ Кирила Григорьевичъ, отъ 6 Іюня 1786 года изъ Петербурга, „отъ брата твоего Ивана и отъ его спутника Фюслена письмо и какъ они пишутъ и въ планѣ ихъ положено, чтобъ ѣхать въ Копенгагенъ повидаться съ тобою, то и отвѣтъ на ихъ письма здѣсь включаю, почитая, что сей пакетъ уже застанетъ ихъ или вскорѣ послѣ пріѣдутъ. Включаю копію тоже отъ меня писаннаго его спутнику Фюслену, изъ котораго увидишь куда мое намѣреніе клонится, относящееся до ихъ путешествія, которое если всегда будетъ такъ продолжаться, какъ сей первый годъ, то никакого проку не выйдетъ, ибо нашъ молодой человѣкъ будетъ разъѣзжать, посѣщая резиденціи и знатные города, играя роль молодаго господина и знатнаго отца сына. А намѣреніе было, посылая его изъ отечества, чтобы онъ наградилъ потерянное втунѣ и способное къ ученію время въ кадетскомъ корпусѣ, то и должно удаляться отъ всѣхъ знатныхъ городовъ и сдѣлаться сущимъ студентомъ въ какомъ ни есть мѣстѣ въ Германіи, или въ Швейцаріи, по малой мѣрѣ года на два или на три. Если они будутъ къ вамъ, то не оставь подавать имъ совѣты, сходственные съ такимъ моимъ намѣреніемъ. Если же, паче чаянія, что переселеніе твое изъ Копенгагена имъ помѣшаетъ съ тобою видѣться, то доставить имъ сіи письма постарайся". „Я думаю", писалъ онъ далѣе отъ 18 Іюля того же года изъ Гостилицъ, „что братъ твой Иванъ и Фюсленъ гостятъ у тебя въ Копенгагенѣ, то прилагаю письмецо къ сыну Ивану, а Фюслену ничего не пишу, по причинѣ, что у меня никого здѣсь нѣтъ для французскаго языка.

Письмо кредитивное имъ на содержаніе приказалъ Людерсу банкиру дать во Франкфуртѣ на Майнѣ. При семъ за нужное тебѣ нахожу относительно сихъ вояжёровъ замѣтить, что я посылалъ ихъ или въ Гётингъ или въ какое-нибудь ученіе въ нѣмецкой землѣ, но по послѣднему письму вижу, что они водворяются въ Стразбургѣ. Я хотя и писалъ, что сіе мѣсто лучшимъ я не почитаю для молодого человѣка, ибо тамъ и французскій городъ и гарнизонъ, гдѣ вѣтренныхъ молодыхъ людей премножество, которыхъ примѣрами и наши, конечно, заразятся и тогда уже его трудно или вовсе невозможно исправить будетъ, и для того, во избѣжаніе такого неудобства, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ въ нѣмецкомъ степенномъ училищѣ сдѣлался педантъ, а послѣ сія кожа на немъ не останется; онъ ее скинетъ и выйдетъ французъ, но не столь вѣтренъ и презрителенъ. А при томъ въ нѣмецкой землѣ все дѣлается съ прилежностію и основаніемъ, то и выйдетъ по необходимости въ такомъ мѣстѣ, что голова его будетъ гораздо лучше меблирована и полновѣснѣе и не великій вѣтеръ въ разныя стороны швырять ее станетъ. Имѣвъ сіе мнѣніе въ виду, постарайся вперить мысль въ брата, такъ и въ его сателита Фюслена, чтобы они Стразбургъ промѣняли на другое какое мѣсто въ нѣмецкой землѣ“ [1]).

Въ Копенгагенѣ положено было, чтобы Иванъ Кириловичъ учился въ Лозаннѣ. Туда онъ и переселился, но, мало заботясь о преуспѣяніи въ наукахъ и нисколько не помышляя о пріобрѣтеніи кожи педанта, жилъ припѣваючи, ожидая отъ отца какихъ-то новыхъ приказаній. „Пишешь ты мнѣ“, писалъ недовольный отецъ сыну Григорію отъ Ноября 1786 года, „что братъ твой Иванъ пріѣхалъ въ Лозанну, гдѣ живетъ у тебя и ожидаетъ моего повелѣнія, что́ ему дѣлать прикажу. Удивляетъ меня то, что сей шалунъ ничего самъ о себѣ не пишетъ, и если бы ты меня о немъ не увѣдомилъ, то бы я и не зналъ, въ которомъ онъ углѣ Европы или другой какой части свѣта находится. Удивляетъ меня еще больше, что сопутникъ его Фюсленъ куда дѣвался? О семъ ни самъ онъ и никто изъ васъ не упоминаетъ. Наконецъ и то меня больше всего удивляетъ: они, будучи въ Копенгагенѣ у брата твоего графа Андрея Кириловича, положили обще вмѣстѣ планъ, чтобы ѣхать въ Лозанъ и тамъ продолжать ученіе брата твоего Ивана, вдругъ такъ замолкли, что ни ко мнѣ, ни къ графу Андрею мѣсяца съ четыре какъ ни одинъ ни строчкою не отозвался; а теперь братъ твой невѣжда ожидаетъ моего повелѣнія! Вотъ ему мое повелѣніе: чтобъ поступилъ по положенному въ Копенгагенѣ, между ними тремя: братомъ Андреемъ, Фюсленомъ и имъ самимъ, плану ученія, которое

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

недолго продолжиться имѣетъ, ибо за симъ будетъ мое вамъ повелѣніе, чтобы ты его сюда привезъ, нежели по-пусту по Европѣ таскаться. Adieu“ [1]).

Черезъ годъ уже мы застаемъ графа Ивана Кириловича при дунайской арміи. Онъ перешелъ въ штабъ фельдмаршала князя Потемкина и принялъ участіе въ 1788 году въ осадѣ и штурмѣ Очакова, а въ 1789 онъ произведенъ былъ въ полковники и опредѣленъ въ Малороссійскій гренадерскій (что нынѣ конный гренадерскій военнаго ордена) полкъ. Во главѣ полка своего онъ отличился въ день побѣды при Салчѣ и послѣдовавшемъ за нею преслѣдованіи турецкой арміи, былъ при взятіи Бендеръ и канонадѣ Измаила. Въ 1790 году онъ перемѣщенъ былъ въ Малороссійскій полкъ и стоялъ съ нимъ въ Молдавіи. Въ 1791 онъ перешелъ черезъ Дунай и былъ участникомъ славной битвы подъ Мачиномъ. За подвиги свои онъ былъ награжденъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса. Графъ Иванъ Кириловичъ былъ добрый малый, храбрый рубака, отличный товарищъ, но въ то же время страшный кутила, волокита и картежникъ. На деньги онъ былъ бездонная бочка и безпрестанно докучалъ отцу требованіемъ пособія. Безпутная жизнь пошатнула его съ молодости слабое здоровье. Доктора отправили его за границу въ 1792 году. Онъ снова надѣлалъ тамъ кучу долговъ, и раздосадованный отецъ писалъ къ нему изъ Москвы отъ 20-го Января 1793 года.

„Получивъ твое письмо, изъ Гаги отъ сего 4-го Января пущенное, спѣшу тебѣ отвѣчать, хотя и писалъ на прошедшей почтѣ, которое положилъ въ пакетъ, сестрѣ Елизаветѣ Кириловнѣ [2]) адресованный. Вексель на 4000 какъ скоро представленъ былъ, такъ я акцептовалъ и деньги заплатилъ сполна, что учинило на наши деньги 3000 съ лишкомъ, а какъ я, заплатя сіе, сказалъ, чтобы впредь тебѣ кредиту не дѣлали, ибо я платить по твоимъ векселямъ впредь не намѣренъ, то и рекомендую тебѣ, по полученіи сего, немедля, отправиться въ твое отечество, т.-е. сюда, ко мнѣ, прямо въ Москву, а для сего и возьми путь свой на Вѣну, Кіевъ и Малороссію. Въ Варшаву не заѣзжай и держись болѣе дороги по владѣнію Цесарскаго двора, которымъ ты доѣдешь за 300 верстъ отъ Кіева и тутъ будетъ уже дорога хороша и выгодна. Отъ Кіева же до Москвы и говорить нечего; въ Кіевѣ можешь стать въ моемъ домѣ. Если бы сихъ 4000 гульденовъ тебѣ не стало на проѣздъ твой въ отечество, то проси отъ меня г. Колычёва [3]) нашего министра, чтобы онъ занялъ на себя или бы поручился

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

[2]) Апраксиной.

[3]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, † 1805, посланникъ въ Гагѣ, впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и вице-канцлеръ.

за тебя, я же какъ скоро вексель получу, не премину уплатить по оному. Наконецъ я не понимаю, какого ты разсчета держишься? По моему, ты за прошлый годъ издержалъ не 6000, опредѣленныхъ тебѣ на прожитокъ, но около 20,000; ибо въ семъ Январѣ мѣсяцѣ заплатилъ я 11,500 гульденовъ, что̀ учинило 9000 съ лишкомъ, да послѣдніе 4000 гульденовъ, что̀ учинило 3000 съ лишкомъ. Вотъ мой счетъ, который, конечно, вѣрнѣе твоего, но быть тому такъ; говорятъ: „что̀ съ воза упало, пиши пропало“. Теперь остается тебѣ спѣшить какъ наискорѣе въ отечество твое, дабы не быть подвержену такимъ послѣдствіямъ, которыя тебѣ и всему нашему роду пятно могутъ дурное нанести. Какъ я имѣю въ Маѣ мѣсяцѣ побывать въ Малороссіи, то если твой обратный путь около сего времени доспѣетъ въ Малороссію, то совѣтую подождать меня тамъ, но однакожъ прежде отпиши ко мнѣ изъ Вѣны, ибо можетъ статься, что мое намѣреніе побывать въ Малороссіи и перемѣню, тогда-бъ ты напрасно не ожидалъ. Adieu“ [1]).

Въ 1794 г. графъ Иванъ Кириловичъ возвратился въ Россію и съ своимъ гренадерскимъ полкомъ стоялъ въ Польшѣ. Онъ продолжалъ вести разгульную жизнь и дѣлать долги. „Братъ вашъ Иванъ“, писалъ изъ Польши въ 1795 г. къ Андрею Кириловичу графъ Ланжеронъ, „здоровіе котораго плохо и который претерпѣлъ уже три припадка грудной болѣзни, боится здѣшняго климата и предлагаетъ уступить мнѣ свой полкъ... Я просилъ его подождать... съ сокрушеніемъ предвижу, что при этомъ могли бы у меня выдти съ нимъ непріятности. Отъ обстоятельствъ или же по собственной ошибкѣ, онъ много задолжалъ... Безъ посредства военнаго суда полкъ принять невозможно. Каково бы это было послѣ всей его пріязни ко мнѣ и той дружбы, которую я питаю ко всей вашей семьѣ.. Онъ еще очень слабъ... У брата вашего живетъ постоянно генералъ Пупаръ (Poupart), родом[illegible] французъ, перешедшій изъ польской службы въ нашу; жена его поль[illegible] перешедшая изъ службы брата Льва, на службу брату Ивану и сест[illegible] ея, которую желаю пристроить на службу къ себѣ самому[illegible]. Января 1795 года, графъ Иванъ произведенъ былъ въ [illegible]. 23 Февраля 1796, по прошенію, за болѣзнію уволенъ отъ [illegible] производствомъ въ генералъ-маіоры. Получивъ отставку, [illegible] Кириловичъ жилъ то въ Москвѣ, то за границею, [illegible] кою. Въ Москвѣ его лечилъ какой-то англичанинъ-[illegible] ніемъ куренія, которое разводили въ одной изъ [illegible] скаго дома. Въ залѣ этой больной проводил[illegible] [illegible]

---

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ разсказовъ кн. Репниной.

Кириловичъ, по выраженію отца, надѣлалъ безумно долговъ и „надавалъ всѣмъ на себя кабалы“. Въ 1801 году онъ пріѣзжалъ уже еле-живой въ Батуринъ проститься съ отцомъ передъ отъѣздомъ въ Италію. Онъ поѣхалъ туда съ княгинею Екатериною Николаевною М., рожденною кн. Г., съ которою давно находился въ близкихъ сношеніяхъ. На рукахъ ея онъ умеръ въ Римѣ 1802-го года. Мы напрасно доискивались тамъ могилы его. Графъ Иванъ Кириловичъ оставилъ послѣ себя воспитанницу Дарію Ивановну, вышедшую въ 1819 году за надворнаго совѣтника Василія Герасимовича Удовика.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Высочайшіе рескрипты Государя Императора Александра Павловича къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

1.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ извѣстился я, что меньшой сынъ вашъ, проѣзжая изъ Москвы въ пензенскія деревни, вездѣ почти по дорогѣ производилъ безпорядки и насилія, совершенно разстроенное состояніе здоровья его доказывающіе.

Чтобы отвратить дальнѣйшія послѣдствія въ таковомъ положеніи, во вредъ какъ другимъ, такъ и самому ему обратиться могущія, призналъ я нужнымъ повелѣть взять его до выздоровленія подъ присмотръ въ Шлиссельбурскую крѣпость.

Особенное уваженіе мое къ фамиліи вашей, удобность, которую вы имѣть можете доставить сыну вашему по близости столицы, пособіе искусныхъ врачей и то попеченіе, которое вы сами или родственники ваши о немъ тутъ имѣть можете, побудили меня назначить ему сіе мѣсто пребыванія.

Я желаю искренно, чтобы вы скоро имѣли утѣшеніе видѣть сына вашего въ прежнемъ состояніи здоровья.

Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Августа 21, 1806 года.

2.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Министръ просвѣщенія поднесъ мнѣ первый томъ, изданный Обществомъ испытателей природы, въ которомъ вы предсѣдательствуете. Внимая какъ предметамъ, такъ и трудамъ, споспѣшествующимъ къ распространенію познаній въ пользу наукъ, пріятно мнѣ изъявить вамъ мое благоволеніе за подвигъ, толь ревностный къ общему благу. Увѣрьте объ оном и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ, и что изданія отъ сего Общества принимать я буду съ удовольствіемъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 28 дня 1807 года.

Г. Петръ Завадовскій.

3.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Въ знакъ моего благоволенія о службѣ, которую вы приняли изъ угожденія моей воли, и отъ удостовѣренія, что ревностныя ваши попеченія совершатъ устройство учебной части какъ въ самомъ московскомъ университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ, жалую васъ въ кавалеры ордена святого Александра Невскаго, коего знаки, у сего приложенные, имѣете возложить на себя и носить по установленію.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля въ 14-й день 1808 года.

Графъ Петръ Завадовскій.

4.

Божіею милостію, Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, министру просвѣщенія графу Разумовскому.

Во изъявленіе особеннаго благоволенія нашего къ отличному усердію, ревности и трудамъ, коими служба ваша сопровождается, [illegible] Мы за благо пожаловать васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго князя Владиміра большаго креста первой степени [illegible]

для возложенія на васъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію всегда вамъ благосклонны.

Въ С.-Петербургѣ. Октября 23 дня 1811 года.

Александръ.

5.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Получилъ я письмо ваше отъ 23 Мая и согласенъ на порученіе дѣлъ министерства, вамъ ввѣреннаго, князю Голицыну, на время отсутствія вашего. Равномѣрно соглашаюсь на представленіе ваше о покупкѣ домовъ въ Царскомъ Селѣ для пансіона. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Вильна. Мая 26-го 1812 года.

6.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ и долговременной службѣ и къ разстроенному здоровію, я, сверхъ воли моей, долженъ согласиться на просьбу вашу, но какъ при исполненіи оной нуженъ выборъ преемника, чего въ скоромъ времени сдѣлать нельзя; то, предоставляя себѣ увольнить васъ отъ службы по возвращеніи моемъ въ столицу, я надѣюсь, что изъ любви къ отечеству не оставите вы до того времени министерства, управленію вашему ввѣреннаго. Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

(Рукою Аракчеева) С.-Петербургъ, Августа 31 дня 1814 года.

7.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. По полученіи сего имѣете вы, сообразно съ даннымъ правительствующему сенату указомъ, немедленно приступить къ исполненію слѣдующаго:

1) Взять содержимое іезуитами училище подъ непосредственное ваше управленіе и какъ за содержаніемъ, такъ и за порядкомъ онаго имѣть попеченіе.

2) Тотъ же часъ назначить и послать въ оное благонадежнаго чиновника, съ тѣмъ, чтобы онъ, явясь къ управляющему министерствомъ полиціи, который введетъ его въ должность, принялъ бы въ свое вѣдѣніе денежную, изъ платы отъ родственниковъ на содержаніе

учениковъ, составленную кассу и, вступя по хозяйственной части въ распоряженіе сего училища, имѣлъ попеченіе о благосостояніи и продовольствіи дѣтей.

3) Вы между тѣмъ имѣете немедленно снестись съ находящимися здѣсь родственниками учениковъ, дабы они взяли ихъ къ себѣ, поелику училище не будетъ болѣе существовать; съ иногородными же списаться, хотятъ ли они ихъ взять къ себѣ или отдать въ другія здѣшнія заведенія.

4) Доколѣ дѣти будутъ оставаться въ училищѣ, на то время снабдить оное училище изъ другихъ мѣстъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Александръ.

С.-Петербургъ. Декабря 20, 1815.

8.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Пріемля въ уваженіе принесенную вами просьбу и разстроенное здоровіе, я увольняю васъ отъ службы, назначая вамъ пансіонъ по десяти тысячъ рублей въ годъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Царское Село. 10 Августа 1816 года.

II.

Письмо Аракчеева къ гр. Алексѣю Кириловичу.

(Архивъ кн. Репнина).

М. Г. гр. Алекс. Кир.

Въ дополненіе къ Выс. рескрипту, вмѣстѣ съ симъ препровождаемому, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ извѣстить в. с., что по скорому отбытію Е. В. изъ столицы и совершенному недостатку времени, не можетъ Е. И. В. заняться теперь докладами министерства народнаго просвѣщенія, а предоставляетъ вамъ, м. г., внести оные въ комитетъ гг. министровъ. Относительно же награжденія чиновниковъ въ день 30 Августа, то изъ служащихъ по министерствамъ чинамъ никто въ сей день награды не получаетъ. Исполняя Монаршую волю имѣю, честь быть и пр.

Графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ. Августа 31 дня 18[illegible].

III.

Собственноручныя письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны графу Алексѣю Кириловичу.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

1.

Ce 12 Novembre 1810. Gatschina.

Je vous suis infiniment obligée, m-r le c-te, de l'envoi de la lettre de ma fille et des bonnes nouvelles que vous me donnez de sa santé. Elle m'écrit avoir été bien contente de vous voir chez elle. Je sais, m-r le c-te, que c'est demain le jour marqué pour les noces de la comtesse votre fille. Je vous en fait mon compliment et je forme des voeux bien sincères pour son bonheur. J'espère que les fêtes passées vous viendrez me voir et je vous assure d'avance que vous serez notre bienvenu et que j'aurai plaisir à vous renouveller de bouche les assurances que je suis sincèrement, m-r le c-mte,

„Votre affectionnée Marie".

2.

Ce 30 Avril 1814.

Je suis extrêmement sensible, m-r le c-te, à l'attention bien aimable que vous avez de me témoigner, en me communiquant l'extrait intéressant de la lettre que vous venez de recevoir de Dresde. Je ne connaissais pas la pluspart de ces détails curieux et précieux pour l'histoire de notre temps. Recevez tous mes remerciements, monsieur le comte, de me les avoir communiqués et persuadez vous, que je suis très sincèrement avec la plus parfaite estime

Monsieur le comte

„Votre bien affectionnée Marie".

3.

Ce 31 Octobre 1813.

Je viens de recevoir des tagêtes [1]) de Marseille, dont l'odeur est très agréable, je me fais un plaisir de vous en envoyer, monsieur le comte, supposant qu'il vous serait agréable d'en avoir ainsi que le

[1]) Tagetis—гвоздика.

professeur Fisher. Il est bien juste que je m'empresse de vous en offrir, vous devant l'ornement de mon cabinet des fleurs et plantes les plus rares et belles. Je profite avec empressement de cette occasion pour vous renouveler les assurances de l'estime parfaite avec laquelle je suis

Monsieur le comte

„Votre bien affectionnée Marie".

4.

En vérité, monsieur le comte, je suis des plus sensibles à vos aimables attentions. Je n'ai rien vu de plus beau que cette délicieuse fleur, qui réunit à la plus grande beauté l'odeur la plus douce. Je ne la connaissais pas, mais j'en conserverai le souvenir et bien plus encore celui de vos attentions délicates. La journée d'aujourd'hui doit être des plus agréables à Gorenki, car on m'a dit que l'air est doux et puis il fait soleil. Adieu, monsieur le comte, en vous renouvelant tous mes remerciements, je vous renouvelle de même les assurances de ma bien parfaite estime.

„Marie".

Ce 15 Nov. 1817.

„La fleur est arrivée dans le plus bel état".

5.

Ce Jeudi 16 Avril 1813.

Tant temoignages de respect et d'amour pour notre cher et bien aimé Empereur ne peut être reçu par moi qu'avec cet intérêt vif du sentiment inexprimable qui me lie à sa personne sacrée. Je vous prie monsieur le comte de remercier M. le Conseiller d'Etât Kapnist de l'ode qu'il m'a adressée et de lui témoigner tout le plaisir que j'ai éprouvé en voyant un poëte si avantageusement connu, exprimer les sentiments unanimes portés à l'Empereur. Je suis bien sensible, monsieur le comte, aux félicitations que vous m'adressez sur les glorieux evènements qui viennent de se passer et qui me comblent de bonheur, mais j'éprouve un regret réel de ne pouvoir vous en remercier de bouche à cause de votre incommodité et forme bien des voeux pour votre prompt retablissement, étant sincèrement avec une parfaite estime

„Votre bien affectionnée

Marie".

IV.

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны (королевы Виртембергской) къ графу Алексѣю Кириловичу.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

Tver, ce 17 Janvier 1811.

C'est à Jaroslav que j'ai reçu votre aimable lettre, m-r le comte, et les ouvrages qui l'accompagnaient; je m'empresse dès mon retour ici à vous en remercier. Le projet de l'Académie Asiatique fait honneur à celui qui l'a conçu. La Russie devant être à mon avis la puissance priviligiée pour les relations orientales, doit pour sa gloire avoir des sujets instruits dans cette branche si intéressante des connaissances humaines. M-r Klaproth a également droit à la reconnaissance nationale, c'est un savant dont le nom est déjà très connu. Toutes les occasions qui me mettent en relation avec vous me sont très agréables. J'ai vu ici pendant quelque temps le professeur Buhle qui est très reconnaissant de l'honneur que lui a fait l'académie de l'agréger au nombre de ses membres. Recevez, m-r le comte, l'assurance de la considération distinguée de votre

devouée Catherine.

Tver, le 17 Janvier 1812.

Recevez, m-r le comte, les expressions de ma reconnaissance pour l'aimable lettre que vous m'avez adressée et pour l'envoi des livres. Mes sentiments pour vous sont inaltérables et il m'est bien doux de voir que vous y attachez du prix. Soyez toujours convaincu de la parfaite considération de votre

dévouée Catherine.

Prague, le 14/25 Juin 1813.

Recevez mes sincères remerciements, m-r le comte, pour les almanachs que vous m'avez envoyé; ainsi que pour les voeux que vous formez pour mois, ces derniers venant de vous ne peuvent que me flatter. Je saisis avec empressement cette occasion pour vous répéter l'assurance de mon estime, étant votre

devouée Catherine.

Franzisbrun, le 28/16 Juillet 1818.

Etant habituée à compter sur votre complaisance, m-r le comte, je m'adresse à vous pour vous prier de me rendre un service. Le frère

de la bonne de mon fils ainé a été à la marine comme chef de la partie des instruments mathématiques, ayant eu son congé, désire entrer comme maitre ou directeur pour faire les mêmes instruments à l'académie des Sciences où ce poste est vacant. Il se nomme m-r Riebes. Si la chose est faisable vous m'obligerez infiniment puisque j'aime beaucoup cette femme. Recevez, m-r le comte, l'assurance de la considération de votre.

dévouée Catherine.

V.

Письма министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго къ графу А. К. Разумовскому.

1.

М. г. мой, гр. А. К.

Изъ сообщенія что отъ военнаго министра пошло къ Тимофею Ивановичу [1]), и моего къ вамъ на сей почтѣ, в. с. усмотрите, что еще до полученія письма вашего отъ 16-го взяты мѣры согласно изображаемому въ оном ъ вашему желанію въ отношеніи къ переселенію университета. Я не думаю чтобъ Тим. Ив. былъ на нашей сторонѣ, а военный министръ на послѣдней со мною конференціи весьма благосклонно отзывался въ пользу университета. Онъ извинялся что самому по заочности нельзя было рѣшить здѣсь дѣла, но въ Августѣ мѣсяцѣ онъ считаетъ быть въ Москвѣ и воспользуется собственнымъ обозрѣніемъ дабы доставить университету жилище выгоднѣйшее и желаемое. Въ такомъ добромъ его расположеніи я не сомнѣваюсь, а [illegible] бытность его въ Москвѣ, убѣждайте в. с. рѣшиться ему видимостью самихъ вещей.

Какъ прежде не понималъ причины темнаго облака, такъ [illegible] радуюсь что исчезло оное и открылось, что вы были правы [illegible] виноватъ. Да не случится впредь сему подобнаго и да не [illegible] ваше вѣрованіе въ мою душевную преданность, съ которою [illegible]

С.-Петербургъ. Іюля 24, 1808 года.

2.

Іюля [illegible]

М. г. мой, гр. Алексѣй [illegible]

Получа ваше письмо отъ 23 Іюня повторяю [illegible] упреки въ ту же минуту, какъ свѣдалъ причину [illegible]

---

[1]) Тутолмину.

оные. Не желайте, говорю въ шутку, чтобы я обходился съ вами, какъ съ капризною любовницею. Флегма, свойственная старости, погасила во мнѣ потребный на то огонь. Посмотримъ, чѣмъ начнетъ Тутолминъ. Ваше примѣчаніе и предвидѣніе основательны, но надѣюсь болѣе на г. военнаго министра, что, будучи въ Москвѣ, своими глазами обозритъ и отгонитъ шашни. Прошу, примите слѣдующія строки въ приватную конфиденцію, а не за сообщеніе оффиціальное. Доходитъ до моихъ ушей голосъ съ близкой стороны, что ярославскій директоръ Кичѣевъ, опредѣленный университетомъ, держится пьяной чаши. По цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ въ гимназіи, ни разу не собиралъ учителей и не держалъ съ ними совѣта. Словомъ, уставъ сдѣлался бѣлая книга, въ которую никто не заглядываетъ, отчего и учителя и ученики развращаются и послѣднихъ убыло знатное число, и только находится 26, въ числѣ которыхъ 11 изъ воспитанниковъ сиротскаго дома. Не разсудите ли послать туда ревизоромъ, изъ чиновъ университетскихъ, но человѣка весьма надежнаго, который поправилъ бы упадокъ училища и о неспособности директора донесъ бы истину. Директоромъ держится весь порядокъ и довѣріе публики, то какъ терпѣть пьяницу и нерадиваго въ семъ званіи? Также выборъ ревизоровъ, для осмотрѣнія училищъ, долженъ быть отъ университета весьма строгій, дабы сіи люди преклоняли къ себѣ уваженіе публики и доносили прямую истину о томъ, что̀ гдѣ нашли, не похваляя недостойнаго хвалы. Сіе говорю потому, что мнѣ слушать было непріятно отъ преосвященнаго Калужскаго, что Сохацкій, посланный отъ университета для осмотра училищъ, введенъ въ публичное собраніе въ такомъ хмѣльномъ состояніи, что самъ не могъ держаться на своихъ ногахъ. Сей и ему подобные соблазны распространяютъ безславіе на начальствующихъ въ самомъ университетѣ. Возьмите, в. с., лучшія мѣры, чтобы пресѣчь поношенія, которыя описываю единственно для вашего свѣдѣнія и предосторожности. Не терпите нигдѣ лѣнивцевъ, а наипаче пьяницъ; какъ ни велики были бы таланты, но сего порока не покроютъ и не замѣнятъ. Развѣ будущій слой ученыхъ русскихъ очистится отъ сей проказы, доселѣ общей. Пишу, а вамъ будетъ читать непріятно непріятное.

3.

Не вижу слѣдствій, ниже слышу объ оныхъ того злодѣйства, о которомъ вы молвили въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Я паче надѣюсь на г. Аракчеева, которому, когда пріѣдетъ въ Москву, постарайтесь изложить обоюдную пользу. Его расположенія не поколебитъ врагъ. Матею подарокъ и доктору, по вашему, ошейникъ пожалованы. Не

успѣлъ оныхъ къ вамъ отправить. Занимаюсь, по отъѣздѣ князя Лопухина, дѣлами его департамента, которыя сложены на мою шею на 5 недѣль его отсутствія.

7 Августа (1808)

4.

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ.

Поздравляю моего милостивца съ обновившимся годомъ и желаю, чтобы чрезъ сіи періоды растущая старость не была вамъ въ трудъ, ни болѣзнь. Простите мнѣ, в. с., что я помедлю отвѣчать на ваши почтеннѣйшія и ко мнѣ благосклоннѣйшія полученныя въ Декабрѣ. Потчивая гостей, находился въ праздникахъ безъ просыпу, и этотъ шумъ продолжался до 15-го. Король и королева [1]) отличаются ласковымъ обхожденіемъ; послѣдняя наипріятнѣйшая женщина по виду и дарованіямъ. Послѣ тисковъ французскихъ, они здѣсь, такъ сказать, отвели духъ и вкушаютъ веселіе. Наполеонъ разсѣялъ возмутительныя Гишпанцевъ войска, вошелъ въ Мадридъ и проповѣдуетъ коварство Англіи; идетъ въ Португалію, чтобъ и тамъ испровергнуть всю инфлюенцію Англичанъ и творитъ, яже хощетъ.

Болѣзнь, неказавшаяся опасною, уморила въ скорыхъ дняхъ графа Н. П. Шереметева. Во всю жизнь былъ слабъ духомъ, а при концѣ не боялся смерти, оставилъ завѣщаніе, избралъ попечителей, о чемъ только слышу, а обстоятельно не знаю.

4 Января 1809 года.

5.

19 Января 1809.

Благосклонное ваше отъ 14-го я получилъ къ сердечному моему удовольствію. Какъ обыкновенно въ одинакихъ и продолжительныхъ заботахъ удовольствіе сохнетъ, такъ и наши повседневные [redacted] окончились вчерашнимъ въ музыкальномъ клубѣ и сегодня И. [redacted] Прусскіе отъѣзжаютъ. Еще я не читалъ духовной покойнаго [2]) сказы и здѣсь тѣ же, что́ и къ вамъ дошли. Полагаютъ [redacted] представить оную въ разсмотрѣніе сената. Нельзя [redacted] отъ родового имѣнія законныхъ наслѣдниковъ, и [redacted] актъ, раздирающій законъ положительный, не [redacted] манія. При отъѣздѣ князя Козловскаго, я говорил [redacted] по сему происшествію. Пока сынъ живъ, [redacted]

[1]) Прусскіе, проѣзжавшіе въ Петербургъ.

[2]) Гр. Н. П. Шереметева.

и тогда только молчаніе прервать должно, если бы доходило до санкціи на сію духовную. По сію пору однакожъ не подавалися утверждать сіи случаи. В. с. слишкомъ щедро надѣляете меня дичиною, а я только хотѣлъ имѣть маленькій образчикъ въ науку для моихъ поваровъ, которые и здѣсь и въ Малой Россіи не умѣли (неразобранное слово) дичь сохранить негніющею.

P. S. Наполеонъ изъ Мадрида полетѣлъ къ своей арміи, оставя брата лейтенантомъ. Повидимому, еще не вся Гишпанія такъ покорна, какъ ея столица. Нашему Г. Ивану Васильевичу [1]) не удалось овладѣть Эриваномъ. При тяжкихъ его трудахъ эта неудача наичувствительнѣйшій для него переворотъ.

6.

Февраля 11-го (1809).

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ.

Ваши объясненія о Генингѣ я доводилъ къ свѣдѣнію Великаго Князя. Внявъ онымъ уже не всего мѣста хочетъ для своего кандидата. Когда Генингъ отличныхъ достоинствъ, для чего его не поставить въ директоры, чтобъ тѣмъ отнять навсегда (неразобрано), которые иногда не такъ удобно отклонить, какъ нынѣ удалось. Очень въ то я вхожу, сколько для васъ чувствителенъ поступокъ профессоровъ, по начальству и меня собственно колите. Но сіе произошло не въ томъ видѣ, чтобъ намъ досадительное показать неуваженіе, а по образу, чуждому деликатности. Запретивъ профессорамъ лекціи въ медицинской академіи, оскорбилъ и министра внутренняго, а наипаче Велея, [2]), который, по великому кредиту, по этой части всемогущъ. Отказать профессорамъ отъ университета и пуще пойдутъ жалобы, ссылаясь на указъ покойной Государыни, коимъ велѣно не препятствовать профессорамъ преподавать ученіе въ другихъ училищахъ, опричь ихъ каѳедръ. Въ томъ и другомъ случаѣ я не предвижу успѣха, а безъ сомнѣнія встрѣтимъ непріятности. Потому прежде чѣмъ дѣйствовать оффиціально, я приватно изъясняю всѣмъ мои мысли, бывъ ближе къ бьющему источнику. По настоящему времени неделикатность, ненаблюденіе формалитета обычнаго не должны трогать, и намъ чувствительность была бы себѣ во вредъ. Замѣнить сихъ профессоровъ таковыми же или еще и лучшими неудобно изъ чужихъ краевъ. Но знаменитые на 2000 не пойдутъ, а свыше стата нельзя ни сулить, ни давать. Вѣкъ и опытъ ко многому во мнѣ чувства притупилъ и вы не въ такомъ періодѣ,

---

[1]) Гудовичу.

[2]) Сэръ Джемсъ Вяйе (по Англійски Уайле), лейбъ-медикъ Имп. Александра I.

что теперь разсматриваетъ доставленный каталогъ книгамъ и полагаетъ купить оныя для медицинской академіи. Въ такомъ обстоятельствѣ досадили бы ему, посягая на перекупку. Военный министръ въ Финляндіи, куда и Государь 13-го числа отъѣзжаетъ. Сей походъ располагаютъ на 10 дней. Тутолминъ такъ боленъ, что медики не обнадеживаютъ излеченіемъ. У него камень и для операціи лѣта уже поздняя. По возвращеніи изъ Финляндіи усилю настоянія мои о превращеніи въ университетъ извѣстной казармы.

10 Марта (1809).

9.

Ежели бы отъ меня зависѣло, но вы не то думаете, окончить дѣло, университетское переселеніе уже бы совершилось. Ловлю министра по недѣлямъ, чтобы ему напоминать объ его обѣщаніи. Извиняется своимъ занятіемъ о военныхъ дѣлахъ, а теперь наипаче. Не разъ хотѣлъ самъ заѣхать къ Тутолмину и съ нимъ лично переговорить. Въ отношеніи къ сему болящему и то я сдѣлаю, что̀ вы въ послѣднемъ вашемъ (письмѣ) отъ 8-го полагаете быть полезнымъ. Надобно быть у источника, чтобы видѣть, скоро ли воды текутъ. Рѣшимость моя на покой и уже не долгій по моимъ лѣтамъ не... [1]) отъ попутнаго вѣтра. Но когда брошенъ будетъ якорь, предварю о томъ в. с. въ свое время. Но мой примѣръ не для васъ. Вы въ самыхъ сущихъ лѣтахъ, носите званіе почтенное въ томъ городѣ, гдѣ основали свое пребываніе. Я же старъ и люблю деревню; никакихъ выгодъ не приспособлялъ для себя въ столицѣ. Впрочемъ, откровенность объемлю сердечнымъ чувствомъ, яко доказательство вашей дружбы. Но желаю для общей пользы, чтобы ваше правленіе университетомъ продолжалось за предѣлы моего министерства.

(1809).

P. S. Между Австріею и Франціею неизбѣжная война, а тамъ... [2])

10.

Прискорбно было для меня найти въ письмѣ вашемъ отъ 27 Сентября разумѣніе личности, чему неповинна моя душа. Я не стану объясняться, сколь нелегко отмѣнить статъ устава, вчера, такъ сказать, изданнаго. Можетъ быть, вы и не повѣрили бы моимъ о томъ изъясненіямъ. Но, наконецъ, по многимъ преніямъ уже рѣшено избирать

---

[1]) Неразобранное слово.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

Дмитрій Александровичъ Гурьевъ проситъ меня объ увольненіи студента Михаила Буцкаго. Прилагаю его записку. Онъ, да останется между нами, есть побочный сынъ его отца умершаго и хочетъ дать ему дорогу полезнѣйшую предъ университетомъ. Нельзя къ таковымъ людямъ не имѣть снисхожденія, и я прошу в. с., когда до васъ дойдетъ просьба отъ сего студента, выпустить его подъ какимъ-либо благовиднымъ видомъ. Еще прошу, м. г., снизойдите также въ одолженіе министру внутреннихъ дѣлъ, чтобъ не затруднять профессоровъ университетскихъ, хотящихъ преподавать лекціи въ академіи медицинской, соблюдая однакожъ свои всѣ часы, постановленные въ курсахъ университета. Я потому у васъ о семъ ходатайствую, что князь Куракинъ охотно споспѣшествуетъ всякимъ отношеніямъ по нашей учебной части. Сладьте такъ, чтобы овцы цѣлы и волки были сыты. Простите, милый графъ, что не веду переписки моей исправно. Занятія умножились и умножаются до того, что не станетъ времени побесѣдовать съ человѣкомъ, коего люблю сердечно и къ которому приверженъ преданнѣйше.

12.

Молчаливый промежутокъ былъ съ вашей стороны по причинѣ шумныхъ и блестящихъ занятій, а отъ меня изъ уваженія на усталость подвизавшихся. Нынѣ врата обоюдному нашему молчанію отверзты и съ моимъ сердечнымъ удовольствіемъ поздравляю в. с., стяжаніемъ всякой хвалы, которую я слышалъ отъ Государя Императора, посѣщавшаго московскій университетъ. Онъ отзывался добрымъ словомъ о профессорахъ, коихъ удостоилъ своего разговора, о порядкѣ управленія, а наипаче о личныхъ вашихъ качествахъ, способствующихъ лучшему образованію сей полезнѣйшей части и при семъ случаѣ изволилъ сказать, что Екатерининскій дворецъ положилъ отдать подъ университетъ, только ему еще надобно переговорить съ военнымъ министромъ. Къ концу года столько хлопотъ, что этимъ дѣломъ не придется заняться. Г. Иванъ Васильевичъ, могъ бы уговорить думу московскую, чтобы отъ города доставили домъ для гимназіи, ибо для юношества ихъ собственно необходимо сіе училище. Вашъ училищный капиталъ не такъ пространенъ да и въ нынѣшнее время при толикихъ государственныхъ расходахъ долженъ сократиться. О канцелярскихъ деньгахъ изъ письма вашего вижу—вы продолжаете щекотливость. Изъ дѣла обыкновеннаго выходилъ бы необыкновенный докладъ, и такъ сію статью я оставилъ до будущаго вашего сюда пріѣзда, о коемъ слышу, что скоро послѣдуетъ, слѣдственно мое порадованіе оный упреждаетъ.

Писавъ сіе при окончаніи года, продолжаю сіи строки сердечнымъ желаніемъ, дабы мой милостивецъ въ новолѣтіи радовался о всемъ, на самомъ себѣ (sic) и продолжалъ любить пребывающаго и проч.

Декабря 28, (1809).

VI.

Бумаги относящіяся до времени попечительства Московскимъ округомъ.

Отношенія Инспектора Университета Профессора Рейнгарда:

(Архивъ кн. Н. В. Репнина)

1.

A S. E. le comte Razoumowsky C. I. A. de S. M. I. Curateur de l'Université de Moscou etc.

Rapport.

1. V. e. m'a ordonné de mettre provisoirement en exécution les différentes dispositions relatives à la discipline et contenues dans le projet de réglement pour les étudiants stipendiés. J'ai tâché de satisfaire cet ordre dès le recommencement des cours.

Effectivement dans les cours du mois de Septembre les étudiants ont fréquenté assez exactement leurs leçons d'après le plan que j'en avais tracé; excepté quelques-uns des anciens qui, croyant avoir fini leur cours, tiennent à se soustraire à l'ordre présent. Au commencement de ce mois d'Octobre j'ai crû devoir aller plus loin; j'ai donné aux étudiants par écrit un apperçu des règles qu'ils doivent suivre. Cet apperçu se trouve ci-joint sous № A. Outre les exhortations générales, il contient des dispositions tendantes à déterminer les heures qui doivent être consacrées au travail et celles où il leur est permis de sortir; d'autres tendantes à maintenir la tranquillité dans les chambres pendant les heures du travail et plusieurs autres. Enfin j'ai chargé m-rs les candidats qui ont l'emploi de mes „помощниковъ", de tenir un journal où ils marquent avec la plus grande éxactitude tout ce qui pourra se faire de contraire à la discipline. C'est ainsi que je pourrai répondre en quelque sorte de la conduite des étudiants et de leurs progrès dans les sciences.

2. Sur le rapport que j'avais fait au conseil d'après l'ordre de v. e., quelques-uns des étudiants ont été nommés précepteurs; d'autres ont

été congédiés; il en est encore quelques-uns dont le sort devra se décider. Je dois remarquer à cette occasion que nous manquons de dispositions positives et clairement déterminées par rapport aux *étudiants qui ont fini leur cours d'études*. Quelques-uns d'eux ne désirent que de quitter l'université, sans vouloir être chargés d'aucune obligation envers l'université qui les a nourris et formés; d'autres, quoiqu'ayant fini leur cours, veulent rester à l'université sans but, sans règle, sans utilité, seulement pour se faire payer 200 roubles par an, ne faisant aucun progrès ultérieur dans les sciences, oubliant au contraire en partie ce qu'ils avaient appris, donnant au plus jeunes l'exemple du désordre et les empêchant de jouir du salaire. Il me parait qu'à la fin de chaque année académique il faut prendre une décision positive par rapport à ceux qui ont fini leur cours; il faut désigner ceux qui désirent et qui sont dignes de devenir candidats; ceux qui seront précepteurs et ainsi de suite; enfin il ne faut pas que quelqu'un soit inutilement à la charge à la caisse de l'université. Il appartient à moi, sans doute, de proposer les mesures nécessaires relativement à cet objet. Mais avant de le faire je dois prier très humblement v. e. de bien vouloir me donner quelques éclaircissements par raport à *l'obligation* des étudiants. Rien de plus juste que l'ordre de s. e. le ministre, d'après lequel tous les étudiants stipendiés sont soumis à une obligation qui doit durer 6 ans. Mais en quoi consiste cette obligation? Ces étudiants n'auront-ils d'autre destination que celle de devenir précepteurs? L'auront-ils lors même qu'on aura prouvé que les écoles soumises à l'Université, n'auront jamais besoin d'un si grand nombre de précepteurs? Que deviendront ceux qui n'ont ni du talent ni de la disposition pour cette espèce d'emploi? Ayant assez longtemps réfléchi sur cette affaire importante, je me suis décidé à préparer un rapport détaillé qui sera prêt sous peu de jours. Je demande donc très-humblement à v. e., si elle veut que je le lui adresse immédiatement ou que je l'adresse au conseil qui le lui fera parvenir avec ses remarques?

3. Parmis les différentes dispositions que j'ai faites pour l'établissement de l'ordre, il s'en trouve une, d'après laquelle tous les étudiants stipendiés doivent avoir la table commune. Jusqu' ici chacun d'eux allait où il voulait pour diner et pour souper; ce qui leur donnait du pretexte pour s'absenter quand ils le trouvaient bon, pour aller même dans les auberges etc. La disposition que j'ai faite servira donc à prévenir beaucoup de désordres, elle est d'ailleurs conforme au 121 article de l'Уставъ, et le conseil vient de la confirmer. Cependant je dois remarquer à cette occasion que 25 étudiants ne reçoivent pas le salaire qui leur ai fixé par l'état de l'université, au lieu du salaire on leur donne la nourriture et le vêtement comme aux écoliers du

gymnase. De ceux qu'on salarie plusieurs ne reçoivent que 150 roubles au lieu de 200. Quant à moi, sachant que les finances de l'université se trouvent dans un état qui exige l'économie, je suis loin de vouloir charger la caisse de nouvelles dépenses. Aussi parmi toutes les mesures que j'ai proposées, il n'est pas une seule qui ait entrainé des dépenses (si l'on excepte l'escalier qui se fait à-présent pour mieux arranger le logement des étudiants et des écoliers). Au contraire, voyant que plusieurs étudiants jouissent du salaire depuis 6 ou 8 ans, j'ai fait cesser cet abus, en proposant de les envoyer dans les écoles en qualité de précepteurs. Par cette opération la caisse est délivrée d'une dépense inutile très considérable. Malgré tout cela lorsque je proposais au conseil, en conséquence du devoir attaché à mes fonctions d'inspecteur, une vingtaine d'écoliers pour complêter le nombre fixé par le постановленіе du gymnase, on m'a répondu: qu'on n'en pourrait admettre qu'une petite-partie, parceque leurs places sont occupées par des étudiants. On veut donc faire une double épargne: 1) en donnant aux étudiants, au lieu de leur salaire, le traitement d'écoliers, 2) en diminuant le nombre des écoliers, sous le prétêxte que leurs places sont occupées par les étudiants. C'est ainsi qu'un abus entraine toujours plusieurs autres. Qu'on se hâte d'employer quelque part les étudiants qui ont fini leur cours, afin qu'il ne soient pas inutilement à la charge de notre caisse; que de l'autre côté on paye aux étudiants (surtout à ceux qui le sont depuis un ou deux ans) le salaire sinon de 200, du moins de 150 roubles. Du reste v. e. verra par la note ci-jointe № B. que l'université ne dépense que la *moitié* de la somme fixée pour les étudiants, les candidats et les maitres-es-arts. Elle verra de même qu'à la suite de la démission de plusieurs étudiants, la caisse vient de faire une épargne de plus de 3000 roubles. Je crois donc que l'état actuel de la caisse ne peut ni ne doit empêcher la réception des écoliers dont j'ai présenté la liste au conseil. Cette réception devait se faire au commencement des cours; deux mois se sont écoulés depuis; plus d'un mois se passera encore si v. e. ne voudra pas hâter la décision de cette affaire par un ordre de sa part.

4. L'état du gymnase fera l'objet d'un rapport particulier que je ne manquerai pas de présenter aussitôt que les opérations, que j'y dois faire en conséquence des ordres de v. e., seront finies. Mais je ne saurai différer un instant de prévenir v. e. combien il est urgent de donner un ordre écrit relativement aux pensionnaires de S. M. l'Impératrice mère. V. e. ayant expressément déclaré que ces jeunes gens doivent être sous mon inspection, on veut bien que je m'en charge, on convient en même temps que le plan d'enseignement qu'on leur a fait suivre jusqu'ici, est absurde, mais on ne veut pas consentir au change-

ment de ce plan sans l'ordre écrit de v. e., sous le pretexte que S. M. croyant ses pensionnaires plus avancés qu'ils ne le sont effectivement, pourrait s'étonner de les voir retrograder. Moi je pense que S. M. serait beaucoup plus étonnée si elle apprenait que ces jeunes gens n'ont appris ni les mathématiques, ni le français, ni la géographie etc., et que pour les traiter en étudiants on les a empêché de jouir de l'enseignement qu'on accorde à tous les écoliers. Du reste on pourrait arranger la chose de manière qu'ils apprissent dans le gymnase tous les objets nécessaires sans discontinuer l'étude de la chirurgie qu'ils ont commencé.

En conséquence de mon rapport je dois prier très-humblement v. e. de donner les ordres suivants:

I.

1) Le conseil ne tardera pas à compléter le nombre des écoliers entretenus fixé par le постановленіе академической гимназіи.

2) Il prendra des mesures pour faire jouir du salaire ceux des étudiants de la couronne qui ont été reçus avant le 30 Juin de cette année.

II.

1) Le conseil communiquera sans délai à s. e. le curateur tous les papiers ou actes relatifs aux pensionnaires de S. M. l'Impératrice mère.

2) En attendant ceux d'entre eux qui ne sont pas encore étudiants, seront sous la surveillance de l'inspecteur du gymnase, ils suivront les cours assignés aux écoliers de ce gymnase.

3) Néanmoins ceux d'entre eux qui ce sont adonnés à la chirurgie ou à la médecine continueront de se préparer à l'étude de ces sciences.

4) A cet effet la faculté de médecine désignera les adjoints ou autres de ses membres qui leur donneront des leçons privées et préparatoires d'après un plan conforme à leurs capacités.

5) La faculté de médecine se concertera avec l'inspecteur pour déterminer les jours et les heures où ces leçons de médecine pourront se donner sans empêcher les pensionnaires d'apprendre dans le gymnase les langues et les sciences nécessaires.

Reinhard, Professeur et Inspecteur.

Moscou, 13 Octobre 1808.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ РАПОРТУ:

№ А.

Гг. студенты Имп. московскаго университета,

Юноши, коихъ главнѣйшая цѣль есть, упражняясь въ наукахъ, образовать самихъ себя и сдѣлать способными къ отправленію публичныхъ должностей, должны знать, сколь много успѣхъ въ семъ дѣлѣ зависитъ отъ того, чтобы дѣла и занятія ихъ совершаемы и располагаемы были сообразно съ извѣстнымъ порядкомъ и правилами.

Можете-ли сдѣлаться способными къ какимъ либо должностямъ, можете-ли оправдать ожиданія отечества и начальниковъ сего университета, если не посвятите время ваше безпрерывному и благоразумно расположенному ученію, а нравы ваши сохраните чистыми и неприкосновенными пороковъ; если не постараетесь слѣдовать съ точностію предписанному порядку.

Хотя все сказанное мною само по себѣ извѣстно и справедливо, не менѣе однакожъ извѣстно и сожалѣнія достойно то, что есть между вами такіе, которые, недовольны будучи свободою и выгодами, какими пользоваться вамъ позволено, стремятся къ своевольству, а другіе предаются нерадѣнію въ ученіи, такъ что и мои увѣщанія не сильны были заставить васъ соблюдать порядокъ, коего требуютъ ваша собственная польза и тщательное упражненіе въ наукахъ.

Почему побуждаемый и соблюденіемъ вашей пользы и важностію моей должности, считаю необходимымъ совѣтовать и увѣщевать, дабы вы, помня то, что честно, и справедливо и можетъ служить вамъ украшеніемъ, жизнь вашу и дѣла ваши располагали по правиламъ, предписываемымъ добродѣтелію и обязанностями.

Въ особенности же

I. Совѣтую ходить всегда на лекціи вамъ назначенныя. Ибо никогда не будете имѣть успѣховъ, если не станете въ продолженіи всѣхъ годовъ съ безпрерывнымъ стараніемъ упражняться въ наукахъ. Дабы имѣть вѣрное и несомнѣнное доказательство вашего прилежанія или нерадѣнія, я заблагоразсудилъ каждаго изъ васъ, который хотя одинъ разъ не придетъ на лекцію, замѣчать въ книгѣ, для сего назначенной. Еслиже случится, что кто-либо или по болѣзни или по другой какой причинѣ не можетъ быть на лекціи, тотъ долженъ объявить о семъ которому-либо изъ моихъ помощниковъ.

II. Но недовольно быть только на лекціяхъ, необходимо, сверхъ того, чтобы вы въ комнатахъ особенно занимались не только повтореніемъ преподаваемыхъ учащими предметовъ, но и, сколько возможно,

записываніемъ ихъ на бумагѣ; чтобы вы распространяли кругъ знаній и умножали успѣхи чтеніемъ книгъ, принадлежащихъ къ ученію, и другихъ, кои могутъ быть вамъ полезны. А какъ, безъ сомнѣнія, посвятившіе себя наукамъ сами желаютъ, дабы ничто не препятствовало ихъ упражненіямъ въ комнатахъ, то предписываю и приказываю, дабы отъ 7 до 12 часовъ по утру и отъ 2 до 6 часовъ послѣ обѣда не только соблюдаемы были въ комнатахъ порядокъ, тишина и спокойствіе, но и чтобъ каждый изъ васъ употреблялъ сіе время на полезныя затятія. Помощникамъ моимъ поручаю замѣчать тѣхъ, кои въ это время нарушатъ порядокъ или будутъ праздны. Наипаче предписываю вставать въ надлежащее время, такъ чтобы въ семь часовъ вы начинали уже заниматься.

III. Весьма сожалѣю, что нерадѣніе многихъ изъ васъ простирается даже до того, что въ воскресные и другіе праздничные дни или совсѣмъ не бываютъ въ церкви или до окончанія службы уходятъ изъ оной. Прошу господъ кандидатовъ, помощниковъ моихъ, замѣчать такихъ въ своемъ журналѣ.

IV. А дабы соблюдаемъ былъ точнѣйшій порядокъ касательно нравовъ и поведенія и дабы обуздать стремленіе вашего своевольства, коего много было примѣровъ, считаю необходимымъ предписать и объявить слѣдующее:

1. Учебные дни должны быть посвящаемы занятіямъ. Почему въ сіи дни, и наипаче въ зимнее время, позволяется отлучаться изъ университета только по окончаніи обѣда до 2 часовъ.

2. Въ воскресные и праздничные дни сіе позволительно только по окончаніи обѣдни.

3. Отлучившіеся въ сіи дни должны возвращаться къ ужину (въ 8 часовъ), если не будутъ имѣть отъ меня позволенія пробыть долѣе внѣ университета.

4. Дабы не дать впредь поводу безъ нужды отлучаться изъ университета, я предписалъ и снова повторяю, чтобы всѣ студенты, получающіе жалованье, имѣли общій столъ и обѣдали и ужинали вмѣстѣ. Отсутствующіе должны быть замѣчаемы.

5. Въ 10 часовъ вечера двери запираются. Тотъ, кто придетъ позже сего времени, такъ какъ и тотъ, который не ночуетъ дома, будетъ наказанъ заключеніемъ въ карцеръ, если не предъявитъ на то законныхъ и по всей справедливости заслуживающихъ уваженіе причинъ.

Не думайте однакожъ, чтобы уважаемы были пустыя извиненія, кои до сего времени употребляли вы. Чрезмѣрное своевольство многихъ изъ васъ заставляетъ меня рѣшительно объявить, что въ разсужденіи сихъ проступковъ не буду оказывать ни малѣйшаго снисхожденія.

6. Если кто имѣетъ нужду отлучиться изъ университета въ неназначенное для сего время, долженъ просить позволенія у меня.

7. Если кто хочетъ заниматься преподаваніемъ уроковъ внѣ университета, тотъ долженъ также испросить мое позволеніе, дабы сіе занятіе не препятствовало ученію.

Объявляю вамъ, что съ сего дня господа кандидаты, мои помощники, будутъ вести журналъ, въ коемъ должны быть записываемы имена поступившихъ противъ правилъ, или здѣсь мною предписанныхъ или давно уже вамъ извѣстныхъ. Итакъ, ничто касательно вашего поведенія и ученія отъ меня не скроется, и я въ каждую минуту, когда нужно будетъ, а наипаче въ концѣ академическаго года могу дать совѣту (такъ, какъ предписано сіе въ уставѣ нашего университета) точное и доказательствами утвержденное свидѣтельство о вашемъ поведеніи и успѣхахъ.

Неприлично однакожъ благородно-мыслящимъ юношамъ выполнять свои обязанности единственно изъ страха къ наказанію. Почему надѣюсь и увѣренъ, что чувство чести, чувство благородства и справедливости, и побужденіе къ собственной пользѣ заставятъ васъ соблюсти должныя правила и съ приличнымъ стараніемъ и прилежностію упражняться въ наукахъ и любить добродѣтель. Но при всемъ томъ твердо объявляю вамъ, что, дабы во всей точности соблюдаемы были правила порядка, будутъ наказываемы не только важныя преступленія и пороки, но и даже всякое нерадѣніе (какъ, напр., упущеніе лекцій) не останется безъ должнаго и соразмѣрнаго взысканія.

Помыслите, прошу васъ, гг. студенты! что все сіе съ моей стороны и со стороны начальниковъ университета имѣетъ не иную цѣль, какъ только вашу собственную пользу, честь университета и выгоды отечества.

Помыслите, что счастіе жизни вашей зависитъ отъ того, дабы годы, ученію посвященные, протекли съ пользою и вы пріобыкли къ соблюденію надлежащаго порядка и къ благоразумному управленію своими дѣлами.

Помыслите наконецъ, что никакое общество малое или большое, никакое публичное заведеніе не можетъ существовать безъ правилъ, имѣющихъ извѣстную цѣль.

Повѣрьте мнѣ, собственною опытностію и опытностію другихъ наученному, что нѣтъ ничего полезнѣе и благодѣтельнѣе, нѣтъ ничего необходимѣе оной благоразумной и неизмѣнной привычки къ порядку и соблюденію правилъ.

Итакъ тотъ васъ истинно любитъ, тотъ заступаетъ у васъ мѣсто отца и достоинъ любви вашей, кто старается пріучить васъ къ сему и предостерегать, дабы вы или по легкомыслію, или предавшись праздности не уклонялись отъ истиннаго пути.

Поступая съ вами иначе, я не выполнилъ бы своей обязанности, не удовлетворилъ совѣсти своей и пренебрегъ бы ваше счастіе.

Можетъ быть найдутся между вами такіе, коимъ сіи наставленія мои покажутся безполезными, однакожъ будьте увѣрены, что послѣ, когда научитесь здраво судить о себѣ и о жизни человѣческой, сами признаетесь, что я поступалъ съ вами какъ отецъ, и истинно заботился о вашемъ благополучіи

B.

Il est fixé par l'état de l'Université:

pour 40 étudiants (à 200) . . .	8000	rbles.
pour 12 candidats (à 300) . . .	3600	„
pour 12 maitres-es-arts (à 400) .	4800	„
	16,400	rbl.

Il faut ajouter les revenus de la fondation Démidowienne qui montent à 5000 rbls et dont la moitié est destinée aux étudiants. 2500

total. 18,900

Au commencement de cette année académique l'université a réellement dépensé pour les étudiants, candidats et maitres-es-arts . 12800

(Cependant dans ce compte ne sont pas compris ceux qui voyagent dans l'étranger).

Depuis 11 étudiants et un candidat ou ont été congédiés, ou sont nommés précepteurs, ou sont placés autre part; cela fait une épargne de 2250

(6 étudiants qui ne pourront guère manquer d'avoir bientôt leur congé n'y sont pas compris).

Reste à présent dépense effective 10,550 roubles.

2.

M. le Comte.

Rien de plus salutaire que les ordres donnés successivement par v. e. qui portent: 1) que le conseil de l'université ne doit accorder les dignités académiques qu'à ceux qui ont effectivement subi l'examen et rempli les autres conditions prescrites par l'Уставъ; 2) que le conseil ne doit pas accorder ces dignités sans avoir recherché préalablement le consentement de v. e. Ces ordres empêcheront le conseil de donner ces dignités par pure faveur, ils serviront donc à détruire un abus; ils contribueront au maintien de l'ordre prescrit et à l'honneur de l'université. En même temps v. e. a daigné communiquer au conseil son мнѣніе concernant les dignités académiques en général. En se servant du terme d'opinion, aulieu de celui d'ordre, il parait que

regardant la chose dont il s'agit, comme sujette par sa nature à des discussions, elle a bien voulu permettre aux professeurs de lui exposer à leur tour leur opinion. Oserai-je donc exposer la mienne.? V. e. ne taxera-t-elle pas de hardiesse la démarche que je vais faire? C'est uniquement l'importance de la chose qui m'y détermine, et c'est la confiance que doit inspirer la pénétration et la grandeur d'ame de v. e. qui me donne le courage de lui présenter les observations suivantes:

1) Les dignités académiques en elles mêmes ne sont que des témoignages publics et honorables accordés à ceux qui se sont rendus capables de pratiquer un certain art ou science ou de l'enseigner aux autres. Il parait qu'on ne peut guère refuser à un institut destiné à l'enseignement des arts et des sciences, le droit de donner ces témoignages; vû que ceux qui composent cet institut sont naturellement et nécessairement les véritables juges de ceux qui ont appris sous leurs auspices.

2) Une dignité académique n'est donc pas un emploi public; elle prouve seulement que celui qui en est revêtu, est capable et digne de certains emplois. Le simple dignitaire ne peut donc pas prétendre au rang accordé aux fonctionnaires publics effectifs. Mais en le déclarant capable et digne de certains emplois, on l'a en même temps déclaré capable et digne du rang attaché à ces emplois.

3) D'après ces principes S. M. I. a très sagement décrété [illegible] docteur serait censé appartenir à la huitième classe, c. a. d. qu'il [illegible] l'expectative du rang de cette classe, et qu'il aurait ce rang [illegible] ment aussitôt qu'il se trouverait chargé d'un emploi correspondant [illegible] connaissances et à sa dignité académique. S. M. n'a [illegible] que les simples docteurs fussent чиновники effectifs, [illegible] que dès leur entrée en fonctions publiques ils n'[illegible] inférieur à la 8-me classe. C'est dans cette [illegible] l'article 1-er утвердительной грамоты: „чины [illegible] въ дѣйствительной службѣ". Cet article qui [illegible] жение de v. e. n'admet d'autre explication que [illegible] aura consacré dans une université plusieurs [illegible] ces dans la vue de se rendre utile au [illegible] avantages que celui qui fait un cours [illegible] autre part.

4) Comme le sus-dit article ne [illegible] lieu à des conséquences contraires [illegible] jusqu'ici, ainsi de même l'autre [illegible] жение (27 статья предварительных [illegible] „при отставкѣ же прямо изъ [illegible] дующій гражданскій чинъ, [illegible]

производства опредѣленное*) n'est pas même applicable à la question, dont il s'agit, vû que dans cet article on parle clairement—non pas des simples docteurs etc., mais de ceux qui ont effectivement rempli pendant quelque temps l'emploi de précepteur ou de professeur.

Il s'en suit qu'un simple docteur, n'étant pas гражданскій чиновникъ *effectif*, ne peut non plus être regardé comme сверхъ-штатный чиновникъ, car l'академическій чинъ (il serait mieux de dire: достоинство) ne donne que le droit de prétendre à un certain гражданскій чинъ, de sorte cependant que cette prétention se *réalise* dans *le moment seulement* où le dignitaire est entré dans la classe des serviteurs d'état *effectifs*. Quant au diplôme le sénat ne se trouvera pas dans le cas de le refuser à nos docteurs parceque, comme simplement tels, ils ne demandent ni ne reçoivent aucun diplôme du sénat.

5) Mais si un de nos docteurs sera effectivement chargé d'un emploi convenable à sa dignité académique—est-ce alors que le sénat lui refusera le diplôme? Un homme qui a consacré sa jeunesse à l'étude des sciences dans l'intention de se rendre propre au service public—serait-il moins digne de ce diplôme que celui qui dans tel ou tel collége a fait la fonction de copiste ou de translateur? Un cours d'études, bien réglé et bien suivi, est-il moins propre à former des serviteurs d'état habiles qu'un cours de service par lequel les jeunes gens n'apprennent pour ainsi dire que le mécanisme des affaires? Sans doute l'état a besoin d'hommes routinés et versés dans ce mécanisme, mais il a ausi besoin d'hommes familiarisés avec les sciences et animés de l'amour pour elle. Ces considérations paraissent avoir déterminé S. M. I. à décréter: qu'un cours d'études dans les universités serait regardé par rapport aux чины comme égal à un cours de service fait dans un collége ou dans une chancellerie; sous la restriction cependant que cette égalité ne deviendrait effective et réelle que dès le moment où un étudiant ou docteur serait effectivement entré au service public.

6) Cette loi est aussi juste que nécessaire. Supposons que S. M. n'eût pas accordé ce privilége aux universités, alors un homme qui, après avoir consacré six ou plusieurs années à l'étude des sciences, voulait entrer au service n'aurait point de rang; à l'âge de vingt et de trente ans, et capable d'un emploi honorable et distingué, il serait sans rang, et parcequ'il n'a point de rang, on ne pourrait pas même lui donner l'emploi qu'il mérite. Il n'y aurait donc que des désordres et des contradictions. Encore je demande: ici en Russie, où l'on attache aux rangs une si haute importance, quel est le jeune homme qui, dans le cas supposé, voudrait fréquenter notre université? Que l'étudiant se fasse inscrire dans un des colléges de l'empire,—dira-t-on peut-

être. Mais pour suivre régulièrement le cours de ses études, il n'aurait pas de temps pour servir dans ce collége. Par conséquent cette inscription ne serait qu'une formalité, c. a. d. un véritable abus; le jeune homme serait redevable de son rang—non pas à ses études et à son mérite, mais à une pure formalité. C'est à prévenir cet abus, autrefois très ordinaire, que tend la loi sus-mentionée. C'est donc par une espèce de nécessité, fondée dans la justice et dans le bien public, qu'on a accordé aux docteurs créés par les universités le droit de pretendre à un rang déterminé aussitôt de leur entrée dans la classe des fonctionnaires publics effectifs.

7) Loin donc de s'exposer à de justes reproches, l'université, par le grand nombre des docteurs créés par elle, ne constaterait que son vrai mérite. Les diplômes qu'elle donne ne sont que des documents qui prouvent authentiquement et solennellement que l'université remplit effectivement son but important—celui de former des hommes capables aux dégrès supérieurs du service public. Dans le cas seulement qu'un docteur ne mériterait pas la dignité à lui accordée, le sénat pourrait reprocher à l'université le mauvais usage qu'elle fait de son privilége. Mais les sages dispositions de v. e. ont prevenu et préviendront ces abus.

8) Cependant, dira-t-on, l'université a créé et pourra encore créer des docteurs qui n'on pas fait leurs études en Russie. Oui, mais ce privilége lui est expressément accordé par son уставъ. Il est de même expressément accordé à l'académie de médecine. Faut-il que ce privilége soit ôté aux universités dans le moment même où il vient d'être accordé à un autre institut dont la destination, par sa nature, est plus bornée que celles des universités?

9) Déjà notre privilége relativement aux docteurs de médecine, vient d'être limité en quelque sorte, par le droit accordé à l'académie de médecine de le soumettre à une nouvelle épreuve par rapport à la pratique. Cependant les dispositions qu'on a prises à cet égard, sont justes et sages; on pourrait même imiter cet exemple par rapport aux docteurs de jurisprudence. Car il est juste que chaque département de l'empire ait le droit de se convaincre par lui-même de la capacité de ceux qui désirent entrer dans son service, Dans ce cas-là un docteur qui voudrait rester au service du département du просвѣщеніе n'aurait pas besoin d'un deuxième examen, mais il devrait le subir aussitôt qu'il voudrait entrer au service d'un autre département, et ce deuxième examen ne supposerait pas de doutes relativement aux connaissances théorétiques du docteur; il n'aurait pour but que d'éprouver sa capacité par rapport au maniement des affaires qu'il aurait à traiter dans l'emploi qu'il recherche. Il parait que cette proposition suffit pour

prévenir ou pour refuter toutes les objections qu'on pourrait faire contre l'éxercice de notre privilége. Mais borner ce privilége aux seuls fonctionnaires de notre département—c'est si non l'anéantir, du moins le restreindre de la manière la plus préjudiciable; c'est ôter à tous les jeunes gens nobles, à tous ceux qui ne veulent pas devenir précepteurs, le désir d'aspirer aux dignités académiques, c'est ôter à la pluspart d'eux le désir de fréquenter notre université. Il n'est que trop certain que si ce plan s'exécutait, l'université perdrait infiniment de son lustre et de sa dignité, qu'elle cesserait d'être fréquentée par des étudiants volontaires, qu'elle ne pourrait donc plus remplir sa destination, celle d'être la pépinière des serviteurs d'état des différentes classes; enfin l'université ne serait plus qu'une simple école, utile à la vérité, mais dépourvue de l'importance qu'elle doit avoir dans le système de l'organisation civile; une école dont les grands moyens contrasteraient singulièrement avec sa destination bornée, en un mot: une école sans rang et sans dignité parcequ'elle n'aurait pas le droit de les donner à ses élèves.

Vous, m-r le comte, qui avez daigné prendre sous votre protection l'université de Moscou, vous garantirez ses droits, elle implore votre secours, votre protection dans cette circonstance critique. V. e. ne permettera pas qu'un institut qui se glorifie d'un chef aussi illustre par sa dignité personnelle que par l'élévation de son rang, soit obscurci et déprimé audessous de sa véritable destination.

J'ai и пр.

Reinhard, professeur.

Moscou, le 6 Novembre 1808.

VII.

Пять писемъ графа Іосифа де-Местра о народномъ образованіи къ графу Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія.

Каждый человѣкъ находитъ около своей колыбели извѣстныя установившіяся мнѣнія о добродѣтели, правосудіи и высшей нравственности. На этихъ мнѣніяхъ мы выросли и ими, такъ-сказать, питались; мнѣнія эти мы обязаны почитать и имъ повиноваться какъ собственнымъ родителямъ. Что же касается положеній противныхъ, имѣющихъ цѣлію одно удовольствіе и ласкающихъ душу, чтобы привлечь ее къ себѣ, человѣкъ, если онъ мудръ, нисколько имъ не подчиняется: онъ почитаетъ только народныя вѣрованія и имъ однимъ повинуется.

(Платонъ о респуб., кн. VII).

проявленія неспособности, которому были свидѣтели даже иностранцы, никто болѣе не являлся и школа была закрыта.

Однако въ тѣ времена, которыя мы называемъ *варварскими*, Парижскій университетъ насчитывалъ уже 4000 студентовъ, съѣхавшихся на собственныя средства со всѣхъ концовъ Европы.

Вообразите себѣ правительство истощающее себя на постройку великолѣпныхъ гостинницъ въ странѣ, гдѣ никто не путешествуетъ: это будетъ вѣрное подобіе управленія, издерживающаго много денегъ на научныя учрежденія, прежде чѣмъ духъ народный обратился къ наукѣ.

Мнѣ кажется, графъ, что я имѣлъ уже честь словесно представить вамъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое мнѣ кажется довольно важнымъ, чтобы снова упомянуть о немъ въ настоящемъ письмѣ: всѣ ученыя европейскія академіи, какова напримѣръ парижская ададемія, лондонское королевское общество, флорентинская академія del Cimento и пр.—всѣ начали съ того, что были свободными собраніями частныхъ лицъ, соединенныхъ любовію къ наукѣ. Послѣ нѣкотораго времени, монархъ, видя общее къ собраніямъ этимъ уваженіе, высочайшими грамотами давалъ имъ гражданское существованіе. Вотъ какъ образовались академіи. Вездѣ были онѣ учреждаемы вслѣдствіе имѣющихся уже подъ рукою ученыхъ, а нигдѣ съ надеждою таковыхъ пріобрѣсти. Употреблять огромные капиталы на постройку клѣтки для феникса, не зная, появится ли онъ, это себя обманывать.

Вы окажете, графъ, величайшую услугу вашей родинѣ, если внушите добрѣйшему Государю вашему великую истину, а именно вотъ какую: Его И. В., по истинѣ нужны только двоякаго рода люди: *храбрые* и *честные* [1]).

Все остальное не нужно и придетъ само собою. *Время*, говоритъ персидская пословица, *отецъ чудесъ*. Оно первый министръ всѣхъ Государей. Съ нимъ они все совершаютъ, безъ него—ничего. Русскіе однако имъ презираютъ и никогда не хотятъ ждать. Обиженное время надъ ними смѣется.

Жаль, что славный народъ вашъ къ ошибочному пристрастію своему къ наукамъ присоединилъ еще желаніе слишкомъ быстро съ ними ознакомиться и стыдится того, что въ этомъ отношеніи отсталъ отъ другихъ народовъ. Нѣтъ лживѣе и опаснѣе предразсудка. Русскіе могли бы быть первымъ народомъ на свѣтѣ и не имѣть при этомъ ни малѣйшихъ способностей къ естественнымъ наукамъ, ибо несомнѣнно, что первымъ народомъ на свѣтѣ должно считать тотъ, *кто всѣхъ*

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: deux espèces d'hommes des gens braves et de braves gens.

ятіямъ, наклоннымъ къ спорамъ, упрямымъ въ собственныхъ мнѣніяхъ и презрительнымъ къ мнѣнію другихъ, критически наблюдательнымъ къ правительству, новаторомъ по существу, отрицателемъ народныхъ властей и вѣрованій. Вотъ отчего Бэконъ, геній не въ примѣръ мудрѣе и глубже Руссо, сказалъ, что вѣра—необходимый ароматъ, оберегающій науку отъ тлѣнія, и въ самомъ дѣлѣ нравственное ученіе необходимо, чтобы остановить вредное и весьма вредное дѣйствіе науки, преданной самой себѣ.

Въ прошломъ столѣтіи жестоко на этотъ счетъ ошиблись. Вообразили, что научное образованіе было воспитаніе, тогда какъ оно составляло лишь часть его и притомъ часть несравненно менѣе важную, имѣющую цѣну только тогда, когда она основывается на нравственномъ воспитаніи. Всѣ умы обращены были къ наукѣ, и нравственное ученіе стало какимъ-то побочнымъ занятіемъ, пустою вставкою, принятою изъ одного приличія. Система эта, введенная послѣ уничтоженія іезуитовъ, произвела въ менѣе чѣмъ тридцать лѣтъ то ужасное поколѣніе, которое опрокинуло алтари и зарѣзало короля французскаго.

Замѣтьте, графъ, что всѣ народы на свѣтѣ, движимые однимъ только инстинктомъ, а онъ никогда не обманываетъ, постоянно поручали священникамъ воспитаніе юношества, и это относится не къ однимъ только временамъ христіанскимъ. Всѣ народы такъ поступали. Иные даже, въ глубокой древности, на науку смотрѣли какъ на исключительную принадлежность духовенства. Это единодушное воззрѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо никому не удавалось безнаказанно идти противъ всемірнаго здраваго смысла.

Я знаю, что Е. И. В. лишенъ огромнаго преимущества: духовенство, къ несчастію, отдѣлено отъ общества и лишено въ Россіи возможности занимать гражданскія должности; но я на время откладываю разсмотрѣніе этого вопроса, и снова скажу, что въ странѣ сей крайне ошибаются относительно пользы науки и средствъ къ ея достиженію.

Воображаютъ, что коль скоро откроютъ учебное заведеніе и заплатятъ профессорамъ—дѣло кончено. Но напротивъ ничего еще не сдѣлано, если поколѣніе не подготовлено. Государство изнуряетъ себя огромными расходами, а школы остаются пустыми.

Мы видимъ уже это въ гимназіяхъ, которыя безпрестанно приходится закрывать, за неимѣніемъ учениковъ, а еще болѣе разительный примѣръ представляетъ училище правовѣдѣнія, открытіе котораго сопряжено было съ такими расходами и которое имѣло такія высокія притязанія. Государь выдавалъ 300 рублей содержанія, квартиру и чинъ всякому молодому человѣку, являвшемуся въ училище, и, несмотря на такія большія преимущества, послѣ неоднократнаго

что было со всѣми народами, которые отличились на этомъ поприщѣ, напримѣръ съ итальянцами XV-го вѣка. Искра, перенесенная извнѣ въ благопріятное время, зажжетъ свѣточъ науки. Всѣ умы обратятся въ эту сторону. Ученыя общества образуются сами собою и все участіе правительства ограничится оформленіемъ и узаконеніемъ ихъ.

До тѣхъ поръ, пока не замѣчено будетъ внутреннее броженіе, которое поразитъ всѣхъ, всякая попытка ввести науку въ Россію будетъ не только безполезна, но даже опасна для государства, такъ какъ попытка эта только помрачитъ здравый смыслъ народный и наполнитъ Россію безчисленнымъ множествомъ полу-ученыхъ, которые во сто разъ хуже невѣждъ. Умы ихъ извращены и преисполнены гордыни, имъ родина опротивѣла, они вѣчно порицаютъ правительство, преклоняются передъ иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что́ презираютъ, т.-е. все на свѣтѣ.

Другое страшное послѣдствіе, вытекающее изъ этой научной маніи, заключается въ томъ, что правительство, нуждаясь для осуществленія ея въ профессорахъ, постоянно принуждено обращаться за ними въ иностранныя государства; а такъ какъ люди истинно-образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, гдѣ ихъ почитаютъ и награждаютъ, то одни только люди посредственные, и къ тому же не только развратные, но и совершенно испорченные являются на Сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россія ежедневно покрывается этою пѣною, которую выбрасываютъ на нее политическія бури сосѣднихъ странъ. Перебѣжчики эти приносятъ сюда одну наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ все, что́ есть дорогаго у нихъ на свѣтѣ, они спѣшатъ набрать довольно золота, чтобы привольно зажить въ другомъ мѣстѣ, и, обманувъ общественное мнѣніе кое-какими публичными опытами, которые истиннымъ судьямъ представляются жалкими образцами невѣжества, возвращаются на родину, чтобы издѣваться надъ Россіею въ дрянныхъ книжонкахъ, которыя Россія еще покупаетъ у этихъ же бездѣльниковъ,—пожалуй, даже переводитъ.

Теперешнее положеніе тѣмъ болѣе опасно, что, благодаря крайне прискорбному предразсудку, въ Россіи негласно принято смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ преподаванія, такъ что, напримѣръ, если сюда пріѣзжаетъ преподаватель физики или греческаго языка, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, весьма часто услышишь: *что имѣетъ это общаго съ физикою или греческимъ языкомъ.* Такимъ образомъ сюда

счастливѣе у себя и кого болѣе всѣхъ опасаются другіе. Все остальное, въ сущности, декорація.

Но мы еще не дошли до этого. Еще неизвѣстно, созданы ли русскіе для науки. Отвѣчать рѣшительнымъ *да* или *нѣтъ* на этотъ вопросъ равно ошибочно. Но по какой роковой торопливости тогда, когда нужно ожидать отвѣта отъ времени, стараются русскіе преодолѣть разстоянія, положенныя самою природою, и стыдятся того, что принуждены покориться одному изъ первыхъ ея законовъ? Точно видишь юношу, которому стыдно, что онъ еще не старецъ. Другіе народы въ Европѣ лепетали въ продолженіе трехъ или четырехъ столѣтій, прежде чѣмъ научились говорить, почему же русскіе воображаютъ, что сразу могутъ заговорить? Здѣсь, графъ, представляется одно весьма важное соображеніе, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе, такъ какъ оно особенно касается вашей родины.

То нравственное прозябаніе, черезъ которое постепенно народы проходятъ на пути отъ варварства къ просвѣщенію, было у васъ пріостановлено и такъ сказать *подрѣзано* двумя великими событіями: схизмою X-го вѣка и нашествіемъ татаръ.

Вся новая цивилизація истекла изъ Рима; бросьте взглядъ на карту: вездѣ, гдѣ останавливается римское вліяніе, останавливается также и цивилизація. Это законъ міровой.

Надо стараться наверстать потерянное время. Смѣю думать, что Петръ I скорѣе остановилъ, чѣмъ подвинулъ дѣло, воображая, что наука растеніе, которое можно искусственно вывести, какъ персикъ въ теплицѣ. Это далеко не такъ; но еще разъ, что́ же во всемъ этомъ можетъ огорчить русскихъ? Поляки, подобно имъ—славянское племя, одного съ ними происхожденія, и однако они произвели уже три столѣтія тому назадъ одно изъ лучшихъ украшеній человѣческаго рода, знаменитаго Коперника. Въ водахъ Двины нѣтъ, однакоже, магической силы, мѣшающей наукѣ перешагнуть. Дѣло въ томъ, что то вліяніе, которое было сильно на лѣвомъ берегу, не достигло праваго прибрежья. Все поэтому, какъ я сейчасъ сказалъ, заключается въ томъ, чтобы наверстать потерянное время.

Я бы погрязъ въ метафизикѣ, если бы долѣе сталъ исчерпывать предметъ этотъ. Ограничиваюсь однимъ только яснымъ доводомъ.

Или русскіе не созданы для науки вообще и какихъ-нибудь отдѣльныхъ наукъ въ частности. Тогда они никогда въ нихъ не преуспѣютъ, походя въ этомъ на римлянъ, которые владѣя Греціею, живя съ греками, отлично зная ихъ языкъ и читая ихъ книги, никогда, однако, не имѣли ни собственныхъ физиковъ, ни географовъ, ни астрономовъ, ни математиковъ, ни даже докторовъ, за исключеніемъ Цельзія.

Или же русскіе созданы для науки, и тогда съ ними будетъ то,

тѣ было со всѣми народами, которые отличились на этомъ поприщѣ, напримѣръ съ итальянцами XV-го вѣка. Искра, перенесенная извнѣ въ благопріятное время, зажжетъ свѣточъ науки. Всѣ умы обратятся въ эту сторону. Ученыя общества образуются сами собою и все участіе правительства ограничится оформленіемъ и узаконеніемъ ихъ.

До тѣхъ поръ, пока не замѣчено будетъ внутреннее броженіе, которое поразитъ всѣхъ, всякая попытка ввести науку въ Россію будетъ не только безполезна, но даже опасна для государства, такъ какъ попытка эта только помрачитъ здравый смыслъ народный и наполнитъ Россію безчисленнымъ множествомъ полу-ученыхъ, которые во сто разъ хуже невѣждъ. Умы ихъ извращены и преисполнены гордыни, имъ родина опротивѣла, они вѣчно порицаютъ правительство, преклоняются передъ иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что́ презираютъ, т.-е. все на свѣтѣ.

Другое страшное послѣдствіе, вытекающее изъ этой научной маніи, заключается въ томъ, что правительство, нуждаясь для осуществленія ея въ профессорахъ, постоянно принуждено обращаться за ними въ иностранныя государства; а такъ какъ люди истинно-образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, гдѣ ихъ почитаютъ и награждаютъ, то одни только люди посредственные, и къ тому же не только развратные, но и совершенно испорченные являются на Сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россія ежедневно покрывается этою пѣною, которую выбрасываютъ на нее политическія бури сосѣднихъ странъ. Перебѣжчики эти приносятъ сюда одну наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они сѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ все, что́ есть дорогаго у нихъ на свѣтѣ, они спѣшатъ набрать довольно золота, чтобы привольно зажить въ другомъ мѣстѣ, и, обманувъ общественное мнѣніе кое-какими публичными опытами, которые истиннымъ судьямъ представляются жалкими образцами невѣжества, возвращаются на родину, чтобы издѣваться надъ Россіею въ дрянныхъ книжонкахъ, которыя Россія еще покупаетъ у этихъ же бездѣльниковъ,—пожалуй, даже переводитъ.

Теперешнее положеніе тѣмъ болѣе опасно, что, благодаря крайне прискорбному предразсудку, въ Россіи негласно принято смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ преподаванія, такъ что, напримѣръ, если сюда пріѣзжаетъ преподаватель физики или греческаго языка, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, весьма часто услышишь: *что имѣетъ это общаго съ физикою или греческимъ языкомъ.* Такимъ образомъ сюда

попадаетъ соръ Европы, и несчастная Россія дорого платитъ сомнищу иностранцевъ, исключительно занятому ея порчею.

Если возможно, графъ, добавить что-нибудь къ такимъ неопровержимымъ соображеніямъ, я позволю себѣ замѣтить, что наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшему сословію. Напримѣръ, военные (т.-е. $^{80}/_{100}$ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными. Однимъ только артиллеристамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ. Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ. Къ тому же, вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы спеціальныя школы, но для того, что́ называется *арміею*, наука не только недосягаема, она даже вредна. Наука изъ военнаго дѣлаетъ домосѣда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безотвѣтнаго мужества и удальства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ. Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заняться, въ особенности же высшій классъ общества. Военная жизнь, за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною. Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашивается, что́ останется для науки?

Россія, къ тому же, въ отношеніи къ наукамъ поставлена въ особенно невыгодное положеніе, которое скрывать не слѣдуетъ. У всѣхъ европейскихъ народовъ церковнымъ языкомъ былъ языкъ классическій, такъ что Цицеронъ и Виргилій изучались въ церкви. Духовенство, которое, по рѣдкому счастію, пользовалось полнымъ равенствомъ съ людьми государственными, предполагало въ другихъ полное знаніе языка латинскаго; оно принимало участіе во всѣхъ дѣлахъ, и одни только пренія съ врагами вѣры требовали отъ него самыхъ глубокихъ и разнообразныхъ познаній.

Магистратура съ огромнымъ своимъ штатомъ была тоже неистощимымъ источникомъ науки. Словесность и знаніе были постояннымъ достояніемъ этого трудолюбиваго сословія, искавшаго часто отдохновенія отъ обыденныхъ своихъ занятій въ изученіи математики.

Россія не имѣетъ этого преимущества; ея церковный языкъ, безъ сомнѣнія, прекрасенъ, но безплоденъ и не произвелъ ни одного хорошаго сочиненія. Духовенство,—это колѣно Левіино, совершенно отдѣленное отъ другихъ сословій и какъ-бы составляющее отдѣльное племя. Народъ познаніями духовныхъ лицъ не пользуется. Голосъ священ-

что было со всѣми народами, которые отличились на этомъ поприщѣ, напримѣръ съ итальянцами XV-го вѣка. Искра, перенесенная извнѣ въ благопріятное время, зажжетъ свѣточъ науки. Всѣ умы обратятся въ эту сторону. Ученыя общества образуются сами собою и все участіе правительства ограничится оформленіемъ и узаконеніемъ ихъ.

До тѣхъ поръ, пока не замѣчено будетъ внутреннее броженіе, которое поразитъ всѣхъ, всякая попытка ввести науку въ Россію будетъ не только безполезна, но даже опасна для государства, такъ какъ попытка эта только помрачитъ здравый смыслъ народный и наполнитъ Россію безчисленнымъ множествомъ полу-ученыхъ, которые во сто разъ хуже невѣждъ. Умы ихъ извращены и преисполнены гордыни, имъ родина опротивѣла, они вѣчно порицаютъ правительство, преклоняются передъ иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что презираютъ, т.-е. все на свѣтѣ.

Другое страшное послѣдствіе, вытекающее изъ этой научной маніи, заключается въ томъ, что правительство, нуждаясь для осуществленія ея въ профессорахъ, постоянно принуждено обращаться за ними въ иностранныя государства; а такъ какъ люди истинно-образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, гдѣ ихъ почитаютъ и награждаютъ, то одни только люди посредственные, и къ тому же не только развратные, но и совершенно испорченные являются на Сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россія ежедневно покрывается этою пѣною, которую выбрасываютъ на нее политическія бури сосѣднихъ странъ. Перебѣжчики эти приносятъ сюда одну наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ все, что есть дорогаго у нихъ на свѣтѣ, они спѣшатъ набрать довольно золота, чтобы привольно зажить въ другомъ мѣстѣ, и, обманувъ общественное мнѣніе кое-какими публичными опытами, которые истиннымъ судьямъ представляются жалкими образцами невѣжества, возвращаются на родину, чтобы издѣваться надъ Россіею въ дрянныхъ книжонкахъ, которыя Россія еще покупаетъ у этихъ же бездѣльниковъ,—пожалуй, даже переводитъ.

Теперешнее положеніе тѣмъ болѣе опасно, что, благодаря крайне прискорбному предразсудку, въ Россіи негласно принято смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ преподаванія, такъ что, напримѣръ, если сюда пріѣзжаетъ преподаватель физики или греческаго языка, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, весьма часто услышишь: *что имѣетъ это общаго съ физикою или греческимъ языкомъ.* Такимъ образомъ сюда

попадаетъ соръ Европы, и несчастная Россія дорого платитъ сомнищу иностранцевъ, исключительно занятому ея порчею.

Если возможно, графъ, добавить что-нибудь къ такимъ неопровержимымъ соображеніямъ, я позволю себѣ замѣтить, что наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшему сословію. Напримѣръ, военные (т.-е. $^{80}/_{100}$ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными. Однимъ только артиллеристамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ. Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ. Къ тому же, вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы спеціальныя школы, но для того, что́ называется *арміею*, наука не только недосягаема, она даже вредна. Наука изъ военнаго дѣлаетъ домосѣда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безотвѣтнаго мужества и удальства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ. Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заняться, въ особенности же высшій классъ общества. Военная жизнь, за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною. Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашивается, что́ останется для науки?

Россія, къ тому же, въ отношеніи къ наукамъ поставлена въ особенно невыгодное положеніе, которое скрывать не слѣдуетъ. У всѣхъ европейскихъ народовъ церковнымъ языкомъ былъ языкъ классическій, такъ что Цицеронъ и Виргилій изучались въ церкви. Духовенство, которое, по рѣдкому счастію, пользовалось полнымъ равенствомъ съ людьми государственными, предполагало въ другихъ полное знаніе языка латинскаго; оно принимало участіе во всѣхъ дѣлахъ, и одни только пренія съ врагами вѣры требовали отъ него самыхъ глубокихъ и разнообразныхъ познаній.

Магистратура съ огромнымъ своимъ штатомъ была тоже неистощимымъ источникомъ науки. Словесность и знаніе были постояннымъ достояніемъ этого трудолюбиваго сословія, искавшаго часто отдохновенія отъ обыденныхъ своихъ занятій въ изученіи математики.

Россія не имѣетъ этого преимущества; ея церковный языкъ, безъ сомнѣнія, прекрасенъ, но безплоденъ и не произвелъ ни одного хорошаго сочиненія. Духовенство,—это колѣно Левіино, совершенно отдѣленное отъ другихъ сословій и какъ-бы составляющее отдѣльное племя. Народъ познаніями духовныхъ лицъ не пользуется. Голосъ священ-

ника слышенъ только въ церкви, а по положенію его въ свѣтѣ онъ несравненно ниже всякаго лица, принадлежащаго къ высшему сословію. Мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ не требуютъ ученой подготовки; человѣкъ, проведшій большую часть жизни въ лагеряхъ и гарнизонахъ, можетъ закончить карьеру почетною судебною должностію. Итакъ, въ Россіи нѣтъ ничего такого, что бы дѣлало науку необходимою, иначе—она не есть единственное и необходимое условіе для достиженія нѣкоторыхъ отличій. И въ той части Европы, гдѣ науки менѣе всего полезны, ихъ хотятъ ввести и притомъ всѣ разомъ. Это доказываетъ полное непониманіе природы человѣческой. Прежде чѣмъ преподавать науки, надо вселить въ народѣ стремленіе къ нимъ. Правительство *обязано* предлагать науку подданнымъ, которые ее требуютъ, но оно не *должно*, да и *не можетъ* навязывать ее тѣмъ, которые въ наукѣ не нуждаются. Напрасно поставитъ правительство тотъ или другой разрядъ познаній непремѣннымъ условіемъ для достиженія того или другаго отличія; покуда не восчувствуется необходимость науки, надъ закономъ этимъ будутъ только смѣяться, и ученые чины станутъ пустыми названіями, цѣна которымъ будетъ всѣмъ извѣстна.

Самымъ великимъ несчастіемъ будетъ то, что сущностью науки никто не будетъ обладать, а научною гордынею заразятся всѣ. Всѣ сдѣлаются упрямыми, безпокойными, болтливыми, недовольными, пытливыми, непокорными, какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-либо знаютъ. Такъ что правительство послѣ всѣхъ усилій и огромныхъ расходовъ достигнетъ только того, что образуетъ *плохихъ людей и дурныхъ подданныхъ* [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ Россіи не только не надо расширять кругъ познаній, но, напротивъ, стараться его съуживать, ради самой науки, отрицающей ту энциклопедическую манію, которая является однимъ изъ величайшихъ недуговъ нашего времени. Важность предмета требуетъ изложенія его въ другомъ письмѣ.

2.

С.-Петербургъ, 11 (23) Іюня 1810.

Боссюетъ совершенно правъ: *Нѣтъ ничего лучше того, что уже было испробовано.* Позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ весьма сокращенный обзоръ стараго воспитанія, которое всячески ста-

---

[1]) Здѣсь снова игра словъ: mauvais sujets значитъ и плохіе подданные, и негодяи. Де-Местръ говоритъ: le gouvernement ne sera parvenu qu'à créer de mauvais sujets dans tous les sens de l'expression.

раются теперь возстановить во Франціи, съ нѣкоторыми конечно измѣненіями. Обзоръ этотъ самъ собою доведетъ меня до обсужденія того плана, который вы соблаговолили мнѣ сообщить.

Полный училищный курсъ дѣлился на 7 классовъ и продолжался семь лѣтъ.

1. *Пятый* [1]) (la cinquième). Здѣсь преподавались начатки латинскаго языка и молодежь упражнялась въ небольшихъ сочиненіяхъ и переводахъ нетрудныхъ писателей. Каждый урокъ задавался наканунѣ; каждый ученикъ, когда учитель говорилъ ему напримѣръ: №... *скажите урокъ изъ эклогъ Виргилія*, долженъ былъ взять книгу, читать текстъ и переводить каждую фразу отдѣльно, поясняя каждое выраженіе. Бывали награды и большія поощренія тѣмъ, которые выучивали текстъ наизусть, но это не было обязательно. Что же касается до закона Божія и нравственности, то ученики учили наизусть катихизисъ, принятый въ епархіи. Онъ имъ пояснялся во время классовъ.

2. *Четвертый* (la quatrième). То же, что́ и въ предыдущемъ, но авторы избирались по-труднѣе и ихъ было болѣе.

3. *Третій* (la troisième) Это—что́ по латынѣ называется *suprema grammatica* (высшая грамматика), потому что въ этомъ классѣ предполагалось уже полное ознакомленіе съ латинскимъ языкомъ въ грамматическомъ отношеніи; такъ что послѣ этого третьяго курса заботились о щеголеватости языка. Объяснялись самые трудные авторы. Пропускаю для краткости остальныя подробности, хотя многія изъ нихъ существенны.

4. *Гуманитеты* (les humanités). Здѣсь, какъ я уже сказалъ, начинается царство щегольства. Были даже особенные учебники, по которымъ изучалось все, что́ есть особенно тонкаго и отмѣннаго въ латинскомъ языкѣ. Преподавали латинскую риторику, преисполненную лучшими отрывками изъ классическихъ авторовъ. Это окончательно образовывало молодые умы, которые въ эти лѣта уже не забывали выученнаго.

Молодые люди расправляли уже собственныя крылья, ихъ заставляли сочинять, или, какъ тогда выражались,—добавлять (amplifier),—методъ, скажу мимоходомъ, о которомъ, какъ кажется, авторъ той записки, которую вы мнѣ сообщили, не имѣетъ никакого понятія, такъ какъ онъ говоритъ, *что ничто такъ не пріучаетъ молодежь къ пустому и ложному краснорѣчію.*

Онъ, какъ кажется, забылъ, что всѣ витіи XVI и XVII вѣковъ такъ *добавляли*, и что краснорѣчіе замолкло именно въ ту эпоху, когда измѣнилась система воспитанія.

Учитель избиралъ сюжетъ—то религіозный, то нравственный, иногда

---

[1]) Подразумѣвается классъ.

даже бралъ его изъ миѳологіи и предлагалъ его ученикамъ. Онъ говорилъ напримѣръ: *Мидасъ получилъ отъ боговъ даръ обращать въ золото все то, до чего онъ дотрогивался: добавьте, господа, неудобства такого неразумнаго прошенія.* Всякій юноша видѣлъ всю общую массу этихъ неудобствъ, но каждый прикладывалъ къ этой тэмѣ имѣвшійся у него запасъ воображенія, и привыкалъ разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ.

Когда всѣ эти *амплификаціи* были представлены учителю, онъ объяснялъ ученикамъ, съ какою прелестью и обиліемъ писалъ о томъ же Овидій, и это было новымъ урокомъ.

Что бы ни говорилъ авторъ записки, нѣтъ другого способа для упражненія юношества въ сочиненіи и краснорѣчіи. Когда съ цѣлью указать какую-нибудь книгу, говорятъ: *это школьное сочиненіе*, то это значитъ только, что взрослый человѣкъ и къ тому же авторъ, имѣющій нѣкоторыя претензіи, не долженъ писать какъ школьникъ; но изъ этого вовсе не вытекаетъ, чтобы школьникъ былъ виноватъ, если сочиняетъ такъ, какъ вообще сочиняютъ въ его годы.

Виноватъ, графъ, за это маленькое отступленіе, спѣшу вернуться на большую дорогу.

5. *Риторика.* Классъ этотъ въ сущности повтореніе предъидущаго, но на болѣе широкихъ основаніяхъ. Въ этомъ только классѣ начинали упражняться въ отечественномъ языкѣ, такъ какъ вообще думали, что прежде чѣмъ приняться за живопись или ваяніе, надо изучить памятники древняго художества.

Къ концу пятаго года собственно литературное воспитаніе считалось законченнымъ.

6. *Логика.* Съ переходомъ въ этотъ классъ начиналось преподаваніе законовъ мышленія и механизма силлогизмовъ. Въ этомъ же году диктовались трактаты нравственности и метафизики, которые не представляли никакой опасности, такъ какъ въ сущности они были только нѣчто въ родѣ свѣтскаго богословія (théologie laïque), вполнѣ согласнаго съ догматами христіанства.

7. *Физика.* Самое названіе показываетъ чему здѣсь учили. Съ тѣхъ поръ какъ классъ этотъ сталъ чисто математическимъ, онъ сдѣлался нѣсколько труднымъ для тѣхъ, которые не имѣли никакихъ познаній въ математикѣ. Для этой науки былъ, правда, особый учитель, но слушаніе его уроковъ не было обязательнымъ, до того опасались перейти за границы умѣренности.

Послѣ этого юноша уже былъ зрѣлъ для университетовъ, которые состояли изъ того, что называлось *искусствомъ*, т.-е. изъ словесности и философіи (которую разрѣшено было преподавать и въ провинціальныхъ коллегіяхъ), медицины и права — это и составляло *четыре*

факультета. Полный курсъ для трехъ послѣднихъ продолжался пять лѣтъ. Такимъ образомъ двѣнадцать лѣтъ жизни посвящены были трудному ученію, изъ которыхъ пять—одному только литературному воспитанію, а два—начаткамъ нравственной философіи и физикѣ.

Замѣтьте, графъ, всю мудрость нашихъ предшественниковъ. Всѣ (я разумѣю здѣсь высшіе классы населенія) должны правильно думать, правильно говорить и правильно писать—и этимъ ограничивается общее воспитаніе. Потомъ каждый избиралъ себѣ дорогу и предавался спеціально той наукѣ, въ которой нуждался. Никому и въ умъ не приходило что нужна была химія, чтобы сдѣлаться епископомъ, или же математика, чтобы быть адвокатомъ. Начальное воспитаніе никогда не переходило за назначенныя мною границы. Такъ воспитаны были: Коперникъ, Кеплеръ, Галилей, Декартъ, Ньютонъ, Лейбницъ, братья Бернульи, Фенелонъ, Боссюэтъ и тысяча другихъ. Это ясно доказываетъ, что старая система воспитанія *способна лишь искажать и сгуживать умъ*, какъ то утверждаютъ говоруны нашего времени.

Это введеніе (которое я старался, елико возможно, сократить) было необходимо для того, чтобы имѣть степень сравненія, на которой могъ бы я основать сужденіе мое касательно разсматриваемаго проекта.

Обратимъ сперва вниманіе, въ дѣлѣ этомъ, гдѣ время все значитъ, на соотношеніе, существующее между науками, которыя будутъ преподаваться, и тѣмъ временемъ, которое на это предназначено.

Весь курсъ будетъ продолжаться шесть лѣтъ и дѣлится на два отдѣла; въ первомъ преподаются словесныя науки, во второмъ математика. Но изъ подробностей и изъ росписаній видно, что въ сущности это не такъ и что словесныя науки идутъ рядомъ съ математикою въ продолженіе всего курса съ самаго начала и до той высшей ступени, которую предполагается достигнуть. Прослѣдимъ по росписанію за тѣми науками, которыя входятъ въ планъ воспитанія.

Языки латинскій, греческій, славянскій, французскій и нѣмецкій. Чтеніе замѣчательнѣйшихъ авторовъ на всѣхъ этихъ языкахъ и анализъ лучшихъ ихъ произведеній. Аналитическое чтеніе Гомера и Демосѳена, Виргилія и Цицерона.

Исторія всеобщая, исторія Россіи, священная исторія, исторія церкви, философическое обозрѣніе всеобщей исторіи, географія, хронологія, геометрія, алгебра, чистая математика, прикладная математика, исчисленіе безконечно малыхъ величинъ, математическая географія, естественная исторія, физика, введеніе къ изученію небесныхъ тѣлъ, химія, физическая географія, систематическое изложеніе физическихъ наукъ и разныхъ теорій о происхожденіи міра и о переворотахъ его.

чался. Подъ предлогомъ изъясненій *разныхъ теорій* о происхожденіи міра молодыя головы наполнятся всѣми новыми космогоніями.

Уже здѣсь напечатали съ *разрѣшенія цензуры* брошюру (она въ рукахъ у пишущаго эти строки), въ которой сказано: *человѣкъ точно также, какъ его обиталище, не что иное, какъ результатъ простого броженія.* Ядъ Франціи и Германіи васъ окружаетъ. Онъ проникаетъ со всѣхъ сторонъ, не открывайте ему собственными руками новыхъ проходовъ.

7) *Изложеніе системы человѣческихъ познаній, идеологія, психологія и пр.*

Французская идеологія не что иное, какъ введеніе въ матеріализмъ. Англичане очень кстати назвали ее *сенсуализмомъ.* Но даже если придерживаться только идей Локка и Кондильяка, уже весьма опасныхъ самихъ по себѣ, и не идти далѣе, къ чему подвергаться этой опасности и къ чему вся эта ненужная метафизика? Здѣсь нѣтъ епископовъ, принадлежащихъ къ первымъ фамиліямъ страны, людей рожденныхъ пѣстунами общественной нравственности, которые все видятъ, совѣта которыхъ всѣ требуютъ, которые, при малѣйшемъ подозрѣніи, могли бы потребовать лицейскія тетради, и донести о томъ, что́ нашли въ нихъ, правительству. Много зла было бы здѣсь сдѣлано, прежде чѣмъ кто-либо о злѣ этомъ догадался или позаботился.

8) *Философскія познанія о правахъ и обязанностяхъ; отношеніе человѣка къ обществу и обязанности, которыя изъ этого истекаютъ. Ознакомленіе съ различными правами.*

Въ первой молодости потребно знать только три истины касательно общественнаго устройства: 1) что Богъ сотворилъ человѣка для общества, что̀ доказывается самою дѣйствительностію; 2) что всякое общество требуетъ правительства; 3) что всякій обязанъ до смерти повиновеніемъ, вѣрностью и преданностію тому правительству, подъ властію котораго онъ рожденъ.

Всѣ знаютъ, какими пагубными правилами наполнили новаторы Франціи и Германіи книги свои о теоретической политикѣ. Дотрогиваться до этой смрадной лужи крайне неблагоразумно. Дайте человѣку возмужать, прежде чѣмъ посвящать его въ знаніе правилъ, весьма опасныхъ даже когда ихъ объясняютъ люди мудрые.

9) *Греческій языкъ.* Повѣрьте, графъ, людямъ трудящимся и хорошо знакомымъ съ прекраснымъ, но труднымъ языкомъ этимъ. Нѣтъ такого юноши въ Россіи, изъ высшаго общества, который бы охотнѣе не согласился сдѣлать три похода и принять участіе въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить однѣ только греческія спряженія.

Всеобщее ослабленіе дисциплины уже изгнало и греческій языкъ изъ учебной части, такъ какъ молодые люди, воспитанные въ томъ,

вить юношеству тѣ пороки, которые всегда порождаетъ полузнаніе, не предлагая ничего въ вознагражденіе этого зла.

Вы не можете, графъ, оказать бо̀льшей услуги вашему Государю и вашему отечеству, какъ сокративъ безъ пощады эту сумасбродную ерунду наукъ, собранную человѣкомъ, незнающимъ или не желающимъ знать, какія познанія необходимы для всѣхъ и какія науки нужны для нѣкоторыхъ профессій. Выкиньте, не колеблясь: 1) *Естественную исторію*,—наука эта похожа на поэзію, она прославляетъ тѣхъ, которые всецѣло ей предаются и дѣлаетъ смѣшными другихъ. Коль скоро дѣти ваши наберутъ нѣсколько бабочекъ и нѣсколько раковинъ, они вообразятъ себя Линнеями. Къ тому же, нѣтъ науки безполезнѣе и нѣтъ ничего легче познакомиться съ нею, во сколько это можетъ быть нужно для свѣтскаго человѣка: сто̀итъ только перелистать любой лексиконъ.

2) *Исторію*; никогда исторія не входила ни въ какую систему народнаго образованія какъ предметъ ученія, требующій отдѣльнаго профессора. Бывали иногда спеціальныя каѳедры исторіи, поручаемыя людямъ талантливымъ, которыя болѣе *разсуждали объ исторіи*, чѣмъ учили исторіи. Но это было свободное преподаваніе, открытое для желающихъ. Исторія—въ книгахъ; желающій изучить ее долженъ читать.

Прикажите, чтобы извѣстная часть дня (напримѣръ, время трапезъ, какъ въ нашихъ монастыряхъ) была назначаема для чтенія полнаго курса исторіи (напр. Роленъ и Кревье, такъ какъ лучшаго нѣтъ): воспитанникъ, который будетъ обѣдать прежде или послѣ другихъ, долженъ поочередно читать, но слѣдуетъ остерегаться книгъ историческихъ,—ни одна отрасль литературы такъ не заражена. Въ проектѣ предлагается *философическое изученіе исторіи по Боссюету и Феррану*. Но, графъ, Боссюэтъ походитъ на Феррана, какъ орелъ на крота. Ферранъ изобилуетъ ошибками, и со временъ Карла Великаго онъ дѣлается слѣпцомъ.

3) *Химію*. Нужно ли замѣчать, что эта обширная наука вовсе не у мѣста въ общемъ образованіи? Къ чему послужитъ она министру, судьѣ, военному, моряку, негоціанту и проч...?

4) *Астрономію*. Еще безполезность. Слѣдуетъ вполнѣ удовольствоваться тѣмъ, что при выходѣ изъ лицея ученики будутъ знать теорію альманаха и съумѣютъ ее объяснить.

5) *Эстетику, науку художествъ у древнихъ, археологію и нумизматику*. Такъ какъ это мнѣ кажется шуткою, то я предлагаю все вычеркнуть, не входя ни въ какія подробности.

6) *Систематическое изложеніе физическихъ наукъ и разныя теоріи о происхожденіи міра и о разныхъ переворотахъ*. Здѣсь и излишество, и опасность. Книга Бытія намъ объясняетъ, какъ свѣтъ на-

Если не такъ за это дѣло возьмутся, то никто никогда ничему не научится. Я готовъ въ этомъ принять присягу, ибо увѣренъ, что опытъ подтвердитъ слова мои.

Второй и самый важный вопросъ:

Какъ намѣрены согласовать систему ученія съ военнымъ званіемъ, которое во всѣхъ монархическихъ государствахъ есть и должно быть первымъ и самымъ многочисленнымъ сословіемъ?

Судя по проекту, въ предполагаемое заведеніе будутъ приниматься мальчики не моложе десяти лѣтъ и не старѣе пятнадцати. Возьмемъ среднюю цифру—между 12 и 13-ю годами. Юноша окончитъ курсъ на девятнадцатомъ году. Положительно можно сказать, что всякое тщательное, а въ особенности *классическое* воспитаніе не только не можетъ быть окончено въ эти лѣта, но даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ эту пору, а пожалуй и нѣсколько позднѣе, только *начинается*. Но вотъ главное: молодые люди, съ двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ посвятившіе себя военному поприщу, станутъ получать въ этотъ промежутокъ времени чины, такъ что отецъ семейства, пожелавшій подготовить Государю хорошихъ и полезныхъ подданныхъ, обрекая дѣтей своихъ на долгое и утомительное ученіе, будетъ за это наказанъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Спокойное невѣжество возьметъ шагъ надъ наукою и будетъ надъ нею посмѣиваться. Итакъ, каждый отецъ семейства долженъ, какъ хорошій родитель, отклонять дѣтей своихъ отъ классическаго образованія, дабы не повредить ихъ карьеры и положенію въ свѣтѣ. Итакъ, всѣ усилія правительства для образованія высшихъ классовъ будутъ совершенно тщетны, доколѣ не будетъ опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго никто не можетъ поступить на военную службу, и возрастъ этотъ долженъ быть довольно зрѣлый, дабы отцы семействъ могли мирно закончить литературное образованіе своихъ дѣтей, не опасаясь повредить этимъ ихъ повышенію.

И необходимо, чтобы возрастъ этотъ (никакъ не прежде 18 лѣтъ) былъ назначенъ такъ положительно и обратился бы въ основной законъ, который уже ничто измѣнить не можетъ. Это еще не все. Вообразимъ, что юноша одаренъ красивою наружностью, ловкостью, храбростью, громкимъ именемъ, но что у него нѣтъ ни малѣйшихъ способностей къ наукамъ. Его Величество лишитъ ли этого юношу чести служить, потому что онъ ничего не смыслитъ въ литературѣ и алгебрѣ? На этотъ случай надо также принять ясное и окончательное рѣшеніе. Всякій человѣкъ, знающій Россію, не поколеблясь, скажетъ, что такое исключеніе изъ службы невозможно,—я думаю даже, что оно вездѣ было бы крайне неполитично.

Но если невѣжда принятъ на службу, то и другіе могутъ отго-

что мы называли *изнѣженностію*, не въ состояніи были совокупно учиться и греческому и латинскому языкамъ. Но эти изнѣженные молодые люди были *траппистами* въ сравненіи съ вашими юношами. Шести лицейскихъ лѣтъ едва хватитъ имъ, даже если оставимъ въ сторонѣ прочіе предметы, для весьма поверхностнаго знанія греческаго языка. Юношей вашихъ не научатъ ничему, потому что хотятъ учить ихъ всему.

Вотъ главные предметы, которые слѣдуетъ похерить, не колеблясь. Я знаю, что лучшія намѣренія часто безсильны и что должно до нѣкоторой степени преклоняться передъ господствующими предразсудками. Но надо имѣть постоянно въ виду цѣль, которой хочешь достигнуть. Государственный человѣкъ старается приблизиться во сколько возможно до этой цѣли.

Мнѣ слѣдуетъ, графъ, еще представить вамъ на видъ два предварительныхъ вопроса. Безъ ихъ рѣшенія ни къ чему не придешь. Отеческое правительство, расположенное къ учрежденію, которое оно считаетъ полезнымъ, легко можетъ обойти эти вопросы, а ихъ необходимо однако рѣшить, чтобы не сдѣлать промаха. Вотъ первый вопросъ: желаетъ ли или не желаетъ Е. И. В. ввести въ свои владѣнія классическое образованіе?

Если рѣшеніе будетъ отрицательное, надо исключить изъ преподаванія древніе языки, которые одни займутъ почти все время. Если, наоборотъ, рѣшеніе будетъ утвердительное, то латинскому языку подобаетъ отвести первое мѣсто, и къ нему присоединить изученіе математики (прекрасной и драгоцѣнной науки), равно какъ послѣдовательныя чтенія изъ географіи и исторіи. Это съ лихвою займетъ все время. Но не слѣдуетъ себя обманывать, надобно рѣшиться разъ навсегда и не воображать себѣ, что можно изучать древніе языки иначе, какъ по древнимъ методамъ. *Сухихъ правилъ*, говоритъ проектъ, будутъ избѣгать, но никогда не выучатся этимъ языкамъ безъ этихъ правилъ, безъ сочиненій и безъ изученія образцовъ, которые слѣдуетъ знать наизусть. Проектъ предлагаетъ на мѣсто этихъ правилъ *аналитическій методъ* (слово, не имѣющее смысла), но могу васъ увѣрить, графъ, съ тою положительностію, которую даютъ ученіе и опытъ, могу васъ честью увѣрить, что никогда *методомъ аналитическимъ* (т.-е. методомъ подстрочнаго перевода) не добьетесь вы изученія древняго языка. Еще разъ: хотятъ ли или не хотятъ знанія? Въ первомъ случаѣ одинъ только и есть хорошій методъ: 1) изученіе грамматики, выученной наизусть и раздѣленной на отдѣльные уроки за весь курсъ ученія; 2) переводы при помощи словаря съ языка, который изучаешь, на языкъ знакомый, и наоборотъ; переводы и особенно *ученіе наизусть* образцовыхъ отрывковъ на изучаемомъ языкѣ.

Если не такъ за это дѣло возьмутся, то никто никогда ничему не научится. Я готовъ въ этомъ принять присягу, ибо увѣренъ, что опытъ подтвердитъ слова мои.

Второй и самый важный вопросъ:

Какъ намѣрены согласовать систему ученія съ военнымъ званіемъ, которое во всѣхъ монархическихъ государствахъ есть и должно быть первымъ и самымъ многочисленнымъ сословіемъ?

Судя по проекту, въ предполагаемое заведеніе будутъ приниматься мальчики не моложе десяти лѣтъ и не старѣе пятнадцати. Возьмемъ среднюю цифру—между 12 и 13-ю годами. Юноша окончитъ курсъ на девятнадцатомъ году. Положительно можно сказать, что всякое тщательное, а въ особенности *классическое* воспитаніе не только не можетъ быть окончено въ эти лѣта, но даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ эту пору, а пожалуй и нѣсколько позднѣе, только *начинается*. Но вотъ главное: молодые люди, съ двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ посвятившіе себя военному поприщу, станутъ получать въ этотъ промежутокъ времени чины, такъ что отецъ семейства, пожелавшій подготовить Государю хорошихъ и полезныхъ подданныхъ, обрекая дѣтей своихъ на долгое и утомительное ученіе, будетъ за это наказанъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Спокойное невѣжество возьметъ шагъ надъ наукою и будетъ надъ нею посмѣиваться. Итакъ, каждый отецъ семейства долженъ, какъ хорошій родитель, отклонять дѣтей своихъ отъ классическаго образованія, дабы не повредить ихъ карьеры и положенію въ свѣтѣ. Итакъ, всѣ усилія правительства для образованія высшихъ классовъ будутъ совершенно тщетны, доколѣ не будетъ опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго никто не можетъ поступить на военную службу, и возрастъ этотъ долженъ быть довольно зрѣлый, дабы отцы семействъ могли мирно закончить литературное образованіе своихъ дѣтей, не опасаясь повредить этимъ ихъ повышенію.

И необходимо, чтобы возрастъ этотъ (никакъ не прежде 18 лѣтъ) былъ назначенъ такъ положительно и обратился бы въ основной законъ, который уже ничто измѣнить не можетъ. Это еще не все. Вообразимъ, что юноша одаренъ красивою наружностью, ловкостью, храбростью, громкимъ именемъ, но что у него нѣтъ ни малѣйшихъ способностей къ наукамъ. Его Величество лишитъ ли этого юношу чести служить, потому что онъ ничего не смыслитъ въ литературѣ и алгебрѣ? На этотъ случай надо также принять ясное и окончательное рѣшеніе. Всякій человѣкъ, знающій Россію, не поколеблясь, скажетъ, что такое исключеніе изъ службы невозможно,—я думаю даже, что оно вездѣ было бы крайне неполитично.

Но если невѣжда принятъ на службу, то и другіе могутъ отго-

вариваться неспособностію *къ наукамъ*—и все зданіе рушится. Поэтому необходимо: 1) чтобы никто не могъ вступать на военную службу до . . . лѣтняго возраста; 2) чтобы въ эти лѣта всѣ могли бы поступать; 3) чтобы тѣ, которые учились въ лицеяхъ и университетахъ, имѣли какое-нибудь преимущество.

Вотъ главныя затрудненія. Если будутъ обольщать себя, вмѣсто того чтобы смѣло приступить къ дѣлу, повѣрьте, графъ, что самыя благія усилія только утомятъ правительство, огорчатъ русскихъ отцовъ и подадутъ иностранцамъ случай посмѣяться надъ безразсудными затѣйщиками, которые извращаютъ намѣренія правительства.

Въ письмѣ, которое за симъ послѣдуетъ, буду имѣть честь изложить еще нѣсколько мыслей касательно народнаго образованія съ нравственной точки зрѣнія.

III.

С.-Петербургъ, 13 (25) Іюня 1810.

Несомнѣнно слѣдуетъ во всѣхъ предпріятіяхъ остерегаться стремленія къ недостижимому совершенству, но рядомъ съ этимъ надо избѣгать и другую, еще болѣе опасную крайность, а именно недостаточное домоганіе того превосходства, которое отъ насъ самихъ зависитъ. Изъ того, что лицей не монастырь, не слѣдуетъ однако, чтобы онъ былъ учрежденіемъ, пользующимся дурною славою или даже явно распущеннымъ, въ которое отцы семействъ не рѣшались бы помѣщать сыновей своихъ.

Вопросъ объ опасности многочисленнаго скопища молодыхъ людей кажется уже вполнѣ исчерпаннымъ. Порокъ самъ по себѣ до того прилипчивъ, что нельзя не содрогнуться при одной мысли о такомъ скопищѣ, гдѣ всякая дурная мысль прививается, каждый дурной поступокъ всѣмъ извѣстенъ, каждая вредная книга переходитъ изъ рукъ въ руки.

Нельзя не удивиться, читая проектъ о лицеѣ, тому, что въ немъ и помину нѣтъ о предосторожности противъ неудобствъ общественнаго воспитанія. А кажется было о чемъ поговорить. Въ проектѣ много фразъ объ экзаменахъ учениковъ, и ни слова объ экзаменѣ профессоровъ, а это самое важное. Какихъ качествъ отъ нихъ требуютъ, чѣмъ могутъ доказать они свою нравственность и честность? Если они люди женатые, будутъ ли они жить въ лицеѣ съ женами, дочерьми, горничными и т. п.?

До великаго сотрясенія, пошатнувшаго Европу, въ странахъ католическихъ существовали 6 монашескихъ орденовъ, посвятившихъ себя,

почему одинъ изъ главныхъ представителей новѣйшаго безвѣрія жаловался на то, *что первоначальная дисциплина англійскихъ университетовъ приспособлена была къ воспитанію священниковъ и монаховъ и что управленіе находится до сихъ поръ въ рукахъ духовенства, обычаи котораго не подходятъ уже къ обычаямъ теперешняго общества* (что крайне прискорбно!), *и которому истинный свѣтъ философіи только ослѣпилъ глаза* (записки Гиббона, глава V).

Вотъ почему вѣроятно англичане, которые всѣ безъ исключенія воспитываются въ этихъ университетахъ, обладаютъ умомъ столь узкимъ и столь мало способнымъ къ наукамъ!!!

Другой примѣръ не менѣе поразителенъ; это Франція. Фаланга людей бѣшеныхъ уничтожила все существовавшее; все приходилось перестроивать заново и въ особенности великое зданіе общественнаго воспитанія. Не смотря на всѣ новыя теоріи, здравый смыслъ и опытность возстановили законъ о безбрачіи [1]). Не думаю однако, чтобы Государь, его подписавшій, когда либо былъ заподозрѣнъ въ суевѣріи или старинныхъ предразсудкахъ.

Народы непогрѣшимы, когда они согласны между собою. Почему же народы, болѣе всѣхъ себя отличившіе, и ученость которыхъ древнѣе другихъ,—постоянно соглашались въ томъ, что воспитаніе юношества слѣдуетъ поручать людямъ безбрачнымъ? Скажутъ, это *вліяніе теократическое*. Совершенно несправедливо, ибо вездѣ, гдѣ священники были люди женатые, имъ того же довѣрія не оказывали. Итакъ, не одно только священство, а именно безбрачіе послужило основаніемъ къ этому довѣрію. Противъ этого двойного доказательства ничего нельзя сказать.

Я вовсе не воображаю, графъ, что могу измѣнить духъ народа и не желаю предлагать чего-либо неосуществимаго, я только выставляю принципы и указываю на факты. Дѣло государственныхъ людей, знакомыхъ и съ людьми, и съ обстоятельствами, принять надлежащія мѣры предосторожности для достиженія цѣли. Но могу васъ увѣрить, что если не приняты будутъ самыя строгія мѣры предосторожности относительно нравственности профессоровъ, недопущенія опасныхъ книгъ и прекращенія всякой связи лицеевъ съ міромъ внѣшнимъ, общественное мнѣніе вскорѣ будетъ осуждать учрежденія эти, какъ школы безнравственности и разврата.

Полагаю не лишнимъ предложить здѣсь нѣсколько мыслей касательно наказаній и наградъ, о которыхъ я не упомянулъ въ прежнихъ письмахъ своихъ.

Въ проектѣ предполагается выдавать *каждые четыре мѣсяца* на-

[1]) Извѣстно, что въ силу одной статьи декрета, учреждавшаго университетъ, Наполеонъ обязывалъ профессоровъ къ безбрачію.

слѣдующую надпись: „*Молодой человѣкъ, здѣсь многіе тебѣ подобные потеряли счастіе вмѣстѣ съ своею невинностію!*“ [1]).

А въ Англіи, этой столь примѣрно управляемой странѣ, которою руководитъ общественное мнѣніе, какого не легко встрѣтить на свѣтѣ, не осмѣлились-ли изверги учредить втайнѣ вполнѣ организованное общество *для развращенія юношества?* И не осмѣлилось ли общество это обращать адскіе замыслы свои противъ собранія молодыхъ людей, между которыми распространяло самыя отвратительныя книги свои?

Правда, общественное мнѣніе, столь сильно царствующее въ Англіи, воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы основать общество *сохраненія правовъ и искорененія пороковъ.* Ужасное сборище было открыто, обличено и уничтожено; дѣло дошло до суда; нѣкоторые изъ преступниковъ были посажены въ тюрьму, и присуждены къ позорному столбу [2]). Но все же замыселъ существовалъ, и все же онъ указываетъ на крайнюю опасность собраній юношества, когда при собраніяхъ этихъ не существуетъ особенныхъ мѣръ предохраненія.

Позвольте мнѣ, графъ, представить вамъ еще самые полновѣсные авторитеты.

Основатели двухъ знаменитыхъ англійскихъ университетовъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ постановили безбрачіе непремѣннымъ условіемъ со стороны профессоровъ. Въ прошломъ столѣтіи противъ этого стали возставать въ нижней палатѣ, и надо признаться, трудно было для нападокъ найти удобнѣе случая.

„Условіе это было связано съ римскимъ суевѣріемъ и не должно было долѣе его держаться. Бракъ—учрежденіе заслуживающее всякаго почтенія, онъ дозволенъ служителямъ слова Божія и даже епископамъ англиканской церкви. Законъ о безбрачіи лишилъ бы англійскіе университеты Ньютона и Вистона, если бы они были женаты и пр. и пр. и пр.“ Много было что сказать; но коль скоро дѣло перешло въ верхнюю камеру, канцлеръ всталъ и сказалъ: „Милорды, если вы бы были въ состояніи принять предлагаемый вамъ билль, то вы не стоили бы того чтобы англичанинъ тратилъ даже шиллингъ на свое отечество. Основатели поставили непремѣннымъ условіемъ безбрачіе. Надо было тогда подумать. Государство приняло ихъ пожертвованія: никто не имѣетъ уже права измѣнить ихъ условій“.

Ни одного голоса не было подано въ пользу предложенія. Вотъ

---

[1]) Кампе, Собраніе путешествій для образованія юношей, Т. II, in 12°, ст. 129, 1797.

[2]) См. *Анти-Якобинецъ* за Ноябрь 1782, № 52, стр. 184; тамъ находятся всѣ подробности касательно этого невѣроятнаго предпріятія, а равно и анализъ сочиненія г. Боуля (Bowle), подъ заглавіемъ „Thoughts on the general election“, въ которомъ говорится о томъ же предметѣ.

грады лучшимъ ученикамъ. Очевидно, что это слишкомъ часто. Награды теряютъ цѣну [1]), коль скоро ихъ долго не ожидаешь. Давайте болѣе наградъ, если хотите, но выдавайте ихъ только подъ конецъ года, публично и съ умѣренностію. Если каждый ученикъ получитъ награду— то изъ этого выйдетъ только глупая шутка.

Надо, чтобы послѣ экзаменовъ учрежденъ былъ публичный актъ и чтобы награды раздавались высокопоставленною особою. На актѣ этомъ надо публично прочесть списокъ учениковъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ ихъ перевели изъ одного класса въ другой. Вотъ самая справедливая и самая естественная награда, а въ то же время и наказаніе. Каждый ученикъ слышитъ свое имя, родители слышатъ тоже. Каждый получаетъ мзду свою.

Во всѣхъ почти большихъ французскихъ городахъ первые ученики каждаго класса ежегодно торжественно представляемы бывали мѣстнымъ властямъ. Ихъ водили къ губернатору, къ первому президенту и пр. Ничто, какъ мнѣ кажется, не помѣшаетъ ввести и здѣсь такой же обычай.

Можно было бы воспользоваться тоже *крестами*, которые были у насъ въ большомъ ходу. Въ Россіи придаютъ особенное значеніе внѣшнимъ знакамъ отличія, склонность эта понятна и разумна, изъ этого можно извлечь большую пользу.

Пусть учредятъ два или три *креста* и пусть ими жалуютъ черезъ каждыя двѣ недѣли, или хоть разъ въ мѣсяцъ, тѣхъ учениковъ, которые въ этотъ промежутокъ времени отличатся безупречнымъ поведеніемъ, отмѣннымъ прилежаніемъ и выкажутъ лучшія способности. По окончаніи срока кресты слагаются на столъ и передаются професору, который снова ихъ раздаетъ. Тѣмъ, которымъ случалось на дѣлѣ испытать учрежденіе это, живо помнятъ то волненіе, которое предшествовало каждой раздачѣ. Крестамъ этимъ можно бы было придать національную форму, въ родѣ, напримѣръ, Анненскихъ или Владимірскихъ крестовъ; они должны быть, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, изъ простого металла (золота или серебра) и на нихъ слѣдовало бы вырѣзать: Императорскій лицей или что либо подобное. Юноша, получивъ крестъ, долженъ носить его не только въ лицеѣ, но и у родителей своихъ, когда онъ будетъ къ нимъ отпущенъ, и даже въ публичныхъ мѣстахъ, если бы ему пришлось, вслѣдствіе какого праздника или торжественнаго зрѣлища, туда явиться. По окончаніи класса, три первые ученика, получившіе награду, сохраняютъ знакъ отличія до начала слѣдующаго учебнаго года.

Я вполнѣ увѣренъ, что такіе кресты возбудятъ большое соревнованіе и приведутъ къ большимъ успѣхамъ.

[1]) Здѣсь опять непереводимая игра словъ: „les prix n'ont point de prix".

Онъ добавляетъ: „незачѣмъ ходить далеко за хорошей воспитательной системой; достаточно сказать: *обратитесь къ іезуитскимъ школамъ*, лучше этого ничего нельзя придумать“ [1]).

Гроцій, другой знаменитый протестантъ говоритъ, что „іезуиты могущественно вліяютъ на общественное мнѣніе, благодаря своей святой жизни и полнѣйшему безкорыстію, съ которымъ обучаютъ юношество наукамъ и Закону Божію“ [2]).

Генрихъ IV тотчасъ же по вступленіи на престолъ возстановилъ іезуитскій орденъ и выбралъ себѣ духовника изъ среды ихъ.

Ришельё говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что *онъ не знаетъ ничего совершеннѣе устава іезуитскаго общества, и что всѣ государи могутъ изучать его и поучаться.*

Декартъ, бывшій ихъ воспитанникомъ, всегда отзывался о нихъ съ уваженіемъ [3]). Извѣстно также, какое довѣріе питалъ къ нимъ Людовикъ XIV-й и какую роль они играли въ славный его вѣкъ. Герцогъ Сенъ-Симонъ, личный врагъ іезуитовъ, сознается однако въ своихъ запискахъ, что *они обладаютъ необыкновеннымъ талантомъ воспитывать людей честныхъ и любящихъ науки.* А вся суть въ этихъ двухъ положеніяхъ, ибо если человѣкъ честенъ и притомъ обладаетъ знаніемъ, то чего-жъ ему недостаетъ?

Великій Конде въ продолженіе всей своей жизни выказывалъ іезуитамъ расположеніе, а умирая сдѣлалъ имъ самый почетный подарокъ: онъ завѣщалъ имъ *свое сердце и своего сына* [4]).

Фридрихъ II тоже можетъ служить безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Въ качествѣ философа и отъявленнаго врага христіанства, онъ не преминулъ принять участіе въ общемъ хорѣ и послѣ уничтоженія ордена писалъ къ Вольтеру: *Мы одержали великую побѣду* [5]).

Но когда дѣло дошло до уничтоженія іезуитовъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, философъ долженъ былъ уступить мѣсто правителю. Онъ уже не говоритъ, *мы;* напротивъ, онъ пишетъ: *Я не знаю луч-*

---

[1]) Quae nobilissima pars priscae disciplinae revocta est aliquatenus, quasi postliminio, in Jesuitarum collegiis, quorum quum intueor industriam solertiamque tam in doctrina excolanda quam in moribus efformandis, illud occurit Agesilai de Pharnabazo: „Talis quum sis, utinam noster esses!..“

Ad pœdagogium quod attinet brevissimum foret dictu: „Consule scholas Jesuitarum“, nihil enim quod in usu venit his melius. (Bacon. de Augm. scient. lib. 1, vers. mit., et lib. VI, id).

[2]) Grotii Anun. belg. p. 194, упомянуто въ нѣмецкой книгѣ, озаглавленной „Der Triumpf der Philosophie im achtzehnten Jahrhundert; Germantown in 8°, t. 1-er, p. 412.

[3]) Malebranche, Rech. de la vérité, l. III, c. 6, № 4.

[4]) Вм. L'oraison funèbre par le P. Bourdaloue.

[5]) Le roi de Prusse à Voltaire, Oeuvres t. LXXVI, edition de Kehl, p. 248.

обществу уваженіе и довѣріе даже такого правительства, которое принадлежитъ къ совершенно иной религіи.

Въ дополненіе къ этимъ одобрительнымъ отзывамъ, мы можемъ привести мнѣнія людей, почтившихъ іезуитовъ своею ненавистью: нѣтъ ни одного врага церкви и государства, ни одного революціонера, ни одного иллюмината, короче сказать, ни одного врага европейской системы, который бы не былъ также и врагомъ іезуитовъ.

Кальвинъ за три столѣтія передъ симъ писалъ къ своему другу Бэну: *Что касается до іезуитовъ, которые въ особенности оказываютъ намъ противодѣйствіе, то ихъ нужно убивать; если же это окажется неудобнымъ, то ихъ слѣдуетъ изгонять, или по крайней мѣрѣ обезсиливать посредствомъ лжи и клеветы.*

Съ тѣхъ поръ не произошло ни малѣйшей перемѣны. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Кальвина, бывшій еще болѣе опаснымъ врагомъ, потому что дѣйствовалъ втайнѣ, писалъ въ прошедшемъ столѣтіи:

„*Самое главное—подорвать довѣріе къ іезуитамъ; если это намъ удастся, то тѣмъ самымъ мы уничтожимъ Римъ, а если Римъ погибнетъ, то религіозная реформа совершится сама собою*“ [1]).

Въ наше время мы имѣемъ любопытное свидѣтельство протестантскаго священника Рабо Сентъ-Этьенна, одного изъ самыхъ фанатическихъ членовъ того собранія, которое потрясло Францію, а затѣмъ весь міръ. Между причинами, способствовавшими пагубной революціи, онъ считаетъ одною изъ главныхъ уничтоженіе ордена іезуитовъ. Онъ говоритъ: *Самые жестокіе враги свободы слова, іезуиты, дѣйствовавшіе искуснѣе всѣхъ, исчезли, а послѣ нихъ никто уже не осмѣлился выказать такой деспотизмъ и такое упорство* [2]).

Впрочемъ, всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что европейская революція, называемая также *французской революціей*, могла совершиться только благодаря предварительному уничтоженію іезуитовъ. Это уже достаточная похвала; но можно еще прибавить, что въ наше время протестантъ, авторъ исторіи церкви, написанной со всѣми предубѣжденіями секты, сознается, что *если бы іезуиты существовали до реформаціи, никогда бы протестантское исповѣданіе не могло утвердиться, и наоборотъ, если бы они не явились, реформа сдѣлалась бы повсемѣстною* [3]).

---

[1]) Письмо Фра-Паоло-Сарпи (котораго по справедливости называли *католикомъ* въ общемъ и протестантомъ въ частностяхъ) отъ 5 Іюля 1619. О немъ упоминается въ его жизнеописаніи, составл. Courrayer и помѣщ. въ началѣ описанія тріентскаго собора.

[2]) Précis historique de la Revolution française. 1792, liv. I, p. 17.

[3]) Wäre der Orden der Jesuiten nicht gewesen, so würde die Kirchenrefor-

Всякій государственный человѣкъ, серьёзно взвѣсивъ эти отзывы, выбранные мною изъ тысячи, придетъ къ тому убѣжденію, что іезуиты драгоцѣнны для государства, такъ какъ у новаторовъ, открыто стремящихся ниспровергнуть существующій въ Европѣ порядокъ, нѣтъ враговъ, равныхъ іезуитамъ по мужеству и уму, а потому, чтобы положить преграду разрушительнымъ мнѣніямъ, слѣдуетъ поручить воспитаніе юношества іезуитскому ордену. Революціонеры это вполнѣ понимаютъ; потому-то, чтобы избавиться отъ такихъ безпокойныхъ враговъ, они прибѣгли къ средству, къ несчастью часто имѣющему успѣхъ. Они старались внушить государямъ недовѣріе къ іезуитамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что *они вмѣшиваются въ политику*.

Очень важно, графъ, отклонить эту западню. Она весьма тонка, но въ то же время весьма опасна. Позвольте представить по этому случаю два заявленія, не допускающихъ никакихъ возраженій.

1°. Первое принадлежитъ Фридриху II-му. Опасаясь упрека въ пристрастіи, я стараюсь опираться преимущественно на свидѣтельства людей, стоящихъ внѣ всякихъ подозрѣній, такъ какъ ихъ симпатіи обращены были совершенно въ противоположную сторону.

Я очень хорошо знаю, говоритъ великій монархъ, которому недоставало только воспитанія и руководства іезуитовъ, *что они интриговали и вмѣшивались въ дѣла, но въ этомъ виновато правительство. За чѣмъ же оно это допускало? Я обвиняю не отца Летелье, а Людовика XIV.*

Уже одно это замѣчаніе рѣшаетъ вопросъ. Развѣ какой нибудь государь не воленъ поручить управленіе государствомъ офицерамъ своей гвардіи, если ему такъ заблагоразсудится?

Конечно, офицеры эти обязаны будутъ повиноваться; но очень возможно, что они, имѣя власть въ рукахъ, увлекутся и станутъ ею злоупотреблять; тогда съ ними случится то, что́ случается и случалось и будетъ всегда случаться со всѣми. Можно ли сказать: *гвардейскіе офицеры стали интриговать, вмѣшиваться въ дѣла, значитъ нужно уничтожить гвардію?* Это было бы безразсудно въ высшей степени, потому что сначала слѣдуетъ доказать, что другіе на ихъ мѣстѣ поступили бы лучше, а это сдѣлать нелегко; остается въ такомъ случаѣ повторить слова Фридриха II-го: *Въ этомъ виновато правительство. Зачѣмъ же оно это допустило? Я обвиняю не гвардейскихъ офицеровъ, а самого государя.*

Въ силу своихъ обѣтовъ іезуиты обязаны, съ соизволенія властей

mation keinen Wiederstand mehr gefunden haben Ingegen, wäre er auch schon vor der Reformation gewesen, so würde wohl keine Reformation erfolgt.

Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche von d. Heinr. Phil. Henke, Professor der Theologie zu Helmstadt. Braunschweig. 1744, t. II, 3-ter Th., p. 69.

духовной и свѣтской, безвозмездно обучать юношество закону Божію и наукамъ, и заботиться о просвѣщеніи дикарей. Задача эта самая благородная и дѣла у нихъ довольно. Но если государямъ угодно вызывать ихъ изъ уединенія для совѣтовъ, еще разъ повторяю, на то добрая воля царская; іезуиты же должны стараться оправдать довѣріе, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ каждый вѣрноподданный.

Если же, наоборотъ, государю покажется, что вообще опасно пользоваться дѣятельностью и познаніями этихъ людей (что доказать впрочемъ довольно трудно), то пусть оставятъ ихъ при обычныхъ занятіяхъ. Вотъ къ чему сводится это пугало: *іезуиты, вмѣшивающіеся въ дѣла правительства!*

Но, кромѣ того, есть еще возраженіе, которое, быть можетъ, покажется вамъ, графъ, болѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ, чѣмъ предъидущее.

2°. Съ начала XVI столѣтія Европу волнуютъ двѣ секты: *кальвинисты и ихъ двоюродные братья янсенисты* [1]). Съ ними іезуиты боролись съ изумительной энергіей и постоянствомъ. Сектанты эти постоянно интриговали противъ правительства, становились въ ряды его, чтобы легче низвергнуть его. Они сами называли себя правительствомъ, и доказывали, обольщая его, что всякій кто имъ противился былъ тѣмъ самымъ врагомъ правительства. Доказательствомъ могутъ служить слова того же самаго герцога Сенъ-Симона, о которомъ я уже упоминалъ выше, я люблю брать въ свидѣтели отъявленныхъ враговъ общественнаго порядка. Послѣ похвалы іезуитамъ, которую я привелъ выше, онъ говоритъ, что *они выказываютъ слишкомъ сильное ожесточеніе противъ кальвинистовъ и янсенистовъ.* (Записки герцога Сенъ-Симона. Ibid). Но это то же, что попрекать собаку за ея вражду къ волку. Французскіе короли липились *прекраснѣйшаго на свѣтѣ государства, лучше котораго можетъ быть одно только царство небесное* [2]), не оттого, что *слишкомъ довѣряли* іезуитамъ, а, напротивъ, оттого, что *слишкомъ мало* имъ довѣряли. Уничтоживъ іезуитскій орденъ Франція отдала себя на жертву дикимъ звѣрямъ, которые ее растерзали. Такъ какъ я взялъ за правило какъ можно рѣже приводить мнѣнія людей, которыхъ нынѣ принято называть *ханжами*, т.-е. людей благоразумныхъ, вѣрующихъ и одушевленныхъ вѣрноподданническими чувствами, то прибѣгаю опять къ свидѣтельству Вольтера.

---

[1]) Les raissonneurs de jansénistes, et leurs cousins les calvinistes etc. Voltaire, Oeuvres, Deux-Ponts, 1791, in-12, t. XVI, Poësies mêlées, № 185, p. 150.

[2]) Si quando te Deus ad suam regnum, quod solum tuo melius est и проч. (Гроцій въ посвященіи королю французскому Лудовику XIII сочиненія своего „De jure belli et pacis“.

Совѣсть, своего рода пытка, по неволѣ заставляетъ нечестивыхъ говорить правду. Позвольте, графъ, привести стихи, написанные Вольтеромъ по поводу уничтоженія іезуитскаго ордена:

Les renards et les loups furent longtemps en guerre;
Nos moutons respiraient: nos bergers diligents
Ont chassé par arrêt les renards de nos champs,
Les loups vont désoler la terre.
Nos bergers semblent entre nous,
Un peu d'accord avec les loups [1]).

Іезуиты должны быть благодарны за прозвище *лисицъ* отъ такого человѣка какъ Вольтеръ, но въ учтивомъ названіи этомъ заключается очевидная безсмыслица: когда же было видано, чтобы лисицы сражались съ волками, или поѣдали овецъ? Ему слѣдовало бы сказать *львы* и *тигры*, а не *лисицы*. Однако онъ по совѣсти принужденъ былъ сознаться, что правительству нечего было бояться іезуитовъ и что опасность угрожала именно со стороны ихъ враговъ. Теперь же, когда мнимые *пастыри*, т.-е. парламенты, зараженные язвой философіи и янсенизма, сговорились съ *волками*, т.-е. *съ янсенистами и ихъ братцами* и сотворили тѣ дѣла, которыми мы уже 20 лѣтъ любуемся, люди благоразумные поняли въ чемъ дѣло.

Вотъ какимъ образомъ, графъ, іезуиты *вмѣшивались въ политику*. Въ продолженіи трехъ столѣтій они не переставали взывать къ монархамъ: *вотъ оно, чудовище! берегитесь! средины быть не можетъ! оно васъ погубитъ, если вы сами его не уничтожите, или не наложите на него цѣпей*".

Не вѣрьте, графъ, тому что говорятъ объ ожесточенномъ преслѣдованіи іезуитами враговъ своихъ въ концѣ царствованія Лудовика XIV. Кому можемъ мы въ этомъ отношеніи болѣе довѣриться, какъ не г-жѣ де-Мантенонъ, которая писала кардиналу де-Ноайль отъ 17-го Февраля 1701 года: „*Никогда еще іезуиты не были такъ безсильны. Отецъ ла-Шезъ не смѣетъ говорить; они возбуждаютъ состраданіе въ лучшихъ изъ друзей своихъ; они властны только у себя въ коллегіи... Еще разъ говорю, добрякъ* (отецъ ла-Шезъ) *не пользуется ни малѣйшимъ вліяніемъ*" [2]).

Я могъ бы вамъ привести свидѣтельство исторіи въ доказательство того, что янсенисты гораздо болѣе имѣли вліянія на дѣла, чѣмъ ихъ противники, такъ что люди благоразумные удивлялись мягкости правительства относительно этихъ дерзкихъ и упорныхъ еретиковъ. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ученіи, съ которымъ іезуиты постоянно борятся, нужно прежде всего разсмотрѣть, что̀ такое кальви-

[1]) Oeuvres de Voltaire, t. cité nº 166, p. 150.

[2]) L'Histoire de Fénélon par M-me Bausset, t. III, liv. VI, p. 20.

низмъ, такъ какъ въ немъ лежитъ корень всего зла. Оставимъ въ сторонѣ Белармена, Боссюэта, и ихъ послѣдователей, и посмотримъ, что́ говоритъ англиканскій священникъ Жанъ Жортэнъ, пользующійся большою извѣстностью между англійскими богословами. „*Кальвинизмъ*“ говоритъ онъ, „*есть религіозное ученіе, по которому человѣческія существа оказываются несвободными, догматы и вѣра не имѣютъ никакого разумнаго основанія, а Богъ представляется совершенно немилосердымъ*“ [1]).

Послѣ такого яснаго опредѣленія, я приведу слова Вольтера (онъ—мой герой): *Кальвинизмъ долженъ былъ необходимо произвести междоусобныя войны и потрясти государства въ ихъ основаніяхъ... Одно должно было погубить другое... Вездѣ, гдѣ будетъ преобладать кальвинизмъ, правительства будутъ низвергнуты* [2]).

Въ 1797 г. одинъ женевскій священникъ, скрывавшій свое имя (впрочемъ отгадать его не трудно) писалъ: „*Да, благодаря этимъ реформаторамъ, которые вооружились противъ папы и Рима, всѣ умы обратились къ разсмотрѣнію догматовъ вѣры и потомъ перешли къ разсмотрѣнію принциповъ власти; они-то одновременно подточили и престолы и алтари*“ [3]).

Я могу также привести мнѣнія нѣкоторыхъ очень почтенныхъ англійскихъ журналистовъ, которые говорили лѣтъ семь тому назадъ: „*нельзя себѣ ничего представить нелѣпѣе и безбожнѣе кальвинизма... Если взглянуть на догматы Кальвина съ настоящей точки зрѣнія, то они представляютъ такую отвратительную смѣсь безбожія, богохульства, противорѣчій и жестокости, что могутъ только внушить ужасъ и презрѣніе всякому, кто сохранилъ хоть малѣйшее чувство благоговѣнія къ Всевышнему, малѣйшее чувство любви къ ближнимъ, малѣйшіе проблески разума и здраваго смысла*“ [4]).

Приведу еще слова изъ проповѣди англійскаго профессора богословія, произнесенныя имъ въ 1795 г. въ Кембриджскомъ университетѣ: „*Думаю, что протестантскія государства виновнѣе, чѣмъ они думаютъ, такъ какъ всѣ безбожныя книги и большая часть безнравственныхъ сочиненій, благодаря которымъ ереси такъ сильно распространяются въ наше время, были написаны и напечатаны въ протестантскихъ странахъ*“ [5]).

---

[1]) A religious system consisting of human creatures without liberty, doctrines without sense, faith without reason and a God without mercy. (Jartin dans l'Ant-Jacobin, Juillet, 1803, № 61, p. 231. Онъ писалъ въ половинѣ прошлаго столѣтія).

[2]) Siècle de Louis XIV, ch. XXXIII, Siècle de Louis XV.

[3]) De la nécessité d'un culte religieux, par M**, (de Génève) in-8°. 1797.

[4]) Anti-Jacobin, review and magazine. Mai, 1803, n° 59, p. 4 et 18.

[5]) A sermon, preached before the University of Cambr. on the 3-th of Mai 1795, by John Main Waring, prof. in divin. (Critic Review, août 1995, p. 400.

Въ заключеніе упомяну объ отвратительномъ Кондорсэ, который открыто признаетъ, что кальвинизмъ служилъ какъ-бы предисловіемъ къ политическому перевороту: „*народы, разъ узнавши о захватахъ папской власти, захотѣли также привести въ ясность и захваты гражданской власти*“ [1]).

Послѣ всѣхъ этихъ неоспоримыхъ цитатъ, заимствованныхъ у враговъ нашихъ, да позволено мнѣ будетъ, наконецъ, обратиться къ знаменитѣйшему изъ нашихъ богослововъ, отцу Пето, который въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ людей на свѣтѣ:

Отличительный характеръ этой секты, возникшей на погибель государямъ и государствамъ — это ненависть ко всякому принципу власти [2]).

Вамъ, графъ, можетъ быть покажется, что я удаляюсь отъ своего предмета, и что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о кальвинистахъ, но могу васъ увѣрить, вся суть именно въ этомъ. Кальвинизмъ, это исчадіе гордыни, объявилъ войну всякой власти, а отъ него произошли всѣ остальныя секты. Самая опасная изъ нихъ янсенизмъ, потому что онъ дѣйствуетъ подъ личиною католицизма. Всѣ другія секты наши явные враги и открыто идутъ на приступъ; янсенизмъ же составляетъ часть возмутившагося гарнизона, который поражаетъ насъ съ тыла, въ то время, какъ мы храбро деремся на стѣнахъ крѣпости. Но всѣ секты тѣсно связаны между собою, всѣ онѣ—дѣти одного отца. Поэтому на самомъ дѣлѣ существуетъ только одна секта—кальвинизмъ, въ которой смѣшались и слились всѣ остальныя. Догматическія различія исчезли и остался у нихъ лишь одинъ общій догматъ—*отсутствіе всякаго догмата*. Извѣстенъ отвѣтъ Бэйля кардиналу де-Полиньяку: „*я протестантъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что я протестую противъ всѣхъ истинъ.*“ Этотъ-то догматъ сталъ нынѣ всеобщимъ. Слѣдовало бы еще добавить: *и противъ всякой власти*. Германское иллюминатство не что иное, какъ *послѣдовательный кальвинизмъ*, т.-е. окончательно очищенный отъ всякихъ догматовъ, которые до тѣхъ поръ сохранены были по какой-то прихоти. Короче, одна только секта и есть на свѣтѣ, и государственные люди должны это постоянно помнить и никогда не забывать. Эта въ сущности единая, хотя въ то же время и многообразная секта, окружаетъ Россію или, вѣрнѣе, проникаетъ въ нее со всѣхъ сторонъ, подкапывается даже подъ ея основанія. Ей не нужно теперь, какъ въ XVI вѣкѣ, проповѣдывать съ каѳедры, набирать войска, призывать народы къ открытому возстанію. Она дѣйствуетъ гораздо искуснѣе и *приберегаетъ шумъ къ концу*. Ей нужно привлечь вни-

[1]) Condorcet, Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain, p. 111.

[2]) Dion. Petairi Dogm. theol; in fol., Anvers, 1700, t. IV, de Hierarchia, p. 2.

маніе дѣтей всѣхъ возрастовъ, ей необходимо терпѣніе правителей, и именно всѣмъ этимъ она вполнѣ владѣетъ въ настоящее время. Зараза коснулась даже вашего духовенства, и, быть можетъ, зло гораздо сильнѣе, чѣмъ то предполагаютъ.

Въ такую опасную минуту никто не можетъ оказать Его Императорскому Величеству бо̀льшую услугу, какъ общество вполнѣ враждебное тѣмъ, кто, захвативъ въ свои руки воспитаніе юношества, грозитъ Россіи. Я даже не вѣрю, чтобы существовало иное предохранительное средство, такъ какъ противъ всякой ассоціаціи, и въ особенности тайной, можно бороться только посредствомъ другой ассоціаціи. Іезуиты—это сторожевые ваши псы, оборони Богъ ихъ гнать. Если вы не хотите, чтобъ они кусали воровъ, это ваше дѣло, но по крайней мѣрѣ пусть они бродятъ вокругъ домовъ вашихъ, и когда нужно, будятъ васъ, прежде чѣмъ воры успѣютъ выломать двери или влѣзть въ окна.

Какое, графъ, ослѣпленіе! Какая непослѣдовательность ума человѣческаго! Триста лѣтъ существуетъ общество, главнымъ образомъ посвятившее себя воспитанію юношества! Оно принимаетъ на себя всѣ расходы по общественному воспитанію и тѣмъ облегчаетъ тяжелое бремя государству; юношеству оно предлагаетъ свое знаніе, правительству свои труды, и все это безвозмездно, довольствуясь сознаніемъ исполненнаго долга; оно же неустанно говоритъ и народамъ и юношеству:

Власть исходитъ не отъ народа; или если она даже первоначально и исходила отъ него, то, разъ ее уступивши, онъ уже потерялъ на нее всякое право [1]). *Власть исходитъ отъ Господа, и Ему-то мы повинуемся въ лицѣ монарха. Осуждать верховную власть нельзя ни подъ какимъ видомъ, нельзя также ея ослушаться, развѣ когда она повелѣваетъ совершить преступленіе, но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пожертвовать жизнію своею. Особа монарха—священна, и ничто не можетъ оправдать возмущенія.* Считаю излишнимъ говорить о вѣрѣ. Конечно, общество Іисуса горячо предано своей вѣрѣ, которая сходна съ вашей по догматамъ; но никогда еще іезуитовъ не обвиняли и не подозрѣвали въ неуваженіи къ законамъ той страны, въ которой они находятся, они ихъ вполнѣ уважаютъ. И къ этому-то обществу относятся съ недовѣріемъ, опасаясь, что *оно вмѣшается въ дѣла политики.*

Съ другой стороны, также давно существуетъ противоположное общество, которое, устами своихъ первыхъ патріарховъ и лучшихъ членовъ, не перестаетъ тоже поучать:

[1]) Сюарезъ (знаменитый іезуитъ, *истинный представитель цѣлой школы*, по выраженію Боссюэта). De leg., lib. III; De lege humano et civili, cap. IV, § 6, et in defensione fidei catholicae anglicanae sectae errores, lib. III, cap. 3.

„Какова бы ни была власть государя, онъ ее получилъ *единственно отъ народа;* народъ же если и признаетъ власть какого-либо *смертнаго*, то лишь по доброй волѣ своей“ [1]).

„Власть исключительно принадлежитъ народу, и если онъ *на время* и рѣшился ввѣрить ее отдѣльнымъ личностямъ, обладающимъ талантами или знаніемъ, то личности эти должны народу отдать отчетъ въ томъ, какъ пользовались этою властію“ [2]).

„Нѣтъ, и не можетъ быть основного закона, обязательнаго для народа въ совокупности; даже общественный договоръ (contrat social) не имѣетъ значенія. Народъ можетъ отмѣнить всѣ законы; если даже онъ захочетъ повредить себѣ, никто не имѣетъ права ему въ томъ препятствовать“ [3]).

„Такъ какъ верховная власть принадлежитъ народу, то правители не болѣе какъ должностныя лица. Народъ можетъ измѣнить правительство, когда пожелаетъ и потому только, что того желаетъ“ [4]).

„Слѣдовательно, можно до нѣкоторой степени извинить тѣхъ, которые осудили Карла I-го и отправили его на эшафотъ“ [5]).

„Въ большинствѣ случаевъ, правители—величайшіе безумцы и самые отъявленные мошенники на свѣтѣ. Отъ нихъ нечего ждать добра *Они исполняютъ на этомъ свѣтѣ роль палачей и Господь употребляетъ ихъ, когда желаетъ насъ наказать.* Если мы сажаемъ воровъ въ тюрьму, казнимъ убійцъ, сжигаемъ еретиковъ, то отчего же не употребить того же оружія противъ проповѣдниковъ разврата... противъ этихъ гнойныхъ язвъ Римскаго Содома? Отчего не обагрить рукъ своихъ въ ихъ крови?.. Остается только одно средство—возстать открыто на императора, на королей и на правителей“ [6]).

„Почти невозможно быть правителемъ и не быть въ то же время разбойникомъ“ [7]).

„Республиканскій образъ правленія есть самый лучшій и самый прочный. *Тамъ, гдѣ нѣтъ народнаго представительства, господствуетъ тиранія*“ [8]).

---

[1]) Noodt, Du pouvoir des souverains, dans le recueil de diverses pièces importantes, traduites ou publiées par I. Barbeyrac (refugié), t. I, p. 41.

[2]) Memoirs of the life of sir William Jones, by lord Trignmouth, London, 1806, p. 200.

[3]) Rousseau, Contrat social, liv. 11, chap. I.

[4]) Condorcet, Esquisse citée, p. 248.

[5]) A letter to a Nobleman containing considerations on the laws relative to dissenters, etc., by a Lagman. London, Cadell, 1790. London Review, Juin, 1790. NB. Авторъ—государственный человѣкъ, занимавшій важныя должности.

[6]) Luther, Opp. lat., t. II, fol. 181, 182, 69.

[7]) Поговорка Лютера.

[8]) Essai philosophique sur un projet de paix perpétuelle, cité par Masson (Mem. secrets sur la Russie, t. III, p. 356).

„Таково мнѣніе всѣхъ нашихъ ученыхъ“ [1]).

„Что же касается до религіи, то нужно прежде всего знать, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ творецъ всего видимаго“ [2]).

„Дѣйствительный или только кажущійся порядокъ во вселенной нисколько не служитъ доказательствомъ существованія Бога; согласіе всѣхъ людей въ этомъ случаѣ тоже не можетъ быть принято за доказательство, *такъ какъ внѣ насъ нѣтъ ничего вѣрнаго*“ [3]).

„Во всякомъ случаѣ нѣтъ разумныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія единаго Бога. Единство плана ничего не доказываетъ, потому что оно могло произойти вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія многихъ боговъ, согласныхъ между собою“ [4]).

„Къ тому же, если это единство и доказываетъ, что въ видимомъ мірѣ есть только одинъ Богъ, то все-таки вопросъ—не существуютъ ли другіе міры, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего Бога, остается нерѣшеннымъ“ [5]).

„Всѣ церкви впали въ заблужденія даже относительно нравственнаго ученія, даже относительно догматовъ, и потому мы не обязаны вѣрить которой-нибудь изъ нихъ, но мы должны единственно руководиться Словомъ Божіимъ“ [6]).

„Слово же это всякій понимаетъ различно, какъ ему указываетъ совѣсть, потому что въ такомъ важномъ дѣлѣ всякій человѣкъ, въ *силу естественнаго закона*, имѣетъ право поступать по своему усмотрѣнію... Если государь вздумаетъ принуждать или стѣснять въ этомъ отношеніи своихъ подданныхъ, то подданные имѣютъ полное право сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ, точно также какъ могутъ защищать жизнь свою, имущество и свободу противъ тирана“ [7]).

„Конечно, для *поддержанія спокойствія внутри государства* и *мира извнѣ* необходимы формы вѣры, но въ сущности это не догматы въ точномъ смыслѣ слова, такъ какъ каждый изъ этихъ догматовъ

---

[1]) Il faut avouer que la plupart des auteurs de la religion réformée qui ont fait en Allemagne des systèmes de la science politique, ont suivi les principes de Buchanan, de Junius Brutus et de leurs semblables. (Leibnitz. Pensées, t. II, p. 113).

[2]) Слова, сказанныя Кантомъ Карамзину, см. его Путешествіе.

[3]) Одно изъ главныхъ положеній догматовъ Канта.

[4]) Разсужденіе швейцарца Виттембаха, бывшаго профессоромъ въ Амстердамѣ, написанное по поводу вопроса, предложеннаго Лейденской Академіей: „Есть-ли разумныя доказательства въ пользу существованія единаго Бога?“ Разсужденіе удостоилось награды, что̀ весьма знаменательно.

[5]) Виттембахъ, ibid. Nihil aliud efficietur, nisi hunc mundum ab unico pendere et effectum esse deo, non illud etiam non posse plures esse deos quorum quisque suum mundum habeat.

[6]) Исповѣданіе вѣры Англиканской церкви.

[7]) Barbeyrac, dans ses notes sur *le Traité des droits de la nature et des gens* de Puffendorf, liv. VIII, chap. 8, § 5, note 7.

ъ только въ данное время (sui temporis symbolum) и можетъ
мѣненъ, смотря по обстоятельствамъ“ [1]).
одобное ученіе, графъ, не внушаетъ ни малѣйшаго опасенія!
исповѣдующимъ такія правила, оказываютъ полное довѣріе!
подозрѣваютъ въ томъ, что они могутъ вмѣшаться въ дѣла
твенныя, имъ поручаютъ безъ колебанія воспитаніе юноше-
е. главнѣйшую отрасль дѣятельности государства, всю на-
течества! Ихъ нисколько не опасаются, и само правительство
ываетъ, чтобъ въ заведеніи, имѣющемъ цѣлію приготовленіе
оровъ, *метафизику преподавали по методу Канта* [2]). Для
бы привлечь учителей, которые заподозрѣны и даже уличены
, что раздѣляютъ образъ мыслей этой философіи, государство
паетъ ни передъ какими жертвами! Оно сыплетъ деньгами,
аетъ большія суммы не только учителямъ этимъ, но даже
амъ и дѣтямъ, выдаетъ эти суммы не на одни необходи-
ребности, но и на удовольствія! Сомнѣваюсь, чтобы въ исто-
ѣтился другой примѣръ подобнаго ослѣпленія.
е скажутъ намъ, что ученіе это уже отжило свой вѣкъ! На-
никогда еще не проявлялось въ немъ такой жизненности и силы.
стол. ученіе это было еще въ младенчествѣ, его можно было
ь молчать двумя, тремя страницами изъ катехизиса; теперь
нужало и не признаетъ болѣе никакой власти. *Ужасная секта*,
ногой легіонъ, теперь въ особенности становится опасною, по-
о *у нея много союзниковъ*.
брѣтайте же и вы, графъ, съ своей стороны *союзниковъ:* они
обходимы для того, чтобы правое дѣло восторжествовало и
твердить, что напавшая на васъ злая сила не имѣетъ себѣ
трашнѣйшаго, какъ то именитое общество, которому посвя-
эти строки, причемъ я имѣлъ въ виду не столько его выгоды,
благо вашего отечества, которое я, по чувствамъ признатель-
привязанности, считаю почти своимъ.
рь мнѣ остается, графъ, разсказать вамъ подробно о тѣхъ
ахъ, которыя недавно стали пускать въ ходъ нечестивые, ко-
люди, съ цѣлью искоренить у васъ систему воспитанія. На
раютъ какъ на послѣднюю себѣ помѣху въ отечествѣ ва-
Объ этомъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ, которое и бу-
слѣднимъ.

еланхтонъ, Epist. selectae a Pencero ed.; Ep. II, ad Lutherum, p. 3, 4; Lu-
nb. Werke, t. VI, p. 1226. Forma concordiae, p. 511, 651.
. Уставъ Педагогическаго Института, въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія
6).

V.

С.-Петербургъ, 30-го (18-го) Іюля 1810.

Кажется, въ моемъ послѣднемъ письмѣ, я имѣлъ честь представить вамъ довольно вѣрный очеркъ новой секты; противъ очерка этого едва ли можно что-либо возразить, такъ какъ сама она доставила мнѣ противъ себя всѣ данныя. Іезуиты естественные, непримиримые, неутомимые враги этой секты, поэтому неудивительно, что борьба между ними идетъ на смерть. Въ 1773 году сектанты думали, что борьба окончена и уже готовились торжествовать побѣду, но имъ пришлось испытать страшное разочарованіе.

Высокій умъ Екатерины далъ въ Россіи пріютъ знаменитому ордену, изгнанному ослѣпленными католическими правителями. На другой же день послѣ изгнанія, эти самые правители погибли отъ руки тѣхъ, которые указывали на іезуитовъ, какъ на враговъ верховной власти.

Такое ослѣпленіе со стороны правителей казалось бы невозможнымъ, но мы сами, къ несчастью, были тому свидѣтелями.

Такъ какъ іезуиты еще существуютъ въ Россіи и за нихъ вообще стоитъ здравый смыслъ народа, то вы легко представите себѣ, графъ, что секта направила всѣ свои силы именно на эту часть земного шара, гдѣ ей постоянно оказывается противодѣйствіе, однимъ только фактомъ существованія іезуитовъ.

Секта въ равной силѣ обладаетъ и ловкостью и коварствомъ, потому мы считаемъ дѣломъ первой важности прослѣдить за всѣми ея темными ухищреніями.

При Екатеринѣ II-й и при сынѣ ея, она попыталась сдѣлать открытое нападеніе, но безъ всякаго успѣха; тогда она стала дѣйствовать окольными путями. Добрый геній Россіи спасъ ее на этотъ разъ, но если бы предположеніе о взятіи въ казну имѣній, принадлежащихъ духовенству, исполнилось, то вслѣдствіе неизбѣжной реакціи непремѣнно восторжествовало бы злое начало. Тогда они прибѣгнули къ другому средству, которое у нихъ всегда наготовѣ. Если русское правительство съумѣетъ отклонить это второе средство, то оно возвысится надъ всѣми тѣми, которыя доселѣ попали въ западню. Для того, чтобы низвергнуть власть, или чтобы ей повредить, секта всегда пользовалась самою же властью: она запугивала ее, чтобы легче погубить, какъ птицеловъ, который, запугивая птицъ, гонитъ ихъ прямо въ сѣти, тогда какъ имъ слѣдовало бы не пугаться, а покойно оставаться на мѣстѣ.

Такъ какъ прямое предложеніе уничтожить іезуитскій орденъ или закрыть его школы оскорбило бы чувство справедливости въ монархѣ,

же придетъ въ голову мысль, подъ предлогомъ введенія единства, лишить самоуправленія полкъ, который въ продолженіи трехъсотъ лѣтъ отличался безупречнымъ своимъ поведеніемъ, и подчинить его со всѣми командирами какому-либо капитану городской милиціи, никогда не обнажавшему шпаги. Это было бы и смѣшно, и даже опасно, по могущимъ произойти послѣдствіямъ.

Какъ видите, графъ, ужасное это *государство въ государствѣ* оказывается смѣшнымъ пугаломъ!

Всякому извѣстно, что общество не можетъ существовать безъ крѣпкой внутренней дисциплины. Поставьте регулирующее начало внѣ его, и общество разрушится. Слѣдовательно, іезуиты требуютъ для себя только то, что́ по праву принадлежитъ всякому дозволенному закономъ обществу.

Кардиналъ Ришелье, любившій іезуитовъ и покровительствовавшій имъ, говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что *онъ не знаетъ ничего совершеннѣе устава этого ордена, и что всѣ государи должны вполнѣ изучить его.*

Этого геніальнаго человѣка нельзя однакоже заподозрить въ томъ, чтобъ онъ не понималъ значенія власти, или не зналъ, что̀ такое *государство въ государствѣ.*

Государство въ государствѣ—это государство, скрывающееся отъ правительства, независимое отъ него; іезуиты же, какъ и всякое другое, дозволенное закономъ общество, подчинены власти государя; онъ ихъ можетъ уничтожить единымъ мановеніемъ руки. Даже и въ этомъ случаѣ, графъ, они не перестанутъ молиться за Государя, они не будутъ ни роптать на правительство, ни осуждать его. Такъ поступили они во Франціи, въ Римѣ, въ Парижѣ, гдѣ враги ихъ ожидали совсѣмъ другого; такъ будутъ они поступать и вездѣ.

Кажется, мнѣ удалось не только опровергнуть обвиненіе о *государствѣ въ государствѣ*, но даже указать на смѣшныя стороны этого обвиненія, а это что-нибудь да значитъ. Но у новаторовъ, отличающихся предусмотрительностію, есть еще наготовѣ доводъ; они приберегли его на случай пораженія; вотъ онъ:

Обученіе у іезуитовъ не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки: они придерживаются старинныхъ методовъ, которые оказываются неудовлетворительными. Они слишкомъ много занимаются литературой и слишкомъ мало науками.

Стало быть, все дѣло сводится къ вопросу о воспитаніи, но при рѣшеніи вопроса этого, какой государственный человѣкъ не обратится къ урокамъ опыта.

Я представляю себѣ старинныхъ и новыхъ воспитателей въ видѣ двухъ алхимиковъ; одинъ хвалится тѣмъ, что умѣетъ дѣлать серебро,

съ своей стороны, не отрицаютъ пользы химіи, естественной исторіи, ботаники и прочаго.

Обѣ партіи не согласны только насчетъ способа сочетанія всѣхъ этихъ познаній, насчетъ ихъ относительной важности, а также и относительно выбора времени для ихъ преподаванія. Отъ совмѣстнаго дѣйствія и соревнованія обѣихъ системъ государство въ проигрышѣ быть не можетъ. Пусть только оно остается спокойнымъ зрителемъ.

Но будьте осторожны, графъ, мудрое управленіе ваше можетъ въ настоящемъ случаѣ принести величайшую пользу отечеству. Борьба изъ-за мнѣній между корпораціями весьма похожа на поединокъ между частными лицами. Насъ удивляетъ, что два человѣка приходятъ въ ярость и стремятся лишить другъ друга жизни *изъ-за какого нибудь слова*. Но дѣло вышло не изъ-за слова: причиной тутъ глубокая ненависть, нѣчто такое, о чемъ не говорятъ.

Повѣрьте, графъ, что и іезуиты и ярые ихъ противники враждуютъ не изъ-за химіи или ботаники. Іезуиты ничего не имѣютъ противъ этихъ наукъ, противникамъ ихъ въ сущности тоже мало до нихъ дѣла, настоящая причина вражды гораздо серьёзнѣе и о ней умалчиваютъ. Церковь и государство должны быть на сторожѣ! Не мало свѣдущихъ людей уже предостерегало ихъ отъ грозящей опасности.

Было бы вполнѣ благоразумнымъ отдать іезуитамъ академію въ Полоцкѣ, точно также какъ была у нихъ прежде академія въ Вильнѣ, предоставивъ ей тѣ права, какими пользуются университеты и въ особенности виленскій. Подобная мѣра равнялась бы почти государственному перевороту. Оба учрежденія существовали бы одно возлѣ другого, и если-бы даже соревнованіе между ними дошло до вражды, то государство отъ этого вовсе бы не пострадало; напротивъ, это было бы весьма для него выгодно, потому-то правительству нѣтъ причины отказываться отъ опыта, обѣщающаго многое и не требующаго никакихъ затратъ. На послѣднее обстоятельство слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Но въ ожиданіи этого времени вы можете оказать величайшую услугу вашему отечеству, уговоривъ Его Величество объявить наконецъ іезуитовъ независимыми отъ виленскаго университета, какъ того требуетъ и справедливость и политическій разсчетъ; а до тѣхъ поръ у іезуитовъ руки не развязаны и спокойными они быть не могутъ. Государь можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что въ данномъ случаѣ свобода не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій. Онъ можетъ въ самомъ непродолжительномъ времени составить собственное сужденіе, и сужденіе это будетъ безошибочно, такъ какъ въ данномъ случаѣ имъ руководить будетъ единственный неошибающійся въ мірѣ семъ совѣтникъ, а именно *родительская любовь*.

Пусть обѣ системы свободно развиваются одна возлѣ другой. Въ скоромъ времени Государь увидитъ, въ какую сторону будетъ склоняться предпочтеніе отцовъ семейства, и истина предстанетъ передъ нимъ во всей своей ясности, точно будто самъ Господь ее повѣдалъ. Не знаю, можно ли въ такомъ дѣлѣ обмануть хоть *одного отца*, а навѣрное могу сказать, что *многихъ* обмануть невозможно. Всякій отецъ, какъ бы плохъ онъ ни былъ самъ, всегда старается найти самаго лучшаго учителя для своего сына. Однажды одинъ изъ друзей Дидро засталъ его читающимъ Евангеліе съ своей дочерью, и когда другъ выразилъ свое удивленіе, Дидро отвѣтилъ: «*Развѣ можно найти лучшее для нея чтеніе?*»

Будемъ надѣяться, что отличному министру, предъ которымъ я высказываю свои мысли, суждено вполнѣ разсѣять мракъ, затмѣвающій самыя яркія и самыя основныя истины! Какое зрѣлище, графъ! Съ одной стороны степенные, ученые монахи, въ продолженіи сорока лѣтъ, и въ виду цѣлой Россіи, словомъ и примѣромъ поучающіе людей добру; постоянно помнящіе объ обязанностяхъ относительно государства; не забывающіе никогда данной ими Россіи присяги; ставящіе русскій языкъ выше всякаго другого; почитающіе его наравнѣ съ латинскимъ основаніемъ своего преподаванія. А съ другой стороны польская академія, въ упоеніи своего родного языка (что, впрочемъ, понятно и если хотите отчасти разумно) нападающая на іезуитовъ за ихъ привязанность къ старымъ обычаямъ, и желающая замѣнить ненравящуюся ей грамматику своею собственною.

Въ *такихъ-то обстоятельствахъ*, русское правительство колеблется въ выборѣ между обоими учрежденіями и даже склоняется на сторону польской академіи! Что-же это за колдовство? Какой непостижимый фатализмъ заставляетъ правительства предпочитать [illegible] то, въ чемъ заключается ихъ погибель, а ненавидѣть то, что могло бы спасти ихъ.

Графъ, задача моя окончена: я изложилъ свои мысли об[illegible] ственномъ воспитаніи въ Россіи, къ которой [illegible] узами любви и признательности. Только этим[illegible] сердечный долгъ свой. Утверждаю, что писал[illegible] зывала мнѣ совѣсть. Я счастливъ, графъ, что [illegible] свои размышленія какъ доказательство искренн[illegible] характеру, который я глубоко уважаю.

Граф[illegible]

VII.

Письма Павла Ивановича Голенищева-Кутузова къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина)

1.

По особенной матеріи обязанъ я и особое къ в. с. писать письмо, къ коему подалъ матерію прилагаемый здѣсь журналъ самый безтолковый, который пропущенъ безтолковыми нашими цензорами, но который я велѣлъ остановить и листъ перепечатать. Судите сами, в. с., возможно ли было его пропустить въ такомъ видѣ, какъ онъ уже былъ пропущенъ. Извольте прочитать страницы мною загнутыя. На 5-й страницѣ сатира на Петербургскую дороговизну и сатира толь дерзкая, что сказано: *«Петербургскіе жители едва могутъ вѣрить, что на свѣтѣ есть чистыя деньги»*. А на 45-й страницѣ еще горше того эпиграммы на Имянной Указъ, коимъ предписано учиться *Римскому праву*. Можно ли это было пропустить, и хорошо ли я сдѣлалъ, что эту дрянь остановилъ? Но вотъ, в. с., въ какое я поставленъ странное положеніе. Ежели бы это было пропущено, то враги мои радовались бы случаю говорить и уязвлять меня тѣмъ, что подъ моимъ начальствомъ пропущено дерзкое твореніе и простерли бы злобу до того, что мнѣ бы всю вину приписывали; а теперь, остановя это, я подвергаюсь другаго рода непріятностямъ. Дерзкій авторъ князь Шаликовъ кричитъ, злобится, вопіетъ. Онъ имѣетъ протекторовъ, коими всегда руководствуемъ былъ и наставляемъ, здѣсь въ Москвѣ г. Карамзинъ, а въ Петербургѣ закадычный его другъ Иванъ Ивановичъ Димитріевъ. А потому будьте увѣрены, в. с., что за сіе остановленіе дерзкаго умствованія дойдутъ на меня жалобы въ Петербургъ, и многіе за сіе вновь на меня возстанутъ, такъ какъ возстали бы, ежели бы я сіе пропустилъ; почему прошу в. с. оградить меня отъ стрѣлъ лукаваго, ищущаго всячески меня поражать, и успокоить меня одобреніемъ вашимъ сего моего осторожнаго поступка.

Но долженъ при семъ случаѣ сообщить в. с. мое размышленіе: къ таковымъ неосторожнымъ пропущеніямъ подало и впредь подавать будетъ поводъ злоупотребленіе § 180 нашего устава, гдѣ сказано сими словами: *лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры*, то судите, в. с., можно ли отвѣчать за таковое число лекторовъ, изъ коихъ нѣкоторые читаютъ такъ, что глаза ничего не видятъ

и всякую дрянь пропускаютъ, будучи разными парами омрачены. А по сему одно надежное средство во избѣжаніе отвѣта предложить осмѣливаюсь: 1-е, нужно, чтобы число лекторовъ было ограничено, и не болѣе ихъ было какъ 4 человѣка; 2-е, чтобы сіи 4 человѣка ни отъ кого не выбираемы были и ни отъ кого не зависѣли какъ отъ попечителя. Буде сіе, в. с., сдѣлать изволите въ отмѣну 180-го §, то я, выбравъ людей вѣрныхъ и надежныхъ, буду отвѣчать за нихъ и за себя, что предаю благоусмотрѣнію в. с.

За нужное почитаю сообщить в. с. копію съ письма г. ректора [1]), позволя себѣ нѣкоторыя размышленія. Г. Буле [2]) уже поѣхалъ въ Тверь, можетъ статься онъ будетъ о многомъ вопрошаемъ, коли не будетъ лгать, то кромѣ добра о мнѣ сказать нечего. Но вотъ замѣчаніе: г. Буле, будучи употребляемъ Ея Императорскимъ Высочествомъ [3]) для ея библіотеки и для другихъ коммисій, въ теченіи сего года весьма мало давалъ лекцій; теперь, будучи вытребованъ можетъ быть и надолго, опять курсъ свой прерываетъ; то лучше бы кажется было, ежели-бы его взяли отъ насъ и мы бы тогда могли дать его мѣсто другому достойному человѣку, который бы могъ быть при университетѣ безотлученъ и не занятъ другими порученіями, толь часто его отъ должности отторгающими.

Іюня 2-го дня, 1810 Москва.

P. S. Замѣчательно для меня, что е. с. князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ [4]) объ отправленіи г. Буле не ко мнѣ, а къ ректору отнестись изволилъ; также и то, что въ «Сѣверной Почтѣ» объ опредѣленіяхъ къ должностямъ печатаютъ, а о моемъ попечительствѣ не напечатали. Это кажется важнѣе, нежели пожалованіе 4-й степени Владиміра, о коемъ всегда печатаютъ.

2.

Я никакъ не чаялъ, что, писавъ довольно по сей почтѣ [illegible] найдусь въ необходимости еще васъ чтеніемъ сего [illegible] дать; но вотъ что подаетъ къ оному поводъ: 1-е, [illegible] ичъ Перовскій, въ бытность его здѣсь, мнѣ говорилъ, [illegible] Петербурга писалъ ко мнѣ о желаніи его быть [illegible]

[1]) Ректоромъ въ то время былъ Иванъ Андреевичъ [illegible] профессоръ исторіи, статистики и географіи; онъ былъ 12 [illegible]

[2]) І. Ѳ. Буле, орд. проф. Естественнаго права [illegible]

[3]) В. Кн. Екатериною Павловною.

[4]) Князь И. А. Гагаринъ, шталмейстеръ, [illegible] ровнѣ.

департаментѣ Сената, прося меня, чтобы я о томъ говорилъ графу Мамонову, яко оберъ-прокурору, увѣряя меня при томъ, что сіе в. с. угодно. Я поспѣшилъ сіе исполнить, и почитаю дѣло почти сдѣланнымъ, о чемъ къ в. с. и графъ Мамоновъ на сей же почтѣ писалъ, да и къ министру юстиціи сдѣлалъ о томъ отношеніе; а потому и нехудо бы было, ежели бы в. с. г. министру слово о семъ замолвили. Я искренно радъ буду, ежели сдѣлалъ вамъ угодное, ибо сіе есть и будетъ всегда стремленіемъ моего сердца и цѣлію моихъ поступковъ. 2-е. Г. статскій совѣтникъ и профессоръ Суворовъ [1]), о коемъ прилагаю у сего записку, желаетъ служить въ университетѣ. Не стану о немъ распространяться, а скажу только в. с., что онъ человѣкъ рѣдкій, и что у насъ въ университетѣ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равнаго нѣтъ, какъ по учености, такъ и по моральному характеру, и Николай Семеновичъ (?), который будетъ о немъ вашему сіятельству говорить, и князь Григорій Алексѣевичъ [2]) сіе засвидѣтельствуютъ. Я не смѣлъ формально о семъ вамъ сдѣлать представленія, какъ потому, что хотѣлъ прежде вѣдать волю в. с., такъ и потому, что г. Суворовъ въ отставкѣ съ пенсіею, почему и ходъ его опредѣленія долженъ быть особый, а скажу только мое мнѣніе, что по недостатку русскихъ профессоровъ, вамъ извѣстному, онъ человѣкъ намъ нужный [3]), а подробнѣе объяснитъ вамъ о немъ Николай Семеновичъ, очень коротко его знающій. На все сіе ожидаю вашего милостиваго разрѣшенія.

Москва. 2 іюня 1810 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Милостивый Государь!

При семъ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству копію съ представленія правленія къ его сіятельству относительно до типографіи; а при томъ донести вамъ, что вчера въ десятомъ часу получилъ эстафетою письмо изъ Твери отъ е. с. князя Гагарина, въ которомъ онъ ко мнѣ пишетъ, что Е. И. В. Великая Княгиня, имѣя соизволеніе Е. И. В. Государя Императора, приказала ему отнестись ко мнѣ о снабженіи отпускомъ г. профессора Буле, для пріѣзда его на время въ Тверь, и вслѣдствіе сего послалъ г. Артемьева къ г.

[1]) Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ, ординарный профессоръ высшей математики, † 1815.

[2]) Долгоруковъ.

[3]) Профессоръ Суворовъ, Высочайшимъ указомъ отъ 2-го іюля 1810 г., принятъ на службу въ университетъ.

военному губернатору, дабы выпросилъ для г. Буле, который хочетъ сего дня въ 10-мъ часу отправиться, подорожную. Обезображенную Аглаю остановилъ и, сверхъ того, просилъ г. Сущева съѣздить къ г. Шишкову и отъ него требовать обратно взятыхъ имъ экземпляровъ и объявить ему, что въ случаѣ, что онъ ихъ не возвратитъ, университетъ относится къ главнокомандующему. Благоволите и пр.

Иванъ Геймъ.

Іюня 1-го 1810.

3.

Два наши процесса, извѣстные в. с., то есть Панкевича [1]) съ Страховымъ [2]) и Чеботаревымъ [3]) и Рейса [4]) съ Ришаромъ, еще не прекратились, да думаю, и еще нѣсколько ихъ возникнетъ, ежели синдикомъ останется Горюшкинъ [5]), о коемъ въ мнѣніи моемъ я очень согласенъ съ тѣмъ, что в. с. о немъ мнѣ писать изволили. Это самое заставило меня думать какъ бы добрымъ образомъ отъ г. Горюшкина избавиться. Онъ самъ собою никогда просьбы въ отставку не подастъ, и мы этого не дождемся; но онъ болѣе 20-ти лѣтъ служитъ, то ничего не потеряетъ, ибо съ пенсіей получитъ можетъ отставку. На его же мѣсто просится человѣкъ предостойный, и отчасти в. с. извѣстный его безкорыстіемъ: нашъ оберъ-секретарь статскій совѣтникъ Сандуновъ [6]). Онъ учился и студентомъ былъ въ университетѣ; юриспруденцію такъ знаетъ, какъ мало есть людей ее знающихъ. Онъ у насъ первый оберъ-секретарь и дѣятельностію, и способностями, и безкорыстіемъ. Я, 6 лѣтъ будучи съ нимъ въ одномъ департаментѣ, могу сіе засвидѣтельствовать. Онъ берется и лекціи Горюшкина практическаго законоискуства читать и синдикомъ быть и обѣщается не только сіи процессы прекратить, но всѣ мѣры и силы употребить, чтобы оныхъ впредь не возникало; и я увѣренъ, что онъ сдержитъ слово, ибо онъ человѣкъ умный, острый, въ обращеніи пріятный и веселый. Наши

[1]) Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, ординарный профессоръ прикладной математики, † 1815.

[2]) Петръ Ивановичъ Страховъ, ординарный профессоръ опытной физики, ректоръ съ 1805—1807, † 1813.

[3]) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, ординарный профессоръ исторіи краснорѣчія и краснорѣчія, былъ ректоромъ, † 1815.

[4]) Ферд. Фридрихъ Рейсъ, заслуженный профессоръ химіи, † 1852.

[5]) Захарій Аникеевичъ Горюшкинъ, ординарный профессоръ российскаго практическаго законоискусства; съ 1803 г. былъ синдикомъ, въ 1811 г. уволенъ, † 1821 г. Не знаемъ, какіе были процессы, о которыхъ говоритъ Бутурлинъ,—въ исторіи Моск. Университета профессора Шевырева о нихъ не упоминается.

[6]) Николай Николаевичъ Сандуновъ—ординарный профессоръ практическаго уголовнаго судопроизводства; онъ въ 1811 г. занялъ мѣсто Горюшкина, † 1831.

русскіе профессоры всѣ его любятъ, ибо онъ былъ ихъ товарищъ, съ нѣмцами онъ скоро сдружится, ибо имѣетъ къ тому всѣ способности, три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій — знаетъ совершенно. Чего намъ лучше этого человѣка, и можно ли Горюшкина съ нимъ сравнить для всякой должности? Повѣрьте в. с., что онъ намъ есть полезное пріобрѣтеніе, и дѣла правленія совсѣмъ иной ходъ и теченіе при немъ возьмутъ. Онъ просилъ меня, чтобы я узналъ волю и наклонность в. с. Я, сообразя всѣ описанныя обстоятельства, подумалъ, что на совѣсти будетъ упрекъ, коли не донесу о семъ вамъ: а когда будетъ ваше соизволеніе, то г. Сандуновъ будетъ имѣть честь писать просительное письмо къ в. с. Сенатъ же онъ рѣшается совсѣмъ оставить, и все время, всѣ силы и способности посвятить на служеніе университета, яко его питомецъ.

Москва. Іюня 6 дня, 1810.

P. S. Формальное свѣдѣніе и указъ въ здѣшній Сенатъ о моей новой должности нуженъ необходимо и потому что я тогда, подобно другимъ Сенаторамъ, особыя должности имѣющимъ, могу записывать въ журналъ, что я по такимъ-то днямъ не присутствую по особо-порученнымъ дѣламъ; а тогда мнѣ и времени болѣе на все достанетъ, да и уже вѣрно знать буду, что я въ этомъ департаментѣ остаюсь, а не въ другой переведенъ буду.

4.

Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ на сегодняшней почтѣ, въ отвѣтъ на предписанія в. с. посланныхъ, за нужное почитаю в. с. донести, что о возложеніи на меня званія попечителя по сіе время еще не получено формальнаго свѣдѣнія или Указа въ здѣшній Сенатъ, что для всѣхъ тѣмъ удивительнѣе, что многіе указы, по числамъ гораздо послѣ состоявшіеся, давно въ Сенатѣ получены. Сверхъ сего доношу, что когда я спрашивалъ у кассира о суммѣ отпускаемой на канцелярію попечителя, то онъ мнѣ объявилъ, что оная принята г. Кочановскимъ [1]), который ко мнѣ не является, и ни о деньгахъ, ни о дѣлахъ никакого свѣдѣнія не доставляетъ, то и прошу в. с. предписать ему и о томъ и о другомъ, ежели за благо разсудите. Предписаніе в. с. съ адъюнктомъ Смирновымъ [1]), имѣлъ я честь получить

[1]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, академикъ, заслуженный профессоръ археологіи, русской и всеобщей исторіи и статистики, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, † 1842.

[2]) Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ, экстраординарный профессоръ россійскаго законовѣдѣнія. Онъ вышелъ въ отставку въ 1834 г.

и по оному непремѣнно исполню. Картина также получена и я ее препроводилъ въ совѣтъ при предложеніи. Не благоугодно ли будетъ в. с. спросить у г. министра юстиціи, почему по сіе время обо мнѣ нѣтъ въ здѣшній Сенатъ указа, я думаю, что отвѣчать ему будетъ весьма трудно, а взыскать на другихъ сіе замедленіе онъ долженъ строго и изслѣдовать, какія тому причины.

За нужное еще почитаю донести в. с., что г. профессоръ Гофманъ [1]) приходилъ ко мнѣ и сообщилъ слухи, кои онъ утверждаетъ быть достовѣрными, а потому долженствующими быть вамъ сообщенными. Онъ слышалъ: 1-е, что ботаническій садъ отойдетъ отъ насъ подъ вѣдѣніе медицинской конторы и что объ этомъ хлопочетъ и интригуетъ г. Всеволожскій [2]), бывшій медико-хирургической академіи вице-президентомъ; 2-е, что онъ, г. Всеволожскій, будетъ президентомъ медицинской конторы. О всемъ томъ просилъ онъ, г. Гофманъ, чтобы я в. с. донесъ непремѣнно, что̀ исполняя чрезъ сіе, не могу не сообщить мысль мою в. с., что ежели то истинно, что медицинская контора будетъ подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія, то весьма бы кажется прилично президентомъ здѣшней медицинской конторы быть никому иному, какъ попечителю Московскаго университета, и я бы охотно сіе званіе на себя принялъ. Вамъ извѣстно, что меня на сіе достанетъ и что свѣдѣніе латинскаго языка, понятія о химіи, ботаникѣ и медицинѣ не менѣе г. Всеволожскаго дѣлаютъ меня къ сему званію способнымъ.

Москва. 6 Іюня 1810.

5.

За нужное почитаю в. с. донести: 1-е, что свѣдѣніе о возложеніи на меня попечительства получено въ Сенатѣ, по отправленіи предъидущей почты, на коей я о неполученіи онаго имѣлъ честь къ в. с. писать; 2-е, дѣло г. Панкевича окончить я надежду всю имѣю и думаю, что въ непродолжительномъ времени сдѣлаю в. с. о томъ донесеніе; 3-е, къ миролюбивому окончанію дѣла г. Рейса съ Ришаромъ нѣтъ еще надежды, а упорство болѣе со стороны Ришара, коего я и вчера призывалъ и въ коемъ замѣчаю, кромѣ корыстолюбія, какое-то ябедническое направленіе, кѣмъ-то подстрекаемое и поддерживаемое. А дѣло такъ непорядочно ведено въ правленіи, что скоро его въ Сенатъ выпустить; 4-е, вошло ко мнѣ представленіе о крайне стѣсненномъ положеніи нашей типографіи, которую я сим осматривалъ, о чемъ на сихъ дняхъ буду имѣть честь в. с. представить, яко о

[1]) Георгъ-Францъ Гофманъ, ординарный профессоръ [illegible] г. 1824.

[2]) Всеволодъ Андреевичъ?

крайне нужномъ и отсрочки не терпящемъ дѣлѣ; 5-е, о гимназіи также буду имѣть честь вамъ представить.

Въ заключеніе прошу в. с., дабы я не могъ ошибиться, дать мнѣ ваше наставленіе, какъ поступить съ профессорами Баузе [1]) и Барсукомъ-Моисеевымъ [2]), коихъ несчастное положеніе вамъ извѣстно, и о коихъ г. ректоръ мнѣ уже неоднократно говоритъ, что нужно намъ отъ нихъ избавиться, ибо жалованье берутъ даромъ, а притомъ и всякія исторіи бываютъ, отъ нихъ же не дождемся, чтобы сами просьбы подали, почему и прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость сообщить на сіе вашъ образъ мыслей.

Москва. Іюня 9 дня, 1810.

6.

Хотя рекомендаціи О. А. [1]) о семъ письмоподателѣ толь полновѣсны, что онъ въ иной и нужды не имѣетъ, но я, бывши съ нимъ связанъ тѣснѣйшею его ко мнѣ прикосновенностію и ежедневнымъ обращеніемъ въ упражненіяхъ полезныхъ, обязанностію поставляю и съ моей стороны поручить его въ вашу милость и покровительство, яко человѣка мнѣ любезнаго и достойнаго. Я увѣренъ, что онъ оправдаетъ доброе наше о немъ мнѣніе.

О себѣ доношу, что чѣмъ болѣе вхожу въ подробности дѣлъ университетскихъ, тѣмъ болѣе вижу, что мое присутствіе здѣсь необходимо; но кромѣ сихъ наружныхъ по службѣ причинъ осмѣлюсь в. с. упомянуть и о внутреннихъ, отчасти всѣмъ извѣстныхъ. Жаль разстаться съ добрымъ кружкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, собирающимся въ убогое гнѣздо, которое отъ моего отсутствія разорится и разсѣется; и тѣмъ болѣе жаль, что изъ сего кружка нѣсколько подобныхъ сему письмоводителю молодыхъ добрыхъ людей образовалось да и впредь при помощи Божіей и руководствѣ добрыхъ людей, толь же благословенныхъ плодовъ и ожидать можно. Простите мнѣ, в. с., что я столь откровенно писать къ вамъ осмѣлился; сіе происходитъ отъ удостовѣренія, что премудрость вамъ любезна и пути ея свѣдомы,— я пишу не къ министру, а къ человѣку просвѣщенному лучами небесной истины, сердца его коснувшейся.

Молю ежедневно милосердаго Спасителя нашего, да милосердіе

---

[1]) Ѳедоръ Григорьевичъ Баузе, ординарный профессоръ римскаго права. Ректоръ въ 1808 г. Вышелъ въ отставку въ 1811 г., † 1812.

[2]) Ѳома Ивановичъ Барсукъ-Моисеевъ или Мойза, экстраординарный профессоръ физіологіи и діэтетики, † 1811 г.

[3]) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

дарность. Какъ возможно мнѣ при безчисленныхъ вашихъ занятіяхъ требовать на всѣ мои письма скорыхъ отвѣтовъ? Но простите мнѣ, м. г. ежели я васъ обременяю бумагами и частыми и пространными. Припишите сіе: 1-е, тому, что я горю усердіемъ ко благу службы и ввѣреннаго мнѣ мѣста, 2-е, что искреннѣйшая благодарность и сдѣланныя правила, не попуская меня самовластно дѣйствовать и тамъ, гдѣ бы я могъ самъ собою рѣшиться, бережливость и осторожность, чтобы не подать вамъ и тѣни сомнѣнія о моемъ будто бы неискреннемъ образѣ дѣйствованія, все сіе вкупѣ заставляетъ меня о всемъ васъ спрашивать, на все требовать вашего согласія и тамъ, гдѣ бы я иногда и самъ могъ рѣшиться. Вотъ отчего моя переписка съ вами толь пространна бываетъ, а мнѣ лишь нужно только знать то, о чемъ я паче всего забочусь, то есть, сообразно-ли вашимъ мыслямъ я дѣйствую и довольны-ли вы мною?

Даруй Боже вамъ постоянное тѣлесное здоровіе и силы къ понесенію бремени, на васъ возложеннаго, съ помощію Божіею, несомнѣнно я увѣренъ, что ваши благонамѣренные виды всѣ Его благословеніемъ увѣнчаны будутъ. Искренно увѣренъ я въ вашей ко мнѣ милости, доброжелательствѣ и стремленіи мнѣ благотворить и столько на то имѣю опытовъ, что мнѣ остается токмо благодарить Бога и умолять Его милосердіе, да оно пребудетъ съ вами неотлучно во всѣхъ путяхъ вашихъ и Ангелъ Его сильный, предшествуя вамъ, да отклоняетъ всѣ препятствія и преткновенія, могущія вамъ на благомъ пути вашемъ встрѣтиться. Касательно же пребыванія моего здѣсь, предаваясь въ томъ полной вашей волѣ, одинъ токмо прозорливому вниманію вашему пріемлю смѣлость сдѣлать вопросъ: что́ полезнѣе для блага службы: то ли, что я одинъ разъ въ мѣсяцъ буду присутствовать въ училищномъ правленіи и трактовать о дѣлахъ могущихъ и безъ меня рѣшиться, или то, что съ неутомимою дѣятельностію буду здѣсь имѣть надзоръ и работать въ пользу и подкрѣпленіе ввѣреннаго мнѣ округа? Сего кажется довольно и одно другого лучше. Еще тысячу разъ благодарю в. с., за успокоительныя обнадеживанія кои именно суть цѣлительный бальзамъ для ранъ сердцу моему, нуждами и стѣсненіемъ нанесенныхъ. Благо мнѣ что я, бѣдный, уязвленный Іерихонскій странникъ, нашелъ въ васъ благотворнаго Самарянина, снисходящаго проливать елей утѣшенія во встревоженную многими скорбями мою душу.

Въ дополненіе къ оффиціальнымъ бумагамъ, на сей же почтѣ посылаемымъ, доношу в. с., что по каждой бумагѣ вашей на другой же день даваемы бываютъ отъ меня предложенія и каждая почта очищается отвѣтами къ вамъ на оныя. Касательно-жъ г. Каченовскаго скажу, что онъ не разсудилъ за-благо со мною и по

сіе время видѣться, да какъ слышу и почитаетъ сіе для него ненужнымъ, а о газетирствѣ (sic) мнѣ говорилъ г. Геймъ, а не онъ, Качеповскій. О желаемомъ же вами человѣкѣ для обработыванія бумагъ, подумавши и посовѣтовавшись съ добрыми людьми, буду заботиться и донесу неумедля в. с. Одинъ уже къ вамъ отправленъ, мое такъ сказать дитя, то-есть Курбатовъ [1]), но по множеству дѣлъ думаю одного вамъ не достаточно. Между тѣмъ, пока мы здѣсь придумаемъ, кого вамъ представить, осмѣливаюсь дать вамъ совѣтъ послать за тѣмъ же самымъ Кудрявцевымъ и поручить ему, что вамъ угодно, онъ хотя и не въ вашей командѣ, но услужить вамъ не отречется, какъ по усердію его къ общему благу, такъ и по тому что ему натверженно, чтобы онъ въ сердцѣ своемъ питалъ къ в. с. безпредѣльную преданность и почтеніе. Я, желая вамъ угодить и ускорить вашему преднамѣренію, на сей же почтѣ писалъ къ нему, чтобы онъ къ вамъ при первомъ востребованіи немедленно явился и принялъ бы на себя обработать всѣ ваши порученія. Онъ же, можетъ быть, вамъ и человѣка добраго представитъ. Я, взявъ его изъ студентовъ тому 12 лѣтъ, былъ по благости Божіей орудіемъ его наружнаго и внутренняго благоденствія, то и имѣю право приказать ему такъ, что онъ исполнить долженъ, и смѣю увѣрить в. с., что единая развѣ болѣзнь, а впрочемъ ничто не воспретитъ ему употребить себя на услуги ваши.

Вотъ нечувствительно письмо мое сдѣлалось довольно пространно, но и не могло быть нетаковымъ, ибо я, отвѣтствуя на каждый пунктъ вашего милостиваго ко мнѣ письма, долженъ былъ писать, слѣдуя по порядку матеріи онаго.

Іюня 13 дня, 1810. Москва.

P. S. Сейчасъ до моего свѣдѣнія и самымъ вѣрнымъ образомъ дошло, что г. Буле въ бытность въ Твери подалъ пребольшой прожектъ и штатъ, какъ бы въ 3-хъ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ Принцу Голштейнъ-Ольденбургскому [2]), сдѣлать новую организацію, такъ чтобы сіи губерніи по училищной части не зависѣли совсѣмъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, а чтобы имѣли особаго попечителя, въ какое званіе онъ себя назначаетъ и полагаетъ себѣ жалованья 15,000 р. въ годъ. Оклады всѣмъ вообще пребольшіе, выписка профессоровъ новыхъ и заведеніе большихъ училищъ, штатъ преогромный, но преудивительный. Ко мнѣ пишетъ тотъ, кто его чи-

---

[1]) Петръ Александровичъ Курбатовъ, женатъ былъ на Прасковьѣ Алексѣевнѣ Перовской, воспитанницѣ гр. Алексѣя Кириловича.

[2]) Принцъ Петръ-Фридрихъ-Георгій Ольденбургскій, первый супругъ Великой Княгини Екатерины Павловны, † 1812 г.

талъ. Что изъ сего выйдетъ, я не знаю, но за должность почелъ в. с. о семъ донести.

9.

Въ ожиданіи дѣлаемыхъ совѣтомъ соображеній о перемѣщеніи студентовъ медико-хирургической академіи, за необходимо нужное почелъ я сдѣлать в. с. формальное по сему предмету здѣсь прилагаемое представленіе, коимъ ускорить просилъ меня г. ректоръ, сообща мнѣ слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: 1-е, г. Всеволожскій, согласясь съ г. Фалѣевымъ, у коего нанимали они для тѣхъ студентовъ домъ, употребляютъ всѣ силы, чтобы въ семъ домѣ студенты остались для доставленія г. Фалѣеву выгодъ, платимыхъ нынѣ 5000 наймовъ, и желаетъ безъ вѣдома вашего и моего вновь законтрактоваться съ нимъ, Фалѣевымъ, что кажется мнѣ и не очень безинтересно, да и довольно дерзко. 2-е, г. Фалѣевъ, будучи въ Петербургѣ, употребляетъ интриги и ходатайства, дабы сей его домъ былъ взятъ въ наймы, опираясь на одобреніе и планы г. Всеволожскаго, который уже и разглашаетъ здѣсь, что сіе непремѣнно исполнится.

А такъ какъ в. с. предварительно извѣстно, да и я имѣлъ честь писать къ вамъ, что, по развратности сихъ избалованныхъ студентовъ, необходимо нужно, для удержанія ихъ въ предѣлахъ благопристойности, чтобы они были помѣщены въ самомъ зданіи университета, то буде, преднамѣреваемое за мыслями гг. Всеволожскаго и Фалѣева, удержаніе дома сего подъ ними совершится, сіе для насъ будетъ и обидно и вредно по послѣдствіямъ, отъ невозможности содержать тѣхъ студентовъ въ надлежащемъ порядкѣ, а потому прошу в. с. сдѣлать милость попещися объ отвращеніи сей угрожающей намъ непріятности, о коей я не могу не заботиться, потому что все то на моихъ плечахъ ляжетъ; мѣры же къ тому могутъ быть слѣдующія: 1-е, скорѣйшее исходатайствованіе Бекетовскаго дома для помѣщенія въ немъ музеевъ, кабинета, библіотеки и прочаго; или 2-е, ассигнованіе суммы на наемъ ближайшихъ домовъ по разсмотрѣнію совѣта, или по моему. А поелику Бекетовскій домъ уже есть казенный, и деньги за него заплачены, то думаю, что весьма удобно будетъ онаго пріобрѣтеніе, коимъ мы великое помѣщеніе и спокойствіе получимъ. Смѣю льститься надеждою, что в. с., находя доселѣ всѣ мои представленія дѣльными и цѣлію единое благо общее имѣющими, простите мнѣ, что я толь много васъ моими бумагами обременяю.

Москва. Іюня 16 дня, 1810.

P. S. Деньги на канцелярію за текущую треть я принялъ, такъ какъ г. Качеповскій объявилъ, что они были присланы токмо по 1-е Мая.

10.

Не обрѣтая словъ довольно сильныхъ и въ полнотѣ могущихъ
зъявить чувствованія новой безпредѣльной благодарности, возбужден-
ой въ сердцѣ моемъ возвѣщеніемъ отъ в. с. о новой Монаршей ми-
ости, вашимъ благодѣтельнымъ ходатайствомъ мнѣ доставленной,
ключаю сіе толь живое ощущеніе въ глубинѣ сердца моего, изъ
его всѣми силами духа взываю: да воздасть вамъ Господь Богъ своею
илостію, да укрѣпитъ васъ, да благословитъ и утѣшитъ. Къ симъ
ожеланіямъ присоединяются и простодушныя молитвы моего семей-
тва и невинныхъ дѣтей, коимъ я твержу: молитесь за него Богу, онъ
ашъ благодѣтель, онъ подкрѣпитель нашей бѣдности! Вотъ, м. г.,
ся та благодарность, которую я воздать вамъ въ силахъ!

За должное почитаю донести в. с., что экзамены наши приходятъ
ь окончанію. 1-го Іюля назначилъ я быть торжественному акту. При
емъ, съ откровенностію вами мнѣ позволенною, осмѣливаюсь признать-
и, что соблазнился я великимъ числомъ студентовъ г. профессоромъ
нтонскимъ [1]) представленнымъ, коихъ до 30-ти ему угодно было
редставить. Я думаю, что я щедрость сію долженъ буду немного
ріостановить по дошедшимъ до меня нѣкоторымъ слухамъ, якобы
нтонскій свои виды тутъ выполняетъ. А чрезъ таковое легкое произ-
еденіе въ студенты и на весь корпусъ навлечь можетъ нареканіе,
ли подозрѣнія о злоупотребленіи, то ежели мы, сію быстроту пріо-
тановя, и возбудимъ нѣкоторыя неудовольствія, все сіе лучше нежели
акіе нибудь толки, что студентство подарками покупается, о коихъ тол-
ахъ, думаю, и в. с. увѣдомлены были. Къ остановленію же сего побуж-
аюсь я и тѣмъ, что изъ числа представленныхъ 30-ти студентовъ
сть нѣкоторыя дѣти сущія по 12-ти и 13-ти лѣтъ, да и въ пансіонѣ
есьма недавно, то есть ли какое вѣроятіе, чтобы они успѣли окончить
урсъ, каковаго для удостоенія въ студенты требуется? О чемъ за
ужное почелъ предварить в. с. на случай, буде бы на сію мною
дѣланную остановку дошли до васъ жалобы.

О неутомимой моей вообще по всѣмъ дѣламъ дѣятельности, мо-
ете в. с. заключить и по числу моихъ къ вамъ представленій, изъ
оихъ кажется ненужнаго я ни одного не дѣлалъ. Пресчастливъ я
уду и паче мѣры доволенъ ежели всѣ мои шаги и образъ дѣйствова-
ія вашего одобренія удостоятся.

Іюня 23 дня, 1810. Москва.

---

[1]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, директоръ Университ. Благород.
нсіона, заслуженный профессоръ, ректоръ (въ 1818). Въ 1810 былъ онъ профессо-
мъ натуральной исторіи, сельскаго хозяйства и минералогіи, † 1848.

11.

Я имѣлъ честь писать къ в. с. мои разсужденія о цензурѣ и неудобствѣ въ исполненіи 180-го пункта нашего устава, въ коемъ сказано: „*лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры*“ а вкупѣ съ симъ представлялъ в. с. и мысль, какимъ образомъ предупредить непріятности, могущія произойти отъ неосторожнаго пропусканія книгъ, т. е., чтобы число лекторовъ ограничить и выборъ оныхъ отдать на волю попечителя, безъ каковой предосторожности и безъ перемѣны сего въ 180-мъ пунктѣ положенія, непрестанно намъ хлопоты встрѣчаться могутъ. Я рѣшился принять смѣлость в. с. о семъ напомнить, потому что на сихъ дняхъ еще появилась въ печати книга до моего вступленія пропущенная, въ коей личность очень извѣстнаго человѣка обижена, а именно князя Маврокордато [1]). Въ запискахъ принца де-Линя, описывая дворъ сего господаря, представляетъ авторъ картину, коей выписку слово въ слово изъ печатной книги сдѣлавъ, при семъ прилагаю. Я слышалъ, что князь Маврокордато симъ очень оскорбляется.

Изъ сего в. с. изволите видѣть, какіе у насъ лекторы, и чего еще ожидать можно, ежели, какъ сказано въ уставѣ, всѣ профессора и всѣ адъюнкты суть лекторы. Истинно в. с., я крайне о семъ безпокоюсь; вамъ извѣстно, что у меня много непріятелей, и могутъ всю вину на меня взвалить, а какъ мнѣ возможно за всѣхъ лекторовъ, въ томъ числѣ и за пьяныхъ, отвѣчать. Какъ же скоро число ихъ будетъ ограничено и выборъ предоставленъ мнѣ, тогда я выберу людей достойныхъ, въ коихъ будучи увѣренъ —буду и спокоенъ.

Усерднѣйше прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость, какъ сей пунктъ, такъ и нѣкоторые другіе удостоить вашего вниманія и разрѣшенія, или волю вашу и согласованіе изъявить хотя на тѣ изъ моихъ представленій, кои в. с. важнѣйшими почитать изволите.

Москва. Іюня 30 дня, 1810.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ книгѣ подъ названіемъ: *Избранныя философическія, политическія и военныя творенія принца де Линя, изданныя однимъ изъ его пріятелей, служащія продолженіемъ къ твореніямъ его, изданнымъ госпожею Сталь-Голстейнъ и г. Пропіакомъ. Переводъ съ французскаго. С. Немир.*“, пропущенной цензурою и напечатанной въ Москвѣ 1810 года. Во второмъ томѣ на страницѣ 65 содержится слѣдующее:

[1]) Князь Александръ Маврокордато, господарь Молдавскій, удалившійся въ Россію въ 1784 г.

военному губернатору, дабы выпросилъ для г. Буле, который хочетъ сего дня въ 10-мъ часу отправиться, подорожную. Обезображенную Аглаю остановилъ и, сверхъ того, просилъ г. Сущева съѣздить къ г. Шишкову и отъ него требовать обратно взятыхъ имъ экземпляровъ и объявить ему, что въ случаѣ, что онъ ихъ не возвратитъ, университетъ относится къ главнокомандующему. Благоволите и пр.

Иванъ Геймъ.
Іюня 1-го 1810.

3.

Два наши процесса, извѣстные в. с., то есть Панкевича [1]) съ Страховымъ [2]) и Чеботаревымъ [3]) и Рейса [4]) съ Ришаромъ, еще не прекратились, да думаю, и еще нѣсколько ихъ возникнетъ, ежели синдикомъ останется Горюшкинъ [5]), о коемъ въ мнѣніи моемъ я очень согласенъ съ тѣмъ, что в. с. о немъ мнѣ писать изволили. Это самое заставило меня думать какъ бы добрымъ образомъ отъ г. Горюшкина избавиться. Онъ самъ собою никогда просьбы въ отставку не подастъ, и мы этого не дождемся; но онъ болѣе 20-ти лѣтъ служитъ, то ничего не потеряетъ, ибо съ пенсіей получитъ можетъ отставку. На его же мѣсто просится человѣкъ предостойный, и отчасти в. с. извѣстный его безкорыстіемъ: нашъ оберъ-секретарь статскій совѣтникъ Сандуновъ [6]). Онъ учился и студентомъ былъ въ университетѣ; юриспруденцію такъ знаетъ, какъ мало есть людей ее знающихъ. Онъ у насъ первый оберъ-секретарь и дѣятельностію, и способностями, и безкорыстіемъ. Я, 6 лѣтъ будучи съ нимъ въ одномъ департаментѣ, могу сіе засвидѣтельствовать. Онъ берется и лекціи Горюшкина практическаго законоискуства читать и синдикомъ быть и обѣщается не только сіи процессы прекратить, но всѣ мѣры и силы употребить, чтобы оныхъ впредь не возникало; и я увѣренъ, что онъ сдержитъ слово, ибо онъ человѣкъ умный, острый, въ обращеніи пріятный и веселый. Наши

[1]) Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, ординарный профессоръ прикладной математики, † 1815.

[2]) Петръ Ивановичъ Страховъ, ординарный профессоръ опытной физики, ректоръ съ 1805—1807, † 1813.

[3]) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, ординарный профессоръ исторіи, нравоученія и краснорѣчія, былъ ректоромъ, † 1815.

[4]) Ферд. Фридрихъ Рейсъ, заслуженный профессоръ химіи, † 1852.

[5]) Захарій Аникеевичъ Горюшкинъ, ординарный профессоръ россійскаго практическаго законоискусства; съ 1803 г. былъ синдикомъ; въ 1811 г. уволенъ; † 1821 г. Не знаемъ, какіе были процессы, о которыхъ говоритъ Кутузовъ,—въ исторіи Моск. Университета профессора Шевырева о нихъ не упоминается.

[6]) Николай Николаевичъ Сандуновъ—ординарный профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; онъ въ 1811 г. занялъ мѣсто Горюшкина, † 1832.

русскіе профессоры всѣ его любятъ, ибо онъ былъ ихъ товарищъ, съ нѣмцами онъ скоро сдружится, ибо имѣетъ къ тому всѣ способности, три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій — знаетъ совершенно. Чего намъ лучше этого человѣка, и можно ли Горюшкина съ нимъ сравнить для всякой должности? Повѣрьте в. с., что онъ намъ есть полезное пріобрѣтеніе, и дѣла правленія совсѣмъ иной ходъ и теченіе при немъ возьмутъ. Онъ просилъ меня, чтобы я узналъ волю и наклонность в. с. Я, сообразя всѣ описанныя обстоятельства, подумалъ, что на совѣсти будетъ упрекъ, коли не донесу о семъ вамъ; а когда будетъ ваше соизволеніе, то г. Сандуновъ будетъ имѣть честь писать просительное письмо къ в. с. Сенатъ же онъ рѣшается совсѣмъ оставить, и все время, всѣ силы и способности посвятить на служеніе университета, яко его питомецъ.

Москва. Іюня 6 дня, 1810.

P. S. Формальное свѣдѣніе и указъ въ здѣшній Сенатъ о моей новой должности нуженъ необходимо и потому что я тогда, подобно другимъ Сенаторамъ, особыя должности имѣющимъ, могу записывать въ журналъ, что я по такимъ-то днямъ не присутствую по особо-порученнымъ дѣламъ; а тогда мнѣ и времени болѣе на все достаетъ, да и уже вѣрно знать буду, что я въ этомъ департаментѣ остаюсь, а не въ другой переведенъ буду.

4.

Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ на сегодняшней почтѣ, въ отвѣтъ на предписанія в. с. посланныхъ, за нужное почитаю в. с. донести, что о возложеніи на меня званія попечителя по сіе время еще не получено формальнаго свѣдѣнія или Указа въ здѣшній Сенатъ, что для всѣхъ тѣмъ удивительнѣе, что многіе указы, по числамъ гораздо послѣ состоявшіеся, давно въ Сенатѣ получены. Сверхъ сего доношу, что когда я спрашивалъ у кассира о суммѣ отпускаемой на канцелярію попечителя, то онъ мнѣ объявилъ, что оная принята г. Кочановскимъ [1]), который ко мнѣ не является, и ни о деньгахъ, ни о дѣлахъ никакого свѣдѣнія не доставляетъ, то и прошу в. с. предписать ему и о томъ и о другомъ, ежели за благо разсудите. Предписаніе в. с. съ адъюнктомъ Смирновымъ [1]), имѣлъ я честь получить

[1]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, академикъ, заслуженный профессоръ археологіи, русской и всеобщей исторіи и статистики, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, † 1842.

[2]) Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ, экстраординарный профессоръ россійскаго законовѣдѣнія. Онъ вышелъ въ отставку въ 1834 г.

в. с. пріемлю смѣлость объяснить, что остановка или причина тому та, что вдругъ дать о немъ предложеніе, безъ формальнаго представленія о немъ совѣта, я не рѣшился, не зная, будетъ ли то вамъ угодно, чтобы я толь самовластно дѣйствовалъ, а господа профессора, совѣтъ составляющіе, не знаю что-то имѣютъ противъ г. Смирнова, и какъ будто на свѣдѣнія его и на способности не надѣясь, не дѣлаютъ движеній о представленіи его въ адъюнкты; и такъ, прошу вашего наставленія и приказанія, какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить, такъ чтобы и вашу волю исполнить и профессоровъ не оскорбить.

Въ разсужденіи же г. Шмица, о коемъ гр. Михаилъ Васильевичъ хлопочетъ, я какъ будто угадалъ мысли ваши, ибо при самой первой его просьбѣ сказалъ ему, что я безъ воли вашей на сіе рѣшиться не имѣю права, что в. с. о семъ представлю, и что буду ожидать вашего на то предписанія; почему по показанію вашего письма оное ему и покажу.

Москва. Іюня 30, 1810.

13.

Не имѣвъ счастія на послѣдней почтѣ ни оффиціальной бумаги, ни письма отъ васъ получить, истинно забочусь паче всего о здоровьѣ вашемъ, и отъ всего сердца желаю, чтобы не болѣзнь была виною молчанія вашего. Нашъ актъ кончился благополучно, собраніе было хотя и многочисленно, но въ порядкѣ. По изъявленію желанія графа Ивана Васильевича [1]), мы избрали его въ наши почетные члены. Вчерашняго дня я самъ отвезъ ему дипломъ, чѣмъ онъ очень былъ доволенъ, и столь ласково принялъ, что два раза меня облобызалъ, увѣряя о добромъ его расположеніи какъ къ университету, такъ и ко мнѣ. Изъ чего съ вѣроятіемъ можно заключить, что онъ всякое пособіе намъ готовъ сдѣлать, какъ по гимназіи, такъ и по типографіи, о коихъ я имѣлъ честь послать къ в. с. мои представленія, яко о предметахъ самонужнѣйшихъ и дальнѣйшей отсрочки не терпящихъ.

Въ заключеніе, за должное почитаю предварить в. с., что въ непродолжительномъ времени я долженъ буду сдѣлать представленіе объ увольненіи отъ службы профессоровъ Баузе и Барсука-Моисеева, кои изъ предѣловъ всякой благопристойности вышли. Первый дома пьетъ мертвую чашу и разныя производитъ въ университетѣ сцены, кои мирить и успокоивать весьма трудно; а вторый въ безобразномъ видѣ шатаясь по улицамъ, въ университетскомъ мундирѣ ходитъ по погребамъ и по кофейнымъ домамъ, и разные смѣхотворные и шумные про-

[1]) Гудовича, въ то время главнокомандующаго.

изводить анекдоты, а потому, мнѣ кажется, лучше всего представить о нихъ, не упоминая о сихъ дѣйствіяхъ,—сказать только, что они за слабостію, старостію и болѣзнями представляются къ увольненію отъ службы.

Москва. Іюля 4 дня, 1810.

14.

По стеченію обстоятельствъ обрѣтаюсь въ необходимости на одной почтѣ утруждать в. с. тремя письмами, забывъ въ двухъ предъидущихъ включить матеріи, о коихъ теперь объясниться съ вами пріемлю смѣлость. Совѣтъ, получа отъ меня предложеніе, основанное на предписаніи в. с., о пріисканіи наемнаго дома для помѣщенія студентовъ медико-хирургической академіи, поручилъ Артемьеву осмотрѣть дома, въ окрестностяхъ университета состоящіе, изъ коихъ яко одинъ изъ ближайшихъ былъ осматриваемъ и домъ шурина моего князя Алексѣя Ивановича Долгорукова, съ коимъ живетъ и дядя князь Григорій Алексѣевичъ, который, будучи знакомъ съ гг. профессорами, просилъ ихъ объ осмотрѣ сего дома, и самъ даже водилъ по всѣмъ его частямъ ректора и Чеботарева. Я былъ тутъ совсѣмъ лицо постороннее. Вдругъ изъ сего вышли разглашенія, якобы я натягиваю для выгодъ моего шурина нанять сей домъ и даю чрезмѣрно дорогую сумму за наемъ онаго.

Тутъ вступились люди корыстолюбивые, желающіе и свои домы отдать въ наймы, и сбирающіеся уже на меня жаловаться, что я нанялъ домъ шурина моего, яко къ нему пристрастный человѣкъ. Объ этомъ по Москвѣ барабанятъ, и недоброжелатели мои могутъ, доведя сіи слухи до Петербурга, обвинить меня и въ корыстолюбіи и въ пристрастіи, коихъ, какъ вамъ извѣстно, всегда я гнушаюсь. В. с. болѣе всякаго вѣдомо, что ни дома шурина моего я не нанялъ, ибо о немъ вамъ представилъ на разрѣшеніе, да знаете вы и то, что вообще сей наемъ и состояться не можетъ, поелику, какъ вы ко мнѣ писать изволите, домъ Фалѣева нанятъ на годъ и участь академіи еще не рѣшена, слѣдовательно никто кромѣ васъ не можетъ отразить сіи слухи, кои непремѣнно до Петербурга дойдутъ; также никто, кромѣ васъ, не можетъ меня оградить отъ стрѣлъ зависти и злобы, на меня устремленныхъ отъ людей недоброжелательствующихъ, ловящихъ каждый случай къ обвиненію меня въ чемъ либо предосудительномъ, какъ в. с. то видѣли, и какъ теперь еще изъ сего усмотрѣть изволите. По таковымъ обстоятельствамъ полагая за необходимое о всемъ томъ в. с. предувѣдомить и просить о защищеніи меня противъ сихъ слуховъ, вредить мнѣ могущихъ, заключаю сіе тѣмъ, что не только для моего

шурина, но для себя самого неудобенъ я (sic) имѣть виды корыстолюбивые и пристрастные, и что образъ дѣйствованія моего и въ сенатѣ доказалъ сію истину толь велегласно, что самая лютая моихъ враговъ злоба укоряла меня болѣе въ пылкости, а не въ пристрастіи. Предая вамъ, яко моему единственному благодѣтелю, все сіе на благоусмотрѣніе, прошу васъ быть увѣреннымъ, что ходъ сего дѣла извѣстенъ *общему нашему знакомому* [1]) и что я тутъ ни мало натяжки не дѣлалъ, а, напротивъ того, забывъ родство и дружбу, а помня долгъ службы и чести, даже ополчался противъ сего найма, который мнѣ дорогъ казался, отъ чего сдѣлалось у меня и съ дядюшкою нѣкоторый родъ охлажденья, о коемъ *общій нашъ знакомый* вамъ засвидѣтельствуетъ.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

P. S. О двухъ предметахъ еще осмѣливаюсь в. с. напомнить: 1, о доставленіи мнѣ бумагъ вашей канцеляріи, оставленныхъ въ Петербургѣ запечатанными г. Козановскимъ и необходимо мнѣ нужнымъ, какъ для справокъ, такъ и паче для того, чтобы ошибкою не поступить противъ распоряженій вами сдѣланныхъ; 2, о побужденіи г. министра финансовъ, чтобы здѣшнему казначейству далъ о моихъ столовыхъ деньгахъ предписаніе, коего донынѣ здѣсь въ казначействѣ не получено.

15.

Такъ-какъ по предписанію в. с. о суммахъ медико-хирургической академіи, естественно истекаетъ слѣдствіе, что сіи суммы будутъ какъ на отчетѣ всего университетскаго правленія вообще, такъ и кассира частно, то дабы не подпасть отвѣтственности и не быть подвержену какимъ либо отъ недоразумѣнія могущимъ произойти со стороны академіи неудовольствіямъ, покорнѣйше прошу в. с. снабдить меня полнымъ наставленіемъ объ образѣ выдачъ изъ оной суммы; а поелику, какъ вамъ извѣстно всѣ наши выдачи и расплаты дѣлаются по опредѣленіямъ университетскаго правленія до извѣстнаго количества, а свыше онаго не иначе какъ по разрѣшенію высшаго начальства, то желалъ бы я, касательно и сей новой въ вѣдомство наше поступающей суммы, знать, тѣмъ ли самымъ законамъ и правиламъ оная, какъ въ содержаніи такъ и въ расходахъ подвержена будетъ, на каковыхъ основаніяхъ и выдача и издержки изъ собственной университетской суммы дѣлаются.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

[1]) Поздѣеву.

16.

Вчера имѣлъ я великое и давно желанное мною удовольствіе быть въ Горенкахъ! Не могъ не удивляться богатствамъ произведеній натуры въ толь благолѣпномъ порядкѣ и полнотѣ собранныхъ, и, учась читать книгу натуры уже нѣсколько лѣтъ, взирая на сіи пламенныя и толь говорящія ея письмена, былъ бы я въ полномъ восхищеніи въ прекрасныхъ сихъ предѣлахъ, ежели бы оно не охлаждалось пустотою, происходящею отъ отсутствія достопочтеннаго и драгоцѣннаго мнѣ благодѣтельнаго хозяина, коего воспоминаніе, представляясь мнѣ при каждомъ шагѣ, заставляло меня воображать, сколь сугубо бы моя радость умножилась, если бы его самого видѣлъ, и съ нимъ въ сихъ очаровательныхъ чертогахъ о натурѣ и искусствѣ бесѣдовалъ. Такъ, м. г., препроводя день въ Горенкахъ, безпрестанно мысль моя обращалась къ вамъ съ благодарными къ вамъ чувствованіями, какъ за то, что вы любите натуру, любите науки, такъ и за то, что вы мнѣ благодѣтель, и что потому все вамъ принадлежащее для меня любезно, пріятно, восхитительно. Дай Богъ, чтобы я вскорѣ имѣлъ счастіе васъ видѣть и изустно изъявить вамъ чувствованія сердечной моей приверженности.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

17.

Чувствительнѣйшую отъ всего сердца в. с. приношу благодарность за помѣщеніе г. Суворова, который, конечно, оправдаетъ ваше для него лестное доброе мнѣніе и содѣлается еще болѣе милостей вашихъ достойнымъ. За нужное почелъ я представить в. с. копію съ бумаги, присланной ко мнѣ отъ г. Всеволожскаго, и въ оффиціальномъ моемъ донесеніи, не говоря о ней ни худого, ни добраго, а просто на благоусмотрѣніе в. с. оную представляя, здѣсь партикулярно пріемлю смѣлость сдѣлать мое размышленіе, что сіи г. Всеволожскаго распоряженія отнюдь мнѣ не нравятся по слѣдующимъ причинамъ: 1, пишетъ онъ, что какое-то его хозяйственное правленіе, о коемъ мы не вѣдаемъ, что оно такое, и утвержденное ли присутственное мѣсто, будетъ по сообщеніямъ требовать денегъ отъ нашего правленія; это для университета, яко для мѣста старшаго, крайне уничижительно и похоже на то, какъ будто бы наше правленіе подъ указомъ ихъ правленія состояло; 2, г. Всеволожскій меня самаго ордеруетъ и пишетъ: „которому ваше превосходительство прикажите отпускать“. Это дерзко, неприлично и обидно.

талъ. Что изъ сего выйдетъ, я не знаю, но за должность почелъ в. с. о семъ донести.

9.

Въ ожиданіи дѣлаемыхъ совѣтомъ соображеній о перемѣщеніи студентовъ медико-хирургической академіи, за необходимо нужное почелъ я сдѣлать в. с. формальное по сему предмету здѣсь прилагаемое представленіе, коимъ ускорить просилъ меня г. ректоръ, сообща мнѣ слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: 1-е, г. Всеволожскій, согласясь съ г. Фалѣевымъ, у коего нанимали они для тѣхъ студентовъ домъ, употребляютъ всѣ силы, чтобы въ семъ домѣ студенты остались для доставленія г. Фалѣеву выгодъ, платимыхъ нынѣ 5000 наймовъ, и желаетъ безъ вѣдома вашего и моего вновь законтрактоваться съ нимъ, Фалѣевымъ, что кажется мнѣ и не очень безинтересно, да и довольно дерзко. 2-е, г. Фалѣевъ, будучи въ Петербургѣ, употребляетъ интриги и ходатайства, дабы сей его домъ былъ взятъ въ наймы, опираясь на одобреніе и планы г. Всеволожскаго, который уже и разглашаетъ здѣсь, что сіе непремѣнно исполнится.

А такъ какъ в. с. предварительно извѣстно, да и я имѣлъ честь писать къ вамъ, что, по развратности сихъ избалованныхъ студентовъ, необходимо нужно, для удержанія ихъ въ предѣлахъ благопристойности, чтобы они были помѣщены въ самомъ зданіи университета, то буде, преднамѣреваемое за мыслями гг. Всеволожскаго и Фалѣева, удержаніе дома сего подъ ними совершится, сіе для насъ будетъ и обидно и вредно по послѣдствіямъ, отъ невозможности содержать тѣхъ студентовъ въ надлежащемъ порядкѣ, а потому прошу в. с. сдѣлать милость попещися объ отвращеніи сей угрожающей намъ непріятности, о коей я не могу не заботиться, потому что все то на моихъ плечахъ ляжетъ; мѣры же къ тому могутъ быть слѣдующія: 1-е, скорѣйшее исходатайствованіе Бекетовскаго дома для помѣщенія въ немъ музеевъ, кабинета, библіотеки и прочаго; или 2-е, ассигнованіе суммы на наемъ ближайшихъ домовъ по разсмотрѣнію совѣта, или по моему. А поелику Бекетовскій домъ уже есть казенный, и деньги за него заплачены, то думаю, что весьма удобно будетъ онаго пріобрѣтеніе, коимъ мы великое помѣщеніе и спокойствіе получимъ. Смѣю льститься надеждою, что в. с., находя доселѣ всѣ мои представленія дѣльными и цѣлію единое благо общее имѣющими, простите мнѣ, что я толь много васъ моими бумагами обременяю.

Москва. Іюня 16 дня, 1810.

P. S. Деньги на канцелярію за текущую треть я принялъ, такъ какъ г. Каченовскій объявилъ, что они были присланы токмо по 1-е Мая.

10.

Не обрѣтая словъ довольно сильныхъ и въ полнотѣ могущихъ изъявить чувствованія новой безпредѣльной благодарности, возбужденной въ сердцѣ моемъ возвѣщеніемъ отъ в. с. о новой Монаршей милости, вашимъ благодѣтельнымъ ходатайствомъ мнѣ доставленной, заключаю сіе толь живое ощущеніе въ глубинѣ сердца моего, изъ коего всѣми силами духа взываю: да воздастъ вамъ Господь Богъ своею милостію, да укрѣпитъ васъ, да благословитъ и утѣшитъ. Къ симъ пожеланіямъ присоединяются и простодушныя молитвы моего семейства и невинныхъ дѣтей, коимъ я твержу: молитесь за него Богу, онъ вашъ благодѣтель, онъ подкрѣпитель нашей бѣдности! Вотъ, м. г., вся та благодарность, которую я воздать вамъ въ силахъ!

За должное почитаю донести в. с., что экзамены наши приходятъ къ окончанію. 1-го Іюля назначилъ я быть торжественному акту. При семъ, съ откровенностію вами мнѣ позволенною, осмѣливаюсь признаться, что соблазнился я великимъ числомъ студентовъ г. профессоромъ Антонскимъ [1]) представленнымъ, коихъ до 30-ти ему угодно было представить. Я думаю, что я щедрость сію долженъ буду немного пріостановить по дошедшимъ до меня нѣкоторымъ слухамъ, якобы Антонскій свои виды тутъ выполняетъ. А чрезъ таковое легкое произведеніе въ студенты и на весь корпусъ навлечь можетъ нареканіе, или подозрѣнія о злоупотребленіи, то ежели мы, сію быстроту пріостановя, и возбудимъ нѣкоторыя неудовольствія, все сіе лучше нежели какіе нибудь толки, что студентство подарками покупается, о коихъ толкахъ, думаю, и в. с. увѣдомлены были. Къ остановленію же сего побуждаюсь я и тѣмъ, что изъ числа представленныхъ 30-ти студентовъ есть нѣкоторыя дѣти сущія по 12-ти и 13-ти лѣтъ, да и въ пансіонѣ весьма недавно, то есть ли какое вѣроятіе, чтобы они успѣли окончить курсъ, каковаго для удостоенія въ студенты требуется? О чемъ за нужное почелъ предварить в. с. на случай, буде бы на сію мною сдѣланную остановку дошли до васъ жалобы.

О неутомимой моей вообще по всѣмъ дѣламъ дѣятельности, можете в. с. заключить и по числу моихъ къ вамъ представленій, изъ коихъ кажется ненужнаго я ни одного не дѣлалъ. Пресчастливъ я буду и паче мѣры доволенъ ежели всѣ мои шаги и образъ дѣйствованія вашего одобренія удостоятся.

Іюня 23 дня, 1810. Москва.

---

[1]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, директоръ Университ. Благород. пансіона, заслуженный профессоръ, ректоръ (въ 1818). Въ 1810 былъ онъ профессоромъ натуральной исторіи, сельскаго хозяйства и минералогіи, † 1848.

11.

Я имѣлъ честь писать къ в. с. мои разсужденія о цензурѣ и неудобствѣ въ исполненіи 180-го пункта нашего устава, въ коемъ сказано: „*лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры*“ а вкупѣ съ симъ представлялъ в. с. и мысль, какимъ образомъ предупредить непріятности, могущія произойти отъ неосторожнаго пропусканія книгъ, т. е., чтобы число лекторовъ ограничить и выборъ оныхъ отдать на волю попечителя, безъ каковой предосторожности и безъ перемѣны сего въ 180-мъ пунктѣ положенія, непрестанно намъ хлопоты встрѣчаться могутъ. Я рѣшился принять смѣлость в. с. о семъ напомнить, потому что на сихъ дняхъ еще появилась въ печати книга до моего вступленія пропущенная, въ коей личность очень извѣстнаго человѣка обижена, а именно князя Мавpокордато [1]). Въ запискахъ принца де-Линя, описывая дворъ сего господаря, представляетъ авторъ картину, коей выписку слово въ слово изъ печатной книги сдѣлавъ, при семъ прилагаю. Я слышалъ, что князь Мавpокордато симъ очень оскорбляется.

Изъ сего в. с. изволите видѣть, какіе у насъ лекторы, и чего еще ожидать можно, ежели, какъ сказано въ уставѣ, всѣ профессора и всѣ адъюнкты суть лекторы. Истинно в. с., я крайне о семъ безпокоюсь; вамъ извѣстно, что у меня много непріятелей, и могутъ всю вину на меня взвалить, а какъ мнѣ возможно за всѣхъ лекторовъ, въ томъ числѣ и за пьяныхъ, отвѣчать. Какъ же скоро число ихъ будетъ ограничено и выборъ предоставленъ мнѣ, тогда я выберу людей достойныхъ, въ коихъ будучи увѣренъ —буду и спокоенъ.

Усерднѣйше прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость, какъ сей пунктъ, такъ и нѣкоторые другіе удостоить вашего вниманія и разрѣшенія, или волю вашу и согласованіе изъявить хотя на тѣ изъ моихъ представленій, кои в. с. важнѣйшими почитать изволите.

Москва. Іюня 30 дня, 1810.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ книгѣ подъ названіемъ: *Избранныя философическія, политическія и военныя творенія принца де Линя, изданныя однимъ изъ его пріятелей, служащія продолженіемъ къ твореніямъ его, изданнымъ госпожею Сталь-Голстейнъ и г. Пропіакомъ. Переводъ съ французскаго. С. Немир.*“, пропущенной цензурою и напечатанной въ Москвѣ 1810 года. Во второмъ томѣ на страницѣ 65 содержится слѣдующее:

[1]) Князь Александръ Мавpокордато, господарь Молдавскій, удалившійся въ Россію въ 1784 г.

Дворъ Молдавскаго господаря.

Маврокордато, господарь Молдавскій умѣлъ, при дикомъ почти дворѣ своемъ, соединить довольно восточныхъ прелестей съ нѣкоторымъ родомъ Европейской образованности. Будучи въ половину христіанинъ и въ половину магометанинъ, будучи женатъ по нашему обряду, онъ завелъ у себя нѣчто похожее на турецкій сералъ, только поступилъ въ семъ случаѣ съ большею осторожностію. Не желая быть обманутымъ въ случаѣ излишняго снисхожденія, ниже сдѣлаться тираномъ, приставивъ къ женамъ черныхъ невольниковъ, онъ позволялъ входить въ гаремъ всякому мужчинѣ, который понравится его султаншамъ. Надобно только, чтобъ съ ихъ стороны соблюдено было извѣстное условіе. Важный жидовскій докторъ находился въ сералѣ безотлучно съ отрядомъ своихъ служителей, и имѣлъ препорученіе осматривать приходящихъ. Признаки совершеннаго здоровья и свидѣтельство о хорошемъ поведеніи служили пропускнымъ видомъ въ сіе святилище наслажденія.

12.

Всеусерднѣйше благодарю в. с. за милостивое ваше письмо отъ 24-го Іюня, доставившее мнѣ многія успокоительныя развязки. Доношу, что вообще тѣ извѣстія, о коихъ я имѣлъ честь къ вамъ писать, были сообщены мнѣ отъ ректора и другихъ профессоровъ, кои изъ добраго намѣренія и усердія о нихъ мнѣ сказывали, а я подумалъ опять, что провинюсь предъ вами и предъ совѣстію, буде вамъ о семъ не дамъ знать. Вотъ почему и осмѣлился обременить в. с. сими новостями, коихъ событіе могло легко воспослѣдовать. Впрочемъ, я внутренно достаточно убѣжденъ, что ваши благодѣтельныя къ университету расположенія подвигнутъ в. с. отклонить всякую отъ сего почтеннаго корпуса непріятность.

Касательно же медико-хирургической академіи, какъ по ревнованію моему объ общемъ благѣ, такъ и по откровенности, съ каковою в. с. позволили мнѣ съ вами объясняться, не могу не сказать, что крайне дурно будетъ, ежели сія академія останется существующею на теперешнемъ ея основаніи и съ странными, дѣлаемыми въ ней распоряженіями, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, она стоитъ государству дорого, т. е. 100,000, а пользы едвали какой ожидать можно по причинѣ набора людей, ее вообще составляющихъ. 2-е, студенты до того развращены, что каждый почти день разныя неистовыя исторіи отъ нихъ происходятъ, и что нѣсколькихъ отдали уже въ солдаты, другихъ сошлютъ на поселеніе. 3-е, г. Всеволожскій, который никогда ничему не учился, и ничего, кромѣ Буфлера и Пирона не читалъ, ни

о чемъ кромѣ дряни не размышляетъ и ничего кромѣ вздору не говоритъ, удобенъ ли управлять мѣстомъ, такого иждивенія стоющимъ и требующимъ какъ обширныхъ свѣдѣній, такъ и способностей могущихъ со строгимъ надзоромъ удержать сіе заведеніе въ порядкѣ? 4-е, существованіе сей академіи отдѣльно отъ университета и въ независимости отъ онаго есть вредно для самаго университета, поелику начальство академіи выгодными окладами и другими лестными обѣщаніями всегда будетъ переманивать изъ университета людей, коихъ свободу связать весьма трудно, а чрезъ то ревнованіе и дѣятельность въ преподаваніи лекцій въ университетѣ и раздѣлится и ослабится. А что сіе было, то ужъ опытомъ доказано и в. с. извѣстно, слѣдовательно и впредь быть можетъ.

Въ заключеніе же скажу, что упраздненіе сей академіи и раздѣленіе студентовъ по университетамъ не только не требуетъ издержекъ, но уменьшитъ оныя, и сей же самый институтъ, сопряженный съ университетомъ и при ономъ существующій, будетъ имѣть бытіе и составъ несравненно порядочнѣйшій и полезнѣйшій, буде, какъ я имѣлъ честь писать къ в. с., Бекетовскій и Шестелевскій дома отдадутъ подъ наши музей и библіотеку, а студентовъ половину переведутъ въ наше нынѣшнее зданіе. На предписаніе ваше касательно сей академіи, отъ 22-го Мая, формальное мое донесеніе по собраннымъ мною свѣдѣніямъ на сей же почтѣ посылая, не могу между тѣмъ не сказать в. с. и другого дошедшаго до меня слуха, что г. Всеволожскій, будучи хвастливъ и болтливъ, говоритъ разнымъ людямъ: „Eh bien notre académie subsistera malgré tout le monde“, что право больно слышать. Въ разсужденіи же помѣщенія Сандунова, скажу в. с., что это бы было для насъ великое пріобрѣтеніе, и привело бы наше правленіе въ порядокъ, а всѣ глупые процессы бы прекратились. Горюшкинъ есть узелъ, который надобно развязать, ибо самъ онъ никогда просьбы не подастъ, то посему никогда отъ него и не избавимся, а отъ того и еще глупѣйшіе процессы будутъ возникать и запутываться. Вотъ и на сихъ дняхъ онъ самъ, Горюшкинъ, донесъ, что завелось новое преглупое дѣло у профессора Гофмана съ какимъ-то портнымъ изъ-за 25 рублей, что уже и бумаги накопились, и что онъ помирить ихъ никакъ не могъ. Одно уже незнаніе языковъ и невозможность объясняться съ деканами, кои суть нѣмцы, дѣлаетъ его неспособнымъ, а дѣламъ и остановку и запутку приключаетъ; а какъ намъ отъ Горюшкина избавиться—мѣры и способы предаю вашему прозорливому благоусмотрѣнію.

Слѣдуя матеріямъ милостиваго вашего письма, по премногу благодарю в. с. за благодѣтельное попеченіе о г. Суворовѣ, который истинно и честь и пользу университету принести можетъ. О Смирновѣ оффиціальное мое донесеніе по сей же почтѣ посылаю, а партикулярно

в. с. пріемлю смѣлость объяснить, что остановка или причина тому та, что вдругъ дать о немъ предложеніе, безъ формальнаго представленія о немъ совѣта, я не рѣшился, не зная, будетъ ли то вамъ угодно, чтобы я толь самовластно дѣйствовалъ, а господа профессора, совѣтъ составляющіе, не знаю что-то имѣютъ противъ г. Смирнова, и какъ будто на свѣдѣнія его и на способности не надѣясь, не дѣлаютъ движеній о представленіи его въ адъюнкты; и такъ, прошу вашего наставленія и приказанія, какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить, такъ чтобы и вашу волю исполнить и профессоровъ не оскорбить.

Въ разсужденіи же г. Шмица, о коемъ гр. Михаилъ Васильевичъ хлопочетъ, я какъ будто угадалъ мысли ваши, ибо при самой первой его просьбѣ сказалъ ему, что я безъ воли вашей на сіе рѣшиться не имѣю права, что в. с. о семъ представлю, и что буду ожидать вашего на то предписанія; почему по показанію вашего письма оное ему и покажу.

Москва. Іюня 30, 1810.

13.

Не имѣвъ счастія на послѣдней почтѣ ни оффиціальной бумаги, ни письма отъ васъ получить, истинно забочусь паче всего о здоровьѣ вашемъ, и отъ всего сердца желаю, чтобы не болѣзнь была виною молчанія вашего. Нашъ актъ кончился благополучно, собраніе было хотя и многочисленно, но въ порядкѣ. По изъявленію желанія графа Ивана Васильевича [1]), мы избрали его въ наши почетные члены. Вчерашняго дня я самъ отвезъ ему дипломъ, чѣмъ онъ очень былъ доволенъ, и столь ласково принялъ, что два раза меня облобызалъ, увѣряя о добромъ его расположеніи какъ къ университету, такъ и ко мнѣ. Изъ чего съ вѣроятіемъ можно заключить, что онъ всякое пособіе намъ готовъ сдѣлать, какъ по гимназіи, такъ и по типографіи, о коихъ я имѣлъ честь послать къ в. с. мои представленія, яко о предметахъ самонужнѣйшихъ и дальнѣйшей отсрочки не терпящихъ.

Въ заключеніе, за должное почитаю предварить в. с., что въ непродолжительномъ времени я долженъ буду сдѣлать представленіе объ увольненіи отъ службы профессоровъ Баузе и Барсука-Моисеева, кои изъ предѣловъ всякой благопристойности вышли. Первый дома пьетъ мертвую чашу и разныя производитъ въ университетѣ сцены, кои мирить и успокоивать весьма трудно; а вторый въ безобразномъ видѣ шатаясь по улицамъ, въ университетскомъ мундирѣ ходитъ по погребамъ и по кофейнымъ домамъ, и разные смѣхотворные и шумные про-

[1]) Гудовича, въ то время главнокомандующаго.

изводить анекдоты, а потому, мнѣ кажется, лучше всего представить о нихъ, не упоминая о сихъ дѣйствіяхъ,—сказать только, что они за слабостію, старостію и болѣзнями представляются къ увольненію отъ службы.

Москва. Іюля 4 дня, 1810.

14.

По стеченію обстоятельствъ обрѣтаюсь въ необходимости на одной почтѣ утруждать в. с. тремя письмами, забывъ въ двухъ предъидущихъ включить матеріи, о коихъ теперь объясниться съ вами пріемлю смѣлость. Совѣтъ, получа отъ меня предложеніе, основанное на предписаніи в. с., о пріисканіи наемнаго дома для помѣщенія студентовъ медико-хирургической академіи, поручилъ Артемьеву осмотрѣть дома, въ окрестностяхъ университета состоящіе, изъ коихъ яко одинъ изъ ближайшихъ былъ осматриваемъ и домъ шурина моего князя Алексѣя Ивановича Долгорукова, съ коимъ живетъ и дядя князь Григорій Алексѣевичъ, который, будучи знакомъ съ гг. профессорами, просилъ ихъ объ осмотрѣ сего дома, и самъ даже водилъ по всѣмъ его частямъ ректора и Чеботарева. Я былъ тутъ совсѣмъ лицо постороннее. Вдругъ изъ сего вышли разглашенія, якобы я натягиваю для выгодъ моего шурина нанять сей домъ и даю чрезмѣрно дорогую сумму за наемъ онаго.

Тутъ вступились люди корыстолюбивые, желающіе и свои домы отдать въ наймы, и сбирающіеся уже на меня жаловаться, что я нанялъ домъ шурина моего, яко къ нему пристрастный человѣкъ. Объ этомъ по Москвѣ барабанятъ, и недоброжелатели мои могутъ, доведя сіи слухи до Петербурга, обвинить меня и въ корыстолюбіи и въ пристрастіи, коихъ, какъ вамъ извѣстно, всегда я гнушаюсь. В. с. болѣе всякаго вѣдомо, что ни дома шурина моего я не нанялъ, ибо о немъ вамъ представилъ на разрѣшеніе, да знаете вы и то, что вообще сей наемъ и состояться не можетъ, поелику, какъ вы ко мнѣ писать изволите, домъ Фалѣева нанятъ на годъ и участь академіи еще не рѣшена, слѣдовательно никто кромѣ васъ не можетъ отразить сіи слухи, кои непремѣнно до Петербурга дойдутъ; также никто, кромѣ васъ, не можетъ меня оградить отъ стрѣлъ зависти и злобы, на меня устремленныхъ отъ людей недоброжелательствующихъ, ловящихъ каждый случай къ обвиненію меня въ чемъ либо предосудительномъ, какъ в. с. то видѣли, и какъ теперь еще изъ сего усмотрѣть изволите. По таковымъ обстоятельствамъ полагая за необходимое о всемъ томъ в. с. предувѣдомить и просить о защищеніи меня противъ сихъ слуховъ, вредить мнѣ могущихъ, заключаю сіе тѣмъ, что не только для моего

16.

Вчера имѣлъ я великое и давно желанное мною удовольствіе быть въ Горенкахъ! Не могъ не удивляться богатствамъ произведеній натуры въ толь благолѣпномъ порядкѣ и полнотѣ собранныхъ, и, учась читать книгу натуры уже нѣсколько лѣтъ, взирая на сіи пламенныя и толь говорящія ея письмена, былъ бы я въ полномъ восхищеніи въ прекрасныхъ сихъ предѣлахъ, ежели бы оно не охлаждалось пустотою, происходящею отъ отсутствія достопочтеннаго и драгоцѣннаго мнѣ благодѣтельнаго хозяина, коего воспоминаніе, представляясь мнѣ при каждомъ шагѣ, заставляло меня воображать, сколь сугубо бы моя радость умножилась, если бы его самого видѣлъ, и съ нимъ въ сихъ очаровательныхъ чертогахъ о натурѣ и искусствѣ бесѣдовалъ. Такъ, м. г., препроводя день въ Горенкахъ, безпрестанно мысль моя обращалась къ вамъ съ благодарными къ вамъ чувствованіями, какъ за то, что вы любите натуру, любите науки, такъ и за то, что вы мнѣ благодѣтель, и что потому все вамъ принадлежащее для меня любезно, пріятно, восхитительно. Дай Богъ, чтобы я вскорѣ имѣлъ счастіе васъ видѣть и изустно изъявить вамъ чувствованія сердечной моей приверженности.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

17.

Чувствительнѣйшую отъ всего сердца в. с. приношу благодарность за помѣщеніе г. Суворова, который, конечно, оправдаетъ ваше для него лестное доброе мнѣніе и содѣлается еще болѣе милостей вашихъ достойнымъ. За нужное почелъ я представить в. с. копію съ бумаги, присланной ко мнѣ отъ г. Всеволожскаго, и въ оффиціальномъ моемъ донесеніи, не говоря о ней ни худого, ни добраго, а просто на благоусмотрѣніе в. с. оную представляя, здѣсь партикулярно пріемлю смѣлость сдѣлать мое размышленіе, что сіи г. Всеволожскаго распоряженія отнюдь мнѣ не нравятся по слѣдующимъ причинамъ: 1, пишетъ онъ, что какое-то его хозяйственное правленіе, о коемъ мы не вѣдаемъ, что оно такое, и утвержденное ли присутственное мѣсто, будетъ по сообщеніямъ требовать денегъ отъ нашего правленія; это для университета, яко для мѣста старшаго, крайне уничижительно и похоже на то, какъ будто бы наше правленіе подъ указомъ ихъ правленія состояло; 2, г. Всеволожскій меня самаго ордеруетъ и пишетъ: „которому ваше превосходительство прикажите отпускать“. Это дерзко, неприлично и обидно.

смѣя сдѣлать предписанія не по точнымъ терминамъ вашего, разсудилъ я остановиться исполненіемъ и, описавшись, в. с. просить о формальномъ предписаніи, чтобы Суворовъ былъ опредѣленъ, именно, на вакантную каѳедру чистой математики; тогда и все прикроется, и уста заградятся всѣмъ могущимъ вопіять, какъ отъ зависти, такъ и отъ того, что они имѣли въ виду своего человѣка, коего на сію каѳедру прочили. И буде бы я въ семъ видѣ предложилъ, то бы сказали, что учреждается новая каѳедра, почему усерднѣйше прошу в. с., причтя мнѣ сіе представленіе въ должную осторожность, а не вину, разрѣшить и успокоить меня, предписавъ именно сими словами: на вакантную каѳедру чистой математики.

Москва. Іюля 18 дня 1810.

19.

За нужное почитаю до свѣдѣнія в. с. довести прилагаемое здѣсь въ копіи отношеніе графа Ивана Васильевича [1]). Присланную при ономъ бумагу, отъ е. с., а вкупѣ и ту самую статью, противъ коей дѣлается возраженіе, за нужное почелъ я, выписавъ, на благоусмотрѣніе ваше представить, ожидая вашего по сему приказанія, какъ впредь при таковыхъ случаяхъ поступать въ сношеніи съ графомъ? При семъ случаѣ пріемлю смѣлость в. с. напомнить о моемъ о цензурѣ размышленіи, двукратно в. с. представленномъ, на которое, буде не воспослѣдуетъ вашего милостиваго разрѣшенія касательно 180 § нашего устава, то непремѣнно будутъ непріятности, коихъ ни отвратить, ни упредить нѣтъ возможности, доколѣ число лекторовъ не будетъ ограничено и выборъ оныхъ не отданъ на мою волю. О чемъ паки в. с. всеусерднѣйше прошу, безъ чего мнѣ нѣтъ никакой возможности отвѣчать за людей, коихъ такъ много въ пропущеніи книгъ замѣшано.

Касательно Смирнова приказалъ я, чтобы онъ представилъ диссертацію, а потомъ, какъ скоро совѣтъ его удостоитъ, то чтобы представленъ былъ на утвержденіе, послѣ сего и жалованье по волѣ вашей опредѣлите изъ хозяйственной суммы. Много меня в. с. обрадовали, написавъ разрѣшеніе о томъ, чтобы дома для студентовъ не нанимать. Я чрезмѣрно симъ былъ обезпокоиваемъ, какъ приступами родственниковъ, такъ и знакомыхъ, желающихъ отдавать свои дома, а теперь я отъ нихъ могу отдѣлаться и имъ отказать, чѣмъ я истинно несказанно доволенъ. Касательно предполагаемаго г. Всеволожскимъ помѣщенія студентовъ въ Бекетовскомъ домѣ, то ревнуя объ общей пользѣ,

[1]) Гудовича.

не могу не сказать, что г. Всеволожскій много пустаго пишетъ, а еще больше пустаго говоритъ, то и это помѣщеніе въ томъ же классѣ. Барскій, въ два свѣта съ большими залами и парадными комнатами, (домъ) отнюдь неспособенъ для житья студентовъ, а еще меньше для анатомическихъ и ветеринарныхъ операцій, а одинъ только и есть способъ сдѣлать, чтобы сей домъ не пропалъ даромъ, то есть, наши музеи, библіотеку и другія принадлежности перевести въ домъ Бекетовскій, а студентовъ перевести въ зданіе университетское. Въ Бекетовскихъ же парадныхъ комнатахъ прекраснѣйшимъ и благолѣпнѣйшимъ образомъ наши рѣдкости помѣстятся. Я говорю сіе на такой случай, буде студенты подойдутъ подъ вѣдомство университета.

О многихъ крайне нужныхъ предметахъ имѣю еще представить в. с.; но, опасаясь на сей разъ обременить васъ, предоставляю себѣ до другой почты сдѣлать вамъ мои донесенія.

Москва. Іюля 21 дня 1810.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1.

Милостивый государь мой Павелъ Ивановичъ.

Препровождая при семъ полученное мною на имя издателя Русскаго Вѣстника письмо съ тѣмъ, чтобъ оно было напечатано въ томъ журналѣ немедленно, и безъ малѣйшей перемѣны, такъ однакожъ, чтобъ при ономъ никакого объясненія не было отпечатано, откуда, чрезъ кого и когда сіе письмо сообщено издателю; дабы сіе такой имѣло видъ, что письмо сообщено издателю прямо отъ сочинителя онаго. В. прев. покорнѣйше прошу помянутое письмо, приказавъ немедленно напечатать въ Русскомъ Вѣстникѣ на вышеизъясненномъ основаніи, подтвердить при томъ цензурѣ, обязанной смотрѣть за всѣми изданіями, въ публику выходящими, чтобъ оныя не были наполняемы статьями, которыя не имѣютъ вида правдоподобія и по слѣдствію открываются въ полной мѣрѣ неосновательными. Я еще болѣе побуждаюсь васъ, м. г. мой, просить усугубить дѣятельность наблюденія цензуры за статьями до политики относящимися, и смотрѣть чтобъ извѣстія издателями Вѣстника помѣщаемыя, заимствуемы были отъ источниковъ вѣрныхъ и сомнѣнію не подверженныхъ.

Съ особливѣйшимъ почтеніемъ и пр.

Графъ Иванъ Гудовичъ.

Іюля 20 дня 1810 г. Москва.

2.

Выписка изъ журнала Русскій Вѣстникъ. Съ страницы 5 до стр. 11.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

(Отрывокъ изъ письма къ издателю).

Проѣзжая недавно изъ Бѣлорусскихъ моихъ деревень черезъ городъ Витебскъ, узналъ я о происшествіи, которое сообщаю въ Русскій вѣстникъ.

„Тридцать перваго Января нынѣшняго года взята была десятскимъ въ Витебскѣ женщина, вопіявшая на улицѣ въ крайнемъ отчаяніи. Ее отводятъ къ частному приставу Левковичу: вопли несчастной усугубляются: все изъявляло въ ней скорбь и помѣшательство ума. Не отвѣчая ничего на всѣ вопросы, силилась изъясниться знаками. Вскорѣ увидѣли, что она нѣма. Левковичъ, во всѣхъ обстоятельствахъ усердствуя къ должности и къ помощи человѣчеству, прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы хотя что нибудь узнать о сей несчастной женщинѣ. Испытавъ различныя догадки, онъ показалъ ей Польскую книгу: несчастная тотчасъ изъявила, что умѣла читать. Посредствомъ короткихъ и неоднократно повторяемыхъ письменныхъ вопросовъ, Левковичъ вывѣдалъ всѣ обстоятельства.

„Маріанна (такъ называется сія злополучная женщина) есть дочь умершаго шляхтича Турчановскаго, въ чемъ удостовѣрились по справкѣ въ монастырѣ Бернардиновъ. Генеральша Тутолмина вывезла ее трехъ лѣтъ въ Петербургъ, гдѣ 18-ти лѣтъ выдана замужъ за военнослужащаго, который въ послѣдней войнѣ противъ Французовъ лёгъ на полѣ чести и славы. Проживъ въ столицѣ до прошедшаго Октября мѣсяца, вознамѣрилась, для облегченія скорби, возвратиться на родину; она договорилась съ ямщикомъ, отдала ему сто рублей и отправилась въ путь съ осьмью стами и съ пожитками на четыре тысячи. Въ пятнадцати верстахъ за Царскимъ Селомъ, ямщикъ, движимый корыстію, хотѣлъ удавить спящую Маріанну. Уже злодѣйскія его руки коснулись ея шеи—въ эту минуту несчастная съ крикомъ пробуждается Разбойникъ грозитъ ей ножомъ. Маріанна падаетъ безъ чувствъ на землю. Извергъ отыскиваетъ свой паспортъ, обираетъ деньги, и уѣзжаетъ съ ея пожитками [1]).

[1]) Священная должность сельскихъ священниковъ и отцовъ помѣщиковъ, внушать поселянамъ, какъ пагубны послѣдствія злодѣяній; что рано или поздно, но онѣ всегда обнаруживаются. Нравственное воспитаніе крестьянъ необходимо; онъ него зависитъ промышленность и благоустройство внутреннее. Сельскіе священники и помѣщики суть наставники поселянъ: за поступки ихъ отдадутъ отчетъ Богу.

„Черезъ нѣсколько часовъ злополучная жертва корыстолюбія изверга проглядываетъ: лютое ея состояніе было неописанно! языкъ и лѣвая рука у нея отнялись. Въ изступленіи разсудка пустилась она куда глаза глядятъ. Подъ защитою Провидѣнія, прошла около шестисотъ двадцати четырехъ верстъ. Желая удостовѣриться въ прежнихъ показаніяхъ Маріанны, витебскій губернаторъ поручилъ *ксензу* [1]), чтобы онъ посредствомъ письменныхъ вопросовъ постарался отобрать свидѣтельства. Маріанна и въ семъ изысканіи то же показала: она немедленно препровождена была въ губернаторскій домъ, гдѣ человѣколюбіе и состраданіе предложили все къ облегченію жребія сей несчастной женщины.

„Въ проѣздъ мой черезъ Витебскъ, я былъ у губернатора, и зная уже о злополучной *Маріаннѣ*, любопытствовалъ ее видѣть. П. И. С. повелъ меня въ ея комнату; онъ самъ подносилъ ей пить, поддерживалъ ея голову и заботился о ней какъ о дочери. Въ восторгѣ душевномъ и со слезами я вскричалъ невольно: Такъ! вы истинный исполнитель предписаній Великой Екатерины; вы другъ и отецъ страдальцевъ!“

N. N.

Москва. Февраля 17-го, 1810-го года.

3.

Господину издателю Русскаго Вѣстника.

Въ нумерѣ шестомъ вашего Вѣстника читалъ я анекдотъ, подъ заглавіемъ *человѣколюбіе*, занятый вами изъ одного письма, присланнаго къ вамъ отъ неизвѣстнаго.

Сколь ни пріятно описанъ сей анекдотъ, сколь ни полезны для человѣчества примѣры человѣколюбія; но истина побуждаетъ меня сію исторію опровергнуть и представить вамъ оную совсѣмъ въ иномъ видѣ.

По служенію моему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ я случай узнать всѣ обстоятельства, кои подали поводъ къ таковому роману, и тѣ, которыми открылось въ ономъ одно сплетеніе лжи, наглый обманъ съ одной стороны, и непонятное легковѣріе съ другой. Я испросилъ отъ моего начальства позволеніе, выбрать изъ дѣлъ точное описаніе всего онаго происшествія, и сообщить вамъ для припечатанія въ вашемъ Вѣстникѣ.

Дадимъ славу истинѣ.

---

[1]) Польскій священникъ.

Rien n'est beau que le vrai;
Le vrai seul est aimable:
Il doit régner partout.
Et même dans la fable.

Начало сей исторіи подлинно происходило такъ, какъ сіе въ Вѣстникѣ значитъ, и первый производитель слѣдствія о несчастной Маріаннѣ Л*** признанъ былъ даже и награды достойнымъ, за удачное сочиненіе изъ однихъ знаковъ и киваній нѣмой героини чувствительнаго романа, который годился бы помѣщенъ быть между разсказами *Іорина*. Дальнѣйшія изысканія, въ коихъ Л*** уже не участвовалъ стали обнаруживать точную истину.

Во-первыхъ открылось, что лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку унтеръ-офицеръ *Изгердовъ*, коего *несчастная Маріанна* показала своимъ бывшимъ мужемъ, никогда въ томъ полку не служивалъ; да и названія сего вообще, подъ коимъ она будто бы жила въ Петербургѣ, нигдѣ по книгамъ полиціи не оказалось; какъ равно и ни одного изъ именъ тѣхъ людей, у коихъ она въ домахъ будто бы тамъ пребываніе имѣла, не нашлось.

О сихъ противорѣчіяхъ сообщено было въ Витебскъ, съ подтвержденіемъ, доискаться слѣдовъ истины въ показаніяхъ сей женщины. Тогда уже она имѣла употребленіе языка, и словесно объявила себя женою бывшаго въ Измайловскомъ полку музыкантомъ, унтеръ-офицера *Изгердова*, подтверждая впрочемъ всѣ другія показанія свои.

Съ симъ новымъ допросомъ прислана была она сама въ Петербургъ, въ томъ предположеніи, что по прежнему ея въ сей столицѣ жительству, и по ея ссылкамъ на нѣкоторыхъ людей тѣмъ удобнѣе можетъ быть здѣсь произведено дальнѣйшее объ ея участи изысканіе.

Оное возложено было на главное начальство Санктпетербургской губерніи, и Маріанна, бывъ допрашиваема въ присутствіи священника, показала свое раскаяніе, и признала уже себя *шляхтянкою Маріанною Торчановскою*, родомъ изъ Минской губерніи; что она жила нѣкоторое время въ Витебскѣ въ услуженіи по билетамъ отъ тамошняго магистрата; что все прежде ею показанное совершенно ложно; что она умышленно даже приняла на себя видъ нѣмой и невладѣющей рукою и ногою, и все сіе учинила по наученію будто бы другаго.

Новыя показанія ея требовали необходимо новаго удостовѣренія въ ихъ справедливости; для чего и посланъ былъ вмѣстѣ съ нею въ Витебскъ штата Петербургской полиціи слѣдственный приставъ М***.

Произведенные симъ послѣднимъ на мѣстѣ ея жительства дополнительные разнымъ людямъ допросы обнаружили, наконецъ, самую истину сего происшествія.

Наша героиня оказалась бродягою, и распутною женщиною, не *Изгердовою* и не *Маріанною Торчановскою*, но *Софьею Раскулиной*.

когда доктора, испытавъ тщетно надъ нею все свое искусство, стали ее электризировать, для сотрясенія ея нервъ, какъ они изъяснялись; то она не захотѣла уже болѣе повторенія надъ собою непріятнаго сего испытанія, и рѣшилась показать, что она уже получила употребленіе языка. Она призналась даже, что между сими самыми обстоятельствами былъ и другой случай, при которомъ узы языка ея разрѣшились: въ домѣ томъ, гдѣ она во время развѣдываній и изысканій о ней содержана была, нашелся человѣкъ, который повидимому несчастнымъ ея положеніемъ бывъ растроганъ, оказывалъ ей свое состраданіе, за которое платила она съ своей стороны признательностію—они недолго остались при нѣмыхъ знакахъ, и въ домѣ скоро узнали, что она можетъ говорить.

Сего довольно, по мнѣнію моему, какъ для опроверженія перваго о сей женщинѣ романа, такъ и для открытія точныхъ ея похожденій.

Я описалъ самымъ краткимъ образомъ всю сію странную исторію, приводя здѣсь однѣ только разительнѣйшія черты, въ доказательство, сколь наружные виды иногда обманчивы, и что если должностный человѣкъ погрѣшаетъ излишнею строгостію, то не менѣе долженъ бываетъ отвѣчать и за снисхожденіе свое, когда оно не у мѣста.

Я надѣюсь, что г. издатель Русскаго Вѣстника не откажется помѣстить въ свое изданіе сей развязки, служащей послѣдствіемъ къ анекдоту, въ номерѣ напечатанному, съ одной стороны для обличенія порока и обнаруженія истины, съ другой же и для того, что сія исторія извѣстна уже теперь въ цѣломъ Витебскѣ и многимъ въ Петербургѣ, и ея начало, нанесшее большія непріятности, подавшимъ къ оному поводъ, обратилось теперь въ посмѣяніе.

Сія повѣсть о многоимянной героинѣ можетъ теперь имѣть титуломъ: *безстыдство* и *оплошность*, а *не человѣколюбіе*.

20.

За должность почитаю донести в. с., что и на сей послѣдней почтѣ, т. е. сего Іюля 26-го дня, я получилъ отъ васъ одну только бумагу и при оной докладъ о экзаменахъ медицинскихъ. По предъидущей почтѣ послалъ я къ в. с. 3 представленія къ знакамъ отличія. Я менѣе всякаго могу быть обвиняемъ въ пристрастіи, ибо люди, за коихъ я предстательствую, вамъ самимъ коротко извѣстны, какъ и то, что служба ихъ всякаго одобренія достойна. Мудровъ [1]) же еще когда лечилъ въ Вильнѣ солдатовъ, былъ представленъ къ знаку отличія, а

[1]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, ординарный профессоръ патологіи, терапіи и клиники, † 1830 г.

по всѣмъ симъ причинамъ смѣю надѣяться, что в. с. будутъ сіи представленія пріятны. Я право до знаковъ отличія для себя самого не охотникъ, себѣ никогда оныхъ просить не стану и для меня все равно что двѣ у меня звѣзды по сторонамъ, что одна; но о томъ, чтобы сослужащіе мнѣ подчиненные были награждаемы, я всегда буду заботиться и о нихъ пещись и больше для меня лестно, что по моимъ представленіямъ будутъ давать другимъ, нежели какъ мнѣ на лѣвую сторону звѣзду пожаловали. Такъ и на оборотъ, хотя мнѣ ничего не дадутъ изъ знаковъ отличія мнѣ не прискорбно будетъ, а весьма прискорбно ежели мои подчиненные ничего получать не будутъ. О кускѣ хлѣба, да и то для дѣтей и для ихъ образованія, вотъ о чемъ я забочусь болѣе нежели о всѣхъ знакахъ отличія.

Для блага службы вообще и для корпуса нашего частно, я готовъ работать и вскорѣ буду имѣть честь представить в. с. для гимназій планъ, который буде произведется въ дѣйство, то увѣнчаетъ васъ безсмертною славою и достанетъ вамъ отъ грядущихъ поколѣній благодарность и благословеніе. Въ кратцѣ начертаніе моей мысли прилагаю, а буде одобрить изволите, то скоро произвести можемъ сіе въ дѣйство. Вотъ м. г. доселѣ изъ всѣхъ моихъ представленій, писемъ и разсужденій изволили видѣть, что я болѣе о пользѣ общей, нежели о своей забочусь.

Дай Богъ, чтобы вамъ угодны были мои труды и моя дѣятельность и чтобы вы оныя поддержали вашимъ покровительствомъ не для моего частнаго, но для общаго блага. Одно уже исходатайствованіе дома для типографіи много бы намъ доставило выгодъ, о коихъ я имѣю честь в. с. представить. Какъ скоро получу отъ васъ хотя на нѣкоторые пункты разрѣшеніе, то приму смѣлость еще нѣкоторыя представленія сдѣлать, изъ предъидущихъ же изволили вы видѣть, что они всѣ равно на необходимыхъ надобностяхъ, а не на прихотливыхъ затѣяхъ основаны.

Ежели Господь благословитъ сіи мои представленія успѣхомъ, то сдѣлайте милость знаки отличія доставьте ко мнѣ, доставьте мнѣ удовольствіе отдать ихъ и облобызать подчиненныхъ.

Москва. 28 Іюля, 1810.

21.

Вы не многихъ представляли къ знакамъ отличія, будьте щедры и милостивы къ нашему университету, изъ коего только троихъ я представить осмѣлился, да и тѣ по совѣсти, чести и истинѣ достойнѣйшіе люди, коимъ грѣхъ не дать ободренія! Ей искренно говорю, что себѣ не желаю знаковъ отличія, а моимъ подчиненнымъ, коихъ сіе утѣшать

и радозать можетъ и ободрять къ службѣ! А я утѣшаюсь и радуюсь только внутреннимъ драгоцѣннымъ украшеньемъ, т. е. ношеньемъ крова̀ваго креста, имъ же Христосъ Спаситель и Богъ мой благоволилъ меня украсить, а вкупѣ и дать силу нести мой крестъ съ цѣлою семьею, за что какъ и за всѣ Его милости къ бѣдному грѣшнику буди Ему честь и слава во вѣки вѣковъ аминь.

За должное почитаю в. с. донести, что уже три почты сряду ни единой бумаги я отъ в. с. не получилъ, т. е. три почты сюда пришедшія сего Августа 9-го, 13 и 16 чиселъ, ни одна ничего отъ васъ не привезла; сіе меня въ недоумѣніе приводитъ, тѣмъ болѣе, что въ почтеннѣйшемъ письмѣ в. с. отъ 7-го числа изволили меня увѣдомить, что въ слѣдъ за онымъ на разные предметы оффиціально разрѣшенія ваши мнѣ доставить изволите. Писавъ же весьма пространно къ вамъ обо всемъ нужномъ, по послѣдней почтѣ, т. е. Августа 15-го дня ничего не смѣю донести кромѣ того, что сего Августа 17-го числа ученіе въ университетѣ и его гимназіи воспріяло свое начало.

Москва. Августа 18-го дня, 1810.

22.

Много и вседушевно благодарю в. с. за ваше предписаніе касательно цензуры. Оное крайне было нужно и крайне меня успокоило. Не могу еще вдругъ рѣшиться на избраніе лекторовъ, но не замедлю сего исполнить и напишу для нихъ совсѣмъ особую инструкцію, по коей они поступать должны будутъ. Знаю напередъ, что многимъ сіе ограничиваніе крайне будетъ непріятно, ибо я свѣдалъ, что тутъ за пропускъ книгъ нѣкоторымъ людямъ были барыши и подарки, что теперь прекратится. Будутъ также ропоты и со стороны пустыхъ литераторовъ, но къ этому надобно приготовиться и лучше потерпѣть поношеніе, нежели не поставить твердаго оплота сей, изъ разныхъ нечистыхъ источниковъ стремительно текущей, водѣ соблазновъ, порождающей терніе, волчецъ, на подавленіе сѣмянъ истиннаго просвѣщенія возростающее.

Бумаги канцелярскія я получилъ исправно, не разбиралъ ихъ еще потому, что Качеповскій въ отлучкѣ и поѣхалъ визитаторомъ. Желаю в. с. въ новомъ домѣ новаго счастія и чистыхъ удовольствій. Простите мнѣ ради Бога, что я пишу не складно; одиннадцатый день какъ жена моя больна такъ опасно, что я идей не могу порядочно въ умѣ моемъ составить, нетокмо положить ихъ на бумагу. Если къ слѣдующей почтѣ поспокойнѣе буду, то и писать лучше буду въ силахъ.

Москва. Августа 29 дня 1810.

23.

За должность почитаю в. с., яко благодѣтелю моему донести, что сегодня поутру графъ Иванъ Васильевичъ призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ, что у меня собираются М. [1]) и совѣтовалъ мнѣ отъ этого заблужденія отстать, и чтобы у меня не собирались. Я отвѣчалъ то, что должно, т. е. что всѣ, кои ѣздятъ ко мнѣ, люди извѣстные и не подозрительные. А потомъ разныя были объясненія весьма пространныя, по коимъ видно, что е. с. натолковано много пустого. Почему и прошу в. с. буде бы случилось, что въ Петербургѣ на меня что-либо донесено было, то защитить меня отъ всякой клеветы, ибо вамъ извѣстны мои связи, и всѣ люди кои ко мнѣ ѣздятъ, то кто-жъ лучше васъ меня отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ оградить можетъ. Предаю себя волѣ Господней и требую при семъ случаѣ вашей защиты и покровительства.

Москва. Сентября 5 дня, 1810 года.

24.

Искренно радуясь, что медицинская въ государствѣ часть вошла въ составъ взѣреннаго в. с. министерства, долгомъ почитаю сообщить вамъ по сему предмету мысли мои, кои, можетъ статься, и одобренія вашего удостоятся. Вотъ онѣ: для лучшаго по медицинской части устройства, да и для собственнаго вашего облегченія, нужно бы мнѣ кажется, чтобы всѣ медицинскіе чины были непосредственно подчинены и подвѣдомственны попечителю того округа, гдѣ они обрѣтаются и относились бы каждый къ своему попечителю, а сей бы вамъ дѣлалъ представленія, извлекая нужнѣйшее и сокращая число бумагъ. А безъ того вы будете завалены и обременены отовсюду и отъ разныхъ лицъ такимъ количествомъ бумагъ, что не будете имѣть возможности отъ нихъ отдѣлаться. Я съ своей стороны побуждаюсь принять смѣлость сіе вамъ представить и потому, что, вѣдая, какія здѣсь въ Москвѣ вредныя злоупотребленія и отъ врачей и отъ аптекъ, смѣю в. с. отвѣчать, что, буде по вышеписанному начертанію сія часть въ моемъ округѣ мнѣ поручена будетъ, то я не дремлющимъ окомъ буду смотрѣть за всѣми медицинскими чинами, здѣсь находящимися, а паче за аптеками, въ коихъ здѣсь почти ежедневно выходятъ удивительныя и опасныя происшествія. Напримѣръ, цѣны берутъ какія хотятъ, что въ одной стоитъ 2 рубля, то въ другой 6 рублей. Пошлютъ за лекарствомъ, чтобы тотчасъ получить, аптекарь откладываетъ до завтра, а больной умираетъ и страдаетъ и пр. Множество

[1]) Масоны.

подобныхъ сему анекдотовъ доказать можно. Положить сему преграды ничѣмъ инымъ не можно, какъ строгимъ мѣстнымъ надзоромъ начальника, имѣющаго вѣсъ и по званію своему и по чину. А какъ уже медицинская часть поступила въ вѣдомство ваше, то вамъ весьма легко сдѣлать сіе распоряженіе крайне для человѣчества полезное и для васъ самихъ облегчительное.

Москва. Сентября 12 дня, 1810 года.

25.

Г. ректоръ донесъ мнѣ, что за находящееся близъ нашего Ботаническаго сада порожнее мѣсто, огородники предлагаютъ по 400 рублей найма въ годъ и согласны оное нанять на четыре года; поелику же нынѣ оное мѣсто никакой университету пользы не приноситъ, а токмо г. профессоръ Гофманъ пользуется снимаемымъ съ сего мѣста немалымъ количествомъ сѣна, то мнѣ казалось бы полезнѣе отдать сіе мѣсто огородникамъ и получать съ него доходъ, тѣмъ паче, что къ обработанію онаго для Ботаническаго сада мы способовъ не имѣемъ, и что сіе стоить будетъ крайне дорого. Не смѣя однакожъ приступить къ сему, не вѣдая о томъ вашихъ мыслей, предаю сіе г. ректора предложеніе на разсмотрѣніе в. с., ожидая на то вашего разрѣшенія. Осмѣливаюсь при семъ случаѣ напомнить в. с. о Тимковскомъ [1]), Грузиновѣ [2]) и Дружининѣ, о коихъ я давно имѣлъ честь мое представленіе вамъ сдѣлать. Сіи три достойные человѣка намъ необходимо нужны, и я со свойственною мнѣ откровенностію пріемлю смѣлость в. с. сказать, что у насъ съ такимъ рвеніемъ людей весьма мало, но боюсь, что неодобреніе приведетъ ихъ въ уныніе.

Сверхъ того осмѣливаюсь и о другихъ моихъ представленіяхъ ходатайствовать и о нихъ заботиться долженъ я тѣмъ вящше, что неутвержденіе оныхъ со стороны в. с. производитъ толки, якобы ваши расположеніи ко мнѣ перемѣнились, что, какъ вамъ извѣстно, и для самой службы вредно быть можетъ, поселяя въ подчиненныхъ моихъ нѣкое къ моему образу дѣйствованія недовѣріе и неуваженіе. Простите мнѣ м. г. сіе искреннее изліяніе, вы сами отъ меня откровенности требовали, то и не въ силахъ я скрыть предъ вами ни малѣйшаго движенія моего сердца, поколику оно къ благу службы относится.

Москва. Сентября 12 дня, 1810 года.

---

[1]) Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, ординарный профессоръ греческой и латинской словесности, † 1820.

[2]) Илья Егоровичъ Грузиновъ, ординарный профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, † 1813.

26.

За нужное почитаю донести в. с., что неоднократно г. ректоръ, деканы и разные чиновники приносили мнѣ жалобы на секретаря правленія Тимонова, что онъ въ правленіи споритъ, шумитъ, даетъ свои мнѣнія, останавливаетъ дѣла, возражаетъ неправильно, самымъ грубымъ и запальчивымъ образомъ, приписывая себѣ право дѣйствовать яко прокуроръ, но самый безтолковый. Я призывалъ г. Тимонова, тому мѣсяца съ два назадъ, совѣтовалъ ему очень кротко уняться, но, объясняясь съ нимъ, нашелъ въ немъ глупаго и заносливаго подъячаго, коего избаловали кротостію своею присутствующіе въ правленіи и поселили въ немъ мысль, что безъ него университетъ обойтиться не можетъ. Я думалъ, что мое увѣщаніе подѣйствовало, но ошибся. Тѣ же продолжаются исторіи, тѣ же шумы и при каждомъ присутствіи споры, крики и подъячества всѣмъ досадныя, крючки и притязанія. Новыя жалобы отъ ректора съ симъ изреченіемъ: *Тимоновъ насъ всѣхъ загонялъ.* Я рѣшился дать правленію предложеніе, съ коего копію в. с. при семъ представить честь имѣю, дабы в. с. предварительно вѣдали обо всемъ, буде бы и жалоба какая на меня до васъ достигла. Буде же и послѣ сего Тимоновъ не уймется, то я приму смѣлость формальное сдѣлать о немъ в. с. представленіе съ просьбою объ избавленіи меня отъ сего шалуна, который крайне мнѣ надоѣлъ, ибо со вступленія моего въ должность ни на кого столь много разнообразныхъ жалобъ не было—какъ на него.

В. с. мое безпристрастіе извѣстно,—извѣстно и то, что подчиненность и порядокъ суть душа всякой службы, а потому и смѣю надѣяться, что изволите одобрить какъ предложеніе мое, такъ и предварительное мое вамъ о семъ донесеніе.

Москва. Сентября 15 дня, 1810 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 1.

Правленію Императорскаго московскаго университета.

Неоднократно до моего свѣдѣнія доходило, что онаго правленія секретарь надворный совѣтникъ Тимоновъ, выступая изъ предѣловъ своей должности, не токмо входитъ въ сужденіе по дѣламъ, въ правленіе поступающимъ, даетъ по онымъ свои мнѣнія, стремится останавливать намѣреваемыя резолюціи и представленія, чего онъ яко секретарь отнюдь не долженъ смѣть дѣлать, но еще до того забывается, что дѣлаетъ возраженія гг. ректору, синдику и деканамъ,

производитъ съ ними пренія съ непристойнымъ крикомъ и запальчивою горячностію, присовокупляя къ тому постороннія, несвязныя и неприличныя объясненія. А поелику, таковое ни съ чѣмъ несообразное нарушеніе должнаго порядка и подчиненности ни въ какомъ благоустроенномъ мѣстѣ терпимо быть не можетъ, то рекомендую правленію, чтобы оно въ присутствіи своемъ вразумило г. Тимонова о его обязанности, внушило бы ему, что онъ долженъ въ тишинѣ, молчаніи и безпрекословномъ повиновеніи исполнять приказываемое ему отъ ректора, синдика и деканова, яко старшихъ его членовъ, правленіе составляющихъ, напомянуло бы ему, что онъ не есть прокуроръ, а токмо секретарь и, сдѣлавъ ему за толь безпорядочные поступки строжайшій выговоръ, объявило бы ему, что, буде онъ, Тимоновъ, послѣ сего не взойдетъ въ предѣлы благопристойности, не соблюдетъ должнаго во всякомъ присутственномъ мѣстѣ благоговѣнія и буде дойдетъ паки до моего свѣдѣнія, что онъ свои шумныя и многоглаголивыя изверженія продолжаетъ, то я вынужденъ буду сдѣлать мое представленіе о немъ вышнему начальнику, яко о чиновникѣ безпокойномъ, сварливомъ и въ службѣ долѣе быть терпимымъ не могущимъ. На подлинномъ подписано:

Павелъ Г. Кутузовъ.

Сентября 15, 1810 г.

№ 2.

Правленію Императорскаго московскаго университета.

Въ представленномъ ко мнѣ спискѣ служащихъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ чиновниковъ показано, что г. профессоръ Маттей [1]) состоитъ въ службѣ университета съ 1775 года, изъ дѣлъ же покойнаго попечителя Муравьева видно, что онъ, профессоръ Маттей, вступилъ въ службу университета въ 1803 году, да и въ теченіи 5-ти съ половиною лѣтъ отправленія мною званія куратора университета его, Маттея, въ службѣ онаго не состояло, а потому толь грубую въ спискѣ ошибку, прибавляющую чиновнику 19 лѣтъ службы, приписывая ничему иному, какъ неосмотрительности опрометчиваго секретаря надворнаго совѣтника Тимонова, предлагаю

[1]) Христіанъ-Фридрихъ Маттеи, ординарный профессоръ греческой и латинской словесности. Онъ опредѣленъ былъ въ 1776 г. сперва экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ словесныхъ наукъ. Въ 1784 г. онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Саксонію, оставалсь, впрочемъ, членомъ-корреспондентомъ московскаго университета. Въ 1804 онъ снова вступилъ на прежнюю должность и оставался въ ней до смерти въ 1811. (Біографическій словарь профессоровъ московск. университета, II, 26). Не понимаемъ, что означаетъ замѣчаніе Кутузова, что Маттеи не состоялъ на службѣ съ 1805 года.

правленію ему, Тимонову, за толь непростительную ошибку сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія. На подлинномъ подписано:

Павелъ Г. Кутузовъ.

Сентября 15 дня, 1810 г.

26.

Во-первыхъ, имѣю честь в. с. донести, что на сей почтѣ, пришедшей сюда сего Сентября 17-го дня, не получилъ я ни единаго отъ васъ отношенія, хотя, по обстоятельствамъ, и имѣлъ причины ожидать, какъ разрѣшеній вашихъ на мои разныя представленія, такъ и отвѣта на разные предметы, по существу ихъ для моего успокоенія крайне важныя. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы, и чтобы я вскорѣ обрадованъ былъ вашимъ милостивымъ писаніемъ, котораго по обстоятельствамъ я не могу ожидать иначе какъ съ желательнымъ нетерпѣніемъ. Простите мнѣ, м. г. и благодѣтель, ежели въ теченіе трехъ недѣль мои къ вамъ отношенія какъ оффиціальныя, такъ и партикулярныя были не связны, не складны и торопливы. Я находился въ горестнѣйшемъ положеніи, каковаго въ жизни моей не случалось, ибо добрая моя подруга и помощница [2]), на коей лежитъ вся заботливость бѣднаго моего хозяйства, была толь опасно больна, что, изготовляясь къ преселенію въ лучшую жизнь, была исповѣдана и причащена Святыхъ Таинъ. Благодареніе Господу Богу, благодѣтелямъ и друзьямъ, не оставлявшимъ подкрѣплять меня въ сей неописанной скорби, лишавшей меня всѣхъ силъ и способностей, кои отъ крайняго сокрушенія и неизъяснимаго страданія были подавлены до такой степени, что я не въ силахъ былъ не токмо писать, но ниже мыслить порядочно. Только пять дней, что возсіялъ лучъ надежды къ возстанію страждущей, а потому и съ сердца моего свалилось тяжелое бремя, меня угнетавшее, и дало мнѣ свободу паки вступить въ кругъ моего порядочнаго дѣйствованія.

Москва. Сентября 19-го, 1810 г.

27.

На почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 27-го минувшаго Сентября, честь имѣю донести: 1) что ущедренные вами и я самъ столько обрадованы, что словъ не достаетъ нашихъ чувствій выразить, а мое обра-

[2]) Елена Ивановна Голенищева-Кутузова, рожденная княжна Долгорукова, † 1850.

дованіе сугубое есть, потому что сіе ихъ пожалованіе увѣряетъ меня въ обладаніи неоцѣненнаго для меня сокровища, т.-е. милости, вниманія и довѣренности в. с. къ моимъ представленіямъ и просьбамъ, за каковое меня, при моихъ скорбяхъ, одобреніе да утѣшитъ васъ Господь Богъ Своею милостію и да наградитъ всѣми дарами неистощимыя Его благодати; 2) касательно Грузинова искренно донесу в. с. что я о всей прописываемой вами исторіи о поступкахъ Грузинова по сей часъ не имѣлъ никакого понятія и ничего не имѣлъ въ виду, кромѣ представленнаго о немъ отъ совѣта одобренія, на коемъ утвердясь и сдѣлалъ мое в. с. представленіе, а если бы я вѣдалъ толь основательное в. с. о немъ заключеніе, то не осмѣлился за него и ходатайствовать и отнынѣ пребуду въ разсужденіи участи его въ совершенномъ безмолвіи; 3) о Тимковскомъ общая молва, личное съ нимъ знакомство и обрѣтеніе въ немъ отличныхъ свѣдѣній, скромности и самой лучшей нравственности, побуждаютъ меня надѣяться, что в. с. изволите обратить на него, Тимковскаго, милостивое ваше вниманіе и произведеніе его утвердить; 4) о профессорѣ Реннерѣ [1]) я ни отъ кого ни слова не слыхалъ, а его самого видѣлъ у васъ въ Горенкахъ въ первый разъ; приласкалъ его, какъ человѣка умнаго и казавшагося мнѣ добрымъ; потомъ онъ былъ у меня и говорилъ слегка, что хотѣлъ бы служить въ университетѣ; я совсѣмъ не зная, что вамъ то угодно и даже, что онъ в. с. знакомъ, сказалъ ему, что я не смѣю ни представить о семъ, ни самъ рѣшиться, не зная, угодно ли то будетъ в. с., какъ и того, что не сохраняете ли вы ветеринарной каѳедры для кого другого, а теперь, зная волю вашу и въ первый разъ о ней получа свѣдѣніе изъ письма вашего, немедленно приступлю къ помѣщенію г. Реннера, ибо, еще повторяю, и по службѣ и по всѣмъ отношеніямъ дѣлать вамъ угодное есть для меня законъ священный и неприступный.

Отъ всего сердца приношу в. с. мою чувствительнѣйшую благодарность за пріемлемое вами благодѣтельное участіе въ бѣдной моей больной, которая, по благости Божіей, начинаетъ оправляться, что тѣмъ болѣе меня радуетъ, что она была совсѣмъ безнадежна и что чудесно Господь Богъ, съ самаго часа пріобщенія ея Св. Таинъ, возвратилъ ей жизнь и здравіе, за что буди Его милосердію вѣчная слава и хвала.

Касательно помѣщенія въ гимназію молодого человѣка, о коемъ писать изволите, Алексѣй Алексѣевичъ [2]) мнѣ еще не говорилъ, а вашимъ именемъ просилъ меня о помѣщеніи въ канцелярію двухъ

[1]) Теоболдъ Реннеръ—ординарный профессоръ ветеринарной науки. Оставался въ университетѣ до 1812 г., † въ Іенѣ 1850.

[2]) Перовскій.

P. S. Я никогда при всемъ моемъ смиреніи не могъ себя поставить ниже Потоцкова (sic) [1]) и Клингера [2]). Первый и сенаторъ и попечитель, а второй и 5 мѣстъ занимаетъ, къ несчастію нашего отечества, а потому и смѣю надѣяться, что хотя при двухъ мѣстахъ меня оставя яко имѣющаго уже то наружное преимущество, что я не полякъ и не иллюминатъ, что весьма ясно доказано быть можетъ свидѣтельствомъ всѣхъ благомыслящихъ людей, то, по наружности же и по свѣтскимъ приличностямъ вещи размѣряя, обидно и прискорбно русскому дворянину, привязанному ко благу отечества, меньше имѣть выгодъ, нежели полякъ и иллюминатъ.

29.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ, на сей же почтѣ отправленныхъ, бумагъ, за нужное почитаю донести в. с., что отсюда отправиться мнѣ никакъ невозможно будетъ прежде Января, по слѣдующимъ дѣламъ, не терпящимъ отсрочки: 1) Торгъ дому типографіи, яко самую необходимую для насъ потребность, долженъ я уладить, да и матеріалы подряжать, кои зимою гораздо дешевле, а безъ меня ни на покупку дома, ни на подрядъ матеріаловъ рѣшиться университетъ не можетъ. 2) О лопухинскомъ домѣ для гимназіи уповая, что разрѣшеніе скоро отъ васъ будетъ, должно будетъ, не тратя времени, приступить къ дѣлу, а когда зимнее время упустимъ, то весною все въ-три-дорога купимъ, что все я надѣюсь въ теченіе Декабря устроить. 3) Изъ бумаги моей оффиціальной объ ассигнованіи полной суммы, на училища положенной, изволите увидѣть мои мысли о распоряженіяхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, въ какихъ именно городахъ московской губерніи, а поелику она самоважнѣйшая, то и предполагаю я прежде всего ее объѣздить, обозрѣть и устроить, а тамъ и въ другія губерніи пуститься. 4) Экзаменъ въ благородномъ пансіонѣ будетъ около половины Декабря; вы сами изволите знать, что по заведенному тамъ устройству и охотѣ производить въ студенты, надобно за экзаменомъ крѣпко посмотрѣть, какъ вы и сами приказывать изволили, да и за самою раздачею награжденій потребенъ внимательный надзоръ. 5) Дмитревскому и учителю, съ коимъ у него исторія, предписано сюда явиться, и мнѣ надобно, по вашему предписанію, это дѣло кончить. Почему и надѣюсь, что в. с., всѣ причины и распоряженія мои одобря, не изволите мнѣ вмѣнить въ вину, что я до Января не поѣду.

Еще же за нужное почитаю в. с. напомнить, касательно прибавки

[1]) Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, попечитель харьковскаго университета, д. т. с., членъ госуд. совѣта, † 1829.

[2]) Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ, попечитель дерптскаго университета, † 1831.

суммы отъ здѣшняго приказа общественнаго призрѣнія, о коей мы здѣсь говорили, и я представилъ вамъ копію съ бумаги, писанной отъ графа Ивана Васильевича [1]) къ г. министру полиціи [2]), отъ коего на сію сумму потребно разрѣшеніе, коего графъ Иванъ Васильевичъ по сіе время еще не получалъ, то не разсудите ли за благо о семъ г. министру полиціи напомнить; ибо и графъ Иванъ Васильевичъ сего только ожидаетъ, чтобы на гимназію отпустить требуемую изъ приказа сумму. Послѣ завтра, т.-е. въ субботу, 3-го числа, ѣдетъ отсюда человѣкъ знакомый, то и предоставляю себѣ еще имѣть счастіе писать къ в. с. о томъ, о чемъ не успѣлъ донести на сей почтѣ.

Москва. Декабря 1 дня, 1810.

30.

За нужное почитаю донести в. с., что г. исторіографъ Карамзинъ сегодня отправляется въ Петербургъ и, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, ѣдетъ именно нарочно для того, чтобы дѣйствовать противу васъ и, яко депутатомъ отъ всего историческаго общества, просить, что они всѣ несправедливо обижены. Между прочимъ, одинъ изъ его знакомыхъ вопрошалъ его, зачѣмъ онъ ѣдетъ, то онъ ему отвѣчалъ: *затѣмъ, чтобы Разумовскій и его всѣ затѣи полетѣли къ чорту.* Противу же указа и противу васъ онъ говоритъ публично, и, словомъ сказать, самолюбіе его такъ оскорблено, что онъ въ ярости и бѣшенствѣ и не думалъ ѣхать въ Петербургъ до разрушенія общества; а теперь нарочно ѣдетъ. Пристанетъ онъ у г. министра юстиціи, съ коимъ онъ очень друженъ, а потому и мѣры берите, какія ваше благоразуміе и твердость вамъ внушитъ. Его же намѣреніе все и цѣль та, чтобы новое общество не утвердилось и даже говоритъ, что онъ будетъ имѣть особую бесѣду съ Государемъ.

Главныя и сильнѣйшія мѣры тѣ, что я вамъ неоднократно писалъ: нужно необходимо его демаскировать какъ человѣка вреднаго обществу и коего всѣ писанія тѣмъ опаснѣе, что, подъ видомъ пріятности, преисполнены безбожія, матеріализма и самыхъ пагубныхъ и возмутительныхъ правилъ; да и безпрестанные его публичные толки вездѣ обнаруживаютъ его яко якобинца. Возьмите даже его Марфу Посадницу. Какой республиканскій духъ, и какая пустая выдумка, имѣющая цѣлію только воспалять духомъ республиканскимъ!

Вложилъ въ уста пьяной и глупой бабы ораторскія рѣчи въ защиту вольности новгородцевъ и заставилъ ее говорить какъ Демосѳена. И позволено-ли историческое происшествіе, бывшее недавно

[1]) Гудовича.
[2]) Балашеву.

за 200 лѣтъ, исказить вымыслами и на какой конецъ какъ на якобинскій? Я скоро очень доставлю вамъ выписку изъ проклятыхъ его сочиненій, гдѣ увидите весь ядъ, который онъ разлить старался на бѣдное наше юношество, полюбившее, къ несчастію, его бредни. Не въ чины его жаловать надобно, а велѣть присматривать за нимъ и за его знакомыми. У него бываютъ сборища, гдѣ любимые разговоры — кощунства на счетъ религіи и св. писанія, коими онъ явно ругается! Возьмите хоть одну маленькую его книжку, вездѣ продающуюся, подъ названіемъ *Разговоръ о счастіи*, и увидите явный матеріализмъ и зловредное для юношества ученіе. А у насъ въ университетѣ его сочиненія какъ модель штиля сдѣлались классическими. Я не могу формально противъ этого возстать, ибо всѣ возопіютъ: *это личность*. А вы предписать это можете.

Да и что за авторъ! куда онъ годится! противенъ всякой нравственности, а штиль, про который такъ кричатъ, не вѣдающіе русскаго языка! штиль самый дурной, неправильный и не русскій! Загляните въ книгу *О старомъ и новомъ русскомъ слогѣ*, сочиненную вице-адмираломъ Шишковымъ, или удостойте Шишкова о семъ поговорить, онъ ясно доказываетъ, что сей авторъ худо грамотѣ знаетъ. Но какъ бы то ни было, поѣхалъ онъ въ Петербургъ не за добромъ, а съ великими замыслами и интригами, вся его партія здѣсь уже заранѣе ему какъ идолу поклоняется, думая, что онъ будетъ случайнымъ человѣкомъ. Профессоры наши курятъ ѳиміамъ передъ нимъ и многіе были въ первый день праздника съ визитомъ, а у меня не были. Вотъ какое онъ вліяніе здѣсь имѣетъ. Вы одни можете уронить его цѣну и сдѣлать, чтобы онъ не такъ у двора принятъ былъ, какъ его обожатели воображаютъ, и чтобы не съ тріумфомъ сюда возвратился, какъ они всѣ увѣрены. А самое сильное для него пораженіе: 1) если уставъ общества исторіи утвердится, ибо онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ утвержденію его помѣшаетъ; 2) если вы, яко отъ самихъ себя, разсудить изволите написать ко мнѣ бумагу, что его сочиненія не употреблять, яко классическія, въ университетѣ и во всѣхъ училищахъ.

Исторіею же своею, коей еще не видалъ никто, или весьма малое число людей видѣли, хвастаетъ онъ заранѣе, что всѣ наши хроники, всѣ писатели прежде него врали, а онъ откроетъ свѣтъ въ нашей исторіи! Но заранѣе можно сказать, что это будетъ романъ, ибо самъ онъ говорилъ, что на русскихъ хроникахъ не утверждался, а основывался на иностранныхъ, напримѣръ, на Омаріѣ и ему подобныхъ. Тутъ только одно замѣчаніе г. исторіографу сдѣлать можно, а именно: что ежели новѣйшіе иностранные писатели, какъ-то: Леклеркъ, Шапъ, Перень врали на счетъ Россіи небылицы и тогда, когда мы со всею Европою въ сношеніи, то могли ли о насъ справедливо писать

древнѣйшіе иностранцы, на коихъ г. историіографъ утверждается. Несторъ бредитъ, по его мнѣнію, яко глупый монахъ, и вотъ развязка, почему Нестора нарочно въ угожденіе ему Чеботаревъ не далъ издавать, дабы дать время выдать исторію и дабы изданіе Нестора не ускорило и не изобличило бы лживости г. историіографа и не опровергло бы всѣхъ его вымысловъ и фантазій. Это у него съ Чеботаревымъ условлено было и онъ летитъ въ Петербургъ, дабы и намъ помѣшать его изобличить изданіемъ вѣрныхъ лѣтописей. Итакъ, в. с. лучше меня изволите знать, какія брать мѣры для чести университета, для блага общаго и для собственной вашей славы предъ публикой, которая, буде нашъ уставъ не утвердится, еще болѣе будетъ прославлять и достоинство и силу г. историіографа, такъ уже щедро награжденнаго за одно намѣреніе издать исторію.

Простите мнѣ в. с. мое многоглаголаніе: оно изъ одной любви къ отечеству проистекаетъ. Я только-что сегодня свѣдалъ о поѣздкѣ г. историіографа, то и поспѣшилъ на тяжелой почтѣ о семъ васъ увѣдомить. Спѣшу послать разговоръ его о счастіи. Этимъ можете его изобличить. Ядовитыя мѣста противу нравственности нарочно мною подчеркнуты, потрудитесь хоть взглянуть на нихъ. Я вскорѣ къ вамъ пришлю выписку изъ всѣхъ его сочиненій.

Москва. Декабря 2 дня, 1810 г.

31.

Во-первыхъ, имѣю честь донести в. с., что общество историческое образовано. Президентъ выбранъ Бекетовъ [1]) по причинамъ, о коихъ я имѣлъ честь прежде вамъ доносить, да и потому: 1) чтобы не сказано было, что я, желая президентства, противу сего общества дѣйствовалъ; 2) что по занятіямъ моимъ мнѣ и свободнаго времени мало. Правило или уставъ, въ коемъ все къ лучшему придумано, готовъ, и ежели на завтрашней тяжелой почтѣ не успѣю, то непремѣнно на слѣдующей и уставъ и протоколъ перваго засѣданія буду имѣть честь при оффиціальномъ моемъ донесеніи в. с. представить.

Ведя неутомимую мою дѣятельность, прошу, по приложенной при семъ запискѣ, попещись о доставленіи какого-либо упадающему моему духу ободренія, которое и для васъ самихъ предъ глазами публики нужно показать поддержаніемъ моихъ трудовъ, подъ вашимъ руководствомъ къ пользѣ общей дѣйствующимъ. За нужное почитаю вамъ, яко благодѣтелю моему, сказать о нѣкоемъ слухѣ касательно учебныхъ польскихъ фундушей и особымъ по онымъ и будто бы весьма удивительнымъ дѣйствіямъ г. Мартынова, что слышавъ отъ ра-

[1]) Платонъ Петровичъ Бекетовъ, извѣстный любитель археологіи, р. 1761 † 1836.

ныхъ вѣроятія достойныхъ людей, получилъ, наконецъ, подтвержденіе о томъ же отъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, съ такимъ отъ него объясненіемъ, что ежели в. с. примете трудъ обстоятельнаго и искренняго о семъ донесенія потребовать отъ находящагося при васъ г. Дьяченка, то удостовѣритесь въ истинѣ сего дѣла, которое казалось мнѣ толикой важности, что должно было довести его до вашего свѣдѣнія, да и помыслилъ я, что, свѣдавъ такіе слухи и не сообщивъ ихъ вамъ, погрѣшилъ бы я противу совѣсти, и противу благодарности, коею я вамъ обязанъ.

Отъ всего сердца поздравляя в. с. какъ съ наступающимъ воспоминательнымъ торжествомъ воплощенія Христа Спасителя, желаю да Онъ со всѣми дарами Его родится въ ясляхъ доброй души вашей и повитъ будетъ пеленами вашея теплыя вѣры, такъ и съ новымъ годомъ, съ коимъ Господь да обновитъ юность духа вашего, яко орла, и поможетъ вамъ непрестанно обновлять во благѣ, въ чистой и непорочной радости, коимъ да сопутствуютъ всѣ благословенія и милости, ихъ же посылаетъ Господь любящимъ его.

Москва. Декабря 22 дня, 1810 г.

32.

Старшины благороднаго собранія, удостоясь получить Высочайшій рескриптъ, съ коего копію при семъ прилагаю, просили меня усердно сочинить на сей случай хоръ; я, и по внушеніямъ сердца моего и по ихъ желанію, сіе исполня, имѣю честь послать къ в. с. нѣсколько экземпляровъ, прося, буде заблагоразсудите, довести сіе до свѣдѣнія И. И. В., я же и не смѣлъ, и не желалъ инымъ путемъ оныя кому либо доставить.

Москва. Января 9 дня, 1811.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Господа Старшины Россійскаго благороднаго собранія, Мнѣ всегда пріятно вспоминать время, когда личнымъ Моимъ среди васъ присутствіемъ могъ Я дать московскому благородному обществу новый опытъ отличнаго Моего къ нему вниманія. Принявъ тогда званіе члена благороднаго собранія, нынѣ съ удовольствіемъ оное возобновляю. Симъ желаю Я означить, сколь много цѣню Я чувства приверженности, коими сословіе сіе всегда отличалось. Союзъ, полагаемый усердіемъ его членовъ и Моимъ къ нимъ благорасположеніемъ, пребудетъ неразрывенъ. И въ отсутствіи Моемъ, среди васъ Я находиться буду.

Пребываю вамъ всегда благосклонный. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Александръ.

Въ С.-П-бургѣ. 29 Декабря, 1810 г.

33.

За нужное почитаю донести в. с., что г. адъюнктъ Андрей Чеботаревъ [1]) просилъ у меня позволенія ѣхать въ Петербургъ. Я, зная его необузданное поведеніе и дерзкій языкъ, кои уже на замѣчаніи здѣшняго правительства неоднократно были, а изъ того предполагая, что присутствіе г. Чеботарева въ Петербургѣ не можетъ принести чести университету, да даже и всякой исторіи отъ него ожидать можно, объявилъ ему, что, безъ вашего позволенія, я уволить его не смѣю; а потому покорнѣйше в. с. прошу для избавленія меня отъ приступовъ г. адъюнкта предписать мнѣ, что вы не соизволяете на его отпускъ, по извѣстнымъ вамъ его шалостямъ, которыя и по нынѣ въ разныхъ видахъ и пакостныхъ исторіяхъ продолжаются.

Москва. Января 9 дня, 1811.

34.

За должное почитаю в. с. донести, что по неудовольствію г. владимірскаго губернатора на директора Дмитревскаго, сей послѣдній имъ крайне притѣсняется въ разсужденіи сдѣланнаго в. с. ему директору *особеннаго порученія* [2]) и даже его поѣздка и посѣщеніе [3]) вмѣняются ему въ преступленіе съ весьма дерзкими угрозами. А изъ за всего того, лучшее къ прекращенію средство есть переведеніе г. Дмитревскаго въ другое мѣсто, какъ я имѣлъ честь о томъ къ в. с. писать съ изложеніемъ мыслей моихъ, какъ о мѣстѣ, для него готовомъ здѣсь, такъ и о избраніи ему отсюда преемника.

Москва. Января 16 дня, 1811 г.

35.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ на сей же почтѣ посылаемыхъ отношеній за нужное почитаю донести в. с. слѣдующее:

1) Руководствуясь наставленіями вашими о [illegible] въ историческое общество, я за обязанность [illegible]

[1]) Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, адъюнктъ химіи и [illegible] философіи, этико-политическихъ и физико-математическихъ [illegible]

[2]) Присматривать за графомъ Кирилою Алексѣевичемъ.

[3]) Въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь.

съ благодарностію доставить графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину [1]) рукопись древняго Несторова лѣтописца, въ коей мы, благодаря г. Тимковскому [2]), болѣе уже нужды не имѣемъ; а при семъ случаѣ пригласилъ е. с. въ члены вновь составляемаго общества, что онъ принялъ весьма благопріятно, давъ обѣщаніе быть самымъ дѣятельнымъ нашимъ членомъ, и всѣми силами благу общества содѣйствовать.

2) А такъ какъ графъ Алексѣй Ивановичъ объявилъ мнѣ, что онъ сію рукопись непремѣнно отправитъ въ Петербургъ; да и сверхъ того свѣдалъ я, что онъ въ сношеніи съ г. Олениным [3]), пекущимся о скорѣйшемъ изданіи сей лѣтописи, то въ предупрежденіе, чтобы насъ не выпередилъ г. Оленинъ, не благоугодно ли будетъ в. с. испросить, чтобы сія рукопись подарена была вновь составляющемуся историческому обществу.

3) Мы приступимъ немедленно къ печатанію лѣтописца, и всѣ силы употребимъ, чтобы онымъ не мѣшкать. Какъ же скоро получимъ отъ в. с. разрѣшеніе, то и къ другимъ работамъ общество приступитъ, учредя предварительно періодическія засѣданія.

Февраля 13 дня, 1811 г. Москва.

36.

Вчера по почтѣ послалъ я оффиціальныя къ в. с. о разныхъ предметахъ бумаги, а сегодня, по увѣренію О. А. [4]) о вѣрности случая, пишу съ его же совѣта, просивъ его вложить письмо въ его къ вамъ пакетъ и разсудилъ писать то, чего по почтѣ никакъ нельзя вѣрить; итакъ, за нужное почитаю донести в. с. слѣдующее:

1) Вѣрнѣйшія получилъ я свѣдѣнія, что г. Козодавлевъ [5]) крайне не благорасположенъ и къ вамъ и ко мнѣ, всячески подъ нами подыскивается, и почти за вѣрное полагать можно, что каждая ваша бумага ко мнѣ и моя къ вамъ распечатаны бываютъ; и одинъ пакетъ вашъ получилъ я, на коемъ даже весьма примѣтнымъ и неискуснымъ образомъ печать сорвана и приклеена. Но пусть его забавляется, коли

---

[1]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, д. т. с., р. 1744, † 1817, извѣстный археологъ, издатель слова „О полку Игоревѣ".

[2]) Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій (см. выше), издалъ лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку. Разсужденіе его о Несторѣ напечатано было въ 1 ч. «Трудовъ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ».

[3]) Алексѣй Николаевичъ Олениинъ, президентъ академіи художествъ, государственный секретарь, † 1842.

[4]) Поздѣева.

[5]) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, д. т. с., министръ внутреннихъ дѣлъ.

ему досугъ, и наши ученыя сношенія читаетъ, что́ онъ въ нихъ найдетъ!

2) Весьма значущее и непріятное впечатлѣніе сдѣлало на нашихъ университетскихъ людей производство Кошанскаго въ надворные совѣтники, по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому, что въ 16-й статьѣ утвердительной грамоты сказано, что докторы состоятъ въ 8 классѣ, а токмо профессоры въ 7-мъ, а онъ еще и не адъюнктъ; 2) потому, что онъ многихъ старшихъ себя обошелъ; 3) что въ весьма недавномъ времени ему сдѣланъ въ совѣтѣ выговоръ по предписанію вашему.

3) Не меньше того дивятся тому, что нашъ кандидатъ Константинъ Воиновъ, служащій у насъ на казенномъ содержаніи и получающій жалованье, пожалованъ въ коллежскіе секретари по представленію министра юстиціи, чрезъ коего и указъ объявленъ, о чемъ мы и вѣдѣніе въ сенатъ получили 8 Февраля. По той же утвержденной грамотѣ, кандидаты состоятъ въ 12-мъ классѣ, а Воиновъ произведенъ въ 10-й классъ, то уже многіе старшіе и Кошанскаго и Воинова ко мнѣ приступаютъ о представленіи ихъ къ производству яко обойденныхъ сими двумя человѣками, о коихъ мы и не представляли.

4) За должное почитаю донести в. с., что у насъ гораздо поумножилось число лифляндскихъ дворянъ, слушающихъ профессорскія лекціи; нынѣ ихъ человѣкъ 12 весьма хорошихъ семей и весьма благонравные люди. Я ихъ очень обласкалъ; двое послѣдніе пріѣхавшіе баронъ Будбергъ и Лангель. На вопросъ мой, отъ чего лифляндскіе дворяне не въ Дерптѣ учатся, а къ намъ пріѣзжаютъ, они отвѣчали, что и еще многіе сюда собираются и скоро никого изъ дворянъ въ дерптскомъ университетѣ не останется, ибо-де всю довѣренность потеряли, потому что профессоры явно проповѣдаютъ безбожіе, и пока-де Клингеръ будетъ попечителемъ, то и не будутъ имѣть никакой довѣренности къ университету: ибо-де Клингера вся Лифляндія ненавидитъ яко человѣка дурныхъ правилъ, злобнаго и безбожнаго. Объ этомъ будто уже сбираются и депутацію сдѣлать изъ Риги, что Клингеромъ и университетомъ недовольны. А въ дерптскомъ университетѣ дошло до того, что щеголяютъ безбожіемъ и профессора безъ стыда говорятъ: „*мы-де знаемъ, что попечителю сіе ученіе пріятно и что-де его эта цѣль всѣмъ ученымъ извѣстна, чтобы религію яко предразсудокъ истребить, о чемъ-де есть особыя его тайныя предписанія*“. Я почелъ за нужное васъ о семъ увѣдомить.

5) Профессоръ Фишеръ [1]) просилъ меня представить в. с., что такъ какъ число членовъ общества натуралистовъ ежедневно умно-

[1]) Григорій Ивановичъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, заслуженный профессоръ естественной исторіи, р. 1771 † 1853.

жается, а потому и число дипломовъ увеличивается, то во облегченіе ваше, неблагоугодно ли будетъ в. с. разрѣшить, чтобы хотя тѣмъ, кои не такъ чиновны и знатны, дипломы давать за моимъ подписаніемъ, съ прибавкою: *за отсутствіемъ президента подписалъ вице-президентъ.* На что вашего приказанія ожидать буду.

6) Вчера мы выбрали въ члены почетные университета Сергѣя Семеновича [1]), также и въ члены общества натуралистовъ.

7) Общество физико-медицинское подъ руководствомъ Рихтера [2]) работаетъ весьма дѣятельно, акты его скоро выйдутъ; а сверхъ того исторіи медицины въ Россіи [3]), уже вступленіе прекрасно сдѣлано и читано въ послѣднемъ засѣданіи. Рихтеру надобно отдать честь, онъ человѣкъ рѣдкій и неутомимый; мы не ошиблись, избравъ его въ президенты сего общества.

8) Профессоръ Буле объявилъ мнѣ самъ, что онъ въ перепискѣ съ г. Фесслеромъ [4]), что 11 Февраля онъ отъ г. Фесслера получилъ письмо, коимъ сей послѣдній увѣдомляетъ его, что онъ на сихъ дняхъ будетъ въ Москвѣ, что пристанетъ у него Буле и пробудетъ въ Москвѣ недѣли три или болѣе. Естественно заключить можно, что г. Буле предложитъ Фесслеру въ члены нашихъ ученыхъ обществъ: то какъ съ симъ прикажете быть и какъ поступки мои располагать въ разсужденіи г. Фесслера, коего Буле сбирается ко мнѣ привести, ожидаю на сіе вашего отеческаго наставленія. Я-жъ съ моей стороны на г. Фесслера и на пріѣздъ его сюда смотрю яко на желаніе волка вкрасться въ овчарню. А такъ какъ Господь Богъ ввѣрилъ мнѣ, недостойному, два стада, то поддержите меня и пожелайте, да сей волкъ не расхититъ добрыхъ овецъ! Я не наемникъ, то и не убѣгу, а буду, елико силъ достанетъ, радѣть объ овцахъ. Господь да поможетъ мнѣ его милосердіемъ! Не скрою однако же отъ отъ васъ, благодѣтеля моего, что таковой гость не весьма мнѣ пріятенъ.

9) О Реннерѣ и Грузиновѣ вчера по почтѣ послалъ къ в. с. представленія; основываясь на собственныхъ вашихъ о нихъ предположеніяхъ, смѣю надѣяться, что мои представленія одобрить и утвердить изволите.

Вотъ все то, что на сей разъ в. с. донести имѣю; заключаю порученіемъ себя продолженію вашей драгоцѣнной мнѣ милости; при-

[1]) Уварова.

[2]) Вильгельмъ Михайловичъ Рихтеръ, заслуженный профессоръ повивальнаго искусства, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, р. 1767 † 1822.

[3]) Geschichte der Medecin in Russland. Moscau, 1813—1817, 3 т.

[4]) Игнатій-Авреліанъ Фесслеръ, родомъ венгерецъ, знаменитый мистикъ, бывшій капуцинъ перешедшій въ протестантство, профессоръ при Александро-Невской академіи, суперинтендентъ въ Саратовѣ и наконецъ генеральный суперинтендентъ въ С.-Петербургѣ, р. 1756 † 1839.

совокупляя сердечную молитву—да Господь Богъ подкрѣпитъ васъ въ великихъ вашихъ подвигахъ, да милость Его и благословеніе пребудутъ съ вами неразлучно во все теченіе вашей жизни.

Москва. Февраля 18 дня, 1811 года.

37.

Не успѣвъ по вчерашней легкой почтѣ отправить, при семъ имѣю честь препроводить къ в. с. прибавленіе къ Московскимъ нѣмецкимъ Вѣдомостямъ, печатаемое при ономъ отъ общества физико-медицинскаго послѣ каждаго онаго ежемѣсячнаго засѣданія, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ученая публика видѣла, что оное общество, въ непрерываемой дѣятельности пребывая, засѣданія свои продолжаетъ регулярно. Въ каждомъ же таковомъ къ газетамъ прибавленіи означено вкратцѣ, какія упражненія при каждомъ засѣданіи общество имѣло. Сія мысль и исполненіе оной были отъ меня съ тѣмъ намѣреніемъ произведены въ дѣйствіе, чтобы ясно и несомнѣнно видѣли, что ученыя общества наши не по имени, а въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Весьма я доволенъ буду, ежели в. с. одобрить изволите сіе положеніе, которое, кажется мнѣ, и въ планъ всякаго общества входить должно, почему и оное помѣстилъ въ правилахъ, начертанныхъ мною для историческаго общества, коего члены, и старые и новые, нетерпѣливо новаго бытія сему обществу отъ в. с. ожидаютъ. Ежели мнѣ Богъ помогъ привести въ толь живую дѣятельность общество физико-медицинское, въ коемъ по большей части иностранцы, то судите-жъ, какъ будутъ работать русскіе, съ коими мнѣ гораздо пріятнѣе дѣйствовать, нежели съ иностранцами.

За нужное почитаю донести, что Алексѣй Алексѣевичъ [1]) часто меня посѣщая, наступалъ неоднократно о принятіи его въ нашъ кругъ; я подъ разными предлогами сіе отлагалъ, наконецъ вчера онъ требовалъ еще настоятельнѣе, чтобы я ему непремѣнно сказалъ причины столь долгой отсрочки. Я, будучи уже отъ О. А. [2]) пріуготовленъ и наставленъ, какъ съ нимъ дѣйствовать, сіе сказалъ ему: что будучи в. с. облагодѣтельствованъ, а поелику Алексѣй Алексѣевичъ такъ къ вамъ близокъ, то не смѣю на это рѣшиться и дать ему слово безъ вашей воли. Онъ на это сказалъ: *какъ можно сомнѣваться чтобы графъ былъ противъ этаго?* Я отвѣчалъ, что не сомнѣваюсь, но что доколь отъ васъ разрѣшено не будетъ, я обѣщать ему ничего не могу, итакъ, совѣтую ему къ вамъ писать, а между тѣмъ, не вѣдая исполнитъ ли онъ сей совѣтъ, за нужное почелъ васъ о семъ его по-

[1]) Перовскій.
[2]) Поздѣева.

ложеніи увѣдомить, и шагу съ нимъ рѣшительнаго не сдѣлаю, не получа вашего наставленія, какъ съ нимъ дѣйствовать, на что и буду ожидать отъ васъ приказанія, коимъ, при первомъ вѣрномъ ѣздокѣ, прошу покорнѣйше меня снабдить. Съ другимъ я бы зналъ какъ дѣйствовать, но съ человѣкомъ толь близкимъ къ вашему сердцу, я крайне въ затрудненіи потому только, что крайне остерегаюсь противъ васъ, моего благодѣтеля, погрѣшить, чего и доброю волею, ей-ей, не только словомъ или дѣломъ, но ниже мыслію не желаю.

Москва. Февраля 28 дня, 1811 года.

38.

Милостивое и почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 24-го Февраля, я имѣлъ счастіе получить исправно, и на что могу успѣть, буду имѣть честь отвѣчать по нѣкоторымъ пунктамъ письма вашего, предоставляя себѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, отвѣчать пространнѣе и подробнѣе, теперь же писать буду токмо о самонужнѣйшемъ.

1-е. Что Воиновъ произведенъ чрезъ министра юстиціи въ томъ изволите удостовѣриться изъ прилагаемой у сего выписки изъ газетъ, а буде изволите заглянуть въ Московскія вѣдомости № 17, на страницѣ 497, то и напечатанное сіе увидѣть изволите. Въ сенатѣ точно въ таковой же силѣ о семъ указъ чрезъ министра юстиціи объявленъ и намъ сообщенъ.

2-е. Весьма будучи согласенъ съ в. с., что многочисленное вербованіе въ члены общества натуралистовъ крайне невыгодно и уменьшаетъ его цѣну, я и прежде и нынѣ, г. Фишеру дѣлалъ о томъ мои замѣчанія, и какъ разсужденіе ваше нынѣ мнѣ сообщенное, такъ и волю вашу о дипломахъ ему объявилъ.

3-е. Касательно выбора въ почетные члены Сергѣя Семеновича, меня увѣрили, что никогда къ министрамъ на утвержденіе о нихъ не было представляемо, а что всегда утверждалъ самъ попечитель, рапортуя о томъ министру за извѣстіе, да и по бумагамъ видно, что в. с. графа Мамонова изволили утвердить въ члены сами, будучи попечителемъ, и не представляя о томъ министру на утвержденіе, да и въ 5-ой главѣ устава § 44, сказано просто, что *совѣтъ представляетъ на утвержденіе почетныхъ членовъ начальству*, а въ другихъ §§ означено именно, при какихъ случаяхъ и по какимъ матеріямъ попечитель на утвержденіе министра чиновниковъ представляетъ.

Вотъ почему именно, думая поступать законно, я о Сергѣѣ Семеновичѣ вамъ на утвержденіе не представилъ. Но впредь желая, какъ по сему случаю, такъ и по всякимъ другимъ, дѣлать вамъ угодное, буду представлять вамъ почетныхъ членовъ на утвержденіе. Каса-

тельно же выбора въ почетные члены, можете заключить, что я не слишкомъ щедръ, ибо въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ почетныхъ членовъ сдѣлалъ я трехъ: 1-е, Бекетова, который дѣйствительно того стоитъ и который уже сдѣлалъ кое-какіе кабинету нашему довольно значущіе подарки, да и обѣщаетъ еще болѣе значущее наслѣдство отказать университету, будучи человѣкъ богатый, одинокій и бездѣтный; 2-е, сдѣлалъ я членомъ извѣстнаго своими знаніями барона Фитингофа, который, кромѣ разныхъ, весьма хорошихъ подарковъ обществу натуралистовъ, оба наши общества, какъ сіе, такъ и физико-медицинское, обязался поддерживать ежегодною суммою, и въ каждое изъ сихъ обществъ взнесъ уже по 200 р. за годъ впередъ; 3-е, избралъ я членомъ Сергѣя Семеновича, 1-е, потому, что онъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ и весьма хорошо учившійся; 2-е, потому, что онъ попечитель учебнаго округа; 3-е, потому, что онъ на сіе самъ изъявилъ искреннее желаніе; 4-е, потому, что онъ къ вамъ толь близокъ и что я думалъ сдѣлать тѣмъ вамъ угодное. Впредь же поставлю себѣ за правило еще быть разборчивѣе и не болѣе какъ одного члена въ годъ принимать, и то съ вашимъ утвержденіемъ и одобреніемъ.

4-е. О Грузиновѣ изъ моего представленія могли в. с. усмотрѣть, что я отнюдь не одобрялъ выбора его прямо въ ординарные профессоры, и даже мнѣнія моего не сказалъ, а предавалъ вашему разсмотрѣнію мнѣніе совѣта, а что совѣтъ къ нему пристрастенъ, противъ этого я не спорю, и не могъ иначе представить, какъ такъ, какъ они представляли; я же, повѣрьте мнѣ, ни къ Грузинову, ни къ кому на свѣтѣ пристрастенъ не былъ и не буду, считая то за укоризну моей совѣсти, а о достойныхъ людяхъ ходатайствовать и представительствовать у васъ я обязанъ; маленькій же образчикъ моего безпристрастія изволите в. с. видѣть передъ собою: признаюсь вамъ, какъ благодѣтелю, что профессора Панкевича лично я не люблю за то, что онъ своенравенъ, много въ совѣтѣ шумитъ, много споритъ и столько гордъ, что у меня въ домѣ еще ни разу не былъ, но чтожъ? зная при всемъ этомъ, что онъ мастеръ своего дѣла, человѣкъ неутомимый и нужный, я представилъ его къ знаку отличія. Изъ сего в. с. судите удобенъ ли я къ какому-либо пристрастію. За утвержденіе же Грузинова должностію почитаю чувствительнѣйшую в. с. принести благодарность.

5-е. Объ обществѣ историческомъ имѣю честь донести вкратцѣ, что президентъ пріѣхалъ, за работу принялись, 13-го числа будетъ торжественное открытіе, къ коему наличные, старые члены приглашены, дали слово нѣкоторые непремѣнно быть членами и соучаствовать въ трудахъ общества, сообразно уставу, въ томъ числѣ графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Николай Николаевичъ Бан-

тышъ-Каменскій, г. Карамзинъ и г. Малиновскій, охотнѣйшимъ образомъ и съ величайшимъ удовольствіемъ, приглашеніе отъ г. президента и отъ меня приняли; токмо нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ по ученой гордости отказались; о нихъ оффиціально буду имѣть честь в. с. донести при представленіи протокола и донесенія объ открытіи полнаго собранія. Партикулярное же засѣданіе новыхъ членовъ, или, такъ сказать, комитетъ для прочтенія устава и для взятія другихъ мѣръ, былъ вчерашняго числа; протоколъ о немъ буду имѣть честь представить в. с. Смѣю васъ увѣрить, что подъ такимъ предсѣдателемъ общество пойдетъ отъ силы въ силу; хотя весьма бы нужно денежное пособіе, однакожъ кое-какъ уладили, собравъ болѣе 500 руб. Сіе очень нужно было, ибо въ кассѣ прежняго общества ни копѣйки не нашлось. Надѣюсь, по ревности г. президента, что съ помощію его и другихъ добрыхъ, благотворительныхъ россіянъ, соберемъ еще и гораздо болѣе. Я съ моей стороны, будучи, вамъ извѣстно, весьма не богатъ, внесъ 100 руб. и ежегодно обязался по стольку давать, а коли Богъ поможетъ разбогатѣть, то и несравненно большей суммы не пожалѣю.

Москва. Марта 9 дня, 1811.

39.

По написаніи сего пространнаго письма получилъ я извѣстіе, что исторіографъ вчера поѣхалъ въ Тверь, будучи приглашенъ по эстафетѣ отъ великой княгини для свиданія съ Государемъ. Здѣсь его партія разглашаетъ, что онъ позванъ для важныхъ дѣлъ, и для употребленія весьма скоро къ очень важному посту. Вѣрно ли то, что сіе исполнится—не знаю, но вѣрно то, что онъ поѣхалъ, что собирается жаловаться на строгость цензуры, которая очень ему не по сердцу; ибо и ничего хоть подъ другими именами подаются, но всѣ подъ его надзоромъ, и по его апробаціи подаютъ въ цензуру, то ему очень обидно, что его пропаганда останавливается, а такъ какъ къ сей жалобѣ на цензуру вѣроятно и другіе цвѣты присоединены будутъ и козни устроены, то по возвращеніи Государя изъ Твери да поможетъ вамъ Господь отразить все то, что ему насказано будетъ. При прощаніи съ Буле и Чеботаревымъ, съ обоими была у исторіографа большая бесѣда, а сіи у насъ два самые недовольные: первый за то, что я о другѣ его Феслерѣ не выгодно отзывался, а второй за то, что сына повѣсу не отпускаю въ Петербургъ, и что не отпустилъ его безъ вашего позволенія, а отъ сына уже вышли здѣсь газеты, что вы будете перемѣщены въ другое министерство, что я буду отставленъ, что Карамзинъ будетъ Министромъ просвѣщенія, а Буле попечителемъ, и что Карам-

зинъ именно за тѣмъ позванъ, и что Государь будетъ къ сему склоненъ Великою Княгинею! Вотъ какія новости г. адъюнктъ разноситъ по университету, а сверхъ того по трактирамъ и кофейнымъ домамъ! То-то будетъ просвѣщеніе, коли сихъ двухъ соколовъ такъ возвысятъ! Для гибели воспитанія и религіи лучше придумать нельзя.

За должное поставя предварить васъ о сихъ ложныхъ, можетъ быть и пустыхъ слухахъ, также и о свиданіи, которое вѣрно исторіографъ съ Государемъ имѣть будетъ, молю Бога да пошлетъ вамъ свои милости и благословенія.

Москва. Марта 12, 1811.

40.

Три дня назадъ тому, т.-е. 9 числа сего мѣсяца, имѣлъ я честь писать къ в. с. по почтѣ, и на письмо ваше отъ 24-го Февраля, полученное мною чрезъ г. Соболевскаго, отвѣтствовалъ я в. с. по таковымъ только матеріямъ, которыя почтѣ ввѣрить можно, и которыя любопытный г. Козодавлевъ на досугѣ можетъ читать и видѣть, что оныя токмо до службы касаются. А теперь буду имѣть честь писать къ в. с. о другихъ матеріяхъ, о коихъ умалчивая, погрѣшилъ бы я противъ моего званія и противъ той искренности, коею я вамъ, яко моему благодѣтелю, обязанъ. А потому и доношу слѣдующее: 1) кажется мнѣ, буде не ошибаюсь, что профессоръ Буле имѣетъ запахъ иллюмината. Я убѣжденъ сіе думать по слѣдующимъ доводамъ: 1-е, на лекціи его, при коей я самъ присутствовалъ, къ археологіи онъ, между прочимъ, прицѣпилъ довольно колкія насмѣшки надъ древними мистеріями, потомъ надъ эссеянами, надъ гностиками и наконецъ дошло дѣло до того, что сіи глупости суть основанія христіанской религіи, которая просвѣщенію всегда вредною была; 2-е, представлена была мысль, что религіозные предразсудки какъ древнимъ въ успѣхахъ наукъ мѣшали, такъ и нынѣ то же дѣлаютъ; 3-е, бывъ у меня, г. Буле, говоря объ ученыхъ матеріяхъ и о древнихъ религіяхъ, крайне рекомендовалъ мнѣ книгу *Горусъ*, которая давно мнѣ извѣстна, яко классическая иллюминатская книга, опровергающая, подобно *Эліасу артисту*, самымъ тонкимъ образомъ воплощеніе Христа Спасителя. Я притворился, будто ее не знаю, также и на лекціи не сдѣлалъ я ему никакого замѣчанія, а будто мимо ушей пустилъ. Я такъ долженъ былъ поступить, вы знаете, кто его протежируетъ! Что дѣлать? Вотъ в. с. какого человѣка мы имѣемъ въ университетѣ: извольте разсудить, какого просвѣщенія отъ такихъ плевелъ ожидать должно, тѣмъ паче, что сего богомерзкаго проповѣдника слушаютъ съ удовольствіемъ, что я весьма могъ замѣтить; а потому не дадимъ

ли мы съ вами оба Господу Богу отвѣта, ежели не употребимъ всѣхъ средствъ къ избавленію университета отъ сихъ сѣменъ дьявольскихъ. Я теперь вамъ сказалъ, что думаю, и моему сердцу легче; ваше дѣло яко умнѣйшаго и опытнѣйшаго, нежели я, предпринимать мѣры, каковыя и религія и любовь къ отечеству, вами движущая, должны вамъ внушать: а я только скажу, что отъ всего сердца со слезами поблагодарю Бога, когда университетъ отъ г. Буле будетъ избавленъ. Не даромъ, видно, Фесслеръ прожилъ у него девять дней: ибо эта чудесная лекція послѣ Фесслера тотчасъ появилась.

2) Скоро пришлю я вамъ выписки изъ книги весьма подозрительной, которая подана была въ цензуру и которую я остановилъ. Теперь добираюсь, кто ея издатель и изъ какого она пера. Но уже развѣдалъ, что она была на цензурѣ исторіографа и крайне имъ выхваляема, то, думаю, изволитъ онъ разгнѣваться за то, что она остановлена. Въ его же домѣ всякій вечеръ собирается трибуналъ ложнаго просвѣщенія, изъ коего всякія на религію и на политическія дѣла выходятъ эпиграммы, сатиры и проч., которыя письменно раздаются.

3) Все сіе пишу я изъ единственнаго источника—желанія истиннаго блага и спокойствія моему отечеству и изъ такого увѣренія, что, имѣя пути злу противоборствовать, не должно къ тому упускать ни средствъ, ни времени, дабы не дать отвѣта Богу въ томъ, что мы, имѣвъ силы противопоставить разливающемуся злу оплотъ, сего не исполнили. Великій, в. с., и достойный васъ сдѣлаете подвигъ, ежели хотя мало дадите почувствовать Государю, что исторіографъ есть человѣкъ безъ всякой религіи. Уроня его вѣсъ въ ученой публикѣ, много вы уже сдѣлаете и приложите пластырь къ ранамъ, нанесеннымъ истинному просвѣщенію симъ неистовымъ моднымъ писателемъ и его послѣдователями. Вѣрьте, что вы, низложа весь этотъ сатанинскій соборъ, сотворите угодное Богу и незабвенную услугу потомству. Выписку изъ сочиненій исторіографа я вамъ доставилъ. Укажите хоть на одно безбожное мѣсто Государю, сего достаточно будетъ, чтобы вразумить его, какого человѣка онъ возвысилъ и толь необычайными милостями осыпалъ.

4) О себѣ уже я ничего не говорю, вы видите мою дѣятельность, видите мои неусыпные труды, какъ по перепискамъ съ вами, такъ и по всему тому, что я дѣлаю для университета и съ какою точностію всѣ ваши благонамѣренные виды исполняю. Вамъ самимъ для вашей чести нужно поддержать и показать публикѣ, что попечитель болѣе важенъ, нежели Ціціановъ [1]), смотритель оружейной палаты, брилліантовые знаки получившій, и что графъ Разумовскій, благона-

[1]) Князь Михаилъ Дмитріевичъ Ціціановъ, † 1841.

мѣренный министръ, имѣетъ столько же силы и вѣсу какъ Валуевъ [1]), многія награжденія своимъ подчиненнымъ непрестанно доставляющій.

Москва. Марта 12 дня, 1811 года.

41.

Почтеннѣйшее письмо, в. с., отъ 10-го Марта чрезъ г. ст. сов. де-Вераіона имѣлъ честь получить исправно; по довольно пространной съ нимъ по сему дѣлу бесѣдѣ, разсматривалъ я и всѣ бумаги, имъ мнѣ доставленныя. При первомъ удобномъ случаѣ буду я имѣть честь сдѣлать в. с. подробное о семъ съ моимъ мнѣніемъ донесеніе. Между тѣмъ, пріемлю смѣлость предварительно в. с. увѣрить, что всякое ваше порученіе есть для меня бремя самое легкое, а исполненіе онаго сладостнѣйшее удовольствіе. Дай Богъ, чтобы я много въ жизни моей имѣлъ случаевъ и возможности на опытахъ доказывать, сколь искренны и непремѣнны чувствованія сердечной моей приверженности.

P. S. Ради Бога, в. с., ободрите Зосиму [2]), онъ дворянинъ, а и купцу Пантелѣеву, мужику съ бородою, за крашеніе набойки пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й степени; а Зосима, ежели мы его поддержимъ, то много добра готовъ сдѣлать и нашимъ финансамъ помочь; онъ говоритъ, что ежели сіе пожертвованіе его будетъ благопріятно принято, то онъ важнѣйшія сдѣлаетъ пособія всему университету вообще, и драгоцѣнную рѣдкую свою коллекцію золотыхъ и серебряныхъ медалей готовитъ ему въ подарокъ, кромѣ денежныхъ имъ предположенныхъ пособій. Судите, в. с., сколь таковой человѣкъ намъ нуженъ, а потому и съ нимъ и съ университетомъ сотворите по великой своей милости, о семъ на сей же почтѣ оффиціальное представленіе получить изволите. Бумага для лѣтописца куплена, литеры заготовлены, къ печатанію еще прежде праздника приступимъ. Не забудьте меня, грѣшнаго, видя неутомимые мои труды и попеченія объ общемъ благѣ.

Москва. Марта 20 дня, 1811 года.

42.

Обѣщавъ в. с. сдѣлать при первомъ случаѣ мое донесеніе о дѣлѣ вашемъ, по коему не токмо имѣлъ бесѣду съ г. Вераіономъ, но и читалъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ бумаги, имъ мнѣ сообщенныя, имѣя теперь по увѣренію Осипа Алексѣевича вѣрный случай, имѣю честь сказать вамъ:

[1]) Петръ Степановичъ Валуевъ, д. т. с., главный начальникъ кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, † 1814.

[2]) З. П. Зосима, извѣстный въ то время въ Москвѣ по своему богатству грекъ.

1) Дѣло ведено непорядочно, самымъ крючковатымъ, долгопротяжнымъ подъяческимъ образомъ, съ крайнимъ и обиднымъ для крестьянъ вашихъ притѣсненіемъ и съ крайнею натяжкою на сторону того, который обманомъ ввелъ ихъ въ порубку, сдѣланную ими по простотѣ и не думая, чтобы они дѣлали преступленія. А изъ сего слѣдуетъ:

2) Что поелику введшій ихъ чрезъ обманъ въ такое дѣло, буде оно пойдетъ порядкомъ, какъ за лживый поступокъ, такъ и за порубку, осужденъ будетъ къ лишенію чести и на поселеніе, то весьма надобно остеречься, чтобы по видимой нижнихъ мѣстъ на его сторону натяжкѣ не свалили съ больной головы на здоровую и не присудили бы крестьянъ вашихъ безвинно пересѣчь плетьми. По множеству такихъ дѣлъ, въ моихъ рукахъ бывшихъ, и по худому сего дѣла обслѣдованію, вижу я, что легко сей оборотъ дадутъ, съ нижнихъ мѣстъ зачиная и до самой палаты, въ которую представя дѣло запутанное, поставятъ палату въ необходимость въ такомъ же видѣ его и въ сенатъ представить, тѣмъ паче, что губернаторъ, при самомъ началѣ сдѣлавъ ошибку и послабленіе земскому суду, даже и не понуждая его, натурально, для закрытія своихъ послабленій, постарается поддержать всю неправоту нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, а потому должно:

3) Повѣренному вашему въ предупрежденіе сего, такъ и въ поспѣшествованіе къ окончанію дѣла, подать жалобу въ нашъ департаментъ въ томъ, что дѣло не имѣетъ надлежащаго хода и просить сенатъ, чтобы повелѣлъ дать ему движеніе и законное теченіе. За симъ, естественно, отъ сената послѣдуетъ резолюція—взять отъ палаты или губернскаго правленія объясненіе, которое вѣрно будетъ или крючковатое, или двусмысленное. Тутъ уже я буду стоять на стражѣ, чтобы дѣло вытребовать. Но и повѣренному вашему надлежитъ не зѣвать, чтобы въ срокъ подать апелляціонную жалобу, когда въ палатѣ дѣло будетъ рѣшено.

4) Но мой бы совѣтъ, что такъ какъ ваша бумага болѣе имѣть будетъ вѣсу, то вамъ бы самимъ подписать и прислать просьбу въ сенатъ — и тогда мое дѣло будетъ работать и быть вашимъ стряпчимъ.

5) Какія мѣры принять изволите, прошу меня увѣдомить, а паче когда ваша просьба или повѣреннаго вашего послана будетъ, то я возьму мѣры, чтобы бумага не завалялась и чтобы тотчасъ по ней доложили.

Вотъ все, что имѣю донести по дѣлу вашему; будьте в. с. увѣрены, что всякое ваше порученіе есть для меня сладостно, что вся жизнь моя будетъ непрестаннымъ засвидѣтельствованіемъ моей къ

вамъ безпредѣльной приверженности, что чтить васъ и любить есть священный мой долгъ.

P. S. Вспомните в. с., что Буле при васъ читалъ диссертацію о ядахъ; сообразите теперешнее его поведеніе, связь съ Фесслеромъ, съ Медоксомъ, съ Карамзинымъ, не пахнетъ ли это иллюминатомъ?

Москва. Апрѣля 10 дня, 1811 года.

43.

Много имѣю в. с. сказать, и потому прошу не поскучать прочтеніемъ моего письма. Я вчера возвратился въ мою деревню изъ Твери, гдѣ имѣлъ честь обѣдать съ Ея Императорскимъ Высочествомъ [1]), принятъ былъ довольно милостиво, чему и дивился, слышавъ, что Ея Высочеству меня всячески замарать старались недоброжелатели. Въ первый разъ моего свиданія, то есть 2-го Іюля, за столомъ, была рѣчь о профессорѣ Буле и какъ Е. В. изволила отзываться лучшимъ образомъ о немъ, то и я хвалилъ его способности и свѣдѣнія, потомъ Е. В. изволила изъявить ея желаніе, чтобы профессоръ Буле былъ у ней на вакацію; я доносилъ ей, что тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву прикажу ему въ Тверь явиться. Въ тотъ же день поѣхалъ въ Москву, по пріѣздѣ призвалъ г. Буле и объявилъ ему приказаніе Е. В., принявъ его очень ласково. Онъ говорилъ, что и самъ получилъ по эстафету приказаніе отъ Е. В., потомъ въ разговорахъ сталъ мнѣ говорить, что онъ обижается, что Рейсу пожалованъ крестъ св. Владиміра, а что Рейсъ былъ студентъ, когда уже онъ, Буле, былъ профессоръ. Я ему на сіе сказалъ, что подвиговъ его и службы не знаю; онъ на то сказалъ, что Е. В. крайне будетъ пріятно по ея къ нему милости, ежели и его представлю къ отличію. Я отвѣчалъ, что въ угодность Е. В. я все готовъ сдѣлать, но чтобы онъ сдѣлалъ записку о своей службѣ и ко мнѣ доставилъ. Я отпустилъ его очень ласково, сказавъ ему, что онъ ѣхать можетъ, и ежели хочетъ, то вслѣдъ за мною или въ одно время. Онъ сказалъ, что останется на день,—послѣ чего, какъ я торопился ѣхать, то, желая угодить Е. В., написалъ я къ нему самую ласковую записку, коей à peu près содержаніе здѣсь прилагаю. Записку онъ мнѣ доставилъ, и я поѣхалъ въ Тверь, куда пріѣхавъ, опять былъ приглашенъ къ Е. В. Узнавъ тутъ чрезъ знакомыхъ предварительно, что Е. В. крайне благоволитъ къ г. Буле и бывъ отъ многихъ о немъ вопрошаемъ, даже отъ герцога и отъ принца, но всегда съ предварительнымъ лучшимъ о немъ отзывомъ, я не могъ его также не хвалить, притомъ мнѣ и совѣтовали такъ дѣлать. Нѣкто изъ приближенныхъ далъ мнѣ почувство-

[1]) Великою Княгинею Екатериною Павловною.

вать, что Е. В. крайне пріятно будетъ, чтобы я г. Буле представилъ къ награжденію; мнѣ нечего болѣе было сказать, что я сіе исполню, но что, забывъ въ Москвѣ записку о его службѣ, а самъ ѣдучи въ деревню, желалъ, чтобы г. Буле прислалъ мнѣ записку сію въ мою деревню; а чтобы увѣрить Е. В., что всякій, ею покровительствуемый, для меня пріятенъ, что я прежде и самому Буле сказывалъ, ибо мнѣ говорили, что Е. В. имѣетъ на меня нѣкоторыя за Буле неудовольствія, я на сіе отвѣчалъ, что самъ Буле скажетъ, что я всегда его принималъ ласково, что не только непріятностей ему не дѣлалъ, но даже грубостей не говорилъ.

Пишу сіе по эстафетѣ для того, что 15-го числа въ субботу Е. В. ѣхать изволитъ въ Петербургъ, то чтобы в. с. предварительно все знали и меня защитили при нужномъ случаѣ, ежели паче чаянія, Буле въ дурномъ запахѣ въ Петербургѣ, то да не вмѣнится мнѣ въ преступленіе, что я писалъ къ нему ласковую записку, и что ласково съ нимъ обращался. Могъ ли я иначе дѣлать, слыша самый лучшій о немъ отзывъ отъ такой высокой особы, твердо мнѣ говорившей, кромѣ величайшихъ похвалъ, что и образъ мыслей его ей извѣстенъ. Этимъ мнѣ ротъ былъ запечатанъ; кажется, иначе я не могъ дѣйствовать, то не примите сіе за фальшивость, а только за необходимую политику, и желаніе угодить Е. В. Что съ Буле ласково обращался и ласковую записку къ нему писалъ, это тоже въ угодность ей. Вы сами знаете и поручиться можете, что я не только не имѣю съ Буле связи, но что изъ всѣхъ профессоровъ онъ одинъ, который у меня рѣже всѣхъ бываетъ; но ласкать его я долженъ былъ, и словесно и письменно, въ угодность Е. В. Господь Богъ да поможетъ вамъ всю сію путаницу распутать, и укротить бурю, которая на меня возстать можетъ и меня сокрушить. Вы знаете, что послѣ Бога вы одинъ у меня благодѣтель и покровитель, а враговъ тьма, то да не погубятъ меня, и да не принесутъ въ жертву добраго русскаго дворянина иностранцу, коего мысли вы довольно знаете. Молю отъ всего сердца милосердаго Спасителя, да поможетъ вамъ! Можетъ статься, и записка моя ласковая къ Буле показана будетъ, и мнѣ же вмѣнится въ преступленіе.

Должѣнъ я еще писать къ в. с. поневолѣ о такомъ дѣлѣ, которое, я думалъ, замолкло, но провѣдавъ достаточно, что въ Твери все вѣдаютъ, что въ Москвѣ и дѣлается и говорится, я одумалъ, что и до Петербурга дойти легко можетъ. Вотъ въ чемъ оно состоитъ. Вы помните, что я писалъ къ вамъ о молодомъ Чеботаревѣ, что онъ много пустого болтаетъ и что онъ дерзокъ на языкъ, отъ сего онъ на замѣчаніи у полиціи. И онъ тогда просился въ Петербургъ. Вы мнѣ на это предписали, чтобы его не пускать, я его неоднократно

призывалъ, мылъ ему крѣпко голову за болтовню. Сіе на него, слава Богу, подѣйствовало, и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ унялся и не болтаетъ. Въ Твери услышалъ я, что о немъ знаютъ и иные, однакожъ съ хорошей стороны, и какъ въ разговорахъ объ образѣ мыслей вѣтренныхъ молодыхъ людей, кои безъ правилъ и коихъ въ Москвѣ довольно, одна дама въ Твери сказала: „у васъ есть и профессора, коихъ образъ мыслей нехорошъ и религіи не имѣютъ“, то я отвѣчалъ: „я болтуновъ умѣю унимать и одного изъ нихъ призывалъ, мылъ голову и унялъ, несмотря на то, что онъ протекцію имѣетъ“; я говорилъ о Чеботаревѣ и думалъ, что и она о немъ же говоритъ, ибо Чеботаревъ всегда хвастался протекціею Карамзина. Симъ разговоръ и кончился. Послѣ я узналъ, что дѣйствительно говорили, что я на Чеботарева понапрасну нападалъ. Изволите видѣть, какъ здѣсь обо мнѣ г. Карамзинъ или кто другіе натолковали. Княгиня Александра Николаевна [1]) слышала весь разговоръ Е. В. со мною за столомъ о Карамзинѣ, я хвалилъ его труды, сколько можно и самымъ пріятнымъ образомъ,—слѣдовательно и тутъ кажется не проступился. Вотъ истинное и полное в. с. донесеніе о моемъ въ Твери пребываніи. Ради Господа Бога успокойте меня, ибо я въ двойномъ страхѣ, боюсь, чтобы мнѣ не повредили въ Петербургѣ, боюсь и того, чтобы вы, мой благодѣтель, не почли меня фальшивымъ и двуличнымъ. Но поставьте себя на мое мѣсто, могъ ли я иначе дѣйствовать, чтобы успокоить высокую особу и ей угодить? Отпишите, ради Бога, хотя три строчки, я до тѣхъ поръ ни спать, ни ѣсть спокойно не буду.

Въ добавокъ къ сему о себѣ донесу, что отъ трудовъ, заботъ и скорыхъ поѣздокъ, здоровье мое поразстроилось такъ, что, по мнѣнію врачей, всего нужнѣе покой и нѣкоторое время пробыть на одномъ мѣстѣ. Желудокъ мой такъ испорченъ, что каждый день у меня то рвота, то тошнота. Я въ Москвѣ набралъ лекарствъ и хочется полечиться въ деревнѣ, гдѣ и воздухъ мнѣ крайне полезенъ, почему и прошу, яко величайшаго благодѣянія, устроить обо мнѣ такъ, чтобы мнѣ не ѣхать и съ мѣста не трогаться, хотя недѣли на три. Ради Бога, не забудьте взять скорыя мѣры противу впечатлѣнія, каковое можетъ произвести моя ласковая къ Буле записка; ежели о немъ худо думаютъ, то и обо мнѣ могутъ также заключить, вздумавъ по сей запискѣ, что я и въ самомъ дѣлѣ къ нему хорошо расположенъ, и обратятъ въ мое же обвиненіе то, что̀ я дѣлалъ единственно для угожденія и для умиротворенія противу себя самого. А потому, кто лучше васъ можетъ объяснить, что я отнюдь ни пристрастія къ Буле, ни связи съ нимъ не имѣю, вы это, конечно, и совѣстію засвидѣ-

[1]) Волконская?

тельствуете и обѣими руками подпишите, потому что всѣ мои связи, всѣ мои шаги никому столь не извѣстны, какъ вамъ.

Ежели труды мои стóятъ хоть малаго вниманія, то я ничего болѣе не прошу и величайшею себѣ наградою сочту только то: 1) чтобы я не былъ очерненъ и не потерпѣлъ бы отъ ненависти и козни недоброжелательствующихъ мнѣ; 2) чтобы меня оставили здѣсь въ деревнѣ для поправленія бѣднаго моего здоровья, которое еще можетъ быть для службы отечества нужнымъ. А ревностно ли я служу и каковъ мой образъ мыслей, кто лучше васъ это вѣдаетъ и кто кромѣ васъ меня можетъ заступить? Господь Богъ да будетъ съ вами неразлучно, преклоняю колѣна сердца, моля Его, да Онъ васъ подкрѣпитъ, помилуетъ и да пошлетъ вамъ свою благость, благословеніе и дары.

Іюля, дня 1811. Село Кузнецово.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Mon digne et cher professeur. Envoyez moi pas plus tard qu'à midi la note sur vos travaux dont je vous ai parlé hier, car je pars à 2 heures et aussitôt arrivé à Tver je ferai mon rapport au ministre. Croyez que je suis avec une considération distinguée votre dévoué serviteur.

Si par hazard vos affaires vous rettiennent et que les miennes m'obligent de partir de Tver avant que vous fussiez arrivé, vous y trouverez toujours la copie de mon rapport au ministre.

Вотъ точное существо записки—развѣ словъ нѣсколько забылъ, ибо торопился.

44.

Дабы отъ недоброжелательствующихъ мнѣ не было перетолковано въ дурную сторону, что я, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ не вступилъ въ сенатъ, за нужное я почелъ послать на сей же почтѣ къ в. с. оффиціальное мое донесеніе о приступѣ къ осмотрѣнію здѣшнихъ училищъ, что́ во-истину необходимо нужно, да и столько хлопотливо, что и въ сущемъ дѣлѣ въ сенатъ ѣздить некогда будетъ, пока всѣ училища не объѣзжу. Сверхъ же того проектъ строенія казармъ не мало меня заботитъ; все сіе до свѣдѣнія в. с. за нужное почитаю довести, прося всепокорнѣйше взять мѣры, чтобы мнѣ не причтено было въ вину, что я тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ сенатъ не явился, и, при случаѣ вредныхъ мнѣ толковъ, отвратить оные свидѣтель-

ствомъ, на самой истинѣ основаннымъ, что я долженъ во всей силѣ исполнить мою должность, какъ то изъявлено въ высочайшемъ вами мнѣ объявленномъ указѣ, гдѣ именно сказано, чтобы я московскія училища обревизовалъ.

Отправляя на сей же почтѣ при оффиціальномъ донесеніи требуемыя в. с. книги изъ послѣднихъ принесенныхъ г. Матруниным, приличнымъ почитаю объяснить в. с., что мнѣ кажется, должно онаго г. Матрунина всячески поддержать и ободрить. Онъ историческому обществу человѣкъ весьма нужный и необходимый, какъ по его безпредѣльной охотѣ къ русскимъ древностямъ, такъ и потому, что онъ всю жизнь свою посвятилъ отыскиванію древнихъ книгъ и, чрезъ безпрестанное въ томъ упражненіе, получилъ много опытныхъ по сей части свѣдѣній. Онъ и нынѣ продолжаетъ о семъ заботиться, и, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, ѣздитъ по разнымъ губерніямъ, для сдѣланія новыхъ пріобрѣтеній, кои онъ обязуется всѣ посвятить историческому обществу. Вотъ причины, по коимъ осмѣливаюсь вновь обратить на него, г. Матрунина, милостивое ваше вниманіе, и тѣмъ болѣе къ тому ободряюсь, что изъ всѣхъ приношеній, сдѣланныхъ разными лицами обществу, его приношеніе, по существу, по рѣдкости, по самой даже цѣнѣ, есть превосходнѣйшее, полезнѣйшее и къ составу трудовъ общества нужнѣйшее. Скажу при томъ и то, что по самой страсти его къ изысканіямъ, я не знаю человѣка, кто бы болѣе его имѣлъ каналовъ, связей и сношеній для полученія сихъ намъ необходимыхъ книгъ.

Августа 14 дня, 1811. Москва.

45.

За должное почитаю донести в. с., что знаменитый институтъ, въ прошедшемъ годѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ подъ чужимъ именемъ заведенный г. Измайловымъ, который за оный удостоился получить перстень, рушился въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а вчерашняго дня и привилегія, данная отъ университета, возвращена въ училищный комитетъ. Существованіе онаго, и самое плохое, продолжалось 8 мѣсяцевъ; я думаю, в. с. изволите вспомнить, что когда вы писали ко мнѣ запросъ о семъ институтѣ, то я вамъ въ партикулярномъ письмѣ изъяснилъ, сколь я увѣренъ, что сей институтъ не надеженъ; итакъ—я не ошибся; жаль только, что есть русскіе дворяне, заслуживающіе довѣренность публики менѣе, нежели французы и нѣмцы, коихъ пансіоны по нѣскольку лѣтъ прочно существуютъ, а еще болѣе жаль, что такіе люди имѣютъ сильныхъ протекторовъ, доставляющихъ имъ заранѣе лестные подарки. Теперь здѣсь это разрушеніе гремѣвшаго примѣрнаго инсти-

тута довольно производитъ и негодованія и насмѣшекъ. Но главный резонъ отъ правилъ учредителя и отъ книгъ, кои употребляемы были яко классическія. Я молчалъ, ибо зналъ, что само собою сіе заведеніе рушится, какъ то во-истину и сбылось. Я для того именно в. с. о семъ доношу, чтобы протекторы не распутили иныхъ совсѣмъ слуховъ и не провозгласили бы, якобы сей знаменитый институтъ притѣсненъ. Что не отъ меня сіе случилось, а что цѣлая Москва знаетъ, тому служитъ доказательствомъ то, что въ мое отсутствіе въ Іюнѣ, на вакацію, родители взяли дѣтей и, взявъ ихъ, тотчасъ объявили всѣ единогласно, что уже они ихъ не возвратятъ въ институтъ и что даже деньги, данныя впередъ, не требуютъ и ихъ въ пользу содержателя предоставляютъ,—о всемъ этомъ происшествіи я узналъ только вчерась, когда мнѣ Петръ Михайловичъ Дружининъ донесъ, что привилегія возвращена въ училищный комитетъ. Одинъ анекдотъ при семъ замѣчателенъ и вотъ какой: нѣкто дворянинъ стараго вѣка, но весьма умный и добрый, бывъ вспрошаемъ, за чѣмъ онъ взялъ двухъ сыновъ изъ сего заведенія назадъ, отвѣчалъ: „*тамъ моровая язва*“. „Что это значитъ?“ спросили его.—„А то значитъ, что тамъ сочиненія К. [1]) болѣе уважаютъ, нежели библію и по онымъ учатъ дѣтей грамотѣ“.

Москва. Августа 17 дня, 1811 г.

46.

За должное почитаю донести в. с., что къ издаваемому ежегодно каталогу нашихъ лекцій г. профессоръ Буле присовокупилъ прелюдію, въ коей разсудилось ему помѣстить статьи и глупыя, и обидныя для разныхъ лицъ. Я сіе остановилъ и заставилъ г. Буле оныя исключить, что онъ исполнилъ, но съ крайнею досадою и горечью, изъявляя, что онъ тѣмъ обиженъ. А какъ натурально изъ сего слѣдуетъ, что онъ будетъ жаловаться на меня, и сами знаете кому, то дабы в. с. предварительно вѣдали, справедливы ли его жалобы, прилагаю копію съ оныхъ, исключенныхъ мною статей, и предаю на судъ в. с. можно ли оныя было пропустить и имѣетъ ли причины г. Буле обижаться и жаловаться? Приличнымъ почитаю при семъ случаѣ съ моею откровенностію в. с. сказать, что я ли, или другой, на моемъ мѣстѣ попечитель будетъ, но человѣческой силы не достанетъ ни чего добраго произвести въ университетѣ и удерживать въ немъ порядокъ и повиновеніе, кои суть душа службы, доколѣ будетъ въ университетѣ г. Буле, ибо, кромѣ его гнусныхъ правилъ, онъ ежедневно распро-

[1]) Карамзина.

страняетъ разные слухи, яко бы вы скоро отставлены будете и я также; и что онъ по вѣрнымъ своимъ конекціямъ знаетъ, а отъ того не токмо ноя, но и ваши приказанія не исполняются съ тою точностію и скоростію, каковыхъ порядокъ службы требуетъ. Вѣрьте сему, или не вѣрьте, но это сущая правда, а я очень скоро рѣшусь просить в. с. позаботиться, чтобы кто нибудь изъ насъ одинъ, я или Буле, остался въ университетѣ; а который изъ насъ для службы отечества нужнѣе, я это отдаю вамъ на разсужденіе. Мнѣ-жъ истинно всѣ пакости его столько-жъ надоѣли, сколько я огорчаюсь тѣмъ, что моя служба, труды, усердіе и рвеніе остаются безъ всякаго вниманія; а потому молю и прошу Бога, чтобы мои обстоятельства позволили мнѣ совсѣмъ оставить службу и васъ оставить въ покоѣ. Простите меня, что это вырвалось! истинно мнѣ скоро ѣсть нечего будетъ.

Москва. Августа 28 дня, 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ прелюдіи, присовокупленной къ каталогу университетскихъ лекцій, г. профессоръ Буле помѣстилъ слѣдующія изреченія:

Замѣчанія и причины по коимъ сіи изреченія исключены:

1) Общество исторіи и древностей росссійскихъ возобновилось, но желательно, чтобы Клію столько-жъ ему благопріятствовала, сколько помогаетъ оному предсѣдательствующій его московскій Плутусъ.

1) Сіе крайне обидно какъ для всего общества, такъ и для предсѣдателя г. Бекетова, коего усердіе и пожертвованія не посмѣянія, а благодарности достойны.

2) Словарь Россійскихъ писателей, сочиненный нынѣшнимъ вологодскимъ епископомъ Евгеніемъ, заслуживаетъ похвалу, но жаль, что сей почтенный мужъ своихъ собратій епископовъ помѣстилъ тутъ по именамъ, а не по фамиліи.

2) Сіе и обидно и глупо, ибо г. Буле не вѣдаетъ, что у насъ архіереевъ никогда по фамиліямъ не называютъ, а всегда по именамъ.

3) Трудъ г. профессора Качеповскаго похваленъ, но жаль, что онъ ничего не писалъ самъ, а все почерпнулъ и занялъ отъ Шлецера.

3) Сія обидная личность не можетъ быть ни принята, ни пропущена ни въ какой цензурѣ.

4) Въ Пантеонѣ Россійскихъ писателей біографію писалъ славнѣйшій изъ всѣхъ Россійскихъ историковъ г. Карамзинъ.

4) При всей неотъемлемой славѣ г. Карамзина, за что-жъ у всѣхъ нашихъ историковъ Щербатова, Татищева и прочихъ отнимать славу, мы ихъ труды видимъ и ими пользуемся, а г. Карамзина исторіи ни одной строки не напечатано, то и нельзя сказать, славнѣйшій ли онъ изъ всѣхъ нашихъ историковъ или слабѣйшій.

47.

Сверхъ оффиціальнаго моего донесенія в. с. на сей же почтѣ посылаемаго касательно книги объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, за должность почитаю вамъ донести:

1) Я донесъ о семъ е. с. графу Ивану Васильевичу [1]) изъ искренняго патріотическаго къ общему спокойствію усердія, и когда е. с. спрашивалъ моего мнѣнія, то я принялъ смѣлость ему совѣтовать оную книгу изъ лавокъ отобрать, дабы разліяніе ея удержать какъ можно скорѣе. Что, я думаю, не токмо будетъ исполнено немедленно, но и будетъ о семъ донесеніе Государю Императору.

2) Отъ достовѣрныхъ и добрыхъ людей я узналъ, что сію книгу превозноситъ хвалами г. Карамзинъ, а по вліянію его на публику, предполагая, что она отъ его толковъ будетъ болѣе и болѣе покупаема, поспѣшилъ я сообщить главнокомандующему какъ о продажѣ сей книги, такъ и о вашемъ по сему предмету предписаніи.

3) Слухи носятся здѣсь, что авторъ оной, будучи въ тѣсной связи съ г. Мартыновымъ, по его совѣту, оную выпустилъ и даже будто бы сія книга переведена подъ руководствомъ г. Мартынова, имъ была поправляема и напечатана по его одобренію и увѣренію, что она терпима будетъ.

4) Надзиратель нашей типографіи Невзоровъ донесъ мнѣ, что онъ отъ студентовъ слышалъ, что г. профессоръ Буле въ свою аудиторію приносилъ библію и, развернувъ пророка Іезекіиля, сталъ критиковать штиль, говорить, что это противъ вкусу эстетики и здраваго смысла и что все священное писаніе въ такомъ вкусѣ писано, а при томъ изрекъ такое кощунство, коего я ни начертать, ни изрещи не осмѣливаюсь.

5) Живущіе въ одномъ домѣ съ г. Буле сказывали, что онъ. Буле, блудно живетъ съ родною своею сестрою, и въ университетѣ къ край-

[1]) Гудовичу.

нему всѣхъ соблазну сдѣлалось гласно, что онъ спитъ съ нею на одной постелѣ.

6) Слышно также, что г. Буле имѣетъ весьма частую переписку съ г. Фесслеромъ; а при томъ говоритъ, что онъ желаетъ, чтобъ Фесслеръ былъ въ университетѣ.

Сентября 4 дня, 1811 года. Москва.

48.

Долгомъ поставляю принести в. с. всенижайшую благодарность за утвержденіе моего представленія объ учрежденіи катедры славянскаго языка, а при томъ и донести, что сіе произвело пріятнѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ нашихъ русскихъ профессорахъ такъ, что въ совѣтѣ всѣ изъявили и радость и благодарность в. с. за таковое патріотическое постановленіе.

Но не скрою и того, что нѣмцы всѣ молчали и хранили благопристойность; единый г. Буле возопіялъ громко: „это не въ порядкѣ, это не по уставу! Сей статьи и катедры тамъ нѣтъ, а уставъ высочайше утвержденъ и самъ министръ не имѣетъ права сего дѣлать въ отмѣну устава“ и проч., при семъ крайне горячился, кричалъ и побуждалъ другихъ быть съ нимъ одного мнѣнія.

Изъ сего в. с. судите, каковъ г. Буле и его возмутительный духъ! Когда онъ противу вашихъ предписаній явно и столь дерзко ополчается, то что-жъ онъ будетъ дѣлать противу меня и имѣетъ ли ко мнѣ уваженіе? Чему и образчикъ изволите видѣть въ оффиціальной бумагѣ, на сей же почтѣ посланной. Какой можетъ быть порядокъ въ службѣ, гдѣ нѣтъ повиновенія? Какое можетъ быть повиновеніе гдѣ есть человѣкъ толь неистовый и вкупѣ толь самонадѣянный, каковъ г. Буле, безпрестанно своими поступками и другихъ къ неповиновенію ободряющій? Присовокупите къ сему мерзкую и соблазнительную его жизнь съ сестрою, всему университету извѣстную, поелику онъ самъ столь безстыденъ, что сего и не таитъ и что нѣкоторые находили его въ неприличномъ съ родною его сестрою положеніи. Скажите в. с., не дадимъ ли мы Богу отвѣтъ, ежели это чудовище, невѣріемъ и гнусными нравами весь университетъ заразить могущее, будемъ долѣе терпѣть въ нѣдрахъ паствы, отъ самаго Провидѣнія намъ ввѣренной. Но и кромѣ сего, въ его исторіи о философіи довольно одной статьи, въ коей онъ хвалитъ ученіе Спинозы, чтобы извергнуть его изъ благоустроеннаго общества. Наши же профессора, да и нѣмцы говорятъ, что изъ Гёттингена, за соблазнительную его жизнь съ сестрою, хотѣли его выгнать, но, по счастію, его позвали въ Россію.

По совѣсти моей, по чести и по любви къ отечеству не могъ я

сего не написать къ в. с. Вашей мудрой прозорливости предаю все сіе на волю и молю Бога о вашемъ благоденствіи и о укрѣпленіи васъ въ вашихъ подвигахъ, буду ожидать терпѣливо вашихъ на сіе приказаній.

Москва. Сентября 7 дня, 1811 года.

49.

Изъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, касающихся до профессора Буле, на сей же почтѣ посланныхъ, в. с. достаточно усмотрѣть изволили, что я не опасаюсь творить и говорить правду, ополчаться противу безбожія и неистовства, вѣря твердо, что тотъ Богъ, который меня къ сему призвалъ, силенъ будетъ защитить меня отъ всѣхъ козней вражіихъ. Не дѣлавъ сего и умолчавъ, былъ бы я не орудіе Божіе, а сатанинское! Въ обѣихъ сихъ выпискахъ десятой доли не включено тѣхъ мерзостей, кои въ обѣихъ сихъ книгахъ находятся, дабы не сдѣлать сихъ выписокъ слишкомъ пространными. На моей совѣсти теперь ничего не остается, и я, исполнивъ мою обязанность, христіанина, человѣка и патріота, совершенно спокоенъ. Тамъ, гдѣ всѣ помышленія наши обнажатся, видно будетъ, кто право, кто криво дѣйствовалъ. Человѣческой козни и злобы менѣе я гораздо боюсь, нежели упрековъ моей совѣсти. Ежели бы я не только никакой награды не получилъ за мою службу и ревнованіе о благѣ и спокойствіи моего отечества, но ежели бы и мѣста моего лишился, то и сіе бы принялъ съ благодарностію, яко знаменіе, что я принадлежу къ крестоноснымъ, истиннымъ, не на словѣ, а на дѣлѣ, рыцарямъ, и утѣшился бы сими словами Спасителя моего: „*Блажени изгнаніи правды ради яко тѣхъ есть царство небесное*“.

В. с.! милостивый и неоцѣненный мой благодѣтель! повѣрьте, что Кутузовъ не Буле! и болѣе пригодится отечеству, нежели многіе подобные Буле профессоры! Лучше желаю я совсѣмъ не служить, нежели не ополчаться противу невѣрія, неистовства и порока, когда на сію брань призванъ. Чего мнѣ бояться, когда я творю дѣло Божіе? А за свое дѣло Богъ постоитъ. Чего мнѣ бояться, когда я поборяю по Немъ и по Его Святѣйшей истинѣ? *Аще Господь со мною, что сотворитъ мнѣ человѣкъ?* Я бѣденъ! я нищъ! я безъ подпоры! но думаете ли вы, что я, за какія-нибудь сокровища міра, соглашусь ползать, льстить и потворствовать пороку и безбожію, сильными міра сего покровительствуемымъ. Хлѣбъ и воду буду я ѣсть и въ потѣ лица моего и то и другое пріобрѣтать, но не престану, по вѣрѣ моей, творить правду и *противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ*. Нагъ и босъ возвѣщу истину Господа моего братіи моей и въ церк-

вахъ воспою Его! Не боюсь я сего писать по почтѣ, пусть кто хочетъ читаетъ! Я бы желалъ, чтобы Государь Императоръ сіе прочиталъ, онъ бы узналъ меня короче и увѣрился бы, что любящій Бога и его правду умѣетъ любить и подобіе Божіе, своего Монарха, готовъ жизнію за него пожертвовать и служить ему до изнеможенія и истощенія всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, претерпѣвая горести, обиды, нищету и нужду и при всемъ томъ, сохраняя столько твердости и присутствія духа, сколько потребно для совершенія своего служенія дѣятельно и неутомимо. Худо меня знаете в. с., ежели думаете, что до безконечности мнѣ лестны знаки почестей и отличія. Правда, сіи пароксизмы ко мнѣ грѣшному, яко еще не къ возрожденному и не умертвившему совершенно седмиглавой гидры грѣховъ, приступали по временамъ и на меня нападали, и васъ безпокоили! Но живъ Богъ и жива душа моя! Сей живый Богъ помогъ мнѣ и поможетъ съ корнемъ вырвать гнѣздящееся во мнѣ зло грѣха прародительскаго. Кресты я носилъ отъ дѣтства, а паче крестъ бѣдности; ношу его и нынѣ крайне тягостный и сугубо тягостный, потому что съ семействомъ его раздѣляю! Но буди воля Господня со мною; прошу и молю его отъ всего сердца да дастъ мнѣ силы и крѣпость не унывать, молю его, да и вамъ милосердіе Великаго Крестоносца поможетъ подвигомъ добрымъ подвизатися и стяжати вѣнецъ правды.

Москва. Сентября 11 дня, 1811 года.

50.

За должность почитаю на благоусмотрѣніе в. с. представить, въ точнѣйшемъ съ нѣмецкаго языка переводѣ, выписку изъ книги, изданной г. профессоромъ Буле, подъ названіемъ: *„Исторія новѣйшей философіи съ эпохи возстановленія наукъ“, напечатана въ Гетингенѣ 1802 года.* Изъ сего в. с. изволите усмотрѣть его г. Буле образъ мыслей, который, какъ до моего свѣдѣнія дошло, неоднократно обнаруживаетъ онъ, при преподаваніи какъ публичныхъ, такъ и приватныхъ его лекцій.

Сентября 11 дня, 1811. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Выписка).

Изъ книги подъ названіемъ: „Исторія новѣйшей философіи съ эпохи возстановленія наукъ“, изданной г. профессоромъ Буле и напечатанной въ Гётингенѣ 1802 года.

NB. Г. Буле, раздробивъ философію Спинозы и представя оную

въ самомъ плѣнительномъ видѣ, изъясняется слѣдующимъ образомъ въ III томѣ, на страницѣ 660:

„Хотя, впрочемъ, творенія Спинозы, яко преступническія и богохульныя, охуждаются, но при всемъ томъ оныя имѣютъ много интереснаго для исторіи философствующаго разума. Въ нихъ открывается, какъ человѣческій духъ болѣе и болѣе стремится освободить себя отъ оковъ вкорененныхъ предразсудковъ и преданій. Всѣ сіи опыты должны были предшествовать для пріуготовленія большаго просвѣщенія въ вещахъ, до философіи и религіи касающихся, до коихъ дошло 18-е столѣтіе. Но такъ какъ въ политику введенныя новости, хотя весьма съ цѣлію сообразныя и необходимыя, рѣдко бываютъ полезны поколѣнію, вводящему оныя, а спасительны токмо бываютъ поколѣніямъ послѣдующимъ, такъ точно и вводители новѣйшей философіи должны были собственнымъ ихъ частнымъ благомъ пожертвовать владычествующимъ предразсудкамъ ихъ современниковъ".

51.

Въ дополненіе къ донесенію моему отъ 7-го числа сего мѣсяца, подъ № 746, на послѣдней почтѣ отправленному, о книгѣ подъ названіемъ: Публичная и приватная жизнь Шлецера", имѣю честь представить в. с. на благоусмотрѣніе въ точнѣйшемъ съ нѣмецкаго языка переводѣ изъ оной книги выписку статей, кои кажутся мнѣ быть такого рода, что и самая книга сія должна быть запрещена. Изъ сей выписки изволите в. с. усмотрѣть, хорошо ли поступилъ г. профессоръ Буле, одобряя и рекомендуя таковую книгу, яко нужную для россійской исторіи, и имѣлъ ли я причины его разсужденія остановить. Къ представленію сего прозорливому вниманію вашему побуждаюсь я болѣе тѣмъ, что г. Буле продолжаетъ жаловаться громко, якобы я поступилъ съ нимъ несправедливо, обидно и притѣснительно.

Сентября, 11 дня 1811. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Выписка)

Изъ книги подъ названіемъ: „Публичная и приватная жизнь Августа Людвига Шлецера" [1]), по порядку страницъ:

1) На страницѣ 29. Говоря о профессорѣ Миллерѣ: „И сей достойный, много Россіи служившій человѣкъ, послѣ 36-ти-лѣтней

[1]) Ang. Lüd. Schlözer's oeffentliches u. Privatleben v. ihm selbst geschrieben. Göttingen, 1802, 8-vo.

лужбы былъ только профессоръ! конечно, онъ не умѣлъ ползать, но то же можетъ въ Россіи безъ ползанія возвыситься".

2) На страницахъ 36 и 37: Усопшая Елисавета, по сужденію всѣхъ натоковъ, знавшихъ ее принцессою, была совершенная красавица ея вѣка (sic). Нѣмецкій профессоръ Коль отъ воззрѣнія на нее лишился ума. Она дышала единымъ сластолюбіемъ и все ея существо представляло прелесть и грацію. Но ея правленіе было самое несчастное того столѣтія и походило на правленіе Людвига Возлюбленнаго. Все устроенное Петромъ и поддержанное Анною, чрезъ ея нѣмцевъ, упало подъ Елисаветою. Флотъ, финансы, а паче правосудіе, въ послѣднее десятилѣтіе ея бытія, были въ ужаснѣйшемъ состояніи.

3) На страницѣ 51-й: Я не говорю объ одномъ Несторѣ; я его еще не знаю, но онъ, конечно, долженъ быть столько-жъ жалостный лѣтописатель, какъ и всѣ монахи его вѣка, но я говорю и о его послѣдователяхъ до 15-го вѣка. И тѣ безъ изъятія всѣ суть бѣдные грѣшники. Какое расположеніе! какой бредъ, какія сказки, какія чудеса сіи люди съ важностью разсказываютъ!

4) На страницѣ 119-й: Казачій гетманъ и президентъ академіи графъ Разумовскій имѣлъ множество дѣтей, между коими три сына были 13, 11 и 8-ми лѣтъ; ему хотѣлось ихъ хорошо воспитать, ибо онъ былъ добрый человѣкъ; хотѣлось ихъ воздѣлать ранѣе, нежели онъ самъ былъ образованъ. Имѣнія у него на сіе доставало, ибо ему было до 600,000 годоваго дохода. Но маменька крайне затрудняла воспитаніе сихъ возрастающихъ дѣтей. А потому, по совѣту умнаго человѣка, они отняты отъ матери безъ отпуска изъ Петербурга и прочее и прочее.

5) На страницѣ 245-й: Ломъ (sic, т.-е. Ломоносовъ), не повиновался никакому повелѣнію, ни сенатскому, ни президентскому. Невѣроятное, но весьма обыкновенное дѣло при Елисаветѣ: сильный дикарь или дикій силачъ на все осмѣливался и, посѣвая ужасъ, дѣлалъ, что хотѣлъ.

6) На страницѣ 280-й: Воздѣланіе наукъ поддерживалось въ періодѣ императрицы Анны. Но оное совершенно погасло въ 20-ти-лѣтнее правленіе Елисаветы. Ея неблагодарная ненависть къ иностранцамъ, а паче къ нѣмцамъ, изгнала ихъ какъ изъ вышнихъ, такъ и изъ среднихъ департаментовъ.

NB. Вотъ выписка изъ книги, которую г. профессоръ Буле, рекомендуя яко классическую, для познанія россійской исторіи нужную, между прочимъ, говоритъ о ней сими словами:

„Можно смѣло надѣяться, что жизнь г. Шлецера, сего мужа, толикія заслуги россійской исторіи оказавшаго, будетъ окончена преем-

никомъ славы его, достойнѣйшимъ сыномъ, профессоромъ Христіаномъ Шлецеромъ, моимъ товарищемъ".

52.

Простите мнѣ, в. с., что я такъ часто партикулярными письмами васъ обременяю. Мнѣ и самому сіе трудно, но что́ дѣлать, когда обстоятельства того требуютъ? Теперь случилось происшествіе, о коемъ оффиціально не могу я того писать, что́ донесу партикулярно, но не менѣе сіе извѣстіе для свѣдѣнія в. с. необходимо нужно. Что́ я предвидѣлъ, то сбылось; г. Буле жаловался, что онъ обиженъ, притѣсненъ и что онъ болѣе служить не можетъ. Изъ сего вышло послѣдствіе вотъ какое: ему отъ Ея Императорскаго Высочества предложено 6,000 въ годъ жалованья, квартира, столъ и проч. Онъ, г. Буле, все сіе вчера въ засѣданіи совѣта объявилъ торжественно: что ему письменно предложены сіи выгоды; подалъ просьбу объ увольненіи и просилъ, чтобы скорѣе о томъ в. с. представить, „ибо де мнѣ скоро и ѣхать надобно". Сіе исполнено на сей же почтѣ и представленіе къ вамъ послано. Между тѣмъ, дабы не дать г. Буле повода жаловаться, что его здѣсь задерживаютъ, то я велѣлъ ему черезъ г. ректора объявить, что онъ ожидать своего увольненія не имѣетъ нужды, а можетъ, буде ему угодно, хоть сей день отправиться въ Тверь. Онъ, я думаю, мѣшкать не станетъ. Слава Богу, что съ такою и честію и столь знатными выгодами сей г. профессоръ нашъ университетъ оставляетъ. Мнѣніе же мое о занятіи его катедры, буду имѣть честь особенно в. с. представить.

За нужное такожъ почитаю предварить в. с., что Александръ Дмитріевичъ Балашовъ будетъ ходатайствовать у васъ за шурина своего Платона Петровича Бекетова, коего онъ очень любитъ. Но я увѣренъ и въ томъ, что извѣстные вамъ труды и отличныя достоинства г. Бекетова будутъ сильнѣйшими у васъ за него предстателями. Еще доношу, что г. Соболевскій, по его желанію и по настоянію Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, каждый день меня по дружбѣ посѣщающаго, опредѣленъ рисовальнымъ учителемъ въ Губернскую здѣшнюю гимназію съ жалованьемъ весьма хорошимъ. Осмѣливаюсь напомнить в. с. о бѣдномъ и неутомимомъ нашемъ Сущовѣ. Истинно онъ чудеса сдѣлалъ переводомъ и устроеніемъ типографіи въ два мѣсяца лучшимъ и прекраснѣйшимъ образомъ, да и трудится непрестанно къ пользѣ типографіи и приращенію ея доходовъ. Истинно сему человѣку нужно какое нибудь ободреніе, ибо онъ крайне начинаетъ унывать; а безъ него мы въ пень станемъ.

Москва, Сентября 14 дня 1811 года.

53.

Нашъ 73-хъ-лѣтній профессоръ Маттей, бывъ болѣе двухъ мѣсяцевъ болѣнъ, скончался. Можетъ статься, ежели бы онъ послушалъ совѣта Ивана Андреевича Гейма и моего, и остался бы въ прежней своей квартирѣ, которая была суха и тепла, и не переѣхалъ бы въ новую сырую, то былъ бы еще живъ. Мы, видя его настоятельное желаніе, согласились, въ утѣшеніе его старости, прибавить ему еще 200 рублей на квартиру сверхъ прежде получаемыхъ 800, хотя для него была отдѣлана квартира, покойнаго Гольдбаха. Онъ переѣхалъ въ наемный домъ, вскорѣ заболѣлъ и, безъ вѣдома докторовъ, пустилъ себѣ кровь, что, по сказанію г. Мудрова, совершенно у него отняло силы и повергло его во гробъ. О соединеніи двухъ катедръ, посылая на сей же почтѣ мое всепокорнѣйшее представленіе, смѣю надѣяться, что в. с. изволите найти причины, мною прописываемыя, довольно полновѣсными! Сверхъ того, такъ какъ въ теченіи управленія моего университетомъ, всегда кидалось мнѣ въ глаза, что число профессоровъ чрезмѣрно велико, и не соразмѣрно числу студентовъ, то всегда помышлялъ я о средствахъ, какъ бы искуснымъ и приличнымъ образомъ число профессоровъ убавить, имѣя въ виду то, что чрезъ сіе уменьшеніе много ученой и вздорной путаницы убавится, да и значущая сбережется денегъ сумма, совершенно даромъ и безъ всякой пользы растрачиваемая. Сіи средства нынѣ сами собою предстали. Гольдбахъ умеръ, Маттей тоже, Буле оставляетъ университетъ. Соединя двѣ катедры, Латынскую и Греческую, и присовокупя преподаваніе астрономіи къ катедрѣ прикладной математики и уничтожа пустую и совсѣмъ не нужную катедру археологіи, которая, по обширности входящихъ въ нее предметовъ, есть ничто иное, какъ путь преподавать всякіе вздоры и даже вредное ученіе, всегда могущее быть къ сей системѣ приплетеннымъ, мы чрезъ все сіе сохранимъ въ нашей кассѣ ежегодно 6000 рублей, кои можемъ употребить на гораздо полезнѣйшее дѣло, какъ, напримѣръ, прибавить число казенныхъ гимназистовъ, или по крайней мѣрѣ, обратить сію сумму на дрова, на кои мы, по нынѣшней дороговизнѣ, штатною суммою никакъ изворачиваться не можемъ. Сими представленіями, по моему мнѣнію весьма полезными, кажется мнѣ, я обязанъ былъ благу университета. Я сугубо буду доволенъ, ежели в. с. ихъ одобрить изволите, усмотря, что я одною любовію къ отечеству во всѣхъ моихъ шагахъ направляюся. Объ уничтоженіи катедръ Археологіи и Астрономіи я не дѣлаю формальнаго представленія, а прилагаю только записку; буде в. с. изволите удостоить сію мысль вниманія, то и благоволите сіе устроить и снабдить меня вашимъ предписаніемъ.

Москва. Сентября 18 дня 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Выписка о катедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

Преподаваніе теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, во всѣхъ иностранныхъ университетахъ не есть часть существенно въ организацію оныхъ входящая. Катедръ точныхъ на сіи науки нигдѣ не существуетъ, а преподаются оныя токмо по желанію и требованію тѣхъ слушателей, кои сверхъ курсовъ, принадлежащихъ къ составу студентскихъ познаній, такъ называемыхъ Humaniorum, захотятъ особыя за то платить деньги подъ именемъ *Honoraria*. Сіе и весьма благоразумно, ибо археологія и изящныя искусства не суть то, безъ чего бы не можно было обойтиться. Слушателей и охотниковъ на сіи науки и вездѣ мало, а у насъ еще менѣе; сіе опытомъ доказано, ибо г. Буле никогда не имѣлъ болѣе 11-ти слушателей и самъ неоднократно говаривалъ *„въ 8 лѣтъ не достигъ и до дюжины слушателей"*. Стоитъ ли сіе малое число труда, чтобъ особую имѣть катедру, тратить ежегодно 2000 руб., кои могутъ употреблены быть съ существеннѣйшею пользою? При томъ по обширности сихъ наукъ неизбѣжно отверзается путь къ приплетеніямъ постороннихъ разсужденій, кои чаще вредными нежели полезными бываютъ. Вотъ причины заставляющія меня желать, чтобы сія кадетра археологіи и изящныхъ искусствъ совсѣмъ несуществовала. Но такъ какъ сіе въ уставѣ сдѣлаетъ перемѣну, то необходимо нуженъ о семъ всеподданнѣйшій докладъ, съ прописаніемъ причинъ, подающихъ къ уничтоженію сей катедры поводъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

(Записка).

О катедрѣ Астрономической.

Астрономія есть часть, необходимо входящая въ такъ называемую прикладную или смѣшанную математику, для коей существуетъ въ университетѣ катедра. Въ оной всегда можетъ быть преподаваемо достаточное ученіе объ астрономіи, коей полное и обширнѣйшее познаніе нужно токмо или для мореходцевъ или для людей, единственно астрономіи себя посвятить желающихъ. Ни тѣхъ, ни другихъ производить университетъ не имѣетъ нужды. Похвально будетъ, ежели питомцы его выходить будутъ съ тѣми объ астрономіи свѣдѣніями, кои съ катедры прикладной математики преподаются. Наблюдатель для университета нуженъ весьма рѣдко, и тѣмъ меньше съ пользою употребленъ быть можетъ, что обсерваторіи при университетѣ не существуетъ, да и въ нынѣшнемъ его зданіи нѣтъ возможности оную

устроить. Слѣдовательно, опредѣлить профессора астрономіи и наблюдателя на сію катедру будетъ трата денегъ совсѣмъ безполезная. А потому мое мнѣніе есть такое: 1) особую катедру астронома-наблюдателя уничтожить, чрезъ что сохранится въ казнѣ 2000 р.; 2) преподавающему нынѣ прикладную математику профессору Панкевичу предписать, чтобы онъ старался нужныя объ астрономіи свѣдѣнія включить болѣе и болѣе въ свои лекціи, за что даже можно ему сдѣлать какую нибудь малую къ жалованью прибавку; 3) когда университетъ переведенъ будетъ въ Головинскій дворецъ, и устроится приличнымъ образомъ обсерваторія, то тому жъ прикладной математики профессору можно будетъ поручить астрономическія наблюденія. Но о формальномъ сей катедры уничтоженіи также нуженъ будетъ всеподданнѣйшій докладъ, съ таковымъ при томъ представленіемъ, буде все сіе удостоится утвержденія, чтобы уставъ вновь перепечатать со всѣми послѣдовавшими перемѣнами.

54.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. отъ 14-го Сентября, подъ № 2895, о книгѣ полякомъ писанной, не могу я отвѣчать оффиціально, и долженъ пребыть въ безмолвіи. Но партикулярно не могу не принести в. с. моего оправданія, не могу не сказать, что сія жестокая пилюля, какой я въ 34-лѣтнюю службу ни отъ кого не получалъ, тѣмъ болѣе мнѣ горька, что я ее не заслужилъ, и что по неутомимой моей дѣятельности и рвенію къ общему благу, я льстился заслужить не выговоръ, а одобреніе. Въ оправданіе мое скажу:

1-е. Могъ ли я думать, что книга, которую вы и печатать запрещаете, можетъ свободно продаваться. Такая мысль была бы явное противорѣчіе.

2-е. Услыша, что сія книга ходитъ по рукамъ, что ее даже читаютъ лакеи, могъ ли я меньше сдѣлать, какъ въ разговорѣ сказать графу Ивану Васильевичу [1]), что о сей самой книгѣ отъ в. с. [illegible] я оффиціальное предписаніе. На сіе графъ И. В. мнѣ сказалъ: „*извольте меня, сообщите мнѣ оное оффиціально*“. Могъ ли я сего не сдѣлать и ослушаться главнокомандующаго, а при томъ [illegible] человѣка, коего много почитаю, и отъ коего всегда [illegible] благоволенія?

3-е. Вы изволите писать, яко бы я употреблял [illegible]. ли сіи мѣры употреблялъ? Я ли просилъ гр. И. В. [illegible] оныхъ? и могъ ли я ему совѣтовать что [illegible] отъ:

[1]) Гудовичу.

чего нибудь? а не сообщить ему я не могъ, по причинамъ вышепрописаннымъ.

4-е. Вы книгу запретили печатать, гр. И. В. ее остановилъ, а я получаю выговоръ, зачѣмъ она остановлена. Довольно уже и того, что за книгу „Ложный Петръ III [1]), пропущенную еще тогда, когда вы сами были попечителемъ, вы мнѣ дали точно такія предписанія и выговоры какъ будто бы она при моемъ начальствѣ пропущена. А теперь я получаю выговоръ за мѣры, предпріятыя гр. И. В., требовавшимъ отъ меня письменнаго отношенія, въ коемъ я ни чего иного, казалось, не сдѣлалъ, какъ исполнилъ мою обязанность добраго гражданина.

В. с. столько справедливы и столько благодѣтельны, что, обвиняя и дѣлая мнѣ выговоръ оффиціально, по крайней мѣрѣ не станете меня винить внутренно. Мы—русскіе и должны другъ друга беречь, а поляки.... Да и увѣренъ я, что в. с. яко русскій вельможа и патріотъ меня всегда въ семъ образѣ мыслей поддержите.

Москва. Сентября 21 дня, 1811 года.

Письмо П. И. Кутузова къ Натальѣ Кириловнѣ Загряжской:

Милостивая государыня Наталья Кириловна!

Простите мнѣ великодушно, ежели я, въ надеждѣ какъ на вашу благодѣтельность, такъ и на всегдашнюю ко мнѣ милость, пріемлю смѣлость обременить васъ покорнѣйшею моею просьбою, состоящею въ слѣдующемъ:

Благодѣтель мой графъ Алексѣй Кириловичъ, будучи обремененъ многими дѣлами, повидимому забылъ заботиться о доставленіи мнѣ хотя малаго ободренія по службѣ, о коей изъ приложенной у сего запискѣ ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть достойна ли она вниманія. Собственная графа Алексѣя Кириловича честь требуетъ, чтобы онъ громко и твердо говорилъ въ пользу человѣка, коего онъ единожды одобрилъ и который его одобреніе на самомъ дѣлѣ оправдалъ, совершивъ въ одинъ годъ въ пользу ввѣренныхъ ему мѣстъ то, на что бы инымъ нѣсколько лѣтъ потребно. Самъ графъ Алексѣй Кириловичъ долженъ вашему в. п. признаться, что въ сей запискѣ сущая и нагая истина безъ прикрасъ,—истина, которую онъ подтвердить и засвидѣтельствовать долженъ, имѣя на всѣ сіи событіи въ рукахъ своихъ ясныя доказательства. И вамъ и ему извѣстно, что другіе министры, за несравненно меньшіе подвиги, подчиненнымъ своимъ доставляютъ разныя выгоды и пріятности.

[1]) Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева. Москва, въ вольной типографіи Ѳеодора Любея, 1809. 2 ч. 8-vo.

Не откажитесь, милостивая государыня, быть моею предстательницею у е. с. и доброе ваше сердце да подастъ вамъ средства вдохнуть въ моего благодѣтеля бодрую рѣшимость въ пользу мою дѣйствовать и говорить. И чего ему опасаться быть ходатаемъ за человѣка, коего усердная служба толь достаточно ему извѣстна и доказана? Еще разъ простите мнѣ мое дерзновеніе и, заплатя за оное благоснисходительнымъ вниманіемъ, заставьте меня неизгладимую къ вамъ благодарность присовокупить къ чувствованіямъ сердечной приверженности и глубочайшаго, высокопочитанія, съ коими за счастіе и честь вмѣняю навсегда пребыть и пр.

Москва. Сентября 25 дня, 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

РЕЭСТРЪ

Пожертвованіямъ какъ единовременнымъ такъ и ежегоднымъ, сдѣланнымъ Сенаторомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ со вступленія его въ званіе Попечителя.

Единовременныя.

1) Обществу исторіи и древностей Россійскихъ портретъ Его Императорскаго Величества за раму одну коего заплачено. 300 р.

2) Оному обществу 20 рѣдкихъ старинныхъ церковныхъ книгъ . . . . . 350 „

3) Обществу физико-медицинскому 250 книгъ русскихъ, всѣ какія по медицинской части есть печатанныя, стоющія . 760 „

4) Оному жъ обществу 28 книгъ нѣмецкихъ древнихъ весьма рѣдкихъ, коихъ и оцѣнить по рѣдкости ихъ невозможно, но за кои случайно на аукціонѣ заплачено . . . . 115 „

5) Обществу любителей Россійской словесности полныя сочиненія четырехъ знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, за кои заплачено . . . . . 170 „

6) Ярославской гимназіи 16 томовъ in 4-to Бюфоновыхъ твореній съ эстампами превосходной гравировки, лучшая парижская эдиція въ переплетѣ, стоющая нынѣ. . . . . 50 „

Итого единовременныхъ пожертвованій на 1495

Ежегодныя пожертвованія.

1) Въ пользу Общества исторіи и древностей Россійскихъ ежегодно даетъ . . . . . 100 р.

2) Въ пользу Общества натуралистовъ ежегодно . . . . 100 „

3) Въ пользу Общества физико-медицинскаго . . . . . 100 „

Итого ежегодно . . . 300 р.

II.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

О службѣ Сенатора Голенищева-Кутузова.

Кромѣ безпорочной службы съ 1776 года, 35 лѣтъ продолжаемой, съ 1805 года, то-есть 6-ть лѣтъ присутствуя въ 6-мъ департаментѣ, работаетъ неутомимо. Прошлаго 1810 года Мая 17 дня по Высочайшему повелѣнію возложено на него званіе попечителя Московскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его присутствовать въ сенатѣ; въ сіе время кромѣ сенаторскихъ трудовъ, т.-е. въ годъ и 4 мѣсяца въ пользу ввѣреннаго ему округа, сдѣлалъ онъ слѣдующіе подвиги:

1) Общество исторіи и древностей Россійскихъ, бывшее въ совершенной бездѣйственности, возстановилъ, по предписанію г. министра, сочинилъ оному уставъ, привелъ сіе общество въ дѣятельность, составилъ оному библіотеку до 800 томовъ, пріобрѣлъ оному капиталъ болѣе 7000 р., ободрилъ многихъ къ пожертвованіямъ, а сіе общество, на самую лучшую ногу постановленное, труды свои успѣшно продолжаетъ.

2) Общество физико-медицинское возстановилъ, привелъ въ дѣятельность, способствовалъ къ изданію его коментаціи (sic), къ пріобрѣтенію библіотеки, до 1000 книгъ простирающейся. Обоимъ симъ обществамъ выпросилъ разныя выгоды.

3) Для типографіи университетской, бывшей въ упадкѣ и въ ветхомъ домѣ, пріобрѣлъ за 40,000 р. домъ каменный, стоющій по нынѣшнимъ цѣнамъ 100,000 р. На сіе не требовалъ денегъ, а купилъ оный изъ хозяйственной суммы университета и типографіи и устроилъ лучшимъ порядкомъ съ весьма значущимъ приращеніемъ доходовъ университета.

4) Составилъ и учредилъ общество любителей словесности, начерталъ ему уставъ, открылъ оное. Труды его уже начались.

5) Подъ его руководствомъ, по его плану, отставной полковникъ Муравьевъ [1]) учредилъ общество математиковъ, коему попечитель

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ, † 1840, отецъ графа Михаила Николаевича Муравьева и Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, учредитель школы колонновожатыхъ.

Голенищевъ-Кутузовъ начерталъ уставъ, одобренный потомъ г. министромъ, расположилъ сего общества упражненія, кои нынѣ съ величайшимъ успѣхомъ продолжаются.

6) Цензурный комитетъ привелъ въ лучшій порядокъ, для наблюденія строгости въ пропусканіи книгъ, учредилъ особыхъ лекторовъ и написалъ имъ особую инструкцію.

7) Объѣздилъ 4 губерніи своего округа, осмотрѣлъ всѣ учебныя заведенія, многія изъ оныхъ исправилъ, другія открылъ, доставилъ отъ дворянства и купечества значущія пособія, многихъ побудилъ къ пожертвованіямъ. Путешествіе его продолжалось 3 мѣсяца.

8) Учредилъ новую доселѣ не существовавшую, необходимо нужную и полезную, катедру славянскаго языка.

9) Для губернской гимназіи въ Москвѣ сдѣлалъ планъ и представилъ г. министру.

10) Въ Ярославлѣ и въ Рязани построилъ для гимназіи каменные прекрасные домы, кои въ теченіе года окончены.

Произведеніемъ всего того, въ толь краткое время, въ дѣйствіе, обязанъ онъ единственно неусыпнымъ и безпримѣрнымъ попеченіямъ г. министра просвѣщенія, который всѣ его представленія, доводя до свѣдѣнія Государя Императора, подкрѣплялъ ихъ своимъ ходатайствомъ и испрашивалъ на оныя высочайшаго утвержденія. Сверхъ сего, перевелъ онъ россійскими стихами трехъ знаменитыхъ классическихъ писателей: полныя творенія Пиндара, Гезіода и Ѳеокрита [1]). Первыя два напечатаны, а третье печатается. Таковой пользы словесности никто изъ россіянъ не принесъ и таковыхъ трудовъ никто не предпринялъ. За свою таковую, только вкратцѣ изображенную, службу сенаторъ и попечитель Голенищевъ-Кутузовъ ничего не удостоился получить, кромѣ столовыхъ денегъ, по штату положенныхъ, ниже жалованья, кромѣ давно получаемаго сенаторскаго оклада по 3,000 р. въ годъ. Въ сіе же время нѣкоторые гг. сенаторы, какъ-то: Пестель и Нелединскій, младшіе его, получили ордена Св. Александра Невскаго, иные получили бриліянтовые знаки, другіе денежныя награжденія, даже губернаторы и почтъ-директоры получили ордена Св. Владиміра; но сенаторъ и попечитель Кутузовъ, въ ревности, усердіи и дѣятельности ни кому не уступая, не удостоился никакого, даже малѣйшаго, одобренія, хотя уже 9 лѣтъ, какъ онъ имѣетъ честь носить орденъ Св. Анны. Истину всего вышеписаннаго, во всей полнотѣ и силѣ, можетъ засвидѣтельствовать достопочтеннѣйшій министръ народнаго просвѣщенія, коему, по безпрестанному его съ сенаторомъ

[1]) Творенія Пиндара, пер. Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, съ разными примѣчаніями и пр. Москва, тип. Бекетова, 1804, in 8-vo. Творенія Гезіода пер. Павелъ Гол.-Кутузовъ, Москва, въ тип. Бекетова, 1807, 8-vo.

Кутузовымъ сношенію, болѣе нежели кому нибудь всѣ подвиги его извѣстны.

Къ сему должно присовокупить, что сенаторъ г. Кутузовъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 1800, іюля съ 13-го, слѣдовательно болѣе 11 лѣтъ, и никогда не былъ не только въ отставкѣ, но и отпусками никогда не пользовался болѣе 28 дней.

55.

На почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 15 сентября, чрезъ Горчакова полученное, имѣя вѣрный случай писать чрезъ ѣдущаго отсюда знакомаго человѣка, по порядку матерій онаго, имѣю честь отвѣтствовать:

1-е. Касательно профессора Буле, благодарю Бога, что онъ насъ съ честію оставилъ. Университетъ избавился отъ орудія сатанинскаго, а вы и я отъ приступовъ доставлять ему награжденія, коихъ онъ не заслуживалъ и кои, можетъ быть, и рѣкой на него польются, но не чрезъ насъ, такъ у насъ на совѣсти ничего лежать не будетъ. Слава Богу, что онъ насъ отъ него избавилъ.

2-е. Поступилъ я съ нимъ не такъ, можетъ быть, какъ должно по придворной политикѣ, но по долгу и по совѣсти поступилъ право, такъ чтобы не отвѣчать Богу за ввѣренное мнѣ стадо и не быть наемникомъ, не радящимъ объ овцахъ, коихъ души Буле и ему подобные волки расхитятъ, ежели наемный пастырь бѣгаетъ. Я сего не сдѣлалъ, а пошелъ твердо противу льва рыкающаго, то-есть сатанинскаго ученія. Сіе я готовъ и еще сдѣлать. А ежели я не буду внимать и вникать тому, что у насъ преподается, то какой я буду попечитель и достоинъ ли буду сего званія?

3-е. Что Буле утвердилъ себя въ хорошемъ мнѣніи у Государя, тѣмъ хуже для Его Величества, а наше дѣло ограждать престолъ отъ таковыхъ мнѣній и, буде можно, открыть глаза и самому Государю и внушить ему, что государство должно быть очищено отъ моровой язвы лжеученія безбожныхъ профессоровъ, коихъ не протежировать, а за границу высылать должно, и всѣ университеты для спокойствія отечества отъ такихъ явныхъ плевелъ очистить. Это ваше дѣло, вы на то призваны; а мое дѣло смотрѣть, чтобы съ катедръ не врали и не писали пустяковъ. Они уже всѣ хвостъ прижали, увидя, что и Буле меня не испугалъ. Пусть думаютъ, что хотятъ, а явно смѣяться надъ религіею не посмѣютъ, когда хоть одному такому проповѣднику ошибутъ перья! Повѣрьте, что ежели бы Буле выслали изъ Россіи, то это на всѣхъ бы сильное впечатлѣніе сдѣлало и всѣ струсили, и замолчали.

4-е. На Великую Княгиню смотрѣть нечего! Она забрала въ голову

разныя несбыточныя химеры, о коихъ, какъ и о ней, жалѣть надобно. Напримѣръ, сочиненія свои о законодательствѣ, о финансахъ посылаетъ на поправленіе къ Карамзину, а тотъ, чтобы придать болѣе себѣ вѣсу въ глазахъ глупцовъ, громко барабанитъ по Москвѣ, что такіе и такіе проекты отъ такой-то особы къ нему посылаются. Сему публично смѣются.

5-е. О книгѣ, негоднымъ полякомъ писанной, я скажу, что я готовъ и Государю сказать и что всѣ благомыслящіе люди говорятъ: „эта книга набатъ, зловредная и терпима быть не могущая". Выговора я не заслужилъ, ибо не я ее остановилъ, а графъ Гудовичъ, коему я не могъ не сообщить вашего предписанія о запрещеніи сей книги, но я не велѣлъ ему ее обирать; то за чтожъ мнѣ выговоръ? Ежели бы вы имѣли твердость сказать, что я не виноватъ, то-бы мнѣ не было сей непріятности. Впрочемъ, я всегда такъ буду дѣйствовать, только разрѣшите меня по цензурѣ: пропускать-ли книги сего рода или нѣтъ. Здѣсь добрые люди говорятъ: что и автора и переводчика надобно-бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества. Я долгъ мой исполнилъ и очень спокоенъ. Намъ, русскимъ, надобно Государя ограждать отъ поляковъ, кои всегда наши враги, я въ духѣ моемъ русскій дворянинъ и увѣренъ въ томъ, что поляки книгу сію выдали съ самымъ злымъ намѣреніемъ возмутить цѣлое государство. Зачнется съ того, что всѣхъ дворянъ передавятъ, а тамъ и болѣе сдѣлаютъ. Вотъ плоды, коихъ ждутъ Стройновскіе и Анастасевичи [1]), да и дождутся, ежели вельми будутъ молчать и не ополчаться противу сей вольности, которая и затѣяна для того, что враги наши, не могши насъ побѣдить оружіемъ, хотятъ потрясти сердце государства убійствами и бунтами. Стыдно сказать, что этаковаго шельму [2]) сдѣлали сенаторомъ, стыдно мундиръ одинаковый съ нимъ носить. Будьте увѣрены, что во мнѣ при всей моей бѣдности достанетъ столько духа, чтобы все это Государю сказать, хоть бы гнѣвъ его за сіе понести; ему можно математически доказать, что, такія книги позволяя, онъ ведетъ къ погибели себя и все государство.

6-е. Что мнѣ можетъ сіе повредить у двора, я объ этомъ весьма мало забочусь. Лучше пострадать за доброе дѣло и за правду, нежели за ползаніе, подлость, криводушество и связи съ поляками, по фундушамъ получать чины и ленты. Всѣ добрые люди всегда скажутъ въ утѣшеніе мнѣ, что я поступилъ какъ патріоту должно! Придетъ время, что узнаютъ цѣну и истинныхъ сыновъ отечества и предателей! Одного

[1]) Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, состоявшій при князѣ Чарторижскомъ. Онъ перевелъ съ польскаго сочиненіе Валеріана Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

[2]) Т.-е. Анастасевича.

только жаль, что враги отечества гораздо единодушнѣе и тверже дѣйствуютъ, нежели тѣ, кои прямаго желаютъ блага. Разрѣшите только работы истинныхъ ложъ! увидите, какъ вольнодумство, якобинство и иллюминатизмъ сшиблены будутъ, полетятъ въ прахъ и всю сатанинскую челядь отъ престола разгонятъ. Вотъ единственное лекарство отъ жестокаго кризиса, въ коемъ государство находится и повѣрьте, что самое дѣйствительное! Или болѣе скажу: другаго нѣтъ.

7-е. Признаюсь в. с., что видя, что ни моя служба, ни мое усердіе неугодны и безплодны и что, вмѣсто ободренія, я получаю выговоры, да и то незаслуженные, я беру дѣятельнѣйшія мѣры къ уплачиванію моихъ долговъ, что исполня, не токмо званіе попечителя, но и званіе сенатора оставлю, и елико можно скоро, прошу токмо мало потерпѣть. Я думаю, что сіе сдѣлавъ, и вы и я гораздо спокойнѣе будемъ. Я оставлю поле дѣйствованія Стройновскимъ и Анастасевичамъ и подобнымъ имъ, до фундушей и до всячины охотникамъ, сіи гораздо по службѣ счастливѣе меня и имѣютъ болѣе вѣсу и кредиту. Таковымъ надобно уступить въ ихъ изгибчивыхъ уловкахъ. Но избави Боже имъ подражать, хотя бы быть еще бѣднѣе и забвеннѣе.

Москва. Сентября 27 дня, 1811 года.

56.

Представляя пространное донесеніе о моей визитаціи, пріемлю смѣлость просить в. с. о нижеслѣдующемъ:

1) Принять трудъ, со вниманіемъ прочитать мои замѣчанія объ усовершенствованіи хода просвѣщенія, кои, яко до общаго блага касающіяся, надѣюсь заслужатъ ваше одобреніе.

2) Какъ сія визитація есть первая отъ начала составленія Московскаго учебнаго округа, то для ободренія и для впечатлѣнія на другихъ обратить вниманіе на представляемыхъ къ награжденію, что́ я приму съ несравненно бо́льшею благодарностію, какъ ежели бы самъ что получилъ.

3) Себѣ самому лично ничего не желаю, ничего не прошу и ни о чемъ не забочусь, кромѣ заслуженія вашей довѣренности и благоволенія.

Москва. Сентября 28 дня, 1811 года.

57.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. касательно Платона Петровича Бекетова, не возмогши того оффиціально объяснить, что́ могу сдѣлать приватно, имѣю честь донести: 1) что послужной его списокъ я ни

требовать отъ него, ни послать не въ правѣ, потому что онъ не въ дѣйствительной службѣ и не на жалованьѣ служитъ; 2) такъ какъ при прежнихъ моихъ представленіяхъ, объ Антонскомъ, Рейсѣ и проч. я сего не дѣлалъ, то думалъ, что и теперь безъ сего дѣло обойдется; 3) по симъ причинамъ, прилагаю одну записку. На прочіе в. с. запросы имѣю честь подробно отвѣчать въ оффиціальномъ моемъ донесеніи, на сей же почтѣ посылаемомъ.

Октября 9 дня 1811. Москва.

58.

На оффиціальное в. с. предписаніе о Кашинѣ, сдѣлавъ мое при семъ же донесеніе, имѣю честь изъяснить, что поелику въ 1800 году не было запрещенія опредѣлять вольноотпущенныхъ въ службу, то и Кашинъ, на такомъ же основаніи, былъ принятъ, какъ и многіе ему подобные. Въ одиннадцать же лѣтъ, кажется мнѣ, онъ столько и публикѣ и университету заслужилъ, и столько отечеству дѣлаетъ чести, и дарованіями, и благоповеденіемъ, что поддержать его и ободрить непремѣнно нужно. Г. профессоръ Фишеръ просилъ меня напомнить в. с. о 4-хъ дипломахъ, посланныхъ къ подписанію для 4-хъ членовъ общества натуралистовъ, а съ моей стороны—прошу хотя объ одномъ, то-есть о дипломѣ князя Михайла Петровича Голицына [1]). Оный нужно поскорѣе ему доставить, ибо уже съ годъ, какъ онъ избранъ въ члены, а его симъ приласкать нужно и потому, что онъ весьма значущія пожертвованія сдѣлалъ и университету, и обществу историческому, о чемъ я уже имѣлъ счастіе в. с. доносить, да и еще отъ его щедрости новыхъ приношеній ожидать должно. Онъ мнѣ неоднократно напоминалъ о дипломѣ, то я и отзывался, что онъ у в. с. находится и что надѣюсь скоро отъ васъ оный получить и ему доставить. Князь же, дѣлая такіе прекрасные подарки, хочетъ остаться безъимяннымъ. Такая благотворительность, съ скромностію соединенная, достойна вниманія и уваженія.

Октября 12 дня 1811 г. Москва.

59.

Не смѣя оффиціальнаго сдѣлать в. с. представленія, касательно Высочайшаго указа, 26-го Августа правительствующему сенату дан-

[1]) Князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ, р. 1764 † 18.. былъ очень богатъ: ему принадлежалъ Сиротскій домъ на Басманной, полный разными коллекціями, картинами, библіотекою и пр. Умеръ въ совершенной бѣдности на попеченіи двоюроднаго брата своего кн. Сергѣя Михайловича,

наго, объ учрежденіи при уѣздныхъ училищахъ почетныхъ смотрителей изъ дворянъ, поставленъ я въ необходимость партикулярно по сему предмету съ в. с. объясниться по слѣдующимъ причинамъ: 1-е. Нѣкоторые гг. губернаторы, управляющіе губерніями, входящими въ составъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа, партикулярными письмами изъявляя мнѣ свои недоумѣнія, о первомъ пунктѣ вышеупомянутаго указа, въ коемъ пунктѣ сказано точно сими словами: „Въ почетные смотрители избирать изъ мѣстныхъ помѣщиковъ наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и проч“. Но какъ не сказано, кто будетъ сихъ почетныхъ смотрителей избирать, то и вопрошаютъ они меня, кто будетъ сей выборъ производить: дворянство ли, губернаторъ ли, директоръ ли училищъ той губерніи? На каковые вопросы не будучи въ возможности дать имъ разрѣшеніе, прошу в. с. снабдить меня на сіе наставленіемъ, дабы я въ сходственность оному могъ отвѣтствовать гг. губернаторамъ, ожидающимъ отъ меня на сіе разрѣшеніе. 2-е Нѣкоторые директоры училищъ требуютъ разрѣшенія на 5-й пунктъ, въ коемъ сказано: „Почетные смотрители въ званіи своемъ утверждаются министромъ просвѣщенія“. Они въ семъ недоумѣваютъ, потому что губернаторы, по объясненіи съ ними директорами, толкуютъ такъ: яко бы по сему пункту имѣли они право непосредственно къ в. с. представлять почетныхъ смотрителей на утвержденіе, а директоры возражаютъ губернаторамъ, что сіе объ утвержденіи почетныхъ смотрителей представленіе не можетъ идти къ в. с. инымъ путемъ, какъ чрезъ попечителя, яко чрезъ главнаго начальника всѣхъ учебныхъ заведеній его округа. При таковыхъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь представить в. с. мое мнѣніе, что для разрѣшенія сихъ недоразумѣній, могущихъ произвести, ежели не непріятности, то по крайней мѣрѣ многія переписки, необходимо нужно къ сему указу дополненіе, въ коемъ бы явственно было сказано: 1-е, кѣмъ именно сіи почетные смотрители избираются; 2-е, чрезъ кого именно оные на утвержденіе в. с. представляемы быть долженствуютъ.

Такъ какъ уже отъ пяти губернаторовъ и отъ четырехъ директоровъ училищъ получилъ я таковые запросы, да и отъ прочихъ, повидимому, подобныхъ сему ожидать я долженъ, то и пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить в. с. о снабженіи меня неукоснительно вашимъ по сему предмету оффиціальнымъ предписаніемъ, дабы какъ губернаторы, такъ и директоры не имѣли права сѣтовать на мое молчаніе, которое я доселѣ поневолѣ хранить долженъ, будучи и самъ въ недоумѣніи что̀ мнѣ имъ отвѣтствовать.

Октября 30 дня, 1811 г. Москва.

60.

За нужное почитаю донести в. с., что принятыя мѣры къ укрощенію адъюнкта Чеботарева, за кои бы и отецъ его и онъ должны благодарить, какъ и за то что съ нимъ не поступлено гораздо строже, произвели злобу и негодованіе, по коимъ естественно послѣдуютъ на меня жалобы, какъ къ в. с., такъ и къ протекторамъ, каковыхъ сей шалунъ имѣетъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а ослѣпленный его отецъ, который потаканіемъ своимъ его избаловалъ, вопіетъ громко, что сдѣлана несправедливость и что онъ наказанъ безъ всякихъ доказательствъ. А я скажу только: на что ихъ искать, когда обширная Москва наполнена слухомъ о его шалостяхъ и когда онъ у полиціи на замѣчаніи по разнымъ исторіямъ. Театръ, бульваръ, публичныя гулянья были разныхъ его шалостей свидѣтелями. Даже въ нашей университетской церквѣ не могъ онъ быть спокоенъ, передразнивалъ попа, кривлялся, на лѣстницѣ ловилъ и тѣснилъ женщинъ и проч. Да и кто исчислитъ всѣ его шалости, на кои безпрестанно разнаго званія люди приносили мнѣ жалобы. Ни увѣщанія, ни угрозы, ничто не помогло и обуздать его не могло; даже когда бѣдный его отецъ сказалъ ему съ прискорбіемъ: „ты меня уморишь“, то онъ ему на это отвѣчалъ: „умирай скорѣй, старый чортъ, давно пора“.

При всемъ этомъ будьте в. с. увѣрены, что найдутся этому повѣсѣ защитники и покровители и даже такіе, кои за него будутъ мнѣ мстить разными козпями, ибо онъ у иныхъ умницъ употребляется яко самое дѣятельное орудіе къ распространенію насмѣшекъ надъ религіею и всякаго кощунства. Я в. с. о семъ предваряю, дабы, при случаѣ нужды, изволили меня отъ всякихъ козней вражіихъ оградить. Я истинно полтора года терпѣвъ всякія отъ Чеботарева безпокойства, наконецъ рѣшился сдѣлать вамъ о немъ представленіе.

Еще доношу, что Петръ Михайловичъ Дружининъ просилъ меня написать къ в. с., что онъ, по усильной просьбѣ Петра Степановича Валуева и членовъ общества любителей коммерческихъ знаній, принялъ на себя названіе директора того общества, будучи ободренъ къ тому наипаче тѣмъ, что в. с. удостоили оное быть въ числѣ почетныхъ членовъ. Я не препятствовалъ г. Дружинину, чтобы не огорчить П. С. Валуева, который бы самъ обидился и тѣмъ паче, что это не есть служба и ни мало не отвлекаетъ Дружинина отъ настоящихъ занятій. Впрочемъ, если сіе в. с. не угодно, то онъ готовъ сложить съ себя сіе названіе (sic). Ради Бога, в. с. разрѣшите меня въ разсужденіи выбора почетныхъ смотрителей, мнѣ отдыху не даютъ, какъ директоры, такъ и разные дворяне, въ семъ званіи быть желающіе; но я не могу имъ дать разрѣшеніе по резонамъ, кои имѣлъ я честь объ

яснить в. с. въ партикулярномъ моемъ письмѣ за двѣ недѣли предъ симъ.

Москва. Ноября 27 дня, 1811 года.

61.

Крайне радуюсь, что имѣю вѣрный случай писать къ в. с. не по почтѣ, которая нынѣ дошла до того, что не только письма распечатываютъ, но и совсѣмъ ихъ удерживаютъ,—я въ томъ удостовѣрился на сихъ дняхъ, ибо чрезъ ѣздока получилъ два письма отъ брата моего и сестры въ Петербургѣ живущихъ, кои пишутъ, что, по пяти или по шести писемъ писавъ ко мнѣ, не получали отвѣта, а я ни одного письма отъ нихъ не получалъ, какъ и они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ни одного письма отъ меня не получили, хотя я къ нимъ писалъ каждую почту. А изъ сего ясно видно, что и мои письма и ихъ задержаны. Не знаю, какая этому причина, но знаю только, что въ благоустроенномъ государствѣ сіе терпимо быть не можетъ, ибо задерживать такія письма, въ коихъ нѣтъ никакой интересной матеріи, кромѣ семейственныхъ дѣлъ и денежныхъ разсчетовъ, есть притѣсненіе беззаконнѣйшее, тѣмъ паче, что оно дѣлаетъ въ оборотахъ каждаго большую разстройку. Я пишу сіе къ в. с., яко нужное для вашего свѣдѣнія, въ истинѣ же сего изволите удостовѣриться при первомъ вашемъ свиданіи съ моимъ братомъ, который вамъ то же подтвердитъ. Къ сему имѣю еще прибавить слѣдующіе пункты:

1) Вручитель сего г. Дмитріевъ-Мамоновъ есть молодой человѣкъ, изящныхъ и рѣдкихъ качествъ, скромный и лучшею нравственностію украшенный. Онъ принадлежитъ къ самому тѣсному кругу моихъ знакомыхъ; г. Курбатовъ очень коротко его знаетъ. Сей молодой и прелюбезный человѣкъ, не по одному сдѣланному имъ весьма значущему приношенію, достоинъ вниманія в. с. Онъ имѣетъ свѣдѣнія и дарованія рѣдкія, между прочимъ математику, инженерство онъ такъ знаетъ, какъ весьма малое число людей въ Россіи, а рисуетъ и чертитъ такъ, что я ни одного дворянина въ семъ дѣлѣ толь искуснаго не видывалъ. Онъ желалъ здѣсь выдержать экзаменъ и, конечно, могъ бы сіе исполнить, но наши безразсудные педанты, а паче Панкевичъ, проволочивъ его съ дней 10 понапрасну, наконецъ объявили ему, что еще двѣ недѣли онъ въ Москвѣ прожить долженъ; а такъ какъ срокъ его отпуска наступилъ, то онъ и не могъ долѣе остаться въ Москвѣ. Великая ваша къ нему будетъ милость, ежели изволите его удостоить вашего вниманія и за его пожертвованіе открыть ему путь къ полученію ассессорскаго чина.

2) Тётка моя родная, новопожалованная графиня Кутузова [1]), по любви ея ко мнѣ изыскивая средства мнѣ быть полезною, а можетъ быть, какъ женщина, и въ самыхъ средствахъ ошибаясь, требовала настоятельно, чтобы я къ ней доставилъ о моей службѣ записку, что я исполняя за должность, поставляю точную съ оной копію представить в. с. [2]). Я къ сему ничего прибавить не имѣю, какъ только то, что ежели на приношеніе Зосимы и Ферапонтова обращено вниманіе, то неужели мои пожертвованія и труды по службѣ онаго не стоютъ?

3) Не безполезнымъ почитаю донести в. с., до чего дошла злоба и неистовство модныхъ слезливыхъ писателей, русскихъ якобинцевъ. Нѣкто князь Шаликовъ, злясь на нашего Каченовскаго за критики на слезивцевъ, письменно угрожаетъ Каченовскаго прибить до полусмерти. Почему бѣдный Каченовскій принужденъ былъ просить защиты у полиціи, и я долженъ былъ вчера имѣть сношеніе съ оберъ-полицеймейстеромъ по сему дѣлу, о коемъ я предварительно доношу в. с. для того, что оно, сдѣлавшись здѣсь громко, конечно дойдетъ и до Петербурга. Каченовскій совершенно правъ, онъ вамъ извѣстенъ, то ничего о немъ и не скажу какъ то, что поведеніе его самое почтенное и пристойное, а князь Шаликовъ, какъ всей публикѣ здѣсь извѣстно, есть человѣкъ буйный, необузданный, безъ правилъ и безъ нравственности.

4) Нашъ наказанный адъюнктъ Чеботаревъ, вмѣсто раскаянія, бѣснуется и вопіетъ что съ нимъ поступлено несправедливо. Онъ во всей формѣ и въ правилахъ, и въ поступкахъ, и въ рѣчахъ якобинецъ, коему смерть копѣйка, но и то скажу, что онъ бы не былъ столько дерзокъ, ежели бы не ходилъ часто по вечерамъ назидаться въ кругъ г. исторіографа, гдѣ читается и проповѣдается все то, что губить молодыхъ людей удобно. Между прочимъ сочиненіе Стройновскаго тамъ читано съ восхищеніемъ и одобрено и потомъ сіи молодые повѣсы, яко орудія своего директора, и пріемля слова его за оракулъ, бродятъ по городу и не стыдятся громко сію книгу одобрять.

5) Нашедши въ нѣкоторыхъ иностранныхъ пансіонахъ, что тѣ сочиненія г. исторіографа, кои болѣе соблазнительны, употребляются яко учебныя и что изъ нихъ диктуютъ молодымъ людямъ, для примѣра штиля, я за нужное почелъ не прямо самъ, но чрезъ дирек-

---

[1]) Графиня Екатерина Ильинишна Голенищева-Кутузова, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Смоленская, рожд. Бибикова. Сестра ея Евдокія Ильинишна была женою адмирала I класса и Андреевскаго кавалера Ивана Логиновича Г.-Кутузова и матерью Павла Ивановича. Фельдмаршалъ Кутузовъ былъ 29 октября 1811 г. возведенъ въ графское достоинство.

[2]) Записки эта копія съ той, которую Кутузовъ отправилъ къ Н. К. Загряжской (см. выше).

тора, дать почувствовать, подъ рукою, что сіе неприлично. Узналъ потомъ, что сіе дошло до свѣдѣнія г. автора, а какъ цѣль его именно та, чтобы сладострастныя правила и матеріализмъ его чрезъ училища повсюду разливался, то и натурально, что онъ за сіе озлобился. Вотъ в. с. каково тяжело исправлять свою должность по чистой совѣсти и *противоборствовать злу царствующему въ мірѣ*, а не противуборствовать и молчать тамъ, гдѣ я по званію моему говорить долженъ, не есть ли сіе подвергнуть себя отвѣту на страшномъ судѣ Божіемъ и опасности быть судиму съ цѣлыми поколѣніями дѣтей, коихъ воспитаніе, образованіе и просвѣщеніе промысломъ Всемогущаго намъ ввѣрено.

6) Мои огорченія и носимые кресты услаждаются много сими словами: „*Блажени есте егда поносятъ вамъ*“. Радуюсь нѣсколько я и тому, что по стекающимся почти ежедневно приношеніямъ и разнаго рода сокровищамъ и богатствамъ во ввѣренное мнѣ мѣсто, вижу я ясно богатство милости Божіей и знаменіе его благословенія на мое управленіе проливаемое. Нужды нѣтъ что я самъ ничего не получаю, это къ моему испытанію и очищенію, но обогащеніе университета есть и ко мнѣ великая милость Божія, за которую сердечно Господа моего благодарю, моля Его да подкрѣпитъ меня въ моемъ положеніи и содѣлаетъ достойнымъ рыцаремъ креста Его. Молю его да милость его и сила Божественнаго его Духа пріосѣняютъ васъ непрестанно и да всѣ дары благодати Его, преизобильно на васъ проливаяся, исполнятъ васъ новой жизни и чистѣйшей радости, её же да никто не возьметъ отъ васъ.

Москва. Ноября 24 дня, 1811 года.

62.

Всѣми пожертвованіями въ пользу университета толь часто дѣлаемыми, обязанъ онъ ни чему иному, какъ благодѣтельнымъ в. с. попеченіямъ и обращеніи Высокомонаршаго вниманія на дѣлающихъ оныя приношенія. Подъ мудрымъ вашимъ руководствомъ, нѣтъ сомнѣнія, что университеты обогатились паче прежняго. При оффиціальномъ моемъ донесеніи о важномъ подаркѣ, сдѣланномъ г. каммергеромъ Всеволожскимъ, [1]) не могши всего нужнаго изъяснить, пріемлю смѣлость исполнить то приватно въ семъ письмѣ, слѣдующими разсуж-

[1]) Дѣйств. камергеръ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій, р. 1768 † 1836. Онъ женатъ былъ на незаконной дочери Никиты Аѳанасьевича Бекетова, изъ-за наслѣдства котораго имѣлъ тяжбу съ И. И. Дмитріевымъ. Всеволожскій пожертвовалъ университету минеральный свой кабинетъ, состоявшій изъ 5,531 штуфа и оцѣненный въ 20,000. За это онъ получилъ при рескриптѣ орденъ св. Анны 2-й ст.

деніями: 1) прискорбно будетъ и г. Всеволожскому и мнѣ, ежели онъ не будетъ отличенъ болѣе несравненно нежели г. Зосима, коего приношеніе, чинъ, достоинство, званіе, весьма ниже г. Всеволожскаго: 2) одинъ грекъ, другой природный россійскій дворянинъ, одинъ ни какого не имѣетъ чина, а другой каммергеръ; 3) г. Всеволожскій и во время милиціи сдѣлалъ такое пожертвованіе, какихъ никто не дѣлалъ, то и по сему уже достоинъ уваженія; 4) вниманіе къ нему и доставленіе ему соразмѣрнаго знака отличія ободритъ его къ вящимъ пожертвованіямъ, кои онъ дѣйствительно готовъ сдѣлать, какъ и въ письмѣ его изъяснено, и какъ онъ мнѣ словесно подтвердилъ, ежели онъ увидитъ, что на сей его подарокъ особое обращено будетъ вниманіе.

Позвольте къ сему присовокупить в. с., благодарить надобно Бога, что патріотическій духъ до такой степени возженъ и къ такимъ подвигамъ побуждаетъ. Всеволожскихъ не много, но подражатели будутъ, ежели ваше благотворное вліяніе на сыновъ отечества будетъ всегда въ такой силѣ, какъ нынѣ. Слава Богу, говорю я, что знаки отличія, не дорого казнѣ стоющія, привлекаютъ приношенія драгоцѣнныя ежедневно возрастающія! Думаю, что ежели в. с., получа сіе донесеніе прежде 12-го числа сего мѣсяца, разсудите за благо довести оное до свѣдѣнія Государя Императора, то подарокъ г. Всеволожскаго, ко дню рожденія Государя какъ бы нарочно подоспѣвшій, будетъ Его Императорскому Величеству крайне пріятенъ.

Декабря 4 дня, 1811 г. Москва.

63.

На сдѣланный мнѣ отъ в. с. оффиціальный вопросъ о причинахъ, по коимъ профессоръ Суворовъ просится въ отставку, не могъ я ничего иного сказать, какъ представить въ копіи его просьбу съ присовокупленіемъ къ тому моихъ разсужденій. А такъ какъ, къ удовольствію моему, изъ того же вашего предписанія вижу я, что в. с., яко истинный меценатъ, имѣете наклонность удержать въ службѣ сего почтеннаго и любезнаго мнѣ человѣка, то и пріемлю смѣлость приватно объяснить в. с. истинныя причины образа дѣйствованія г. Суворова; оныя суть слѣдующія:

1) Такъ какъ онъ великимъ и дѣйствительно рѣдкимъ своимъ достоинствамъ чувствуетъ цѣну, то уже съ самаго начала его вступленія самолюбіе его нѣсколько оскорбилось тѣмъ, что г. профессоръ Панкевичъ занимаетъ катедру смѣшанной или прикладной математики, несравненно болѣе наукъ объемлющей, нежели чистая математика,

при которой г. Суворовъ, будучи долженъ остаться, не имѣлъ довольно обширнаго поля дабы развернуть дарованія великаго его генія.

2) Будучи крайне недостаточенъ и многочисленнымъ семействомъ обремененъ, крайне стѣснялся онъ и огорчался тѣмъ, что долженъ былъ, живучи весьма далеко отъ университета, нанимать экипажъ съ издержками для него разорительными. Паче же оскорблялся онъ тѣмъ, что иностранные профессоры имѣютъ квартирныя деньги, а онъ нѣтъ, я же не смѣлъ сего сдѣлать самъ собою, дабы не обвиняему быть въ пристрастіи къ нему, потому что нѣкоторые русскіе профессоры, гораздо долѣе университету служащіе нежели онъ, не имѣютъ сей выгоды.

3) Просьбу его удерживался я представить и писалъ между тѣмъ къ Николаю Семеновичу Мордвинову [1]), яко человѣку сердечное участіе въ немъ пріемлющему, прося его предстательствовать у в. с., объ улучшеніи участи г. Суворова, который дѣйствительно по его достоинствамъ стоитъ того, чтобы его всѣми возможными мѣрами въ службѣ университета удержать.

Сверхъ того, самъ я, какъ по усердію моему ко благу университета, такъ и по любви моей къ г. Суворову, придумавъ ко удержанію его средства, осмѣливаюсь в. с. обнадежить, что онъ останется въ службѣ ежели вы соблаговолите принять слѣдующія мѣры:

1) Ежели изволите мнѣ предписать оффиціально, чтобы ему на квартиру производить до 800 рублей въ годъ.

2) Ежели изволите предписать, что такъ какъ профессоръ Гольдбахъ умеръ и катедра астрономіи осталась праздною, то чтобы преподаваніе астрономіи присоединить къ катедрѣ г. Суворова и за онос преподаваніе производить ему по 500 рублей въ годъ изъ суммы положенной на астрономическую катедру, которая сумма нынѣ остается наличною за смертію г. Гольдбаха.

3) Ежели согласитесь употребить ваше благодѣтельное ходатайство, чтобы пенсія, которую г. Суворовъ получалъ еще прежде вступленія его въ службу университета, утверждена была въ случаѣ его смерти въ пользу жены его и дѣтей, о чемъ, какъ изволите увидѣть, онъ и въ прошеніи своемъ упоминаетъ.

Декабря 4 дня, 1811 г. Москва.

64.

Честь имѣю препроводить къ в. с. послѣднее сочиненіе г. Таушера, вамъ посвященное и служащее вѣрнымъ свидѣтельствомъ по-

[1]) Н. С. Мордвиновъ, адмиралъ и всѣхъ русскихъ орд. кав., морской министръ (1802—1807), впослѣдствіи (1834) графъ, р. 1754 † 1845.

ныхъ его упражненій. Я видѣлъ его; онъ у меня обѣдалъ, и я за-
илъ, что чрезвычайная стыдливость, которая, какъ увѣряютъ,
да была ему свойственна и забота о необезпеченномъ его состоя-
дѣлаютъ его очень робкимъ и даже иногда страннымъ; но я
ренъ, что онъ сохраненъ будетъ для наукъ, если в. с. благоугодно
етъ опредѣлить его въ нашъ университетъ и особенно въ музей,
коемъ число предметовъ ежедневно столь увеличивается, что не-
ятно, какъ можетъ доставать на все сіе одного человѣка. Одна
омологическая часть, для которой г. Таушеръ имѣетъ природную
собность, требуетъ человѣка, который бы могъ ее со временемъ
вершенствовать, содержать въ порядкѣ коллекціи, умножать ее и
ч. Услышавъ то, что в. с. имѣете намѣреніе доставить нашему универ-
ету прекрасную коллекцію насѣкомыхъ г. Таушера, я подумалъ, что
и вамъ благоугодно будетъ сдѣлать сіе пріобрѣтеніе для музея и
едѣлить въ оный Таушера адъюнктомъ по сей части, коею онъ
имался во все продолженіе своей жизни, и давать ему, Таушеру,
центы съ капитала 6000 руб., который заплаченъ ему будетъ че-
ь шесть лѣтъ, такъ что ему можно будетъ жить жалованьемъ адъ-
кта и сими процентами, то сіе, по моему мнѣнію, будетъ истинное
дство сдѣлать его полезнымъ обществу и особливо коллекціи в. с.,
онъ можетъ продолжать приводить ее въ порядокъ и сочинять
й каталогъ. Я говорилъ о семъ съ Фишеромъ, и онъ также удо-
вѣренъ, что это единственный способъ сдѣлать его полезнымъ для
къ. Я хотѣлъ прежде приватнымъ письмомъ узнать на сіе волю
., и не буду смѣть сдѣлать оффиціальнаго по сему предмету пред-
вленія, доколѣ не узнаю, будетъ ли вамъ сіе угодно; да и для боль-
го удостовѣренія о состояніи г. Таушера можно доставить доктор-
и свидѣтельства.

Декабря 14 дня, 1811 г. Москва.

65.

Имѣю честь писать къ в. с. съ П. М. Дружининымъ—онъ есть
вая грамота и в. с. перескажетъ о положеніи университета все о
ъ вамъ угодно будетъ его вопросить. Осмѣливаюсь только отвѣчать
одно оффиціальное ваше отношеніе и на приватное письмо вкупѣ:
Вашъ запросъ о хорѣ на день рожденія Государя тронулъ меня
слёзъ, ибо я не ожидалъ, чтобы на партикулярное письмо мое пи-
и вы оффиціально. 2) На него-жъ скажу: поданъ хоръ на цензуру
ръ-полицеймейстера ошибкою Сущова, а я, обремененъ будучи
жествомъ бумагъ и торопясь къ вамъ отправить сіи стихи, дабы
прежде всѣхъ имѣли, признаюсь, виноватъ, что не досмотрѣлъ въ

какой цензурѣ были сіи стихи. Прошу и себѣ и типографіи великодушнаго прощенія. 3) Касательно Чеботарева донесу только, что сколько основательны свидѣтельства объ исправленіи сіе доказывается тѣмъ, что 12-го Декабря, то-есть сему назадъ 6 дней, Чеботаревъ будучи мертвецки пьянъ, въ б..... сдѣлалъ шумъ, драку, прибилъ квартальнаго и былъ приведенъ къ оберъ-полицеймейстеру, который примиреніе учинилъ и исторію сію затушилъ, изъ благодарности къ доктору Мудрову, который, женатъ будучи на родной сестрѣ Чеботарева, плакалъ и просилъ оберъ-полицеймейстера о помилованіи Чеботарева, на что оберъ-полицеймейстеръ и согласился, ибо на сихъ дняхъ Мудровъ его избавилъ отъ смерти вылечивъ его отъ остановки урины. Сія исторія всей Москвѣ извѣстна. 4) Что писалъ къ вамъ г. Ключаревъ—и сему я не дивлюсь: онъ связанъ тѣсно съ отцомъ Чеботарева и къ нему пристрастенъ весь вѣкъ, и тотъ и другой прожили интригами: безъ нихъ какъ бы могъ Ключаревъ за почтъ-директорскую должность получить все, что онъ имѣетъ, а Чеботаревъ весь вѣкъ пилъ, ѣлъ и ничего не дѣлалъ и теперь терпимъ онъ можетъ быть въ университетѣ только по старости, ибо онъ каждый вечеръ бываетъ мертвецки пьянъ и колобродитъ. Весь университетъ это знаетъ. Воля же ваша въ разсужденіи его сына исполнена будетъ во всей точности. 5) Что такое суть Чеботаревъ и Ключаревъ сіе доказывается по тѣсной ихъ связи съ Карамзинымъ, о чемъ общій нашъ знакомый старикъ [1]) очень подробно знаетъ и думаю что писать къ вамъ будетъ. 6) Что Ключаревъ притворщикъ, что онъ васъ не любитъ и преданъ Козодавлеву, это доказать можно. 7) Что и Ключаревъ и Чеботаревъ желаютъ, чтобы вы не были министромъ, это также вѣрно. Въ заключеніе нужнымъ почитаю еще нѣчто сказать. Писали вы, что я отъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ почтенъ былъ сумаброднымъ; сему не надобно ни дивиться, ни симъ оскорбляться. Въ тѣхъ чертогахъ, гдѣ вѣра почитается химерою, гдѣ честь, добродѣтель и вѣрность къ отечеству почитаются предразсудками, гдѣ вольнодумство и безбожіе поставляютъ верхомъ мудрости, тамъ покажется сумаброднымъ всякій христіанинъ, всякій вѣрный Государю слуга, который ни за какіе милліоны не войдетъ ни въ какія крамолы отечеству вредныя. Тамъ только Буле, Карамзинъ и имъ подобные считаются мудрецами, а не токмо я, но и всѣ благомыслящіе должны казаться сумасбродными [2]).

„Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ“. Благодарю Спасителя моего и священныя его орудія, что духъ мой и совѣсть моя спокойны. Молю Господа моего да будете вы здравы и

---

[1]) Поздѣевъ.

[2]) Намекъ на Тверской дворецъ в. к. Екатерины Павловны.

невредимы, молю Его каждодневно да его милосердіе пребудетъ съ вами неразлучно; молю Его да заградитъ онъ уши ваши отъ вниманія клеветамъ и кознямъ враждующихъ на меня.

P. S. Сей вручитель воистину благоволенія вашего достоинъ, право, онъ другой орденъ заслуживаетъ болѣе, нежели Ключаревъ заслужилъ всѣ тѣ, кои онъ имѣетъ, ибо править училищами гораздо болѣе труда нежели править почталіонами! Великому надобно быть хитрецу и интриганту, чтобы ничтожную механическую почтамтскую службу представить въ видѣ государственныхъ подвиговъ и ослѣпить людей тѣмъ, чтобы доставить награды за это (послѣднія слова не разобраны).

Москва. Декабря 19 дня 1811 года.

66.

За скорымъ отъѣздомъ Алексѣя Алексѣевича [1]) пишу весьма кратко, и, во-первыхъ, имѣю честь поздравить в. с. съ Рождествомъ Христа Спасителя, желая, чтобы онъ родился въ ясляхъ сердца вашего, чтобы вы повили его пеленами любви къ нему, и чтобы всѣ внутреннія силы ваши въ сладчайшей нѣжной гармоніи воспѣли: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“, его же никто да возметъ отъ васъ. Къ сему присовокуплю сердечное же поздравленіе васъ и съ наступающимъ новымъ годомъ, желая, чтобы совершенно въ новаго человѣка облеклись, и всю силу новыхъ даровъ Духа въ себѣ ощутили, вкупѣ и съ полученіемъ новыхъ силъ тѣлесныхъ, толико нужныхъ для блага отечества въ великомъ званіи, въ коемъ вы промысломъ Всевышняго постановлены.

Болѣе не пишу, ибо Алексѣй Алексѣевичъ, яко живая грамота, надѣюсь, что по любви каковую онъ мнѣ по самый отъѣздъ оказывалъ, будучи у меня ежедневно, все то скажетъ въ мою пользу, что́ бы я самъ могъ сказать. Затѣмъ поручаю себя продолженію вашей драгоцѣнной для меня милости.

Москва. Декабря 20 дня 1811 года.

67.

За должное почитаю в. с. донести о слѣдующемъ:

1) Общество исторіи и древностей Россійскихъ, имѣвшее счастіе, чрезъ меня, поднесть в. с. дипломъ благотворителя, но, не имѣя отъ васъ о полученіи отзыва и крайне заботясь, благоугодно-ли в. с. было сіе поднесеніе, поручило мнѣ о томъ къ вамъ писать и желаетъ о

[1]) Перовскаго.

семъ узнать, дабы при первомъ собраніи могло оно объявить, что вами дипломъ принятъ.

2) Адъюнктъ Чеботаревъ просится въ Петербургъ; ваша воля его отпустить или нѣтъ, но по совѣсти моей долженъ васъ предувѣдомить, что ежели онъ будетъ въ Петербургѣ, то много проказъ надѣлаетъ и намъ наведетъ и хлопоты и нареканіе. Вотъ вамъ еще обращикъ его поведенія: сегодня, въ самый день Рождества Христова, въ университетской церкви при мнѣ и при многочисленномъ собраніи и университетскихъ и посторонніхъ, онъ воздѣвалъ руки на небо, билъ себя въ грудь, клалъ непрестанно поклоны и при всемъ томъ дѣлалъ разныя смѣшныя гримасы и всѣхъ присутствующихъ соблазнялъ; безумный и ослѣпленный его отецъ можетъ и теперь сказать, что нападаютъ на негоднаго его сына, но этому уже свидѣтелей слишкомъ много, видѣвшихъ до такой степени простирающееся его неистовство, что въ праздникъ толь великій, въ церкви, онъ не могъ простоять обѣдни благопристойно; это доказываетъ и его правила и его умъ.

3) Я еще пріемлю смѣлость в. с. сказать: я радъ отъ его присутствія избавиться, но, зная его, не смѣлъ рѣшиться и потому, чтобы не поступить вопреки предписанію вашему, бывшему въ февралѣ мѣсяцѣ сего года.

Декабря 25 дня 1811 года. Москва.

68.

Я противу воли моей долженъ утруждать в. с. всепокорнѣйшею моею просьбою, объ огражденіи университета и меня отъ притѣснительныхъ и грубыхъ поступковъ, при каждой трети повторяемыхъ, управляющаго здѣшнимъ штатнымъ казначействомъ, д. с. с. Акинфіева. Не говорю уже о томъ, что мнѣ по сіе время не выдано ни жалованье, ни столовыя деньги, ни на канцелярію положенной суммы, что̀ единственно по своей прихоти г. Акинфіевъ сдѣлалъ; но и въ университетъ ни копѣйки не отпущено, и мы въ выдачахъ разнымъ людямъ крайне затруднены. Но всего удивительнѣе то, что г. Акинфіевъ, на вопросъ именемъ моимъ сдѣланный: „скоро-ли онъ уповаетъ, что въ университетъ деньги отпущены будутъ?“—весьма грубо отвѣчалъ: „я самъ не знаю, да и отвѣчать не обязанъ“. Послѣ сего я оффиціально къ г. Акинфіеву писалъ отношеніе, съ коего нарочно прилагаю копію, дабы онъ не вклепалъ, что я писалъ къ нему грубо, а онъ на сіе письмо и отвѣта меня ни строкою не удостоилъ. Сіе дѣло неслыханное, чтобы по казенному дѣлу не отвѣчать; но г. Акинфіевъ, яко человѣкъ грубый, необразованный и едва грамотѣ знающій, все себѣ позволяетъ. Такъ какъ сія исторія каждую треть повторяется,

то всепокорнѣйше прошу в. с. отнестись къ его начальству и подвигнуть его, чтобы оно г. Акинфіеву сдѣлало строгое поученіе, и вразумило бы сего глупаго человѣка, что постъ мой, чинъ и лѣта заслуживаютъ уваженія и что онъ ни малаго не имѣетъ права къ беззаконному задержанію суммъ присовокуплять еще грубость и неуваженіе. Всѣ вообще здѣсь съ г. Акинфіевымъ имѣющіе дѣло давно жалуются на его грубость и на подъяческія притязанія. И истинно должно удивляться, что человѣкъ глупый, съ нуждою имя свое подписывающій, первыхъ началъ ариѳметики незнающій, удерживается въ такомъ постѣ, гдѣ съ нимъ должны поневолѣ имѣть дѣло люди благовоспитанные, непрестанно имъ оскорбляемые.

Января 4 дня 1812. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія.

Милостивый государь мой, Алексѣй Алексѣевичъ.

Покорно прошу увѣдомить меня: 1) по какой причинѣ не отпускаете вы изъ казначейства за сію наступившую треть суммы, назначенной на содержаніе Высочайше ввѣреннаго мнѣ Московскаго университета; 2) какъ скоро вы предполагаете, что оная сумма въ университетъ отпущена будетъ. Сіи свѣдѣнія мнѣ необходимо нужны, какъ для сдѣланія по расходамъ университета нужныхъ распоряженій, такъ и для донесенія моего о нуждахъ ввѣреннаго мнѣ корпуса г. министру народнаго просвѣщенія, почему и прошу покорно неукоснительно вашего отвѣта письменно меня удостоить.

Января 2 дня 1812 года.

69.

Я принялъ смѣлость вторично сдѣлать представленіе о старшемъ моемъ письмоводцѣ Облеуховѣ, ибо, по всей справедливости, онъ того достоинъ. Несправедливо бы было вмѣнить ему въ награжденіе то, что онъ произведенъ въ доктора, въ Іюнѣ мѣсяцѣ; ежели бы онъ и не былъ у меня письмоводцемъ, то и тогда бы не могъ университетъ ему отказать въ сей ученой степени, которую онъ получилъ по всей строгости университетскихъ законовъ, ибо писалъ диссертацію, выдержалъ диспутъ, давалъ три пробныя лекціи публично. Истину всего того засвидѣтельствовать можетъ не только цѣлый университетъ, но и вся публика. Ежели же я столько счастливъ, что мои труды достойны какого нибудь вниманія, то долженъ я признаться, что въ г. Облеуховѣ имѣю добраго помощника и дѣятельнаго работника, и

обязанъ, по всей справедливости, заботиться о доставленіи ему слѣдующей награды, которую я отъ покровительства в. с. приму тѣмъ съ бо́льшею радостію, что, совершенно преставъ нынѣ заботиться о самомъ себѣ, желаю токмо того утѣшенія, чтобы трудящіеся подъ моимъ руководствомъ были ободряемы, ибо они лишеніе того не столь равнодушно возмогутъ переносить, какъ я, и удобны впасть въ отчаяніе. Въ заключеніе же скажу, что всѣ, коимъ по моимъ представленіямъ в. с. сдѣлали милость и доставили знаки отличія, не болѣе г. Облеухова оныхъ достойны, ибо они трудятся каждый по своей части, а въ составъ трудовъ г. Облеухова входятъ вообще всѣ части ввѣреннаго мнѣ округа. Смѣю льститься надеждою, что в. с., принявъ съ благоволеніемъ сіи на сущей истинѣ основанныя объясненія, не отринете моей покорнѣйшей о г. Облеуховѣ просьбы, ободрите тѣмъ человѣка хотя и молодого, но преисполненнаго рѣдкихъ свѣдѣній и отличнѣйшихъ способностей, и украшеннаго лучшею и рѣдкою нравственностію и могущаго быть со временемъ человѣкомъ государственнымъ. Ежели бы я въ семъ удостовѣренъ не былъ, то не рѣшился бы толь настоятельно за него у в. с. предстательствовать.

Марта 4 дня 1812 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Записка).

Вотъ что мнѣ подало мысль осмѣлиться сдѣлать мое представленіе о моемъ письмоводцѣ магистрѣ Облеуховѣ: VI департамента оберъ-прокуроръ, молодой графъ Мамоновъ [1]), по 4-хъ-мѣсячномъ управленіи дѣлами, представилъ къ знаку отличія находящагося при немъ секретаря Алексѣева, и черезъ 3 недѣли по представленіи онъ знакъ отличія получилъ. Сіе произвело во мнѣ такое разсужденіе: оберъ-прокурорская должность менѣе важна, нежели постъ попечителя; я въ ней нахожусь 9 мѣсяцевъ, Облеуховъ есть моя правая рука, графъ Алексѣй Кириловичъ, конечно, не менѣе вѣса, ежели не болѣе, имѣетъ И. И. Дмитріева [2]), Облеуховъ дворянинъ умный, просвѣщенный, а Алексѣевъ поповичъ. Облеуховъ работаетъ неутомимо 9 мѣсяцевъ и важнѣйшія обработываетъ бумаги, нежели Алексѣевъ. Почему-жъ мнѣ не осмѣлиться представить о семъ министру-благодѣтелю, отъ коего сію милость къ Облеухову приму какъ бы мнѣ самому оказанную.

[1]) Графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, р. 1789 † въ 60-хъ годахъ, подъ бременемъ долголѣтняго умственнаго недуга. Онъ былъ сынъ фаворита Екатерины.

[2]) И. И. Дмитріевъ, былъ въ то время министромъ юстиціи.

70.

Я, къ сердечному моему сожалѣнію, нѣсколько уже выговоровъ получилъ отъ в. с. по цензурѣ за пропущенные ею романы, пѣсни и проч. Есть-ли какая нибудь возможность мнѣ за сими мелочами усмотрѣть и могу ли не полагаться въ томъ на цензоровъ? Говорю, приказываю, и слышу возраженія: „Помилуйте! Петербургская цензура и не это пропускаетъ". Вотъ и на сихъ дняхъ появилась здѣсь въ продажѣ книга подъ названіемъ: „Философическое и юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и оскорбленія противъ Величества", печатана въ С.-Петербургѣ, 1812 г., въ типографіи Плавильщикова. Книгу и выписку рѣзкихъ мѣстъ посылаю на ваше благоусмотрѣніе, можетъ быть отъ худаго понятія вещей, но у меня отъ многихъ писателей волоса дыбомъ встали, а еще болѣе отъ того, что съ 3-го Апрѣля сія книга здѣсь продается, и что всю ее раскупили. Я не смѣлъ говорить о семъ, чтобы ее запретили, вспомня, что по бумагѣ вашей о книгѣ Стройновскаго, за сношеніе мое съ гр. Иваномъ Васильевичемъ, вы мнѣ сдѣлали выговоръ, а при всемъ томъ книга сія вреднѣе книги Стройновскаго гораздо, да и замѣчательно то, въ какую эпоху она публикована. По нѣкоторымъ выраженіямъ, кои вы замѣтить изволите, можно догадаться, подъ чьимъ руководствомъ сія книга переведена, а ежели заблагоразсудите спросить по совѣсти цензора, и чтобы онъ, не боясь, вамъ сказалъ всю правду, по чьимъ вліяніямъ онъ многое пропускаетъ, кто настоитъ и почему онъ не боится сихъ книгъ пропускать, а болѣе боится онъ не пропускать, то ясно всю коллекцію дѣйствующихъ орудій усмотрѣть изволите. Цензоръ, человѣкъ добрый, но робкій; онъ пропускаетъ всячину, отъ того, что его запугали громкими именами, но кто сіе дѣлаетъ? Это кажется открыть нужно и для васъ самихъ и для всѣхъ. Съ симъ открытіемъ сопряжены будутъ многія и другія, не менѣе вниманія достойныя. Сіе, конечно, меня и цензуру здѣшнюю извинить не можетъ, но не менѣе, между тѣмъ, подаетъ поводъ говорить, что на насъ взыскивается строжѣе, нежели съ петербургскихъ. Простите мнѣ мою откровенность в. с. и простите тѣмъ паче, что, готовясь къ причащенію Св. Тайнъ, говорю, что́ имѣю на сердцѣ! Выговоровъ я получилъ много. Спасибо ни единаго раза вы мнѣ не сказали, какъ будто бы въ управленіе близъ двухъ лѣтъ моимъ округомъ я ничего такого не сдѣлалъ, за что бы отъ васъ, или отъ Государя, благодарность получить можно. Я васъ въ томъ не виню: и, ей-ей, молюсь о васъ Богу каждый день, но знаю своихъ непріятелей, умѣвшихъ выиграть вашу довѣренность! Богъ милостивъ! всѣхъ насъ помилуетъ, и посрамитъ враговъ нашихъ, и явныхъ и тайныхъ! Начало къ сему есть, Господь силенъ довершить Его дѣло и извести яко солнце правду нашу! Вспомните Фесслера!

книжки о немъ и замѣчанія я доставилъ къ О. А. [1]), а онъ къ вамъ. Теперь по обстоятельствамъ видно ясно, для чего Фесслеръ былъ выписанъ. Не оправданы ли мы чисто? Низверженъ одинъ, падутъ многіе лицемѣры, измѣнники тайные и хитрецы, и тонкіе подъячіе и проч. „*тіи снятіи быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся*“. Такъ в. с. я увѣренъ, что вы меня узнаете, что будете скорбѣть о выговорахъ, мнѣ дѣланныхъ, какъ и о томъ, что вы, послѣ вступленія моего въ должность, для многихъ дѣлали добро, а для меня нѣтъ. Сожалѣть, говорю, по доброму вашему сердцу и по всему тому, что отъ васъ еще тайно. Узнаете, что я не Оленинъ и не Мартыновъ [2]), и узнаете очень ясно.

Я пишу сіе истинно, не въ духѣ злобы! И все, что писалъ и что буду писать, то изъ одной безпредѣльной къ вамъ приверженности и желанія вамъ блага, наравнѣ съ самимъ собою, ибо благодарность за ваше благодѣяніе, на первомъ шагу мнѣ сдѣланное, заставляетъ меня забыть сотни огорченій. Въ чемъ я виноватъ, въ томъ и вы меня простите. Разсмотрите и меня, и себя. Я никому не жалуюсь, а глотать горькія пилюли привыкъ съ дѣтства, ибо родился въ бѣдности, много терпѣлъ горя и нуждъ, жилъ и живу подъ крестами, терпѣлъ и терплю бѣды отъ сродникъ, даже отъ лжебратій! Буде за все хвала Великому Крестоносцу! Молю Его отъ всего сердца, да даруетъ Онъ вамъ вкусить всѣ плоды Его воскресенія и ощутить онаго силу; да покрыетъ Его десница васъ отъ враговъ явныхъ и тайныхъ и да дастъ онъ вамъ крѣпость въ подвигахъ вашихъ.

P. S. Соболевскій опредѣленъ архитекторомъ, жалованья на первый случай положено 300 р. Давно бы сіе сдѣлано было; но ваше предписаніе меня связало; вы изволили именно написать: „изъ хозяйственной суммы“, а она у насъ по дороговизнѣ совсѣмъ изсохла, то, не отобравъ счетовъ совершенно въ типографной суммѣ, не могъ жалованья опредѣлить изъ хозяйственной, коей нѣтъ. Теперь опредѣлилъ изъ типографной, наложа прибавку на объявленія, чрезъ мѣсяцъ времени сдѣлаю Соболевскому 200 р. прибавки, и такъ онъ будетъ получать 500. Письмо сіе или пакетъ вручитъ вамъ г. Лангель, прекрасный и добрый молодой лифляндскій дворянинъ, у насъ учившійся, и ѣдущій на службу. Будучи увѣренъ въ вѣрности сего отъѣзжающаго, и зная, что О. А. имѣетъ нужду къ вамъ писать, я его извѣстилъ о семъ и получилъ отъ него на имя ваше пакетъ, который здѣсь и влагаю. Удостойте по почтѣ строчкою о полученіи, ибо почтеннѣйшій старецъ нашъ будетъ о семъ заботиться. Простите, ради Бога, что

[1]) Поздѣеву.

[2]) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, въ то время директоръ канцелярія министра народнаго просвѣщенія. См. о немъ выше.

выписка изъ книги на простой бумагѣ и нечисто писана,—въ-торопяхъ не успѣли на бѣло переписать. Ѣздокъ случился, а мнѣ совѣтовали скорѣе сію книгу къ вамъ отправить.

Москва. Апрѣля 16 дня 1812 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. О книгѣ *Прекрасный Пажъ*, за которую вы изволили и мнѣ и цензорамъ сдѣлать строгій выговоръ, собралъ я справки и по первой почвѣ отправлю оффиціальное донесеніе. Изволите убѣдиться в. с., что цензоры нынѣшніе не виноваты, а я еще и того меньше. Книга сія первымъ тисненіемъ напечатана была въ 1804 году и одобрена цензурою. Прежній уставъ цензурный говоритъ, что книги печатанныя не должно вновь цензировать. Вотъ почему она пропущена, вотъ почему и имени цензора не выставлено, ибо она печатана по первой цензурѣ, когда и положенія не было выставлять имена цензоровъ. Изъ сего судите в. с., за что я и цензоръ сію пилюлю проглотить должны, вспомните, что и съ пѣсенникомъ было тоже. 2. Ферри въ ваше попечительство печаталъ объявленіе о себѣ и лекціяхъ; могъ ли я запретить ему печатать тѣми же точно словами, коими при васъ онъ о себѣ въ газетахъ печаталъ? Могло ли мнѣ войти въ голову прибавленіе слова: „*иностранный профессоръ*“ и угадать ваши мысли? Вы за это мнѣ сдѣлали строгій выговоръ, и потомъ его повторили. 3. Пишете вы, что слухи носятся, что я всѣхъ разогналъ изъ университета. Кто-жъ лучше васъ самихъ можетъ сіи слухи опровергать? Вы, по бумагамъ, всѣхъ достовѣрнѣе изволите знать, что въ теченіи двухъ лѣтъ выслано изъ университета четверо, а именно: 1) Буле, потому что его взяла Великая Княгиня и вмѣсто 2,000 дала ему 6,000; 2) Чеботаревъ, извѣстный шалунъ, который для выгодъ же вышелъ и получаетъ, какъ слышно, 2,000 въ годъ; 3) Баузе, извѣстный вамъ самимъ, какъ горькій пьяница и теперь по улицамъ пьяный валяющійся; 4) Горюшкинъ, коего вы сами хотѣли избавиться и дать мѣсто Сандунову, и о коемъ вы ко мнѣ писали неоднократно сими словами: „*нашъ безтолковый Синдикъ*“. Такъ, я спрашиваю, справедливъ ли сей терминъ: „Кутузовъ всѣхъ разогналъ“, и 4 вышедшіе, всѣ съ выгодою, могутъ ли ознаменованы быть подъ терминомъ *всѣхъ?* Сіи слухи отъ шалуна Чеботарева, онъ и долженъ такъ говорить противу меня, ибо я не давалъ воли ему болтать, и ходить по шинкамъ и трактирамъ. Кто-жъ лучше васъ можетъ зажать ротъ всякимъ противу меня толкамъ, ежели вы по бумагамъ видите мою дѣятельность и исправность?

4. Вамъ благоугодно было поставить мнѣ въ вину то, что Чичаговъ [1]) съ вами говорилъ въ мою пользу. Вы меня обвинили, внемлите-жъ краткому моему оправданію. Если бы вы знали связь мою съ Чичаговымъ, то вы бы сему не дивились и не гнѣвались. Вотъ она: отцы наши были друзья 50 лѣтъ. По бѣдности обоихъ домовъ, мы имѣли однихъ учителей отъ 7-лѣтняго возраста. Жили, учились, вмѣстѣ и служили; съ лѣтами симпатія, вкусы, любовь къ наукамъ сію связь укрѣпили; будучи въ одномъ городѣ, каждый день видались, въ разлукѣ переписывались, изъ чужихъ краевъ регулярно писалъ онъ ко мнѣ 1 разъ въ мѣсяцъ, въ Россіи почти каждую почту; съ пріѣзда его я уже получилъ отъ него 13 писемъ, никогда между нами и тѣни не было не токмо размолвки, но ниже холодности; все мы дѣлили между собою: нужду, бѣдность, горе; по рублю мѣдью другъ друга ссужали. Истину сего подтвердитъ и онъ самъ, и всѣ насъ знающіе. При такой тѣсной связи я увѣренъ, что ежели бы я и не писалъ къ нему, то онъ бы сталъ говорить вамъ, всѣмъ, и будетъ говорить самому Государю, ибо Чичаговъ меня знаетъ короче, нежели кто нибудь; а потому и говорить за меня не боится и считаетъ сіе обязанностію дружбы, 37 лѣтъ существующей неразрывно, обязавшей и меня искренно сообщать ему и скорби и заботы мои, какъ и онъ то дѣлаетъ. Теперь, в. с. изволите видѣть ясно, почему Чичаговъ за меня говорилъ; какъ увидите и то, что онъ говорить будетъ, и, державшись рукою за меня такъ долго, уповательно, что руки моей не покинетъ, видѣвъ тысячи опытовъ моей къ нему любви и приверженности, какъ и я отъ него взаимно видѣлъ, вижу и увѣренъ, что всегда видѣть буду.

5. Что я писалъ къ другимъ? Нужда! нужда! в. с. заставляетъ меня о себѣ напоминать. Мнѣ ѣсть нечего, съ женой и съ дѣтьми. Можно ли обвинять нищаго за то, что онъ у каждаго окошка вопіетъ и докучаетъ о кускѣ хлѣба! Онъ мнѣ всего нужнѣе, а не лента! я бы и ту отдалъ, кою имѣю за кусокъ хлѣба!

6. Вашъ Алексѣй Алексѣевичъ можетъ быть на меня гнѣвается за то, что приписываетъ мнѣ непринятіе его въ ☉ (sic) [2]). Онъ ошибается. Никто болѣе сего не желалъ какъ я, а отъ чего сіе не сдѣлалось, думаю къ вамъ писано. Алексѣй Алексѣевичъ, бывъ у меня въ домѣ всякій день и обѣщавъ писать, съ отъѣзда своего писалъ ко мнѣ одно письмо въ 6-ти строкахъ. Кто-жъ виноватъ? а я при всемъ томъ люблю его и желаю ему добра! Но вѣдаю, что за

---

[1]) Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, морской министръ, членъ госуд. совѣта и пр. † въ Парижѣ 1849.

[2]) Т.-е. въ Масонскую Ложу.

ое добро онъ мнѣ платитъ худо! Господь да проститъ ему и помилуетъ его и наставитъ на путь правый.

71.

При толь тѣсныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ, обременяющихъ меня до безконечности, какъ безчисленными заботами, такъ и непрестанными письменными сношеніями, сугубо огорченъ я неповиновеніемъ и возраженіями, какъ г. ректора Гейма, такъ и безсмѣннаго засѣдателя Чеботарева. Искренно скажу в. с., что положеніе мое таково: сношенія съ здѣшнимъ начальствомъ какъ словесныя, такъ и письменныя, столь многотрудны и критическія, что съ нуждою удерживаюсь я, для сбереженія чести университета, отъ формальнаго отношенія къ главнокомандующему [1]) о всемъ (sic) дерзкомъ изъясненіи, каковое мнѣ въ присутствіи университетскаго правленія дѣлали какъ ректоръ, такъ и безсмѣнный засѣдатель. Заключеніе моего правленію предложенія, съ коего копію по сей же почтѣ я къ в. с. посылаю, и въ коемъ я угрожаю требованіемъ пособія, въ случаѣ непослушновенія, было вынуждено ихъ выраженіями, что они не токмо безъ вашихъ предписаній меня не слушаютъ, но и готовы пойти требовать отъ главнокомандующаго отчета: какою властію онъ можетъ дѣлать такія предписанія? Твердостію моею и угрозами съ великимъ трудомъ могъ я ихъ удержать отъ сего безумнаго предпріятія, которое если было бы ими произведено въ дѣйство, то имъ же самимъ нанесло бы безчестіе и бѣду сугубо отъ того, что мы находимся здѣсь въ столь критическомъ положеніи, что всѣ безъ изъятія поголовно вооружены.

Изъ отзыва моего о томъ, что я и отъ отпуска отказался и остаюсь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мое присутствіе нужно, такъ же и изъ донесеній моихъ, по сей же почтѣ в. с. доставляемыхъ, о распоряженіяхъ моихъ довольно благоразумно сдѣланныхъ, в. с. можете достаточно убѣдиться, что я не испуганъ, не потерялъ головы и что съ твердостію и хладнокровіемъ дѣйствую. Однакожъ по всѣмъ вышеобъясненнымъ, подчиненныхъ моихъ, поступкамъ, за нужное почитаю, при таковыхъ обстоятельствахъ, всепокорнѣйше в. с. просить, для содержанія порядка и подчиненности, снабдить меня, въ самоскорѣйшемъ времени, рѣшительными и строжайшими предписаніями, коими бы у меня развязаны были руки дѣйствовать такъ, чтобы мнѣ не смѣли дѣлать возраженій и дерзкихъ представленій, что безъ предъявленія вашихъ предписаній ничего исполнять не будутъ. О смѣнѣ же, какъ г. ректора такъ и непремѣннаго засѣдателя, всеубѣдитель-

[1]) Графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину.

нѣйше в. с. прошу дать мнѣ ваше предписаніе, къ коему присовокупите такое, которое бы уполномочивало меня и каждаго изъ моихъ подчиненныхъ отрѣшать немедленно, безъ представленія вамъ, при нужномъ случаѣ. Я не имѣю ни на кого личной и частной злобы, конечно не употреблю во зло сей власти, которая мнѣ тѣмъ нужнѣе для собственнаго моего огражденія, потому что г. здѣшній главнокомандующій, въ словесномъ со мною объясненіи, сказалъ мнѣ, что онъ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ подозрѣваетъ быть напоенными духомъ неповиновенія и якобинствомъ"!— сіи были точныя его выраженія.

Августа 19 дня, 1812 года. Москва.

72.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ в. с. донесеній, на сей же почтѣ посылаемыхъ, обязанностію поставляю, съ извѣстною вамъ моею откровенностію, для блага ввѣренныхъ мнѣ мѣстъ сообщить в. с. слѣдующія мои мысли:

1) Поелику Москва находится уже въ совершенной безопасности, то всего бы удобнѣе перевести университетъ въ оную и водворить его въ бывшій Бекетовскій домъ, оставшійся въ совершенной цѣлости, въ коемъ бы мы могли не токмо весьма удобно всѣ наши заведенія помѣстить, но и дать имъ вскорѣ надлежащій ходъ, впредь до дальнѣйшихъ о его помѣщеніи распоряженій. Я говорю сіе на такой случай, буде бы не сдѣлано было распоряженій, что медико-хирургическая академія, коей сей домъ принадлежитъ, паки въ него помѣститься должна.

2) Ежели сей планъ удостоится одобренія в. с., тогда бы и при слабости моего здоровья не отказался я всѣ силы мои употребить къ произведенію его въ дѣйство и не отрекся бы самъ отправиться въ Москву, для водворенія тамъ университета въ предназначенное ему мѣсто и для открытія его такимъ образомъ, чтобы всѣ его упражненія воспріяли, елико возможно, дѣятельный и успѣшный ходъ, что мнѣ исполнить и для университетскихъ чиновниковъ и для меня самого гораздо удобнѣе и легче, нежели отправиться со всѣми ввѣренными мнѣ частями въ Симбирскъ, поелику Ярославль отъ Москвы гораздо ближе.

3) Въ такомъ случаѣ всѣ отсутствующіе и скорѣе и охотнѣе бы въ Москву собрались, во ожиданіи прочнѣйшаго университету помѣщенія и сей домъ былъ бы весьма удобенъ и покоенъ. Кромѣ того, что и о новомъ жилищѣ помышлять и заботиться гораздо легче въ са-

мой Москвѣ нежели въ нѣкоторомъ отъ оной разстояніи. Самая же въ Москвѣ пустота, нѣкоторое время продолжиться могущая, избавила бы учащихся отъ разсѣянія и тѣмъ болѣе бы ихъ преклонила къ прилежанію и дѣятельности въ ихъ учебныхъ упражненіяхъ.

4) Тогда бы, по водвореніи университета въ древнюю столицу и по приведеніи его въ нѣкоторый возможный порядокъ, могъ бы я съ спокойнѣйшимъ духомъ и сердцемъ ѣхать въ Петербургъ, или куда вамъ угодно будетъ меня назначить.

5) Но при такомъ положеніи, паче всего нужно мнѣ денежное подкрѣпленіе, безъ коего я не токмо обстоятельствъ моихъ не поправлю, но отъ убытковъ, съ переѣздами сопряженныхъ, еще въ вящшее себя приведу разореніе.

6) Другимъ образомъ можно мнѣ будетъ, получа предписанія ваши и сдѣлавъ таковыя же ректору, отправиться въ Петербургъ на короткое время и послѣ нужныхъ съ вами объясненій, пробывъ въ Петербургѣ, ѣхать въ Москву для окончательныхъ во всемъ распоряженій. Все сіе обязанностію поставляю представить вниманію в. с., и, готовъ будучи во всей точности послѣдовать тому плану, который вамъ лучшимъ и удобнѣйшимъ покажется, заключу тѣмъ, что, трудившись два года, какъ вамъ извѣстно, не щадивъ ни здоровья, ни времени, ни силъ, не получивъ не токмо награды или какого либо одобренія, но даже переносивъ непріятности, огорченія и наконецъ разореніе и двухмѣсячное скитаніе въ нуждахъ и бѣдности, при всемъ томъ предпочитая общее благо личнымъ моимъ пользамъ, готовъ я еще жертвовать моимъ здоровьемъ и спокойствіемъ службѣ Государя, ежели она ему угодна будетъ, но съ тѣмъ только, чтобы я, хотя малое, получилъ подкрѣпленіе и чтобы путь мнѣ предлежалъ не въ другое какое мѣсто, какъ въ Москву или въ Петербургъ. Сего и по совѣсти моей просить я долженъ, ибо убѣжденъ, что и самыя пользы ввѣренныхъ мнѣ заведеній требуютъ, чтобы я въ одномъ изъ сихъ двухъ мѣстъ находился.

Ноября 10 дня 1812 года. Ярославль.

73.

Предписаніе в. с. о посылкѣ надежнаго чиновника въ Москву получивъ наканунѣ моего отъѣзда въ Ярославль и не имѣя въ виду въ Костромѣ никого, могущаго сіе препорученіе исправить, долженъ я былъ отправить Ханенку изъ Ярославля, а въ Нижній-Новгородъ писать, чтобы оттуда кто-либо отправился, это бы было 300 верстъ, да до Москвы отъ Нижняго около 400 верстъ.

Между тѣмъ какъ я вчерашняго дня, по отправленіи уже Ханенки, получилъ отъ Ивана Андреевича извѣстіе, что онъ въ Москву отпра-

вилъ Петра Михайловича Дружинина, чего я совсѣмъ не воображалъ, а ежели бы зналъ, то, не отправляя Ханенки, послалъ бы предписаніе прямо въ Москву, по почтѣ къ Дружинину, то и разсудилъ я, для успѣшнѣйшаго хода дѣла, предписать и Дружинину, и Ханенкѣ, чтобы они сносилися во всемъ и дѣйствовали совокупными силами.

P. S. Мы столь же искусно, какъ и медико-хирургическая академія, сдѣлали складку въ кладовой разныхъ вещей и заклали дверь, но все разломано, какъ изъ письма ректора видно. А что медико-хирургической академіи домъ остался цѣлъ, то сему причины особыя: французы за что-то его полюбили, онъ былъ убѣжищемъ всѣхъ въ Москвѣ оставшихся французовъ и многихъ плюгавцовъ (sic) русско-французовъ. Сему дому была дана особая *sauve-garde*, и доска съ надписью—вотъ отъ чего и домъ и кладовая его уцѣлѣли, а у насъ разбойникъ Штёльцеръ [1]) радовался, что все гибнетъ, хотя самъ былъ членъ *муниципалитета окаяннаго*, дьявольскаго собора; но не помыслилъ взять мѣръ къ сохраненію университета, отъ коего имѣетъ кусокъ хлѣба.

Ноября 14 дня 1812 года. Ярославль.

74.

Не могу изъяснить в. с., какія смѣшанныя чувствованія ужаса, жалости и скорби объяли душу мою при въѣздѣ въ Москву. Сіи чувствованія, по обозрѣніи ея плачевнаго состоянія, болѣе еще меня терзали. Я могу во всей полнотѣ смысла сказать, что глаза слезами, а сердце кровію обливались. Паче же всего раздиралось мое сердце отъ воззрѣнія на университетъ, о коемъ заботливость составляла услажденіе моей жизни и который, какъ вамъ извѣстно, былъ въ полной дѣятельности. Одно увѣреніе, что не моею виною, а Божіимъ попущеніемъ таковая глубокая и неисцѣльная нанесена сердцу моему рана, не лишаетъ меня всѣхъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, на перенесеніе такой горести потребныхъ. Но плакать и вздыхать о семъ бѣдствіи я не престану, воспоминая прошедшаго благоденственнаго здѣсь образа жизни. Воззрѣніе на домы родственниковъ, благодѣтелей и друзей, гдѣ толь многократно для сердца и для разума находили пищу, гдѣ веселились и сытные столы имѣли; на домы опустѣвшіе, или со всѣмъ въ пепелъ превращенные,—все это для чувствительнаго человѣка есть такое уязвленіе, такое горе, какое описать не возможно. Къ симъ

[1]) Христіанъ-Юлій-Людвигъ Штёльцеръ, ординарный профессоръ энциклопедіи права, римскаго права и проч., состоялъ съ 1806—1812 при университетѣ. Отставка его кажется была слѣдствіемъ его поведенія во время занятія Москвы французами. См. ниже донесеніе его графу Алексѣю Кириловичу.

ощущеніямъ присовокупляется ненависть къ злодѣю рода человѣческаго, столько своимъ неистовствомъ бѣдствій нанесшаго, и въ варварствѣ своемъ превзошедшаго Аттилу, Тамерлана, всѣхъ остготовъ и вандаловъ. Лучше сказать, видно, что сіи изверги токмо образъ человѣческій на себѣ носятъ, а они воплощенные дьяволы или каннибалы. Нѣтъ почти мѣста гдѣ бы не было и ужасныхъ и вкупѣ омерзительныхъ слѣдовъ, что они до скотскаго и звѣрскаго состоянія себя унизили. Что дѣлаемо было въ церквахъ и въ самыхъ алтаряхъ, языкъ не поворотится изрещи.

Домъ вашъ, слава Богу, цѣлъ, я еще не успѣлъ въ немъ быть, но слышалъ что въ немъ поврежденія и убытку не весьма много. Я свой домъ нашелъ безъ стеколъ, ободраннымъ и однѣ стѣны да печи. Кромѣ остатковъ изломанной мебели, изверги, имѣя въ виду на дворѣ дрова, топили печи и камины мебелями краснаго дерева, а поджигали книгами. Чудно и то, что домъ не загорѣлся, ибо при выходѣ ихъ найдено въ печахъ и по окнамъ патроны съ порохомъ и холостые, и съ пулями! Я съ женою и съ дѣтьми жмусь въ двухъ комнатахъ, ибо прочія не могутъ быть обитаемы, отъ того, что, стоявъ безъ стеколъ, настыли, ободраны и загажены. Въ одной комнатѣ мы спимъ, а въ другой и канцелярія, и столовая, и гостиная, а въ прочихъ и носу показать невозможно. Я не ропщу на сіи обстоятельства, ибо, пріѣхавъ по долгу службы и обязанностямъ моего званія, все надобно сносить. Одна сторона здѣсь благоразумными распоряженіями начальства совершенно обезпечена и очень важная, то-есть продовольствіе. Всѣ жизненныя потребности не токмо можно достать, но и дешево, даже напитки хорошіе можно купить не дороже какъ и въ прежнее спокойное время.

Вотъ вамъ, м. г., вкратцѣ начертаніе нашего положенія. Оффиціальныя бумаги, на первый разъ нужнѣйшія, по сей же почтѣ посылаю; и, сверхъ того, считаю нужнымъ изъяснить в. с. слѣдующее: 1) Положеніе находящихся здѣсь нашихъ людей толь бѣдственное и толь стѣсненное, что требуетъ самоскорѣйшаго облегченія. 2) Денежныхъ пособій никакихъ я сдѣлать не въ силахъ, ибо самъ едва нужное имѣю на мое содержаніе съ семействомъ. 3) Паче всего было необходимо скорѣе вызвать сюда ректора и кассира, кои не составляютъ всего университета, а потому и рѣшился я вызвать на время, оставя какъ прочихъ профессоровъ, такъ и вещи въ Нижнемъ до вашего предписанія. 4) Такъ какъ слышно, что ни одинъ изъ институтовъ дѣвичьихъ, подъ начальствомъ Государыни вдовствующей Императрицы состоящихъ, сюда не возвратится, то не разсудите ли испросить у Ея Величества, яко милости, чтобы она хотя одинъ и хотя самый худшій изъ домовъ, подъ ея вѣдомствомъ состоящихъ, на время пожа-

ловала университету. 5) Такъ какъ по посланнымъ бумагамъ уже изволили видѣть, что я довольно дѣятельно приступилъ къ работѣ, то и уповаю съ Божіею помощію кончить здѣсь самонужнѣйшія распоряженія чрезъ мѣсяцъ, сочинить проектъ къ возстановленію нашихъ учебныхъ заведеній и быть въ возможности съ онымъ ѣхать въ Петербургъ; почему и прошу в. с. паче всего исходатайствовать испрашиваемую мною трехмѣсячную отъ сената свободу, коею пользуясь, могу я на правахъ прочихъ попечителей, коихъ пребываніе назначено въ Петербургѣ, и яко членъ главнаго училищъ правленія, въ Петербургъ со всѣми бумагами пріѣхать.

P. S. Простите ради Бога, что мое донесеніе двумя разными руками писано, истинно не могъ иначе успѣть, а желалъ непремѣнно на сей почтѣ бумагу сію отправить. Въ Ярославѣ, какъ вы видите, я былъ не безъ дѣла, то и это извиняетъ меня, что я не прежде въ Москву пріѣхалъ.

Ноября 28 дня, 1812 года. Москва.

75.

Послѣ донесеній оффиціальныхъ, на послѣдней почтѣ къ в. с. отправленныхъ, главное попеченіе мое было собирать разсѣянныхъ страдальцевъ нашихъ и успокоивать ихъ по возможности. А какъ первѣйшее дѣло было дать имъ пристанище, то нѣкоторыхъ помѣстилъ я въ моемъ домѣ. Потомъ имѣлъ сношеніе съ г. главнокомандующимъ и просилъ его объ отведеніи какого-либо казеннаго зданія для помѣщенія какъ людей, такъ и вещей, университету принадлежащихъ. Но онъ отозвался невозможностію, по причинѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій для помѣщенія разныхъ казенныхъ мѣстъ и чиновниковъ, изъза чего для университетскихъ мѣста не будетъ. И дѣйствительно, сіе истинно, какъ я въ томъ удостовѣрился и видѣлъ, что, при всей доброй волѣ г. главнокомандующаго, онъ со стороны жительствъ намъ пособить не въ силахъ.

А потомъ разсудилъ я принять другія мѣры, кои не могъ однакожъ рѣшиться произвести въ дѣйство, не представя вамъ моего плана на одобреніе. Ежели вы согласитесь на оный, и не откажете въ вашемъ содѣйствіи, то, безъ всякаго казнѣ убытка, очень скоро университетъ можетъ собраться и помѣститься со своими спасенными отъ погибели вещами. Здѣсь осталось еще нѣсколько господскихъ большихъ домовъ, коихъ хозяева, опасаясь постоя, охотно отдаютъ въ наймы. Разрѣшите мнѣ нанять на годъ одинъ изъ сихъ домовъ, а такъ какъ я таковой одинъ имѣю въ виду, а именно: г. Козицкой на Тверской [1]), который

[1]) Нынѣ Малкіеля, на углу Козицкаго переулка.

совершенно цѣлъ, но управитель не имѣетъ еще предписанія о рѣшительныхъ положеніяхъ цѣны за наемъ сего дома, то примите, в. с., благодѣтельный на себя трудъ снестись съ г-жею Козицкою и съ княгинею Бѣлосельскою [1]), находящимися въ Петербургѣ, и склонить ихъ, чтобы онѣ согласились отдать за умѣренную цѣну сей ихъ домъ, на Тверской состоящій. Я домъ осматривалъ, онъ сохраненъ во всей цѣлости, безъ нужды помѣстить и всѣхъ людей нашихъ и всѣ вещи, и всѣ удобности имѣетъ какъ для классовъ, такъ и для жилья. Какъ онъ прежде ходилъ за 6000 руб. въ годъ, то нынѣ, ежели онѣ и прибавятъ тысячу или двѣ, сіе составитъ 8000 руб. въ годъ. Мы сей наемъ можемъ платить изъ процентовъ, кои получаемъ съ капитала, на построеніе казармъ намъ выданныхъ, 150,000. Будемъ спокойны, всѣхъ помѣстимъ. Разрѣшите ради Бога сіе поскорѣе, ибо и профессоры наши и учителя, изъ разныхъ городовъ стекаяся, ежедневно ко мнѣ являются. А потому в. с. остается, склонивъ вышеписанныхъ госпожъ и вытребовавъ отъ нихъ приказъ, чтобы домъ намъ отдать, предписать ко мнѣ оффиціально: 1) о принятіи онаго дома; 2) о введеніи въ оный скитающихся нашихъ странниковъ; 3) о повсемѣстномъ предписаніи, чтобы всѣ стекались въ Москву изъ разныхъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Вотъ мѣра самая легчайшая, и кратчайшая и казнѣ не отяготительная, и ежели в. с. поможете мнѣ произвести ее въ дѣйство, то честію моею отвѣчаю вамъ, что весьма скоро ученіе наше ходъ свой приметъ, и лучше нежели гдѣ нибудь въ Москвѣ, куда по привычкѣ и любви къ древней столицѣ безпрестанно и много стекаются; а узнавъ, что и университетъ въ Москвѣ, много охотниковъ учиться являться будетъ. Обезпечьте насъ, ради Бога, токмо со стороны жалованья и квартиръ, то будете увѣрены, что съ помощію Божіею все найдетъ на ходъ. Я не пишу оффиціально, чтобы не подвергнуться отказу. Счастливы мы всѣ будемъ, ежели вы одобрите сей планъ, о исполненіи коего всѣ наши бѣдные страдальцы воздыхаютъ.

P. S. Ежели в. с. примете трудъ снестись съ г. Козицкою, то предварите ее, что ей гораздо выгоднѣе отдать будетъ домъ ея въ наймы подъ университетъ, нежели, какъ легко случиться можетъ, что его займутъ даромъ подъ постой. Ради Бога о семъ попекитесь, сіе есть паче всего намъ нужное.

Декабря 2 дня 1812 года. Москва.

---

[1]) Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская, дочь Екатерины Ивановны Козицкой, рожденной Мясниковой.

76.

Прилагаемое здѣсь начертаніе мыслей [1]) для пользъ университета не разсудилъ я оффиціально представить в. с., дабы васъ не поставить въ необходимость оныя оффиціально отвергнуть, въ случаѣ, буде оныя одобренія вашего не удостоятся. Ежели вы сіе начертаніе за благо примете, то извлекая изъ онаго то, что̀ вамъ угодно, а отвергая прочее, вы вольны предписывать мнѣ исполнить то, что̀ по вашему благоусмотрѣнію полезнѣе и удобнѣе покажется. Сверхъ того, такъ какъ тонъ христіанскій сего изложенія не всѣмъ вообще нравится, а паче новомодными философами, лицемѣріемъ прикрытыми, можетъ быть осмѣянъ и поруганъ, то и не разсудилъ я сдѣлать сію бумагу оффиціальною. Да будетъ она токмо предъ глазами вашими, яко человѣка христіанина, вѣдающаго истиннаго просвѣщенія цѣну. Благодѣтельность же ваша и любовь къ истинѣ удостовѣряютъ меня, что в. с., предписывая мнѣ исполнить по оной, отдадите мнѣ равную справедливость, какъ бы и формальныя отъ меня представленія сдѣланы были. Сугубо мнѣ пріятно будетъ, ежели в. с., удѣляя время на внимательное сей бумаги прочтеніе, удержите ее въ рукахъ вашихъ, и потомъ мнѣ искренно скажете ваше мнѣніе, которое послужитъ отвѣтомъ на тѣ чувствованія, изъ коихъ сія бумага писана.

P. S. Я при семъ же прилагаю и примѣрную вѣдомость о суммахъ, кои, по моему мнѣнію, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ быть или сбережены, или употреблены на что-либо полезнѣйшее. В. с., разсмотря сію весьма краткую вѣдомость, можете предписать мнѣ то, что̀ изъ оной вамъ основательно покажется, дабы я сдѣлалъ по тому распоряженія, и тогда это будетъ для меня легче, что не по формальному моему предписанію, а по вашему предписанію сіе сдѣлано; ибо и представлять въ отмѣну штатнаго положенія я не осмѣлился.

Увидя сегодня въ петербургскихъ газетахъ объявленіе отъ г. министра юстиціи, чтобы сенаторы явились непремѣнно въ Казань, всепокорнѣйше прошу в. с. сдѣлать къ нему отношеніе извѣстить его, что я, не конча дѣлъ моего округа, въ Казань явиться не могу. Потому всего лучше, чтобы я получилъ на 3 мѣсяца отъ присутствія въ сенатѣ свободу.

Декабря 5 дня, 1812 г. Москва.

77.

Усерднѣйшую приношу в. с. благодарность за исходатайствованіе мнѣ увольненія отъ поѣздки въ Казань. За великое мнѣ благодѣяніе

[1]) Бумаги этой, а равно и вѣдомости въ архивѣ кн. Н. В. Репнина не находится.

сдѣлали, ибо, сколько отъ тѣлесныхъ трудовъ, столько и отъ душевныхъ прискорбій, здоровье мое такъ разстроилось, что покой или пребываніе хотя нѣсколько на одномъ мѣстѣ нужны мнѣ, для поправленія силъ моихъ. Пріѣхавъ сюда, я и понынѣ еще не могу ни укрѣпиться, ни опомниться, и не въ состояніи не токмо въ Казань, но и гораздо ближе ѣхать. Ежели я не буду въ возможности взять покоя и употребить средствъ къ подкрѣпленію бѣднаго моего здоровья, примѣтно ослабѣвающаго, то буду принужденъ противу воли моей оставить службу для продолженія жизни моей, которая нужна для жены моей и для дѣтей. Къ дополненію моихъ прискорбій, и жена моя крайне больна изнурительною лихорадкою, такъ что я ни оставить ее, ни везти съ собою не имѣю возможности.

Вотъ, м. г., начертаніе моего положенія, прибавя къ сему заботы, хлопоты, горесть отъ воззрѣнія на Москву, вопли окружающихъ меня страдальцевъ, вопіющихъ, требующихъ пищи, одежды, пристанища, и при всемъ томъ невозможность ихъ удовлетворить. А посему можете в. с. судить, что въ моемъ сердцѣ происходитъ. Умолчу о многомъ усугубляющемъ мою горесть. Великую мнѣ милость в. с. сдѣлать изволите, ежели найдете удобный случай довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества слабость моего здоровья, дабы я сохраненъ былъ отъ какихъ либо поѣздокъ, съ таковымъ однакожъ изъясненіемъ, что настоящее мое служеніе еще я въ силахъ исполнять и готовъ продолжать его до послѣдняго оныхъ силъ истощенія, но что по нѣсколькихъ недѣляхъ, отпускъ и отдохновеніе мнѣ необходимо нужны.

Декабря 9 дня, 1812 г. Москва.

78.

За крайне поспѣшнымъ отъѣздомъ Алексѣя Алексѣевича, которому даже и сутокъ пробыть здѣсь не позволили, сколько успѣю, отвѣтствую на почтеннѣйшее в. с. письмо, отъ 30-го, чрезъ Ланга мною полученное, слѣдуя порядку матерій онаго.

1) О Штѣльцерѣ не могъ я не донести къ вамъ, ибо въ Ярославлѣ слышалъ уже толки изъ Москвы разсѣянные, что и вы и я его защищаемъ въ тайнѣ и о его поведеніи молчимъ.

2) Его донесеніе къ вамъ не стоитъ вниманія, и есть сплетеніе безстыдной лжи, опровергаемой донесеніями многихъ, но и всѣ согласно съ Ришаромъ показываютъ.

3) Тысячи людей видѣли Штѣльцера съ красною лентою на рукѣ, судящаго преступниковъ и подписывающаго приговоры разстрѣливать.

4) Я отсюда поѣхалъ 31-го числа, отправя все наше имущество

и самого Гейма, коего Штёльцеръ не послушалъ и не хотѣлъ ѣхать, хотя Геймъ ему давалъ и лошадей и повозку. Что я 31-го поѣхалъ, на то имѣю доказательства подорожную того числа, да и выѣхалъ вечеромъ, послѣ всѣхъ господъ сенаторовъ, кои почти всѣ 30-го числа уѣхали.

5) Ни трубы, ни кладовыя г. Всеволожскому не помогли бы, а помогло ему: 1) что весь этотъ край цѣлъ, зачинал отъ Петровки и до самыхъ Яузскихъ воротъ; 2) что онъ французовъ оставилъ, кои выпросили sauve garde; 3) что Semen, директоръ его типографіи, имѣлъ съ французами связь.

6) Главнокомандующій здѣшній, какъ я слышалъ, говорилъ, что ежели бы университетъ и уцѣлѣлъ, то бы онъ его сжегъ, ибо это гнѣздо якобинцовъ по его мнѣнію, и онъ радъ что оно разрушено.

7) О книгѣ я посылалъ мое оффиціальное донесеніе. Прежде нельзя было сего исполнить не изслѣдовавъ дѣла, ибо здѣсь никого не было изъ цензурныхъ людей.

Защищать вы одни меня можете, ибо болѣе всѣхъ знаете, можно ли мнѣ хлопотать и помнить о всѣхъ книгахъ; да и за образъ мыслей мой вы же ручаться можете.

8) Всѣхъ злорѣчій не переслушаешь. Главнокомандующій, и васъ и всѣхъ насъ ругаетъ и называетъ друзьями Бонапартьевыми. Вотъ какая блевотина, и говоритъ что онъ все откроетъ, между тѣмъ сдѣлалъ здѣсь явное слово и дѣло; ибо чрезъ квартальныхъ объявилъ, что доносы пріемлются и каждый день людей безвинныхъ хватаютъ.

9) Между тѣмъ, его на площади ругаютъ публично, и онъ и днемъ почти не выѣзжаетъ, да и то съ конвоемъ, до 90 человѣкъ.

10) Мы каждый день ждемъ двухъ напастей: и бунта и мора. Кабаки заперты; между тѣмъ вино продаютъ въ три-дорога; народъ ропщетъ; болѣзни здѣсь презлыя; умираетъ множество; во всѣхъ домахъ курятъ и другія берутъ предосторожности.

11) Прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость вытребовать меня отсюда поскорѣе. Вы это вашею властію сдѣлать можете, да и я право на сіе имѣю какъ прочіе попечители, и яко членъ главнаго училищъ правленія, а сіе право никакимъ указомъ не отмѣнено.

12) Пріѣхавъ, я много вамъ открою вещей для блага общаго и частнаго: мнѣ здѣсь теперь почти дѣлать нечего; а всѣ планы могу исполнить, побывавъ въ Петербургѣ.

13) Чудно, отчего не дошла до меня бумага о переводѣ университета въ Ярославль; я подозрѣваю, что она нарочно удержана, дабы я сюда прокатилъ, и отсюда опять въ Ярославль съѣздилъ. Сдѣлайте милость, изслѣдуйте, отчего сія бумага остановлена.

Извините, ради Бога, что несвязно пишу, истинно глаза очень бо-

лять и голова тоже, а ввѣрить писать некому, ибо вѣрный мой письмоводецъ боленъ горячкою.

Москва, 13-го Декабря 1812 года.

P. S. Какъ министръ, позаботьтесь о бѣдной Москвѣ, коей участь и такъ горькая, еще лютыми бѣдствіями угрожается. Всѣ вамъ скажутъ, что я писалъ правду. Не оставьте меня здѣсь, ради Бога. Здѣсь три бѣды: Ростопчинъ, болѣзнь и безпокойствія; у него самого вчера дверь разломали и вломились просящіе помощи, да камни въ окна летаютъ.

79.

Имѣя вѣрный случай писать къ в. с., пользуюсь онымъ, дабы изъяснить то, чего бы я не хотѣлъ писать оффиціально, а притомъ и на партикулярныя письма ваши имѣть честь вамъ отвѣтствовать. Зачну съ оффиціальныхъ вашихъ предписаній и скажу:

1) Предписаніе ваше объ извѣстной книгѣ было отъ 4-го Октября. Вы и всѣ знали, что злые французы тогда владѣли еще Москвою; то какая же была возможность исполнить то, что вы предписываете, то-есть сдѣлать выговоръ цензурному комитету? Гдѣ онъ былъ, кому дѣлать выговоры, когда всѣ разсѣяны, кто въ Казани, кто въ Нижнемъ? когда я, не видавъ книги, не зналъ и имени цензора, и гдѣ его искать? Тутъ же вы выписать изволили, чтобы я узналъ объ имени переводчика. Возможное ли это дѣло? Какъ, чрезъ кого, когда врагъ въ Москвѣ, бумаги комитета сгорѣли и когда я самъ въ Костромѣ? Возможнаго ли вы требовали и кто бы въ силахъ это исполнить? Не лучше ли бы было, ежели бы вы отозвались, что по несуществованію комитета сего до времени исполнить нельзя, нежели предписывать мнѣ то, о чемъ вы знаете сами, что исполнить нѣтъ возможности? И что-жъ мнѣ было дѣлать иное какъ отвѣчать, что я тогда сіе исполню, когда комитетъ составится? Неужели я долженъ былъ лгать и сказать, что сдѣлаю выговоръ тому, о комъ не знаю и имени его.

2) Предписаніе ваше отъ 10-го Ноября столь же неудобоисполнительно. Вы изволите писать *„потребовать отъ цензора отвѣта“*. Какимъ образомъ, когда ни я, ни Геймъ не знаемъ имени цензора, не видали экземпляра, и не имѣли возможности справиться ни отъ кого, ибо о секретарѣ комитета даже не знали, гдѣ онъ находится? Что-жъ мнѣ было и тутъ дѣлать какъ не писать, что по прибытіи въ Москву я постараюсь все возможное исполнить? Какъ же досадовать на меня за неисполненіе того, чего и вы сами, на моемъ мѣстѣ будучи, исполнить бы не могли?

3) Сверхъ того, что я сказалъ въ пространномъ моемъ оффиціаль-

номъ донесеніи по сему предмету, о цензурѣ еще повторяю: она никакой перемѣны въ своей организаціи не получила. Существо моего представленія о ней было то, что такъ какъ всѣ профессора и всѣ адъюнкты имѣли право пропускать книги, а ихъ человѣкъ около 40, то труднѣе отвѣчать за нихъ, нежели за 4, и потому я просилъ, чтобы число лекторовъ ограничилось; вы на это согласились. а комитетъ остался на тѣхъ же правилахъ, на томъ же основаніи, да и хуже ли отъ этого, что лекторовъ 4, а не 40? Можно ли это назвать преобразованіемъ цензуры?

4) Изволите вы писать: *„дѣло состояло въ томъ, чтобы узнать, кто трудился въ изданіи книги“*. Какъ это узнать въ Костромѣ и въ Ярославлѣ, когда и здѣсь съ великимъ трудомъ и усиліемъ я до этого добрался?—и то по счастію, что дня 4, послѣ моего сюда пріѣзду, пріѣхалъ сюда Селивановскій, а ежели бы онъ былъ въ Казани, то можетъ быть и цѣлый мѣсяцъ не могъ бы узнать объ имени издателя, ибо члены комитета разсѣяны, а бумаги его сгорѣли.

5) Оправдать меня было вамъ очень легко: 1) потому что, зная весь ходъ дѣлъ цензуры и множество дѣлъ меня обременяющихъ, вы могли сказать, что мнѣ не было возможности упомнить и заботиться о всѣхъ книгахъ, кои цензурованы за два слишкомъ года; 2) что мой образъ мыслей и правильность столько твердо вамъ извѣстны, какъ и ненависть моя къ Наполеону, что вѣрно бы остановилъ эту поганую книгу, ежели бы зналъ о ея существованіи. Вы сами помните, что я сдѣлалъ съ книгою о вольности крестьянъ; то могли ручаться, что я и съ этою то-жъ бы сдѣлалъ.

6) Что касается до спасенія университета, то повѣрьте, что не хуже Всеволожскаго распоряженія были сдѣланы; и трубы и инвалиды, но первыя были малосильны противъ огня, а инвалидовъ били злодѣи, и нѣсколькихъ убили до смерти, а между тѣмъ Моховая и Никитская объяты были огнемъ. Медико-хирургическая академія была убѣжище всѣхъ мерзавцевъ французовъ, здѣсь оставшихся. До нея и коснуться не смѣли, тутъ не трубы и не инвалиды сохранили, да и весь этотъ край цѣлъ. Сверхъ того, за двѣ недѣли до напасти, взяты подъ арестъ типографіи Всеволожскаго директоръ, его товарищъ и человѣкъ 20 изъ французовъ компаніи Всеволожскаго и отправлены въ ссылку. Самъ онъ былъ призванъ къ гр. Ѳ. В. Ростопчину. Эту всю исторію знала вся Москва. Я ни правилами моими, ни поведеніемъ, никогда не походилъ на г. Всеволожскаго, то и средства его не могли быть моими.

7) Вы даете мнѣ чувствовать весьма обиднымъ образомъ, что вы думаете, якобы я струсилъ и спѣшилъ уѣхать. Кромѣ того, что я послѣ всѣхъ сенаторовъ выѣхалъ, отправя ящики съ нашими вещами,

мъ извѣстно, что я на весь августъ имѣлъ отпускъ, чрезъ васъ прошенный, но добровольно остался, когда могъ не зазорно уѣхать. остался для того, что опасность была очевидна, я отъ оной ни-гда не убѣгалъ. Сему доказательствомъ служитъ моя прострѣленная га и разрубленный лобъ. Въ 1790 году имѣлъ я счастіе съ 3-мя кадронами врубиться въ шведскій баталіонъ и его опрокинуть.

8) Не знаю, отчего двѣ почты съ ряду не получаю я отъ васъ одной бумаги, хотя съ самаго моего сюда пріѣзда почти всѣ бума-, мною посланныя, суть довольно важныя и требующія иныя разрѣ-енія, а другія отвѣтовъ.

9) Теперь я нахожусь въ положеніи крайне для меня затрудни-льномъ отъ неполученія вашихъ рѣшительныхъ предписаній. Въ рославль ѣхать неудобно. Не знаю, утвердите ли мои планы о помѣ-еніи университета въ Москвѣ. Оставаться мнѣ не хочется, какъ тому, что дѣлать нечего, такъ и потому, что скучно по многимъ ричинамъ, какъ-то по пустотѣ города, болѣзни, нѣтъ жены моей, и роч. и проч.

10) Отпускъ мнѣ крайне нуженъ, да и вамъ со мною увидѣться безполезно. Увѣренъ я также, что многимъ въ Петербургѣ мой ріѣздъ будетъ непріятенъ, ибо со многихъ спадетъ личина, потому го я имѣю доказательства на фальшивость и каверзы нѣкоторыхъ одей, коихъ надобно обличить.

11) Такъ какъ я имѣлъ отпускъ въ августѣ, но имъ не воспользовался, то весьма желательно вызвать какъ на основаніи онаго, такъ того, что всѣ попечители имѣютъ право быть въ Петербургѣ. А вы тубо нынѣ имѣете право вызвать меня, для объясненія и соображе-я всѣхъ плановъ, къ возстановленію учебныхъ нашихъ заведеній отребныхъ.

12) Доколѣ я не увижусь съ вами, дотолѣ переписки будутъ без-онечны, равно какъ и требованія съ вашей стороны, а съ моей недо-азумѣнія и ошибки. При свиданіи же все объяснится.

13) Многія внутреннія причины требуютъ моего въ Петербургѣ рисутствія, а потому я увѣренъ, что козни злаго врага устремлены удутъ, чтобы моему пріѣзду мѣшать.

14) Многое и премногое вамъ сказать имѣю, на неложныхъ свидѣ-ельствахъ основанное, чего бумага вмѣстить не можетъ.

15) Касательно самаго перемѣщенія университета неодолимыя стрѣтятся препятствія, ежели я лично съ вами не переговорю, и пере-иски будутъ безконечныя.

Оканчиваю мое донесеніе, которое дополнить предоставляю себѣ ъ ѣдущимъ отсюда г. Фроловымъ, который, пріѣхавъ сюда вчера, бирается дня чрезъ три къ вамъ ѣхать. П. А. Курбатовъ сегодня сюда

будетъ, они съ Фроловымъ поѣдутъ вмѣстѣ. Многое Фишеръ вамъ скажетъ на словахъ, чего я не успѣлъ написать, дабы его не задержать. А какъ это къ свѣдѣнію вашему нужно и, вѣдая, что онъ къ вамъ приверженъ, я разсудилъ ему поручить на словахъ пересказать. Въ Твери презлыя горячки, здѣсь также, и положеніе мое со многихъ сторонъ непріятное.

Москва. 19 Декабря 1812 г.

P. S. Ректора я сегодня ожидаю. У насъ больныхъ вездѣ много и умершіе есть. Геннихъ, директоръ тверской, умеръ третьяго-дня гнилою горячкою; Сандуновъ въ Костромѣ безъ всякой надежды болѣнъ и отчаянно; Страховъ въ нижнемъ также отчаянно болѣнъ. Вотъ в. с. наше бѣдствіе. Кого тутъ винить? власть Господня! горе намъ яко согрѣшихомъ. Видимая экономія Божія! Цѣлое царство подведено подъ экономію тяжелаго креста къ очищенію. Благо тѣмъ, кто сіе постигаютъ, и другъ другу крестъ несть вспомоществуютъ. Много о сей тайнѣ креста по практикѣ вамъ скажу съ помощію Божіею.

80.

Имѣя удобный и вѣрный случай къ в. с. писать, за нужное почитаю къ предъидущимъ моимъ изъясненіямъ присовокупить два слѣдующія:

1) Въ гамбургскихъ газетахъ было напечатано, что виленскій университетъ вышелъ злобно Наполеону на встрѣчу, ректоръ говорилъ рѣчь, студенты составили изъ себя гвардію (NB). Какъ же попечитель [1]) не вѣдалъ сего духа, въ его университетѣ таившагося, какъ же съ него за это не взяли отвѣта и какъ онъ, будучи 9 лѣтъ попечителемъ, не наблюдалъ за образомъ мыслей своего корпуса, когда онъ человѣкъ умный и тонкій? Тотъ самый человѣкъ теперь, какъ слышно, въ милости у Государя Императора, а на мнѣ взыскивается и въ вину поставляется пропущеніе цензурою за два года книги, о коей я и понятія не имѣлъ.

2) Г. Стройновскій, сенаторъ, сочинитель книги *о свободѣ крестьянъ* и книги, которая удобна была во всемъ Государствѣ произвести возмущеніе. Наполеоновы прокламаціи о вольности доказываютъ ясно, что Стройновской своею книгою и былъ предтеча злодѣя Наполеона, готовилъ ему путь и подкладывалъ огонь. Сей Стройновскій, обличившій себя толь явно агентомъ и орудіемъ Наполеоновымъ, остается не только въ покоѣ, но посаженъ въ межевой департаментъ; даны ему столовыя деньги, лента и проч. А меня оскорбляютъ, огорчаютъ

[1]) Князь Адамъ Чарторижскій.

и мучать за то, что цензура пропустила книгу, о коей я и не вѣдалъ. Все сіе отдаю на судъ доброму и правдолюбивому вашему сердцу.

Вручитель сего есть добрый руссакъ, музыкантъ Кашинъ, коего таланты в. с. извѣстны. Онъ ограбленъ и разоренъ въ конецъ, то не возможно ли утѣшить его хотя доставленіемъ ему чина, о коемъ я двукратно имѣлъ честь в. с. представлять. Сіе ободреніе укрѣпитъ унывающій его духъ, и поддержитъ талантъ, дѣлающій честь россіянину. Примите совѣтъ, изъ усердія къ вамъ истекающій, велите скорѣе дѣтямъ вашимъ отсюда ѣхать, здѣсь болѣзни день отъ дня свирѣпѣе и число умершихъ и больныхъ умножается. Распоряженій отъ упрямства и самолюбія здѣсь никакихъ не дѣлаютъ, я изъ любви сіе къ вамъ пишу.

Москва. 21 Декабря 1812 года.

P. S. Ежели имѣете удобность напомнить о постановленіи сюда митрополита, то великое сдѣлаете дѣло и народъ чрезъ то и успокоите, и обрадуете. 30 съ лишнимъ лѣтъ Москва привыкла имѣть митрополита; теперь слышно, что сѣтуютъ и печалятся, что митрополита нѣтъ, что и это потеряно.

81.

Имѣю честь поднести в. с. нѣсколько экземпляровъ сочиненной мною на побѣды наши оды [1], которую уже послалъ черезъ поѣхавшаго отсюда въ армію курьера къ дядѣ моему князю Голенищеву-Кутузову. Ежели в. с. заблагоразсудите оную оду вниманія вашего удостоить, то покорнѣйше прошу изъ числа сихъ экземпляровъ нѣкоторые доставить Высочайшимъ Особамъ. Бумага нехороша, переплета нѣтъ, но что дѣлать, бумаги лучшей здѣсь не имѣемъ, золотой также ниже переплётчика не находится. Сугубо жаль, что произведеніе толь слабое не можетъ хотя наружною одеждою украситься.

13 Января. 1813.

82 [2].

Я вчера чаялъ васъ имѣть счастіе видѣть во дворцѣ, но услыша отъ Сергѣя Семеновича Уварова, что вы нездоровы и искреннѣйше о томъ сожалѣя, за нужное почитаю донести вамъ слѣдующее: [illegible]

[1]) Ода на истребленіе враговъ и изгнаніе ихъ изъ предѣловъ любезнаго отечества, соч. Павла Голенищева-Кутузова. Москва. Въ универ. тип. [illegible]

[2]) Эта записка, равно какъ и слѣдующія до Февраля 1814 г. были писаны въ Петербургѣ, гдѣ Кутузовъ оставался 11 мѣсяцевъ.

Гейму по приказанію вашему, я писалъ о Лазаревѣ третьяго дня, точно въ той силѣ, какъ вамъ угодно. Это мнѣ не трудно было, какъ вы изволили писать, ибо всякое ваше дѣло есть для меня не постороннее, а мое собственное, по моей къ вамъ приверженности, и тѣмъ болѣе, что всѣ близкіе къ вамъ и ваши присные, такъ близки къ моему сердцу, какъ мои собственные однокровные. 2) Вчера встрѣтился съ Балашевымъ и онъ мнѣ сказалъ, что собирается къ вамъ ѣхать съ почтеніемъ и просить васъ о П. П. Бекетовѣ, который ему родной шуринъ; то ежели смѣю сказать мое мнѣніе, не худо бы симъ воспользоваться, дабы вразумить его о цензурѣ и сдѣлать по нашему, а не по Вязмитинова [1]) системѣ; а я слышалъ, что Вязмитиновъ предъ нимъ ползаетъ и потрушиваетъ, то для него и отъ мнѣнія и отъ плана отступитъ, а Балашевъ за счастіе почтетъ все для васъ сдѣлать, имѣя въ васъ нужду, и увѣрялъ меня очень, что васъ много почитаетъ. 3) По приказанію вашему говорилъ съ Вилламовымъ [2]) о подаркѣ Гофману. Онъ сказалъ, что докладывалъ Государынѣ и что на сихъ дняхъ къ вамъ доставленъ будетъ подарокъ непремѣнно.

Вотъ что́ я нужнымъ почитаю вамъ донести, и думаю, что вы сими донесеніями довольны будете. Поздравляю васъ съ низверженіемъ чудовища [3]), врага вселенной. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса! Придите и видите дѣла Божія. Да поможетъ Господь и намъ опровергнуть мерзкую связь противниковъ креста Христова.

Съ нами Богъ—разумѣйте языци, и покоряйтеся яко съ нами Богъ.

Іюня 1 дня (1813).

83.

Сего 1813 г. Іюня 8 дня, представлено было, между прочимъ, о соединеніи академической гимназіи при университетѣ до времени съ московскою губернскою гимназіею, но рѣшеніе на сіе не послѣдовало. Между тѣмъ по всѣмъ обстоятельствамъ заключить должно, что университетскихъ доходовъ на содержаніе ея недостанетъ. Не угодно-ли будетъ утвердить мнѣніе мое съ тѣмъ, чтобы въ московскую губернскую гимназію отпускаемо было на каждаго ученика по 200 рублей въ годъ. Въ семъ случаѣ я приму мѣры, чтобы при московской гу-

[1]) Графъ Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ, въ то время предсѣдатель комитета министровъ, † 1819.

[2]) Григорій Ивановичъ Вилламовъ, секретарь Императрицы Маріи Ѳеодоровны, статсъ-секретарь, главноуправляющій IV Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, р. 1771 † 1842.

[3]) Наполеона.

бернской гимназіи были открыты и тѣ классы, коихъ въ ней, въ отношеніи къ академической гимназіи, недостаетъ и предпишу, чтобъ домъ для нея на сей конецъ нанятъ былъ гораздо обширнѣйшій.

1 Сентября 1813.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отъ самаго существованія университета и уничтоженія прежде существовавшей его гимназіи опытъ доказалъ, что губернскія гимназіи весьма малое число дали субъектовъ, могущихъ быть удостоенныхъ въ студенты, такъ что едва-ли 10 человѣкъ на сіе шестилѣтіе изъ губернскихъ гимназій поступили въ студенты; но еще долговременнѣйшій опытъ чрезъ многія лѣта доказалъ, что существованіе гимназій при самомъ университетѣ, утверждая оный на твердомъ основаніи, производило студентовъ въ годъ до 20 человѣкъ, а изъ студентовъ ежегодно выпускаемы были до 10 человѣкъ, коими снабжались разныя мѣста въ государствѣ, и что сіи люди всегда съ отличностію свое служеніе продолжали. По симъ причинамъ весьма бы полезно было гимназіи губернскія, хотя въ московскомъ округѣ, уничтожить, а сумму, положенную на оныя, обратить на учрежденіе при университетѣ гимназіи. Такимъ образомъ, безъ всякой прибавки, безъ всякихъ казнѣ лишнихъ издержекъ болѣе произойдетъ пользы, нежели отъ сихъ 10 губернскихъ гимназій, приносящихъ плодъ самый малый и несоразмѣрный иждивенію, на нихъ положенному. Ежели бы сія мысль была одобрена, то нужно токмо предписаніе: 1) объ уничтоженіи гимназій губернскихъ; 2) объ обращеніи сихъ суммъ на заведеніе гимназіи при университетѣ; 3) чтобы планъ оной, штатъ и число гимназистовъ отдано было въ распоряженіе университетскаго начальства, которое для общей пользы не укоснитъ сей планъ совсѣмъ обработанный представить.

84.

Имѣю честь послать въ даръ мою рѣчь, о коей я вамъ говорилъ, и кою вы имѣть пожелали. Изволите изъ оной увидѣть, и мои понятія о вещи, и мои чувствованія; что это языкъ сердца, въ этомъ вы, яко знатокъ сердца человѣческаго, конечно, не усомнитесь. Сіи-то чувствованія могутъ вамъ быть поручителями моей искренней къ вамъ приверженности, а мнѣ подавать надежду, что вы въ искренности оныхъ будучи увѣрены, удостоите меня вашей милости и довѣренности, по той мѣрѣ, что не много въ мірѣ есть людей, кои-бы такъ неколебимо вамъ были преданы.

Октября 12-го.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рѣчь

говоренная командоромъ краснаго креста бр. П. Г. К. въ капитулѣ рыцарей востока и Іерусалима, при принятіи въ оный капитул Х. брата Мунта.

На востокѣ С.-Петербурга, Іюня 16-го дня 5815 года.

Въ сей священной степени, въ коей, подъ высшими прежних образами и ритуалами, сподоблены мы собраться подъ кровавою хоругвію Агнца, искони закланнаго, вземлющаго грѣхи міра, получаем мы уже вѣрныя свидѣтельства, несомнѣнныя доказательства въ орденѣ нашемъ отъ самыхъ параболическихъ его степеней начиная, все видимое свидѣтельствуетъ о невидимомъ, все тѣлесное о духовномъ, все земное о небесномъ, все человѣческое о божественномъ, все временное о вѣчномъ. Здѣсь представляющіеся іероглифы, пламенными, живыми письменами начертываютъ намъ, къ чему мы призваны, къ чему должны всѣми силами духа нашего стремиться, ибо здѣсь уже ясно о горнемъ Іерусалимѣ, о вѣчномъ востокѣ, о вѣчномъ отечествѣ нашемъ намъ возвѣщается. Возлюбленные братья! разсмотримъ себя: готовы ли мы къ прехожденію въ сіе вѣчное и постоянное наше отечество? Вопросимъ себя: готовы ли мы къ прехожденію въ сіе вѣчное и постоянное наше отечество? Вопросимъ себя: сбылось ли съ нами и внутри насъ существенно все то, что̀ мы видимъ здѣсь подъ формами и обрадами? Произошли ли тѣ спасительныя дѣйствія, для коихъ истинно и единственно предначертаны и уставлены всѣ наши символы, чиноположенія и проч.

И, о! благость безконечная благопромышляющія о насъ любви небесныя! Для сего единственно неизглаголанная премудрость облеклася въ чувственность, тончайшая духовность въ тѣлесность, единственно изъ благоснисхожденія къ нашей слабой бренности, единственно дабы чрезъ рѣзкія и сильныя ударенія въ чувственность человѣка, возбудить спящаго въ глубокомъ грѣховномъ снѣ человѣка внутренняго, духовнаго, и воззвать его къ небесному его отечеству, сдѣлать его существенно рыцаремъ вѣчнаго востока, обитателемъ горняго Іерусалима.

Мы носимъ въ сей степени зеленую ленту съ пятью багровыми звѣздами, съ золотымъ ключомъ, на коемъ таинственная надпись: прекрасное, благолѣпное наружное украшеніе, высокое указаніе, изящное поученіе. Но совершилось ли внутри насъ то дѣйствіе, на которое оно указуетъ? Возлегла ли на рамѣ нашемъ зеленѣющая утѣшитель-

ная надежда воскресенія, что мы силою изъ пяти язвъ истекшія божественныя крови во истину очищены, омыты, освящены; испили изъ онаго животворнаго источника чашу спасенія и получили-ль въ собственность нашу тотъ божественный отъ небесныхъ таинствъ ключъ Давидовъ, иже *отверзаяй и никто же затворитъ; затворяяй и никто же отверзетъ?* Можемъ ли мы на сіе отвѣтствовать утвердительно?—Нѣтъ! Итакъ, обрядъ наружный совершился, украшенія на немъ возложены; но какіе плоды отъ всего того принесемъ мы и какой отвѣтъ дадимъ небесной благости, попустившей намъ слышать ученіе премудрости и быть посвященными обрядочно въ ея таинства! Утѣшительно, конечно, для вѣрно-работающаго рыцаря, алкающаго свѣта истины, при восхожденіи изъ параболическаго масонства въ вышнее, утѣшительно видѣть и слышать, что нашъ священный орденъ ведетъ къ живому воплощенному слову, которое онъ прежде образовательно въ слѣпотствованіи съ закрытыми очами осязалъ рукою, ведетъ къ познанію все-возрождающаго креста, обагреннаго кровію Агнца, подъ хоругвію Коего онъ въ рыцари святаго Востока, въ жители новаго Іерусалима пріемлется, посвящается и слышитъ утѣшительное воззваніе: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра.* Но когда сіи наружные обряды для ревностнаго искателя утѣшительны, сладостны и чистыя радости исполнены, то что-жъ будетъ самое событіе? О! да сподобитъ онаго насъ Высочайшій Крестоносецъ силою Агнчія крови, во искушеніе наше проліянныя!

Всѣ мы грѣшны, слабы, бренны, безпрестанно падаемъ, не внемлемъ гласу вопіющаго въ пустынѣ, пріуготовляющему къ тому, чтобы подойти подъ сію священную хоругвь, подъ коею единственно мы освященіе получить можемъ. Помоги же намъ, воплощенная неизреченная любовь! Сотвори: да сила Твоя въ нашей немощи совершается, да свѣтъ Твой въ нашей тьмѣ возсіяетъ и тьму нашу поглотитъ. Сподоби насъ воспѣть новую пѣснь яко рыцарей вѣчнаго Востока и горняго Іерусалима и услышать, что мы воистину сопричислены къ избранному стаду тѣхъ, *иже убѣлиша ризы своя въ крови Агнца; сего ради суть предъ престоломъ Божіимъ и служатъ Ему день и нощь въ церкви Его и сѣдяй на престолѣ вселится въ нихъ. Не взалчутъ къ тому, ниже взжаждутъ яко Агнецъ иже посредѣ ихъ упасетъ ихъ и наставитъ ихъ на животные источники водъ и отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очей ихъ и чистыя радости ихъ исполнитъ.*

Сихъ божественныхъ обѣтованій исполненія да сподобимся мы, грѣшные и недостойные, и ободримся въ возможности сего событія безконечнымъ милосердіемъ Бога и Агнца и, въ самомъ окаянствѣ нашемъ, уповая очищенія грѣховъ нашихъ, воззримъ внутренно на священную хоругвь со смиреніемъ и живымъ увѣреніемъ яко воистину

сей есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, Ему же Богу и Агнцу буди честь и слава во вѣки вѣковъ Аминь.

85.

Удостовѣренъ будучи опытомъ въ вашей ко мнѣ милости и наклонности мнѣ благотворить, пріемлю смѣлость просить васъ оказать мнѣ незабвенное благодѣяніе помощію крайне мнѣ нужною, но вамъ нѣсколькихъ строкъ стоющею. Благоволите устроить, чтобы мнѣ выданы были деньги на проѣздъ изъ положенныхъ по штату попечителямъ. Я здѣсь былъ въ должности, ибо управлялъ университетомъ, ѣду къ должности, обязанъ буду ѣхать еще въ другія губерніи, а потому вы законное вполнѣ имѣете право доставить мнѣ сіе пособіе, крайне нужное мнѣ потому, что мнѣ выѣхать отсюда не съ чѣмъ. Я увѣренъ, мой любезнѣйшій благодѣтель, что вы и службу и душу мою цѣнить умѣете и что ежели вы не могли мнѣ вящшихъ выгодъ доставить, то это не отъ васъ зависѣло, а потому увѣренъ я и въ томъ, что вы мнѣ не откажете въ сей милости, единственно отъ васъ зависящей, и въ коей никто вамъ преграды поставить не можетъ.

Чѣмъ скорѣе вы сіе благодѣяніе мнѣ окажете, тѣмъ болѣе увѣрите меня въ неизмѣнной вашей ко мнѣ милости, коей я цѣну въ полнотѣ всегда чувствуя, молю ежедневно и молить не престану Спасителя, да продлитъ дражайшіе дни ваши, да пошлетъ вамъ милость, благословеніе и чистую радость.

Ноября 22-го (1813).

86.

Бумагу, о коей имѣлъ счастіе вамъ говорить и кою вы доставить приказали, при семъ посылаю [1]). Вотъ такая-то въ существенной силѣ должна быть у насъ, съ нѣкоторыми только отмѣнами, и тогда бы никакой Ро [2]) не смѣлъ непорочныхъ людей ни марать, ни безпокоить. Да поможетъ вамъ Господь Богъ во славу Его и для вашего блага и чистой радости сіе устроить. Его сила, милость и благословеніе да не отступаютъ отъ васъ ни на минуту. Осмѣлюсь напомнить о всенижайшей моей просьбѣ. Вспомните, мой дражайшій благодѣтель, что никто изъ гг. попечителей не ѣздилъ болѣе меня, никто не страдалъ столько, никто не потерпѣлъ столько горя и убытковъ; и службою я ихъ всѣхъ старѣе. Ради Бога, хотя въ сей помощи не откажите, за что самъ Господь Богъ васъ обрадуетъ.

Ноября 26 дня (1813).

---

[1]) Бумаги этой въ архивѣ кн. Н. В. Рѣпнина не находится.

[2]) Ростопчинъ.

87.

Всеусерднѣйшую приношу в. с. благодарность за бумагу о выдачѣ мнѣ на проѣзды 2000. Извѣстная вамъ моя бѣдность и трудность здѣсь достать деньги, дѣлаетъ сіе пособіе для меня важнымъ, за что да воздастъ вамъ Господь Своею милостію. Вы прошлаго года, когда мнѣ нужно было доѣхать только отъ Костромы до Москвы, что составляетъ 318 верстъ, сдѣлали мнѣ незабвенное благодѣяніе—исходатайствовали 3000. Я нынѣ имѣю въ предметѣ близъ 2000 верстъ объѣхать, ибо до Москвы 728 верстъ, да въ Смоленскъ взадъ и впередъ столько же, кромѣ разъѣздовъ по разореннымъ училищамъ, въ уѣздныхъ городахъ сихъ губерній состоящимъ, то и чаялъ я, бѣдный, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и прошлаго года получить. Все сіе предаю вашему вниманію и внушеніямъ чувствительной души.

13 Декабря (1813).

88.

Изъ приложенной здѣсь выписки, которая есть самая ѣдкая сатира на Шатобріановъ *Génie du Christianisme*, изволите усмотрѣть ясно образъ мыслей г. сочинителя, толикое вліяніе на университетъ и вообще на молодыхъ писателей имѣющаго. Не явное ли это надъ святѣйшими вещами ругательство? Такимъ-то зловреднымъ ядомъ, болѣе или менѣе подъ прикрасами скрытымъ, наполнены всѣ того писателя сочиненія, а къ несчастію оныя у насъ въ училищахъ ходятъ по рукамъ, яко примѣры штиля. Могутъ ли въ благоустроенномъ государствѣ терпимы быть и сочиненія и сочинитель, который явно говоритъ въ сей рецензіи о высокихъ христіанскихъ истинахъ, что онѣ суть *нелѣпости?* Не явное ли тутъ намѣреніе, заранѣе прекрасное твореніе Шатобріана представить смѣшнымъ, чтобы отъ него отвращались? Не явная ли это вражда противъ духа христіанскаго, коего онъ и запаха терпѣть не можетъ? Не пора ли снять маску съ этого шарлатана?

Безъ числа. (1813).

89.

Вручитель сего есть тотъ самый курскій купецъ Хлапонинъ, о коемъ я имѣлъ честь в. с. говорить, желающій удостоиться степени доктора, коего харьковскій университетъ его уже достойнымъ призналъ. Имя мѣщанина принялъ онъ только для того, что увольненіе изъ купечества съ большими сопряжено затрудненіями. Судите-жъ в. с., сколь сильна должна быть охота къ наукамъ, чтобы изъ именитыхъ купцовъ разжаловать себя въ мѣщане. Сей человѣкъ весьма

извѣстенъ нашимъ знакомымъ и по многимъ отношеніямъ достоинъ вниманія, онъ будетъ имѣть счастіе поднести вамъ свою книгу, имени вашему посвященную; бумагу, свидѣтельствующую удостоеніе его, у сего прилагаю. Просимаго имъ онъ, конечно, достоинъ, и въ одобреніе къ любленію наукъ нужно его поддержать, что̀ предаю вашему вниманію и прозорливости, кои будутъ умѣть все во благо устроить.

Января 2 дня 1814 года.

90.

Тотчасъ, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, г. ректоръ университета Геймъ донесъ мнѣ, что вчерашняго дня е. с. графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ призывалъ цензора Котельницкаго и, сдѣлавъ ему строгій выговоръ за пропускъ при газетахъ № 8-го припечатаннаго объявленія отъ филотехническаго общества, сказалъ ему, что онъ о семъ будетъ писать къ в. с. Мѣсто же, по поводу коего е. с. призывалъ онаго цензора выписавъ, при семъ на благоусмотрѣніе в. с. представляю и обязанностію почитаю о семъ происшествіи вамъ предварительно донести.

Февраля 2 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Выписка изъ объявленія филотехническаго общества къ 8-му номеру Московскихъ Вѣдомостей на 1814 годъ.

Вскорѣ послѣ публичнаго собранія нашего въ Январѣ мѣсяцѣ, я, вслѣдствіе отчета за 1812 годъ, избравъ коммисіонеромъ общества, помѣщика Полтавской губерніи Зеньковскаго повѣта, г. войсковаго товарища Жадька, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки [1]), алкоголя [2]) и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія и, сдѣлавъ честь дѣятельности общества нашего, замѣнить на предбудущее время тягостныя поставки питательныхъ потребностей въ обыкновенномъ ихъ видѣ [3]).

91.

Вѣдомости, требуемыя отношеніемъ в. с., отъ 29 числа Января, № 274, уже изготовляются и надѣюсь оныя на слѣдующей почтѣ в. с.

[1]) Родъ сухого бульона.

[2]) Наикрѣпчайшій очищенный спиртъ.

[3]) Сколько поставки въ натурѣ и по наряду затруднительны, доказываетъ сдѣланное вычисленіе, что четверть сухарей въ Декабрѣ 1812 и Январѣ 1813 годовъ изъ нѣкоторыхъ губерній обошлась до Вильны въ 200 рублей.

представить. Къ сему обязанностію поставляю присовокупить мои разсужденія: 1) ни во время бытности попечителемъ покойнаго Михайлы Никитича Муравьева, ни въ ваше управленіе московскимъ университетомъ, въ доставляемыхъ министерству финансовъ отчетахъ не показываемо было никогда суммъ, принадлежащихъ университету, данныхъ отъ благотворителей и состоящихъ въ воспитательномъ домѣ; 2) въ представляемыхъ вѣдомостяхъ значится большое количество университетской суммы, обращающейся изъ процентовъ въ здѣшнемъ опекунскомъ совѣтѣ, то легко можетъ статься, что министерство разсудитъ, не взирая на принадлежность сихъ суммъ московскому университету, обратить ихъ на какое-либо другое употребленіе для своихъ изворотовъ, то таковое распоряженіе будетъ для университета при нынѣшнихъ обстоятельствахъ крайне тягостно и лишитъ его многихъ выгодъ; 3) въ предупрежденіе на будущее время безпорядковъ и затрудненій, сопряженныхъ съ изготовленіемъ сихъ вѣдомостей, не изволите ли в. с. разсудить за благо: избавить университетъ отъ доставленія впредь подобныхъ отчетовъ, которыхъ прежде сего никогда отъ него требуемо не было, и предписать составить на прежнемъ основаніи вѣдомости, кои и при семъ моемъ объясненіи доставлены будутъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ вы ихъ требуете; а ваша воля будетъ доставить ихъ министерству финансовъ, исключая суммы, въ воспитательномъ домѣ состоящія; чего поелику доселѣ не было дѣлано, то и нынѣ того министерство требовать не можетъ, и мнѣ кажется, что мы чрезъ сіе только болѣе себя свяжемъ, подчинимъ и подвергнемъ себя добровольно такимъ отчетамъ, каковыхъ мы никогда не давали.

Всѣ сіи разсужденія рѣшился я представить в. с. партикулярно, единственно изъ усердія моего къ пользамъ ввѣреннаго мнѣ университета.

Февраля 12 дня 1814 года. Москва.

92.

Сдѣлавъ мое в. с. оффиціальное донесеніе о бумагѣ, присланной мнѣ отъ графа Ростопчина о Штёльцерѣ и прочихъ, и имѣя нынѣ вѣрный случай писать къ в. с. не по почтѣ, за нужное почитаю присовокупить партикулярно слѣдующее объясненіе:

1) Таковой сената поступокъ, т.-е. требованіе отъ меня объясненій чрезъ главнокомандующаго, равно обиденъ какъ для васъ, такъ и для меня: ибо тутъ явно оказывается неуваженіе сколько къ званію моему попечителя, столько и къ вашему званію министра, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемой у сего записки, которую я по-

сылаю на тотъ случай, ежели в. с. заблагоразсудите за себя и за меня вступиться.

2) Ежели вы не оградите меня отъ подобныхъ сему происшествій, то я могу ожидать, что главнокомандующій, по извѣстному вамъ расположенію, ободряясь правительствующимъ сенатомъ, позоветъ меня въ допросъ, или на очныя ставки съ подсудимыми, ибо отъ его распоряженій и помѣшанной головы все ожидать можно.

3) Невозможно мнѣ было иначе ему отвѣчать, какъ я то сдѣлалъ: ибо онъ прописываетъ сенатское предписаніе, которое наравнѣ съ Высочайшими повелѣніями исполнять должно. Но не менѣе того сіе крайне непріятно; а впрочемъ и онъ, при всей своей запальчивости, сего бы не сдѣлалъ, ежели бы сенатъ ему къ тому не подалъ повода, и буде в. с. не изволите за сіе вступиться, то мнѣ всеконечно еще двухъ непріятностей ожидать должно.

P. S. Сіе письмо посылаю чрезъ костромскаго губернатора, человѣка вѣрнаго, который лично оное вамъ вручитъ.

Февраля 12 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Г. главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, сего Февраля 8 дня своимъ отношеніемъ, съ коего копія у сего же прилагается, требуетъ отъ сенатора и попечителя московскаго учебнаго округа г. Кутузова объясненій о нѣкоторыхъ подсудимыхъ, принадлежащихъ къ московскому университету, находившихся у непріятеля въ разныхъ должностяхъ, во время его на Москву нашествія. Поелику онъ, г. главнокомандующій, въ отношеніи своемъ прописываетъ, что оное дѣлаетъ по предписанію правительствующаго сената, то сенаторъ г. Кутузовъ и почелъ себя обязаннымъ, во уваженіе сенатскаго предписанія, сдѣлать ему надлежащій отзывъ, съ коего копія у сего же прилагается.

Но при всемъ томъ, онъ, г. Кутузовъ, не можетъ не удивляться, что правительствующій сенатъ изволитъ требовать таковыхъ объясненій чрезъ мѣстное начальство и не можетъ не оскорбиться тѣмъ по слѣдующимъ причинамъ, долженствовавшимъ наклонить сенатъ къ дѣйствію совсѣмъ инымъ образомъ:

1) Правительствующему сенату было извѣстно, что сенаторъ и попечитель г. Кутузовъ находился 11 мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ и не прежде, какъ 23 Января изъ онаго выѣхалъ; слѣдовательно, сенатъ имѣлъ все время требовать отъ него, г. Кутузова, всѣхъ объясненій, не ожидая его изъ С.-Петербурга выѣзда въ Москву, гдѣ какъ будто

бы нарочно устроено было, чтобы ему сей запросъ сдѣланъ былъ чрезъ г. главнокомандующаго.

2) Ежели бы правительствующій сенатъ взиралъ на него, г. Кутузова, яко на сенатора, то долженствовалъ бы послать къ нему указъ прямо яко къ сенатору, не употребляя на то посредства главнокомандующаго.

3) Ежели же сенатъ, не благоволя сего сдѣлать, имѣлъ его, г. Кутузова, въ виду, токмо яко попечителя ввѣреннаго ему учебнаго округа, то и въ такомъ случаѣ сенатъ обязанъ былъ отнестись къ г. министру народнаго просвѣщенія, яко къ непосредственному его, яко попечителя, начальнику, но ни въ какомъ случаѣ не подлежало сего отношенія дѣлать и объясненій требовать чрезъ г. главнокомандующаго, коему онъ, ни мало не подчиненъ будучи, самъ частный начальникъ ввѣренной ему, особенной государственной части, имѣющей свое особенное начальство, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія.

Впрочемъ, онъ, г. Кутузовъ, яко сенаторъ, пріемлетъ смѣлость присовокупить свое разсужденіе, что требуемыя нынѣ къ рѣшительному по оному дѣлу постановленію объясненія не при концѣ дѣла, а при самомъ онаго началѣ истребовать бы надлежало, и такъ какъ во все время пребыванія здѣсь въ Москвѣ гг. сенаторовъ Модераха и Болотникова, для сего слѣдствія отряженныхъ, и онъ, г. Кутузовъ, въ Москвѣ же находился, то имъ, гг. сенаторамъ, надлежало съ нимъ по сему дѣлу снестись, и тогда же бы онъ далъ имъ всѣ объясненія, каковыхъ нынѣ правительствующій сенатъ чрезъ г. главнокомандующаго требуетъ.

Въ заключеніе онъ, сенаторъ г. Кутузовъ, всепокорно проситъ оградить его отъ всякихъ по сему дѣлу съ г. главнокомандующимъ сношеній, имѣющихъ видъ запроса отъ полиціи, съ коею ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ онъ не состоитъ, какъ обыватель по общимъ повинностямъ, въ точности имъ исправляемымъ. Всякой же другой видъ зависимости не сообразенъ ни званію его сенатора, ни попечителя, коему ввѣрена важная государственная часть, то-есть учебный округъ, въ составъ коего входятъ 10 губерній.

Всякое же объясненіе, каковое по сему дѣлу правительствующій сенатъ заблагоразсудитъ указомъ своимъ требовать отъ него, г. Кутузова, непосредственно, или чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, готовъ онъ безъ самомалѣйшаго замедленія въ правительствующій сенатъ представить.

93.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, по сей же почтѣ посылаемыхъ, за нужное почитаю изъяснить в. с. слѣдующее:

1) Всѣ нужныя поясненія касательно предполагаемой невѣрности въ вѣдомостяхъ о денежныхъ суммахъ по сей же почтѣ посылаются, основанныя на достовѣрнѣйшихъ, взятыхъ отъ правленія, справкахъ и сдѣланныхъ мною самимъ повѣркахъ, на кои ежели в. с. благоволите обратить внимательное око, то удостовѣриться изволите, что ошибка не отъ меня и не отъ правленія сдѣлана. О чемъ и ректоръ во очищеніе себя, ежели не по сей, то по слѣдующей почтѣ къ в. с. писать будетъ.

2) Отчетныя вѣдомости не токмо за 1812 г., но и за 1813 г. по сей же почтѣ посылаются, и ежели в. с. приведете себѣ на память, сколь хлопотливы и тягостны были оба сіи года, первый по разоренію университета, а второй по едва установившемуся на мѣстѣ университета пребыванію, то по великодушію вашему всякое недобровольное замедленіе или неумышленную ошибку не токмо извините, но даже отдадите справедливость, что университетъ по разстроенному и бѣдственному его положенію и въ отчетахъ своихъ исправенъ, и въ ходѣ дѣлъ его состоитъ во всей по обстоятельствамъ возможной дѣятельности, о чемъ еще болѣе удостовѣриться изволите изъ особеннаго донесенія, которое я чрезъ нѣсколько дней буду имѣть честь в. с. сдѣлать о положеніи, въ каковомъ я нашелъ здѣшнія учебныя заведенія.

3) Дѣло Демидовскихъ крестьянъ, требовавшее времени какъ на обдуманіе необычайнаго его хода, такъ и на сочиненіе повелѣнной вамъ инструкціи, со всевозможною скоростію совершенно обработано, о чемъ по завтрашней тяжелой почтѣ отправлено будетъ къ в. с. оффиціальное и подробное донесеніе, съ пріобщеніемъ къ оному и самой инструкціи, которая, какъ мнѣ кажется, по возможности съ размышленіемъ и осторожностію написана.

Надѣюсь, что в. с. довольны будете моею дѣятельностію, по коей я, при всей многочисленности обременяющихъ меня дѣлъ и заботъ, исполнилъ все то, что́ только по человѣческой силѣ и возможности, въ теченіи двухъ недѣль моего здѣсь пребыванія, сдѣлать было можно, паче же при предписаніяхъ вашихъ, чтобы все то дѣлаемо было немедленно. При всемъ томъ прошу вашего благоснисходительнаго извиненія, ежели по краткости времени, или по моему недоразумѣнію, что-либо упущено было. За симъ поручая себя продолженію вашихъ драгоцѣнныхъ мнѣ милостей ко мнѣ, яко дѣйствующему въ христіанскомъ простодушіи, по моей совѣсти и чести, прошу тако-жъ не упускать изъ виду коварныхъ внушеній и козней, противу меня устроенныхъ и устремленныхъ единственно на то, чтобы лишить меня вашего благоволенія и довѣренности; отъ каковыхъ хитро-сплетенныхъ діавольскихъ затѣй, я увѣренъ, оградитъ меня Христосъ Спаситель и Богъ мой! На него же единаго уповаю, не постыжуся. Его же милосердая десница

да сохранитъ и васъ отъ льстивыхъ и лицемѣрныхъ на меня толкованій и да дастъ вамъ здравіе, благословеніе и благоуспѣшность во всѣхъ подвигахъ вашихъ, о чемъ молиться Христу Спасителю не престанетъ тотъ, который, вопреки всѣмъ навѣтамъ вражіимъ, готовъ доказывать и утверждать, сколь искренны и непремѣнны суть сердечныя чувствованія почитанія, приверженности, любви и благодарности.

Февраля 16 дня 1814 года. Москва.

94.

Имѣя вѣрный случай писать къ в. с. чрезъ профессора Сандунова, отправившагося въ Петербургъ по крайнимъ надобностямъ и отпущеннаго мною на 28 дней, за должное почитаю довести, для свѣдѣнія вашего, нѣкоторыя нужныя обстоятельства: 1) касательно сдѣланнаго цензурѣ запроса о пропущенномъ извѣстіи филотехническаго общества сочиненія Каразина [1]), по достовѣрнымъ справкамъ оказалось: что не токмо не было отъ графа Ростопчина запрещенія, но даже оное сочиненіе было въ манускриптѣ у него, гр. Ростопчина, на разсмотрѣніи и онъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, велѣлъ оную отослать въ нашу цензуру, сказавъ, что сіе до него не принадлежитъ. О чемъ оффиціальное мое донесеніе немедленно къ в. с. доставлено будетъ. Слѣдовательно, онъ хотѣлъ нарочно подвести цензуру подъ отвѣтственность и сдѣлалъ придирку. Тутъ по пословицѣ можно сказать: *кто захочетъ драться, тотъ палку сыщетъ*, то посему никакъ отъ его злобы не избѣжать и мы, конечно, должны и болѣе шиканъ ожидать. 2) Ни о какомъ пансіонѣ, ни о какомъ училищѣ гр. Ростопчинъ не хочетъ слышать, и училища частныя народныя не даетъ открывать; иныя застроены домами частныхъ людей, другія повелѣно ломать,—и, такъ какъ я сбираю теперь о всемъ томъ справки, то по полученіи оныхъ составлю общее обо всемъ в. с. представленіе, по коему, ежели смѣю сказать мое мнѣніе, не останется вамъ другого сдѣлать, какъ войти въ комитетъ гг. министровъ и требовать, чтобы предписано было гр. Ростопчину отнюдь не мѣшать намъ строить на прежнихъ мѣстахъ нашихъ училищъ, а паче типографскаго дома, о коемъ, яко о самонужнѣйшемъ для насъ дѣлѣ, я прежде [illegible] посылаю представленіе. В. с. сами угадать изволите, что [illegible] по сему сношеніе съ гр. Ростопчинымъ будетъ [illegible] по его расположенію, а потому нужно, чтобы не отъ васъ, а [illegible]

[1]) Василій Назаровичъ Каразинъ, р. 1773 † 1842. [illegible] Александра I пользовался довѣріемъ Государя. Принималъ [illegible] дѣніи министерства народнаго просвѣщенія и основаніи [illegible] Авторъ многихъ проектовъ и записокъ политическаго [illegible]

гг. министровъ сіе ему предписано было. Да и для вашей чести сіе нужно, ибо онъ тогда почувствуетъ, что вы его не удостоиваете сношеній, безъ коего само собою сдѣлается для васъ и для университета нужное. 3) Касательно отчетовъ въ вѣдомостяхъ, позвольте объяснить оное в. с. профессору Сандунову и, ежели изволите его принять и выслушать, то удостовѣритесь, что никакой ошибки и неправильности въ оныхъ вѣдомостяхъ не было ни со стороны университета, ни съ моей. 4) Ученыхъ никакихъ собраній открывать и приступать къ онымъ нѣтъ никакой возможности, доколѣ начальство гр. Ростопчина продолжится, ибо онъ кричитъ, что всѣ сіи ученыя собранія суть не что иное, какъ подъ маскою якобинскіе клубы и что онъ ни одного въ Москвѣ не терпитъ и что даже Библейское общество есть заведеніе мартинистовъ, ихъ кознями устроенное во вредъ государству; о чемъ не сочтете ли за нужное сообщить князю Александру Николаевичу Голицыну [1]). 5) Нѣкто достойный вѣроятія человѣкъ, имѣющій свѣдѣнія, по своимъ связямъ, о томъ, что происходитъ въ канцеляріи гр. Ростопчина, увѣдомилъ меня, что гр. Ростопчинъ писалъ къ Государю свое мнѣніе, что онъ за полезное и нужное считаетъ, чтобы университету въ Москвѣ не быть, ибо-де университетъ и его начальство наполнены духомъ якобинства и иллюминатства, то въ столицѣ вредно быть можетъ существованіе университета. Сіе отъ гр. Ростопчина легко станется, а потому я за нужное почелъ вамъ сіе донести, дабы вы взяли мѣры, какія заблагоразсудите.

Словомъ сказать, кромѣ сихъ, частно нашему мѣсту дѣлаемыхъ обидъ и притѣсненій, всѣ вообще состоянія, команды, частные люди, такъ недовольны, что всеобщій слышенъ ропотъ и желаніе, чтобы скорѣе Богъ избавилъ отъ этого начальника. И ежели бы я могъ себѣ вообразить, до какой степени здѣсь жить непріятно, то я бы, яко милости, просилъ у в. с. позволенія остаться доколѣ возможно въ Петербургѣ. Самое же важное обстоятельство и могущее произвести бѣду, коей самъ гр. Ростопчинъ, по его безумію, не предвидитъ, есть то, что дворовыхъ людей полиція поитъ и склоняетъ къ шпіонству и доносамъ на господъ; чему нѣсколько здѣсь примѣровъ было и, кажется, какъ будто бы мы здѣсь были совсѣмъ подъ инымъ правленіемъ, подъ иными законами, нежели каковые въ Петербургѣ существуютъ. Изъ чего можетъ выйдти такая бѣда, которой въ усыпленіи сущіе безпечные не ожидаютъ. Къ несчастію, оберъ-полицеймейстеръ хотя человѣкъ не глупый, добрый, честный, но есть покорнѣйшій рабъ гр. Ростопчина и слѣпой исполнитель безумнѣйшихъ

[1]) Извѣстному оберъ-прокурору св. синода и министру духовныхъ дѣлъ, заявшему въ 1816 г. мѣсто гр. А. К. Разумовскаго.

приказаній; потому-то и полиція такъ въ отношеніи къ дворо-
мъ людямъ дѣйствуетъ.

Вотъ все, что на сей разъ в. с. имѣлъ я донести; вѣрьте, что все сущая и нагая истина и что единое усердіе къ общему благу и кровенность, коею вамъ и по службѣ и по долгу благодарности я ванъ, заставили меня все сіе къ вамъ написать и не исполнивъ о, я думаю, чтобы поступилъ я противу совѣсти и противу долга браго сына отечества.

Февраля 20 дня, 1814 года. Москва.

95.

Хотя я донесеніемъ моимъ отъ 9-го числа Февраля, за № 68, прашивалъ разрѣшенія в. с. производить ли на основаніи указа 3 года Января отъ 23 дня жалованье находящемуся въ москов-мъ университетѣ г. ординарному профессору Суворову, но изъ ьма его ко мнѣ, въ копіи у сего прилагаемой, в. с. изволите усмо-ѣть, въ какомъ стѣсненномъ положеніи онъ находится и что, по терпѣнному имъ разоренію, выдача ему жалованья, для поддер-нія разстроеннаго состоянія его, необходимо нужна. Во уваженіе ъ обстоятельствъ побуждаюсь я всепокорнѣйше испрашивать у с. милостивой и благодѣтельной на означенное мое отъ 9-го Фев-я донесеніе резолюціи, касательно произвожденія г. Суворову жа-анья.

Февраля 23-го дня 1814 года. Москва.

96.

Нѣсколько лѣтъ зная почтеннаго г. профессора Мухина [1]) и съ оихъ сторонъ привыкши его уважать и любить, не могъ я отказать г какъ въ препровожденіи в. с. его всепокорнѣйшей просьбы, такъ ъ засвидѣтельствованіи по совѣсти моей истины всего имъ изло-наго, равно и того, что сей достойный и рѣдкій человѣкъ без-но претерпѣваетъ досады, шиканы и притѣсненія, единственно за что онъ духомъ и сердцемъ русскій человѣкъ, что его безкорыстіе строгіе стоическіе нравы служатъ изобличеніемъ всякому непра-у обороту, каковое иногда дѣла въ семъ мѣстѣ пріемлютъ, и ежe-бы в. с. разсудили за благо кому-либо безпристрастному поручить вѣдовать все, что въ академіи дѣлается, то убѣдились бы въ пра-ги г. Мухина и познали бы источникъ всѣхъ дѣлаемыхъ ему не-вольствій.

[1]) Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, р. 1766 † 1850. Докторъ медицины и хирургіи, ученный профессоръ.

Исполнивъ обязанность мою, и какъ начальникъ г. Мухина, и какъ человѣкъ, знающій ему цѣну и имѣющій причины отдавать ему справедливость, предаю все то вашему начальническому вниманію и милости, кои, конечно, не вмѣнятъ мнѣ въ вину сіе начертаніе.

Апрѣля 9 дня 1814 года. Москва.

97.

Поспѣшаю представить в. с. оду моего сочиненія на взятіе Парижа [1]), дабы вы прежде всѣхъ оную получить изволили; а потому и прошу прощенія, что не въ переплетѣ, въ коемъ прочіе экземпляры поспѣютъ не прежде какъ завтра и по тяжелой почтѣ—оныя буду имѣть честь доставить для Императора и всей Высочайшей Фамиліи. По сей же почтѣ успѣлъ только 4 экземпляра послать: 1-й къ вамъ, 2-й къ князю Александру Николаевичу Голицыну, 3-й къ брату и 4-й къ сестрѣ; а болѣе сихъ ни къ кому. Великую милость в. с. мнѣ сдѣлаете, ежели ее отправить благоволите къ Государю Императору или увѣдомите меня, буде предстанутъ къ тому какія-либо неудобства.

P. S. Здѣсь я никому еще ни одного экземпляра не далъ, и не раздамъ до начатія торжествъ, кои зачнутся чрезъ 3 дни, то уже въ Петербургѣ будетъ ода гораздо прежде извѣстною, нежели здѣсь; впрочемъ, кажется она никакой критики подвержена не будетъ.

Апрѣля 20 дня 1814 года. Москва.

98.

Представивъ в. с. въ прошломъ 1813 году первую и вторую часть Трудовъ общества любителей Россійской словесности, при Императорскомъ московскомъ университетѣ учрежденнаго, имѣю честь въ дополненіе того доставить при семъ вновь вышедшія третью и четвертую части Трудовъ того общества; хотя же сіи части и начаты печатаніемъ прошлаго 1812 года, но по случаю нашествія непріятельскаго не могли быть кончены прежде сего 1814 года.

Апрѣля 23 дня 1814 года. Москва.

99.

За должность почитаю донести в. с., что при нынѣшнемъ торжествованіи я столько имѣлъ непріятности отъ нѣкоторыхъ гг. профессоровъ, паче отъ ректора, что это похоже было, какъ будто бы они не радуются общей радости: 1) за два дни, когда столь мало оставалось

[1]) Ода Е. И. В. Г. Им. Александру Первому, на покореніе столицы Франціи побѣдоноснымъ его оружіемъ, соч. Павла Голенищева-Кутузова. Москва, въ Университ. тип. 1814, in 4-to.

емени, безъ канцелярской формы не хотѣли выдать 300 руб. на иллю-инацію и Геймъ со мною спорилъ; 2) никакого распоряженія не хо-лъ онъ дѣлать, даже щитъ загорѣлся, сдѣлался пожаръ какъ на-чно, чего ни въ казенныхъ мѣстахъ, ни въ партикулярныхъ не слу-лось; 3) Мерзляковъ [1]), обожатель Карамзина, хотя за десять дней по-чено было ему написать стихи, хотя наканунѣ онъ сказалъ, что дутъ готовы, но въ тотъ самый день сказался больнымъ, думая тѣмъ тановить и испортить нашъ публичный актъ, чему однако я посо-лъ, велѣлъ, вмѣсто его обѣщанныхъ стиховъ, прочитать мои. Словомъ азать, если бы гр. Ростопчинъ зналъ все, что они дѣлали и говорили, много бы имѣлъ резону не только ихъ бранить, но и хуже сдѣ-ть. Я для того сіе пишу, что они, сами напакостивъ, да, можетъ ть, жаловаться будутъ, а коли бы я не сдѣлалъ праздника, то су-те, какой бы далъ призъ злодѣя клеветѣ.

Москва. Апрѣля 27 дня 1814 года.

P. S. Подробное оффиціальное обо всемъ донесеніе отправлено съ ущимъ отсюда петербургскимъ полицеймейстеромъ гр. Васильевымъ, торый увѣрилъ, что гораздо прежде почты пріѣдетъ и что вѣрно мъ бумаги доставитъ, то въ случаѣ замедленія можете отъ него по-ебовать.

100.

Имѣю честь донести в. с., что Императорскій московскій универ-ситетъ, ревнуя, со всѣми вѣрными сынами отечества, раздѣлить все-щую радость о безсмертныхъ подвигахъ Великаго Монарха и о по-реніи столицы Франціи, сего Апрѣля 25 дня праздновалъ сіи досто-мятныя событія публичнымъ собраніемъ, о коемъ описаніе и при-длежащія къ оному приложенія, какъ-то: рѣчь, хоръ и прочее, по ватрашней тяжелой почтѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ в. с. достав-ены будутъ; нынѣ же предварительно по одному экземпляру имѣю сть на благоусмотрѣніе ваше представить.

Апрѣля 27 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Императорскій московскій университетъ, ревнуя раздѣлять со всѣ-и вѣрными сынами отечества всеобщую радость о громкихъ побѣдахъ еликаго Монарха и покореніе гордой столицы Франціи, праздновалъ и знаменитыя происшествія публичнымъ собраніемъ Апрѣля 25 дня

[1]) Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, р. 1778 † 1830, ординарный профессоръ эзіи и краснорѣчія. Извѣстный поэтъ.

въ 11 часовъ утра. По прибытіи въ залу собранія е. п. г. попечителя университета т. с. сенатора и кавалера П. И. Голенищева-Кутузова и приглашенныхъ особыми программами многихъ почтеннѣйшихъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, особъ и другихъ посѣтителей обоего пола, торжество открыто огромною симфоніею, послѣ которой г. ординарный профессоръ Тимковскій произнесъ на русскомъ языкѣ рѣчь, приличную настоящему торжеству. По прочтеніи рѣчи, пѣвчіе пѣли, съ аккомпанированіемъ музыкальныхъ инструментовъ, хоръ, нарочно на сей случай сочиненный. Потомъ г. ординарнымъ профессоромъ ст. сов. и кав. Сандуновымъ читана ода, сочиненная на сію достопамятную эпоху е. п. попечителемъ университета П. И. Г. Кутузовымъ. Въ заключеніе пѣтъ былъ второй хоръ съ аккомпаниранаіемъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ огромнаго оркестра, которымъ управлялъ извѣстный россійскій виртуозъ Кашинъ. Наконецъ почтеннѣйшіе посѣтители угощаемы были завтракомъ. Въ вечеру въ сей день, равно какъ и въ предыдущіе два дня и въ послѣдующій четвертый день всѣ зданія, принадлежащія университету, равно и домъ, гдѣ помѣщается московская губериская гимназія, были прекрасно иллюминованы, а предъ главнымъ корпусомъ находилась прозрачная аллегорическая картина, сочиненная и рисованная учителемъ рисованія Плетеневымъ: Александръ I, въ образѣ Марса, вложившаго мечъ свой въ ножны, представленъ стоящимъ на верху земного полушарія. Съ одной стороны, видна освобожденная имъ Европа, простирающая къ нему руки съ устремленнымъ на него взоромъ удивленія, любви и благодарности. Александръ, возстановляя Европу, указываетъ на всевидящее око, бдящее надъ нимъ въ блескѣ небеснаго свѣта, знаменуя тѣмъ, что спасеніе ея совершилъ онъ помощію Бога; разорванныя цѣпи, падающія съ руки Европы, означаютъ совершенное избавленіе ея отъ ига. Съ другой стороны, муза Кліо пишетъ дѣянія Александра; на доскѣ ея начертаны годъ достопамятныхъ событій и день взятія столицы французскаго государства. У ногъ героя, Россійскій орелъ мещетъ молніи на убѣгающее чудовище, которое терзало Европу, а нынѣ низвергнуто Царемъ-героемъ. На полушаріи видны славные города Франціи: Парижъ, Бордо и Ліонъ, какъ важнѣйшія мѣста нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій.

101.

Яко моему истинному и единственному благодѣтелю, сообщаю мнѣніе мое, читанное въ сенатѣ,—мнѣніе, коему по безумію гр. Ростопчинъ и по злобѣ противорѣчитъ, но искусно говоря, что сего мало, нѣкоторые подлые пресмыкающіеся и трепещущіе предъ нимъ, и мо-

жетъ быть составятъ (sic) большинство голосовъ, по коему сіе и хотятъ рѣшить, а потому я и желалъ, чтобы в. с. о семъ предварительно знали, и сдѣлали милость сію бумагу сообщили и слухъ оный сдѣлали гласнымъ, дабы видѣли какъ мой образъ мыслей, такъ безуміе, злобу и подлость другихъ.

Москва. 30 Апрѣля 1814 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разсужденіе сенатора Голенищева-Кутузова, читанное въ чрезвычайномъ правительствующаго сената московскихъ департаментовъ общемъ собраніи, бывшемъ Апрѣля 29-го дня 1814 года.

Когда не токмо Россія, торжествующая надъ врагами, превознесенная и поставленная на верхъ могущества и славы безсмертными подвигами великаго Монарха своего, но и вся Европа, болѣе скажу—весь міръ восхищены, получивъ новую жизнь, новое бытіе, отъ десницы самимъ Богомъ управляемаго Александра I, паче всѣхъ земныхъ владыкъ величествомъ возсіявшаго,—то какіе тріумфы, какіе вѣнцы, какія похвалы, какіе обелиски, какія изваянія величія его достойны? Какое названіе, какое нареченіе изобрѣсти возможно и болѣе прилично, какъ имя великаго? и кому оно принадлежитъ болѣе, нежели ему? ибо не лестію оно ему присвоивается, не малымъ числомъ голосовъ провозглашается, но дѣяніями его пріобрѣтено и милліоны народовъ, единогласныя души и уста Европы восклицаютъ: Александръ великъ! Отъ сѣвера до полудня, отъ востока до запада, всѣ народы, не токмо просвѣщенные, чувствующіе цѣну жизни и бытія, но и обитатели знойныхъ степей Африки и снѣгами покрытые дикари острововъ льдистаго океана, должны признать, должны наименовать его великимъ на всѣхъ языкахъ; ибо ежели бы непобѣдимая рука Александра не низложила кровожаднѣйшаго общаго врага, то безпредѣльное сего тирана властолюбіе простерло бы желѣзной скиптръ его во всѣ четыре страны міра, и, въ необузданномъ стремленіи, достигло бы всѣхъ народовъ, постигло бы всѣ племена земныя, разрушило бы ихъ благоденствіе, низвергло бы ихъ въ бездну золъ, поелику безумному славолюбію сего чудовища и обладаніе вселенною казалось мало. Единый Александръ избавилъ цѣлый міръ.

А потому всѣми сердцами и устами нареченному Великимъ Августѣйшему Монарху вся Россія чрезъ правительствующій сенатъ, яко органъ правды, яко орудіе всеобщаго гласа, обязана всеподданнѣйше Е. И. В. просить о принятіи титла Великаго, паче всѣхъ Царей ему принадлежащаго и восторгами всего міра утверждаемаго.

А ежели бы Е. И. В., по безпримѣрной его скромности и небесному смиренномудрію, и отрекся отъ сего подносимаго ему Россіею и вселенною именованія, тогда верховное судилище, яко провозвѣстникъ всякія истины и доблести, да преклонитъ благоговѣйно со всѣмъ отечествомъ колѣна предъ Богоподобнымъ Монархомъ, да умоляетъ его принять имя великаго и на всѣхъ концахъ земли повторится: „Россіяне! вы исполнили обязанность благодарныхъ сыновъ отечества". Живи безчисленные годы ко благу всего міра, Александръ 1-й, Александръ Великій!

102.

Положеніе, въ каковомъ находится ввѣренный мнѣ учебный округъ, бывшій театромъ войны кровопролитной и опустошительной, требуетъ какъ помышленія о возстановленіи всѣхъ учебныхъ заведеній, разореніе потерпѣвшихъ, такъ и неукоснительныхъ мѣръ къ произведенію того въ дѣйство. Разрушеніе зданій университета и прочихъ училищныхъ домовъ, истребленіе всѣхъ учебныхъ пособій, обязали меня сдѣлать планы и предположенія для скорѣйшаго приведенія всѣхъ учебныхъ заведеній въ то состояніе, въ каковомъ оныя для пользы отечества быть долженствуютъ. Трехмѣсячное мое здѣсь пребываніе, съ неутомимою дѣятельностію употребивъ, какъ на забраніе всѣхъ нужныхъ справокъ, такъ и на соображеніе средствъ, могущихъ быть при сихъ обстоятельствахъ удобнѣйшими, нахожу я необходимымъ, чтобы всѣ мои предначертанія представить лично в. с., сопровождая оныя изустными объясненіями, на кои приказанія в. с. или дополненія скорѣйшій и успѣшнѣйшій дадутъ дѣламъ ходъ, нежели всякое по заочности сношеніе, могущее продлиться переписками и подвержено быть съ моей стороны недоразумѣніямъ; чрезъ что продлится только время и не приведены будутъ во исполненіе и таковые даже предметы, кои въ ихъ возстановленіи по самой необходимости отсрочки не терпятъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, излагаемымъ единственно отъ усердія моего къ службѣ и отъ заботливости о пользахъ ввѣренныхъ мнѣ мѣстъ, почитая присутствіе мое въ С.-Петербургѣ необходимымъ, всепокорнѣйше прошу в. с. исходатайствовать мнѣ отъ комитета гг. министровъ позволеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ на неопредѣленный срокъ, ограничивая оное пребываніе такимъ временемъ, какое в. с. будете почитать нужнымъ для соображенія всѣхъ плановъ, кои буду имѣть честь вамъ представить.

Мая 3 дня 1814 года. Москва.

103.

Я поставленъ въ необходимость писать къ в. с. партикулярное письмо, ибо не могу оффиціально писать о томъ, что̀ для свѣдѣнія в. с. нужно, но дабы не обременить вашего вниманія, то сокращу мои объясненія, ограничиваясь токмо самыми необходимыми слѣдующими пунктами:

1) Графъ Викторъ Павловичъ [1]) писалъ ко мнѣ о г. Спадѣ письмо, съ коего копію у сего прилагаю, равно и съ тѣхъ бумагъ, кои были онаго письма послѣдствіемъ. В. с. изволите изъ оныхъ усмотрѣть какъ охотность мою сдѣлать угодное графу Виктору Павловичу, такъ и предстоящія мнѣ въ томъ препятствія со стороны совѣта; почему и прошу васъ покорнѣйше въ милость мнѣ сдѣлать одно изъ двухъ: 1) предписать совѣту о избраніи въ члены г. Спада, или буде вамъ сего не угодно, то 2) принять на себя трудъ—оправдать меня предъ гр. В. П. и изъяснить ему, что я въ угодность ему сдѣлалъ все отъ меня зависящее.

2) Ректоръ в. с. будетъ писать, что профессоръ Чеботаревъ, будучи въ параличѣ, близъ году не отправляетъ должности непремѣннаго засѣдателя, отчего въ правленіи и по дѣламъ остановка; я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ и желалъ бы, чтобы Чеботаревъ подалъ просьбу, но онъ сего не дѣлаетъ, то не угодно ли будетъ в. с., не ожидая моего представленія, предписать объ увольненіи его отъ сей должности и объ избраніи на мѣсто его другого.

3) Необходимо также нужно, чтобы в. с. изволили сдѣлать формальное предписаніе о введеніи въ должность Сущова, ибо безъ него типографія, толь важный доходъ составляющая, придетъ въ совершенную разстройку, а для занятія его мѣста способнаго человѣка мы истинно въ виду ни кого не имѣемъ.

4) О смѣнѣ проректора Демидовскаго училища, Герасима Покровскаго, по вашему приказанію, отъ меня предписано, но во извиненіе его осмѣлюсь изъяснить, что въ упущеніи по демидовскимъ вотчинамъ дѣлался онъ виновнымъ отъ простодушія, излишней кротости и недостатка въ твердости, но совсѣмъ не отъ видовъ корыстныхъ, или пристрастныхъ, въ чемъ за него со мною поручится всякъ, кто его знаетъ.

5) Ради Бога и для любви Христовой прошу в. с. дать предписаніе о выдачѣ жалованья профессору Суворову со дня возвращенія университета въ Москву по 1-е мая. Онъ съ многочисленнымъ семействомъ истинно въ жалкомъ состояніи и безъ куска хлѣба. Ежели бы Николай Семеновичъ Мордвиновъ не далъ бы ему убѣжища въ своей

[1]) Кочубей, впослѣдствіи князь и канцлеръ, р. 1768 † 1834.

подмосковной, то бы ему негдѣ было и головы приклонить. Онъ сердцемъ и духомъ россіянинъ, а притомъ истинный христіанинъ. Вы по милосердію вашему и надъ Штёльцеромъ сжалились, то могу ли я думать, чтобы вы оставили безъ всякой помощи Суворова.

Мая 11 дня 1814 года. Москва.

104.

По письмамъ изъ Петербурга, полученнымъ отъ нѣкоторыхъ особъ, вѣроятія достойныхъ, подтверждается слухъ, яко бы Государь Императоръ, прежде нежели изволитъ пріѣхать въ Петербургъ, намѣреніе имѣетъ изъ арміи чрезъ Вѣну и Каменецъ-Подольскій прямо пріѣхать въ Москву. На такой случай покорнѣйше прошу в. с. снабдить меня вашими наставленіями; а при томъ такъ какъ съ вѣроятіемъ ожидать должно, что по разнымъ предметамъ какъ насчетъ университета, такъ и вообще министерства просвѣщенія отъ здѣшняго начальства будутъ дѣлаемы разныя представленія Государю, о семъ уже я и слышалъ толки, то не разсудите ли за благо в. с. предварительно и на встрѣчу Государю Императору представить, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, благоволилъ онъ меня призвать и требовать отъ меня объясненій, кои я со всею вѣрноподданническою искренностію и твердостію буду имѣть счастіе Е. И. В. представить.

P. S. Изволили ли получить в. с. двѣ моихъ оды, одна 21-го Апрѣля, другая 4-го Мая къ вамъ отправлены, я извѣстія не имѣю.

Мая 14 дня 1814 года. Москва.

105.

Въ дополненіе къ документамъ, по вчерашней легкой почтѣ посланнымъ, имѣю честь представить в. с. краткую записку о ходѣ дѣла, изъ коей изволите увидѣть, что уже отъ сената не ошибкою сдѣлано. А притомъ за нужное почитаю извѣстить васъ, что здѣсь отыскиваются книги яко зловредныя и запрещенныя по реестру здѣсь прилагаемому [1]), лавки печатаются, гдѣ оныя найдутся, а торговцы берутся подъ стражу. До университетской лавки еще не коснулись, а потому я оффиціально и не доношу в. с.; но говорятъ, что и по домамъ сіи книги отыскиваемы и отбираемы будутъ; и ежели и это будетъ, то вступиться некому. Какія изъ этого послѣдствія будутъ, не знаю и отдаю в. с. на заключеніе.

P. S. При всѣхъ сихъ вздорахъ, ей-ей невозможно отъ смѣха удержаться, до какой глупости злоба доходитъ. Здѣсь обожатели под-

[1]) Реестра этого не находится.

ные, всякаго безумія (sic), не читавъ, не видавъ сихъ книгъ, разглашаютъ, что они присланы были отъ Бонапарте въ прошломъ годѣ, и что онъ велѣлъ ихъ перевести и распустить, дабы сдѣлать революцію, а невѣжи сіи не знаютъ, что нѣкоторыя изъ сихъ книгъ напечатаны 1784 года.

Мая 21 дня 1814 года. Москва.

106.

Еще въ бытность мою въ Петербургѣ, словесно имѣлъ я честь доносить в. с., что между Невзоровымъ и членами правленія университета возникаютъ раздоры, кои я думалъ по возвращеніи моемъ сюда укротить и примирить. Болѣе трехъ мѣсяцевъ о томъ заботился, но никакъ въ томъ не предуспѣвъ, принужденъ дать законное теченіе бумагамъ. Невзоровъ подалъ доносъ, совершенно пустой и съ горяча написанный, я препроводилъ оный въ правленіе при предложеніи, съ коего копію у сего для предварительнаго вашего свѣдѣнія представляю, а что̀ окажется потомъ, я оффиціально доносить буду. Между тѣмъ, такъ какъ ожидаю, что отъ Невзорова и къ в. с. дойдутъ бумаги, то и предваряю васъ о семъ, дабы вамъ извѣстно было, что уже законный ходъ дѣлу данъ по собственному его желанію. Но такъ какъ вчерашняго дня поступила отъ него-жъ, Невзорова, на 7-ми большихъ листахъ огромная бумага, подающая подозрѣніе, что онъ въ умѣ помѣшался, что и прежде съ нимъ бывало, то и о семъ почитаю нужнымъ васъ предувѣдомить, а по переписаніи оной бумаги, точную копію в. с. представлю.

Іюня 1-го дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Копія.

Императорскаго московскаго университета правленію.

Директоръ типографіи колл. сов. Невзоровъ, сего года, Мая 19-го дня, подалъ мнѣ рапортъ, въ коемъ доноситъ мнѣ о предполагаемомъ имъ, будто бы, дѣланномъ по распоряженіямъ правленія, незаконномъ употребленіи разныхъ суммъ, типографіи принадлежащихъ, такъ и о томъ, якобы правленіе какъ въ разсужденіи его самого дѣйствовало притѣснительнымъ для него образомъ и что по точнымъ словамъ, въ его рапортѣ изъясненнымъ: *„жестокость и невниманіе членовъ университетскаго правленія къ бѣдности чиновниковъ и рабочихъ людей типографіи принуждаютъ его сдѣлать мнѣ сіе донесеніе.* Разсмотрѣвъ оный рапортъ и обязанъ будучи не оставить безъ вниманія тѣхъ

пунктовъ, кои представляются въ видѣ формальнаго извѣта, препровождаю оный г. Невзорова рапортъ въ подлинникѣ и предлагаю правленію: 1) войти въ подробнѣйшее и точнѣйшее того рапорта разсмотрѣніе и доставить мнѣ по пунктамъ онаго надлежащее удовлетворительное объясненіе; 2) дѣла, касающіяся до выдачи денегъ какъ купцу Колокольникову, такъ и типографскимъ служителямъ, рѣшить на законномъ основаніи немедленно и какъ наискорѣе; 3) о всѣхъ послѣдствіяхъ къ исполненію сего относящихся сдѣлать мнѣ донесеніе. На подлинномъ подписано: Павелъ Г. Кутузовъ.

№ 408.

Мая 22 дня 1814 года.

107.

Сего года, Мая 21-го дня, чрезъ здѣшній почтамтъ подъ № 401 отправлено къ в. с. донесеніе мое, касающееся до отношенія, сдѣланнаго ко мнѣ здѣшнимъ г. главнокомандующимъ по дѣлу профессора Штёльцера съ разными къ оному дѣлу принадлежащими нужными приложеніями, и какъ до нынѣ о полученіи онаго не имѣю отъ в. с. отзыва и какъ по важности дѣла, такъ и по расчисленію времени, а при томъ зная, что в. с. никогда по важнымъ дѣламъ резолюціями вашими не замедляете, побуждаюсь я думать, что вышепрописанное мое отношеніе до в. с. не достигло.

№ 468.

Іюня 10 дня 1814 года. Москва.

108.

Имѣя вѣрный случай къ в. с. писать, елико можно кратко, дабы не обременить васъ, скажу только то, что̀ самое нужное: 1) По образу дѣйствованія гр. Ростопчина, здѣсь никакому человѣку честному и съ правилами жить невозможно, поелику шпіонство дошло до такой степени, что слугъ нашихъ поятъ виномъ, и угрозами къ доносамъ на господъ принуждаютъ, отъ чего ожидать должно, что или онъ, или наши люди насъ давить будутъ. 2) Инквизиція надъ книгами продолжается, и надъ такими, кои въ 1782 году печатаны, съ таковыми разглашеніями, что въ нихъ корень всѣхъ золъ и бѣдствій отечества, а какія то̀ книги, я уже къ вамъ писалъ. 3) Не хочу, и языкъ мой не поворотится, ниже перо мое подвигнется выразить всей мерзкой блевотины, которую онъ на васъ лично изрыгаетъ, къ чему также способствуетъ облагодѣтельствованный вами *Штельцеръ*, для коего вы, по безпредѣльному вашему человѣколюбію, приняли трудъ дать пять пред-

ложеній. А этотъ бездѣльникъ, бывъ призыванъ и допрашиваемъ гр. Ростопчинымъ, объявилъ, что отъ васъ имѣетъ тайное приказаніе остаться въ Москвѣ для сохраненія Горенокъ, и что сіе доказывается тѣмъ, что вы въ пользу его дали пять бумагъ, и объявилъ, что ему и жалованье и квартирныя деньги, по вашему приказу, производятся, что все у гр. Ростопчина записано и Штёльцеромъ подписано.

Вотъ такъ-то, в. с., дѣйствуетъ человѣкъ, предавшій отечество, и за коего вы на меня гнѣваетесь. Такъ-то и г. Мартыновъ васъ ко гнѣву на меня возбуждаетъ; извольте-ка посмотрѣть въ 35, 36 и 37 №№ книжекъ объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія статью: *теорія удовольствій*, не явно ли тутъ чистый матеріализмъ на страницахъ 320 и слѣдующихъ. Вотъ что̀ г. Мартыновъ выдаетъ, а потомъ какъ до чего дойдетъ, то скажетъ, что вы приказали. Это сто разъ хуже Ансильона, за коего знаете сами, что произошло. Повѣрьте в. с., что я говорю и пишу изъ одной христіанской къ вамъ любви и приверженности. Вы писали къ Осипу Алексѣевичу, что я мѣсто потеряю! Думаете ли вы, что я сего боюсь? Господь Спаситель мой всегда со мною; Онъ меня не оставитъ, Онъ вамъ откроетъ глаза и дастъ вамъ зрѣть всю мерзость Мартынова, коему вы вѣряетесь ко вреду вашему и коего если бы не было при васъ, то вы бы были много довольны да и всѣ вами бы были довольны. Спросите общаго голоса, что̀ говорятъ про Мартынова: онъ продаетъ экзамены, чины и васъ самихъ—и продаетъ вашимъ врагамъ; отъ даже съ гр. Ростопчинымъ въ перепискѣ; онъ лютый врагъ нашему ордену и пишетъ сюда, что онъ откроетъ о насъ всѣхъ, что мы бонапартисты. Ради Бога, молю васъ, отпустите его съ честью, возьмите честнаго христіанина. Вы и всѣ ваши подчиненные будутъ спокойны и довольны. Мало ли честныхъ и способныхъ людей? а вы къ Мартынову привязались и отъ этого страждетъ все, что̀ вамъ подчинено. Спросите по совѣсти у добрыхъ людей: что̀ вамъ скажутъ про Мартынова? вольнодумецъ, интересанъ, бездѣльникъ, лицемѣръ, ничего святого неимѣющій. Люблю васъ до безконечности, а потому и больно видѣть, что вы змія ядовитаго при себѣ имѣете.

Совѣсть, долгъ, честь, благодарность, любовь, все это вкупѣ осмѣлило меня къ вамъ сіе написать! Господь да откроетъ вамъ глаза: ежели теперь не повѣрите, то будете жалѣть. Я въ душѣ моей спокоенъ и ничего не желаю, кромѣ уединенія. Вы оду мою ногами потоптали: Богъ съ вами! Вы не отвѣчали и на полученіе оной! что̀ мнѣ нужды! Господь все видитъ и судитъ! Онъ васъ проститъ и помилуетъ.

За нужное почитаю васъ увѣдомить, что петербургскій почтъ-директоръ есть преданнѣйшій рабъ гр. Ростопчина, который самъ говоритъ, что прежде нежели къ кому что̀ сюда дойдетъ, онъ чрезъ него все знаетъ, и что все, что̀ онъ велитъ передавать, то исполняется. Та-

кимъ-то образомъ и не дошло до васъ мое донесеніе отъ 21-го Мая, на которое по сіе время я не имѣю отзыва. Да и къ Дмитріеву и къ брату моему мои письма перехватываютъ, чего однако не боюсь, потому что съ обоими моя переписка такого рода—всякій читать можетъ. Однако-жъ я отъ нихъ достовѣрно знаю, что письма мои отъ 21 Мая до нихъ не достигли, ибо гр. Ростопчинъ зналъ, что я о немъ буду писать. Впрочемъ, я не могу не желать отсюда выѣхать.

Москва. Іюня 10-го (1814).

109.

На сей почтѣ посылая оффиціальное в. с. представленіе о возобновленіи контракта съ хозяиномъ нанимаемаго для университета дома, за нужное поставляю вниманію в. с. представить слѣдующія мои разсужденія: 1) Хотя я и представляю в. с. о семъ нынѣ нанимаемомъ домѣ, но такъ какъ Николай Никитичъ Демидовъ предлагаетъ внаймы свой домъ, въ Слободѣ состоящій, домъ большой, огромный, съ садомъ и рядомъ съ вашимъ садомъ находящійся, то не благоугодно ли будетъ в. с. съ нимъ снестись, и я увѣренъ, что онъ по честолюбію своему и по желанію, дѣлая пользу мѣсту, вкупѣ и вамъ угодить, ежели не даромъ, то, по крайней мѣрѣ, за весьма малозначущую сумму свой домъ отдастъ, а можетъ быть и даромъ на годъ, что̀ по его богатству ничего не сто̀итъ. А такъ какъ, по пословицѣ, даровому коню въ зубы не глядятъ, то хоть и далеконько, но все лучше имѣть домъ даромъ, нежели платить по 7000 въ годъ найма. 2) Тотъ или другой домъ, но все уже достовѣрно то, что нельзя обойтись, чтобы не нанять и, конечно, не менѣе какъ на годъ, ибо нѣтъ никакой надежды, чтобы прежде сего времени могъ университетъ получить какое-либо готовое казенное зданіе для своего помѣщенія и какъ въ Августѣ мѣсяцѣ срокъ минетъ нанимаемому нынѣ дому, то уже покорнѣйше прошу в. с. или съ Демидовымъ какъ нибудь уладить, или по представленію наемъ прежняго дома утвердить.

Іюня 29 дня 1814 года. Москва.

110.

Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ моихъ къ в. с., нужнымъ нахожу партикулярно писать къ вамъ со всепокорнѣйшею просьбою обратить вниманіе на слѣдующіе предметы:

1) Отправивъ къ в. с. копію съ бумаги Невзорова и партикулярно же писавъ къ вамъ обо всемъ, до него касающемся, просилъ я вашего наставленія объ образѣ дѣйствованія съ нимъ, Невзоровымъ, потому

болѣе, что безъ онаго наставленія не смѣлъ я, не предваривъ васъ, оффиціальное сдѣлать о семъ донесеніе; на что́ отъ васъ разрѣшительнаго изъясненія, хотя партикулярнаго, воли вашей ожидаю. Сіе нужно тѣмъ болѣе, что поступки Невзорова становятся день ото дня хуже, а въ крутѣ (sic) поступить я не смѣю по причинамъ, о коихъ въ предъидущемъ моемъ къ в. с. письмѣ имѣлъ вамъ объяснить подробно.

2) Изъ самаго сего положенія дѣлъ типографіи в. с. изволите сами заключить, сколь необходимо нужно формальное отъ васъ предписаніе о введеніи въ должность Сущова, коимъ, какъ вамъ извѣстно, всегда типографія поддерживалась, и коего не можемъ мы употребить, тѣмъ паче, что Невзоровъ сему противится, представляя въ резоны нахожденіе Сущова подъ судомъ. А отъ сего удаленія Сущова и отъ безумныхъ дѣйствій Невзорова, типографія и ея служители день ото дня въ вящшій приходятъ безпорядокъ. Почему и прошу в. с. сдѣлать милость университету и снабдить меня предписаніемъ о введеніи Сущова въ должность.

3) Извѣстный в. с. Спада писалъ ко мнѣ неоднократно объ избраніи его въ почетные члены университета; я не могу дать о семъ предложенія, ибо онъ баллотированъ былъ и большинство голосовъ не въ его пользу, о чемъ я партикулярно в. с. доносилъ; а поелику вамъ оффиціальнаго о семъ донесенія не сдѣлано, то буде вы захотите оказать милость Спадѣ, можете оффиціально мнѣ предписать объ избраніи его въ члены. Гр. Викторъ Павловичъ, пріемля въ немъ участіе, писалъ ко мнѣ о семъ весьма убѣдительно; да всеконечно говорилъ и в. с., то мнѣ кажется, что для него можно сіе удовольствіе сдѣлать. Но это можете вы, а не я, ибо ко мнѣ дошло донесеніе совѣта, а къ вамъ не дошло.

4) Касательно моей поѣздки въ С.-Петербургъ, не распространяяся много, скажу только, и какъ начальнику, и какъ благодѣтелю, что для пользы нашего корпуса, для вашего собственнаго спокойствія, необходимо нужно, чтобы я скорѣе пріѣхалъ, и при свиданіи съ вами буду имѣть честь ясно доказать в. с., что сего требуютъ важнѣйшія и сокровеннѣйшія обстоятельства, о коихъ не иначе, какъ изустно объявить вамъ могу.

Іюля 6 дня 1814 года. Москва.

111.

Когда в. с. изволили мнѣ дѣлать запросъ касательно опредѣленія въ ученые секретари въ медико-хирургическую академію профессора Котельницкаго [1]), тогда я сдѣлалъ по совѣсти моей одобрительный

[1]) Василій Михайловичъ Котельницкій, р. 1770 † 1844. Ординарный профессоръ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности.

немъ отзывъ; въ то же время имѣлъ честь писать къ в. с. и о томъ, что профессоръ Мухинъ, по моему мнѣнію, безвинно притѣсняемый, долженъ быть оправданъ. Но какъ до нынѣ по его дѣлу никакого еще предписанія отъ в. с. не послѣдовало, то сей достойный человѣкъ находится въ самомъ горестномъ о своей участи недоумѣніи, тѣмъ болѣе для него прискорбномъ, что онъ, по чувствованіямъ своимъ и по мнительности, думаетъ, что могъ быть обнесенъ предъ в. с. Я какъ и прежде имѣлъ честь къ вамъ писать, такъ и нынѣ повторить осмѣливаюсь, что, зная г. Мухина, какъ отличнаго профессора, а при томъ и какъ честнаго человѣка, не могу не принимать участія въ его положеніи, равно и не могъ отказать ему въ томъ, чтобы съ покорностію в. с. о немъ напомнить, съ присовокупленіемъ моего разсужденія, что г. Мухинъ, извѣстный какъ по своей дѣятельности въ изданіи многихъ книгъ, такъ и въ искусствѣ по его профессіи можетъ быть и университету и академіи крайне полезенъ, ежели онъ будетъ ободренъ, и поддержанъ будетъ духъ его крайне унывающій отъ стеченія сихъ непріятныхъ для него обстоятельствъ; а сіе нужно тѣмъ болѣе, что во всей Москвѣ онъ единственный профессоръ анатоміи и замѣнить его не кѣмъ.

Сверхъ сей матеріи пріемлю смѣлость всеусердно в. с. просить, яко христіанина, яко министра, яко сына отечества и яко человѣка чувствительнаго, принять трудъ прочитать приложенную у сего записку, которая, сколько я понимаю, особаго вашего вниманія достойна [1]).

Іюня 13 дня 1814 года. Москва.

112.

За должное почитаю в. с. донести, что е. с. графъ Ѳ. В. Ростопчинъ завтрашняго утра, то-есть сего Іюня 28-го числа, во вторникъ, непремѣнно отправляется отсюда въ С.-Петербургъ.

Іюня 27 дня 1814 года. Москва.

113.

Доставивъ в. с. при донесеніи моемъ отъ 20-го числа Декабря, прошлаго 1813 года, за № 852, первую часть сочиненной профессоромъ московскаго университета и докторомъ д. с. с. Рихтеромъ книги подъ названіемъ: „Исторія медицины въ Россіи“, имѣю честь представить при семъ посвященный Е. И. В. той же самой книги русскій переводъ, имъ, Рихтеромъ, сдѣланный и напечатанный на собственный его коштъ. И такъ какъ я уже въ прежнемъ донесеніи

[1]) Записки этой при письмѣ не находится.

моемъ в. с. изъяснялъ о пользѣ и изящности помянутой книги, то нынѣ ничего болѣе мнѣ не остается какъ предоставить волѣ в. с. поднести прилагаемый у сего экземпляръ Е. И. В., буде вы оный признаете сего счастія достойнымъ и вмѣстѣ съ симъ обратите Высочайшее вниманіе Государя Императора на труды г. Рихтера, исходатайствованіемъ ему всемилостивѣйшаго награжденія орденомъ святого Владиміра 3-й ст. въ согласность сдѣланнаго мною в. с. перваго о семъ представленія.

№ 640.

Августа 3 дня 1814 года. Москва.

114.

Не нахожу словъ ко изъявленію в. с. чувствованій сердечной и безпредѣльной признательности за исходатайствованіе мнѣ великомилостивѣйшаго соизволенія на пріѣздъ мой въ Петербургъ, къ чему сугубую в. с. присовокупили мнѣ милость сохраненіемъ жалованья и столовыхъ денегъ. Самъ Господь Богъ да помилуетъ васъ за толикое благодѣяніе, коего я цѣну умѣя чувствовать, не могу ничѣмъ вамъ воздать какъ грѣшными моими молитвами, коихъ приноситъ о васъ въ моемъ недостоинствѣ Господу я ни единъ день не преставалъ и во всю мою жизнь не престану. Повѣрьте в. с., что сія поѣздка не столько для меня самого нужна, сколько для блага нашего корпуса, ибо ей-ей, Богъ то вѣдаетъ, что всѣ почести, всѣ выгоды міра сего, весьма уже давно не влекутъ моего сердца и не ослѣпляютъ разума, ибо истинно я нашелъ увѣреніе и ощутилъ всю силу того, что·едино есть на потребу. Иногда, правда, по слабости моей, воздыхаю, но не о почестяхъ, а о кускѣ насущнаго хлѣба, который имѣю весьма малый, и для меня и для моего семейства недостаточный. Вотъ только то, что̀ я иногда себѣ позволяю желать, но и въ томъ возлагаю печаль свою на Господа, миловавшаго и не оставлявшаго меня доселѣ, а паче въ крестной моей жизни, теплотою упованія на него и милостію меня утѣшавшаго.

Я бы весьма скоро отсюда поѣхалъ, но вамъ, яко моему благодѣтелю, открою удерживающія меня здѣсь причины, о коихъ оффиціально доносить не могу: 1) Здѣсь кое-какія бумаги непремѣнно надобно обработать и изготовить. 2) Свѣдѣнія разныя забрать, равно смѣты и планы. 3) Съ бѣдными моими финансами уладить такъ, чтобы семейству здѣсь на прожитокъ оставить, да и самому съ нужнымъ пособіемъ ѣхать. 4) У меня болятъ глаза, ибо я ихъ вычиталъ и выписалъ, да и слезъ въ мой вѣкъ пролито довольно и горестныхъ и радостныхъ, то и боюсь при холодной погодѣ пуститься въ путь съ

глазами красными и съ трудомъ глядѣть могущими, а паче по вечерамъ. Болѣзнь не опасная, но безпокойная и хочется нѣсколько глаза поукрѣпить, дабы не испортить ихъ болѣе и совсѣмъ не ослѣпнуть.

Вотъ, м. г., все, что̀ на сей разъ съ откровеннымъ сердцемъ вамъ сказать имѣю; молю и непрестанно молить буду Господа Бога, да даруетъ онъ вамъ всѣ сокровища Его милости и благодати, а мнѣ счастіе вскорѣ васъ увидѣть здраваго и благоденствующаго и изъявить предъ вами устами и сердцемъ чувствованіе безпредѣльной приверженности, глубочайшаго почитанія и неизгладимой благодарности.

P. S. Отъ сердца поздравляю васъ со внучкою, вчера я былъ на ея крестинахъ.

Августа 10 дня 1814 года. Москва.

115.

Простите меня великодушно, что я вновь в. с. обременяю партикулярнымъ письмомъ, которое по обстоятельствамъ необходимо и должно вмѣщать хотя предметы, не могущіе оффиціально быть представлены, но не менѣе того для пользы университета нужные.

По безпредѣльной вашей любви къ отечеству и къ наукамъ, по особенному благоволенію вашему къ университету и по отеческому о благѣ его попеченію, я, конечно, увѣренъ, что вы и для незабвенной вамъ славы пожелаете, чтобы университетъ помѣщенъ былъ въ зданіи готовомъ и удобномъ и что чѣмъ скорѣе сіе исполнится, тѣмъ вамъ самимъ пріятнѣе будетъ. Смѣю предложить мои мысли къ произведенію сего въ дѣйство:

1) Домъ Степана Степановича Апраксина [1]) совершенно готовъ, прекрасно отдѣланъ и столь обширенъ, что университетъ со всѣми своими пособіями и со всѣми людьми спокойнѣйшимъ образомъ помѣститься можетъ. Я домъ сей осматривалъ, весь обходилъ, и планы его видѣлъ. Онъ квадратный и каждый фасъ до 70 саженъ длинникуу.

2) Сей домъ за 600,000 руб. пріобрѣтенъ быть можетъ, съ переводомъ долга казеннаго и съ уплатою третьей части наличною суммою, что̀ мы легко сдѣлать можемъ, ежели позволено будетъ употребить на сіе сумму, опредѣленную на переводъ университета въ казармы, буде неотмѣнно будетъ сіе предложеніе, которое не прежде какъ года черезъ 3 можетъ быть исполнено.

3) Выгода въ семъ та, что, пріобрѣтая домъ прекрасный, удобовмѣстительный и со всѣмъ яко замокъ отъ другихъ зданій отдѣленный, университетъ въ семъ же году можетъ въ оный перемѣститься и прекратить какъ наймы, такъ и произвожденіе квартирныхъ денегъ

[1]) У Арбатскихъ воротъ, нынѣ Александровское училище.

профессорамъ и адъюнктамъ, кои всѣ безъ изъятія помѣстятся, ибо домъ расположенъ такимъ образомъ, что никакой передѣлки не требуетъ, развѣ самой малой и ничего незначущей. NB. Даже кухней много и совсѣмъ отдѣльныхъ, а огромныя залы и гостиныя весьма удобны для помѣщенія музеевъ и библіотеки.

4) Подробнѣе объ условіяхъ и удобностяхъ пріобрѣтенія сего дома самъ хозяинъ будетъ имѣть честь в. с. объяснить, ибо онъ ко мнѣ о семъ писалъ.

5) Ежели в. с. изволите одобрить сіе преднамѣреніе, внушаемое мнѣ единственно усердіемъ къ пользѣ ввѣреннаго мнѣ мѣста и желаніемъ какъ наискорѣе привесть оное въ полную дѣятельность и прежній блескъ, то и себѣ самимъ поставите вѣчный памятникъ въ сердцахъ всѣхъ сыновъ отечества, ибо всѣ поколѣнія будутъ помнить, что въ ваше министерство содѣлалось событіе необыкновенное, т.-е. что древнее святилище музъ, въ конецъ разоренное, чрезъ два года по изгнаніи непріятеля, изъ пепла своего яко фениксъ возродилось и новымъ сугубымъ блескомъ возсіяло. Чѣмъ оно обязано единственно вамъ будетъ и чего изъ лѣтописей наукъ и самаго отечества ни сама рука времени никогда не изгладитъ.

6) Ежели в. с. удостоите сей проектъ вниманія и позволите мнѣ, то я тогда только рѣшусь сдѣлать о семъ оффиціальное представленіе со изъясненіемъ всѣхъ выгодъ и съ присовокупленіемъ какъ плановъ, такъ и фасадовъ онаго дома.

Августа 10 дня 1814. Москва.

116.

За нужное почитаю в. с. донести, что Невзоровъ отъ сдѣланнаго выговора и увѣщанія не только не укротился, но въ пущую вошелъ ярость и, произнося весьма непристойныя на счетъ васъ слова, объявилъ, что онъ будетъ доносить на васъ, на меня и на правленіе университета о злоупотребленіяхъ какъ въ университетѣ, такъ и во всемъ министерствѣ просвѣщенія происходящихъ, прибавя утвердительно, что онъ пошлетъ бумаги: 1) къ Государю; 2) въ сенатъ; 3) къ министру юстиціи. О всемъ томъ его поступкѣ, какъ и объ отрѣшеніи его отъ должности, ежели не успѣю по сей тяжелой почтѣ формальный рапортъ къ в. с. послать, то на слѣдующей легкой отправлю непремѣнно. А между тѣмъ разсудилъ я за благо и партикулярно васъ предувѣдомить; и такъ какъ никакія мѣры кротости никакой пользы не произведутъ, то, между прочимъ, не худо будетъ, ежели в. с. возьмете мѣры и съ кѣмъ заблагоразсудите снестись, чтобы въ случаѣ полученія отъ Невзорова бумагъ, оныя приняты были не иначе какъ отъ человѣка,

поврежденнаго въ умѣ, что доказывается какъ письмомъ его, съ коего копію я къ в. с. послалъ, такъ и нынѣшнимъ его поступкомъ, который засвидѣтельствовать могутъ нѣкоторые изъ членовъ университета, при коихъ то случилось. И ежели бы в. с. по его доносамъ сдѣланы были запросы, то вы, имѣя въ рукахъ вашихъ бумаги какъ Невзорова, такъ и правленія, можете сказать утвердительно, что его извѣтъ не заслуживаетъ вниманія, а тѣмъ самымъ отразите могущую послѣдовать непріятность, т.-е. наряженіе какой-либо коммиссіи, могущей имѣть видъ какъ бы университетъ и я были подъ слѣдствіемъ, которое хотя совершенно откроетъ пустоту доносовъ и невинность членовъ правленія, но не менѣе того произведетъ и слухи и впечатлѣнія весьма не хорошія.

Августа 24 дня 1814 года. Москва.

117.

Хотя Невзоровъ подалъ мнѣ еще новую бумагу, съ выпискою изъ Апокалипсиса, въ коей онъ уподобляетъ университетъ Вавилону, хотя онъ мнѣ сообщилъ въ копіи рапортъ, посланный отъ него къ в. с., но я уже не нахожу нужнымъ обременять васъ оффиціальнымъ о его поступкахъ донесеніемъ. Ежели в. с. изволите обратить вниманіе ваше на заключающія его къ вамъ рапортъ слѣдующія строки: „Въ заключеніе подвергая все сіе безпристрастному начальническому сужденію в. с. я дерзаю сказать, что послѣ безпорочной и безъинтересной моей службы, опытами доказанной, послѣ многихъ моихъ пожертвованій въ пользу университета и типографіи, при всей моей бѣдности, и послѣ, наконецъ, пожертвованія должности жизнію своею, я Богъ для университетскихъ членовъ моихъ притѣснителей, такъ какъ Моисей былъ Богомъ для Фараона египетскаго и министровъ его и такъ какъ всякій честный человѣкъ есть Богъ для нечистыхъ совѣстей. Я вѣрю совершенно, что правосудный Богъ въ защищеніе мое, такъ какъ и всякаго невиннаго, наконецъ двигнетъ небомъ и землею, сушею и моремъ“, то уже сего довольно, дабы сдѣлать о немъ заключеніе, что онъ въ совершенномъ безуміи, ибо въ полномъ разумѣ себя Богомъ Фараоновымъ и Моисеевымъ называть невозможно. А потому искренно скажу, что нѣтъ никакого способа сего человѣка успокоить, какъ развѣ кровь пустить и лечить, да и то отрѣша отъ должности, или хотя на время поруча оную другому, что совершенно отъ вашего разрѣшенія зависитъ и на оное я буду ожидать вашего предписанія.

Въ дополненіе къ посланной отъ меня по прошедшей почтѣ бумагѣ касательно дома Апраксина, прилагаю у сего еще краткую записку, заключающую мысли мои о вящшемъ еще облегченіи для универси-

тета въ пріобрѣтеніи онаго дома. Симъ средствомъ и казенный Апраксина долгъ не останется на университетѣ, ибо по продажѣ нынѣшнихъ его зданій онъ немедленно можетъ заплатить 150,000. Изъ-за чего останется заплатить не болѣе какъ 18,000, каковую сумму университетъ всегда въ наличіи у себя имѣетъ.

Августа 31 дня 1814 года. Москва.

118.

Въ дополненіе къ посланному на прошедшей почтѣ изложенію о покупкѣ дома для университета можно еще присовокупить средство, облегчающее пріобрѣтеніе дома Апраксина. Оно есть слѣдующее: Ежели нынѣшнее погорѣлое зданіе университета и принадлежащіе къ оному два уцѣлѣвшихъ корпуса, то-есть больницу и домъ Волконской и отдѣланный вновь флигель, гдѣ анатомія помѣщается, продать, то по бойкости мѣста, конечно, можно предполагать, что за все сіе строеніе дадутъ не менѣе какъ 150,000 р., поелику и за Лопухинской домъ, губернской гимназіи принадлежащій, даютъ 60,000, хотя онъ едва третью часть противу университетскихъ зданій составляетъ. Если же оныя университетскія зданія и въ казну взять разсудятъ, то думаю, что и правительство не откажетъ удовлетворенія за сіи зданія, яко за собственность университета, болѣе 30 лѣтъ ему принадлежащую, и такимъ образомъ съ употребленіемъ средствъ, предъ симъ представленныхъ, домъ Апраксина можетъ быть пріобрѣтенъ безъ всякаго правительству отягощенія и безъ требованія отъ онаго новыхъ денежныхъ пособій, какъ яснѣе еще можно усмотрѣть изъ слѣдующаго, хотя краткаго, но весьма точнаго исчисленія.

1) Въ наличіи имѣетъ университетъ	307,000 р.
2) За зданіе его получить можно	150,000 „
3) Домъ Апраксина останется въ залогѣ за	125,000 „
	582,000 „

Итакъ, къ просимой Апраксинымъ суммѣ 600,000 р. остается приплатить токмо 18,000, каковую сумму университетъ всегда у себя въ наличіи имѣетъ.

119.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ в. с. представленій съ искренностію, коею я вамъ обязанъ, долженъ я присовокупить, что вы, отрѣша Невзорова и опредѣля на его мѣсто Курбатова, двойное сдѣлаете благодѣяніе и мнѣ, и университету, ибо избавите насъ отъ человѣка сумасшедшаго и безпокойнаго и доставите намъ чиновника добраго, коего

я паче всѣхъ, да и всѣ любятъ и уважаютъ. Истинно нѣтъ возможности изъ Невзорова что-либо сдѣлать и нечего отъ него ожидать, кромѣ еще вящшихъ вздоровъ и безпокойствъ, кои всѣмъ наскучали и коимъ нѣсть конца. Онъ даже на бульварѣ проповѣдуетъ и кричитъ о приближающемся концѣ міра. Когда онъ будетъ уволенъ отъ университета, то пусть бредитъ и колобродитъ, сколько хочетъ, онъ будетъ не на нашемъ отчетѣ и полиція съ нимъ управится, а теперь онъ дѣлаетъ стыдъ и срамъ всему корпусу, а иные говорятъ, что будто нарочно этакой глупый пророкъ выпущенъ изъ университета. И повѣрьте, что другого способа нѣтъ, какъ отъ него избавиться, а когда пенсію ему дать, такъ онъ будетъ спокоенъ и мы спокойны, да и на совѣсти у насъ не будетъ, что лишили его хлѣба, слѣдовательно и въ душѣ нашей мы не будемъ предъ нимъ виновны, ибо за зло и за безпокойство имъ намъ сдѣланное заплатимъ добромъ и благотвореніемъ.

P. S. Соблаговолите рѣшеніемъ сего дѣла не замедлить, ей-ей, оно отсрочки не терпитъ, ибо типографія придетъ въ совершенную разстройку, тѣмъ болѣе, что Невзоровъ проповѣдуетъ всякій вздоръ типографскимъ служителямъ, коихъ болѣе 100 человѣкъ, и они о концѣ міра мечтаютъ. Вы можете, не ожидая разрѣшенія о его пенсіи, предписать о его увольненіи, а вмѣстѣ и о томъ, что пенсію ему исходатайствуете, не ожидая на пенсію указа, а Курбатова опредѣлить.

Сентября 3 дня 1814 года. Москва.

120.

Крайне радуюсь, что имѣю вѣрный случай писать къ в. с. о такихъ предметахъ, коихъ бы и не хотѣлъ ввѣрить почтѣ, но кои, по мнѣнію моему, для свѣдѣнія вашего нужны: 1) Сей вручитель, шуринъ мой, князь Алексѣй Долгорукій [1]), имѣющій счастіе быть в. с. извѣстенъ, прежде яко профанъ, по руководству и повелѣнію Осипа Алексѣевича, принятъ и возведенъ мною въ орденѣ нашемъ въ 3-ю степень, и есть во-истинну братъ добрый и крестнымъ огнемъ практически очищенный, ибо лишился въ короткое время всего, что въ мірѣ семъ утѣшать можетъ: жены, дѣтей, домовъ, имѣнія и всего, кромѣ милости Господней, съ помощію коею онъ выноситъ тяжкіе кресты свои яко истинный рыцарь креста. Пріемлю смѣлость просить васъ о принятіи его съ милостію и благоснисхожденіемъ, яко брата всѣмъ намъ любезнаго, и 3 мѣсяца у Осипа Алексѣевича гостившаго. 2) Работы наши продолжались съ моего пріѣзда и продолжаются въ

[1]) Князь Алексѣй Ивановичъ Долгоруковъ, † 1840 г., женатъ былъ на Дарьѣ Александровнѣ де-Лициной, † 1810.

тишинѣ, въ моемъ домѣ, по благословенію Осипа Алексѣевича, а по причинѣ перемѣны начальника, я здѣсь долженъ остаться нѣкоторое время дабы все устроить и дать ходъ, чтобы и въ моемъ отсутствіи работы продолжались; а такъ какъ пріѣзду Осипа Алексѣевича сюда мѣшало, сколько я понимаю, начальство гр. Ростопчина, то теперь я уповаю, что О. А. скоро будетъ, мнѣ дождаться его необходимо, ибо надѣюсь, что съ помощію Божіею и работы высшихъ степеней во всей формѣ устроятся. 3) О петербургской безурядицѣ получилъ я бумагу отъ О. А. и пишу на всѣ тамошніе безпорядки замѣчанія и возраженія, и когда онъ поправитъ и апробуетъ, то выпущу ее по рукамъ братьевъ для ихъ осторожности. 4) Вашъ Курбатовъ почти всякій день съ нами бесѣдуетъ и работаетъ, Фроловъ также и, по милости Божіей, они братья усердные, добрые и надежные. Я по маленьку сообщаю имъ и читаю разныя важныя рукописи, готовлю ихъ къ возведенію въ высшія степени. 5) Мы имѣемъ кандидатовъ весьма хорошихъ до десятка, готовившихся по нѣскольку лѣтъ, и кои, уповаю, скоро приняты будутъ, а единственное средство ослаблять лжеученіе и его поражать есть то, чтобы распространять истинное ученіе священнаго порядка или ордена, коего работы въ возможной чистотѣ у насъ совершаются непрерывно 9 лѣтъ и только нашествіемъ варваровъ на время прерваны были. Вотъ для свѣдѣнія вашего наши масонскія извѣстія, приступаю къ дѣламъ профанскимъ. 1) Графъ Ростопчинъ при отъѣздѣ своемъ отсюда, кромѣ многой блевотины, между прочимъ, говорилъ, что онъ везетъ документы, кои представитъ Государю и кои доказываютъ, что и вы и я приверженцы Наполеона, якобинцы и иллюминаты. Онъ это говорилъ при 50-ти человѣкахъ на пиру, который ему давали его креатуры при провожаніи. 2) Ежели Тормазовъ [1]) еще не уѣхалъ, то сдѣлайте милость поговорите ему, чтобы онъ и для дѣлъ университета со мною сблизился. ибо намъ очень нужны разныя пособія, зависящія отъ воли главнокомандующаго, въ коихъ графъ Ростопчинъ, по ненависти и злобѣ намъ отказывалъ. 3) Сдѣлайте милость, предпишите, чтобы Штедлицеръ по сдѣланной ему изъ дерптскаго университета вакансіи исключенъ былъ изъ нашего корпуса и въ Дерптъ отправленъ: онъ со всѣми профессорами перессорился, ихъ ссориваетъ (sic) [illegible] самый негодный человѣкъ, а для дерптскаго университета онъ подъ масть: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Между прочимъ извольте, буде захотите, узнать, т.-е. увѣриться, что г. Клингеръ въ [illegible] переписке и что Элизенъ, ежедневно его, Клингера, [illegible] ствуютъ и пишутъ подъ его руководствомъ. — [illegible]

[1]) Графъ Александръ Тормазовъ, р. 1752 † 1834 [illegible] дующимъ въ Москвѣ на мѣсто Ростопчина въ 1814 г.

тель! 4) Ради Бога разрѣшите поскорѣе дѣло Невзорова и опредѣлите Курбатова на его мѣсто, ибо Невзоровъ каждый день подаетъ бумаги и по завтрашней почтѣ сбирается жаловаться на васъ и на меня министру юстиціи, съ коимъ бы не худо, вамъ увидясь, предварить его, что Невзоровъ сумасшедшій, какъ изъ его къ вамъ рапорта доказать можно ясно.

Вотъ все самое нужное написалъ, и боюсь обременять васъ болѣе.

Сентября 13 дня 1864 года. Москва.

121.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, нужнымъ почитаю донести в. с. слѣдующее: 1) На отчетную вѣдомость въ двухъ тысячахъ рубляхъ, посылаемую по сей же почтѣ, при донесеніи, всеусердно прошу обратить особое ваше вниманіе, равно и на оное донесеніе. По самымъ числамъ мѣсяцевъ изволите увидѣть, что это происходило въ тѣ дни, когда непріятель былъ у воротъ и я въ положеніи самомъ затруднительномъ. Каждая же статья очищена документами оригинальными, кои у меня всѣ цѣлы и коихъ я, не могши долго отыскать, затѣмъ и замедлилъ посылкою вѣдомости; а потому смѣло скажу, что ежели кто-либо осмѣлится сказать или писать къ вамъ, плутъ или сумасшедшій, что оную сумму на свои нужды издержалъ, тотъ лжецъ и клеветникъ. Много я имѣю грѣховъ, но корыстолюбію я не причастенъ. Безкорыстіе и вѣрность суть отличительныя черты моего характера! Я бѣденъ и долженъ, но за милліоны не продамъ чести моей и вѣрности. Ежели бы я былъ взяточникъ или сребролюбецъ, то имѣлъ бы случаи нажиться. Но я сего гнушаюсь и лучше хочу терпѣть нужду, нежели корыстолюбіемъ совѣсть свою осквернить. 2) Послѣ всѣхъ бумагъ, изъ коихъ вы ясно изволили видѣть сумасшествіе Невзорова, послѣ представленія моего, по вашему же предписанію сдѣланнаго, какъ объ отрѣшеніи его, такъ и объ опредѣленіи другого на его мѣсто, остается мнѣ прибавить только, что Невзорова сумасшествіе умножается, что онъ кричитъ и проповѣдуетъ въ церквахъ и на бульварахъ, что соблазняетъ всѣхъ своею злобою, что типографію приводитъ въ разстройство и служителей въ неповиновеніе и наконецъ, что ежели вскорѣ не получимъ мы отъ в. с. предписанія о его отрѣшеніи, то, къ безчестію университета, должно будетъ прибѣгнуть къ мѣстному начальству, для его укрощенія. Отъ чего я удерживаюсь: первое, потому что ожидаю съ часу на часъ отъ васъ разрѣшенія, а второе, потому что когда уже онъ отрѣшенъ будетъ, то и правительствомъ взятъ будетъ не яко университетскій чиновникъ, но яко праздношатающійся. Я не смѣю въ голову мою и вмѣстить сію мысль, что отъ отрѣшенія Невзорова удерживаетесь в. с.

тѣмъ, что сумасброду и его сплетнямъ болѣе довѣряете, нежели мнѣ и цѣлому университетскому правленію, состоящему изъ членовъ, кои вамъ самимъ извѣстны, яко люди честные, вѣрные, безкорыстные и безпристрастные, коихъ чистота доказана вѣрнѣйшими годовыми отчетами.

Въ заключеніе всепокорнѣйше прошу, именемъ всего корпуса, насъ избавить отъ сего человѣка, отъ коего кромѣ безпокойства и разстройки ничего ожидать невозможно и къ укрощенію коего смирительный домъ есть единое средство.

Сентября 21 дня 1814 года. Москва.

122.

Оффиціальное требуемое в. с. объясненіе на бредни Невзорова, по сей же почтѣ посылается со всѣми нужными приложеніями, изъ коихъ в. с. достаточно усмотрѣть можете неосновательность всѣхъ его донесеній. Къ сему за нужное почитаю присовокупить: 1) Что никакія внушенія и ничто въ свѣтѣ не можетъ прекратить сего безумца неистовую ябеду и злобу, кои и день отъ дня возрастаютъ и возрастать еще будутъ болѣе, когда онъ увидитъ, что на его пустослонія обращается вниманіе и что есть люди его поддерживающіе. 2) Такъ какъ онъ прорицаетъ, проповѣдуетъ конецъ міра и разныя политическія происшествія, а притомъ ругаетъ и поноситъ встрѣчнаго поперечнаго и ежедневно размножаются сцены соблазнительныя [redacted] многихъ обидныя, а притомъ и на счетъ в. с. произносить [redacted] и хулы, коихъ ни языкъ мой повторять, ни перо мое [redacted] могутъ рѣшиться, то я принужденъ буду, по пріѣздѣ [redacted] щаго, предать его Невзорова мѣстному начальству и [redacted] бумаги, ясно его безуміе доказывающія. 3) Не могу [redacted] и того, что какъ я, такъ и члены правленія [redacted] существомъ самаго дѣла, но недовѣренностію [redacted] каковое обращать изволите на безуміе человѣка [redacted] самимъ безумныя изліянія напутавшаго въ [redacted] уподобляетъ Моисею и называетъ себя Богомъ [redacted] послѣ собственнаго вашего предписанія. [redacted] леніе объ отрѣшеніи Невзорова и объ [redacted] гаго, что мною и исполнено, на что [redacted] рѣшенія по всѣмъ обстоятельствамъ [redacted] лись мы всѣ, видя обидные для [redacted] намъ человѣка оглашеннаго въ [redacted] безумнаго фанатика.

Привыкши быть съ в. с. [redacted]

требовали, я не могу скрыть сихъ чувствованій, кои раздѣляетъ со мною цѣлый университетъ, незаслужившій такой явной вашей немилости, отъ коей части типографскія приходятъ въ конечную разстройку и упадокъ, я не могъ удержаться отъ изліянія вамъ сущей и нагой истины.

Октября 1 дня 1814 года. Москва.

123.

Радуюсь, что имѣю вѣрный случай вамъ писать и хотя нѣчто изъяснить сверхъ того, что просилъ я Льва Алексѣевича [1]) вамъ пересказать, присовокупляю: 1) главнокомандующимъ мы всѣ предовольны: и я сдѣлалъ ему *visite en corps* съ нашими профессорами, и онъ насъ очень обласкалъ, имѣлъ съ нимъ о многомъ разговоры наединѣ, въ томъ числѣ и о Невзоровѣ, о коемъ вамъ Левъ Алексѣевичъ подробно перескажетъ. 2) Хотя мнѣ очень желается ѣхать въ Петербургъ, но здѣсь слухи отъ самого Тормазова разнеслися, что Государь сюда будетъ, то уѣхать, кажется, неловко, и похоже будетъ, какъ будто я его присутствія убѣгаю, то и надобно подождать, пока сіе разрѣшится. 3) Ради Бога, рѣшите судьбу Невзорова, ибо онъ о Наполеонѣ пророчествуетъ, что опять на Россію будетъ нашествіе. Теперь мы за Невзорова отвѣчаемъ, а каковъ онъ будетъ въ отставкѣ, то полиція пусть что хочетъ то съ нимъ и творитъ. 4) По объясненіямъ моимъ съ Тормазовымъ и съ Балашовымъ, работы наши могутъ безпрепятственно продолжаться и Осипъ Алексѣевичъ пишетъ, чтобы мы работали, что у насъ и дѣлается регулярно, и нѣсколько уже было ресепцій, и [2]) устроена въ моемъ домѣ прекраснѣйшимъ образомъ. Насъ теперь на лицо 22 брата, а къ зимнему пути соберутся и до 30 и благодареніе Бога, вотъ уже 8-й мѣсяцъ какъ дѣло идетъ въ порядкѣ. 5) Какъ скоро рѣшится что Государь не будетъ сюда, то я мѣшкать не стану моимъ отъѣздомъ, къ коему я совершенно готовъ, и всѣ бумаги нужныя заберу съ собою. 6) Крайне огорчаетъ слухъ здѣсь разнесшійся, будто вы идете въ отставку, дай Богъ чтобы сіе было неправда, ибо истинно я ничего такъ не желаю какъ чтобы вы были здоровы и въ службѣ остались, о чемъ каждый день приношу мои недостойныя молитвы Господу Богу. 7) Увѣдомьте, ради Бога, правда ли это, вы проситесь прочь, и увѣдомьте поскорѣе, ибо истинно мой духъ такъ встревоженъ симъ, что по ночамъ отъ этого не спится. 8) Сдѣлайте милость утвердите намъ поскорѣе Курбатова директоромъ типографіи, и онъ и мы о семъ васъ просимъ.

[1]) Перовскаго, будущаго графа и министра внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ подлинникѣ четырехугольникъ, что означаетъ: масонская ложа.

9) На случай отъѣзда моего, работы въ [1]) будутъ продолжаться и въ мое отсутствіе, ибо поставленъ О. А. намѣстный мастеръ, который въ мое отсутствіе работать долженъ по его предписанію.

Вотъ все что на сей разъ вамъ сказать имѣю. Молю Господа да будете здоровы, благополучны подъ его покровомъ и благословеніемъ. Будьте увѣрены, что не яко министра, но яко человѣка, яко брата мнѣ драгоцѣннаго, гдѣ бы вы ни были, никогда не престану васъ чтить, уважать, любить, молиться о васъ Богу Христу Спасителю и что немного въ мірѣ семъ существуетъ людей безпредѣльно столь искренно къ вамъ привязанныхъ.

Октября 20 дня 1814 года. Москва.

124.

Почтеннѣйшее в. с. своеручное письмо отъ 17 ноября сейчасъ, предъ самымъ отправленіемъ почты, я черезъ домовую вашу контору имѣлъ честь получить и, пріемля оное не иначе, какъ за знакъ вашей ко мнѣ довѣренности, постараюсь всемѣрно оную оправдать тѣмъ болѣе, что по сердечной моей къ вамъ приверженности и ко всѣмъ, кои къ вамъ толь близки, не могу не принимать искренняго участія во всемъ до васъ касающемся. Лазаревыхъ ни отца, ни сына я еще не видалъ, а сейчасъ пошлю за старикомъ, дабы ему объявить все изъясненное въ письмѣ вашемъ, коего, сколько я понимаю, есть смыслъ тотъ, что я долженъ принять мѣры, дабы молодаго и дерзкаго человѣка укротить и удержать здѣсь, а между тѣмъ дѣлать вамъ донесенія о его положеніи, что я не премину исполнять во ожиданіи отъ в. с. рѣшенія его участи. По свиданіи же съ отцомъ, немедленно о послѣдствіяхъ в. с. донесу какъ и о мѣрахъ, каковыя онъ предпринять съ сыномъ своимъ намѣренъ.

Въ разсужденіи же остановленной цензурою пьесы подъ названіемъ: *Мои понятіи о символѣ вѣры*, доношу, что послѣ строгаго вашего отъ 28 марта сего года предписанія, съ коего копію при семъ прилагаю, можно ли было цензурѣ пропустить такую пьесу, которая именно до разсмотрѣнія цензуры духовной, а не свѣтской принадлежитъ? А такъ какъ ваше предписаніе было оффиціальное и препровождено мною въ цензуру, то она и впредь должна оному сообразоваться и много впредь такихъ случаевъ встрѣтится; причемъ и теперь вслѣдствіе воли вашей, въ своеручномъ письмѣ изъясненной, я не могу ничего иного сдѣлать, какъ подъ рукой словесно и партикулярно приказать о пропускѣ сей пьесы цензору, котораго для того же сего же вечера и призову.

[1]) Въ подлинникѣ четырехугольникъ, т.-е. ложа.

Въ разсужденіи же Лазарева, когда вамъ угодно поручить его моему попеченію, то покорнѣйше прошу снабдить меня точнѣйшимъ изъясненіемъ вашихъ о немъ преднамѣреній и подробнымъ наставленіемъ объ образѣ съ нимъ дѣйствованія, дабы я отъ невѣдѣнія, безъ всякаго намѣренія, не могъ въ чемъ либо проступиться противъ вашихъ распоряженій.

Ноября 23 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія.

Циркулярно.

М. г. мой Павелъ Ивановичъ! Съ нѣкотораго времени начали выходить въ свѣтъ съ одобренія цензурныхъ комитетовъ многія книги и сочиненія духовнаго содержанія. А какъ оныя часто могутъ подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ, то прошу в. п. подтвердить московскому цензурному комитету, дабы впредь не принималъ на разсмотрѣніе никакихъ сочиненій, могущихъ подойти подъ 8-ю статью высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, а обращалъ бы оныя въ духовную цензуру.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

в. п. п. с

Подписано: г. Алексѣй Разумовскій № 967.

Спбургъ, Марта 28 д. 1814 г.

125.

Обѣщавъ в. с. извѣстить васъ о послѣдствіяхъ порученнаго вами мнѣ дѣла, доношу, что, приступивъ немедленно къ исполненію, на другой день поутру призвалъ я къ себѣ старика Лазарева и, видя его весьма слабаго въ здоровьѣ, съ осторожнымъ пріуготовленіемъ объявилъ ему всю исторію его несчастнаго сына и прочиталъ ваше письмо, отъ чего онъ былъ столь чувствительно пораженъ, что залился горькими слезами, однакоже при томъ съ благодарностію сказалъ: „да помилуетъ Богъ е. с. за то, что онъ толь милосердно и толь отечески поступилъ съ моимъ негодяемъ, а в. пр. много благодарю, что вы предварили меня о семъ прежде пріѣзда моихъ дѣтей, ибо я ихъ не ожидалъ, и ежели бы они вдругъ нагрянули, то бы меня сіе поразило болѣе и мнѣ бы труднѣе было перенесть“. Потомъ разговоръ нашъ продолжался о разныхъ мѣрахъ, каковыя принять должно; причемъ я рекомендовалъ ему, чтобы паче всего дѣло сіе сохранено было въ тайнѣ и чтобы онъ по пріѣздѣ своихъ дѣтей съ угрозами имъ запре-

тилъ съ кѣмъ-либо о семъ болтать и доселѣ здѣсь ни кому сіе происшествіе не извѣстно, кромѣ Курбатова, который мнѣ сказалъ, что о семъ извѣщенъ Марьей Михайловной [1]).

Дѣти Лазарева еще не пріѣхали, но въ ту-жъ минуту, какъ будутъ, то я велѣлъ ихъ представить къ себѣ и все, что отъ нихъ услышу и что воспослѣдуетъ, равно какъ и мѣры, какія по обстоятельствамъ взять нужно будетъ, подробно в. с. опишу.

Ноября 26 дня 1814 года. Москва.

126.

Обязанностію поставляю донести в. с., что 27 числа ноября Лазаревы явились ко мнѣ и отдали отношеніе ко мнѣ в. с. касательно порученія сына попеченію отца, коего я призвавъ, оное ему и объявилъ. Въ разсужденіи же сына обязанъ будучи в. с. откровенностію и почитая за грѣхъ при всякомъ случаѣ быть съ вами не искреннимъ, объясню, сколько можно, вкратцѣ, въ какомъ положеніи мнѣ кажется быть сей молодой и дерзкой человѣкъ, сколько я могъ то усмотрѣть изъ разговора, который я нарочно распространилъ, дабы вѣрнѣйшее получить о немъ понятіе: 1-е. Онъ отнюдь не въ сумасшествіи, но имѣлъ воображеніе, воспламененное сильною страстію, соединенною съ великимъ самолюбіемъ, заставившимъ его мечтать и дѣйствовать толь безразсуднымъ образомъ. 2-е. Послѣ моего увѣщанія, объяснивъ ему сколь его поступокъ вѣтренъ, дерзокъ и неблагодаренъ, и давъ ему почувствовать всю кротость и милосердіе, съ каковыми вы въ отношеніи его поступили, я примѣтилъ, что онъ крайне раскаивается, а потому и совѣтовалъ ему образумиться, быть спокойну, смирну и, оставаяся въ повиновеніи отца, проводить жизнь скромную и нетокмо о своемъ поступкѣ не разсказывать, но стыдиться объ ономъ помышлять, а исправлять свое сердце и установить вѣтреный умъ полезными упражненіями и чтеніемъ, что онъ мнѣ и обѣщалъ со слезами, во время каковой сцены и моего увѣщанія бѣдный отецъ горько плакалъ. Итакъ, я ихъ отпустилъ отъ себя, сдѣлавъ всѣмъ тремъ нужное наставленіе; а между тѣмъ велѣлъ за сыномъ крайне присматривать; другой же просилъ позволенія остаться здѣсь, до установленія зимняго пути, на что я и согласился и по наступленіи онаго немедленно его въ С.-Петербургъ отправлю.

Касательно-жъ бумаги, привезенной ко мнѣ ими отъ в. с., всепокорнѣйше прошу разрѣшить мое недоумѣніе въ томъ, что она писана

[1]) Марія Михайловна Соболевская, впослѣдствіи Денисьева, мать гг. Перовскихъ. О какихъ Лазаревыхъ идетъ здѣсь рѣчь, намъ неизвѣстно, но, очевидно, не о богачахъ, основателяхъ Лазаревскаго института.

формою оффиціальнаго отношенія, а нумера на ней нѣтъ, то какъ прикажете ее почитать и дать ли по ней оффиціальную же бумагу отцу Лазареву или остаться при тѣхъ словесныхъ объясненіяхъ, кои я ему сдѣлалъ.

Ноября 30 дня 1814 года. Москва.

127.

Посылая по сей же почтѣ къ в. с. оффиціальное представленіе объ увольненіи въ купечество Демидовскаго крестьянина Кондратія Максимова сына Бѣлоусова, сверхъ причинъ, уже въ оной бумагѣ описанныхъ и на выгодахъ училища основанныхъ, обязанностію поставляю всепокорнѣйше в. с. просить, чтобы изволили сіе утвердить вашимъ согласіемъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ съ крестьянами справокъ, что необходимо нужно по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Павелъ Григорьевичъ Демидовъ [1]), коего мы, яко благотворителя, должны беречь, а по старости его, яко дитя утѣшать и няньчить, сверхъ оффиціальнаго его отношенія, къ вамъ представляемаго, самъ нарочно чрезъ силу пріѣзжалъ ко мнѣ и убѣдительнѣйше меня просилъ, чтобы я о семъ ходатайствовалъ, изъясняя мнѣ, что онъ особое въ семъ крестьянинѣ пріемлетъ участіе и крайне огорчится, ежели онъ въ купечество не будетъ уволенъ. 2) Сей крестьянинъ, который уже здѣсь хорошій производитъ торгъ, есть повѣренный Павла Григорьевича и особенный его коммиссіонеръ, исправляющій всѣ его домашнія порученія, покупки, денежные сборы, отдачи и пр. 3) Крестьяне по зависти, какъ о его благосостояніи, такъ и о довѣренности къ нему старика, не захотятъ можетъ быть, чтобы онъ былъ выпущенъ, то у нихъ и спрашивать нечего, а какъ онъ не будетъ выпущенъ, то училище вмѣсто 500 дохода, который оно получать будетъ съ жертвуемаго симъ крестьяниномъ капитала десяти тысячъ, всегда съ него оброку будетъ получать не болѣе сорока рублей въ годъ, да и сверхъ того, не выпустя его, мы огорчимъ старика, который еще кромѣ нашей благодарности, намъ очень полезенъ быть можетъ. 4) Онъ мнѣ проговаривалъ (sic), что намѣренъ еще 100,000 пожертвовать на возстановленіе музея и библіотеки и что о семъ ко мнѣ оффиціально писать будетъ, то ежели мы сего его требованія о крестьянинѣ не исполнимъ, такъ какъ онъ весьма капризенъ и щекотливъ, онъ такъ симъ отказомъ обидится, что вѣрно мы лишимся обѣщаемыхъ имъ 100,000; а посему в. с. по прозорливости вашей усмотрите, сколько сей выпускъ онаго крестьянина для насъ со всѣхъ сторонъ полезенъ,

[1]) Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, д. с. с. и св. Владиміра 1 ст. кавалеръ, основатель Демидовскаго лицея р. 1738 † 1821.

то уповаю, что не изволите замедлить на то вашимъ согласіемъ, чѣмъ и старика утѣшите и обоимъ заведеніямъ существенную пользу доставите.

На почтеннѣйшее письмо в. с., полученное мною чрезъ Ивана Михайловича Фролова, не могъ я успѣть по прошедшей почтѣ отвѣтствовать, ибо долженъ былъ прежде увидѣться съ старикомъ Лазаревымъ, дабы узнать о положеніи сына его, а потому касательно его и почитаю обязанностію вамъ донести то, что, по моему разумѣнію и соображенію обстоятельствъ, кажется мнѣ для свѣдѣнія вашего нужнымъ: 1) старикъ огорченъ до безконечности и тѣмъ болѣе, что видитъ въ сынѣ мрачную меланхолію, а не настоящее раскаяніе, коего я бы желалъ яко пути къ истинному обращенію и успокоенію; 2) всѣ мысли сына стремятся единственно къ тому, чтобы вырваться изъ вашего департамента, и какъ нибудь добраться до Петербурга, гдѣ и можно ожидать отъ него новыхъ дурачествъ; 3) къ сему надѣянію ему поводъ подало то, что онъ, проѣзжая чрезъ Новгородъ и видѣвшись съ глупымъ вице-губернаторомъ Николаемъ Назарьевичемъ Муравьевымъ, получилъ отъ него обнадеживаніе, что онъ его помѣститъ въ Новгородскую казенную палату совѣтникомъ и совѣтовалъ ему подать просьбу объ увольненіи изъ вашего департамента; 4) мнѣ это крайне странно, тѣмъ болѣе, что я изъ словъ молодаго человѣка могъ усмотрѣть, что онъ всю исторію сему дураку вице-губернатору пересказалъ, но въ иномъ совсѣмъ видѣ.

Благодарность, приверженность, любовь къ вамъ, заставляя меня заботиться о вашемъ спокойствіи и всѣхъ вамъ принадлежащихъ, коихъ, смѣю сказать, люблю, какъ собственныхъ своихъ дѣтей, и вкупѣ предугадываніе, поколику я сердце человѣческое знаю, что сей предполагаемый двумя дураками планъ, буде произведется въ дѣйство, то будетъ источникомъ новыхъ дурачествъ и неистовствъ; все сіе вкупѣ наложило на меня обязанность васъ о семъ предувѣдомить, ибо думаю, что ежели бы я сего не исполнилъ, то погрѣшилъ бы противу моей совѣсти и противу васъ, моего благодѣтеля и милостивца.

Декабря 21 дня 1814 года. Москва.

128.

Нашъ достойный г. профессоръ Мухинъ, коего я неоднократно поручалъ въ особенное в. с. благоволеніе, будетъ имѣть честь лично поднести вамъ сіе письмо, коимъ вновь осмѣливаюсь просить в. с. объ обращеніи вниманія вашего и милости на сего, какъ познаніями, такъ и дѣятельностію рѣдкаго профессора, который по многимъ отношеніямъ всякаго уваженія достоинъ. Ежели в. с. заблагоразсудите, вопроса его о положеніи медико-хирургической академіи, позволить ему быть

откровеннымъ, то онъ будетъ имѣть честь объяснить вамъ, какъ всѣ обстоятельства, до сего мѣста касающіяся, такъ и объ улучшеніи онаго благонамѣренныя его мысли, истекающія изъ единаго усердія его ко благу и пользѣ службы. Я увѣренъ, что в. с., яко нашъ истинный и благонамѣренный меценатъ позволите г. Мухину къ вамъ предстать.

Января 3-го 1815 г. Москва.

129.

Послѣ сдѣланнаго уже мною в. с. отъ 15-го числа сего іюня за № 458 представленія, въ коемъ между прочимъ начерталъ я проектъ какимъ образомъ пріобрѣсти для Московскаго университета домъ запаснаго дворца, получилъ я планъ оному; а дабы в. с. яснѣе изволили усмотрѣть, сколь удобенъ тотъ домъ для помѣщенія университета, то въ дополненіе къ помянутому представленію моему прилагаю при семъ и означенный планъ.

Іюня 21-го 1815 г. [1]).

130.

Мнѣ крайне прискорбно, что давно не имѣлъ счастія васъ видѣть. Причины тому: 1) что я неоднократно къ вамъ пріѣзжалъ, но васъ не заставалъ; 2) что очень я былъ занятъ пріисканіемъ квартиры и теперь готовлюсь къ перевозкѣ. Ежели будетъ согласіе ваше на подписку, на книгу Олина и ко мнѣ о томъ бумага, то въ пользу сего достойнаго и рѣдкаго, но бѣднаго молодого человѣка, осмѣливаюсь яко благодѣянія испрашивать: 1) чтобы число экземпляровъ его римской исторіи [2]) было взято ровное по всѣмъ учебнымъ округамъ; 2) чтобы деньги по подпискѣ выданы ему были здѣсь, а потомъ оныя въ главное училищъ правленіе доставлены будутъ исправно, какъ и всегда дѣлалось. Книга-же сія болѣе многихъ другихъ для училищъ нужна, а сумма весьма малая, но для бѣднаго многозначущая милость.

Сентября 29-го 1815 г.

131.

Получивъ при отношеніи в. с. отъ 11-го числа сего Октября № 2976 копію съ прошенія старшаго сына умершаго предсѣдателя астраханской палаты уголовнаго и гражданскаго суда кол. сов. Бушуева, Петра, находящагося уже въ пансіонѣ московской губернской гимназіи и просящаго той же милости, каковая оказана братьямъ его,

[1]) 1815 годъ Кутузовъ провелъ въ С.-Петербургѣ.

[2]) Римская исторія, соч. Милота, пер. съ фр. В. Оливъ. Она вышла только въ 1821 г.

принятымъ въ оную гимназію на казенное содержаніе, — предписывалъ я директору училищъ г. надв. сов. Дружинину, чтобы, во исполненіе воли в. с., не требовать и съ старшаго сына покойнаго Бушуева платы, ежели не взнесены будутъ за содержаніе его деньги. Изъ доставленнаго мнѣ г. директоромъ донесенія, въ копіи здѣсь прилагаемаго, в. с. изволите усмотрѣть, что означенный Петръ Бушуевъ находится не въ самой гимназіи, а въ основанномъ при ней воспитательномъ заведеніи, въ которое принимать безденежно нѣтъ никакой возможности, а потому онъ и долженъ быть перемѣщенъ въ гимназію на одинакое содержаніе съ питомцами московскаго приказа общественнаго призрѣнія. Далѣе г. директоръ, изъясняя разстроенное положеніе гимназіи, стѣсненность ея и затрудненіе оказывать подобныя вспомоществованія бѣдныхъ родителей дѣтямъ, каковыхъ начальство и своихъ имѣетъ, остающихся по смерти учителей, не могущихъ дать имъ воспитанія и имѣющихъ нѣкоторое право требовать помощи, испрашиваетъ моего разрѣшенія на прибавку къ платимымъ теперь за наемъ для московской губернской гимназіи дома, въ коемъ помѣщается и воспитательное заведеніе, 12,500, въ годъ, еще 1,500, дабы на сію сумму можно было принанять еще нѣсколько покоевъ; ибо по умножающемуся числу учениковъ въ гимназіи, самые классы становятся весьма многолюдны и 1-й классъ гимназіи необходимо нужно раздѣлить.

Съ таковымъ предположеніемъ г. директора будучи согласенъ, но не рѣшаясь безъ воли в. с. дать ему позволеніе на прибавку за наемъ еще нѣсколько комнатъ 1,500, испрашиваю на сіе вашего разрѣшенія; равно какъ и принятіе въ московскую гимназію на казенное содержаніе старшаго сына предсѣдателя Бушуева, предавая собственному вашему благоразсужденію, буду и на сей предметъ ожидать вашего предписанія.

Октября 29-го, 1815 г.

132.

На предписаніе ваше о выборѣ старосты, имѣю честь донести, что какъ для исполненія онаго, коего вы требуете *немедленно*, необходимо надобно собрать крестьянъ и имъ ваше предписаніе объявить; мнѣ-жъ самому у себя въ домѣ собрать мірской сходъ не возможно; къ нимъ ѣхать въ мужицкую избу неловко, то не соблаговолите-ли, какъ и лучше всего мнѣ кажется, собрать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ главное училищъ правленіе и тамъ имъ объявить и подписки съ нихъ взять въ присутствіи членовъ. Такъ какъ уже это было дѣлано для смѣны Ушакова, то кажется и теперь для смѣны старосты тоже можно и

удобно сдѣлать, да и дѣйствія болѣе произведетъ въ присутствіи правленія.

Ежели сіе изволите одобрить, то прикажите мнѣ и другимъ въ понедѣльникъ въ правленіе собраться, тамъ все и кончимъ, точно какъ и отрѣшеніе Ушакова.

Декабря 18-го 1815 г.

133.

Вы уже теперь не министръ, но не менѣе прежняго вы для моего сердца драгоцѣнны, любезны и почтенны. Ваши милости, ваша пріязнь, ваше ко мнѣ благоснисхожденіе, а часто терпѣніе въ моихъ погрѣшностяхъ и ошибкахъ, неизгладимы останутся въ моемъ сердцѣ, исполненномъ къ вамъ неизреченной благодарности, которая никогда не истребится! Господь Богъ да воздастъ вамъ своею милостію за все то, что дѣлали и изъявляли, да благословитъ васъ навсегда, а мнѣ да дастъ силы, моля Его о васъ непрестанно, доказать вамъ на опытахъ, что не много вы имѣете въ мірѣ людей, толико къ вамъ приверженныхъ, какъ я многогрѣшный. Все то, что къ вамъ близко, что къ вамъ принадлежитъ, равно мнѣ любезно навсегда пребудетъ. Радъ я и потому, что преемникъ вашъ христіанинъ. Научите его дѣйствовать подобно вамъ, и любить меня такъ, какъ вы любите. Маріи Михайловнѣ и любезнымъ дѣткамъ вашимъ усердное почтеніе свидѣтельствую. Будьте всѣ здоровы, благополучны и Христомъ Спасителемъ благословенны, о чемъ умолять Его милосердіе не престану.

Москва. 21 Августа 1816 г.

134.

Священною обязанностію поставляю принести в. с. чувствительную вседушевную благодарность за милостивое, любви и утѣшенія исполненное письмо ваше, пріемлемое мною не иначе, какъ за драгоцѣнный залогъ вашего ко мнѣ благоволенія. Отъ всего сердца поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Молю Христа Спасителя, да сила Его любви безпрестанно обновляетъ силы ваши по духу, душѣ и тѣлу и да сдѣлаетъ васъ и въ семъ мірѣ причастнымъ тѣхъ чистыхъ радостей, кои уготованы избраннымъ Его и суть неотъемлемая ихъ часть и достояніе. Благодарю сего великаго Крестоносца, что послѣ перваго впечатлѣнія, нетолько меня попираемаго и многогрѣшнаго, повергнувшись со всѣми силами духа моего къ подножію Креста Его, и мною носимый крестъ Его-же святой волѣ предавая, успокоилъ столько, что даже и любезныя упражненія мои ни на одинъ день не прервались, а радуюсь паче тому, что не по собственной моей волѣ сложилъ бремя крайне меня тяготившее, буду болѣе имѣть времени

посвятить себя, силы мои и способности на служеніе друзьямъ моимъ къ единой со мной цѣли стремящимся, и неразрывно со мною связаннымъ. Увѣдомляютъ меня изъ Петербурга, что я уволенъ буду безъ всякой награды. Вы мой благодѣтель болѣе нежели кто-нибудь знаете сколько я трудился, то, конечно, тверже и вѣрнѣе всякаго можете поговорить князю Голицыну, чтобы онъ мнѣ выпросилъ хоть то, что́ получилъ вашъ любезный зять Сергій Семеновичъ [1]), который, конечно, не болѣе меня сдѣлалъ, и меньше меня послужилъ. Зная душу вашу я увѣренъ, что вы не отречетесь поговорить о семъ князю Голицыну, который, буде захочетъ, то, конечно, сіе сдѣлается; знаю-жъ и то, что ваше слово у него сильно подѣйствовать можетъ въ мою пользу.

Москва, Января 4-го 1817 г.

1-го января 1817 года попечителемъ Московскаго округа назначенъ былъ т. с. князь Андрей Петровичъ Оболенскій.

VIII.

Донесеніе профессора Римскаго права доктора правъ Христіана-Юлія-Людвига Штёльцера—графу А. К. Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Рѣпнина).

Когда французское войско угрожало Москвѣ, ни одинъ изъ профессоровъ не остался здѣсь, кромѣ ректора Гейма и меня, ибо мы считали противнымъ своему долгу оставить мѣста наши безъ приказанія. Передъ самымъ пришествіемъ французовъ, ректоръ Геймъ получилъ приказаніе отправиться. Я остался одинъ и почитаю себя обязаннымъ, не могши до сихъ поръ узнать, гдѣ находится е. п. г. попечитель, покорнѣйше донести в. с. непосредственно, сколько то позволяетъ мнѣ здоровье, о состояніи здѣшняго университета и участи онаго.

Едва вошли французы въ городъ, какъ государственный министръ графъ Дарю пришелъ въ университетъ. Я выпросилъ чрезъ него освобожденія отъ постоя и охраничельнаго караула (sauve-garde), почему на другое утро онъ прислалъ капрала съ 4-мя рядовыми, которые были мною поставлены въ главномъ строеніи и предъ онымъ. При запертыхъ воротахъ университета, собственные наши солдаты долженствовали караулить, почему я самъ днемъ и ночью осматривалъ посты. На другой-же день сіе уже сдѣлалось безполезнымъ, ибо солдаты по большей части были пьяны и экзекуторъ Артемьевъ, при мнѣ, сказалъ имъ, что они не обязаны повиноваться моимъ приказаніямъ. Та-

[1]) Уваровъ.

кимъ образомъ я уже подвергался грабежу, на что однакожъ покушались токмо по одиночкѣ и что было всегда отвращаемо.

4-го сентября городъ уже горѣлъ со всѣхъ сторонъ и сильная буря способствовала распространенію пожара. Я требовалъ, чтобы пожарныя трубы были вывезены на дворъ, но сего не сдѣлали подъ предлогомъ, что недостаетъ людей и воды. Въ 9 часовъ утра полетѣла головня чрезъ Никитскую и упала на старую, развалившуюся конюшню напротивъ моей квартиры. Въ то же самое время загорѣлась и внутренность. Буря понесла огонь на дровяной дворъ и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сгорѣли большой каменный домъ при выходѣ на Моховую, принадлежащія къ оному конюшни и кладовыя, анатомическій театръ и соединенные съ онымъ покои. На полуденной сторонѣ университета вездѣ загорѣлся лежавшій по дворамъ навозъ. Я безпрестанно заставлялъ наемныхъ людей вытаптывать оный и такимъ образомъ препятствовалъ воспламененію находящихся тамъ конюшень и домовъ. Я долженъ признаться, что смотритель дровяного двора Осипъ Янковскій до того времени помогалъ мнѣ усердно, экзекуторъ Артемьевъ, напротивъ, былъ совершенно пьянъ и безполезенъ. Въ полдень осмотрѣлъ я большой главный корпусъ до чердака, ибо я опасался зажиганія внутри дома. Я нашелъ боковую дверь музея проломленною, ибо охранительный караулъ, въ противность долгу, оставилъ свое мѣсто. Два французскихъ солдата бѣгали по дому. Я нашелъ все неповрежденнымъ, а между тѣмъ вывелъ ихъ и вновь поставилъ караульныхъ. При семъ случаѣ я раненъ, но не опасно, штыкомъ въ лѣвую руку. Когда я вышелъ на дворъ, пламя открылось въ моей квартирѣ. Окна лопнули отъ бывшаго въ дровяномъ дворѣ огня, который бурею съ юго-восточной стороны вброшенъ въ угольную комнату средняго этажа. Будучи всѣми оставленъ, я одинъ долженъ былъ заняться спасеніемъ. Служитель мой носилъ воду, я выкидывалъ на дворъ горящую мебель и гасилъ пылающій около оконныхъ рамъ огонь мокрыми тряпками. Пламя истребило одежду мою и служителя моего, но домъ былъ спасенъ. Вечеромъ грабежъ усилился. Поелику смотритель музея Ришардъ уже при входѣ французовъ не находился въ университетѣ и никогда не показывался въ музеѣ, то я и тѣхъ 2-хъ караульныхъ, которыхъ имѣлъ при себѣ для собственнаго охраненія, поставилъ въ главное строеніе и на возвратномъ пути на меня напали, сорвали съ меня сюртукъ и прорубили шляпу. Послѣ 11-ти часовъ вечера увѣряютъ, что въ музеѣ видна была свѣча и примѣтенъ кто-то въ сопровожденіи французскаго солдата, но я доселѣ ничего опредѣлительнаго узнать о семъ не могъ. Между тѣмъ огонь вновь усилился въ Никитскомъ монастырѣ. Домъ графа Орлова [1]) заго-

[1]) Нынѣ княгини М. А. Мещерской.

рѣлся, а отъ онаго и стоящій напротивъ университетскій Мосоловъ домъ, а отъ горящаго на другой западной сторонѣ Заикина дома смежныя съ онымъ деревянныя конюшни и домъ, въ которомъ жилъ надворный совѣтникъ Цемпъ. Пламя въ большой кучѣ вновь пало на мою квартиру. Я уже прежде приказалъ принести воды, на принадлежащій къ моей квартирѣ деревянный балконъ и съ помощью моего служителя гасилъ падающій на оный огонь. Казалось, что тутъ кончилась опасность. Заикина домъ развалился и я самъ лично съ домашнимъ учителемъ Гейнсмейеромъ еще днемъ сломалъ заборъ около университетскаго двора и крышку одного деревяннаго строенія, посредствомъ чего прекращено все сообщеніе съ наружнымъ огнемъ. Но когда я хотѣлъ опять идти въ главное строеніе, которое между тѣмъ было въ безопасности, то въ половину 2-го часа ночи увидѣлъ деревянную обсерваторію на ономъ находящуюся горящею, вѣроятно отъ пролетѣвшихъ головень.

4 человѣка могли бы спасти строеніе, но я ни одного призвать не могъ, ибо всѣ опасаясь дурныхъ поступковъ, съ робостію скрывались. Такимъ образомъ въ сію ночь истреблено главное строеніе, хотя и пожаръ пересталъ въ домахъ Орлова и Мосолова и даже не коснулся нашей больницы. Подозрѣніе чтобъ и сіе строеніе загорѣлось внутри, мнѣ кажется неосновательнымъ. Свѣча, о которой выше помянуто, была употреблена только для кражи. Я такимъ образомъ нашелся окруженнымъ огнемъ и если бы моя квартира вновь загорѣлась, то бы я и жизни спасти не могъ. Я пробрался сквозь пламя, сжегъ на себѣ другой свой сюртукъ и удалился до утра. Между тѣмъ грабители бросились во всѣ покои и погреба помянутаго дома, разломали всѣ двери и запертые ящики и унесли у меня все то, чего я не несъ на себѣ. Послѣ чего я принялъ въ свою квартиру для защиты столько людей, сколько она вмѣщала, пока съ большимъ трудомъ не была возстановлена внѣшняя безопасность отъ бѣшенаго войска, незнавшаго никакой подчиненности. Еще наканунѣ выхода французовъ я принужденъ былъ въ самую полночь выгнать 3 грабителей изъ нашей больницы, подвергая при томъ жизнь свою опасности.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ университетскихъ зданій остались неистребленными отъ пожара токмо моя квартира и больница. Но наконецъ взорваніе Кремля въ ночи отъ 11-го на 12-е октября разломало и въ сихъ строеніяхъ всѣ окна и большую часть дверей.

Итакъ, всѣ сокровища нашего университета пропали, кромѣ тѣхъ, кои увезены. Только нѣкоторыя маловажныя вещи спасены, да и тѣ съ недостатками. Къ сему числу принадлежатъ препараты и прочій аппаратъ повивальнаго искусства, также собраніе бандажей, въ аудиторіи медицинскаго факультета находившіеся. Но большая часть ле-

Въ разсужденіи же Лазарева, когда вамъ угодно поручить его моему попеченію, то покорнѣйше прошу снабдить меня точнѣйшимъ изъясненіемъ вашихъ о немъ преднамѣреній и подробнымъ наставленіемъ объ образѣ съ нимъ дѣйствованія, дабы я отъ невѣдѣнія, безъ всякаго намѣренія, не могъ въ чемъ либо проступиться противъ вашихъ распоряженій.

Ноября 23 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія.

Циркулярно.

М. г. мой Павелъ Ивановичъ! Съ нѣкотораго времени начали выходить въ свѣтъ съ одобренія цензурныхъ комитетовъ многія книги и сочиненія духовнаго содержанія. А какъ оныя часто могутъ подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ, то прошу в. п. подтвердить московскому цензурному комитету, дабы впредь не принималъ на разсмотрѣніе никакихъ сочиненій, могущихъ подойти подъ 8-ю статью высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, а обращалъ бы оныя въ духовную цензуру.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

в. п. п. с

Подписано: г. Алексѣй Разумовскій № 967.

Спбургъ, Марта 28 д. 1814 г.

125.

Обѣщавъ в. с. извѣстить васъ о послѣдствіяхъ порученнаго вами мнѣ дѣла, доношу, что, приступивъ немедленно къ исполненію, на другой день поутру призвалъ я къ себѣ старика Лазарева и, видя его весьма слабаго въ здоровьѣ, съ осторожнымъ пріуготовленіемъ объявилъ ему всю исторію его несчастнаго сына и прочиталъ ваше письмо, отъ чего онъ былъ столь чувствительно пораженъ, что залился горькими слезами, однакоже при томъ съ благодарностію сказалъ: „да помилуетъ Богъ е. с. за то, что онъ толь милосердно и толь отечески поступилъ съ моимъ негодяемъ, а в. пр. много благодарю, что вы предварили меня о семъ прежде пріѣзда моихъ дѣтей, ибо я ихъ не ожидалъ, и ежели бы они вдругъ нагрянули, то бы меня сіе поразило болѣе и мнѣ бы труднѣе было перенесть“. Потомъ разговоръ нашъ продолжался о разныхъ мѣрахъ, каковыя принять должно; причемъ я рекомендовалъ ему, чтобы паче всего дѣло сіе сохранено было въ тайнѣ и чтобы онъ по пріѣздѣ своихъ дѣтей съ угрозами имъ запре-

тилъ съ кѣмъ-либо о семъ болтать и доселѣ здѣсь ни кому сіе происшествіе не извѣстно, кромѣ Курбатова, который мнѣ сказалъ, что о семъ извѣщенъ Марьей Михайловной [1]).

Дѣти Лазарева еще не пріѣхали, но въ ту-жъ минуту, какъ будутъ, то я велѣлъ ихъ представить къ себѣ и все, что отъ нихъ услышу и что воспослѣдуетъ, равно какъ и мѣры, какія по обстоятельствамъ взять нужно будетъ, подробно в. с. опишу.

Ноября 26 дня 1814 года. Москва.

126.

Обязанностію поставляю донести в. с., что 27 числа ноября Лазаревы явились ко мнѣ и отдали отношеніе ко мнѣ в. с. касательно порученія сына попеченію отца, коего я призвавъ, оное ему и объявилъ. Въ разсужденіи же сына обязанъ будучи в. с. откровенностію и почитая за грѣхъ при всякомъ случаѣ быть съ вами не искреннимъ, объясню, сколько можно, вкратцѣ, въ какомъ положеніи мнѣ кажется быть сей молодой и дерзкой человѣкъ, сколько я могъ то усмотрѣть изъ разговора, который я нарочно распространилъ, дабы вѣрнѣйшее получить о немъ понятіе: 1-е. Онъ отнюдь не въ сумасшествіи, но имѣлъ воображеніе, воспламененное сильною страстію, соединенною съ великимъ самолюбіемъ, заставившимъ его мечтать и дѣйствовать толь безразсуднымъ образомъ. 2-е. Послѣ моего увѣщанія, объяснивъ ему сколь его поступокъ вѣтренъ, дерзокъ и неблагодаренъ, и давъ ему почувствовать всю кротость и милосердіе, съ каковыми вы въ отношеніи его поступили, я примѣтилъ, что онъ крайне раскаивается, а потому и совѣтовалъ ему образумиться, быть спокойну, смирну и, оставаяся въ повиновеніи отца, проводить жизнь скромную и нетокмо о своемъ поступкѣ не разсказывать, но стыдиться объ ономъ помышлять, а исправлять свое сердце и установить вѣтреный умъ полезными упражненіями и чтеніемъ, что онъ мнѣ и обѣщалъ со слезами, во время каковой сцены и моего увѣщанія бѣдный отецъ горько плакалъ. Итакъ, я ихъ отпустилъ отъ себя, сдѣлавъ всѣмъ тремъ нужное наставленіе; а между тѣмъ велѣлъ за сыномъ крайне присматривать; другой же просилъ позволенія остаться здѣсь, до установленія зимняго пути, на что я и согласился и по наступленіи онаго немедленно его въ С.-Петербургъ отправлю.

Касательно-жъ бумаги, привезенной ко мнѣ ими отъ в. с., всепокорнѣйше прошу разрѣшить мое недоумѣніе въ томъ, что она писана

[1]) Марія Михайловна Соболевская, впослѣдствіи Денисьева, мать гг. Перовскихъ. О какихъ Лазаревыхъ идетъ здѣсь рѣчь, намъ неизвѣстно, но, очевидно, не о богачахъ, основателяхъ Лазаревскаго института.

признаться, что я особенно ободренъ былъ мыслію заслужить тѣмъ благодарность за особенныя съ вѣрностію оказанныя услуги.

Москва. 20 Октября 1812 года.

IX.

Письма О. А. Поздѣева къ графу А. К. Разумовскому.

Сообщено П. И. Бартеневымъ.

1.

4 Января, 1807 года.

Весьма мнѣ жаль, что вамъ, зачѣмъ бы то ни было, не можно было пріѣхать къ старику Татищеву; а я этого не зналъ: то я бы отговорился и пріѣхалъ, и прошу покорнѣйше не беречь меня, а сказать прямо, что вамъ есть свободное время, чтобы мнѣ къ вамъ пріѣхать; или чтобъ я дома остался: то вы пріѣдете, какъ то вамъ угодно. А время коротко и, кто вѣдаетъ, когда Богъ велитъ увидѣться, и какія обстоятельства васъ встрѣтятъ въ Петербургѣ. Жизнь наша исполнена превращеній и суеты такъ, что нѣтъ единаго часа, въ которомъ бы не предстояла брань (и отвлеченіе отъ пути къ истинной цѣли) внѣ насъ или внутри насъ. Вчерашнее отвѣтное ваше письмо, по просьбѣ кн. Ивана Сергѣевича [2]), я распечаталъ и видѣлъ, что сегоднишній день вы употребите на церемоніальные визиты прощанья; то, поэтому, вы скоро думаете ѣхать и мнѣ должно готовить письма, хотя весьма къ немногимъ; но остальное время прошу не беречь меня и назначать свиданіе, какъ вамъ угодно. И вчера ввечеру, чтобъ успокоить старика Татищева, который, по своимъ силамъ, много трудится и у коего я всѣ праздники не былъ, то хотѣлъ его успокоить, согласясь провести съ нимъ вечеръ, и то не зная, что вамъ ввечеру вчера можетъ быть для свиданія свободно.

Вы изволите сожалѣть о неутвержденномъ вашемъ положеніи, чего для я давно желалъ, а особливо нынѣ осенью, чтобы видѣли классическій порядокъ ученья и потому желалъ пріѣзда и Василья Степан. [2]) зимою; но сами знаете и ваши недосуги на это, и мои теперь невозможности; то развѣ по пріѣздѣ вашемъ о семъ посовѣтовать? Что до меня надлежитъ, я весьма радъ, при жизни моей, передать нужныя вѣдѣнія, кои не мои: то вы сами расположите, какъ вамъ угодно и дайте мнѣ знать. И дамъ вамъ способъ и Василья Степ. на это при-

[1]) Барятинскаго.

[2]) Томары.

готовить; всего лучше сами тамъ будьте. Невѣжество и въ наружныхъ обрядахъ люди думаютъ, что вѣрѣ или откровенію скоро можно научиться и скоро можно полюбить Бога и ближняго. Жизнь вся должна быть употреблена на ученіе и приготовленіе. Конечно, всякое ученіе чѣмъ далѣе, тѣмъ легче; потому то Давыдъ говоритъ: поучуся въ законѣ твоемъ день и ночь. А законъ Господень, гдѣ паче, какъ не въ натурѣ? Натура есть домъ Божій, гдѣ живетъ самъ Богъ. Слѣдуетъ вѣдать столпы ея, на чемъ она утверждена; а въ Притчахъ, въ 9-ой главѣ, именно говорится, что столповъ ея 7. Слѣдуетъ знать, какіе и какъ держится натура. Все это кто больше вѣдаетъ, больше имѣетъ вѣры и это еще начало великихъ ея буквъ.

Слава Богу, глазамъ моимъ лучше; но еще изъ дому не выходилъ.

2.

12 Ноября, 1807 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 5-го Ноября. Вы объясняете, что вы чувствуете справедливость совѣтовъ и желаете слѣдовать, но не можете. На это скажу вамъ градаціи паденія нашего. Сначала человѣкъ и не знаетъ объ исправленіи, а живетъ такъ, какъ кажется ему можно и считаетъ, что и не надобно иначе; потомъ узнаетъ объ исправленіи, но не хочетъ; потомъ захочетъ, но не можетъ. Отчего? потому что неполнымъ сердцемъ хочетъ, а потому долженъ придавать въ помощь привычки свои, кои къ тому его паче заохочиваютъ и притомъ Бога чаще просить; а если при всемъ томъ да дается чувствовать слабость, невозможность, то какъ-же бы человѣкъ увидалъ слабость свою и невозможность, коли бы не давалось ему то по временамъ ощущать? въ это время дается ему понимать и чувствовать, что онъ ничто безъ Бога и безъ средствъ, кои Богъ-же посылаетъ: ибо Богъ безъ средствъ съ вами не сойдется, а потому нужны чтенія, напоминанія, совѣты, остереженія отъ ближнихъ, а особливо идущихъ по тому-же пути. Бережливость и нѣжность съ вашей стороны нейдетъ. Гдѣ тутъ бережливость въ словахъ сихъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ.* То какая бережливость въ приказаніи даже семъ? Взять же и то въ резонъ: время коротко, жизнь коротка; когда разлучимся и рады бы о чемъ спросить или попросить, да уже нѣтъ. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ знакомство на вѣчныхъ матеріяхъ: ибо люди рѣдки и матеріи неконча́емыя рѣдки. Сказано: пользуйся временемъ и заготовляй матеріалы. Строеніе духовное труднѣе и вѣдающіе пять трудовъ оной архитектуры крайне рѣдки, а прочихъ, если и встрѣтишь, то все смѣшанные, все болѣе сложенные, запутанные и слѣдовательно еще труднѣе въ достиженіи до цѣли.

Что надлежитъ до отвѣта вамъ графа Петра Васильевича [1]), то, если не сдѣлается, я самъ заключу, что Провидѣніе хочетъ сдѣлать это иначе, а мы должны за нимъ идти. Такъ обращаюсь къ первымъ строкамъ. Провидѣніе часто оставляетъ насъ самимъ себѣ, дабы дать намъ восчувствовать наше безсиліе и ничтожность и дабы пріучить насъ взывать и стремиться къ нему. Ибо сначала человѣкъ не хочетъ идти, а потомъ думаетъ своими силами взлѣзть, то Провидѣніе показываетъ человѣку, научаетъ его, что есть человѣкъ, или что есть тварь сама по себѣ. Вотъ чего ради должно познаніе натуры, а потомъ, что есть Господь. Натуры! а натура есть лѣствица къ нему. Благодарю покорнѣйше за увѣдомленіе кн. Ал. Б—у [2]) показано было, что есть дворъ, онъ желаетъ еще испытать: оттуда какъ-то добровольно не выѣзжаетъ. По слухамъ, если французы будутъ господа Дарданелловъ, то имъ не такъ легко ожидать третьей коалиціи. Чудное дѣло, если они насильно вытѣснены, показывать себя, что̀ они и что̀ ихъ сосѣди.

Со мной живетъ—учителемъ дѣтей Берлинецъ, оттуда около году; онъ сказывалъ, что прусаки (съ французами когда дрались) 7 дѣнъ не ѣли; диковина-ли, что побѣждены? А всѣ кричатъ: измѣна, измѣна! Да, не другое что—брюхо измѣнило. Королева-де сама непремѣнно хотѣла войны и она это и дѣлала; а Наполеонъ, взявши все въ полонъ, сказываютъ, удивлялся, какъ она могла сносить, видя сама этакой недостатокъ. А мнѣ кажется, что она сама прусскими разводами прельстилась и сочла: какъ прусакамъ не побить французовъ! Берлинцы-де, услышавъ, что достались опять своему королю, сдѣлали ропотомъ своимъ бунтъ, крича, что не хотятъ къ королю. Богъ намъ да продолжитъ миръ при мудрой осторожности и домашней готовности, что Россіи можно дѣлать все безъ войны. Мысленно васъ объемлю, яко сердечнаго мнѣ и молю всемогущаго и милосердаго Господа да васъ не оставитъ, вамъ поможетъ и совершитъ доспѣянія, что сказано во евангеліи Іоанна 3 глава и 3 ст.

Нынѣ я посылаю Братцову книгу «Hermipus» съ замѣтками къ кн. Ивану Сергѣевичу, не угодно ли взглянуть, дабы удобнѣе вспомнить вамъ, если что угодно поговорить, когда увидимся.

3.

14 Ноября, 1807 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 12-го Ноября. По мірскому, слѣдуетъ васъ поздравить съ прибавленіемъ чина, изъ двухъ

[1]) Завадовскаго.

[2]) Куракину.

оставшихся для васъ въ государствѣ; но настоящей высоты къ вамъ оно не прибавитъ, а только введетъ въ вящшее искушеніе почестями за него и за мѣсто, отъ коихъ, сколько бы ни отбиваться, но наконецъ трудно удержаться, чтобы не зачали быть пріятны, слѣдовательно, самолюбію нашему искусительны; но мнѣ признаться вамъ? Истинно любя васъ душой моей, я обрадовался, что вамъ пожалованъ чинъ и радъ буду, коли вамъ и ленту дадутъ, ибо я баловникъ тѣхъ и временный, коихъ душа моя любитъ. Но буду бояться, чтобы этими почестями васъ не прохладили и не оторвали отъ Ѳ-на; но Богъ должна быть наша надежда. Сверхъ того, скажу вамъ, что Господь, по благости своей и безпредѣльной любви и къ тѣмъ, кои становятся на средній путь, устроиваетъ ихъ и временное состояніе: то мой долгъ былъ не отговорить вамъ, дабы вы менажировали доброе расположеніе къ вамъ Государя (которое теперь онъ явно показалъ, что за ваше согласіе одно съ его волею и ознаменовалъ явнымъ и публичнымъ знакомъ удовольствія его и расположенія къ вамъ), ибо мнѣ извѣстно, что оное вамъ нужно въ разсужденіи дѣтей вашихъ и продажи въ казну имѣнія, которая только-что остановилась, а можетъ и исполниться. Всѣ эти детали обязанъ тотъ обдумывать, который имѣетъ по Ѳ-ну вѣчную связь, ибо въ должностяхъ его временныхъ любить сопутчика такъ, что беречь его здоровье, состояніе его и домъ, и доброе имя. Резонъ, написанный граф. Петромъ Васильевичемъ къ вамъ, правиленъ; а по другому резону, чего для я вамъ не отговаривалъ и мое разсужденіе не неправильно.

Что надлежитъ до петербургской поѣздки—это правда, что вамъ трудно; но если будете не подъ суетою двора, то вамъ будетъ легко, ибо дворъ небеснаго Царя, къ которому духомъ будете стараться придержаться, будетъ облегчать и содѣлаетъ такъ, что съ удовольствіемъ отъѣдете; а что и мнѣ за васъ тяжело. И знаю, что ваша поѣздка и не мало будетъ стоить; но вотъ что слѣдуетъ выяснить, что одно повиновеніе волѣ Государевой заставило, забывъ ваше болѣзненное состояніе, на это рѣшиться. Что надлежитъ до меня, слава Богу мнѣ теперь лучше. И у меня сдѣлалась ревматизма въ рукѣ, но теперь почти прошла. Вы изволите спрашивать, около какой поры я располагаюсь пріѣхать въ Москву? Намѣреніе мое было по обстоятельствамъ продажи съ завода нашего (кое случается тогда, какъ болоты промерзнутъ въ лѣсахъ, что бываетъ въ декабрѣ) пріѣхать къ Рождеству, къ коему оттуда и запасъ привозятъ. Но вы пишете, что по первому пути слѣдуетъ вамъ ѣхать. То я готовъ пріѣхать бы одинъ по первому пути; но та бѣда, что у меня жена ухватится, а тамъ и дѣтей возьми и выдетъ со всѣмъ домомъ; а ей трудно одной въ деревнѣ, ибо въ Москвѣ сынъ и дочь, кои побольше, въ пансіонѣ. Но

мнѣ и самому не желается, чтобы вы, не видавшись, поѣхали въ Петербургъ; а пока, до перваго пути, станемъ переписываться, который два раза уже становился.

Богъ васъ да вразумитъ и дастъ вамъ самое трудное имѣть легкимъ, ибо не дѣла затрудняютъ, а наша въ это время ненужность и неловкость, какъ наилучше слѣдуетъ сдѣлать. Ибо все правитъ не сила, а силою искусство, коего должно просить у перваго мастера: Тотъ насъ да вразумитъ и содѣлаетъ трудное легкимъ.

Скажите, выздоровѣлъ ли Василій Степановичъ отъ лихорадки, коя у него была?

Вотъ что за долгъ ставлю не забыть сказать вамъ и совѣтовать: будьте отецъ и другъ братцамъ вашимъ; не смотря, что они этого и не хотятъ признавать, но ласка, откровенность, доброхотство дастъ имъ примѣромъ, не смотря ни на что, это почувствовать и дастъ вамъ надъ ними ассанданъ имѣть, и они нехотя захотятъ и признаютъ это. Правда, и для сложенія вашего это не легко; но мы, пока сложенія нашего не побѣдимъ, то не будемъ счастливы и утѣшены ни въ здѣшней жизни, ни въ будущей. Сказано: любовь дѣйствую и Богъ не можетъ устоять.

4.

26-го Ноября 1807 года.

Вы изволите писать, что прежде не знали и не помышляли объ исправленіи себя; на это вамъ скажу: потому-то первосвященникъ іудейскій и долженъ былъ приносить жертву сперва о своихъ грѣхахъ, ибо онъ вѣдалъ о нихъ, людскихъ невѣжествахъ, ибо всякая ошибка происходитъ отъ недовольнаго или неяснаго вѣдѣнія; а потому Давыдъ, или Духъ чрезъ него, наставляетъ каждаго: *поучуся въ законѣ твоемъ день и нощь; въ заповѣдяхъ твоихъ размышляти буду, уразумѣю пути твоя, во оправданіяхъ твоихъ поучуся*, т.-е. въ томъ, чѣмъ можетъ оправдаться человѣкъ; то вопросъ: при человѣческомъ прилежномъ попеченіи въ подвигахъ благихъ, чѣмъ онъ оправдывается? Праведно вы говорите о своемъ положеніи: сколь-де оно ни отдалено отъ желаемаго, но, можетъ быть, не меньше того и отъ прежняго; а потому совѣтую не упущать умножать ваше вѣдѣніе не токмо спрашиваніемъ, но и слышаніемъ повторенія того, что́ уже слышали, ибо слову много надобно пройти камеръ, что внити или пробиться во глубину сердца, дабы содѣлаться ему живу, не забыться и быть дѣйствующу въ порядкѣ, въ себѣ и въ другихъ. Въ этомъ-то манкировалъ покойный кн. Николай Васильевичъ [1]), считая, что имѣетъ съ

[1]) Репнинъ.

собой книги и этого съ него довольно; а потому-то надѣлалъ много ложныхъ шаговъ и потерялъ даже въ мірскомъ мнѣніи, которое ему дано было прежде, дабы слова его были болѣе уважаемы и онъ бы могъ быть орудіемъ (почитаемымъ) премудрости Божеской, ибо путь средній — такой балансъ на ножовомъ остріѣ: если нѣсколько наклонился на ту или на другую сторону, то заговоритъ человѣкъ или изъ точки невѣрія или изъ суевѣрія; а тако потекутъ нечувствительно ему самому и дѣйствія его.

Что надлежитъ до сухости, кою вы въ себѣ описываете, то если (хотя иногда) она не будетъ поливаема, то плодъ не пробьется и засохнетъ, ибо также бываетъ и съ человѣкомъ, яко съ земнымъ растеніемъ; а потому твореніе благихъ подвиговъ описано, или сказано, у Спасителя тремя состояніями, а именно: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ.* Тутъ тавтологіи нѣтъ, а каждое слово свое и особенное значитъ. Въ натурѣ и въ человѣкѣ путь мокрый или размягченія сначала; потомъ путь сухой или фиксаціи, но онъ долженъ быть поливаемъ, безъ чего завянетъ и засохнетъ; это вы должны знать по садовничеству. А для лѣни должно быть дыханіе вѣтра, который, что есть ясно сказано, *въ девницѣ премудрости.*

Почести и чины, конечно, должны быть ниже васъ: этимъ очаровываются маленькіе умы, о коихъ говаривалъ покойный графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, что это-де курочкины души; но кто, безъ крайней осторожности, можетъ устоять, имѣя въ себѣ всѣ 7 смертныхъ пороковъ или воспаленій, кои всѣ духъ человѣческій омрачаютъ и разслабляютъ душу. О поѣздкѣ въ Петербургъ вы весьма умно и зрѣло судите: съ чѣмъ теперь поскакать, какъ будто бы чему обрадовались; а надобно человѣку дѣловому ѣхать съ дѣломъ; тогда и они и вы будете довольнѣе. Въ книгѣ „Германусѣ“ самое удивительное то, какъ разумъ человѣческій минуетъ самое простое, ясное и понятное, и ищетъ золота въ экскрементахъ, или здоровья въ дыханіяхъ и атмосферѣ дѣвокъ, которое паромъ налипнетъ на окончины; а между тѣмъ, онѣ и вѣтровъ напустятъ тутъ же. Изъ этого замѣчать, что для вюлгера машина комплике или сужденіе комплике легче сдѣлать, нежели просто.

Тако все на свѣтъ указываетъ, который самъ по себѣ простъ, единиченъ, а потому и проницаетъ сердца простыя токмо, т.-е. меньше запутавшіяся въ суетѣ сего міра.

P. S. Если, Боже сохрани, похоже на правду слухъ о чумѣ въ Москвѣ или близъ, то прошу увѣдомить, дабы тогда вамъ доставить данное средство, опытомъ извѣданное, кое противу сего яда стоитъ и истребляетъ; а если этотъ слухъ ложенъ, то въ этомъ нѣтъ нужды.

5.

Отъ 4-го Декабря 1807 года.

Уже съ недѣлю болѣнъ я глазами; думаю, отъ осеннихъ вѣтровъ сдѣлалось. Глаза красны, тяжелы и какъ за слюдой. Что не легка работа и лаженье съ собой, то я опытно вѣдаю 30 лѣтъ; но нѣтъ другаго пути и средства, какъ себя перемѣнять и перемѣнить до пришествія еще кончины, если человѣкъ не хочетъ, чтобъ его, какъ свинью, жарили и палили внутренно и внѣшно, если не будетъ здѣсь дѣйствовать самъ къ тому, чтобъ премѣниться въ совершенствѣ (содѣйствующъ). Изъясненіе, какъ ни рѣзко и уничижительно для нашей гордости, но лучше заранѣе узнать, нежели тогда, какъ станутъ палить и жарить. А кто-жъ духъ съ чѣмъ сравнитъ? и отчаяніе чему уподобитъ? лучше гораздо съ вѣдающими объ этомъ размышлять и объ этомъ разсуждать, нежели усыпляться съ прельщающимися собой и видимостью. Тотъ больше видитъ, который дальше видитъ; а который далѣе своего нынѣшняго веселья не видитъ, тотъ ничего не видитъ. Читаемый вами Арндтъ говоритъ: намъ долженъ и адъ служить. Чѣмъ?—побужденіемъ, дабы насъ гнать къ совершенствамъ, кои суть нравы народовъ, населяющихъ земли Бога вышняго. Арндтъ—книга, рекомендованная отъ Ѳ-на и не такъ, какъ Штилингъ, и тоска по отчизнѣ: ихъ читай, а оселокъ держи въ рукѣ, чтобы не войти въ тѣ же заблужденія. Какъ Шведенборгъ, такъ и Герминусъ самъ же описываетъ сказаніе другихъ и на это не глядитъ, кои суть ясныя, истинныя, величественныя простоты и преподаетъ свою глупую запутанность: астрономію, астрологію бѣдную, видящую мечъ надъ собой и не ищущую и не могущую себѣ помочь, а ищущую помощи въ тѣлѣ мертвеннаго, невозрожденнаго человѣка, въ его испареніяхъ, коего дыханія самъ четверти часа не выдержитъ. О сихъ-то Павелъ говоритъ: всегда учащеся и никогда въ разумѣніе истины придти не могуще. Сужденіе ваше праведно, что мы изъ себя издыхаемъ дыханіе съ смертію, а пріемлемъ воздухъ съ жизнію; теперь микрокосмъ живетъ микрокосмомъ, имъ питается и имъ оживляется.

Сей Герминусъ не вѣдалъ, что, дабы потъ и (неразобранное слово) могли цѣлить,—то надобно наполниться въ той же мѣрѣ Духа святаго, какъ и апостолы (не вдругъ мало-по-малу и уже наконецъ), во время пятидесятницы, ибо наша скудельная храмина вдругъ наполниться не можетъ: потому-то нужно (что̀ и говоритъ и побуждаетъ само вѣчное Слово), гдѣ двое или трое, ту есмь и Азъ посреди ихъ; сего-то ради врагъ рода человѣковъ, чрезъ злыхъ невѣждъ, старался всегда разорвать связи, дабы осѣмяненія и рожденія не было, яко то и было при Фараонѣ, прежде исхода Израильтянъ изъ Египта.

Вы пишете, что удивительно, какъ въ публикѣ много наклонныхъ людей къ распространенію ложныхъ слуховъ. Но гдѣ въ городахъ, а особливо большихъ, не такъ? Даже и въ деревняхъ ложь скорѣе разойдется, нежели правда; а ежели и правда, то съ прибавкою лжи. А резонъ тому, что всякъ человѣкъ—ложь, (неразобранное слово) малые это вѣдаютъ, то и сердятъ Государя, разсказывая ему ложь или еще прибавляя ложь на ложь. А разумный бы министръ смѣялся этому и пропускалъ противное тому, то ложь сама собой изведется и всѣ бы были покойны; а то все хотятъ запереть уста лжи мечомъ желѣзнымъ; этимъ ея не прекратишь.

Слышно, что Финляндію и около Балтійскаго моря наполняютъ семьюдесятью тысячами войскъ. Не будетъ ли чего со Шведами? Кн. Волконскій и Обрѣзковъ отставлены отъ ихъ должностей; а на мѣсто генерала кригсъ-комисара — Балашовъ.

6.

Москва, 16 Декабря 1807 года.

Благодарю покорнѣйше за увѣдомленіе скораго вашего отъѣзда, о коемъ хотя и сожалѣю, но дай Боже общей пользѣ по мѣстамъ, кои вамъ Богъ ввѣрилъ, успѣхъ, а притомъ и вашей: ибо части пекутся объ общемъ; а общее должно части усиливать и наполнять, дабы онѣ не дѣлалися пусты, чрезъ что и будетъ слѣдовать ихъ безсиліе.

Благодарю покорнѣйше за попеченіе о мнѣ; при семъ посылаю бумагу, яко мнѣніе одного гражданина и изъясненное право его требовать отъ мѣста, кое всѣ недоумѣнія должно разрѣшать; ибо откуда наука происходитъ, тамъ всему есть рѣшеніе. То посмотрите на эту бумагу: не годится ли что-нибудь для правилъ, коимъ министръ просвѣщенія долженъ придержаться.

7.

15 Сентября 1808 года.

Увѣдомьте меня, каковы въ своемъ здоровьѣ: поѣхалъ я изъ Москвы, вы нездоровы были. А мы пріѣхали по сухой дорогѣ и всѣ въ пыли, а по пріѣздѣ Богъ благословилъ дождемъ ночью, въ самое лучшее время, ибо луна господствуетъ ночью и всякая влага отъ нея или чрезъ нее. Она царица ночи и родительница влаги, безъ которой ничто не можетъ утучняться, а безъ утученія ничто и не изъ чего будетъ расти. Сей разговоръ нарочно я привязалъ, дабы ввести васъ въ размышленіе о ходѣ и дѣйствіи натуры, въ чемъ состоитъ

классическое ученіе, какъ свѣтъ дѣйствуетъ во мрачности или теплота — во влагѣ.

Желаю вамъ: 1) здоровья, 2) спокойства духа и 3) стремленія къ познаванію вещей невидимыхъ, въ чемъ состоитъ *вѣра*, которой умноженія вамъ и себѣ желаю.

8.

21 Сентября 1808 года.

Желаю вамъ здоровья и всякаго благословенія Божія на благіе подвиги, яко плоды, за кои дается покаяніе и страхъ Божій, яко начало премудрости, къ коему страху весьма помогаетъ вѣдѣніе Божія всемогущества.

Въ натурѣ: 1) въ силѣ воды, то-есть дождя, если-бы отверзлись хляби небесныя; 2) въ силѣ вѣтра: коего бури чего не снесутъ? чего не расторгнутъ и чѣмъ не потрясутъ? яко самъ Господь предсказываетъ, что: *еще потрясу не токмо землею, но и небомъ*, и тогда силы небесныя двигнутся съ мѣстъ своихъ, и 3) въ силѣ огня, который дохновеніемъ вѣтра будучи приведенъ въ движеніе, чего не спалитъ и не растопитъ? Тако себѣ силы сіи представляя, приведетъ себя человѣкъ въ трепетъ и содраганіе. Какова сила духа, которая всѣмъ этимъ такъ легко движетъ, что одна любовь его оное удерживаетъ! И сколь мы близки къ сухости и къ воспаленію общему! Сіе зрѣніе впредь, сей духъ прозрѣнія или пророчества помогаетъ намъ къ вѣрѣ вездѣсущія Божія, яко къ отцу; къ преданію себя въ его милосердіе, яко къ сыну, и въ ожиданіе совершенія его, яко къ его духу. Вотъ единица въ трехъ ея силахъ; а потому крайне необходимо воображеніе и себѣ представленіе силъ Божіихъ въ натурѣ, кои часто даютъ себя чувствовать и насъ, безстрашныхъ, лѣнивыхъ, сонливыхъ и безпечныхъ, потрясаютъ и съ эгоистическаго нашего стула двигаютъ для видѣнія, что единъ мигъ, то и увидимъ себя въ другомъ мірѣ, гдѣ останемся одни: безъ друзей, безъ имѣнія и безъ одежды даже. Да воспособляемся здѣсь заранѣе привычками къ тому, что въ будущемъ мірѣ необходимо, и да пріучаемъ себя удивляться дѣламъ Божіимъ; а потому пріучая мы себя, духъ намъ и говоритъ въ Давыдѣ именно намъ: Да не возглаголятъ уста моя дѣлъ человѣческихъ, кои суть суета и прелесть духа; но уста моя, глаголетъ Господь, да возглаголятъ премудрость и поученіе, сердца моего разумъ.

9.

5-го Октября 1808 года.

Славу Богу, пріѣхалъ я и не очень здоровой въ подмосковную благополучно по сухой дорогѣ, этакой осени давно не бывало и это

не по натурѣ, ибо солнечные годы перемѣнные, а нынѣ самый постоянный и благословенный. Сколько намъ самимъ чрезъ то указанія, чтобъ мы натуру нашу старались сдѣлать постояннѣе въ добрѣ, стремленіи къ небесному нашему отечеству и воспоминаніемъ о немъ подавляли бы всякую суету, которая ослабѣвшій духъ нашъ вводитъ паче и паче въ потрясеніе: яко и самъ Спаситель говоритъ Петру: *се сатана просить, дабы сѣять васъ, яко пшеницу; азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя.* Тако суета: что и есть, въ параболи въ чешскомъ языкѣ, *сатана,* просѣвать старается насъ сквозь рѣшето суетностей и тако духъ нашъ такъ разслабитъ, что мы начнемъ усматривать тогда, когда силы наши уже весьма истощены и весьма далеки отъ вѣрованія истинамъ невидимымъ и стремленія къ исполненію намѣреиныхъ нами правилъ. Словомъ сказать, борьба съ самимъ собою была и есть работа самая благороднѣйшая, великая и правильно называется царственная; и наука, которая учитъ править экстрактомъ міра, правильно называется царственная. Словомъ наука сія наука царей была и есть; она то даетъ, что носятъ цари въ рукѣ своей лѣвой, что означаетъ державу.

Когда мы не можемъ бесѣдовать устно, то обязаны сноситься письменно и тѣмъ паче, что все это есть приготовленіе къ классическому ученію, о коемъ увѣдомлялъ васъ прежде; потомъ слѣдовать будутъ нѣкоторые вопросы изъ нравственности, натуры или богословія. Мое дѣло усердствовать вамъ и вы хорошо будете содѣйствовать, если будете прочитывать по временамъ письма мои, ибо они писаны изъ черпанія того свѣту, который нуженъ намъ здѣсь и въ вѣчности.

10.

Іюля 20-го, 1809 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 18 Іюля. Въ городѣ я пробылъ долго безъ намѣренія, замедленъ будучи день за день, потому васъ и не увѣдомилъ, хотя все на другой день выѣхалъ. Теперь опять все дожди, хотя погода крайне теплая и благимъ растворенная, которою я совершенно пользоваться не могу, ибо все поперемѣнно, но боль у меня въ поясницѣ продолжается, хотя слава Богу гемороиту и не чувствую. Теплые дожди, это правда, сѣнокосу совсѣмъ мѣшаютъ, но наливу ржи и яровымъ крайне полезны.

Что надлежитъ до Наполеона, то изволите припомнить, что въ другой разъ туманъ и даваемая ему въ это время рѣшимость ему дѣлаются полезны, а первая, когда туманъ закрылъ его, какъ онъ проѣзжалъ изъ Египта по Средиземному морю сквозь англійскій флотъ и какъ можетъ быть это безъ Провидѣнія? Хоть для наказанія дерзости и необдуманности тѣхъ, кои хотятъ насильно лѣзть противъ

того, который покровительствуемъ и уже столько доказано, что все послужитъ къ его возвышенію вящшему. Навуходоносоръ мы не знаемъ, чѣмъ былъ лучше его! но о немъ Господь говоритъ: я совершу имъ дѣла мои. То, пожалуй, борись противъ этого! До сихъ поръ, кромѣ воды, кто на сушѣ не возставалъ? кто устоялъ? они-де дѣлали ошибки такъ и да кто-жъ виноватъ, что дѣлали? всегда другіе и выигрывали отъ ошибокъ своихъ противоборниковъ. Если австріяцамъ и не быть, то самое ихъ возстаніе и этакое противоборствіе и неразмѣреніе силъ своихъ, лѣтъ 15 испытуемыхъ противъ французовъ, и есть причина видимая конца ихъ имперіи; а, конечно, есть причина и глубже этой, то есть невидимая, напримѣръ: почему Неаполь остался, а правители выгнаны; а Польша—не только правители отставлены, но и цѣлость государства разрушена. Такъ и въ прочихъ мѣстахъ: Саксонцы были покойны; копили деньги. Но гдѣ эти деньги? Тако во всемъ. А говоря частно о таковыхъ, какъ Наполеонъ, изволите читать въ притчахъ Соломоновыхъ 30-я глава, стихъ 21-й: тремя трясется земля именно: аще рабъ воцарится; безумный исполнится пищею и прочее. А что насъ цесарцы колотили вновь! то насъ уже давно отучаютъ, дабы въ чужія ссоры не мѣшаться, а дома хозяйствовать. Зрѣніе ясное во всѣ эти вещи даетъ покой, какого другіе не имѣютъ, ибо ясность отъ свѣта, а свѣтъ откроетъ дѣла премудрости, а зрѣніе на это и успокоитъ; а другіе все кричатъ: для чего это не такъ? это не этакъ? и слѣдовательно, все требователи, судьи и роптатели. На кого? на что? Чѣмъ и Богъ самъ недоволенъ. Но онъ ведетъ къ исправленію; а эти ропщутъ, не видя средствъ ни у кого къ исправленію. И тако недовольные засыпаютъ или вѣчнымъ или временнымъ сномъ. Но намъ, кои вѣдаютъ о невидимой полиціи,—намъ легче, ибо мы видимъ и помощника и исправителя; и хотя страждемъ также, но что есть надежда въ страданіи? слѣдуетъ спросить у тѣхъ, кои страждутъ, не имѣя надежды къ избавленію. Надежда есть лучъ оттуда, гдѣ послѣдуетъ или откуда изліется избавленіе. Осіяніе симъ лучемъ много такъ уменьшаетъ страданіе, что страждущій съ крайнимъ облегченіемъ ожидаетъ избавленія и тѣмъ укорочиваетъ время, чего и вамъ и себѣ желаетъ искренно усердствующій и проч.

11.

11 Августа 1809 года.

Головная боль отъ несваренія желудка, или отъ несваренія мыслей въ сердцѣ, чрезъ что кровяные духи кидаются въ голову, не находя успокоенія въ сердцѣ и чая тамъ найти, голову отяжеляютъ; а намъ, вѣдающимъ причину и цѣленіе, слѣдуетъ успокоиваться преданіемъ въ волю Божію; просить его даже и о самыхъ малостяхъ,

12.

26 Марта 1810 года.

Полагаю, что вы пріѣхали уже въ Петербургъ и, во упованіи на Бога, благополучно. Поздравляю, желаю и прошу Господа, да поставитъ онъ ангеловъ своихъ на путяхъ вашихъ, чего для желаю вамъ да удерживаете себя на пути щедрости и благости его къ человѣкамъ и къ вамъ, молитвою уединенною въ сокрушенномъ даже и тѣлесномъ положеніи, съ затворенными крѣпко дверьми всякій день, чтеніемъ св. писанія, хотя чего-нибудь, и пастырс. посланій. Желаю вамъ, да остережетъ васъ Господь отъ разговоровъ и мыслей, охлаждающихъ васъ къ духу Θ-на (т.-е. масона) или духу собратства; да сохранитъ васъ Господь въ здоровьѣ вашемъ, въ обстоятельствахъ, а паче въ зрѣніи къ вещамъ невидимымъ, кое есть назиданіе въ вѣрѣ. Молитесь за брр., коя молитва будетъ обращаться на васъ; сіе вамъ желаетъ и о семъ молитъ (тире въ подлинникѣ) Всемогущаго, коимъ вся быша и вся совершится. Сея молитвы желаетъ и вамъ искренно усердствующій.

13.

8 Апрѣля 1810 года.

Поздравляю васъ съ симъ праздникомъ, возвѣщающимъ всеобщій юбилей, по коему, яко по аршитипу, должно быть все выработано и приведено въ состояніе, дабы Богъ былъ повсюду. Желаю, да силы вашего вѣчнаго человѣка обновляются всякій день, во снѣ ли то или во бдѣніи, дабы они могли прозрѣвать сквозь видимое въ невидимое и тѣмъ возращать вашу вѣру, укрѣплять надежду и воспитывать любовь; желаю, да духъ вѣчной натуры въ васъ воскресаетъ, яко орудіе Божія всемогущества, его премудрости и славы, чрезъ что всякая мертвенность и тлѣніе должны исчезать и давать вамъ чувствовать во всѣхъ насъ и внѣ насъ любящаго насъ и радующаго, и веселящаго насъ Бога! Поддерживайте въ себѣ духа собратства молитвою и повтореніемъ обѣта, дабы духъ Господа нашего и мастера васъ наполнялъ, васъ укрѣплялъ и просвѣщалъ сердце ваше и разумъ.

Да дастъ вамъ охоту упражнять васъ въ познаваніи дѣлъ Божіихъ и въ различеніи ихъ съ дѣлами человѣческими. Богъ да дастъ вамъ благословеніе, миръ и единство.

14.

Изъ Москвы, Мая 5-го, 1810 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 7-го Апрѣля, сожалѣю весьма о болѣзни слуха, которая весьма безпокойна, ибо тонкій слухъ

Поговорите Кудрявцеву не писать въ письмахъ по почтѣ о рыцарствѣ; да и васъ называетъ рыцаремъ (писалъ онъ къ Кутузову), хотя и въ хорошемъ смыслѣ, но это все болтовня, писать публично, изъ чего могутъ вывести глупые толки; а обо мнѣ, что я это пишу, прошу не давать ему знать. Для васъ не хорошо, коли онъ будетъ также писать, будучи при васъ.

15.

Мая 22-го, 1810 года.

Получа письмо ваше, посланное съ господиномъ Калиновскимъ чрезъ вашъ домъ и не имѣя другаго случая, обѣщалъ мнѣ Өед. Петр. доставить его къ вамъ вѣрно, кое къ нему и посылаю, а между тѣмъ изъ вашей домовой конторы пришли ко мнѣ просить отвѣту на ваше письмо: то я сіе и посылаю, а въ письмѣ чрезъ Өед. Петр. писалъ о всемъ отвѣтъ. Желаю вамъ здоровья и во всемъ милости Господней и его сохраненія и помощи.

16.

Мая 22-го, 1810 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 15 Мая и за милость къ человѣку, о коемъ вы изволите упоминать. Весьма желаю, чтобъ вы удовольствіемъ, отъ него получаемымъ, сами оправдали сію, ему доставленную, милость. Люди формируются не вдругъ, и Богъ самъ ожидаетъ сего передѣланія, которое дѣлается мало по малу, а мы (масоны) обязаны помогать совѣтами, въ коихъ вливаются хотѣнія, дабы намъ отъ часу исправляться болѣе и болѣе, и Богъ самъ къ тому великій и первый помощникъ.

Въ письмѣ кн. Ник. Михайловича [1]) писано о предложеніи тому, коему быть при васъ, коли онъ согласенъ занять это мѣсто, то чтобы и совѣтывалъ ему ѣхать, почему я и отобралъ было его согласіе; и онъ желаетъ. Но въ вашемъ письмѣ желаете вы знать, умѣетъ ли онъ писать, т.-е. сочинять, я разумѣю, что ему дано будетъ. Сверхъ того вы желаете, чтобъ это былъ человѣкъ честный и скромный; то хотя по недавности моего знакомства, но однако противнаго сему я ничего не замѣтилъ, и даже и люблю сего молодаго человѣка, по его кажущемуся мнѣ хорошему и способному ко многому характеру. Но что надлежитъ до его отца, коего кн. Ник. Михайловичъ долженъ знать, кто онъ и каковъ; то по отцу суди, сынъ таковаго долженъ быть долговременнѣе разсматриваемъ, нежели я имѣлъ время и кн. Ник. Михайловичъ; и ожидать бы опытовъ, дабы вамъ

[1]) Козловскаго.

его можно было рекомендовать. То я и рѣшился, сообразно вашему письму, гдѣ вы не говорите, чтобъ его отправить напередъ къ вамъ, и описать сіе, и ожидать вашего рѣшительнаго приказанія его отправить. Медленіе сіе, пока я получу отъ васъ отвѣтъ, думаю, большаго разстройства не сдѣлаетъ, а между тѣмъ вамъ дастъ больше замѣтить объ осторожности и поставленіи его на опытъ, когда будетъ при васъ, дабы вы на мою о немъ рекомендацію совсѣмъ не полагались, а сами его изволили разсмотрѣть, когда при васъ будетъ; то я и не останусь подъ такимъ вамъ отвѣтомъ, что вы на одно мое одобреніе увѣрились. Впрочемъ, паки скажу, что сей молодой человѣкъ мнѣ во многомъ является достойнымъ довѣренности; но малое время знакомства его со мною нудитъ къ осторожности, а тотъ, отъ кого онъ происходитъ, наводитъ (неразобранное слово) репутацію и опасеніе, чтобы не открылись въ немъ свойства и правила отца его. Но оканчиваю паки тѣмъ, что я его люблю и охотно желаю ему добра невещественнаго, и вы, ежели рѣшитесь, то прикажите и я скажу ему, чтобъ онъ скорѣе ѣхалъ; а между тѣмъ, дабы узнать, умѣетъ ли онъ писать, далъ ему нѣкоторую тему, кою къ вамъ, не дожидаясь вашего еще отвѣта, пришлю. Желаю вамъ здоровья и во всемъ милости Господней; а по моей преданности къ вамъ и усердію, желаю вамъ осторожности, о коей говоритъ Спаситель: се сатана проситъ, дабы сѣялъ васъ, яко пшеницу, азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя. То въ гіероглифическомъ языкѣ есть сатана князь тьмы, а рѣшето, сквозь что просѣваетъ—это суета, кою невѣдающіе любятъ и хотятъ, чрезъ обезсиленіе своихъ силъ, найти какое-то утѣшеніе и блаженство.

17.

Мая 26-го, 1810 года.

При семъ посылаю, по заданнымъ вопросамъ, отвѣты того, коего вы, если изволите рѣшительно назначить быть при васъ, то прикажите и онъ отправленъ будетъ, то есть г-нъ Курбатовъ. Онъ это писалъ самъ и сочинялъ, какъ могъ, самъ по пріобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ. Поздравляю васъ съ сегоднишнимъ днемъ, празднованіе котораго воспоминаетъ, какъ сотворившій вся вознесъ животную натуру съ собою туда, гдѣ онъ прежде былъ и какъ онъ паки пріидетъ. То всякую натуру человѣковъ, несообразовавшихся его любви и чистотѣ, предастъ или оставитъ закону, который зачнетъ производить свой процессъ, дабы твари въ конецъ не погибли. Но тѣ, кои зачали и продолжаютъ сообразоваться его любви и его чистотѣ нравовъ, тѣ получатъ первое воскресеніе, что и говоритъ св. писаніе.

Желаю вамъ во всемъ милости Господней и сохраненія отъ раз-

сѣянности, въ которой силы всякаго и свѣтъ и свѣтскаго разума ослабѣваютъ.

Что есть университетъ по разумѣнію гражданскому? Разсматривая граждански, университетъ есть мѣсто, посвященное наукамъ; предметъ учрежденія его есть тотъ, чтобъ открыть безпрепятственный путь къ наукамъ для всѣхъ состояній, гдѣ всякій, по удобопріемлемости и способностямъ своимъ, можетъ почерпать нужныя вѣдѣнія. Онъ есть училище воспитанія, гдѣ юношество подъ надзоромъ благоразумныхъ наставниковъ своихъ, возрастая въ нравственности и познаніяхъ, пріуготовляется быть полезнымъ государству, содѣлаться добрыми гражданами, и достойно занимать должности, къ коимъ отечество каждаго предназначитъ.

Что есть университетъ по разумѣнію философскому? Разсматривая философически, университетъ есть мѣсто истиннаго просвѣщенія; предметъ его есть—приводить учащихся, чрезъ науки, къ познанію истины. Первое его вниманіе должно наипаче обращено быть на очищеніе нравственности и посѣяніе въ сердца сѣмянъ добродѣтелей, которыя есть пути, провождающіе ко свѣту и пріуготовляющіе къ вышнимъ познаніямъ. Онъ долженъ обращать вниманіе учащихся на натуру; замѣчать законы, по коимъ она управляется и дѣйствуетъ, стройность и гармонію въ частяхъ ея и въ цѣломъ, составляющую истинную красоту. Долженъ показать, откуда всѣ вещи получили свое начало, измѣненіе ихъ и совокупное дѣйствіе къ достиженію предназначенной имъ цѣли; и науками физическими доказать, что все видимое и чувственное есть отпечатокъ невидимаго и сверхъчувственнаго, а изъ разсматриванія природы обратить вниманіе на самихъ себя, на изслѣдованіе внѣшняго и внутренняго существа своего. Показать аналогію человѣка съ натурою, причины, почему человѣкъ уклонился отъ порядка, наблюдаемаго въ природѣ и показать средства, какимъ образомъ онъ можетъ достигнуть къ возстановленію гармоніи въ самомъ себѣ, и откуда онъ можетъ почерпать свѣтъ къ истинному познанію всего, и силы къ исполненію познаннаго.

Доказавъ науками и натурою, что̀ есть истина, и сообщивъ вѣрныя средства къ достиженію ея, университетъ исполнитъ въ полной мѣрѣ назначеніе свое и ожиданіе государства, образовавъ людей, коихъ всѣ дѣйствія управляемы будутъ по законамъ просвѣщеннаго разума и сердца, освобожденнаго отъ страстей и пороковъ. Добрые нравы ограждаютъ существованіе государства, содѣлываютъ благоденствіе его незыблемымъ и составляютъ наикрѣпчайшую защиту отечества.

18.

Іюня 2-го, 1810 года.

Посылаю письмо сіе съ ѣдущимъ, въ коемъ скажу, что въ преж-
емъ письмѣ не написалъ фамиліи того, кого вы намѣреваетесь брать,
бо должно бы описать его дѣйствія, т.-е. отца сего Курбатова, то
оязнь моя, усердствуя вамъ и желая вамъ имѣть вѣрнаго человѣка,
обудила меня не вдругъ посылать къ вамъ, боясь, чтобы сынокъ не
ошелъ по правиламъ и по стезѣ батюшки своего, который изо всѣхъ,
навшихъ вещь, какую давалъ клятву передъ Богомъ, паче всѣхъ
ругихъ вызвался и выказался клятвою ложною, якобы онъ на улицѣ
трѣтилъ мужика съ широкою бородою, который ему сказался апо-
толомъ Павломъ; и много лжи прибавлялъ и былъ первымъ почти
рудіемъ остервенѣнія у Прозоровскаго; сжёгъ внѣ Москвы въ двухъ
ѣстахъ съ командою книги благочестивыя, и не только что ихъ самъ
росалъ въ огонь, но напередъ дралъ, а послѣ въ огонь бросалъ; и
е это, чтобы ему дали чиновъ и крестикъ! То я, боясь, чтобы вамъ
охожаго чего-нибудь не доставить въ сынкѣ, сдѣлалъ наипаче труд-
ость въ отправленіи его, не отнимая однакожъ у сына то, что мнѣ
ь немъ нравится и что я его люблю; но сказано: кто невѣренъ
огу, можетъ ли вѣренъ быть человѣку? и уже вѣрно отецъ не могъ
оселить въ него мыслей, содержащихъ человѣка въ благочестіи и
рности; а какъ потому сынъ хотя за отца не отвѣчаетъ, но слѣ-
етъ остерегаться, чтобы при случаѣ не вышло чего похожаго на
тюшку, слѣдовательно все, чего слѣдуетъ остерегаться, о всемъ
лжно васъ предварить, и имѣя это въ памяти, видѣть Спасителя.
кими онъ чудесными путями сына устроиваетъ быть другомъ вещи.
торой отецъ есть врагъ, столь больше всѣхъ высунувшійся. Бог
утвердитъ его въ вѣрности къ себѣ и къ вамъ, и воспит[illegible]
ь благодарности къ Ѳ-ну, къ вамъ и ко всѣмъ благодѣю[illegible]
ы страшитесь суеты и должно весьма страшиться, ибо, что [illegible]
ма, то здѣсь суета, и боящемуся ея должно молиться и [illegible]
ь мысли слова эти: *Господи, отврати очи мои, [illegible]*
еты, и въ пути твоемъ оживляй меня. Сіе прошеніе [illegible]
овѣтую начинать день чтеніемъ нѣкоторыхъ строчек[illegible]
и изъ прочаго изъ св. писанія и псалтирью [illegible]
аша коротка, суетна, многоболѣзненна и всякой [illegible]
ающа, а потому сколько труда содержать себя [illegible]
о человѣку невозможно додѣлать, то [illegible]
иться должно для осторожности, а [illegible]
асто вспоминать: вся возмогу о укрѣпл[illegible]
себя весьма близко избранную библіотек[illegible]
огда по ней можно спрашиваться

Благодарю васъ много за Кутузова; милость сдѣлана ему великая; но сіе продолжите тѣмъ: исходатайствуйте, чтобъ онъ жилъ здѣсь, въ Москвѣ, что и должно бы; а когда надобно, то призывайте его на время, и еще, исходатайствуйте ему столовыя деньги, усовершенствуйте его наставленіями безъ бережи; а тѣ, коимъ вы писали, чтобы совѣтами ему не оставлять его, беречь, они это будутъ дѣлать по всей ихъ возможности, и онъ обѣщалъ слушаться. Дай Боже вамъ всякое благословеніе и силу въ сохраненіи васъ, въ наставленіи въ совѣтахъ и въ крѣпости духа, дабы отклонять нападеніе мысленныхъ и словесныхъ враговъ; молиться за Ѳ-нъ и любящихъ его, то дастся вамъ сила, которою можно услаждать самыя непріятныя противорѣчія, пользы ради его и общей; Богъ вамъ къ тому дастъ силу и премудрость, коею царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду.

Просите Бога, да содержитъ васъ и дастъ быти вѣрнымъ Ѳ-ну и вашимъ обѣтамъ, дабы служить Богу, и содѣлываться полезнымъ человѣкамъ. Первое по вѣчной, а второе по временной цѣли, сего желаю вамъ.

При семъ прилагаю письмо отъ *Сенмари* о цвѣтахъ для его зеленаго элексира, который вы ему обѣщали; пожалуйте повелѣніе.

19.

Изъ Москвы, Іюня 11-го 1810 года.

Препровождаю съ письмомъ симъ молодаго человѣка Петра Александровича Курбатова точно на ваши руки, въ разсужденіи остереженія его нравовъ и понятія, который прикосновенъ будучи только къ правиламъ хорошимъ, не имѣлъ еще времени показать на опытахъ ни своей вѣрности, ни своего отмѣннаго прилежанія; но будучи весьма добраго расположенія, охоты и вниманія, чрезъ что всегда онъ былъ мнѣ весьма пріятенъ, а потому прошу и васъ покорнѣйше, сверхъ свѣтскаго начальства, быть ему милостивымъ наставникомъ и охранителемъ его нравовъ и понятій, чѣмъ содѣлаете его себѣ вѣрнѣе и Богу угоднѣе, и приготовите въ способныя и вѣрныя орудія впредь нашему доброму и благорасположенному Государю. Наша жизнь, по вашимъ и моимъ лѣтамъ, не можетъ быть продолжительна, то, сколько можемъ успѣть, обязаны работать надъ субъектами способными къ добру; направить ихъ на прямыя понятія; утвердить въ вѣрѣ къ добру, коего корень есть въ Богѣ, яко родителя всякаго добра, въ коемъ есть животъ и блаженство нескончаемое всѣхъ тварей. Орудіе къ сему есть слово Всемогущаго, сблизившееся съ нами въ четвертой тысячѣ лѣтъ и дающее намъ соединить себя съ нимъ чрезъ плоть его и кровь, дабы въ крови его получили мы его свойства; ибо свойство въ

крови, а плоть есть вегикулъ крови. Чтобы все это обнять потребна премудрость, въ коей все яснѣйше и ощутительно и потомъ живо открывается. Желаю вамъ чтенія и размышленія въ священномъ писаніи, не смотря на многія должности ваши теперь всякаго роду, а потому духъ вамъ вѣрно часто говоритъ: времени нѣтъ! Но когда кто что любитъ, то время всегда на то находитъ, а къ сему же помощникъ Тотъ, отъ коего всякое время и начало; Ему да будетъ слава, благодареніе и поклоненіе и отъ насъ во всея вѣчности! Господь всѣхъ васъ да не оставитъ.

Весьма буду радъ, если Богъ велитъ вамъ въ Іюлѣ пріѣхать въ Москву, какъ вы намѣревались. Свиданія наши по всему рѣдки и коли они къ назиданію во благѣ, то они даръ небесъ, кои отъ насъ мало зависятъ.

20.

Изъ Москвы, Іюня 27-го 1810 года.

Рекомендованный вамъ человѣкъ уже давно, по числамъ заключаю, долженъ быть у васъ. Дай Богъ, чтобы вы имъ были довольны, что́ и слѣдуетъ надѣяться; а что качества моральныя и физическія, какъ вы пишете, могутъ переходить наслѣдственнымъ образомъ, то весь родъ человѣческій носитъ эту сигнатуру на себѣ, ибо отъ одного все это происшедшее зло и до сихъ поръ ведется, умножаясь каждымъ въ себѣ и въ другихъ; и какъ все моральное и физическое зло и до сихъ поръ идетъ умножаясь, коему числу конца нѣтъ, то омега и положитъ своими 9-ю всему конецъ и введетъ все въ число 10-е, гдѣ весь кругъ будетъ слѣдствіе или проникнутъ числомъ 1-мъ, коимъ все въ кругъ регулярный введено будетъ, и всякій прямымъ радіусомъ или прямымъ лучемъ будетъ проникнутъ; прямымъ лучемъ, а неискривленнымъ. Искривленные лучи, разумѣется, секты, одна другой грубѣе, и самое грубое—идолопоклонство—и то есть секта, ибо лучи истины и тамъ есть, но весьма искривленные, кои всѣ должны быть премудростію исправлены, потому-что въ ней ко всякому исправленію, ко всякому благу средства есть, и изъ-подъ средствъ премудрости ничто выпасть не можетъ, да и некуда, ибо все въ Вездѣсущемъ, все въ немъ плаваетъ, и нѣтъ пустаго мѣста, гдѣ бы Вездѣсущаго не было; а премудрость есть дыханіе силы его, которая состоитъ въ двухъ лучахъ первыхъ циркуля, то-есть въ правосудіи и въ милосердіи, коими до кого онъ недостанетъ? и кого ими не охватитъ?

Дай Богъ, чтобъ вы могли, по вашему желанію, говоренному здѣсь и потомъ прежде еще писанному, что намѣреваетесь въ Іюлѣ здѣсь побывать; а въ домѣ вашемъ дожидаются вашего пріѣзда, что́ я самъ

слышалъ, будучи въ вашемъ саду, по позволенію вашему, для моихъ домашнихъ; а самъ бы я одинъ не пошелъ, ибо всякій домъ или садъ красенъ хозяиномъ, а хозяина коли нѣтъ, то мнѣ сносно разъ пройти, коли хозяинъ существуетъ, а если бы гдѣ не было, то и глядѣть тяжело, ибо всякій домъ живъ и пріятенъ хозяиномъ. Дай Богъ, чтобъ вы не одинъ разъ сюда пріѣхали! Вотъ участь твореній человѣческихъ: еще человѣкъ не додѣлалъ, а его и берутъ прочь, такъ что судья не даетъ взглянуть на дѣло рукъ своихъ, въ знакъ что дѣло человѣка не то, не конечное дѣло, а долженъ онъ строить безконечное, то-есть похожее на отца своего и на себя—вотъ дѣло человѣка; а мы, коимъ дано вѣдать начало, средину и конецъ вещей, должны то же дѣлать, что́ дѣлаетъ Отецъ вещей, Имъ же вся быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть; а въ томъ наша жизнь, къ коему устремляя духъ и чувства наши и сближая себя, сбережемъ силы свои отъ разсѣянности, а чрезъ то и во временныхъ дѣлахъ будемъ способнѣе, удобнѣе, вѣрнѣе и Богу угоднѣе, а чрезъ то и людямъ полезнѣе.

Прошу покорнѣйше отдать вложенное письмо кн. Николаю Михайловичу.

21.

Августа 10-го 1810 года.

Уже давно не имѣлъ случая писать къ вамъ; теперь представился съ ѣдущимъ въ Петербургъ кн. Горчаковымъ. Видно трудность отыскать домъ удерживаетъ поѣздку вашу въ Москву; а между тѣмъ слухомъ и письмами увѣдомленъ я, что въ Петербургѣ позволеніе или непрепятствованіе дало возможность открыть многія (ложи) [1]). Все это, какъ стремленіе, такъ и позволеніе, хорошо весьма, ибо занятія въ познаніи истинной нравственности и расширеніи понятій, взирая на параболы натуры, тѣснить не должно; но весьма должно опасаться, чтобы не вкралась смѣшанность, съ которой весьма можетъ влѣзть опасный мнимый свѣтъ, такъ-называемаго иллюминатства, которое нынѣ въ Нѣмецкой землѣ и въ Пруссіи въ немаломъ ходу: и въ Пруссіи давно уже не являлось той ясности свѣта, который прежде полученъ былъ.

Весьма опасно входить въ связи съ пріѣзжающими сюда иностранцами, кои, дома у себя не нашедъ ни временнаго, ни вѣчнаго, пріѣзжаютъ сюда, являя себя распространителями свѣта и, перебывавъ во многихъ мѣстахъ, вынесли, слышу, одно только ЕХ (sic).

---

[1]) Вмѣсто слово ложи въ текстѣ вездѣ нарисованы четырехугольники.

Это я писалъ о профессорѣ Феслерѣ, который есть эксъ-езуитъ и эксъ-капуцинъ.

Что же должно сказать и о тѣхъ, кои ихъ выписываютъ, или ихъ утверждаютъ на мѣстахъ? Мнѣ все это слышать странно, не ожидавъ этого прежде.

Благодареніе Всевышнему, что намъ дано столько, что мы не только не вычерпали всего, что имѣемъ, но ниже когда-либо можемъ, вѣдая, что свѣта искать въ себѣ обязаны. Дай Боже, да сохранитъ Онъ васъ любить познаваніе вездѣсущаго Бога; Его Самого, явленнаго видимо въ четвертой тысячѣ лѣтъ, то есть Христа его и свѣта натуры, яко вегикула слова. Да исполнитъ онъ васъ 7-ми даровъ Его, дабы вы явили себя примѣромъ созиданія храма и пособили ближнимъ къ таковому же строенію, къ чему да поможетъ вамъ Господь и Его премудрость!

Князь Горчаковъ, о коемъ я упомянулъ, тотъ самый, о коемъ вы многими прошены—помѣстить его въ директора училищъ; а онъ теперь чаетъ найти мѣсто выгоднѣе и еслибы таковое открылось подъ вашимъ начальствомъ, то и я бы просилъ весьма за него.

22.

Августа 11-го 1810 года.

Покорнѣйше прошу сдѣлать милость, по посланному къ вамъ письму отъ Ѳ. П. Ключарева о сынѣ его, что будетъ возможно по вашему милостивому старанію, какое можно употребить.

23.

Сентября 23-го 1810 года.

Теперь только свободнѣе могу отвѣчать на письмо ваше (полученное мною съ вашимъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ), съ ѣдущимъ бывшимъ повѣреннымъ Дьякова, по названію Янышерловымъ, а до сихъ поръ, съ того времени, какъ получилъ упоминаемое письмо ваше, были два случая, но не такъ вѣрные: одинъ съ кн. Горчаковымъ, съ коимъ я и писалъ письмо къ вамъ, но такъ, чтобъ только вы могли разумѣть ясно; а другой случай: ожидая точно вѣрной оказіи, но не случилось; то, поговоря о вѣрной только оказіи съ г. Ключаревымъ, послалъ письмо съ нарочнымъ почталіономъ, который, сказывалъ г. Ключаревъ, возвратился и отдалъ вѣрно вамъ письмо. Но мнѣ все это не такъ вѣрно, даже и посланный; а потому и съ нимъ я писалъ все больше иносказательно и такъ, что не увѣрилъ васъ, что вы можете съ нимъ отвѣтъ ко мнѣ прислать, что вы и изволили

исполнить, сказавъ ему, что вы будете писать послѣ, чѣмъ я и былъ доволенъ; а теперь уже свободнѣе пишу къ вамъ и заключаю, что, можетъ быть, вы не получили съ кн. Горчаковымъ письма моего (который поѣхалъ отсюда черезъ Ярославль, то могъ и тамъ чѣмъ-либо быть удержанъ); то нечаянно случилось, что черное у меня осталось, чего, признаться, весьма рѣдко я дѣлаю, то, съ него списавъ, вторично посылаю при семъ. Ожидавъ васъ сюда, многое и говорить на бумагѣ отлагалъ; теперь слышу, что вы уже совсѣмъ сюда быть воспрепятствованы, такъ что и оставшихъ вашихъ дѣтей велѣли привезти къ себѣ; то уже такъ и пишу, какъ не знаю, когда Богъ велитъ мнѣ васъ видѣть; ибо мы не здѣшніе, а иностранные, жители иной страны и не имѣемъ здѣсь пребывающаго града. Слава Богу, что вы приведены, какъ пишете, въ равнодушіе къ вещамъ и пріятностямъ, теперь вамъ представляющимся, коими вы прежде наслаждались; на сіе вамъ скажу, что обходиться съ міромъ и дворомъ должно такъ, какъ съ огнемъ, который имѣетъ теплоту, коею грѣетъ, и свѣтъ, коимъ освѣщаетъ, но не просвѣщаетъ, а можетъ весьма опалить; а потому есть одинъ гіероглифъ: у одного философа представленъ огонь и летающіе около него, а надпись: *не близко*. Что вы приняли намѣреніе повиноваться—правило, коему вы давно стараетесь слѣдовать,— это хорошо; но паки повторяю: молитесь за Государя и умножайте свою любовь къ нему, тѣмъ паче ему легко будетъ съ вами и онъ захочетъ отдыхать, чего рѣдко онъ можетъ имѣть, ибо хотя всѣ подданные, но они находятъ утѣшеніе и разумъ дабы его судить и рѣдко ему что либо прощаютъ, сами будучи кругомъ виноваты, лишены будучи мудраго правила, дабы себя судить. Въ этомъ состоитъ великое правило мудрости, и апостолъ Павелъ говоритъ: аще бы себя разсуждали, не бы осуждены были. Слава Богу, что вамъ открылась цѣль, для которой вы тамъ остаетесь, и, видно, она дѣлается вѣрнѣе, что вы и отлучиться въ Москву, какъ то желали и нужда была, но нынѣ не можете. Для сего нуженъ весьма совѣтъ друга видимаго. Хотя невидимый и всегда съ нами; но слышать его, вѣрить ему есть великая привычка, а безъ того всякій въ ошибкѣ; а потому мой совѣтъ: если бы настояла нужда, то таковаго, коему вѣрите, можно, отнюдь не оглашая, призвать къ себѣ на нѣкоторое токмо время, обезпеча только въ путевыхъ издержкахъ туда и обратно, и житье тамъ— на небольшую квартиру и содержаніе, съ нѣкоторымъ, однако, небольшимъ лишкомъ, чтобы и земство оставшее не могло нуждаться безъ хозяина. Но, безъ довольной нужды, слабаго старика въ даль не зазывать. Богъ то учредитъ по Его благой волѣ; впрочемъ, молитва чистая, въ себѣ мысленная, и уединеніе дастъ много пособія (ибо деривація слова „уединеніе“ значитъ—быть съ единымъ) и много вразу-

митъ и усилитъ. Вы спрашиваете, до какой степени говорить можете объ Ѳ—нѣ; на сіе скажу, что можете о всемъ говорить, о чемъ будете вразумлены и сказать можно ясно, что Ѳ — нъ не что другое, какъ ученіе познанія *микрокозма* большой природы, и *микрокозма* малой природы, т.-е. себя, и чрезъ оные познаніе Бога, коимъ все существуетъ; и что изъ этого выдетъ, т.-е. все приведется къ славному совершенству, а какъ это все дѣлается и какъ все сдѣлается,— о семъ и сему есть ученіе ордена геометрически, физически и химически (а паче морально) и богословски; безъ доброй морали, въ наукахъ къ сему и о семъ успѣть никакъ не можно, а потому-то пріятнѣе столовыя ложи посѣщаютъ братья, нежели учатся: ибо ученіе лѣнивому человѣческому духу тяжело и весьма неохотно.

Въ интервалѣ времени сего, какъ письмо я отъ васъ и по сіе время получилъ, узналъ я, якобы Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и еще Злобина сынъ, и г. Магницкой выписали профессора Феслера управлять ложами петербургскими, то, зная сего Феслера по журналу, изъ коего выписку я послалъ къ вамъ съ почталіономъ, счелъ за нужное васъ, и если можно чрезъ васъ Михайла Михайловича предостеречь, не смотря на рѣшимость, какъ слышу, что якобы Михаилъ Михайловичъ и Злобина сынъ дали ему жалованья каждый по двѣ тысячи по пятисотъ рублей въ годъ; на сей предметъ остерегалъ я васъ и письмомъ съ кн. Горчаковымъ, кое не знаю, получили ли. Потомъ, подумалъ я, что Михаилъ Михайловичъ, легко быть можетъ, поднесетъ сію Феслерову систему, кое все можетъ препроводится или спросится у васъ, яко о дѣлѣ надлежащемъ до учености; что весьма вамъ хорошо разсмотрѣть, нѣтъ-ли заблужденія и яко бдителя всего того, гдѣ есть учащіяся общества, безъ коихъ государство существовать не можетъ, какъ-то: общества фамильныя, моральныя и ученыя, къ коимъ должны принадлежать ложи, или, правильнѣе сказать, мораль и ученіе отъ нихъ тайно должны быть отправляемы, мораль—къ добродѣтели и къ спокойству въ государствѣ, а ученіе—къ чистому свѣту безъ суевѣрія и невѣрія. Тако было во всѣхъ просвѣщенныхъ, по сю пору славящихся, государствахъ. Если бы то могло быть, что Михайла Михайловичъ захотѣлъ бы сію Феслерову выдумку привести въ ходъ, и если, наконецъ, бы дано вамъ было на разсмотрѣніе, то хотя многое извѣстно вамъ, а особливо кн. Николаю Михайловичу, съ коимъ могли бы поговорить, но однако, на случай нужды, о которой вы пишете, посылаю къ вамъ акты подлинные, по коимъ работаютъ въ истинныхъ ложахъ, съ коими и съ ковромъ (sic) можете свѣрить тамошніе акты. Впрочемъ, старайтесь о семъ, чтобы эти работы были позволены подъ рукою, но неявно: ибо, узнавъ явное позволеніе Государя, накидаются къ намъ волки въ овечьихъ

кожахъ, кои все стадо распугаютъ; а если же пойдетъ на это ходъ дѣла сего, что явно захотятъ позволить, то надобно великое бдѣніе и надъ самими мастерами стуловъ, дабы эта святая, великая и полезная вещь Государю и государству не исказилась, а приносила бы Государю и государству ту пользу, кою и должна приносить формируя обучающихся ей въ людей вѣрныхъ Государю и отечеству и примѣрами своими больше (а не кичливыми словами) ослабляя въ другихъ пороки, а особливо буйность, неповиновеніе, и дерзость, и мотовство въ молодости, кривые толки о вольности, словомъ все то, что́ мутитъ спокойство Государя и государства.

Старайтесь выходить позволеніе, какое можно, на работы масонс. въ обѣихъ столицахъ, или глухо; а клеветы эти въ Баруелѣ или тоже въ переведенной книгѣ, названной Вольтеріанцы, какъ можно счесть за праведные? Что онъ все вмѣстѣ въ мысляхъ своихъ смѣшалъ съ масонствомъ, не зная совсѣмъ масонства. Будто масонство легко знать! Въ столовыхъ ложахъ сидѣть да стрѣлять крѣпкимъ порохомъ легко; а учиться параболи, чешскому языку, коимъ всѣ книги древнихъ мудрыхъ и святое писаніе написаны, легко знать только тѣмъ, кои захотятъ содѣлывать себя, устроивать себя выше человѣка. Ибо все вещественное должно возвышаться мало по малу въ невещественное; то временныя ли дрязги тутъ въ виду, кои всѣ во нравахъ исказятся, а въ плоти перепачкаются, такъ что коли не вымоются, то сами себѣ сдѣлаются гадки и несносны; то должны заимствоваться изъ большой натуры, дабы зловонія свои заглушать благовоніями изъ большой натуры: то Баруелю ли, этому пачкуну, масонство понимать и о немъ разсуждать? Масонство такъ велико, что оно на писанія этихъ вралей никогда и отвѣчать не хочетъ, ниже думаетъ защищаться: ибо его защита Богъ! Вотъ слышу и графъ Иванъ Васильевичъ [1]), кто-то ему подсунулъ и онъ зачалъ читать Баруеля или Вольтеріанцы, и слышу—пересказываетъ цѣлыми фразами; то тутъ разуму не наберется, а развѣ войдетъ въ разумъ Тутолмина бывшаго, который тоже клеветы и обманы изъ этой книги черпалъ; то сохрани его Богъ правила Тутолмина почерпнуть! Слышу и онъ призывалъ Кутузова и совѣтовалъ оставить ложу, упирая на эту книгу и говоря: „да вѣдь, братецъ, я самъ былъ въ масонствѣ давно, да тутъ ничего не нашелъ, тутъ ничего нѣтъ; то это оставь, я тебя прошу“. То будто можетъ быть оселкомъ то̀, что онъ ничего не нашелъ. Да что же и найти человѣку, который желалъ быть богатъ—и есть, чиновенъ—и есть, обвѣшанъ знаками чести временной—и есть. То желанія его на то цѣлятъ, чтобы душа: пей, яждь и веселись; то этакія цѣли кому принадлежатъ? Конечно, не человѣку. А человѣку обширность ума,

[1]) Гудовичъ.

памяти, воли, стремленія на то ли даны, чтобы это все увязить въ столѣ и женскихъ нечистотахъ? Такъ низко истинные масоны не имѣютъ правилъ мыслить и цѣлить желаніями своими, а слѣдуетъ оставить это пекущимся токмо о своихъ выгодахъ да тѣмъ, кои на семидесятилѣтнюю свою жизнь цѣля хотятъ все охватить, а между тѣмъ съ кубкомъ питья или кускомъ стола не сладятъ и лишаются всего: славы, жизни и оставляютъ послѣ себя еще бо̀льшее увѣреніе, что все ихъ напряженіе было, въ маленькой здѣшней жизни, къ суетѣ. Что есть тьма или суета? это все одно. Но оставимъ хотящихъ быть кротами и нюхать только землю, отъ которой пары очадятъ голову и всякое разумѣваніе затемнятъ. Богъ благій и ихъ въ свое время въ жестокихъ очищеніяхъ, имѣющихъ быть, не оставитъ. Васъ прошу, при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ, не упуская его изъ виду, дать разумѣть графу Ивану Васильевичу, что отъ тѣхъ масоновъ, коихъ вы знаете, нечего ему опасаться и коли дадутъ имъ инспекцію надъ ложами, то можно быть и Государю и государству покойными; что не только сами неудобны къ безпокойству, но еще и остерегутъ, и узнаютъ, и не допустятъ что-нибудь и мыслить противъ Государя и государства. А вамъ, чтобы увѣреннѣе письма доходили, для чего иногда, коли нѣтъ вѣрно ѣдущихъ, то можно нарочнаго посылать, что̀ случится не такъ часто, ибо между тѣмъ ѣздоки бываютъ, а на почтѣ, не смотря на ея акуратность и невѣрно: вотъ нынѣ пропало письмо мое къ сыну въ Ревель, весьма ему нужное: онъ спрашивался и я пояснялъ о влагѣ во всемъ мірѣ, какъ она дѣйствуетъ на все и какъ—луна, яко центръ влаги, изъ коего всякая тонкая влага чрезъ воздухъ и имѣющуюся вездѣ влагу, проливается, и тако все тучнѣетъ и получаетъ силу теплотою солнечною вверхъ рости. Письмо это пропало; а отыскивать гдѣ? Богъ съ ними!

Желаю вамъ здоровья, веселости духа, спокойства, любви къ присным въ вѣрѣ, любви и вѣрности Ѳ-ну и весьма помнить слова въ Апокалипсисѣ: *буди вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ живота*. Любите братьевъ, молитесь за нихъ, привыкните вести чистую жизнь, уединяйтесь дабы запершись, павши на колѣна, обратясь къ Востоку, молиться, и помните, что жизнь ваша и моя не надолго. Молитесь за Государя, да сохранитъ его Господь, да вразумитъ его, да продолжитъ его царствованіе и чтобы и сами собою недовольные не врали; но намъ и всѣмъ съ нимъ хорошо. И нѣкоторые шутятъ въ веселости духа: сколько Россію внутренніе черви ни точатъ, и завистники наружные ни подрываютъ, а она толстѣетъ; ибо смотрите, сколько къ Россіи прибыло новыхъ земель и что не дано при Петрѣ, при Екатеринѣ, то дано при Александрѣ. Богу да будетъ слава!

О комъ вы спрашивали: можно ли дать акты? на это скажу, весьма

можно и для того и посылаю, но не вдругъ, сберегая, дабы не затруднить понятія, а напередъ къ чтенію ихъ приготовить, изъясняя, что это, хотя и языкъ покажется свой, но онъ не свой: это языкъ гіероглифическій, коему слѣдуетъ учиться; языкъ всей мудрой древности и, коли смѣть сказать, языкъ вѣчности; языкъ невидимыхъ; языкъ Божескій, коимъ и св. писаніе писано, коимъ и всѣ пророки говорили; словомъ, этотъ языкъ для насъ необходимъ: то приготовя къ сему, не покажутся акты вещію малою и пустою и игрушкою, которую лѣнивые и вдавшіеся порокамъ такъ и считаютъ. Это языкъ на коемъ можно имѣть великія ясности о всѣхъ искусствахъ, какъ-то: умѣть хорошо и благоправить всякими начальствами и государствомъ; всякія науки, всякія художества этимъ свѣтомъ поясняются и дѣлаются совершеннѣе; словомъ, человѣкъ дѣлается умнѣе и разумнѣе: умнѣе — по изданію, а разумнѣе—по расположенію. Словомъ это есть свѣтъ, поясняющій всякій разумъ и дающій здравое и ясное разсужденіе.

Теперь еще скажу, о чемъ вы спрашиваете: темпліерство есть повисіатъ масонства. На жалованіе ваше, что вы не довольно взяли полное наставленіе, скажу, что можно присылать или, при необходимости, призвать, о чемъ писано выше.

Вы пишете: если бы случилось говорить съ М. М. Сперанскимъ въ пользу Ѳ-на, можно-ли именовать кого изъ братьевъ? На оное скажу: если бы ему здѣшніе братья были нужны, то не выписали бы они изъ Пруссіи Феслера. А здѣшнихъ онъ многихъ знаетъ и какъ ему не знать Ѳедора Петровича [1]), яко точно изъ братьевъ; но онъ къ нему о семъ не отнесся, а сами знаете, имѣвъ уже съ нимъ религическую связь; то я на дѣйствованіе таковое и говорить ничего не могу, а оставить это своему ходу, пока Богъ покажетъ случай, гдѣ что надобно и кому посовѣтовать, для лучшаго хода масонства сихъ разсадныхъ школъ, не для токмо орденскихъ работъ, но и на всякую пользу и вѣрную услугу Государю и государству; ибо наука сія разуму разумовъ или разумѣнію разумѣніевъ, что все то же, что говорится въ Шотландской степени; сія наука даетъ искусство рождать новыя искусства, а не токмо старыя исправлять и улучшивать.

Совѣтъ мой, не успокоиваться на томъ, что вы чувствуете равнодушіе къ тѣмъ вещамъ, къ коимъ вы прежде были привязаны. Дворъ земного царя имѣетъ прелести, кои паки полюбятся, а потому при молитвѣ каждой не забыть просить: *Господи! отврати очи мои, чтобы мнѣ не видѣть суеты, и оживляй меня въ путяхъ твоихъ.*

Иногда на досугѣ, въ спокойное время, прочитывайте письма мои

[1]) Ключарева.

и въ спокойное время, т.-е. въ свободное, заготовьте письмо; а какъ случай представится, то и готово будетъ послать.

Сдѣлайте милость, что только можно, пособите сему подателю г-ну Янышерлову, повѣренному Дьякова, противъ г-на графа Ильинскаго по дѣлу, о коемъ вамъ самъ Дьяковъ разсказалъ, а къ тому пояснитъ самъ Янышерловъ, и замолвьте слово Алексѣю Степановичу, чтобы о семъ же пособилъ, къ коему и я теперь пишу. Не равно стараться будутъ помянутую Феслерову, не токмо фельшерскую книгу, а притомъ крайне опасную, наклонятся утверждать, то, Бога ради, остерегайтесь и остерегите, кого слѣдуетъ. Ибо это подкрадывающійся врагъ: 1) отвергающій божество Іисуса Христа, а признающій его только великимъ мужемъ, что теперь во всей нѣмецкой землѣ пасторами и въ Пруссіи проповѣдуется, чѣмъ они сами подрываютъ власть креста, яко знаменія, которое государи на коронахъ своихъ носятъ. И что-жъ произошло съ нѣмецкой землей и съ Пруссіей за это? Преданы разоренію и неволѣ и владѣльцы, и подданные. И, сверхъ того, это явно подрывать силу христіанскаго закона, а за это возбудится ропотъ противъ Государя въ духовенствѣ, и будетъ имѣть резонъ злословить. А Богъ, Богъ! оскорблённый неблагодарностію Россіи, предастъ и ее врагамъ, какъ и тѣхъ, откуда этакое заблужденіе влѣзаетъ; Россію, которая теперь изъ самыхъ благополучнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, что̀ бы они ни говорили. Масонамъ ли отвергать божество Іисуса Христа, коимъ ученіемъ, теоретическимъ и практическимъ, ясно творится сія великая истина, что онъ есть средство, чрезъ которое все поднимается: онъ есть истинный подъемъ, что указуется по мастерской степени, чрезъ который поднимаются большія тяжести и что́ тяжелѣе міра съ его нечистотами, отъ коихъ и тяжесть вся есть. Вотъ при семъ посылаю и переводъ степеней, навранныхъ Феслеромъ; это такая гиль и дрянь, что читать лѣнь и ни подъ что такъ ловко поддѣлаться и влѣзть иллюминатству какъ не въ этакую двусмысленность и конецъ какой? Это тоже, что Грабіэнка выдавалъ себя за Польскаго короля. Остерегайте того, коего минутами благорасположенія вы пользуетесь; берегите его отъ сихъ вкрадывающихся враговъ изъ иностранцевъ, завидующихъ на Россію и намъ стыдно дать ходъ этакому шарлатанству; и кто знаетъ, какая тутъ змѣя есть—змѣя западная, впалзывающая въ спокойство Россіи. Богъ, хранящій ее по сію пору, да поставитъ Ангела своего на путяхъ Государя, хранити его и его царствованіе. Намъ уже жить недолго; но мы должны дѣлать то, чтобы предстать предъ трибуналъ Всевышняго и быть вѣрными ему до смерти; про сихъ онъ говоритъ: *буди вѣренъ до смерти и дамъ вамъ вѣнецъ живота.*

При актахъ приложены ковры; но нѣтъ товарищескаго ковра, въ

коемъ предъ ученическимъ та токмо разница, на второмъ столѣ есть литера *B*, а на полу храма 7 ступеней или возвышеній для входа во храмъ. Послѣ приложилъ и товарищескій коверъ и его посылаю. При семъ прилагаю переводъ изъ анналовъ нѣмецкихъ, выдаваемыхъ въ Кетенѣ, о системѣ Феслеромъ скропанной. Если что-нибудь похожее есть, то уже вы будете предварены это изъ той же книги, изъ которой переводъ о Феслерѣ послалъ я къ вамъ при письмѣ съ нарочнымъ почталіономъ, что вы (по привезенному отвѣту) отъ почталіона и получили.

Если бы ходъ дѣла этого пошелъ такъ, чтобы не эти акты, кои посылаю, захотѣли утвердить (гдѣ все цѣлитъ и утверждаетъ вѣрнѣе и доказательнѣе христіанство въ его высокомъ совершенствѣ), то лучше не давать позволенія и оставить такъ, какъ и теперь, въ одной терпимости. Но судите: по ошибочному разумѣнію, тамъ, въ Петербургѣ, въ ложахъ, такой дѣлаютъ рекрутскій наборъ, что въ томъ только и работы состоятъ, что только принимаютъ. Какъ будто польза состоитъ во множествѣ, коихъ и учить некогда. И этотъ и есть манеръ невѣжества, въ кое иллюминатству влѣзть весьма ловко; и когда ихъ приготовлять и учить? Когда только что принимаютъ? а Феслерова система явно разбиваетъ священное писаніе и апостола Павла и вливаетъ невѣріе; а о градусахъ, кои выше трехъ степеней, гдѣ ясная истина, что тутъ вящшее утвержденіе христіанства? А Феслеръ какъ говоритъ? О вышнихъ степеняхъ всякому довольно толковать и говорить, какъ хочетъ, а что у Розенкрейцеровъ? это говоритъ мимоходомъ, какъ будто бы въ томъ и важности не было. Таинство натуры и таинство науки, не разумѣя, что есть натура и что есть наука, и къ чему ведетъ, и что въ таинствахъ натуры Богъ: ибо коли онъ вездѣ, то также не есть-ли онъ паче въ таинствахъ натуры, ибо онъ сотворилъ, а имѣть умъ въ искусствѣ—это онъ самъ. Ибо искусство безъ ума, что оно есть? это противорѣчіе, ибо тотъ и уменъ, который умѣетъ искусствомъ править; словомъ, настоящій искусникъ—есть умный искусникъ. Слѣдовательно, гдѣ искусство, тутъ и умъ; а умъ кто?—Свѣтъ.

Что надлежитъ до меня, прошу обо мнѣ Михаилу Михайл. не сказывать, хотя онъ всѣхъ насъ знаетъ, и самъ о семъ князь Григорью Григорьевичу Долгорукову, въ Кіевѣ будучи, сказывалъ.

По моему, самое лучшее, если подъ рукой дадутъ истинному масонству, хоть отъ военнаго губернатора или министра полиціи, письменный отзывъ, что Государю масонс. работы не противны и онъ не приказалъ возбранять. То имѣющіе этакій тайный отзывъ будутъ свободнѣе дѣйствовать; а это свободное дѣйствованіе сдѣлаетъ то, что эти рекрутскіе наборы сами упадутъ и имъ скучится въ сухихъ церемоніяхъ упражняться: ибо невѣжествомъ долго услаждаться не ста-

нешь. А столовыя ложи не опасны; а тѣмъ паче, если въ 3-ей степени одинъ безъ другихъ министръ полиціи и министръ просвѣщенія можетъ входить и слышать, что не вольнодумству, не буйности, не глупому равенству учатъ; а основываютъ все на св. писаніи: *властямъ придержащимъ повиноваться*. То какая опасность? Да и въ истинномъ масонствѣ, какъ рекрутскихъ наборовъ нѣтъ, то много не наберется; дѣлая испытанія годовыя и больше, то малое число явное не опасно; да и жизнь ихъ всегда вѣдь у полиціи на цензурѣ; за (неразобранное слово) масоны узнаютъ, если бы что у однихъ церемоніаловъ и столовыхъ братьевъ завелось и себя ради не дадутъ завестись чему-либо безпокойному, будучи сами бдителями, себя ради, о спокойствѣ.

Богъ васъ да вразумитъ трудиться на пользу, дабы разсадныя сіи школы были, истинныя, подъ рукой позволены, яко часть нравственная и ученая. Ибо хотящихъ добровольно учиться не должно щемить: они много могутъ пользы принести, а вреда никакого. Если возможно, постарайтесь испросить бумаги масонскія, взятыя при покойной государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и хранившіяся въ кабинетѣ государя Павла Петровича; а при нынѣшнемъ Государѣ, слышно было, что онѣ отданы въ архивъ иностранной коллегіи; то́ такъ или не такъ, но слышалъ я за вѣрное. То хотя чрезвычайной нужды нѣтъ, но лучше, чтобы онѣ были въ нашихъ рукахъ, тѣмъ паче, что ими, по гіероглифическому ихъ языку, никто пользоваться не можетъ, а злоупотреблять уже и тѣмъ могутъ, что по незнанію толковать криво станутъ. Слѣдовательно, истина предаваться будетъ въ руки незнающихъ и легко можетъ быть осмѣваема.

24.

Октября 20-го 1810 года.

По краткости времени, желалъ я вамъ сказать, чтобы всякій день не прошелъ безъ того, чтобъ намъ не увидѣться, дабы вспомнить передать вамъ, что нужно, ибо, можетъ быть, свиданіе наше послѣднее въ сей временной жизни. Видите, я старъ, болѣзненъ весьма; и вы уже не молоды, то время коротко; а не слѣпымъ же случаемъ вы усердно приведены, взятые изъ среды людей и подготовлены дѣйствовать, на великое число людей всякаго состоянія, въ добрѣ, по волѣ Божіей, угодной и совершенной. И потому что въ сей разъ могу пересказать, остеречь, предупредить: уже, можетъ быть, каналъ сей болѣзнями моими или отшествіемъ моимъ изъ сего міра пресѣчется; а потому для васъ, по усердію моему къ Ѳ-ну, братьямъ, ищущимъ добра своего чрезъ него, обязанъ я не потаить и для того часы бы-

тія вашего здѣсь теперь дороги и для васъ и для меня, и чтобы вамъ также не сожалѣть, какъ вы писали изъ Петербурга ко мнѣ, что вы мало запаслись свѣдѣніями объ Ѳ-нѣ, цѣли его, о работахъ и о всемъ, что вамъ нужно; ибо почему вы знаете, что Богъ хочетъ изъ васъ сдѣлать во времени или въ вѣчности. Надобно дѣлаться орудіемъ его; въ томъ состоитъ и ваше благо; а будьте увѣрены, что онъ и нужнаго вамъ самимъ и дѣтямъ вашимъ не забудетъ. Умножайте свою любовь къ нему словами и мыслями, ему самому о преданности вашей говорящими. Занимайтесь этимъ, хотя нѣсколько минутъ въ день и вспоминайте этотъ псаломъ: *возлюблю тебя, Господи, крѣпосте моя!* и прочее. А весьма нерѣдко читайте пастырскія посланія и сряду или когда что откроется,—этимъ въ вашемъ одиночествѣ тамъ будете поддерживать себя у духа орденскаго и молитесь за себя и за брр., ввѣряемыхъ вамъ, ибо всякій по заблужденію достоинъ сожалѣнія, а потому и любви вашей.

Не прогнѣвайтесь, что заключенія на Феслерову бумагу очень коротки, ибо, если бы всю ихъ деталь смѣшанную, наполненную одними во многихъ мѣстахъ словами и противорѣчащими, оговаривать, то вышло бы большое скучное писаніе. А заключеніе на всю эту Феслерову и Розенкампфову бумагу, посланное въ пакетѣ, кое отдано безъ васъ вчера; тутъ экстрактно сказано, что есть масонство; кою бумагу просилъ бы я, если надобно будетъ, показать или когда захотятъ, то и отдать самому, а если уже нельзя обойтись, то и Мих. Мих.; но попросить притомъ, чтобъ ее не пустить къ Феслеру и къ Розенкампфу, ибо мы не намѣрены открытіемъ священныхъ вещей спорить съ тѣми, кои хотятъ орденъ исказить и подать способъ, хотя по невѣдѣнію, сдѣлать упражняющихся въ ономъ преступными, а отъ Монарха и малаго числа высокихъ его довѣренныхъ не имѣемъ однакоже намѣренія скрыть высокой цѣли ордена, желая тѣмъ содѣлать ихъ покровителями, хотя тайными, полезной вещи; а потому и прошу васъ, если нельзя эту одну вещь тайно позволить, то по толерансу Государя (даже и самимъ раскольникамъ), не приказать щемить то малое число въ государствѣ, которое хочетъ только что учиться, а потому можно позволить работать тѣмъ и другимъ.

Такъ какъ время коротко, самому не удалось попросить васъ о милости великой къ бѣдному, страждущему по причинѣ только красоты жены своей, кою у него отняли, а его, чтобы не препятствовалъ, сослали было въ Сибирь, лиша всего, и при судѣ заковали его въ желѣзо еслибы не вступились изъ жалости бывшій тогда прокуроръ и предсѣдатель уголовной палаты здѣсь, въ Москвѣ. Прокуроръ тогда былъ Дьяковъ, который вамъ всю эту исторію ясно разскажетъ и подастъ записку. Этотъ, за кого я прошу, есть докторъ

Эмардъ; ему запрещена практика отъ того, на кого вамъ жаловался ружейный мастеръ Аристовъ; а вполнѣ вамъ Дьяковъ разскажетъ; а просьба состоитъ въ томъ только, что сему доктору позволить паки практику. И записку объ Эмардѣ при семъ влагаю.

25.

Ноября 15-го, 1810 года.

Уповаю, что вы уже въ Петербургѣ; письмо сіе посылаю съ большимъ сыномъ Дьякова—Петромъ, который служитъ въ лейбъ-гусарскомъ полку Кушевича адъютантомъ, коего въ милость вашу рекомендую: онъ молодецъ весьма изрядный; ему съ тѣмъ отдано письмо сіе, чтобъ онъ самъ вамъ вручилъ его. А если вамъ угодно будетъ писать, то или съ вашимъ какимъ знакомымъ, или съ моимъ большимъ сыномъ, Николаемъ, коему я писалъ—попроситься въ отпускъ мѣсяца на 3. А онъ теперь въ Ревелѣ; если его отпустятъ, то онъ явится къ вамъ и подождетъ письма, какъ вы ему прикажете.

Въ письмѣ семъ могу токмо препроводить желанія мои: да дастъ вамъ Господь духа премудрости Его, къ дѣйствованію по волѣ Его, угодной и совершенной, ибо есть воля Его, и угодная, но не совершенно ему угодная, но пріятнѣе ему воля, не токмо угодная, но и совершенная, на которую взирая, желается. Если онъ расположитъ ходъ дѣла извѣстнаго вамъ таковымъ, чтобы мать-главная и центральная была въ Москвѣ, какъ то и прежде всегда было; а другая можетъ быть и въ Петербургѣ, коли то можно, но и тѣмъ паче, что какъ вы рѣдкое лѣто не захотите поглядѣть вашихъ заведеній въ Москвѣ, то сами видѣть будете. И что́ надлежитъ до Ѳ-на масонс., то это не мѣшаетъ, чтобы и обѣ ложи-матери были равныя, но не подчинять Московскую ложу Петербургской, ибо быть подъ управленіемъ тѣхъ, кои цѣли не вѣдаютъ—это, стало, самому дѣлу мѣшать имѣющія каждая свои дочери-ложи, какъ то и въ Пруссіи имѣютъ каждая особые департаменты своихъ дочерей-ложъ. Но если это удержится, чтобы обѣ ложи были равныя, то какъ въ Москвѣ истинное масонство сохранилось во всей его чистотѣ, то и впредь уповать слѣдуетъ, при помощи Божіей, что Московская мать-ложа послужитъ и впредь кроткимъ своимъ вліяніемъ на Петербургскую мать-ложу, хотя бы ей и неподчиненную, дабы въ нее не вкрались ложныя цѣли, относя къ масонству или, Боже сохрани, къ какой политической цѣли, кою даже бы Монархъ нашъ не благоволилъ. Богъ вамъ да даруетъ духа премудрости его, дабы ясно видѣть вещи, цѣль хода и все обращать къ вѣрности непоколебимой нашему нынѣшнему Монарху, у коего, по счастію нашему, съ благословеніемъ Божіимъ, намѣренія

самыя добрыя; да дастъ ему Господь духа премудрости его, ибо царіе царствуютъ благополучно, и сильные пишутъ правду; въ ней есть духъ святъ, непороченъ, ясенъ и все предвидящъ. Еще скажу вамъ, что если придетъ до откровеннаго объясненія о собственномъ вашемъ ходѣ, и будете спрошены о людяхъ, чрезъ коихъ сдѣлано вамъ то яснымъ, что есть яснымъ, и съ кѣмъ вы имѣете связь, то мой совѣтъ не скрывать, дабы не сказать неправды и не потаить, дабы не дать подозрѣнія, что вы не искренны. Богъ васъ да не оставитъ; Онъ васъ да вразумитъ, и онъ да усилитъ сердце ваше въ любви къ Нему и къ тому, который долженъ желать отъ васъ искренности, преданности и вѣрности, пока духъ нашъ въ здѣшнемъ мірѣ существуетъ, и оную вѣрность, доброхотство и молитву по Господу должны мы перенести и въ тѣ будущія страны, кои уже не подъ властію владыкъ земныхъ; желаю вамъ.

26.

Ноября 27-го, 1810 года.

Представился случай, по увѣренію Павла Иван. вѣрный, съ чиновникомъ вашей канцеляріи Лазаревымъ: то и не желалъ пропустить писать къ вамъ, потому что обязаны идущіе среднимъ путемъ не опускать сноситься словесно и письменно, дабы свѣтъ, въ коемъ знакомы, не угасалъ и безпрестанно былъ подновляемъ въ правилахъ и понятіяхъ. Тотъ свѣтъ, который необходимъ во освѣщеніи пути, въ поддержаніи на немъ и дабы содѣлывать его отъ часу сладостнѣйшимъ, охотнымъ и привычнымъ такъ, чтобы натура внутренняя человѣка содѣлывалась отъ часу болѣе не земною, а небеснѣе, ибо все растетъ по немногу, а не вдругъ; словомъ сказать, для твари слабость (даже самымъ высшимъ ангеламъ и духамъ) свойственнѣе, ибо тварь не Богъ, а потому должна быть поддерживаема въ понятіяхъ и въ силахъ; а привыканіемъ заниматься тѣмъ, что и въ понятіи убѣдительно, воспитываетъ себя въ большую силу любви и большій свѣтъ отсвѣчиваетъ отъ себя въ свѣтѣ премудрости; содѣлываяся болѣе органомъ Царя царей и тѣмъ чудеснѣе, что органомъ пріятнымъ въ выраженіяхъ правды, коя рѣдко бываетъ не колка, но сіи органы имѣютъ силы и даръ пріятнаго искусства такъ ослащать оличеніе правды, что они дѣлаютъ себя тѣмъ, кому говорятъ, весьма пріятными и успокоивающими до того, что съ ними духу бываетъ легко. А все сіе содѣлываетъ кто? Духъ премудрости, т.-е. свѣтъ премудрости, который сладокъ, ясенъ, благодвиженъ, и проходящъ и проницающъ всякій разумъ, предвидящъ до того, что дѣлаетъ будущее такъ ясно, яко настоящее. О семъ-то я писалъ, чтобы

испрашивать семи даровъ Духа святаго, вспоминая себѣ словами именно духа премудрости, въ коемъ хотя и всѣ онѣ заключаются, но говоря себѣ: духа разума, духа совѣта, духа крѣпости, духа вѣдѣнія, духа страха Божія и духа любви; кое все себѣ въ словахъ показывая, яко описаніе: что есть каждый, свѣтъ, что онъ имѣетъ, словомъ, что онъ есть; содержа сердце свое отвореннымъ, дабы дать свободу Богу себѣ вливать ясность, что есть и какія принадлежности и глубины каждаго, изъ сихъ семи духовъ или даровъ. Вотъ что можно человѣческимъ грубымъ языкомъ о семъ пояснить и еще грубѣйшими онаго письменами изобразить. Богъ вамъ да даруетъ мало по-малу оное яснѣе, утѣшнѣе и пріятнѣе къ сообщенію: словомъ сказать, высокая сія мистика дѣлается легче къ пониманію, когда человѣкъ слушаетъ совѣту, т.-е. учить себя и натуру познавать, не натуры ради, а чтобы возможнѣе слабостью своею Бога познавать: ибо натура есть его вегикулъ, его одежда; безъ котораго познаванія и въ здѣшней жизни всякій человѣкъ есть во тьмѣ бродящій и поспѣщающій свалиться въ ту пропасть, въ которой дна нѣтъ. Богъ да ведетъ насъ и прикосновенныхъ къ намъ по основаніямъ, т.-е. по ступенямъ, что есть лѣстница Іаковлева, называемая также домомъ Божіимъ и вратами небесными. Сей путь есть называемый средній, или путь Моисея и Христа. Богъ да сохранитъ своихъ, желающихъ быть вѣрными обѣтамъ своимъ.

27.

Декабря 18-го, 1810 года.

При семъ представившемся нечаянномъ случаѣ съ ѣдущимъ изъ арміи въ Петербургъ провіантскимъ чиновникомъ (весьма близкимъ довѣреннымъ и любимымъ отъ главнокомандующаго графа Каменскаго, коллежскимъ ассесоромъ Павломъ Ивановичемъ Ковалькою, коего просилъ я вручить вамъ письмо сіе; онъ по службѣ весьма знакомъ и друженъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Дьяковымъ, и хотя онъ не изъ работающихъ на пути познанія себя, но человѣкъ вѣрный и знающій все внутреннее и наружное положеніе арміи нашей (и я его увѣрилъ, что онъ всякій секретъ, вѣдомый ему, надежно ввѣрить вамъ можетъ), а при томъ и состояніе Валахіи и Молдавіи, кои, чаятельно, могутъ быть Россійскими губерніями, а теперь уже пока и суть: то легко могутъ быть, по просвѣщенію подъ вашею же дирекціею, то если желаете полюбопытствовать узнать что объ арміи и тамошнихъ дѣлахъ и тамошняго края, то не угодно ли благосклонно его принять и съ нимъ заняться разговорами не одинъ разъ. Онъ, по искреннему его дружеству съ преданнымъ вамъ Дьяковымъ, все

о тамошнемъ положеніи вамъ разскажетъ откровенно, которое стоитъ любопытства. А при семъ случаѣ, строками сими, препровождаю вамъ поздравленія мои, съ наступающимъ торжествомъ Спасителя нашего, Царя и Господа Іисуса Христа рожденія Его или явленія Его въ бренной плоти нашей (но свободной у него отъ грѣха), дабы напаломъ симъ вдохнуть въ насъ свѣтъ и любовь, кои Адамомъ были потеряны; любовь сія и свѣтъ будучи, какъ искра огня, вдохнута въ основаніе наше, уже можетъ весьма быть раздуваема, питаема, умножаема до того, что займетъ всего человѣка, такъ что онъ будетъ дѣлаться инàковымъ въ понятіяхъ, побужденіяхъ и стремленіяхъ воли, дабы у Бога содѣловать средствомъ (себя и другихъ) избавленія отъ свойствъ и заблужденій міра темнаго, въ который нечувствительно влекутся всѣ человѣки и то, что ниже человѣка. Безъ средства ничто и ни отъ чего не можетъ быть ни избавлено, ни съ чѣмъ соединено, тако и сей самый, коего рожденіе торжествуется, есть средство между вездѣсущимъ, безформнымъ, и тварями формными, или имѣющими формы; тако и мы, умножающіе наше познаніе или ощущеніе, должны идеи о немъ развивать въ себѣ и другихъ нашего круга, дабы мало по-малу натура наша содѣлалась удобна войти и обитать въ сферахъ свѣта и упражняться въ томъ, что содѣлываетъ человѣка часъ отъ часу счастливѣе, благополучнѣе, радостнѣе, дабы онъ въ себѣ и другихъ умножалъ блаженство во всѣ вѣчности вѣчностей, чего желать и, на сей конецъ, жить и работать мы обязаны; о чемъ Господа силъ просить и устремиться къ сему мы обязаны. Отецъ будущаго вѣка (который въ таковыхъ начинается еще здѣсь) да поможетъ намъ! о чемъ самъ обязанъ о васъ и васъ прошу приложить ваши молитвы за усердствующаго.

Прошу увѣдомить, вѣрно ли вы получили письма мои: съ сыномъ Дьякова и съ чиновникомъ вашей канцеляріи Лазаревымъ и сіе посылаемое теперь. Чтобы дать вамъ понятіе о человѣкѣ семъ, вручителѣ письма: онъ игрокъ карточный до того, что, разсказываютъ, тысячъ сотъ пять выигралъ; по болѣзни случившейся отпущенъ, а теперь, слышу, выздоровѣлъ и ѣдетъ въ Петербургъ жениться на роднѣ дальней, бывшей жены его, которая давно скончалась. Вотъ его исторія. Для того пишу, чтобы вы все знали.

Что-то дѣлается по дѣламъ масонс.? Господь да направитъ и сохранитъ сіе ко благу человѣковъ всѣхъ лѣтъ.

28.

Января 8-го, 1811 года.

Давно не имѣлъ случая писать къ вамъ, а теперь представился съ подателемъ сего, штабъ-физикомъ Иваномъ Иванов. Лангомъ, коего

въ милость вашу рекомендую и прошу его благосклонно принять и ободрить его вашею ласкою. Съ нимъ я недавно познакомился на мірской ногѣ, по причинѣ давняго и почти родственнаго его знакомства съ Никол. Алексѣев. Дьяковымъ; ибо жена его, т.-е. Ланга, воспитана въ домѣ родной сестры Дьякова Капнистовой, а сестра Лангова жены воспитана у матери Дьякова. Сей Лангъ призывается къ министру полиціи нынѣ, почему и ѣдетъ; а достоинъ онъ замѣчанія потому, что онъ любитъ Россію, яко свое отечество, и имѣлъ случай помѣшать разорить запасную аптеку въ Лубнахъ по вліянію иностранныхъ, кои видно хотѣли, чтобы все должны были покупать у нихъ или чрезъ нихъ. По мѣсту, кое теперь ему ввѣрено, нужно было ему, чтобы его знали; а потому и рекомендую его въ милость вашу, яко человѣка, который нынѣ довольствовалъ медикаментами всю армію. Ему весьма желательно привести въ ходъ русскихъ касательно всякаго мастерства, къ хирургіи надлежащаго. Хотя онъ теперь и у министра полиціи, но ласковый вами его пріемъ и разговоръ много ему дастъ ободренія.

Желаю вамъ здоровья, удобности въ отправленіи возложеннаго на васъ Богомъ и Государемъ, и не престающаго въ васъ желанія быть угоднымъ орудіемъ всемогущаго Господа, слова его, дабы склонить къ охотному упражненію соотечественниковъ нашихъ содѣлываться лучшими въ нравахъ, правильнѣйшими въ разумѣваніяхъ, во всемъ томъ, что есть къ обработыванію своихъ свойствъ; дабы служить угодно Богу и Государю и полезно отечеству, имѣя первую цѣль— вѣчность и награду тамошнюю, безъ чего всякій на призѣ обманутъ или обманется. Словомъ, если иначе не можемъ, то должны молитвенно желать, дабы были охотныя сердца къ творенію общественныхъ добродѣтелей изъ точки познанія себя, природы, и Того, Коимъ все живетъ и право понимаетъ. Свѣтомъ мы живемъ, свѣтомъ разумѣемъ, свѣтомъ упокояемся и свѣтомъ наслаждаемся; и гдѣ есть ученіе о свѣтѣ (который выше натуры и видѣть нельзя), тамъ есть истинное зрѣніе въ настоящее и безошибочное прозрѣніе въ будущее. Итакъ, любя Бога и ближняго, желанія наши да будутъ: Богу угодить и ближнему послужить сокровищами подобій небесныхъ, кои суть въ постепенномъ порядкѣ въ извѣстномъ намъ, единомъ Ѳ-нѣ. Господу благодареніе, что тамъ дано вѣдать, гдѣ обитаетъ премудрость и гдѣ есть разумъ. Хвала Отцу будущаго вѣка, изъ котораго или чрезъ котораго изливаться будетъ состояніе или свойства, не могущія уже пасть или быть искушенными.

29.

Января 21-го, 1811 года.

Ожидалъ-было я письма съ вашими ближними, на которое хотѣлъ и отвѣчать; но какъ они еще не пріѣхали, то уже долженъ для того писать, чтобы оказіи съ ѣдущими къ вамъ другими ближними не опустить.

Дай Боже вамъ здоровья, сохраненія на пути вѣчности, а паче на пути среднемъ; да возбуждаетъ Господь въ васъ желаніе и охоту входить въ свойства отъ часу лучшія, кои даютъ чувствовать пріятность ангельскихъ совершенствъ, а потомъ Божескихъ, что очищаетъ нашу саливу и чиститъ кровь и дѣлаетъ этотъ въ насъ весь ресептакль удобопріемлемымъ источникомъ безсмертія, о коемъ столько божественная химія говоритъ, учитъ и, можно сказать, заохочиваетъ желать быть изъ числа тѣхъ, у коихъ въ правилахъ и обѣтахъ поклоняться вѣчному, всемогущему Іеговѣ въ духѣ и во истинѣ, и всемогущество его и премудрость чрезъ натуру познавать. Кои и послѣдующіе обѣты нужно всякій день разъ въ молитвѣ, съ запертыми дверями, подновлять и тѣмъ прибавлять себѣ силъ къ подражанію свойствъ нашего великаго оригинала, дабы содѣлывать себя органомъ его. Въ его прозкціи (sic) ему да будетъ слава, а намъ смиреніе и покорность; кою, дабы въ себѣ умножать, нужно всякій что-нибудь читая, вспоминать изъ св. писанія и пастырскихъ посланій. Здѣсь мы ничего не знаемъ вѣрнаго, что дѣлается по масонскимъ работамъ въ Петербургѣ.

Видѣлъ письмо ваше къ кн. Никол. Михайл., гдѣ вы пишете, что если не будетъ Дмитревскій во Владимірѣ, то не можетъ ѣздить въ Суздаль по коммиссіи, порученной ему; причемъ скажу, что если-бы онъ сталъ ѣздить къ сыну вашему, то узнаетъ губернаторъ и, по злобѣ съ нимъ, выведетъ на него не вѣсть какія преступленія и клеветы, что, думаю, и вамъ надѣлаетъ непріятностей; а злоба клеветлива и привязать есть къ чему, ибо тамъ не одинъ вашъ сынъ. Прошу покорно отдать письмо Курбатову, которое и не запечатавши посылаю. Все происшествіе, которое здѣсь разсказываютъ, кажется вѣрные люди, но по усердности не вдругъ, слѣдуетъ повѣрить. Итакъ, прошу его провѣдать хотя это: прощена-ли рота и поворочена-ли назадъ. А все было происшествіе описалъ я къ вамъ, но по чудесности остановился. Не изволите-ли вздумать, не пожелаете-ли употребить при себѣ въ вашей командѣ Арсеньева? Но я прошу о семъ, а вы извольте сами подумать. Казалось-бы, онъ можетъ человѣкъ быть вѣрный.

30.

Москва. Февраля 16-го, 1811 года [1]).

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше съ новинкой, кое я получилъ вѣрно.

Это правда, что мы имѣемъ безпрестанно нужду въ укрѣпленіи мысленномъ своемъ и устномъ или письменномъ отъ того, который на томъ же пути идетъ крайне близко насъ.

Что надлежитъ до г. Карнѣева, о немъ теперь пространнѣе скажу: онъ будучи всегда отдаленъ по службѣ отъ брр. (братьевъ) не имѣлъ возможности сдѣлать въ себѣ описанія объ великости и всеобъемости (sic) Ѳ-на (ордена) и по одной, и то рѣдкой, перепискѣ съ тѣмъ о коемъ я писалъ, склоненъ на одно токмо моральное христіанство; слѣдовательно и въ Бемѣ знаніе его по сему токмо предмету, по коему и пріятно съ нимъ заняться, но кому?—тому, который имѣетъ оселокъ, на чемъ повѣрять всѣ его слова и знаніе, а безъ того онъ нечувствительно и невинно завлечетъ къ своему предмету, т.-е. въ одну мистику, не зная, что и мистика самая высокая—та, коя указываетъ, учитъ, лечитъ и исправляетъ, давая находить вышній свѣтъ, сгущенный въ нижнихъ отсвѣчиваніяхъ чистыхъ, изъ коихъ можно и должно черпать, яко и Самъ Творецъ указываетъ, ясно и просто говоря: „добро есть соль!“

Таковые, нестарающіеся читать прилежно святое писаніе и не находя ключа къ его ясному уразумѣнію, остаются въ неразумѣніи о самыхъ величайшихъ тайнахъ, что Бога познавать легче, безошибочнѣе и Ему угоднѣе чрезъ природу! Вотъ свѣтъ премудрости! и сказано во св. писаніи: „никого-же любитъ Богъ, какъ токмо тѣхъ, кои съ премудростію пребываютъ“, а кои сказками хотятъ восходить, тѣ всегда въ ошибкахъ, въ недоумѣніи и должны оставаться въ слѣпой вѣрѣ и не могутъ найти ключа ясно уразумѣвать святое писаніе, читая многое яко уже исторію, для насъ уже ненужную. Скажу хоть одинъ примѣръ: для чего намъ нужно знать, что ковчегъ носился на водахъ 150 дней и какъ Ной могъ втискать въ него (ибо мѣра его не велика описана во св. писаніи) всѣхъ звѣрей и скотовъ и птицъ иныхъ по два, иныхъ по семи изо всего міра? Какъ онъ могъ для этого числа заготовить корму? и какъ онъ могъ сладить съ испражненіемъ ихъ? Какъ онъ это выбрасывалъ и кѣмъ? Ихъ было всего 8 человѣкъ, все это множество породъ во всемъ мірѣ звѣрей и скотовъ (неразобранное слово) какъ-то: лошадей, коровъ и прочаго. Да если-бы ковчегъ былъ пространствомъ, какъ и Москва, то ни имъ, ни корму, ни испражненіямъ ихъ нельзя бы и на короткое время помѣститься! И что же

[1]) Изъ архива князя Н. В. Репнина.

это? Вѣрить этому или нѣтъ? И кто-же можетъ это разумѣть и для кого-же это писано, коли никто не разумѣетъ? Словомъ, разумѣть тайны иначе нельзя, какъ токмо Духомъ святымъ и это есть даръ! Одинъ изъ седми! даръ вѣдѣнія! и этотъ даръ таковъ, что безъ него всѣ въ ошибкахъ и въ преступленіяхъ. Что Карнѣевъ Бема почитаетъ—это весьма хорошо, но Бема разумѣть праведно надобно даръ вѣдѣнія.

На масонство Карнѣевъ смотритъ въ первыхъ его ступеняхъ, а видѣть, что этою наружностію покрыто и зрѣть глубину тайнъ въ этихъ гіероглифахъ—это дается за многую надъ этимъ работу въ орденскомъ порядкѣ, то и не чудно, что г. Карнѣевъ вмѣсто цѣлаго обратился къ части.

Сколько не читай Бема, а должно паки обращаться къ актамъ, къ св. писанію, къ человѣку и къ великой природѣ—кое все исполнено Бога! Эти цѣлыя приводятъ къ великому цѣлому, все въ себѣ содержащему, т.-е. Богу! А Бемовы писанія не могутъ назваться цѣлымъ, а частью, яко и другіе авторы великіе и орденскіе. Хорошо, что вы о Феслерѣ сказали свое мнѣніе, вы свое дѣло сдѣлали, а далѣе Богъ покажетъ!

Нерѣшимость, о коей вы пишете, происходитъ отъ неувѣренности, а кто увѣренъ—уже тутъ рѣшеніе и есть! Вы пишете: „а зло де не дремлетъ“, а добро развѣ дремлетъ? Зло всегда наружнѣе, а потому оно и виднѣе и сіе во всемъ такъ, а добро внутреннее, чище, тонѣе, то оно такъ дѣйствуетъ, что тѣ, кои глядятъ токмо на дѣла тьмы, то они сокровеннаго свѣта или добра не имѣютъ искусства замѣчать. Добро своего престола злу не уступало и не уступитъ, а потому, кои на него уповаютъ они (sic) покойнѣе, ожидательнѣе и проницательнѣе, а потому преданіе ихъ на Господа надежнѣе. Въ этакой-ли бѣдѣ было отечество наше? Теперь французская одна война грозитъ, а при Екатеринѣ? войска всѣ и всѣхъ малое число за Дунаемъ и около Дуная, а въ Россіи войскъ нѣтъ; низовыя губерніи признали казака императоромъ раскольника и по государству раскольники, коихъ великая часть всѣ за него, крестьяне и дворовые люди всѣ за него!

Кто же остались? Одни дворяне, коихъ опредѣлено всѣхъ побить и уже зачинъ такой сдѣланъ, что не 900 человѣкъ дворянъ, а 900 фамилій дворянскихъ истреблено! Словомъ вотъ все къ концу, все къ погибели! Но кто помогъ въ этакой крайности? Богъ! Богъ браней! И кто станетъ противъ него? Онъ расположилъ, усилилъ, вдохнулъ премудрость въ генія Россіи и когда все было у погибели, вдругъ все стало поправляться мало по малу и все такъ исправилось, что и слѣдовъ пагубы не осталось! А въ другой разъ при Шведскомъ королѣ

что было? Какъ онъ своихъ звалъ на балъ въ Петергофѣ! Также все исчезло! А нынѣ не тотъ же ли Богъ? Не тотъ же ли геній, хранящій Россію? Возложимъ упованіе наше на Господа. Читайте псалмы Давыдовы и его послѣдній псаломъ, гдѣ онъ говоритъ: „малъ былъ въ братіи моей и юнѣйшій въ дому отца моего и проч.“ Тако и себя должно считать послѣднѣйшимъ и уповать на Бога. А молитва ваша за Государя и его царствованіе дастъ много вамъ любви къ нему, надежды на Бога и внутренняго покоя. Что надлежитъ до малостей, о коихъ стану говорить, о Мезансъ, о коемъ вы желаете знать, онъ правитъ здѣсь французскою ложею, называемою la félicité, на Пречистенкѣ, въ домѣ Всеволожскаго, который самъ тутъ надзиратель. Членовъ человѣкъ 15.

Что надлежитъ до Кутузова, то, конечно, полезно бы ему во всемъ посовѣтоваться, хотя его характеръ, весьма къ самодѣйствію стремляющійся, и я ему говорилъ и говорю о терпѣніи, объ ожиданіи, о безвременномъ и весьма нетерпѣливомъ настояніи по его какимъ-либо представленіямъ или прожектамъ. Онъ обѣщался, но есть характеры, кои весьма не скоро зачинаютъ прохлаждаться, хотя и сами бы хотѣли, ибо трудно характеры импетные останавливать и имъ останавливаться безъ постояннаго отъ Бога испрошенія, чтобы Онъ влилъ силъ. Съ натурою бороться, словно какъ съ жизнію бороться, ибо уродливая натура тоже живетъ во всей ея силѣ, которую побѣждать чего стоитъ? Сколько можно и сколько спросится, буду ему совѣтовать, а между тѣмъ при случаѣ не худо ему и подтвердить, что ему, по его характеру и привычкамъ, совѣтъ друга крайне нуженъ. Вчера Кутузовъ сказывалъ мнѣ, какъ пріѣзжалъ къ нему докторъ жившій у васъ и какъ возвѣстилъ, что скоро будетъ въ Москву великій человѣкъ изъ Петербурга—Феслеръ, и потомъ скоро пришелъ профессоръ Буле, съ великою о семъ же рекомендаціею, и чтобы позволить ему жить у Буле въ университетѣ, и что онъ намѣренъ пробыть недѣли три и болѣе. На это сказалъ ему, якобы вспоминая, Кутузовъ: не тотъ ли это Феслеръ, который извѣстенъ сдѣлался въ Берлинѣ; причемъ Буле взглянулись съ докторомъ другъ на друга, и Буле замѣшался и весьма де покраснѣлъ, а докторъ, рекомендуя Феслера, сказалъ, что и зять вашъ Сергѣй Семеновичъ, новый попечитель, весьма этого профессора Феслера знаетъ и будетъ его рекомендовать, то видно онъ съ нимъ чрезъ кого нибудь сошелся. Итакъ, сей Феслеръ употребитъ здѣсь захочетъ тѣ усильствія, кои ему не удались въ Петербургѣ. Вотъ какъ тьма свои вѣтви хочетъ распространять. Желаю вамъ здоровія и способности растворять сердце у другаго. Говорить съ вами искренно и откровенно, что не можетъ иначе дѣлаться, какъ чтобы вы того ни прежде, ни послѣ не судили (а есть способъ разсуждать, сожалѣть

и извинять, а не судить, то это не будетъ умалять любовь), дабы изъ глазъ вашихъ онъ и изъ духа въ словахъ себѣ суда не ощущалъ, что не будетъ вамъ его и ему васъ мѣшать любить и отворять сердце свое, отдыхая съ вами въ искренности, ибо подозрѣвать, остерегаться, весьма трудно и духу безпокойно, то всякій разъ съ кѣмъ-нибудь отъ этихъ трудностей отдохнуть и успокоиться.

Не возможно-ли сдѣлать милость помѣстить извѣстнаго вамъ штабъ-лекаря Сжмари въ институтъ медико-хирургическій на инспекторскую ваканцію, изъ коихъ, слышу, осталось одно вакантное мѣсто на 600 рублей. Если это можно — прошу покорнѣйше.

Желаю вамъ здоровія, сохраненія васъ отъ тамошней суеты и во всемъ да даруетъ вамъ Господь милость свою.

Если вы въ такомъ отношеніи съ г. министромъ юстиціи, то не можно-ли попросить, чтобы по дѣлу Дьякова, знаемаго вами, съ купцами о лѣсѣ, сдѣлать приказалъ законное удовлетвореніе.

Въ концѣ письма за нужное считаю повторить о читаніи псалмовъ Давыдовыхъ и разумѣваніи. Это крайне вразумитъ, ободритъ и успокоитъ.

Сіе письмо посылаю съ морскимъ кадетскимъ офицеромъ, возвращающимся изъ отпуска и велѣлъ сыну моему вручить вамъ.

Теперь услышалъ, что Феслеръ уже пріѣхалъ въ Москву и сталъ въ университетѣ у профессора Буле.

Павелъ Ивановичъ просилъ меня принять пакетъ къ вамъ и вложить въ мой пакетъ.

Прошу покорно доставить письмо къ Василію Степановичу [1]).

31.

Февраля 25-го, 1811 года.

Съ офицеромъ морскаго корпуса посылаю вамъ письмо сіе, черезъ дѣтей моихъ, кои, кто-нибудь изъ нихъ, должны вручить вамъ.

Имѣю васъ увѣдомить сообщенное мнѣ Павломъ Иван. о пребываніи г-на Феслера въ университетѣ въ Москвѣ, и нѣчто до пріѣзда въ Москву. Господинъ Карамзинъ самъ де сказывалъ, что онъ съ Феслеромъ имѣлъ длинную бесѣду еще въ Твери и сидѣлъ съ нимъ болѣе 4-хъ часовъ; познакомясь, приглашалъ его къ себѣ въ домъ, когда пріѣдетъ въ Москву, но, пріѣхавъ въ Москву, Феслеръ де за болѣзнію яко, не былъ нигдѣ. Въ Москвѣ Феслера посѣщалъ три раза Карамзинъ; сидѣлъ подолгу на-единѣ; а въ 4-й разъ привозилъ съ собою Мезанса, коего узналъ одинъ изъ университетскихъ профессоровъ, видѣвшій его въ разныхъ здѣсь домахъ. Феслеръ былъ боленъ,

[1]) Тамарѣ.

въ постелѣ даже и сказывалъ, что онъ не надѣется прежде недѣли оправиться и быть въ силахъ ѣхать. NB. Двѣ почты сряду Петербургскія и одну иностранную получилъ онъ весьма много пакетовъ, и большихъ и малыхъ. Феслера посѣщали, кромѣ нѣкоторыхъ профессоровъ нѣмцевъ, и В. Влад. Лопух., Серг. Семен. и водилъ съ собою Алексѣя Алексѣев. и доктора Ремана. А сего 22-го числа февраля, въ среду, въ половинѣ втораго часа пополудни Феслеръ уѣхалъ изъ Москвы. NB. Замѣчательно то, что 21-го числа по-утру, въ 9-мъ часу, Феслеръ говорилъ, что онъ боленъ и здѣсь пробудетъ дней 10, а получа часу во второмъ, въ тотъ же день, почту, сталъ спѣшить собираться ѣхать и сказалъ, что онъ больной, черезъ силу, но ѣхать долженъ. Геймъ, бывъ въ конторѣ у Гизета, для перевода денегъ въ Веймаръ, къ выписываемому словолитному мастеру Фитгеру, видѣлъ Мезанса, получающаго 2000 червонныхъ. Феслеръ самъ сказывалъ профессору Буле, что онъ имѣетъ циркулярное рекомендательное письмо ко всѣмъ губернаторамъ, мимо коихъ онъ поѣдетъ, отъ двухъ персонъ, именно: отъ г. Козодавлева и отъ г. Сперанскаго. Павелъ Ивановичъ просилъ меня о семъ написать къ вамъ, да и я счелъ, что по ученой части и по прикосновенію къ ложамъ, вамъ, яко части ученой же, слѣдуетъ знать о Феслерѣ и о Мезансѣ. Слышу я, что здѣсь, въ Москвѣ, начальство хочетъ запретить глухо ложи всѣ, коихъ я и не слышу, кромѣ 2, извѣстныхъ вамъ, изъ коихъ одна—Мезансова, видно, шальная; ибо слышу, хотятъ напечатать акты свои, кои, какъ будутъ, обѣщались мнѣ достать; то я и къ вамъ пришлю. А у Всеволожскаго есть типографія. То если глухо запретятъ, то тѣ, кои свято власти повинуются, тѣ и перестанутъ работать; а непорядочныя ложи, у коихъ цѣли сумасбродныя, тѣмъ не запретишь, тѣ тихонько станутъ работать и размножая заблужденіе и наборъ рекрутовъ, пуще будутъ безпокоить публику и правительству наводить подозрѣніе дурачествами своими. А ложи порядочныя не могутъ дѣлать безпокойства, ибо они очень малы; пріемы у нихъ въ новые члены: случится въ годъ—примутъ одного или двухъ; то можетъ ли число ихъ быть велико? Испытаніе ихъ о поведеніи строгое и долговременное—тѣхъ, кои ищутъ вновь къ нимъ вступить; а какъ ложа порядочная всегда состоитъ изъ членовъ 10 или 15, или много 20, то можетъ ли быть тайно и собираться такъ тайно, чтобы правительство не знало не только о членахъ всѣхъ, но и о жизни ихъ, нравахъ и поведеніи, и о томъ, въ чемъ состоитъ ученіе ихъ, въ которое всякой порядочный человѣкъ имѣетъ право искать, и войти, и самъ увидѣть. А порядочная ложа сама, яко покорная всегда Государю, выведетъ наружу фальшивую или опасную цѣль, коя случится, и не въ подчиненныхъ даже ей ложахъ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія дать позволеніе на работы масонскія; но весьма

тайное, дабы, узнавши о позволеніи, не стали нахально и насильно требовать принятія (а озлоблять отказомъ тоже неловко! надѣлать враговъ вещи доброй; а если соглашаться, то налѣзутъ волки въ овечьихъ кожахъ),

Кстати, по написаніи мною письма, прошенный мною провѣдать Мезансову ложу принесъ мнѣ, взятое у одного изъ членовъ оной, по фамиліи Калачова, открытіе ея и катихизисъ (которой при семъ и влагаю), въ коемъ ничего худого нѣтъ и неположеннаго въ истинныхъ ложахъ, кромѣ неправильнаго церемоніала. А вотъ, что не можетъ быть въ истинномъ масонствѣ позволено, что масонъ называется братомъ царей; то это по квакерски. Это не годится для тѣхъ, кои должны и въ словахъ быть крайне почтительны къ государямъ, по порядку повиновенія и по должности подавать примѣръ. А слова: lorsqu'ils sont vertueux, кои я нарочно два раза подчеркнулъ, на второмъ листѣ, совсѣмъ нейдутъ, ибо масонамъ не велѣно никого судить, а особливо царей; а они обязаны повиноваться. А коли не vertueux, такъ что же? развѣ не повиноваться? и какъ объ этомъ судить? Одному кажется vertu, а другому нѣтъ; словомъ, этакое изъясненіе или преступно, или вранье. Этакого языка масоны не имѣютъ.

Написавъ это письмо, въ которомъ мое имя, подумалъ: не попало бы объясненіе о Мезансовѣ катихизисѣ въ другія руки, кромѣ вашихъ, то написалъ на особой бумагѣ, кое у сего прилагаю, на таковый случай.

32.

Марта 1-го, 1811 года.

Желаю вамъ здоровья и слышу, что вы тамъ, слава Богу, здоровѣе, нежели здѣсь, за что надобно весьма благодарить Бога, что это Его есть благословеніе и чувствовать это: то Богу сіе пріятно и вы сами почувствуете въ духѣ веселость и ободреніе и удобность къ дѣлу и мыслямъ благимъ. Предъ симъ послалъ я два письма, гдѣ писалъ о Феслерѣ и о Мезансѣ, и къ пополненію прежняго имѣю увѣдомить, что во время бытности здѣсь еще Феслера, получилъ Ив. Владим. Лопухинъ большой, слышу, пакетъ отъ Мих. Михайл. Сперанскаго; чего весьма давно не бывало, чтобъ онъ съ нимъ списывался. Хотя они люди надежные, и вѣрные Государю, но кто отвѣчаетъ за Феслера?

Слышно здѣсь стало и довольно вѣроятно, что вы будете канцлеромъ, о чемъ я сдѣлался весьма скорбенъ, полагая, что это по вліянію тѣхъ, у коихъ въ цѣли чрезъ ученую часть въ Руси ко вреду что-нибудь дѣйствовать; ибо если эта часть будетъ умножена и усилена, то она много можетъ надѣлать перемѣнъ, если обращена будетъ

не къ той цѣли, которая бы составляла покой и безопасность монарха. Во Франціи что она произвела? Хотя теперь у насъ люди и надежные Государю, но если ученость двусмысленная, кою Феслеръ проповѣдывалъ въ Берлинѣ, возьметъ свое начало и распространеніе и здѣсь, въ Руси, то она добра не произведетъ; а потому весьма не желается, чтобы она изъ рукъ вашихъ вышла. А если уже нельзя вамъ будетъ отдѣлаться, чтобы ее не оставить, то слѣдуетъ весьма попещись: если можно, выпросить Государя, чтобы досталась человѣку, вами избранному, дабы въ этотъ государственный департаментъ не влѣзли подъ разными одеждами иллюминаты и, соединясь съ тѣми иностранными, кои завидуютъ на Россію и не хотятъ связи этой, коею Россія укрѣпилась и распространилась, т.-е. монархическимъ правленіемъ и зависимостью единому Государю и подкрѣпителями или подпорами его власти, яко повсемѣстными полицмейстерами, дворянами или повѣренными отъ двора. Вотъ что, въ довѣренной съ вами бесѣдѣ, могу келейно сказать.

33.

Марта 2-го, 1811 года.

Сдѣлайте милость, если это труда никакого вамъ не сдѣлаетъ, чтобы по представленію, на сей почтѣ посылаемому отъ Павла Ивановича Кутузова, объ актуаріусѣ Волоцкомъ. Къ награжденію его чиномъ можно было представить, такъ и прошу, если это удобно; если же не удобно, по нынѣшнимъ затрудненіямъ, то воля на это ваша.

34.

Марта 18-го, 1811 года.

Поздравляю васъ съ празднованіемъ славнаго воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Да даруетъ онъ вамъ и всѣмъ ищущимъ царствія его возрадоваться сердцемъ и всѣми чувствами о воскресеніи Христа Спасителя, паки повторяю, дабы побудить и оживить воспоминаніе о немъ въ обмершемъ сердцѣ нашемъ.

Начинаю писать на прежнее письмо ваше о Кутузовѣ. Это правда, что онъ часто ошибается, ибо все судитъ и пишетъ ежели кому, то все по чувствамъ своимъ, не подозрѣвая о ихъ ошибочности, чему подвержены всѣ пылкіе склонные къ энтузіасму, кои не вѣдаютъ, что первое паденіе и послѣдующія всѣ отъ того, что основывались и повѣрили чувствамъ, любятъ восхищаться, но не туда; а потому что предписано и въ примѣрѣ показано чувства смирять, а ими не восхищаться; къ этому принадлежитъ, т.-е. къ восхищенію, увеличивать бездѣлицы, не обдумывать, не углубляться. Что надлежитъ до сочине-

ній Карамзина, кои даны университету за классическія книги, кои онъ, т.-е. Кутузовъ, привезъ ко мнѣ съ подчеркнутыми имъ мѣстами. на кои хотѣлъ я вамъ кое-что сказать; но это такая пустошь, что лѣнь читать и съ самаго начала, когда онѣ даны университету, лучше бы ихъ не принимать; а тогда, какъ ихъ приняли, то больше смотрѣли на то, чтобы ихъ куплей сдѣлать барышъ автору и мягкое, гладкое писаніе предпочли пользѣ. Когда-нибудь выберу не всѣ тѣ мѣста, кои Кутузовымъ подчеркнуты, а нѣкоторыя и вамъ нѣчто скажу, то вы изволите взглянуть, слѣдуетъ ли ихъ оставить, или все отставить. Теперь съ отношеніями Павла Иван. къ вамъ, по вашимъ ко мнѣ письмамъ, познакомленъ и совѣтовалъ, что ежели о чемъ онъ вамъ представилъ, то отнюдь бы не повторялъ и не наскучалъ, что и со мной по нашимъ сношеніямъ съ нимъ мнѣ извѣстно. Во многомъ, я знаю, что онъ, какъ безпокойный и назойливый дитя, чаетъ, что онъ дѣлаетъ дѣло, по его зрѣнію въ вещи, хорошо; а не подозрѣваетъ, что его зрѣніе разбѣгается и не далеко видитъ. Что дѣлать! не вдругъ человѣка изъ окружности поворотишь на прямой радіусъ къ центру. Впрочемъ, имѣю васъ увѣдомить, что я о его представленіяхъ въ чины, къ орденамъ ничего не вѣдалъ и не вѣдаю, и онъ со мной не говорилъ. Это я пишу, чтобы вы не подумали, что я какое нибудь имѣю на это моими совѣтами вліяніе,—совсѣмъ нѣтъ; кромѣ тѣхъ, за коихъ я васъ просилъ, и то потому, что меня осилили просьбами, да и то писалъ: если это легко, удобно и вамъ кажется не несправедливо; и, признаться, радъ бы, чтобъ вы нѣкоторыхъ моихъ просьбъ не исполнили. Что надлежитъ до Мезансовой ложи, то не всѣ же могли провѣдать, кому было приказано; то не надобно дивиться, что наши васъ увѣдомленія явились съ тѣми несходны, въ чемъ, я думаю, вы посланнымъ и катихизисомъ даже увѣрились: а отъ меня поручено было такъ опровѣдать, что Кутузовъ и не зналъ даже, чрезъ кого я это дѣлаю, а ложа была у Лебона, но послѣ слышалъ я, что онъ и самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Что разбирательствомъ Феслерскихъ дѣлъ вы обратили много на себя негодованія, о чемъ много не слѣдуетъ думать: ибо вѣдая васъ (коего не слѣпымъ случаемъ поставили на это мѣсто) да молчать, то это съ ними соглашаться; они могутъ дѣлать это по невѣдѣнію, а вы бы умолчали по вѣдѣнію. То тогда бы и Богъ и правые люди, коихъ всегда немного, васъ оставили; а кои за сего Феслера вступались, то надобно смотрѣть на нихъ съ любовію и сожалѣніемъ. И скоро ли, долго ли они изъ заблужденія о немъ выйдутъ, а намъ молчать, гдѣ Богъ выдается за простаго человѣка, или еще хуже, то мы-то имъ тогда-то подобны будемъ; да и какая наша будетъ вѣрность Богу, ордену и Государю, съ коимъ связь укрѣпляется одною религіею? А

если не она, то все предано будетъ удачѣ. И у язычниковъ связь съ Государемъ какая? Религія, какова бы она ни была; но религія, на коей были основываемы и у язычниковъ всѣ клятвы. А что за религія была у язычниковъ? Это намъ извѣстно: это было служеніе силамъ натуры, а у истинныхъ законниковъ служеніе первой силѣ или силъ силѣ, т.-е. единому Богу. А чтобы перемѣнить ваше положеніе, то это не въ волѣ тѣхъ, кои не взлюбили васъ за правду предъ Богомъ, за вѣрность Государю; будьте увѣрены, если вы будете на нихъ смотрѣть съ любовью и спокойно, и весело, яко на людей ошибающихся самихъ, то будьте увѣрены, что твердость ихъ, коя основана на ошибочности противу васъ, скоро поколеблется тѣмъ паче, что у кого Богъ основаніемъ, то какая сила устоитъ? Вы же и въ званіи вашемъ не по исканію вашему, не по охотѣ. Будьте увѣрены и Богъ силы и мира будетъ съ вами.

Если о здоровьѣ вашемъ дошли до меня извѣстія неправыя, то я и впредь скорѣе имъ повѣрю; ибо желаю, чтобъ Господь сохранялъ ваше здоровье—сіи мои желанія и молитвы— и дабы вы были въ довѣренности у Государя; ибо знаю, что и его благо въ томъ состоитъ, чтобы имѣть при себѣ людей служащихъ Богу во первыхъ и ему Бога ради, а не изъ мірскихъ выгодъ, коими васъ Богъ и безъ того довольно надѣлилъ, а особливо нынѣ желаніемъ умѣренности.

Вы изволили писать, что состояніе вашего здоровья, отяжеляемое безпокойствомъ служенія, не можетъ долго продолжаться; на это есть пословица, что отъ бурь многія деревья, хотя и колеблятся, будучи по виду слабы, но стоятъ, а прочіе, кажущіеся весьма крѣпкими, вырываются съ корнемъ.

Слава Богу, что сказаніе о канцлерствѣ вашемъ неправильное, и я этому радъ: ибо въ должности вашей теперешней вамъ легче по всему и съ Богомъ, и съ Государемъ. Что надлежитъ до вашего Алексѣя Алексѣев., то онъ у меня былъ токмо съ письмомъ вашимъ и послѣ не бывалъ и ко мнѣ не ѣздитъ; и это хорошо, ибо по его лѣтамъ, рано еще нашими бесѣдами заниматься; а надобно ему напередъ оглядѣть міръ съ его красотами, да какъ онъ почувствуетъ непріятности, тогда пожелаетъ говорить, можетъ быть, еще и о матеріяхъ поважнѣе; а Павелъ Иван. желаетъ видно самъ его побуждать и мнѣ не одинъ разъ говорилъ, что онъ хочетъ ѣхать ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ видно, что Павелъ Иван. хочетъ. То надобно въ этихъ случаяхъ молодость не тянуть: ибо если она и согласится, то изъ видовъ временныхъ, чѣмъ тотъ самъ, который тянетъ, первый обманется и будетъ обманутъ, къ чему Кутузовъ много имѣетъ опытовъ; но они его еще не научили.

Милость ваша великая объ актуаріусѣ Волоцкомъ, къ чему я при-

силенъ былъ и Кутузовымъ просить, ему чина черезъ 2 чина, покорнѣйше благодарю. При семъ посылаю остальныя замѣчанія на бумагу Захара Яковлевича и прошу не доводить до его свѣдѣнія, что эти замѣчанія мною дѣланы; а чтобы вамъ скорѣе были пункты, на кои дѣлано было какое замѣчаніе, то я оставилъ означенныя карандашомъ на его бумагѣ, которую, какъ отдавать будете, то прикажите бѣлымъ хлѣбомъ вычистить.

О себѣ вамъ донесу: на нѣкоторое время, сколько Богъ пожелаетъ, отъ зубной боли и флюсу мнѣ посвободнѣе. Къ замѣчаніямъ прибавилъ я и свое извиненіе.

35.

Мая 4-го, 1811 года.

Благодарю покорно, что, слышу, вы по моей крайне неохотной просьбѣ за Степанова не изволили исполнить; ибо я, по любви моей давнишней и всегдашней къ отцу, принужденъ былъ просить за сына, отцу своему не очень по мыслямъ его покорнаго; а потому и зачавшаго весь ходъ вамъ извѣстнаго исканія. Жениться, не спросясь любящаго отца и меня во всемъ по случаю сватанія дѣйствованіи, о чемъ уже отецъ и я узнали о его глупомъ освѣдомленіи послѣ (sic). А потомъ, чѣмъ кончилъ, что не спросясь отца, вдругъ присылаетъ изъ далекой деревни письмо, что онъ женился и проситъ у отца благословенія (что и случилось при мнѣ, когда я у отца сидѣлъ) и пишетъ, что женился не по страсти, а по разсужденію. А за ней ничего почти нѣтъ. То при всемъ томъ, просить я за него не иначе могъ, какъ присиленъ страдательною любовью отца; но радъ былъ, если по моей просьбѣ не исполнится; такъ и случилось. Хотя, впрочемъ, отнюдь не худого поведенія, и весьма не глупъ, и къ дѣлу мірскому весьма годится; но по зрѣнію въ вещи отца его и моему, это мало для сына его. Мы хотимъ, чтобы у нашихъ дѣтей Богъ былъ первымъ началомъ во всѣхъ ихъ и нашихъ дѣяніяхъ. Вотъ нынѣ сдѣлалось извѣстно, что сынъ князя Суворова, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣрамъ отца, имѣя, слышу, къ тому многія способности, и коли воевать, то воевать бы противъ государственныхъ непріятелей; а онъ зачалъ воевать противу зайцевъ, и что-жъ случилось? Вѣдь это все недаромъ. На томъ самомъ названіи, если это та же рѣка, гдѣ отецъ побѣждалъ турковъ, сохраненъ и прославленъ [1]). Ибо должности Государю и государству суть должности Богу; а должность гоняться за зайцами — это должность и служба кому? Такъ какъ и травить мед-

[1]) Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ утонулъ 12-го Апрѣля 1811 г. въ рѣкѣ Рымникѣ.

вѣдей—кому эта должность припадлежитъ, генералу или канцлеру? словомъ на (неразобранное слово) формировать свои нравы, кому принадлежитъ? и въ этомъ пособіе дѣлать ближнему примѣромъ и малыми словами (sic).

Здѣсь стоятъ большіе холода, и я ожидаю, если Богъ пожелаетъ, будетъ потеплѣе, по календарю, по планетамъ ожидать около 11-го числа.

Алексѣй Алексѣевичъ ко мнѣ не ѣздилъ, и я весьма этому не мѣшалъ; ибо весьма же надобно оглядѣть міръ и самому отвѣдать всѣхъ его пріятностей. Ибо воля человѣческая—дѣло весьма нѣжное; опытъ дастъ; а безъ того вещи важныя и для слуха тяжелы.

Прошу приказать отдать письмо; а изъ любопытства прочтите трагическую сцену.

Много и весьма много благодарю за попеченіе успѣшное и милости Ѳедору Петровичу о сынѣ его.

36.

Сентября 25-го, 1811 года.

По волѣ вашей, отъ боли въ груди посылаю хорошей красной мази: а что надлежитъ до другихъ болѣзней, то будьте увѣрены, что ежели бы тотъ, который вездѣ, не помогалъ внутренно и наружно, то мы бы сами, по нашему нестаранію разумѣвать прямо вещи и себя внутренно и наружно, то мы бы сами себѣ до конца допортили. Но Богъ, проницающій и охватывающій все, видимо и невидимо бережетъ, не допускаетъ, медлитъ и поправляетъ; а потому мы должны ожидать Бога и сами его не переспѣшить: онъ знаетъ всѣ наши болѣзни, коимъ нашимъ недоразумѣніемъ мы весьма помогаемъ укореняться и умножаться до того, что, наконецъ, хладъ всѣхъ насъ охватываетъ. Но Богъ, несмотря на то, разными умѣреніями и сохраненіями разгонитъ зло физическое и моральное, составляемое нами самими внутри насъ и внѣ насъ. Тако во всемъ и вездѣ. Возложи упованіе на Господа. Слово это не пустое; но это есть сила и силу производитъ. Повторяя его въ себѣ, оно меня успокоиваетъ и утѣшаетъ; а если эти два есть, то и третье есть—усиливаетъ, хотя я это и не замѣчаю. Слова: „сила моя въ немощахъ совершается“, весьма глубоки.

Въ Москву я пріѣхалъ, коли Богъ велитъ не надолго, а жена и дѣти въ деревнѣ.

37.

Февраля 12-го, 1812 года.

Дай Боже вамъ здоровья и успѣху въ надобностяхъ вашихъ экономическихъ и удобности по службѣ, а паче въ преодолѣніи себя въ

работахъ духовныхъ, въ осиленіи своихъ временныхъ привычекъ и въ успѣшномъ познаніи себя самого по душѣ своей, или желаніямъ по духу своему, или понятіямъ по тѣлесности своей, или по чувствамъ. Да даруетъ вамъ Господь все это обращать на вящшее познаніе Бога въ природѣ всей, которое есть дѣйствующее Слово вотѣлесившееся, явленное видимо въ Іудеѣ, обучавшее примѣромъ и словомъ, кроткое, терпѣливое, исполненное благихъ нравовъ и истины: словомъ — сама истина. И чѣмъ болѣе ее познаете, тѣмъ паче все будетъ вамъ яснѣе и удобнѣе и благословеннѣе и въ дѣлахъ вашихъ временныхъ: ибо изъ познанія сей истины сдѣлается вамъ все, яко изъ центра настоящаго, все виднѣе и яснѣе и вы паче будете остережены, и воспособлены и сохраняемы; изъ этого-то центра дается видѣть религію не сектатически; а людей любовно и безпристрастно, и натуру видимую ясно, а невидимую безошибочно понимаемую. Сего-то ради велѣно учиться языку гіероглифическому, ибо безъ сего языка понять невидимыхъ вещей ни какъ не можно; да и видимыхъ понять нельзя, ибо и видимыя понять же надобно, кои всѣ вѣдомы по ихъ внутренности, коя невидима; къ сему потребно частое обращеніе духа къ Вездѣсущему, котораго центръ въ насъ, познающихъ Его.

Слышалъ я, что вы намѣрены пріѣхать въ Москву на все лѣто. Радъ я буду весьма; только долгое отсутствіе не дало бы больше къ успѣшному дѣйствованію врагамъ вашимъ. А не на долгое время я буду весьма радъ вашему пріѣзду. Господь васъ да сохранитъ во всемъ и будетъ вамъ покровителемъ во всемъ временномъ, къ вѣчному вашему благу.

Что надлежитъ до вашего подчиненнаго П. И. Кутузова, онъ, кажется, иногда весьма радѣетъ о исправленіи себя; но скоро ли человѣкъ возьметъ верхъ надъ своимъ сложеніемъ и привычками? Онъ представилъ о вологодскомъ директорѣ училищъ, коллежскомъ ассессорѣ Волоцкомъ, о чинѣ потому, что онъ уже 7 лѣтъ въ одномъ чинѣ; но какъ онъ особенно мнѣ извѣстенъ и по его добрымъ качествамъ любимъ мною, то я о немъ покорнѣйше васъ прошу сдѣлать мнѣ милость большую и онъ того весьма желаетъ, чтобы вмѣсто чина выпросить ему Анненскій второй степени крестъ. Кажется, это можно. Сдѣлайте милость; впрочемъ, если это нельзя, то я просьбою моею не настою, но аще есть возможность, сдѣлайте милость. Мнѣ ему желается это выпросить, и я какъ будто за себя прошу; но, при всемъ томъ, да будетъ то по волѣ Господней въ маломъ дѣлѣ и въ большомъ.

А отъ болѣзней, отъ которыхъ я страдалъ, слава Богу избавленъ, но вмѣсто того бываютъ у меня обмороки, называемые вертихами, шумъ въ головѣ уже тому мѣсяца два.

Жеребцовъ по сю пору здѣсь и уже уѣхалъ, и сколько ни старался, дабы со мной сойтись, но я отнюдь не хотѣлъ подъ причиною болѣзни моей, и въ (ложѣ) онъ не былъ ни одинъ разъ, а бывалъ не одинъ разъ у Кутузова, у котораго выпросилъ бумагу: «Чего бы держаться въ масонствѣ?», которую я не могъ зазрить и воспрепятствовать, не соглашаясь, кажется, противъ совѣсти. Таковую же копію послалъ нынѣ къ гр. Віельгорскому и писалъ ему привезти показать вамъ.

Лихонинъ писалъ ко мнѣ, якобы вы сами посылали за нимъ; правда ли это? и писалъ ко мнѣ, что вы изволите перемѣщать его подъ ваше начальство и просилъ меня попросить васъ о томъ. То если онъ пересталъ играть въ карты, то и я покорнѣйше за него прошу; а если не пересталъ, то просить не смѣю.

38.

Февраля 28-го 1812 года.

Благодарю покорно за письмо ваше, писанное въ Январѣ, а числа нѣтъ. Увѣренъ я, что вы не писали потому, что случая не было; а по почтѣ, я самъ знаю, писать не столь вѣрно. Чудно, что графъ Віельгорскій былъ у васъ только 2 раза, хотя бы часто былъ у невѣсты, но это должно мѣшать тому, почему Богомъ дается ему и хорошая невѣста [1]).

О канцлерѣ милиціонномъ уже писалъ я къ вамъ недавно, въ письмѣ съ племянникомъ кн. Григорья Алексѣевича Долгорукова и послалъ письма къ сыну, отъ коего, думаю, вы уже изволили получить. Съ нимъ переписка у меня зачалась потому, что гр. Віельгорскій чудесно чрезъ него приведенъ и онъ же представился, яко отставшій отъ пагубнаго ему самому упражненія, т.-е. картъ, то я и зачалъ съ нимъ переписку и васъ просилъ за него, коли отсталъ отъ картъ, т.-е. картежничества; а если не отсталъ, то всякое приклоненіе къ Ѳ-ну и къ братству это есть маска.

Орденскія дѣла, если совсѣмъ переиначатся, то и отъ работъ, каковы бы ни были, отстанутъ; а впрочемъ, разсадныя школы всегда таковы, ибо не одни: всѣ годные субъекты вземлются во внутренній орденъ. Но изъ нихъ иногда изо ста случится самое малое число, коихъ за сердце заберетъ высокая мораль, а духъ получитъ охоту, или инстинктъ, видѣть что-то въ обрядахъ и притчахъ языка орденскаго, и тако содѣлается ищущимъ.

Что надлежитъ до васъ, что вы не мѣшаетесь ни во что и съ

[1]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій женился въ 1811 г. на принцессѣ Луизѣ Бирон-Курляндской.

вами рѣчи нѣтъ, то весьма хорошо, что не мѣшаетесь; но коли сами упражняетесь и продолжаете, то духъ отъ васъ не отступаетъ, и коли вдругъ у васъ спросятъ или зачнется разговоръ, то духъ васъ тотчасъ вразумитъ и научитъ васъ, что̀ говорить, ка̀къ говорить, или гдѣ промолчать; тако, помните, случилось, что вы сами жалѣли, что не взяли на все наставленія и вразумленія. Ибо Богъ власти своей никому не уступалъ и премудрость его всѣмъ управляетъ. А что нельзя быть безъ прискорбія, смотря на то, что не противоборствуется духу тьмы, это правда; то близкія, или ко благу стремящіяся существа, въ чемъ упражняются въ это время? Въ молитвѣ. То они не въ бездѣйствіи, а они дѣйствуютъ въ это время. Какъ же? Внутреннѣе; тако и Богъ наружныя свои дѣйствія только скрываетъ, а за то внутреннѣе дѣйствуетъ сильнѣе.

Попечитель, о коемъ вы спрашиваете, не сердится на васъ; а коли онъ такъ много дѣйствуетъ у другихъ, что и я слышу отъ сторонихъ даже, то это по его пылкому и дѣятельному характеру, который не любитъ выжидать, а все дѣйствовать кстати, или не кстати, то этимъ самымъ мѣшаетъ получать себѣ то, что онъ хочетъ; то этакого надобно пустить, пусть онъ вымахается и устанетъ. А между тѣмъ, самъ себѣ мѣшаетъ; то видно рано, видно надобно, чтобы онъ еще ничего не получалъ и тѣмъ бы смирился: ибо эти характеры, если они успѣваютъ въ своихъ желаніяхъ, то имъ пуще бѣда: они тутъ пуще съ собою не сладятъ. Итакъ, надобно, чтобы они своею неудачею смирялись и научались быть меньше дѣйствующими. Впрочемъ, онъ нерѣдко у меня бываетъ; но о своей должности не спрашиваетъ, кромѣ когда бываютъ ему когда какія неудовольствія, да и то весьма рѣдко, часто, дѣло испортя. Что надлежитъ до Чеботарева, то надобно бы сына нѣсколько щадить для отца, а отца сберегать для Ѳедора Петровича, который давно съ отцомъ весьма друженъ; но къ этакой политикѣ пылкіе и дѣйствующіе характеры неудобны, онъ же своихъ неудовольствій скрывать не умѣетъ. Неудовольствія же эти идутъ издавна, ибо Чеботаревъ весьма желалъ, чтобъ былъ попечителемъ сынъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, который его ученикъ и весьма къ нему приверженъ; а уже разумѣется, что не Орловъ правилъ бы университетомъ, а чрезъ него. К. Козловскій поѣхалъ въ Ярославль и теперь тамъ; съ тѣмъ поѣхалъ, чтобы сдать Приклонскому, правящему отъ Лѣнивцева, и его; а сдастъ ли—не знаю. Мнѣ крайне жаль, что вы, дѣлая милость ему, вошли въ это; а онъ очарованъ Лѣнивцевымъ; а попалъ въ эту сѣть по тому же, почему и долженъ Лѣнивцеву суммою, о коей вы ко мнѣ писали. Итакъ, одна страсть вовлекаетъ въ другія. Этакъ случилось съ покойнымъ кн. Дмитріемъ Юрьевичемъ Трубецкимъ. Онъ заложилъ за одного свой домъ,

въ коемъ жилъ; то за этотъ долгъ описали было его домъ. Всѣ эти обстоятельства научаетъ обдѣлывать и остеречься и изъ долговъ выдти Богъ; молитесь ему въ простотѣ сердца и въ дѣтской преданности; сей всемогущій и милосердый, Онъ силенъ зачать, выводить и вывести изъ долговъ царя и подданныхъ. Если бы это знали, весьма бы дѣла поправились и изъ долговъ вышли; но зачать надобно чисто жить и молиться. Вы изволите писать, гдѣ де совѣсть? Но у игрока совѣсть и разумъ въ картахъ; уже онъ того не видитъ, что̀ видитъ другой человѣкъ, ибо душа его въ картахъ.

Лихонинъ правду сказывалъ, что я былъ нездоровъ; а теперь всѣ мои болѣзни вошли въ то, что у меня дѣлаются иногда вертижи и къ тому же разныя безпокойства: у меня сынъ большой крайне боленъ въ Крыму, въ Ѳеодосіи, другое письмо получаю.

А что надлежитъ до меня, я и проѣзживаюсь, и благодаря Богу, прочія боли попрошли, но иногда вертижи бываютъ и шумъ въ головѣ.

Подкрѣпите Віельгорскаго, онъ молодъ, новъ, неуставленъ, неукрѣпленъ; слово ваше одно много надъ нимъ подѣйствуетъ и его сбережетъ.

39.

Марта 26, 1812 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ Января нынѣшняго года, а числа нѣтъ. По почтѣ и я къ вамъ не пишу—не для того, чтобы въ перепискѣ нашей могло быть что-нибудь правительству или Государю неугодное; но сердечныя, покаянныя чувства не должны быть открываемы и своимъ многимъ, кольми паче стороннимъ.

Что графъ Віельгорскій у васъ былъ два раза только, это по его молодости, неопытности; ему я сказывалъ самъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ съѣздилъ къ вамъ въ недѣлю разъ: 1) для пользы его, а 2) доставить вамъ бесѣду пріятную, когда есть: ибо онъ изрядный человѣкъ весьма и къ добру расположенный; а потому Провидѣніе устроило такъ, что житіе его въ деревнѣ 15 дней и пріѣзды его, прежде еще частые, въ Москвѣ не были безполезны и подѣйствовали на перемѣну его жизни. Но онъ слыша отъ меня, чтобы къ вамъ ѣздилъ, а Лихонину, яко не отставшему отъ картъ, этого бы не сказывалъ для того, чтобъ не дать случаю картежника съ вами сближать. А Віельгорскій по добротѣ сердца считалъ, что это лежать будетъ у него на совѣсти, чтобы не сказать Лихонину, считая его однимъ изъ средствъ, чрезъ которое онъ познакомленъ со мною и съ Ѳ—мъ, что я и велѣлъ ему вамъ разсказать, какъ это все Провидѣніе устроило.

Но нынѣ я писалъ паки къ нему, что ѣзда къ вамъ и несказываньe о томъ Лихонину не можетъ быть противъ совѣсти, ибо тутъ заключается спокойство вамъ и несближеніе съ вами человѣка, безполезное, яко преданнаго преступной себѣ самому и ближнимъ страсти. Канцлеръ милиціонный, какъ называете, или Лихонинъ, пишетъ ко мнѣ прекрасныя, и покаянныя, и увѣрительныя письма и другіе о немъ, что онъ отъ картъ отсталъ, чему бы я, любя его, и радъ повѣрить, но, зная страсти человѣческія, какъ онѣ глубоко внѣдриваются, всего этого увѣренія для меня мало. Теперь я слышу, что онъ ѣдетъ въ армію, то само собой удалится ѣзда его къ вамъ, а тамъ карты всегда были въ великомъ ходу; то, какъ онъ найдется въ этакомъ искушеніи, увидимъ. Богъ его да не оставитъ; мнѣ его жаль. А онъ со мною въ перепискѣ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ Віельгорскій сближенъ съ нимъ Провидѣніемъ.

Что надлежитъ до орденскихъ дѣлъ, имъ нельзя не быть таковымъ: ибо по незнаемой дорогѣ, безъ проводника, кто пойдетъ безъ ошибки? а потому надобно на нихъ смотрѣть, какъ на дѣтей, кои однако сами признаются, что они вещи не знаютъ, но ее любятъ.

Что надлежитъ до тѣхъ, кои особливо по Феслеровой исторіи сдѣлались или открыли себя наипаче вамъ врагами, но ваше дѣло справедливое, Государю и отечеству полезное, то за правду никогда безъ враговъ не обойдется. Вотъ теперь слышу, одинъ изъ большихъ вашихъ враговъ въ какомъ-то дѣлѣ попался безъ вашего ему попеченія, что, я думаю, будетъ имѣть великое вліяніе на ходъ дѣлъ. Не наше дѣло; а Богъ вотъ что дѣлаетъ, и какъ выводитъ наружу плутни и несчастное искушеніе сребролюбіемъ и властолюбіемъ.

Вы желаете знать, что попечитель вашъ дѣлаетъ? На это скажу, что когда не въ имѣтномъ положеніи, то я не перестаю ему говорить объ исправленіи; но скоро ли отъ закоренѣлой привычки человѣкъ отступаетъ? Скоро ли глухота пробьется и дойдетъ до сердца, кое у насъ все одѣто страстными привычками весьма намъ самимъ вредными. А мы съ ними, и видя, и вѣря, не сладимъ, а если еще и не вѣримъ и прочные пороки и слуха своего не обращаемъ выслушать о нихъ, ибо съ ними стѣлесились такъ, какъ и Кутузовъ. Про ложь онъ не даетъ себѣ и выслушать, а что надлежитъ до Ѳедора Петровича, онъ весьма на него разсердился за Чеботарева, а потому онъ и мѣру потерялъ и тѣмъ паче, что другой свое зло, свои привычки, страсти можетъ сколько-нибудь скрывать, а онъ не можетъ, въ немъ и худо и добро видно. А изъ университета вышли при немъ только двое, слышу Чеботаревъ да Буле; а и о наградахъ недавно я ему говорилъ, коли бы онъ не метался въ стороны, то что-нибудь уже бы получилъ.

Что надлежитъ до князя Козловскаго, то онъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга, весьма ослабъ; ѣздилъ въ Ярославль и откупу, слышу, не сдалъ для того, что у этого, который бы хотѣлъ снять Приклонскій, залогу нѣтъ и пріѣхалъ оттуда крайне боленъ слабостію. Всегда эти люди, какъ здоровы, да крѣпки, то слушать не хотятъ; а теперь и радъ бы слушать, да уже какъ помочь? Теперь между жизнью и смертью; консиліумы были, и тѣ то же говорятъ. Крайне жаль, что заложили за него; вы дѣлали изъ благотворенія одного; жаль, да что дѣлать? Богъ же долженъ помочь. Коли умретъ, вы должны будете своего смотрителя приставить; то не будетъ ли барыша по Ярославлю на счетъ кавказскаго убытку. Что дѣлать съ этими картежниками? Потому-то я и Лихонину, при всемъ его и другихъ увѣреніи, не вѣрю, чтобы онъ вылѣзъ изъ сей страсти. Крайне мнѣ жаль, что вы повѣрили свои деревни въ откупъ, но что дѣлать? Наше дѣло ошибаться, повѣрить тому, кому не должно; а кому избавить изъ всего сего?—Богу, премудрости его, который всѣ наши ошибки поправляетъ.

Вотъ и теперь, человѣкъ, коему дана была великая довѣренность, слышу, какъ ее сохранилъ Сперанскій и что его паче всего искусило? Сребролюбіе и властолюбіе. Кому-же все это поправить и сохранить? (Но онъ не изъ брр., а съ Феслеромъ хотѣли свое завести, чтобы можно было всюду поворачивать). Богу всевидящему и всемогущему. Вы писали, что Богъ де въ одинъ мигъ можетъ все поправить и перемѣнить. Не такъ ли теперь все и дѣлается? Только вотъ замѣчаніе мое: тѣ, кои могутъ паче теперь вѣрностію своею Государю послужить иногда словомъ однимъ, должны зачать вести чистую жизнь и когда же нибудь надобно же ее зачинать; неужли зачинать съ той минуты, когда смерть придетъ? Уже тогда поздно. Мы познающіе и познавшіе исторію творенія, не есмы земные человѣки; мы небесные человѣки, а потому и жизнь нашу обязаны сообразовать и привыкать къ тѣмъ нравамъ, къ той чистотѣ; слѣдовательно, отвращаться отъ привычекъ скотской жизни.

Мнѣ тамошнія обстоятельства совсѣмъ не видны, а кажется, время теперь вамъ Государя не оставлять и изъ Петербурга не отъѣзжать, ибо что надлежитъ до сватьбы, это дѣло инкогнитное,—можете такъ тихо, такъ скоро сдѣлать, какъ угодно. Кто васъ къ сему принуждаетъ? Воля ваша. Сватьбы же всякаго рода таковы, что чѣмъ ихъ дѣлаютъ инкогнитнѣе, тѣмъ лучше, покойнѣе и дешевле. Даже мнѣ бы хотѣлось увидѣть васъ; но одно дѣло важнѣе другого, а потому сами изволите подумать, какъ лучше. Богъ вамъ къ тому да поможетъ и вразумитъ на полезнѣйшее.

40.

Апрѣля 17-го, 1812 года.

Третій день, какъ похоронили князя Николая Михайловичъ Козловскаго, который во всю свою жизнь бился со страстями своими и уже видно сильно почувствовалъ тогда, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга, ибо тогда онъ такъ упалъ, такъ зачалъ слабѣть, что весьма стало замѣтно. Но по нуждамъ своимъ поѣхалъ въ Ярославль, и думали мы, что онъ поѣздки этой не одолѣетъ; но однакожъ съѣздилъ и сталъ еще слабѣе до того, что принуждены были консиліумъ сдѣлать, о чемъ я и писалъ къ вамъ, и зачали его лечить; и помогли было, такъ что зачалъ вставать съ постели и бродить въ комнатѣ; но неосторожная отдача письма, изъ Ярославля полученнаго, и къ тому же и еще полученное о долгахъ сына, который въ гвардіи, коихъ пришелъ кредиторъ требовать. Это одно къ одному убило его, такъ кровью зачалъ кашлять и окончилъ жизнь. Тако мы всѣ бьемся со страстями нашими и нашею суетною жизнью, и несовершенное наше обращеніе къ Господу не даетъ намъ успокоиться отъ безпокойства, хлопотъ и тоски, которая, если рѣзкихъ и рѣшительныхъ мѣръ не примемъ, убьетъ насъ. Онъ по несчастному, противъ совѣта друга, сближенію съ Лѣнивцевымъ не могъ воспользоваться два раза благодѣтельною вашею помощію. Долги убиваютъ человѣка безпокойствами, кои идутъ, умножаясь. Теперь по долгу моему любви и преданности къ вамъ, сберегая духъ вашъ, долженъ совѣтовать вамъ: не жалѣйте вашего имѣнія, сбросьте лишнюю и слишкомъ лишнюю часть, продайте, успокойте себя въ долгахъ вашихъ; продайте за безцѣнокъ, то вы останетесь еще крайне богаты и покойны. Вы сами рады будете, ибо духъ вашъ успокоится. Долго ли намъ жить? Все это я пишу, слыша отъ Лихонина, сколько вы имѣете безпокойства; если я не буду заботиться и не напомянулъ бы вамъ, то гдѣ же моя любовь къ вамъ? Словомъ, лишитесь за по (неразобранное слово) части имѣнія вашего продажею. Мы теперь подъ старость должны улаживать дѣйствія наши, коими мы въ молодыхъ лѣтахъ больше въ воображеніи восхищались. Господь вамъ дастъ на это силы духа—быть надъ имѣніемъ, а не подъ имѣніемъ, коимъ довольствоваться малое осталось намъ время.

Слышу я, что, можетъ быть, не буду имѣть удовольствія здѣсь васъ видѣть, ибо учрежденный комитетъ, въ отсутствіе Государя, не допуститъ васъ пріѣхать въ Москву. Впрочемъ, самая большая моя нужда, чтобъ вы были здоровы, успокоены и первая ваша цѣль была въ связи Ѳ-на и его работъ, исканіе и алканіе Господа нашего Іисуса Христа.

Прошу покорнѣйше приказать доставить письмо Василью Степановичу и графу Вьельгорскому.

41.

18-го Декабря, 1812 года.

Уже давно не было возможности писать вамъ. Увѣдомьте, прошу покорно, о здоровьѣ вашемъ. Слава Богу, что Онъ привелъ непріятелей Россіи въ такое положеніе, что наши получили паки поверхность надъ тѣми, надъ коими они и прежде превосходствовали. Видно, въ планѣ правосудія назначено было Наполеону разбиваться зачать о Москву: ибо всякія неистовства, дѣланныя въ другихъ мѣстахъ, съ рукъ сходили до сихъ поръ; но съ сей эпохи должно было начаться разрушеніе его. Тако всѣ называемые побѣдители возрастаютъ до нѣкоторой мѣры эгоизмы своей, а потомъ во что́ могутъ обратиться! Тако городамъ и народамъ свой предѣлъ, тако и Москвѣ. Она безпрестанно строилась и расширялась, несмотря на дороговизну, умножающуюся безъ мѣры. Вотъ уже теперь не до того, чтобы расширяться, а будетъ-ли возможность во много лѣтъ хотя нѣсколько обдѣлать то, что́ огонь поѣлъ. Вотъ клубы умножаемые, вотъ статуи поставляемыя, вотъ стремленія тѣхъ, кои старались, чтобъ ихъ имена въ память потомству были написаны! Не возможно ли замолвить слово, дабы его разобрали. Чѣмъ онъ столько виноватъ? Сдѣлайте милость, незабудьте; имѣйте милостивое попеченіе, дабы его избавить (о Ключаревѣ пишу).

Въ Москвѣ домъ вашъ Богъ сохранилъ, но все еще онъ остается подъ платежемъ поземельнаго сбора. Не возможно ли постараться, чтобъ платежъ съ Москвы разоренной сложили, ибо и тѣхъ дома, кои остались, могутъ ли доходъ съ нихъ получать для оплаты поземельныхъ, когда и самимъ тамъ жить тяжело, ибо изъ жилья сдѣланы пустыри. Сказываютъ, одна улица осталась цѣлая: отъ Сухаревой башни до Креста, гдѣ не лучше торгъ бываетъ. Участь человѣковъ, участь городовъ, участь государствъ! На Москву пришло смиреніе послѣ одушевляющаго веселія и праздности: клубовъ, баловъ, театровъ и проч. Провидѣніе велитъ одумываться. Жизнь наша коротка, а исполнена великихъ перемѣнъ: возвышенія и пониженія, а все это войдетъ въ океанъ вѣчности, и мы очутимся въ новыхъ стихіяхъ, съ новымъ тѣломъ; а стремленія духа нашего куда? Туда и инстинктъ нашъ приведетъ. Коли горѣ, то возвысимся въ благополучныя страны, а коли долу, то очутимся въ турбиліонѣ стихій борящихся: хлада, жары, вихря и отяжелѣнія.

Поздравляю васъ, что труды ваши въ московскомъ домѣ вашемъ и въ Горенкахъ не разорены.

Плѣнные нынѣ разсказываютъ, что во все время бытности ихъ въ Москвѣ всѣ они чувствовали нѣкоторый страхъ, а когда всходили на колокольню Ивана Великаго, то къ той сторонѣ, гдѣ Троица Сергіева, видѣли великое ополченіе, а потому, слышу, они къ той сторонѣ не были, даже по Троицкой дорогѣ, въ Алексѣевскомъ, кое пять верстъ отъ Москвы, они не были. Страхъ, чувствуемый всѣми, отъ чего происходилъ? Вотъ рѣшить задачу тѣмъ, кои стремятся вѣдать сокрытая для вюльгеровъ, а открываемая пекущимся о полученіи страха Божія.

Письмо сіе посылаю я къ вамъ вашей команды съ коллежскимъ секретаремъ Волоцкимъ. Сдѣлайте милость, по представленіямъ о немъ и объ отцѣ его, директорѣ училищъ въ Вологодской губерніи, о коихъ объ обоихъ представлено, нельзя ли сдѣлать милость — отцу крестикъ, а сыну—чинъ; къ случаю и ко времени, весьма это возможно. Насилу предсталъ мнѣ случай писать къ вамъ, кои рѣдки, а особливо сюда. Если изволите писать, то съ этимъ же ѣздокомъ, при обратномъ его пути. Послѣднее ваше письмо получилъ я съ Курбатовымъ передъ взятіемъ Москвы. Если Наполеонъ уйдетъ изъ рукъ за-границу, то нельзя намъ остаться спокойными. Хотя арміи его и крѣпко бока обили, но онъ самъ избѣгъ, и, кажется, произойти могло это отъ несогласнаго дѣйствованія всѣхъ, можно сказать, армій, ибо всѣ или не смѣли, или не удалось напасть на толщу его корпуса, окружая его даже съ четырехъ сторонъ.

Богу надобно самому безъ насъ повелѣть избавить насъ отъ сего врага, о чемъ тѣ, кои болѣе вѣдаютъ крѣпкаго во браняхъ, должны молиться и просить. И кому же прибѣгать къ нему, какъ не тѣмъ, у коихъ первая изъ должностей: его познавать.

Лихонинъ меня увѣрилъ, что онъ пересталъ играть въ карты; то я опять зачалъ его любить и посылаю ему письма. Сдѣлайте милость, прикажите ему отдать.

Поздравляю васъ съ нынѣшними праздниками, долженствующими насъ возноснимать, отяжеляющихъ себя суетою міра, которая называется въ здѣшнемъ мірѣ сатана.

42.

11-го Января, 1813 года.

Случай есть писать къ вамъ, — то и не могу пропустить: Павелъ Иван. пишетъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Благодарю покорнѣйше, что вы выпросили ему денегъ на проѣздъ. Сдѣлайте милость, выпросите ему что-нибудь для ободренія его, что можно: онъ съ ошибками большими, но у него нѣтъ скрытаго и человѣкъ облагодѣтельство-

ванный вами. Не оставьте его: онъ требуетъ наставленія; говорите ему безъ всякой бережи, что видите за нимъ худого и ошибочнаго. Онъ очень опрометчивъ и вы будете ему вмѣсто отца. Что дѣлать! Другой бы былъ на его мѣстѣ съ злобою и хитростію и скрытностію, то это бы было хуже. Мы ошибки и худобу другихъ больше видимъ, нежели прочіе люди; но въ насъ есть большая сила извинять это слабостью грѣшника стоять противу грѣха, который есть корень всякаго худа; а корень всегда скрытъ. Многіе люди командуютъ, а малые токмо наставляютъ и учатъ; а сколько людей, не имѣя наставленія, падаютъ смертно; потому-то Дмитрій Ростовскій въ своихъ предикахъ говоритъ: еслибы де на всякаго человѣка было по учителю, то и этого было бы не довольно. По учителю, разумѣется, не такому, токмо который хочетъ, но который можетъ и умѣетъ учить.

Слава Богу! Господь не кинулъ Россію; а, предавъ Москву, сокрушилъ врага, заморозилъ его, оголодилъ и предалъ. Когда стихійныя силы обратятся противъ, кто постоитъ? онѣ у Бога браней въ совершенной власти. Противу лица мраза его, кто постоитъ? Господь сокрушилъ врага.

У меня на Гороховомъ полѣ сгорѣлъ домъ до тла. Что дѣлать! Богъ далъ, Богъ и взялъ; воля Господня да будетъ. Придетъ время, Богъ и кожу нашу возьметъ, тѣмъ-же огнемъ, но медленнѣйшимъ. Гніеніе, тлѣніе—тотъ-же огонь. А дома, два въ Красномъ Селѣ, Господь чудеснымъ образомъ сохранилъ. Буди имя Господне благословенно. Берегите свою внутренность отъ духа міра, который если ее займетъ, то духъ обратится во мрачность, въ разсѣяніе, въ тоску и унынie, которое есть путь ада.

Сіе письмо я самъ написалъ о Кутузовѣ, прося; а онъ, видно, не смѣлъ, не просилъ меня.

43.

5-го Іюня, 1813 года.

Уже весьма давно не имѣлъ удовольствія писать къ вамъ, а теперь уже и по временнымъ вашимъ надобностямъ обязанъ увѣдомить васъ по присланной ко мнѣ отъ Ларіонова, извѣстнаго вамъ, выпискѣ изъ журнала о статьяхъ, коихъ назначено отъ владѣльцевъ отобрать о вторичномъ представленіи, дабы вы изволили быть извѣстны.

О себѣ имѣю васъ увѣдомить, что я все еще живу за Вологдою, съ тѣхъ поръ, какъ французы насъ принудили выѣхать изъ областей Москвы, и пока враги человѣчества не низложатся совсѣмъ, то въ Москвѣ обстроиваться и обдѣлываться нѣтъ еще охоты, ибо по газетамъ войнѣ сей конца еще не видно.

Богъ, видно, Германію не скоро избавитъ отъ сей саранчи, которая все намѣрена пожирать, дабы и самой на развалинахъ другихъ погибнуть, ибо будетъ же и ей конецъ, если не при жизни нашей, то послѣ; а наша жизнь недолга, уже все прейдетъ и внидетъ въ океанъ вѣчности. Едино благо, кому извѣстно основаніе сего океана: сей можетъ утверждать ногу свою и возрастать въ надеждѣ, яко въ центрѣ или основаніи сего океана, дабы основать здѣсь еще благополучное свое состояніе и утверждаться на второмъ *совершишася*, дабы получить третье, когда будетъ tout par toutes. Вы уже переселились въ Петербургъ такъ, что уже едвали есть надежда вамъ быть въ Москвѣ и мнѣ видѣться съ вами въ здѣшней жизни. Но центръ соединенія всѣхъ, коли не будетъ изглаженъ изъ памяти и сердца, такъ распространится въ окружности и обниметъ весь неизмѣримый кругъ, дабы все радовалось, веселилось и успокоивалось, такъ что лишеніе радости этой и покой не придетъ и на память; сею идеею увеселяясь, да приближаемъ вѣчность благополучную къ себѣ, означаемую въ частой молитвѣ: *да пріидетъ царствіе Твое.*

44.

12-го Августа, 1813 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше съ гр. Віельгорскимъ, который съ тѣхъ поръ, по причинѣ перемѣнной лихорадки, продолжавшейся однако по сю пору, пробылъ здѣсь; а въ это время г. Лихонинъ ѣздилъ, по своимъ надобностямъ, въ Рязань.

Время нынѣ такое и внѣ, и внутри насъ, что самое лучшее ни на чемъ не успокоиваться, кромѣ у ногъ Господа нашего и Спасителя: душу нашу словомъ его насыщать, читая св. писаніе или размышляя о немъ; а духъ нашъ поучая тайнамъ его, въ отворяемой нами, по милости его, природѣ—или одни, или съ тѣми, коихъ онъ намъ же далъ для дружества, идущаго съ нами въ вѣчность. Прочее, хотя и должности наши, все суета, кою мы въ вѣчности забыть должны; а коли не забудемъ, то мученіе наше всюду пойдетъ съ нами и затворитъ намъ двери въ благополучную намъ вѣчность.

Гр. Віельгорскій, несмотря на его лѣта, стоитъ того, чтобъ его я рекомендовалъ вамъ: хотя молодого человѣка, но весьма скромнаго, смышленнаго, вѣрнаго и украшеннаго многими рѣдкими свойствами, кои пріобрѣли ему мою довѣренность; и при предложеніи ему заочно мѣста на мѣс. маст. въ (ложу) дикторіальную Бебера и другую, не дали возможности отсовѣтовать ему, что бы было противу моей совѣсти и вѣдѣнія. Сколько имѣютъ нужды нравы молодыхъ и немолодыхъ людей въ ложахъ, дабы имъ быть направляемымъ къ пользѣ ведущей,

дабы содѣлывать ихъ угодными Создателю, вѣрными Государю, полезными отечеству.

Коему, рекомендуемому мною, слѣдуетъ мнѣ испрашивать у васъ особеннаго вашего покровительства, довѣренности и милости.

Другой, товарищъ его въ пути, тоже заслуживаетъ, по привязанности его къ работамъ, формирующимъ вѣчнаго человѣка, чтобы я паки рекомендовалъ его вамъ не оставить его; ибо эти люди и близкіе въ ихъ связи весьма достойны особенной милости вашей, довѣренности и покровительства. Ибо, гдѣ можно найти людей, надъ коими Провидѣніе такъ работаетъ, дабы содѣлать ихъ Богу угодными и полезными ближнимъ. Выйдетъ наконецъ, что тѣ одни должны быть въ близкомъ и короткомъ нашемъ союзѣ, кои себѣ самимъ и намъ служили напоминаніемъ о святости и чистотѣ должностей нашихъ и о содѣланіи намъ живѣе свойствъ великаго нашего примѣра, царя и Господа. Дабы привычки наши содѣлывать небеснѣе, ибо жизнь наша близка къ концу, то если мы заранѣе не оживимъ вѣчныхъ въ себѣ свойствъ, съ которыми намъ выдти отсюда, то уже кто намъ тамъ будутъ сотоварищами, кои помогутъ оживлять благія свойства, кои одни и могутъ быть дверями въ небесныя наши селенія. Пока живы мы, да молимся другъ за друга, ибо тѣмъ пользуемъ ближняго нашего и сами въ это время стоимъ предъ солнцемъ правды, освѣщаяся его лучами, въ коихъ его свойства, къ коимъ чрезъ то и мы привыкаемъ.

45.

29-го Января, 1814 года.

Весьма рѣдки случаи эти, что вы имѣете удобность писать ко мнѣ и я также; но премудрость искушаяся даетъ къ тому удобности. Благодарю покорнѣйше за письмо ваше, отъ 19-го Декабря, съ сыномъ моимъ. Свиданія наши не ожидаемы, но чего Богъ и его премудрость содѣлать не могутъ; а теперь видовъ никакихъ нѣтъ, но пока списываться вотъ случаи подаются же.

Старѣемся мы въ мірѣ семъ—это правда, но къ вѣчности молодѣть должны. Дѣвичье молоко, коимъ оживляться можемъ и имѣемъ, на кое указывается въ алхиміи, не неудобно во нравахъ и понятіяхъ или въ душѣ и духѣ и нынѣ пособляя себѣ молитвою потовою, чтеніемъ и размышленіемъ.

Въ Москву мнѣ ѣхать и нельзя по запущенности здѣсь всего, такъ что въ своей деревнѣ живемъ все на покупномъ. На Ключарева сердечнаго пришло искушеніе, безъ чего въ жизни кто проживетъ вѣкъ? Случаемъ писать къ нему, представляющимся, воспользуюсь, если

успѣю: ибо по слабости моей не всегда могу и успѣю. Благодарю покорнѣйше; вамъ, конечно, скучно и тяжело ѣхать въ Москву.

О томъ, что дѣлается въ арміи, извѣстія имѣю и вотъ что заключаю: если дадутъ время Наполеону своихъ понаучить и приготовить, то онъ паки надѣлаетъ хлопотъ, кои еще не кончились. Кутузовъ опрометчивостію своею, ревностію не по разуму, эгоистическимъ наваливаніемъ знаній, много самъ себѣ дѣлаетъ вреда; а это самая правда, что вы изволите писать, что если бы онъ блеснулъ бытіемъ своимъ и знаніемъ, и уѣхалъ, весьма было бы хорошо (не докончено).

46.

22-го Марта, 1814 года.

Желаю вамъ во всемъ милости Господней, сохраненія вашего здоровья и во всемъ благосостоянія, а особливо помощи въ работѣ духа къ благополучной вѣчности.

Изволите припомнить, что я писалъ о стараніи нѣкоторыхъ и о слухѣ потому, что хотятъ наложить на сожженную и разоренную Москву опять поземельныя деньги; вотъ теперь это въ точнѣ исполнилось и публиковано въ газетахъ Московскихъ, № 20, особымъ листомъ отъ Городской Думы, съ котораго копію у сего влагаю. Вмѣсто ожидаемой помощи разореннымъ жителямъ, отъ полиціи учрежденной, вотъ теперь сборъ съ сожженныхъ въ корень домовъ и мѣстъ. И съ кого собирать? вмѣсто того, чтобы дать поправиться и сколько-нибудь обстроиться, то и не давъ выстроиться даже; а которые дома Господь чудесно сохранилъ, то изъ нихъ все разграблено; а съ другихъ осталась одна пустая земля и хозяева въ корень разорены. И такъ и вы находитесь въ положеніи много потерявшемъ во время нашествія непріятеля. И даже въ требованіи поземельныхъ денегъ не исключено и то время, когда Москва не наша; то судите, нѣтъ ли возможности какъ-нибудь предстательствовать у Государя, дать отдыхъ на нѣсколько лѣтъ, дабы оправиться. Сами разсудите и, если возможно, помогите бѣдности жителей вашимъ предстательствомъ у Государя. За кого же вступиться, какъ не за разоренныхъ? Богъ вамъ да подастъ къ тому средства и поможетъ, дабы ходатайство ваше было успѣшно.

47.

24-го Апрѣля, 1814 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 11-го Марта съ гр. Віельгорскимъ.

Что вы изволите писать о графѣ Віельгорскомъ, то сами замѣ-

чаете, что люди благорасположенные рѣдки, да и тѣ подвержены искушеніямъ великимъ; а уже болѣе смѣшанные, такъ, какъ Кутузовъ, больше; а кои больше къ суетности и къ явному злу расположены, тѣ и паче. Благодареніе Богу! Сегодняшняя почта крайне насъ обрадовала, привезя извѣстіе о взятіи Парижа и о вступленіи нашихъ войскъ и Государя съ королемъ Прусскимъ въ Парижъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Что надлежитъ до Кутузова, то что дѣлать съ перемѣшанностью зла съ добромъ? По добру пріятно смотрѣть, а по злу тяжело. Но сказано: другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ. Всякаго рода тяготы: тяготы слабостей, пороковъ, страстей; а слабостей, значитъ глупостей, вредящихъ самому ему. Если когда такимъ людямъ даются неосторожно или по резону мірскія почести, то ни они съ собой, ни другіе съ ними не сладятъ. Есть и въ большихъ лѣтахъ дѣти и злые—тѣ хуже; но иные умѣютъ это разумомъ прикрывать, а Кутузовъ очень ошибоченъ на это; онъ скоро виденъ; а еслибы не былъ въ братствѣ, то бѣда ему и бѣда съ нимъ.

Благодарю покорно за письмо ваше отъ 29-го Марта; истинно, еслибы обстоятельства позволили, то поѣхалъ бы въ Москву. А что надлежитъ до опасенія, то при храненіи Божескомъ живемъ уже 30 лѣтъ подъ страшными клеветами и подозрѣніями напрасными, изъ которыхъ не стараемся мы и выпутываться. А за совѣтъ вашъ покорнѣйше благодарю.

Что надлежитъ до Ключарева, то вся исторія, съ нимъ случившаяся, диковина, и предвареніе передъ ней—это была прелюдія и желаніе его быть старшиною въ суетномъ обществѣ, т.-е. въ клубѣ, и желаніе его взять на себя дирекцію, разрисовать залу и комнаты, и желаніе его хотѣть, чтобы поставили съ прочими старшинами имя его на піедесталѣ его гонительницы. Что дѣлать? Но Богъ смотритъ на сердца, а не на дѣтскія ошибки, а потому тоже чудо, что просили Государя на его мѣсто, но Государь не соглашается, слѣдовательно остается удаленнымъ на время.

Вамъ не противны мои совѣты, то скажу вамъ: мнѣ удивительно какъ вы во все время и, отдѣлавши, слышу, домъ и садъ, не хотите ласки и пріятности сдѣлать тѣмъ, съ коими совѣтуетесь о дѣлахъ почти первыхъ въ государствѣ; что бы стоило вамъ принять на себя трудъ сдѣлать атенцію, обласкать, пріятствовать словами и привѣтствіями, и рѣшиться взять на себя трудъ, хоть одинъ день въ году позвать къ себѣ. А вѣдь этакая атенція не токмо мірскому духу, но и Богу была не противна, всѣ люди имѣютъ право желать нашей ласковости и даже предупрежденія, а особливо отъ людей знаменитыхъ по своему разуму и другимъ качествамъ.

Что надлежитъ, о которой вы пишете (sic), вѣдь вѣрѣ надобно учиться сперва, а потомъ понимать, т.-е. обнимать; а безъ того вѣра будетъ слѣпая, сбивчивая, т.-е. знать какъ раскольники: они говорятъ и не понимаютъ, а довольны только словами безъ понятія;—такъ наши наружные религисты.

Что вы собой недовольны, это хорошо; а какъ будете понимать, то будете довольны: ибо обнимать будете свѣтъ, а свѣтъ сладокъ, утѣшителенъ; тогда будете довольны. Представьте красавицу: какъ бы ни красива она была по наружности, но дура, то скоро ею наскучите; а коли умна, то долго ею утѣшаетесь: ибо настоящее утѣшеніе есть духовное утѣшеніе, а не тѣлесное. И судите, коли вы сами себѣ служите загадкою, то какъ же Кутузову не казаться вамъ загадкою; а потому-то познаніе себя необходимо для твари и это есть подобіе Божества. Богъ самъ себя совершенно знаетъ и предписываетъ человѣкамъ: будьте совершенны, яко же и Отецъ мой небесный совершенъ есть; то познаніе себя есть свѣтъ видѣть себя.

Мѣсто ваше истинно не даромъ дано вамъ, а не вольнодуму, и коли вы станете и попустите себя желать выходить изъ него и желаніе сіе васъ осилитъ, то Богъ васъ оставитъ самому себѣ и тогда сами будете недовольны; а что вы говорите, что мало успѣли, то уже по этому много успѣли, что мѣшаете вольнодумству (кому-нибудь и изъ иллюминатовъ, коего, коли вы отойдете, на ваше мѣсто поставятъ), поставить престолъ свой и распространяться: отъ чего государства гибнутъ.

А что вы говорите, теряете терпѣніе: неужели не надобно принуждать себя къ терпѣнію и имѣть охоту? къ чему разумъ, добродѣтель и долгъ, служить Богу, а не человѣкамъ и себѣ, велятъ. А что вы говорите,—найдутся люди это дѣлать безъ васъ; но не другимъ людямъ велѣно дѣлать, а вамъ; то уже отъ возложенныхъ на васъ должностей и не пятьтесь. Поздравляю и я васъ съ праздникомъ, являющимъ надежду всеобщаго воскресенія, коего намъ, коимъ даны многія тайны Господни, дожидаться въ страданіяхъ долго; то должны желать и знать прежде, дабы быть возрожденными: чего вамъ и себѣ желаю и молю Господа милосердія и щедротъ.

Вы думаете оставить ваше мѣсто; а Государь васъ весьма уважаетъ и вы можете имѣть большое вліяніе; ибо я слышалъ за вѣрное слова его о васъ съ такой стороны, откуда не чаятельно бы знать, но неловко написать въ письмѣ; Государь же нынѣ, слышно, совсѣмъ перемѣнился противъ прежняго; то еслибы вы сблизились съ Голицынымъ, коего, слышу, жизнь нынѣ другая, то много бы добра могли сдѣлать и услуги Государю и государству.

Прошу покорно, сдѣлайте милость, страждущему помогите—от-

ставному Вологодскому губернатору Баршу; защитите его, чтобъ его совсѣмъ не сокрушили. Онъ не такъ виноватъ, какъ его считаютъ. Вы можете искусно вступиться за него, такъ что это успѣшно будетъ. Сдѣлайте милость: сперва ободрите его, а потомъ защитите.

48.

2-го Іюня, 1814 года.

Теперь пишу я письмо сіе съ отправляющимся отсюда графомъ Віельгорскимъ и Римскимъ-Корсаковымъ, молодыми людьми, но рѣдкими, коихъ Господь призвалъ къ чудному своему свѣту и коихъ и я въ милость вашу рекомендую. Благодарю покорнѣйше за наставленіе, данное Ланскому, чтобы не спѣшить предлагать начальство надъ (ложа)ми тому, изъ чего могло выдти сомнѣніе и подозрѣніе, — то же, что́ было при Екатеринѣ.

Благодарю покорнѣйше за ласковый пріемъ бывшаго губернатора Барша и за милость вашу въ облегченіи въ началѣ дѣла его. Этимъ людямъ предлежатъ также свои искушенія. Всегда я говаривалъ въ шутку, что самыя соблазнительныя мѣста архіереямъ да губернаторамъ: ибо они въ своемъ удѣлѣ равнаго себѣ не видятъ, а съ высшими себя перевѣдываются на бумагѣ или бумагами.

Доходятъ сюда слухи изъ Петербурга о конституціяхъ; ихъ хвалятъ и полагаютъ какое-то благо: перемѣнятъ и прибавятъ мѣстъ судейскихъ и думаютъ улучшить новыми какими-то законами, не исполняя старыхъ, а люди будутъ тѣ же. Почему случилось продиктировать объясненіе о коренныхъ частяхъ государства и какъ они не должны быть смѣшиваемы, яко всегда существовать долженствующіе (коли это объясненіе годится; но прошу не говорить, кѣмъ писано), ибо это корни и стебли и вѣтви съ плодами, кои государство содержатъ, вещи перевозятъ, а вѣтви съ плодами его покрываютъ, ибо безъ того древо засохнетъ: ибо вѣтви и листья — уста дерева, или пріемники влаги свыше, безъ которой древо засохнетъ. Все имѣетъ подобіе человѣка, который есть средство между Богомъ и природою; а земля есть мать, порождающая безчисленныхъ дѣтей, которая для хлѣба, существенной пищи, дающей больше крови, земля должна быть въ потѣ лица обработываема. Тако и сказано: въ потѣ лица снеси или съѣдай хлѣбъ твой. То ее обработываютъ вездѣ невольники, т.-е. неволею или неохотою: ибо кто охотою возьметъ на себя работу трудную, потову́ю; то если отнимется отъ нихъ принужденіе, чего давно желаютъ и стараются старообрядцы, хотя избавить своихъ, одинаково суевѣрящихъ, то упадетъ хлѣбопашество, которое есть корень государственнаго богатства. Вольные хлѣбопашцы вѣдь мало даютъ и мало

могутъ дать хлѣба сверхъ своего обихода, и бѣда будетъ отъ своевольства мнимой гражданской свободы и при оголеніи войсками или войскъ изъ государства. Земскими судами государства не устоишь и не принудишь къ повинностямъ (и на комъ больше недоимки, податей? на казенныхъ крестьянахъ), кои всѣ больше тащатъ съ крестьянъ, яко пастыри; имъ же несутъ овцы своя, кои должны дѣлиться съ высшими себя.

Благодарю покорнѣйше, что вы отпустили Віельгорскаго; прошу покорнѣйше и впредь ему не отказать въ таковыхъ отпускахъ. Онъ весьма достойный молодой человѣкъ и, выработавши себя, можетъ быть во всякой части полезенъ, распространяя въ себѣ свѣтъ Ѳ—на.

49.

Письма безъ чиселъ.

Привлечетъ благословеніе Божіе на царствованіе благополучное и продолжительное Государя и обратитъ сердца въ любовь къ нему и желаніе долѣе быть подъ его правленіемъ.

Благодарю покорно за остереженіе отъ ch. de Maisance: онъ сюда, слышу, привезъ большія о себѣ рекомендаціи отъ Жеребцова къ гр. Кутайсову молодому, что́ его весьма познакомило и съ гр. Мамоновымъ и онъ теперь весьма близокъ съ ними и гр. Кутайсовымъ. Разсказывая о семъ Мезансѣ Кутузову, самъ хвалитъ его до чрезвычайности, что вотъ-де человѣкъ пренаполненъ знаніями; а графъ Мамоновъ крайне его рекомендовалъ вашему Алексѣю Алексѣевичу, что онъ Кутузову самъ и пересказывалъ, ибо онъ въ командѣ съ Мамоновымъ, но Кутузовъ его остерегъ.

Вотъ судьи отставшихъ отъ братства ихъ съ таковымъ, который тотчасъ ко вреду ихъ. Словомъ, не масоновъ должно опасаться, но отставшихъ отъ масонства: ибо если не къ Богу, такъ къ сатанѣ и все станетъ какъ паукъ обращать въ ядъ.

Богъ да сохранитъ званыхъ по пути къ нему.

Къ сей матеріи нейдетъ, но достойно замѣчанія, для шутки, случившееся на сихъ дняхъ, при погребеніи гр. Мамонова [1]). Когда онъ скончался, то молодой Мамоновъ, по какому-то суевѣрію или тщеславію, сталъ просить архіерея Августина, чтобы при тѣлѣ дѣдушки его читалъ священникъ въ ризахъ; на что Августинъ умно отвѣчалъ: священники-де въ ризахъ читать должны надъ архіереями или надъ

[1]) Матвѣй Васильевичъ Д.-М., отецъ фаворита графа Александра Матвѣевича и дѣдъ послѣдняго графа Мамонова (Матвѣя Александровича), умершаго въ 60-хъ годахъ съумасшедшимъ. Матвѣй Вас. † въ 1810 году.

помазанниками, а сей-де усопшій хоть и былъ помазанъ, но, можетъ быть, чернилами.

Испрашиванія всякій день 7-ми даровъ Духа Святаго, яко степеней означенныхъ въ товарищеской (sic) и коими входятъ въ храмъ натуры, гдѣ совершается великая работа. Господь васъ да не оставитъ! Онъ да сохранитъ. Ему да будетъ слава! и его держава во вѣки вѣковъ да будетъ!

Сдѣлайте милость Ѳедору Петровичу о сынѣ его продолжить ваше милостивое о немъ попеченіе; онъ самъ и не смѣетъ повторить напоминаніе, а меня просилъ вамъ вспомнить.

50.

Богъ да благословитъ пути ваши и даруетъ вамъ спокойное и удовольственное прибытіе во всемъ!

1. Привозилъ я теперь бумаги Феслеровыхъ градусовъ, коихъ у васъ не осталось и хотѣлъ только дать замѣтить, что онъ желаетъ установить, такъ имъ называемое этическое государство, соединяющее всѣ религіи, какія бы нн были (это-то и есть статусъ инстатумъ), кои его изъясненія легко найдете по сдѣланнымъ NB.

2. Изъясненіе детальнѣе, нежели я говорилъ, о Хирамѣ и товарищахъ, убившихъ его, ибо нерѣдко случится опять объ этомъ говорить, то лучше, приготовясь, сказать удовлетворительно.

3. Прошу покорно отдать письмо Василью Степановичу.

Испрашиваю вашихъ молитвъ и молю Господа о неоставленіи васъ во всемъ.

Въ бумагѣ: что есть масонъ? написанъ мадіамскій священникъ, тесть Моисеевъ,—Іатроіоформъ, а должно написать просто Іафоръ.

51.

Благодарю покорно за вашу бумагу; она такъ хороша, что къ ней нечего прибавить или убавить, кромѣ что одной матери-ложѣ трудно имѣть дѣло во всемъ государствѣ; а не худо бы другую сдѣлать въ Москвѣ, на что́, кажется, легко согласить. Коли на эту вашу бумагу, безъ перемѣны актовъ, согласятся, весьма это хорошо; при Божеской помощи, на него надежда! О вчерашнихъ моихъ замѣчаніяхъ я писалъ, знаючи, что бумага о Феслеровыхъ грѣзахъ чрезъ васъ здѣсь сдѣлалась извѣстна. Прошу вашей сей бумаги данной самому придержаться, ибо вамъ Богъ помогъ ее написать.

Новое здѣсь и въ Москвѣ: Ключаревъ теперь меня увѣдомилъ, что Балашову, Александру Дмитріевичу, дано графское достоинство.

Это, кажется, новое подтвержденіе о связи или по причинѣ новаго удовольствія имъ самого.

52.

Хотя я и розно съ вами, но усердствовать вамъ разстояніе не мѣшаетъ. Въ Москвѣ еще я зачалъ прочитывать пастырскія посланія, списанныя для васъ; но въ Москвѣ, хотя и одинъ жилъ, но безпрестанно мнѣ мѣшали; а здѣсь меньше и я уже половину свѣрилъ и поправилъ. Это же я дѣлалъ одинъ, дабы лучше было видно, и это же такая тонкость, что ежели одна литера не такъ, то смыслъ дѣлается совсѣмъ превратенъ.

Пока Богъ велитъ мнѣ пріѣхать въ городъ и съ вами увидѣться, весьма совѣтую читать шестидневное твореніе и потомъ, какъ развернется. Сія называется и должна быть ручная книга ваша теперь, дабы вы возмогли дѣлать изъ этого, что̀ называется, ensemble.

Мнѣ осенью, какъ скоро мои экономическія обстоятельства позволятъ, то я и готовъ буду ѣхать въ Москву, а между тѣмъ будемъ списываться.

53.

Здѣсь слышно, якобы хотятъ продать арендныя имѣнія въ Ольшѣ бывшей; вотъ и безденежности въ золотѣ и серебрѣ поправятся; продай только на ассигнаціи, то ассигнаціи вздорожаютъ, ибо нѣкоторые замѣчаютъ, что будетъ милліоновъ больше трехъ сотъ, коли не продешевятъ; ибо-де дадутъ ста по три и по четыре за душу поляки бывшіе, а особливо коимъ кстати.

Сдѣлайте милость, припомните о Кутузовѣ и не дайте затянуться дѣлу его; чѣмъ больше замедлится, тѣмъ паче явятся ото многихъ препятствія.

54.

Если угодно писать ко мнѣ, то ѣздоки будутъ около субботы. Пастырскія посланія есть-ли вамъ время списывать? если нѣтъ, то извольте мнѣ сказать: я отдамъ кому-нибудь списать, съ заплатою небольшихъ денегъ.

Давно я хотѣлъ вамъ сказать: не извольте подумать, чтобъ я въ деревнѣ жилъ, отъ васъ въ отдаленіи, по пристрастію къ экономіи или для мнимаго покоя. Совсѣмъ нѣтъ, а если жить въ Москвѣ, то, при всей моей умѣренности, исходитъ много денегъ; а на счетъ чужой жить мнѣ совѣстно и я въ этомъ переломить себя не могу. А потому вы, по благодѣтельной любви вашей, не пришлите житье мое здѣсь

недовольной любви къ вамъ или пристрастію къ житью деревенскому. Заводъ же мой въ такомъ положеніи, что нынѣ, со времени милиціи подрядовъ большихъ не дѣлаютъ, а все по мелочамъ разбираютъ, такъ что и нынѣ много посуды лежитъ, вотъ уже къ новому году, не раскупленной. Простите мнѣ, что я это написалъ: право, опасаюсь, чтобы вы не сочли невольное мое здѣсь, а особливо въ этакое время, и часто зимою, житье моему недовольному усердію къ вамъ или пристрастію къ смѣшной моей экономіи.

55.

Увѣдомьте, благополучно ли вы ѣздили и все желаемое совершилось къ удовольствію вашему. При семъ приступаю съ покорнѣйшею просьбою объ утвержденіи, представленнаго и рекомендованнаго вамъ Павломъ Ивановичемъ, коллежскаго ассесора Волоцкаго въ директора училищъ Вологодской губерніи, яко человѣка весьма достойнаго.

Слышу, что нѣкоторые господа профессоры, единственно чтобы не по волѣ было Павла Ивановича, согласились рекомендовать на сіе мѣсто другого, коего они такъ же, какъ и этого сами не знаютъ, а по волѣ одного токмо изъ своихъ товарищей упрошены будучи, да чтобы не сдѣлать по волѣ Павла Ивановича, а поставить на своемъ, рѣшились идти противъ; Павелъ же Иван. по одному токмо резону: зная достоинство Волоцкаго, предложилъ сему Волоцкому письменно, чрезъ меня и безъ моей просьбы, не хочетъ ли онъ принять сіе очищающееся мѣсто; на что онъ и согласился. То извольте посудить: если самъ попечитель предложилъ, и мнѣ точно извѣстно, безъ всякихъ причинъ, кромѣ одного достоинства человѣка, и если теперь господа профессора поставятъ на своемъ, и сдѣлано будетъ противъ попечителя, то уже они его ни за что почитать и явно пренебрегать станутъ. Сей-же, рекомендуемый ими, былъ прежде со мною знакомъ и отсталъ давно; но потомъ, изъ видовъ, пріѣхалъ сюда ко мнѣ и живетъ со мной: благопристойность не позволила отказать; и вотъ я въ какихъ о семъ затрудненіяхъ. И онъ меня о семъ же проситъ; но я прошу, дабы попечителева рекомендація о Волоцкомъ вами была принята и скорѣе утверждена: ибо слышу, профессора завтра войдутъ къ вамъ о другомъ, чрезъ попечителя, съ представленіемъ, коему ихъ представленію у себя удерживать нельзя. А когда вы изволите рѣшить по первому представленію попечителя, утвердясь на его аттестатѣ, то дѣло все это тѣмъ и кончится.

Увѣдомьте, какъ вы изволите располагать вашимъ отъѣздомъ, дабы успѣть сдѣлать, о чемъ говорилъ я съ вами.

25 Октября въ вечеру.

56.

Нынѣ стало здѣсь извѣстно, что якобы Віельгорскій сюда ѣдетъ съ графомъ Остерманомъ молодымъ [1]) учредить и открыть ложу; такъ ли это будетъ или не такъ, но это дѣйствія нашего бездѣйственнаго не перемѣнитъ, пока не получу отъ васъ о семъ отвѣта. Богъ да управитъ пути ваши, и да сохранитъ здоровье ваше, и умножитъ къ вамъ довѣренность Государя.

Простите мнѣ, что смѣю вложить въ пакетъ вашъ письмо къ сыну моему въ Морской корпусъ; прошу приказать отослать, по почтѣ послать было неловко по необыкновенности морали, а ѣздока нѣтъ особаго.

Если случится вамъ быть въ откровенномъ разговорѣ и сказывать о милосердіи и чудесности, произведенной надъ вами Богомъ, какъ онъ, изъ прежняго васъ человѣка, обратилъ и привелъ на сей средній (между религіей и гражданствомъ, т.-е. ни монахъ, ни мірской человѣкъ): то бы я совѣтовалъ этою искренностію содѣлать себя пріятнымъ и побудить, и показать, какіе Богъ содѣлываетъ повороты, давъ намъ испытать самимъ наши заблужденные пути и какъ приводитъ на путь истины и яснаго разумѣнія о вещахъ здѣшнихъ и будущихъ, и чрезъ оное содѣлываетъ неважными вещи временныя и насъ успокоиваетъ въ сердцѣ нашемъ и обращаетъ къ любви его Бога и ближнихъ и возводитъ насъ выше страха временнаго. Этакая откровенность прежнихъ вашихъ пороковъ и заблужденій, и ложнаго ученія содѣлаетъ васъ любезнымъ по искренности и вѣроятнымъ по вашей довѣренности. А хорошему подражать въ небесной цѣли есть въ насъ такой магнитъ, который нечувствительно влечетъ сблизиться и облегчить сердце наше подобною откровенностію и подражаніемъ. Богъ вамъ да даруетъ премудрость, разумѣніе и совѣтъ. Читайте себѣ, хоть по немногу, св. писаніе и пастырскія посланія, но внятно и съ размышленіемъ: то духъ не оставитъ васъ вразумлять въ разговорахъ и совѣтахъ.

Письмо къ Вас. Степ. прошу покорно приказать доставить.

Уже письмо сіе было запечатано и отдано, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Ѳедоръ Петровичъ съ письмомъ, съ почталіономъ полученнымъ, пріѣхавшимъ отъ васъ.

Благодарю покорно за увѣдомленіе о томъ, что подозрѣнія и заключенія найдены подтвержденными. Богъ даетъ таковыя ясности виднѣе; онъ же и сохранитъ. Свѣтъ премудрости проницателенъ: онъ да управляетъ вами. Если что случится писать изъ откровеннаго разговора съ самимъ [2]), то пишите прямо ко мнѣ. Въ желаніяхъ вашихъ и

[1]) Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой.

[2]) Т.-е. Государемъ.

молитвахъ останьтесь непремѣнными,—чтобы работы масонскія тайныя были и тайно или хоть явно толерированы, кои надъ публичными работами будутъ имѣть всегда тайный надзоръ и ихъ искусно мастеромъ стула направлять на истинный законъ, на вѣчность, на познаніе человѣка, природы и Бога; а это все паче будетъ узломъ въ вѣрности Государю и къ обращенію въ любовь къ нему; а буйную молодость, развращавшуюся, отвратитъ отъ развращенной жизни, и будетъ дѣйствовать на исправленіе нравовъ чрезъ то нечувствительно.

Осталось немного, ибо и здѣсь не мало дѣла и переписка съ тѣми многими, съ коими въ Москвѣ видаюсь лично; а здѣсь живучи, надобно писать.

Прошу покорно приказать переслать къ Фролову письмо; а самъ, чрезъ вашу канцелярію, послать безъ кн. Козловскаго опасаюсь, чтобы не пропало. Изъ Петербурга нынѣ получилъ, что Чичаговъ ѣдетъ въ чужіе края въ отпускъ, а на мѣсто его маркизъ де-Траверсе, а товарищемъ къ нему Кутузова братъ, и директоромъ въ Морской корпусъ; а нынѣшній директоръ Карцевъ главнымъ въ Черноморскій флотъ, и къ маркизу посланъ уже курьеръ 21 іюля о семъ.

Правда-ли, что съ французами война? Такъ я слышалъ.

Письмо Поздѣева къ графу Льву Кириловичу Разумовскому. 24 февраля 1816 г.

(Архивъ гр. А. С. Уварова).

...Изволите-ли видѣть приближающееся обращеніе іудеевъ? А когда всѣ іудеи обратятся, то и конецъ міру близокъ, ибо чрезъ нихъ прольются обильные источники къ познанію Бога, и Христа его, ибо сказано во св. писаніи у Павла, когда-де отпаденіе іудеевъ (евреевъ) (sic) призвало обращеніе языковъ, то что же-де сдѣлаетъ обращеніе евреевъ, кромѣ какъ жизнь вѣчную? То извольте сами замѣтить, весь міръ сотворенъ въ 6 дѣнъ (sic) или періодовъ, а Петръ апостолъ говоритъ: день единъ предъ Господомъ это тысяща лѣтъ, а солнце сотворено въ 4-й день и Спаситель, это солнце правды, пришелъ въ концѣ четвертой тысячи лѣтъ. Сколько осталось—сами сочтите. Наше преставленіе или наше вышествіе изъ сего міра, конечно, прежде случится, нежели кончина всего міра, но зрѣніе впередъ даетъ ясность, умножаетъ вѣру, усиливаетъ надежду и даетъ видѣть и ощущать божескую любовь. Когда сынъ покорится отцу, то-есть будетъ третіе совершишася, и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. Всего этого зрѣніе дастъ великую силу человѣку и упованіе на Его милость, коею Онъ воспитываетъ въ насъ благодарность и надежду и даетъ побѣду надъ страстями. Господь васъ да не оставитъ...

Въ заводѣ, отъ 15 Января 1816.

Увѣдомьте, благополучно-ли вы пріѣхали въ С.-Петербургъ? Не гнѣвается ли графиня ваша, что я образа (гр. Марія Григорьевна черезъ Віельгорскаго просила у Поздѣева образъ) не прислалъ, а это истинно для осторожности, чтобы она не почла это нашимъ образомъ ибо Віельгорскій сами знаете, какъ насъ по незнанію называетъ? И чего лучше вашего образа, если непремѣнно желаетъ? Рѣдкое письмо! и кто въ состояніи Бога написать на доскѣ? Самый лучшій образъ, который можно вообразить въ себѣ, читая евангеліе, видъ, и живописцы пишутъ изъ воображенія же своего! И вы читайте все св. писаніе, писаніе—это солнце книгъ, а евангеліе это солнце и святаго писанія. Вчитывайте въ себя, то будете имѣть приближеніе живота вѣчнаго, а желаете видѣть какое орудіе у Бога—орденъ!—то читайте пастырскія писанія. Коли будете внимательно читать и будете въ ономъ размышлять, то не отстанете ни отъ Бога, ни отъ ордена и будете любить связь, которая васъ къ этому привела и никогда не отстанете. Молитесь за тѣхъ, кои васъ къ этой связи поддерживаютъ, если Богу угодно, когда выдемъ изъ здѣшняго міра, то по безпредѣльному милосердію и долготерпѣнію насъ въ нашихъ лѣняхъ и страстностяхъ встрѣтятъ насъ товарищи и помощники, кои насъ и здѣсь привели къ познаванію Бога и Христа Его! Безъ сего бродили бы мы въ толпѣ профанской гдѣ день, гдѣ ночь, но Богъ по безпредѣльному его милосердію коснулся орденскимъ лучемъ и нашихъ сердецъ, дабы оживлять насъ свѣтомъ своимъ, а потому да воспоминаемъ всегда слова: „Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ“, и сіи слова: „буди вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ живота“. Господь васъ да сохранитъ. Молитесь за искренняго и преданнаго вамъ, всегда покорнѣйшаго вашего слугу Іосифа Поздѣева...

...Просилъ я графа Віельгорскаго вручить вамъ самому письмо сіе, то если вы сами пожелаете, прочтите ему письмо сіе, но списывать не извольте давать, а онъ упомнитъ если раза 2 прочтетъ.

Недавно отъ меня поѣхали Камынинъ да Звѣревъ.

X.

Письма отъ разныхъ лицъ къ графу А. К. Разумовскому.

(Архивъ князя Н. В. Репнина).

1.

Я собирался поклониться в. с. книжкою: *Плодъ сердца полюбившаго истину*, которая завтра по тяжелой почтѣ, отъ меня, какъ отъ

издателя, и отправится къ вамъ; а между тѣмъ услышалъ, что вы, м. г., изволите за нее взыскивать съ цензуры. Въ надеждѣ на ваше ко мнѣ дружеское благорасположеніе и еще больше на любовь вашу къ просвѣщенію истинному, къ источнику просвѣщенія, покорнѣйше и всеубѣдительнѣйше прошу оставить то взысканіе: во-1-хъ, для того, что хорошее всегда хорошо, гдѣ бы оно ни родилось и ни выросло, а во-2-хъ, въ благодѣтельное мнѣ обязательство, потому что цензура и Павелъ Ивановичъ сдѣлали это въ собственное мнѣ одолженіе, удовлетворяя моей убѣдительной просьбѣ.

Въ духовную цензуру не отдавалъ я для того, что между нами въ дружбѣ сказать: что-жъ изъ нея выходило и выходитъ? И не для того-ли въ нее подавать, чтобъ совсѣмъ пропало или изуродовалось? Это извѣстно по опытамъ. У меня одной книги не пропускали въ самомъ Синодѣ для того, что въ ней говорено было о фарисеяхъ и о постныхъ лицахъ, при сердцахъ лукавыхъ; и хотя ни слова не было ни о монахахъ, ни о попахъ и дѣйствительно къ нимъ никакъ не относилось, однако имъ хотѣлось догадываться, что это объ нихъ и именно мнѣ говорили: *нельзя, это объ насъ*, надобно выключить. И еще, что Христосъ питаетъ душу благостію—нельзя-же—а поставили: брашномъ церковныхъ таинствъ и уже прибавили нѣсколько *убо—въ*. Что это было такъ, свидѣтельствуетъ печатный документъ.

При прямой любви къ истинному спасительному просвѣщенію, обидно даже объ этомъ говорить. Какъ будто и подлинно безъ рясы и клобука свѣтъ истиннаго христіанства не можетъ сообщаться и познаваемъ быть. Духъ, движущій идѣже хощетъ... не сокрывается никакими формами, регулами и уставами. Извѣстно, что сколько панагій и крестовъ ни навѣшай на иного, все-жъ духъ этотъ не будетъ въ немъ такъ дышать, какъ въ иномъ же сапожникѣ или мѣщанинѣ какомъ-нибудь. И лучшіе уставы и регулы суть тѣ, въ которыхъ ослѣпленіе не мечтаетъ управлять онымъ духомъ, подчинять его своимъ правиламъ и назначать ему границы, а гдѣ лучшее искусство: не мѣшать только его дѣйствіямъ и успѣшнѣе отдалять все то, что имъ мѣшаетъ.

Изданная мною книга дѣйствительно плодъ такого духа и потому она должна радовать всякаго чистосердечнаго любителя христіанства Она есть сочиненіе живущаго у меня питомца и крестника моего и изображенія на оберткѣ ея имъ же изобрѣтены и рисованы. Лучше сказать, онъ питомецъ свѣта, Боже сохрани и укрѣпи его! Диво обѣщаетъ любителямъ истины.

Усерднѣйше повторяя мою просьбу и поручая книгу христолюбивому посредничеству в. с., прошу еще извинить пространство моего письма. Мнѣ особливо пріятно съ вами бесѣдовать, по чувствамъ мо-

его истиннаго къ вамъ высокопочитанія и искренней самой дружественной привязанности, съ коими и пр.

И. Лопухинъ.

Москва. 24-го Августа 1811 г.

2.

Фельдмаршала Свѣт. князя М. И. Кутузова-Смоленскаго.

Въ теченіе нынѣшней кампаніи отбита у французовъ между прочими вещами грамота, всемилостивѣйше дарованная въ Бозѣ почившею Имп. Елизаветою Петровною за собственоручнымъ ея подписаніемъ фамиліи Разумовскихъ. Я имѣлъ счастіе докладывать о семъ Государю Императору. Получивъ соизволеніе Его Величества на препровожденіе грамоты сей къ в. с., какъ документа, неизъемлемо принадлежащаго вамъ и свидѣтельствующаго заслуги знаменитыхъ предковъ вашихъ ко Всеавгустѣйшему Россійскому Престолу и отличное къ онымъ благоволеніе Монархини, спѣшу выполнить высочайшую волю, прилагая при семъ въ оригинадѣ ту грамоту.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

м. г. мой,

в. с.

всепокорный слуга

Князь Михаилъ К. Смоленскій.

№ 149.

Декабря дня 1812 г. Вильно.

3.

Ѳ. П. Ключарева.

1.

Сіятельнѣйшій графъ, м. г., великое благодѣяніе оказанное мнѣ в. с. въ испрошеніи у Государя Императора перемѣщенія въ московскій университетъ изъ пажей сына моего, навсегда останется въ сердцѣ моемъ. Онъ по высочайшему повелѣнію опредѣленъ на казенное содержаніе, которое, по совѣту Павла Ивановича и моему желанію, оставляю я въ пользу какого либо неимущаго, что не считаю противнымъ благости вашей. Сей сынъ мой имѣетъ уже отъ рожденія 19 годъ, изрядно обученъ, съ головою и способностями, а поведеніе и нравы его, слава Богу, подлинно хорошіе. По симъ причинамъ, надѣюсь на отличное покровительство вашего превосходнаго о

мнѣ попеченія, покорнѣйше прошу васъ, сіятельнѣйшій графъ, повышеніемъ его въ студенты отдалить печаль отъ сердца, огорченнаго долговременными неудачами.

Надѣясь на вѣрность г. Соболевскаго, уволеннаго нынѣ въ Петербургъ, я включу здѣсь нѣчто любопытное о Феслерѣ. Недавно Николай Михайловичъ Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что сей великій мужъ, видѣнный имъ въ Твери въ болѣзненномъ состояніи, представился ему совершенно педантомъ и приверженнымъ къ пантеизму, какъ теперь называется на языкѣ ученыхъ спинозизмъ. Онъ изъ Москвы писалъ въ Петербургъ о разговорахъ, будто бы бывшихъ у него съ здѣшними масонами, которые строютъ то, чего сами не знаютъ. Не видѣвшись въ Москвѣ ни съ кѣмъ изъ извѣстныхъ людей, видно имѣлъ Феслеръ нужду сказать за истину одно мечтаніе. Съ г. Карамзинымъ начиналъ онъ разговоры о масонствѣ, но, срѣтя возраженія, не продолжалъ и извинился слабостію. Всего страннѣе отвѣтствовалъ, какъ древне масонство, производя начало его въ шестомъ на десять вѣкѣ отъ монаховъ, бывшихъ въ то время ученѣйшими прочихъ каменьщиками и архитекторами. Таковы-то новоявленные чудотворцы! Ихъ многихъ можно еще ждать, однако опыты и удостовѣрительное знаніе безопасны станутъ противу сихъ козней. Они учатся знать, въ комъ сила!...

Мая 24-го 1811 года.

2.

...Совершенное покровительство ваше, спасавшее доселѣ меня въ горестныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ и милосердое о мнѣ попеченіе, влагаютъ въ меня смѣлость увѣдомить в. с. о моемъ приключеніи во дворцѣ. По повѣсткѣ для представленія королю [1]), 5 числа устроены предъ внутреннимъ Е. В. покоемъ, на одной сторонѣ члены совѣта и сенаторы, на другой—дворъ. Государь Императоръ самъ изволилъ представлять насъ и ни единаго не запамятовалъ. Подошедъ ко мнѣ съ пріятнымъ видомъ остановился, стоявшіе по сторонамъ назвали громко мою фамилію, и Государь, повторя ее, далѣе шелъ. Изъ другой залы, гдѣ представляли дворянство и чины, возвратился съ королемъ въ его комнаты, вышелъ одинъ и не говоря ни съ кѣмъ пришелъ ко мнѣ и изрекъ: „Не думай, что я тебя забылъ“. Съ языка скочило. Я дерзаю думать о семъ, какъ объ отвѣтѣ на мое всеподданнѣйшее прошеніе и остаюсь съ подкрѣпленнымъ упованіемъ. Государь не изъявилъ милостей и сказалъ, что изъ Царскаго-Села пришлются. Молю Господа да не оставленъ буду въ бѣдахъ и тѣснотахъ, не понимая, что будетъ со мною и съ моими не только въ

[1]) Прусскому, гостившему въ то время въ Москвѣ.

отдаленности, но и въ самыя близкія времена. Чудно одно то больше всего, что непостижимая внутренняя сила отдаляетъ отъ меня унніе, естественно близкое въ такихъ случаяхъ. Вижу себя посвященнымъ между забралъ и рвовъ, не дозволяющихъ ни одного шага. На таковомъ пути, должно просить умноженія вѣры, какъ просили сіи ученики Спасителя нашего: Господи, умножи намъ вѣру. Нѣтъ приличія увѣрять, сколь вы и здравіе ваше мнѣ безцѣнны и по благодарности пламенной и по надеждѣ на васъ, какъ на направленное во мнѣ орудіе Божіе...

Іюня 17 числа 1818 года.

P. S.—О. А. получше. Разговоры о мнимой вольности умолкаютъ. Можетъ быть, изъ столицы и далѣе сей паліативъ распространится. Больно и часто усмиряютъ бунтующихъ слугъ. Король послѣ 1 іюля поспѣшаетъ въ Берлинъ, и говорятъ, что или 2 или 5 выѣдетъ изъ Петербурга.

4.

М. М. Сперанскаго.

1.

При подписаніи Высочайшаго рескрипта, при семъ прилагаемаго, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить в. с., что Е. В., хотя и желаетъ видѣть васъ, м. г., здѣсь сколь можно поспѣшнѣе, однако же никакъ не предполагаетъ обезпокоить васъ слишкомъ скорымъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что къ 1 Январю и поспѣть сюда было бы вамъ затруднительно, а потому Государь Императоръ и предоставляетъ в. с. прибыть сюда между 1 и 6 числомъ будущаго Января мѣсяца.

Декабря 1809.

2.

При отправленіи рескрипта, присемъ прилагаемаго, считаю долгомъ донести в. с., что совѣтъ приметъ свое дѣйствіе съ 17 дня сего мѣсяца; къ сему времени должно быть окончено наименованіе предсѣдателей, а слѣдственно и министровъ. Фельдъегерь, съ симъ отправляемый, имѣетъ приказаніе ожидать вашего отвѣта.

8-го Декабря 1810.

5.

Письмо статсъ-секретаря Молчанова.

Секретно:

Предсѣдатель комитета министровъ проситъ гг. членовъ комитета, представить въ слѣдующее засѣданіе онаго, какіе кто пріуготовляетъ предметы къ отправленію отсюда и буде водою, то сколько примѣрно вѣсу составляютъ, а буде сухопутно, то примѣрно же сколько подводъ потребно.

Слѣдующее засѣданіе комитета имѣетъ быть послѣ-завтра, т.-е. въ среду 7-го сего мѣсяца, во дворцѣ, въ 12 часовъ по-полуночи.

Статсъ-секретарь Молчановъ.

№ 1693.

Августа 5-го дня 1812.

6.

Письмо князя Н. И. Салтыкова.

Е. И. В. благоугодно было Высочайшимъ рескриптомъ отъ 8-го сего мѣсяца, на имя мое даннымъ, повелѣть мнѣ объявить всѣмъ министрамъ, дабы каждый изъ нихъ составилъ и прислалъ ко мнѣ для представленія Е. В. записку о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ Комитетъ министровъ и требуютъ личнаго доклада Вслѣдствіе чего, сообщивъ всѣмъ гг. министрамъ копію съ сего рескрипта къ исполненію, я имѣю честь препроводить таковую же и къ в. с., прося покорнѣйше пожаловать не замедлить доставленіемъ ко мнѣ, требуемой Государемъ Императоромъ, записки.

Марта 10-го дня 1816.

Копія:

Князь Николай Ивановичь, вамъ извѣстна воля моя, на основаніи коей, для удобности и общаго соображенія въ рѣшеніи дѣлъ текущихъ, вносятъ министры представленія свои въ комитетъ министровъ. Минувшіе четыре года показали въ полной мѣрѣ возможность и удобность въ исполненіи предположенія таковаго, а польза общаго сужденія въ государственныхъ дѣлахъ не требуетъ никакихъ изъясненій. Считаю излишнимъ объяснять вамъ, что заключенія комитета разсматриваются всегда мною прежде исполненія журналовъ, слѣдовательно, я всегда могу видѣть согласіе или противное мнѣніе представляемому министромъ; я нахожу, что симъ порядкомъ ходъ текущихъ дѣлъ основательно устроенъ. Но есть предметы въ каждомъ

министерствѣ, по коимъ управляющіе оными будутъ находить необходимымъ мнѣ ихъ лично представлять. Вслѣдствіе сего поручаю вамъ объявить министрамъ, дабы каждый изъ нихъ составилъ и прислалъ къ вамъ записку о сихъ предметахъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть внесены въ комитетъ министровъ, а требуетъ личнаго въ кабинетѣ моемъ доклада. Предметы сіи объяснить во всей подробности, а не общими названіями, дабы, установивъ единожды правила, избѣгнуть недоразумѣній, обыкновенно происходящихъ отъ двоесмысленныхъ и темныхъ выраженій и дабы по всѣмъ министерствамъ уравнять, сколь возможно, ходъ дѣлъ. По собраніи же всѣхъ оныхъ записокъ, я буду ожидать присылки ихъ ко мнѣ.

Пребываю вамъ всегда благосклонный

Александръ.

С.-Петербургъ,
8-го Марта 1816.

7.

Попечителя казанскаго университета Михаила Александровича Салтыкова.

Avant de vous faire connaitre l'état dans lequel j'ai trouvé les instituts confiés à mes soins, j'ai cru qu'il ne serait pas inutile de vous en exposer sommairement le contenu afin que muni de votre autorisation je puisse vous communiquer quelques détails dès que j'obtiendrai de v. e. la permission de vous en faire un rapport officiel. L'aspect déplorable que présente l'extérieur des batiments, les décombres et les immondices qui couvrent les cours annoncent un air de décrépitude et de vétusté qui ne s'accorde guère avec un établissement d'une dâte aussi récente, relâchement d'autant plus impardonnable que cette partie de l'administration, si importante pour la salubrité de la température dans l'intérieur des maisons aussi bien qu'au dehors, n'exige qu'une surveillance pûrement physique et, les réparations excéptées, des frais qui ne seraient pas dispendieux si l'on s'était fait un principe de ne jamais négliger une besogne qui ne demande que de l'assiduité et des soins journaliers. Maintenant tout est tellement dégradé que les sommes assignées par les réglements suffiront à peine pour prévenir le progrès du mal, vû le prix exhorbitant des matériaux, qui, dans cette contrée surtout, continuent de hausser avec une rapidité vraiment alarmante. J'attribue l'incendie qui vient de consumer une de nos maisons, en partie au hazard, en partie au défaut de surveillance, quoique dans le vrai, le feu n'eût point causé tant de dégats, si la police de la ville eût été mieux organisée. Les pompes ne jouaient pas, manque d'eau,

de chevaux. point d'ordre. point d'activité. confusion dans la répartition des travaux. retard dans les secours. impéritie dans leur emploi. Il y aurait beaucoup à dire sur l'administration locale des provinces éloignées. mais vos lumières acquises par votre expérience et vos observations n'ont pas besoin du supplément des miennes. Ce que j'ai dit des bâtiments est également applicable aux objets relatifs à l'instruction. Quant au progrès des études. outre le déficit des livres élémentaires et autres secours de cette nature, elles sont entravées par l'ignorance des élèves dans les langues étrangères. spécialement dans le latin. de sorte que les professeurs étrangers sont réduits à l'alternative de se servir d'interprètes. quand il s'en présente ou bien de parler à un auditoire qui ne les entend pas. Cet inconvénient subsistera tant que les emplois ne seront point occupés par des russes. Prétendre que les étrangers apprennent la langue du pays est chose impossible. Ils n'en ont ni le tems ni les moyens: cette étude devient d'ailleurs infructueuse pour ceux qui l'entreprennent à un certain âge. Je suis forcé de convenir avec une sorte de dépit. que les professeurs allemands l'emportent sur les notres sous le rapport des connaissances aussi bien que de la moralité et cette supériorité doit avoir produit la discorde qui règne parmis eux. Quelle que soit ma prédilection pour ma patrie. elle ne saurait assoupir en moi le sentiment de la justice au point de me constituer neutre entre les oppresseurs et les opprimés. J'ai tâché d'employer les voies de conciliation et je suis parvenu à calmer les haines et les rivalités. ou du moins à les contenir dans les bornes de la bienséance. Je n'ai point articulé jusqu'ici d'accusation personnelle. mais si j'éprouve de la répugnance à désigner les individus. je n'oublie pas non plus que lorsqu'il s'agit de la chose publique. toute considération doit céder à l'ascendant de la vérité. Depuis bientôt neuf ans qu'existe l'université de Casan, le professeur Jakofkin. qui a présidé à sa fondation, l'a gouvernée dans l'absence du défunt curateur [1]). avec une autorité permanente et presque indéterminée. Chef du conseil. du comptoir, des différents comités. inspecteur des étudiants. directeur du gymnase. c'est à sa gestion qu'il faut imputer tout le désordre. L'université n'etant point encore organisée. le pouvoir administratif résidait entre ses mains. Il faut convenir qu'il en a abusé quoique pour se justifier il m'allègue toujours les dénégations du curateur aux représentations qu'il lui a réitérées à différentes époques. Indépendamment de son inéptie. sa réputation seule suffirait pour l'éloigner des fonctions supérieures. Il ne saurait servir d'exemple à la jeunesse. ni sous le rapport

[1]) Степанъ Яковлевичъ Румовскій (см. о немъ выше) назначенъ былъ попечителемъ казанскаго университета въ 1803, † въ С.-Петербургѣ 1812.

des moeurs, ni sous celui des talents et des connaissances. Je ne parlerai point de fraude, il faut la surprendre pour la constater, mais je vous avoue que je la soupçonne. Les dépenses de l'année précédente pour les frais de bâtisse et de réparation montent à 11,880 roubles, somme qui parait considérable surtout lorsqu'on jette les yeux sur les bâtiments dont le plus grand nombre menace ruine. Cependant lorsque je lui objectai le contraste de cette somme avec les résultats de l'emploi qu'on en a fait, il me ferme la bouche en me disant qu'il ne l'avait point vôlée, que je puis fouiller dans ses coffres et que les documents qu'il m'a présentés sont des pièces probantes qui le justifient. De pareils propos donnent la mesure de l'homme; joint à cela des adulations dont il tâche de colorer sa conduite et qui en décèlent au contraire toute la turpitude. Voilà où j'en suis avec m-r le professeur Jakofkin. Mais j'abuse de votre indulgence et j'oublie que je dois la ménager pour l'avenir. Je vous supplie, m-r le comte, de me continuer vos bontés et de me permettre d'y recourir quand les réformes et les innovations, qu'exige notre institût, réclameront votre appui. Je me flatte de pouvoir justifier un jour la confiance que vous m'avez témoignée en contribuant à ma nomination.

Cazan le 12 Mai 1813.

8.

Письмо А. Н. Оленина.

1.

Приказаніе в. с. о перепечатаніи двухъ полулистовъ во 2-й части Опыта Россійской библіографіи г. Сопикова, полученное мною черезъ чиновника, нарочно отъ в. с. ко мнѣ по сему предмету присланнаго, я въ то же время исполнилъ — и листы сіи отданы г. Сопиковымъ переплетчику, который занимается переплетомъ экземпляровъ, представленныхъ въ главное училищъ правленіе; между тѣмъ, увѣдомясь вчерашняго дня, что императорская академія наукъ сѣтуетъ какъ на г. Сопикова, такъ и на пропустившихъ исключаемыя нынѣ въ сочиненіи его слова, долгомъ поставляю донести в. с., что сіе было сдѣлано безъ всякаго намѣренія, ибо свѣдѣніе, помѣщенное въ книгѣ г. Сопикова, было обнародовано въ извѣщеніи, пропечатанномъ отъ имени самой императорской академіи наукъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1803 г., подъ № 24, на страницѣ 359, съ котораго для благоусмотрѣнія в. с. прилагаю точный списокъ съ надлежащими примѣчаніями: „Комитетъ правленія академіи наукъ чрезъ сіе объявляетъ, что желающіе купить съ публичнаго торга остающіяся въ

излишествѣ въ книжномъ ея магазинѣ книги [1]) по причинѣ печатанія оныхъ большими заводами [2]), явились въ оный комитетъ къ торгамъ сего 24 марта мѣсяца. А какъ сверхъ сихъ находятся и такія книги, которыя по содержанію своему заслуживаютъ всякаго вниманія [3]), а другія для обучающагося юношества весьма полезны; то таковыя книги имѣютъ быть проданы раздѣльно по увражамъ, особыми цѣнами, *также съ вѣсу* [4]), въ оное же число продаваться будетъ и макулатура".

Изъ сего объявленія в. с. изволите усмотрѣть, что еще прежде издаваемой книги г. Сопиковымъ публика отъ самой императорской академіи наукъ дѣлалась уже извѣстна о продажѣ *книгъ на вѣсъ;* слѣдственно, г. Сопиковъ о семъ упомянулъ единственно въ видѣ историческаго происшествія, не полагая никакого предосужденія, ибо самое то казенное мѣсто, которое продажу сію на вѣсъ производило и публиковало объ оной на всенародное извѣстіе.

Октября 9-го дня 1814 г.

2.

Благодѣтель в. с., какъ вы изволите меня называть, съ прошедшаго вторника въ растяжку лежитъ по милости французскаго посла. Экая бѣда, вездѣ надобно, чтобы французъ пакостилъ. Безъ того я бы давно былъ у в. с., но, полагая, что Д. Д. Бѣлостоцкій вамъ дастъ знать о дѣлѣ вашемъ, я былъ спокоенъ. Теперь донесу вамъ, что дуброва оставлена въ вашемъ владѣніи, но аппеляцію дозволено казакамъ возобновить, а Губчичу искать по формѣ суда, т.-е. съ головы. Какъ скоро мнѣ легче будетъ, непремѣнно самъ явлюсь къ в. с., котораго я по службѣ привыкъ любить и почитать и также буду дѣлать и безъ службы.

20-го Января 1817.

9.

Письмо князя П. В. Лопухина.

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ, сынъ вашъ, графъ Кирила Алексѣевичъ, по высочайшей волѣ, отправленъ за надлежащимъ при-

[1]) Изъ припечатанной росписи видно, что многія книги оставались въ маломъ количествѣ и проданы всѣ безъ остатку, такъ что и въ императорскую библіотеку по 2 экземпляра оныхъ академія не могла доставить.—Это примѣчаніе, равно какъ и слѣдующія подписаны подъ письмомъ рукою Оленина.

[2]) Это также опровергается вышеозначеннымъ примѣчаніемъ.

[3]) Если сіи книги заслуживаютъ всякаго вниманія, то противно уже всякому понятію, чтобъ продавать оныя на вѣсъ.

[4]) По увражамъ раздѣльно никакихъ книгъ продано не было, а всѣ вмѣстѣ по означенному реестру, а именно по 4 рубля 5 коп. за пудъ.

смотромъ въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь съ порученіемъ архимандриту онаго стараться о его направленіи и о томъ, чтобы въ разсужденіи нравственности и поведенія его, а наипаче привычки къ употребленію крѣпкихъ напитковъ присмотръ за нимъ былъ самый рачительный. Особенно-жъ возложено на архимандрита имѣть попеченіе о внушеніи ему спасительныхъ правилъ религіи, дабы чрезъ сіе могъ быть исторгнутъ самый корень тѣхъ предразсудковъ и заблужденія, которые довели его до нынѣшняго положенія. Дано знать архимандриту, что потребныя на содержаніе его деньги доставляемы будутъ отъ в. с., и что на вашъ же счетъ, если нужда потребуетъ и вы благоразсудите, исправлены будутъ комнаты, назначенныя для его помѣщенія. Сверхъ того, извѣщенъ архимандритъ и о намѣреніи вашемъ пріискать человѣка, который бы, имѣя хорошую нравственность и при томъ будучи довольно просвѣщенъ, согласился раздѣлять время съ гр. Кириломъ Алексѣевичемъ, и, внушая ему правила благоразумія и умѣренности, старался обратить его на путь разсудка и добродѣтели. Наконецъ предписано о поведеніи и поступкахъ его доставлять въ комитетъ по часту обстоятельныя увѣдомленія. О чемъ, кромѣ архимандрита, сообщено по высочайшей волѣ и владимірскому г-ну гражданскому губернатору.

Я предварилъ архимандрита, что ежели что́ не воспрепятствуетъ в. с., то вы, какъ скоро изволите пріѣхать въ Москву, отправите къ нему для объясненія всѣхъ подробностей о присланномъ и для доставленія всего нужнаго, князя Николая Михайловича Козловскаго.

Извѣстя о семъ в. с., имѣю честь и проч.

К. Лопухинъ.

С.-Петербургъ. Мая 13-го дня 1808 г.

10.

Письмо князя Александра Николаевича Голицына къ графу А. К. Разумовскому и отвѣтъ послѣдняго.

Каждому изъ соотечественниковъ нашихъ, безъ сомнѣнія, пріятно видѣть, что благотворительность, коею отечество наше всегда отличалось, нынѣ наиболѣе въ ономъ распространяется и что учреждаются даже цѣлыя общества, посвящающія себя постоянному служенію сей священнѣйшей Христіанской добродѣтели.

Довольно извѣстны уже тѣ благотворные плоды, кои принесло подобное общество въ Петербургѣ, подъ названіемъ Императорскаго человѣколюбиваго общества. При вседѣйствующемъ благословеніи Божіемъ и подъ покровительствомъ Всемилостивѣйшаго Государя на-

шего, щедротами своими подкрѣпляющаго сіе заведеніе, многія уже тысячи сирыхъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ получили отъ онаго, въ продолженіе 12-ти-лѣтняго существованія его, потребную имъ помощь. Уже многіе несчастные, видя себя благодѣтельно призрѣнными, отёрли горькія слезы скорби своей. Таковое же благотворительное заведеніе, подвѣдомственное совѣту с.-петербургскаго Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ видѣ отрасли его, существуетъ и въ Казани, подъ названіемъ казанскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ. Подобный же сему казанскому комитету учреждается и здѣсь въ Москвѣ.

Нельзя не быть увѣреннымъ, чтобъ жители сей первопрестольной столицы, толикими подвигами и пожертвованіями ознаменовывающіе пламенную любовь свою къ отечеству и къ ближнимъ, не приняли сердечнаго участія въ семъ благотворномъ заведеніи и не возжелали бы содѣйствовать по силамъ своимъ, къ облегченію участи тѣхъ изъ сограждан своихъ, кои требуютъ помощи и взываютъ о состраданіи, наипаче же, когда, послѣ постигшаго сію столицу бѣдствія, многіе изъ нихъ и по нынѣ еще находятся подъ тяжкимъ бременемъ крайней нищеты и болѣзней.

Пріемля въ семъ учреждающемся заведеніи искреннее участіе, сколько по долгу званія моего главнаго попечителя человѣколюбиваго общества, столько и по сердечному влеченію моему къ тому, я поставляю себѣ пріятною обязанностію извѣстить в. с. объ учреждающемся здѣсь комитетѣ сего общества, коего цѣль изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго у сего печатнаго о томъ извѣщенія, и совершенно удостовѣренъ, что вы, какъ житель Москвы, не отречетесь принять нѣкоторое участіе въ семъ заведеніи къ облегченію участи несчастныхъ изъ сограждан вашихъ, имѣя въ виду, что всякимъ со стороны вашей вспомоществованіемъ имъ пріобрѣтете не малую заслугу передъ Тѣмъ, Кто даже и чашу воды во имя Его жаждущему предложенную, не оставляетъ безъ вниманія.

Приношенія, въ пользу учреждающагося здѣсь благотворительнаго комитета, можно доставлять ко мнѣ, во время моего здѣсь пребыванія. По совершенномъ же открытіи комитета, дано будетъ знать черезъ газеты, кому адрессовать оныя.

Москва. 4-го Января 1818 г.

Отвѣтъ графа А. К. Разумовскаго [1]).

Я не московскій житель, но, желая быть всегда христіаниномъ не по одному званію, не удаляюсь отъ благотворенія по возможности и

[1]) Списано съ черновой, находившейся при письмѣ кн. Голицына.

здѣсь такъ, какъ въ Петербургѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, сколько средствъ моихъ достанетъ быть ближнему въ чемъ-либо полезнымъ.

Учрежденіе благотворительныхъ комитетовъ есть, безъ сомнѣнія, послѣдствіе разливающагося повсюду нынѣ духа Христіанства. Успѣхи ихъ довольно обезпечены твердымъ основаніемъ безпредѣльной щедроты Монарха. Имъ даруемыя средства усиливаются приношеніями многихъ сему высокому примѣру послѣдователей и наконецъ (къ сожалѣнію) не малымъ числомъ и тѣхъ благотворителей, кои не были бы таковы, если бы не надѣялись наслаждаться чтеніемъ имянъ своихъ въ издаваемомъ журналѣ. Дабы не попасть въ статью сихъ послѣднихъ, а притомъ не лишить и себя пріятнѣйшаго удовольствія вспомоществовать непосредственно тѣмъ изъ нуждающихся, коихъ при всей бдительности попечительнаго комитета останется еще довольно, я охотно отдѣляю 500 руб., кои при семъ имѣю честь препроводить, съ условіемъ, чтобъ имя мое не было нигдѣ пропечатано, а если нужно будетъ въ отчетахъ, назначаемо было *отъ неизвѣстнаго*. Такимъ образомъ, не теряя изъ вида упоминаемое в. с. правило, что всякимъ подаяніемъ пріобрѣтается заслуга предъ Тѣмъ, Кто даже и чашу воды жаждущему не оставляетъ безъ вниманія, мыслю, поколику предстоящія обстоятельства дозволяютъ, съ тѣмъ согласить и то Евангельское правило, *да не увѣдаетъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя.*

XI.

Записка о состояніи харьковскаго университета, составленная вѣроятно Каразинымъ.

(Архивъ князя Н. В. Репнина).

Извѣстно, что харьковскій университетъ находится теперь въ великомъ разстройствѣ. 5 лѣтъ слишкомъ не имѣетъ онъ о своемъ попечителѣ графѣ Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ никакого оффиціальнаго извѣстія. Лучшіе профессора одинъ за другимъ оставляютъ свои мѣста. Уже по сіе время 11 каѳедръ не достаетъ, или замѣщены по необходимости молодыми людьми, едва кончившими обыкновенный курсъ ученія. Въ подвѣдомыхъ училищахъ 9 губерній также вкрадывается безпорядокъ отъ ссоръ членовъ университета, которыя, ослабивъ уваженіе къ нимъ въ глазахъ публики, представляютъ весь видъ безначалія. Такимъ образомъ, жители полуденныхъ губерній, со вступленія Государя Императора на престолъ въ разное время по-

жертвовавшіе до 1.000,000 рублей (въ томъ числѣ одно харьковское дворянство 400,000) и слѣдовательно *доказавшіе, что они чувствуютъ всю важность учебныхъ заведеній,* угрожаются большими непріятностями. Е. с. министръ признаетъ необходимымъ пребываніе въ округѣ университета начальника мѣстнаго, который бы не зависѣлъ отъ вліянія партій и принадлежалъ къ дворянству, сдѣлавшему въ пользу просвѣщенія подвигъ и слѣдственно интересованному честью и собственными выгодами къ его поддержанію.

Извѣстно, что ст. сов. и кавалеръ Каразинъ, членъ какъ сего упомянутаго университета, такъ и другихъ ученыхъ сословій и правитель дѣлъ филотехническаго общества, есть тотъ изъ дворянъ и помѣщиковъ края, который наиболѣе содѣйствовалъ къ учрежденію университета *во всѣхъ отношеніяхъ* и у дворянства и у престола. Онъ не получилъ тогда никакой награды *въ сходство точнаго объясненія его о семъ по высочайшей волѣ.* Въ нынѣшнемъ случаѣ ближе всего можно обратить на него вниманіе. По испытанному стремленію его къ общей пользѣ того края особливо, онъ, конечно, за честь себѣ поставитъ порученіе е. с. занятія дѣлами харьковскаго университета и подвѣдомаго ему округа, хотя бы только *временное*, до возвращенія Государя Императора и въ ожиданіи изъявленія высочайшей воли о попечителѣ графѣ Потоцкомъ, который чрезъ таковое порученіе (*ad interim*) отнюдь не устраняется. Напротивъ того, самъ онъ давалъ въ 1803 г. подобное же г. Каразину оффиціально. Порученіе сіе можетъ быть дано безъ всякаго титула, просто со званіемъ *управляющаго.* Конечно, по недостаточному состоянію г. Каразина (онъ имѣетъ только 350 душъ, долги и большое семейство) нужно будетъ ему опредѣлить содержаніе. Но оное удобно заимствовать изъ доходовъ университетскихъ: именно же изъ процентовъ капитальной суммы, которая не обрѣтается въ счетѣ государственныхъ доходовъ. И сіе съ тѣмъ большимъ правомъ, что сумма эта большею частію есть произведеніе усердія и трудовъ г. Каразина и отъ его дѣятельности теперь новое приращеніе можетъ получить. Опредѣленіе управляющаго въ харьковскій университетъ и его округъ принесетъ еще и съ той стороны пользу, что оно, нечувствительно и безъ нарушенія нынѣ существующаго порядка, послужитъ къ убѣжденію самымъ опытомъ въ справедливости почтенной идеи министра, что въ университетскихъ округахъ должны быть мѣстные, *безотлучные* начальники.

XII.

Записка, внесенная 1 Ноября 1811 г. т. сов. кн. А. Н. Голицынымъ въ комитетъ министровъ.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

Съ боку: рукою кн. Голицына:

„Комитетъ полагаетъ полезнымъ возвести полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи, на основаніи представленія генерала іезуитскаго, о чемъ и предоставить доложить Е. И. В. министру просвѣщенія".

Генералъ іезуитскаго ордена, желая для пользы общей распространить кругъ ученія, орденомъ симъ преподаваемаго, испрашиваетъ дозволенія возвести полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи съ присвоеніемъ ей преимуществъ, дарованныхъ университетамъ и подчинить ей всѣ іезуитскія училища въ Россіи заведенныя. Орденъ сей обязывается обучать всему тому, что правительству будетъ угодно назначить, за исключеніемъ медицинской науки и уголовныхъ законовъ, коихъ ученіе воспрещено ему орденскими его уставами. Побудительныя причины сей просьбы генералъ іезуитскаго ордена представляетъ слѣдующія:

1) Въ полоцкомъ училищѣ нынѣ обучаютъ почти всѣмъ наукамъ и знаніямъ, кои преподаются въ виленскомъ университетѣ. Разность состоитъ въ одной только методѣ. Но іезуитской методы не охуждали самые враги іезуитовъ: Баконъ, Гроцій и проч. Виленскій университетъ учрежденіемъ своимъ одолженъ іезуитамъ. Они въ немъ завели и обогатили библіотеку, музей и обсерваторію. Въ продолженіи двухъ столѣтій онъ зависѣлъ отъ ордена іезуитскаго, во все то время не было въ немъ ни одной каѳедры вакантной. Со времени даже уничтоженія ордена сего много имѣлъ университетъ сей отличныхъ членовъ изъ общества іезуитскаго. Но не одинъ сей университетъ зависѣлъ отъ ордена іезуитовъ. Вѣнскій, Прагскій, Гратскій, Ингольстатскій, Страсбургскій, Попъ-амуссонскій и многіе другіе въ разныхъ странахъ университеты управляемы были симъ же орденомъ. Во всѣхъ временахъ столь мало сомнѣвались о способностяхъ іезуитовъ, что разрѣшеніе папы, которое въ католическомъ исповѣданіи потребно для учрежденія, либо признанія университета или академіи, дано было іезуитскому ордену безъ всякаго ограниченія. Очевидная польза, какую приносятъ іезуиты образованіемъ юношества, была причиною, что Государыня Императрица Екатерина II въ имперіи своей сохранила

ихъ орденъ. Съ того времени 3 раза метода ихъ ученія представляема была правительству и всякій разъ была имъ одобряема. Безсмертная Екатерина не желала нарушить методы сей, когда въ рескриптѣ своемъ къ папскому въ Варшавѣ нунцію изъяснялась слѣдующимъ образомъ: „Я ввѣрила воспитаніе бѣлорусскаго юношества попеченію іезуитскаго общества. Правительство съ удовольствіемъ замѣтило ревность, одушевляющую труды онаго и успѣхи, каковыми они всегда вѣнчаются".

2) Учрежденіе въ Полоцкѣ академіи не будетъ сопряжено ни съ какими издержками правительства. Іезуиты ничего болѣе не желаютъ какъ только, чтобы при нихъ оставлены были имѣнія, коими нынѣ они пользуются. Университеты много стоятъ правительству и тѣмъ что производятъ жалованіе и пенсіоны профессорамъ, коихъ часто приглашаютъ изъ чужихъ краевъ съ большими издержками. Свѣтскій профессоръ, способный обучать низшій классъ, можетъ быть не способенъ къ обученію высшаго, и нѣтъ надежды, чтобъ онъ сдѣлался способнымъ въ продолженіи времени: поелику никто не можетъ его къ тому принудить; общество-жъ іезуитское доставляетъ профессоровъ безпрерывно. Каждый профессоръ, признанный, по строгомъ испытаніи, способнымъ обучать низшій классъ, обязанъ черезъ годъ сдѣлаться достойнымъ обучать классъ высшій; если сего не достигнетъ, оставятъ его въ томъ же классѣ или удалятъ вовсе. Посему каждый профессоръ употребилъ бы на пользу общую все свое стараніе и трудъ, безъ всякаго жалованія, безъ всякихъ видовъ временной награды, единственно для удовлетворенія обязанности своего званія.

3) Учрежденіе сей академіи принесло бы значительную пользу наукамъ, кои тогда болѣе процвѣтаютъ, когда два училища находятся во взаимномъ между собою соревнованіи. Генералъ іезуитскій приводитъ сему примѣръ: Парижскій университетъ никогда столько не процвѣталъ, какъ въ то время, когда іезуиты имѣли въ Парижѣ знаменитую коллегію Людовика XIV. То же самое происходило и въ другихъ государствахъ, гдѣ іезуитскія коллегіи были въ соревнованіи съ университетами. Отъ сего родилось общее мнѣніе въ Европѣ, что съ упраздненіемъ іезуитовъ испортился и образъ воспитанія юношества.

4) Весьма важное дѣло вперять юношеству патріотическія правила, повиновеніе, почтеніе и преданность Государю. Въ семъ отношеніи іезуиты, яко вѣрноподданные, считаютъ себя способнѣе многихъ свѣтскихъ профессоровъ, привязанныхъ къ государству токмо жалованіемъ и другими выгодами. Іезуиты и здѣсь ссылаются на общее мнѣніе, что сильныя потрясенія, въ новѣйшія времена въ Европѣ случившіяся, тогда совершаться начали, когда устранили отъ юношества сихъ вѣрныхъ его стражей. Россія же имѣетъ еще другой залогъ совершенной

ихъ преданности общественному благу: сохраненіе ихъ существованія. Іезуиты говорятъ, что если бы даже не были они вѣрными подданными по долгу и религіи, то были бы вѣрными изъ признательности, вѣрными для собственной пользы, вѣрными по необходимости—такому правительству, отъ коего все получили и которое пріобрѣло неоспоримое право за безпредѣльную преданность ихъ. Наконецъ 5) Ежели послѣдуетъ высочайшее соизволеніе на образованіе въ Полоцкѣ академіи, то симъ новымъ опытомъ Монаршаго благоволенія къ бѣлорускому дворянству, которое само просило о томъ за 4 года предъ симъ, утвердится паче и паче преданность его престолу и вознаградится нѣкоторымъ образомъ потеря, которую понесъ сей городъ, по переведеніи изъ онаго въ Витебскъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Сіе представленіе генерала іезуитскаго ордена доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, и Е. В. Высочайше повелѣть соизволилъ предложить о томъ на уваженіе министерскаго комитета.

Кн. Александръ Голицынъ.

Октября дня—1811 г. [1]).

XIII.

Учрежденіе комитета министровъ на случай Высочайшаго Е. И. В. отсутствія изъ столицы.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою тако:

«Быть по сему

АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ С.-Петербургѣ, Марта 20 дня 1812 года.

Во время высочайшаго Е. И. В. отсутствія изъ столицы, комитетъ министровъ учреждается съ особенною властію по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія на слѣдующемъ основаніи:

§ 1. Комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ген.-фельдмаршала графа Салтыкова, изъ главнокомандующаго въ столицѣ, который въ отсутствіе предсѣдателя занимаетъ его мѣсто, изъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, изъ министровъ и чиновъ, управляющихъ министерствами.

§ 2. Члены комитета засѣдаютъ по старшинству чиновъ.

---

[1]) Записка эта, почти дословно повторяющая софизмы де-Местра, очевидно имъ самимъ и составлена.

§ 3. Никто изъ членовъ комитета не можетъ себя уволить отъ присутствія, въ случаѣ же болѣзни министръ извѣщаетъ комитетъ чрезъ управляющаго дѣлами онаго, что по сей причинѣ присутствовать онъ не можетъ.

§ 4. Комитетъ собирается, буде дѣла особенныхъ собраній сіе потребуютъ, по 2 раза въ недѣлю въ 11 часовъ утра, въ зимнемъ дворцѣ, въ обыкновенной комнатѣ: одинъ разъ по вторникамъ, а другой по назначенію дня предсѣдателемъ.

§ 5. Когда предстануть дѣла высшей важности или требующія безотлагательнаго разрѣшенія, предсѣдатель назначаетъ чрезвычайное собраніе комитета.

§ 6. Изъ текущихъ дѣлъ производимыхъ въ министерскихъ департаментахъ, представляются комитету тѣ, по которымъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ, а также въ разрѣшеніи и исполненіи которыхъ встрѣтитъ министръ по обстоятельствамъ сомнѣніе.

§ 7. Представляются комитету всѣ дѣла, до Высочайшаго разрѣшенія принадлежащія, т.-е. тѣ, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ предѣлъ власти ввѣренной въ особенности каждому министру и вообще всѣ тѣ, по которымъ министры въ назначенные дни обыкновенно докладываютъ Е. И. В. Сюда принадлежитъ и выдача паспортовъ на пріѣздъ въ Россію и выѣздъ заграницу.

§ 8. Вносятся въ комитетъ всѣ дѣла высшей полиціи, т.-е. относящіяся до общаго спокойствія, до продовольствія народнаго и по всякому чрезвычайному происшествію.

§ 9. По сему предмету главнокомандующій въ столицѣ доставляетъ комитету свѣдѣнія: 1) о проживающихъ въ столицѣ подозрительныхъ людяхъ, о коихъ вовсе неизвѣстно, какими дѣлами они занимаются; 2) о пріѣзжающихъ въ столицу изъ за границы, или изъ внутри государства подозрительныхъ людяхъ; 3) о собраніяхъ и обществахъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе; 4) о разглашаемыхъ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе или тревогу наводящихъ; 5) вообще о всякихъ въ столицѣ случившихся въ сутки происшествіяхъ, обратившихъ на себя вниманіе полиціи и получаются изъ губерній донесенія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ; 6) о цѣнахъ на всѣ жизненныя потребности въ такомъ случаѣ, когда онѣ будутъ превышать обыкновенную ихъ мѣру.

§ 10. Въ числѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комитета, представленія министровъ о награжденіи чиновниковъ остаются на прежнемъ основаніи.

§ 11. Для обыкновенныхъ собраній комитета, министры наканунѣ назначенныхъ дней присылаютъ къ управляющему дѣлами комитета записки о дѣлахъ, какія они въ комитетъ внести имѣютъ.

§ 12. Изъ сихъ записокъ управляющій дѣлами комитета составляетъ общую записку, по которой предсѣдатель назначаетъ къ слушанію дѣла по степени настоятельности ихъ и важности.

§ 13. Министръ, котораго записки останутся въ комитетѣ не выслушанными, предлагаетъ ихъ въ слѣдующее засѣданіе преимущественно.

§ 14. Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго хода дѣлъ вносятся въ комитетъ дѣла краткими записками за подписаніемъ министра, оныя представляющаго.

§ 15. Записки сіи должны заключать въ себѣ всѣ обстоятельства дѣла, нужныя къ оному справки и мнѣніе министра.

§ 16. Когда министръ представляетъ въ комитетъ такое дѣло, по которому предполагается указъ къ Высочайшему подписанію, тогда представляетъ онъ вмѣстѣ и проектъ указа.

§ 17. Каждому собранію комитета ведутся слѣдующіе журналы:

1) По дѣламъ текущимъ.

2) По дѣламъ, тайнѣ подлежащимъ.

3) По дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія.

§ 18. Всѣ сіи журналы подписываются всѣми членами комитета, хотя бы кто изъ нихъ за болѣзнію и не присутствовалъ.

§ 19. Когда произойдутъ по дѣлу разныя мнѣнія, то оныя записываются въ журналъ; не присутствовавшій членъ комитета, въ случаѣ несогласія, объявляетъ свое мнѣніе при подписаніи журнала.

§ 20. Всѣ журналы по подписаніи отправляются предсѣдателемъ комитета къ Его Императорскому Величеству.

§ 21. По дѣламъ текущимъ комитетъ приводитъ свои положенія въ исполненіе.

§ 22. Когда въ разрѣшеніе дѣла произойдутъ разныя мнѣнія, то исполненіе чинить по большинству голосовъ.

§ 23. При равенствѣ мнѣній голосъ предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ.

§ 24. По дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, а также по дѣламъ до высшей полиціи относящимся, кромѣ выдачи паспортовъ на пріѣздъ въ Россію и выѣздъ за границу, которая исполняется по положенію комитета, комитетъ представляетъ положенія свои на Высочайшее усмотрѣніе и ожидаетъ повелѣнія; въ случаяхъ же нетерпящихъ отлагательства приводитъ ихъ въ исполненіе подъ общею всѣхъ членовъ комитета отвѣтственностію и о семъ немедленно доноситъ Его Императорскому Величеству.

§ 25. При разногласіи въ сихъ случаяхъ поступать на основаніи §§ 22 и 23, и тогда отвѣтственность остается на тѣхъ, по мнѣнію которыхъ исполненіе сдѣлано будетъ.

§ 26. Ежели по дѣламъ, отправляемымъ къ Его Императорскому Величеству, признается нужнымъ особенное объясненіе, то по назначенію комитета министръ, по чьей части тѣ дѣла, отправляетъ ихъ съ нарочнымъ чиновникомъ.

§ 27. Въ случаѣ надобности, комитетъ имѣетъ право пригласить въ свое засѣданіе всякаго начальника какого либо мѣста для объясненія, или для общаго съ нимъ сужденія.

§ 28. По дѣлу, по которому приглашенъ былъ въ комитетъ посторонній чиновникъ, составляется особый журналъ и имъ вмѣстѣ съ членами комитета подписывается.

§ 29. Положенія комитета приводятся въ исполненіе тѣми же министрами, отъ которыхъ дѣла представлены въ потребныхъ случаяхъ именемъ Его Императорскаго Величества.

§ 30. На исполненія положеній комитета уполномочиваются министры выписками изъ журналовъ, доставляемыми къ нимъ отъ управляющаго дѣлами комитета за его подписаніемъ.

§ 31. Въ случаяхъ, не терпящихъ ни малѣйшаго отлагательства въ исполненіи положеній комитета, сообщаются оныя министрамъ отъ управляющаго дѣлами комитета, по назначенію онаго прежде подписанія журналовъ.

Статсъ-секретарь Молчановъ.

XIV.

Рядная запись графини Варвары Петровны Разумовской, рожденной графини Шереметевой [1]).

(Архивъ графа С. Д. Шереметева).

Лѣта тысяща семьсотъ семдесятъ четвертаго, Февраля въ девятый надесять день, генералъ-аншефъ Ея Императорскаго Величества оберъ-камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Борисовъ сынъ Шереметевъ, зговорилъ я дочь свою девицу графиню Варвару въ замужство Двора Ея Императорскаго Величества за камеръ-юнкера графа Алексѣя Кирилова сына Разумовскаго, а во благословеніе за нею, дочерью моею, пишу Божія милосердія *святыя образа*: *первой*, Спаса Всемилостиваго, на большой цке, обложенъ золоченымъ серебромъ; *второй*, Володимірскія Пресвятыя Богородицы, въ окладе чеканномъ золотомъ, съ финифтью, украшенъ алмазами, яхонтами и изумрудами-лалами, обнизанъ крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ, съ

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

подвесками крупнаго бурмицкаго жемчуга, въ кіоте серебреномъ; *третей*, Казанскія Богородицы, поля, свѣтъ, ризы и венцы съ сіяніемъ золотые чеканные; *четвертой*, Тихвинскія Богородицы, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами и изумрудами; *пятой*, Владимірскія Богородицы, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами, яхонтами, крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; *шестой*, Спаса Всемилостиваго, обложенъ золотомъ, въ кіоте серебреномъ, золоченомъ; *седмой*, Ангела хранителя и Преподобнаго Сергія Радонежскаго, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами. яхонтами, изумрудами и жемчугомъ, въ кіоте серебреномъ; *осмой*, Тихвинскія Богородицы, обложенъ золотомъ; *девятой*, мощи святыхъ, въ кіоте серебреномъ, золоченомъ; *десятый*, на болшей цке Богородицы всехъ Скорбящихъ, обложенъ золоченымъ серебромъ.

Да по общему нашему съ покойной женою моею, штатсъ-дамою, графинею Варварою Алексѣевной, роздѣлу, которой прошлаго тысяща седмь сотъ шесдесятъ седмаго году, Октября два десятъ четвертаго дня, собственнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ конфермованъ, сверхъ написаннаго въ томъ разделе на ее часть недвижимаго именія за неюжъ дочерью моею *приданаго* даю состоящаго *въ платье*, *кроватяхъ*, *белье*, *серебре* и *протчемъ*, а имянно: робронтъ съ юпкою сюрсака золотою выложено кружевомъ пон де аржантонъ 1,440 рублевъ; робронтъ сюрсака серебреное выложено серебреною сеткою, 529 рублевъ; робронтъ съ юпкою полосатой помаранцовое съ белымъ, штофной съ разными цвѣтами, на немъ агреманъ, 212 рублевъ; робронтъ съ юпкою штофной зеленой съ белыми полосками, съ разными цветами съ агременътами, 192 рубли; робронтъ съ юпкою штофной голубой съ белыми полосами съ цветами съ агрементами 460 рублевъ; робронтъ съ юпкою атласной капюсень, съ белыми полосами, 191 рубль; робронтъ съ юпкою гранитуровой белой съ малиновыми бархатными полосами, 162 рубли; робронтъ съ юпкою атласной белой съ шинелевыми полосками, шитъ блесками золотыми, съ сеткою золотою, 292 рубли; робронтъ съ юпкою белой гронатуровой, шитой разными шелками съ агрементами, 210 рублевъ; рабронтъ съ юпкою гранитуровой дикой съ белыми полосками съ цветочками съ эгрементами, 122 рубли; робронтъ съ юпкою бархотной абрикосовой съ белыми полосками съ цветами съ эгрементами, 375 рублевъ; рабронтъ съ юпкою гродитуровой розовой выложенъ кружевомъ, 42 рубли; робронтъ съ юпкою штофной белой съ полосками съ цветочками съ эгрементами, 210 рублевъ; робронтъ съ юпкою отласной розовой съ полосками выложенъ кружевомъ, 662 рубли; рабронтъ съ юпкою отласной голубой по коевой выложенъ кружевомъ, 42 рубли; робронтъ съ юпкою ботде желтой списанными цветочками съ флеро-

вой выкладной. 65 рублевъ: робронтъ съ юпкою болѣе желтой съ цвѣточками съ флеровой выкладкой. 58 рублевъ: робронтъ съ юпкою тафтяной белой съ серебреными и алыми полосками и съ алыми цвѣточками съ такимижъ агрементами. 70 рублевъ: робронтъ съ юпкою флеровой дикой съ голубыми полосками съ серебромъ съ агрементами. 50 рублевъ: робронтъ съ юпкою тафтяной волнистой съ такоюжъ вырескою. 40 рублевъ: робронтъ съ юпкою круазе клетчетой голубой съ белымъ. 25 рублевъ: робронтъ съ юпкою круазе белой полосатой голубые и алые полоски съ цвѣточками. 25 рублевъ: робронтъ съ юпкою съ кисейной полосатой цвѣточками на розовой тафте. 50 рублевъ: круазе на платье клетчетое алое съ белымъ. 20 рублевъ. Подвышеписанные робронты и подъ юпки тафты белой на 170 рублевъ. Для выкладокъ на плати блонтъ французскихъ шинелевыхъ белыхъ, на 124 рубли. Выкладка на платье марливая шитая 40 рублевъ: кофта съ юпкою отласной капюсень шита разными шелками. 150 рублевъ: кофта съ юпкою отласная полевая шита шелками. 150 рублевъ: кофта съ юпкою отласная белая списаными цветами стеганая. 90 рублевъ: кофта съ юпкою отласные алые стеганые въ узоръ. 30 рублевъ: кофта съ юпкою отласные белые стеганы въ узоръ. 30 рублевъ: кофта съ юпкою кисейная полосатая съ цвѣточками на голубой тафте, выложена кружевомъ, 25 рублевъ: кофта съ юпкою кисейная полосатая съ цвѣточками на желтой тафте. 25 рублевъ: кофта съ юпкою кисейная шита въ тамбуръ на алой тафте выложена кружевомъ. 70 рублевъ: кофта съ юпкою марселевая выложена кружевомъ. 70 рублевъ: кофта съ юпкою марселевая-жъ выложена кружевомъ. 70 рублевъ: две кофты съ юпками и одѣяло изъ Англинскаго тканья. кофты съ юпками выложены кисеею. 73 рубли: шесть кофтъ съ юпками кисейныя и миткалинныя выложены кисеею полосатою. 80 рублевъ: шесть юбокъ исподнихъ кисейныхъ съ такою жъ фалбарою. 60 рублевъ; пять юбокъ исподніе отласные разныхъ цветовъ. 85 рублевъ: юпка белая тафтяная исподняя шита золотомъ и цветами. 30 рублевъ; юпка отласная белая стеганая въ узоръ. 20 рублевъ: четыре юбки исподнихъ тафтяные и отласные разныхъ цветовъ. 40 рублевъ; юпка исподняя насыпная белая серебромъ. 20 рублевъ: юпка розовая люстриновая 15 рублевъ: три юпки исподніе ситцовые. 12 рублевъ; юпка фижменная белая шагриновая. 22 рубли. Мантилія француская шитая кайма. съ блондами. 35 рублевъ: мантилія отласная алая съ пятнышками. съ блондами. 12 рублевъ: две мантиліи тафтяныя, белая и розовая съ флеромъ. 12 рублевъ: восемь мантелей тафтяныхъ разныхъ цветовъ съ блондами и флерами. 50 рублевъ: мантилія кружевная. 70 рублевъ: две мантиліи антуалажевыя. 125 рублевъ; четыре передника тафтяныхъ. 25 рублей. 12 паръ манжетъ

дамскихъ блондовыхъ тройныхъ, 306 рублевъ; 6 паръ манжетъ флеровыхъ и косынечка, 20 рублевъ; 2 пары манжетъ и 3 косынечки, 50 рублевъ; 2 пары манжетъ тройныхъ кисейныхъ шитыхъ, 20 рублевъ; 6 паръ манжетъ кисейныхъ тройныхъ шитыхъ, 75 рублевъ; 12 чепчиковъ блондовыхъ, 99 рублевъ; чепчикъ и лопости и манжеты кружевные, 160 рублевъ; два чепчика и две косынечки марлевые, 12 рублевъ; чепчикъ марлевой съ блондами, съ розовыми лентами, 6 рублевъ; 10 чепчиковъ кисейныхъ съ кружевомъ, 50 рублевъ; 2 чепчика, 2 пары манжетъ и 2 воротника круживные, 72 рубли; 14 чепчиковъ флеровыхъ и блондовыхъ съ разными лентами, 125 рублевъ; 2 чепчика неглиже блондовые, 16 рублевъ; 12 капишоновъ кисейныхъ съ узинкимъ кружевцомъ, 28 рублевъ; две косынечки флеровые, 5 рублевъ; 6 косынечекъ блондовыхъ, изъ нихъ 3 съ капишонами, 36 рублевъ. Лентъ разныхъ сортовъ и цветовъ на 200 рублевъ. 4 дюжины сорочекъ мускихъ денныхъ, 2 дюжины сорочекъ ношныхъ мускихъ же, дюжина галанскихъ платковъ, 4 завески бритовныхъ, изъ нихъ 2 съ кружевомъ, 678 рублевъ; 4 дюжины манжетъ кружевныхъ денныхъ, 1926 рублевъ; 2 дюжины манжетъ антуалажевыхъ къ ношнымъ мускимъ сорочкамъ, 405 рублевъ; 12 дюжинъ сорочекъ галанскихъ дамскихъ, 910 рублевъ; манжетъ ко онымъ дамскимъ сорочкамъ кисейныхъ кружевныхъ и блондовыхъ, 90 рублевъ. 12 переменъ галанскихъ на постелю, во всякой перемене: по две простыни и по шести наволокъ на подушки, въ томъ числе две перемены убраны кисеею: одна шитою тамбурною и обложено кружевцомъ, а другая шитая же кисеею съ зубчиками, 747 рублевъ. Одна перемена на постелю батистовая въ ней: две простыни и шесть наволокъ на подушки, обобрано въ кругъ одеяло въ два ряда и кругъ шести подушекъ широкимъ кружевомъ, фолборою простынки, подподушки на столикъ и покрывало на подушки къ тому-жъ столику батистовые-жъ, обобраны такимъ же кружевомъ фалборою, 1060 рублевъ. Къ туалету перемена танбурной кисеи, а въ ней чехолъ на столъ покрывало чехолъ пудреной, такой же кисеи, другой миткалинной обобраны все кружевомъ и два мускіе чехла пудреные миткалинные, 235 рублевъ. 4 дюжины галстуковъ короткихъ мускихъ кисейныхъ, 16 рублевъ; 2 дюжины галстуковъ кисейныхъ долгихъ, 50 рублевъ; 6 мантилій пудреные кисейные съ кружевомъ, 60 рублевъ; 6 дюжинъ чулковъ шелковыхъ белыхъ, 252 рубли; 4 кофточки кисейные стеганые, къ нимъ одна юпка такою-жъ выложены кисеей же, 14 рублевъ; 22 платка шолковыхъ разныхъ цветовъ, 40 рублевъ; 6 дюжинъ полотенецъ лишныхъ салфетошныхъ, 8 рублевъ; 3 дюжины платковъ бумажныхъ, 40 рублевъ; 20 платковъ кисейныхъ, 20 рублевъ. 24 опахала перломутровыхъ, черепаховыхъ съ золотомъ и костяныхъ, на 250 рублевъ. 6 скатертей

ярославскихъ балберековыхъ, шириною четырехъ аршинъ разной длины, 227 рублевъ; къ нимъ 14 дюжинъ салфетокъ такихъ же, 280 рублевъ; одна скатерть съ крестиками съ каймами, длиною 19 аршинъ съ половиною, ширина 5 аршинъ, 58 рублевъ; пять скатертей съ каймами жъ, длиною по осьми аршинъ, шириною четырехъ аршинъ, 80 рублевъ; къ нимъ 18 дюжинъ салфетокъ съ каймами же, 80 рублевъ; расхожихъ 30 скатертей, длиною 5 аршинъ, шириною 3 аршинъ; 12 дюжинъ салфетокъ росхожихъ же съ каймами; 3 дюжины полотенецъ, для росходу; 12 простыхъ для росходу жъ, цена оному 100 рублевъ. Епанча на соболемъ меху, опушена соболями жъ, покрыта сырсака золото съ серебромъ, 976 рублевъ; солопъ на собольемъ меху, опушена соболми жъ хвостами, покрыта розовымъ бархатомъ, 238 рублевъ; соболи на шею подложены бархотомъ и муфта соболья жъ, 410 рублевъ; шуба долгая, въ которой въ санях ъ ездятъ съ юпкою бархатная розовая, опушена соболями, 624 рубли; мантилія малинкая, на бельемъ серомъ меху, опушена собольими хвостами, покрыта парчою по серебреной земле, цветы съ золотомъ, 97 рублевъ; бекеша покрыта поморанцовымъ отласомъ, на лисьемъ меху опушена собольими хвостами, 90 рублевъ. Кравать съ завесомъ штофнымъ, съ позументомъ съ постелею, а въ ней: пуховикъ, матрасъ, две перемены подушекъ, а число 12 и изголовья: одно съ наволоками отласными; ширмы, обитые отласомъ съ позументикомъ; столъ подъ подушки съ чехломъ штофнымъ съ позументомъ, 1231 рубль; одеяло белое отласное стегано въ узоръ, подложено розовою тафтою, 125 рублевъ; одеяло отласное розовое, одеяло жъ отласное зеленое, 60 рублевъ; муской шлафорокъ парчевой по серебреной парче: цветы съ золотьемъ, 220 рублевъ. 4 пары комодъ красного дерева болшихъ, 240 рублевъ; пара комодъ красного жъ дерева, поменше, 50 рублевъ; одинъ кабинетъ красного дерева, съ зеркалами, 140 рублевъ; два ларца краснаго жъ дерева къ постеле, съ золочеными скобами, 100 рублевъ; двои конопе, два табурета, 12 креселъ вызолочены на полюментъ, 220 рублевъ. На паратную кровать, обои на комнату и на обивку означенныхъ конопе и креселъ на штофъ, денегъ 1000 рублевъ. Ко оной кровате позументу золотого широкого и ускаго, бахрама, кисти и снурки, 1500 рублевъ. Сервизъ агзбурской, глаткой, лощетой, а въ немъ четыре сутка, хрусталные, у которыхъ крышки, горлышки, ручки и доношки оправлены серебромъ, безъ весу; два конъфора съ ручками, при нихъ две накладки и две спиръговые чашки съ крышками, весомъ шесть фунтовъ 77 золотниковъ; две чашки овалныя сушныя, болшія, съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 28 фунтовъ 14 золотниковъ, къ нимъ два блюда, овалные, съ скобками, весомъ 12 фунтовъ 39 золотниковъ; четыре ковша, внутри вызолочены, весомъ три фунта 90 золот-

никовъ; две чашки круглые болшія съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 19 фунтовъ 75 золотниковъ, къ нимъ два блюда круглые съ скобками весомъ 12 фунтовъ 69 золотниковъ; четыре чашки такія же, поменше, съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 24 фунта 6 золотниковъ, къ нимъ 4 блюда круглыя же, съ скобами, весомъ 13 фунтовъ 90 золотниковъ. Блюдъ разной величины 4 круглыхъ болшихъ, весомъ 26 фунтовъ 72 золотника; восемь среднихъ весомъ 32 фунта 44 золотника; 12-ть блюдъ круглые жъ и техъ менше весомъ 33 фунта 90 золотниковъ; 24 блюда менши техъ весомъ одинъ пудъ 14 фунтовъ 93 золотника; 16 и техъ меньше, весомъ 24 фунта, 80 золотниковъ; 4 блюда салатныхъ весомъ 5 фунтовъ 15 золотниковъ; 6 дюжинъ тарелокъ плоскихъ весомъ два пуда 19 фунтовъ 19 золотниковъ; четыре передачи круглые, лощетые, съ скобками весомъ 15 фунтовъ 56 золотниковъ; 12 ложекъ роздатошныхъ весомъ 6 фунтовъ; четыре солонки съ двойными луночками золоченными весомъ два фунта 90 золотниковъ; 8 солонокъ осмиугольныхъ одинакихъ внутри вызолочены весомъ три фунта 88 золотниковъ; 36 ножей столовыхъ весомъ безъ железа 7 фунтовъ 25 золотниковъ; 36 вилокъ четверныхъ; 36 ложекъ весомъ 15 фунтовъ 66 золотниковъ. Всего весу *одинадцать пудъ десять фунтовъ сорокъ шесть золотниковъ*, цена оному сервизу *десять тысячь рублевъ*. И того платья, белья, кроватей и сервизъ серебреной ценою *тридцать три тысячи восемь сотъ четыре рубли*. Да на постройку двора, по силе того жъ роздела, деньгами *десять тысячь рублевъ*. А что въ вышеписанномъ же моемъ и покойной жены моей, графини Варвары Алексѣевны розделѣ, написано: ей, дочере нашей, графине Варваре, дворъ на Васильевскомъ острову, и оной дворъ, въ семьсотъ семдесятъ третьемъ году, по согласію еѣ, дочери моей, мною проданъ подъ государственную бергъ-коллегію, и въ томъ рощетъ съ нею учиненъ [1]). Да сверхъ вышеписаного надлежащаго, по силе помянутаго раздела приданого даю я ей, дочере моей, графине Варваре, въ награжденіе браліантовыхъ вещей, цветныхъ камней, жемчугу, золота въ деле разного, серебра же въ деле, и галентерей, а имянно: складень браліантовой, бантъ съ подвескою, къ нему на обе стороны по две штуки, къ нему склаважъ бриліантовой въ десяти штукахъ и внизу бантъ же съ подвескою, 20.000 рублевъ; серги бриліантовые съ тройными подвесками, 6000 рублевъ; перстень бриліантовой съ однимъ болшимъ камнемъ, 3500 рублевъ; перстень въ средине болшой браліантъ со сыпкою браліантовою жъ, 500 рублевъ; перстень браліантовой въ средине болшой камень осыпанъ браліантами, 300 рублевъ; баръеръ изъ мелкихъ бра-

[1]) Нынѣ Горный корпусъ.

ліантовъ, 650 рублевъ; эгрета браліантовая съ семью подвесками браліантовыми, большими и малыми, 2500 рублевъ; букетъ большой изъ браліантовъ и розовъ, крупныхъ и мелкихъ, съ зеленою финифтью, 3500 рублевъ; сердечко, въ серединѣ большой браліантъ, на розовой фолге, осыпанъ браліантами жъ, 200 рублевъ; бабочка браліантовая о четырехъ крылашкахъ, 300 рублевъ; мушка небольшая, браліантовая другая такая же точно, 160 рублевъ; птичка браліантовая на снурочке, 100 рублевъ; бреслеты со стеклами портреты графа Петра Борисовича и графини Варвары Алексѣевны, осыпаны браліантами, 800 рублевъ; замочки браліантовыя къ браслетамъ, 80 рублевъ; браслеты копытчетые съ браліантами, 350 рублевъ; кокарды прорезные браліантовые, 2,700 рублевъ; восемь пуговицъ, браліантовые, прорезные, 1,300 рублевъ; две петелки и носочикъ браліантовые, прорезные, 850 рублевъ; султанъ изъ мелкихъ браліантовъ, 700 рублевъ; гребень серебреной верхъ въ три реда, осыпанъ браліантами, всредине камни крупные, а по краямъ мелкіе, 1,800 рублевъ; эгрета большая браліантовая, въ ней крупные и мелкіе браліанты, 2,500 рублевъ; круасанъ браліантовой съ репеечкомъ браліантовымъ-же, 350 рублевъ; тресулка браліантовая перушкомъ, съ семью подвесками круглыми и плоскими, большими и малыми, 4,000 рублевъ; бабочка браліантовая съ четырмя крылашками и хвостомъ, 250 рублевъ; паукъ съ большимъ браліантомъ, 200 рублевъ; бабочка, въ ней три камня большихъ и два малинкихъ браліантовая-же, 150 рублевъ; браліантовъ, обделаны въ серебре, которыя нанизываются на нитки, щетомъ 315 камней, 1,340 рублевъ; крючки къ платью браліантовые, 700 рублевъ; два бантика на руки изъ мелкихъ браліантовъ, 500 рублевъ; серешки не большіе браліантовые букльдешье, 150 рублевъ; перстень опаловой, осыпанъ браліантами, 150 рублевъ; перстень, за стекломъ золотое имя графини Варвары Алексѣевны со сыпкою браліантовою, 100 рублевъ; перстень, въ которомъ вставлены часы, осыпанъ браліантами, 400 рублевъ; сердечко браліантовое съ пряжечкою 400 рублевъ; серги браліантовые букльдешье, 1,000 рублевъ; перстень сердечкомъ браліантовой, осыпанъ браліантами-жъ и яхонтами, 250 рублевъ; часы, корпусъ осыпанъ браліантами, къ нимъ цепочка браліантовая-жъ, на ней три берлока: одне малинкіе часики, печатка сердоликовая и ключикъ, все осыпаны мелкими браліантами, 2,000 рублевъ; *изумрудной зеленой уборъ*, а въ немъ складень состоящей въ семи изумрудахъ, и къ нимъ шесть штукъ перенизокъ браліантовыя, къ нему ривьеръ, а въ немъ пять изумрудовъ, и подвеска изумрудная-жъ грушею съ бантомъ браліантовымъ и пять перенизокъ браліантовые; эгрета перышкомъ, браліантовая, съ двумя изумрудами и четырмя подвесками изумрудными; эгрета-жъ изъ мелкихъ браліантовъ съ двумя изумрудами и съ двумя подвесками

изумрудными-жъ; двѣ булавки, въ каждой въ средине по одному изумруду, которыя осыпаны каждой пятью браліантами крупными; серги изумрудные съ подвесками осыпаны браліантами; перстень изумрудной съ осыпкою браліантовою. Оному *убору зеленому* всему цена восемь тысячь пятьсотъ рублевъ. Уборъ *красной* яхонтовой, а въ немъ складень въ пятнадцати штукахъ, яхонты осыпаны мелкими браліантами фигурами, ривьеръ въ девяти штукахъ, десятая нижная болшая штука, яхонты осыпаны фигурою, мелкими браліантами, 3,000 рублевъ; эгрета сдѣлана ракетою, яхонты-жъ съ мелкими браліантами, 3,000 рублевъ; эгрета-жъ кувшинъ съ цветами, яхонтовая-жъ, съ мелкими браліантами, 1,500 рублевъ; эгрета-жъ цветокъ съ узломъ, яхонты съ браліантами-жъ, 1,800 рублевъ; бреслеты яхонтовые прорезные съ мелкими браліантами, 600 рублевъ; шесть пуговицъ яхонтовые-жъ съ мелкими браліантами въ 700 рублевъ; семь штучекъ мелкія яхонтовыя съ браліантами вкладываются въ баръеръ, 100 рублевъ; серги букльдешье яхонтовые, осыпаны браліантами, 1,000 рублевъ; перстень яхонтовой осыпанъ браліантами и яхонтами-жъ мелкими, 120 рублевъ; жукъ съ тремя яхонтами и браліантами 200 рублевъ; замочки съ яхонтами и браліантами, 100 рублевъ; серги круглые съ подвесками изъ браліантовъ и яхонтовъ мелкихъ, подвески съ перевивкою, 300 рублевъ; жемчужныхъ уборовъ: серги и запонка жемчужная съ браліантами, 2,500 рублевъ; две нитки на шею крупного бурмицкаго жемчугу, 1,000 рублевъ; двѣ бреслеты на руки изъ крупнаго бурмицкого жемчугу всякая объ осми ниткахъ съ замочками браліантовыми, 1,500 рублевъ; жемчугъ оріентальной мелкой, на руки и на шею, 300 рублевъ; браслеты на рукн, гранатовые съ замочками браліантовыми, 200 рублевъ. Галантереи: табакерка золотая, полуваломъ, на крышке, на верху, изъ браліантовъ лукъ и стрелы и украшена браліантами-жъ, 850 рублевъ; табакерка, золотая, съ малиновою финифтью, бортъ алагрекъ съ медаліономъ финифтнымъ, 300 рублевъ; табакерка, золотая, овалная, съ синею финифтью, 200 рублевъ; табакерка, золотая, глатkая, съ вензелемъ и короною яхонтовыми, въ короне пять браліантовъ, 180 рублевъ; табакерка золотая, съ синею финифтная изъ разноцветнаго золота, на крышке картинка финифтная, 200 рублевъ; табакерка, золотая, овалная, продолговатая, съ синею финифтью, на ней со всехъ сторонъ написано изъ финифти и граманчиковъ, 200 рублевъ; табакерка, золотая, чеканная о дву крышечкахъ, на крышкахъ выработана архитектура, 160 рублевъ; табакерка золотая, четвероуголная, малинкая, со всѣхъ сторонъ выработаны музыкальные инструменты, 100 рублевъ; туалетъ золотой, въ крышке зеркалцо, внутри перегородки, и кисточка, 300 рублевъ; табакерка золотая овалная крышка и дно перломутровые, 50 рублевъ; табакерка золотая, малинкая, овал-

ная резная крышка и дно сердоликовые, 40 рублевъ; табакерка золотая, гладкая, бачоночкомъ, 50 рублевъ; челнокъ изъ разноцветнаго золота, 200 рублевъ; две медали золотыя, 100 рублевъ; часы неболшія съ кружочкомъ и съ стрелкою браліантовыми, назади штучка финифъная, 170 рублевъ; часы маленкіе, корпусъ каменной съ веточкою браліантовою, 120 рублевъ; часы золотые-же резные, съ обеихъ сторонъ стекла, 70 рублевъ. Золотой посуды: два подносца, на ношкахъ, весомъ два фунта пятдесятъ золотниковъ; чайникъ съ крышкою весомъ одинъ фунтъ 27 золотниковъ; чайница осмиуголная съ крышкою, весомъ 66 золотниковъ; чашка на поддоне съ крышкою, весомъ одинъ фунтъ 4 золотника съ половиною, и *того весу пять фунтовъ пятдесятъ одинъ золотникъ съ половиною, цена тысяча восемьсотъ шездесятъ рублевъ;* старинной золоченой и пестро-золоченой серебреной посуды братинка, чеканная, съ разными фигурами и цветами, весомъ 76 золотниковъ; шесть стакановъ хозовой работы, весомъ два фунта 54 золотника; росолникъ, раковиною, лещетой на поддоне, назавороте раковины белая морская лошедь, весомъ 76 золотниковъ; крушка чеканная, на поддоне съ крышкою средина белая значитъ музыку, крышка и по кроямъ оной золоченая съ накладкою белою, весомъ два фунта 75 золотниковъ; стаканъ чеканной съ крышкою шипами, весомъ одинъ фунтъ 6 золотниковъ; блюдо чеканное овалное въ средине Венусъ и Бахусъ по краямъ разные фрукты и цветы, весомъ одинъ фунтъ 81 золотникъ; веко глубокое на дне женщина лежачая на постеле, ручки чеканные золоченые, весомъ шесть фунтовъ 45 золотниковъ; веко плетеное овалное всредине накладной цветокъ, золоченой, весомъ 93 золотника; ларецъ болшой осмиуголной съ крышкою, на ношкахъ, съ ручками, чеканной, на крышке лежачая статуя, весомъ 15 фунтовъ 92 золотника; фляшка круглая, лощетая крышка съ скобкою и съ чурупомъ внутри закладка съ скобкою съ мелкою, чеканною, весомъ два фунта 77 золотниковъ, *и того въ окомъ весу тридцать шесть фунтовъ три золотника, цена девять сотъ рублевъ.* Чайной серебреной золоченой приборъ, подъ гербомъ Шереметевыхъ и Салтыковыхъ, а въ немъ две доски четвероугольные на ношкахъ, весомъ три фунта 15 золотниковъ; одинъ кафейникъ, на ношкахъ, на крышке шишка королковая, кругомъ осыпана бирюзами и яхонтами, на рылце бирюзы жъ и бурмицкое зерно висячее, весомъ одинъ фунтъ 11 золотниковъ; одинъ молошникъ, на крышке синей яхонтъ, весу 55 золотниковъ; чайникъ на ножке бирюзы, на крышке на верху розанъ, у шернеру сердоликъ, весомъ 64 золотника; одинъ чайничекъ малинкой, на ношкахъ, на крышке бурмицкое зерно, кругомъ осыпано бирюзами и розанами, на ручке бирюзы и яхонты, весомъ 25 золотниковъ; одна четвертинка на чай четвероугольная, на крышке хрусталь бѣлой весомъ 33 золотника;

две коробочки овалные въ крышкахъ вставлены стекла, и осыпаны разноцветными хрусталями, весомъ семьдесятъ пять золотниковъ; кубокъ круглой, на ношке, которая сдѣлана листами съ хрусталями разныхъ цветовъ, на крышке красной хрусталь, осыпанъ жемчугомъ, весомъ $47^1/_2$ золотниковъ, *и того во ономъ весу семь фунтовъ $37^1/_2$ золотниковъ, цѣна 222 рубли;* на оной чайной приборъ шкатулка, 54 рубли. Туалетъ серебреной, чеканной, французской, а въ немъ две коробки круглые съ крышками, весомъ два фунта $49^1/_2$ золотниковъ; одна коробка овалная крышка на шелнере, весомъ 79 золотниковъ; две коробки круглые малинкіе съ крышками, весомъ 84 золотника; одинъ подносецъ овалной на поддоне, весомъ одинъ фунтъ 45 золотниковъ; два стакана на поддонахъ съ крышками 92 золотника; два шендана, весомъ два фунта 41 золотникъ; одне щипцы на подщипешникахъ, весомъ одинъ фунтъ 22 золотника, *и того во ономъ весу десять фунтовъ двацать восемь золотниковъ съ половикою, цена триста девять рублевъ.* Комнатной серебреной посуды доска продолговатая, на ношкахъ, весомъ два фунта 12 золотниковъ; доска жъ четвероуголная, на ношкахъ, одинъ фунтъ 57 золотниковъ; кофейникъ съ крышкою кубоватой, весомъ одинъ фунтъ 48 золотниковъ; чайникъ на чай, весомъ одинъ фунтъ 11 золотниковъ; молошникъ съ крышкою, весомъ одинъ фунтъ; сахарница, продолговатая, съ крышкою, на ношкахъ, 42 золотника; чашка полоскательная съ чеканкою, 67 золотниковъ; лоханъ и рукомойникъ, четыре фунта 3 золотника; мылникъ круглой съ крышкою, 50 золотниковъ; дощечка четвероуголная, съ чеканкою 24 золотника; чашечка плоская съ ручками 48 золотниковъ; солонка круглая, на ношкахъ, 30 золотниковъ; ситичка и четыре ложечки чайные, 15 золотниковъ; три шендалчика низинкихъ 73 золотника; два шендала высокіе, безъ весу; горшокъ пастелной, гладкой, внутри вызолоченъ, весомъ два фунта 8 золотниковъ, *и того во ономъ весу осмнатцать фунтовъ восемь золотниковъ, цена триста шездесятъ одинъ рубль.* Шкатулка на браліантовые вещи, внутри выклеена синимъ бархатомъ съ позументомъ, снаружи краснымъ сафьяномъ, и окована серебромъ, 270 рублевъ. Три убора конскихъ наборы серебреные вызолочены, старинные, 200 рублевъ. Нахтышъ серебреной чеканной золоченой Агзбурской въ шкатуле одна лохань овалная, одинъ рукомойникъ съ ручкою. Две коробки овалныхъ съ крышками и съ задками; две коробки поменше съ крышками жъ; две коробки и техъ менше съ крышками; две коробки еще менше съ крышками жъ; одна чашачка круглая, съ двумя ручками и съ крышкою; одна тарелка, круглая, подъ оную чашку; одинъ стаканъ съ крышкою на полосканье; одна малинкая лохань; два лоточка овалныя; два лоточка такія же поменше; одна чашка малинкая, съ двумя ручками и съ

крышкою; на поддоне чернилица, песошница, чашичка на печати и колоколчикъ, и по середине шендалчикъ; два шендана ординарныхъ; двои щипцы на поддонахъ. Две склянички хрусталныхъ, крышки серебреные, съ винтами; одна щетка чистить платье; верхъ серебреной; одна щетка долгая; одна подушка на булавки; одинъ ножичикъ серебреной очищать пудрю; одно зеркало средней величины, рама серебреная; одна солонка съ перегородками, съ крышкою; одна лошка ординарная; одна вилка четверная; одна ложичка мозговая; одинъ ножикъ; одне вилки железные, черены серебреные. Чайной и кафейной приборъ, чеканной, золоченой, въ шкатуле жъ; одинъ подносъ продолговатой, съ двумя ручками; одинъ чайникъ болшой круглой на воду; два чайника на чай; одинъ кофейникъ; одинъ молошникъ; одна чашка полоскательная, съ ручками, на ношкахъ, овалная; одна корзинка решетчетая съ ручками, на ношкахъ, на сахаръ; одинъ канфоръ съ ручкою деревянною и въ немъ чашка съ крышкою на спиртѣ; два подноса неболшихъ трехъ уголныя, на ношкахъ; шесть ложекъ чайныхъ; два шендана фасономъ такіе жъ, какъ въ нахтышѣ, шесть чашекъ чайныхъ съ ручками. Шесть блюдичекъ Саксонскаго фарфору, росписаны, кроя золочены; два шендана низинкія, съ ручками. *Всему оному нахтышу чайному и кофейному прибору цена две тысячи пять сотъ рублевъ.* Итого браліантовыхъ вещей, цветныхъ камней, жемчугу, золота въ деле, разнаго серебра въ деле и галантереи по цене на *девяносто семь тысячь двести шеснатцать рублезъ* всего приданаго и денегъ сто сорокъ одна тысяча двадцать рублевъ. *Къ сей зговорной генералъ-аншефъ, оберъ-камерперъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Борисовъ сынъ Шереметевъ, что зговорилъ я дочь свою, девицу, графиню Варвару взамужство за камеръ-юнкера, графа Алексѣя Кирилова сына Разумовскова, и во благословеніе за нею, дочерью моею, светые образа да по общему нашему съ покойною женою моею, штатсъдамою, графинею Варварою Алексѣевною разделу, сверхъ написаннова въ томъ разделе на ея часть недвижимова именія за нею же дочерью моею приданова, состоящево в платье, кроватехъ, белье, серебре и протчемъ на тритцать три тысячи восемь сотъ четыре рубли, да на постройку двора по силѣ того-же раздѣла деньгами десять тысячь рублевъ, да сверхъ вышеписаннова надлежащаго по силѣ помянутаго раздѣлу приданаго въ награжденіе браліянтовыхъ вещей, цветныхъ камней, жемчугу, золота в деле разнаго, серебра-жъ в деле и галантереи на девяноста семь тысячъ двести шеснадцать рублевъ, всего приданаго и денегъ на сто сорокъ одну тысячу двадцать рублевъ, далъ и руку приложилъ.*

У сей сговорной, генералъ-аншефъ, кавалеръ, сенаторъ, лейбъгвардіи коннаго полку подполковникъ, ея императорскаго величества

генералъ-адъютантъ и орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра-Невскаго, Белова Орла и С. Анны кавалеръ, *князь Михайла княжъ Никитинъ сынъ Волконской* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной дѣйствительной тайной совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ *князь Яковъ княжъ Петровъ сынъ Шаховской* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей згаворной действительной тайной советникъ, сенаторъ и кавалеръ *Петръ Дмитрѣевъ сынъ Ераткинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной генералъ-поручикъ, камеръ-геръ и кавалеръ, *графъ Иванъ Ларіоновъ сынъ Воронцовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной действительной тайной советникъ, камеръ-геръ и кавалеръ *князь Серій княжъ Васильевъ сынъ Гагаринъ* свидетелемъ былъ и руку прложилъ.

У сей зговорной втарова Масковскаго полку полковникъ *князь Павелъ княжъ Сергеевъ сынъ Гагаринъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей згаворной флота лейтенантъ *князь Иванъ княжъ Сергеевъ сынъ Гагаринъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной правящей въ Правительствующемъ Сенате оберъ-прокурорскую должность полковникъ *князь Петръ княжъ Михайловъ сынъ Волконской* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной надворный совѣтникъ и главной соленой Конторы членъ *Николай Владимеровъ сынъ Шереметевъ* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной статскій совѣтникъ Главной Соленой Конторы членъ *князь Алексій княжъ Алексіевъ сынъ Путятинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной Главной Соляной Конторы присутствующій членъ коллежскій ассесоръ *Тимовей Григорьевъ сынъ Мославской* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежской ассесоръ и Главной Соляной Конторы членъ *Яковъ Васильевъ сынъ Казаринов* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной Главной Соляной Конторы прокуроръ *Алексей Ивановъ сынъ Бахметевъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежскій совѣтникъ и Главной Соляной Конторы членъ *Петръ Андреевъ сынъ Сысоевъ* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной полковникъ *князь Михайла княжъ Петровъ сынъ Черкаской* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной уволенный отъ службы полковникъ *князь Николай Одоевскій* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной лейпъ гвардіи Коннаго полку Поручикъ *князь Дмитрей княжъ Юрьевъ сынъ Трубецкой* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной дѣйствительной тайной совѣтникъ и кавалеръ *графъ Гавріла Ивановъ сынъ Головкинъ* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной лейбъ гвардіи Конного полку подпоручикъ *Василей Сергѣевъ сынъ Шереметевъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

Полковникъ *князь Александръ княжъ Яковлевъ сынъ Голицынъ* у сей зговорной свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной подполковникъ *князь Александръ княжъ Петровъ сынъ Щербатовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежской совѣтникъ *Алексѣй Андрѣевъ сынъ Мосоловъ* свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной генералъ-маіоръ *князь Алексѣй княжъ Никитинъ сынъ Шаховской* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной полковникъ *Андреянъ Андреяновъ сынъ Лопухинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной надворной совѣтникъ *Сергей Ивановъ сынъ Квеливелидзевъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной Колежскій совѣтникъ и Юстицъ Коллегіи членъ *князь Дмитрій княжъ Павловъ сынъ Циціановъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной записи статской советникъ *Петръ Ивановъ сынъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной флота лейтенантъ *Алексѣй Никифоровъ сынъ Ивиновъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной маіоръ *Алексѣй Ивановъ сынъ Позняковъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной прапорщикъ *Иванъ Игнатевъ сынъ Шатихинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной синодалной конторы прокуроръ *Сергѣй Ивановъ сынъ Рожновъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной полковникъ *Егоръ Алексѣевъ сынъ Скарятинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной подпорутчикъ *Николай Петровъ сынъ Мещериновъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной подполковникъ *Александръ Алексѣевъ сынъ Скрипицинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной лейбъ гвардіи порутчикъ *Николай Федоровъ сынъ Павловъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной полковникъ *Иванъ Петровъ сынъ Озеровъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей договорной подпорутчикъ *Алексѣй Алексѣевъ сынъ Кишкинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной надворной саветникъ *Матвей Ивановъ сынъ Резановъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной генералъ-анъ-шефъ, генералъ-кригсъкамисаръ и кавалеръ *Александръ Ивановъ сынъ Глебовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей згаворной подполковникъ *князь Иванъ княжъ Алексѣевъ сынъ Доморуковъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной тайной совѣтникъ и кавалеръ *Иванъ Ивановъ сынъ Юшковъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной артилеріи капитанъ *Иванъ Юрьевъ сынъ Храповицкій* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной секундъ маэоръ *Петръ Алексѣевъ сынъ Титовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной капитанъ *Яковъ Серѣевъ сынъ* (имя не разобрано) свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной тайной совѣтникъ государственной вотчинной коллегіи президентъ и кавалеръ *Михаилъ Кипріановъ сынъ Лунинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной надворной совѣтникъ и государственной вотчинной коллегіи членъ *Николай Лаврентьевъ сынъ Цуриковъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежской советникъ *Владиміръ Владиміровъ сынъ Мининъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной статской совѣтникъ и государственной вотчинной коллегіи членъ *Семенъ Кипріановъ сынъ Лунинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

Коллежской ассесоръ и государственной вотчинной коллегіи членъ *Андрей Петровъ сынъ Соколовъ* у сей зговорной свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ

У сей зговорной надворной совѣтникъ *Ѳедоръ Петровъ сынъ Тухачевской* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной секундъ-маіоръ *Иванъ Кондратьевъ сынъ Давыдовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной титулярный совѣтникъ *Аполосъ Павловъ сынъ Менделѣевъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной присутствовалъ вотчинной коллегіи вице-президентъ *Михаилъ Михайловъ сынъ Силизнев*ъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной надворной совѣтникъ и государственной вотчинной коллегіи членъ *Алексѣй Петровъ сынъ Молчановъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной полковникъ и государственной вотчинной коллегіи членъ *Николай Михайловъ сынъ Бобрищевъ-Пушкинъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежской совѣтникъ *Терентій Ивановъ сынъ Черкасовъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

У сей зговорной коллежской ассесоръ *Андрей Павловъ сынъ Казаковъ* свидетелемъ былъ и руку приложилъ.

Сговорную писалъ московскихъ крепостныхъ делъ писецъ Семенъ Давыдовъ.

Совершилъ по указу секретарь Иванъ Соколовъ.

1774 года Февраля въ 19 день сія сговорная писана въ Москвѣ у крепостныхъ дѣлъ и въ книгу перечнемъ записана, отъ письма сто сорокъ одинъ рубль две коппейки, отъ записки сорокъ копѣекъ, за перехожіе страницы три рубли шесдесятъ копѣекъ, на расходъ семдесятъ две копѣйки три четверти, накладныхъ рубль, взято надсмотрщикъ Иванъ Аничковъ.

Запись писана на $3^3/_4$ гербовыхъ листахъ двухъ-рублеваго достоинства, весьма мелкимъ почеркомъ. По листамъ скрѣпа, сверху: *Юстицъ коллегіи секретарь Иванъ Соколовъ.*

Снизу: *1774 году Февраля 21 дня по сей зговорной вышеписанное Графъ Алексѣй Разумовскій получилъ все съ-полна.*

XV.

Духовное завѣщаніе графини Софіи Степановны Разумовской рожденной Ушаковой, жены графа Петра Кириловича.

(Архивъ автора).

St.-Pétersbourg le 28 Novembre 1802.

Рукою графини:

Je prie mon très cher et respectable ami et mari графъ Петръ Кириловичъ Разумовскій de recevoir l'assurance de tout mon tendre et inviolable attachement et amitié que je lui ai portées toute ma vie

et jusqu'à ma mort. Je le supplie de recevoir ma profonde et sensible reconnaissance, pour toutes les bontés dont il m'a comblé durant tout le temps de mon existence auprès de lui. Persuadée comme je le suis, de ses bontés pour moi, j'ose le prier avec une entière confiance de vouloir bien les étendre au delà de mon tombeau pour l'acquit et la tranquillité de ma conscience, et le repos de mon âme. Je le supplie, au nom de Dieu, de vouloir bien m'accorder la dernière bonté, d'acquitter après ma mort les dettes que j'ai contractées de mon vivant qui consistant en ce qui suit:

1-er d'argent emprunté par moi de Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, et dont je dois maintenant à sa femme Натальѣ Ѳедотовнѣ Плещеевой	1000	roubles.
2. d'argent emprunté par moi de Monsieur le C-te Leon de Rasoumovsky	2000	„
3. d'argent emprunté par moi de Madame Ouchacoff.	1200	„
4. d'argent emprunté par moi de Monsieur Ouchacoff Павелъ Петровичъ	1000	„
5. A mademoiselle Bertin marchande de mode, pour les marchandises que je pris à Paris, le restant de mon compte que je lui reste à devoir 2060 livres ce qui fait en roubles	700	„
6. l'argent que je dois à ma femme de chambre Elisabeth, dont elle avait en dépôt chez moi. . . .	300	„
7. d'argent emprunté par moi, et ayant été autorisée par mon cher époux du C-te de Mérode à Paris 50 louis d'or, fait en roubles	450	„
8. Je dois à la femme de coiffeur Henri, dont Elisabeth connait	50	„
somme totale des articles ci-dessus de mes dettes fait.	6700	roubl.

9. Je supplie, mon cher bienfaiteur et mari, de prendre sous sa protection, ma bonne et fidèle vieille Катерина et d'avoir la charité de lui donner deux cents roubles de pension annuelle durant sa vie, de lui donner logement et la nourriture, c'est au nom de Dieu que je le supplie de me faire cette grâce. Cette pauvre malheureuse vieille, en me perdant, perd tout, et n'aura pas où reposer sa tête, étant réduite dans la dernière des misères. Les bontés de mon ami bienfaiteur et époux pour moi me rassurent sur le sort de ma pauvre vieille et me donneront la paix dans le tombeau.

10. Je recommande instamment et également aux bontés de mon cher ami et époux, le pauvre orphelin Ромка (sic), qui en me perdant perd

tout. Je supplie mon bienfaiteur et ami, au nom de Dieu, de lui accorder une existence dans sa maison, de lui faire fournir la nourriture, le vêtement et trente roubles de pension annuelle. Je remets ce pauvre orphelin sous votre protection charitable comme un dépôt sacré dont la Providence m'a voulu charger durant ma vie.

11. Je joins la note de mes dettes courantes que je supplie aussi mon cher ami et époux d'avoir la bonté de payer pour moi.

12. Je supplie de vérifier au gouvernement, ma dette a Souderland de 1799 roubles, si l'on trouve mes reçus signés de ma main je prie au nom de Dieu de vouloir les acquitter avec la charité chrétienne pour le repos de mon âme, laquelle de son côté ne cessera d'adresser ses prières continuelles au Dieu d'infinie miséricorde pour mon cher et respectable bienfaiteur et époux.

13. Je prie mon cher ami, bienfaiteur et époux de me pardonner toutes les offenses et peines que je lui ai faites, volontaires et involontaires au nom de mon adorable Dieu et Sauveur Jésus-Christ.

J'ajoute à la note des dettes courantes, la note de petits legs, que mon coeur fait aux amis de petites drogues qui resteront après moi, en souvenir de mon amitié, dont je supplie mon cher ami et bienfaiteur Петръ Кириловичь d'agréer l'image de notre Dieu et Sauveur pour souvenir de son âmie fidèle et de sa femme mourante, ainsi que l'image de la Sainte Vierge que je lui laisse. Je finis avec toute ma tendresse et avec une entière confiance dans la bonté de mon cher époux et ami, d'un plein et prompt accomplissement de mes dernières prières à lui. J'embrasse tendrement et pour la dernière fois mon respectable ami, bienfaiteur et époux, en le bénissant du fond de mon coeur, et en priant le Dieu d'infinies bontés et de miséricorde notre Sauveur, d'être son unique protecteur, guide et espérance ici-bas, et à l'éternité de le mener à lui et de le préserver des erreurs de ce monde, de l'éclairer par sa lumière.

Comtesse Sophie de Rosoumovsky,

L'an 1802, 28 Novembre St.-Pétersbourg.

Другою рукою:

Supplément à ma lettre du 28 Novembre 1802, note des dettes que je laisse après ma mort et de mes dettes courantes.

1. Je dois aux orphelins les enfans de Kakoussin (sic) l'argent de charité que leur a fourni la Princesse de Chikovskoy, qui était en dépôt chez moi et dont j'ai pris pour moi dans l'intention de le rembourser de ma pension . . . . . 415 roubles.

2. Je dois à m-r l'abbé d'Elsongles que m-r le chevalier connait, trois cent roubles.	300	roubles.
3. Je dois à m-r de Laurière ancien commandant de Barèges cinq louis.	5	louis d'or
4. Je dois à la couturière La Coste à Paris cinquante livres	50	lir de fr.
5. Je dois à la pauvre Comtesse de Wolkenstein.	80	roubles.

Pour la C-tesse de Wolkenstein il faut lui envoyer cet argent à Kieff où elle est; l'argent pour m-r l'abbé d'Elsongles je prie de l'envoyer à Fourton et Borel à Paris pour être remis à madame de Loizière; pour le payement de m-r de Laurière il faut adresser l'argent à madame Choiseul-Gouffier à Paris. Pour la couturière La Coste il faut s'adresser à madame d'Aguesseau ou à madame de Ségur.

Notes de mes dettes courantes:

1. Je dois au marchand hollandais.	209	roubles.
2. à Dozer le Nurembergeois à peu près . . .	100	»
3. au marchand de beurre de cacao à peu près .	200	»
4. à mon tailleur Cristilipe (sic) environ. . . .	150	»
5. au successeur de Rolin.	12	»
6. à Louri à peu près.	50	»
7. au Marquis de la Ferté	6	»
8. au magasin anglais un compte courant à peu près	100	»
à madame Ouchakoff au lieu de 1200 roubles je lui dois actuellement la somme de	1300	»

J'ai un compte courant chez le successeur de Sicler dont je ne connais pas le montant.

Le total de ma dette dans ma lettre est de 6700 roubles; le total de ma dette dans le supplément est à peu près de	1772	»
total. . .	8472	roubles.

Comme il est impossible que ce pauvre Roschcka existe avec les 30 roubles, que je vous ai demandé par ma lettre, je vous prie de lui donner 50 roubles par an, c'est ce qu'il reçoit actuellement. Vous connaissez mon cher ami le zêle avec lequel Elisabeth m'a servie constamment et depuis tant de temps, je vous demande de lui faire une pension sa vie durante. Je lui donnais de mon vivant 100 roubles de pension; je vous prie non seulement de les lui conserver, mais de les lui doubler pour que cela lui fasse 200 roubles par an de pension. Je

vous prie de la garder toujours chez vous parcequ'elle vous sera toujours très utile, vous la connaissez aussi bien que moi.

Quant à Capin, le compte qui est chez moi lui est dû en entier parceque des 300 roubles que j'avais, j'ai dépensé cent vingt cinq roubles pour acheter quelques meubles de ma chambre à coucher et les cent soixante et quinze je les ai employés pour mes besoins. Опять рукою графини, но гораздо слабѣе и хуже написано: — Je réitère ma dernière assurance de toute ma tendre amitié pour mon cher époux et je le suplie avec confiance d'exécuter ponctuellement ma dernière prière dans ses premières six semaines après mon décès. Чужою рукою:

Note des legs de mes petites drogues que je laisse pour souvenir á mes amis.

Pour mon ami bienfaiteur et mari le tableau du Sauveur et l'image de la sainte Vierge garnie en perles. Pour m-me d'Ouchakoff le crucifix qui est auprès de mon lit, et l'image de la S.-Vierge de Carlo Dolce pour son bon mari, ainsi que le restant de toute ma petite bibliothèque.

Pour le chev. de Divourne le petit tableau de la Madeleine, je prie d'envoyer à m-r de Divourne la petite boite de m-r du Goït (sic) la bonbonnière de m-elle Schlomff (sic) qu'il m'avait donné et l'assurer de mon tendre attachement, en Dieu je recommande ma chétive ame à ses soupirs. Quant à mes hardes et tout ce que je laisse, ce sera partagé entre Elisabeth et Catherine, je les prie de donner quelque chose aux deux petites. Опять рукою графини. J'espère qu'il voudra accorder cette dernière grâce à son amie mourante et prolonger ce bienfait au delà de mon tombeau, Comtesse Sophie de Rasoumovsky 1803, 25 Juillet. Gostilitsi". Другою рукою:

Je prie de plus que l'on donne à ma vieille Catherine une femme pour la servir jusqu' à sa mort. Comme j'ai pris la petite Tanushka des mains de sa mère, je prie qu'on la lui remette à elle-même et qu'on lui donne une gratification convenable, je me repose sur la générosité de mon mari. „C. S. R." Подпись рукою графини.

Чужою рукою:

Je prie de donner la liberté à tous mes gens et de brûler tous les papiers qui sont cachetés, on trouvera les libertés signés pour mes gens et je prie mon cher époux de donner la liberté à la femme de Timofei que Golbeuf a marié.

XVI.

Письма графа Петра Кириловича и жены его графини Софіи Степановны, къ графу Кирилу Григорьевичу.

(Архивъ автора).

I.

1778 года Августа 24 дня,
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь Батюшка.

Считаю себя совершенно счастливою, м. г. батюшка, имѣя случай чрезъ сіе принести мою чувствительную благодарность за всѣ милости ваши, которыми я пользовалась въ присутствіи вашемъ. Воспоминаніе оныхъ никогда не можетъ изъ памяти моей истребиться. По несчастію, болѣзнь моя не дозволяетъ мнѣ долѣе симъ пользоваться удовольствіемъ. Льщу себя, м. г. батюшка, что и въ отсутствіи моемъ милость вашу ко мнѣ продолжить изволите, что мнѣ, конечно, больше всѣхъ лекарствъ поможетъ. Я же стараться стану быть столь счастливою, чтобъ сдѣлать себя достойною. По претерпѣніи многихъ безпокойствъ какъ отъ дороги, такъ и отъ моей болѣзни, наконецъ мы благополучно сюда пріѣхали сего мѣсяца 17 числа, а завтра далѣе отъѣзжаемъ. Осмѣливаюсь васъ трудить, м. г. батюшка, не оставить насъ увѣдомленіемъ о вашемъ здоровіи, которое для насъ очень дорого. Симъ питая себя и препоручая въ отмѣнную вашу милость, имѣю счастіе пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ м. г. батюшка

покорная услужница и дочь,
Софья Разумовская.

II.

Mon très cher Père!

M'étant mis en route peu de jours après votre départ de Moscou, je suis arrivé à Pétersbourg le huitième jour par le plus mauvais chemin du monde qui m'a mis dans le cas d'abandonner quelques unes de mes voitures sur la route, et qui joint à la mauvaise santé dont a joui ma femme pendant ce tems, m'a fait arriver plus tard que je ne comptais. Nous sommes ici présentement depuis huit jours pour mettre ordre à nos affaires domestiques. Après demain je compte que nous partirons. Que j'aurais de grâce à rendre au ciel si ce voyage que je

vais entreprendre rétablira la santé délabrée de ma femme. Vos bontés, mon très cher père, y contribueront beaucoup et les marques que vous avez bien voulu nous en donner à notre départ nous assurent une tranquillité d'esprit que nous aurions tâché en vain de nous procurer, et qui est indispensable pour opérer sa guérison. Aussi je ne cesse de remercier le ciel d'une grâce au dessus de toutes celles qu'il aurait pu m'accorder, et de la quelle je tâcherai de toute façon de me rendre digne. J'ose vous supplier, mon très cher Père, d'y ajouter celle de me procurer le bonheur de recevoir de vos chères nouvelles. J'en serais transporté de joie, mes voeux seraient au comble. Nous allons présentement en droiture à Leyde où nous nous en rapporterons à ce qu'ordonnera *Hoffius* fameux médecin que nous consulterons, qui je crois conseillera d'aller à Lyon ou en Suisse où l'on donne le remède contre le ver solitaire. Dans ce trajet nous ferons de petits séjours à Berlin, Dresde où la Grande Duchesse a bien voulu m'honorer de lettres pour la Princesse de Prusse sa soeur et l'Electrice de Saxe. Elle a de même pris la peine d'écrire à toute sa famille tant à Darmstadt qu'à Hambourg, Strasbourg et autres endroits et elle m'a fait l'honneur de me charger de toutes ces lettres ce qui m'engagera à faire des petits séjours dans tous ces differens endroits. Le Comte Alexis Orlow est arrivé avant-hier ici et part dans une huitaine de jours pour se rendre à Moscou. Je fais des voeux, mon très cher Père, pour que vous jouissiez d'une parfaite santé et contentement et que vos bontés pour nous ne discontinuent pas; étant d'ailleurs avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus parfaite.

Mon très cher Père!

Votre tres humble très obéissant et très soumis fils

S.-Pétersbourg, ce 24 Août 1778.

P. de Rosoumovsky.

Конецъ второго тома.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

во 2-мъ томѣ.

А.

Абаза, Прасковья Александровна—стр. 147.
Августинъ, епископъ—стр. 512.
Адамъ, праотецъ—стр. 482.
Агезилай, царь—стр. 269, 270.
Агессо (Aguesseau)—стр. 554.
Агицъ, стр. 400.
Акинфіевъ—стр. 376, 377.
Александра Ѳеодоровна, Императрица—стр. 165.
Александръ I, Императоръ—стр. 17, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 79, 80, 81, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 123, 124, 125, 126, 128, 133, 134, 141, 142, 143, 144, 151, 156, 157, 158, 160, 187, 189, 190, 196, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 234, 236, 250, 251, 260, 262, 263, 278, 283, 286, 287, 290, 325, 329, 336, 337, 338, 348, 361, 362, 363, 371, 373, 374, 379, 381, 382, 385, 391, 396, 409, 410, 412, 413, 414, 415, 416, 418, 424, 425, 434, 447, 451, 455, 461, 466, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 479, 483, 487, 489, 490, 491, 492, 493, 499, 501, 507, 508, 509, 510, 512, 516, 517, 520, 521, 522, 523, 524, 528, 530, 531, 532, 534, 536, 537.
Александръ II, Императоръ—стр. 211, 214.
Алексѣевъ, секретарь—стр. 378.
Алламанъ, профессоръ—стр. 170, 175.
Альбертъ-Бланкъ (Albert-Blanc), издатель—стр. 72.
Альтемпсъ, герцогъ—стр. 145.
Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ—стр. 363, 364.
Андре-де—стр. 168.
Андреевъ—стр. 127.
Анна Ивановна, Императрица—стр. 9, 57, 353.
Анненковъ, издатель—стр. 77.
Аничковъ, Иванъ, надсмотрщикъ—стр. 551.
Антонскій—стр. 365.
Антуанъ—стр. 25.
Апраксина, графиня—стр. 23.
Апраксина, Елисавета Александровна, графиня. См. Де-Виллеро—стр. 142.
Апраксина, Елисавета Кириловна, графиня—стр. 150, 158, 159, 161, 169, 196, 220.
Апраксинъ, Петръ Ивановичъ, графъ—стр. 140.

Апраксинъ, Степанъ Степановичъ—стр. 9, 426, 428, 429.
Аракчеевъ, графъ — стр. 62, 64, 98, 100, 102, 224, 225, 230.
Аристовъ, оруж. мастеръ — стр. 479.
Аркетій, Андрей—стр. 190.
Арндтъ—стр. 454.
Арсеньевъ—стр. 135, 484.
Артемьевъ, экзекуторъ—стр. 290, 304, 443, 444, 446.
Архимедъ—стр. 249.
Аттила—стр. 387.

Б.

Базилевичъ—стр. 118.
Базилевская, Елисавета Ивановна. См. Суворова-Рымникская—стр. 146.
Балабина, Елизавета Петровна. См. Репнина—стр. 146.
Балашовъ, Алекс. Дмитр. — стр. 325, 354, 398, 434, 455, 513.
Балланшъ—стр. 68.
Барбейракъ(Barbeyrac),издатель—стр. 280.
Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ—стр. 336.
Бантышъ-Каменскій, Дмитрій Николаевичъ—стр. 13.
Барановичъ, Лазарь, (епископъ)—стр. 111.
Бардинъ, торговецъ—стр. 121.
Барклай-де-Толли, ген.-фельдмаршалъ—стр. 64.
Бартеневъ, Петръ Иванов, писатель—стр. 16, 208, 448.
Барсукъ-Моисеевъ (Мойза), профессоръ—стр. 294, 303, 307.
Баруель, писатель—стр. 472.
Баршъ, Вологодск. губернаторъ—стр. 511
Барятинскій, Иванъ Сергѣевичъ, князь—стр. 22, 448.
Барятинскій, князь—стр. 51.
Баузе, Ѳедоръ Григорьев. — стр. 294, 303, 307, 381.
Бахметевъ, Алексѣй Иван., прокуроръ—стр. 548.
Бахусъ—стр. 545.
Беберъ, массонъ—стр. 506.
Безбородко, Александръ Андреев., князь—стр. 40, 41.
Бекетовъ, Никита Аѳанасьевичъ—стр. 370.
Бекетовъ, Платонъ Петровичъ, археологъ — стр. 105, 302, 325, 327, 347, 354, 361 364, 398.
Беклемишева—стр. 155.
Белармент—стр. 276.
Бемъ, писатель—стр. 485, 486.
Бернульи—стр. 258.
Бертина (Bertin), модистка—стр. 552.
Бессьеръ, маршалъ—стр. 142.
Бецкій, Иванъ Иванов. — стр. 16.
Бибикова, Екатер. Ильин. См. Голенищева-Кутузова—369.
Биконсфильдъ, лордъ—18.
Бирон, Луиза, прин-цесса — стр. 497.
Бисмаркъ, князь—стр. 18.
Блакасъ, графъ—стр. 67.
Бланкъ (Blanc), А., издатель — стр. 70.
Блюмъ, писатель—стр. 148.
Бобринскій, А. Г., гр. — стр. 148.
Бобрищевъ-Пушкинъ, Никол. Михайловичъ, полк.—стр. 551.
Богдановичъ, писатель — стр. 57, 61, 63, 64, 87, 93, 104.
Боде—стр. 51.
Бордъ, математикъ—стр. 51.
Борель—стр. 554.
Боссе (Bausset), писательница — стр. 275.
Боссюетъ, церковный проповѣдникъ—стр. 255, 258, 260, 276, 278.
Боткина—стр. 165.
Боуль (Bowle), писатель — стр. 266.
Братцовъ—стр. 450.
Бржозовскій, Тадеушъ — стр. 80, 81.

Бриль, президен. мануфакт.-коллегіи—стр. 34.
Бролье, герцогъ—67, 203, 209.
Броневскій, директоръ лицея — стр. 70.
Брюсъ, Прасковья Александровна—стр. 38.
Будбергъ, бар.,—стр. 59, 331.
Будлянскій—стр. 36.
Булгакова, Софья Конст. См. Перовская—стр. 113.
Булгаковъ—стр. 206.
Буле, I. Ѳ., профессоръ—стр. 289, 290, 291, 297, 332, 337, 338, 342, 343, 346, 349, 353, 355, 362, 374, 381, 487, 488, 489, 500.
Бурбье (Bourbier)—стр. 2, 3, 7, 9, 16.
Буржуа (Bourgeois)—стр. 206.
Буфлеръ, писатель—стр. 301.
Буцкій, Михаилъ, студентъ—стр. 236.
Бушананъ (Buchanan), писат. — стр. 280.
Бушуевъ, Петръ—стр. 410, 441.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, Анна Григорьевна, княгиня—стр. 389.
Бѣлосельскій, А. М., князь—стр. 149.
Бѣлостоцкій, Д. Д.—стр. 527.
Бѣлоусовъ, Кондратій Максимовъ, крестьянинъ—стр. 438.
Бѣляевъ, управляющ.—стр. 126.
Бэйль—стр. 277.
Бэконъ—стр. 250, 269, 532.
Бюль (Buhle), профессоръ — стр. 228.
Бюфонъ, естествоиспытат. — стр. 359.

В.

В., И. И.,—стр. 328.
Вадковскій—стр. 9.
Валуевъ, Петръ Степановичъ—стр. 339, 367.
Василій Великій, святой—стр. 162.
Васильевъ, гр.—стр. 413.
Васильчикова, Екатер. Вас. См. Вяземская—стр. 156.
Васильчикова, Марья Васильевна. См. Кочубей — стр. 128, 131, 188.
Васильчиковъ, Алексѣй Васильевичъ — стр. 133, 140, 150, 151.
Васильчиковъ, И. В., князь—стр. 150.
Венусъ—стр. 545.
Верке (Werke), издатель — стр. 281.
Верресъ—стр. 249.
Вигель, писатель—стр. 44, 53, 54, 105, 106, 125, 126.
Виламовъ, Григ. Иван., статсъ-секретарь—стр. 398.
Вильдеманъ—стр. 51.
Вилье, Яковъ, лейбъ-медикъ — стр. 123, 232.
Вильменъ—стр. 203.
Винкельманъ, писатель—стр. 145, 259.
Виргилій, римскій писатель—стр. 249, 256, 258, 259.
Виртембергскій, герцогъ—стр. 81.
Вистонъ, писатель—стр. 266.
Витгенштейнъ, князь—стр. 143.
Виттембахъ, профессоръ — стр. 280.
Віельгорскій, А.—стр. 499.
Віельгорскій, гр.—стр. 506.
Віельгорскій, Михаилъ Юрьевичъ, графъ—стр. 162, 497, 499, 500, 503, 508, 511, 512, 518.
Віолье (Viollier), жена художника—стр. 189.
Владиміръ Давидовичъ, князь — стр. 111.
Воейкова, Александра Александровна—стр. 210, 211, 216.
Воиновъ, Конст., кандид. — стр. 331, 334.
Волковъ, президент. мануфактуръ-коллегіи—стр. 29.
Волковъ, торговецъ—стр. 121.
Волконская, Алекс. Никол., княгиня—стр. 142, 343.

Волконская, Анна Семен. княг. См. Оленина—стр. 235.
Волконская, Алекс. Петр. См. Дурново—стр. 213, 216.
Волконская, Софья Григорьевна, княгиня—стр. 213, 216.
Волконская, Софья Дмитр., княжна. См. Репнина—стр. 146.
Волконскій, кн.—стр. 455.
Волконскій, Михаилъ Никитичъ, князь—стр. 548.
Волконскій, Николай Григорьев., князь—стр. 141.
Волконскій, Петръ Михайловичъ, князь—548.
Волоцкій, актуаріусъ — стр. 491, 493, 496, 504, 515.
Волькенштейнъ, графиня — стр. 554.
Вольтеръ, писатель—стр. 22, 270, 271, 273, 275, 276.
Воронцовъ, Александръ Романов., гр.—стр. 56, 59, 153.
Воронцовъ, графъ—стр. 36.
Воронцовъ, Иванъ Ларіоновичъ, графъ—548.
Воронцовъ, князь—стр. 124.
Воронцовъ, Семенъ Романовичъ, гр.—стр. 124.
Всеволожскій, Всеволодъ Андреевичъ, — стр. 293, 298, 301, 302, 306, 307, 308, 370, 371, 392, 394, 487, 489, 516.
Вяземская, Анна Никол., кн. — стр. 159, 163.
Вяземская, Екатер. Васил., кн.— стр. 156.
Вяземская, княжна. См. Щукина—стр. 159.
Вяземская, Марія Григор., кн. — стр. 155.
Вяземскіе—стр. 79.
Вяземскій, Андрей Иванов., кн.— стр. 59, 148, 153, 154.
Вяземскій, Григорій Иванов., кн.— стр. 157.
Вяземскій, Николай Григор., кн.— стр. 156.
Вяземскій, Петръ Андреев., кн.— стр. 65, 137, 153, 164, 167, 168.
Вязмитиновъ, министръ полиц. — стр. 95, 96, 398.
Вячеславъ Давидовичъ, кн.—стр. 111.

Г.

Г., Иванъ Васильевичъ—стр. 233, 235.
Гавриловъ, М. Г., профессоръ—стр. 89.
Гагарина, Юлія Львовна, княжна—стр. 147.
Гагаринъ, кн.—стр. 45.
Гагаринъ, Иванъ Алексѣев., кн., шталмейстеръ—стр. 289, 290.
Гагаринъ, Иванъ Сергѣев., кн.— стр. 548.
Гагаринъ, Павелъ Сергѣев., кн.— стр. 548.
Гагаринъ, Сергѣй Васильевичъ, кн —стр. 548.
Гагаринъ,—стр. 79, 156.
Галилей, астрономъ—стр. 258.
Гамильтонъ, Виліамъ—стр. 171.
Ганганелли—стр. 271.
Гваренги, архитекторъ—стр. 52.
Гезіодъ, писатель—стр. 361.
Геймъ, Иванъ Андреевичъ, профессоръ—стр. 42, 289, 291, 297, 318, 319, 355, 383, 392, 398, 404, 413, 443, 489.
Генсмейеръ, домашній учитель— стр. 445.
Гейнръ, (Heinr)—стр. 273.
Гельманъ, маіоръ—стр. 446.
Гельмъ, ботаникъ—стр. 43.
Генингъ—стр. 232.
Генке (Henke), профессоръ—стр. 273.
Геннихъ, директоръ—стр. 396.
Генри—стр. 552.
Генрйхъ IV, король—стр. 270.
Генрихъ, принцъ Прусскій—стр. 26.
Германъ—стр. 141.
Герминусъ, писатель—стр. 454.
Гиббонъ—стр. 267.
Гизетъ, банкиръ—стр. 489.

Гизо, историкъ — стр. 203, 205, 206, 209, 210, 212, 214, 216.
Гизо̀, Полина—стр. 207.
Гитара—стр. 14.
Глѣбовъ, Александръ Ивановичъ, генер.-кригскоммиссаръ — стр. 550.
Годуновъ, Борисъ, царь—стр. 111.
Голенищева-Кутузова, Екатер. Ильинишна—стр. 369.
Голенищева-Кутузова, Елена Ивановна—стр. 321.
Голенищевъ-Кутузовъ, Михаилъ Илар., князь — стр. 158, 392, 512, 514, 520.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. В., гр.—стр. 113.
Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ив., сенаторъ—стр. 45, 64, 65, 90, 99, 105, 288, 309, 320, 321, 357, 358, 360, 361, 362, 381, 397, 406, 407, 412, 414, 415, 420, 436, 440, 462, 466, 477, 487, 488, 491, 494, 496, 497, 500, 505, 508, 510.
Голицына, Наталья Петровна, княгиня—стр. 156.
Голицынъ, князь—стр. 81, 99, 443, 510.
Голицынъ, А. М., князь—стр. 13.
Голицынъ, Александръ Николаевичъ, князь—стр. 90, 91, 106, 154, 155, 198, 410, 412, 528, 532, 534.
Голицынъ, Александръ Яковлев., князь—стр. 549.
Голицынъ, Григорій Иванов., кн.—стр. 156.
Голицынъ, Михаилъ Михайловичъ, кн., фельдмарш.—стр. 154.
Голицынъ, М. Н., князь — стр. 163.
Голицынъ, Михаилъ Петров., кн.—стр. 365.
Голицынъ, Николай Михайлов., кн.—стр. 154.
Голицынъ, Сергѣй Михайловичъ, кн.—стр. 365.
Голицынъ, Ѳ. Н., кн. — стр. 21, 22, 64.
Голицыны—стр. 68, 79, 156.
Головины—стр. 68.
Головина—стр. 186.
Головинъ, гр.—стр. 52.
Головинъ, Сергѣй Евгеніевичъ—стр. 147.
Головкинъ, гр.—стр. 43.
Головкинъ, Гаврінлъ Иван., гр.—стр. 549.
Голубцова. См. Кушелева-Безбородко—стр. 146.
Голубцовъ—стр. 64, 146.
Гольдбахъ, профессоръ — стр. 51, 355, 372.
Гомеръ, греческій поэтъ—стр. 258, 259.
Гончаровъ—стр. 162.
Горчакова, Екатер. Васильевна. См. Уварова—стр. 112.
Горчаковъ, А. М., кн. — стр. 76, 77, 99
Горчаковъ, князь—стр. 468, 469, 470, 471.
Горъ, домовладѣлецъ—стр. 14.
Горюшкинъ, Захарій Аникіевичъ, синдикъ — стр. 291, 292, 302, 387.
Готовцева, домовладѣлица — стр. 189.
Гофманъ, Георгъ-Францъ, профессоръ — стр. 293, 302, 318, 398.
Грабіэнка—стр. 475.
Грамонъ, герцогъ—67.
Грасальковичъ, княгиня—стр. 166.
Грейцъ—стр. 177.
Гречъ—стр. 67, 106.
Гривель, аббатъ—стр. 68.
Гроцій, писатель—стр. 270, 274, 532.
Груберъ, генералъ іезуитовъ—стр. 16, 68, 78, 79, 80.
Грудевъ, Г. В.—стр. 42, 118.
Грузининъ, Илья Егоровичъ, профессоръ—стр. 318, 322, 332, 335.
Гуа (Goït)—стр. 555.
Губчичъ—стр. 527.
Гудовичъ, Андрей Иванов., гр.—стр. 205.

Гудовичъ, Екатерина Николаевна, гр.—стр. 205.
Гудовичъ, Иванъ Васильев., гр.—стр. 35, 49, 64, 118, 157, 182, 232, 236, 295, 308, 309, 317, 325, 348, 357, 472, 473, 538.
Гудовичъ, Михаилъ Васильевичъ, гр.—стр. 295, 303, 363.
Гудовичъ, Прасковья Кирилловна, гр.—стр. 141.
Гурьевъ, Дмитрій Александров., гр.—стр. 49, 64, 108, 236.
Густавъ III, шведскій король—стр. 27, 169, 486.
Гуфляндъ (Huffland), докторъ—стр. 211.
Гюль (Hull)—стр. 124.
Гюонъ, писательница—стр. 102.

Д.

Давыдова, Аглая Антоновна. См. Себастіани—стр. 142.
Давыдовъ, Александръ Львов.—стр. 142.
Давыдовъ, Иванъ Кондратьевичъ, секундъ-маіоръ—стр. 550.
Давыдовъ, Семенъ, писецъ — стр. 551.
Давидъ, царь, псалмопѣвецъ—стр. 19, 401, 449, 452, 456, 487, 488.
Дама, гр.—стр. 67.
Данауровъ—стр. 45.
Данте, поэтъ—стр. 138.
Дарю, графъ—стр. 443, 447.
Дашкова, княгиня—стр. 176, 178, 179, 180.
Де-Бернъ—стр. 124, 127.
Девени (Deweny, Devenie)—стр. 206, 212.
Девенъ—стр. 203.
Де-Вераіонъ, статск. сов. — стр. 339.
Де-Виллеро, Елизавета Александровна, маркиза—стр. 142.
Де-Виллеро, Villereau-de-, Карлъ Карловичъ, маркизъ—стр. 142.
Де-Вита, Генрихъ, граверъ—стр. 52.
Де-Грамонъ, герцогъ—стр. 142.
Дежерандо (Dégérando)—стр. 203, 211.
Декартъ, философъ — стр. 258, 270.
Де-Кастель, Элиза—стр. 198.
Делиль, гувернеръ—стр. 9, 16.
Делиль, Николай-Іосифъ, астрономъ—стр. 9.
Де-Линь, писатель—стр. 300.
Де-Лицына, Дарья Александр. См. Долгорукая—стр. 430.
Де-Лоне, виконтъ—стр. 165.
Дельвигъ, писатель—стр. 76, 77.
Де-Мантенонъ—стр. 275.
Де-Местръ, Іосифъ, гр., писат.—стр. 42, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 80, 81, 82, 95, 100, 102, 103, 186, 189, 191, 203, 248, 255, 287, 534.
Демидовъ—стр. 33.
Демидовъ, Николай Никитичъ—стр. 422.
Демидовъ, Павелъ Григорьев.—стр. 438.
Демидовы—стр. 21.
Демосѳенъ, древній писатель—стр. 258, 259, 325.
Денисьева, Марья Михайл.—стр. 323, 437.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, поэтъ — стр. 39, 56, 77, 120, 150, 359.
Десницкій, Михаилъ, С.-Петерб. митропол.—стр. 198.
Де-Траверсе, маркизъ—стр. 517.
Диворнъ—стр. 555.
Дидро, писатель—стр. 287.
Дилонъ, Елизавета, (Elisa Dillon), 203, 206, 209.
Дицель—стр. 35.
Діонъ, писатель—стр. 277.
Дмитріевскій—стр. 138, 139, 329, 484.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, писатель—стр. 48, 53, 64, 151, 154, 370, 378, 422.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ Матв., гр.—стр. 512.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Матвѣй Александровичъ, гр., оберъ-прокур.—стр. 290, 307, 378.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Матвѣй Васильевичъ, гр.—стр. 368, 512.
Дозеръ, (Dozer)—стр. 554.
Долгорукова, Дарья Александр., княг.—стр. 430.
Долгорукова, Елена Ивановна, кн. См. Голенищева-Кутузова—стр. 321.
Долгоруковъ, кн.—стр. 459.
Долгоруковъ, Алексѣй Ивановичъ, кн.—стр. 304, 430.
Долгоруковъ, Григорій Алексѣев., кн.—стр. 290, 304, 497.
Долгоруковъ, Григорій Григор.—стр. 476.
Долгоруковъ, Иванъ Александров., кн.—стр. 550.
Дольце, Карлъ (Carlo Dolce),—стр. 555.
Друковцевъ—стр. 33.
Дружининъ, Петръ Михайловичъ, проф.—стр. 318, 346, 386, 367, 373, 441.
Дурново, Александра Петровна—стр. 213, 216.
Дурново, Г. Д.—стр. 213.
Дьяковъ—стр. 469, 479.
Дьяковъ, Николай Алексѣев.—стр. 481, 483.
Дьяковъ, Петръ—стр. 479, 482.
Дьяковъ, прокур.—стр. 475, 478, 479, 488.
Дю-Велуза, лондонск. купецъ—стр. 13, 14.
Дюмаръ, (Дюма), генер.-интенд.—стр. 447.
Дюмурье, писатель—стр. 271.
Дюрокъ, герц.—стр. 447.

Е.

Едугинъ—стр. 36.
Елагинъ—стр. 37.
Еланскій, камерг.—стр. 137.
Елизавета Алексѣевна—стр. 110.
Елизавета Петровна, императр.—стр. 8, 16, 42, 52, 142, 143, 145, 353.
Екатерина II, императрица—стр. 16, 17, 24, 28, 29, 32, 39, 40, 45, 51, 52, 54, 56, 62, 68, 78, 111, 182, 232, 282, 311, 378, 473, 477, 486, 511, 532, 533, 538, 547.
Екатерина Павловна, вел. кн.—стр. 52, 53, 81, 143, 228, 289, 297, 341, 342, 374.
Ерленъ, Іоганъ-Фридрихъ, проф.—стр. 10.
Еропкинъ, Петръ Дмитріев., сенаторъ—стр. 548.

Ж.

Жадька, войсковой товарищъ—стр. 404.
Жанъ-Жортэнъ, священникъ—стр. 276.
Жемчужникова, Елизавета Алексѣевна—стр. 113.
Жемчужниковъ, Михаилъ Никол., сенаторъ—стр. 110, 113.
Жеребцовъ—стр. 497.
Жирарденъ-де, Эмиль—стр. 165.
Жихаревъ—стр. 204, 213.
Жоли, коммерсантъ—стр. 19.
Жонесъ, Вилліамъ (William Jones)—279.
Жора (du-Jorat)—стр. 178.
Жуковскій, писатель—стр. 186, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 211, 214.
Жураховскій—стр. 36.
Журданъ, аббатъ—стр. 68.

З.

Загряжская, Наталья Кирилловна—стр. 30, 39, 129, 133, 157, 161, 164, 183, 186, 187, 188, 191, 217, 358, 369.
Завадовскій, Петръ Васильевичъ, гр.—стр. 27, 32, 48, 49, 52, 53,

56, 62, 63, 64, 66, 67, 83, 95, 129, 180, 223, 229, 450, 451.
Заикинъ, купецъ—стр. 92, 445.
Закревская, Марина Осиповна—стр. 150.
Закревскій, Андрей Осипов.—стр. 37.
Закревскій, Дмитрій Львов., гр.—стр. 150.
Залѣсская, Екатерина Никол. См. Гудовичъ—стр. 205.
Звѣревъ—стр. 518.
Зейбахъ, баронесса—стр. 203.
Злобинъ—стр. 471.
Зоричъ—стр. 31, 35, 38.
Зосима, З. П., грекъ—стр. 339, 369.
Зубовъ, Платонъ Александр. кн.—стр. 57.

И.

Ивановъ, Алексѣй Никифор., лейтенантъ—стр. 549.
Ивановъ, Петръ, статск. сов.—стр. 549.
Изгердовъ, унт.-офиц.—стр. 312.
Измайловъ—стр. 345.
Израиль, настоятель Угрѣшскаго монаст.—стр. 117.
Ильинскій, гр.—стр. 475.

І.

Іаѳоръ, свящ.—стр. 513.
Іеронимъ, вестфальскій король—стр. 143.
Іоаннъ, евангел.—стр. 450.
Іоганъ, слуга—стр. 4, 19.
Іоринъ, писатель—стр. 312.
Іосифъ II, императоръ—стр. 201.

К.

К., П. Г.—стр. 400.
Казановскій—стр. 305.
Казариновъ, Яковъ Васильевичъ, коллежск. асессоръ—стр. 548.
Кайдановъ, истор.—стр. 75.
Какуссанъ (Kakoussin)—стр. 553.
Калачовъ—стр. 490.
Калиновскій—стр. 462.
Кальвинъ, реформат.—стр. 272.
Калямъ (Calame) гувернантка—стр. 41, 140, 144.
Каменскій, гр.—481.
Камерози, архитект.—стр. 52.
Камынинъ—стр. 518.
Канкринъ, гр.—стр. 96.
Кантъ, философъ—стр. 280, 281.
Капнистъ, Варвара Васильевна—стр. 116.
Капнистъ—стр. 483.
Капнистъ, Василій Алексѣевичъ, гр.—стр. 146, 227.
Каподистріа, гр.—стр. 203, 216.
Капэнъ, (Capin)—стр. 555.
Каразинъ—стр. 530, 531.
Каразинъ, Василій Назаровичъ—стр. 409.
Карамзина—стр. 148.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ, истор.—стр. 53, 62, 64, 65, 105, 154, 178, 206, 280, 288, 325, 336, 341, 343, 346, 348, 363, 370, 374, 413, 488, 492, 521.
Карвальо (Помбаль), писатель—стр. 271.
Карлъ Великій—стр. 260.
Карлъ I, король—стр. 279.
Карцевъ, преподават—стр. 75.
Качеповскій, Михаилъ Трофимов., проф.—стр. 50, 292, 296, 297, 298, 316, 347, 369.
Качони, Михаилъ, харьк. грекъ, библіотекарь—стр. 50.
Кашинъ, музыкантъ—стр. 397, 414.
Кашкинъ, бригадиръ—стр. 154.
Кверивелидзевъ, Сергѣй Иванов., надв. совѣтн.—стр. 549.
Кетлеръ, астрономъ—стр. 258.
Кеппенъ, писатель—стр. 83, 93.
Керастури, Францъ Францовичъ, проф.—стр. 323.
Кичѣевъ, директоръ—стр. 230.
Клапротъ (Klaproth)—стр. 228.
Клейнмихель, П. А., гр.—стр. 111.
Клеманъ—стр. 14.

Климентъ XIV, папа—стр. 78.
Клингеръ, Фридрихъ Максимиліановичъ, попеч. Дерптскаго университета—стр. 63, 324, 331, 431.
Клишинъ, Алексѣй Алексѣевичъ, подпоруч.—стр. 550.
Кліо—стр. 347, 414.
Ключаревъ—стр. 503.
Ключаревъ, Ѳедоръ Петровичъ, почтъ-директ. — стр. 125, 374, 375, 462, 469, 474, 507, 509, 513, 520.
Ковалинскій, Михаилъ Иванов.—стр. 18, 19, 21, 31.
Кованько, Павелъ Иванов, колл. ассес.—стр. 481.
Козицкая, Екатерина Ивановна—стр. 389.
Козловскій, К.—стр. 498.
Козловскій, Николай Михайлов., князь—стр. 45, 48, 49, 89, 120, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 459, 462, 468, 471, 484, 501, 502, 517, 528.
Козловъ, Иванъ Иванов., рекетмейстеръ—стр. 2.
Козодавлевъ, Осипъ Петров., министръ внутр. дѣлъ—стр. 330, 337, 374, 489.
Колардъ, писатель—стр. 206.
Колбасинъ, Е., писатель — стр. 67, 74.
Колыванова, Е. А.—стр. 148.
Колычевъ, Василій Степан.—стр. 452, 503, 513, 516.
Коль, профессоръ—стр. 253.
Комаровскій, гр.—стр. 148.
Конде, писатель—стр. 270.
Кондильякъ, писатель—стр. 261.
Кондорсэ, писатель — стр. 277, 279.
Коперникъ, астрономъ—стр. 252, 258.
Корефъ (Koreff), докторъ — стр. 211.
Корнѣевъ—стр. 485, 486.
Корфъ, Модестъ Андреев., гр.—стр. 54, 61, 77.
Котельницкій, Василій Михайл., цензоръ—стр. 404, 423.
Кочубей—стр. 217.
Кочубей, Марья Васильевна—стр. 128, 131.
Кочубей, Н. В., графиня — стр. 133.
Кочубей, Петръ Аркадьев., предс. технич. общества—стр. 146.
Кошанскій, профессоръ—стр. 75, 76, 331.
Кошелевъ—стр. 134.
Кочубей, Викторъ Павлов., кн.—стр. 55, 56, 59, 124, 126, 127, 128, 129, 133, 134, 150, 157, 161, 187, 188, 412, 423, 459, 461.
Кревье—стр. 260.
Крезигъ (Kresig), докторъ—стр. 211.
Кривцова, Ольга Павловна. См. Орлова—стр. 146.
Кривцовъ, Николай Павловичъ, штабъ-ротмистръ—стр. 146.
Кривцовъ, Павелъ Иванов., дѣйств. статск. совѣтн.—стр. 146.
Кристлипъ (Cristilipe), портной—стр. 554.
Кроль, Любовь Ивановна. См. Кушелева-Безбородко—стр. 146.
Кронье, гуверн.—стр. 11, 12.
Крыжановская, Марія Алексѣевна—стр. 113.
Крыжановскій, Максимъ Константиновичъ, генер.-лейтен. — стр. 113.
Крюднеръ, баронесса — стр. 67, 102.
Крюковской, чиновникъ—стр. 151.
Кудрявцевъ, проф. — стр. 297, 462.
Кузенъ, писатель—стр. 203, 206.
Куницынъ, преподаватель — стр. 75, 76.
Курайе (Courrayer)—стр. 272.
Куракина—стр. 68.
Куракинъ, кн. — стр. 36, 37, 59, 81.
Куракинъ, Александръ Борисов., кн.—стр. 24, 66, 450.

Куракинъ, Алексѣй Борисовичъ, кн.—стр. 233, 236.
Курбатова, Прасковья Алексѣевна—стр. 113.
Курбатовъ, Петръ Александров.—стр. 113, 297, 368, 395, 424, 430, 431, 432, 434, 437, 463, 465, 466, 484, 504.
Кустеръ, д-ръ—стр. 446.
Кутайсовъ, гр.—стр. 512.
Кушевичъ—стр. 479.
Кушелева - Безбородко, Варвара Александрова, гр.—стр. 146.
Кушелева - Безбородко, Елизавета Ивановна, гр. См. Суворова-Рымникская—стр. 146.
Кушелева - Безбородко, Любовь Александровна, гр. См. Мусина-Пушкина—стр. 146.
Кушелевъ-Безбородко, Александръ Григорьев., гр.—стр. 146.
Кушелевъ - Безбородко, Григорій Александров., гр.—стр. 146.
Кушелевъ - Безбородко, Николай Александров., гр.—стр. 146.

Л.

Л.—стр. 312, 313.
Лагарпъ—стр. 54, 55, 56, 58, 63, 70.
Лагманъ (Lagman)—стр. 279.
Лазаревъ, чиновникъ — стр. 398, 480, 482.
Лазаревъ—стр. 435, 436, 437, 438, 439.
Лакостъ (Lacoste), портниха—стр. 554.
Лаландъ, писатель—стр. 217.
Ламбертъ, гр.—стр. 206.
Ламошъ, архитекторъ—стр. 26.
Ланге, докторъ—стр. 140.
Лангель, лифляндскій дворян.—стр. 331.
Лангсдорфъ, ботаникъ—стр. 43.
Лангъ, Иванъ Иванов., шт.-ротмистръ—стр. 391, 482, 483.
Ландеръ—стр. 168.
Ланжеронъ, гр.—стр. 16, 221.
Ланскіе—стр. 162.
Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ—стр. 511.
Ларіоновъ—стр. 505.
Лафайетъ—стр. 208, 210.
Лафероне, министръ иностранныхъ дѣлъ—стр. 205, 206, 208.
Ла-Шезъ, іезуитъ—стр. 275.
Лебонъ—стр. 492.
Левенгагенъ (Loewenhagen)—стр. 192.
Левенштейнъ—стр. 202.
Левковичъ, частн. приставъ—стр. 310.
Легкій, Дмитрій—стр. 10.
Лейбницъ (Leibnitz), философъ—стр. 101, 258, 280.
Леклеркъ, писатель—стр. 326.
Леманъ, химикъ—стр. 8.
Лепехинъ, студентъ—стр. 10.
Лессепсъ, городской интенд.—стр. 447.
Летелье, іезуитъ—стр. 273.
Ливенъ, княгиня—стр. 54.
Линней, естествоиспытатель—стр. 53.
Липона, графиня—стр. 186.
Лихонинъ,—497, 499, 500, 501, 502, 504, 506.
Лойола, Игнатій—стр. 78.
Локкъ, философъ—стр. 261.
Ломоносовъ—стр. 353, 359.
Лонгиновъ, М. Н., издатель—стр. 46.
Лондесъ, ботаникъ—стр. 43.
Лопухинъ, Андреянъ Андреянов., полковн.—стр. 549.
Лопухинъ, В. Влад.—стр. 489.
Лопухинъ, Иванъ Владим.—стр. 45, 490, 520.
Лопухинъ, Петръ Васильев., кн.—стр. 49, 64, 129, 131, 135, 136, 527, 528.
Лоренцъ, Іосифъ-Адамъ, истор.—стр. 10.
Лоріеръ, (de-Laurière), коменд.—стр.—554.
Луазье (Loizière)—стр. 554.
Лунинъ, Михаилъ Кипріяновичъ,

президентъ Государств. коллегіи—стр. 550.
Лунинъ, Семенъ Киприянов., ст. совѣтн.—стр. 550.
Лури (Lourі)—стр. 554.
Лухмановъ, торговецъ—стр. 121.
Львова, Софья Алексѣевна, кн.—стр.—113.
Львовъ, Владиміръ Владиміров., кн.—стр. 113.
Лѣнивцевъ—стр. 498, 502.
Любей, Ѳедоръ, типографщикъ—стр. 358.
Людерсъ, банкиръ—стр. 177, 219.
Людеръ, массонъ—стр. 45.
Людовикъ XIII, король—стр. 273.
Людовикъ XIV, король—стр. 270. 273, 275, 276, 533.
Людовикъ XV, король—стр. 276, 279, 281.
Людовикъ XVI, король- стр. 177.
Лютеръ, реформаторъ,—стр. 281.

М.

М., Екатерина Николаевна, кн.—стр. 222.
Маврокордато, Александръ, кн., господарь Молдавскій—стр. 300, 301.
Магралина—стр. 555.
Масадъ-де (de-Mazade), писат. — стр. 80.
Малиновскій — стр. 74, 75, 76, 336.
Мальборугъ—стр. 14.
Малкіель, домовладѣл.—стр. 388.
Мальсенъ—стр. 176.
Мальсенъ, Генріетта, баронесса — стр. 183, 184, 186, 187, 189.
Мальтетенъ, баронесса—стр. 189.
Мантейфель, Екатер. Никол. См. Гудовичъ—стр. 197, 205.
Маратъ—стр. 16.
Мариньянъ (Marignan) — стр. 9, 10, 11, 13, 16, 19, 170, 171, 172, 173.
Маристани, графиня—стр. 202.
Маріонелли, архитект.- стр. 26.
Марія Павловна, вел. княг.—стр. 142, 336, 337, 354.
Марія Ѳеодоровна, императрица—стр. 69, 70, 105, 107, 226, 227, 239, 240, 398.
Марковъ, А. И., гр.—стр. 54.
Мартыновъ, И. И., писат.—стр. 63. 74, 75, 83, 327, 328, 421.
Мартыновъ, актеръ—стр. 33.
Марфа-Посадница—стр. 325.
Марціалъ, римскій классикъ — стр. 5.
Марія Михайловна—стр. 129.
Марѳуша, фаворитка—стр. 114.
Масловскій, Тимоѳей Григорьев., коллежск. ассес.—стр. 548.
Массонъ (Masson), писатель—стр. 279.
Матрунинъ—стр. 345.
Маттеи, Христіанъ-Фридрихъ, профессоръ—стр. 63, 320, 355.
Медоксонъ, массонъ—стр. 341.
Мезансъ, массонъ—стр. 487, 489, 490, 492.
Меланъ (Meulan),—стр. 207, 212.
Меланхтонъ, писатель—стр. 281.
Мельгуновъ, президентъ камеръ-коллегіи—стр. 28.
Менделѣевъ, Аполлосъ Павловичъ, титул. совѣтн.—стр. 551.
Меньшиковы—стр. 156.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, профессоръ—стр. 413.
Меродъ, де—стр. 552.
Мещериновъ, Николай Петровичъ, подпоручикъ—стр. 549.
Мещерская, М. А., княгиня—стр. 444.
Мидасъ—стр. 257.
Миллеръ—стр. 6.
Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ—стр. 49.
Милотъ, писатель—стр. 440.
Мининъ, Владиміръ Владиміровичъ коллеж. совѣт.—стр. 550.
Миронъ, ваятель—стр. 249.
Михаилъ Павловичъ, великій князь —стр. 70, 165.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь—стр. 33.

Моисей — стр. 8, 428, 433, 481, 513.
Молчановъ, статсъ-секретарь — стр. 99, 323, 531, 537.
Мольтке-Гвитфельдъ, графъ—стр. 203.
Мольтке, Левъ, графъ — стр. 203.
Монморанси (Montmorency)—стр. 211.
Монтебелло—стр. 206.
Монтескье, писатель—стр. 101.
Мордвиновъ, Николай Семеновичъ, адмиралъ—стр. 96, 372, 417.
Моро—стр. 101.
Морошкинъ, писатель — стр. 79, 87.
Мосоловъ, Алексѣй Андреевичъ, коллеж. совѣтникъ — стр. 445, 549.
Мудровъ, Матвѣй Яковлевичъ, профессоръ—стр. 314, 355, 374.
Мунтъ—стр. 400.
Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ, графъ—стр. 48, 54, 63, 360, 405.
Муравьевъ, Николай Назарьевичъ, —стр. 439.
Муравьевъ-Карскій, Николай Николаевичъ—стр. 360.
Мусина-Пушкина, Любовь Александровна—стр. 146.
Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Ивановичъ, графъ, гофмаршалъ, —стр. 146, 330, 335.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ — стр. 118, 154.
Мухинъ, Ефремъ Осиповичъ, профессоръ—стр. 117, 411, 412, 424, 439, 440.
Мысловскій, Петръ, протоіерей, —стр. 198.
Мюллеръ—стр. 3.
Мюратъ—стр. 91, 162, 186.
Мясникова, Анна Григорьевна. См. Бѣлосельская-Бѣлозерская, —стр. 389.
Мясникова, Екатерина Ивановна, См. Козицкая—стр. 389.
Мятлевъ—стр. 153.

Н.

Навуходоносоръ, царь,—стр. 458.
Наполеонъ I, Императоръ — стр. 60, 65, 70, 142, 143, 186, 232, 267, 394, 396, 398, 418, 434, 447, 450, 457, 458, 503, 504, 508.
Нарышкина, Екатерина Ивановна. См. Разумовская—стр. 111.
Нарышкина, Марья Антоновна, графиня—стр. 49, 149.
Нарышкинъ, Д. Л.—стр. 149, 150, 152.
Нарѣжный, писатель—ст. 96.
Невзоровъ—стр. 45, 348, 418, 420, 422, 423, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 434.
Нелединскій—стр. 53, 154.
Нельсонъ—стр. 171.
Несторъ, лѣтописецъ — стр. 327, 330, 353.
Николай I, императоръ - стр. 70, 113, 119, 165.
Николаи, Людовикъ-Генрихъ, поэтъ—стр. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17.
Николи, аббатъ—стр. 68, 79, 211.
Ноайль, де, кардиналъ—стр. 275.
Новиковъ, Иванъ Ивановичъ, — стр. 45, 46.
Новосильцова, Н. Н. — стр. 186, 187.
Новосильцовъ, Н. Н.—стр. 56, 59, 63, 74, 128.
Ной—стр. 485.
Ноодъ, (Noodt), писатель — стр. 279.
Нуазевиль (Noiseville)—стр. 214.
Ньютонъ, астрономъ — стр. 258, 266.

О.

Обрѣзковъ, П. А., сенаторъ—стр. 137, 154, 455.
Овенъ (?)—стр. 5.
Оболенскіе—стр. 154.

Оболенскій, Андрей Петровичъ, князь—443.
Одоевскій, Николай, князь—стр. 549.
Одоевскіе—стр. 79.
Озерецковскій—стр. 63.
Озеровъ, Иванъ Петровичъ, полковникъ—стр. 550.
Оленина, Анна Семеновна—стр. 235.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, президентъ акад. худ.—стр. 107, 235, 330, 380, 526, 527.
Олеръ, (Aulaire, St.), графиня—стр. 204, 209.
Олинъ, В., писатель—стр. 440.
Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичъ, статсъ-секретарь—стр. 1, 2.
Ольденбургская, Екатерина Павловна—стр. 297.
Ольденбургскій, Петръ-Фридрихъ Георгъ, герцогъ—стр. 70, 81.
Омарій, писатель—стр 326.
Оплеуховъ, письмоводитель—стр. 377, 378.
Оржицкій,—стр. 151.
Орлова, Ольга Павловна—стр. 146.
Орловъ, Алексѣй, графъ—стр. 498.
Орловъ, Владиміръ Григорьевичъ, графъ—стр. 444, 445, 498.
Орловъ, Николай Михайловичъ—стр. 146.
Остерманъ - Толстой, Александръ Ивановичъ—стр. 516.
Отрепьевъ, Гришка, самозванецъ—стр. 111.

П.

Павелъ I, императоръ—стр. 9, 41, 45, 51, 52, 55, 56, 63, 65, 78, 79, 118, 141, 149, 271, 282, 477.
Павелъ, апостолъ—стр. 454, 465, 470.
Павловъ, Николай Федоровичъ, поручикъ—стр. 550.
Палибинъ,—стр. 114.
Палласъ, естествоиспытатель—стр. 43.
Панглосъ, докторъ—стр. 20.
Панинъ, Никита Ивановичъ, графъ—стр. 24, 37.
Панинъ, Петръ Ивановичъ, графъ—стр. 453.
Панкевичъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ—стр. 291, 293, 335, 368, 371.
Панснеръ, астрономъ—стр. 51.
Пантелѣевъ, купецъ—стр. 339.
Паротъ—стр. 99.
Парѳеній, архимандритъ—стр.139.
Пашковъ—стр. 165.
Пашковы—стр. 51.
Пемброкъ, домовладѣлецъ, графъ—стр. 14.
Пенсеро (Pensero)—стр. 281.
Перень, писатель—стр. 326.
Перовская, Вѣра Борисовна, графиня—стр. 113.
Перовская, Марья Борисовна. См. Петрово-Соловово—стр. 113.
Перовская, Ольга Борисовна, графиня—стр. 113.
Перовская, Прасковія Алексѣевна—стр. 297.
Перовская, Софья Константиновна, урожд. Булгакова—стр. 113.
Перовскіе—стр. 110.
Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ, графъ—стр. 137, 289, 307, 322, 323, 328, 333, 354, 375, 377, 391, 489, 493, 495, 512.
Перовскій, Алексѣй Борисовичъ—стр. 113
Перовскій, Борисъ Алексѣевичъ, графъ—стр. 113.
Перовскій, Василій Алексѣевичъ, графъ—стр. 91, 112, 113, 162.
Перовскій, Левъ Алексѣевичъ—гр., стр. 112, 434.
Перовскій, Николай Ивановичъ, графъ—стр. 112, 162.
Пертцъ (Pertz) J. И.—стр. 43, 101.
Перье (Casimir Perier)—стр. 210.
Песталоцци, педагогъ—стр. 17.
Пестелевскій, домовладѣлецъ—стр. 302.
Пето, богословъ—стр. 277.
Петрищевъ—стр. 19, 20, 21.

Петрово-Соловово, Марья Борисовна—стр. 113.
Петръ, апостолъ—стр. 457, 517.
Петръ I, императоръ—стр. 24, 58, 252, 253, 473.
Петръ III, императоръ — стр. 7, 23, 148.
Петръ Тереньтьевъ—стр. 22, 30.
Пій VII, папа—стр. 78.
Пименъ, архим. Угрѣшскаго монастыря—стр. 117.
Пиндаръ, писатель—стр. 361.
Пиронъ, писатель—стр. 301.
Пистоль-Корсъ—стр. 151.
Плавильщиковъ, типографщикъ—стр. 379.
Плавтъ, древне-римскій писатель—стр. 5.
Платеръ, графъ—стр. 93, 94.
Платонъ, философъ—стр. 248.
Плетневъ, учитель—стр. 414.
Плещеева, Наталья Ѳеодоровна—стр. 552.
Плещеевъ, Сергѣй Ивановичъ—стр. 552.
Плутасовъ, комендантъ—стр. 126, 128, 129, 131, 133.
Плутусъ—стр. 347.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, историкъ—стр. 53, 64.
Погорѣльскій, Алексѣй Алексѣевичъ, писатель—стр. 110, 112.
Подхватовъ, коллеж. регистраторъ—стр. 446.
Подчаскій, Ипполитъ Ивановичъ, сенаторъ--стр. 168.
Поздѣевъ, Николай—стр. 479, 488, 499.
Поздѣевъ, Осипъ Алексѣевичъ—стр. 45, 46, 47, 66, 79, 90, 91, 94, 154, 162, 294, 305, 330, 333, 339, 374, 421, 430, 431, 434, 435, 448, 517, 518, 522.
Позняковъ, Алексѣй Ивановичъ, маіоръ—стр. 549.
Покровскій, Герасимъ, проректоръ—стр. 417.
Полина—стр. 216.
Полиньякъ—стр. 67, 277.
Полѣновъ, А. Я., студентъ—стр. 10, 11.
Помбаль (Карвальо), писатель—стр. 271.
Понятовскій—стр. 459.
Потемкинъ, Григорій Александровичъ, князь—стр. 18, 19, 26, 28, 29, 30, 34, 35, 39, 78, 152, 220.
Потоцкій, Северинъ Осиповичъ, графъ—стр. 63, 324, 530, 531.
Поццо-ди-Борго, посолъ—стр. 206.
Приклонскій—стр. 498, 501.
Прозоровскій—стр. 465.
Прокоповичъ Антонскій, Антонъ Антоновичъ, профессоръ — стр. 299.
Протасовъ, адъютантъ—стр. 10.
Протасовы—стр. 68.
Пугачевъ, Емелька — стр. 358, 489.
Пупоръ, генералъ—стр. 221.
Путятина, княгиня—стр. 148.
Путятинъ, Алексѣй Алексѣевичъ, князь—стр. 548.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ—стр. 17, 76, 77.
Пушкинъ, С. Л.—стр. 77.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, писатель—стр. 45, 63, 100.

Р.

Рабо, священникъ—стр. 272.
Радецкій, графъ—стр. 202.
Раднор, лордъ—стр. 14.
Радстокъ, лордъ—стр. 67.
Разумовская—стр. 140.
Разумовская, Анна Кириловна, графиня--стр. 1.
Разумовская, Варвара Алексѣевна—стр. 115, 117, 118, 122, 140, 537.
Разумовская, Генріетта, графиня—стр. 188, 191, 201, 203, 218.
Разумовская, Дарья Кириловна, графиня—стр. 1.
Разумовская, Екатерина Алексѣевна, графиня--стр. 144.

Разумовская, Екатерина Іоанновна, графиня—стр. 111.
Разумовская, Елизавета Григорьевна, графиня—стр. 202.
Разумовская, Елизавета Кириловна, графиня — стр. 1, 195, 198.
Разумовская, Марья Григорьевна, графиня—стр. 156, 157, 159, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 199, 200, 202, 205, 207, 518.
Разумовская, Марья Михайловна—стр. 442.
Разумовская, Наталья Кириловна, граф.—стр. 1, 39, 40, 128, 151, 152, 181.
Разумовская, Прасковья Кириловна, графиня—стр. 1.
Разумовская, Софья Степановна, графиня—стр. 149, 551, 552, 553, 554, 555, 556.
Разумовская, Элиза, графиня — стр. 198.
Разумовскіе—стр. 137, 520.
Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ, графъ—стр. 42, 44.
Разумовскій, Алексѣй Кириловичъ, графъ—стр. 1, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15, 23, 24, 25, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 63, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 134, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 147, 162, 164, 201, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 231, 232, 237, 244, 248, 249, 251, 254, 257, 260, 264, 266, 267, 269, 273, 275, 277, 278, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 322, 325, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 345, 347, 348, 349, 350, 352, 354, 355, 357, 358, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 889, 390, 391, 392, 393, 396, 397, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 411, 412, 415, 417, 418, 421, 423, 424, 425, 428, 430, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 443, 448, 449, 450, 452, 454, 455, 456, 457, 458, 460, 462, 465, 466, 467, 468, 469, 477, 479, 480, 481, 482, 484, 485, 490, 491, 494, 495, 497, 499, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 511, 513, 514, 515, 516, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 526, 527, 528, 529, 532, 537, 547, 551.
Разумовскій, Андрей Кириловичъ, князь—стр. 1, 7, 9, 10, 13, 15, 39, 40, 44, 54, 91, 103, 107, 120, 143, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 158, 164, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 178, 180, 183, 184, 185, 187, 188, 199, 201, 221.
Разумовскій, Григорій Кириловичъ, графъ—стр. 1, 18, 19, 20, 23, 149, 150, 164, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 198, 199, 201, 202, 203, 205, 219.
Разумовскій, Иванъ Кириловичъ, графъ—стр. 1, 23, 184, 218, 219, 220, 221, 222.
Разумовскій, Камилъ, графъ — стр. 202.
Разумовскій, Кирилъ Алексѣевичъ—стр. 40, 109, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135,

Сталь, де (de Staël), писательница —стр. 42, 157, 300.
Степановъ—стр. 494.
Стефани, профессоръ—стр. 43.
Страховъ, П. И., профессоръ—стр. 51, 291, 311, 480, 504, 515, 519, 520.
Строгановъ, П. А., графъ—стр. 56, 57, 59, 61, 62, 63.
Строгановъ, С. Г., графъ — стр. 145, 169.
Строгановы—стр. 79.
Стройновскій, Валеріанъ, писатель—стр. 363, 364, 369, 379, 396.
Суворова-Рымникская, Елизавета Ивановна, княгиня—стр. 146.
Суворовъ, Аркадій Александров., князь—стр. 494.
Суворовъ, Прохоръ Игнатьевичъ, профессоръ—стр. 290, 295, 302, 306, 307, 371, 372, 411, 417, 418.
Суворовъ-Рымникскій—стр. 153.
Сумароковъ, писатель—стр. 165, 359.
Сухомлиновъ, академикъ — стр. 63, 64, 93, 96, 105, 178, 179.
Сушковъ—стр. 154.
Сущовъ—стр. 291, 354, 373, 423.
Сыровъ, Иванъ Ивановъ, лакей—стр. 116, 117, 118.
Сысоевъ, Петръ Андреев., коллеж. совѣт.—стр. 548.
Сюарезъ, іезуитъ—стр. 278.

Т.

Тамара, Василій Степановичъ — стр. 49, 129, 133, 448, 488.
Тамерланъ—стр. 387.
Тарантъ-де, принцесса—стр. 16, 67.
Татаринова—стр. 67.
Татищевъ, историкъ — стр. 348, 448.
Таубертъ—стр. 1, 3, 4, 5, 6, 9, 11.
Таушеръ, писатель—стр. 43, 372, 373.
Тепловъ, Алексѣй Григорьевичъ—стр. 49.
Тепловъ, Григорій Николаевичъ—стр. 1, 2, 3, 5, 7, 26.
Теренцій, древне-римскій писатель—стр. 5.
Тимковскій, Романъ Ѳедоровичъ, профессоръ—стр. 318, 322, 330, 414.
Тимоновъ—стр. 319, 320, 321.
Тимофей—стр. 555.
Титовъ, Петръ Алексѣевичъ, секундъ-маіоръ—стр. 550.
Толстая, Анна Алексѣевна—стр. 113.
Толстой, Алексѣй Константинов., писатель—стр. 113.
Толстой, А. Н., графъ—стр. 79.
Толстой, Константинъ Петровичъ, графъ—стр. 113.
Толстые—стр. 79.
Томсонъ, англійскій поэтъ—стр. 132.
Тормазовъ, Александръ, графъ—96, 163, 431, 434.
Трейтлингеръ профессоръ—стр. 10.
Тримонъ, лордъ — стр. 279.
Трощинскій, Д. П. — стр. 56, 191.
Трубецкой, Дмитрій Юрьевичъ, князь—стр. 498, 549.
Тургеневъ, писатель—стр. 60.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ —стр. 203, 204, 205, 206, 207, 211, 212, 213, 214, 215.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ —стр. 203, 204, 207, 210, 211, 212, 213.
Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ—203, 211, 212.
Тутолмина—стр. 310.
Тутолминъ—стр. 472.
Тутолминъ, Тимофей Ивановичъ, —стр. 229, 230, 233, 234, 235,
Тухачевскій, Ѳедоръ Петровичъ, надворн. совѣтн.—550.
Тьерри, писатель — стр. 203, 216.

У.

Уварова, Александра Сергѣевна, княгиня—стр. 147.
Уварова, Елизавета Сергѣевна, княжна—стр. 146.
Уварова, Екатерина Алексѣевна, графиня—стр. 110, 145, 147.
Уварова, Екатерина Васильевна, графиня—стр. 112.
Уварова, Прасковья Алексѣевна, графиня—стр. 147.
Уваровъ, Алексѣй Алексѣевичъ, графъ—стр. 147.
Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, графъ—стр. 19, 90, 91, 99, 100, 101, 121, 146, 517.
Уваровъ, Игорь Алексѣев., гр. — стр. 147.
Уваровъ, Сергѣй Алексѣев., гр — стр. 147.
Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, министръ народ. просв.—стр. 100, 121, 140, 145, 159, 202, 231, 334, 335, 397, 443, 487, 489.
Уваровъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, графъ—стр. 147.
Уваровы - стр. 111, 140.
Удовикъ, Дарья Ивановна—стр. 222.
Удовикъ, Василій Герасимовичъ, надв. совѣт.—стр. 222.
Урусова, Екатерина Павловна, княжна—стр. 147.
Урусовъ, Александръ Павловичъ, князь—стр. 147.
Урусовъ, Владиміръ Павловичъ, князь—стр. 147.
Урусовъ, Георгій Павловичъ, кн.—стр. 147.
Урусовъ, Левъ Павловичъ, кн.—стр. 147.
Урусовъ, Николай Павловичъ, князь, стр. 147.
Урусовъ, Павелъ Александровичъ, князь, стр. 147.
Ушакова, Софья Степановна. См. Разумовская.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, стр. 441, 442, 552.
Ушаковъ, Степанъ Ѳедоровичъ, стр. 148.

Ф.

Фази, часовщикъ, стр. 40.
Фаллу-де, графъ, стр. 68.
Фалѣевъ, домовладѣлецъ, стр. 298.
Фарнабазъ, стр. 269, 270.
Фенелонъ—стр. 258, 271, 275.
Ферапонтовъ, стр. 369.
Ферранъ, историкъ, стр. 260.
Ферри, писатель, стр. 981.
Феслеръ, профессоръ, стр. 47, 332, 338, 341, 349, 379, 431, 488, 489, 490, 491, 492, 501, 513, 521.
Фитгеръ, словолитный мастеръ, стр. 489.
Фитингофъ, баронесса, стр. 147.
Фитингофъ, баронъ, стр. 335.
Фитингофы, стр. 118.
Фишеръ, садовникъ, стр. 91.
Фишеръ, Федоръ Богдановичъ, ботаникъ, стр. 43.
Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Григорій Ивановичъ, профессоръ, стр. 162, 227, 331, 334, 365, 373, 396.
Францовъ, капитанъ, стр. 126.
Фра-Паоло Сарпи, стр. 272.
Фридрихъ II, король, стр. 270, 273.
Фридрихъ - Вильгельмъ, король, стр. 163, 164, 509, 521, 522.
Фроловъ, Иванъ Михайловичъ, стр. 395, 456, 517.
Фуртонъ, стр. 554.
Фуссъ, стр. 63.
Фюро (Fureau), стр. 20.
Фюсленъ—стр. 218, 219.

Х.

Ханенко, стр. 385, 386.
Хвостова, Александра Петровна, стр. 197.
Хирамъ, стр. 513.
Хераскова, стр. 197.
Херасковъ, М. М., писатель, стр. 64, 359.

Сталь, де (de Staël), писательница —стр. 42, 157, 300.
Степановъ—стр. 494.
Стефани, профессоръ—стр. 43.
Страховъ, П. И., профессоръ—стр. 51, 291, 311, 480, 504, 515, 519, 520.
Строгановъ, П. А., графъ—стр. 56, 57, 59, 61, 62, 63.
Строгановъ, С. Г., графъ — стр. 145, 169.
Строгановы—стр. 79.
Стройновскій, Валеріанъ, писатель—стр. 363, 364, 369, 379, 396.
Суворова-Рымникская, Елизавета Ивановна, княгиня—стр. 146.
Суворовъ, Аркадій Александров., князь—стр. 494.
Суворовъ, Прохоръ Игнатьевичъ, профессоръ—стр. 290, 295, 302, 306, 307, 371, 372, 411, 417, 418.
Суворовъ-Рымникскій—стр. 153.
Сумароковъ, писатель—стр. 165, 359.
Сухомлиновъ, академикъ — стр. 63, 64, 93, 96, 105, 178, 179.
Сушковъ—стр. 154.
Сущовъ—стр. 291, 354, 373, 423.
Сыровъ, Иванъ Ивановъ, лакей—стр. 116, 117, 118.
Сысоевъ, Петръ Андреев., коллеж. совѣт.—стр. 548.
Сюарезъ, іезуитъ—стр. 278.

Т.

Тамара, Василій Степановичъ — стр. 49, 129, 133, 448, 488.
Тамерланъ—стр. 387.
Тарантъ-де, принцесса—стр. 16, 67.
Татаринова—стр. 67.
Татищевъ, историкъ — стр. 348, 448.
Таубертъ—стр. 1, 3, 4, 5, 6, 9, 11.
Таушеръ, писатель—стр. 43, 372, 373.
Тепловъ, Алексѣй Григорьевичъ—стр. 49.
Тепловъ, Григорій Николаевичъ—стр. 1, 2, 3, 5, 7, 26.
Теренцій, древне-римскій писатель—стр. 5.
Тимковскій, Романъ Ѳедоровичъ, профессоръ—стр. 318, 322, 330, 414.
Тимоновъ—стр. 319, 320, 321.
Тимофей—стр. 555.
Титовъ, Петръ Алексѣевичъ, секундъ-маіоръ—стр. 550.
Толстая, Анна Алексѣевна—стр. 113.
Толстой, Алексѣй Константинов., писатель—стр. 113.
Толстой, А. Н., графъ—стр. 79.
Толстой, Константинъ Петровичъ, графъ—стр. 113.
Толстые—стр. 79.
Томсонъ, англійскій поэтъ—стр. 132.
Тормазовъ, Александръ, графъ—96, 163, 431, 434.
Трейтлингеръ профессоръ—стр. 10.
Тримонъ, лордъ — стр. 279.
Трощинскій, Д. П. — стр. 56, 191.
Трубецкой, Дмитрій Юрьевичъ. князь—стр. 498, 549.
Тургеневъ, писатель—стр. 60.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ —стр. 203, 204, 205, 206, 207, 211, 212, 213, 214, 215.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ —стр. 203, 204, 207, 210, 211, 212, 213.
Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ—203, 211, 212.
Тутолмина—стр. 310.
Тутолминъ—стр. 472.
Тутолминъ, Тимофей Ивановичъ. —стр. 229, 230, 233, 234, 235.
Тухачевскій, Ѳедоръ Петровичъ, надворн. совѣтн.—550.
Тьерри, писатель — стр. 203, 216.

У.

Уварова, Александра Сергѣевна, княгиня—стр. 147.
Уварова, Елизавета Сергѣевна, княжна—стр. 146.
Уварова, Екатерина Алексѣевна, графиня—стр. 110, 145, 147.
Уварова, Екатерина Васильевна, графиня—стр. 112.
Уварова, Прасковья Алексѣевна, графиня—стр. 147.
Уваровъ, Алексѣй Алексѣевичъ, графъ—стр. 147.
Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, графъ—стр. 19, 90, 91, 99, 100, 101, 121, 146, 517.
Уваровъ, Игорь Алексѣев., гр. — стр. 147.
Уваровъ, Сергѣй Алексѣев., гр — стр. 147.
Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, министръ народ. просв.—стр. 100, 121, 140, 145, 159, 202, 231, 334, 335, 397, 443, 487, 489.
Уваровъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, графъ—стр. 147.
Уваровы - стр. 111, 140.
Удовикъ, Дарья Ивановна—стр. 222.
Удовикъ, Василій Герасимовичъ, надв. совѣт.—стр. 222.
Урусова, Екатерина Павловна, княжна—стр. 147.
Урусовъ, Александръ Павловичъ, князь—стр. 147.
Урусовъ, Владиміръ Павловичъ, князь—стр. 147.
Урусовъ, Георгій Павловичъ, кн.—стр. 147.
Урусовъ, Левъ Павловичъ, кн.—стр. 147.
Урусовъ, Николай Павловичъ, князь, стр. 147.
Урусовъ, Павелъ Александровичъ, князь, стр. 147.
Ушакова, Софья Степановна. См. Разумовская.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, стр. 441, 442, 552.
Ушаковъ, Степанъ Ѳедоровичъ, стр. 148.

Ф.

Фази, часовщикъ, стр. 40.
Фаллу-де, графъ, стр. 68.
Фалѣевъ, домовладѣлецъ, стр. 298.
Фарнабазъ, стр. 269, 270.
Фенелонъ—стр. 258, 271, 275.
Ферапонтовъ, стр. 369.
Ферранъ, историкъ, стр. 260.
Ферри, писатель, стр. 981.
Феслеръ, профессоръ, стр. 47, 332, 338, 341, 349, 379, 431, 488, 489, 490, 491, 492, 501, 513, 521.
Фитгеръ, словолитный мастеръ, стр. 489.
Фитингофъ, баронесса, стр. 147.
Фитингофъ, баронъ, стр. 335.
Фитингофы, стр. 118.
Фишеръ, садовникъ, стр. 91.
Фишеръ, Федоръ Богдановичъ, ботаникъ, стр. 43.
Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, Григорій Ивановичъ, профессоръ, стр. 162, 227, 331, 334, 365, 373, 396.
Францовъ, капитанъ, стр. 126.
Фра-Паоло Сарпи, стр. 272.
Фридрихъ II, король, стр. 270, 273.
Фридрихъ - Вильгельмъ, король, стр. 163, 164, 509, 521, 522.
Фроловъ, Иванъ Михайловичъ, стр. 395, 456, 517.
Фуртонъ, стр. 554.
Фуссъ, стр. 63.
Фюро (Fureau), стр. 20.
Фюсленъ—стр. 218, 219.

Х.

Ханенко, стр. 385, 386.
Хвостова, Александра Петровна, стр. 197.
Хирамъ, стр. 513.
Хераскова, стр. 197.
Херасковъ, М. М., писатель, стр. 64, 359.

Хитрово, стр. 49.
Храповицкій, Иванъ Юрьевичъ, капитанъ, стр. 550.
Хлапонинъ, купецъ, 403.

Ц.

Цедергольмъ, Н. К., докторъ, стр. 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134.
Цельзій, стр. 252.
Цемшъ, стр. 445.
Цейхеръ, докторъ, стр. 173.
Цицеронъ, стр. 249, 258, 259
Циціановъ, Дмитрій Павловичъ, князь, стр. 549.
Циціановъ, Михаилъ Дмитріевичъ, князь, стр. 338.
Цуриковъ, Николай Лаврентьевичъ, надворн. совѣт., стр. 550.

Ч.

Чарторижская, Софья Степановна. См. Разумовская.
Чарторижскій, Адамъ, князь, стр. 54, 56, 59, 79, 80, 82, 124, 363, 396.
Чацкій, основ. кременецкаго лицея, стр. 94.
Чеботаревъ, Андрей Харитоновичъ, профессоръ, стр. 304, 329, 342, 343, 367, 369, 374, 376, 381, 383, 418, 498, 500.
Чеботаревъ, Харитонъ Андреевичъ, ректоръ, стр. 291, 327.
Чекалевскій, стр. 106, 107.
Черкасовъ, Терентій Ивановичъ, коллеж. совѣтн. стр. 551..
Черкасскій, Алексѣй Михайловичъ князь—стр. 24, 118.
Черкасскій, Михаилъ Петровичъ, князь—стр. 549.
Чернышева, Наталья Петровна, см. Голицына—стр. 156.
Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ, графъ—стр. 78.
Чернышевъ, Иванъ Григорьевичъ, графъ—стр. 14, 37, 39, 46, 49.
Четвертинская, княжна—стр. 150.
Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, адмиралъ—стр. 208, 382 517.
Чоппе (Tschoppe), издатель—стр. 175.

Ш.

Ш.—стр. 101.
Шаблыгинъ, домовлад.—стр. 153.
Шадъ, профессоръ—стр. 99.
Шаль, гувернеръ—стр. 118.
Шапъ, писатель—стр. 326.
Шатихинъ, Иванъ Игнатьевичъ, прапорщикъ—стр 549.
Шатобріанъ—стр. 403.
Шаховская, княгиня—стр. 196.
Шаховской, Алексѣй Никитичъ, князь—549.
Шаликовъ, князь, писатель—стр. 288, 396.
Шведенборгъ, писатель—стр. 454.
Шевыревъ, профессоръ—стр. 48, 64, 92.
Шенкъ-де-Кастель, Терезія-Елизавета, баронесса—стр. 186, 190, 196.
Шепелевъ, домовладѣлецъ — стр. 91.
Шепфлинъ (Schoepflin), Іоганнъ-Даніилъ, историкъ — стр. 10, 11, 15.
Шереметева, Анна Петровна, графиня—стр. 24.
Шереметева, Варвара Алексѣевна, графиня — стр. 24, 538, 542, 543, 545, 547.
Шереметева, Варвара Петровна, графиня. См Разумовская.
Шереметева, Е. В.—стр. 118.
Шереметевъ, Борисъ Петровичъ, графъ—стр. 24, 119, 121, 122.
Шереметевъ, Василій Сергѣевичъ, графъ—стр. 549.
Шереметевъ, Николай Владиміровичъ, графъ—стр. 548.

Шереметевъ, Николай Петровичъ, графъ—стр. 9, 41, 42, 127, 114, 115, 116, 142.
Шереметевъ, Петръ Борисовичъ, графъ—стр. 24, 31, 537, 547, 543.
Шереметевъ, С. Д., графъ—стр. 42, 48, 115, 537.
Шишацкій—стр. 235.
Шишковъ, адмиралъ — стр. 96, 291, 326.
Шлецеръ, Августъ Людвигъ, историкъ—стр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 15, 118, 347, 352, 353, 354.
Шломфъ (Schlomff)—стр. 555.
Шмицъ, докторъ—стр. 295, 303.
Шоппе (Tschoppe), писатель—стр. 177.
Шотъ—стр. 168.
Шредеръ, учитель—стр. 47.
Шпильманъ, Яковъ-Рейнгольдъ, профессоръ—стр. 10, 11.
Штакельбергъ, графъ—стр. 39.
Штейнгель, стр. 119.
Штейнъ, баронъ—стр. 43, 100, 101, 157.
Штельцеръ, Христіанъ-Юлій-Людвигъ, профессоръ—стр. 386, 391, 392, 405, 418, 420, 421, 431, 443, 447.
Штилингъ—стр. 102, 459.
Шуазель—стр. 67, 271, 554.
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ—стр. 11, 12, 13, 22, 30, 34.
Шуваловы—стр. 79.
Шюцъ, баронъ—стр. 118, 119.

Щ.

Щербатова, кн.—стр. 186, 189.
Щербатова, Прасковья Сергѣевна, княгиня—стр. 146. См. Уварова, графиня.
Щербатовъ, Александръ Петровичъ, князь—стр. 549.
Щербатовы,—стр. 34, 348.
Щукина, Александра Григорьевна —стр. 158.
Щукинъ, Дмитрій Ѳедоровичъ—стр. 159.

Э.

Эйлеръ, секретарь академіи—стр. 179.
Эпинусъ, математикъ—стр. 8.

Ю.

Юсуповъ, князь—стр. 40, 163.
Юшковъ, Иванъ Ивановичъ, тайн. сов.—стр. 550.

Я.

Яблоновскій, князь—стр. 93.
Языкова—стр. 197, 198.
Яковкинъ, профессоръ—стр. 525, 526.
Янковичъ-де-Миріево—стр. 63.
Янковскій, Осипъ, смотритель двора—стр. 444.
Янышерловъ, Алексѣй Алексѣевичъ—стр. 469, 475.
Янъ-Казиміръ, Польскій король—стр. 111.

Ѳ.

Ѳ-нъ, масонъ—стр. 451, 454, 460, 465, 466, 471, 473, 474, 477, 478, 479, 483, 485, 497, 499, 502, 512.

Stanford University Libraries
3 6105 013 552 471

2 Tom
6
DK
37.8
R3V3
V.2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SPRING 1979

DEC 19 19..